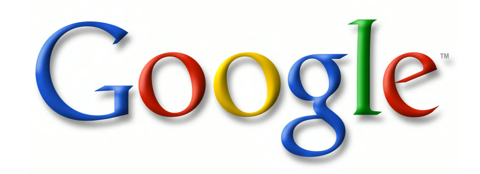

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

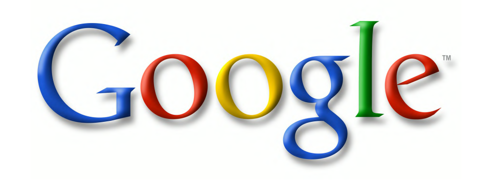
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ирииадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

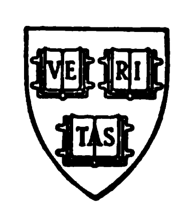
Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

Soc 3985.151

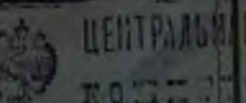
HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

LSoc 3985.151

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ТОМЪ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ

4927.149

5 1939

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

БИБЛІОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНАГО СТАТИСТИЧ. КОМИТЕТА МИНИСТР. 10 ИЮЛЬ 89 ВНУТР. Д.
Шкафъ 96. Полка 4.
Инв. № 16955. № 1.

ТОМЪ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ

изданный подъ редакціею орд. проф. А. А. Кочубинскаго

102170

ОДЕССА
Типографія «Одесскаго Вѣстника», Екатерининская улица, домъ Бубы
1889

4927.4

51939

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

БИБЛІОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНАГО СТАТИСТИЧ. КОМИТЕТА МИНИСТР. ВНУТР. Д.
10 ИЮЛЬ 89
Шкафъ 96. Полка 4.
Инв. № 16955. № 1.

ТОМЪ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ

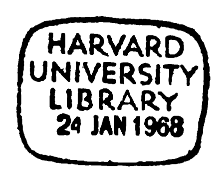
изданный подъ редакціею орд. проф. А. А. Кочубинскаго

102170

ОДЕССА
Типографія «Одесскаго Вѣстника», Екатерининская улица, домъ Бубы
1889

L Soc 3985.151 (49)

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго университета. Ректоръ *С. П. Ярошенко.*

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть оффиціальная.

DELECTUS SEMINUM

in Horto Botanico Universitatis Cæsareae Novae Rossiae

anno 1888 collectorum.

Gymnospermae.

Coniferae.

Abies balsamea Mill l.
Cupressus pyramidalis Targ l.
Thuya orientalis L. l.

Monocotyleae.

Liliiflorae.

Liliaceæ.

Allium ceratophyllum Bess. p.
— controversum Schrad. p.
— Porrum L. p.
Bulbine semibarbata Spr. a.
Yucca aloifolia L. l.

Amaryllidaceæ.

Agave americana L. l.

Enantioblastae.

Commelinaceæ.

Commelina clandestina Mart. p.
Tradescantia erecta L. a.
— subaspera Ker. p.
— undata H. B. a.

Spadiciflorae.

Palmæ.

Chamaerops humilis L. l.

Araceæ.

Amorphophallus Rivieri Durieu. p.

Glumiflorae.

Cyperaceæ.

Cyperus esculentus L. p.
— glomeratus L. p.

Gramineæ.

Aegilops Aucheri Boiss. a.
— squarrosa L. a.
Alopecurus arundinaceus Poirr. p.
Andropogon campanus P. A. W. p.
— niger Knth. a.
— Sorghuun Brot. a.
Avena orientalis L. a.
Briza maxima L. a.
— media L. a.
Bromus arduannensis Knth. a. b.
— erectus Huds. p.
— inermis L. p.
— parviflorus Desf. a.
— Schraderi Knth. a. b.
— unioloides H. & B. p.
Chloris barbata Sw. a,
Coix exaltata Jacq. a.
— Lacryma L. a.
Dactylis glomerata L. p.
Diarrhena americana Beauv. p.
Echinochloa Cienkowskii Schlcht. a.

Eragrostis abyssinica Link. a.
— poaeoides Beauv. a.
— pilosa Beauv. a.
— Purshii Hort. & Schad. a.
Festuca arundinacea Liljeb. p.
Holcus lanatus L. p.
Hordeum distichum Beauv. a.
v. erectum.
— jubatum Loisl. a.
Imperata sacharifera Maxim. p.
Lamarckia aureae Moench a.
Lolium arvense With. a.
Panicum capillare L. a.
— macrostachyum Nees. a.
— miliaceum L. a.
Paspalum elegans Flüg. p.
— stoloniferum Bosc. a.
Penicillaria spicatum Delil. a.
Pennisetum longistylum Hochst. a.
Phalaris canariensis Brot. a.
Poa nemoralis Heyn. a.
Sorghum halepense Pers. p.
— saccharatum Moench & Pers. a.
Stipa altaica Trin. p.
— capillata L. p.
— pennata L. p.
Triticum aegiptiacum Hort. a.
— flabellatum Tausch. b.
— Hisbu Parl. v. montanum a.
— polonicum L. a.
Vulpia geniculata Link. a.
— Myurus Pmel. a. b.
Xerotes rigida R. Br. p.
Zea foveolata Hort a.
— Mays L. v. novaeboracensis. a.
— — — minima a.

Dicotyleae.

Urticinae.

Urticaceæ.

Broussonetia papyrifera Vent. l.
Forskohlea angustifolia Retz. a.
Parietaria officinalis L. p.
Urtica Dodartii L. a.
— magellanica Poir. p.
— palmata Forsk. p.
— pentandra Roxb. & Fisch. p.

Cannabineæ.

Cannabis chinensis Delil a.
— indica Lam. a.

Platanaceæ.

Platanus occidentalis L. l.

Centrospermæ

Polygonaceæ.

Emex Centropodium Meissn. a.
— spinosa Cambess. a.
Fagopyrum tataricum Gaert. a.
Polygonum Bistorta L. p.
Rumex bucephalophorus L. a.
— conglomeratus. Roth. p.
— longifolius H. B. p.
— purpureus Poir. p.
— salicifolius Weinm. p.

Chenopodiaceæ.

Beta orientalis Heyn. & Roth. b.
Blitum bonus Henricus G. A. Mey p.
Chenopodium graveolens Willd. a.
— Quinoa Willd. a.
— urbicum L. a.
Corispermum hyssopifolium L. a.
Hablitzia tamnoides MB. p.
Kochia scoparia Schrad. a.
Obione sibirica Ait. a.
Salsola crassa Bbrst. a.
— Kali L. a.
— Soda L. a.
Teloxis aristata Moq. a.

Amarantaceæ.

Amarantus atropurpureus Roxb. a.
— giganteus Dietr. a.
Alternanthera procumbens R. S.
Chamissoa pyramidalis Maq. a.
Gomphrena decumbens Iacq. a.
— globosa L. a.
Mogiphanes brasiliensis Mart. p.
Telanthera paronychioides Moq. a.

Phytolaccaceæ.

Phytolacca decandra L. p.
— longispica Moq. p.
— octandra L. p.
— purpurascens A. Br. p.

Nyctaginaceæ.

Mirabilis Yalapa L. p.
— longiflora L. p.
Oxybaphus Cervantesii Lagas. p.
— floribundus Choiss. p.
— glabrifolius Vahl. p.
— nyctaginea Sweet. p.
— viscosus Herit. p.

Caryophyllaceæ.

Agrostemma bicolor H. Cracc. a.
Dianthus chinensis L. a.
— plumarius L. p.
— prolifer L. a.
Melandryum pratense Roel. a.
— sylvestre Roel. p.
Minuartia dichotoma L. a.
Saponaria orientalis L. a.
Spergula sativa Boen.
Silene Drumondii Hook a.
— inflata Smith. p.
— italica Pers. p.
— muscipula L. a.
— pendula L. a.
— saponariaefolia Schott a
— vespertina Retz. a.
Tunica prolifera Scop. a.
Vaccaria vulgaris Host. a.

Polycarpiceae.

Berberidaceæ.

Leontice altaica Pall. p.

Ranunculaceæ.

Adonis aestivalis Bbrst.
Anemone mexicana H. B. p.
Aquilegia chrysantha A. Gr. p.
— vulgaris L. p.
Delphinium Consolida L. a.
Nigella damascena L. a.
— oryentalis L. a.
— sativa L. a.
Ranunculus aconitifolius L. p.
— arvensis L. a.
— bulbosus L. p.
Trollius europaeus L. p.

Rhoeadinae.

Papaveraceæ.

Argemone mexicana L. p.
Macleya cordata R. Br. p.
Meconopsis cambrica Vig. p.
Papaver spicatum Boiss. p.

Fumariaceæ.

Corydalis glauca Pursch. p.
Fumaria agrania Lag. a.
Hypecoum procumbens L. a.

Cruciferæ.

Alyssum edentulum W. R. b.
Barbarea arcuata Rchbch p.
— orthoceras Ledeb. p.
Biscutella laevigata L. p.
Brassica Besseriana Andrz. a.
— lanceolata Lge. a.
Bunias macroptera Rchbch. a.
— orientalis L. p.
Crambe hispanica L. a.
Hesperis matronalis L. p.
Iberis taurica DC. a.
Isatis tinctoria L. b.
Lepidium pinnatifidum Desf. p.
Raphanus caudatus L. a.

Capparidaceæ.

Capparis herbacea Willd. l.

Cistiflorae.

Resedaceæ.

Reseda abyssinica Fresen.
— canescens L.

Reseda crystallina Webb. b.
— mediterranea L. a.
— Phyteuma L. a.

Hypericaceae.

Hypericum elatum Ait. l.

Tamaricaceae.

Tamarix tetrandra Pall. l.

Columniferae.

Malvaceae.

Abutilon Avicennae Gaerdt a.
Althaea officinalis L. p.
Anoda cristata Schlcht. a.
— hastata Cav. a.
— Wrightii A. Gray. a.
Hibiscus syriacus L. l.
— Trionum L. a.
Kitaibelia vitifolia Willd. p.
Lavatera punctata All. a.
— trimestris L. a.
Gossypium herbaceum L. a. b.
Malachra alceaefolia Iacq. a.
— radiata L a.
Malva mauritanica Spr. a.
— pulchella Brnch. a.
— rotundifolia L. a.
Sida rhombifolia L. l.

Gruinales.

Geraniaceae.

Erodium gruinum Willd. a.
— moschatum Willd. a.
Geranium dissectum. L. a.
— divaricatum Ehrh.
Pelargonium australe Iacq. p.

Tropaeolaceae.

Tropaeolum coccineum Miers. p.
— Lobbianum Hook. a.
— minus L. a.

Oxalidaceae.

Oxalis corniculata L. a. v. atropurpurea
— lasyandra Zucc. p.
— Valdiviensis Barnd. p.

Linaceae.

Linum alpinum L. p.
— altaicum Fisch. p.
— arboreum L. p.
— austriacum L. p.
— flavum L. p.
— grandiflorum Desf. p.
— humile Mill. a.
— monadelphum Mart a.
— nervosum W. K.
— perenne L. p.
— usitatissimum L. a.

Terebinthinae.

Rutaceae.

Ruta bracteosa Dec. b.
— graveolens L. l.

Zygophyllaceae.

Zygophyllum Fabago L p.

Aesculinae.

Sapindaceae.

Koelreuteria paniculata Laxm. l.

Tricoccae.

Euphorbiaceae.

Euphorbia graveolens.
— heterophylla L. l.
— Ipecachuanacha L. p.
— Lagascae Spr. b.
— Lathyris L. b.
— Peplis L. a.
— pilosa L. p.
— pubescens Wahl. p.
— segetalis L. a

Mercurialis ambigua L. f. a.
annua L. a.
Ricinus africanus Mill & Willd.
communis L. a.
— elegantissimus.
— Gibsonii Veitch.
— inermis Iacq. a.
— macrocephalus.
— metallicus Hort a.
— purpureus.
— sanquineus Hort. a.
— undulatus Hort. a.

Umbelliflorae.

Umbelliferæ.

Agasyllis caucasica Spr. p.
Anethum graveolens L. a.
Conium maculatum L. b.
Didiscus coeruleus Hook. a.
Eryngium rigidum Lam. p.
Foeniculum vulgare Gaert. b.
Pimpinella Anisum L. a
Scandix affinis.
— Balansae Boiss. a.
— Pecten-Veneris L. a.

Araliaceæ.

Aralia Sieboldii Hort. l.

Opuntinae.

Cactaceæ.

Opuntia Dillennii DC. l.

Passiflorinae.

Loasaceæ.

Loasa bryoniaefolia Schrad. a
— vulcanica Andre a.
Mentzelia ornata A. Gr. a.
— Wrighti A. Gr a.

Myrtiflorae.

Onagraceæ.

Clarkia elegans Dougl. a.
Clarkia pulchella Gursch. a.
Loperia coronata Andr. a.
Oenothera crocata.
— Drumondii Hook.
— nocturna Iacq. a.
— pumila L. p
— purpurea Curf. a.

Lithraceæ.

Cuphea Zimmapani Hort. a.

Rosiflorae.

Rosaceæ.

Margyricarpus setosus R. P. p.
Potentilla multifida L. p.
— recta L
v. obscura p.
Polerium Sanquisorba L. p.
Rubus fruticosus L. l.
Sanquisorba alpina Bunge. Ledeb. p
Spiraea ariaefolia Sm. l
— Bethlehemensis rubra Hort. p.
— Callosa Thunb. l.

Leguminosae.

Papilionaceæ.

Astrahalus glyciphylloides DC. p.
— hamosus L. a.
Bonaveria securidacea Scop. a.
Cicer arietinum L. a.
Crotalaria incana L. a.
Cytisus Alschingeri Vis. l.
— Laburnum L. l.
— — v. Adamii l.
— quercifolius Hort. l.
Dalea alopecuroides Willd. a.
Desmodium canadense DC. l.
- viridiflorum DC. l.
Dolichos armatus Wall. a.
— Catjang. L. a.
— ornatus Wall. a.
Ervum Ervilla L. a.
— Lens L. a.
— — v. nigra a.

Galega officinalis L. p.
Glycine chinensis Sims l.
Lablab vulgaris Savi a.
Lathyrus Cicera L. a.
— Clymenum L. a.
— odoratus L. a.
Lupinus lutens L. a.
— varius L. a.
Medicago agrestis Tenor a.
— caspica Fisch. Iocq. a.
— confinus Koch. a.
— tuberculata Willd. a.
Melilotus ruthenica Bbrst. a.
Ononis Natrix L. p.
Phaseolus aconitifolius L. f. a.
— gonospermus Savi. a.
— multiflorum Lam. a.
Pisum abyssinicum R. Br. a.
— arvense L. a.
— granulatum Lloyd. a.
Robin.a Pseudoacacia L. l.
Scorpiurus muricata L. a.
Securigera coronilla DC. a.
Soja hispida Moench. a.
Tetragonolobus purpureus Moench. a.
Trifolium glomeratum L. a.
Trigonella coerulea Sering. a.
— Foenum graecum L. a.
Vicia angustifolia Roth. a.
— narbonensis L. a.

Contortae.

Oleaceæ.

Ligustrum vulgare L. v. foliosum b.

Asclepiadaceæ.

Asclepias amœna L. p.
— incarnata L. p.
— tuberosa L. p.
Cynanchum Vincetoxicum Pers.

Tubifloræ.

Convalvulaceæ.

Convolvulus pentapetaloides L. a.
Convolvulus Scamonia L. a.
Evolvulus emarginatus Burm. Lof. a.
— linifolius L. p.
Ipomœa atropurpurea Chois. a.
Quamoclit luteola Don. a.

Asperifolieæ.

Anchusa azurea Mill. p.!
— italica Retz. l.
— officinalis L. d.
Cynoglossum officinale L. b.
Echinospermum deflexum Lehm.
Heliotropium europæum L. a.
Myosotis palustris With. p.
Omphalodes linifolia Mœnch. a.
Symphytum echinatum Ledeb. p.

Solanaceæ.

Anisodus luridus Link. p.
Capsicum annuum L. a.
— longum L. a.
Datura Metel L. a.
Hyoscyamus canariensis Ker. a.
Lycopersicum esculentum Mill. v. malyforme a.
— esculentum L. v. pyriforme.
— racemigerum a.
Nicandra physaloides Gaert. a.
— violaceæ H. Berol. a.
Nicotiana acuminata Grach. a.
— glutinosa L. a.
— longiflora Cav. a.
— rustica L. a.
Petunia argentea Hort. a.
— compacta Hort. a.
Physalis Alkekingi L. p.
— arborea Thumb. l.
— chenopodifolia Willd.
— curassavica L. l.
— peruviana L. p.
Saracha Jaltomata Sehlcht. a.
Solanum Melongena L. a.
— miniatum Bernh. a.
— nigrum L. a.

Labiatiflorae.

Scrophulariaceæ.

Antirrhinum majus L. p.
Linaria genistæfolia Mill. p.
— origanifolia.
— vulgaris Mill. p.
Scrophularia nodosa L. p.
Veronica Chamædris L. p.
— latifolia L. p.
— Lindleyana Wall. l.

Labiatæ.

Ballota lanata L. p.
— nigra L. p.
Calaminta Nepeta Link. & Pursch. p.
— officinalis Moench. p.
Dracocephalum Moldavica L. a.
Hyssopus officinalis L. l.
Leonurus Cardiaca L. p.
— sibiricus L. a.
Lophanthus anisatus Benth. l.
Marrubium candidissimum L. p.
Molucella laevis L.
Nepeta grandiflora Bbrst. p.
Ocimum basilicum L. a.
Perilla nankinensis.
Salvia coccinea L. p.
— gigantea Desf. p.
— officinalis L. l.
Satureja hortensis L. a.
Scutellaria altissima L. p.
Stachys alpina L. p.

Acanthaceæ.

Thunbergia reticulata Hochst. a.

Verbenaceæ.

Verbena Aubletia L. a.
— Chamædrifolia Juss. p.
— officinalis L. p.

Plantagineæ.

Plantago Coronopus L. a.
— Cynops L. l.
Plantago Lagopus L. p.
— Oreades Dsne. p.
— subulata L. p.

Campanulinae.

Campanulaceæ.

Campanula pyramidalis L. p.
Specularia falcata Dec. a.

Lobeliaceæ.

Lobelia Erinus L. a.
— ramosa Benth. a.
— urens L. a.

Cucurbitaceæ.

Citrullus Colocinthis Schrad. a.
Cucumis Anguria L. a.
Cucumis Dudaim. L. a.
Cucurbita subverrucosa Willd. a.
turbaniformis Pursch. a.
Cyclantera pedata Schrad. a.
Lagenaria vulgaris Ser. a.
— — v. blattata a.
— — — depressa a.
Momordica Charantia L. a
Muchia maderaspathana H. Vind. a.

Rubiinae.

Rubiaceæ

Asperula azurea Jaub. & Spach.
Galium aristatum L. p.
Scherardia arvensis L. p.
Vaillantia hispida L. a.

Caprifoliaceæ.

Lonicera Caprifolium L. l.
— tatarica L. l.

Aggregatae.

Dipsaceæ.

Knautia orientalis L. a.
Scabiosa Columbaria L. p.

Compositæ.

Achillea alpina L. p.
— oderata Roth. p.
Acroclinium roseum Hook a.
Ammobium alatum R. Br.
Anacyclus officinarum Hayne.
Anthemis tinctoria L. p.
— Triumfetti D. C. p.
Artemisia Abrotanum L. l.
— Absinthium L. p
Bidens pilosus L. a.
— Warszewiczii Rgl. a.
Centaurea Cyanus L. a.
— glastifolia L. p.
— ruthenica Lam. p.
— salicifolia Bbrst. p.
Chamæmelum inodorum Vis. a. b.
Cnicus benedictus Gaert. a.
Cotonanche coerulea L. b. p.
Cotula coronopiifolia L. a.
Crepis alpina L. a.
Dimorphoteca annua Less. a.
— pluvialis Mœnch. a.
Emilia sagittata Dec. a.
Eupatorium ageratoides L. p.
Kentrophyllum lanatum D. C. a.
Lactuca Scariola L. a.
Madaria elegans D. C. a.
Onopordon arabicum L. b.
Palafoxia texana D. C. a.
Sanvitalia procumbens Lam. a.
Silybum marjanum Gaert. a.
Spilanthes oleracea L. a.
Tyrymnus leucographus Cas. a.
Urospermum Dalechampii Desf. b.
Zinnia verticillata Andr. a.

Prof. Dr. L. Rischavi,
horti director.

V. Parzych,
hortulanus primarius.

Odessae,
m. Decemb. 1888.

«Утверждаю». 21 Декабря 1888 года.
Министръ Народнаго Просвѣщенія,
Статсъ-Секретарь Графъ *Деляновъ*.

УСТАВЪ

Историко-филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ.

Общія положенія.

§ 1. Цѣль Общества — способствовать учеными трудами, собраніями и изданіями развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній.

§ 2. Для достиженія указанной цѣли Общество устраиваетъ частныя и публичныя засѣданія, входитъ въ сношенія съ русскими и иностранными учеными учрежденіями, заботится о пріобрѣтеніи рукописей или ихъ копій, спеціальныхъ изданій и предметовъ, снаряжаетъ ученыя экскурсіи для собиранія памятниковъ и издаетъ свои Труды и Протоколы засѣданій.

Примѣчаніе. Археологическіе и этнографическіе предметы поступаютъ въ Музей изящныхъ искусствъ; рукописи же и изданія остаются въ вѣдѣніи Общества и составляютъ его библіотеку, которая находится въ помѣщеніи Общества и состоитъ въ завѣдываніи Товарища Предсѣдателя Общества.

§ 3. Общество имѣетъ свои засѣданія въ зданіи Новороссійскаго Университета.

§ 4. По мѣрѣ расширенія своей дѣятельности и увеличенія своихъ членовъ Общество можетъ дѣлиться на отдѣленія по предметамъ занятій.

§ 5. Общество состоитъ изъ членовъ учредителей, почетныхъ, дѣйствительныхъ и членовъ-сотрудниковъ.

§ 6. Члены учредители суть наличные преподаватели историко-филологическаго факультета, подписавшіе проэктъ устава.

§ 7. Почетными членами могутъ быть извѣстные ученые и лица, оказавшія особыя услуги Обществу.

§ 8. Дѣйствительными членами могутъ быть, какъ лица, уже извѣстныя своими трудами по наукамъ историческимъ или филологическимъ, такъ и вообще лица съ высшимъ образованіемъ, интерессующіяся указанными науками.

§ 9. Членами-сотрудниками могутъ быть всѣ лица, способныя служить цѣлямъ Общества.

Администрація Общества.

§ 10. Веденіе и направленіе научныхъ занятій и всѣхъ другихъ дѣлъ Общества лежитъ на обязанности Правленія.

§ 11. Правленіе состоитъ изъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя, секретаря, казначея и 2-хъ членовъ. Предсѣдатель, товарищъ его и одинъ изъ членовъ Правленія избираются обязательно изъ преподавателей историко-филологическаго факультета Новороссійскаго Университета. Предсѣдатель, его товарищъ, секретарь и казначей избираются на три года.

§ 12. Предсѣдатель, по мѣрѣ надобности, собираетъ засѣданія Правленія и предсѣдательствуетъ во всѣхъ засѣ-

даніяхъ Общества. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія, онъ передаетъ свои права и обязанности одному изъ членовъ правленія.

§ 13. Секретарь ведетъ протоколы, какъ засѣданій Правленія, такъ и засѣданій Общества, составляетъ годичный отчетъ о дѣятельности Общества, утверждаемый Правленіемъ, и вообще ведетъ всю переписку по дѣламъ Общества.

§ 14. Казначей вѣдаетъ всѣ денежныя дѣла Общества, исполняетъ распоряженія Правленія касательно употребленія денежныхъ средствъ и составляетъ ежегодно, къ годичному собранію Общества, вѣдомость о приходѣ и расходѣ суммъ Общества.

§ 15. Засѣданіе Правленія считается состоявшимся, по крайней мѣрѣ, при наличности предсѣдателя и двухъ членовъ. Дѣла въ немъ рѣшаются по большинству голосовъ; въ случаѣ раздѣленія голосовъ по-ровну, голосъ Предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 16. Правленіе назначаетъ какъ засѣданія Общества, такъ и общія собранія его членовъ и опредѣляетъ программу тѣхъ и другихъ.

§ 17. Въ засѣданіяхъ Общества, которыя бываютъ не менѣе 10 разъ въ годъ, читаются и обсуждаются рефераты и дѣлаются ученыя сообщенія.

§ 18. Общія собранія членовъ Общества бываютъ годичныя и экстренныя. Въ годичномъ собраніи заслушивается и обсуждается отчетъ, составленный секретаремъ и утвержденный Правленіемъ о дѣятельности Общества за минувшій годъ; докладывается составленная казначеемъ вѣдомость о приходѣ и расходѣ въ истекшемъ году суммъ Общества; обсуждается смѣта доходовъ и расходовъ на будущій годъ,

избираются закрытой баллотировкой председатель, товарищъ председателя, секретарь, казначей и члены Правленія; избираются открытою подачею голосовъ или, въ случаѣ желанія кого либо изъ членовъ собранія, баллотировкою въ почетные и дѣйствительные члены Общества лица, представленныя Правленіемъ или по собственному его усмотрѣнію, или по предложенію двухъ членовъ Общества, предварительно внесенному въ Правленіе въ одномъ изъ его обычныхъ засѣданій.

Примѣчаніе 1-е. Члены-сотрудники избираются Правленіемъ въ тѣхъ его засѣданіяхъ, въ которыхъ присутствуетъ не менѣе 5-ти его членовъ. Члены-сотрудники въ общихъ собраніяхъ имѣютъ только совѣщательный голосъ.

Примѣчаніе 2-е. Годичное собраніе считается состоявшимся, если въ немъ присутствуетъ не менѣе $^1/_4$ дѣйствительныхъ членовъ Общества, проживающихъ въ Одессѣ. Въ случаѣ же, если 1-е собраніе не состоялось, Правленіе назначаетъ, не меньше какъ черезъ недѣлю, второе собраніе, которое считается законнымъ, если явится и менѣе $^1/_4$ членовъ Общества.

§ 19. Въ экстренныхъ собраніяхъ, которыя собираются или по постановленію Правленія, или по заявленію не менѣе 20 членовъ Общества, обсуждаются тѣ предпріятія и расходы Общества, которые выходятъ изъ предѣловъ заранѣе утвержденной смѣты. Экстренное собраніе считается состоявшимся, если въ немъ присутствуетъ не менѣе $^1/_4$ дѣйствительныхъ членовъ Общества, проживающихъ въ Одессѣ.

Ученая дѣятельность.

§ 20. Рефераты и сообщенія, читанные въ засѣданіяхъ Общества, а равно и вообще ученые труды членовъ Общества, печатаются, по опредѣленію Правленія, въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій, памятниковъ, монографій и безсрочныхъ сборниковъ. Всѣ изданія Общества, на основаніи пар. 2

лит. б. ст. 1 Указа Правит. Сената 6 Апрѣля 1865 года, могутъ выходить безъ предварительной цензуры.

§ 21. Средства Общества составляются изъ взносовъ членовъ, изъ добровольныхъ пожертвованій, изъ суммы, выручаемой отъ продажи изданій Общества, и изъ сбора за публичныя лекціи, читаемыя въ его пользу и за право входа на публичныя засѣданія его.

Примѣчаніе 1-е. Члены дѣйствительные платятъ по 5 руб. ежегодно; члены-сотрудники, если они не освобождены Правленіемъ, по 3 руб; члены почетные избавлены отъ обязательнаго взноса.

Примѣчаніе 2-е. О днѣ, часѣ, мѣстѣ и составѣ публичныхъ засѣданій заблаговременно извѣщается мѣстная администрація и отвѣтственность за содержаніе реферата въ цензурномъ отношеніи лежитъ на предсѣдателѣ Общества; размѣръ же платы устанавливается Правленіемъ. Всѣ безъ исключенія члены Общества, а также преподаватели Новороссійскаго Университета и студенты его, посѣщающіе публичныя засѣданія по рекомендаціи одного изъ преподавателей Университета и съ разрѣшенія предсѣдателя, имѣютъ на эти засѣданія входъ безплатный.

§ 22. Въ случаѣ закрытія Общества, все его имущество поступаетъ въ собственность Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Подлинный за подписью директора Департамента Народнаго Просвѣщенія В. Аничкова и дѣлопроизводителя А. Камчатова.

С подлиннымъ вѣрно:
секретарь Совѣта *Орловъ.*

Памяти Кларка Максуэлля.

(актовая рѣчь)

Ордин. проф. Н. А. Умова.

Мм. Гг.!

Открытіе неизвѣстныхъ силъ и явленій, раздвигая предѣлы ощущаемаго міра и научнаго мышленія, даетъ намъ и новыя орудія для подчиненія природы. Исторія науки навсегда отмѣтила въ памяти человѣчества имя сына кузнеца, Михаила Фарадэя, дѣятельность котораго въ указанномъ направленіи, по богатству и цѣнности своихъ результатовъ, до сихъ поръ не имѣетъ себѣ равной. Имя Фарадэя извѣстно каждому образованному человѣку; его благословятъ наши отдаленные потомки, когда практическія примѣненія электромагнетизма будутъ удовлетворять самымъ существеннымъ нуждамъ человѣческой жизни.

Задача науки не ограничивается открытіемъ новыхъ явленій и новыхъ силъ. Наука устанавливаетъ связь между явленіями, стоявшими особнякомъ другъ отъ друга, сводя ихъ къ нѣкоторому общему принципу или закону; или же силою своихъ методовъ, этимъ шестымъ чувствомъ человѣка, открываетъ въ природѣ процессы, недоступные нашему непосредственному ощущенію. Хотя работа мысли въ этихъ направленіяхъ и не скоро приводитъ къ практически полезнымъ результатамъ, но ея вліяніе на всю область человѣческаго мышленія можетъ быть настолько могущественнымъ, что имя мыслителя становится гордостью и украшеніемъ человѣчества. Такою славою пользуется Исаакъ Ньютонъ.

16/30

Ученый, памяти котораго посвящена наша бесѣда, связалъ глубиною своей мысли откровенія Фарадэя съ принципами натуральной философіи Ньютона. Кларкъ Максуэллъ (James Clerk Maxwell) родился въ Эдинбургѣ 13-го іюня н. с. 1831 г., и умеръ 48 лѣтъ въ Кэмбриджѣ 5-го ноября н. с. 1879 г.

Излагая и уясняя работы Максуэлля, вращавшіяся часто на границахъ человѣческаго знанія, научная мысль нерѣдко перекрещивается съ внѣнаучнымъ мышленіемъ. Эти перекрестки общеинтересны: съ каждымъ годомъ становится очевиднѣе, что главное русло человѣческой мысли лежитъ въ наукѣ, а потому чувствуется настоятельная потребность въ сопоставленіи нашихъ воззрѣній съ этимъ основнымъ теченіемъ.

Мы опредѣлимъ научное значеніе трудовъ Максуэлля, ознакомившись съ главнѣйшими вопросами, на разработкѣ которыхъ были сосредоточены усилія физическихъ наукъ за послѣднее время. 1) Представленіе о веществѣ, какъ вмѣстилищѣ количества движенія и энергіи. Количество движенія опредѣляется массой и скоростью движущагося тѣла; понятіе объ энергіи достаточно популярно и не требуетъ съ нашей стороны объясненія. Этимъ представленіемъ о веществѣ мы обязаны Галилею и его современникамъ; оно получило свое полное выраженіе въ законахъ движенія, указанныхъ намъ безсмертнымъ Ньютономъ.

Ученіе о равновѣсіи и движеніи тѣлъ достигло такого развитія, что въ связи съ нѣкоторыми опытными законами, даетъ возможность создавать цѣльное механическое воззрѣніе на явленія природы.

Мы наблюдаемъ взаимное тяготѣніе земли и солнца: эти два тѣла находятся на значительномъ разстояніи другъ отъ друга: сила тяготѣнія, обнаруживающаяся между ними, называется силой дѣйствующей на разстояніи или дальнодѣйствующей силой. Вторая задача физики касается вопроса о томъ, слѣдуетъ ли считать такія силы свойствомъ присущимъ веществу, а потому необъяснимымъ? Обращая вниманіе на условность понятія о большомъ, маломъ и безконечномаломъ разстояніи, вопросъ приводится къ болѣе общему: въ какой мѣрѣ вѣрно ходячее представленіе о веществѣ какъ вмѣстилищѣ силы?

Механика разумѣетъ подъ силою причину, измѣняющую движеніе тѣла. Между такимъ опредѣленіемъ силы, имѣющимъ значеніе только символа, и допущеніемъ объективнаго существованія силы, какъ элемента природы, нѣтъ ничего общаго. Подобное допущеніе было бы только гипотезой и притомъ необходимость ея не очевидна. Приложивъ ухо къ телефону, я слышу человѣческую рѣчь: необходимо ли для объясненія этого явленія приписывать телефону даръ слова и мысли? Принимая, что между двумя тѣлами, напримѣръ камнемъ и землей, землей и солнцемъ, нѣтъ третьяго посредствующаго вещества или среды, въ родѣ проволоки, соединяющей телефоны, мы, конечно, должны приписать измѣненіе въ движеніи тѣлъ силамъ, имъ присущимъ, съ которыми одно тѣло дѣйствуетъ на другое. Но предполагая, что между тѣлами, движеніе коихъ измѣняется, находится посредствующая вещественная среда, становится понятнымъ, что движеніе одного тѣла, погруженнаго въ эту среду, будетъ измѣнять движеніе другаго въ нее же погруженнаго; такимъ образомъ окажется излишнимъ одарять силами взаимодѣйствующія тѣла. Представимъ себѣ микроскопическихъ животныхъ, которыя обладали бы способностью то сокращать объемъ своего тѣла, то его расширять. Такія животныя пульсируютъ; среда, въ которой они живутъ — вода. Механика доказываетъ, что два пульсирующихъ тѣла въ водѣ, а слѣдовательно и наши низшіе организмы, притягиваются или отталкиваются по закону Ньютона, смотря потому будутъ ли ихъ пульсаціи въ одинаковой или противоположной фазѣ. Допустимъ, что зоологъ среди произвольныхъ перемѣщеній этихъ животныхъ открываетъ поступательное движеніе, совершающееся по тѣмъ же законамъ, какъ движеніе небесныхъ свѣтилъ, и объясняетъ его силами, присущими этимъ организмамъ. Какую сенсацію произвело бы такое открытіе въ ученомъ мірѣ! Между тѣмъ дѣло въ томъ, что предполагаемыя существа живутъ въ жидкости, пульсируютъ, но никакими дальнодѣйствующими силами не обладаютъ. Можетъ быть, однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ силъ, присущихъ тѣламъ, послѣднія одарены чѣмъ то инымъ, или же существуютъ силы между частицами промежуточной среды — силы частичныя? Прежде покончимъ съ однимъ вопросомъ: могутъ ли дальнодѣйствующія силы, обнаруживающіяся на измѣримыхъ разстояніяхъ, составлять су-

щественное свойство вещества? Какую силу тяготѣнія будемъ мы считать присущей солнцу и землѣ, если оба эти тѣла мысленно удалимъ другъ отъ друга на такое разстояніе, при которомъ ихъ взаимодѣйствіе будетъ нулемъ? Въ природѣ мы наблюдаемъ массу и энергію — величины, которыя нами не могутъ быть измѣнены, и передачу энергіи. Сила, разсматриваемая какъ элементъ, безъ котораго вещество немыслимо, должна обладать тѣмъ же отпечаткомъ неуничтожаемости. Только испытующій умъ Фарадэя стремился путемъ опыта рѣшить этотъ вопросъ о «сохраненіи силы». Когда разстояніе между двумя тѣлами удваивается, сила взаимнаго тяготѣнія становится вчетверо меньше; Фарадэй искалъ куда дѣвались исчезнувшія $\frac{3}{4}$ силы и при всей своей геніальности не могъ этого обнаружить.

Вернемся къ оставленному вопросу. Мы можемъ, слѣдуя Босковичу, представить себѣ посредствующую среду, состоящею изъ матеріальныхъ покоющихся частицъ, между которыми дѣйствуютъ притягательныя или отталкивательныя силы, недопускающія эти частицы до соприкосновенія. Мы увидимъ далѣе, что такое воззрѣніе несостоятельно, потому что въ мірѣ нѣтъ ничего, что находилось бы въ покоѣ. Вводя же представленіе современной науки о частицахъ, движущихся въ пространствѣ во всевозможныхъ направленіяхъ и отталкивающихся, мы должны какъ будто принять присущія имъ силы, обнаруживающіяся при столкновеніи. Но и это воззрѣніе снова не необходимо. Допустимъ, что въ міровомъ пространствѣ разлита идеальная жидкость, т. е. необладающая вязкостью, составленная изъ сплошной подвижной матеріи, въ которую погружены всѣ видимые нами предметы. Томсонъ и Тетъ, Кирхгофъ, Бьеркнесъ, Бельтрами и другіе ученые занимались изученіемъ силъ, съ которыми кажущимся образомъ дѣйствуютъ другъ на друга тѣла, погруженныя въ идеальную движущуюся жидкость. Брошенные въ нее твердые шары, твердые кольца кажущимся образомъ дѣйствуютъ другъ на друга притягательно или отталкивательно. При этомъ на границахъ тѣлъ и прикасающейся къ нимъ жидкости нѣтъ надобности принимать какихъ либо силъ въ родѣ прилипанія; условія на этихъ границахъ состоятъ въ томъ, что прикасающійся слой жидкости образованъ одними и тѣми же частицами, а это есть слѣдствіе непрерывности движенія жидкости.

Наконецъ, вопросъ о границахъ отпадаетъ совершенно, если мы будемъ вмѣстѣ съ Уильямомъ Томсономъ смотрѣть на атомы всѣхъ тѣлъ природы, какъ на весьма малыя вихревыя кольца одной и той же идеальной жидкости, подобныя кольцамъ табачнаго дыма или кольцамъ пара, вылетающимъ изъ трубы локомотива. Сплетаясь въ самые разнообразные узоры и петли, они даютъ всѣ роды веществъ; они вѣчны и между ними кажущимся образомъ дѣйствуютъ силы, обусловленныя движеніемъ жидкости.

Резюмируя, мы скажемъ, что вторая задача современной физики заключается въ объясненіи дальнодѣйствующихъ силъ, руководствуясь принципомъ, что матерія не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ.

Научная работа группировалась: въ 3-хъ) около открытій въ физической оптикѣ и объясненія свѣтовыхъ явленій колебаніями вещества, разлитаго во всемъ пространствѣ свѣтоваго эѳира; въ 4-хъ) около ученія о сохраненіи энергіи; въ 5-хъ) около открытій въ области электричества и магнетизма и ихъ теоретической разработкѣ. Наконецъ въ 6-хъ) ея усилія были направлены на изученіе молекулярнаго строенія тѣлъ. Выросшая на этой почвѣ кинетическая теорія строенія тѣлъ утверждаетъ, что покой, замѣчаемый нами въ природѣ, только кажущійся, такъ какъ неощутимо-малые элементы вещественнаго міра находятся въ безпрерывныхъ движеніяхъ и притомъ съ скоростями, съ которыми часто сравнимы только космическія скорости. Имѣя дѣло съ движеніемъ неисчислимыхъ милліоновъ мельчайшихъ частицъ, кинетическая теорія должна употреблять тѣ же самые методы какъ статистика, и всѣ наши познанія о строеніи вещественнаго міра носятъ характеръ статистическій. Это ученіе имѣетъ большой философскій интересъ.

Замѣчательнѣйшія работы Максуэлля, дѣлающія его имя навсегда памятнымъ въ наукѣ, относятся во первыхъ къ ученію о молекулярномъ строеніи тѣлъ, во вторыхъ къ объясненію электрическихъ и магнитныхъ взаимодѣйствій, согласному съ принципомъ, что матерія не дѣйствуетъ тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Такое объясненіе предполагаетъ существованіе во всемъ пространствѣ нѣкоторой всюду разлитой и всепроникающей матеріи. Результаты теоріи, выведенные въ предположеніи тождества этой матеріи со свѣтовымъ эѳиромъ, получили блестящее опытное под-

твержденіе. Построеніе теоріи, объясняющей движеніями свѣтоваго эѳира—свѣтъ, электричество и магнетизмъ, такъ называемой электромагнитной теоріи свѣта, составляетъ третье важное научное пріобрѣтеніе, сдѣланное мыслью Максуэлля. Въ этихъ послѣднихъ работахъ, Максуэлль руководился идеями Фарадэя: онѣ получили точныя и строгія научныя очертанія, раскрылись въ своей полнотѣ и значеніи.

Малыя движенія, открываемыя нами въ природѣ, могутъ быть сведены къ тремъ группамъ: дрожанія тѣлъ, колебанія свѣтоваго эѳира и молекулярныя движенія.

Природа дала неодинаковое совершенство органамъ чувствъ, назначеннымъ для анализа этихъ движеній. Колебанія слоевъ воздуха, вызываемыя дрожаніями тѣлъ, обыкновенно не повторяющимися чаще 40000 разъ въ 1″, во всѣхъ своихъ градаціяхъ обнимаются ухомъ; человѣкъ представляетъ самый совершенный звуковой инструментъ умолкающей природы, и ухо способно различать на протяженіи 10-ти октавъ около 1200 музыкальныхъ полутоновъ и разлагать долетающій аккордъ, шумъ вещей, подмѣчать малѣйшіе оттѣнки голоса и стона человѣка. Изъ массы колебаній свѣтоваго эѳира, человѣческій глазъ обнимаетъ меньше одной октавы—отъ 430 билліоновъ колебаній въ 1″ въ красныхъ лучахъ, до 800 билліоновъ въ фіолетовыхъ. Наконецъ молекулярныя движенія въ высокой степени разнообразны: они составляютъ какъ бы основной фонъ природы; предназначенныя къ ихъ анализу осязаніе, какъ тепловое ощущеніе, вкусъ и обоняніе, крайне несовершенны. Замѣчательнѣйшіе успѣхи науки относятся къ открытію вещественныхъ и умственныхъ орудій для изслѣдованія послѣднихъ двухъ формъ движенія.

Кому неизвѣстна неспособность глаза къ анализу цвѣта? Мы одинаково ощущаемъ бѣлый цвѣтъ при смѣшеніи краснаго свѣта съ голубовато-зеленымъ, или оранжеваго съ голубымъ, желтаго съ синимъ, желтозеленаго съ фіолетовымъ, зеленаго съ пурпуровымъ. Подобную неспособность къ анализу мы могли бы представить себѣ въ другой области зрѣнія. Положеніе какого нибудь предмета въ пространствѣ опредѣляется мѣстомъ, которое онъ занимаетъ въ ширинѣ пространства, въ его длинѣ и въ его высотѣ, т. е. тремя координатами. Представьте

себѣ, что мы не были бы въ состояніи ощущать третье измѣреніе пространства—его высоту: всѣ предметы, имѣющіе одно и тоже положеніе по ширинѣ и длинѣ пространства, но различное по занимаемой ими высотѣ, казались бы намъ имѣющими одно и тоже пространственное положеніе. Мы усматриваемъ нѣчто подобное въ неспособности глаза къ анализу цвѣта. Глазъ не ощущаетъ всѣхъ измѣреній, всѣхъ координатъ, необходимыхъ для опредѣленія мѣста цвѣта въ пространствѣ цвѣтовъ. Для глаза это пространство, какъ и пространство положенія, имѣетъ только три измѣренія, три координаты: онъ обладаетъ только тремя системами нервовъ, дающихъ намъ ощущеніе краснаго, зеленаго и голубаго, а по мнѣнію нѣкоторыхъ фіолетоваго. Каждый свѣтовой лучъ въ различной степени возбуждаетъ эти нервы и получается цвѣтовое ощущеніе, которое должно, по такому воззрѣнію, всегда разлагаться не три указанныхъ основныхъ цвѣта. Понятно, что весьма различныя цвѣтовыя ощущенія, суммируясь, могутъ давать въ своихъ элементахъ одинаковыя количества краснаго, зеленаго и голубаго и потому разнообразныя цвѣтовыя смѣси познаются нами какъ тождественныя цвѣтовыя ощущенія.

Провѣрка этой теоріи составила задачу 24-хъ лѣтняго Максуэлля. Самая ранняя работа относится къ 1855 г., а седьмая по этому вопросу къ 1872 г. Въ 1860 году королевское общество присудило Максуэллю медаль Румфорда за работы по смѣшенію цвѣтовъ и оптикѣ. Максуэлль первый измѣрилъ цвѣтныя ощущенія и представилъ ихъ составъ хроматическими уравненіями. Онъ нашелъ[1]), что всѣ цвѣта природы могутъ

[1]) Максуэлль пользовался двумя методами. Представимъ собѣ солнечный лучъ, проходящій чрезъ узкую щель, двояковыпуклую чечевицу и призму. На бѣломъ экранѣ поставленномъ позади призмы, мы получимъ спектръ. Перевернемъ этотъ опытъ: у щели помѣстимъ нашъ глазъ, а всю часть экрана, на которой находился спектръ, закроемъ черной ширмой за исключеніемъ узкой бѣлой полоски, соотвѣтствующей зеленой части спектра. Эта бѣлая полоска, разсматриваемая черезъ щель покажется намъ окрашенной въ зеленый цвѣтъ, потому что изъ всѣхъ лучей различнаго цвѣта, испускаемыхъ полоской, только зеленые лучи воспроизведутъ въ точности обратный путь зеленыхъ лучей солнечнаго свѣта, разложеннаго призмой и попадутъ въ щель и нашъ глазъ. Оставляя открытыми три полоски въ прежнемъ спектрѣ, Максуэлль могъ наблюдать смѣшеніе трехъ цвѣтовъ

быть получены смѣшеніемъ 3-хъ цвѣтовъ—краснаго, зеленаго и голубаго, и построилъ діаграмму цвѣтовъ, въ которой по положенію цвѣта можно судить о его составѣ изъ основныхъ. Итакъ глазъ человѣка по отношенію къ пространству цвѣтовъ находится на той же ступени развитія, какъ существо не обладающее способностью познавать всѣхъ измѣреній пространства. Такое несоотвѣтствіе между органомъ и познаваемымъ объектомъ восполнено наукой. Почившій въ прошломъ году знаменитый физикъ Кирхгофъ, послѣ него Ångstrom и Thalen развернули съ помощью нѣсколькихъ стеклянныхъ призмъ узкую полоску бѣлаго солнечнаго свѣта въ радужную ленту, положеніе цвѣтовъ которой могло быть опредѣлено съ замѣчательною точностью. Данный ими рисунокъ солнечнаго спектра, занимаетъ около 2 саженей въ длину и раздѣленъ на 4000 равныхъ частей; $^1/_{10}$ такой части еще явственно различается. Этимъ путемъ мы можемъ распознавать въ природѣ до 40000 различныхъ простыхъ цвѣтовъ. Ланглей изобрѣлъ приборъ-болометръ—которымъ обнаруживаются и изслѣдуются темные сол-

---

спектра. За основные цвѣта имъ приняты были красный, зеленый и голубой, соотвѣтствующія длинамъ волнъ въ 0,00002328, 0,00001951 и 0,00001688 парижскаго дюйма. Величина площади незакрытой части бѣлаго экрана измѣряла количество цвѣтнаго свѣта ею испускаемаго. Между прочимъ, такимъ путемъ Максуэлль для своего глаза получилъ уравненіе: 22,6 краснаго + 26 зеленаго + 37,4 голубаго = бѣлому. Для глаза ученика, страдавшаго дальтонизмомъ: 33,7 зеленаго + 33,1 голубаго = бѣлому. Вычитая одно уравненіе изъ другаго находимъ цвѣтъ, недостающій глазу дальтониста: 22,6 краснаго—7,7 зеленаго + 4,3 голубаго. Другой методъ—методъ цвѣтнаго волчка. Изъ плотной бумаги вырѣзываются 3 кружка, окрашиваются въ цвѣта наиболѣе подходящія къ основнымъ: vermillon, vèrt émeraude, bleu d'outremer; на ободѣ одного кружка наносится 100 дѣленій и на каждомъ изъ нихъ дѣлается радіальный прорѣзъ отъ окружности къ центру. Черезъ эти прорѣзы продѣваются кружки и насаживаются на общую ось. На нее же насаживаются еще меньшіе черный и бѣлый кружки, такимъ же образомъ соединенные. Соединеніе съ помощью прорѣзовъ даетъ возможность измѣнять площади окрашенныхъ секторовъ, и величина ихъ выражается числомъ занимаемыхъ ими дѣленій. При быстромъ вращеніи оси окрашенные секторы даютъ опредѣленное цвѣтное ощущеніе, которое сравнивается съ сѣрымъ отъ бѣлаго и черного круга. Максуэлль нашелъ: 37 vermillon + 36 vèrt émeraude + 27 bleu d'outr. = 28 бѣлаго + 72 чернаго. Это—хроматическія уравненія Максуэлля.

нечные лучи, обнимающіе за предѣлами краснаго конца спектра около 6 октавъ. Soret изобрѣтаетъ флуоресцирующій окуляръ, которымъ мы въ состояніи ощущать и изслѣдовать колебанія эфира за предѣлами фіолетоваго конца спектра на протяженіи новой октавы. И такъ цѣлыхъ 8 октавъ колебаній эфира доступны нашему изученію: онѣ отмѣчены, подобно музыкальнымъ тонамъ, соотвѣтственнымъ числомъ колебаній эфира и представляютъ скалу, единственнымъ образомъ опредѣляющую составъ каждаго цвѣта. Анализируя этими научными приборами цвѣта, мы распознаемъ ихъ дѣйствительный объективный составъ и уничтожаемъ фантастическіе выводы органа зрѣнія, которые ввели въ заблужденіе даже такого физика, какъ Брюстеръ.

Благодаря открытію Кирхгофомъ и Бунзеномъ спектральнаго анализа, глазъ человѣка служитъ намъ путеводителемъ въ двухъ діаметрально противуположныхъ направленіяхъ мірозданія: въ одномъ—мы распознаемъ вещественный составъ и движеніе необозримыхъ по своему множеству и грандіозныхъ по своимъ размѣрамъ звѣздныхъ міровъ, въ другомъ—мы познаемъ тоже самое въ необъятномъ мірѣ недосягаемыхъ по своей малости частицъ, составляющихъ всю природу. Послѣдуемъ за нашимъ зрѣніемъ въ эту таинственную область, освѣщая ее законами механики.

Каждому изъ васъ знакомъ часовой маятникъ. Онъ можетъ двигаться въ одномъ только направленіи, вращаясь около своей верхней горизонтальной оси. Мы говоримъ, что такой стержень, или такая система, имѣетъ одну степень свободы.

Время одного колебанія или періодъ маятника есть величина вполнѣ опредѣленная. И такъ система съ одною степенью свободы можетъ давать колебанія съ однимъ опредѣленнымъ періодомъ. Прикрѣпимъ къ нижнему концу маятника поперечный брусъ (фиг. 1), къ которому съ помощью двухъ нитей привязываемъ тяжелый шарикъ. Подвѣшанная система можетъ качаться опять только въ одномъ направленіи, перпендикулярномъ направленію движенія прежняго маятника: она имѣетъ одну степень свободы и одинъ вполнѣ опредѣленный періодъ. Но система нашихъ двухъ маятниковъ имѣетъ двѣ степени свободы и, приведя

въ одновременное колебаніе оба маятника, наша система будетъ обладать колебаніями двухъ различныхъ періодовъ. Въ направленіи колебаній часоваго маятника шарикъ будетъ качаться съ его періодомъ, а въ направленіи перпендикулярномъ—съ своимъ собственнымъ періодомъ, зависящимъ отъ длины тѣхъ нитей, къ которымъ онъ подвѣшенъ. Движеніе шарика будетъ сложное и, при размѣрахъ нашего чертежа онъ опишетъ въ пространствѣ кривую (фиг. 2). Повѣсимъ на одной только нити желѣзный шарикъ. Каждое его движеніе можетъ быть разложепо на два другихъ по какимъ нибудь двумъ неизмѣннымъ и взаимно перпендикулярнымъ направленіямъ. Онъ имѣетъ двѣ степени свободы, но только одинъ періодъ. Это происходитъ оттого, что въ каждомъ направленіи его движеніе встрѣчаетъ одинаковыя условія. Я нарушу эту тождественность условій, заставивъ его качаться надъ полюсомъ N широкаго магнита (фиг. 3): шарикъ будетъ имѣть два различныхъ періода: одинъ при качаніи вдоль полюса, другой при поперечномъ качаніи. Мы видимъ отсюда, что система съ двумя степенями свободы можетъ давать колебанія и съ однимъ только періодомъ, но, при малыхъ размахахъ, она никогда не дастъ колебаній, число различныхъ періодовъ которыхъ будетъ больше двухъ

Вообразимъ себѣ малую частицу вещества въ формѣ шарика микроскопическихъ размѣровъ. Такой шарикъ можетъ двигаться въ трехъ взаимно-перпендикулярныхъ направленіяхъ— въ высоту, въ длину и въ ширину: онъ обладаетъ тремя степенями свободы и наибольшее число колебаній различныхъ періодовъ для него возможное будетъ три. Для наглядности мы скажемъ, что одинъ шарикъ можетъ давать не больше трехъ различныхъ тоновъ; два шарика 6 и т. д. 1000 шариковъ могутъ дать maximum 3000 различныхъ тоновъ, но число этихъ тоновъ можетъ быть меньше. Представьте себѣ, что эти 1000 шариковъ раздѣлены на двѣ группы по 500 въ каждой, что одна группа не вліяетъ на другую, и что каждая группа построена одинаково. Каждая изъ нашихъ группъ имѣетъ 1500 степеней свободы и слѣдовательно даетъ 1500 различныхъ тоновъ. Но колебанія каждой группы тождественны, поэтому 1000 шариковъ, распавшіеся на такія двѣ группы дадутъ не 3000 различныхъ тоновъ, какъ прежде, а только 1500. Если 1000 шариковъ по какимъ нибудь причинамъ распадутся на 100 одинаково по-

строенныхъ группъ, каждая изъ 10-ти шариковъ, то число различныхъ тоновъ, даваемыхъ такой системой, будетъ maximum 30.

Мѣдная проволока, введенная въ пламя высокой температуры, накаливается до бѣла и даетъ въ спектроскопѣ сплошной спектръ, т. е. непрерывную радужную ленту, содержащую всевозможные свѣтовые тоны. Малѣйшая часть нашей проволоки своими дрожаніями посылаетъ намъ безчисленное множество колебаній различныхъ періодовъ, а слѣдовательно содержитъ миріады шариковъ, находящихся между собой въ тѣсномъ взаимодѣйствіи.

Накаленная проволока плавится, даетъ пары, которые сгораютъ и окрашиваютъ пламя въ зеленый цвѣтъ. Въ зеленой части спектра появляются свѣтлыя широкія полосы съ туманными очертаніями, принадлежащія окиси мѣди. Это такъ называемый полосатый спектръ. Окись мѣди посылаетъ намъ много свѣтовыхъ тоновъ, но не всѣ свѣтовые тоны. Шарики, изъ которыхъ состоитъ эта парообразная окись мѣди составляютъ отдѣльныя группы, между собой не взаимодѣйствующія, или взаимодѣйствующія только сравнительно рѣдко. Каждая группа содержитъ однако весьма большое число шариковъ.

Пустимъ рядъ электрическихъ искръ между двумя мѣдными электродами. Наблюдая спектръ, мы увидимъ, что онъ состоитъ только изъ 15-ти свѣтлыхъ линій. Это такъ называемый линейный спектръ. Электрическая искра отрываетъ отъ одного электрода минимальное количество мѣди и разбрасываетъ ѣя шарики на своемъ пути; но эти шарики не разбѣгаются врозь по одному: несмотря на энергическое дѣйствіе электрическаго разряда, они разбѣгаются отдѣльными группами, изъ коихъ каждая также построена, какъ и другая, потому что каждая даетъ 15 цвѣтныхъ лучей. Сколько бы разъ мы ни повторили этотъ опытъ, мы всегда придемъ къ тому же результату. Наши группы наиболѣе устойчивы: они не разрушаются такимъ энергическимъ дѣйствіемъ, какъ электрическій разрядъ. Эти устойчивыя группы, характерныя для нашей мѣди, мы назовемъ молекулами мѣди, а шарики, изъ которыхъ состоятъ эти молекулы, мы назовемъ атомами. Газы, приводимые въ состояніе свѣченія дѣйствіемъ электрическаго разряда, представляютъ при различныхъ условіяхъ два спектра: полосатый и линейный. Оба спектра одинаково характерны для газа, и ли-

нейный спектръ считается нѣкоторыми учеными признакомъ распаденія молекулы газа на молекулы простѣйшаго строенія, признакомъ диссоціаціи; или же признакомъ измѣненія строенія молекулы—аллотропическимъ состояніемъ газа.

Передъ нами мелькаетъ уже туманный образъ элемента всѣхъ тѣлъ—молекулы. Какими движеніями обладаютъ ея атомы, какова ея прочность? Мы не можемъ видѣть молекулъ даже въ сильнѣйшіе микроскопы: мы можемъ получить приближенные отвѣты на поставленные вопросы, изучая какую нибудь матеріальную систему въ далекомъ пространствѣ, превращающемъ, для нашего глаза, тѣла съ размѣрами конечными въ тѣла столь же малыя, какъ молекулы. Величавая система Сатурна давно обращаетъ на себя вниманіе астрономовъ. Сатурнъ окруженъ восемью лунами и кольцомъ, состоящимъ изъ трехъ независимыхъ другъ отъ друга колецъ. Изслѣдованія заставляютъ предполагать существованіе подраздѣленій въ двухъ внѣшнихъ кольцахъ. Внутреннее кольцо, по счету третье, темное, и черезъ него просвѣчиваетъ дискъ планеты. Отто Струве, сравнивая свои измѣренія съ измѣреніями Гюйгенса и Гершеля, замѣтилъ, что ширина колецъ возрастаетъ, причемъ ихъ внутренніе края приближаются къ планетѣ. Чертежъ (4) Сатурна съ его кольцами, представляетъ въ точности ихъ относительные размѣры.

Теоретическія изслѣдованія Лапласа не разрѣшили вопросовъ, связанныхъ съ существованіемъ колецъ. Лапласъ доказалъ, что твердое кольцо равномѣрной плотности не можетъ вращаться около центральнаго тѣла, такъ какъ при малѣйшемъ уклоненіи его центра отъ центра планеты, оно упало бы на планету такъ, что внутренній его край уперся бы въ какомъ нибудь мѣстѣ экватора.

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ приложеній математики къ физическимъ вопросамъ представляетъ, по словамъ Airy, трудъ Максуэлля объ устойчивости движенія колецъ Сатурна. Этотъ трудъ былъ удостоенъ въ 1857 г. преміи Adams'a и опубликованъ въ 1859 г. Максуэлль показываетъ, что твердое кольцо могло бы неизмѣнно вращаться около планеты, еслибы оно было соединено съ твердымъ спутникомъ, масса котораго была бы въ $4^1/_2$ раза больше массы кольца; такое строеніе не оправдывается наблюденіемъ и было бы чрезвычайно искусственно.

Оставляя гипотезу твердаго кольца, Максуэлль переходитъ къ кольцу жидкому и доказываетъ, что сплошное жидкое кольцо расчленится дѣйствіемъ обѣгающихъ его волнъ на капли большихъ или меньшихъ размѣровъ. Такимъ образомъ остается допустить, что кольца Сатурна состоятъ изъ чрезвычайно большаго числа сравнительно малыхъ массъ—спутниковъ. Такое строеніе откладываетъ разрушеніе колецъ Сатурна въ долгій ящикъ, но разрушеніе системы неизбѣжно. Взаимодѣйствіе колецъ Сатурна влечетъ за собою расширеніе этой системы въ двухъ направленіяхъ—во внѣшнее и во внутреннее пространство. По всей вѣроятности внѣшнее кольцо болѣе плотно, чѣмъ наружное, а потому небольшое увеличеніе внѣшняго діаметра колецъ уравновѣшивается большимъ измѣненіемъ внутренняго діаметра, что соотвѣтствуетъ наблюденію.

Если система колецъ, окружающая центральное тѣло, не устойчива, то кольцо, состоящее изъ одного ряда массъ, при извѣстныхъ условіяхъ, устойчиво. На фиг. (5) изображено устойчивое кольцо, состоящее изъ 12-ти спутниковъ. Представимъ себѣ, что мы стоимъ на такомъ кольцѣ и наблюдаемъ что происходитъ у нашихъ ногъ. Мы увидимъ, что каждый спутникъ (заштрихованные кружки) описываетъ замкнутую эллиптическую орбиту (тонкіе круги) около нѣкотораго средняго положенія. Періодъ такого движенія обусловливается строеніемъ системы и ея силами. Въ данный моментъ всѣ наши спутники лежатъ на эллипсисѣ (толстая черта), опредѣляющимъ форму кольца. Въ послѣдующее время спутники перемѣщаются на своихъ орбитахъ и эллипсисъ мѣняетъ свое мѣсто, какъ показываетъ пунктированная линія. По истеченіи времени равнаго половинѣ періода колебанія, спутники находятся въ положеніяхъ, представленныхъ фиг. 6; они лежатъ на эллипсисѣ, перпендикулярномъ къ первому. Вершина эллипсиса была сначало въ спутникѣ A, теперь она въ спутникѣ B; такимъ образомъ мы видимъ, что наше кольцо обѣгается двумя эллиптическими волнами; такое движеніе, на первый взглядъ, кажется какъ бы поворачиваніемъ кольца. Мы могли бы сказать, если бы дѣло шло о молекулѣ, что эта волна представляетъ вибрацію молекулы, движенія же спутниковъ около ихъ среднихъ положеній равновѣсія суть вибраціи атомовъ[1]). Таково относительное

[1]) Молекулярная вибрація октавой ниже вибраціи атомной.

движеніе спутниковъ. Абсолютное же ихъ движеніе въ пространствѣ представляется эллипсисами, въ фокусѣ которыхъ находится центральное тѣло: это послѣднее движеніе обусловливаетъ вращеніе кольца не въ смыслѣ вращенія его формы, но его составныхъ частей около центральнаго ядра.

Фиг. 7 представляетъ также устойчивое кольцо изъ 12 спутниковъ, имѣющее форму эпитрохоиды. Фиг. 8 представляетъ эллиптическія орбиты, описываемыя спутниками около центральнаго ядра въ ихъ абсолютномъ движеніи. Фиг. 9 представляетъ кольцо изъ 36 спутниковъ съ 7-ю волнами, обѣгающими это кольцо. На этихъ чертежахъ мы имѣемъ примѣры, по которымъ можемъ судить о разнообразіи формъ строенія молекулъ. Наибольшее число волнъ, которое можетъ существовать въ такомъ кольцѣ, равно половинѣ числа спутниковъ. Условіе устойчивости кольца зависитъ отъ массы центральнаго ядра, числа спутниковъ и размѣровъ кольца.

Но и устойчивое кольцо можетъ быть разрушено внѣшними силами. Если на кольцо дѣйствуютъ періодическія силы, то въ немъ возбуждаются новыя волны, называемыя вынужденными; если періодъ силы совпадаетъ съ періодомъ одной изъ естественныхъ волнъ кольца, то размахъ этой волны становится на столько великъ, что кольцо разрушается.

Перенося эти результаты на міръ молекулъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Если между вибраціями двухъ молекулъ находятся сходныя по своему періоду, то силы, дѣйствующія между этими молекулами, при достаточномъ ихъ сближеніи, будутъ періодическими. Періодъ этихъ силъ будетъ одинаковъ съ періодомъ молекулярныхъ вибрацій. Если энергія движеній въ обоихъ молекулахъ одинакова, то сближеніе ихъ не повлечетъ за собою никакихъ особыхъ явленій. Если энергія одной молекулы больше энергіи другой, онѣ выравниваются между молекулами, и, въ результатѣ, мы можемъ получить два различныхъ явленія. Если молекулы сходны по своему составу, то каждая изъ нихъ въ состояніи вынести доставшуюся на ея долю энергію. Если же молекулы не сходны, принадлежатъ различнымъ веществамъ, то молекула обладавшая большей энергіей сохранится, а другая можетъ получить отъ первой избытокъ энергіи, при которомъ она будетъ разрушена размахами вынужденныхъ волнъ.

Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о мірѣ молекулъ даетъ кинетическая теорія газовъ. Распространеніе въ воздухѣ испареній ароматическихъ веществъ, облаковъ табачнаго дыма, словомъ явленія диффузіи, указываютъ на движеніе молекулъ газовъ. Успѣхи теоріи начались съ изученія механическихъ дѣйствій удара такихъ движущихся молекулъ другъ о друга и о стѣнки сосудовъ.

Газъ, заключенный въ сосудъ, давитъ на его стѣнки. Это давленіе объясняется ударами молекулъ. Если мы увеличимъ число молекулъ газа, число ударовъ увеличивается во столько же разъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и давленіе. Мы получаемъ отсюда объясненіе закона Маріотта, правильнѣе Бойля, по которому давленіе газа пропорціонально его плотности. Давленіе газа мы можемъ увеличить еще иначе — нагрѣваніемъ. По нашей гипотезѣ, другой способъ усилить давленіе заключается въ увеличеніи скоростей съ которыми молекулы движутся. Вмѣстѣ со скоростью молекулъ возрастаетъ и число ударовъ о стѣнки сосуда; импульсъ, сообщаемый каждымъ ударомъ, также пропорціоналенъ скорости, слѣдовательно давленіе увеличится въ томъ самомъ отношеніи, въ какомъ увеличивается квадратъ скорости, или живая сила молекулы. Такимъ образомъ по живой силѣ молекулы, мы можемъ судить о температурѣ газа; эти двѣ величины возрастаютъ одновременно. Я не стану здѣсь приводить доказательства справедливости основнаго воззрѣнія: это слишкомъ удлинило бы нашу бесѣду. Сдѣлаю только одно замѣчаніе. Хотя, дѣлаемыя въ кинетической теоріи спеціальныя предположенія о подвижности и столкновеніи молекулъ, приводятъ къ слѣдствіямъ вполнѣ согласнымъ съ наблюденіями, тѣмъ не менѣе должно допустить возможность ложности такихъ гипотезъ, пока не будетъ доказано, что *никакое* другое предположеніе не можетъ согласоваться съ явленіями. Иное дѣло, если наша гипотеза не заключаетъ въ себѣ спеціальныхъ предположеній о состояніи молекулъ, а признаетъ только ихъ раздѣльное существованіе въ пространствѣ и затѣмъ раскрываетъ свойства такой системы, пользуясь непреложными законами механики: результаты, получаемые такимъ путемъ, были бы вполнѣ достовѣрны для міра молекулъ. Вотъ этотъ послѣдній путь сдѣлался возможнымъ послѣ того какъ Клаузіусъ, въ 1870 г., вывелъ изъ общихъ законовъ механики свою теорему о *виріалѣ*. Она приводитъ къ неопровержимому заклю-

ченію о несостоятельности объясненія основнаго закона газовъ —закона Бойля—предположеніемъ о покоющихся и отталкивающихся молекулахъ. Изъ положеній кинетической теоріи газовъ мы можемъ считать неопровержимо доказаннымъ только непрестанное движеніе молекулъ.

Чтобы посвятить васъ въ болѣе интимныя стороны молекулярнаго міра, я воспользуюсь двумя вспомогательными положеніями. 1) *Средняя энергія обществи всегда больше энергіи средняго человѣка.* Напримѣръ: два работника бьютъ камни молотами одинаковаго вѣса; скорость перваго молота или перваго рабочаго равна 1-му аршину, скорость втораго—тремъ аршинамъ. Энергія пропорціональна квадрату скоростей; слѣдовательно энергія нашего общества будетъ $1\times1+3\times3=10$; средняя энергія, такъ какъ общество состоитъ изъ двухъ человѣкъ, будетъ $10:2=5$.

Средняя скорость нашихъ рабочихъ равна $\frac{1+3}{2}=2$-мъ аршинамъ. Работникъ, работающій съ этою среднюю скоростью двухъ аршинъ, есть средній человѣкъ нашей артели. Его энергія будетъ $2\times2=4$, она меньше пяти—средней энергіи общества.

2) *Замѣна дѣйствительныхъ членовъ общества—средними людьми, даетъ убытокъ.* Энергія артели изъ двухъ рабочихъ, изъ которыхъ каждый работаетъ съ среднею скоростью двухъ аршинъ, будетъ 2×4, т. е. 8, между тѣмъ какъ энергія дѣйствительной артели больше: она равна 10.

Мы видимъ отсюда, что заключая о скорости, съ которой работаютъ наши рабочіе, по энергіи цѣлой артели, мы всегда придемъ къ цифрѣ большей, чѣмъ дѣйствительная средняя скорость артели, чѣмъ скорость средняго человѣка нашей артели.

Кинетическая теорія доказываетъ, что живая сила газа въ полтора раза больше произведенія изъ его объема на давленіе. Давленіе, объемъ и массу газа мы измѣряемъ, и указанное соотношеніе даетъ намъ величину живой силы газа. Опредѣляя отсюда скорость молекулы, мы найдемъ, по только что сказанному, цифру *бóльшую* средней скорости; но между обоими существуетъ связь, опредѣляемая закономъ распредѣленія скоростей по молекуламъ газа. Этотъ законъ былъ открытъ Максуэллемъ; о немъ мы скажемъ далѣе, а въ настоящую минуту, пользуясь имъ, дадимъ понятіе о масштабѣ молекулярнаго міра.

Средняя скорость молекулы водорода есть 1698 метровъ, т. е. около $1^1/_2$ верстъ въ секунду, кислорода 425, азота 453 и т. д.

Въ кажущемся противорѣчіи съ этими громадными скоростями находится весьма медленное распространеніе въ воздухѣ табачнаго дыма, запаха духовъ и т. д. Оно устранится, если мы обратимъ вниманіе на то, что небольшой объемъ воздуха заключаетъ въ себѣ уже очень большое число частицъ; эти молекулы, летая во всѣ стороны, сталкиваются, измѣняютъ свои скорости и направленія своихъ путей. Въ результатѣ молекула описываетъ на небольшомъ пространствѣ зигзагъ, состоящій изъ весьма большаго числа весьма малыхъ прямолинейныхъ путей: она больше толчется на своемъ мѣстѣ и только медленно пробирается между своими товарками.

Скорости частицъ газовъ больше скоростей сильнѣйшаго урагана. Порывы урагана, влекущія за собою ужасающія послѣдствія, соотвѣтствуютъ скорости 150 метровъ, т. е. въ три раза меньшей, чѣмъ скорость молекулы воздуха въ нашихъ легкихъ. Эти скорости превышаютъ скорость звука и могутъ быть сравнены только съ космическими скоростями. Скорость частицы водорода почти вчетверо больше скорости точки земнаго экватора въ суточномъ движеніи. Вокругъ насъ бушуетъ непрерывная буря, частицы газовъ бомбардируютъ насъ со всѣхъ сторонъ, и если мы не страдаемъ, то только потому, что буря хаотична, что частицы не летятъ по одному направленію въ пространствѣ. Эта буря, свирѣпствующая и у стѣнокъ сосудовъ, содержащихъ газъ, ударами своихъ частичекъ производитъ то давленіе, которымъ мы измѣряемъ упругость газа. Молекулы одного и того же газа обладаютъ различными скоростями, слѣдовательно различными живыми силами, а потому различными температурами. Въ ничтожной массѣ газа мы имѣемъ молекулы горячія, молекулы теплыя, холодныя. Средняя температура этихъ молекулъ есть ощущаемая нами температура газа. Это заключеніе очень важно, мы воспользуемся имъ въ послѣдствіи.

Представьте себѣ вагонъ конно-желѣзной дороги, который, по разсѣянности кучера, проѣзжаетъ мимо станціи съ ожидающими пассажирами. Пассажиры, сидѣвшіе въ вагонѣ, выскакиваютъ на станцію и уносятъ съ собою часть живой силы

вагона; съ другой стороны, со станціи, пассажиры прыгаютъ въ вагонъ и увеличивая его массу, нагружая его, уменьшаютъ его скорость. Результатъ будетъ тотъ, что какъ будто воздухъ, окружающій вагонъ, сдѣлался вязкимъ и треніе объ этотъ воздухъ замедлило движеніе вагона. Тоже самое мы наблюдаемъ, изучая истеченіе газа изъ узкой трубки. Въ среднихъ частяхъ трубки молекулы газа текутъ скорѣе — это вагонъ съ пассажирами; въ боковыхъ частяхъ, у стѣнокъ трубки, газъ течетъ медленнѣе — это пассажиры на станціи. Молекулы газа перепрыгиваютъ изъ однихъ частей въ другія; движеніе среднихъ частей замедляется и этимъ замедленіемъ опредѣляется треніе газа. По величинѣ этого тренія, мы можемъ опредѣлить среднюю длину скачковъ нашихъ молекулъ, или, говоря научнымъ языкомъ, среднюю длину молекулярнаго пути, т. е. путь, пробѣгаемый молекулой между двумя ея столкновеніями; для водорода онъ равенъ 185 десятимилліоннымъ долямъ сантиметра. Зная эту длину и скорость молекулы, мы найдемъ, сколько разъ одна молекула столкнется съ другими въ секунду. Такимъ путемъ мы приходимъ къ заключенію, что молекула кислорода получаетъ въ секунду 4250 милліоновъ толчковъ. Кинетическая теорія даетъ намъ свѣдѣнія и о другихъ величинахъ, свѣдѣнія, которыя мы должны разсматривать только какъ приближенія къ дѣйствительности, какъ дающіе понятіе о порядкѣ этихъ величинъ. Сюда относятся абсолютные размѣры молекулъ. Они вычисляются различными путями: изъ явленій электрическихъ, изъ толщины пленки мыльныхъ пузырей въ моментъ ихъ разрыва и т. д. Всѣ пріемы даютъ цифры одного и того же порядка. По закону Авогадро всѣ газы въ равныхъ объемахъ, при одинаковой температурѣ и давленіи, содержатъ равное число молекулъ. Кинетическая теорія насчитываетъ въ одномъ кубическомъ сантиметрѣ газа при 0^0 и давленіи одной атмосферы, около 27 трилліоновъ молекулъ. Діаметръ молекулы азота равенъ 3 стомилліоннымъ долямъ сантиметра. Съ помощью сильнѣйшихъ микроскоповъ мы можемъ наблюдать только одну сорокатысячную долю сантиметра.

Чтобы составить себѣ представленіе въ одно и то-же время о малости этихъ молекулъ и о ихъ громадномъ числѣ въ кубическомъ сантиметрѣ, представимъ себѣ, что мы нанизали бы

эти молекулы одна за другою на неосязаемо тонкую нить такъ, чтобы каждая молекула касалась сосѣдней. Для такой нити наиболѣе подходящимъ клубкомъ оказался бы земной шаръ: мы намотали бы эту нить 200 разъ по экватору земли. Ткань, которая была бы соткана изъ этой нити, уложилась бы въ $^{1}/_{5000}$ части лѣснаго орѣха. Эта ткань была бы нѣжнѣе тканей восточныхъ сказокъ.

Поставимъ теперь вопросъ, какъ будто содержащій внутреннее противорѣчіе: въ томъ хаосѣ направленій, по которымъ движутся неисчислимые милліарды газовыхъ частицъ, въ хаосѣ ихъ скоростей, не существуетъ ли какой нибудь законности, какой нибудь мѣры?

Чтобы уяснить вамъ утвердительный отвѣтъ, данный Максуэллемъ, мы должны заглянуть въ область человѣческихъ погрѣшностей.

Съ тѣхъ поръ какъ составилось убѣжденіе въ томъ, что познаніе міра и его законовъ можетъ быть пріобрѣтено только путемъ точнаго наблюденія и измѣренія явленій природы, вниманіе изслѣдователей было обращено на источники погрѣшностей наблюденій, на изысканіе пріемовъ для устраненія однихъ и открытіе законовъ, управляющихъ тѣми, которые не могутъ быть устранены. Три фактора вліяютъ на наблюденія: окружающая природа, аппараты, при помощи которыхъ производятся наблюденія и личность наблюдателя. Нѣтъ ни одного мѣста въ окружающемъ насъ пространствѣ, въ которомъ не происходили бы процессы, посторонніе наблюдаемому явленію, но невольно воспринимаемые вмѣстѣ съ нимъ. Мы не въ состояніи строить наши искусственные органы — инструменты — такъ, чтобы на нихъ не отражались пертурбирующія вліянія, и слѣдовательно такъ, чтобы воспринимаемыя черезъ нихъ явленія внѣшняго міра достигали до нашихъ органовъ чувствъ въ неизмѣненномъ видѣ. Личность наблюдателя фальсифицируетъ наблюденіе и субъективно и объективно; субъективно въ смыслѣ зависимости воспріятія отъ душевнаго настроенія и тѣлеснаго состоянія наблюдателя; объективно въ томъ смыслѣ, что дыханіемъ, тепловымъ лучеиспусканіемъ, невольными движеніями и т. д. онъ нарушаетъ точность наблюденія.

Увеличивая число наблюденій, мы замѣчаемъ повторяющіяся погрѣшности, — такъ называемыя постоянныя погрѣшности; онѣ должны быть изучены и изслѣдованы. Другія погрѣшности компенсируются все болѣе и болѣе съ возрастающимъ числомъ наблюденій; онѣ носятъ названіе случайныхъ. Причинъ такихъ погрѣшностей очень много; но число ихъ не безпредѣльно. Не находясь ни въ какой связи съ предметомъ наблюденія, они искажаютъ его, то въ одномъ, то въ противоположномъ направленіи. Чѣмъ чаще повторяется наблюденіе, тѣмъ болѣе направленіе фальсификаціи теряетъ свою исключительность и компенсируется другимъ. Погрѣшности малыя встрѣчаются чаще большихъ. Измѣряя какую нибудь длину вершками, я чаще ошибусь на долю вершка, чѣмъ на цѣлый вершокъ.

Теорія вѣроятностей открыла законъ случайныхъ ошибокъ. Представьте себѣ, что я измѣряю какую нибудь величину очень большое число разъ: я получаю рядъ цыфръ. Между ними есть такія, которыя представляютъ дѣйствительное значеніе этой величины, другія же цыфры будутъ больше или меньше. Еслибы цыфра, представляющая истинную величину, была намъ извѣстна, я могъ бы сосчитать сколько разъ какая нибудь ошибка встрѣчается въ сдѣланномъ рядѣ наблюденій. Положимъ, что мы дѣлаемъ ошибки въ одну сотую вершка, въ $^2/_{100}$ въ $^3/_{100}$ и т. д. На прямой линіи (фиг. 10) отмѣтимъ точку 0; вправо нанесемъ равныя длины, которыя представятъ ошибки въ $^1/_{100}$, $^2/_{100}$ и т. д. болѣе искомой длины. Такіе-же участки влѣво отъ точки 0 представятъ намъ ошибки въ $^1/_{100}$, $^2/_{100}$... меньше искомой величины. Въ оконечностяхъ участковъ возставимъ перпендикуляры (ординаты), которые своей длиной представляли бы сколько разъ сдѣлана погрѣшность 0, $^1/_{100}$, $^2/_{100}$ вершка и т. д. Соединяя ихъ концы непрерывной линіей, мы получимъ кривую, которая называется кривою погрѣшностей. Эта кривая даетъ связь между величиною погрѣшности и числомъ ея повтореній. Лѣвая часть соотвѣтствуетъ отрицательнымъ, правая—положительнымъ погрѣшностямъ. Обѣ части совершенно симметричны. Ордината, представляющая сколько разъ въ рядѣ наблюденій повторяется извѣстная погрѣшность, даетъ очевидно и число измѣреній, содержащихъ эту погрѣшность. Великая заслуга теоріи вѣроятностей заключается

между прочимъ въ открытіи закона этой кривой или закона погрѣшностей. Онъ остается однимъ и тѣмъ-же для всякаго рода наблюденій, подобно тому, какъ законъ всемірнаго тяготѣнія остается одинаковымъ для всякихъ массъ, хотя величина силы мѣняется съ замѣною однихъ массъ другими. Отъ большей или меньшей точности наблюденій зависитъ приближеніе или удаленіе отъ оси ординатъ точекъ перегиба этой кривой, вслѣдствіе чего она или вытягивается кверху или распластывается (фиг. 11); въ первомъ случаѣ увеличивается число малыхъ ошибокъ, во второмъ увеличивается число большихъ.

Часть площади кривой, лежащая вправо отъ перпендикуляра, возставленнаго изъ точки, соотвѣтствующей погрѣшности въ $^1/_{100}$ вершка (площадь XABX фиг. 10), покажетъ сколько сдѣлано погрѣшностей бо́льшихъ $^1/_{100}$ вершка, а площадь COAB представитъ число меньшихъ погрѣшностей. Вы предусматриваете, что есть такая ошибка OD, для которой, построенная такимъ образомъ лѣвая площадь, равна правой площади. OD носитъ названіе вѣроятнѣйшей погрѣшности наблюденій и характеризуетъ степень ихъ точности.

Указанный законъ погрѣшностей примѣнимъ не только къ измѣренію нами производимому, но и къ выполненію какого либо намѣренія. Представимъ себѣ человѣка, стрѣляющаго въ цѣль изъ ружья. Нѣкоторыя пули попадутъ въ цѣль, другія пробьютъ щитъ въ болѣе или менѣе близкихъ разстояніяхъ. Проведемъ черезъ цѣль (фиг. 12) горизонтальную прямую и разобьемъ щитъ на вертикальные прямоугольники (сплошныя линіи). Число пуль въ каждомъ такомъ прямоугольникѣ изобразимъ длинами вертикальныхъ линій (пунктированныя), проходящихъ черезъ середины нашихъ полосъ: концы этихъ линій дадутъ намъ туже самую кривую.

Представимъ себѣ скульптора, который задался бы цѣлью вылѣпить 5,738 человѣческихъ торсовъ и притомъ такъ, чтобы окружность груди каждаго торса равнялась бы $39^{83}/_{100}$ дюйма. Скульпторъ, выполняя свою работу, будетъ конечно дѣлать ошибки, и, по закону человѣческихъ погрѣшностей, мы можемъ вычислить, какія груди онъ сдѣлаетъ въ дѣйствительности, если охарактеризуемъ цифрой аккуратность его работы. Условимся, что вѣроятная погрѣшность его работъ равна $1^{381}/_{1000}$ дюйма.

По этимъ двумъ даннымъ—намѣченной цѣли скульптора—дѣлать груди, имѣющія $39^{83}/_{100}$ д. въ окружности и съ вѣроятною погрѣшностью въ $1^{381}/_{1000}$ д., по формуламъ закона погрѣшностей, мы можемъ вычислить сколько ошибокъ извѣстной величины сдѣлаетъ скульпторъ и слѣдовательно какой величины груди мы встрѣтимъ изъ числа 5738, имъ приготовленныхъ. Результаты вычисленія приведены во второй графѣ прилагаемой таблицы.

Окружность груди 5738 шотландскихъ солдатъ.

Типъ $39^{83}/_{100}$ дюйма.

Вѣроятная погрѣшность $1^{381}/_{1000}$ дюйма.

дюймы	вычислено	измѣрено
33	6	3
34	21	18
35	77	81
36	195	185
37	433	420
38	749	749
39	1021	1073
40	1097	1079
41	950	934
42	637	658
43	342	370
44	144	92
45	47	50
46	16	21
47	2	4
48	1	1

Эта таблица должна быть понимаема такимъ образомъ: противъ цыфры 38, напримѣръ, стоитъ число 749; это значитъ, что изъ числа вылѣпленныхъ грудей, 749 будутъ имѣть окружность, колеблющуюся отъ $37^{1}/_{2}$ до $38^{1}/_{2}$ дюймовъ; цыфра 38 есть средняя окружность такихъ грудей; также нужно понимать и остальныя цыфры.

Въ одномъ изъ сочиненій Кетле приведены заимствованные имъ изъ Эдинбургскаго медицинскаго журнала результаты измѣреній окружности груди 5738 шотландскихъ солдатъ. Результаты этихъ измѣреній помѣщены въ третьей графѣ приведенной таблицы. Вы замѣчаете поражающее совпаденіе цыфръ, представляющихъ работу природы и работу скульптора, задавшагося опредѣленною цѣлью и обладающаго своимъ искусствомъ въ опредѣленной степени. Это совпаденіе было указано Кетле, а затѣмъ и астрономомъ Джономъ Гершелемъ. Я не привелъ вамъ цыфръ ими вычисленныхъ, потому что счелъ своей обязанностью перечислить этотъ примѣръ, прежде чѣмъ представить его вашимъ глазамъ. Полученные результаты мало разнятся отъ результатовъ Гершеля.

Продѣлавъ весь процессъ вычисленій, основанныхъ на пріемахъ, ничего общаго съ физическими качествами человѣка не имѣющихъ, самое примѣненіе которыхъ къ данному случаю казалось странной и пустой забавой, и видя что цыфры, выбѣгавшія изъ подъ карандаша, даютъ мѣру подобныхъ мнѣ живыхъ существъ, я испыталъ не одно только удивленіе. Около насъ, среди нашихъ близкихъ, въ человѣчествѣ, чувствуется власть, которая изъ матеріяла, даваемаго нами жизни, помимо нашей воли выведетъ слѣдствія, по своему, а не по нашему разумѣнію, пошлетъ намъ страданія и скорби. Лишній разъ чувствуется опасность игнорированія окружающаго насъ неизвѣстнаго, вся необходимость изученія его правилъ, чтобы съ ними сообразовать свое поведеніе.

Стремясь открыть законы человѣческихъ обществъ, считающихъ милліоны индивидуумовъ, пытаясь опредѣлить характерныя черты ихъ жизни въ опредѣленную эпоху, статистика не въ состояніи изучать и слѣдить за каждой отдѣльной личностью: она подраздѣляетъ ихъ на группы, имѣющія общія черты, и изъ получаемыхъ этимъ путемъ чиселъ выводитъ слѣдствія. Одна и та же личность не остается неизмѣнно въ одной и той же группѣ; мы имѣемъ передъ собою не останавливающееся перекочевываніе изъ одной группы въ другую. Если молекулярная теорія строенія тѣлъ справедлива, то все наше познаніе о матеріи должно быть статистическаго характера. Представимъ себѣ нѣсколько милліардовъ газовыхъ молекулъ, брошенныхъ въ сосудъ съ какими угодно скоростями,

въ какомъ угодно направленіи. Положимъ, что стѣнки замкнутаго со всѣхъ сторонъ сосуда, содержащаго газъ, не пропускаютъ теплоту и слѣдовательно энергію. Частицы газа, сталкиваясь между собою и со стѣнками, будутъ мѣнять и направленіе своего движенія и свои скорости; но вся энергія газа должна оставаться неизмѣнною. Выдѣлимъ въ этомъ хаосѣ для даннаго момента времени группы молекулъ, находящихся въ различныхъ частяхъ сосуда, но обладающихъ одинаковыми скоростями. Число молекулъ въ каждой группѣ, вслѣдствіе столкновеній, будетъ мѣняться: въ однихъ группахъ число молекулъ будетъ возрастать, въ другихъ уменьшаться. Наконецъ наступитъ такъ называемое стаціонарное состояніе газа, при которомъ, ни одно направленіе движенія не отличается отъ другаго, и число частицъ, обладающихъ опредѣленною скоростью, остается неизмѣннымъ. Какова будетъ зависимость между числомъ частицъ, обладающихъ извѣстною скоростью и величиною этой скорости? Внѣнаучное мышленіе дало бы такой отвѣтъ: всѣ молекулы имѣютъ одинаковую массу, одинаковую упругость, ни одна изъ нихъ не обладаетъ особой привилегіей передъ другою, а потому всѣ скорости должны быть равны. Но за такую скорость мы не можемъ принять среднюю скорость молекулы; мы видѣли раньше изъ примѣра рабочей артели, что замѣна молекулъ съ ихъ дѣйствительными скоростями —молекулами съ средними скоростями, сопряжена съ убылью въ энергіи газа: но въ данномъ случаѣ газъ не можетъ отдавать свою энергію. И такъ такое рѣшеніе не годится. Существуетъ еще одно рѣшеніе съ равными скоростями для всѣхъ молекулъ. Мы можемъ подобрать такую скорость, сообщая которую каждой молекулѣ, получимъ для газа ту энергію, которою онъ дѣйствительно обладаетъ. Но существуетъ только одна такая скорость; всякая скорость меньшая—уменьшитъ энергію, что невозможно по условію задачи; всякая скорость большая предполагаетъ существованіе въ газѣ большей энергіи, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Шансы для того, чтобы милліарды молекулъ могли всѣ безъ исключенія обладать этою единственною, такъ сказать, избранною скоростью, очевидно ничтожны: каждое исключеніе, каждый косой ударъ, постепенно разрушитъ такой искусственный строй. И такъ рѣшеніе задачи нужно искать въ неравномѣрныхъ распредѣленіяхъ скоростей по моле-

кулахъ. Можно придумать безчисленное множество такихъ распредѣленій, удовлетворяющихъ условію сохраненія энергіи въ данномъ газѣ, но только одно изъ нихъ удовлетворяетъ другому условію—неизмѣняемости, прочности. Это распредѣленіе, какъ показалъ Максуэлль въ 1860 г. и позднѣе строже доказалъ Больтцманъ, есть осуществленіе въ мірѣ молекулъ знакомаго уже намъ закона погрѣшностей.

По этому закону связывается число молекулъ, обладающихъ извѣстною слагающею скорости по данному направленію, съ величиною этой слагающей. Эта зала имѣетъ три измѣренія: въ длину, ширину и высоту. Движеніе каждой летящей частицы газа можетъ быть разложено на три, по направленіямъ этихъ трехъ измѣреній; соотвѣтственно этимъ слагающимъ движенія, мы будемъ имѣть и слагающія скоростей. Такимъ образомъ если мы сосчитаемъ частицы, для которыхъ слагающія скорости по длинѣ залы имѣютъ одну величину, затѣмъ частицы, коихъ слагающія скоростей по той же длинѣ залы имѣютъ другую величину и т. д., то зависимость между числомъ частицъ и слагающими ихъ скоростей по длинѣ залы, представится тѣмъ же самымъ закономъ погрѣшностей, который далъ намъ зависимость между окружностью человѣческихъ грудей и ихъ числомъ.

Всматриваясь ближе въ развернувшуюся передъ нами картину, мы приходимъ къ заключенію, что хаосъ не заслуживаетъ того пренебреженія, которымъ даритъ его внѣнаучное мышленіе. Вліяніе хаоса есть вліяніе закономѣрное. Когда природа стремится къ созданію опредѣленнаго типа, вездѣ присущій хаосъ даетъ намъ закономѣрную градацію дѣйствительно воспроизведенныхъ типовъ—однихъ стоящихъ на высшей ступени развитія, другихъ на низшей. Каждый строй и каждый распорядокъ будетъ идеальнымъ при устраненіи постоянныхъ причинъ, его нарушающихъ; но этотъ распорядокъ будетъ вѣчно нарушаться вліяніемъ хаоса, который наложитъ на него печать своеобразной закономѣрности.

Мы знакомы уже съ масштабомъ молекулярнаго міра: онъ наводитъ насъ на новыя размышленія. Капля воды заключаетъ въ себѣ столько же молекулъ, какъ и 1 куб. сант. газа, т. е. около 30 трилліоновъ. Каждая молекула состоитъ изъ множества атомовъ: и все это объято самыми разнообразными

поступательными, вращательными, вибраціонными движеніями! Только эти движенія менѣе интенсивны чѣмъ въ газахъ. Каждая капля есть хаосъ, потому то одна капля такъ похожа на другую. Когда, въ теоретическихъ разсужденіяхъ, намъ приходится изыскивать законы явленій въ тѣлахъ, мы разбиваемъ ихъ мысленно на весьма малые пространственные элементы, тождественные по своимъ физическимъ свойствамъ. Кинетическая теорія приводитъ къ разительному заключенію, что эти основные камни нашихъ умственныхъ построеній суть пространственно микроскопическіе хаосы. Открытіе въ природѣ законовъ и мѣры, обусловливается нашею способностью обнимать въ своемъ ощущеніи только милліарды дѣйствующихъ причинъ. Эта способность вытекаетъ изъ несовершенства и грубости нашихъ органовъ чувствъ. Чтобы сдѣлать это заключеніе нагляднымъ, представимъ себѣ вмѣстѣ съ Максуэллемъ микроскопическое, въ высокой степени подвижное, юркое существо, обладающее, какъ и мы, двумя руками и десятью пальцами. Это будетъ «демонъ» Максуэлля. Демонъ, означаетъ по гречески сверхестественное существо и въ данномъ случаѣ, какъ утверждаетъ знаменитый физикъ Уилльямъ Томсонъ, не служитъ названіемъ существа лукаваго. Демонъ Максуэлля видитъ и осязаетъ атомы, онъ играетъ съ ними какъ дѣти съ мячемъ, не нарушая, какъ и всякое другое существо природы, закона сохраненія энергіи. Многое, для насъ невозможное, для него возможно. Напримѣръ, газъ, заключенный въ сосудъ, во всѣхъ своихъ частяхъ имѣетъ одну и туже температуру и давленіе. Мы не въ состояніи безъ затраты энергіи охладить одну часть газа и нагрѣть другую. Положимъ, что мы раздѣлили нашъ сосудъ на двѣ части перегородкой, непропускающей теплоту, и нижнюю часть сосуда погрузили въ ледъ. Газъ, въ ней находящійся, охладится и отдастъ льду нѣкоторое количество теплоты. Это отданное тепло скрыто въ той водѣ, которая получается отъ таянія льда; собирая эту воду, мы соберемъ и скрытую въ ней теплоту. Но можемъ ли мы этой ледяной водой нагрѣть газъ въ верхней части сосуда? очевидно нѣтъ. Намъ нужно или взять для этой цѣли горячее тѣло, или сжать газъ; словомъ истратить энергію. Всѣ эти сложные процессы неизбѣжны, потому что для насъ существуетъ законъ термодинамики, гласящій, что нельзя перевести теплоту изъ тѣла холоднаго въ болѣе теплое безъ затраты энергіи,

Для демона Максуэлля этотъ законъ не существуетъ. Ему не нужно ни льду, ни горячаго тѣла, ни затраты работы. Положимъ, что стѣнки нашего сосуда тверды и не пропускаютъ теплоту. Внутри сосуда находится и нашъ демонъ. Онъ ставитъ перегородку тоже твердую, непропускающую теплоту, раздѣляющую сосудъ на двѣ части — верхнюю и нижнюю. Въ перегородкѣ онъ дѣлаетъ отверстіе, у этого отверстія заслонку, и начинаетъ наблюдать. Если къ отверстію изъ верхней части сосуда подлетаетъ молекула съ очень большою скоростью, онъ закрываетъ заслонку: молекула отскакиваетъ и остается въ верхней части. Если же къ отверстію приближается молекула съ малою скоростью, онъ ее пропускаетъ въ нижнюю часть сосуда. На оборотъ, всѣ молекулы съ большими скоростями изъ нижней части сосуда онъ пропускаетъ въ верхнюю, а съ малыми скоростями не пропускаетъ. Въ результатѣ, въ верхней части сосуда соберутся молекулы съ большими скоростями, т. е. съ большой живой силой: верхній газъ будетъ горячій; въ нижней же части соберутся молекулы съ малыми скоростями, газъ внизу сосуда будетъ холодный. Возьмемъ другой примѣръ. Положимъ, что въ сосудѣ заключены водяные пары. У насъ одно средство разложить этотъ паръ на кислородъ и водородъ: это — нагрѣть этотъ паръ до температуры свыше 1000 градусовъ, причемъ произойдетъ диссоціяція пара, т. е. молекулы пара будутъ сталкиваться другъ съ другомъ съ такой силой, что прочность молекулъ будетъ нарушена и они распадутся на молекулы кислорода и водорода.

Демону Максуэлля ничего этого не нужно: съ задачей онъ справляется просто. Онъ ставитъ въ сосудѣ опять перегородку съ отверстіемъ и заслонкой, и, при помощи этой западни, сортируетъ молекулы такъ, что въ одной части сосуда соберутся молекулы съ весьма большими скоростями и эти молекулы будутъ диссоціироваться, т. е. разложатся на кислородъ и водородъ. Демонъ ихъ раздѣлитъ, затѣмъ заставитъ ихъ черезъ упругую перегородку передать свою живую силу остальному пару и т. д., пока весь паръ не будетъ разложенъ на свои составныя части.

Мы видимъ, что грубость нашихъ органовъ чувствъ дѣлаетъ насъ съ одной стороны способными къ обобщенію, съ другой создаетъ невозможности, которыя мы считаемъ тоже

законами природы. Тѣ и другіе относятся къ существующему распорядку въ природѣ, но многіе изъ нихъ могли бы быть иными, потому что этотъ распорядокъ могъ бы быть измѣняемъ разумными существами, обладающими иною организаціей чѣмъ наша.

Для демона Максуэлля не существовали бы многіе изъ извѣстныхъ намъ законовъ природы, не существовали бы многія *невозможности*. Ему не страшно было бы разсѣяніе энергіи, столь грозное для судьбы человѣчества.

Свѣденія, касающіяся различія и распространенія молекулъ, даютъ химія и спектральный анализъ. Химія насчитываетъ на нашей планетѣ около 70 различныхъ простыхъ веществъ или элементовъ. Спектральный анализъ показалъ намъ въ небесныхъ тѣлахъ присутствіе земныхъ веществъ. Въ спектрѣ звѣздъ и туманностей мы открываемъ тѣ самыя линіи, которыя наблюдаются въ нашихъ лабораторіяхъ въ спектрѣ водорода.

Въ сентябрѣ 1873 г. Максуэлль произнесъ свою знаменитую рѣчь о молекулахъ передъ Британской ассоціаціей наукъ въ Брадфордѣ. Въ этой рѣчи онъ проводилъ мысль о тождествѣ молекулъ одного и того же простого вещества и о неизмѣняемости свойствъ этихъ молекулъ. Представимъ себѣ пустой улей съ роемъ пчелъ. Ударами въ стѣнки улья будемъ безпокоить пчелъ такъ, чтобы они находились въ непрерывномъ движеніи. Одни пчелы обладаютъ меньшей массой—это пчелы работницы, другіе большей—это трутни. Допустимъ, что, въ среднемъ, живая сила полета пчелы работницы одинакова съ живой силой полета трутня. Такъ какъ масса трутня больше, то, въ среднемъ, скорость полета трутня будетъ меньше скорости полета работницы.

Послѣднія, двигаясь съ большими скоростями, будутъ въ своемъ движеніи быстрѣе облетать всѣ углы улья и попадать въ летокъ. Въ данное время изъ улья вылетитъ больше пчелъ работницъ чѣмъ трутней, мы можемъ слѣдовательно просѣять нашихъ пчелъ черезъ летокъ, и въ ульѣ останутся по преимуществу трутни. Мы раздѣляемъ этимъ путемъ пчелъ съ большей массой отъ пчелъ съ меньшей массой. Если какой нибудь газъ, напр. водородъ, состоитъ изъ молекулъ различной массы,

мы можемъ просѣять такой газъ черезъ тонкое отверстіе или черезъ пористую перегородку, и раздѣлить молекулы большей массы отъ молекулъ меньшей массы. Такой опытъ надъ диффузіей газовъ всегда приводитъ къ одному заключенію, что какъ газъ диффундировавшій изъ сосуда, такъ и оставшійся въ немъ, обладаютъ одинаковою плотностью; отсюда слѣдуетъ, что молекулы одного и того же газа имѣютъ одинаковую массу. Но не только одинаковость массы характеризуетъ однородныя молекулы, но и тождественность всѣхъ ихъ остальныхъ свойствъ. Мы можемъ, говоритъ Максуэлль, получить образчики кислорода изъ матеріяловъ весьма разнообразныхъ—воздуха, воды, скалъ различныхъ геологическихъ эпохъ. Точно также мы можемъ извлечь водородъ изъ воды, каменнаго угля, изъ упавшихъ аэролитовъ. Если мы возьмемъ 2 литра любого изъ этихъ водородовъ и 1 литръ любого изъ добытыхъ кислородовъ, они, соединившись, дадутъ всегда 2 объема водяного пара.

Если бы любой изъ взятыхъ нами образчиковъ, въ предшествовавшую эпоху, когда онъ входилъ въ составъ моря или скалы, или пролеталъ небесныя пространства съ содержавшимъ его метеоритомъ, испыталъ бы какія нибудь измѣненія, мы не получили бы приведеннаго нами результата. Спектральный анализъ показалъ намъ присутствіе водорода въ небесныхъ свѣтилахъ, и спектръ этого водорода тождественъ съ тѣмъ, который мы получаемъ въ нашихъ лабораторіяхъ.

И такъ молекула простого тѣла остается неразрушимой и неизмѣнной среди міровъ и ихъ превращеній. Молекула не можетъ быть продуктомъ жизни или эволюціи, потому что жизнь и эволюція не создаютъ тождественныхъ типовъ. По мнѣнію Максуэлля, образованіе молекулы не можетъ быть объяснено никакимъ естественнымъ процессомъ: молекула, носящая по всему мірозданію столь явственный отпечатокъ опредѣленной мѣры, есть фабричный продуктъ—она сфабрикована. Здѣсь, на молекулахъ, должна остановиться исторія вещества.

Вотъ заключительныя слова Максуэлля:

«Форма и размѣры планетныхъ орбитъ не опредѣлены «никакимъ закономъ природы: они обусловлены только особымъ «размѣщеніемъ вещества въ пространствѣ. То же самое слѣ«дуетъ сказать и о размѣрахъ земли, давшихъ основную еди«ницу длины—метръ. Но научное значеніе этихъ астрономиче-

«скихъ и земныхъ величинъ ничтожно по отношенію къ зна-«ченію мѣры, составляющей основу молекулярной системы. Мы «знаемъ, что существуютъ естественныя причины, которыя мо-«гутъ измѣнить и въ концѣ концовъ разрушить расположеніе «и размѣры земли, планетъ и солнца. Но каковы бы ни были «катастрофы въ небесныхъ пространствахъ, въ отдаленномъ «будущемъ или въ настоящее время, каково бы ни было раз-«рушеніе старыхъ міровъ и нарожденіе изъ ихъ обломковъ «новыхъ, молекулы изъ коихъ построены эти міры—основные «камни мірозданія—не измѣнятся ни въ своихъ размѣрахъ, ни «въ своихъ свойствахъ. Сегодня, какъ и въ моментъ творче-«скаго акта, они совершенны въ числѣ, мѣрѣ и вѣсѣ. Печать «неразрушимости, наложенная на эти свойства, поучаетъ насъ, «что стремленія къ точности въ измѣреніи и правдѣ въ дѣй-«ствіи, считаемыя нами въ числѣ благороднѣйшихъ аттрибу-«товъ человѣка, даны намъ, потому что они представляютъ «существенныя черты Сотворившаго въ началѣ не только небо «и землю, но и элементы неба и земли».

Приведенное мѣсто свидѣтельствуетъ о тѣхъ возвышенныхъ мысляхъ, которыя были неизмѣнными спутниками Максуэлля въ его научныхъ работахъ. Они занимаютъ видное мѣсто въ ряду мотивовъ, побуждавшихъ его искать одну истину,—въ числѣ мотивовъ, оберегавшихъ его выводы и заключенія отъ вліянія предвзятыхъ взглядовъ, не относящихся къ области точной науки. Имѣя намѣреніе подробно коснуться вопроса о неизмѣняемости молекулъ, я сдѣлаю выписку изъ книги Максуэлля о теплотѣ, дающую ясное представленіе объ его отношеніи къ этому вопросу:

«Молекулы одного и того же вещества въ точности равны «другъ другу, но отличаются отъ молекулъ другихъ веществъ. «Не существуетъ никакого правильнаго возрастанія массъ мо-«лекулъ, начиная съ наиболѣе легкаго изъ извѣстныхъ намъ «веществъ — водорода и кончая напр. висмутомъ; молекулы «распадаются на ограниченное число классовъ или родовъ, для «которыхъ они строго тождественны. Не найдено никакихъ «промежуточныхъ членовъ, которые связывали бы одинъ родъ «молекулъ съ другимъ, подчиняя ихъ извѣстной градаціи.

«Наши мысли обращаются здѣсь къ теоріямъ, касающимся «соотношеній между видами живыхъ существъ. Мы находимъ,

«что здѣсь индивидуумы естественно классифицируются въ от-«дѣльные роды, между которыми тоже нѣтъ промежуточныхъ «членовъ. Но въ каждомъ родѣ мы встрѣчаемъ измѣненія, не-«прерывное воспроизведеніе и разрушеніе индивидуумовъ.

«Потому то и возможно построеніе теоріи, по которой «существующій порядокъ вещей можетъ быть объясненъ вос-«произведеніемъ, измѣненіемъ и подборомъ при разрушеніи.

«Напротивъ того, каждый индивидуумъ въ мірѣ молекулъ «остается вѣчнымъ. Здѣсь нѣтъ рожденія, разрушенія, измѣ-«ненія, и нѣтъ никакого различія между индивидуумами одного «и того же рода.

«Вотъ почему теорія, съ которой мы до такой степени «освоились и извѣстная подъ названіемъ эволюціонной теоріи, «не можетъ быть примѣнена къ молекуламъ». (Theory of Heat, fourth edition, 1875 p. 330).

Фабрикація миріядъ молекулъ по одному и тому же образцу даетъ намъ столько же мыслей, какъ чеканка ходячей монеты. Наука привыкла видѣть въ природѣ мѣру, но не шаблонъ. Актъ фабричный не есть актъ творческій. Взгляды человѣка науки въ вопросахъ подобнаго рода, прекрасно формулированы самимъ Максуэллемъ въ I томѣ своего замѣчательнаго трактата объ электричествѣ и магнетизмѣ:

«Взаимное вліяніе двухъ тѣлъ можно разсматривать или «какъ результатъ извѣстнаго состоянія раздѣляющей ихъ среды, «или какъ прямое дѣйствіе на разстояніи. Если мы будемъ ис-«ходить изъ послѣдняго предположенія, то хотя и можно придти «къ выраженію закона взаимодѣйствія между обоими тѣлами, «*но дальнѣйшее мышленіе о процессѣ*, обусловливающемъ взаимо-«дѣйствіе двухъ тѣлъ — исключается. Наоборотъ первое пред-«ставленіе пробуждаетъ насъ изучать процессъ, который про-«исходитъ въ каждой части среды при взаимодѣйствіи погру-«женныхъ въ нее тѣлъ».

Рѣчь Максуэлля вызвала цѣлый рядъ возраженій тѣмъ болѣе, что она находилась въ прямомъ противорѣчіи съ взгля-дами многихъ естествоиспытателей.

Во второй половинѣ 17-го вѣка Бойль высказывалъ мнѣ-ніе, что «существуетъ универсальная матерія, общая всѣмъ тѣламъ—протяженное, дѣлимое и непроницаемое вещество».

Въ началѣ нашего столѣтія мы встрѣчаемся съ сомнѣні-

ями Дальтона: «мы не знаемъ, не можетъ ли быть разложено одно изъ тѣлъ, считаемыхъ нами простыми».

Грэмъ говоритъ: «можно себѣ представить, что различные виды вещества, считаемые нами теперь элементами, состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же атомовъ, находящихся въ различныхъ состояніяхъ движенія. Единство вещества есть гипотеза, гармонирующая съ одинаковымъ дѣйствіемъ тяготѣнія на всѣ тѣла».

Я не буду останавливаться въ подробностяхъ на различныхъ фазисахъ развитія занимающаго насъ вопроса. Самымъ выдающимся является открытіе нашимъ химикомъ Менделѣевымъ такъ называемой періодической системы элементовъ. Припомните широкую каменную лѣстницу, спускающуюся съ Одесскаго бульвара къ морю. Отсчитаемъ сверху внизъ 17 ступеней, и проведемъ по нимъ тоже сверху внизъ рядъ цвѣтныхъ полосъ: фіолетовую, голубую, зеленую, желтую, оранжевую, красную. Возможно размѣстить химическіе элементы по раскрашеннымъ квадратамъ лѣстницы такъ, что нумеръ или высота ступени, и цвѣтъ квадрата, вполнѣ опредѣлятъ химическое свойство, лежащаго на немъ элемента. Спускающіяся цвѣтныя полосы представятъ намъ ряды Менделѣева. Элементы, помѣщенные на одной и той же ступени, родственны, такъ какъ высота ихъ одинакова; градація ихъ свойствъ представляется послѣдовательностью цвѣтовъ, занимаемыхъ ими квадратовъ: фіолетоваго, голубаго, зеленаго и т. д. Одинаковая послѣдовательность этихъ цвѣтовъ на различныхъ ступеняхъ, выражаетъ родство между градаціей въ свойствахъ элементовъ одной ступени съ градаціей свойствъ на другой ступени. Соотношеніе фіолетовыхъ элементовъ на двухъ различныхъ ступеняхъ родственно съ соотношеніемъ элементовъ голубыхъ, зеленыхъ и т. д. лежащихъ на тѣхъ же двухъ ступеняхъ, такъ какъ разность ихъ высотъ одинакова. При расположеніи элементовъ въ такіе періоды, оказалось нѣсколько пустыхъ квадратовъ на различныхъ ступеняхъ. Если такое расположеніе не искусственно, а представляетъ законъ природы, должно ожидать, что пустымъ мѣстамъ соотвѣтствуютъ еще неизвѣстные намъ элементы. По цвѣту мѣста и по нумеру ступени, Менделѣевъ предсказалъ свойства неизвѣстныхъ элементовъ. Предсказанія Менделѣева сбылись. Тѣла имъ указанныя и съ указанными свойствами были открыты: это три новыхъ элемента—галлій,

скандій и германій. Періодическая система элементовъ говоритъ въ пользу общности ихъ происхожденія, въ пользу ихъ родства. Такимъ образомъ отпадаетъ одинъ изъ приведенныхъ выше аргументовъ Максуэлля. Въ рѣчи читанной въ сентябрѣ 1886 г. передъ Британской ассоціаціей наукъ, извѣстный химикъ Уилльямъ Круксъ, основываясь на открытіи Менделѣева, изложилъ гипотезу послѣдовательнаго образованія элементовъ при постепенномъ охлажденіи первобытнаго вещества: протила, — когда-то въ раскаленномъ состояніи наполнявшаго вселенную.

Мысли Крукса остаются гипотезой и до настоящаго времени. Въ рѣчи, произнесенной на послѣднемъ съѣздѣ Британской ассоціаціи наукъ въ Манчестерѣ, Роскоэ, обозрѣвая вопросъ о происхожденіи элементовъ, говоритъ:

«Въ настоящую минуту и пока не будутъ приведены новыя доказательства, химикъ продолжаетъ смотрѣть на элементы, какъ на неизмѣнные основные камни, на которыхъ зиждется наука».

Но, мм. гг., не проливаетъ-ли кинетическая теорія газовъ новый свѣтъ на эти вопросы? Изъ многочисленныхъ фактовъ диссоціаціи вещества, т. е. распаденія его молекулы на молекулы простѣйшія подъ вліяніемъ высокой температуры, я остановлюсь на одномъ. Плотность паровъ іода между 300° и 800° равна 8,786. Между температурами отъ 1400° до 1500°, плотность паровъ іода вполовину меньше прежней; это значитъ, по ученію химиковъ, что молекула іода при такой высокой температурѣ расщепилась на двѣ простѣйшія.

И такъ, чтобы расщепить молекулу іода на двѣ, нужно повысить ея температуру до 1400°. Но по основнымъ воззрѣніямъ кинетической теоріи газовъ, температура молекулы возрастаетъ вмѣстѣ съ ея живой силой, а слѣдовательно и вмѣстѣ съ ея скоростью. Въ парахъ іода при 500°, молекулы обладаютъ всевозможными скоростями, большими и малыми. Иными словами, какъ я уже имѣлъ случай указать ранѣе, въ парахъ іода при 500°, считаемыхъ химиками нераспавшимися на молекулы простѣйшія, только нѣкоторыя изъ этихъ молекулъ имѣютъ температуру равную 500°, другія-же имѣютъ температуру меньшую, третьи — температуру, доходящую до 1400° и выше. Эти послѣднія должны распадаться на молекулы простѣйшія. Одна и таже молекула, мѣняя свои скорости при столк-

ями Дальтона: «мы не знаемъ, не можетъ ли быть разложено одно изъ тѣлъ, считаемыхъ нами простыми».

Грэмъ говоритъ: «можно себѣ представить, что различные виды вещества, считаемые нами теперь элементами, состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же атомовъ, находящихся въ различныхъ состояніяхъ движенія. Единство вещества есть гипотеза, гармонирующая съ одинаковымъ дѣйствіемъ тяготѣнія на всѣ тѣла».

Я не буду останавливаться въ подробностяхъ на различныхъ фазисахъ развитія занимающаго насъ вопроса. Самымъ выдающимся является открытіе нашимъ химикомъ Менделѣевымъ такъ называемой періодической системы элементовъ. Припомните широкую каменную лѣстницу, спускающуюся съ Одесскаго бульвара къ морю. Отсчитаемъ сверху внизъ 17 ступеней, и проведемъ по нимъ тоже сверху внизъ рядъ цвѣтныхъ полосъ: фіолетовую, голубую, зеленую, желтую, оранжевую, красную. Возможно размѣстить химическіе элементы по раскрашеннымъ квадратамъ лѣстницы такъ, что нумеръ или высота ступени, и цвѣтъ квадрата, вполнѣ опредѣлятъ химическое свойство, лежащаго на немъ элемента. Спускающіяся цвѣтныя полосы представятъ намъ ряды Менделѣева. Элементы, помѣщенные на одной и той же ступени, родственны, такъ какъ высота ихъ одинакова; градація ихъ свойствъ представляется послѣдовательностью цвѣтовъ, занимаемыхъ ими квадратовъ: фіолетоваго, голубаго, зеленаго и т. д. Одинаковая послѣдовательность этихъ цвѣтовъ на различныхъ ступеняхъ, выражаетъ родство между градаціей въ свойствахъ элементовъ одной ступени съ градаціей свойствъ на другой ступени. Соотношеніе фіолетовыхъ элементовъ на двухъ различныхъ ступеняхъ родственно съ соотношеніемъ элементовъ голубыхъ, зеленыхъ и т. д. лежащихъ на тѣхъ же двухъ ступеняхъ, такъ какъ разность ихъ высотъ одинакова. При расположеніи элементовъ въ такіе періоды, оказалось нѣсколько пустыхъ квадратовъ на различныхъ ступеняхъ. Если такое расположеніе не искусственно, а представляетъ законъ природы, должно ожидать, что пустымъ мѣстамъ соотвѣтствуютъ еще неизвѣстные намъ элементы. По цвѣту мѣста и по нумеру ступени, Менделѣевъ предсказалъ свойства неизвѣстныхъ элементовъ. Предсказанія Менделѣева сбылись. Тѣла имъ указанныя и съ указанными свойствами были открыты: это три новыхъ элемента—галлій,

скандій и германій. Періодическая система элементовъ говоритъ въ пользу общности ихъ происхожденія, въ пользу ихъ родства. Такимъ образомъ отпадаетъ одинъ изъ приведенныхъ выше аргументовъ Максуэлля. Въ рѣчи читанной въ сентябрѣ 1886 г. передъ Британской ассоціаціей наукъ, извѣстный химикъ Уилльямъ Круксъ, основываясь на открытіи Менделѣева, изложилъ гипотезу послѣдовательнаго образованія элементовъ при постепенномъ охлажденіи первобытнаго вещества: протила, — когда-то въ раскаленномъ состояніи наполнявшаго вселенную.

Мысли Крукса остаются гипотезой и до настоящаго времени. Въ рѣчи, произнесенной на послѣднемъ съѣздѣ Британской ассоціаціи наукъ въ Манчестерѣ, Роскоэ, обозрѣвая вопросъ о происхожденіи элементовъ, говоритъ:

«Въ настоящую минуту и пока не будутъ приведены новыя доказательства, химикъ продолжаетъ смотрѣть на элементы, какъ на неизмѣнные основные камни, на которыхъ зиждется наука».

Но, мм. гг., не проливаетъ-ли кинетическая теорія газовъ новый свѣтъ на эти вопросы? Изъ многочисленныхъ фактовъ диссоціаціи вещества, т. е. распаденія его молекулы на молекулы простѣйшія подъ вліяніемъ высокой температуры, я остановлюсь на одномъ. Плотность паровъ іода между 300° и 800° равна 8,786. Между температурами отъ 1400° до 1500°, плотность паровъ іода вполовину меньше прежней; это значитъ, по ученію химиковъ, что молекула іода при такой высокой температурѣ расщепилась на двѣ простѣйшія.

И такъ, чтобы расщепить молекулу іода на двѣ, нужно повысить ея температуру до 1400°. Но по основнымъ воззрѣніямъ кинетической теоріи газовъ, температура молекулы возрастаетъ вмѣстѣ съ ея живой силой, а слѣдовательно и вмѣстѣ съ ея скоростью. Въ парахъ іода при 500°, молекулы обладаютъ всевозможными скоростями, большими и малыми. Иными словами, какъ я уже имѣлъ случай указать ранѣе, въ парахъ іода при 500°, считаемыхъ химиками нераспавшимися на молекулы простѣйшія, только нѣкоторыя изъ этихъ молекулъ имѣютъ температуру равную 500°, другія-же имѣютъ температуру меньшую, третьи — температуру, доходящую до 1400° и выше. Эти послѣднія должны распадаться на молекулы простѣйшія. Одна и таже молекула, мѣняя свои скорости при столк-

хранимъ ее, но и накопимъ этимъ путемъ измѣримое количество новаго вещества. Роль демона Максуэлля въ данномъ случаѣ играетъ известь: образовавшаяся молекула ангидрида азотной кислоты, попадая на известь вступаетъ въ соединеніе съ нею и такимъ образомъ сберегается. Объясненіе такого процесса присутствіемъ низшихъ организмовъ не устраняетъ приведеннаго разсужденія, такъ какъ для образованія химическаго соединенія столкновеніе слагающихъ молекулъ неизбѣжно. Многіе процессы природы въ мірѣ растительномъ и животномъ, носящіе характеръ цѣлесообразности, имѣютъ своимъ основаніемъ, по мнѣнію Пфаундлера, присутствіе такихъ органовъ или такихъ веществъ, которые сберегаютъ, сохраняютъ, а потому и накопляютъ только то, что даетъ случай, то, что есть результатъ хаоса. Напримѣръ нѣтъ надобности принимать въ растеніяхъ особыхъ органовъ, приготовляющихъ изъ угольной кислоты и воды съ выдѣленіемъ кислорода—муравьиную кислоту. Изъ безчисленныхъ столкновеній молекулъ водяного пара и молекулъ угольной кислоты, есть такія, которыя способствуютъ образованію молекулы муравьиной кислоты. Если есть органъ поглощающій эту, рожденную случаемъ, рожденную хаосомъ, молекулу, то въ немъ постепенно будетъ отлагаться эта кислота, между тѣмъ какъ самый органъ не обладаетъ приспособленіями для приготовленія этого вещества.

Какимъ же образомъ химики опредѣляютъ молекулы, тождественныя по своимъ массамъ и свойствамъ? По закону Авогадро, равные объемы газовъ при одинаковой температурѣ и при одинаковомъ давленіи содержатъ равное число молекулъ. Поэтому, взявши равные объемы водорода и паровъ іода при температурѣ 500° и при одинаковомъ давленіи, химикъ говоритъ, что отношеніе молекулярныхъ вѣсовъ іода и водорода равно отношенію вѣсовъ взятыхъ объемовъ; оно будетъ 127. Такимъ образомъ химикъ находитъ, что масса молекулы іода въ 127 разъ больше молекулы водорода. Но какую молекулу онъ взвѣсилъ? Мы показали, что пары іода содержатъ по крайней мѣрѣ два сорта молекулъ: расщепленныхъ и не расщепленныхъ. Химикъ взвѣшиваетъ въ объемѣ іода и тѣ и другія. Что же значитъ выраженіе, что молекула іода въ 127 разъ тяжелѣе молекулы водорода? Представьте себѣ группу людей одной и той же національности, но конечно другъ на друга не

похожихъ. Снимайте ихъ фотографическіе портреты на одну и туже пластинку такъ, чтобы одно лице накладывалось на другое: вы получите въ результатѣ лице, въ дѣйствительности несуществующее: мы назовемъ его среднимъ. Вотъ такую среднюю, реально несуществующую молекулу и опредѣляютъ химики. Понятно, что всегда окажется, что такая молекула неизмѣнна въ своей массѣ и своихъ свойствахъ. Химическая молекула есть основный символъ науки, не представляющій реальной физической молекулы. При 1400° химическая молекула іода имѣетъ массу только въ 64 раза бо́льшую молекулы водорода. Эта цыфра имѣетъ тоже символическое значеніе. Выходя изъ этихъ химическихъ символовъ, мы говорили о нерасщепленной и расщепленной молекулѣ: вы видите, что такая сортировка молекулъ чисто условная и что нѣтъ никакихъ основаній для принятія только этихъ двухъ различныхъ строеній молекулы іода; напротивъ того, постоянно измѣняющаяся плотность паровъ іода между 800° и 1400°, указываетъ на существованіе молекулъ различныхъ строеній, хотя очень непрочныхъ; механическое представленіе о результатахъ столкновенія системъ, тоже говоритъ въ пользу самыхъ разнообразныхъ формъ распаденія и образованія. Намъ не важно, будутъ ли эти формы прочны или непрочны; важно то, что химическая молекула есть обозначеніе микроскопическаго, но весьма разнообразнаго міра молекулъ, самыхъ причудливыхъ строеній и обладающихъ всевозможными скоростями. Химическая молекула есть *микрокозмъ*, и этотъ болѣе правильный терминъ слѣдовало бы ввести въ науку вмѣсто прежняго. Молекула водорода состоитъ изъ 2-хъ атомовъ, по ученію химиковъ. Химическій атомъ есть тоже микрокозмъ. Такое опредѣленіе устраняетъ необходимость гипотезы о недѣлимости атомовъ, устраняетъ лишнюю преграду человѣческому мышленію, замѣняя непонятный терминъ—идеей. Микрокозмъ и дѣлимъ и не дѣлимъ. Какой нибудь объемъ газа, мы можемъ себѣ представить состоящимъ напримѣръ изъ 100 микрокозмовъ, изъ коихъ каждый похожъ на другой, какъ одинъ хаосъ похожъ на другой хаосъ. Раздѣлимъ одинъ изъ этихъ микрокозмовъ: условія его нарушаются, но двѣ его части вмѣстѣ съ остальными 99 микрокозмами перераспредѣляются и въ результатѣ даютъ снова тѣже самые 100 микрокозмовъ.

И такъ молекулы — не *сфабрикованные предметы!*

И такъ молекулы одного и того же тѣла не тождественны по своей массѣ и своему строенію. Это заключеніе бросаетъ свѣтъ и на явленія спектральнаго анализа. Чтобы объяснить множество свѣтовыхъ лучей различнаго цвѣта въ полосатыхъ и линейныхъ спектрахъ, намъ нѣтъ необходимости принимать сложность строенія молекулы; лучи испускаются молекулами самыхъ разнообразныхъ строеній, въ разнообразныхъ стадіяхъ расщепленія. Наиболѣе рѣзкія линіи спектровъ будутъ посылаемы средними молекулами. Иными словами спектръ характеризуетъ микрокозмъ вещества. Сложность спектровъ газовъ служитъ на мой взглядъ лучшимъ доказательствомъ изложенныхъ воззрѣній. Выводы кинетической теоріи газовъ основаны на предположеніяхъ, устраняющихъ возможность распаденія молекулъ; поэтому стаціонарность состоянія опредѣляется только по отношенію къ поступательнымъ движеніямъ молекулъ и не вводится условіе неизмѣняемости распредѣленія строенія молекулъ. Такимъ образомъ кинетическая теорія газовъ, въ ея современномъ состояніи, представляетъ только образчикъ приложенія основнаго метода изслѣдованія явленій молекулярнаго міра къ идеальнымъ случаямъ.

Но возможна-ли для молекулъ жизнь, эволюція? Самые факты диссоціаціи показываютъ уже, что микрокозмъ есть продуктъ условій, при которыхъ мы его наблюдаемъ, продуктъ жизни. Но обратимся къ другимъ фактамъ. Въ какой нибудь туманности, плавающей въ далекомъ небесномъ пространствѣ, мы находимъ тѣ самыя спектральныя линіи, которыя даетъ намъ водородъ, въ чрезвычайно разрѣженномъ состояніи наполняющій стеклянную трубку, черезъ которую мы пропускаемъ въ нашей лабораторіи электрическій токъ. Но это не тотъ водородъ, который я получаю разложеніемъ воды. Правда, я наполнилъ трубку обыкновеннымъ водородомъ, но затѣмъ я его разрѣдилъ и подвергнулъ его молекулы дѣйствію электрическаго разряда. Это дѣйствіе очень энергично: чтобы получить линейный спектръ водорода, нужно, по измѣренію E. Wiedemann'а сообщить, при посредствѣ электричества, грамму водорода энергію, которая могла бы одинъ граммъ воды нагрѣть до невѣроятной температуры 128,000°. Этимъ путемъ мы видоизмѣняемъ свойства водорода: такой водородъ, какъ говорятъ, находится въ аллотропическомъ состояніи. Онъ искусственно

приготовляется въ лабораторіяхъ, но въ естественномъ состояніи его нѣтъ нигдѣ на земномъ шарѣ. Въ 1828 г. химикъ Wöhler сдѣлалъ свое знаменитое открытіе искусственнаго приготовленія мочевины: слѣдуетъ-ли изъ этого, что это вещество въ природѣ не есть продуктъ эволюціи?

Я перехожу теперь къ изложенію идей Максуэлля относительно дальнодѣйствующихъ силъ и связи электромагнитныхъ явленій съ свѣтовыми. Кромѣ общаго свойства всѣхъ тѣлъ тяготѣть другъ къ другу, мы находимъ дальнодѣйствующія силы, появляющіяся между тѣлами только при извѣстныхъ условіяхъ. Сюда относятся: взаимодѣйствіе тѣлъ наэлектризованныхъ или намагниченныхъ; дѣйствіе гальваническаго тока на магнитъ, взаимодѣйствіе двухъ гальваническихъ токовъ между собою. Затѣмъ мы имѣемъ еще другой рядъ дѣйствій, называемыхъ индукціей или наведеніемъ электрическаго тока. Приближеніемъ или удаленіемъ магнита отъ проволоки, мы вызываемъ въ ней электрическій токъ. Если я приближаю или удаляю проволоку съ гальваническимъ токомъ относительно другой безъ тока, то въ послѣдней появляется токъ. И такъ мы имѣемъ въ природѣ цѣлый рядъ силъ, обнаруживающихъ свое дѣйствіе на разстояніяхъ.

Толчкомъ къ допущенію силъ, дѣйствующихъ на разстояніи безъ всякаго посредства, послужило открытіе Ньютономъ закона всемірнаго тяготѣнія. По этому закону, массы дѣйствующихъ тѣлъ и разстояніе между ними, вполнѣ опредѣляютъ величину силы и дѣлаютъ какъ будто излишнимъ принятіе чего, то третьяго. При своемъ обнародованіи, законъ тяготѣнія встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны передовыхъ философовъ того времени, которые объясняли взаимодѣйствія при помощи промежуточнаго звена, представлявшагося имъ или вихрями, окружающими планеты, или испареніями, окружавшими магниты, или атмосферами, окружавшими наэлектризованныя тѣла.

Что касается Ньютона, то самъ онъ строго различалъ законъ, выражавшій дѣйствіе силы, и причину, обусловливавшую эту силу. Непосредственное дѣйствіе на разстояніи казалось ему настолько несогласнымъ съ физическими свойствами вещества, что онъ не могъ считать его свойствомъ, присущимъ

матеріи. Это видно изъ слѣдующаго его письма къ Бентлею: «Непонятно какимъ образомъ грубая, неодушевленная матерія, можетъ безъ посредства чего нибудь нематеріяльнаго, дѣйствовать, вліять на другое вещество, не соприкасаясь съ нимъ, какъ это должно быть, если тяготѣніе, въ смыслѣ Эпикура, есть ея существенное свойство. Допускать, что тяготѣніе есть врожденное, присущее и существенное свойство матеріи, благодаря которому тѣло можетъ дѣйствовать на другое на разстояніи черезъ пустоту, безъ посредства чего нибудь, что передавало бы дѣйствіе и силу отъ одного тѣла къ другому, представляется мнѣ столь большой нелѣпостью, что я не думаю, чтобы человѣкъ, компетентный въ философскомъ мышленіи, могъ когда либо ее сдѣлать».

Ньютонъ пытался однако отыскать объясненіе тяготѣнія давленіемъ среды, въ которую погружены тѣла. Усилія его были напрасны и вотъ что говоритъ онъ: «Тяготѣніе обусловливается дѣятелемъ, неизмѣнно дѣйствующимъ по опредѣленнымъ законамъ; но я предоставляю на усмотрѣніе читателя вопросъ о матеріяльной или нематеріяльной природѣ этого дѣятеля».

Эти отрывки взяты изъ писемъ Ньютона къ Ричарду Бентлею. Невозможность примиренія съ мыслью о непосредственномъ дѣйствіи вещества на разстояніи, особенно рѣзко выступаетъ въ лекціяхъ, читанныхъ этимъ знаменитымъ филологомъ и критикомъ противъ атеизма:

«Сила тяготѣнія не можетъ считаться присущимъ и существеннымъ свойствомъ вещества. Въ существованіи силы тяготѣнія, не составляющей существенныхъ признаковъ матеріи, мы видимъ новый и неопровержимый аргументъ въ пользу существованія божественной субстанціи, представляющій прямое и положительное доказательство того, что міроздание держится нематеріяльнымъ, живымъ духомъ, управляющимъ и вліяющимъ на мертвую матерію».

Изъ вышесказаннаго ясно, что какъ противники дѣйствія на разстояніи, такъ и его защитники, сходятся на одномъ — на непостижимости дальнодѣйствующихъ силъ. Человѣческая мысль не можетъ отрѣшиться отъ положенія схоластиковъ: «corpus ibi agere non potest ubi non est». Встрѣчаясь съ фактомъ, который по своей внѣшности, по крайней мѣрѣ, противорѣчитъ этому принципу, для мысли остаются только два ис-

хода: 1) передача дѣйствія отъ одного тѣла къ другому — третьимъ промежуточнымъ тѣломъ, которое должно быть отыскано и опредѣлено въ своихъ свойствахъ; и 2) измѣнить положеніе схоластиковъ такъ: тамъ гдѣ тѣло дѣйствуетъ, тамъ оно есть, т. е. составить гипотезу, что каждый атомъ, каждая молекула, каждое тѣло, наполняютъ собою всю вселенную. По такой гипотезѣ каждый атомъ есть центральная точка чего то, самостоятельно существующаго и наполняющаго все пространство, чего то, представляющаго какъ бы нервную систему атома, воспринимающую впечатлѣнія въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ вселенной и несущую ихъ къ своему центральному узлу.

Дѣйствительно, какъ объяснить себѣ такія явленія: въ ограниченномъ мѣстѣ, на столѣ лабораторіи, я вожу нѣсколько разъ магнитомъ по стальному бруску. Послѣ такой ограниченной манипуляціи, убравъ намагничивавшій магнитъ и не измѣняя мѣста стальнаго бруска, я могу обнаружить дѣйствіе этой стальной полосы на магнитную стрѣлку, подвѣшенную въ сосѣдней комнатѣ. Если я нагрѣю сильно стальную полосу, то дѣйствіе ея на магнитную стрѣлку снова прекращается.

Будемъ же изслѣдовать состояніе и измѣненіе той невидимой и неизвѣстной среды, которая отдѣляетъ, по гипотезѣ Максуэлля, взаимодѣйствующія тѣла. Какъ бы мы поступили, если бы эта среда была бы нами видима и осязаема? Если мы хотимъ напр. изучать измѣненія въ строеніи упругой гуттаперчевой ленты, мы можемъ начертить на ней различныя фигуры и наблюдать ихъ измѣненіе, подвергнувъ ленту растяженію. Начерченный кружокъ превратится въ эллипсисъ; двѣ взаимно-перпендикулярныя прямыя станутъ другъ къ другу косо и т. д. Мы сдѣлаемъ такой опытъ. На кускѣ растяжимаго гуттаперчеваго холста (ф. 13) начертимъ массу мелкихъ, возможно правильныхъ кружковъ. Прикрѣпимъ эту пластинку въ двухъ мѣстахъ къ головкамъ двухъ желѣзныхъ костылей, сдвинемъ эти костыли до меньшаго разстоянія и скрѣпимъ ихъ стержни (ф. 14). Затѣмъ, взявшись за края пластинки, натянемъ ее на деревянный обручъ (ф. 15). Всѣ наши кружки превратятся въ эллипсисы; направленія большихъ осей эллипсисовъ покажутъ направленія натяженія въ данныхъ мѣстахъ пластинки. Растягиваясь, наши кружки изобразятъ на пластинкѣ правильную фигуру, показанную на чертежѣ.

Если мы проведемъ линіи черезъ смѣжные эллипсисы вдоль ихъ большихъ осей, эти линіи будутъ имѣть тотъ же видъ какъ на фиг. 21. Кружки N и N представляютъ головки A и A нашихъ костылей. Вдоль этихъ кривыхъ существуютъ натяженія. Отвязывая одинъ костыль отъ другого, мы увидимъ, что они расходятся. Слѣдовательно наши костыли, при данномъ состояніи пластинки, отталкиваются, и найденная нами форма линій натяженія соотвѣтствуетъ случаю, когда между головками нашихъ костылей дѣйствуютъ отталкивательныя силы.

Вмѣсто того, чтобы сближать костыли какъ на (ф. 14), мы можемъ ихъ раздвинуть (ф. 16), и въ этомъ положеніи скрѣпить ихъ своими стержнями. Натянувъ пластинку на деревянный обручъ (ф. 17), наши кружки вытянутся въ эллипсисы, которые вырисуютъ своими большими осями фигуру, представленную на чертежѣ или кривыя натяженія на (фиг. 20), гдѣ N и S означаютъ головки A и B костылей. Въ данномъ случаѣ, натяженія пластинки таковы, что костыли притягиваются, и если мы освободимъ ихъ связь, то они сойдутся ближе.

Пріемъ, которому мы должны слѣдовать для изученія причинъ дальнодѣйствующихъ силъ, ясенъ: намъ нужно разсыпать мѣтки въ невидимой и неосязаемой нами средѣ, раздѣляющей взаимнодѣйствующія тѣла и наблюдать ея состоянія натяженія. На первый взглядъ задача невозможна, но она рѣшена. Это рѣшеніе далъ Фарадэй своими силовыми линіями. Разсыпьте желѣзныя опилки возможно равномѣрно на листѣ картона или бумаги. Положивъ магнитъ на этотъ листъ, вы увидите, что желѣзныя опилки расположатся вокругъ магнита правильными нитями, какъ представляетъ чертежъ (фиг. 18). Желѣзныя опилки укладываются такимъ образомъ, что ихъ наибольшая длина совпадаетъ съ направленіемъ магнитной силы въ томъ мѣстѣ, гдѣ они лежатъ, и нити, ими образуемыя, носятъ названіе *магнитныхъ* силовыхъ линій. Въ средѣ, окружающей магнитъ, произошло измѣненіе строенія, измѣненіе, заставившее желѣзныя опилки, которыми мы отмѣтили въ пространствѣ различныя части среды, принять опредѣленное направленіе. Прежде чѣмъ выводить какія либо заключенія о состояніи среды, покажемъ какимъ образомъ, различныя измѣненія въ строеніи, сводятся къ двумъ простѣйшимъ типамъ. Представимъ себѣ, что на горизонтальный листъ бумаги, покрытый желѣзными опилками,

мы опускаемъ вертикально магнитъ такъ, чтобы онъ коснулся бумаги своимъ сѣвернымъ полюсомъ. Мы увидимъ радіальную форму силовыхъ линій (фиг. 19). Мы найдемъ туже форму, если на мѣсто сѣвернаго полюса поставимъ южный. Радіальную форму имѣютъ и силовыя линіи, окружающія металлическій шарикъ, наэлектризованный положительно или отрицательно. Поставимъ теперь на листъ бумаги съ желѣзными опилками одновременно два разноименныхъ, т. е. взаимно притягивающихся полюса N и S; ихъ радіальныя силовыя линіи изогнутся и примутъ знакомый намъ видъ линій (фиг. 20), идущихъ отъ одного полюса къ другому. Туже форму имѣютъ силовыя линіи между двумя противуположно наэлектризованными электрическими шариками. Поставимъ на желѣзныя опилки два одноименныхъ, напр. сѣверныхъ полюса: силовыя линіи какъ будто отталкиваются другъ отъ друга и бѣгутъ отъ каждаго полюса въ безконечность (фиг. 21).

Туже форму имѣютъ силовыя линіи для двухъ взаимноотталкивающихся, одноименно наэлектризованныхъ шариковъ. Возьмемъ теперь вертикальный проволочный кругъ и пустимъ черезъ него электрическій токъ; мы найдемъ соотвѣтственную форму *электромагнитныхъ* силовыхъ линій пріемами, подобными изложеннымъ выше, но такой опытъ будетъ лишнимъ, потому что мы можемъ построить форму силовыхъ линій для даннаго случая: Амперъ показалъ, что проволока, свернутая спиралью, такъ называемый соленоидъ, по которой течетъ гальваническій токъ, дѣйствуетъ какъ магнитъ. Сѣверный полюсъ этого фиктивнаго магнита находится на одномъ концѣ соленоида, южный на другомъ. Слѣдовательно, одинъ конецъ соленоида какъ бы обложенъ сѣверными магнитными массами, другой—южными магнитными массами. Представимъ себѣ, что мы сплющиваемъ нашъ соленоидъ. Онъ превратится тогда въ одинъ проволочный кругъ; воображаемая плоскость, замыкающая этотъ кругъ, будетъ имѣть двѣ стороны: съ одной, обращенной къ вамъ, совпалъ одинъ конецъ соленоида; съ другой, обращенной ко мнѣ, совпалъ другой конецъ соленоида. Слѣдовательно, дѣйствіе этого проволочнаго круга на магниты или желѣзныя опилки, можно разсматривать, какъ дѣйствіе плоскаго кружка или шейбы, одна сторона которой была бы покрыта сѣверными магнитными массами, другая южными. Такъ какъ мы знаемъ форму силовыхъ

линій, обусловливаемую одной парой, состоящей изъ сѣверной и южной магнитной массы, то мы въ состояніи, по извѣстнымъ правиламъ механики, начертить силовыя линіи и въ случаѣ множества паръ такихъ массъ. Такимъ образомъ процессы, происходящіе въ средѣ, вслѣдствіе присутствія одного или нѣсколькихъ гальваническихъ токовъ, сводятся всегда къ процессамъ, имѣющимъ мѣсто при взаимнодѣйствіяхъ на фиг. 20 и 21. Достаточно слѣдовательно остановиться на нихъ. Я упомяну только о силовыхъ линіяхъ очень длиннаго вертикальнаго тока. Если мы проткнемъ металлическій прутъ черезъ листъ картона, осыпаннаго желѣзными опилками, и пустимъ черезъ прутъ гальваническій токъ, то опилки лягутъ концентрическими кругами (фиг. 22). Это—электромагнитныя силовыя линіи. Если же, вынувъ прутъ, мы вставимъ въ отверстіе магнитный полюсъ, то, какъ мы знаемъ, опилки лягутъ радіально.

Слѣдовательно, направленія магнитныхъ силовыхъ линій перпендикулярны къ направленію электромагнитныхъ силовыхъ линій.

Сравнивая магнитныя силовыя линіи съ линіями натяженія на гуттаперчевыхъ пластинкахъ, мы замѣчаемъ поразительное сходство: только на немъ можемъ мы здѣсь основывать наши заключенія.

И такъ притяженіе или отталкиваніе двухъ магнитныхъ массъ, обусловливается двумя различными состояніями среды, при которыхъ вдоль силовыхъ линій существуютъ натяженія, а поперегъ давленія.

Мы пришли къ представленію о состояніи среды. Исходя изъ законовъ электрическихъ и магнитныхъ явленій, математическій анализъ опредѣляетъ величину и законы этихъ натяженій и давленій.

Будемъ теперь изучать распространеніе движенія въ нашей средѣ или электромагнитномъ полѣ, употребляя терминъ Максуэлля. Представимъ себѣ двѣ вертикальныя проволоки: I и II (ф. 23). По одной изъ нихъ пустимъ токъ снизу вверхъ. Опытъ показываетъ, что въ тотъ моментъ, когда устанавливается въ проволокѣ I токъ, въ проволокѣ II появляется токъ того же направленія, затѣмъ исчезаетъ: это—такъ называемый индуктивный токъ. Сила, двигающая электричество, называется электровозбудительной силой. Индуктивный токъ всего сильнѣе, когда

II-я проволока параллельна I-ой, а потому, дѣйствующая въ ней электровозбудительная сила, параллельна электровозбудительной силѣ въ I-ой проволокѣ. Если это явленіе обусловливается промежуточной средой, то дѣйствіе I-ой проволоки, вызывающее движеніе электричества во II-ой, должно распространяться постепенно съ нѣкоторою скоростью, соотвѣтственною свойствамъ среды.

До проволоки III, стоящей дальше, дѣйствіе дойдетъ позднѣе и т. д. И такъ съ помощью явленій, наблюдаемыхъ нами въ проволокахъ, размѣщенныхъ въ различныхъ частяхъ пространства, мы обнаруживаемъ существованіе въ средѣ перемѣщеній, обусловливающихъ электровозбудительныя силы. Скорость ихъ распространенія въ средѣ будетъ одинакова съ одновременно распространяющимися изъ проволоки I электромагнитными силовыми линіями.

Въ плоскости перпендикулярной къ проволокѣ I, эти линіи распространяются кругами (фиг. 22), общій центръ коихъ лежитъ въ точкѣ О (фиг. 24). Такимъ образомъ въ средѣ, въ плоскости перпендикулярной къ проволокѣ I, будутъ распространяться двѣ силы; одна—электромагнитная, направленіе которой лежитъ въ этой плоскости; другая—электровозбудительная, имѣетъ направленіе параллельное проволокѣ I, слѣдовательно перпендикулярное къ электромагнитнымъ силовымъ линіямъ. На фиг. 24 изображены направленія этихъ двухъ силъ въ различныхъ точкахъ прямой линіи L. Разсмотримъ наши силы въ первый малый промежутокъ времени послѣ появленія тока въ 1-й проволокѣ. Если, въ теченіи этого времени, движеніе распространилось до точки А (фиг. 25), то понятно, что, начиная отъ О до А, перемѣщенія точекъ среды идутъ уменьшаясь, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаются и разсмотрѣнныя нами силы. Будемъ постепенно ослаблять силу тока въ проволокѣ I: электровозбудительная сила въ I начнетъ уменьшаться, поэтому за распространяющимися впередъ, въ нашей средѣ, прежними электровозбудительными и электромагнитными силами, будутъ слѣдовать болѣе слабыя (фиг. 26). Если мы будемъ повторять періодически электрическій процессъ въ проволокѣ I, величина силъ въ различныхъ точкахъ линіи L представится фиг. 27. Индукція, въ какомъ нибудь мѣстѣ, обусловливается перемѣнами существующей въ немъ электровозбудительной силы.

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ средѣ будутъ распространяться двѣ періодически измѣняющіяся силы, направленія которыхъ перпендикулярны къ направленію распространенія, т. е. къ лучу L.

Но извѣстно, что колебанія свѣтоваго эфира, разлитаго въ пространствѣ, совершаются перпендикулярно къ направленію свѣтоваго луча. Невольно навязывается мысль о тождествѣ съ эфиромъ—среды, распространяющей и обусловливающей взаимодѣйствія между тѣлами. На такое допущеніе наталкиваетъ еще то обстоятельство, что разъ мы наполнили міровое пространство эѳиромъ для объясненія свѣтовыхъ явленій, введеніе новой среды, новаго эфира, для объясненія взаимодѣйствія тѣлъ на разстояніи, казалось бы махинаціей весьма неискуснаго изобрѣтателя.

Съ другой стороны, если свѣтовой эфиръ есть посредникъ въ передачѣ силъ взаимодѣйствія, то скорость распространенія этого взаимодѣйствія должна быть тождественна съ скоростью распространенія свѣта.

Представимъ себѣ конденсаторъ, т. е. двѣ металлическія пластинки, находящіяся другъ отъ друга на очень близкомъ разстояніи и другъ другу параллельныя. Зарядимъ одну изъ нихъ положительнымъ электричествомъ въ то время, какъ другая соединена съ землею. Вторая пластинка зарядится такимъ же количествомъ отрицательнаго элекричества. Мы можемъ измѣрить эти количества или по той силѣ съ которой обѣ заряженныя ими пластинки притягиваются, или же, соединяя концы проволокъ гальванометра съ пластинками, и разряжая черезъ гальванометръ нашъ конденсаторъ. Оба электричества, протекая черезъ гальванометръ и соединяясь другъ съ другомъ, отклонятъ магнитную стрѣлку гальванометра; по этому отклоненію мы также можемъ судить о количествѣ протекшаго электричества. Въ обоихъ случаяхъ, мы получимъ для количества электричества разныя числа, потому что мы измѣряли его разными единицами. Какъ относятся эти числа? Возьмемъ примѣръ. Разстояніе между двумя городами можно измѣрить или верстами или временемъ, которое употребляетъ поѣздъ, движущійся напр. со скоростью 30 верстъ въ часъ, чтобы проѣхать это разстояніе. Если разстояніе въ верстахъ представляется цыфрою 300, то въ часахъ это разстояніе представится цыфрою

10. Отношеніе цыфры 300 верстъ къ цыфрѣ 10 часовъ, есть 30 верстъ въ часъ. Точно также Кольраушъ и Веберъ, изъ опыта съ конденсаторомъ, нашли, что отношеніе цифръ, полученныхъ для количества электричества заряжавшаго конденсаторъ, двумя указанными выше пріемами, равно 311,000 километрамъ въ секунду. Математическій анализъ показываетъ, что отношеніе цифръ, получаемыхъ этими двумя путями представляетъ скорость распространенія движенія въ промежуточной средѣ, которая обусловливаетъ, своимъ состояніемъ натяженія, разсмотрѣнныя нами дѣйствія на конечныхъ разстояніяхъ. И такъ эта скорость распространенія есть 311,000 километровъ въ 1″. Другія электрическія опыты дали 282,500 километровъ въ 1″, 288,000 кил. въ 1″, 298,000 кил. въ 1″ и т. д. Но скорость распространенія свѣта въ эфирѣ, по Фуко, равна 298,000 кил. въ 1″, по Cornu, 300,000 кил. въ 1″.

И такъ скорость распространенія въ средѣ—электромагнитнаго возмущенія—равна скорости свѣта. Среда, передающая электрическія и магнитныя силы, есть тотъ же эфиръ, передающій намъ свѣтъ. Электромагнитное возмущеніе передается этой средой также какъ и свѣтовое. Въ пространствѣ несутся не только видимыя нами свѣтовыя лучи, но тѣла природы испускаютъ еще рядъ невидимыхъ намъ лучей, несущихъ электрическія и магнитныя дѣйствія. Такъ часто осуждаютъ ученыхъ за ихъ односторонность и за занятія опытами, на первый взглядъ кажущимися чрезвычайно узкими. Измѣреніе количества электричества различными способами, не покажется-ли постороннему человѣку пустымъ и скучнымъ препровожденіемъ времени? Не мелькнетъ-ли въ его мысляхъ сравненіе ученаго съ прикащикомъ магазина, который не ограничился-бы измѣреніемъ кусковъ матеріи аршинами, но сталъ-бы измѣрять ихъ еще фунтами? Между тѣмъ вопросъ объ измѣреніи различными единицами одной и той же величины, повелъ къ непредвидѣнно широкому обобщенію, къ новой побѣдѣ человѣческаго разума.

Я не буду приводить другихъ фактовъ, подтверждающихъ воззрѣнія Максуэлля, какъ напр. вліяніе сильныхъ магнитовъ на свѣтовые лучи, проходящіе вблизи ихъ полюсовъ, экспериментально найденныя соотношенія между оптическими и электрическими свойствами тѣлъ и т. д. Замѣчательная работа Максуэлля по разсмотрѣнному вопросу, подъ заглавіемъ: «ди-

намическая теорія электромагнитнаго поля» помѣщена въ Philosophical Transactions, vol. 155, 1865 г.

Въ октябрѣ 1870 г. герцогъ Девонширскій, канцлеръ Кэмбриджскаго университета, выразилъ желаніе основать и снабдить всѣмъ необходимымъ физическую лабораторію въ Кэмбриджѣ. Въ связи съ принятіемъ этого щедраго дара, въ университетѣ была открыта новая каѳедра экспериментальной физики. Въ обязанность профессора были вмѣнены преподаваніе и демонстрированіе законовъ теплоты, электричества и магнетизма;—развитіе этихъ отраслей знанія и поощреніе ихъ изученія въ университетѣ.

На эту каѳедру былъ приглашенъ Максуэлль, и, подъ его неутомимымъ руководствомъ, было возведено 3-хъ этажное зданіе лабораторіи и снабжено необходимыми приборами. Открытіе лабораторіи послѣдовало въ 1874 г.

Я не буду перечислять здѣсь всѣхъ экспериментальныхъ и теоретическихъ работъ Максуэлля, его общедоступныхъ чтеній и элементарныхъ учебниковъ по электричеству, теплотѣ, молекулярной физикѣ, носящихъ, какъ и всѣ его работы, отпечатокъ глубокой мысли и оригинальности.

Я не коснусь также его высокихъ достоинствъ какъ человѣка и преподавателя.

Два очерка научной дѣятельности Максуэлля — одинъ Garnett'а, другой Tait'а помѣщены въ журналѣ Nature T. XXI, 1879 г. Подробныя свѣдѣнія о частной жизни Максуэлля, его переписку, философскіе и поэтическіе опыты, мы находимъ въ біографіи, написанной Campbell'емъ и Garnett'омъ: the Life of James Clerk Maxwell with selections from his correspondence and occasional writings, London 1884.

Настоящій очеркъ будетъ неполнымъ, если я не ознакомлю васъ съ пріемами внѣнаучнаго мышленія Максуэлля: я думаю, что вамъ не безъинтересно узнать, какимъ образомъ представители точной науки пытаются—не разрѣшать, а уяснять себѣ философскіе вопросы. Эти пріемы главнымъ образомъ сводятся къ изысканію аналогій среди изученныхъ явленій природы.

Въ 1873 году Максуэлль читалъ въ Кэмбриджѣ тѣсному кружку лицъ, собиравшихся для обсужденія вопросовъ философскаго характера, свой этюдъ о детерминизмѣ и свободѣ воли.

Точку зрѣнія, сходную съ взглядами Максуэлля, мы встрѣчаемъ позднѣе въ статьяхъ извѣстныхъ математиковъ Буссинеска и Сенъ-Венана, помѣщенныхъ въ запискахъ Парижской академіи наукъ въ 1877 г.

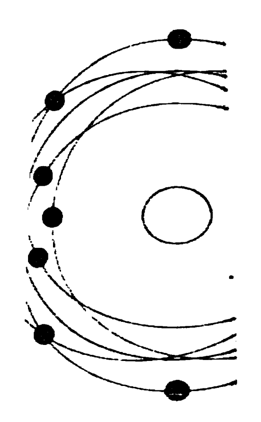
Научныя изслѣдованія, по выраженію Максуэлля, подраздѣляются на историческія и пророческія. Въ астрономіи мы находимъ соединеніе обоихъ видовъ изслѣдованія. Зная законы, управляющіе планетной системой, астрономъ укажетъ мѣсто земли на ея орбитѣ въ любой моментъ времени, относится ли онъ къ будущему или къ прошедшему. Но есть въ природѣ явленія для которыхъ можно начертить будущее, но прошедшее останется неизвѣстнымъ. Прикоснемся небольшимъ шаромъ къ внутреннему краю круглой чаши и предоставимъ его дѣйствію собственной тяжести. Мы можемъ предсказать, что этотъ шаръ упадетъ на дно сосуда. Но если шаръ лежитъ уже на днѣ, мы не укажемъ мѣста, изъ котораго началось его паденіе. Есть также и явленія, для которыхъ мы не можемъ начертить будущаго. Представьте себѣ, что круглая чаша, о которой мы говорили, опрокинута, и на высшую точку ея выпуклаго дна положенъ шаръ. Мы не можемъ сказать въ какую сторону онъ скатится. Эта высшая точка есть *критическая* точка. Сила тяжести опредѣлитъ движеніе шара лишь послѣ того, какъ онъ будетъ неизмѣримо мало смѣщенъ съ своей критической точки. Для такого смѣщенія требуется неизмѣримо малое количество энергіи, между тѣмъ результатъ—ускоряющееся движеніе скатывающагося шара, влечетъ за собою измѣримые эффекты, развитіе конечнаго количества энергіи. Не зная неустойчивости положенія, а только начало и конецъ процесса, мы пришли бы къ мысли, что въ этомъ явленіи нарушаются основные законы природы.

Къ такого рода заключеніямъ привело бы насъ поверхностное знакомство съ психическою дѣятельностью человѣка, который, подъ вліяніемъ идеи, развиваетъ измѣримыя количества энергіи. Наука показываетъ однако, что мы не присутствуемъ здѣсь при созданіи энергіи, а только при ея перемѣщеніи. Пси-

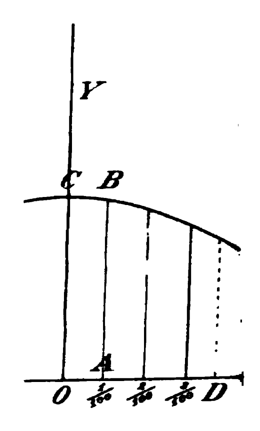
хическіе дѣятели не представляютъ силъ въ механическомъ смыслѣ этого слова: если бы это было такъ, человѣкъ могъ бы производить энергію, не уменьшая на соотвѣтственную часть энергію своего организма или окружающей природы; по той же причинѣ эти дѣятели не представляютъ энергію. Къ внутреннему міру человѣка не приложимъ методъ пророческій: мы не можемъ предсказать его послѣдующаго состоянія. Но историческій методъ находитъ свое полное приложеніе: возстановляя въ своей памяти протекшія событія, мы можемъ найти связь въ своихъ поступкахъ и объяснить свое прошедшее. Психическая жизнь человѣка и ея результаты будутъ приведены въ согласіе съ законами природы, если мы допустимъ, что съ осложненіемъ организма растетъ число его критическихъ точекъ и критическихъ направленій, около которыхъ и группируется психическая дѣятельность. Послѣдующій моментъ этой дѣятельности, ея выводы, не опредѣляются тѣми силами, которыя по неизмѣннымъ законамъ развиваютъ поступки человѣка изъ даннаго мотива, потому что эти силы не дѣйствуютъ въ критической точкѣ. Путь человѣческаго поведенія, проходя черезъ критическую точку, можетъ надламываться непредвидѣннымъ образомъ и своимъ крутымъ поворотомъ производить впечатлѣніе перемѣны въ силахъ или законахъ организма. Такимъ неустойчивымъ положеніемъ, детерминистъ объяснитъ вліяніе на поведеніе человѣка какой нибудь ничтожной аномаліи микроскопической клѣтки; послѣдователь свободы воли помѣститъ въ критической точкѣ свой направляющій принципъ; Emil du Bois—Reymond произнесетъ свое «ignorabimus».

Повторяющіяся во всевозможныхъ направленіяхъ повороты въ поведеніи милліоновъ индивидуумовъ, элиминируются изъ *большихъ чиселъ*, собираемыхъ статистиками.

Въ слабыхъ штрихахъ и въ ограниченной области точнаго знанія, развернута передъ вами жизнь научной мысли. Въ своемъ очеркѣ я коснулся только духовной стороны этой жизни, опуская другую—практическое примѣненіе ея результатовъ, выводовъ. Эти двѣ стороны научной дѣятельности тѣсно связаны между собою: великая цѣль—подчиненія природы — не можетъ быть достигаема безъ пониманія вселенной.

Фиг. 8.

Франкское королевство и монархія.

Прив.-доц. П. Шеймина.

I. Исторія Франкскаго королевства и монархіи [1]).

Первое историческое свѣденіе о германскихъ племенахъ мы находимъ у римскихъ писателей. Воинственные набѣги Кимвровъ и Тевтоновъ на римскія владѣнія начинаются за 100 лѣтъ до Р. Хр. Юлій Цезарь, покоривъ Галлію (58—51), описываетъ, что языкъ, нравы и учрежденія германскихъ племенъ были различными [2]). Спустя 150 лѣтъ послѣ Цезаря, Тацитъ даетъ описаніе нравовъ и общественныхъ учрежденій германскихъ племенъ. Цезарь и Тацитъ свидѣтельствуютъ, что германскія пле-

---

[1]) Pertz, Monumenta Germaniae Historica. Legum Tomi I—V.
Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer. Gottingen. 1854.
Opera Io. Eccardi, Lex Salica et Lex Ripuaria. 1720.
Eichhorn, Deutsche Staats—und Rechtsgeschichte. 5-te Ausg. 1844.
Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte. Bände I—V.
v. Maurer, Geschichte der Markverfassung 1856.
v. Maurer, Einleitung zur Gechichte der Mark-Hof-Dorf-und-Stadtverfassung. 1854.
Его-же, Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland. Bd. 1—II Erlangen 1865—66.
Его-же, Geschichte der Städteverfassung in Deutschland. Bd. I—III. Erlangen 1869—70.
Thudichum, Die Gau-und-Markverfassung. Giessen. 1860. S. 209—228.
Gierke, Das Deutsche Genossenschaftsrecht. Bd. I—II.
K. Inama Sterneg, Deutsche Wirthschaftsgeschichte. S. 92—132.
Другіе источники указаны при изложеніи.

[2]) De b. G. VI. 11—29.

мена жили по правую и лѣвую сторону Рейна. Болѣе точное описаніе тѣхъ мѣстностей, гдѣ обитали германскія народности, мы встрѣчаемъ у Тацита: «Germania [1]) omnis, a Gallis Rhaetiisque et Panoniis, Rheno et Danubio fluminibus, a Sarmatis Dacisque mutuo metu aut montibus separatur. Cetera Oceanus ambit, latos sinus et insularum immensa spatia complectens».

Изъ словъ Цезаря, что германцы «agriculturae non student», не слѣдуетъ заключать, что они не занимались земледѣліемъ совсѣмъ. Германскія племена, ведя жизнь полукочевую, воинственную [2]), предпочитали заниматься болѣе скотоводствомъ, чѣмъ воздѣлываніемъ земли. Что германцы были знакомы съ воздѣлываніемъ земли — это видно изъ словъ Цезаря [3]): «sed privati ac separati agri apud eos nihil est, neque longius anno remanere uno in loco incolendi causa licet», и словъ Тацита [4]): «Arva per annos mutant et superest ager». Культура германскихъ народностей не напоминаетъ намъ состоянія дикихъ народовъ. Хотя германцы, по замѣчанію Тацита [5]), «literarum secreta viri pariter ac feminae ignorant», но гражданскія, общественныя ихъ отношенія и нравы не носили характера дикости и грубости.

Древніе германцы были свободнымъ народомъ [6]). «Die Freiheit und eigene Thätigkeit der Einzelnen», замѣчаетъ Waitz, «wohl gewahrt, aber alles an Regel und Form gebunden, für die Durchführung und Sicherung des Rechtes und Friedens gesorgt» Древняя Германія не была монархіею; она состояла изъ многихъ самостоятельныхъ государствъ, изъ которыхъ каждое по своему политическому строю напоминало народную республику «respublica popularis» [7]). Основной принципъ политической органи-

---

[1]) Germ. 44. 45.

[2]) Caesar. De b. G. VI. 21: «vita omnis in venationibus atque in studiis rei militaris consistit».

[3]) De b. G. IV. I.

[4]) Germ. 26.

[5]) Germ. 19.

[6]) Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. I. S. 45; Bd. II. S. 281; G. Maurer, Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof- Dorf- und-Stadtverfassung und des öffentlichen Gewalt. S. 83 ff.

[7]) Germ. Cap. 11.

заціи германскихъ народностей состоялъ въ томъ, что малыя общины, «Markgenossenschaften», «Gemeinden», обладая различнымъ количествомъ земельныхъ угодій, соединялись въ одно цѣлое и составляли одно народоправство. Каждое народоправство, составляя политическую общину, носило демократическій характеръ. «Вся совокупность свободныхъ членовъ народоправства была носительницею народнаго мира, народнаго права и народной власти»—говоритъ Gierke[1]). Самъ народъ былъ своимъ владыкой. Представители общинъ ради обсужденія государственныхъ дѣлъ собирались на народныя собранія, названныя Тацитомъ «concilia. На этихъ собраніяхъ рѣшались вопросы войны и мира, всѣ важные вопросы права и въ особенности правовые вопросы относительно владѣнія землею[2]). Собранія были общими или мѣстными, обыкновенными или чрезвычайными. На этихъ собраніяхъ избирались и лица, которымъ ввѣрялись функціи государственнаго управленія. Такія выборныя власти носили различныя наименованія: «dux, comes, princeps», которые, по словамъ Тацита, «subditos aut cives, aut milites regunt, ducunt»[3]). Начальниками избирались только тѣ, которые пріобрѣли довѣріе народа, благодаря своей опытности и заслугамъ предъ отечествомъ: «Insignis nobilitas aut magna patrum merita principis dignationem etiam adolescentulis assignant»[4]).

Во всѣхъ собраніяхъ могли участвовать люди свободные и полноправные. Правоспособность лица опредѣлялась принадлежностью къ общинѣ. Лица, принадлежавшія къ общинѣ, выбирали ради управленія мѣстными общинными дѣлами начальниковъ, соединявшихъ въ своихъ рукахъ функціи суда и управленія: «eliguntur in iisdem consiliis et principes, qui jura per pagos reddunt. Centeni singulis ex plebe comites simul et auctoritas adsunt»[5]). Выборные начальники находились подъ постояннымъ надзоромъ народа и народныхъ собраній. Съ теченіемъ времени функціи выборныхъ начальниковъ перешли къ общиннымъ графамъ «Gaugrafen».

---

1) Das deutsche Genossenschaftsrecht. Bd. 1. S. 34.
2) Germ. 11—13.
3) Ibidem, Cap. 11.
4) Ib., 13.
5) Ib., 12.

Народная свобода покоилась на обладаніи каждымъ германцемъ землею. Владѣніе землею было приблизительно равномѣрнымъ. Принадлежность къ общинѣ и владѣніе земельнымъ участкомъ въ предѣлахъ марки обезпечивали каждому свободному германцу осуществлять свои публичныя права. Каждый носитель правъ публичныхъ, покоившихся на обычаѣ, считалъ себя лицомъ самостоятельнымъ, «persona». Свободная личность, какъ составная часть народной общины, при обсужденіи о дѣлахъ общественныхъ и политическихъ, признавалась равноспособною съ другими. Всѣ германцы обладали равными публичными правомочіями. Эта публичная правоспособность выражалась по преимуществу въ слѣдующемъ: «de minoribus rebus principes consultant, de majoribus omnes» [1]).

По занятіямъ все германское населеніе дѣлилось на двѣ части. Одна часть воздѣлывала поля или занималась скотоводствомъ при помощи рабовъ, число которыхъ было незначительнымъ; другая часть предавалась удалымъ воинскимъ набѣгамъ.

По правамъ все германское населеніе также можно раздѣлить на двѣ группы: свободныхъ людей и зависимыхъ, неполноправныхъ. Людей зависимыхъ римскіе писатели называютъ рабами, «servi»: «ceteris servis non in nostrum morem, descriptis per familiam ministeriis, utuntur. Suam quisque sedem, suos penates regit. Frumenti modum dominus aut pecoris aut vestis, ut colono, injungit, et servus hactenus paret» [2]). Подъ понятіемъ рабства, какое мы встрѣчаемъ у германцевъ, не слѣдуетъ подразумѣвать полнаго уничтоженія правъ гражданскихъ и политическихъ, но только неполноправность личности. Отношенія неполноправныхъ къ полноправнымъ покоились на патріархальныхъ началахъ. Рабство среди германскихъ народностей и вообще зависимыя отношенія однихъ лицъ отъ другихъ объясняются завоеваніями. Степень зависимости неполноправныхъ была различною. Завоеватель сначала отнималъ отъ покоренныхъ земли [3]), а потомъ ограничивалъ свободу послѣднихъ,

---

[1]) Germ. Cap. I.

[2]) Germ. 25.

[3]) Caesar. de b. G. I. 32: «quod Ariovistus—in eorum finibus consedisset, tertiamque partem agri Sequani,qui esset optimus totius Galliae, occupavisset, et nunc de altera parte tertia Sequanos decedere juberet».

налагая на нихъ дань [1]). Такая система дѣйствія завоевателя съ покоренными встрѣчается и у другихъ народовъ.

При Августѣ Галлія получила римскія провинціальныя учрежденія. Сѣверныя границы римской имперіи достигали береговъ Дуная. Августъ стремится покорить германскія племена, жившія около береговъ сѣвернаго моря. Къ границамъ Галліи примыкали страны, носившія названія: «Germania Prima» и «Germania Secunda», и расположенныя по берегамъ рѣкъ Майна и Рейна. Въ этихъ мѣстахъ были построены римскія крѣпости, воздвигнутыя Августомъ для защиты отъ набѣговъ германскихъ племенъ. Въ 9 году послѣ Р. Хр. уничтожили Херуски, подъ предводительствомъ Арминія, римское войско, расположенное на берегахъ р. Везера. Съ этого времени политика римскихъ императоровъ въ отношеніи германскихъ племенъ измѣняется. Римляне уже не стремятся завоевать и покорить остальныя германскія племена; они желаютъ защитить свои границы отъ набѣговъ германскихъ племенъ, производившихъ опустошенія на римской почвѣ. Римское правительство принуждено было устроить линію безпрерывныхъ военныхъ крѣпостей, гдѣ бы помѣщалась военная стража. Военная линія, «Vallum Romanum», уже со времени Адріана представляетъ собою рядъ военныхъ крѣпостей [2]).

Римскія провинціальныя учрежденія, занесенныя сначала въ Галлію, были распространены во II столѣтіи послѣ Р. Хр. въ мѣстностяхъ, лежавшихъ по лѣвую сторону р. Рейна, гдѣ были основаны по римскому образцу и города [3]). На правомъ берегу Рейна всѣ римскія учрежденія носили военный характеръ. Въ римскія войска, расположенныя на берегахъ Рейна, поступали германцы уже съ эпохи Цезаря, а въ III и IV столѣтіи германцы уже составляли не незначительную часть римскаго войска. Въ III столѣтіи мы встрѣчаемъ германскія племена съ

---

[1]) Ib. IV. 3: «hos (Уберійцевъ) cum Suevi, multis saepe bellis experti — finibus expellere non potuissent, tamen vectigales sibi fecerunt».

[2]) Ael. Spartiani Handrianus, Cap. 12: «Per ea tempora, et alias frequenter in plurimis locis, in quibus Barbari non fluminibus, sed limitibus dividuntur, stipitibus magnis, in modum muralis sopis, funditus jactis atque connexis, barbaros separavit».

[3]) V.Savigny, Geschichte des röm. Rechts im Mittelalter. Th. I. S. 16,

новыми названіями. Эти племена были отпрыскомъ германцевъ стараго времени. Самыми сильными изъ новыхъ германскихъ завоевателей были: Алеманны, Готы, Франки и Саксы. Въ началѣ V стол. вторглись въ мѣстности, лежавшія около Рейна, новыя племена, значительную часть которыхъ составляли Свевы и Вандалы. Изъ источниковъ III и первой половины IV столѣтія мы узнаемъ, что въ мѣстностяхъ, прилегавшихъ къ верховьямъ р. Рейна, играли главную роль Алеманны, а въ мѣстностяхъ, прилегавшихъ къ низовьямъ р. Рейна,—Франки. Тѣ и другіе постоянно учиняли набѣги на римскія границы. Франки раздѣлялись: на франковъ-салійскихъ (Salii) и франковъ-рипуарскихъ (Ripuarioli). Бургунды и Вестготы, отнявъ у римлянъ юго-западную Галлію, облегчили франкамъ въ концѣ V столѣтія (486 г.) покорить сѣверо-восточную часть Галліи[1]). Салійскій князь, Хлодвигъ, покорилъ среднюю Галлію, гдѣ раньше находились римскія войска. Важно было также и то, что всѣ франки лѣваго берега Рейна подпали подъ одну власть. Всѣ остальные франкскіе князья передались въ концѣ V ст. на службу салійскаго князя. Власть и значеніе салійскаго князя увеличили рипуарскіе франки; они были подчинены Хлодвигомъ его власти. Такимъ образомъ въ концѣ V ст. господство франковъ распространялось на земли, лежащія отъ Рейна до средняго теченія Майна и Тюрингскаго Лѣса, «Thüringenwald».

Въ VI ст. мы встрѣчаемъ новыя германскія племена. Это были, по словамъ римскихъ писателей, восточныя германскія народности: Саксы, Швабы, Баварцы, которыхъ Тацитъ называетъ «Chauci» [2]). Лонгобарды перешли около 626 года на правый берегъ Дуная въ Панноніи. Изъ германскихъ государствъ, основавшихся на римской территоріи, пріобрѣли болѣе важное значеніе: Вестготское и Франкское. Самостоятельность вестготскаго королевства основалась благодаря слабости Визан-

[1]) Lamprecht, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. Bd. I. 1. S. I: «Etwa mit den 5 Jahrhundert schliesst am Rhein die Zeit der fränkischen Ansiedelungen und Wanderungen jene Epoche, in welcher die deutschen Volkskräfte am Mittel-und Niederhein immer ungestümer und massenhafter die Grenzen der verfallenden Römerreichs überflüten und jenseit des Rheins neue Sitze suchen».

[2]) Germ. 35.

тійской Имперіи. Франки же до средины VI ст. съ непрерывнымъ счастіемъ все болѣе и болѣе продолжаютъ распространять свое господство. Побѣда Хлодвига надъ Алеманнами въ 496 г. доставила франкамъ и ихъ королю большую часть земель первыхъ въ собственность. Нѣкоторая часть земли Алеманновъ была отдѣлена въ собственность франкамъ, другая часть была оставлена Алеманнамъ подъ условіемъ уплаты извѣстной дани[1]). Хлодвигъ расширилъ Франкское царство благодаря побѣдѣ въ 507 г. надъ вестготскимъ королемъ, Аларихомъ. Онъ расширилъ бы свои владѣнія еще далѣе, если бы ему не воспрепятствовалъ Теодорихъ, король Остготовъ. Раздѣленіе Франкскаго королевства при сыновьяхъ Хлодвига не воспрепятствовало однако расширенію предѣловъ Франкскаго царства. Въ 531 году была покорена южная часть Тюрингіи, сѣверная часть которой отошла къ Саксамъ. Особенное значеніе пріобрѣла побѣда Франковъ надъ Бургундцами въ 534 году. Остготы были, наконецъ, побѣждены Византійцами (535—554). Остготы, желая получить помощь отъ Франковъ, уступили имъ Рецію и Провансъ. Нѣкоторое время Франки обладали Венеціей и землями, прилегавшими къ Адріатическому морю[2]). Такимъ образомъ господство Франковъ простиралось отъ береговъ Дуная до Альпъ. Наконецъ, въ VI ст. удалось Лотарю, сыну Хлодвига, соединить въ одно цѣлое всѣ земли, раздѣленныя между сыновьями послѣдняго.

Большая часть народовъ, подпавшая подъ господство Франковъ, теряла и свои земли, и свою свободу. Новые завоеватели слѣдовали примѣру Римлянъ[3]), отнимая земли у покоренныхъ. Послѣдніе ищутъ защиты у сильныхъ, становясь отъ нихъ въ зависимыя отношенія, о чемъ находимъ въ позднѣйшее время свидѣтельство у Прокопія[4]). Всякое завоеваніе влекло за со-

[1]) Gregor. Turon. II. 30: «Alemanni—cum regem suum cernerent interemtum, Chlodovei se ditionibus subdunt, dicentes: ne amplius, quae sumus pereat populus: jam tui sumus»; Gesta Francorum, Cap. 15: «ipsos (Alemannos) terramque sub jugo tributarios constituit».

[2]) Procop., de b. G. IV. 24.

[3]) Germ. Cap. 24.

[4]) De Bello Vandal. Lib. I. Cap. 5. «redactis ad suam inopiam veteribus praediorum dominis».

бою попреимуществу рабство политическое. Тамъ, гдѣ зависимыя отношенія возникали въ силу завоеванія, рабство было не такъ тягостно, какъ тамъ, гдѣ зависимыя отношенія возникали въ силу другихъ причинъ, наприм. при куплѣ-продажѣ. Гражданское рабство лишало человѣка всякихъ правоспособноностей. Гражданскій рабъ могъ быть продаваемъ, какъ вещь, о чемъ мы находимъ свѣдѣнія даже въ каролингскую эпоху [1]). Политическій рабъ, т. е. человѣкъ, захваченный на войнѣ, могъ выкупиться и могъ быть выкупленнымъ [2]). Несвободныя отношенія были различными въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Степень зависимости однихъ лицъ отъ другихъ до VI ст. опредѣлить трудно. Германскія племена, вторгнувшись въ римскія провинціи, сдѣлались здѣсь господами надъ покоренными народами. Люди зависимые, крѣпостные получили названіе: «Lassi, liti, litones» [3]). Различныя степени зависимыхъ отношеній, возникшихъ главнымъ образомъ въ силу завоеванія, яснѣе всего опредѣляются нѣмецкимъ понятіемъ «Hörigkeit», которое впервые употребилъ Möser.

Новые германскіе завоеватели, распространившіе господство надъ римскими провинціями во второй половинѣ V и въ первой половинѣ VI ст., отличались отъ старыхъ германцевъ-завоевателей тѣмъ, что они свое господство утвердили навсегда. Старые германцы дѣлали набѣги на римскія провинціи по временамъ; они, пограбивъ провинціи, удалялись. Новые же завоеватели утвердили свою власть навсегда. Предъ завоеваніемъ римскихъ провинцій варварами большая часть земли сосредоточивалась въ рукахъ немногихъ земельныхъ собственниковъ, составлявшихъ въ городахъ сословіе декуріоновъ. Земельные собственники воздѣлывали землю при посредствѣ колоновъ. Институтъ колоната близко подходитъ подъ нѣмецкое понятіе «Hörigkeit» [4]). Эти поссессоры собирали съ колоновъ опредѣленную плату натурой, «annuae functiones». Власть завоевателя

---

[1]) Capit. a. 713. Cap. 3. Продажа рабовъ-христіанъ въ руки язычниковъ въ это время была воспрещена.

[2]) Grimm, R. A. S. 320 ff.

[3]) L. Sal. tit. 30.

[4]) v. Savigny, Uber den röm. Colonat: Zeitschr. für geschichtl. Rechtswiss. Bd. 6. S. 273. ff.

въ отношеніи народа была двоякая потому, что народъ состоялъ изъ завоевателей-германцевъ и римскихъ провинціаловъ. Большая часть земель провинціаловъ перешла въ руки завоевателей› франковъ и лонгобардовъ. «His diebus», замѣчаетъ Павелъ Діаконъ, «multi Romanorum ob cupiditatem interfecti sunt, reliqui vero per hospites divisi, ut tertiam partem suorum frugum Longobardis persolverent, tributarii efficiuntur» [1]). Отдѣленіе земли отъ провинціаловъ въ пользу завоевателей было ничѣмъ инымъ, какъ отнятіемъ доходовъ отъ поссессоровъ, которые послѣдніе брали съ колоновъ. Поселеніе завоевателей, связанное съ конфискаціею земель, привело къ тому, что они сами начали сбирать «annuae functiones»». Положеніе колоновъ не измѣнилось; они перемѣнили лишь старыхъ господъ на новыхъ[2]) Земля, самая почва имѣла меньшее значеніе, меньшую цѣну, чѣмъ рабы. Во всѣхъ провинціяхъ населеніе, благодаря постояннымъ войнамъ, значительно уменьшилось. Какую часть земли брали завоеватели у покоренныхъ, опредѣлить съ точностію трудно. У бургундовъ франки взяли третью часть земли ради раздѣла между королемъ и его сподвижниками[3]). Сами бургунды и вестготы взяли у собственниковъ въ покоренныхъ римскихъ провинціяхъ двѣ трети[4]). Конфискація земель простиралась на всѣхъ собственниковъ безъ исключенія. Большая часть конфискованныхъ земель доставалась всегда въ собственность королю. Вообще, германскіе короли были полными господами надъ провинціалами. Отношеніе королей къ провинціаламъ было такимъ-же какимъ было отношеніе римскихъ императоровъ къ послѣднимъ. Уже сыновья Хлодвига, воспользовавшись войною Юстиніана съ остготами, признавали Галлію формально страной независимой. Прежній титулъ германскихъ королей «Consulat», «Patriciat»», какъ титулъ высшаго въ государствѣ совѣтника, потерялъ свое значеніе.

---

[1]) II. 3; Sartorius, Comm. I. II. III. De occupatione et divisione agrorum Romanorum per Barbaros Germanicae stirpis.

[2]) Savigny, ib. S. 291. ff.

[3]) L. Burg. t. 54. c. 1.

[4]) Procop. de B. G. I. 1: «nisi quod partem agrorum, quos Odoacer factioni suae concesserat, inter se Gothi diviserunt».

Германскіе завоеватели признали въ отношеніи провинціаловъ—римлянъ гражданскія и политическія начала, покоившіяся на римскомъ правѣ. Соприкосновеніе германцевъ съ римлянами оказало сильное вліяніе на первыхъ, и въ особенности оно отразилось на германцахъ, жившихъ ближе къ римскимъ провинціямъ, или же въ нихъ поселившихся. Тѣсное соприкосновеніе варваровъ, и притомъ постоянное, дало возможность послѣднимъ усвоить римскую культуру[1]). Римское право не осталось безъ огромнаго вліянія на образованіе и форму права германскаго. Франки, покоривъ остготовъ, позволяютъ послѣднимъ сохранить римскія провинціальныя учрежденія. Такъ какъ древнѣйшая организація учрежденій большинства народовъ этой эпохи остается для насъ въ точности неизвѣстной, то поэтому очень трудно судить, насколько и въ какихъ предѣлахъ вліяло римское право на измѣненіе народныхъ учрежденій—это съ одной стороны, съ другой — очень трудно также опредѣлить вліяніе одного народа на измѣненіе учрежденій и правъ другаго. Что вліяніе римской культуры и права на народныя права и обычаи нѣкоторыхъ германскихъ племенъ было значительнымъ — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Остготы, воспринявъ весь организмъ римскихъ провинціальныхъ учрежденій, сохранили его неизмѣннымъ въ провинціяхъ, отошедшихъ къ франкскому королевству. Послѣ присоединенія части остготскихъ земель къ франкскому королевству военная власть была отдѣлена отъ гражданской. Военная власть надъ провинціей вручалась готу, такъ какъ готы во многихъ провинціяхъ образовали отдѣльное войско. Такой военачальникъ носилъ римское названіе «dux» или «comes». Гражданская власть надъ провинціями была вручена римскому «praeses». Для рѣшенія споровъ между готомъ и провинціаломъ существовала особенная должность «comes Gothorum».

У вестготовъ во второй половинѣ VII ст. для каждаго города и прилегающаго къ нему округа существовалъ особый начальникъ, соединявшій въ своихъ рукахъ военную и гражданскую власть и носившій названіе «comes» или «comes civi-

[1]) Savigny, Geschichte des röm. Rechts. Bd. III. c. XVI.

tatis»[1]). Нѣсколько округовъ образовали провинцію, во главѣ управленія которой стоялъ военный начальникъ, выполнявшій функцію надзора надъ «comes»'ами, имѣвшими судебную власть[2]).

У Бургундовъ были «comes Burgundionum» и «Romanorum». Для рѣшенія споровъ между тѣми и другими существовали «judices»[3]).

Вестготскія учрежденія во многомъ тождественны со старо-франкскими учрежденіями. Это сходство въ особенности проявляется въ тѣхъ провинціяхъ, которыя были присоединены къ франкскому королевству до эпохи Хлодвига. Вестготскій «comes civitatis», имѣя власть надъ провинціалами и надъ германцами, носилъ названіе «dux» или «comes». Послѣднія два названія существовали у Франковъ. Власть «dux'»а была больше, чѣмъ власть «comes'»а. «Comes» начальствовалъ надъ однимъ округомъ, а «dux» надъ нѣсколькими[4]). Со времени Лотаря I-го стали назначаться при «dux'»ѣ и «comes'»ѣ специальные судьи «judices», для отправленія суда надъ провинціалами.

Судьба Римлянъ въ Франкскомъ королевствѣ была различной. Ихъ экономическое и отчасти юридическое положеніе находилось въ тѣсной зависимости отъ конфискаціи ихъ земельной собственности. Завоеватели, Франки, всюду отнимали землю у покоренныхъ. Въ Бургундіи положеніе Римлянъ, со времени завоеванія этой страны Франками, не измѣнилось. Франкскій король отнялъ только тѣ земли, которыя у Римлянъ конфисковалъ бургундскій король въ свою пользу. Римляне-провинціалы подпали подъ новое господство Франкскаго короля. Покоренные Бургунды не потеряли ничего изъ конфискованныхъ римскихъ земель, такъ какъ они, по словамъ Прокопія[5]), сохранили свои права и несли одинаковую съ Франками воинскую повинность

---

[1]) L. Wisig. Lib. 2. tit. I. Cap. 26.

[2]) Ib. Lib. 2. t. 1. Cap. 17 и 26.

[3]) L. Burgund. Prooem. «Sciant tam Burgundiones, quam Romani civitatum aut pagorum comites, — vel judices deputati omnes.—Si quis sane judicum, tam Barbarus, quam Romanus».

[4]) Gregor. Turon. VIII. 26. «Turonicis atque Pictavis Ennodius Dux datus est».

[5]) De B. G. I. 13. «Franci ipsos (Burgundiones) secum militare coegerunt».

въ отношеніи франкскаго королевства. Общимъ положеніемъ можно принять то, что всюду, куда ни являлись франки, покоренная земля дѣлилась между завоевателями, по усмотрѣнію франкскаго короля, между его сподвижниками, или же эта земля присоединялась, къ владѣніямъ, принадлежавшимъ королю. Тѣ Римляне, за которыми франкскій завоеватель признавалъ права на земельную собственность, уплачивали поземельную подать; тѣ же, которые не имѣли поземельной собственности, уплачивали поголовную дань. Салическое право[1]) различаетъ три категоріи Римлянъ: «Romani convivae regis», «possessores» и «tributarii». Послѣдняя категорія Римлянъ, по замѣчанію Савиньи, уплачивала поголовную дань[2]).

Относительно личнаго положенія Римлянъ, не обладавшихъ земельной собственностью, можно сказать, что они получили права свободныхъ Римлянъ. Юридическое положеніе свободныхъ, но безземельныхъ людей напоминаетъ юридическое положеніе вольноотпущенныхъ[3]). Безземельные свободные люди, живя на землѣ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, съ теченіемъ времени стали признаваться колонами, причемъ такіе колоны не считались людьми несвободными[4]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ провинціалы-Римляне сохранили ихъ общественный строй; они имѣли своихъ общинныхъ властей и свои полицейскія учрежденія. Римская община отличалась отъ германской. Поэтому, на первыхъ порахъ не существовало никакихъ связей между тою и другою, ибо народныя права германцевъ и Римлянъ были совершенно различными. Каждый народъ жилъ по своимъ правамъ, «secundum legem ipsius patriae vivat»[5]).

Высшее управленіе государственными дѣлами во франкскомъ королевствѣ до меровингской эпохи сосредоточивалось въ рукахъ короля, при которомъ состоялъ совѣтъ. Король былъ верховнымъ вождемъ народа[6]). Король призы-

[1]) L. Sal. emend. t. 43. Cap. 6, 7, 8.

[2]) Savigny, Uber die röm. Steuerverfassung: Zeitschr. für geschichtl. Rechtswiss. Bd. 6. S. 369.

[3]) Pact. Leg. Sal. t. 30; L. Ripuar. t. 58 Cap. I.

[4]) L. Bajuv. t. 2. C. 14.

[5]) Mon. Germ. Hist. L. T. II. p. 13. Pipini regis capit. a. 768.

[6]) Lamprecht, ib. s. 59.

валъ въ совѣтъ высшихъ придворныхъ совѣтниковъ, а также и другихъ лицъ. Высшіе сановники, состоя на государственной службѣ, были германскаго происхожденія. На общій строй государственнаго управленія, какъ мы уже упомянули выше, имѣли вліяніе римское и византійское право. Къ высшимъ государственнымъ сановникамъ, по франкскимъ законамъ, принадлежали: 1) «Major Domus» или «Comes Domus Regiae»—главнокомандующій королевскимъ войскомъ и представитель короля при рѣшеніи всѣхъ государственныхъ дѣлъ; 2) «Referendarius», названный съ теченіемъ времени «Archicancellarius» главный хранитель государственныхъ бумагъ; 3) «Comes Palatii» — представитель короля, какъ высшаго судьи; 4) «Cubicularius»—или позднѣе Camerarius», завѣдывавшій королевскими доходами; 5) «Comes Stabuli» — оберъ-шталмейстеръ; 6) «Buticularius» — завѣдывавшій хозяйствомъ королевскаго двора. Кромѣ этихъ важныхъ государственныхъ лицъ, «Senjores», были еще иногда приглашаемы въ королевскій совѣтъ и другія, государственныя, должностныя лица, называвшіяся «juniores». Франкское дворянство стремилось подражать королю; оно учреждало при своихъ дворахъ подобныя же должности[1]). Иногда король приглашалъ въ свой совѣтъ лицъ, не занимавшихъ какой либо опредѣленной должности, и возлагалъ на нихъ какія либо общія или спеціальныя порученія. Такія лица носили названіе «domestici» или «ministeriales», которыя въ меровингскую эпоху сдѣлались государственными должностными лицами съ опредѣленнымъ кругомъ власти.

Отношеніе короля франковъ къ нѣмецкимъ народностямъ населявшимъ Галлію, судя по салійскому и рипуарскому народному праву, было слѣдующимъ:

1) Всѣ свободные люди обязаны были нести воинскую повинность по отношенію къ королю на основаніи присяги[2]). Король нѣкоторымъ изъ нихъ давалъ земли то въ собственное владѣніе, «jus proprietarium», то во временное пользованіе[3]).

[1]) Pact. Leg. Sal. T. II. Cap. 6.

[2]) «Подданническія отношенія свободнаго народа къ королевской власти выражались въ отправленіи военной службы и въ присягѣ на вѣрность» (P. Roth, Geschichte des Beneficialwesens. S. 105. Erlangen. 1850).

[3]) Gregor. Turon. V. 3: «cui voluerit, ad possidendum reliquat».

Вообще всѣ свободные люди приносили присягу (sacramentum leudis) служить королю и отправляться на войну по первому его требованію[1]). «Antrustiones»[2]), будучи высшимъ классомъ военнаго сословія, имѣли начальство надъ другими свободными людьми, «arimania», и носили названіе: «proceres», «optimates», «senjores populi», «meliores natu», «meliores Franci»[3]). Этотъ классъ лицъ образовалъ главное ядро франкскаго дворянства.

2) Король считался верховнымъ судьею надъ всѣми свободными франками и другими народами, входившими въ составъ франкской монархіи. Главное значеніе судебной функціи короля выражалось въ томъ, что онъ одинъ имѣлъ право назначать судей, называвшихся «graviones, grafiones» и иногда «comes»[4]). Каждый графъ считался въ судѣ первымъ лицомъ. Король имѣлъ право высшаго контроля надъ всѣми графами. Вообще же, въ лицѣ короля сосредоточивалась власть, издававшая законы, налагавшая наказаніе и облагавшая населеніе податьми.

Какую власть имѣлъ король Франковъ относительно германскихъ народовъ, жившихъ внѣ Галліи, Швабовъ и Баварцевъ, опредѣлить трудно. Только со второй половины VI вѣка меровингскіе короли, благодаря завоеваніямъ на правомъ берегу Рейна, вступили въ болѣе тѣсныя связи съ народомъ. Отсюда возникла военная повинность благородныхъ и свободныхъ людей въ отношеніи франкскаго короля. По законамъ алеманновъ и баварцевъ наслѣдственные герцоги ихъ считались посредниками между народомъ и франкскимъ королемъ. Судебное устройство у алеманновъ и баварцевъ было такимъ же, какъ у франковъ. Судебную функцію отправлялъ графъ, при содѣйствіи обыкновенныхъ, выборныхъ народныхъ начальниковъ[5]). Графа назначалъ непосредственно герцогъ[6]). Неповиновеніе графа герцогу

---

[1]) Pact. L. Sal. t. 44. § 4; L. Ripuar. t. II. § 1.

[2]) Pact. L. Sal. t. 76 — гласитъ: «qui in truste dominica». Trustis, truth, fides, Treue.

[3]) Greg. Turon. VI. 45: «convocatis melioribus Francis reliquisque»; ib. VII. 19: «omnes meliores natu regni Chilperici regis».

[4]) L. Sal. t. 56. t. 57. Cap. 4; L. Rip. t. 51.

[5]) L. Alemann. t. 36. Cap. I: «conventus autem secundum consuetudinem antiquam fiat in omni centena coram Comite aut Misso, et coram Centenario»; L. Bajuv. t. 2. Cap. 15. § 2: «Comes vero secundum habeat judicem».

[6]) L. Alemann. t. 41.

считалось такимъ же преступленіемъ, какъ и неповиновеніе его королю[1]). Герцогъ приносилъ присягу на вѣрность королю франковъ[2]). Жалобы противъ герцога приносились королю. Обязательная воинская повинность имѣла значеніе главнымъ образомъ тогда, когда приходилось защищать страну отъ нападенія враговъ; въ другихъ же случаяхъ всѣ свободные алеманны и баварцы могли поступать на службу короля, или же не поступать[3]). У баварцевъ и алеманновъ мы встрѣчаемъ дѣленіе страны на сотни и десятни, «centenarius et decanus», каковое дѣленіе мы находимъ у франковъ и англо-саксовъ. Такое дѣленіе страны мы находимъ у всѣхъ германскихъ народностей; оно имѣло значеніе по преимуществу военное.

Съ эпохи Хлодвига (496 г.) христіанство дѣлало все большіе и большіе успѣхи среди германскихъ народностей. Церковь легко пріобрѣтала богатства и въ особенности земельныя имущества то благодаря дару королей, то благодаря дару дворянства, а иногда благодаря самовольнымъ дѣйствіямъ представителей церкви и монастырей.

Въ эпоху меровингскую (561—752) франкское королевство не расширило своихъ предѣловъ. Германскія народности, жившія на окраинахъ франкскаго королевства, въ силахъ были защитить послѣднее отъ набѣговъ сосѣднихъ народовъ. Баварцы давали отпоръ аварамъ и южнымъ славянамъ; швабы—славянамъ, жившимъ на лѣвомъ берегу Дуная; остфранки и жители Тюрингіи распространили власть франкскаго короля до богемскихъ горъ. Только фризы и саксы дѣлали удалые, воровскіе набѣги на предѣлы франкскаго королевства. Эти обѣ народности не думали о завоеваніи, но скорѣе о защитѣ. Вестготы не причиняли заботъ франкскимъ королямъ благодаря своей слабости. Отъ лонгобардовъ франкское королевство было защищено Альпами.

Сліяніе двухъ народовъ въ римскихъ провинціяхъ франкскаго королевства, а именно: германцевъ и римлянъ, увеличило политическое значеніе этого государства. Слившіяся народности

---

[1]) L. Al. t. 24; L. Bajuv. t. 2. Cap. 1. §§ 1. 3.
[2]) L. Bajuv. t. 2. Cap. 20. § 3; L. Al. t. 35.
[3]) L. Bajuv. t. 2. Cap. 1. § 3.

образовали одинъ народъ. Сліяніе двухъ народностей происходило медленно. Римская культура смягчила грубость невѣжественныхъ германцевъ; воинственный характеръ и сила германцевъ, уважавшихъ личную свободу, влили жизненность въ Римлянъ, бывшихъ близкими къ вырожденію. Германцы познакомились съ римской роскошью и богатствомъ. Свободные нравы и учрежденія германцевъ подъ вліяніемъ римскаго права и культуры получили новый характеръ. Римское право повліяло сильно, по словамъ Савиньи[1]), тамъ, гдѣ германцы и римляне приходили въ болѣе близкія сношенія, т. е. тамъ, гдѣ законодательство было общимъ и для германцевъ, и для провинціаловъ. Христіанство воздѣйствовало глубоко на воззрѣнія германцевъ. Въ этотъ періодъ строятся церкви и учреждаются монастыри. Произвело-ли христіанство переворотъ въ нравственныхъ убѣжденіяхъ народа,—судить трудно. Хроники этого времени свидѣтельствуютъ, что народъ и сами короли не отрѣшились отъ всякаго рода пороковъ[2]). Церковь заботилась о нравственности на столько же, на сколько заботилась о сборѣ духовныхъ пеней. Въ чисто германскихъ провинціяхъ національный характеръ германцевъ измѣнялся медленно. Въ VII ст. въ германскихъ провинціяхъ христіанская религія только начинаетъ распространяться. При наслѣдникахъ Лотаря I, раздѣлившихъ въ 561 году франкское королевство, наступили внутреннія междуусобицы. Только при Лотарѣ II въ 613 году франкское королевство слилось опять въ одно цѣлое. Во внутреннихъ междуусобицахъ принимало большое участіе высшее дворянство, оказывая сильное вліяніе на короля. Благодаря этому вліянію дворянство получило въ свою собственность много изъ ранѣе конфискованныхъ земель, считавшихся собственностью короля. Короли, желая привлечь на свою сторону высшее дворянство, часто обращались къ нему за совѣтомъ при рѣшеніи важныхъ государственныхъ вопросовъ. Епископы пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе и въ особенности при рѣшеніи вопросовъ о вѣрѣ.

Королевскій совѣтъ, куда входили: король, дворянство и

---

[1]) Gesch. des röm. Rechts. Bd. II. Cap. 7—10.

[2]) Gregor. Turon. Hist. Franc. II.

духовенство, сталъ называться «consilia mixta»; онъ рѣшалъ всѣ важныя государственныя дѣла. Первый «consilia mixta» былъ созванъ въ 615 году. Такіе совѣты съ этого времени начинаютъ собираться довольно часто и получаютъ, наконецъ, названіе «Campus Marci». Дворянство и духовенство мало-по-малу пріобрѣтаетъ значеніе имперскихъ чиновъ. При рѣшеніи вопросовъ о вѣрѣ и церковныхъ дѣлахъ играло главную роль духовенство; при рѣшеніи же общихъ государственныхъ вопросовъ главный голосъ былъ на сторонѣ дворянства и, какъ перваго его представителя, «Major Domus'»а. Съ этого времени послѣдній пріобрѣлъ огромное значеніе. Выборъ «Major Domus'»а зависилъ болѣе отъ воли и усмотрѣнія высшаго дворянства, чѣмъ отъ воли короля, въ отсутствіи котораго первый дѣлался полнымъ господиномъ. Наконецъ, послѣ битвы при Тестри (687 г.) «Major Domus», Пипинъ, благодаря содѣйствію дворянства, получаетъ титулъ «Dux et Princeps Francorum». Родъ послѣдняго наслѣдуетъ тронъ меровингскихъ королей. Младшій сынъ Пипина, Карлъ Мартеллъ, благодаря побѣдѣ надъ фризами, которые съ этого времени были подчинены франкскому королю, и далѣе, благодаря побѣдѣ надъ сарацинами, дѣлается народнымъ героемъ. Дворянство становится преданнымъ новой королевской династіи. Послѣ смерти Карла Мартелла (741 г.) франкская монархія раздѣляется на двѣ части между двумя его сыновьями: Карломаномъ и Пипиномъ. Въ это время нападенія саксовъ становятся для франкскаго королевства болѣе опасными, чѣмъ прежде. Въ 747 г. Карломанъ принялъ монашескій чинъ. Дворянство, эта важная часть народа, и духовенство, воздѣйствуя на мнѣнія народа, дали возможность Пипину сосредоточить власть въ однѣхъ рукахъ; то и другое получаютъ въ даръ отъ Пипина земли «beneficia»[1]. Папа, Захарій, въ 750 г. изъявляетъ свое согласіе, чтобы Пипинъ принялъ титулъ короля и чтобы одинъ управлялъ всѣми государственными дѣлами. Имперскій сеймъ въ Суассонѣ объявляетъ

---

[1]) «Anderseits», замѣчаетъ Ротъ, «fingen die fränkischen Könige an die Grossen dadurch an sich zu fesseln, dass sie ihnen Grundstücke zu einem zeitlich beschränkten Nutzungsrecht in der Form eines Beneficiums verliehen». Feudalität und Untehanenband. Weimar. 1863. S. 24 ff.

короля Хильдериха лишеннымъ трона, а Пипина провозглашаетъ королемъ. Архіепископъ Бонифацій совершилъ обрядъ мvропомазанія новаго короля, котораго народъ привѣтствуетъ новымъ владыкой. И такъ, новая династія утвердилась благодаря главнымъ образомъ содѣйствію римскаго первосвященника, которому скоро представители этой династіи оказали услуги. Пипинъ удерживаетъ лонгобардцевъ въ 754 году отъ дальнѣйшихъ завоеваній въ Италіи тѣхъ земель, на которыя претендовалъ также и папа. Предѣлы франкскаго королевства расширились еще болѣе. Въ 760 г. была присоединена Аквитанія. Послѣ смерти Пипина (768 г.) франкское королевство было раздѣлено между его двумя сыновьями Карломъ и Карломаномъ. Королевство достигло такого могущества, какого оно не достигало никогда ранѣе.

Послѣ смерти Карломана (771 г.), Карлъ сдѣлался королемъ той и другой части королевства. Въ лицѣ Карла В. идея политическаго единства универсальной монархіи, покоившейся на началахъ христіанской религіи и на традиціяхъ римскаго монархизма, нашла себѣ полное формальное осуществленіе. При первыхъ короляхъ новой династіи христіанство утвердилось во внутренней Германіи. Оно было проповѣдуемо миссіонерами и въ остальныхъ частяхъ Германіи. Благодаря новой системѣ набора войскъ, начавшейся практиковаться уже съ Карла Мартелла, Карлу В. было легче вести борьбу съ внѣшними врагами. Новая система набора войскъ, гдѣ должны были участвовать всѣ свободные, получила названіе «Heribannus», «Heerbann». При этой системѣ набора войска были соединены всѣ народныя силы въ одно цѣлое, что дало Карлу возможность имѣть перевѣсъ надъ сосѣдними народами, которые были присоединены къ великой франкской монархіи. Послѣ тридцатилѣтней войны (772—804) были покорены Саксы[1]). Политика

---

[1]) «Saxones post multas caedes et varia bella adflicti, non volentes resistere, tandem Christiani effecti Francorum ditioni subduntur». Mon. Germ. Script. I, p. 349; «Rex Carolus conquisivit maximam partem Saxoniae, et conversi sunt Saxones ad fidem Christi». Script. I, p. 30 Annal. S. Amandi a. 776; «Et conventus habitus in Padrabrunno.... ibi Saxones baptizati, ingenuitatem et omnem proprietatem suam secundum morem gentis abdicantes, regi tradiderunt». Mon. Germ. Script. I, p. 158. a. 777.

Карла В. въ отношенія Саксонцевъ покоилась на томъ, что король, пощадивъ саксонскія знатныя фамиліи, передалъ имъ функцію управленія народомъ. Уже въ IX ст. сильныя саксонскія фамиліи во всѣхъ частяхъ страны сдѣлались королевскими чиновниками. Эти саксонскіе начальники имѣли власть также надъ новыми поселенцами и лицами, которыя приходили въ опустошенныя въ Саксоніи мѣстности ради поселеній. Во вновь присоединенныхъ областяхъ церковь получила десятину. Щедрые дары Карла на пользу церкви облегчили ему получить титулъ императора, что еще больше увеличило значеніе главы государства. Войны Карла В. противъ славянъ и аваровъ окончились тѣмъ, что восточныя границы королевства еще болѣе были увеличены и лучше обезпечены. Война противъ лонгобардовъ окончилась присоединеніемъ лонгобардскаго королевства[1]), которое, раздѣленное на провинціи, было отдано въ управленіе графамъ[2]), назначаемымъ франкскимъ королемъ.

Государственный строй при Карлѣ В. получилъ большую твердость и опредѣленность. Основной принципъ управленія состоялъ въ томъ, что въ каждомъ округѣ назначалось одно должностное лицо, называвшееся «comes»'омъ или графомъ[3]). Исключеніе было сдѣлано для пограничныхъ графствъ. Здѣсь надъ нѣсколькими графами начальствовало особое лицо, носившее названіе «dux limitis». Епископы получили значеніе при управленіи свѣтскими дѣлами въ графствахъ[4]). Централизація управленія покоилась на организаціи института разъѣздныхъ чиновниковъ, названныхъ «Missi», «Sendengrafen», которые, разъѣзжая по провинціямъ, собирали свѣдѣнія относительно всѣхъ дѣлъ управленія. Эти свѣдѣнія и отчеты они

---

[1]) Einhardi vita Caroli a. 771: — «Fatigatam longa obsidione civitatem ad deditionem compulit; quam ceterae omnes civitates secutae omnes se regis ac Francorum potestati subdiderunt»;

[2]) Einhardi vita Caroli a. 776:—«civitatibus—receptis, et in eis Francorum comitibus constitutis».

[3]) M. G. H. II. p. 736:—«Providentissimus Carolus nulli comitum, nisi his qui in confinio vel termino barbarorum constituti erant, plusquam unum comitatum aliquando concessit».

[4]) Cap. 4. a. 806. Cap. 4: «Episcopi cum comitibus stent, et comites cum episcopis, ut uterque pleniter suum ministerium peragere possit».

представляли центральной власти для обсужденія и рѣшенія. Благодаря институту «Missi», король выполнялъ свои права и обязанности въ отношеніи народа непосредственно. Король чрезъ «Sendengraff'»овъ осуществлялъ функціи высшаго надзора за управленіемъ и высшаго суда; онъ обезпечивалъ выполненіе законовъ, надзиралъ за управленіемъ королевскими имуществами и вообще имѣлъ надзоръ за мѣстнымъ управленіемъ, такъ какъ мѣстныя общины сплошь и рядомъ собирались ради обсужденія мѣстныхъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ или «comes'»овъ, или «Missus'»а. Кромѣ того, «Missi» имѣли важное значеніе въ томъ отношеніи, что надзоръ ихъ за графами устранялъ возможность злоупотреблять послѣднимъ своей властью и въ особенности при наборахъ войска.

Такое громадное государство и по величинѣ, и по населенію, уже по сознанію самого Карла В., не могло быть управляемо однимъ лицомъ. Въ 806 году Карлъ В. опредѣляетъ тѣ главныя части, на которыя должна была раздѣлиться франкская монархія[1]). Намѣреніе и желаніе Карла были, чтобы, по раздѣлѣ имперіи, каждая часть имперіи, нѣмецкая и романская, въ случаѣ войны съ внѣшними врагами помогали одна другой[2]). Людовикъ Благочестивый, послѣ смерти своихъ братьевъ, управлялъ страной единолично. Созвавъ въ 817 г. сеймъ, онъ признаетъ своимъ сорегентомъ старшаго изъ своихъ сыновей Лотаря. Людовикъ Благочестивый вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ желаніе, чтобы послѣ его смерти Аквитанія съ другими южными графствами досталась Пипину, а Баварія съ прилегавшими къ ней пограничными марками досталась на долю Людовика. Имперскіе чины выразили согласіе слѣдовать волѣ Людовика Благочестиваго[3]). Послѣ смерти Людовика Благочестиваго (840 г.)

---

[1]) M. G. H. Leg. Tom. I. p. 140.

[2]) Ibid. Cap. 3:—«ita ut Carolus et Ludovicus viam habere possint in Italiam ad auxilium ferendum fratri suo, si ita necessitas exstiterit, Carolus per vallem Augustanam, quae ad regnum ejus pertinet, et Ludovicus per vallem Legusianam, Pipinus vero et exitum et ingressum per Alpes Noricas atque Curiam».

[3]) Ibid. Tom. I. p. 196:—«Subito divina inspiratione actum est, ut nos fideles nostri commonerent quatenus manente nostra incolumitate et pace undique a Deo concessa, de statu totius regni et de filiorum nostrorum causa, more parentum nostrorum, tractaremus».

оружіе рѣшило раздѣлъ франкской монархіи. Восточная часть имперіи, отдѣленная отъ остальныхъ частей Рейномъ, досталась на долю Людовика, который получилъ также города: Шпейеръ, Вормсъ и Майнцъ и земли, принадлежавшія къ этимъ городамъ, расположенныя на лѣвомъ берегу р. Рейна. Эта часть франкской имперіи, будучи вполнѣ нѣмецкою, управлялась Людовикомъ, названнымъ Германскимъ (Ludovicus Germanicus), единолично до 876 г. Послѣ смерти Карла Толстаго, сына Людовика Германскаго, (882) прекратилась въ Германіи прямая вѣтвь каролингскаго дома. Скоро возникли споры между претендентами на германскія владѣнія: Карломъ (Calvus) и между прямыми потомками Лотаря Итальянскаго. Карлу (Calvus) удалось соединить въ своихъ рукахъ большую часть монархіи Карла В.

Внутреннія междуусобицы и безпорядки, начавшіеся послѣ смерти Карла В., подорвали народныя силы франкскаго государства, которое Г. Мейеръ[1]) называетъ временной всемірной монархіей. Къ внутреннимъ раздорамъ имперіи присоединились внѣшніе набѣги норманновъ. Слабость государственнаго организма проявилась въ томъ, что правительство не въ состояніи было примирить враждующихъ элементовъ, сдерживаемыхъ всесильною рукою Карла В. Имперскіе чины, т. е. высшее дворянство и духовенство, все болѣе и болѣе усиливаютъ послѣ смерти Карла В. свое вліяніе при рѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Кромѣ того, власть нѣкоторыхъ пограничныхъ графовъ, управлявшихъ нѣсколькими графствами, достигаетъ въ смутную эпоху власти герцоговъ и князей, которую послѣдніе имѣли до вступленія на франкскій престолъ меровингскихъ королей[2]). Словомъ, между народомъ и франкскимъ монархомъ становится посредникъ въ лицѣ графа, князя и вообще крупнаго поземельнаго собственника-дворянина. Послѣдніе все болѣе и болѣе ограничиваютъ власть короля. Уже со времени Хлодвига, а также въ эпохи меровингскую и каролингскую высшее сословіе увеличиваетъ свое вліяніе на рѣшеніе государственныхъ дѣлъ.

---

[1]) Lehrbuch des deutschen Staatsrechtes. S. 41.

[2]) L. Alemann. tit. 41: «Ut nullus causas audire praesumat nisi qui a Duce per conventionem populi judex constitutus est».

Это сословіе вырабатываетъ взглядъ, что государственная должность, связанная съ земельнымъ владѣніемъ «beneficium», должна переходить отъ отца къ сыну. Имперскіе чины, послѣ смерти Карла В., требуютъ, чтобы король непремѣнно призывалъ ихъ въ совѣтъ. Потомки Карла В. щедрою рукою раздаютъ королевскія земли тѣмъ изъ высшихъ государственныхъ чиновъ, которые помогаютъ имъ утвердиться на королевскомъ тронѣ. Слабость королевской власти привела, наконецъ, къ тому, что имперскіе чины и королевскіе органы управленія начали разсматривать ленныя земли, даръ короля, какъ свою собственность, какъ свое наслѣдственное владѣніе, что видно изъ слѣдующаго капитулярія императора Карла (Calvi) отъ 877 г.[1] Усиленію имперскихъ чиновъ въ Германіи способствовало также прекращеніе здѣсь прямой линіи каролингской династіи. Германія, составляя «pars regni Francorum», послѣ смерти Карла Толстаго[2]), достается на долю Арнульфа (888 г.), непрямаго каролинга, родившагося отъ бургундскаго короля, Бозо, и дочери императора Людовика II, старшаго сына Лотаря I, роднаго брата Людовика Германскаго.

«Правовые памятники народовъ, составлявшихъ франкскую монархію», замѣчаетъ Wilda, «не носятъ того характера

---

[1]) «Si comes obierit, cujus filius nobiscum sit, filius noster cum caeterise fidelibus ordinet de his qui *illi plus familiares et propinquiores* fuerint, qui cum ministerialibus ipsius comitatus et episcopo ipsius comitatum praevideat usque dum nobis renuntietur... Si vero filium non habuerit, filius noster *cum caeteris fidelibus* nostris ordinet, qui cum ministerialibus ipsius comitatus et episcopo ipsum comitatum praevideat, donec jussio nostra inde fiat.... *Similiter et de vassalis* nostris faciendum est. Et volumus atque expresse jubemus, ut tam Episcopi quam Abbates, et Comites, seu etiam caeteri fideles nostri, *hominibus suis* similiter conservare studeant».

[2]) «Zu gross jedoch, um auf die Dauer zusammenzuhalten, zerfiel es in Folge der erbrechtlichen Grundsätze, welche im fränkischen Königshause galten, und in Folge der Schwäche der späteren Herrscher in seine Theile. Durch den Vertrag von Verdun (843) und die Absetzung Karl's des Dicken (887) sonderte sich der überwiegend germanische Osten von dem mehr romanischen Westen. Aus den Ostfrankenreich ging das deutsche Reich hervor». «Das deutsche Reich mit seinen Pertinenzen und Nebenländern war unzertrennlich mit dem römischen Reiche verbunden und bildete daher das heilig römische Reich deutscher Nation». Г. Мейеръ, Lehrbuch des deutschen Staatsrechtes. S. 42 ff.

по ихъ содержанію, какой встрѣчается въ старыхъ законахъ англо-саксовъ Законы послѣднихъ вызывались къ жизни потребностями самого народа. Поэтому, германское народное писанное право не даетъ вѣрнаго и точнаго представленія о правовыхъ отношеніяхъ древнихъ германцевъ»[1]). У римскихъ писателей нѣтъ полной картины правовыхъ институтовъ и учрежденій древнихъ германцевъ, вторгнувшихся съ теченіемъ времени въ римскія провинціи и основавшихъ здѣсь государства. При общемъ сожитіи германцы много заимствовали изъ римскаго права и культуры. На германское народное право до того времени, когда оно вылилось въ писанную форму, имѣли огромное вліяніе законы франкскихъ королей. Лица, писавшія германское право на непонятномъ для народа языкѣ, были духовныя; они, не понимая иногда народнаго духа, народныхъ правовоззрѣній, не въ силахъ были отдѣлить германскихъ правовыхъ институтовъ отъ римскихъ. Духовенство, воспитанное на римско-византійскихъ источникахъ права и преслѣдовавшее цѣли церкви, не понимало вполнѣ различія между жизнью народа германскаго и народа римскаго. Духовные кодификаторы народныхъ правъ поступили также, какъ поступили позднѣе юристы-германцы, стремившіеся перенести юстиніановское законодательство на германскую почву. «Die Zeiten», продолжаетъ вышеупомянутый писатель[2]), «in welchen unsere Volcksrechte entstanden sind, dürfen wir daher nicht als diejenigen ansehen, welche uns ein treues Bild germanischer Denkungsweise, germanischer Sitte und Rechtsverfassung darstellen». Болѣе точнаго изображенія правовыхъ институтовъ древнихъ германцевъ, по вѣрному замѣчанію Wilda[3]), возможно достигнуть только при сопоставленіи правъ всѣхъ германскихъ народностей въ разныя эпохи. Писанное право нѣмецкаго народа совпадаетъ съ основаніемъ франкскаго королевства. Внѣшняя исторія этого права болѣе или менѣе объясняется тѣми предисловіями, которыя мы находимъ въ большей части законодательныхъ памятниковъ. При изученіи внутренняго содержанія этихъ памятниковъ слѣдуетъ отличать древнее народное право отъ добавленій

[1]) Das Strafrecht der Germanen. S. 74 ff.
[2]) Ib., S. 77.
[3]) Ib., S. 82.

болѣе поздняго времени, что представляетъ много трудностей. Право германскихъ народностей, жившихъ на римской почвѣ, въ римскихъ провинціяхъ, скорѣе подвергалось измѣненіямъ, чѣмъ право германскихъ народностей, жившихъ внѣ Галліи и вошедшихъ въ составъ франкской монархіи въ концѣ VIII и въ началѣ IX ст. Существенное различіе между отдѣльными правовыми памятниками различныхъ германскихъ народностей, по замѣчанію Савиньи[1]), заключается въ томъ, что на составленіе нѣкоторыхъ — римское право повліяло, а на составленіе другихъ нѣтъ. Понятно, это вліяніе отразилось болѣе сильно тамъ, гдѣ законодательство было общимъ для германцевъ и римлянъ-провинціаловъ. Германское право было изложено на латинскомъ языкѣ, исключая англо-саксонскаго права. Франки, Баварцы, Алеманны и другія народности не были знакомы съ письменностью.

Остготы при Теодорихѣ (500 г.) получили писанное право для рѣшенія споровъ между готами и провинціалами. Остготское народное право было первымъ изъ писанныхъ германскихъ правъ. Народные правовые институты и обычаи признаются дѣйствующимъ общимъ законодательнымъ актомъ, которымъ долженъ былъ руководиться «Comes Gothorum». Другія народныя права были кодифицированы позднѣе, хотя, правда, по свидѣтельству Исидора[2]), вестготы получили писанное право во второй половинѣ V ст., но это право до насъ не дошло.

Самымъ древнимъ изъ другихъ писанныхъ народныхъ правъ считается «Lex Salica», народное право салійскихъ франковъ[3]). Изданіе салійскаго права относится къ концу VI и началу VII ст. Первыя 65—70 титуловъ слѣдуетъ считать первоосновою салійскаго закона, «Capitula principalia», а другіе

---

[1]) Gesch. des röm. Rechts. Bd. II. Cap 7—10.

[2]) Isidor Hispalens. a. 504: «Sub hoc rege (Eurico) Gothi legum instituta scripta habere coeperunt, antea tamen moribus et consuetudine tenebantur».

[3]) Wilda. ibid. S. 82: «Unter den Volksrechten pflegte das Salfränkische gewissermassen, als das wichtigste angesehen, bei der Eröterung deutscher Rechtsinstitute am meisten zu Grunde gelegt zu werden». Ib. S. 87: «Wir besitzen daher in den salfränkischen Gesetzen ein in seinen Grundlagen ammeisten alterthümliches Volksrecht».

титулы до 95 или 99 были добавлены позднѣе[1]). Салическій законъ уже до каролингской эпохи былъ раздѣленъ на титулы Титулы отъ 1 до 70, которые во всѣхъ рукописяхъ почти сходны, слѣдуетъ признать первоначальнымъ текстомъ Салической Правды, «Lex Salica emendata». При Карлѣ В была предпринята ревизія, пересмотръ народныхъ правъ, касавшихся не самаго содержанія права, но внѣшней формы его. На имперскомъ сеймѣ 802 г. Карлъ В.[2]) высказалъ желаніе дать неписаннымъ народнымъ правамъ писанную форму, а писанныя народныя права привести въ согласіе съ общими законами. Первоначальный текстъ Салійской Правды былъ дополненъ закономъ, получившимъ названіе: «Capitula quae in lege Salica mittenda sunt».

Бургундскій законъ, «Lex Burgundionum», издается въ концѣ V ст. Съ теченіемъ времени первоначальный текстъ, содержавшійся въ 42 титулахъ этого закона, былъ восполненъ. Онъ написанъ на латинскомъ языкѣ. Многія статьи этого закона взяты изъ римскаго права, а это почти всѣ титулы, изданные при королѣ Сигизмундѣ, что видно и изъ пролога къ бургундскимъ законамъ[3]).

---

[1]) «Sciendum est quod in quibusdam libellis, legis Salicae inveniuntur Capitula principalia LXV, in quibusdam vero LXX, in quibusdam etiam paulo plus aut paulo minus Continentur alia capitula in quibusdam codicibu XCIX, in quibusdam vero plus minusve». Recapitulatio L. Salicae

[2]) M. G. H. Pag. 110: «Post susceptum imperiale nomen, cum adverteret, multa legibus populi sui deesse—nam Franci habent duas leges in plurimis locis valde diversas—cogitavit quae deerant addere et discrepantia unire, prava quoque ac perperam prolata corrigere; sed de his nihil ab eo factum est, nisi quod pauca capitula et ea imperfecta, legibus addidit. Omnium tamen nationum quae sub ejus dominatu erant jura quae scripta non erant, describere ac literis mandare fecit»; Chron. Moiss. разсказываетъ отъ 802 г. «Recordoratus est—Karolus—misericordiae suae de pauperibus qui in universo imperio ejus erant, et ju stitias pleniter habere non poterant»; Mon. G. Hist. p. 114 a. 803: «Et ipse imperator interim quod ipsum synodum factum est, congregavit duces, comites et reliquum populum christianum cum legislatoribus, et fecit o mnes leges in regno suo legere, et tradere unicuique homini legem suam, et emendare ubicunque necesse fuit, et emendatam legem scribere, ut judices per scriptum judicassent, et munera non accepissent, sed omnes homines pauperes et divites, in regno suo justitiam haberent».

[3]) L. Burg. Prolog.:.... «Omnes itaque administrantes judicia, secundum

«Lex Ripuariorum» былъ изданъ въ началѣ VII ст. Принять мнѣніе Wilda [1]), что старая форма и содержаніе салическаго закона имѣли громадное вліяніе на составленіе рипуарскаго права, нельзя потому, что первые 33 титула рипуарскаго права существенно различаются отъ Салійской Правды. Въ послѣдующихъ титулахъ рипуарскаго права встрѣчаются опредѣленія, которыя совершенно чужды салійскому закону. Однимъ изъ существенныхъ признаковъ различія между салійскимъ и рипуарскимъ закономъ слѣдуетъ считать наказаніе, налагавшееся за воровство. Рипуарское право [2]) признаетъ только одинъ видъ и родъ наказанія за совершеніе такого преступленія. Наказаніе за воровство увеличивается по рипуарской Правдѣ въ исключительныхъ случаяхъ. Салійское право [3]) назначаетъ за воровство различныя наказанія, обусловливаемыя личнымъ состояніемъ вора, родомъ и видомъ воровства. При Карлѣ В. рипуарскій законъ былъ дополненъ: «Capitula quae in lege Ripuaria mittenda sunt».

Изъ предисловія къ алеманнскому народному праву мы узнаемъ, что оно было издано между 613 и 628 годомъ. При королѣ Дагобертѣ оно было подвергнуто пересмотру и возобновлено въ началѣ VIII ст. при герцогѣ Ланфридѣ. Половина алеманнскаго права (tt. 1—35) трактуетъ объ отношеніяхъ церкви къ власти герцога. Вліяніе римскаго права отразилось на алеманнскомъ правѣ тамъ, гдѣ трактуется о бракѣ. Собственно германскія правовыя положенія изложены въ немногихъ статьяхъ (tt. 44—58).

Народное право баварцевъ (Lex Bajuvariorum) было издано при Лотарѣ II, т. е. почти въ одно время съ изданіемъ закона алеманновъ. Послѣднее послужило образцомъ для перваго. Въ баварскомъ народномъ правѣ первые титулы также трактуютъ объ отношеніи церкви къ власти герцога; оно отличается отъ другихъ народныхъ правъ точностью и систематич-

---

leges nostras quae communi tractatu compositae et emendatae sunt, inter Burgundionem et Romanum praesenti tempore judicare debebunt».

[1]) Ib. Strafr. S. 89.

[2]) t. LXXXVII: былъ ли воръ пойманъ днемъ или ночью—одно наказаніе.

[3]) L. Sal. tt. 2—11.

ностью. Съ теченіемъ времени и баварское, и алеманнское право какъ бы слились, что объясняется тѣснымъ соприкосновеніемъ баварцевъ и алеманновъ. Баварское право не было возобновляемо. При Карлѣ В. оно было дополнено двумя капитуляріями: «Capitula legi Bajuvariorum addita» [1]).

Римлянамъ въ германскихъ государствахъ было позволено жить по ихъ законамъ. Германское народное право дѣйствовало при рѣшеніи споровъ между римлянами и германцами, что представляло много трудностей для суда. Потребность обработки римскаго права была удовлетворена при Аларихѣ II, королѣ вестготовъ (506 г.). Писанное для римлянъ право въ вестготскомъ королевствѣ получило названіе «Breviarium Alaricianum», на составленіе котораго вестготскій государственный строй оказалъ значительное вліяніе. Это писанное право съ теченіемъ времени получило названіе «Lex Romana» или «Lex Theodosii». Для римлянъ, жившихъ въ бургундскомъ королевствѣ, былъ изданъ при королѣ Сигизмундѣ спеціальный законъ, носившій названіе «Lex Romana Burgundionum» или «Papiniani liber responsorum». И «Breviarium», и «Papiniani liber responsorum» составлены на основаніи рескриптовъ и эдиктовъ грегоріанскаго и теодозіанскаго кодексовъ, нѣкоторыхъ новеллъ и сочиненій Папиніана, Павла и другихъ. Съ присоединеніемъ лонгобардскаго королевства къ франкскому «Lex Romana» сдѣлался об щимъ для всѣхъ лицъ, которыя жили «sub legem Romanam».

Юстиніановскія новеллы сдѣлались важнымъ правовымъ источникомъ для церкви. Законы Юстиніана относительно гражданскихъ правоотношеній не нашли себѣ примѣненія въ каролингскую эпоху потому, что въ это время не существовало изученія римскаго права. Римское право имѣло значеніе только для провинціаловъ, и потому кругъ дѣйствія его былъ строго ограниченъ; его вліяніе отражалось на той части населенія, правовыя отношенія котораго регулировались двумя кодексами: «Breviarium» и «Papiniani liber responsorum». Полная рецепція римскаго права началась въ средніе вѣка. Въ эпоху каролингскую римское право при регулированіи общенародныхъ отношеній въ франкской монархіи не имѣло значенія, хотя Юстиніановское право въ Италіи было извѣстно уже въ VI ст.

---

[1]) M. G. H. L. T. I. p. 125.

Законодательства относительно народныхъ правъ тѣхъ германскихъ племенъ, которыя вошли въ составъ франкской монархіи при Карлѣ В., носятъ названія: «Lex Frisionum», «Lex Saxonum», «Lex Angliorum et Werinorum vel Thuringorum». Эти законы не заключаютъ въ себѣ полнаго отраженія народныхъ правовоззрѣній; уже судя по самой формѣ этихъ правовыхъ памятниковъ, можно заключить, что они не вызваны потребностью самого народа. Эти правовые кодексы какъ бы восполняютъ договоры, заключенные между фризами и саксами съ одной стороны и представителями франкской монархіи съ другой. Кромѣ того, составителями этихъ памятниковъ были лица духовныя и свѣтская власть, съ авторитетомъ которыхъ вновь покоренные народы мало мирились. Народныя права написаны кодификаторами, «legislatores», на латинскомъ языкѣ. «Lex Frisionum» былъ составленъ въ 802 году. Онъ раздѣляется на двѣ части, которыя по своему содержанію очень сходны. Это явленіе можно объяснить тѣмъ, что «Lex Frisionum» дѣйствовалъ въ двухъ мѣстностяхъ, принадлежавшихъ фризамъ. Народное право саксовъ вылилось въ трехъ формахъ: a) «Capitula de partibus Saxoniae», b) «Lex Saxonum» и c) «Capitulare Saxonicum». Pertz говоритъ: «anno 777 edita sunt capitula de partibus Saxoniae»[1]). «Lex ipsa igitur Saxonum ex mea sententia», продолжаетъ издатель германскихъ древнихъ памятниковъ, «inter capitula de partibus Saxoniae, quae anno 777 concepta esse videntur, et capitulare saxonicum anno 797 publici juris factum, circa annum 785 condita est»[2]). «Lex Thuringorum» также изданъ при Карлѣ В. Этотъ законъ излагаетъ народные обычаи жителей Тюрингіи. Всѣ эти законы, по всей вѣроятности, были подвергнуты пересмотру въ 802 г. съ тою цѣлію, «ut judices secundum scriptam legem juste judicent, non secundum arbitrium suum»[3]).

Церковное право, регулируя устройство церкви и ея учрежденій, покоилось не только на священномъ писаніи и преданіяхъ церкви, но и восполнялось рѣшеніями и постановленіями сvнодовъ, какъ мѣстныхъ, такъ и общихъ. На состав-

[1]) M. G. H. L. T. V. p. 22.
[2]) Ibid. p. 26.
[3]) Capit. I. a. 802. Cap. 26.

леніе церковныхъ законовъ имѣло громадное вліяніе римское и византійское право. Отношеніе франкской церкви къ государству регулировалось римскимъ правомъ, признаннымъ франкскими королями. Франкскіе короли признали за церковью слѣдующія права: а) свободу отъ налоговъ и государственной службы, б) привилегіи на безопасность и особый почетъ духовныхъ лицъ и в) свободную юрисдикцію и управленіе церковными имуществами и духовными лицами. Церковь находилась подъ защитою короля, а позднѣе императора. Церковные законы не были приведены къ единству и въ каролингскую эпоху несмотря на то, что источники церковнаго права благодаря постановленіямъ и рѣшеніямъ сѵнодовъ увеличились. Кодексъ Діонисія не удовлетворялъ жизненнымъ потребностямъ церкви[1]). Церковные правовые источники, имѣя большое сходство съ капитуляріями и составляя нѣкоторую часть послѣднихъ, имѣли значительное вліяніе на задачи общаго управленія и въ особенности съ того момента, когда королевская и императорская власть должна была поддерживать духовный авторитетъ въ его стремленіи къ организаціи единства и порядка въ церковномъ управленіи. Взаимная помощь и поддержка той и другой власти проявились въ эпоху каролинговъ. Единство цѣли духовнаго и свѣтскаго главы усиливало авторитетъ той и другой власти.

Общими законодательными нормами для всѣхъ народовъ, входившихъ въ составъ франкской монархіи, слѣдуетъ считать капитуляріи, «capitularia». Уже въ эпоху меровинговъ начинаетъ издаваться рядъ законовъ и предписаній, вызываемыхъ потребностями государственной жизни. Король, при изданіи тѣхъ и другихъ, призывалъ въ свой совѣтъ высшее сословіе, дворянство и духовенство. Понятно, что современное понятіе о законѣ и предписаніи не приложимо къ той эпохѣ. Германскія народности разсматривали свое обычное право, какъ писанную юридическую норму, охранять которую въ эпоху народоправства народъ считалъ одною изъ своихъ важнѣйшихъ задачъ. Съ теченіемъ времени, когда усилилась королевская

[1]) Въ предисловіи псевдоисидоровскаго кодекса сказано: «incipit Isidorus mercator (peccator) servus Christi lectori conservo suo et parenti in Domino fidei salutem. Compellor a multis canonum sententias colligere et in unum volumen redigere et de multis unum facere».

власть, охрана и защита обычаевъ, а потомъ писанныхъ правъ перешла въ руки короля. Въ началѣ образованія франкскаго королевства, когда королевская власть находилась еще подъ значительнымъ вліяніемъ самого народа, законы издавались съ одобренія, съ согласія народа: «Clodoveus — postea una cum Francis pertractavit, ut ad titulos aliquid amplius adderet»[1]. Сначала такіе законы носили названіе «pacta», а позднѣе «leges». Понятіе «lex» начинаетъ примѣняться и къ писанному народному праву. Съ того времени какъ народный авторитетъ потерялъ значеніе и вліяніе на дѣятельность королевской власти, законы издаются королемъ съ согласія королевскаго совѣта и государственныхъ чиновъ. Народъ не имѣлъ участія въ государственныхъ сеймахъ. Вліяніе дворянства на изданіе законовъ зависило отъ силы и авторитета самой личности короля. Самое различіе названій законовъ, издаваемыхъ королевскою властью, лишаетъ возможности провести точную грань между закономъ, при изданіи котораго королю нужно было испросить согласіе государственныхъ чиновъ, и предписаніемъ, изданнымъ по личному усмотрѣнію короля. Законодательные акты носили названіе: Constitutiones, Decretiones, Edicta, Pactiones etc. Больше всего законовъ было издано въ эпоху Карла В. Въ это же время прежнія названія законовъ замѣняются словомъ «capitularia». «Capitulare» былъ иногда закономъ общимъ, иногда закономъ спеціальнымъ, сепаратнымъ. При изданіи законовъ Карлъ В. всегда обращался за совѣтомъ къ имперскимъ чинамъ, или къ королевскому совѣту. Всѣ «Capitularia», имѣвшіе различное назначеніе, слѣдуетъ считать законами; они были настолько же обязательны для всѣхъ, насколько обязательны народныя права для каждой народности. Характеръ издаваемыхъ франкскими королями законовъ и предписаній, получившихъ съ теченіемъ времени названіе «Capitularia», объясняется исторіей ихъ возникновенія. Эти законы и предписанія, издаваемые королемъ и его совѣтомъ, служили отчасти руководствомъ, инструкціями королевскимъ чиновникамъ. Капитуляріи не были, собственно говоря, правовыми положеніями, вызываемыми жизненными потребностями самого народа; они имѣли цѣлью обезпечить при-

---

[1]) Предисловіе къ L. Burgund.

мѣненіе дѣйствующаго права. Капитуляріи имѣли своимъ назначеніемъ дать возможность исполнительной власти въ государствѣ и ея представителямъ установить общую безопасность и уничтожить вредныя дѣйствія, проявляемыя или единицею, или обществомъ. Судя по внѣшней формѣ и по содержанію «Capitularia», слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что они имѣютъ много сходства съ современными административными распоряженіями и полицейскими уставами. Капитуляріи не носятъ отпечатка гражданской или уголовной нормы, но скорѣе обезпечиваютъ правильное примѣненіе той или другой; они восполняютъ и примиряютъ противорѣчія, встрѣчающіяся въ народныхъ правахъ. Капитуляріи носятъ отпечатокъ полицейскихъ законовъ. Интересы и правовой порядокъ народовъ, входившихъ въ составъ франкской монархіи, сплошь и рядомъ находились въ противорѣчіи съ идеею государственнаго единства и общихъ задачъ управленія. Политика меровингскихъ и каролингскихъ королей, преслѣдуя единство государственныхъ цѣлей и задачъ, ставила предѣлы народному духу и свободѣ, творившимъ народные обычаи, на которыхъ должны бы были покоиться писанные правовые институты. Такъ какъ кодификаторы народныхъ правъ не стремились проникнуть въ народное міросозерцаніе, то писанныя народныя права и не даютъ полной картины народнаго воззрѣнія на право. Кодификаторы писали народныя права и составляли капитуляріи на языкѣ непонятномъ для народа. Надзоръ за выполненіемъ капитулярій возложенъ былъ на органы управленія, назначаемые королевскою властью. Благодаря незначительному составу королевскихъ чиновниковъ и благодаря непониманію народомъ королевскихъ капитулярій, послѣдніе не находили себѣ жизненнаго примѣненія во всей совокупности. Составъ королевскихъ чиновниковъ увеличился только при Карлѣ В. Народная община, привыкшая жить по своему праву, давала отпоръ королевскимъ чиновникамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они пытались вторгнуться въ управленіе общинными дѣлами. Вторженіе и регламентація королевской власти чрезъ посредство королевскихъ чиновниковъ управленія общинными дѣлами привела къ тому, что общинный строй и общинное управленіе не могли самостоятельно развиваться. Крушенію общиннаго строя много также способствовало зарожденіе крупной поземельной собственности.

Церковь и дворянство не относились также пассивно къ внутреннему управленію дѣлами общинъ, жившихъ на земляхъ, принадлежавшихъ высшимъ сословіямъ. Вторженіе королевскихъ чиновниковъ въ общинный строй было сильно тамъ, гдѣ населеніе жило на королевскихъ земляхъ. Непониманіе королевскими агентами общиннаго строя и общиннаго народнаго управленія, покоившихся на обычаѣ съ одной стороны, а съ другой—непониманіе народомъ высшихъ цѣлей и задачъ государственнаго управленія и единства, производило массу недоразумѣній между управляемыми и управляющими, примирить которыя должна была королевская власть. Если при кодификаціи народныхъ правъ обращалось болѣе или менѣе вниманіе на народные обычаи, то при изданіи капитулярій, какъ общихъ законовъ для всего франкскаго королевства, обычная жизнь и обычное право управленія различныхъ народностей оставлялись въ сторонѣ. Народное право, получивъ писанную форму, оставалось по существу неизмѣннымъ, потому что оно болѣе или менѣе соотвѣтствовало народному духу и правовоззрѣнію. Капитуляріи же, вызываемые къ жизни отдѣльными причинами и потребностями иногда не всего народа, а только его части, иногда благоусмотрѣніемъ и желаніемъ королевскихъ чиновниковъ, были различными и по существу, и по содержанію. Народное право было постояннымъ закономъ, капитуляріи же были законами временными, а иногда и исключительными. Королевская власть охраняетъ народное право: «ut omnes homines eorum legis habeant tam Romani quam et Salici... secundum legem ipsius patriae vivant»[1]); она не стремится лишить возможности народности выработывать правовые институты: «unaquaeque gens prorpriam sibi ex consuetudine legem elegere». Каждый народъ живетъ подъ покровительствомъ и защитой роднаго права: «si quis, qui lege salica vivit»[2]); «sicut lex loci continet, ubi natus est, sic respondeat»[3]). При изданіи народныхъ правъ сами народности имѣли вліяніе на кодификаторовъ, а при изданіи капитулярій народности оставались пассивными, такъ какъ онѣ не имѣли ни прямаго, ни косвеннаго участія въ рѣшеніи общегосударственныхъ дѣлъ.

[1]) M. G. H. L. T. II.p. 13 «Pipini regis capitulare Aquitanicum», a. 768.
[2]) L. Sal. tt. 49.
[3]) L. Rip. tt. XXXI. Cap. 3.

Правительство, желая регулировать различныя народныя отношенія и жизнь различныхъ народностей, потребности которыхъ оставались ему иногда неизвѣстными, издаетъ большое число капитуляріевъ. Функція надзора за мѣстнымъ управленіемъ поручается королевскою властью королевскимъ чиновникамъ[1]). Послѣдніе были обязаны руководиться общими и спеціальными капитуляріями.

Германскія государственныя учрежденія съ эпохи Меровинговъ носятъ характеръ единовластія. Меровинги, достигнувъ королевскаго трона, призываютъ въ королевскій совѣтъ высшее государственное сословіе, которое, усилившись, погубило меровингскую династію. Въ началѣ второй половины VIII ст. королевская власть, благодаря содѣйствію дворянства, дѣлается достояніемъ новой династіи; къ представителямъ послѣдней отнеслась благосклонно и власть духовная. Высшее духовенство помогло «Major Domus»'у Пипину пріобрѣсти титулъ короля. Глава католической церкви въ началѣ IX ст. признаетъ франкскаго короля императоромъ, что усиливаетъ авторитетъ главы государства. Король и императоръ считаются покровителями церкви. Церковь и государство, составляя части одного цѣлаго, т. е. христіанства, имѣющаго своимъ назначеніемъ спасеніе души, должны были, по ученію представителей католической религіи, оказывать другъ другу помощь. Учрежденія церкви разсматриваются идеаломъ общественнаго порядка и строя. Представители церковной и государственной власти, подчиненные невидимому главѣ, Христу, управляютъ одни дѣлами церкви, другіе дѣлами государства. И дѣйствительно, мы видимъ, что во франкскомъ государствѣ духовная власть поддерживаетъ значеніе королевской власти предъ народами, вошедшими въ составъ франкскаго королевства. Мало того, учрежденія церкви вліяютъ на учрежденія свѣтскія, служа послѣднимъ примѣромъ. Королевская власть, сознавая помощь церкви, даетъ представителямъ ея земли и поддерживаетъ стремленія и учрежденія духовной власти. Франкскіе короли, а потомъ императоры, будучи

---

[1]) Вотъ что мы читаемъ въ одномъ изъ капитуляріевъ: «Interdiximus, ut omnes Saxones generaliter conventus publicos nec faciant, *nisi forte Missus noster de verbo nostro eos congregare fecerit*. Sed unusquisque comes in suo ministerio placita et justitias faciat». (Cap. 3).

вѣрными сынами церкви, получаютъ титулъ: «filii primogeniti ecclesiae».

Высшее государственное управленіе сосредоточивалось во франкскомъ королевствѣ и монархіи въ рукахъ короля, потомъ императора. Король признается главою государства; онъ былъ носителемъ верховныхъ правъ и преимуществъ; его права и преимущества не были зависимы ни отъ имперскихъ чиновъ, ни отъ народа. Принципъ государственнаго строя и управленія покоился на понятіи подданства народа королевской власти. Внѣшнее выраженіе понятія подданства выливается въ формѣ принесенія королю присяги на вѣрность со стороны всѣхъ свободныхъ людей. Между королемъ и народомъ существовали непосредственныя прямыя отношенія. Высшее сословіе въ государствѣ не было посредникомъ между королемъ и народомъ. Высшее сословіе, дворянство, стояло къ королю въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ находился къ нему каждый свободный человѣкъ. Лица, находившіяся на государственной службѣ, военной или гражданской, которымъ ввѣрялось осуществленіе королевскихъ правъ и преимуществъ, считали короля главою государства, что признавалъ и самъ свободный народъ.

Государственная власть признавалась наслѣдственной и дѣлимой[1]). При переходѣ государственной власти отъ одного лица къ другому не требовалось испрашивать согласія ни высшихъ сословій, ни народа. Вліяніе первыхъ имѣло значеніе тогда, когда представитель государственной власти былъ лицомъ несильнымъ, невліятельнымъ; вліяніе втораго имѣло значеніе въ старыя времена, когда королевская власть не уничтожила еще народоправства. Вліяніе народа при переходѣ государственной власти отъ одного лица къ другому, а также и при раздѣлѣ государственной территоріи между наслѣдниками, было формальностію, что видно изъ слѣдующаго капитулярія Карла В.: «ut ea quae inter filios nostros propter pacis concordiam statuimus, pleniter omnes consentire *debeant*»[2]). Вліяніе народа на

---

[1]) Capit. a. 806: «notum fieri volumus, quod eosdem per Dei gratiam filios nostros regni|a Deo nobis concessi—regni vel imperii nostri *heredes relinquere* optemus». Pertes, Das deutsche Staatsleben vor Revolution. S. 27. ff.

[2]) Capitul. a. 806. Cap. 3.

выборъ наслѣдника престола, бывшее значительнымъ въ то время, когда самъ народъ еще не утратилъ сознанія о своемъ верховенствѣ, дѣлается съ теченіемъ времени достояніемъ высшихъ сословій. Коронованіе и помазаніе лица, получившаго государственную власть, принадлежало папѣ, какъ главѣ католической церкви.

Королевскія права находили свое осуществленіе въ томъ, что одному королю были присвоены функціи законодательства, суда и управленія. Всякій законопроектъ тогда получалъ силу, когда на изданіе его выражалъ согласіе король. Всѣ важныя государственныя дѣла король предлагалъ для обсужденія имперскому сейму[1]), собиравшемуся весной, отчего сеймъ и носилъ названіе «Campus Martius». Въ сеймѣ учавствовали всѣ имперскіе чины «proceres, optimates». Представители народа не имѣли доступа въ такія собранія. Имѣли участіе въ сеймахъ «conventus, comitia» также васаллы и лица, находившіяся на государственной и королевской службѣ[2]). Участниковъ на сеймахъ можно раздѣлить на двѣ группы: «seniores» или «majores» и «juniores» или «minores». Къ первой группѣ принадлежали: «episcopi», «abbates», «duces», «comites», ко второй—принадлежали: «vice-domini», «vicarii», «centenarii», «telonarii». Иногда король не созывалъ всѣхъ вышеупомянутыхъ лицъ, а только совѣтовался съ важными вельможами и государственными должностными лицами. Послѣ того какъ сеймомъ принималось какое-либо рѣшеніе по данному вопросу, это рѣшеніе представлялось для окончательнаго утвержденія королю. На сеймы призывались и «proceres Germaniae», но только по желанію короля «mox auctoritate regia».

Король считался верховнымъ судьею. Верховная судебная власть короля находила себѣ осуществленіе въ томъ, что король имѣлъ право назначать судей. Всѣ судьи находились подъ надзоромъ короля. Если обѣ спорящія стороны принадлежали къ высшему сословію, «potentiores», то окончательное

---

[1]) «Imperator Carolus habito Generali conventi, evocatum ad se Ludovicum filium, coronam illi imperialem imposuit».

[2]) «Imperator congregavit duces et comites». Koch, Einleitung in die Geschichte der Reichs-Abschiede. S. 3.

рѣшеніе по заявленію одной изъ сторонъ принадлежало королю: «ut episcopi, abbates et potentiores quique, si causam inter se habuerint, ac se patificare noluerint, ad nostram jubeantur venire praesentiam[1]). Первой инстанціей при рѣшеніи споровъ между лицами высшаго сословія служилъ судъ «Missus»'а. Постановленіе «Missus»'а считалось рѣшительнымъ въ томъ случаѣ, когда одна изъ сторонъ не заявила, что она намѣрена подать жалобу въ королевскій судъ: «et si reclamaverint, quod legem eis non judicassent, tunc licentiam habeant ad palatium venire pro ipsa causa»[2]). Король заботился, чтобы всѣ могли пользоваться справедливымъ судомъ: «ut omnes faciant justitiam, tam publici quam ecclesiastici»[3]). Такъ какъ самъ король не въ состояніи былъ лично творить судъ, то эта функція короля поручалась имъ пфальцъ-графу, «Comes Palatii». Второю судебною инстанціею для лицъ свободныхъ былъ судъ «Missus»'а. Въ каждое графство назначался «Missus». Назначеніе послѣдняго состояло въ томъ, чтобы рѣшать окончательно тѣ дѣла, которыя не былъ въ силахъ рѣшить обыкновенный судья или потому, что онъ не былъ компетентенъ, или потому, что одна изъ спорящихъ сторонъ, оставаясь недовольной рѣшеніемъ обыкновеннаго судьи, подала жалобу «Missus»'у[4]). «Missi» въ сомнительныхъ случаяхъ переносили рѣшеніе дѣла въ королевскій судъ. Каждое спорное дѣло должно было быть сначала разсмотрѣно или въ судѣ графа, или въ судѣ «Missus»'а, и потомъ уже переносилось для окончательнаго рѣшенія въ королевскій судъ: «et si aliquis voluerit dicere quod juste ei non judicetur, tunc in praesentiam nostram veniat. Aliter vero non praesumat in praesentiam nostram venire pro alterius justitia dila-

---

[1]) Capit. 3. a. 812.

[2]) Capit. a. 755. Cap. 29.

[3]) Ib.

[4]) Capit. a. 823. Cap. 26: «Missi omnibus notum faciant—ad hoc se esse a nobis constitutos, ut si quilibet Episcopus aut Comes ministerium suum propter quodlibet impedimentum implere non possint, ad eos recurrat»... «Et omnis populus sciat ad hoc eos esse constitutos, ut quicunque per negligentiam aut incuriam, vel impossibilitatem Comitis, justitiam suam adquirere non potuerit, ad eos primum querelam suam possit deferre, et per eorum auxilium justitiam adquirere»....

tanda»[1]). Третью, нисшую судебную инстанцію составлялъ судъ графа или его представителя. Графъ, отправляя судебную обязанность, имѣлъ нѣсколько помощниковъ, носившихъ разныя названія: «ut comites vel vicarii eorum legem sciant, ut ante eos injuste quis nemini judicare possit, nec ipsam legem mutare»[2]). Графъ назначался и увольнялся властію короля. Помощники графа назначались и увольнялись «Missus»'омъ, имѣвшимъ надъ ними надзоръ: «ut missi nostri Scabinos, advocatos, notarios per singula loca eligant»[3]). Суду графа подлежали всѣ лица. Съ теченіемъ времени, благодаря привилегіямъ, полученнымъ духовными лицами отъ короля, судебная власть графа была ограничена. Суду графа подлежали свободныя лица: «ut placita fiant per calendas... ut sit pax in provincia, et omnes liberi conveniant constitutis diebus ubi judex ordinaverit»[4]), что осталось дѣйствующимъ и въ каролингскую эпоху. Каждый судился на основаніи законовъ своего народа: «secundum legem unius cujusque componantur»[5]).

Высшее управленіе государственными дѣлами сосредоточивалось въ лицѣ короля. Король, управляя страною, поручалъ дѣло управленія королевскому совѣту, состоявшему изъ высшихъ должностныхъ и придворныхъ лицъ. Королевскій совѣтъ былъ центральнымъ органомъ управленія.

Для надзора за мѣстными органами управленія существовалъ особый институтъ чиновниковъ «Missi», «Sendengrafen». Институтъ «Sendengrafen»'овъ, зародившись въ докаролингскую эпоху, получилъ при Карлѣ В. большую опредѣленность и устойчивость, что видно изъ инструкцій—капитуляріевъ, получаемыхъ «Missus»'ами отъ короля[6]). Еще въ меровингскую эпоху вся страна ради цѣлей управленія дѣлилась на «ducatus»[7]) и «comitatus»[8]). Соотвѣтствовало-ли понятіе «comitatus»

---

1) Capit. 4. a. 806. Cap. 7.

2) Capit. 3. a. 803. Cap. 4.

3) Ib. Cap. 3.

4) L. Bajuv. t. 2. Cap. 15.

5) Caroli M. Capit. a. 805. Cap. 57.

6) M. G. H. L. t. 1. Capit. aa. 802. 812. 813. 819. 823. 825.

7) L. Ripuar. t. 53: «ducatus Ripuariorum».

8) L. Rip. t. 31: «pagus Ripuarius» соотвѣтствуетъ «provincia Ripuaria»; «in Ripuarias comitatus quinque». M. G. H. 1. p. 488.

древнему понятію «pagus»—рѣшить трудно. Дѣленіе страны на «comitatus» заимствовано изъ римскихъ провинцій. Новое дѣленіе страны на округи и вторженіе королевской власти въ дѣла общиннаго управленія привели къ уничтоженію древняго строя германской общины. При Карлѣ В. дѣленіе страны получило большую, чѣмъ прежде, опредѣленность: «Providentissimus Karolus nulli comitum, nisi his qui in confinitio vel termino barbarorum constituti erant, plus quam unum comitatum aliquando concessit»[1]. Въ составъ «comitatus» входило нѣсколько общинъ. Управленіе дѣлами общины зависѣло главнымъ образомъ отъ «comes»'овъ при содѣйствіи мѣстныхъ жителей. Верховный надзоръ за мѣстнымъ управленіемъ осуществлялся при посредствѣ «Missus»'овъ. «Missus»'ы обязаны были смотрѣть и за тѣмъ, чтобы законы и предписанія относительно отправленія военной повинности «Herdienst» были всѣми выполняемы[2]. Далѣе «Missi» вели надзоръ за судебною дѣятельностію графовъ и за подчиненными послѣднимъ лицами, рѣшая также дѣла, которыя не подлежали компетенціи графовъ. Потомъ на «Missus»'ахъ лежала обязанность вести наблюденіе за управленіемъ королевскими имѣніями, за сборомъ всѣхъ королевскихъ доходовъ и за имѣніями, отданными королемъ кому-либо въ даръ[3]. Наконецъ въ числѣ функцій, лежавшихъ на «Missus»'ахъ, слѣдуетъ считать надзоръ ихъ за провинціальными учрежденіями и дѣятельностью народныхъ общинъ, которыя кромѣ того были подчинены постоянному надзору лицъ, состоявшихъ на королевской службѣ. Для обсужденія дѣлъ мѣстнаго управленія собирался провинціальный сеймъ изъ представителей свободныхъ лицъ и изъ королевскихъ должностныхъ лицъ: «Volumus ut medio mense Majo conveniant iidem Missi unusquisque in sua legatione, cum

[1]) Pertz, M. G. H. II. p. 736. Monachi San. Gall gesta Caroli M.

[2]) Capit. 3. a. 812: «Constitutum est ut secundum antiquam consuetudinem praeparatio ad hostem faciendum indicaretur et servaretur»; Capit. 2. a. 813. Cap. 10: «Et unusquisque hostiliter sit paratus et omnia utensilia sufficienter habeat»; Lud. Pii Capit. a. 828. Cap. 6: «ut Missi nostri diligenter inquirant quanti homines liberi singulis comitatibus maneant»...

[3]) Capit. 3. a. 812. Cap. 5: «Ut missi nostri diligenter inquirant et describere faciant unusquisque in missatico, quid unusquisque de beneficio habeat vel quot homines casatos in ipso beneficio».

omnibus Episcopis, Comitibus ac Vassis nostris... ad locum unum»[1]). «Vult—imperator ut in tale placitum quale tunc jusserit, veniat unusquisque Comes, et adducat secum duodecim Scabinos, si tanti fuerint... Deinde inquirant Missi nostri ab universis qualiter unusquisque illorum qui ad hoc a nobis constituti sunt, officium sibi commissum secundum Dei voluntatem ad jussionem nostram administret in populo, et quam concordes — ad hoc sint[2]). «Missus»'ы смотрѣли также за тѣмъ, чтобы законы и предписанія, обнимавшія полицейское управленіе, не оставались мертвою буквой[3]). Непосредственными помощниками «Missus»'овъ при выполненіи ими своихъ обязанностей были графъ, епископъ или аббатъ. Кромѣ общихъ «Missus»'овъ были и спеціальные, выполнявшіе опредѣленную государственную функцію: «Missi qui super exercitum nostrum constituendi sunt»[4]).

II. Право передвиженія и поселенія во Франкскомъ королевствѣ и монархіи.

1. *Принадлежность и поселеніе въ общинѣ.*

Община есть общеніе людей, состоящее изъ совокупности всѣхъ индивидуумовъ, живущихъ на опредѣленной территоріи и подчиненныхъ общественной власти. Общество, обезпечивая условія развитія человѣка, служитъ связующимъ звѣномъ между личностью и государствомъ. Общеніе людей, принимая различныя формы, есть базисъ государственности. Всякая община состоитъ изъ лицъ равноправныхъ, имѣющихъ одинаковое назначеніе и цѣль, и изъ лицъ, имѣющихъ не одинаковыя права съ другими членами общины. Общины можно раздѣлить по формамъ на общины территоріальныя и космополитическія или мѣстныя и политико-соціальныя. Моменты принадлежности лица къ территоріальной общинѣ въ исторіи различныхъ государствъ были различны. Даже въ исторіи одного государства эти

[1]) Capit. a. 823. Cap. 26.
[2]) Capit. 2. a. 819.
[3]) Ib. Cap. 27.
[4]) Capit. 1. a. 812. Cap. 8.

моменты не были одинаковы. Они бываютъ разными въ одно и тоже время въ различныхъ общинахъ даннаго политическаго организма, что обусловливается мѣстомъ, временемъ и строемъ самой общины. Во франкскомъ королевствѣ до меровингской эпохи территорія, принадлежавшая общинѣ, распадалась на двѣ части. Часть земли, принадлежавшая въ собственность свободнымъ людямъ, образовала основную территорію общины, которая эксплуатировалась свободнымъ земледѣльческимъ сословіемъ. Крестьяне жили или въ разбросъ отдѣльными дворами, или поселялись вмѣстѣ на опредѣленномъ кускѣ земли общинной территоріи, образуя деревню, «villa»[1]. Въ древней общинѣ имѣли право владѣть землею только свободные и самостоятельные люди. Гриммъ говоритъ: «Der Freie ist echten Eigenthums fähig; von diesem Eigenthum hängt weiter die Theilnahme an Gericht und Volksversammlung ab»[2]. Другая часть территоріи общины, принадлежавшая въ прежнее время, по всей вѣроятности, общинѣ или ея членамъ, съ образованіемъ франкскаго королевства, перешла въ собственность короля, дворянства и церкви. Эта часть земли находилась въ хозяйственномъ управленіи представителей короля, церкви и дворянства. Такъ какъ ни король, ни церковь, ни дворянство не въ состояніи были обрабатывать лично пріобрѣтенной земли, то они отдавали её въ аренду или свободнымъ людямъ, не имѣвшимъ собственной земли, или же представители крупныхъ земельныхъ собственниковъ эксплуатировали землю при помощи лицъ несвободныхъ. Сдача земли за взносъ опредѣленной платы, натурою или деньгами, нашла себѣ болѣе широкое распространеніе, чѣмъ система эксплуатаціи земли самимъ собственникомъ или чрезъ представителя. Свободные, но безземельные арендаторы, «mansi», поселяясь на чужой землѣ, обязывались воздѣлывать землю или за взносъ платы, натурою или деньгами, «Grundzinsen», или за отправленіе въ пользу собственника извѣстныхъ услугъ, работъ

---

[1] Waitz, Deutsche. Verf.-gesch. Bd. 1. S. 324: «Die volle Freiheit und Selbstständigkeit fordern nach Deutscher Auffassung eignen Grundbesitz: nur die Hufenbesitzer sind später die vollberechtigten Mitglieder der Gemeinde, die zur Theilnahme am Urtheil Berufenen, die welche auch den Kriegsdienst zu leisten haben».

[2] R. A. S. 290.

«Frohnden». Такія двѣ системы эксплуатаціи земли, принадлежавшей крупнымъ земельнымъ собственникамъ, породили классъ свободныхъ поселенцевъ, жившихъ на чужихъ земляхъ и получившихъ названіе «die Klassen der freien Hintersassen»[1]). Завоеванія франкскихъ королей были первою причиною, породившею неравенство земельныхъ владѣній въ мѣстностяхъ, лежавшихъ внѣ Галліи и принадлежавшихъ нѣкогда германскому народу. Короли, ихъ сподвижники и церковь захватили въ свое владѣніе земли, принадлежавшія нѣкогда народнымъ общинамъ[2]).

Общинная территорія, принадлежавшая въ собственность свободнымъ земледѣльцамъ, носила названіе «villa publica seu regia». Такая община имѣла своихъ выборныхъ начальниковъ, названныхъ въ болѣе позднее время старостами «Schultheiss»[3]). Каждый членъ свободной общины имѣлъ прямое отношеніе къ королевской власти и къ ея представителямъ. Строй общины покоился на началахъ свободы, не нарушавшихся мѣстными представителями королевской власти до эпохи каролинговъ[4]). Эти представители, «grafio», «decanus», имѣли значеніе по преимуществу судебное, но не административное. Община свободныхъ людей сама управляла мѣстными дѣлами. Старое германское понятіе объ общинѣ, какъ союзѣ лицъ свободныхъ, съ возникновеніемъ института частной реальной собственности мало по малу исчезаетъ. Древняя община, покоившаяся на кровныхъ связяхъ членовъ однородцевъ, уступаетъ новой организаціи ея. Столкновеніе германцевъ съ новыми народами и возникновеніе частной собственности подрываютъ древніе устои общины. Но и древняя община не была частноправовымъ институтомъ, преслѣдовавшимъ чисто хозяйственныя цѣли. Задача, цѣли и назначеніе древней общины, какъ территоріально опредѣленной обычаемъ единицы, были шире. Общеніе древнихъ германцевъ, исходившее изъ общаго сожитія на извѣстной части земли и покоившееся на кровныхъ связяхъ, доставляло обезпеченіе мира и права, чрезъ что община имѣла значеніе и политическое.

---

[1]) Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. II. S. 252.

[2]) Jnama—Sterneg, Die Ausbildung der grossen Grundherschaften in Deutschland während Karolingezeit. S. 95. ff.

[3]) Sächs. Landr. Bd. 2. Art. 13.

[4]) L. Sal. em. t. 47 и t. 52.

Она, благодаря выполненію такой функціи, являлась составною частью народа. Поэтому община, будучи низшимъ дѣленіемъ народа, отправляла самостоятельно судъ и управляла мѣстными дѣлами. Слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ назначеніе древней германской общины Гирке[1]), одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей общиннаго и союзнаго строя германскаго народа: «In sich selbst war sie (Gemeinde) eine Friedens und Rechtsgenossenschaft, welche auf ihren Versammlungen das gemeinsame, keineswegs auf Marksachen beschränkte Recht im Dorfweisthum feststellte, durch die Dorfwillkür fortbildete, als Gericht in Dorfsachen, aber auch bei geringeren Streitigkeiten und Strafsachen fungirte, dem Gemeindefrieden wahrte und alle gemeinsamen Angelegenheiten, nicht bloss die wirthschaftlichen Dinge, berieth und ordnete». Членомъ общины считался тотъ, кто имѣлъ право на землю, принадлежавшую маркѣ. Вся земля, принадлежавшая народной маркѣ, распадалась на отдѣльные участки, «Hufe», «Mansus», «Bool». Въ древнее время всякій членъ общины имѣлъ право на участокъ земли въ маркѣ. Каждый самостоятельный общинникъ былъ землевладѣльцемъ, самостоятельнымъ хозяиномъ. Съ развитіемъ понятія частной земельной собственности и съ увеличеніемъ количества населенія обстоятельства измѣнились. Позднѣе членомъ общины признавался только тотъ, кто владѣлъ участкомъ земли въ территоріи, принадлежавшей маркѣ. Измѣненіе момента принадлежности къ полноправнымъ членамъ общины обусловливалось мѣстомъ и временемъ. Если первоначально центръ тяжести опредѣлялся понятіемъ личности, то съ теченіемъ времени онъ — понятіемъ владѣнія участкомъ земли: «Diese Hufe war der Kern des Genossenrechts»[2]). Владѣніе землею въ предѣлахъ марки первоначально было равномѣрнымъ въ хозяйственномъ отношеніи. Понятіе личности и понятіе владѣнія землею не исключали другъ друга; они восполняли другъ друга при опредѣленіи правъ самостоятельнаго и полноправнаго члена общины: «sondern die alte Identität von Gennossenrecht und Hufe blieb bestehen, es kehrte sich nur das Verhält-

[1]) Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft. Bd. 1. S. 71. 73. Здѣсь же указана и литература по этому вопросу.

[2]) Ibid. S. 74.

niss beider Elemente zu einander um»[1]). Понятіе владѣнія землею было основою, базисомъ права члена общины. «Вещественное право на участокъ, говоритъ вышеупомянутый авторъ[2]), было причиною, опредѣлявшею моментъ принадлежности члена къ общинѣ, изъ которой вытекало личное право общинника какъ слѣдствіе; община была союзомъ владѣльцевъ земельныхъ участковъ».

Принятіе въ члены древней общины находилось въ зависимости отъ общаго согласія членовъ общины. Согласіе могло быть молчаливымъ, когда никто изъ членовъ не протестовалъ противъ поселенія вновь пришедшаго лица, и явнымъ, когда всѣ члены изъявляли согласіе на пріемъ. Разъ вновь пришедшій пріобрѣталъ право на члена общины, тѣмъ самымъ онъ получалъ право и на владѣніе участкомъ земли въ предѣлахъ марки. Воля общины была закономъ. Сама община могла принять, могла и изгнать новосела. Народныя права, опредѣлявшія моменты пріема новосела въ общину, вылились въ писанную форму тогда, когда понятіе на участокъ земли было равносильно понятію частной собственности.

Моменты принадлежности личности къ свободной общинѣ обусловливались, по Салической Правдѣ, факторами двоякаго рода: а) рожденіемъ отъ членовъ, принадлежавшихъ къ общинѣ, и b) принятіемъ посторонняго общинѣ лица членами общины. Пріобрѣтеніе правъ свободной общины обусловливалось согласіемъ всѣхъ членовъ общины: «si quis super alterum in villa migrare voluerit, et aliqui ex eisdem, qui in villa consistunt, eum suscipere voluerint, vel unus, vel aliquis ex ipsis exstiterit, qui contradicat, migrandi licentiam ibidem non habeat»[3]). Согласіе всѣхъ обозначало власть общины. Никто не могъ принудить общину поступить такъ или иначе. Древняя германская община была обществомъ свободныхъ людей, не признававшихъ надъ собой власти никакого господина. (O. Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht. Bd. 1. S. 29). Несогласившіеся на принятіе новопоселенца члены

---

[1]) Ib. S. 75.

[2]) Ibidem.

[3]) L. Sal. t XLVIII. Cap. 1. Op. Jo. Eccardi. p. 90. и p. 158; Waitz, Das alte Recht. S. 124; Maurer, Einleitung. S. 141 ff; Thudichum, Markverfassung S. 221—228.

общины должны были сдѣлать протестъ въ первые 30 дней со времени прихода новосела въ общину: «si vero contra intradictum unius vel duorum in villa ipse adsedere praesumpserit, si noluerit exinde exire, ille qui testat, cum testibus sic debet ei testare, ut inter decem noctes exinde exeat; si adhuc post decem noctes noluerit exire, iterum debet ad ipsum venire, testare similiter, ut iterum ad alios decem exinde debeat exire; si adhuc naluerit iterum decem noctes ad placitum addat, sic XXX noctes impleat»[1]). По истеченіи 30 дней членъ общины, сдѣлавшій протестъ противъ поселенія новосела, призывалъ послѣдняго къ графу, который и прогонялъ желавшаго поселиться въ общинѣ: «si nec tunc voluerit exire, tunc manniat cum ad Mallum, testes suos in singulos Mallos, qui ibidem fuerint, secum habere debeat praestos; si ipse, cui testatum est, noluerit venire, aliqua sumis non detinuerit eum, ipse secundum legem, qua diximus, testatus .est, tunc ipse qui testavit, super fortunam suam ponat, roget Gravionem ut accedat ad locum et ipsum inde expellat»[2]).

При отказѣ новоселу поселиться въ общинѣ принимаетъ участіе и графъ, назначаемый королемъ. Каждый членъ общины могъ прибѣгнуть къ помощи суда, если новоселъ оказывалъ сопротивленіе. По всей вѣроятности, до времени учрежденія института графовъ, какъ органовъ судебныхъ, община или сама прогоняла новосела, или же прогонялъ его представитель общины, выбранный общиною. Все, что новопоселенецъ пріобрѣталъ въ продолженіи своего пребыванія въ общинѣ, онъ въ случаѣ изгнанія терялъ, ибо онъ жилъ въ общинѣ своевольно, нарушая требованія народнаго права, требовавшаго общаго согласія членовъ общины, на право поселенія: «si ibi (in villa) aliquid elaboravit, quia legem noluit audire, admittat»[3]). Фактъ своевольнаго поселенія влекъ за собой еще и денежное взысканіе: «et insuper... MCC den. qui faciunt solid. XXX culpabilis judicetur[4]).

[1]) Ib.
[2]) Ib.
[3]) Ib.
[4]) Ib.

Поселившійся на землѣ свободной общины пріобрѣталъ всѣ права члена общины и тогда, когда онъ прожилъ спокойно въ ней 12 мѣсяцевъ: «si quis vero admigravit, ei aliquis intra XII menses nullus testatus fuerit, ubi admigravit, securus sicut alii vicini, consistat»[1]). Молчаливое принятіе новосела въ члены общины слѣдовало въ томъ случаѣ, когда новоселъ пріобрѣталъ землю и ее эксплуатировалъ, какъ и его сосѣди, односельчане. Пріобрѣтенный участокъ земли могъ переходить только въ мужскомъ поколѣніи; женщины не могли наслѣдовать землю, потому и не имѣли правъ на члена общины[2]). Только въ VI ст. эдиктъ короля Хильперика допустилъ до наслѣдованія земли и женщинъ[3]). Своевольное поселеніе въ общинѣ безъ согласія общиннаго схода признавалось дѣяніемъ недозволеннымъ и каралось по народному праву денежнымъ штрафомъ даже въ томъ случаѣ, когда новоселъ поселился въ общинѣ по приглашенію кого-либо изъ членовъ общины: «si aliquis vero in aliam in villam alienam migrare antequam conventus fuerit rogaverit, M. DCCC den. qui faciunt sol. XLV. culpabilis judicetur»[4])

Если въ салійскомъ народномъ правѣ мы находимъ цѣлую главу, трактующую о правѣ поселенія (De migrantibus), то въ законахъ рипуарскихъ франковъ совсѣмъ умалчивается о правѣ поселенія свободной личности въ общинѣ. По всей вѣроятности, рипуарскіе франки и другія германскія племена придерживались подобныхъ-же правилъ и обычаевъ, регулировавшихъ фактъ поселенія лица въ общинѣ. Принадлежность лица къ свободной общинѣ обезпечивала свободу лица вообще. Принадлежность къ общинѣ, опредѣлявшаяся рожденіемъ отъ члена общины, или принятіемъ со стороны членовъ общины, служила доказательствомъ свободы лица. Личность, лишенная своихъ правъ состоянія и доказывающая свои права на свободу, могла выставить свидѣтелями только такихъ людей, которые считались

---

[1]) Ib. Cap. 2.

[2]) L. Sal. Herold. de alode 67. Cap. 6: «de terra vero Salica in mulierem nulla portio hereditatis transit...»; L. Alam. 57; L. Rip. 56. Cap. 4; L. Sax. VII. Cap. 1).

[3]) Chilper. R. Ed. a. 561. Cap. 3:... «Et subito frater moriens, frater non delinquerit superstitem, tunc soror ad terra ipsa accedat possidenda».

[4]) L. Sal. t. XLVIII. Cap. 5.

членами той общины, гдѣ признавались членами общины отецъ или мать лишеннаго правъ состоянія: «homo de statu suo pulsatur . . . adhibeat sibi octo conjuratores legitimos, ex ea parte unde pulsatur sive illa paterna sive materna sit, et quatuor aliunde non minus legitimos, et jurando vindicet libertatem suam»[1]).

Иной порядокъ пріема въ члены общины былъ въ общинахъ, жившихъ на земляхъ короля, дворянства и церкви. Такія общины не обладали самостоятельностію въ управленіи внутренними дѣлами общины. Земля, находясь въ хозяйственномъ управленіи представителя короля, церкви и дворянина, образовала одно цѣлое, «curtis». Иногда земля, принадлежавшая крупному земельному собственнику, заселялась отдѣльными лицами, свободными или несвободными, которыя и вели хозяйство, «mansum». Земледѣльцы, владѣя отдѣльными кусками земли, носили названіе «mansi»[2]). Власть королевскаго графа въ отношеніи лицъ, жившихъ на землѣ церкви и дворянства, была меньшею, чѣмъ власть его въ отношеніи свободныхъ людей, образовавшихъ «villam publicam». Главнымъ представителемъ такой общины былъ самъ собственникъ земли или назначенный послѣднимъ мѣстный староста. Земля отдавалась для эксплуатаціи или несвободнымъ людямъ, или свободнымъ по отдѣльнымъ участкамъ. Каждый участокъ земли составлялъ отдѣльное хозяйство. Аренда такихъ хозяйствъ продолжалась или во все время жизни арендатора, или же она прекращалась по усмотрѣнію собственника земли[3]). По правамъ состоянія арендаторы раздѣлялись на «mansi ingenuiles» и «mansi serviles»[4]). Земельный участокъ, населенный «mans»'ами, носилъ названіе «villa indominicata». Господская земля, не заселенная арендаторами и эксплуатируемая самимъ господиномъ или его представителемъ, носила названіе «Curtis», «Sala», «terra Salica, dominica». Послѣдняя обрабатывалась домашними рабочими, «gasindi», отправлявшими различныя обязанности[5]). На такой землѣ жили иногда разнаго

[1]) Capit. L. W. Cap. 26.
[2]) Mansus=manere=wohnen=жить.
[3]) Caroli M. Cap. De villis. Cap. 67.
[4]) Ib. Cap. 45.
[5]) Ib. Cap. 10.

рода ремесленники, имѣвшіе на участкѣ земли свой домъ, «casa». Завѣдующій хозяйствомъ на участкѣ земли, принадлежавшемъ королю, церкви или дворянину, носилъ названіе «villicus», «major», «meier». Строй хозяйственнаго управленія такими участками земли, принадлежавшими нѣкогда членамъ свободной общины, и система управленія на господскихъ земляхъ выработались окончательно при Карлѣ В.[1]). Классъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ въ германскихъ провинціяхъ увеличился съ того времени, когда франки приняли христіанскую религію. Церковь, монастыри и дворянство получали въ даръ участки земли, заселенные несвободными людьми или пустопорожнія земли, которыя были заселяемы съ теченіемъ времени. Между участками земли, принадлежавшими королю и участками, принадлежавшими благороднымъ франкамъ, не было различія. Такія земли были привилегированными территоріями. Привилегія состояла въ томъ, что представители государственной власти не имѣли права вторгаться ни въ хозяйственное, ни въ административное управленіе дѣлами лицъ, жившихъ на господской землѣ. Земельныя имущества, находясь подъ властію привилегированныхъ сословій, въ каролингскую эпоху получили названіе земель иммунитетныхъ. Поселеніе на такихъ земляхъ зависѣло не отъ лицъ, жившихъ и обрабатывавшихъ землю, но отъ усмотрѣнія и воли собственниковъ земли и ихъ представителей. Король раздавалъ земли не только во вновь завоеванныхъ странахъ, но и выдѣлялъ на пользу церкви, а отчасти и дворянства, свои королевскія имѣнія, доходы съ которыхъ шли до этого времени въ королевскую казну[2]). Земли церкви иногда освобождались отъ сбора королевскихъ даней, иногда королевскіе доходы отдавались въ пользу церкви[3]). Представительство лицъ, сидѣвшихъ на церковныхъ земляхъ, вла-

---

[1]) Waitz, Ib. Bd. IV. S. 243; Maurer, Einleitung Bd. 1. S. 229.

[2]) К онституція Хлотаря II. Cap. 11: «Agraria, pascuaria, vel decimas porcorum, Ecclesiae pro fidei nostrae devotione concedimus, ita ut actor aut decimator in rebus Ecclesiae nullus accedat». (Walter. 11. p. 2).

[3]) Marculfi form. 1. 3: «Sed quicquid exinde aut de ingenuis aut de servientibus—fiscus potuerat sperare, ex nostra indulgentia—Ecclesiae proficiat».

стями церковными, начавшееся практиковаться въ докаролингскую эпоху, приводило къ тому, что власть королевскихъ чиновниковъ (judiciaria potestas) въ отношеніи лицъ, жившихъ на земляхъ церкви, все болѣе и болѣе уменьшалась. Въ каролингскую эпоху судебная функція графа теряетъ свое значеніе въ отношеніи лицъ, жившихъ на земляхъ церкви. Судебная функція графа въ отношеніи вышеупомянутыхъ лицъ переходитъ въ руки церковнаго фогта. Власть церкви надъ лицами, сидѣвшими на ея землѣ, при Карлѣ В. получаетъ юридическое значеніе: «Igitur — donamus ad Basilicam S. Petri omne regale vel seculare judicium super servos et liddones, et liberos malman et mundman, et omnes utriusque sexus homines eidem ecclesiae pertinentes, quo modo possidet, et deinceps acquisierit, et perpetuam de regia potestate confirmamus absolutionem, ita ut nullus judex publicus, dux, comes, vel vicecomes, vel scultetus sive Missi dominici per tempora discurentes... aliquem de praescriptis eidem ecclesiae pertinentem, ad sua placita bannire vel ad mortem usque terrarum dijudicare, vel aliquo modo ullo unquam tempore aggravare audeant. Sed liceat praefato Episcopo suisque successoribus, et suo advocato, res praedictae Ecclesiae cum omnibus sibi pertinentibus quieto ordine possidere, ordinare atque disponere»[1]). Преемники Карла В. еще болѣе утвердили судебную функцію церкви въ отношеніи лицъ, поселившихся на земляхъ церковныхъ: «Similiter in his villis ubi quatuor, aut tres sive duas hobas habent, nihil regiae potestatis aut Comes vel judex retineat, sed totum ad manus Episcopi, ejusque Advocati respiciat[2]). Лицами, подчиненными юрисдикціи фогта, вначалѣ рѣдко были люди свободные, обладавшіе земельной собственностью. Только тогда, когда христіанство оказало вліяніе на народные обычаи и убѣжденія, свободные земельные собственники ищутъ покровительства власти духовной. Общимъ правиломъ слѣдуетъ считать, что юрисдикціи духовнаго фогта подлежали только лица, жившія на церковныхъ земляхъ и находившіяся подъ властію церкви. Поселеніе на такихъ земляхъ и пріобрѣтеніе правъ осѣдлости зави-

---

[1]) Dipl. Caroli M. pro Eccl. Osnabrug.a. 804.

[2]) Ludovici R. dipl. a. 858.

сѣю отъ воли представителей церкви. Юрисдикція церкви мало-по-малу распространяется и на лицъ свободныхъ, передававшихъ свои земельные участки въ пользу церкви или подъ ея покровительство. Привилегіи церкви на этомъ не остановились. Вырабатывается, наконецъ, положеніе, что юрисдикція церкви будетъ простираться на всѣ земли, которыя она пріобрѣтетъ въ будущемъ. Подобную власть надъ лицами свободными пріобрѣтаютъ также монастыри, находившіеся подъ покровительствомъ короля. Въ меровингскую и каролингскую эпоху иммунитетныя права пріобрѣла только церковь [1]). Привилегіи давались королевскою властію. Юрисдикція духовной власти кромѣ того была строго ограничена [2]). Уголовныя дѣла, касавшіяся свободныхъ лицъ, сидѣвшихъ на земляхъ церкви, подлежали разбору свѣтскаго суда. Существо иммунитетныхъ правъ церкви въ дѣлахъ гражданскихъ вылилось въ форму представительства со стороны властей духовныхъ вмѣсто лицъ, сидѣвшихъ на церковныхъ земляхъ, въ судѣ графа. Исключительныя права дворянства по отношенію свободныхъ лицъ, жившихъ на его земляхъ, въ эпоху Карла В. не получили юридическаго значенія. Хотя въ каролингскую эпоху не существуетъ юридическаго различія между дворянствомъ и людьми свободными, но фактическое различіе между тѣми и другими уже начинаетъ пріобрѣтать значеніе. Благодаря возникновенію иммунитетовъ поселеніе на земляхъ церкви, монастырей и короля становится зависимымъ не отъ согласія и воли членовъ общины, но отъ усмотрѣнія представителей церковной и королевской власти.

Въ каролингскую эпоху передача земли свободныхъ собственниковъ-земледѣльцевъ подъ покровительство лицъ сильныхъ

---

[1]) Фюстель-де-Куланжъ приписываетъ первую иммунитетную грамоту еще Хлодвиху, относя ее однако къ 497 г. (Etude sur l'immunité mérovingiene: Revue historique, 1883, tt. 22. 23).

[2]) Ludov. Pii Capit. Зальцбургскому архіепископу: «decrevimus... ut nullus judex publicus vel quilibet ex judiciaria potestate in ecclesias aut loca vel agros, seu reliquas possessiones memorate ecclesiae quas moderno tempore in quibuslibet pagis vel territoriis infra dicionem imperii nostri juste et legaliter possidet... *ad causas audiendas*, vel *freda* aut *tributa* exigenda aut *mansiones* vel paratas faciendas, aut fidejussores tollendos... aut *homines* ipsius ecclesiae tam *ingenuos* quam et *servos super terram ipsius commanentes* injuste distringendos, nec ullas redibiciones, aut illicitas occasiones requirendas nostris aut futuris temporibus *ingredi audeat*».

и по преимуществу подъ покровительство церкви находитъ широкое распространеніе. Съ переходомъ земли свободныхъ общинъ подъ покровительство церкви власть и авторитетъ обыкновеныхъ королевскихъ полицейскихъ органовъ теряетъ свое значеніе. «Villa publica», сдѣлавшись «villa indominicata» или «curtis», не находится въ подчиненіи, судебномъ и административномъ, отъ королевскихъ агентовъ. Авторитету и власти королевскихъ органовъ управленія противостали авторитетъ и власть мѣстнаго общиннаго представителя, выбираемаго общиною и утверждаемаго властями церкви. Пріемъ въ члены общины, перешедшей подъ покровительство иммунитетнаго владѣльца, становится зависимымъ отъ воли представителя мѣстной общины, выражавшаго волю всѣхъ членовъ общины и отъ усмотрѣнія представителя иммунитетнаго владѣльца. Представитель общины, находившейся подъ защитой церкви, и представитель иммунитетнаго владѣльца не всегда соглашались между собою при пріемѣ новаго члена, что порождало споры между тѣмъ и другимъ. Община, передавшись подъ защиту церкви, отстаиваетъ свое изстаринное право пріема новыхъ членовъ— это съ одной стороны, съ другой—представитель церкви стремится ограничить право отказа общины, позволяя жить на землѣ и чужеземцамъ. Столкновеніе общины съ представителями власти королевской и власти духовной служило причиною раздоровъ и неудовольствій. Право пріема новоселовъ въ члены общины, зависѣвшее отъ воли общины или ея представителя и отъ воли представителя духовной и королевской власти, было при Карлѣ В. поставлено подъ общій надзоръ «Missus»'а. Послѣдній разбиралъ всѣ спорныя дѣла относительно пріема или отказа въ пріобрѣтеніи правъ члена общины: «De advenis volumus, ut qui jamdiu conjugati sunt per singula loca, ut ibi maneant, et sine causa aut sine culpa non fiant ejecti»[1]). Принадлежность къ свободной общинѣ обезпечивала личную свободу человѣка[2]). Твердая связь лич-

[1]) Инструкція «Missus»'амъ. Capit. 3. a. 803. Cap. 3.

[2]) K. Fr. Eichhorn, Th. 1. S. 291: «Die vollkommene Freiheit hing noch immer von der Rechtsgenossenschaft in einer Volksgemeinde ab, daher der Gebrauch des Volksnamens (Franke, Alemanne u. s. w.) zugleich die Bezeichnung der vollkommenen Freiheit ist»... «Kennzeichen des wirklichen Besitzes Freiheit war der Beweis, dass man in der Rechtsgenossenschaft (Gesammtbürgschaft) einer anerkannt freien Gemeinde stehe».

ности съ общиною охраняла права и интересы каждаго свободнаго человѣка. Свободный человѣкъ, сдѣлавшись членомъ общины, надѣялся, что она въ состоянiи обезпечить условiя безопасности. «Nur in der gemeinde», замѣчаетъ Grimm»[1]), «hatte der freie recht und frieden, zu welcher er als genosse gehörte. Sein nachbar war seines gleichen und nachbar wird oft für freier gebraucht».

Если поселенiе и прiобрѣтенiе правъ члена общины обусловливалось согласiемъ всѣхъ членовъ ея, а потомъ, когда нѣкоторыя свободныя общины перешли подъ покровительство короля и церкви, еще и согласiемъ представителей послѣднихъ, то выходъ изъ общины навсегда не затруднялся ничѣмъ. Выходъ изъ членовъ свободной общины какъ въ меровингскую эпоху, такъ и въ каролингскую признавался свободнымъ. Свободный человѣкъ имѣлъ полное право выселиться изъ общины всегда и даже въ томъ случаѣ, когда община свободныхъ людей признала надъ собой покровительство церкви или короля. Каждый свободный человѣкъ имѣлъ право безпрепятственно уходить туда, куда онъ желалъ, не испрашивая ни отъ кого разрѣшенiя: [2]) «Si quis liber homo migrare voluerit aliquo, potestatem habeat, intra dominium regni nostri cum fara sua migrare, quo voluerit» [3]). Въ народныхъ правахъ нѣтъ положенiй, стѣсняющихъ выходъ полноправныхъ лицъ изъ общины [4]). Въ свою очередь капитулярiи не содержатъ статей, стѣсняющихъ или ограничивающихъ свободу ухода члена общины на сторону ради какихъ бы то ни было цѣлей. Ни государственная, ни общинная власть не воспрещали свободной личности оставлять по своему усмотрѣнiю то мѣсто, гдѣ онъ жилъ, и ту общину, членомъ которой личность признавалась. Выселявшiйся изъ общины уносилъ съ собою только движимое имущество. Главное свое достоянiе т. е. землю выселявшiйся продавалъ или инымъ образомъ отчуждалъ тому, кому онъ желалъ. До воз-

---

[1]) R. A. S. 291.

[2]) Ib. S. 286: «jeder freie hat das recht unbehindert zu gehen, wohin er will, d. h. es folgt ihm kein herr nach, der ihn zurückverlangen darf».

[3]) Lex Rothar. 177.

[4]) Lamprecht, Id. S. 58.

никновенія частной собственности на участокъ земли въ предѣлахъ марки уходившій изъ общины членъ оставлялъ земельный участокъ въ пользу сосѣдей, «vicini». Такъ какъ члены германской общины въ эпоху меровинговъ и каролинговъ не знали круговой поруки, то и самый строй такой общины не создавалъ препятствій къ уходу члена общины на сторону. Свободный человѣкъ могъ во всякое время оставить ту землю, гдѣ онъ жилъ и которую онъ обработывалъ [1]). Полная свобода выхода члена изъ общины существовала до тѣхъ поръ, пока земля свободныхъ общинниковъ не перешла въ руки крупныхъ земельныхъ собственниковъ, пока не возникли понятія «Leibeigenschaft», «Horigkeit», — что относится къ началу среднихъ вѣковъ — распространенныя и на большую часть свободныхъ земледѣльцевъ.

Надзоръ за поселеніемъ свободныхъ людей королевская власть возлагала на «Missus»'овъ; они обязаны были вести списки за населенія, какъ живущаго на одномъ мѣстѣ, такъ и населенія, переселяющагося изъ одного мѣста въ другое: «quicunque missi nostri ad placitum nostrum venerint, habeant descriptum, quanti adventicii sunt in eorum missatico, et quale pago sunt, et nomina eorum et qui sunt eorum seniores» [2]). Королевскіе чиновники наблюдали и за иностранцами, приходившими въ общины или жившими гдѣ-либо временно: «de fugitivis et peregrinis, ut distringantur, ut scire possimus qui sint aut unde venerint» [3]). Королевская власть желаетъ знать число свободныхъ людей главнымъ образомъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, правительство стремится къ тому, чтобы свободные люди [4]) являлись немедленно на войну по призыву короля.

---

[1]) Grimm, R. A. S. 286: «und mag ein jeglicher, der in dem riche gesessen ist, ziehen und faren wor er wil u. sal im nieman daran kruden oder hindern» (Ingelheimer w.).

[2]) Capit. a. 806. t. 41.

[3]) Capit. 3. a. 803. Cap. 6. Инструкція «Missus»'амъ.

[4]) Capit. 1. a. 812. Cap. 1: «Ut omnis liber homo, qui quatuor mansos vestitos de proprio suo sive de alicujus beneficio habet, ipse se praeparet et ipse in hostem pergat, sive cum seniore suo»; Capit. add. ad L. Longob. a. 801. Cap. 2: «Si quis liber, contempta jussione nostra, caeteris in exercitum pergentibus, domi residere praesumpserit, plenum haribannum secundum legem Francorum, id est solidos sexaginta, sciat se debere componere».

Военную повинность несли также лица, получившія земельныя имущества, «beneficia», и составлявшія спеціальный служилый военный классъ [1]). На «Missus»'овъ возлагается обязанность вести надзоръ, во время ли является тотъ и другой классъ на войну, кто не является и по какимъ причинамъ? [2]) Неявившіяся на войну лица несли другія обязанности военнаго характера: «ut illi qui in hostem pergere non potuerint, juxta antiquam et aliarum gentium consuetudinem ad civitates novas et pontes ac transitus paludium operentur, et in civitate atque in marcha wactas faciant, ad defensionem patriae omnes sine ulla excusatione veniant» [3]). Тотъ, кто не являлся на войну по призыву короля, лишался «beneficium»'а: «Et qui hoc non fecerit, beneficium et honorem perdat, et qui beneficium non habuerit, bannum solvat» [4]). На войну должны были также отправляться всѣ, кто служилъ при дворѣ короля, «Ministeriales regis». Въ свою очередь и духовныя власти выставляли опредѣленный контингентъ лицъ, жившихъ на земляхъ, подаренныхъ королемъ церкви и монастырямъ. Лица духовныя не принимали непосредственнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, но только находились при войскахъ [5]). Воинская повинность имѣла громадное значеніе и въ особенности въ эпоху Карла В., когда приходилось вести постоянныя войны. Военная система набора войскъ требовала со стороны органовъ правительства точнаго надзора и контроля за лицами, обязанными идти на войну. Надзоръ былъ возложенъ на «Missus»'овъ и подчиненныхъ имъ властей. При наборѣ войска важно было «Missus»'у знать, гдѣ кто живетъ и кто принадлежитъ къ какой общинѣ? При наборѣ войска были большія злоупотребле-

---

[1]) Capit. a. 807. Cap. 1: «Inprimis qui beneficia habere videntur omnes in hostem veniant».

[2]) Capit. a. 828. Cap. 7: «ut Missi nostri diligenter inquirant quanti homines liberi singulis comitatibus maneant, qui per se possint exepeditionem facere».

[3]) Capit. a. 864. Cap. 27.

[4]) Capit. a. 779. Cap. 9.

[5]) Capit. a. 769. Cap. 1: «servis Dei per omnia omnibus armaturam portare vel pugnare, aut in exercitum et hostem pergere, omnino prohibemus... Et unusquisque Princeps unum Presbyterum secum habeat, qui hominibus peccata confitentibus judicare et indicare poenitentiam possit». Но аббаты и епископы, освобожденные Пипиномъ отъ военной повинности, при Карлѣ В. не только вели зависящихъ свободныхъ людей, но и сами участвовали въ войнѣ и иногда сражались съ непріятелемъ.

нія и со стороны лицъ, обязанныхъ нести военную службу, и со стороны органовъ правительства. Даже въ эпоху Карла В. злоупотребленія были частыми [1]; при его слабыхъ преемникахъ злоупотребленія со стороны «Missus»'овъ и «Comes»'овъ въ отношеніи небогатыхъ свободныхъ людей принимаютъ громадные размѣры. Злоупотребленія принуждаютъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ искать защиты у лицъ сильныхъ, которымъ они и передаютъ свои земли [2], что по словамъ Вайца [3], и было одною изъ главныхъ причинъ развитія съ теченіемъ времени вассальныхъ отношеній. Въ особенности церковныя власти стремились взять подъ свою защиту земли мелкихъ собственниковъ, желавшихъ избѣжать военной повинности. Поэтому, Карлъ В. принужденъ былъ издать законъ слѣдующаго содержанія: «De liberis hominibus qui ad servitium Dei se tradere volunt, ut prius hoc non faciant quam a nobis licentiam postulent. Hoc ideo quia audivimus aliquos ex illis, non tam causa devotionis quam exercitum seu aliam functionem regalem fugiendo, quosdam vero cupiditatis causa ab his qui res illorum concupiscunt circumventos» [4]. Карлъ В. какъ бы сознавалъ, что разрывъ королевской власти съ свободнымъ народомъ уменьшитъ значеніе власти короля. Авторитетъ верховной власти поддерживался прямыми отношеніями свободнаго народа, составлявшаго большую часть населенія государства, съ центральнымъ управленіемъ. Прямое отношеніе находило себѣ выраженіе въ обязанности каждаго свободнаго человѣка явиться на войну по призыву короля. Во-вторыхъ, государственная власть считаетъ необхо-

---

[1]) Capit. 3. a. 811. Cap. 2: «Quod pauperes se reclamant expoliatos esse de eorum proprietate. Et hoc aequaliter clamant super Episcopos et Abbates et eorum Advocatos, et super Comites et eorum Centenarios»; Ib. Cap. 5: «Dicunt etiam alii quod illos pauperios constringant, et in hostem ire faciunt, et illos qui habent quod dare possint, ad propria dimittunt».

[2]) Ib. Cap. 3: «Dicunt—quod quicunque proprium suum Episcopo, Abbati, vel Comiti, aut Iudici, vel Centenario dare noluerit, occasiones quaerunt super illum pauperem quomodo eum condemnare possint, et illum semper in hostem faciant ire, usque dum pauper factus volens nolens suum proprium tradat aut vendat; alii vero qui traditum habent, absque ullius inquietudine domi resideant».

[3]) Id. Bd. IV. S. 545.

[4]) Capit. 3. a. 805. Cap. 17.

димымъ знать мѣсто осѣдлости каждаго свободнаго человѣка ради того, чтобы представителямъ ея была обезпечена возможность удобнаго взиманія государственныхъ податей и повинностей. Правительственные органы, зная принадлежность человѣка къ опредѣленной общинѣ, имѣли возможность найти его, чтобы взять государственныя подати и повинности. Доходы короля получались изъ слѣдующихъ источниковъ:

1) Королевскія земли были изъяты изъ вѣдѣнія и управленія королевскихъ графовъ. Такія земли находились въ управленіи спеціальныхъ королевскихъ агентовъ, называвшихся «Ministeriales». Послѣдніе сбирали дань натурою съ земледѣльцевъ, жившихъ на этихъ земляхъ. На королевскихъ имѣніяхъ поселялась масса свободныхъ и несвободныхъ людей, за поселеніемъ и уходомъ которыхъ вели надзоръ «Ministeriales» подъ контролемъ «Missus»'овъ[1]). Не смотря на то, что короли щедро раздавали свои имущества приближеннымъ, однако они и въ концѣ IX ст. были однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ королевскихъ доходовъ[2]). Кромѣ того королевскія имущества восполнялись отчасти конфискаціей[3]) и отчасти землями, на которыя никто не предъявлялъ законныхъ правъ[4]).

2) Земли, принадлежавшія свободнымъ лицамъ, были обложены поземельною податью, «census». Цензу вначалѣ подлежали земли римлянъ-провинціаловъ. Потомъ земельная подать была распространена и на земли другихъ покоренныхъ народовъ; она измѣнялась отъ времени до времени[5]). Отъ поземельной подати была освобождена только коренная земля франковъ «terra salica». При взиманіи государственныхъ податей правительственные агенты, выполнявшіе финансовую функцію, обя-

[1]) Capit. 3. a. 812. Cap. 7: «ut Missi nostri etiam nostri fisci describantur, ut scire possimus quantum etiam de nostra in uniuscujusque legatione habeamus».

[2]) Thegani vita Lud. pii. Cap. 19: «In tantum largus, ut antea in antiquis libris nec modernis temporibus auditum; ut villas regias, quae erant patri sui et avi et tritavi, fidelibus suis tradidit eas in possessionem sempiternam».

[3]) L. Ripuar. t. 69. Cap. 1: «Si quis homo Regi infidelis exstiterit, de vita componat, et omnes res ejus fisco censeantur».

[4]) L. Sal. em. t. 63. Cap. 3.

[5]) Greg. Turon. Hist. Franc. V. 29: «Chilpericus Rex descriptiones novas et graves in omni regno suo fieri jussit. Statutum erat, ut possessor de propria terra unam amphoram vini per aripennem redderet. Sed et aliae functiones infligebantur multae tam de reliquis terris quam de mancipiis».

заны были знать, гдѣ и кто имѣетъ постоянное пребываніе, кто, гдѣ и какую имѣетъ собственность и кто принадлежитъ къ какой общинѣ? Въ противномъ случаѣ финансовые правительственные органы не въ силахъ были бы осуществить своего назначенія: «ut missi nostri census nostros diligenter perquirant, undecunque antiquitus venire ad partem Regis solebant» [1]). Такъ какъ подать была связана съ землею, то лицо, обладавшее ею, не обязано было жить постоянно тамъ, гдѣ находилась земля. Лицо, родившееся отъ члена общины и слѣдовательно имѣвшее право быть членомъ ея, уплачивало земельную подать тамъ, гдѣ уплачивалъ ее и его отецъ, отъ котораго онъ получилъ землю по наслѣдству: «ut unusquisque, qui censum regium solvere debet, in eodem loco illum persolvat, ubi pater et avus ejus solvere consueverunt». [2]) Если свободный человѣкъ не желалъ жить и владѣть отцовской землею, то онъ могъ уходить туда, куда онъ желалъ. Земля же переходила или къ общинѣ, или къ другому лицу, или, наконецъ, ее брала себѣ казна въ томъ случаѣ, когда не находилось наслѣдниковъ. Законодатель не желаетъ прикрѣплять свободную личность къ землѣ. Тотъ, кто получалъ во владѣніе землю, уплачивалъ и подать: «Quicunque terram tributariam, unde tributum ad partem nostram exire solebat, vel ad ecclesiam vel cuilibet alteri tradiderit, is qui eam susceperit, tributum quod inde solvebatur, omni modo ad partem nostram persolvat» [3]). Правительство не стремится привязать, прикрѣпить свободную личность къ опредѣленному куску земли; оно заботится только о томъ, чтобы государственныя повинности и подати поступали исправно и не уменьшались: «Hoc ideo quia audivimus aliquos ex illis (liberis hominibus), non tam causa devotionis quam exercitum seu aliam functionem regalem fugiendo, quosdam vero cupiditatis causa ab his qui res illorum concupiscunt, circumventos [4]). Когда передача земли мелкихъ собственниковъ подъ покровительство церкви приняла широкіе размѣры, то законодатель принужденъ былъ воспретить свободнымъ людямъ поступать въ монахи или передавать землю церкви потому, что

[1]) Capit. 3. a. 812. Cap. 10.
[2]) Capit. 2. a. 819. Cap. 3.
[3]) Capit. 4. a. 819. Cap. 2.
[4]) Capit. 3. a. 805. Cap. 17.

духовенство и принадлежавшія церкви земли были освобождены отъ большей части государственныхъ налоговъ и повинностей [1]). Но въ томъ случаѣ, когда свободный человѣкъ передавалъ землю другому свободному, желая уйти изъ мѣста родины въ другое, законъ не устанавлялъ никакихъ преградъ и стѣсненій. Свободное лицо, передавъ подъ покровительство церкви свою землю, не лишалось права оставить ее, когда бы оно не пожелало. Въ этомъ случаѣ «tributa exigenda» уплачивались не лицомъ, признавшимъ покровительство церкви, но преставителями послѣдней.

3) Поголовная подать, «de capite», взималась съ свободныхъ неимѣвшихъ земельной собственности лицъ. Поголовною податью, по словамъ Савиньи [2]), были обложены покоренные варварами римляне, не имѣвшіе земельной собственности, «tributarii» [3]). Съ теченіемъ времени личная подать была распространена на всѣхъ свободныхъ, которые не обладали недвижимымъ имуществомъ: «census regalis undecunque legitime exiebat, volumus ut inde solvatur, sive de propria persona hominis, sive de rebus» [4]). Такъ какъ этотъ налогъ взимался съ лица, то онъ уплачивался въ томъ мѣстѣ, гдѣ кто жилъ или гдѣ кто считался членомъ общины. Личность, не имѣвшая земли и жившая въ общинѣ, не признавалась полноправнымъ членомъ общества. Правительственные агенты обращались прямо къ лицу, но не къ обществу, членомъ котораго послѣдній считался. Законодатель при взиманіи личной подати заботился не о томъ, чтобы лицо жило въ опредѣленной общинѣ постоянно, но о томъ, чтобы лицо уплатило поголовную подать вцѣлости и во время. Община не отвѣчала за неисправный взносъ поголовной подати, а потому и не принимала мѣръ, чтобы безземельное лицо, живущее въ общинѣ, уплачивало казнѣ подать исправно. Германская община не знала круговой поруки своихъ членовъ.

---

[1]) Caroli calvi Ed. Pist. Cap. 28: «ut illi Franci qui censum de suo capite vel de suis rebus ad partem regiam debent, sine nostra licentia ad casam Dei vel ad alterius cujuscunque servitium se non tradant, *ut respublica quod de illis habere debet non perdat*».

[2]) v. Savingny, Ueber die röm. Steuerverfassung: Zeitschr. für geschichtl. Rechtswissensch. Bd. 6. S. 396.

[3]) L. Sal. em. t. 43. Cap. 8.

[4]) Capit. 2. a. 805. Cap. 20.

Въ капитуляріяхъ указывается только на то, «ut unusquisque, qui censum regium solvere debet, in eodem loco illum persolvat, ubi pater et avus ejus solvere consueverunt» [1]). Личность, уплативъ поголовную подать, могла свободно выселиться изъ общины и уйдти изъ нея туда, куда она желала. Правительство стремится лишь о правильномъ взносѣ подати. Свободная, но безземельная личность, выселившись изъ предѣловъ общины, могла уплачивать поголовную дань и не тамъ, гдѣ уплачивали ее ея родители. Изъ словъ «in eodem loco censum persolvat ubi pater etc.» слѣдуетъ заключить, что законодатель имѣлъ своею задачею точнѣе опредѣлить мѣсто, гдѣ слѣдуетъ искать личность, повинную уплатить поголовную подать. Понятно, что «Missus»'у легче было контролировать правильный взносъ поголовной подати, если онъ зналъ, гдѣ имѣетъ постоянное пребываніе субъектъ налога.

4) Натуральные сборы и повинности взимались съ лицъ, жившихъ въ опредѣленномъ мѣстѣ и считавшихся членами общины. Эти государственные сборы, нося разныя названія: «Angariae», «Veredi» etc., тоже отправлялись лицами, жившими въ вѣдѣніи «Missus»'а [2]), который зналъ, гдѣ кто живетъ, кто и какую долженъ отбыть натуральную повинность. Отправленіе натуральныхъ повинностей, имѣвшихъ кромѣ государственнаго значенія и мѣстное, не стѣсняло свободы лица, задумавшаго куда-либо выселиться изъ мѣста родины.

5) При взиманіи другихъ государственныхъ налоговъ (conjuctus) законъ не ставитъ также никакихъ стѣсненій и ограниченій ни при поселеніи въ общинѣ или на свободной землѣ, ни при уходѣ съ общиной или съ собственной земли. Пошлины, «telonea», стѣснявшія передвиженіе населенія изъ одной мѣстности въ другую, имѣли не маловажное значеніе въ ряду источниковъ государственныхъ доходовъ.

---

[1]) Capit. 2. a. 819. Cap. 3.

[2]) Capit. a. 861. Cap. 27: «ut illi qui in hostem pergere non potuerint juxta antiquam.... consuetudinem ad civitates novas et pontes ac transitus paludium operentur».

2. *Передвиженіе изъ одной общины въ другую.*

а) Свободныя лица.

Понятіе свободнаго лица покоится на понятіи пріобрѣтенія и осуществленія личностью правъ какъ политическихъ, такъ и гражданскихъ. Сфера правъ, принадлежащихъ личности, зависитъ отъ степени развитія государства, членомъ котораго считается данная личность. Во франкскомъ государствѣ способность лица пріобрѣтать права и осуществлять ихъ покоилась на понятіи свободы лица, но не на понятіи землевладѣнія. Въ эпоху народоправства свобода личности зависѣла отъ признанія ея народной общиной. Свободнымъ человѣкомъ считался тотъ, кто былъ членомъ народной общины. Послѣдняя охраняла свободу политическую и гражданскую. Существовало-ли среди германскихъ племенъ юридическое различіе между благороднымъ человѣкомъ и свободнымъ —рѣшить трудно, ибо римскіе писатели не даютъ точныхъ указаній [1]). Даже Салическая правда не представляетъ никакихъ указаній на то, что существовало дворянское сословіе. «Ich bin», говоритъ Grimm [2]), «von der eintheilung in freie und knechte, als der obersten, ausgegangen, der freie und der edle haben alle wesentlichen rechte miteinander gemein und stehen darin gleich, der edle ist aber auch noch mit vorrechten versehen, die dem freien fehlen». Свободнымъ признавался тотъ, кто родился отъ свободныхъ родителей. Свободные люди носили названіе: «ingenui, liberi» при переводѣ народныхъ понятій на латинскій языкъ. Народныя права признаютъ нѣсколько классовъ свободныхъ лицъ. Различіе проводится тамъ, гдѣ заходитъ вопросъ о величинѣ наказанія, налагаемаго на виновника преступленія, совершившаго таковое въ отношеніи свободнаго человѣка. Бургундское и алеманнское народныя права знаютъ три категоріи свободныхъ людей [3]); лонгобардское — два класса свободныхъ людей; [4]) салическое право различаетъ

[1]) Tacit. Germ. 7: «Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt»; Ib. 13: «haec dignitas, hae vires magno semper electorum juvenum globo circumdari, in pace decus, in bello praesidium».

[2]) R. A. S. 267.

[3]) L. Burgund. t. 2.

[4]) L. Long. Cap. 14.

свободныхъ, «qui in truste dominica», отъ свободныхъ франковъ вообще[1]). «Nobiles» не имѣли исключительныхъ правъ, а только пользовались особымъ почетомъ, что объясняется миѳическимъ преданіемъ о происхожденіи ихъ предковъ. Громадное различіе существовало между свободными и рабами. Только свободный человѣкъ обладалъ полною правоспособностью. Всѣ народныя права охраняютъ свободу лица строгою уголовною карою, назначавшеюся за нарушеніе правъ свободной личности. Правоспособность свободной личности выражалась по народнымъ правамъ главнымъ образомъ въ слѣдующихъ правахъ: право считать себя членовъ народной общины и учавствовать въ управленіи дѣлами общины, право требовать бо́льшую виру, «Wehrgeld», чѣмъ зависимые люди, право носить оружіе и длинные волосы, право обладать земельною собственностію, право на свободу передвиженія и право быть освобожденнымъ отъ налоговъ и повинностей, налагаемыхъ на людей полусвободныхъ. Большую часть населенія, вошедшаго въ составъ франкскаго королевства, составляли люди свободные. Только въ римскихъ провинціяхъ большую часть населенія ($^2/_3$) составляли люди зависимые, несвободные. Такъ какъ свобода передвиженія составляетъ необходимый признакъ свободы личности вообще, то, разсматривая тѣ препятствія и стѣсненія, которыя личность встрѣчала при передвиженіи изъ одного мѣста въ другое какъ со стороны частнаго лица, такъ и со стороны власти государственной, мы изучаемъ и тѣ предѣлы, которые ограничивали свободу лица вообще.

Ни въ народныхъ правахъ, ни въ капитуляріяхъ нѣтъ юридическихъ нормъ, стѣсняющихъ передвиженіе свободныхъ лицъ изъ одного мѣста въ другое. Каждый свободный человѣкъ шелъ туда, куда онъ желалъ. Всякій вновь приходящій въ общину временно считался какъ бы гостемъ. Представитель общины зналъ всѣхъ приходящихъ въ общину, которая не стѣсняла ничѣмъ гостей: «qui venientes in provinciam, intraverunt hospitium cujusdam villici petieruntque ab eo ut transmittentur ad satrapam qui super eum est»[2]). Свободою передвиженія пользовались и лица, прекратившія свои зависимыя отношенія, что ясно выражалось при отпускѣ несвободнаго человѣка на

[1]) Pact. L. Sal. t. 76.
[2]) Beda, Hist. eccl. V. 10; Waitz, Id. Bd. 1. S. 128.

волю. Право передвиженія свободныхъ людей слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ законъ Ротаря:[1]) «Si quis liber homo migrare voluerit aliquo, potestatem habeat, intra dominium regni nostri cum fara sua migrare, quo voluerit». Лицо, передвигаясь изъ одного мѣста въ другое, не лишалось покровительства и защиты законовъ. Личность, переходя изъ общины въ общину, пользуется защитою или національнаго, или территоріальнаго закона. Тотъ и другой оберегаютъ свободу передвиженія личности, назначая уголовную кару тому, кто вздумаетъ стѣснить и ограничить свободное движеніе лица. Народныя права охраняютъ свободу лица вообще отъ нападеній со стороны другихъ: «Si quis liberum contra legem per vim pro pignore tenuerit, aut in domo recluserit, ut liberum non habeat egressum eum XI. sol. componat»; [2]) «si quis hominem ligatum in aliquam partem duxerit... sol. XLV culp. jud» [3]). Въ особенности народныя права охраняютъ свободу лица въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-либо задумаетъ свободную личность принудить силою отправиться какъ раба въ иностранную землю или въ другую провинцію, «extra partriam, foris provinciam». Такое насильственное принужденіе народныя права приравниваютъ къ продажѣ свободнаго человѣка: «si nobilis nobilem extra solum vendiderit et reducere non potuerit, componat eum ac si occidisset; [4]) «si quis liberum hominem foris provincia vendiderit, conponat wirigild ejus, tamquam si eum occidisset» [5]). Въ эдиктѣ Теодориха выставлено слѣдующее положеніе, охранявшее свободу лица вообще и, какъ составную ея часть, свободу передвиженія: «Qui ingenuum plagiando id est sollici-

---

[1]) Lex. Rothar. 177.

[2]) L. Bajuv. III. 9; Этой статьѣ во многомъ соотвѣтствуетъ статья кодекса назыв. «Graugans» Cap. 68: «Wenn ein Mann einen andern in ein Haus einschliest, so dass er nicht heraus kann ohne Riegel...... oder wenn er ihn festhält, ihn an der Forsetzung seines Weges in irgend einer Weise so lange verhindert, dass er indess eine Schussweite oder länger hätten zurücklegen können, so gehe er in die Verbannung».

[3]) Lex. Sal. em. XXXIV. § 2.

[4]) Lex Sax. Cap. 20; L. Rip. XVI; L. Thur. Cap. 40 гласитъ: «hominem liberum extra patriam»; L. Alam. XLVIII.

[5]) Liutprand. leg. 48.

tando, in alia loca translatum aut vendiderit, aut donaverit, vel suo certe servitio vindicatum crediderit, occidatur»;[1]) «qui ingenuum in servitute tenet, nec conditioni potest obnoxium comprobare, et caluminiae et injuriarum reus teneatur adstrictus» [2]). Принципъ свободы передвиженія внутри франкскаго королевства признавался только въ отношеніи свободныхъ людей: «liberi», «homines ingenui», «in libertate nati», «Franci», «qui non Franci ab antiquo nati sed pro talibus declarati fuerunt». Народныя права оберегаютъ свободную личность, передвигающуюся изъ одного мѣста въ другое. Тотъ, кто препятствовалъ свободѣ передвиженія, подвергался денежному штрафу: «Si quis hominem, qui alicubi migrare disponit et dirigere habet praeceptum Regis, et si aliunde ierit in Mallum publicum, et aliquis extra ordinationem Regis restare eum faciat aut adsalire praesumpserit.... VIIII. M. den qui fac. sol. CC. culp. judicetur»; [3]) «si quis hominem migrantem adsallierit, et ei faciunt adprobatum, sol. C.C. culp. jud.» [4]). Свободное передвиженіе свободныхъ людей внутри государства по духу народнаго права и капитуляріевъ не нарушало ни правъ и интересовъ государства, ни правъ и интересовъ частныхъ лицъ. Человѣкъ, свободно переходившій изъ одной мѣстности въ другую, не нарушалъ мира, тишины и порядка въ государствѣ. Не существовало власти, которая имѣла бы назначеніемъ ограничивать или стѣснять право передвиженія свободныхъ лицъ. «Ut nulli hominum», читаемъ мы въ саксонскомъ народномъ правѣ, «contradicere viam ad nos veniendo per justitiam reclamandam aliquis praesumat; et si aliquis hoc facere conaverit, nostrum bannum persolvat» [5]). Свободный саксонецъ, будучи обиженъ или оскорбленъ мѣстными королевскими властями [6]), имѣлъ полное право свободно и безпрепятственно придти къ царю и жаловаться послѣднему. Свободной личности никто не могъ

---

[1]) M. G. H. L. T. V. Cap. 78. p. 161. Theodor. Ed.

[2]) Ib. Cap. 79.

[3]) L. Sal. t. XVI. Cap. 4. Op. Io. Eccardi.

[4]) Ib. t. XIV. Op. Eccardi p. 122.

[5]) Lex. Sax. Cap. 26; Capit. Saxonum Cap. 4.

[6]) M. G. H. Script. T. 1. Annales Laureshemenses: «Habuit Carolus rex a. 782 conventum magnum exercitus sui in Saxonia ad Lippubrunnen et constituit super eam ex nobilissimis Saxones genere comites».

воспрепятствовать идти туда, куда она желала. Тотъ, кто причиняетъ странствующему лицу какое-либо злодѣяніе, «in triplo conponat» [1]). Свободный человѣкъ, уходя изъ родной общины временно въ другую, не лишается защиты родныхъ законовъ; въ каждой мѣстности франкскаго королевства онъ жилъ по законамъ своей родины: «hoc autem constituimus, ut infra pagum Ripuarium tam Franci, Burgundiones, Alamanni seu de quacunque natione commoratus fuerit, in judicio interpellatus, sicut lex loci continet, ubi natus, sic respondeat» [2]), что было подтверждено и капитуляріями: «si quis in aliena patria, ubi vel prorter beneficium vel prorter aliam quamlibet occasionem assidue conversari solet, de qualibet causa fuerit interpellatus, ...ibi secundum suam legem justitiam faciat, et cum talibus conjuratoribus, quales in eadem regione vel provincia secum habere potuerit, legitimum sacramentum juret» [3]). Всѣ народности, входившія въ составъ франкскаго государства, отстаиваютъ свои права и законы своей родины, [4]) съ чѣмъ мирится и королевская власть. Если человѣкъ мѣнялъ свое мѣсто постояннаго жительства, если онъ оставлялъ свою общину и переселялся въ другую, гдѣ пріобрѣталъ права члена общинѣ, то въ этомъ случаѣ онъ подлежалъ законамъ новой родины. Въ томъ случаѣ, когда было трудно опредѣлить принадлежность свободнаго человѣка къ какой-либо народной общинѣ, дѣйствовалъ законъ территоріальный, но не національный. Королевская власть стремится только поддержать народныя права, а также не препятствуетъ свободной личности, переходящей изъ одного мѣста въ другое, пользоваться родными законами: «ut omnes homines eorum leges habeant tam Romani, quam et Salici, et si de alia provincia advenerit, secundum legem ejus patriae vivat» [5]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ королевская

---

[1]) Lex. Sax. Cap. 37.

[2]) L. Rip. t. 31. Cap. 3.

[3]) Capit. Lib. 4. Cap. 74 (Walter. Tom. 2.)

[4]) Paul. Diac. Hist. Long. Lib. 3. Cap. 6: «Certum est, hos Saxones ideo ad Italiam cum uxeribus et pavulis advenisse, ut in ea habitare deberent. Sed quantum datur intelligi, noluerunt Longobardorum imperiis subjacere. Sed neque eis a Longobardis permissum est in proprio jure subsistere, ideoque aestimantur ad suam patriam repedasse».

[5]) M. G. H. L. T. II. p. 13. Pipini regis Capitulare Aquitanicum a. 768

власть дозволяла пользоваться законами родины и колонистамъ, перешедшимъ изъ внутренней страны на окраины государства: «De diversis generationibus hominum qui in Italia commanent..., de statu vero ingenuitatis et aliis querelis, unusquisque secundum legem suam se ipsum defendant» [1]). Право передвиженія свободнаго человѣка ограничивалось тогда, когда онъ поступалъ въ войско и шелъ на войну. Въ этомъ случаѣ свободный человѣкъ могъ оставить войско только съ разрѣшенія короля: «Si quis adeo contumax aut suberbus exstiterit, ut demisso exercitu absque jussu vel licentia regis domum revertatur.... res ejus in fisco nostro socientur» [2]). Бѣгство съ поля битвы по народнымъ правамъ признавалось измѣною въ отношеніи короля и сотоварищей: «Si quis contra inimicos pugnando collegam suum dimiserit..... et cum eo non laboravit, animae incurrat periculum» [3]).

Движеніе за предѣлы государства было свободнымъ, но только для людей свободныхъ, для полноправныхъ гражданъ. Свободная личность могла оставить отечество навсегда, не испрашивая на то разрѣшенія королевской власти, съ которою она была связана вѣрноподданическими отношеніями, основанными на присягѣ: «si quis liber homo migrare voluerit aliquo, potestatem habeat, intra dominiun regni nostri cum fara sua migrare, quo voluerit» [4]). Временная отлучка свободной личности за предѣлы отечества не подвергалась никакимъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ. Такъ какъ франкское королевство нѣсколько разъ раздѣлялось между сыновьями короля, то въ договорахъ о раздѣлѣ королевства нигдѣ не сказано, чтобы свободные люди не могли оставлять своего отечества и переходить изъ одного государства въ другое или поступать со службы одного короля на службу другаго. Напротивъ, договоры эти воспрещаютъ только несвободнымъ людямъ переходить по своей волѣ изъ предѣловъ одного

---

[1]) Pipini R. Capit. a. 763. Cap. 17

[2]) Catip. Ticinense. a. 801. Cap. 3. Слѣдующій законъ существовалъ въ Англіи во время Канута: «Und der Mann, der seinem Herrn oder seinem Gefährten aus Feigheit entflieht, sei es auf einer Schifffahrt oder auf einer Landfahrt, verliere alles was er hat, und selbst sein Leben». Wilda, Das Strafrecht der Germanen §. 988.

[3]) Ed. Rothar. Cap. 7.

[4]) L. Rothar. 177.

государства въ предѣлы другаго. Въ договорахъ выставляется требованіе, чтобы ни короли, ни ихъ подданные не принимали къ себѣ несвободныхъ людей, ушедшихъ отъ своихъ господъ своевольно. Такъ въ договорѣ 830 г. о раздѣлѣ имперіи сказано относительно перехода несвободныхъ людей: «Similiter praecipimus, ut quemlibet illum, qui dominum suum contra voluntatem ejus dimiserit et de uno regno in illud profectus fuerit, neque ipse rex suscipiat, neque hominibus suis consentiat, ut talem hominem reciperant, vel injuste retinere praesumant»[1]) Разъ несвободный человѣкъ получалъ свободу, онъ получалъ право поселяться и жить въ томъ государствѣ, въ которомъ онъ самъ пожелалъ: «et unusquisque liber homo post mortem domini sui licentiam habet se commendandi inter haec tria regna ad quemcunque voluerit»[2]).

Народныя права, дозволяя свободному человѣку уходить изъ отечества навсегда, строго караютъ того, кто во время войны оставляетъ свое войско и переходитъ на сторону непріятеля: «proditores et transfugas arboribus suspendunt»[3]). Перебѣсчики признаются измѣнниками въ отношеніи народа, а потомъ короля. Лицо, убѣжавшее изъ войска во вражескій лагерь, лишалось всего, что имѣло. Если же сбѣжавшій воинъ былъ пойманъ, то онъ лишался и жизни: «Si quis homo Regi infidelis exstiterit de vita componat et omnes res ejus fisco censeantur»[4]), что было повторено и въ капитуляріяхъ: «Si quis domino regi infidelis apparuerit, capitali sententia punietur»[5]).

Всѣ германскія племена назывались римлянами варварами, «βάρβαροί». Ни одинъ народъ, по словамъ римскихъ писателей, не отличался такимъ радушіемъ, такою любовью къ иностранцамъ, какъ сѣверные варвары. Иностранцемъ, иноземцемъ считался тотъ, кто не родился въ народной общинѣ, кто не былъ ея членомъ вообще. Франкъ, пришедшій въ другую общину, считался чужеземцемъ, «advena», «hospes»[6]).

---

1) M. G. H. L. T. 1. Divisio Imperii a. 830. t. 4.
2) Ib. t. 6.
3) Tac., Germ. Cap. 6 и 12.
4) L. Rip. t. LXIX. 1.
5) Capit. Paderb. a. 785. Cap. 11.
6) L. Burg. 13. 54. § 1. 55.

«Исходя изъ понятія объ общинѣ», говоритъ Grimm[1]), «слѣдуетъ признать иностранцемъ того, кто не родился и не воспитался въ данной мѣстности, въ общинѣ или въ странѣ». Человѣкъ, пришедшій въ страну съ добрыми цѣлями, называется гостемъ, «gast». По закону Ротаря[2]) иностранецъ назывался «gargangus[3]), «wargangus», тотъ, «qui de exteris finibus venit». Положеніе иноземца, чужеобщинника въ общинѣ опредѣлялось обычнымъ правомъ. «In der regel», замѣчаетъ Grimm[4]), «war die rechtliche lage der fremden ungünstig», и продолжаетъ: «der fremde konnte, weil er sich nicht in der rechtsgen ossenschaft der mark und landschaft befand, in welcher er verweilte, auf ihrem schutz und frieden keinen anspruch machen». Если правовое положеніе иностранцевъ не было твердо опредѣлено, то изъ этого нельзя заключать, чтобы иностранцы и чужеобщинники не имѣли правъ на защиту совсѣмъ. Гость, по германскимъ обычаямъ, считался добрымъ человѣкомъ. «Gastfreundschaft», по словамъ вышеупомянутаго автора[5]), «für durchreisende fremde war durch sitte und selbst gesetze geheiligt». Предъ путешественникомъ знакомымъ и незнакомымъ открывались двери дома. Хозяинъ дѣлился съ гостемъ, чѣмъ могъ[6]). Запирать двери дома предъ иноземцемъ признавалось грѣхомъ[7]). Показанія Тацита подтверждаются древними легендами германцевъ: «человѣкъ есть радость для человѣка». Обычаи предписываютъ давать иностранцу—гостю лучшее мѣсто, не безпокоить его разспросами, не надсмѣхаться надъ нимъ[8]). Когда возникло положеніе, что иностранецъ долженъ быть судимъ по родному праву[9])—рѣшить трудно, такъ какъ нѣтъ историческихъ дока-

---

[1]) R. A. S. 346.

[2]) Lex Rothar. 390.

[3]) L. Sal. t. 58. Cap. 1 употребляетъ слово «vargus» въ значеніи «expulsus de pago», изой.

[4]) R. A. S. 397.

[5]) Ib. S. 399.

[6]) Tacit., Germ. Cap. 21: «quaecunque mortalium arcere tecto nefas habetur».

[7]) Osenbrüggen, Die Gastgericht der Deutschen im Mittelalter S. 21.

[8]) Laurent, Histoire du droit des gens et velations internationales t. VII. p. 359.

[9]) L. Rip. t. 36.

зательствъ[1]). Писанныя германскія права оберегаютъ жизнь иностранцевъ, назначая различныя наказанія[2]). Въ старыхъ изданіяхъ салійской и рипуарской правды нѣтъ упоминанія о назначеніи виры за убійство иностранцевъ. Положеніе гостя въ нѣкоторыхъ народныхъ правахъ было болѣе или менѣе опредѣлено: «quicunque hospiti venienti tectum aut focum negaverit... trium sol. iniatione mulctetur»[3]). Капитуляріи также стремятся охранить положеніе иностранцевъ: «praecipimus, ut in omni regno nostro neque dives neque pauper peregrinis hospitia denegare audeat... tectum, et focum et aquam nemo deneget»[4]). Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: «ut infra regna nostra omnibus iterantibus nullus hospitium deneget, mansionem et focum tantum; similiter pastum nullus contendere faciat, excepto prato et messe»[5]). Съ распространеніемъ христіанства между германскими племенами гостепріимство поддерживалось духовенствомъ, которое желало придать жизненность выраженію Евангелія: «quoniam Deus ait, peregrinum et advenam non contristabis». Духовенство напоминаетъ народу, чтобы онъ гостепріимно обходился съ путешествующими вообще. Въ капитуляріи Карломана отъ 884 г. сказано: «placuit nobis et nostris fidelibus, ut presbyteri suos parrochianos admoneant, ut et ipsi hospitales existant, ut nulli iter faciendi mansionem denegent... nihil carius vendatur transeuntibus, nisi sicut in mercato accipiunt. Quod si carius vendere voluerint, ad presbyterum hoc referant, et illius jussu cum humanitate eis vendant»[6]) По словамъ Эгингардта мы можемъ судить, что иностранцы толпами посѣ-

---

[1]) У Лонгобардовъ не всѣ иностранцы жили, пользуясь отечественнымъ правомъ: «Omnes Wargangi, qui de exteris finibus in regni nostri finibus advenerint, seque sub scuto potestatis nostrae subsiderint, legibus nostris Longobardorum vivere debeant, nisi legem suam a pietate nostra meruerint». L. Rothar. Cap. 39.

[2]) L. Rip. Cap. 1: «Si quis Ripuarius advenam Francum interfecit 200 sol. culp. jud».

[3]) L. Burg. t. 38. Cap. 1; Законъ бургундовъ о гостепріимствѣ гласитъ подробно слѣдующимъ образомъ: «Если кто и, путешествуя по своимъ дѣламъ, прибудетъ въ домъ Бургундовъ и попроситъ у него гостепріимства, а тотъ укажетъ ему домъ Римлянина и если это можно будетъ доказать, то пусть Бургундъ заплатитъ три солида тому, чей домъ онъ указалъ, и три солида пени».

[4]) Capit. a. 802.

[5]) Capit. 5. a. 803.

[6]) M. G. H. L. T. 1. t. 13.

щали имперію Карла В.[1]), который отмѣнилъ всѣ незаконные сборы съ путешествующихъ[2]). Законодатель стремился обезпечить безопасность путешествующихъ и въ особенности иностранцевъ. Власти должны были узнавать о путешествующихъ по дорогѣ иностранцахъ: «ut scire possimus, qui sint aut unde venerint»[3]). Органы власти обязаны были вести списокъ иностранцевъ: «De adventiciis. Quicunque missi nostri ad nostrum placitum venerint, habeant descriptum, quanti adventicii sunt in eorum missatico et de quali pago sunt et nomina eorum et qui sunt eorum seniores»[4]). Забота власти объ иностранцѣ выражалась въ слѣдующемъ: «placuit, ne peregrinos transeuntes quisquam inquietare praesumat, eique nocere audeat, quia alii propter Domini, alii propter suas discurrunt necessitates»[5]). Въ другомъ мѣстѣ относительно охраны путешествующихъ мы читаемъ: «quod si aliquis praesumptiosus fuerit, qui peregrinum nocuerit, aut eum assallierit, aut spoliaverit, laederit, plaguerit, vendiderit, vel occiderit, ipse peregrino singulatim dupliciter, sicut de alio homine solet componi, aut suo seniori vel sotio cum sua lege componat».... «Quoniam», заканчивая статью, добавляетъ законодатель, «peregrini et advenae non contristabis»[6]). Какъ жизнь странствующаго богомольца, такъ и свободу всякаго путешествующаго законъ со всею силою стремится охранить. Кромѣ уголовной кары за убійство иностраннаго путешественника его товарищемъ законъ назначаетъ и штрафъ въ 60 солидовъ: «de advenis et peregrinis, qui in Dei servitio Roma vel per alia sanctorum festinat corpora, ut vadant et revertantur sub nostra defensione. Et qui ex ipsis peregrinis ausus fuerit occidire, 60 solidos in palatio nostro componat»[7]).

По законодательству Карла В. и его преемниковъ иностранецъ, желавшій поселиться въ государствѣ и пріобрѣсти здѣсь права подданства, обязанъ былъ принести присягу на

---

[1]) Capit. a. 805. Cap. 21.
[2]) Ib. Cap. 13.
[3]) L. Sali a Car. M. emendata t. VI. Op. Ecc. p. 174.
[4]) Capit. Aquen. a. 806. Cap. 4.
[5]) Cap. Car. M. collecta ab Ansegiso Abbate Lib. V. Cap. 112.
[6]) Ibid.
[7]) Cap. a. 787. t. 10.

вѣрность королю. Только личность, принесшая присягу, могла жить и имѣть земельную собственность въ государствѣ: «Ut nullus infidelium nostrorum, qui liberi homines sunt, in nostro regno immorari, vel proprietatem habere permittatur, nisi fidelitatem nobis promiserit, et noster aut nostri fidelis homo deveniat»[1]).Этотъ законъ съ теченіемъ времени былъ подтвержденъ: «Ut omnes, qui fidelitatem adhuc promissam non habent, fidelitatem nobis promittant; sicut in capitulis avi et patris nostri continetur»[2]). Приходъ изъ-заграницы воспрещенъ былъ тѣмъ, кто желалъ придти въ страну ради грабежа и разбоя. Такія лица подвергались смерти. Тотъ, кто приглашалъ такихъ иностранцевъ, подвергался строгому наказанію: «Si quis homo aliquis gentem extraneam infra provinciam invitaverit... aut vitam perdat, aut in exilium eat, ubi Dux miserit, et res ejus infiscerunt in publico»[3]). Если же иностранцы приходили на время, то они находились подъ покровительствомъ и защитой короля: «sed et advenas eo loci commorantes donamus — ut nullus comes... aut advenas distringendos ingredi audeat»[4]).

б) Несвободныя лица.

«Возникновеніе несвободныхъ людей среди германскихъ племенъ», говоритъ Гриммъ[5]), «объясняется завоеваніями. Какъ только война оканчивалась, побѣжденные не могли пользоваться равными правами съ побѣдителями. Плѣнный могъ быть убитъ, или быть выкупленнымъ, или же остаться у побѣдителя въ качествѣ слуги, «Knecht». Дѣти слугъ всегда считались слугами побѣдителя. Рѣдко всѣ плѣнные убивались, но только въ исключительныхъ случаяхъ». Хотя римскіе писатели и называютъ несвободныхъ лицъ среди германскихъ племенъ словомъ «servitus», но несвободныя отношенія имѣли болѣе характеръ колоната, чѣмъ рабства[6]). Несвободныя лица не имѣли права требовать «Wehrgeld», или правъ на «Sachwert»[7]). Несвобод-

[1]) Cap. a. 865. t. 5; Cap. a. 863. t. 5.
[2]) Hludow. Germ. Capit. a. 868. t. 2.
[3]) L. Alam. t. 15; L. Long. Ed. Roth. c. 4.
[4]) Urk. a. 863. G. Maurer, Gesch. der Fronhöfe etc. S. 37. Прим. 4
[5]) R. A. 320 ff.
[6]) Tac., Germ. Cap. XXV.
[7]) L. Fris. t. I. c. 2; Grimm, R. A. 342.

ныя лица, судя по народнымъ правамъ, носили названія: «servus», «ancilla», «mancipium»[1]). Этотъ классъ въ древнѣйшее время находился въ полномъ подчиненіи отъ своихъ господъ[2]). Съ распространеніемъ христіанства среди германскихъ племенъ рабскія отношенія принимаютъ болѣе мягкія формы, чѣмъ прежде. Германскому рабству «Leibeigenschaft», «leibliche Unterwürfigkeit» соотвѣтствовали рабскія отношенія въ римскихъ провинціяхъ, завоеванныхъ варварами. Рабъ не имѣлъ права на вещи «corpora», «σώματα»; онъ не былъ лицомъ, «persona», а считался вещью, животнымъ. Рабъ не имѣлъ права на «Wehrgeld», —«Composition»; онъ дарился господиномъ тому, кому послѣдній желалъ. Господинъ требовалъ за убитаго раба то, что онъ стоилъ[3]). Родственники раба не имѣли права предъявлять претензій за убитаго раба. Господинъ могъ продать раба, какъ всякій товаръ. Формы продажи рабовъ были тѣми-же, что и при продажѣ товаровъ. Законъ вестготовъ дозволяетъ продавать рабовъ за море, если они занимались колдовствомъ[4]). Вообще-же, по народнымъ правамъ воспрещалось продавать рабовъ за предѣлы отечества: «mancipia foris provincia nemo vendat, nec in paganos, nec in christianos, nisi jussio ducis fuerit»[5]); «et ut foras marcas nemo mancipia vendat»[6]). Изъ этихъ положеній слѣдуетъ заключить, что рабство подъ вліяніемъ христіанства смягчается. Господинъ имѣлъ полное право бить раба, связывать и даже убивать. Тацитъ[7]) замѣчаетъ: «verbare servum, ac vinculis et opere coercere, rarum occidere solent, non disciplina et severitate, sed impetu et ira, ut inimicum, nisi quod impune». Законы вестготовъ уже тре-

---

[1]) Ib. S. 301 ff.

[2]) Wilda, Strafrecht S. 652: «Die Leibeigenen oder Sclaven waren Sachen im Besitz ihrer Herrn, Gegenstand des Verkehrs, die als solcher einen Sachwerth hatten»; Waitz, Deutsche Verf.-gesch. Bd. I. S. 183.

[3]) L. Fris. t. 4. «De servo aut jumento alieno occiso. Si quis servum alterius occiderit, componat eum juxta quod a domino ejus fuerit aestimatus; similiter equi, boves etc.»

[4]) L. Wis. VI. 2: «in transmarinis partibus transferendi vendatur».

[5]) L. Alam. 37.

[6]) L. Long. 11. 30.

[7]) Germ. 25.

буютъ, «ne domini extra culpam servos suos occidant»[1]). Въ болѣе позднѣе время и церковь, и свѣтская власть назначаютъ наказаніе за преднамѣренное убійство господиномъ своего раба. Желаніе той и другой власти не выполнялось и въ эпоху среднихъ вѣковъ. На развитіе и существо рабскихъ отношеній среди германскихъ племенъ повліяло въ значительной степени римское право. Варвары, придя въ римскія провинціи, нашли здѣсь много рабовъ. Провинціалы, при регулированіи отношеній раба къ господину, пользовались римскими началами.

Болѣе мягкую форму зависимыхъ отношеній представляетъ классъ людей, называемыхъ иногда «litus», «letus»[2]), «aldio»[3]), иногда «colonus»[4]). Точнаго юридическаго различія нельзя провести между понятіемъ «servus» и понятіемъ «litus»[5]). Народныя права употребляютъ различныя выраженія при обозначеніи зависимыхъ отношеній[6]) однихъ лицъ отъ другихъ. Зависимость этого класса людей покоилась не на личныхъ отношеніяхъ; она возникала по землѣ. Институтъ колоната слѣдуетъ признать переходною стадіею отъ рабства къ свободѣ. Зависимыя отношенія по землѣ прикрѣпляли «litus»'а не къ лицу, «persona», господина, но къ землѣ, къ имѣнію. Колоны не пользовались правами свободнаго человѣка—съ одной стороны, а съ другой — они не были и рабами. Колоны имѣли права личности[7]). Они, не имѣя права обладать земельною собственностью, жили въ имѣніяхъ господъ и отправляли въ пользу послѣднихъ барщину[8]). Главное отличіе колоновъ, носившихъ разныя названія въ народныхъ правахъ и капитуля-

---

[1]) L. Wis. VI. 12. 5.

[2]) L. Sal. t. 14. Cap. 6.

[3]) L. Roth. Cap 206. 208.

[4]) L. Bajuv. t. 1. Cap. 14; L. Alam. tt. 9. 24.

[5]) G. Maurer отличаетъ литовъ отъ колоновъ; послѣднихъ онъ дѣлитъ на свободныхъ и несвободныхъ. (Gesch. der Fronhöfe etc. S. 12 ff.)

[6]) Waitz, Das Deutsche Verfassungsgeschichte S. 183: «Denn ein Theil war angesiedelt, mit Land ausgestaltet, nicht viel anders als der Lite oder der Römische Colone: hier gab der Knecht eine Abgabe, war aber sonst selbstständig gestellt».

[7]) L. Alam. tt. 9. 24.

[8]) L. Sal. 26. Cap. 1; Waitz, Id. Bd. I. S. 177.

ляріяхъ[1]), отъ полноправныхъ гражданъ состояло въ томъ, что они, будучи людьми лично свободными, были прикрѣплены къ землѣ и не могли ее оставить самовольно. Главное же сходство колоновъ съ рабами заключалось въ томъ, что они могли быть виндицируемы собственниками земли подобно рабамъ. Какъ колоны, такъ и рабы, не имѣли сами правъ на «Wehrgeld». Институтъ колоната можно объяснить двумя причинами. Завоеватели - германцы нашли институтъ колоната довольно распространеннымъ въ римскихъ провинціяхъ[2]). Завоеватели, лишая земли многихъ собственниковъ, заставили нѣкоторыхъ изъ нихъ селиться на чужихъ земляхъ въ качествѣ людей зависимыхъ .У римлянъ колоны служили въ войскѣ; о службѣ ихъ въ войскахъ варваровъ мы находимъ упоминанія и въ народныхъ правахъ: «si quis lidum alienum, qui cum domino suo in hoste fuerit»[3]); «servus fiscalinus qui hostem facit»[4]). Какими правами обладали литы, — опредѣлить трудно, хотя они имѣли виру равную половинѣ виры свободнаго. «Юридическое положеніе колоновъ», замѣчаетъ Eichhorn[5]), «въ болѣе раннее время приближается къ юридическому положенію свободныхъ, тогда какъ позднѣе самостоятельность колоновъ значительно уменьшилась, ибо господа имѣли право представительства вмѣсто ихъ въ народномъ судѣ». Пользуясь землями, принадлежавшими крупнымъ земельнымъ собственникамъ, колоны уплачивали имъ такіе сборы, какіе назначали господа. Ни величина сборовъ, ни самый фактъ пользованія землями не были обставлены договорами. Колонъ обязанъ былъ сидѣть на землѣ, съ которой онъ не могъ никуда уйти. Если рабы могли быть продаваемы съ землей и безъ земли, то колоны могли быть отчуждаемы собственникомъ только съ землей; отношенія литовъ къ господамъ во многомъ напоминаетъ нѣмецкій институтъ «Hofhörigkeit», развившійся съ теченіемъ времени. Въ зависимыхъ отношеніяхъ къ собственнику земли стоялъ классъ людей, называемыхъ въ народныхъ правахъ «Ministeriales»[6]). Изъ числа

---

[1]) Grimm, R. A. S. 300 ff.

[2]) Моммзенъ, разбирая мнѣніе Савиньи о колонатѣ, какъ институтѣ чисто германскомъ, говоритъ, что колонатъ также старъ, какъ и Италія. Hermes, 1880. t. XV.

[3]) L. Sal. em. t. 28. Cap. 1.

[4]) L. Bajuv. t. 21.

[5]) Id Th. I. S. 298.

[6]) L. Sal. t. 10. Cap. 2.

этихъ людей земельные собственники выбирали иногда управляющихъ имѣніями, «majores»[1]). «Ministeriales» отправляли иногда различныя служебныя обязанности при дворѣ господина, а иногда занимались разнаго рода ремеслами[2]). Много «Ministeriales» жило на королевскихъ земляхъ. Съ теченіемъ времени они получили права на свободу и многіе изъ нихъ поступили на королевскую службу. По всей вѣроятности, число несвободныхъ людей среди германскихъ племенъ при нашествіи варваровъ было не велико. Отнятіе земель германцами у римлянъ, увеличившаяся роскошь первыхъ, образованіе крупныхъ земельныхъ имѣній, знакомство съ римскимъ институтомъ колоната, постоянныя войны и обѣдненіе населенія были причинами увеличенія числа несвободныхъ и вообще зависимыхъ людей. «Дать землю зависимому человѣку, чтобы онъ на ней хозяйничалъ и уплачивалъ господину земли или проценты, или отбывалъ въ пользу его барщину—вотъ взглядъ и обычай германцевъ», говоритъ Waitz[3]), «куда-бы они не являлись».

Основанія возникновенія зависимыхъ отношеній среди народностей, входившихъ въ составъ франкскаго государства, были слѣдующія[4]): 1) Рожденіе отъ несвободныхъ родителей[5]); 2) Бракъ свободной личности съ несвободной[6]); 3) Добровольная отдача свободнаго лица въ зависимыя отношенія[7]); 4) Плѣнъ на войнѣ[8]); и 5) Неуплата долговъ во-время должникомъ кредитору[9]).

---

[1]) Capit. de villis Cap. 10.

[2]) L. Alam. t. 79.

[3]) Deutsche Verfassungsgeschichte Bd. II. S. 153.

[4]) Grimm, R. A. S. 320 ff.

[5]) L. Wis. Lib. 10. t. 1. Cap. 17; L. Long. Lib. 2. t. 12. Cap. 4; Capit. 6. a. 803. Cap. 1.

[6]) «Unfrei hand ziehet die freie nach sich»; L. Sal. t. 11. Cap. 11; L. Rip. t. 58. Cap. 18.

[7]) L. Bajuv. t. 6. Cap. 3. § 1: «Quamvis pauver sit, tamen libertatem suam non perdat, nec hereditatem suam, nisi ex spontanea voluntate, se alicui tradere voluerit, hoc potestatem habeat faciendi».

[8]) Greg. Turon. III. 15.

[9]) L. Bajuv. t. 2. Cap. 1. § 5: «Si vero non habet, ipse se in servitio deprimat. . donec debitum universum restituat».

Зависимыя отношенія могли быть уничтожены. Господинъ объявлялъ, что онъ лишается правъ на несвободнаго человѣка. Отпущенный на волю не пріобрѣталъ всѣхъ правъ свободнаго человѣка. Онъ не могъ сразу сдѣлаться полноправнымъ членомъ общины[1]). На первыхъ порахъ отпущенный на волю находился подъ защитой и покровительствомъ или своего господина, или короля.

Формы отпуска зависимыхъ людей на волю были различными у разныхъ народностей. Провести точную грань между формами отпуска на волю нельзя на основаніи дошедшихъ до насъ памятниковъ. Въ этомъ отношеніи римское право оказало значительное вліяніе[2]). Представители церкви, пользуясь источниками византійскаго права, были знакомы съ формами отпуска рабовъ на волю, существовавшими у римлянъ. Христіанство повліяло на отпускъ несвободныхъ на волю[3]). У лонгобардовъ существовало три формы отпуска несвободныхъ на волю[4]). 1) Рабъ получалъ неполную свободу; онъ переходилъ изъ класса рабовъ въ классъ колоновъ, «colonus», «Aldio», «Hörigkeit», получая отпускную грамоту. 2) Отпускъ на волю при свидѣтеляхъ. Эта форма напоминаетъ римскую эмансипацію. 3) Третья форма — это «manumissio per impans», происхожденіе которой по словамъ Grimm'а объяснить трудно[5]). Вообще у лонгобардовъ существовало слѣдующее постановленіе: «si quis servum suum proprium, aut ancillam suam propriam liberos dimittere voluerit, sit illi licentia qualiter ei placuerit»[6]). У франковъ отпускъ раба или зависимаго человѣка на волю состоялъ въ выдачѣ послѣднему грамоты. Отпущенный, «Chaltularius», долженъ былъ избрать себѣ защитника. Если онъ не могъ найдти защитника, то становился подъ

---

[1]) Paul. Diac. gesta Long. Lib. I. Cap. 13.

[2]) Plaut. Men. 5. 7: «liberum esse jubeo»! atque abito quo voles»!

[3]) Grimm, R. A. S. 336: «seit dem christenthum häuften sich freilassungen, vorzüglich die verwandlungen harter Knechtschaft in gelinde hörigkeit».

[4]) Eichhorn, Id. Th. I. S. 305 ff.; Grimm, R. A. S. 331.

[5]) Gloss: «impans qui in votum regis dimittitur».

[6]) L. Roth. Long. R. Cap. 225.

защиту короля[1]). Человѣкъ, находившійся подъ защитой, имѣлъ право чрезъ представителя предъ судомъ требовать «Wehrgeld», которая была для него выше, чѣмъ для крѣпостнаго, но ниже, чѣмъ для вполнѣ свободнаго человѣка[2]). Находившійся подъ защитой платилъ своему патрону спеціальный налогъ[3]). Двѣ другія формы отпуска на волю, существовавшія у франковъ, давали отпущенному болѣе свободы, чѣмъ первая. Отпускъ въ церкви состоялъ въ томъ, что отпущенный получалъ грамоту. Такой отпущенный назывался «Tabularius». Если онъ передавался епископу, то состоялъ подъ защитой церкви[4]). Отпускъ въ присутствіи короля или въ народномъ судѣ имѣлъ слѣдствіемъ то, что отпущенный, «homo denarialis», становился подъ защиту короля[5]). Рипуарская правда гласитъ слѣдующее относительно отпуска на волю: «partas apertas libera potestate erant, pergant partem, quam se elegerint»[6]). Тотъ, кто отпустилъ на волю лита безъ согласія его господина, уплачивалъ виру. При отпускѣ на волю происходили символическія дѣйствія[7]).

Всѣ степени и формы зависимыхъ отношеній имѣли общимъ то, что зависимые люди не смѣли оставить той земли, гдѣ имъ приказалъ жить ихъ господинъ[8]). Господинъ имѣлъ право преслѣдовать ушедшаго съ земли зависимаго человѣка и требовать его себѣ обратно отъ всякаго, кто задерживалъ такую личность. «Der Freie», говоритъ Grimm, «darf gehen wohin er will, der knecht muss bleiben und dahin gehen, wohin der herr will: ire debet, quoque sibi jubetur»[9]). Всѣ зависимые люди имѣли

---

[1]) Capit. Bajuv. a. 788. Cap. 7: «Qui vero per chartam ingenuitatis dimissi sunt liberi, ubi nullum patrocinium et defensionem non elegerint, similiter Regi componantur 40 sol.».

[2]) L. Bajuv. t. 4. Cap. 11 и t. 5. Cap. 18.

[3]) Form. Goldast. 5. «De mancipia mea — in Dei amore libertate donavi... in censu quatuor denarios solvant».

[4]) L. Rip. t. 58. Cap. 1.

[5]) Capit. Bajuv. a. 788. Cap 5. De denarialibus: «ut si quis eos occiderit, Regi componatur»; L. Rip. t. 62. Cap. 2: «Quodsi denarialem cum facere voluerit, licentiam habeat».

[6]) L Rip. t. 61. Cap. 1.; Goldast. Tom. 2. Chart. 8.

[7]) L. Roth. 225.

[8]) Grimm, R. A. S. 345.

[9]) Ib.

только обязанность поселенія и передвиженія, что мы находимъ въ народныхъ правахъ и капитуляріяхъ. По римскому праву передвиженіе и поселеніе рабовъ вполнѣ находилось въ зависимости отъ воли господъ. «Кто», гласило римское право, «бѣжавшаго раба безъ вѣдѣнія его господина приметъ въ свой домъ или на свою землю, тотъ долженъ или возвратить наименнованнаго раба вмѣстѣ съ другимъ равнаго достоинства, или же вмѣстѣ съ 20 золотыми; но если кто-либо приметъ раба во второй или въ 3-й разъ, то долженъ господину раба, кромѣ самого раба, дать еще двухъ или трехъ рабовъ, или же уплатить за каждаго упомянутую выше сумму»[1]. Народныя права проводятъ такія же положенія въ отношеніи всѣхъ зависимыхъ лицъ, что подтверждаютъ и капитуляріи.

Свѣтскіе рабы, будучи лишены «status libertatis», не могли оставить господина ни навсегда, ни временно: «ut nec colonus, nec fiscalinus possint alicubi traditiones facere»[2]. Рабъ получалъ свободу только съ согласія того господина, котораго онъ считался собственностью. По римскому праву, отпущеніе на волю, «datio libertatis», сопровождалось выдачею «epistola libertatis», по законамъ-же франковъ и германскихъ народовъ — выдачею «cartam libertatis»[3].

Рабъ, отпущенный на свободу, получалъ всѣ права свободнаго человѣка, а слѣдовательно и право на свободу передвиженія: «Si quis per cartam ingenuitatis a domino suo legitime libertatem est consecutus, liber permaneat. Si vero aliquis eum injuste inservire tentaverit, et ille cartam ingenuitatis suae ostenderit... solvere cogatur»[4].

Рабъ, получившій свободу, становился полноправнымъ гражданиномъ: «Si quis servum suum libertum fecerit et civem Romanum, portasque apertas conscripserit . . . secundum legem Romanam judicetur»[5]; «Si quis libertum suum per manum seu per alienam in praesentia Regis secundum legem Ripuariam ingenuum dimiserit per

---

[1]) Savigny, Obl. R. 1. § 38; 1. 4. C. de serv. fugit. 6. 11.
[2]) L. Salica a Carolo M. emendata t. X. Opera Io. G. Eccardi p. 176.
[3]) M. G. H. L. T. V. Lex Thuringorum p. 135.
[4]) Lex Salica a Carolo M. emendata t. VII. Op. Io. Eccardi p. 172.
[5]) L. Ripuar. t. LXI. Cap 1. 2. Opera Io. Eccardi p. 225.

denarium et ejusdem rei chartam acceperit, nullatenus eum permittimus in servitium inclinare; sed sicut reliqui Ripuarii liber permaneat»[1]).

Ложное показаніе раба, что онъ свободный человѣкъ, наказывалось отсѣченіемъ руки: «Si inventus fuerit, quis cartam falsam fecisse, aut falsum testimonium dixisse, manum perdat aut redimat»[2])[3]).

Съ рабами, которые укрывались, поступали слѣдующимъ образомъ: «Ut homines fiscalini, sive coloni, aut servi, in alienum domicilium commorantes, a priore domino requisiti, non aliter eisdem concedantur, nisi ad priorem locum, ubi prius visus fuit mansisse, illuc revertatur, et ibi diligenter inquiratur de statu ipsius cum cognatione»[4]).

Господинъ, рабъ котораго совершилъ преступленіе, не могъ прогнать раба: «nemini liceat servum suum propter damnum ab illo, cuilibet inlatum, dimittere»[5]).

Никто не могъ чужаго раба удерживать болѣе опредѣленнаго времени: «Si quis mancipia aliena injuste tenuerit, et intra dies quadraginta non reddiderit, ut latro mancipiorum teneatur obnoxius»[6]).

Отпущенный рабъ не могъ сдѣлаться рабомъ, «in servitium inclinare». Онъ, избравъ себѣ патрона, всюду могъ поселяться и жить, уплачивая подати, какъ свободный человѣкъ: «Si vero, qui per cartam ingenuitatis dimissi sunt liberi, ubi nullum patrocinium et defensionem non elegerint, similiter componantur quadraginta solidis»[7]).

---

[1]) L. Rip. t. LVII. c. 1. Op. Io. Eccardi p. 221.

[2]) Cap. Carol. M. addenda a. 803. t. 3.

[3]) Ложное показаніе свободныхъ лицъ, что рабъ свободный человѣкъ, еще по законодательству Теодориха (506 г.) каралось довольно строго: «qui varium vel falsum testimonium dixerint aut utrique parti prodiderint, in exilium dirigantur».—(M. G. H. L. T. V. p. 156.)

[4]) M. G. H. L. T. I. Cap. addenda a. 805. t. 15.

[5]) Ib., Cap., quae in lege Ripuaria mittenda sunt a. 803. t. 5. p. 117.

[6]) Ib., Childerberti II et Chlotarii II regum pactum a. 593. t. 7.

[7]) Ib., Cap. Leg. Bajuvariorum addita a. 803. t. 6.

Сколько-бы лѣтъ рабъ не находился въ бѣгахъ отъ своего господина, онъ всетаки возвращался въ руки своего прежняго господина: «Ubicunque intra Italia servus fugitivus inventus fuerit a domino suo sine ulla annorum praescriptione vindicetur»[1]); «Si servus ante admonito defuerit, capitalem dominus restituat»[2]); «Servi fugitivi ad loca sua redire jubeantur»[3]).

Принимать чужаго раба еще по закону Теодориха было воспрещено: «quisquis servum sive colonum alienum seiens fugitivum susceperit, aut occultaverit, ipsum domino cum mercedibus et peculio ejus et ejusdem meriti alterum reddat»[4]); «Qui servum alienum invito domino apud se tenuerit, furti est actione pulsandus»[5]).

Только въ слѣдующемъ случаѣ рабъ терялъ зависимость отъ своего перваго господина: «quisquis curialem aut collegiatum, aut servum, per triginta annos possiderit, qui nullam patriae suae conlationem monstratur, eos praediorum dominis jubemus adquiri»[6]).

Рабъ не могъ поступить и въ духовное званіе, сдѣлаться монахомъ, если на то не получалъ разрѣшенія отъ господина: «de servo nisi tradatur a domino ipsius in manu pontificis, nullus eum praesumat ad sacerdotium promovere»[7]).

Рабъ, который бѣжалъ отъ господина къ церкви, долженъ былъ быть возвращенъ[8]). Многіе несвободные стремились найти убѣжище и пріютъ у церкви, которая была «hospitalis». «Quia», говоритъ Cap. ecclesiasticum, «multi sciunt hospitem supervenire ad ecclesiam suam, fugiunt»[9]).

Рабы и вообще несвободные бѣжали на земли королей въ

---

[1]) Ib., Cap., quae addita sunt ad legem Langobardorum a. 801. t. 8.
[2]) Ib., Chlothacharii II decretum t. 4.
[3]) Cap. Car. M. collecta ab Ansegiso Abbate Lib. III. Cap. LXI.
[4]) M. G. H. L. T. V. Cap. 84. p. 161.
[5]) Ib., Edictum Theoderigi Cap. 86.
[6]) Ib., Edictum Theoderigi a. 506. cap. 69.
[7]) Cap. a. 801. t. 22; Cap. a. 827. t. 23.
[8]) Cap. a. 817. t. 6.
[9]) Cap. a. 809. t. 8.

надеждѣ найти защиту и свободу. Надежда оказывалась тщетною: «Si cujuslibet mancipia in villam nostram confugerint, actor ejusdem villae quaeret, domino ea non contradicat, *sed statim ea foras de eadem villa eiciat*»[1]); «Si servi vel ecclesiastici vel quorumlibet liberorum hominum in fiscum nostrum confugerunt... recipiant eos domini eorum»[2]).

Несвободный человѣкъ, куда-бы онъ ни сбѣжалъ, нигдѣ не могъ найти защитника и долженъ былъ быть выданъ. Такая же участь постигала и тѣхъ, кто становился лицомъ не легальнымъ; сюда принадлежали, кромѣ несвободныхъ, бѣжавшіе преступники, разбойники, воры etc.: «de fugitivis, qui per diversas provincias delendi et occultandi contra praeceptum imperatoris sunt, ut qui eos suscepit aut retinet, bannum dominicum componat»[3]).

Рабъ только въ исключительныхъ случаяхъ терялъ юридическую зависимость отъ своего господина, а именно, если онъ своевольно ушелъ отъ своего господина въ монастырь и прожилъ тамъ три года и не былъ требуемъ своимъ господиномъ отъ монастырскихъ властей. Въ этомъ случаѣ свѣтскій рабъ становился духовнымъ рабомъ: «Si aliquis incognitus in monasterium ingredi voluerit, ante triennium monachi habitus ei non prestetur. Et si intra tres annos aut servus vel libertus vel colonus quaeratur, domino suo reddatur cum omnibus, quae attulit, fide tamen accepta de inpunitate. Si autem intra triennium requisitus non fuerit, postea quaeri non potest, sed tantum ea, quae in monasterium adduxit, dominus servi recipiat»[4]).

Колоны по законамъ Теодориха могли быть переводимы господиномъ изъ одного имѣнія въ другое: «Liceat unicuique domino ex praediis, quae corporaliter et legitimo jure possidet, rustica utriusque sexus mancipia etiamsi originaria sint, ad juris sui loca transferre, vel urbanis ministeriis adplicare, ita ut et illis praediis adquirantur, ad quae volun-

---

[1]) M. G. H. L. T. I. Capitula, quae ab omnibus conservanda sun a. 817. t. 6.

[2]) Ib., Cap. ad Theodonis villam a. 821. t. 3.

[3]) Ib., Cap. a. 810. tit. 8.

[4]) M. G. H. L. T. I. a. 742. p. 47; Capitularia Spuria t. 380. De servo in monasterio recepto.

tate domini migrata fuisse constiterit, et inter urbanos famulos merito censeantur: nec de ejusmodi factis ordinationibus, velut sub oppositione originis, quaesitio ulla nascatur. Alienare etiam supradictae conditionis homines liceat dominis, absque terrae aliqua portione, sub scripturae adtestatione, vel cedere, vendere cui libuerit, vel donare»[1]).

Въ другомъ эдиктѣ этого же короля относительно побѣга колоновъ мы читаемъ: «quisquis colonum alienum sciens fugitivum susceperit, aut occultaverit, ipsum domino cum mercedibus et peculio ejus et ejusdem meriti alterum reddat»[2]).

То-же самое мы встрѣчаемъ и въ капитуляріяхъ Карла В.: «De fugitivis hominibus, ut ubicunque inventi fuerunt, ille, qui eum retinet, bannum domicilium solvere cogatur, et ille fugitivus absque dubio in patriam ad dominum suum revertatur»[3]); «nec colunus, nec fiscalius possint alicubi traditiones facere»[4]).

Если рабъ не могъ оставить мѣста, гдѣ онъ жилъ, навсегда или временно безъ согласія господина, то и колонъ, будучи прикрѣпленнымъ къ землѣ навсегда, не могъ оставлять ее, не испросивъ согласія собственника имѣнія или его представителя. Законодатель воспрещаетъ всѣмъ укрывать бѣглыхъ колоновъ: «et ut nemo fugitivos fiscales, qui se injuste et cum fraude liberos dicunt, celare neque abstrahere cum perjurio vel alio ingenio praesumat»[5]).

Поступленіе въ монахи т. е. право поселяться въ монастырѣ и жить тамъ, что было желаніемъ многихъ, ограничи-

---

[1]) M. G. H. L. T. V. Edictum Theoderigi a. 506. Cap. 142. p. 166.

[2]) Ibid. L. T. V. c. 84. p. 161.

[3]) M. G. H. L. T. I. a. 807. t. 6.

[4]) Cap. Car. M. collecta ab Ansegiso Abbate Lib. III. c. LXI.

[5]) Capit. a. 802: колоны должны быть возвращаемы безъ всякаго вознагражденія, «sine ulla numere, aut aliqua contradictione reddantur». (M. G. H. L. T. I. Capit. a. 857. t. 4). Колонъ, ушедшій отъ своего господина своевольно, только по истеченіи 30 лѣтъ терялъ связь съ прежнимъ господиномъ. Такой колонъ не становился человѣкомъ свободнымъ, но подпадалъ подъ власть другаго господина: «si quis colonum in re sua triginta annos habuerit, ac si suum vindicet. Si infra triginta annos inventus fuerit, a domino cum filiis suis debitis et omni peculio revocetur». Capit. Missis a. 829. t. 3.

вается Карломъ В. Послѣдній зналъ, что многіе стремятся принять монашескій чинъ, желая избѣжать отправленія обязанностей въ отношеніи государства: «ex exercitu seu alia functione regali fugunt». Поэтому Карлъ В. издаетъ слѣдующее постановленіе: «de liberis hominibus, qui ad servitium Dei se tradere volunt, ut prius hoc non faciant, quam a nobis licentiam postulent»[1]).

Въ монастырѣ могли жить только монахи; никто другой не принимался въ монастырь на постоянное житье: «Ut nullus plebejus seu clericus secularis in monasterium ad habitandum non recipiatur, nisi voluerit fieri monachus»[2]).

Свободный человѣкъ, принявъ духовное званіе, во многомъ ограничивалъ свободу своихъ дѣйствій. Лицо, посвятившее свою дѣятельность на служеніе церкви, признается рабомъ Божіимъ, «servus Dei». Свобода духовныхъ рабовъ, а также ихъ право поселенія и передвиженія во многомъ ограничивается. Духовный рабъ долженъ былъ двигаться туда, куда ему указала высшая духовная власть; она назначала такому лицу и мѣсто поселенія. Личность, посвятившая свою дѣятельность на пользу церкви, теряла право на свободу передвиженія и поселенія: «Ut nemo accipiat ecclesiam infra parochiam sine consensu episcopi sui, nec de una ad aliam transeat»[3]).

Власть надъ духовнымъ лицомъ сосредоточивалась въ рукахъ высшихъ духовныхъ начальниковъ: «ut omnes presbyteri, diaconi et subdiaconi sub potestate episcopi maneant»[4]).

Монахъ, произвольно оставившій стѣны монастыря, считался бѣглецомъ. Какъ духовная, такъ и свѣтская власть постоянно приказывала, чтобы бѣглецы-монахи возвращались въ свои монастыри: «clerici et monachi fugitivi ad loca sua redire jubeantur»[5]); «fugitivi monachi ad sua monasteria revertantur»[6]).

---

[1]) L. Salica a. Car. M. emendata Op. Jo. Eccardi p. 181.
[2]) M. G. H. L. T. I. Capitula Monachorum a. 817. a. tit. 44.
[3]) M. G. H. L. T. I. Cap. Car. M. 769. t. 9.
[4]) Cap. Car. M. collecta ab Ansegiso Abbate a. Lib. V. c. XXXIX.
[5]) Ib., Lib. III. c. 61.
[6]) Capit. Car. M. a. 790. t. 2; Capit. a. 779. t. 23.

Лицо, оставившее произвольно духовное званіе или добровольно ушедшее куда-либо временно безъ разрѣшенія установленныхъ властей, не должно быть никѣмъ принимаемо: «Ut nemo alterius clericum sine commendatitiis aut dimissoriis literis recipere praesumat»[1]; «Instituimus, ut sicut dominus, de illis monachis, qui de Francia, vel de aliis venerint, et eorum monasteria dimiserint, ut praesentialiter in illis partibus revertantur ad monasteria, ut nemo ex vobis ipsos secum detineat»[2]; «Item in eodem consilio, simul in Antiocheno et in Caledonensi statutum est, ut fugitivi clerici et piligrimi a nullo recipiantur nec ordinentur sine commendatitiis literis et sui episcopi vel abbatis licentia»[3].

Никто изъ духовныхъ не былъ въ правѣ оставить свое мѣсто жительства «sine jussione episcopi»[4].

Въ особенности монахи подвергались строгому надзору. Монахъ, оставившій стѣны монастырскаго начальства, лишался всего, что онъ имѣлъ: «Si vero monachus ad alium monasterium migraverit, substantiam ejus prius monasterium possideat, et in alio monasterio ipse non recipiatur»[5].

Монахамъ и клерикамъ строго воспрещалось даже на время оставлять стѣны монастыря безъ разрѣшенія аббата: «tabernas non ingrediantur edendi et bibindi causa»[6]. Однако монахи любили постранствовать по разнымъ мѣстамъ, не спрашивая разрѣшенія духовнаго начальства. Поэтому, издается рядъ постановленій, чтобы прекратить бродяжничество и побѣги монаховъ: «monachos, qui cupiditatis causa vagantur et sanctae religionis propositum impudenter infamant, ad loca sua reverti jubemus et regulariter abbatum solertia recipi»[7]. Бродячіе монахи

---

1) Pipini leges fran. et langobard. adjectae, Op. Io. Eccardi p. 195. t. 20. c. 1.

2) Ibid. p. 195. t. XXIII. Cap. 12.

3) Ibid. Cap. 3.; M. G. H. L. T. I. a. 789. t. 4; Ibid. a. 802. t. 8.; a. 803. t. 13. Cap. Loangobard.

4) M. G. H. L. T. I. a. 775. t. 6; a. 779. t. 8.

5) M. G. H. L. T. I. p. 47. 742. Capitularia Spuria; Cap. Car. M. collecta ab Ansegiso Abbate Lib. V. c. 226.

6) M. G. H. L. T. I. Ansegisi Capit. Lib. I. t. 14

7) Ib. Car. II Capit. a. 844. t. 4.

назывались: «ecclesiasticae pacis perturbatores»[1]). Скитаніе монаховъ вызывалось не «utilitatis aut doctrinae causa», но «vanitatis atque jactantiae causa»[2]). «Бродячіе монахи», говоритъ эдиктъ Людовика II отъ 850 г., «multiplices spargunt errores et inutiles questiones disseminant»[3]).

И законодательство X ст. преслѣдуетъ бродяжничество лицъ духовнаго званія. Вотъ что мы читаемъ въ постановленіи сунода отъ 916 г.: «Sanctus Gregorius dicit: Clericum fugientem ab ecclesia vel domino proprio et nolentem reverti, judicamus, communione privari, quoadusque ad propriam ecclesiam vel ad dominum suum redeat. Et item clericum fugitivum suo episcopo vel domino decernimus apostolica sententia restitui, vel excommunicari una cum eo et illos, qui ei communicaverint»[4]). Какъ черное, такъ и бѣлое духовенство было ограничено въ правѣ передвиженія. Духовное лицо могло двинуться съ мѣста жительства тогда, когда оно получило согласіе и разрѣшеніе епископа: «de presbyteris, qui de alia provincia venerint, nullus eos debeat recipere sine dimissoria Episcopi sui»[5]). Слѣдовательно, духовныя лица при передвиженіи изъ одного мѣста въ другое должны были имѣть при себѣ спеціальныя грамоты, напоминающія паспорты полицейскаго характера. Въ другомъ мѣстѣ относительно передвиженія свѣтскаго духовенства сказано: «de presbyteris, qui de aliis locis vel provinciis veniunt, ut nullus eos debeat recipere, sine dimissoria Episcopi, de cujus parochia est»[6]).

Свободою вообще и свободою передвиженія въ частности не пользовались люди неполноправные, зависимые. Зависимыя лица не имѣли права учавствовать ни въ народныхъ собраніяхъ, ни въ народномъ судѣ. Народныя права и капитуляріи лишаютъ правъ на свободу и правъ на свободное передвиженіе пре-

---

[1]) Capit. Hlud. II. a. 850. t. 21.

[2]) Ibidem.

[3]) Ib., tt. 21. 22.

[4]) M. G. H. Tom. IV. Capit. Addenda. Synodus Altheimensis Sept. 16. t. 26. p. 555.

[5]) Pipini leges franc. et longob. adjectae, Op. Eccardi t. XX. Cap. 2. p. 195.

[6]) Ib. t. XXIII. Cap. 12. p. 12.

ступниковъ[1]). Только свобода давала право. У древнихъ германцевъ самостоятельность единицы соотвѣтствовала понятію личной свободы, праву лица вообще. Общеніе свободныхъ людей, охватывавшее каждаго свободнаго индивидуума, охраняло правовой порядокъ и строй. Народная община имѣла своимъ назначеніемъ охранять право, подъ защитою котораго жила личность. Охрана общиною правоваго порядка въ предѣлахъ общины суть равнозначущее понятіе охрана мира, «Friede». Тотъ, кто нарушалъ правовой порядокъ общины, считался нарушителемъ мира. Нарушеніе мира считалось неправомъ, нарушеніе права — нарушеніемъ мира, «Friedensbruch»[2]). Тотъ, кто нарушалъ миръ, вторгался въ правовую сферу единичной личности, нарушалъ также права общины. Нельзя усматривать въ нарушеніи мира нападеніе только на право единицы. Всѣ преступленія противъ члена общины слѣдуетъ признавать и преступленіями противъ общиннаго правоваго порядка[3]). Кто нарушилъ миръ, тотъ самъ себя лишилъ права на миръ, на защиту со стороны общины[4]). Съ развитіемъ началъ государственности нарушитель мира лишался защиты, которую ему давало государство. «Нарушитель мира», говоритъ Waitz[5]), «hat alles Recht verwirkt, auch sein Leben insoweit, dass er straflos getödtet werden kann, dass keiner ihn herbergen und speisen darf: er ist ausgeschlossen, ausgestossen aus der Gemeinschaft der er gehört, und irrt wie ein Wolf umher».

Преступникъ признается лицомъ безправнымъ: «homo de statu suo pulsatus», «wagus»[6]), изгой[7]). Тотъ, кто имѣлъ обще-

---

[1]) Capit. a. 806. Cap. 6: «Fugitvi vero servi et latrones redeant ad propria loca».

[2]) Wilda, Strafrecht S. 225 ff.; Köstlin, das germanische Strafrecht S. 374.

[3]) Иного взгляда держится Eichhorn, deutsche St.-und R.-Gesch. Bd. I. S. 395. 5-е Изд.

[4]) Wilda, Id. S. 278.

[5]) Deutsche-Verf.-gesch. S. 398.

[6]) L. Sal. t. LV. Cap. 2.

[7]) «Verbrecher und schmäher werden nicht geduldet: der verbrecher soll der mark nicht geniessen, bis er sich wieder eingedungen», Grimm, R. A. S. 529. Erbacher w.; «Wäre auch ein märker, welcher die mark schmähete mit worten oder mit werken, der soll der märcker gnod erwerben», Ib., Dehmer w.

ніе съ нарушителемъ мира, подвергался наказанію[1]). Въ особенности законодательство стремится стѣснить передвиженіе и поселеніе воровъ и разбойниковъ. Послѣдніе изъ нихъ считаются самыми опасными людьми, такъ какъ они препятствуютъ мирному населенію свободно и безпрепятственно переходить или переѣзжать изъ одного мѣста въ другое. Нарушитель мира, не уплатившій пеню за преступленіе, подвергался тюремному заключенію: «et si pecuniam non habet, si liber est, mittatur in carcerem usque ad satisfactionem»[2]). Иногда нарушителей мира отсылали въ ссылку, что мы встрѣчаемъ и въ народныхъ правахъ: «si quis proximum sanquinis interfecerit vel incestum commiserit, exilium sustineat»[3]); «aut vitam perdat, aut in exilium eat, ubi Dux miserit»[4]).

Нарушителемъ мира, преступникомъ признавался только тотъ, кто дѣйствительно совершилъ дѣяніе противозаконное. Личность признавалась преступною лишь въ томъ случаѣ, когда судъ рѣшилъ, что она совершила преступленіе. Законодательство франкскаго королевства не знаетъ преступниковъ мнимыхъ т. е. такихъ лицъ, которые, не будучи признаны судомъ виновными, считались бы лицами преступными или со стороны органовъ управленія, или со стороны общины. Индивидуумъ лишался свободы тогда, когда судебная власть объявляла его за лихаго человѣка. Преступникъ, нарушитель мира не могъ быть лишенъ «status libertatis» до тѣхъ поръ, пока не было доказано на судѣ, что онъ учинилъ извѣстное злодѣяніе. Органы управленія и суда не въ правѣ были лишать человѣка свободы вообще и свободы передвиженія въ частности, если они не имѣли достаточныхъ причинъ, что данное лицо совершило преступленіе. Хотя органы суда и управленія были одни и тѣ-же лица, но они не имѣли права лишить свободную личность правъ на свободу по одному подозрѣнію. Если на судѣ было доказано, что личность совершила нарушеніе мира, то только тогда она лишалась правъ, «Status libertatis». Терялъ

---

[1]) L. Sal. t. LX. c. 2: «Et qui wargo antequam parentibus conponat aut panem aut hospilitatem dederit... 600 sol. culp. jud».

[2]) Pipini R. Capit. a. 757.

[3]) L. Rip. LXIX. 2.

[4]) L. Alam. XXV.

право, «status libertatis», тотъ, кто совершалъ противозаконное дѣйствіе, «criminales actiones». Криминальными дѣяніями считались: убійство, разбой, поджогъ, воровство и т. п. Законодатель въ особенности строго преслѣдуетъ разбойниковъ и воровъ, считая ихъ людьми опасными для общаго мира. Но и народныя права не относились мягко къ лицамъ этой категоріи: «si quis alteri de manu aliquid per vim tulerit aut rapuerit rem pro capitale restituat»[1]; Воровство, разбой и насиліе по народнымъ правамъ въ большинствѣ случаевъ наказывались пенями, вирою. Наказаніе усиливаетъ за такія дѣянія королевская власть, которая признаетъ воровство и разбои дѣяніями одинаковыми: «de furibus et malefactoribus ita decrevimus observare... sine lege mariatur»[2]). Въ законѣ Пипина относительно этой категоріи лицъ мы читаемъ: «De latronibus praecipimus observandum, ut prima culpa unum oculum perdat, de alia vero nasus ei truncetur. De tertia culpa si se non emendaverit, moriatur»[3]). Карлъ В. одною изъ своихъ главныхъ заботъ ставитъ искорененіе въ странѣ разбоя: «de latronibus ut melius destringantur»[4]), а въ 806 г. онъ выставляетъ слѣдующее положеніе относительно разбойниковъ: «latro est infidelis noster et qui illum susceperit similis est illi»[5]). Карлъ напоминаетъ «comes»'амъ, чтобы они устраивали тюрьмы для разбойниковъ, какъ того требовалъ Пипинъ[6]): «Ut comites, unusquisque in suo comitatu carcerem habeant. Et judices atque Vicarii patibulos habeant»[7]). Назначеніе тюремъ, по мнѣнію Карла, должно было состоять въ томъ, чтобы разбойники не убѣгали изъ-подъ надзора властей и не причиняли опасности мирному населенію. Императоръ напо-

---

[1]) L. Sal. em. t. XLIV; Ib. 18. 34. 35; L. Rip. t. 61. t. 80 etc.

[2]) Child. Ed. t. 7.

[3]) Cap. a. 744. cap. 22.

[4]) Capit. Novem. a. 808. t. 11. c. 2.

[5]) Caroli Capit. Aquense. Cap. 2.

[6]) Pipini R. Capit. Compend. a. 757; L. Luitprandi c. 79: «De furibus, ut unusquisque judex in sua civitate faciat carcerem sub terra et cum inventus fuerit fur, ipsum furtum componere faciat et comprehendat eum et mittat ipsum in carcerem ad annos duos vel tres et postea dimittat eum sanum».

[7]) Capit. 2. a. 813. Cap. 11.

минаетъ судьямъ и вообще органамъ управленія, чтобы они заботились творить судъ правый и не занимались бы укрывательствомъ и потворствомъ нарушителямъ мира: «Ut comites et centenarii omnes ad justitiam faciendam compellant et juniores tales in ministeriis suis habeant... fures latronesque et homicidas, adulteros, maleficos omnesque sacrilegos nulla adulatione vel praemio, nulloque sub tegmine celare audeant, sed magis prodere, ut emendentur et castigentur secundum legem, ut Deo largiente omnia haec mala a Christiano populo auferantur»[1]). «Comes», оказавшій потворство преступнику, лишался своего званія: «similiter, si comes eum (latronem et malefactorem) absconderit et ad justitiam faciendam praesentare noluerit, et ad hoc excurare non potest, honorem suum perdat»[2]). Карлъ воспрещаетъ всѣмъ и каждому принимать къ себѣ разбойниковъ и вообще нарушителей мира и оказывать имъ какое-либо покровительство и защиту даже на короткое время: «De latronibus et malefactoribus, qui de uno comitatu ad alium confugium fecerint, si qui eos receperit in suam potestatem, et septem noctibus secum detenuerit, nisi ad praestandum, nostrum bannum solvat»[3]); «ut nullus latronem habeat in sua potestate, nec celet»[4]).

Всякій, кто оказывалъ гостепріимство преступнику, считался какъ-бы соучастникомъ въ преступленіи. Тотъ, кто оказывалъ разбойнику покровительство — «mansionem dedit» — былъ обязанъ при содѣйствіи 12 человѣкъ доказать, что онъ не зналъ, что покровительствуемый имъ человѣкъ разбойникъ[5]). Всякій долженъ былъ ловить преступниковъ и представлять ихъ къ «comes»'у: «Si quis infra pagum latronem comprehenderit, et ante illum comitem suum non adduxerit, aut ante suum centenarium solidos sexaginta componere faciat»[6]).

---

[1]) Capit. 1. a. 802. Cap. 25.
[2]) M. G. H. L. T. V. Leges Saxonum; Capitula de partibus Saxoniae Cap. 24. p. 44.
[3]) Pertz, M. G. H. L. T. V. Capitularia de partibus Saxoniae Cap. 24.
[4]) M. G. H. L. T. I. Capit. missis dominicis edita a. 803. t. 5.
[5]) M. G. H. L. T. I. p. 146.; *Wilda*, Strafrecht S. 634.
[6]) M. G. H. L. T. V. p. 44.

Мало того. Законъ грозитъ лицамъ, не представившимъ разбойника судебной власти, лишеніемъ имущества и почестей: «Ut latrones... ad comitum placita presententur; et qui hoc non fecerit, beneficium et honorem perdat. Et qui beneficium non habnerit, bannum solvat»[1].

Органы суда и управленія обязаны были давать другъ другу извѣщенія о бѣжавшихъ разбойникахъ: «ut comes, qui latronem in forbannum miserit, vicinis suis comitibus natum faciat, eundem latronem a se esse forbannitum, ut illi eum non recipiant»[2].

Безсильные преемники Карла В. тщетно стремились поддержать въ монархіи порядокъ, миръ и тишину, которымъ грозили нарушители мира. Число послѣднихъ все болѣе и болѣе увеличивалось. Капитуляріи наслѣдниковъ Карла В., имѣвшіе цѣлью поддержать въ странѣ миръ и спокойствіе, оставались мертвою буквой благодаря слабости королевской власти. Органы власти, «pauperes opprimentes», не заботятся о справедливой юстиціи. Воззванія: «omnibus etiam generaliter dicimus, ut caritatem et pacem ad invicem habeatis»[3], напоминавшія капитуляріи Карла В., благодаря смутамъ и раздорамъ не устрашаютъ нарушителей мира. Хотя капитуляріи IX ст. и преслѣдуютъ ту-же цѣль, что и при Карлѣ В., но они благодаря разбоямъ, принявшимъ громадные размѣры въ IX ст., не въ силахъ были поддержать правоваго порядка въ странѣ. «Comites» одною изъ главныхъ своихъ заботъ должны были имѣть искорененіе разбоевъ: «et de latronibus exturbandis maximum certamen habeant»[4]; кромѣ того «comites» и «missi» обязаны были охранять правовой порядокъ отъ нарушеній: «ut comites et missi nostri maximam curam adhibeant, quatinus in illorum comitatibus et missaticis populus justitiam et pacem habeat»[5]. Капитуляріи преемниковъ Карла В. свидѣтельствуютъ, что число нарушителей мира повсюду увеличивается: «quod malefici homines et sortiariae per plura loca, in nostro regno insur-

---

[1]) M. G. H. L. T. V. p. 36.
[2]) Capit. Car. M. col. ab Ans. Ab. L. III. Cap. 50.
[3]) M. G. H. L. T. I. Kar. II. et Hlud. Cap. a. 857. t. 3; Ibid. a. 825. t. 13.
[4]) Capit. a. 873. t. 2.
[5]) Kar. II и Hlud. Capit. a. 825. t. 13; Capit. a. 857. t. 3.

gunt, quorum maleficiis jam multi homines infirmati et plures mortui sunt»[1]). Послѣ раздѣла имперіи Карла В., нарушители мира, совершивъ преступленіе въ одной части бывшей имперіи, перебѣгали въ другую, гдѣ и продолжали свои занятія. Поэтому въ договорѣ Карла II и Людовика была выставлена статья, требовавшая, чтобы преступники, убѣжавшіе изъ одного государства въ другое, были выдаваемы тѣмъ властямъ, въ округѣ которыхъ они совершили преступленіе: «malefactor de uno regno nostro in alterum venerit, episcopus vel missus, sive comes, de quorum ministerio effugerit... aut ad compositionem aut vindictam illuc reveniat, ubi malum perpetravit»[2]). Эта статья восполняла положеніе, выставленное въ договорѣ о раздѣлѣ имперіи 830 г. Актъ 830 г. требовалъ, чтобы государи не принимали въ свои земли нарушителей мира, желавшихъ при посредствѣ бѣгства укрыться отъ преслѣдованія и наказанія: «nec aliquis ullus hominem fratris sui pro quibuslibet causis vel culpis ad se confugientem suscipiat ad intercessionem pro eo faciendam; quia volumus, ut quilibet homo peccans et intercessione indigens intra regnum domini sui vel ad honoratos homines confugiat, et inde justam intercessionem mercatur»[3]). И въ послѣдующее время короли раздѣленной имперіи заключаютъ договоры о выдачѣ преступниковъ. Въ этихъ договорахъ ясно проглядываетъ, что нарушители мира не оставляли обычая, «tyrannicam consuetudinem», перебѣгать изъ одного государства въ другое и тѣмъ нарушать миръ и спокойствіе той и другой страны: «per vagos intervenientes homines pax et quies regni perturbari solent»[4]). «Et quia volumus», говоритъ договоръ 860 г., «ut ad quemque nostrum talis venerit, ut de his quae aegit rationem et justitiam subterfugere possit, nemo ex vobis illum ad

---

[1]) Capit. a. 873. t. 7.

[2]) Cap. Caroli II et Hlud. Conventus a. 857. t. 2.

[3]) Divisio Imperii Cap. a. 830. t 3. Карлъ В., раздѣляя имперію между своими сыновьями, какъ-бы предвидѣлъ, что нарушители мира могутъ, перебѣгая изъ одной страны въ другую, уклониться отъ наказанія и потому постановилъ, чтобы его наслѣдники выдавали другъ другу перебѣгавшихъ преступниковъ. Cap. a. 806. t. 7.

[4]) Cap. a. 851. t. 4.

aliud recipiat vel retineat, nisi ad rectam rationem et debitam emendationem perducatur»[1]).

Нарушитель мира общины лишался всѣхъ правъ; онъ изгонялся изъ предѣловъ ея. Салическая правда признаетъ нарушителя мира изгоемъ, «wargus», «expulsus de eodem pago»[2]). Саксонское право нарушителей мира предаетъ потоку и разграбленію: «ipsum malefactorem cum uxore et femina, et omnia sua foris patriam infra sua regna aut in marca, ubi sua fuerit voluntas, collocare, et habeant ipsum quasi mortuum»[3]). Община сжигала даже домъ нарушителя мира; она не позволяла ему жить въ общинѣ, не позволяла общинникамъ давать ему пріютъ и пропитаніе[4]). Только церковь удержала за собой право давать пріютъ нарушителямъ мира. По ученію церкви всѣ прибѣгавшіе къ алтарю Господа должны здѣсь найти безопасность и защиту. Церковь щадила жизнь и здоровье всякаго, кто прибѣгалъ подъ ея покровительство: бѣжалъ ли человѣкъ, спасаясь отъ мести другаго или отъ угрожающаго наказанія? Церковь оказываетъ защиту и рабу, и свободному, и преступнику[5]), будучи убѣждена въ томъ, что наказаніе и месть бываютъ иногда несправедливыми или несоотвѣтствующими преступленію. Гнѣвъ господина противъ раба находилъ себѣ отпоръ въ бѣгствѣ подъ защиту представителей алтаря. Защита церкви или смягчала наказаніе, или его уничтожала. Германскіе законы во многомъ ограничивали право церкви давать убѣжище. Народныя права и капитуляріи проводятъ ту мысль,

[1]) Ibid.

[2]) Wilda, Id. S. 285; Waitz, deutsche Verf.-gesch. Bd. I. S. 354: «Ein solcher war Genossenschaft freier Männer unwerth, er sollte aus ihrer Gemeinschaft getilgt», а въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще «auf die schimplichste Weise konnte dem Tode übergeben werden».

[3]) Ewa Saxonum Cap. 10.

[4]) L. Sal. III. 5: «Capitis damnatus nusquam habeat pacem».

[5]) Concil. Aurel. a. 571. c. 36: «Id constitum observandum quod Ecclesiastici canones decreverunt et Lex Romana constituit, ut ab Ecclesia atriis vel domo Episcopi reos abstrahere omnino non liceat»; Concil. Mogunt. a. 813. c. 9: «Reum in ecclesia fugientem nemo inde abstrahere audeat, neque inde donare ad poenam, vel ad mortem, ut honor Dei et sanctorum ejus conservetur».

что безграничное право убѣжища можетъ сдѣлаться правомъ избѣжать наказанія совсѣмъ. Въ законѣ бургундовъ сказано: «de his vero causis unde hominem mori jussimus si in ecclesia fugerit»[1]). То-же самое повторено и въ другихъ народныхъ правахъ: «Capitis damnatus nusquam habeat pacem; Si in ecclesia confugerit reddatur». Королевская власть, охраняя государственный порядокъ и народный миръ, въ свою очередь ограничиваетъ это право церкви: «et si raptor puellae ad ecclesiam confugium fecerit, reddendus est ab episcopo»[3]). Вообще каролингское законодательство несравненно строже относится къ нарушителямъ мира, чѣмъ народныя права. Карлъ В. воспрещаетъ церкви давать сознательно пріютъ и защиту преступникамъ и въ особенности лицамъ, совершившимъ тяжкія преступленія: «de homicidis et ceteris malefactoribus, qui legibus aut pro pace facienda morire debent; nemo eos ad excusationem in ecclesia sua introire permittat»[4]). Права на убѣжище были лишены воры и разбойники, которые, желая избѣжать наказанія, передавали себя въ рабство церковнымъ властямъ: «ut vicarii eos qui pro furto se in servitium tradere cupiunt, non consentiant, sed secundum justum judicium terminetur»[5]). Право убѣжища имѣло важное значеніе въ томъ отношеніи, что иногда преступникъ, убѣгая подъ покровительство церкви, спасалъ свою жизнь отъ моментальной вспышки гнѣва толпы или индивидуума. Въ томъ случаѣ, когда преступникъ долженъ былъ явиться на судъ, церковь обязана была его выдать властямъ: «Si quis confugia fecerit in ecclesiam, nullus eum de ecclesia per violentiam expellere praesumat, sed pacem habeat usque dum ad placitum praesentetur»[6]). «Существо права убѣжища въ германскихъ государствахъ», говоритъ Wilda[7]), «состояло не въ томъ, чтобы преступникъ могъ избѣжать суда, но въ томъ, что церковь, доставляя безопасное мѣсто пребыванія временно преступнику, давала возможность ему избавиться отъ смертной казни или другихъ болѣе тяжелыхъ наказаній».

---

[1]) t. LXX. 2.
[2]) L. Sal. III. 5; L. Wisig. VI. 5. 18.
[3]) Decr. Childeberti a. 596. Cap. 4.
[4]) Capit. Long. a. 779. Cap. 8.
[5]) Capit. a. 813. Cap. 15.
[6]) Capit. Paderb. a. 785. Cap. 2.
[7]) Id. S. 542.

III. Экономическое и юридическое положеніе населенія во франкскомъ королевствѣ и монархіи.

Съ передвиженіемъ салическихъ франковъ изъ мѣстъ ихъ первоначальнаго обитанія въ Галлію и столкновеніе ихъ съ населеніемъ, подвергшимся уже римскому вліянію, повлекло за собой перемѣну общественной и частной жизни этого племени. Въ бургундскомъ и остготскомъ государствѣ на ряду съ народными правами дѣйствовало отдѣльное право и для римлянъ. На эти варварскіе законы оказало вліяніе римское законодательство. Напротивъ, салическая правда не отражаетъ слѣдовъ ни римскаго права, ни христіанской церкви. Салическая правда служитъ базисомъ для изученія древнихъ франкскихъ правовыхъ институтовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ основою дальнѣйшаго изученія германскаго права вообще.

«Народъ франковъ», сказано въ большомъ прологѣ, «знаменитый, созданный Богомъ, сильный оружіемъ, хранящій мирныя условія, умный въ совѣтахъ... былъ, наконецъ, обращенъ въ католическую вѣру... (M. Prol.). «Желая поддержать справедливость и охранить благочестіе, франкскій народъ составилъ салическую правду, которая была исправлена при короляхъ Хлодовехѣ, Хильдебертѣ и Хлотарѣ». Салическій законъ, нося характеръ уголовнаго кодекса по-преимуществу, стремится ограничить произволъ личности, подчинить личную волю власти общественной и укрѣпить условія безопасности. Законодатель, преслѣдуя такую цѣль, назначаетъ нарушителямъ условій безопасности наказанія, которыя носятъ отпечатокъ мягкости. Наказанія, налагающіяся на преступниковъ, не отличаются суровостію. Санкція салическаго закона носитъ характеръ мягкости только въ отношеніи людей свободныхъ. Рабы и колоны въ случаѣ совершенныхъ ими преступленій подвергались пыткамъ и смертной казни. Вира—вотъ главное наказаніе для преступника, если онъ принадлежалъ къ классу свободныхъ людей. Вира, будучи наказаніемъ мягкимъ, отчасти свидѣтельствуетъ, что законодатель относился съ уваженіемъ къ личности и свободѣ человѣка. Свободный человѣкъ, нарушивъ условія безопаснаго сожитія въ общинѣ, только тогда лишался покровительства закона, «friedlos», когда онъ не являлся на народный судъ по требованію лица, права котораго онъ нарушилъ.

Салическая правда вылилась въ писанную форму уже тогда, когда родовыя начала въ организаціи и охраненіи общественныхъ связей утратили свое главное значеніе. Общественныя отношенія регулируются не властью родовой, но властью общественной. Но и родовыя начала не утратили совсѣмъ своего значенія, что видно изъ статей, трактующихъ о правѣ наслѣдованія и титула о вознагражденіи за убійство. (LVIII) Коренное франкское населеніе жило не отдѣльными дворами, но селами, «villae», носившими характеръ общинности. Общинники, «vicini», имѣли въ общемъ пользованіи лѣса и пастбища, раздѣленные на участки, «sors», «alod». Рядомъ съ общиннымъ землевладѣніемъ мы находимъ села и деревни, жившія на земляхъ духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ. На земляхъ церкви, монастырей, дворянства и королей были поселяемы и люди зависимые, несвободные. Участки земли, принадлежавшіе какъ свободнымъ общинникамъ, такъ и крупнымъ землевладѣльцамъ, подлежали ограниченіямъ, когда заходилъ вопросъ о наслѣдованіи. Правомъ наслѣдованія пользовались только лица мужескаго пола. Если такихъ наслѣдниковъ не находилось, то земля общинника переходила во владѣніе общины (t. LIX. Dealodis), а господская земля, «terra salica», доставалась королю. Съ правомъ общины наслѣдовать землю своего умершаго или выбывшаго члена, если онъ не оставилъ ни дѣтей, ни братьевъ, ни сестеръ, стоитъ въ тѣсной связи право ея въ отношеніи пріема новыхъ, пришлыхъ поселенцевъ, желавшихъ пріобрѣсти права члена общины. Уже изъ первой статьи титула «De migrantibus» видно, что германская община покоилась на принципѣ общаго владѣнія землею. Если бы не существовало общности въ землевладѣніи, а существовала частное, подворное землевладѣніе, то никто не имѣлъ бы права вмѣшиваться, вторгаться въ частныя отношенія. Право общины запрещать пришлому поселенцу селиться на принадлежащей лицу, члену общины, землѣ показываетъ, что членъ общины былъ ограниченъ въ своихъ правахъ распоряжаться свободно и по своему усмотрѣнію своимъ земельнымъ участкомъ. Верховнымъ земельнымъ собственникомъ, ограничивавшимъ права члена общины, жившаго въ предѣлахъ общиннаго союза, была сама община. Послѣдняя ограничивала свободу гражданскаго оборота своихъ членовъ въ отношеніи принадлежащихъ имъ земельныхъ участ-

ковъ, что не совмѣстимо съ понятіемъ частной собственности. Кромѣ того, салическій законъ даже не упоминаетъ о томъ, отсутствуетъ или находится въ общинѣ тотъ владѣлецъ земли, на которой думаетъ поселиться новоселъ. Если принять во вниманіе второй случай, то это въ свою очередь свидѣтельствуетъ, что право владѣльца земли было ограничено волею всей общины. Эдиктъ короля Хильперика измѣнилъ нѣсколько первоначальный смыслъ текста салическаго закона о поселенцахъ. Этимъ эдиктомъ женщины устранены отъ наслѣдованія въ «салической землѣ». Салическая земля принадлежала въ собственность частнымъ лицамъ. Община не имѣла правъ на салическую землю, какъ землю, лежавшую внѣ вліянія общинной власти. Салическія земли, какъ частная собственность, возникли уже издавна, еще при первыхъ короляхъ, которые награждали ими своихъ сподвижниковъ. Частная земельная собственность среди франковъ могла возникнуть и иными путями. Готы и бургунды, прежде чѣмъ подчинились власти франкскихъ королей, подпали подъ вліяніе галло-римлянъ и при столкновеніи съ послѣдними ихъ принципы землевладѣнія уступили принципу частной собственности. Если разложенію общиннаго землевладѣнія среди франкскаго населенія способствовало возникновеніе салическихъ земель, появившихся еще въ эпоху первыхъ королей, то съ теченіемъ времени, когда бургундское и готское королевства признали надъ собой власть франкскаго короля, разложеніе общиннаго быта принимаетъ все большіе и большіе размѣры.

На разрушеніе склада древней германской общины сначала повліяло возникновеніе частной собственности. Основа древней общины покоилась на личныхъ отношеніяхъ. Всѣ свободные, достигнувъ совершеннолѣтія, были полноправными членами общины и принимали участіе при рѣшеніи общинныхъ дѣлъ. Съ тѣхъ поръ какъ въ общинѣ понятіе о собственной землѣ, о правѣ собственности извѣстнаго члена на извѣстный клочекъ нашло жизненное примѣненіе, то связь между членами общины стала покоиться не только на понятіи свободы, но и на понятіи владѣнія извѣстнымъ кускомъ земли въ предѣлахъ общины. Съ разложеніемъ общиннаго быта и съ замѣною его частнымъ землевладѣніемъ среди общины начинается зарожденіе неравенства землевладѣнія. Полноправнымъ членомъ об-

щины считается тотъ, кто владѣетъ опредѣленнымъ участкомъ земли. Возникновеніе неравенства землевладѣнія продолжало развиваться. «Въ продолженіе немногихъ столѣтій», говоритъ Gierke[1]), «наступило такое положеніе, что свободныхъ общинъ съ полноправными членами осталось немного, такъ какъ большая часть земель, принадлежавшихъ ранѣе свободнымъ общинникамъ, перешла въ руки крупныхъ земельныхъ собственниковъ общины, что и привело къ разложенію ея древняго строя; бывали нерѣдко случаи, что вся земля марки концентрировалась въ однѣхъ рукахъ». Съ приходомъ франкской народности на галло-римскую почву, принципъ частной земельной собственности еще болѣе развивается и крѣпнетъ. Въ римскихъ провинціяхъ большая часть земли принадлежала въ собственность немногимъ лицамъ, воздѣлывавшимъ ее при помощи колоновъ. Варвары-завоеватели, не лишивъ свободы поссессоровъ, часть земли которыхъ они взяли себѣ, послѣдовали примѣру римлянъ-провинціаловъ. Часть галло-римской территоріи достается на долю короля и его сподвижниковъ, селившихся то въ разбросъ, то скученно среди завоеванныхъ народовъ Галліи. Институтъ частной и крупной поземельной собственности изъ римскихъ провинцій быть занесенъ и въ чисто германскія[2]), гдѣ однако еще въ каролингскую эпоху встрѣчались общины свободныхъ земледѣльцевъ-крестьянъ, которые обладали землею на правахъ члена общины. Иное явленіе происходитъ въ это время въ римскихъ провинціяхъ, гдѣ общимъ положеніемъ слѣдуетъ признать: «nulle terre sans seigneur». Въ эпоху каролингскую увеличеніе крупной земельной собственности прогрессируетъ. Присоединеніе германскихъ племенъ, саксовъ и лонгобардовъ, повлекло за собой распространеніе института крупной земельной собственности и въ этихъ провинціяхъ[3]). При слабыхъ преемникахъ Карла В. епископы, аббаты, судьи, центаріи принуж-

---

[1]) Das deutsche Genossenschaftsrecht Bd. I. S. 79.

[2]) Ib. S. 80: «Ein sehr grosser Theil der romanischen Landes war in Latifundien mächtiger possessores vertheilt, welche von abhängigen coloni bewirthschaft werden; auch in diese Verhältnisse traten nunmehr die Germanen ein und bildeten aus dem Latifundien germanische Grundherschaften».

[3]) Inama-Sterneg, die Ausbildung der grossen Grundherschaften in Deutschland während der Karolingerzeit S. 95 ff.

дали «pauperos factos volens nolens suum proprium tradere aut vendere»[1]). Мелкая земельная собственность мало-по-малу исчезаетъ и въ чисто германскихъ областяхъ, что становится замѣтнымъ уже въ IX ст.[2]). Утрата земельной собственности связывается съ потерею личной свободы. Этотъ процессъ концентраціи земли привелъ въ X ст. къ тому, что земля стала достояніемъ по-преимуществу короля, церкви и другихъ иммунитетныхъ владѣльцевъ. Сосредоточіе земли порождало подчиненныя отношенія слабыхъ лицъ, не имѣвшихъ ея, отъ сильныхъ[3]). Личность, не обладавшая матеріальными средствами т. е. землею, волей-неволей вступала въ зависимыя отношенія къ лицамъ богатымъ. Каролинги и въ особенности Карлъ В. были главными виновниками уничтоженія въ Германіи малыхъ свободныхъ общинъ; они первые дали толчекъ исчезновенію въ Германіи свободнаго земледѣльческаго сословія[4]). И дѣйствительно, положеніе земледѣльческаго сословія въ концѣ существованія франкскаго государства было незавиднымъ: оно бросало землю отцовъ, теряло личную независимость и разставалось съ землею для того, чтобы передаться подъ защиту духовенства и дворянства: «isti homines fuerunt liberi et ingenui, sed, quod militiam regis non valebant exercere, tradiderunt allodos suos»[5]). Разложеніе общиннаго землевладѣнія способствуетъ не только возникновенію, но и распространенію крупнаго землевладѣнія, послужившаго съ теченіемъ времени одною изъ главныхъ причинъ къ зарожденію и развитію феодальнаго строя. Общинное землевладѣніе ограничивало права «nobilium», поддерживая принципъ свободы и равноправности не только въ самой общинѣ, но и въ государствѣ. Общинные союзы, члены которыхъ имѣли вліяніе на дѣятельность суда и управленія въ странѣ, въ силахъ были давать отпоръ аристократіи въ общихъ дѣлахъ управленія страною. Рядомъ съ разложеніемъ

---

[1]) Capit. 3. a. 811. Cap. 3.

[2]) Inama-Sternog, Wirtschaftsgeschichte Bd. I. S. 273.

[3]) Laurent, Histoire du droit des gens et velations internationales t. V. p. 228.

[4]) Sugenheim, Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa S. 10 ff.

[5]) Capit. a. 829. c. 6.

народныхъ общинъ, съ увеличеніемъ земли въ рукахъ магнатовъ зарождается и развивается рѣзкое дѣленіе народа. Экономическій процессъ концентраціи земельныхъ богатствъ послужилъ первою подкладкою, главнымъ базисомъ сосредоточія исключительныхъ юридическихъ и политическихъ правъ въ рукахъ немногихъ. Процессъ этотъ развивался медленно. Народныя общины не безъ борьбы мирились съ все болѣе и болѣе возраставшимъ экономическимъ и юридическимъ преобладаніемъ немногихъ. Знаменитыми являются слова Плинія Старшаго «латифундіи погубили Италію, то-же сдѣлаютъ и съ провинціями». Крупное землевладѣніе, дѣйствительно, съ IV в. распространяется все болѣе и болѣе въ предѣлахъ Галліи. Въ этихъ латифундіяхъ кромѣ рабовъ поселялись и люди свободные, признавая надъ собою право патронатства владѣтелей такихъ помѣстій. Къ крупнымъ помѣстьямъ присоединялись и земли мелкихъ земельныхъ собственниковъ, которые не избѣгали жестокаго обращенія съ собою ни со стороны администраціи, ни со стороны покровителя-патрона. Вотъ почему масса какъ свободныхъ людей, такъ и земельныхъ собственниковъ, будучи не въ силахъ вынести безконечныя вымогательства со стороны администраціи и патроновъ-землевладѣльцевъ, предпочитала въ VI ст. бѣжать къ варварамъ, что и отмѣчаетъ христіанскій писатель этой эпохи, Сальвіанъ Марсельскій: «Quaerentes scilicet apud barbaros romanam humanitatem, quia apud romanos barbaram inhumanitatem ferre non possunt»[1]).

«И вотъ», разсказываетъ вышеупомянутый авторъ, «такъ какъ они (мелкіе земельные собственники) не могутъ дѣлать того, что, быть можетъ, желали бы, то они дѣлаютъ только то, что могутъ; они передаютъ себя подъ покровительство людямъ болѣе сильнымъ, дѣлаются подданными болѣе богатыхъ и какъ-бы переходятъ подъ ихъ судъ и подданство... Самое чудовищное то, что эти бѣдняки, отдавъ свое имущество патрону, должны часто нести и послѣ, какъ прежде, поземельную подать со всѣми ея бѣдствіями. Въ отчаяніи они спасаются изъ этой бѣды тѣмъ, что свои землицы, наконецъ, совсѣмъ оставляютъ и уже не какъ кліенты, а какъ колоны приходятъ

---

[1]) De gubernatione Dei V. § 21.

на латифундіи богатыхъ, какъ отъ врага спасаются въ крѣпость и отъ уголовнаго суда въ «asylum». Такимъ образомъ они теряютъ вмѣстѣ съ своимъ измѣненіемъ и себя самихъ т. е. свой «status», право свободы. И это еще не все — полусвободные превращаются также магнатами въ рабовъ»[1]). Варвары, поселяясь на римской почвѣ, отбирали у мѣстныхъ римскихъ поссессоровъ часть земель ($^1/_3$—$^2/_3$), чѣмъ до извѣстной степени была раздробляема крупная поземельная собственность. Процессъ раздробленія латифундій продолжался недолго, ибо концентрація земли въ рукахъ немногихъ благодаря разложенію германскаго общиннаго быта на римской почвѣ и благодаря преобладанію римской культуры, римскихъ порядковъ и правовоззрѣній принимаетъ прежній видъ. Крупными поземельными собственниками являются не только галло-римляне, но и лица германскаго происхожденія. Родовитые магнаты округляютъ и увеличиваютъ свои земельныя имущества, куда селились и тѣ изъ германцевъ, «которые», по словамъ Тацица[2]), «любили играть въ кости, и когда имъ уже нечего было болѣе проигрывать, отдавали и свое тѣло, и свою свободу». Римскіе поссессоры, «convivae regis, romani homines», пріобрѣтаютъ мало-по-малу все большее и большее значеніе при короляхъ. Германскіе аристократы подражаютъ римскимъ владѣтельнымъ магнатамъ, вступая съ ними въ родственныя отношенія. Въ средѣ новаго класса крупныхъ земельныхъ собственниковъ встрѣчается много лицъ духовнаго званія. Епископы и аббаты пріобрѣтаютъ громадныя земельныя имущества путемъ легальнымъ и нелегальнымъ. Секуляризація имуществъ церкви при Карлѣ Мартеллѣ не остановила скопленія земли въ рукахъ духовенства.

Частное и крупное землевладѣніе распространяется въ VIII ст. и въ коренныхъ германскихъ земляхъ. Общинное землевладѣніе въ концѣ VIII и въ началѣ IX ст. распадается въ Аллеманіи и Баваріи. Распространеніе крупнаго землевладѣнія

---

[1]) Ib., Cap. VIII. §§ 39. 43 и 44. Болѣе подробныя выдержки изъ Сальвіана М. См. въ лекціяхъ проф. В. Васильевскаго «Исторія среднихъ вѣковъ» Т. 1 и 3.

[2]) Germ. XXIV.

идетъ рядомъ съ расширеніемъ особыхъ правъ въ пользу магнатовъ и въ особенности въ пользу духовенства. Монастырскія имѣнія заселялись не только рабами, но и свободными людьми, платившими опредѣленные оброки. Аббаты и епископы, владѣя большими земельными имуществами, заботятся и о томъ, чтобы люди, живущіе на церковныхъ земляхъ, были исключены изъ подчиненія свѣтскому суду и администраціи. Въ IX ст. крупное землевладѣніе беретъ верхъ надъ мелкимъ. Государственная власть, сознавая послѣдствія концентраціи земли въ рукахъ немногихъ, не въ силахъ была остановить или положить предѣлъ экономическому процессу, хотя и въ силахъ была еще дать отпоръ желаніямъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, имѣвшихъ стремленіе къ соединенію въ своихъ рукахъ правъ политическихъ надъ людьми, жившими на ихъ территоріи. Только съ теченіемъ времени магнаты-землевладѣльцы подчинили своему суду и управленію свободныхъ людей. Безземельная личность признается почти безправною: «de liberis hominibus, qui propium non habent sed in terra dominica resident, ut propter res alterius ad testimonium non accipiantur»[1]). Крестьяне, удрученные тяжелыми условіями жизни, ищутъ спасенія въ бѣгахъ: «in quibusdam locis in tantum inde populus oppressus est, ut multi ferre non valentes per fuga a dominis vel patronibus suis lapsi sunt, et terrae ipsae in solitudinem redactae sunt»[2]) Народъ какъ по своей иногда волѣ искалъ покровительства лицъ сильныхъ, такъ иногда онъ лишался земли благодаря всякимъ злоупотребленіямъ и вымогательствамъ: «quod pauperes se reclamant expoliatos esse de eorum proprietate»...[3])

Королевская власть охраняетъ свободу лица, передавшагося подъ покровительство церкви[4]); она защищаетъ правовую сферу свободной личности. Мало-по-малу передача земельной собственности (tradere, contradere) свободными людьми въ руки короля, церкви и дворянскаго сословія произвела пере-

---

[1]) Capit. a. 829. c. 6.

[2]) Car. M. Capit. Longob. a. 803. c. 17.

[3]) Car. M. Capit. a. 811. c. 3.

[4]) Urk. Loth: «salva eorum hominum libertate qui ibidem commaneant; ne eorum ingenuitas vel nobilitas vilescat», Waitz, deutsche Verf.-gesch. Bd. IV. S. 282.

мѣну въ строѣ земледѣльческаго сословія. Мелкіе землевладѣльцы разсматриваются еще лицами, обязанными отправлять нѣкоторыя повинности на пользу государства, подобно другимъ свободнымъ людямъ. Самый актъ передачи подъ покровительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходилъ при заключеніи извѣстныхъ условій со стороны лица, искавшаго покровительства и лица, оказывавшаго послѣднее. Лицо, находившееся подъ покровительствомъ, обязывалось уплачивать покровителю опредѣленный взносъ натурою или деньгами, сохраняя право отказаться отъ покровительства. Отказъ отъ покровительства дозволяется лишь самому лицу, признавшему покровительство, тогда какъ потомки его не могли отказаться ни отъ покровительства, ни отъ уплаты не только взноса, который уплачивали его предки, но и отъ уплаты другихъ налоговъ и повинностей, наложенныхъ съ теченіемъ времени покровителемъ. Имущество, переданное подъ покровительство, называлось «praecaria» или «praestaria»; оно считалось собственностью не покровительствуемаго, но покровительствующаго. Институтъ «praecarium»'а занесенъ во франкскую монархію изъ Италіи и особенно развился при первыхъ каролингахъ. Въ Италіи богатые землевладѣльцы и особенно монастыри отдавали участки земли съ тѣмъ условіемъ, чтобы лицо, взявшее землю въ аренду, платило ежегодно извѣстную сумму, «census». Аренда была временной, пожизненной, а иногда вѣчной. Оброки первоначально были незначительными. Иногда уплата ценза служила только доказательствомъ того, что данный участокъ принадлежитъ монастырю. Такая форма «praecarium»'а была очень распространена до начала каролингскаго времени. Каролинги, будучи вынуждены вести постоянныя войны, призываютъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ на войну. Послѣдніе, отказываясь отъ своихъ правъ на земельные участки, передавали ихъ въ собственность церкви, которая отдавала ихъ прежнему владѣльцу въ наслѣдственную аренду. Экономическія отношенія, возникавшія изъ такой аренды, были не обременительными, ибо арендаторъ выговаривалъ въ свою пользу извѣстныя льготы. Когда же при Карлѣ В. и монастыри были обязаны выставлять вооруженныхъ людей съ принадлежащихъ имъ въ собственность земель, то экономическія отношенія между монастырскими властями и арендаторами становились для по-

слѣднихъ болѣе тяжелыми. Бывшая свобода арендаторовъ и ихъ полноправность принимаетъ зависимыя формы. Монастырямъ подражали и свѣтскіе владѣтельные господа. Подъ «praecarium»'омъ въ IX ст. подразумѣвались и отданныя крупными земельными собственниками въ аренду собственныя земли и отданныя въ аренду тѣ земли, которыя они ранѣе получили отъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ. При отдачѣ собственнаго или взятаго подъ покровительство земельнаго имущества въ наслѣдственную аренду или временно за уплату извѣстной суммы денегъ, или за услуги и работы арендаторы не признавались людьми крѣпостными. Лица, отправляя услуги или уплачивая деньги, хотя и не считались людьми зависимыми, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ назывались уже колонами[1]). Они уплачивали такую аренду, какую назначалъ покровитель[2]), и тамъ, гдѣ имъ было приказано[3]). «Sed in hac re considerandum est, utrum ille qui hanc tenet, dives an pauper sit, et utrum aliud beneficium habeat, vel etiam proprium»... ...ut aut talem censum inde persolvat, qualis ei fuerit constitutus, vel portionem aliquam inde in beneficium accipiat, unde se sustentare valeat». Хотя свободные люди, отдаваясь подъ покровительство церкви или монастыря, назывались людьми свободными[4]), франками, но они были на самомъ дѣлѣ, фактически зависимыми, а ихъ дѣти и внуки притомъ сплошь и рядомъ людьми безземельными. Система покровительства со стороны церкви вызываетъ жалобы и неудовольствія среди населенія, еще помнившаго о свободѣ своихъ предковъ. Жалобы раздавались противъ духовныхъ властей, лишавшихъ свободныхъ людей ихъ собственности иногда насильственнымъ образомъ. Уже Карлъ В. нашелъ необходимымъ произвести дознанія о причинахъ народнаго неудовольствія: «si rebus suis expoliant et legitimos here-

---

[1]) «Per legem quam coloni... fecissent», Waitz, Id. B. IV. S. 285.

[2]) Capit. 4. a. 805. c. 17.

[3]) Form. Goldast. 78: ...«inde censum persolvant, ipsi et universa legitima posteritas eorum sub eodem monasterii dominio deinceps firmiter consitant, et equitent ubicunque eis praeceptum fuerit».

[4]) «Vir nobilis dedit se ipsum et filium suum ad eandem sedem; de liberis hominibus qui proprium non habent, sed in terra dominica resident», Capit. Worm. a. 829. c. 6.

des eorum exheredant, ac per hoc plerosque ad flagitia et scelera propter inopiam, ad quam per hos fuerint devoluti, perpetranda compellunt, ut quasi necessario furta et latrocinia exerceant, cui paterna rerum herediditas, ne ad eum pervenirent, ab alio praerepta est.»[1]). Дѣйствительно, земледѣльцу, лишенному земли, едва-ли что оставалось дѣлать, кромѣ того какъ посвящать свою дѣятельность грабежамъ и разбоямъ. Промышленность и торговля еще находились въ эмбріональномъ состояніи. Городская жизнь не отличалась отъ сельской. Ремесло было сосредоточено въ селеніяхъ. Законодатель постановляетъ, чтобы отчужденіе земли свободныхъ людей происходило публично, въ присутствіи свидѣтелей и властей: «ne comites vel vicarii seu judices vel centenarii sub mala accasione vel ingenio res pauperum emant nec per vim tollant aut quolibet argumento subripiant, sed si cui aliquod possessionum emendum aut vendendum est, id in publico coram comite et judicibus et nobilibus civitatibus facere debebit»[2]). Такое-же постановленіе мы находимъ въ саксонскомъ законѣ. Монастыри въ коренной Германіи размножились быстро. Короли надѣляли и здѣсь монастыри значительными землями. Аббаты, исправляя въ пользу короля лежавшія повинности, выставляли опредѣленное количество военныхъ людей, державшихъ монастырскія земли на правахъ аренды. Народное право саксовъ, желая оградить землю мелкихъ земельныхъ собственниковъ отъ захвата крупными земельными собственниками и въ особенности отъ захвата церковію, дозволяетъ отчуждать землю только въ пользу короля и въ исключительныхъ случаяхъ въ пользу церкви. Это постановленіе имѣло практическое значеніе въ томъ отношеніи, что въ Саксоніи, странѣ, недавно присоединенной къ монархіи Карла В., находилось еще много мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Крупное землевладѣніе въ этой странѣ не нашло еще большаго развитія въ началѣ IX ст. Иное значеніе имѣли законы, охранявшіе переходъ земельной собственности изъ рукъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ въ руки короля, церкви и дворянства, въ романскихъ провинціяхъ. Варвары-германцы, придя въ римскія провинціи, уже встрѣтили здѣсь

[1]) Capit. Aquisgr. a. 811. c. 6.

[2]) Conc. Arel. a. 813. c. 23.

институтъ крупнаго землевладѣнія довольно развитымъ. Большая часть земли принадлежала крупнымъ поссессорамъ, обработывавшимъ ее съ помощью рабовъ. «Населеніе Галліи, при завоеваніи ея варварами, состояло изъ $^2/_3$ рабовъ».[1]) Поэтому, туземное населеніе этихъ провинцій, обладавшее еще землею, не могло выдержать конкуренціи съ крупными поземельными собственниками, пользовавшимися даровымъ трудомъ. Законъ Карла В., направленный на охраненіе мелкой собственности въ Галліи, не имѣлъ практическаго значенія даже при этомъ монархѣ. Концентрація земли шла быстро въ IX ст. во вновь завоеванныхъ германскихъ земляхъ, гдѣ сосредоточивалась большая часть земельной собственности, обработываемой самими владѣльцами ея. Народныя права этихъ территорій защищаютъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ отъ злоупотребленій какъ со стороны гражданскихъ властей, такъ и со стороны духовныхъ: «Nulli liceat traditionem hereditatis suae facere praeter ad ecclesiam vel regi, ut heredem suum exheredem faciat, nisi forte famis necessitate coactus, ut ab illo, qui hoc acceperit, sustentetur»[2]). Постановленія Карла В. уже стремятся предупредить во всей странѣ несправедливыя дѣйствія со стороны графовъ и другихъ государственныхъ чиновъ, притѣснявшихъ свободное населеніе и въ особенности земледѣльческое: «Placuit nobis, ut liberos homines comites nostri ad eorum opus servile non opprimant»[3]); «ut liberi homines nullum obsequium comitibus faciant nec vicariis, neque in prato, neque in messe, neque in aratura aut in vinea»[4]). Императоръ заботился также и о томъ, чтобы власти не налагали лишнихъ податей и не обременяли собственности: «nullum censum superponere praesumatis neque ad proprium facere permittatis»[5]), что было подтверждено и при Лю-

---

[1]) Rénéo, Condition des Esclaves dans la Gaule sans l'Empire romain: L'Investigateur Journal de l'Institut historique T. I. p. 144.

[2]) M. G. H. L. T. II. Lex Saxonum p. 62.

[3]) Capit. a. 783. c. 13.

[4]) Capit. a. 803. c. 17; Capitul. a. 803. c. 21: «Comites vero non semper pauperes per placita opprimant»; Capitul. a. 801. c. 22: «Ut comites vel vicarii aut centenarii sub malo occasione vel ingenio res pauperum non emant nec vi tollant».

[5]) Waitz, Id. B. IV. S. 143.

довикѣ Благочестивомъ: «Insuper etiam neque comes neque aliqua alia judiciaria potestas in villis eorum vel in rebus aliquid exactitare praesumant neque mansionaticum... facere temptent... terram quibuscunque ex censu plus quam priscis temporibus usus extitit exigere praesumant»[1]). Но всѣ законы Карла В., направленные на охрану собственности и свободы, принесли мало существенной пользы. Со смертью Карла В., его наслѣдникъ объявилъ, что власти присвоили незаконно себѣ много чужой собственности и что кромѣ того они лишили многихъ свободы: «Qui (Missi) egressi invenerunt innumeram multitudinem oppressorum aut ablatione patrimonii aut expoliatione libertatis; quod iniqui ministri, comites et locopositi per malum ingenium exercebant»[2]). Людовикъ защищаетъ свободу и собственность мелкихъ земледѣльцевъ: «Ludovicus misit legatos suos supra omnia regna inquierere et investigare si alicui aliqua injustitia perpetrata esset»[3]) Свободные мелкіе земледѣльцы, изъ которыхъ большая часть хотя и была лишена свободы, однако могли еще въ началѣ IX ст. найти защиту предъ судомъ: «Omnia», продолжаетъ лѣтописецъ, «supradictus princeps patrimonia oppressis reddidit, injuste ad servitium inclinatos absolvit»[4]). Въ другомъ мѣстѣ вышеупомянутый авторъ говоритъ: «repertum est, quod quorundam pontificum vel ignorantia vel desidia, sed et judicum caeca et inexplebili cupiditate multorum praedia injuste fuerint confiscata»[5]). Попытки ограничить произвольныя дѣйствія мертвой руки при слабыхъ преемникахъ Карла В. не имѣли успѣха. Попытки, направленныя къ ограниченію произвольныхъ дѣйствій духовной власти и просьбы королей, чтобы она относилась къ населенію, жившему на церковныхъ земляхъ, сообразно правовымъ положеніямъ[6]), оставались безъ послѣдствій. Запрещеніе королевской власти, чтобы церковь не принимала въ рабство нѣкоторыхъ лицъ, было формальнымъ. Только по-

---

[1]) Ibid. S. 146. пр. 3.

[2]) Theg. de gesta Ludov. Pii c. 13. p. 593.

[3]) Capit. a. 814. c. 13.

[4]) Thegan. de gesta Ludovici Pii p. 600.

[5]) Ib. Vita Hludov. c. 38. p. 626.

[6]) Capit. Людовика II: «Каждый долженъ быть облагаемъ налогомъ, «in suo ordine, liber in libertate, servus in servitute». Waitz, Id. B. IV. S. 287.

становленіе Карла В., чтобы церковь не принимала въ рабы воровъ[1]), сдерживало произволъ духовныхъ властей, которому съ теченіемъ времени не было установлено границъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ церкви было дозволено принимать землю или покупать ее только при условіи, если собственникъ не могъ прокормить себя или отбыть обязанности и повинности съ владѣемаго имъ участка: «nisi pro inopia fame cogente se vendiderit»; «Et qui non habet unde ad ecclesiam persolvat; tradat se in servitium eidem ecclesiae, usque dum totum debitum persolvat»[2]). Такія-же постановленія издаются въ отдѣльныхъ частяхъ бывшей имперіи Карла В.

Лотарь издаетъ для Италіи въ 825 г. конституцію, охранявшую свободу личности, хотя такія постановленія при слабости королевской власти мало осуществлялись: «Primis omnium placuit nobis, ut cartulas obligationis quae factae sunt de singulis hominibus, qui se, uxores, filios vel filias in servitio tradiderunt, ubi inventae fuerunt, frangantur et ipsi sint liberi sicut primitus fuerunt»[3]). Правда, и нѣкоторые другіе правовые памятники этой эпохи защищаютъ личную свободу человѣка, передавшагося подъ покровительство церкви. Они признаютъ послѣднихъ людьми не независимыми, но свободными: «Si quicunque ingenuus homo propter forciam de malos homines per suam voluntatem se ipsum ad alterum hominem commendaverit, et ipse dixerit: Pro servo tibi volo esse, et tu me libera de malorum omnium potestate aut de illorum forcia, pro tale commendatione, si hoc fecerit, suam ingenuitatem non perdat»[4]). Карлъ (Calvus) воспрещаетъ продажу лицъ, находившихся подъ защитой, въ иностранныя государства. Другія законоположенія, охраняя личную свободу покровительствуемыхъ, признаютъ послѣднихъ не крѣпостными, но только обязанными платить установленную господами арендную плату[5]).

---

[1]) Capit. Aquisgr. a. 813. c. 55.

[2]) Capit. a. 823 c. 1: «Si liber homo se ipsum ad servitium implicaverit pro aliquibus causis».

[3]) Constitut. Marinc. a. 825. c. 1. p. 241; Waitz, Id. B. IV. S. 287.

[4]) Lex Romana Utin. V. I. 4. p. 415.

[5]) Conv. Silvac. a. 853. c. 9: «Nemo autem eos inservire praesumat, eo quod loco mercenarii apud aliquem manserint, nec censum aut tributum exigere».

Большая часть свободныхъ людей охотно шла подъ покровительство церкви. Положеніе этой категоріи лицъ при новыхъ условіяхъ не улучшалось. Подъ покровительство церкви поступала масса лицъ, прекратившихъ свои зависимыя отношенія: «a jugo servitutis solutos ad ipsam ecclesiam censuales feci»[1]). Положеніе такихъ людей при новыхъ условіяхъ во многомъ улучшилось; они, получая земли на арендныхъ условіяхъ, сохраняли свободу, которую защищали до извѣстной степени и королевскія конституціи. Названіе такихъ людей было различнымъ: «liberi coloni», «tributarii», «censarii» etc. Точнаго юридическаго различія между такими людьми не существовало. Waitz раздѣляетъ эту категорію лицъ на два разряда: a) вассаловъ, получившихъ землю своихъ отцовъ на условіяхъ дара, «beneficium»[2]), и б) лицъ, пришедшихъ на земли церкви ради поселенія и обработки земли.

Юридическое положеніе класса, называемаго «ministeriales», было различнымъ. Нѣкоторые изъ свободныхъ людей признаются министеріалами: «quod episcopi et abbates sive comites dimittunt eorum liberos homines ad casam in nomine ministerialium»[3]); другіе же—переходили въ классъ министеріаловъ тогда, когда они прекратили зависимыя отношенія.[4]) Положеніе первыхъ ухудшилось; положеніе вторыхъ, напротивъ, улучшилось. Таково въ общихъ чертахъ было положеніе лицъ, жившихъ на земляхъ церкви. Всѣ лица, зависимость которыхъ отъ церковныхъ властей признавалась юридической или считалась обычной, утратили старое право на свободу, слѣдовательно и право на свободу передвиженія. Они обязаны были жить и селиться тамъ, гдѣ имъ назначали представители власти церковной, которые не всегда обращались справедливо и мягко не только съ рабами, но и съ колонами, что видно изъ письма папы Григорія I, указывающаго, что «колоны церкви

---

[1]) Waitz, Id. Bd. IV. S. 288.

[2]) Conc. Turon. 813. c. 51: . . .«rectoribus ecclesiarum se commendarent et hereditatem illam in beneficium, unde se adjuvare ac sustentare possent, acciperent». Waitz, Id. S. 218.

[3]) Capit. de exped. exerc. a. 811. c. 4.

[4]) Lex. Rom. Utin. XXV. c. 9: «si ad ecclesias vel ad extraneos homines vel aut ad servos vel quid ad suos ministeriales donat».

весьма стѣснены, что количество податей не остается тѣмъ же, а произвольно возвышается, что оброкъ требуется до уборки полей и т. д.»[1]).

Свободныя лица передавались подъ покровительство не только церкви, но короля и дворянства; они на первыхъ порахъ сохраняютъ права свободной личности; королевская власть не считаетъ ихъ лицами зависимыми. Лица зависимыя, жившія на королевскихъ земляхъ, составляли особую категорію. Зависимые люди, жившіе на королевскихъ земляхъ подъ разными названіями, раздѣлялись на двѣ группы: одни были вполнѣ несвободными, другіе-же стояли въ полузависимыхъ отношеніяхъ къ королю: «nec coloni, nec fiscalini»[2]); тѣ и другіе не пользовались правами свободнаго человѣка: «fiscales servi qui se injuste et cum fraude liberos dicunt»[3]). На королевскихъ земляхъ селились люди свободные, признавая надъ собою покровительство короля. Юридическій «status» этой категоріи лицъ сходенъ съ «status»'омъ литовъ. Королевскіе захребетники были людьми средняго состоянія; они, обработывая королевскія земли, платили королю оброкъ. Законодатель, не признавая за ними права полной свободы, охраняетъ однако ихъ жизнь: «homo regis, id est fiscalinus, et ecclesiasticus vel litus interfectus 100 sol. componatur»[4]). Экономическое и юридическое положеніе лицъ, жившихъ на королевскихъ земляхъ, было удовлетворительнымъ. Нѣкоторые изъ нихъ, обладая землею[5]), уплачивали оброки или отправляли повинности въ пользу короля; другіе, не имѣя земли, могли даже поступать въ духовное званіе; тѣ и другіе имѣли право наслѣдованія: «Ut quoniam in quibusdam locis coloni, tam fiscales quam et de casis Dei, suas hereditates id est mansa quae tenent»[6]). Личныя права фискалиновъ также во

[1]) Васильевскій, Средніе вѣка Т. 3. стр. 25.

[2]) Capit. a. 803. c. 10; Capit. c. 15: «ut homines fiscalines, sive coloni aut servi in alienum dominium commorantes»; Capit. de villis c. 52: «volumus, ut de fiscalis vel servis nostris sive de ingenuis qui per fiscos nostros aut villas nostras commanent».

[3]) Capit. Aquisgr. a. 802. c. 5.

[4]) Capit. a. 803. c. 2.

[5]) Capit. de villis. c. 50: «fiscalini qui mansos habuerint inde vivant. Et qui non habuerint etc. Waitz, Id. Bd. I. S. 297. Пр. 1.

[6]) Edict. Pest. a. 864. c. 30.

многомъ приближаются къ правамъ свободныхъ лицъ[1]). На землю королей часто поселялись люди, получившіе свободу, и права на нее вполнѣ признавались. Поселившіеся на домэнахъ зависимые, полузависимые и свободные люди все болѣе и болѣе сливаются другъ съ другомъ. Въ IX ст. часто и королевскіе рабы обладали землею на такихъ же условіяхъ, какъ колоны, литы и даже вольноотпущенные.

Кромѣ рабовъ на земляхъ свѣтскихъ магнатовъ много жило колоновъ и людей свободныхъ. Послѣдніе признавали надъ собой патронатъ аристократіи. Крупные землевладѣльцы обходили законы Өеодосія и Юстиніана, которые разсматривали колоновъ людьми крѣпкими къ землѣ, но лично свободными. Рабы, «instrumenta vocalia», мало-по-малу переходятъ въ классъ колоновъ, которые въ VIII и IX ст. утратили много изъ прежнихъ своихъ правъ, что стояло въ зависимости съ возникновеніемъ иммунитетовъ. Свободные арендаторы: прекаріи, трибутаріи, цензивы и т. д., жившіе на земляхъ свѣтскихъ владѣтельныхъ особъ, все болѣе и болѣе утрачиваютъ права на свободу. Временныя условія между магнатомъ и свободнымъ арендаторомъ превращаются въ наслѣдственныя. Свобода дѣйствія послѣдняго ограничивается. Если съ одной стороны положеніе рабовъ въ VIII и IX ст. улучшается, то съ другой—положеніе колоновъ и свободныхъ арендаторовъ ухудшается. Рабы признаются уже недвижимой собственностію: «rerum immobilium, hoc est terrarum... servorumque qui jam casati sunt»[2]). Законодатель, желая устранить злоупотребленія, установилъ извѣстныя формальности при продажѣ несвободныхъ лицъ: «de mancipia quae vendunt ut in praesentia episcopi vel comitis sit... aut in praesentia vicedomini aut judcis comitis aut ante bene nota testimonia»[3]). Кромѣ нарушенія законныхъ требованій, отчужденіе людей зависимыхъ вызывало много споровъ и жалобъ въ судъ, что правительство желало устранить. Издается рядъ законоположеній относительно обезпеченія правъ собственника на лицъ зависимыхъ[4]). Правительство охраняетъ права собствен-

[1]) Capit. Theod. a. 805. c. 22.
[2]) Divisio Imp. a. 806. c. 11.
[3]) Capit. a. 779. c. 19.
[4]) Capit. a. 782. c. 9; Capit. a. 801. c. 8; Capit. a. 806. c. 5.

никовъ, имѣнія которыхъ часто пустѣли[1]). Господа, принимавшіе чужихъ рабовъ, подвергаются денежному штрафу: «de servis vero quis alterius servum absque judicio et sine culpa pendiderit et ibi mortuus fuerit, wergildus ejus domino solvatur»[2]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ королевская власть приходитъ на защиту лицъ зависимыхъ, жившихъ на земляхъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. Карлъ В. приказываетъ помѣщикамъ кормить людей зависимыхъ во время голодовъ[3]). Старое право, признававшее раба вполнѣ за вещь и скотъ, въ IX ст. смягчается. Идеи христіанства, взгляды германцевъ на рабовъ: «non in nostrum morem», институтъ колоната, экономическія выгоды собственниковъ, возможность убѣжать рабамъ на окраины государства и т. д. оказали благодѣтельное вліяніе на институтъ рабства. Христіанство при Карлѣ В. распространяется всюду во франкской монархіи. Движенія зависимаго сословія, направленныя противъ стѣсненій и угнетеній со стороны господъ, не привели практическихъ результатовъ. Зависимые люди при борьбѣ съ господами составляли союзы. Королевская власть зорко слѣдитъ за дѣйствіями противозаконныхъ союзовъ какъ свободныхъ людей, такъ и зависимыхъ: «de conjurationibus servorum, quae fiunt in Flandris et Menpisco et in caeteris maritimis locis, volumus, ut per missos nostros indicetur dominis servorum illorum, ut constrigant eos, ne ultra tales conjurationes facere praesumant»[4]). Союзная дѣятельность народа вообще при усиленіи королевской власти вымираетъ. Собранія общинъ и сотенъ, игравшія главную роль въ старыя времена и выражавшія народныя волю и нужды, все болѣе и болѣе исчезаютъ. Патріархальныя учрежденія, освященныя временемъ и обычаемъ, среди новаго государства, увеличившагося и по пространству территоріи, и по количеству населенія, вымираютъ. Народныя сходки общинъ, охранявшія народную свободу, становятся народнымъ воспоминаніемъ. Мѣст-

---

[1]) Capit. Theod. a. 805. c. 11: «De servis propriis vel ancillis, ut... villae non sint desolatae».

[2]) Capit. a. 808. c. 2.

[3]) Capit. Long. a. 802. c. 16.

[4]) Capit. a. 821. c. 3.

ное вѣче, сотенныя собранія хотя существуютъ, но и они имѣютъ значеніе на столько, на сколько община владѣла землею самостоятельно. Функціи народа перешли въ руки короля, защищавшаго условія внутренней и внѣшней безопасности. Надъ народнымъ судомъ стоитъ судъ короля и его чиновниковъ, ограничивавшій свободную дѣятельность общинъ.

Къ концу IX ст. земледѣльческое населеніе въ романскихъ и германскихъ провинціяхъ раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ первая, вставъ въ зависимыя отношенія, живетъ на земляхъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, а другая, обладая земельною собственностію въ формѣ общиннаго или частнаго землевладѣнія, отстаиваетъ свою независимость. Зависимыя отношенія земледѣльцевъ отъ землевладѣльцевъ болѣе окрѣпли въ галло-римскихъ областяхъ, чѣмъ въ германскихъ. Они, вытекая изъ понятія покровительства, связывались съ отбываніемъ повинностей и услугъ въ пользу крупныхъ земельныхъ собственниковъ. Зависимыя отношенія носили различный отпечатокъ и характеръ, что обусловливалось мѣстомъ и временемъ возникновенія крѣпостничества. Въ IX ст. крѣпнетъ все болѣе и болѣе институтъ иммунитета, вылившись въ X ст. въ юридическую форму. Система освобожденія церковныхъ земель отъ уплаты государственныхъ податей и повинностей выливается въ форму изъятія этихъ земель изъ-подъ власти короля и представителей королевскаго авторитета. Право короля на сборъ фискальныхъ доходовъ, отправленіе гражданскаго суда, право собирать виры съ обитателей на церковныхъ земляхъ въ концѣ VII и въ началѣ VIII ст. переходитъ къ представителямъ духовной власти. Отправленіе уголовнаго суда, связаннаго не съ вирными наказаніями, еще составляетъ право короля и его представителей. Церковнымъ властямъ подражаютъ свѣтскіе магнаты. Личность, подпавшая подъ «advocatia», не была подсудною королевскому графу, какъ представителю власти государственной, но особому судьѣ-управителю, называвшемуся фохтомъ. Послѣдній не только собиралъ подати и повинности, но и творилъ самостоятельно судъ и расправу. Фохтъ назначался властію аббата или епископа. Власть собственника земли, у котораго искали ранѣе защиты свободные люди, въ X ст. выражается также въ правѣ творить судъ и расправу самостоятельно. Кромѣ того покровительствуемые люди обязаны были выстав-

лять по требованію господъ земли и солдатъ[1]). Власть землевладѣльцевъ творить судъ и расправу лично или чрезъ представителя уже на первыхъ порахъ тяжело отзывается на прежде свободныхъ земледѣльцахъ: «aestimantes autem quidam liberi homines, qui in ipso vico erant, benignum et clementem illum fore, praedia sua sub censu legitimo illi contradiderunt, ea conditione, ut sub mundiburdio illius (secularis et praepotentis viri) semper tuti valerent esse»[2]). Вмѣсто защиты знаменитый мужъ, «gravisus et suscipiens statim ad oppressionem illorum incubuit, coepitque eos primum petitionibus aggredi, deinde libera utens potestate, pene quasi mansoarii sui essent, jussit sibi servire, scilicet in agricultura sua et in omnibus rebus, quibus voluit, oppressit eos»[3]). Сфера права иммунитетныхъ владѣльцевъ все болѣе и болѣе расширяется. Уголовныя дѣла, рѣшеніе которыхъ ранѣе принадлежало королю, стали теперь рѣшаться въ силу королевскихъ привиллегій фохтами. Даже уголовныя преступленія, за которыя назначается смертная казнь, рѣшаются духовными фохтами. Послѣдніе получали въ свою пользу около трети пеней и судебныхъ доходовъ. Военную повинность, связанную съ владѣніемъ земли, съ эпохи Карла В. отбывали и лица, сидѣвшія на церковныхъ земляхъ. Государственная власть находитъ выгоднымъ передать свое право требованія исполненія повинности со стороны лицъ, сидѣвшихъ на церковныхъ земляхъ, властямъ, которыя по своему усмотрѣнію назначаютъ штрафы и виры на тѣхъ, кто не являлся на войну. Преемники Карла В. передали право короля духовнымъ и свѣтскимъ магнатамъ, распоряжавшимся отбываніемъ военной службы даже свободныхъ людей, жившихъ не на своихъ земляхъ. Подобному тому какъ король на своихъ доменныхъ земляхъ считался верховнымъ распорядителемъ и судьею, такъ и крупные поземельные собственники, увеличивая свои территоріальныя владѣнія, начали считаться верховными господами, сфера политическихъ правъ которыхъ начиная съ IX ст. все

---

[1]) Maurer, Einleitung Bd. I. S. 537; Inama-Sternegg, Wirtschaftsgeschichte Bd. I. S. 273.

[2]) Acta fundationis Murensis Monasterii, Herrgott General. dipl. Dom. Austr. Tom. 1. p. 322.

[3]) Ib.

болѣе и болѣе увеличивалась. Короли, раздавая земли въ формѣ бенефицій, исподволь отдаютъ въ даръ и свои права государственныя, которыя становятся предметомъ гражданскаго оборота. Съ передачею земли переходятъ подъ власть крупныхъ поземельныхъ собственниковъ и королевскіе люди, въ отношеніе которыхъ первые являются законодателями, администраторами и судьями. Смутная эпоха способствуетъ стремленіямъ крупныхъ землевладѣльцевъ ослабить надъ собою вліяніе и авторитетъ короля. Изъ подчиненія королевской власти уходятъ и графы, должность которыхъ, наконецъ, дѣлается наслѣдственною, что приняло юридическую форму въ концѣ IX ст.[1])

Личная свобода ищущихъ покровительства утрачиваетъ значеніе, такъ какъ право взиманія налоговъ и отправленія повинностей въ пользу покровителя, а также право творить судъ дѣлается зависимымъ отъ послѣдняго. Хотя свободные, покровительствуемые люди должны были отбывать военную повинность въ пользу короля сами, однако это право и обязанность ихъ ограничивались тѣмъ, что они, подобно людямъ зависимымъ, отправляли эту повинность подъ руководствомъ, вліяніемъ и по приказанію господина, которому они передавали землю[2]). Различныя степени зависимыхъ отношеній и различныя степени свободныхъ, но безземельныхъ людей, покоились главнымъ образомъ на тѣхъ повинностяхъ и арендныхъ сборахъ, которые тѣ и другіе отправляли въ отношеніи господъ-землевладѣльцевъ. Королевская власть, желая привлечь на войну большое количество свободныхъ людей, приказываетъ, чтобы свободные, но безземельные люди, искали себѣ патрона, лица сильнаго и вмѣстѣ съ нимъ являлись на войну: «et volumus ut unusquisque liber homo in nostro regno seniorem qualem voluerit in nobis et nostris fidelibus accipiat»[3]). Свободный человѣкъ, избравъ патрона, съ теченіемъ времени подпадалъ къ нему въ постоянную зависимость и въ особенности въ томъ случаѣ, когда онъ или его дѣти селились на землѣ, принадлежавшей

[1]) Car. Calv. Capit. a. 877.

[2]) Pipini. R. Capit. a. 713. c. 96 гласилъ, что на войну по приказанію господина являлись только: «fiscalini—et coloni, vel ecclesiastici ac servi, qui honorati beneficia ministeria tenent, vel in vassallatico honorati sunt».

[3]) Caroli M. Capit. a. 805. c. 9.

патрону. Разрѣшить, уничтожить личныя зависимыя отношенія дозволялось только въ исключительныхъ случаяхъ[1]).

Потеря земельной собственности и свободы влекли за собою, какъ говоритъ конституція Карла В., увеличеніе въ странѣ числа бѣдныхъ людей. Послѣдніе, будучи во многихъ случаяхъ несправедливо обижены[2]), ради поддержанія своего существованія прибѣгаютъ къ нарушенію мира и спокойствія страны. На «Misos»'овъ возлагается обязанность раскрыть и уничтожить причины злоупотребленій, что повторяется и при слабыхъ преемникахъ Карла В.: «missis legatis in unamquamque partem regni sui, ut de sua liberatione populo adnunciarent et admonerent, ut fidelitatem, quam ei promiserant, adimplere studerent et quidquid contra illum delinquerant ob amorem Dei illis concessiset»[3]). Внутренній безпорядокъ, связанный съ внѣшними и междоусобными войнами наслѣдниковъ Карла В., лишилъ капитуляріи, направленные на охрану интересовъ и правъ угнетенныхъ и въ Германіи и въ Италіи, практическаго значенія. При сильныхъ и энергичныхъ представителяхъ королевской власти положенія: «ut illos homines comites nostri ad eorum opus servile non opprimant»[4]), еще имѣли значеніе. Строгій надзоръ королевской власти за органами суда и управленія воздерживалъ послѣднихъ отъ нарушенія законовъ. Народъ, будучи оберегаемъ отъ произвола властей и имѣя еще достаточно земель въ своемъ владѣніи, въ особенности въ сѣверо-восточныхъ провинціяхъ, не прибѣгалъ къ постоянному нарушенію мира и условій безопасности ради пропитанія. При энергичныхъ короляхъ преступленія были явленіями случайными, единичными. Органы суда и управленія, находясь подъ строгимъ и справедливымъ надзоромъ сильной королевской власти, служили достаточнымъ отпоромъ для нарушенія мира. Пред-

---

[1]) Pip. Capit. a. 816.

[2]) Lud. Pii Capit.: «ut per omnes provincias regni cum legatos mitteremus, qui omnia prava comitum seu judicum vel etiam missorum a palatio dimissorum facta diligenter investigarent»; Capit. a. 814: «ad justitias faciendas et oppressiones popularium relevandas legatos in omnes regni sui partes dimisit».

[3]) Loth. in Italia Capit. a. 834; Waitz, Id. Bd. III. S. 402. Пр. 2.

[4]) Capit. a. 783. c. 13; Capit. a. 803. c. 17.

ставители единой государственной власти воздерживали отъ нарушенія мира воровъ и разбойниковъ, нападавшихъ на свободу лица, на права подданныхъ вообще и въ частности препятствовавшихъ мирному населенію свободно и безопасно переходить изъ одной мѣстности страны въ другую. Королевская власть зорко хранитъ народныя права, народную свободу и личную безопасность при передвиженіи. Юридическія нормы вообще и въ частности: «si quis hominem migrantem assalierit»..;[1]) «si quis Ripuarius ingenuum Ripuarium de via sua obstraverit»..,[2]) удерживали людей, желавшихъ поживиться имуществомъ путешествующихъ. Народныя права назначали мягкое наказаніе, денежную пеню на тѣхъ, кто препятствовалъ лицу свободно и безопасно переходить или переѣзжать изъ одного мѣста въ другое: «et nullus praesumat hominem de Duce venientem aut ad illum ambulantem in itinere inquietare, quamvis culpabilis est» (L. Alam. t. XXIX. c. 2). Вира измѣнялась только съ положеніемъ, которое лицо занимало въ обществѣ: «si quis baronem de via ortaverit aut impinxerit, ...sol. XV culp. jud.»[3]); «si vero mulierem ingenuam de via sua ortaverit aut impinxerit... sol. XLV culp. jud.»[4]). Королевская власть обращаетъ должное вниманіе на поддержаніе правоваго порядка въ странѣ: «et ut omnes aliquid injuste consentiant, sed omni studio et voluntate omnes ad justitia perficiendam praeparati sunt» (Capit. a. 802. c. 9). Короли напрягаютъ всѣ усилія къ пресѣченію въ корнѣ причинъ къ нарушенію мира и въ особенности къ распространенію разбойничества и грабежей. Поэтому королевская власть кромѣ денежной пени назначила еще тѣлесное наказаніе. Уголовное взысканіе увеличивается Пипиномъ, что подтверждаетъ и Карлъ В.: «de latronibus ita praecipimus observandum, ut pro prima culpa non moriatur, sid unum oculum perdat. De alia vero culpa, nasus ipsius latronis truncetur. De tertia culpa, si non emendaverit, mariatur»[5]).

При сильныхъ короляхъ для охраны общихъ условій без-

---

[1]) L. Sal. tt. XIV и XVI; L. Sax. Cap. 26.
[2]) L. Rip. t. LXXX.
[3]) L. Sal. t. XXXIV. c. 1.
[4]) Rip. t. LXXX.
[5]) Capit. Car. M. collecta ab Anseg. Ab. Lib. V. c. CXXXV.

опасности издаются капитулярія полицейскаго характера, которые имѣютъ цѣлью лишить возможности передвигаться свободно по странѣ лицъ, не имѣвшихъ на то права[1]). Въ инструкціи миссамъ законодатель выставляетъ требованіе, чтобы они принудили бѣдныхъ рабовъ и людей зависимыхъ возвратиться къ ихъ господамъ. Тотъ, кто задерживалъ бѣглыхъ, обязанъ былъ уплатить штрафъ: «de fugitivis hominibus, ut ubicunque inventi fuerint, ille qui eum retinet, bannum dominicum solvere cogatur, et ille fugitivus absque dubio in patriam ad dominum suum revertatur»[2]). Такъ какъ господа не всегда кормили своихъ людей въ годы несчастій, то люди зависимые волей-неволей были принуждены ради поддержанія своего существованія обращаться къ побѣгамъ изъ мѣста родины или поселенія. Бѣглые и голодные рабы и люди зависимые, обрѣтаясь въ бѣгахъ, прибѣгали къ нарушеніямъ мира; законъ повелѣваетъ возвращать ихъ на старыя мѣста, откуда они ушли: «fugitivi vero servi et latrones redeant at propria loca»[3]). Правительство ограничиваетъ свободу передвиженія бѣглыхъ людей, нарушавшихъ права чужой собственности: «ut isti mangones et cotiones, qui sine omni lege vagabundi vadunt per istam terram, non sinantur vagare et deceptionem hominibus agere»[4]).

Уже короли меровингской династіи предпринимаютъ рядъ мѣръ для уменьшенія въ странѣ количества воровъ. По народнымъ правамъ сами общинники, «vicini», слѣдили за нарушителями мира, оказывая государственнымъ властямъ помощь при отысканіи нарушителей общественнаго порядка:[5]) «vicini illi in quorum campo vel exitum corpus inventum est... et debet judex nuntiare et dicere»[6]). Королевскіе чиновники обязаны были строго преслѣдовать и наказывать злодѣевъ: «centenarii ergo vel qui in truste esse dicantur inter communes provincias licentiam habeant latrones persequere»[7]). Агенты правительства не

---

[1]) Capit. a. 803. c. 6.
[2]) Capit. Noviom. a. 808. c. 6.
[3]) Capit. Ninm. a. 806. c. 5.
[4]) Capit. a. 789. c. 78; Avé-Lallemant, das deutsche Gaunerthum I. S. 43.
[5]) L. Alam. XXXVI.
[6]) M. G. H. L. T. II. Clodov. Capit. add. 9.
[7]) Chlothach. Decr. c. 8.

только принимаютъ отъ мирнаго населенія жалобы на нарушителей мира, но и, найдя ихъ, подвергаютъ наказанію: «in cujuslibet judicis pago primitus admissum fuerit, ille judex collectum solatium ipsum raptorem accidat et jaceat fortbattudus»[1]). Короли возлагаютъ на властей охранять порядокъ въ странѣ: «si quis judex comprehensum latronem convictus fuerit relaxasse, vitam suam amittat, et disciplina in populum modis omnibus observetur»[2]). Пренебреженіе со стороны властей королевскими декретами и предписаніями влекло за собою довольно строгое наказаніе: «ut si quis judicum hunc decretum violare praesumpserit, vitae incurrat periculum»[3]). Органы управленія и суда, принимая жалобы отъ населенія на нарушителей мира, должны были производить розыскъ такихъ лицъ: «volumus, ut comites nostri licentiam habeant inquisitionem facere»[4]). Въ особенности власти обязаны были преслѣдовать разбойниковъ. Карлъ В. издалъ спеціальную инструкцію[5]) органамъ суда и управленія для руководства при преслѣдованіи и разбирательствѣ дѣлъ о разбойникахъ. Людовикъ Благочестивый повелѣваетъ властямъ прибѣгать къ оружію при преслѣдованіи и ловлѣ разбойниковъ, число которыхъ въ значительной степени увеличилось въ странѣ: «praecepit, ut missi nostri per singulos comitatus irent, qui immanitatem praedonum et latronum, quae inaudita emeserat, coiberent, et ubi eorum major vis incubuerat, etiam eorum comites vicinos et episcoporum homines ad tales evincendos et proterendos sibi adsciscerent»[6]). Всѣ представители государственнаго управленія слѣдятъ за тѣмъ, чтобы въ ихъ округахъ не имѣли пристанища разбойники: «sed et hoc volumus, ut comites plenam justitiam de latronibus faciant per eorum ministeria et ut malefactores et fures non patiantur quietos residere, sed semper eos in quantum valent infestent»[7]). Даже подчиненные предста-

[1]) L. Rip. LXXXVII; M. G. H. L. T. I. Childeb. Decr. c.4.
[2]) Child. Decr. c. 7.
[3]) M. G. H. L. T. II. Chloth. Decr. c. 10.
[4]) Capit. a. 823. c. 3.
[5]) Capitulare qualiter missi nostri de latronibus agere debent.
[6]) Vita Hlud. c. 53.
[7]) Capit. a. 779. c. 11; Capit. a. 781. c. 10; Capit. a. 785. c. 24; Capit. Long. a. 802. c. 13.

вителямъ государственной власти мѣстныя начальства обязаны были помогать первымъ при поимкѣ нарушителей мира[1]). Государственнымъ органамъ при открытіи слѣдовъ преступленія обязаны были помогать благонамѣренные люди: «homines credentes», въ чемъ послѣдніе и приносили присягу: «et cui ex ipsis cognitum fuerit id est homicidia, furta etc... ut nemo eos concelet»[2]). Карлъ В. подтверждаетъ, чтобы всѣ, кто принесъ присягу на вѣрность королю, открывали преступниковъ: «nullus hoc celare audeat»[3]). Духовная власть и ея представители поддерживаютъ королевскихъ органовъ управленія при борьбѣ съ нарушителями мира: «ut episcopi circumeant parrochias sibi commissas et ibi inquirendi studium habeant de incestu, de patricidiis... et alia mala, quae contraria sunt Deo, quae in sacris scripturis leguntur, quae christiani devitare debent»[4]). Представители римско-католической церкви, помня выраженіе Евангелія: «beati patifici, quoniam filii Dei vocabantur», издавали въ свою очередь на соборахъ постановленія, направленныя на охрану мира и спокойствія. Охрана мира и спокойствія въ странѣ считалась одною изъ главныхъ функцій королевской власти. Въ этомъ направленіи государственная власть находила себѣ сочувствіе и поддержку со стороны власти духовной, что видно уже изъ конституціи Хлотаря отъ 614 года: «ut pax et disciplina in regno nostro sit, Christo propitiante, perpetua rebella et insolentia malorum hominum severissime reprimatur»[5]). Въ капитуляріи Людовика Благочестиваго мы читаемъ слѣдующее: «ut defensio et exaltatio vel honor sanctae Dei ecclesiae et servorum illius congruus maneat, et pax et justitia in omni generaliter populo nostro conservetur» (Capit. a. 823. c. 2). Короли заботятся, чтобы миръ не былъ нарушаемъ, и чтобы нарушители его подвергались установленнымъ въ законѣ взысканіямъ: «de pace conservanda admonemus, ut omnes, qui per aliqua scelera ei rebelles sunt, constrigantur»[6]). Законодатель постоянно напоми-

---

[1]) Capit. a. 802. c. 25.

[2]) Capit. Long. a. 782. c. 8.

[3]) Capit. a. 802. c. 37.

[4]) Capit. a. 813. c. 1.

[5]) M. G. H. L. T. 1. t. 2.

[6]) Car. M. et Lud. Pii Capit. edita ab Anseg. Abbate Lib. III.

наетъ органамъ суда и управленія, чтобы они заботились объ охранѣ мира и тишины: «ut omnes comites pacem et concordiam ad invicem habere studeant»[1]). Въ IX ст. число нарушеній мира увеличивается. Упадокъ авторитета королевской власти, а также произволъ мѣстной администраціи, духовной и свѣтской, тяжело отзывался на свободѣ и собственности большинства населенія. Воровство и разбои приняли широкіе размѣры. Законодатель принужденъ былъ обязать всѣхъ присягою давать показанія властямъ о скрывающихся ворахъ и разбойникахъ: «ubicunque autem fama est tates latrones habitare, inquisitio per sacramentum per omnem populum circamanentem fiat; et cujuscunque gentis aut conditionis fuerint, per quos hoc inquiri melius potuerit, jusjurandum dare, cum a comite conventus fuerit, recusandi non habeat potestatem»[2]). Обязательная присяга, возложенная закономъ на всѣхъ, не приносила пользы. Обязательный сыскъ и преслѣдованіе преступниковъ составляютъ заботу не гражданъ, но органовъ власти, спеціально для того назначенныхъ. Эта мѣра сыска преступниковъ не помогла правительству при достиженіи имъ цѣлей. Смутная эпоха принудила королей сдѣлать возваніе ко всѣмъ гражданамъ безъ исключенія, которые увѣщевали послѣднихъ не скрывать разбойниковъ, но доносить о нихъ установленнымъ властямъ: «de latronibus autem commendaverunt, ut missi omnibus denuntient... unusquisque servare debet, ut sine exceptione alicujus personae nec pro amicitia vel propinquitate aut amore vel timore ullus latronem celet, sed illum missis illorum manifestet et ad accipiendum illum adjutorium quantum potuerit unusquisque praestet et per sacramentum hoc missi illorum firmare faciant, sicut tempore antecessorum illorum consuetudo fuit»[3]).

Королевская власть заботится и объ устройствѣ путей сообщенія, по которымъ населеніе могло-бы свободно и безопасно передвигаться изъ одного мѣста поселенія въ другое, изъ одной мѣстности въ другую. Поправка дорогъ и мостовъ

---

1) M. G. H. L. T. 1. Capitula quae de partibus Saxoniae constituta sunt a. 785. t. 29; Capit. a. 825. t. 13; Car. II et Hlud. Capit. a. 857. t. 3.

2) Capit. a. 850. c. 3.

3) Capit. Silvac. a. 864. c. 4.

была возложена на лицъ, которыя ихъ ранѣе строили[1]). Мосты должны были строиться только на старыхъ мѣстахъ, что подтверждали и наслѣдники Карла В. съ тою цѣлью, чтобы удобнѣе можно было слѣдить за сборами[2]). Законодатель имѣлъ строгій надзоръ за тѣмъ, чтобы дороги не были закрыты для путешественника. Всякій, кто устраивалъ препятствія на дорогахъ, подвергался уголовному преслѣдованію со стороны установленныхъ властей[3]). Пошлины и сборы, взимавшіеся съ провозимыхъ товаровъ и съ переходящихъ лицъ, носили различныя названія и составляли очень значительную статью королевскихъ доходовъ еще въ меровингскую эпоху: «Rivaticum, Pontaticum, Cespitaticum, Pulveragium, Pedagium etc.»[4]). Короли заботились въ особенности о томъ, чтобы органы управленія, а также и частныя лица не сбирали лишнихъ и несправедливыхъ сборовъ съ переѣзжавшихъ изъ одного мѣста въ другое купцовъ[5]). Карлъ В. освобождаетъ отъ сбора пошлинъ переходящихъ изъ одного мѣста въ другое лицъ, не занимавшихся торговлею, и лицъ, путешествующихъ ради отправленія обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ государствомъ. Это подтвердили и преемники императора[6]). Отъ сбора пошлинъ были также

---

[1]) Capit. Caroli M. ab Ansegiso Abbate edita Lib. III. c. XII: «de omnibus pontibus per regnum nostrum faciendis in commune missi nostri admoneant, ut ab ipsis restaurentur, qui eos facere solebant».

[2]) Capit. a. 821. t. 10: «XII pontes per Sequanam».

[3]) Capit. Car. M. collecta ab Ansegiso Abbate Lib. V. CCI: «Si quis viam publicam aut lithostrotum vel viam communem alicubi clauserit contra legem, cum sua lege componat, et clausuram, quam ibi fecit, tollat. Quod si negare voluerit, cum XII sacramentalibus juret»; Ib. c. CCII: «Si quis viam convicinalem vel pastoralem clauserit, cum sua lege componat et ipsam viam aperiat».

[4]) Lang, histor. Entwicklung der deutschen Steuerverf. S. 33 ff.

[5]) L. Salic. a. Car. M. emendata Op. Eccardi. p. 181: «de teloneisi placet nobis, ut antiqua et justa tetonea a negotiatoribus exigantur»... «Nova vero sive injusta, ubi vel funes tenduntur, vel cum navibus sub pontibus transitur, ut non exigantur».

[6]) Ib.: «Similiter etiam nec de his, qui sine negotiandi causa substantiam suam de una domo sua ad aliam aut ad palatium seu in exercitu ducunt»; Capit. 5. a. 819. c. 16; L. Burgund. tit. 38. cc. 1. 2. 6; L. Ripuar. t. 65. c. 3. Уже по народнымъ правамъ населеніе обязано было давать

освобождены по настоянію церкви и иностранные богомольцы: «de peregiņis, qui propter Deum vadunt, ut ipsis teloneos non tollant»[1]). Свобода отъ пошлинъ распространяется и на лицъ, пользовавшихся иммунитетными правами. Ранѣе церковь, а также нѣкоторые магнаты получали отъ короля каждый разъ патентъ или спеціальную привиллегію, освобождавшую какъ ихъ самихъ, такъ и лицъ, находившихся подъ ихъ покровительствомъ, отъ сбора пошлинъ. Въ IX ст. церковь и нѣкоторые изъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ разсматриваютъ свободу отъ пошлинъ лицъ, находившихся подъ ихъ защитою, какъ составную часть иммунитетныхъ правъ. Наслѣдники Карла В. освобождаютъ иммунитетныхъ владѣльцевъ и людей, живущихъ подъ ихъ патронатствомъ, не только отъ уплаты пошлинъ, но и отъ отправленія нѣкоторыхъ другихъ натуральныхъ повинностей: «neque aliquem censum neque ripaticum neque foraticum neque ullum teloneum recipiat»[2]). Владѣльцы иммунитетовъ не были освобождены только отъ отбы-

---

пріютъ и снабжать всѣмъ необходимымъ тѣхъ, кто проѣзжалъ по дѣламъ и порученіямъ короля, что подтвердили и капитуляріи; освободивъ отъ сбора лицъ, странствовавшихъ ради отправленія государственныхъ повинностей; Capit. 5. a. 819. Cap. 16: «ut nullus in palatium vel in hostem pergens, vel de palatio vel de hoste rediens, tributum quod transituras vocant, solvere cogatur»; Capitulare a. 820. c. 2: «ut nullus toloneum exigat nisi in mercatibus, ubi communia commercia emuntur ac venundantur, neque in pontibus nisi ubi antiquitus telonea exigebantur».

[1]) Constitutio regis Pipini a. 775. t. 22.

[2]) Даже евреи, находившіеся подъ покровительствомъ, освобождались отъ подобныхъ сборовъ и повинностей: «neque teloneum neque paraveredа aut mansionaticum aut pelveraticum aut cespitaticum aut ripaticum aut rotaticum aut portaticum aut tranaticum aut pontaticum aut foraticum a praedictis Hebraeis exigere praesumant, sed liceat eis sub mundeburdio et defensione nostra quiete vivere et partibus palatii nostri fideliter deservire». Waitz, Bd. IV. S. 265. Пр. 5 и 6. Сплошь и рядомъ короли давали привиллегіи нѣкоторымъ церквамъ и монастырямъ взимать пошлины въ свою пользу. Monum. Boica T. XXVIII. P. 1. Nro. 109. p. 155: «telonei debitum quod ad eundem locum virciburg dictum debet persolvi ab cunctis qui cum mercatus sui mercimonio ab universis provinciis et civitatibus illuc conveniunt, cum consultu et rogatu wicboldi comitis qui tunc ipsum thelonei debitum habuit in beneficium».

ванія военной повинности, сторожевой и постройки мостовъ и дорогъ во время войны. Карлъ В. въ своихъ инструкціяхъ разъѣзднымъ чиновникамъ очень часто напоминаетъ, чтобы они имѣли строгое наблюденіе за финансовыми органами, сбиравшими налоги и пошлины: «et nulli umquam homini pro qualicumque re nulli omnino censum audeant impendere». Императоръ требуетъ, чтобы пошлины сбирались законныя: «ut nullus homo praesumat teloneum in ullo loco accipere, nisi ubi antiquitus pontes constructi sunt et ubi navigia praecurrunt, et antiqua videtur esse consuetudo»[1]). Притомъ онъ требуетъ, чтобы пошлины сбирались только въ установленныхъ мѣстахъ: «teloneus aut census non exigatur a quo libet, ubi nec aqua navigatio, aut pontem transeundum non est»[2]). Пошлины сбирались по-преимуществу съ людей торговыхъ и съ товаровъ; онѣ устанавливались или властью короля, или въ силу обычая. Проходныя пошлины имѣли характеръ дорожныхъ сборовъ т. е. такихъ, которые взимались за право прохода по дорогѣ, «transitura», при чемъ не обращалось вниманія на самую цѣнность провозимыхъ товаровъ. Законодатель заботится, чтобы пошлины сбирались по обычаю и справедливыя: «ut antiqua et justa telonea a negotiatoribus exigantur, tam de pontibus, quamque et de navigiis seu mercatis»[3]). Взиманіе новыхъ и несправедливыхъ пошлинъ законъ признаетъ дѣяніемъ, воспрещеннымъ подъ угрозою взысканія денежнаго штрафа. Тотъ, кто бралъ несправедливые сборы, подвергался слѣдующему взысканію: «cum sua lege ipsum teloneum reddat et bannum nostrum, id est sexaginta solidos conponat»[4]). Торговые люди могли всюду свободно ѣздить со своими товарами, уплачивая законные сборы. Они могли отправляться даже и во вновь завоеванныя области, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы не возили туда для продажи оружія: «arma et brunnias non ducant ad venandum»[5]). Такое требованіе со стороны закона обусловливалось поддержаніемъ политической безопасности въ этихъ областяхъ.

---

[1]) M. G. H. L. T. I. Cap. addenda a. 802. t. 22.; Capit. a. 806. t. 10.

[2]) Cap. a. 803. t. 1; Cap. missis dominicis a. 803. t. 5.

[3]) Capit. 2. a. 805.

[4]) Capit. a. 817. t. 17.

[5]) Cap. a. 805. t. 7.

Законодательство каролингской эпохи твердо и рѣзко проводило границу между свободными и несвободными классами населенія. Законы Карла В. отличаютъ полноправныхъ людей отъ неполноправныхъ; къ первымъ принадлежали тѣ, которые пользовались «status libertatis», ко второй — рабы и колоны. Населеніе, воздѣлывавшее землю въ эпоху Карла В. и его первыхъ преемниковъ, состояло въ германскихъ провинціяхъ по большей части изъ свободныхъ общинниковъ, владѣвшихъ землею или на правахъ собственности, или на правахъ наслѣдственной аренды, «Erbpacht», или на правахъ общинныхъ. Люди, признавшіе покровительство и защиту лицъ сильныхъ, считались людьми свободными. Связующимъ элементомъ между покровителемъ и покровительствуемымъ служила земля. Эта связь все болѣе и болѣе крѣпнетъ благодаря продолжающемуся развиваться неравенству землевладѣнія, зерно котораго лежитъ въ возникновеніи понятія частной собственности. Съ развивающимся все болѣе и болѣе неравенствомъ землевладѣнія растутъ и крѣпнутъ зависимыя отношенія однихъ отъ другихъ. Прежняя зависимость мелкихъ земледѣльцевъ отъ короля, нося характеръ публичности, государственности, смѣняется зависимостью частной. Ищущіе защиты мелкіе землевладѣльцы и люди, не имѣвшіе своей земли, передаются подъ патронатство сильныхъ магнатовъ или поселяются на земляхъ послѣднихъ, уплачивая имъ налоги и отбывая въ пользу ихъ повинности. Свободные захребетники мало-по-малу становятся крѣпостными. Утрата экономической самостоятельности, покоившейся на обладаніи землею, приводитъ къ утратѣ правъ свободной личности. Этотъ процессъ происходитъ медленно, но постоянно. Попытки королевской власти оградить мелкихъ собственниковъ земли отъ утраты ея и ограничить корыстолюбивыя цѣли лицъ сильныхъ не принесли пользы. «Latifundia perdidere Italiam»... погубили и старое, вѣковое начало, базисъ германскаго общежитія, свободу и, какъ ея главную основу, владѣніе землею и притомъ не на короткое время, а на цѣлыхъ тысячу лѣтъ. Положеніе свободныхъ собственниковъ-земледѣльцевъ и свободныхъ арендаторовъ законодательство стремится въ первой половинѣ IX ст. охранить отъ всѣхъ злоупотребленій, проявлявшихся со стороны крупныхъ земельныхъ собственниковъ и органовъ власти. Законная гарантія свободы земледѣльческаго класса не

была формальностью. Всѣ, кто былъ лишенъ силою «status libertatis et proprietatis», могъ искать въ королевскомъ судѣ защиты противъ злоупотребленій епископовъ, аббатовъ, комесовъ и центенаріевъ[1]). Капитуляріи Карла В., направленные на защиту свободы и собственности, находятъ поддержку и въ лицѣ его перваго наслѣдника: «Ludovicus misit legatos suos supra omnia regna inquirere et investigare si alicui aliqua injustitia perpetrata esset»[2]). Насилія и несправедливости, происходившія въ первой половинѣ IX ст., находили еще отпоръ со стороны государственной власти, которая стремилась по мѣрѣ своихъ силъ положить имъ предѣлъ: «quia audivimus multa damna et affectiones propter hoc populum nostrum sustinuisse»[3]). Свободные земледѣльцы, живя на земляхъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ или на своихъ земляхъ подъ ихъ защитой, находились только въ зависимости отъ послѣднихъ экономической. Зависимость выражалась главнымъ образомъ въ отправленіи барщины, «Frohnden», или въ уплатѣ аренды, «Grundzinsen». Положеніе: «nec colonus, nec fiscalinus alicubi traditiones facere», не относилось до свободныхъ людей, жившихъ на чужихъ земляхъ или на своихъ подъ покровительствомъ. Свобода перехода свободныхъ людей, жившихъ на чужихъ земляхъ подъ покровительствомъ, фактически ограничивается въ началѣ IX ст., а во второй половинѣ и юридически. Свободные люди, обрабатывая землю крупныхъ собственниковъ, «Grundherrn», имѣли право перехода отъ послѣднихъ въ опредѣленное время, установленное обычаемъ: «mandamus etiam, ut nullus homo seniorem suum sine justa ratione dimittat, nec aliquis eum recipiat, nisi sicut tempore antecessorum nostrorum consuetudo fuit»[4]). Находившіеся подъ защитой мелкіе земельные собственники еще отправляли военныя обязанности, налагаемыя на нихъ землею. Они, являлись на войну вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ. Королевскіе эдикты хотя и налагали обязанность на мелкихъ земледѣльцевъ отыскать покровителя, но свободное населеніе избѣгало подчиненныхъ отношеній. Со второй половины IX ст. старая любовь

[1]) Capit. a. 811. p. 168.
[2]) Capit. a. 814. c. 13.
[3]) Hludov. I. Imp. Capit. Wormat. a. 829. c. 5.
[4]) Capit. a. 847. t. 3; Pipini Capit. a. 816.

населенія въ свободѣ и къ самостоятельному владѣнію землею среди земледѣльческаго класса какъ-бы исчезаетъ. Внутренній безпорядокъ, междоусобицы наслѣдниковъ Карла В., голода, нашествія сарациновъ, венгровъ и норманновъ принуждаютъ мелкихъ свободныхъ собственниковъ и бѣдныхъ, но свободныхъ людей, ради спасенія своего существованія признать подчиненныя отношенія къ лицамъ сильнымъ и перемѣнить свободу на зависимость: «subdebant se pauperes servitio, ut quantulumcunque de alimento porrigerent». Росту латифундій способствовали и всѣ тѣ причины, которыя способствовали возникновенію феодальныхъ порядковъ. Капитулярій Карла Лысаго отъ 877 г. призналъ то, что фактически существовало. Начало наслѣдственности государственныхъ должностей, вылившись въ юридическую форму, еще больше усилило власть крупныхъ земельныхъ собственниковъ, занимавшихъ иногда и графскія должности. Венгры и норманны съ половины IX ст. производили грабежи и разбои не только на окраинахъ страны, но и часто проникали въ глубь ея, опустошая мирное населеніе. Послѣднее бѣжало туда, гдѣ надѣялось найти спасеніе. Государственная власть не въ силахъ была дать отпоръ удалымъ набѣгамъ; она предписываетъ не притѣснять пришельцевъ во внутрь страны съ ея окраины, прогнанныхъ съ родныхъ пепелищъ, не поселять силою ихъ на земляхъ ради сбора налоговъ: «de adventitis istius terrae, quae a Nortmannis devastata est... non opprimantur, nec aliquis census neque quaecunque exactio ab illis exigantur»[1]). «Comes» обязанъ былъ «de suo comitatu nomina eorum et qui sunt eorum seniores describere» и «eos ibi manere»[2]). Другой эдиктъ требуетъ, чтобы лица, бѣжавшія отъ насилій норманновъ и бриттовъ, не подвергались какимъ-либо насиліямъ со стороны магнатовъ и не задерживались силою въ тѣхъ мѣстахъ, куда они пришли, но чтобы возвращались на старыя мѣста: «statuerunt seniores nostri, ut a nullo reipublicae ministro quamcunque violentiam, vel oppressionem aut exactionem patiantur; sed licet eis conductum suum quaerere et habere, donec aut ipsi redeant ad loca sua, aut se-

---

[1]) Car. II. Capit. a. 864. t. 31.
[2]) Ib.

niores illorum eos recipiant»[1]). Массѣ безпомощнаго населенія, выбитой изъ свободныхъ общинъ, при общихъ смятеніяхъ и нападеніяхъ иностранцевъ, «Raubzüge», ничего не оставалось дѣлать, какъ прибѣгать къ защитѣ, искать спасенія за стѣнами и валами бурговъ, церквей и монастырей. Поселеніе беззземельныхъ лицъ, хотя и свободныхъ, на чужой землѣ, признаніе защиты свободными мелкими землевладѣльцами со стороны лицъ сильныхъ поставило первыхъ и вторыхъ въ фактическую зависимость отъ послѣднихъ. Личность, не владѣвшая землею, исподволь теряла права на честь и свободу. Съ конца IX ст. вырабатывается положеніе, что правомъ на свободу и честь обладаетъ тотъ, кто имѣетъ земельную собственность. Съ этого времени наступаетъ самая неблагопріятная эпоха для земледѣльческихъ общинъ. Свободный общинникъ, даже обладающій землею, не находитъ защиты предъ закономъ противъ лица сильнаго. Земледѣльцу волей-неволей приходилось искать покровителя, отдавать подъ его защиту и свою свободу и какъ составную часть послѣдней свободу передвиженія и поселенія[2]). Покровители: король, свѣтскій или духовный господинъ, выступаютъ патрономъ прежде свободной личности. Послѣдняя ранѣе считала высшимъ и прямымъ своимъ защитникомъ только короля и органовъ управленія имъ назначаемыхъ. Въ X ст. капитуляріи и народныя права, охранявшіе свободу личности и собственность мелкихъ землевладѣльцевъ, забываются. Съ конца IX ст. утрачиваютъ свое значеніе и силу писанные законы, созданные волей и желаніемъ народныхъ общинъ и королей[3]). Свободные, но беззземельные люди приравниваются къ лицамъ зависимымъ; они теряютъ права на гражданскую и политическую свободу вообще и въ частности свободу передвиженія и поселенія и пріобрѣтаютъ обязанность жить и селиться тамъ, гдѣ имъ будетъ назначено господами. Законы, оберегавшіе принципъ свободы, приходятъ въ забвеніе. Всесильная рука Карла В. и первыхъ его преемниковъ еще въ силахъ была оберечь свободу земледѣльцевъ.

---

[1]) Capit. a. 853. t. 9.

[2]) Capit. a. 847. t. 2: «ut unusquisque liber homo in nostro regno seniorem, qualem voluerit, in nobis et nostris accipiat».

[3]) Eichhorn, Id. Th. II. S. 196.

Живучесть общиннаго строя, хотя и отживавшаго свой вѣкъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще охраняла свободную личность отъ крѣпости. Иное явленіе происходитъ во второй половинѣ IX ст. и въ X ст., когда многіе земледѣльцы благодаря общей анархіи не въ силахъ были отстоять правъ на свободу. При общей безурядицѣ въ X ст. возмущенія несвободныхъ классовъ, а также возстанія свободныхъ, но безземельныхъ людей, оканчивались тріумфомъ лицъ сильныхъ. Населеніе, подверженное частымъ голодамъ, сопровождавшимся повальными болѣзнями, дошло до такого состоянія, что люди подобно звѣрямъ нападали другъ на друга, грабили и даже поѣдали. Въ X ст. при господствѣ феодализма, когда желѣзное ярмо крѣпости уже окрѣпло, когда многолюдное сельское населеніе, состоявшее изъ изстари свободныхъ германскихъ общинниковъ, подчинилось произволу и тираннін немногихъ, когда ленная система сдѣлалась фундаментомъ и господствующимъ принципомъ всей государственной жизни, незначительное число свободныхъ сельскихъ независимыхъ общинъ не въ состояніи уже было отстоять свои права на земельную собственность, право на свободу вообще и право на свободу передвиженія и поселенія въ частности. Экономическая анархія развивалась рядомъ съ политической, что мы встрѣчаемъ со второй половины IX ст. и въ Германіи, и во Франціи. «Положеніе земледѣльческаго сословія въ Германіи до XII ст.», говоритъ Sugenheim, «было аналогичнымъ положенію земледѣльческаго сословія во Франціи»[1]). «Въ эпоху страшной анархіи, начавшейся со второй половины IX ст. и продолжавшейся въ X и XI ст., положеніе земледѣльческаго сословія», продолжаетъ вышеупомянутый авторъ, «имѣло послѣдствіемъ то, что все сельское населеніе, исключая немногія мѣстности, впало въ полную крѣпостную зависимость и что крестьяне, подчиненные капризу и волѣ своихъ господъ, были не лицами, но скорѣе вещами»[2]). Большая часть земледѣльческаго класса, считавшаяся прежде свободными людьми, становится въ зависимыя отношенія, «Leibeigenschaft», «Hörigkeit», отъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. Отличительною чертою человѣка, находившагося въ зависимыхъ отно-

[1]) Id. S. 151.
[2]) Id. S. 82.

шеніяхъ, слѣдуетъ считать то, что онъ не могъ свободно и по своему усмотрѣнію двигаться туда, куда онъ хотѣлъ, и селиться тамъ, гдѣ онъ желалъ. Ни крѣпостной, «Leibeigen», ни зависимый, «Hörig», человѣкъ не имѣли правъ на свободу вообще и на свободу передвиженія и поселенія въ частности. Хотя понятія «Leibeigenschaft» и «Hörigkeit» между собой близкія, но между ними есть различіе. Крѣпостной человѣкъ разсматривается вполнѣ зависимымъ человѣкомъ, онъ не имѣлъ никакихъ правъ, но только обязанности; зависимый же человѣкъ, имѣя массу обязанностей, въ то-же время имѣлъ нѣкоторыя права[1]). Общее между крѣпостнымъ и зависимымъ лицомъ было то, что тотъ и другой не имѣли права на свободу поселенія и передвиженія. «Конечно, общины свободныхъ лицъ, не измѣнившія своей старой организаціи», говоритъ Gierke[2]), «можно встрѣтить и послѣ средневѣковой эпохи, но многія изъ прежде свободныхъ общинъ въ IX и X ст. были подчинены власти магнатовъ». Но и свободные люди, приходя жить на чужую землю, начиная съ X ст. дѣлаются лично зависимыми отъ господъ и мало чѣмъ отличаются отъ людей зависимыхъ, подпавшихъ еще ранѣе подъ полное господство иммунитетныхъ владѣльцевъ.

---

[1]) Sugenheim, Id. S. 17: «Unter Leibeigenschaft und hier und wo im Folgenden vom Mittelalter die Rede ist, immer die völlige persönliche Unfreiheit, d. h. jener Zustand verstanden, in dem der Mensch lediglich als Sache betrachtet und behandelt wird, unter Hörigkeit aber jenes Verhältniss der unvollkommenen Freiheit der Halb- oder Mittelfreiheit, in welchem er eine Mischart von Person und Sache eine wenigstens in einigen wesentlichen Beziehungen vom Rechte geschützte Persönlichkeit ist».

[2]) Id. Bd. I. S. 203.

II. Священная римская имперія.

Эпоха отъ X по XVI ст.

I. Общій обзоръ государственнаго управленія.

По Вердонскому договору франкская имперія распалась на три части: Италію, Францію и Германію. Германія перестаетъ быть составною частію франкской имперіи, «pars regni Francorum»; она составляетъ самостоятельное политическое тѣло. Съ прекращеніемъ мужскаго поколѣнія въ родѣ Людовика Германскаго возникаютъ въ странѣ внутренніе безпорядки и междоусобицы. Первые германскіе короли некаролингскаго происхожденія не въ состояніи были организовать въ странѣ правовой порядокъ. Паденіе королевской власти, начавшееся при слабыхъ преемникахъ Карла В., растетъ все болѣе и болѣе. Авторитетъ единой королевской власти ограничивается произвольно со стороны герцоговъ, графовъ и другихъ сильныхъ лицъ. Единое государство распадается на многія. Имперія состоитъ изъ многихъ вотчинныхъ политическихъ тѣлъ. Всѣ феодальные господа были государями въ предѣлахъ своей территоріи, изъ которыхъ каждый былъ подчиненъ другому въ іерархической постепенности. Многовластіе привело, наконецъ, къ тому, что, по словамъ хронографа, уже въ концѣ IX ст. «pax et consilium et justitia et judicium locum in isto regno non habuerunt.... justitia et judicium quasi emortua apud nos sunt»[1]). Безпорядки, анархія господствовали и во Франціи, и въ Германіи въ равной степени.

---

[1]) Bouquet, Recueil des Historiens des Gaules et de la France T. IX. p. 256.

Устойчивости и прочности королевской власти въ Германіи препятствовала частая перемѣна династій. Короли новой династіи при стремленіи получить титулъ императора Свящ. римской имперіи впадаютъ въ нѣкоторую зависимость отъ лицъ, способствовавшихъ ихъ цѣлямъ. По достиженіи цѣлей императоры не заботились о правомѣрной организаціи государственнаго строя. Попытка Оттона I поддержать традиціи, честь и достоинство старой франкской монархіи не увѣнчалась успѣхомъ. Онъ, принявъ титулъ императора, заботится о внѣшнемъ блескѣ императорской власти. Съ эпохи Генриха Св., заискивавшаго при своемъ избраніи въ императоры предъ феодальными магнатами, власть и значеніе имперскихъ чиновъ увеличивается еще болѣе, чѣмъ прежде. Со времени избранія въ императоры Рудольфа Швабскаго (1077 — 1080) система наслѣдованія императорской короны въ Германіи становится выборною, что ставило избранныхъ императоровъ въ зависимость отъ избирателей-князей и папы[1]). Титулъ императора не придалъ жизненности и авторитета императорской власти. Представители императорской власти, заботясь о поддержаніи «Ehre und Würde der alten fränkischen Monarchie», не въ силахъ были дать старому имени и существу императорской власти прежній ея авторитетъ единства и силы главы государства. Нигдѣ разрушеніе единой политической власти не проявилось такъ сильно, какъ въ Германіи. Въ началѣ второй половинѣ среднихъ вѣковъ трудно найти даже сознаніе о необходимости государственнаго порядка и объ осуществленіи принципа государственности. Хотя избранный императоръ и приносилъ присягу, «dass er das Recht stärcken und das Unrecht kräncken und dem Reiche vorstehen wolle zu seinem Rechte zum Besten aber er könne und möge»[2]), но эти слова съ наступленіемъ эпохи междуцарствія, «Interregnum», утратили всякій смыслъ и значеніе.

---

[1]) Sächs. Landrecht III. Art. 52: «Die Deutschen» гласитъ Саксонское земское право, «sollen durch Recht den König wählen. Wann der dann geweihet wird von den Bischöfen die dazu gesagt sind, und auf den Stul zu Ach kommt, so hat er die königliche Gewalt und den königlichen Namen. Wann ihn dann hernach der Papst weihet, so hat er des Reichs Gewalt und den kaiserlichen Namen».

[2]) Ib. Art. 54.

Въ эпоху кулачнаго права авторитетъ императорской власти былъ фиктивнымъ. «Omnia per temultum», замѣчаетъ Mutius[1]), «sine lege, sine ordine pro libitu fiebant, his temporibus arma ubique, leges fere nusquam dominabantur, quisque occupat, quantum potuit per vim. Ex usu fuit principibus nullum imperatorem haberi». Каждая отдѣльная область, каждый крупный земельный собственникъ: «princeps», «Fürst», «Reichs-Fürst», отвергая политическую централизацію государственнаго строя, всѣми силами стараются уйдти, сбросить, отвергнуть идею верховенства главы государства. Императорская власть остается формой безъ содержанія. Свящ. римская имперія на первыхъ порахъ своего существованія являетъ собою слабый примѣръ франкской монархіи. Императоръ, считаясь верховнымъ защитникомъ церкви, «sacrosanctae Romanae ac universalis ecclesiae viduarumque et orphanorum defensor», и первымъ представителемъ государственной власти, «dominium mundi», въ своихъ дѣйствіяхъ какъ при рѣшеніи дѣлъ церковныхъ, такъ и дѣлъ общегосударственныхъ былъ вполнѣ ограниченъ. Имперскіе чины, свѣтскіе и духовные, пренебрегаютъ идеею единой императорской власти, будучи въ то-же время сами неспособными къ веденію общихъ государственныхъ дѣлъ. Каждый обращалъ вниманіе на свои частные интересы и права. Объ общихъ интересахъ народа и объ организаціи правоваго порядка въ странѣ никто не заботится. Крушеніе королевско-императорской власти въ Германіи повлекло за собой уничтоженіе единства въ государственномъ управленіи. Имперскіе чины не были подданными германскаго императора, какъ представителя идеи государственнаго единства, какъ дѣйствительнаго покровителя и защитника мира и правоваго порядка въ странѣ. Сумма правъ и преимуществъ верховной власти раздѣляется между поземельными собственниками, связанными между собою цѣпью взаимныхъ ленныхъ отношеній. Германскій императоръ считался такимъ же леннымъ господиномъ, какъ и другіе вассалы. Отношенія императора франкской монархіи къ свободному населенію были иными, чѣмъ отношенія императора Свящ. римской имперіи къ свободному населенію Германіи, Правовое положе-

---

[1]) Rer. Germ. Lib. XXI.

ніе личности въ старомъ германскомъ правѣ опредѣлялось понятіемъ свободы. Свободные люди, обладая равными политическими и гражданскими правомочіями, стояли въ прямыхъ, непосредственныхъ отношеніяхъ къ королевско-императорской власти. Эти отношенія были основаны по народнымъ правамъ и общимъ законамъ на принципѣ принужденія. Король или императоръ могъ принудить свободную личность на основаніи общей юридической нормы отправлять извѣстныя повинности и обязанности—это съ одной стороны, съ другой—свободная личность имѣла право требовать, чтобы органы государственнаго управленія не нарушали сферу ея правъ. Отношенія императора Свящ. римской имперіи къ народу были непрямыми, посредственными. Императоръ не имѣлъ дѣла, прямаго соприкосновенія съ свободными людьми, но только съ извѣстною, незначительною частію свободныхъ людей, а именно съ феодальною аристократіей. Въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ императору стояли даже немногіе изъ феодальныхъ господъ. Эти отношенія не носили характера политическаго; они были частно-правовыми, основанными не на принужденіи, но на свободѣ леннаго договора. Феодальное государство не знало гражданъ, подданныхъ. Вассальная подчиненность основывалась не на принципѣ равной зависимости всѣхъ отъ государственной власти и общихъ законовъ. Публичныя права, нося характеръ частныхъ правъ, дѣлаются наслѣдственными; они соединяются съ крупною поземельною собственностію. Начала, зарожденіе феодальнаго строя мы встрѣчаемъ еще во франкской монархіи, гдѣ возникло крупное землевладѣніе, какъ главный базисъ феодальнаго государства.

Франкскіе короли, пріобрѣтая земли завоеваніемъ, раздавали ихъ во временное владѣніе, носившее названіе «Beneficium», и духовнымъ лицамъ, и вельможамъ-сподвижникамъ, оказавшимъ услуги государству и церкви. Раздача завоеванныхъ земель была почетнымъ даромъ, наградою, которую получали только лица, болѣе или менѣе приближенныя къ личности короля. Въ эпоху же франкскихъ королей возникло и новое понятіе вассальности, «Vasallität», которое состояло въ томъ, что личность, получившая земельный надѣлъ отъ короля, обязывалась подъ присягою сохранять ему вѣрность. Вѣрноподданность личности къ верховной власти выражалась главнымъ

образомъ въ исполненіи воинской повинности, т. е. въ обязанности лица являться по требованію короля на войну съ опредѣленнымъ числомъ прислуги. Съ теченіемъ времени изъ понятій вассальности и beneficium'а возникла такъ называемая феодальная система[1]). Существо послѣдней покоилось на томъ, что всѣ роды владѣнія правами и земельными имуществами имѣли форму леннаго владѣнія, которое было не собственностью, но надѣломъ, полученнымъ на извѣстныхъ условіяхъ отъ леннаго господина земли, «Lehnsherr». Феодализмъ имѣлъ ту основу, что личность сосредоточивала въ своихъ рукахъ власть, вытекавшую изъ фактическаго обладанія матеріальными средствами и главнымъ образомъ изъ обладанія землею, не въ силу порученія императора, какъ главы государства, но въ силу порученія леннаго государя. Раздѣленіе государственной власти на системѣ постепенной градаціи между свѣтскими и духовными феодальными господами было организовано въ извѣстной подчиненности однихъ ленныхъ владѣльцевъ отъ другихъ. Каждый изъ ленныхъ владѣльцевъ въ силу обладанія собственной, но только на ленномъ правѣ основанной, землею принималъ участіе въ общемъ управленіи страною и каждый при выполненіи своихъ правомочій находился подъ контролемъ стоявшаго выше его лица. Каждый ленный владѣтель олицетворялъ въ отношеніи населенія, жившаго въ предѣлахъ ленной территоріи, представителя государственной власти. Ленная область, территорія управлялась не отъ имени и не въ силу порученія императора, но по порученію и усмотрѣнію леннаго государя. Населеніе такой территоріи не было въ подданническихъ отношеніяхъ, «Unterthänigkeitsverhältnisse», къ императору. Феодальный господинъ въ предѣлахъ своей земли былъ полнымъ властелиномъ населенія, жившаго на его землѣ. Отношенія между послѣднимъ и первымъ регулировались не общими законами, исходившими отъ главы государства, но феодальнымъ обычнымъ правомъ, «Consuetudines Feudorum», выработаннымъ въ эпоху господства лицъ сильныхъ и получившимъ писанную форму въ началѣ

---

[1]) Kaufmann, die Entstehung der Vasallität: Jahrbücher für Nationalökonomie und Statitik Bd. 23. S. 105.

XIII ст.[1]). Имѣя своимъ основаніемъ силу, господство феодаловъ было противорѣчіемъ правильно организованной государственной жизни, юридическаго порядка и законности. Феодальный государственный строй разрушилъ прямыя связи свободной личности, подданныхъ съ представителемъ государственной власти.

«Вмѣсто непосредственнаго подчиненія подданнаго главѣ государства возникаетъ», по замѣчанію Рота[2]), «многочисленная цѣпь зависимостей; причемъ стоящій внизу связывается только чрезъ непосредственно надъ нимъ стоящаго съ высшимъ феодальнымъ государемъ».

Первые германскіе короли не въ силахъ были организовать и охранять правовой порядокъ въ странѣ. «Reges Francorum orientalium» по примѣру франкскихъ королей созываютъ «comitia», «Reichs-Täge», на которыхъ участвуетъ только высшее сословіе. Сеймы созывались не въ опредѣленный срокъ; въ составъ ихъ входили представители важнѣйшихъ фамилій; они не были совѣтомъ при королѣ, но самостоятельнымъ государственнымъ учрежденіемъ. Въ составъ сеймовъ входили герцоги, пфальцграфы, «duces limitis», ограничивая вполнѣ власть императора. Отсутствіе государственнаго единства въ управленіи лишало возможности императора поддерживать въ странѣ внутренній юридическій порядокъ, нарушаемый произволомъ лицъ сильныхъ. Многіе изъ важнѣйшихъ князей и герцоговъ, имѣя огромное вліяніе и въ особенности въ началѣ XI ст. при выборѣ императора, образовали при послѣднемъ особое учрежденіе, получившее названіе «Curia», «Reichs-Convent». Въ составъ куріи входятъ только важнѣйшіе и сильные имперскіе

---

[1]) «Land-und Lehnrecht», или «Landrecht, Spiegel der Sachsen». «Schwabenspiegelrecht» относится къ концу XIII ст. Вліяніе на эти правовые памятники оказало ломбардское ленное право, «Liber feudorum», съ которымъ познакомились императоры Свящ. римской имперіи при походахъ въ Италію. Уже въ началѣ XI ст., при Конрадѣ II, обычное ленное право, «jus feudorum», окончательно окрѣпло. Script. Rec. Germ. T. III. p. 469: «Conradus militum vero animos in hoc multum atraxit, quod antiqua beneficia parentum nemini posteriorum auferri sustinuit»; Eichhorn, deutsches Privatrecht S. 104.

[2]) Geschichte des Beneficialwesens; Градовскій, Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ Т. 1. Стр. 12.

князья, сопровождая императора при его путешествіяхъ и участвуя при большихъ торжествахъ. На первыхъ порахъ (въ XI ст.) не существовало различія между «Curia» и «Reichs-Tag»'омъ. Съ XII ст. право избранія императора было предоставлено особой коллегіи «principum electorum». Право избранія принадлежало семи имперскимъ князьямъ. При императорахъ швабской династіи общіе сеймы утрачиваютъ свое прежнее значеніе. «Curia» замѣняетъ вполнѣ «Reichs-Tag». «Curia» раздѣляется на «curia solennis» и «curia minus solennis». Первая иногда называется «curia generalis», вторая—«curia minoris». «Curia solennis», въ составъ которой входили императоръ и всѣ князья, признается общимъ имперскимъ сеймомъ, «der allgemeine Reichs-Tag». Въ составъ «curia minus solennis» кромѣ императора входили только нѣкоторые важнѣйшіе князья, «einige der vornehmsten Fürsten». «Curia minoris», будучи постояннымъ государственнымъ учрежденіемъ, составила совѣтъ при императорѣ, «Reichs-Staats-Rath und Gericht des Kaysers». Члены «curia minoris» подъ предсѣдательствомъ императора рѣшали по-преимуществу спорные вопросы, касавшіеся леннаго права, «Lehns Sachen», «Feuda Regalia». Управленіе дѣлами имперіи сосредоточивается въ рукахъ императора и имперскихъ чиновъ. Съ эпохи Генриха V и Лотаря Саксонскаго (въ началѣ XII ст.) имперскіе князья выступаютъ не слугами императора, но самостоятельными властелинами, «Primores Regni», «Primores Provinciae», «Landes-Herren». Князья и графы, образуя особое сословіе, «Fürstenstand», «Herrenstand», при Фридрихѣ II [1]) получаютъ названіе «domini terrae», «Landesherren». Уже въ эпоху Оттона II и Оттона III голоса имперскихъ чиновъ на сеймахъ обратились изъ «deliberativa» въ «decissiva», а къ концу XIII ст. голоса ихъ разсматриваются уже какъ «praerogativa». Нѣкоторые изъ имперскихъ князей достигнули титула «Majestät». Императоръ не могъ издать ни одного закона безъ совѣта и одобренія имперскихъ чиновъ[2]).

---

[1]) Fr. II. Constitutio a. 1238.

[2]) «Imperator (Fr. I) a. 1172 apud Wormatiam curiam celebrem habuit, ubi conquestus de Italicis,—judicio cunctorum principum expeditionem in Italiam iterum indixit, post circulum duorum annorum determinatam».

Императоръ раздавалъ безгранично только привиллегіи и имперскіе лены. Съ эпохи Оттона II и Оттона III въ имперскихъ сеймахъ пріобрѣтаютъ голоса кромѣ «duces et primores» и имперскіе города, гдѣ находились имперскіе «palatia». Право участія городовъ въ имперскихъ сеймахъ въ XIII ст. благодаря защитѣ и поддержкѣ императоровъ окончательно окрѣпло. Въ XV ст. имперскіе сеймы раздѣляются на три коллегіи. Имперскіе сеймы были слабымъ отраженіемъ народныхъ собраній, бывшихъ при Карлѣ В., гдѣ всѣ важнѣйшія дѣла рѣшались при согласіи монарха и народа. Должностныя лица и представители знати дѣйствовали во имя общаго блага[1]). Имперскіе сеймы Свящ. р. имперіи, куда входили только люди привиллегированные исключительно, благо народное оставляютъ въ сторонѣ, заботясь исключительно о своихъ интересахъ.

Только при согласіи всѣхъ трехъ коллегій съ желаніемъ и волею императора законопроектъ получалъ силу закона, «Reichsschluss». Сфера дѣятельности имперскаго сейма не была ограничена точно. Постановленіе и рѣшенія имперскаго сейма Свящ. р. имперіи напоминаютъ капитуляріи только по формѣ. Существо и цѣль первыхъ совсѣмъ иная, чѣмъ послѣднихъ. Капитуляріи франкскихъ королей были общимъ, обязательнымъ закономъ для всѣхъ народовъ, входившихъ въ составъ этого государства. Капитуляріи были общимъ государственнымъ законодательствомъ, примирявшимъ благо и интересы какого-либо племени или какой-либо территоріи съ благомъ и интересомъ всего народа, всей страны. Правительство желаетъ, издавая капитуляріи, дать жизненность идеѣ порядка, законности и единства въ государственномъ управленіи, которое иногда встрѣчало отпоръ со стороны личнаго или племеннаго права. Никто не былъ въ правѣ отмѣнить или ограничить изданный капитулярій. Всѣ органы управленія, какъ центральные, такъ и мѣстные, какъ государственные, такъ и народные, должны были безпрекословно выполнять капитуляріи. Тогда какъ рѣшенія и постановленія имперскаго сейма Свящ. р. имперіи, касаясь ограниченнаго круга дѣлъ, при проведеніи въ жизни вполнѣ зависѣли отъ усмотрѣнія и воли феодальныхъ государей. Пря-

[1]) Waitz, Id. S. 596 ff.

мой связи, преемственности между капитуляріями и рѣшеніями сеймовъ Свящ. р. имперіи не существуетъ. Съ отдѣленіемъ Германіи отъ остальныхъ частей франкской монархіи писанные источники права послѣдней выходятъ изъ употребленія. Имперскіе сеймы, собравшись, не всегда издавали законы. Изъ изданныхъ законовъ большая часть не сохранилась, и въ особенности постановленія сеймовъ, собиравшихся въ первыя два столѣтія существованія Св. имперіи. Законы, изданные сеймами, касаются по-преимуществу двухъ предметовъ: а) привиллегій, дѣлавшихся достояніемъ имперскихъ чиновъ и б) охраны земскаго мира и наказаній, которомъ должны были быть подвергаемы нарушители мира.

Мѣстное управленіе въ Свящ. р. имперіи получаетъ другой характеръ и строй, чѣмъ оно было въ эпоху Карла В. Послѣдній управлялъ страною самъ лично, назначая органовъ управленія въ провинціи. Всѣ дѣла, касавшіяся провинцій, или рѣшались мѣстными общинами подъ надзоромъ королевскихъ чиновниковъ, или же послѣдніе представляли ихъ на окончательное рѣшеніе имперскаго правительства. «Praefecti provinciarum», «missi» были органами правительства, получавшими приказанія отъ короля для выполненія. Свободный человѣкъ, недовольный дѣйствіями королевскаго агента, могъ жаловаться на дѣйствія послѣдняго королю-императору. «Missi», пріѣзжая въ провинціи, созывали собраніе изъ должностныхъ лицъ и свободныхъ людей. Хотя при Карлѣ В. народныя собранія уже утрачиваютъ свое старое значеніе въ дѣлѣ суда и управленія, но связь между мѣстнымъ и центральнымъ управленіемъ поддерживалась чрезъ миссовъ, служившихъ проводниками общихъ началъ государственнаго управленія. Благодаря разрушенію строя народной общины и возникновенію самостоятельности феодаловъ, мѣстное управленіе переходитъ въ полное распоряженіе знати: епископовъ, аббатовъ, герцоговъ и графовъ. Привиллегіи, раздаваемыя королями лицамъ сильнымъ, поставили послѣднихъ въ независимое отъ королевской власти положеніе. Епископы и прелаты пріобрѣтаютъ судебныя функціи старыхъ королевскихъ графовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были ихъ имѣнія. Судебная власть епископовъ съ X ст. увеличивается и потому еще, что многіе изъ свободныхъ людей, продолжая передаваться подъ защиту церковныхъ властей, тѣмъ самымъ

уходятъ изъ подчиненія графовъ. Начиная съ XI ст. германскіе императоры сами передаютъ духовнымъ лицамъ цѣлыя территоріи въ видѣ дара[1]). Владѣнія церкви дѣлаются независимыми государствами, «ducatus», представитель которыхъ, епископъ, становится въ ленныя отношенія къ императору. Епископы передавали полученныя земли въ управленіе графовъ. Дѣятельность послѣднихъ регулируется не властью императора, но—духовнаго государя. Подобныя же отношенія возникаютъ между имперскими князьями и лицами, которыя владѣли землями, принадлежавшими первымъ. Равнымъ образомъ самъ императоръ на такихъ же условіяхъ передаетъ свои земли должностнымъ лицамъ, «Landgrafen», «comites provinciales», должность которыхъ была наслѣдственной. Существо и сфера правъ владѣтельныхъ князей и графовъ въ первыя два столѣтія существованія Свящ. имперіи не вылилась въ юридическую форму. Отношеніе владѣтельныхъ князей къ императору покоилось на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Императоръ предоставлялъ владѣтельному князю или графу право суда, право набора войска и иногда нѣкоторыя привилегіи (сборъ пошлинъ). Право суда и набора войска въ прежнее время принадлежали исключительно императору. 2) Владѣтельный князь, состоя въ ленныхъ отношеніяхъ къ императору, могъ къ свою очередь въ силу леннаго права предоставить право набирать войско опредѣленной категоріи лицъ рыцарскаго сословія, стоящихъ къ нему въ ленныхъ отношеніяхъ. Власть территоріальныхъ князей и графовъ была различною въ разныхъ мѣстностяхъ. Бóльшими полномочіями въ области суда и управленія обладали имперскіе князья и герцоги, чѣмъ другія лица рыцарскаго сословія, «Herrenstand». Усиленію власти феодальныхъ владѣтелей способствовали кромѣ разрушенія строя общиннаго управленія также новая система набора войска и наслѣдственность ленныхъ земель, графствъ и герцогствъ. которыя съ конца XIII ст. признаются недѣлимыми. Феодальные государи, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ функціи суда въ полномъ объемѣ, выработали и особою систему управленія мѣстными дѣлами. Они кромѣ придворнаго штата имѣютъ при себѣ отдѣльныхъ

[1]) Henrici II imp. dipl. a. 1007: «qualiter nos—Cameracensi ecclesiae Comitatum Cameracensem—in proprium donavimus».

лицъ, завѣдывавшихъ сборомъ пошлинъ, управленіемъ недвижимыми имуществами и т. д. Изъ придворнаго штата съ теченіемъ времени образуются должностныя лица. Каждый князь, подражая императору, окружалъ себя извѣстнымъ числомъ прислуги изъ рыцарскаго сословія, «Vasallen», «Dienstleute», съ которыми и совѣтовался объ общихъ дѣлахъ. Такіе сеймы получили названіе «placita» «Landtäge». Мало-по-малу власть территоріальныхъ государей превращается въ самостоятельную и независимую отъ императора. До XVI ст. не всѣ императорскія права, преимущества и привиллегіи перешли въ руки территоріальныхъ государей. Въ XIII и XIV ст. отношеніе территоріальныхъ государей къ императору принимаетъ болѣе или менѣе опредѣленную форму, «Westphälische Freigerichten или Behm-Gerichten». Организація территоріальнаго управленія съ XIV ст., будучи различною въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи, выливается въ болѣе или менѣе стройную систему. Территоріальные государи, созывая мѣстные сеймы и предлагая послѣднимъ для обсужденія общественные вопросы, въ большинствѣ случаевъ испрашиваютъ отъ земскихъ чиновъ: прелатовъ, рыцарей и городовъ, денежной помощи. Взамѣнъ денежной помощи территоріальные государи даютъ мѣстнымъ, земскимъ чинамъ различныя привиллегіи и обѣщанія. Такъ территоріальные государи обѣщаютъ не налагать новыхъ налоговъ безъ согласія чиновъ, не начинать войны безъ совѣта послѣднихъ, не заключать союзовъ, оберегать собственность всѣхъ, не вторгаться въ сферу правъ чиновъ etc.

Такимъ образомъ, начиная съ конца XIII ст., территоріальные владѣтельные князья въ предѣлахъ своей страны, пріобрѣтая права и привиллегіи отъ императоровъ, стали обладать бо́льшими правомочіями, чѣмъ самъ императоръ въ имперіи. Обязанности территоріальнаго князя въ отношеніи императора и имперіи не имѣли никакого почти вліянія на внутреннее управленіе данною территоріею. Власть территоріальныхъ владѣтельныхъ государей достигла къ XV ст. громаднаго значенія; они являются законодателями въ предѣлахъ своей страны, въ чемъ имъ много помогаютъ и земскіе чины. Всѣ такіе законодательные акты носятъ въ большинствѣ случаевъ полицейскій характеръ, преслѣдуя общую цѣль, а именно: поддержаніе правоваго порядка и безопасности въ странѣ. Развитіе

территоріальной власти повлекло за собой развитіе мѣстнаго права: «das österreechisches Landrecht» XIII ст., «das bairische Rechtsbuch», «das rheingausche Landrecht». Полное собраніе мѣстнаго права относится къ ст XVI ст., хотя и въ XV ст. оно имѣетъ немаловажное значеніе. Въ правовыхъ территоріальныхъ памятникахъ трактуется о городовомъ правѣ, «das bürgerliche Recht», и о полицейскихъ уставахъ, «Landesordnungen»[1]). На мѣстныхъ сеймахъ сплошь и рядомъ заходилъ вопросъ объ устройствѣ судебнаго управленія. Поэтому, мы находимъ, что нѣкоторыя предписанія территоріальныхъ государей касаются и судебной организаціи, которая бы соотвѣтствовала новымъ условіямъ мѣста и времени. Такіе уставы получаютъ названіе «Gerichtsordnungen»[2]). Мѣстное территоріальное управленіе послѣ эпохи кулачнаго права крѣпнетъ. Во время кулачной расправы, «in den vewirten Zeiten des grossen Interregni», рѣшенія имперскихъ сеймовъ, направленныя къ установленію правоваго порядка, утратили всякую силу. Поэтому, территоріальная власть задачу охраны мира и порядка беретъ на себя, назначая ради этой цѣли спеціальныхъ органовъ управленія, носившихъ различныя названія: Landeshauptmann, «Grossvogt», «Vicedom». Задача такихъ властей заключалась по-преимуществу въ поддержаніи общественной безопасности, въ надзорѣ за подчиненными имъ должностными лицами и въ защитѣ интересовъ мѣстнаго владѣтельнаго князя. Высшая судебная власть сосредоточивалась однако въ рукахъ самаго владѣтельнаго господина. Ради точнаго надзора за доходами территоріальныхъ владѣльцевъ назначаются спеціальные чиновники, «Rentmeister», Kammermeister», которые ведутъ особыя инвентарныя книги, «Landbücher», «Amtsbücher». Судебно-административное устройство въ предѣлахъ территоріальныхъ государей пріобрѣтаетъ болѣе устойчивую, чѣмъ прежде, организацію. Рядомъ съ «Landesgericht»'омъ, разбиравшимъ по-преимуществу споры, возника-

[1]) Thüringische Landesordnung 1446 г.; Bairische L.—Ordn.—1491; Sächsische L.—Ordn. 1482; Wirtembergische L.—Ordn. изд. 1515.

[2]) Gerichtsordnung H. Ludwigs von Baiern отъ 1474; Gerichtsordnung Landgr. Ludwigs von Hessen отъ 1455 и другіе. См. Senkenberg, Corp. jur. Germ. Tom. I. 2. S. 139.

вшіе изъ ленныхъ отношеній, дѣйствуетъ и «Hofgericht», во главѣ котораго въ XV ст. находится при всѣхъ княжескихъ дворахъ канцлеръ. Канцлеръ былъ ученымъ юристомъ, «Doctor juris». Недовольный рѣшеніемъ «Hofgericht'а» могъ апелировать въ «Reichskammergericht». При Максимиліанѣ I учрежденія территоріальныхъ князей реорганизуются по тому примѣру, который онъ установилъ въ австрійскихъ земляхъ.

II. Принадлежность и поселеніе въ общинѣ.

До X ст. не существовало различія между сельскимъ и городскимъ населеніемъ въ Германіи. Въ X ст. народъ раздѣляется на двѣ половины, изъ которыхъ одна ищетъ военной славы и богатства, а другая стремится найти безопасность для своего имущества и личности. Первая часть примыкаетъ къ дворянству и, поступивъ къ нему на службу, «Dienerschaft», ведетъ рядомъ съ нимъ войну противъ норманновъ, славянъ и венгерцевъ; вторая—выбираетъ своимъ занятіемъ промыслы или земледѣліе. Промышленные люди поселяются въ городахъ; земледѣльцы живутъ въ деревняхъ. Привиллегіи отъ императоровъ получали не только духовные и свѣтскіе магнаты, но и нѣкоторыя общины, «villae publicae», названнныя съ теченіемъ времени «civitates». Императоръ назначалъ въ такія общины иногда своего графа, называемаго фогтомъ, для отправленія правосудія. Въ бурную эпоху, начавшуюся съ конца IX т., во многихъ общинахъ или округахъ были устроены крѣпости, «castra». Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крѣпость совпадала съ чертою общины, въ другихъ же—крѣпость располагалась за общинною чертою. Какъ жители крѣпости, «Burgenses», такъ и жители общины, «cives», подъ предводительствомъ фогта принуждаемы были сплошь и рядомъ въ X и XI ст. давать отпоръ вооруженною рукою внѣшнимъ врагамъ. Вотъ почему мы видимъ, что до XII ст. въ средѣ гражданъ встрѣчается много лицъ, знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ. Въ X ст. рядомъ съ основанными еще римлянами на Рейнѣ и Дунаѣ городами возникаютъ военныя поселенія, имѣвшія цѣлью давать отпоръ набѣгамъ славянъ, норманновъ и венгровъ. Многія изъ такихъ поселеній возникли въ эпоху Генриха I въ Тюрингіи и въ другихъ маркахъ. Въ та-

кихъ укрѣпленныхъ поселеніяхъ жители имѣли лучшія условія для занятія промыслами, чѣмъ въ другихъ открытыхъ для внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ общинахъ. «Изъ древнихъ актовъ видно», замѣчаетъ Арнольдъ[1]), «что свободные люди въ городахъ обладали недвижимой собственностью, и что родоначальники гражданъ происходили не изъ сословія зависимыхъ, но изъ сословія людей свободныхъ». Этотъ классъ и составилъ главное ядро городскихъ гражданъ, носившихъ названіе «milites», «cives». Тамъ, гдѣ свободная община осталась существовать, сохранилось понятіе о свободной земельной собственности. Въ XII ст. городскія общины, будучи вначалѣ иммунитетными, покровительствуемыми или королемъ, или владѣтельнымъ вассаломъ корпораціями, пріобрѣтаютъ самостоятельность въ управленіи общинными дѣлами. Въ актахъ общинъ мы находимъ постоянно выраженія: «allodium и proprietas», обозначавшія понятіе собственности, соотвѣтствующее понятію свободы и полноправія. Современное германское право какъ частное, такъ и публичное, было охранено отъ исчезновенія при посредствѣ городовъ, возникнувшихъ въ эпоху среднихъ вѣковъ. «Неудержимо», говоритъ Гирке[2]), «стремятся городскія общины во второй половинѣ XII и въ началѣ XIII ст. къ самостоятельности; города, пріобрѣтая право самостоятельности кровью, деньгами или благодаря долго существовавшему обычаю и договору, обезпечиваютъ себѣ твердую почву для самоуправленія». Въ городахъ публичное и частное право нашли твердую почву; законность обезпечивала свободу личности и собственности; военное, финансовое и полицейское управленіе городскаго самоуправленія, развитыя на обычнѣмъ правѣ, вылились въ писанную форму. Весь строй городскаго управленія и суда послужилъ прообразомъ для организаціи ихъ въ тирриторіальныхъ государствахъ. Городское самоуправленіе охранило идею гражданскаго права, связаннаго съ соотвѣтствующими гражданскими обязанностями. Въ средневѣковыхъ городахъ древняя народная община не утратила принциповъ, жившихъ въ народномъ правосознаніи.

---

[1]) Zur Geschichte des Eigenthums in den deutschen Städten S. 10 ff.
[2]) Id. Bd. I. S. 303.

Организація городскаго общиннаго управленія вырабатывается практикою исподволь. Городъ, состоящій изъ граждан, «cives», самъ управлялъ городскимъ имуществомъ и хозяйствомъ. Въ главѣ управленія находился городской совѣтъ, «Gemeinderath. Въ составъ совѣта входили выборные граждане. Во главѣ совѣта мы находимъ городскаго голову, фогта, бюргермейстера, «magister civium». Высшимъ покровителемъ городовъ считался императоръ. Въ управленіи городскими дѣлами сначала не принимали участія ремесленники и лица, находившіяся подъ покровительствомъ лицъ сильныхъ. Всѣ города, какъ только начинали чувствовать свою силу, стремились пріобрѣтать къ городу земельную собственность. Принятіе городскою общиною негорожанъ, «Ausbürger», Pfalbürger» увеличивало силу города. Свободные сельскіе люди, оставляя хозяйство, охотно переселялись въ черту, на территорію города, обезпечивавшаго имъ условія безопастности. На ростъ германскихъ городовъ оказали вліяніе ломбардскіе, гдѣ сила дворянства была не такъ значительна, какъ въ Германіи, и гдѣ прежде цвѣтущая промышленность и торговля еще не совсѣмъ рушились. Духовная и свѣтская аристократія, лишившись многихъ подданныхъ, жившихъ на ихъ земляхъ и отбывавшихъ въ ихъ пользу повинности, принуждена была переложить тяжести на оставшихся. Политика Гогенштауфеновъ стремится возстановить старое значеніе монархіи въ Италіи, гдѣ, городскія республики, соединившись въ общій союзъ, даютъ отпоръ попыткѣ Фридриха I. Германскіе города сознаютъ въ свою очередь необходимость единенія ради обезпеченія условій безопасности. Въ XIII ст. возникаютъ союзы городовъ: «Hansa Teutonica» 1241 г. и Рейнскій союзъ болѣе, чѣмъ изъ 60 городовъ въ 1247 г. Союзы городъ не угрожали власти и авторитету императоровъ. Но Гогенштауфены привыкли смотрѣть на городскія вольности, какъ на противорѣчіе верховой власти императора. Союзы городовъ на самомъ дѣлѣ болѣе угрожали власти князей и графовъ, чѣмъ интересу и авторитету императоровъ. Поэтому, Фридрихъ II [1]) даетъ привиллегію въ пользу дворянства и высшаго духовенства, которая состояла въ томъ, что города не могли заключать между собой союзовъ, принимать къ себѣ лицъ зависимыхъ и дозволять гражданамъ ор-

[1]) Fr. II Imp. Constitutio.

низовать ассоціаціи: «Irritamus nihilominus et cassamus cujuslibet artificii confraternitates seu societates quocunque nomine vulgariter appellantur». Въ XIII ст. ни одинъ императоръ не дѣлаетъ попытки воспользоваться силою городовъ а напротивъ, какъ король Генрихъ Тюрингскій, подтверждаетъ постановленіе Фридриха II: «quod nulla civitas seu oppidum communiones, constitutiones, colligationes» confoederationes, vel conjurationes aliquas quocunque nomine censeantur facere possit [1])». Не смотря на неблагопріятное отношеніе императоровъ гогенштауфенской династіи къ росту и самостоятельности городовъ, они вырабатываютъ свое право, направленное на охрану свободы личности и собственности. Строй и организація городскаго самоуправленія покоились на началахъ свободы. Городамъ приходилось съ большими усиліями отстаивать свое существованіе, прибѣгая иногда къ наему войскъ. Феодальные господа учиняютъ городамъ всякаго рода притѣсненія и насилія. Владѣтельные сеньоры не мирятся съ независимостью и свободою городовъ. Нѣкоторыя городскія общины, уплативъ феодальнымъ господамъ выкупные платежи, ревностно охраняютъ свою независимость по примѣру итальянскихъ городовъ. Самостоятельность городской общины развивается рядомъ съ понятіемъ свободной земельной собственности[2]). Эти малыя республики защищаютъ и свободу личности [3]). Съ экономическимъ прогрессомъ городовъ развивается и городовое право. Самымъ древнимъ писаннымъ городовымъ правомъ считается страсбургское [4]). Основа городоваго права находится въ обычномъ правѣ и тѣхъ привиллегіяхъ, которыя города получали отъ императоровъ и территоріальныхъ владѣтелей. Благодаря долгой и упорной борьбѣ города становятся самостоятельными, независимыми

---

[1]) Reichs—Absch. a. 1231.

[2]) Arnold, zur Geschichte des Eigenthums in den deutschen Städten S. 238: «burgensis qui proprium non obligatum sed liberum valens marcham unam in civitate habuerit».

[3]) «Ein gleichzeitiges günstiges Ereigniss für die Erhaltung der alten angestammten Freiheit war aber die Entstehung der Städte», замѣчаетъ Eichhorn, R. G. Th. II. S. 74. ff.

[4]) P. Winter, Geschichte der Rathes in Strassburg; Второе городовое право относится къ XIII ст. 1878. S. 31.

политическими единицами и въ особенности города имперскіе, власть и авторитетъ, «Landeshoheit», которыхъ не уступаютъ власти территоріальныхъ князей. При изложеніи городскаго самоуправленія приходится обратить вниманіе на отношеніе городовъ къ территоріальной власти, на устройство городскаго управленія, на привиллегіи городовъ и на принадлежность и поселеніе въ городахъ, такъ какъ эти явленія восполняютъ другъ друга.

Городская община и ея имущества не подлежали вѣдѣнію и власти территоріальнаго государя. Общественныя власти были выборными; онѣ вѣдали имуществомъ городской корпораціи и являлись исполнителями правъ и обязанностей какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ, принадлежавшихъ городской общинѣ, какъ политически-самостоятельной единицѣ. Городскія власти надзирали за порядкомъ въ чертѣ города и въ особенности за промыслами, словомъ, онѣ вѣдали всѣми общественными учрежденіями. Право территоріальнаго государя отправлять правосудіе, «Gerichtsbarkeit», въ чертѣ городской территоріи при посредствѣ назначеннаго имъ фогта во многихъ городахъ исчезаетъ. Городская коммуна выкупаетъ это право отъ территоріальнаго владѣтеля и потому становится независимой; она подчиняется только императору, какъ представителю единства и верховному охранителю мира Свящ. римской имперіи. Поэтому территоріальный государь имѣлъ право только на крѣпость, «Burg», и тамъ, гдѣ она существовала. Независимость городовъ пріобрѣтается не въ одно время; она обусловливалась мѣстомъ, временемъ, силою территоріальнаго государя и самаго города и т. д.

Городской совѣтъ былъ высшимъ органомъ городскаго самоуправленія. Всѣ привиллегіи, получаемыя городомъ отъ императора или территоріальнаго государя, «добывались» по-преимуществу городскимъ совѣтомъ. Въ составъ совѣта, во главѣ котораго находились нѣсколько или одинъ бюргермейстеръ, выбирались полноправные граждане, городскіе патриціи на опредѣленное время, а также и другіе свободные люди. Въ эпоху первоначальнаго роста городовъ т. е. до XIV ст. ни ремесленники, ни купцы не имѣли права быть выбранными въ городской совѣтъ. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ: внѣшнія сношенія, наложеніе новыхъ сборовъ, городской совѣтъ испрашивалъ согласія всѣхъ гражданъ. Въ нѣкоторыхъ же городахъ ради

контроля за управленіемъ городскихъ властей избирался спеціальный коммитетъ изъ гражданъ-патриціевъ.

Благодаря слабости въ феодальный періодъ королевской власти, которая не въ силахъ была охранять правовой порядокъ въ странѣ, города всѣми силами добиваются политической автономіи. Императоры и феодальные владѣтели подтверждаютъ привиллегіи городамъ, «jura et privilegia ab antiquo habita». Городскія общины были противоположеніемъ общей безурядицѣ, слабости государственнаго строя и произвола сильныхъ. Къ числу привиллегій, пріобрѣтаемыхъ городами отъ императоровъ или территоріальныхъ государей, слѣдуетъ причислить и тѣ, которыя обезпечивали развитіе въ стѣнахъ и около стѣнъ города ремеселъ. Къ числу такихъ правъ и привиллегій, вліявшихъ въ значительной степени на развитіе промысловъ, принадлежатъ: «Stapel-und Einlagerrecht» т. н. право города задерживать провозимые мимо его товары въ складахъ города, чѣмъ достигалась дешевая продажа; потомъ, право города устраивать торги и выдавать охранныя грамоты, «Markt-und-Geleitsrecht» [1]); далѣе, нѣкоторые города получали привиллегіи, освобождавшія ввозимые и вывозимые изъ города товары отъ сбора пошлинъ, «Zollfreiheit» и, наконецъ, города пріобрѣли право на устройство союзовъ и право на занятіе всѣми или только исключительными промыслами. Единенія лицъ, образовавшіяся съ цѣлью занятія извѣстными промыслами, получаютъ названія: «Gilden», «Innungen», «Zünfte», «Brüderschaften». Члены такихъ корпорацій обязуются заниматься извѣстнымъ промысломъ подъ руководствомъ выбраннаго ими лица и по опредѣленнымъ правиламъ, утвержденнымъ или городскимъ совѣтомъ, или территоріальнымъ государемъ и кромѣ того—отказывать заниматься такимъ промысломъ всякому, кто не будетъ принятъ въ члены корпораціи. Въ XII ст. цеховыя учрежденія какъ торговыя, такъ и промышленныя встрѣчаются во многихъ городахъ. Тѣ и другія вносили особую плату го-

---

[1]) Такъ въ городской привиллегіи г. Фрейбурга отъ 1120 г. сказано: «Dedit autem pacem et securitatem itineris, omnibus forum ejusdem civitatis adeuntibus hoc promittens, quod quicunque sua spoliatus fuerit, si predonem nominatim exprimeret aut reddi faceret aut ipse persolveret». Schoepflin, Hist. Zac. Bad. Tom. 5. p. 50.

родскому совѣту, который передавалъ ее или императору, или территоріальному государю за привиллегіи, освобождавшія товары отъ сбора пошлинъ. Въ XIII ст. возникаетъ т. наз. «Bannmeile» т. е. привиллегія, состоявшая въ томъ, что жители сосѣднихъ съ чертою города мѣстъ не могли заниматься тѣми промыслами, которыми занимаются цеховыя корпораціи въ городѣ[1]).

Самостоятельность городской общины имѣла послѣдствіемъ то, что въ XIV и XV ст. населеніе всѣхъ городовъ увеличилось, и что увеличившееся населеніе пользуется благосостояніемъ и безопасностью. Торговля и промыслы процвѣтаютъ. Экономическое благосостояніе и правовой строй городской общины даютъ ей возможность пріобрѣтать все большія и большія права на независимисть. Города какъ имперскіе, «Reichsstädte» такъ и мѣстные, «Landstädte», мало чѣмъ отличаясь другъ отъ друга какъ со стороны внутренней организаціи управленія, такъ и со стороны отношенія ихъ къ императорской и территоріальной власти, представляютъ иную картину, чѣмъ селенія и деревни. Росту городовъ много способствовало пріобрѣтенное цехами право участвовать въ городскомъ управленіи. Борьба между старыми гражданами и новыми, цеховыми, въ XIV и XIV ст., не смотря на нѣкоторыя неудачи послѣднихъ, окончилась въ пользу ихъ. Увеличившееся число полноправныхъ гражданъ, имѣвшихъ право принимать участіе въ управленіи городскими дѣлами, вліяетъ еще болѣе, чѣмъ прежде, на самостоятельность и независимость городской общины. Въ нѣкоторыхъ городахъ въ городской совѣтъ входили кромѣ представителей отъ старыхъ гражданъ, «Altbürger», еще представители отъ цеховъ[2]). Въ другихъ городахъ весь строй управленія находился въ зависимости отъ организаціи гражданъ по цехамъ, изъ которыхъ не всѣ имѣли право посылать пред-

---

[1]) Fr. II. Const. de jur. Princ. secularium a. 1232: «in civitatibus nostris novis bannum milliare deponatur».

[2]) Senkenberg, Corp. jur. Germ. Tom. I. P. 2. p. 5. Городской совѣтъ Галле въ 1340 г. состоитъ изъ 25 членовъ, изъ коихъ 12 представителей отъ старыхъ гражданъ, «Altbürger», 6 представителей отъ среднихъ гражданъ, «mitler Bürger», и 8 представителей отъ цеховыхъ, «von denn Hanttwerckherrn».

ставителей въ городской совѣтъ. Въ главныхъ городахъ старые граждане, вступая въ цехи, сливаются съ новыми. Увеличившееся число полноправныхъ гражданъ, связанныхъ идеей преслѣдованія общихъ цѣлей, привело наконецъ къ тому, что при городскомъ совѣтѣ образуются разныя должности, которыя вѣдаютъ разными отраслями городскаго хозяйства и управленія. Блестящая эпоха торговли и промысловъ обязана главнымъ образомъ правовому порядку, существовавшему только въ городахъ. Послѣдніе заботились общими силами охранить безопасность и на дорогахъ, которую не всегда въ силахъ былъ поддержать территоріальный государь. Разбойническія шайки рыцарей находили сильный отпоръ со стороны городовъ. Рыцари несли такое-же наказаніе, какъ и простые разбойники. Города общими силами, заключая союзы, стремятся охранить безопасность путей сообщенія для торговыхъ людей, переходящихъ изъ одного города въ другой. Швабскій союзъ городовъ на югѣ, а ганзейскій—на сѣверо-востокѣ были настолько сильны, что могли вести войны даже съ внѣшними врагами на свой счетъ.

Ростъ и благосостояніе городовъ привлекалъ многихъ постороннихъ на житье и поселеніе въ городской общинѣ. Въ городахъ, по словамъ Арнольда, скоро исчезли понятія «Leibeigenschaft» и «Hörigkeit.» Городская община была союзомъ свободныхъ лицъ. Городскія привиллегіи XII и XIII ст. состояли по существу въ томъ, что всѣ члены городской общины должны были быть свободными отъ сбора и уплаты крѣпостныхъ повинностей, и поэтому никто изъ лицъ зависимыхъ, по прошествіи опредѣленнаго срока, не могъ быть лишенъ свободы. Граждане, вступая въ связь другъ съ другомъ, охраняютъ принципъ самоуправленія. Городская община является на первыхъ порахъ своего возникновенія не только союзомъ частнымъ, но и публичнымъ. Провести грань, отдѣлявшую частные интересы отъ общественныхъ, представляется труднымъ на первыхъ порахъ возникновенія городскаго самоуправленія. Съ теченіемъ времени, когда городская община окрѣпла, частныя интересы общины уступили первенство публичнымъ. Городская община, достигнувъ экономической самостоятельности, пріобрѣтаетъ права политическаго союза[1]). Старыя выраженія:

[1]) Gierke, Id. Bd. II. S. 691.

«Gemeinde, communio,» употреблявшіяся для обозначенія марки, какъ частнаго и публичнаго института, утрачиваютъ свое значеніе [1]).

Къ городской, политической единицѣ, «Bürgerschaft» принадлежалъ тотъ, кто былъ членомъ городской общины, кто пріобрѣлъ право гражданства, «Bürgerrecht,» «jus civis, qui vulgariter dicitur purchrecht»[2]). Понятіе права гражданства было понятіемъ политическимъ. Пріобрѣтеніе правъ гражданства обусловливалось различными моментами и носило иной характеръ, чѣмъ пріобрѣтеніе правъ члена сельской общины. Первоначально пріобрѣтеніе права гражданства обусловливалось двумя моментами: обладаніемъ извѣстнымъ имуществомъ и—извѣстными личными качествами. Обладаніе извѣстнымъ имуществомъ выражалось въ томъ, что полноправный гражданинъ имѣлъ собственное домохозяйство[3]), недвижимую собственность[4]). Въ то время, когда полноправными гражданами считались патриціи, владѣніе недвижимымъ имуществомъ или домомъ давало не только право полнаго гражданства, но и нѣкоторыя еще преимущества [5]). Съ теченіемъ времени нѣкоторые города, хотя и не требуютъ обладанія недвижимой собственностью, но всетаки гражданинъ обязанъ былъ имѣть домохозяйство и жить или въ собственномъ жилищѣ, или въ наемномъ. Городская община была убѣждена, что только зажиточный человѣкъ въ состояніи посвящать свою дѣятельность политическимъ обязанностямъ, уплачивать городскіе налоги и отбывать повинности [6]). Съ того времени, какъ цехи завоевали себѣ право гражданства въ городской общинѣ, требованіе имѣть недвижимую собственность для пріобрѣтенія правъ гражданства теряетъ свое значеніе [7]). Гражданинъ могъ имѣть недвижимость, могъ и не имѣть таковой: «bürger mit behausung oder auch

---

[1]) Maurer, Städteverfassung Bd. II. S. 190 ff.

[2]) Gierke, Ib.

[3]) Maurer, Städteverfassung. Bd. II. S. 195. Not. 8. 9. 11.

[4]) Id. Bd. II. S. 197—98.

[5]) Въ Гамбургѣ по городовому праву 1270 года такіе граждане назывались: «erfseten borgere, erfhafte lude». Gierke, Geschichte des deutschen Körperschaftsbegriffs Bd. II. S. 692. пр. 6.

[6]) Maurer, Ib. Bd. II. S. 754.

[7]) Ib. S. 726.

ohne hausz gesessen»[1]). Полноправнымъ гражданиномъ сталъ признаваться тотъ, кто имѣлъ жилище на территоріи, принадлежащей городу. Иногородецъ, даже владѣвшій въ чертѣ города недвижимымъ имуществомъ, не пріобрѣталъ правъ гражданскихъ. Непринадлежащіе городу граждане, имѣвшіе въ чертѣ города недвижимость, хотя и не пользовались правомъ гражданства, но уплачивали налогъ съ недвижимости въ пользу города [2]). Поэтому, главный моментъ принадлежности къ городской общинѣ сталъ съ теченіемъ времени опредѣляться не правомъ собственности или правомъ владѣнія, но личною принадлежностью къ городской общинѣ. Личная принадлежность въ свою очередь опредѣлялась двумя моментами: рожденіемъ и принятіемъ. Первый моментъ заключался въ томъ, что родившійся долженъ былъ быть сыномъ полноправнаго гражданина. Второй моментъ состоялъ въ томъ, что желающій пріобрѣсти право гражданства заявлялъ органамъ городскаго управленія о своемъ намѣреніи. Форма принятія въ граждане такого лица сопровождалась согласіемъ органовъ власти, которые записывали вновь принятаго въ городскую книгу [3]), и которые требовали принесенія присяги [4]). Маурерь [5]) кромѣ того замѣчаетъ, что формальное согласіе городскихъ общинъ давалось въ томъ случаѣ, когда желавшій пріобрѣсти право гражданства представлялъ согласіе цеха. Кромѣ того, по его мнѣнію, право гражданства пріобрѣталось и въ томъ случаѣ, когда лицо обладало въ чертѣ города недвижимостью въ теченіе года и дня. Наконецъ, принятіе въ число гражданъ стало обусловливаться не согласіемъ общинныхъ властей на принятіе, а простою заявкою лица, что оно желаетъ быть членомъ городской общины. Городъ требуетъ, чтобы желающій пріобрѣсти право гражданства обладалъ опредѣленными личными качествами: наприм., безпорочнымъ поведеніемъ [6]), способностію уплатить

[1]) Gierke, Id. Bd. II. S. 693. пр. 10.

[2]) Maurer, Bd. II. S. 240.

[3]) Въ Кёльнѣ городская книга называлась «Karta civium», въ Любекѣ—«Littera civilitatum», въ Гамбургѣ — «Liber civium». См. Gierke, Bd. II. S. 693.

[4]) Ib.: «ein geboren off eyn gesworen burger».

[5]) B. II. S. 745.

[6]) Maurer, Bd. II. S. 754.

опредѣленную сумму денегъ [1]) и обязанностью подчиняться городскимъ правамъ и постановленіямъ. Пріобрѣвшій право гражданства не могъ ни прямо, ни косвенно передать это право другому.

Пріобрѣвшій право гражданства лишался его во-первыхъ тогда, когда онъ добровольно уходилъ изъ города [2]) и во-вторыхъ тогда, когда онъ подвергался уголовному наказанію за преступленіе.

Пріобрѣвшій право гражданства получалъ извѣстныя правомочія и несъ извѣстныя обязанности. Существо гражданскихъ правъ заключалось въ слѣдующемъ: въ правѣ пользоваться защитою и покровительствомъ со стороны городскихъ властей [3]), въ правѣ участвовать въ городскомъ самоуправленіи, въ городскихъ собраніяхъ, въ правѣ выбирать городскихъ властей и быть выбраннымъ въ послѣднія и въ правѣ участвовать въ городскомъ судѣ [4]). Рядомъ съ такими правами гражданинъ несъ извѣстныя обязанности, напр. онъ обязанъ былъ нести военную и сторожевую службу [5]), быть членомъ суда [6]), отправлять городскія повинности и службы, а также уплачивать общіе городскіе налоги [7]). И дѣйствительно, въ цвѣтущую эпоху городовъ для каждаго гражданина не составляло большой тяжести нести повинности въ пользу города, жертвовать ради защиты родины имуществомъ и жизнію потому, что родной городъ доставлялъ возможность пользоваться условіями безопасности и благосостоянія.

Иное положеніе, юридическое и экономическое, представляетъ сельское населеніе, чѣмъ городское. Политическая анархія,

---

[1]) «Quicumque extraneus accedens ad oppidum in Wettera vult habere communionem, que vulg. almeinde dicitur, dabit advocato 20 den. leves et communitati 20 den. leves». Gierke, B. II. S. 694. пр. 17.

[2]) Maurer, Id. Bd. II. S. 762 ff.

[3]) Maurer, Id. Bd. II. S. 819.

[4]) Ib., Bd. II. S. 767.

[5]) Ib., S. 391.

[6]) Ib, S. 819.

[7]) «Wer nicht teglich mit der staat leidet ubel u. gut in allen sachen, losung u. ander beswerung, der ist nicht burger u. hat kein burgerrecht».; Münchener Stadtrecht: «die hie zu München purger nicht sind, die wachten u. steuern nicht mit andern purgern»; Gierke, Bd. II. S. 697.

начавшаяся въ X ст., отразилась самымъ печальнымъ образомъ на сельскомъ населеніи. Переходъ свободныхъ людей подъ защиту лицъ сильныхъ увеличилъ число зависимыхъ людей съ одной стороны, съ другой — отпускъ рабовъ на волю уменьшилъ число рабовъ, какъ лицъ вполнѣ безправныхъ[1]). Отпущенный на волю рабъ находилъ для себя выгоднымъ вступать въ зависимыя отношенія къ лицу сильному, дававшему ему землю и принимавшему его подъ свою защиту. Разрушеніе старой общины, охранявшей свободу и собственность земледѣльческаго сословія, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что общинники подпадаютъ подъ власть крупныхъ земельныхъ собственниковъ. Феодальная система въ Германіи не уничтожила вполнѣ старой организаціи народной общины. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи рядомъ съ общинами, принадлежавшими господамъ, мы встрѣчаемъ немалое число свободныхъ общинниковъ[2]). Увеличеніе власти лицъ сильныхъ всетаки въ значительной степени повліяло на уменьшеніе свободныхъ общинъ[3]). Въ концѣ IX и въ X ст. многія свободныя общины становятся господскими. Совмѣстная жизнь свободныхъ земледѣльцевъ съ людьми зависимыми, «Hörige», приводила къ тому, что и первые становились людьми зависимыми[4]). Поселеніе свободныхъ людей на землѣ феодаловъ всегда влекло за собой нѣкоторую зависимость. Такіе люди съ теченіемъ времени мало чѣмъ отличались отъ людей зависимыхъ[5]). Но въ эпоху дѣйствія саксонскаго зерцала, «Sachsenspiegel», и даже еще позднѣе значительное число сельскаго населенія обладаетъ свободною собственностью, и при томъ довольно значительное число свободныхъ общинъ ревностно охраняютъ общую свободу[6]). Значительное число свободныхъ общинниковъ встрѣчается въ Фрисландіи и Швейцаріи[7]). Хотя весь народъ и началъ дѣлиться во вторую половину среднихъ вѣковъ на благородныхъ и неблагородныхъ, «nobiles et ignobiles»[8]),

[1]) Waitz, deutsche Verfassungsgeschichte Bd. V. S. 185.
[2]) Gierke, das deutsche Genossenschaftsrecht Bd. I. S. 202 ff.
[3]) Maurer, Einleitung. S. 288 ff.; Dorfverfassung Bd. II. S. 191 ff.
[4]) Maurer, Markenverf. S. 69. 87 и 141.
[5]) Maurer, Fronh. Bd. 1. S. 106 ff.; Eichhorn, R. G. Th. II. S. 343.
[6]) Maurer, Markenverf. S. 94; Dorfverf. Bd. I. S. 7 ff; Bd. II. S. 368
[7]) Gierke, Id. Bd. I. S. 203.
[8]) «Sive plebes sive nobiles» Waitz, Bd. V. S. 187 ff.

но и нѣкоторые изъ плебеевъ были людьми свободными, обладавшими земельною собственностью. Между полноправными свободными людьми и крѣпостными, жившими въ маркѣ, была разница, что подтверждаютъ правовые памятники XIII ст. Саксонское зерцало упоминаетъ о такъ называемыхъ «freie Landsassen», которые, не считаясь ни рыцарями, ни гражданами, были свободными земледѣльцами[1]). Свободными общинами признавались тѣ села и деревни, жители которыхъ, не будучи въ зависимости отъ господъ-землевладѣльцевъ, находились подъ покровительствомъ императора: «liberi malmanni», «muntmanni», «homines advocatii»[2]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда господинъ отпускалъ на волю своего крѣпостнаго, послѣднiй получалъ права свободнаго поселянина, «freies Landsasses»[3]). Вообще трудно провести границу между свободнымъ сельскимъ населенiемъ и зависимымъ, такъ какъ въ памятникахъ XIII и XIV ст. для обозначенiя сельскаго населенiя и групъ его существовали различныя наименованiя не только на народномъ языкѣ, но и на латинскомъ[4]). Понятiя свободы и зависимости, обозначавшiя сословныя отношенiя, имѣли во вторую половину среднихъ вѣковъ иной характеръ, чѣмъ тѣ-же отношенiя въ XVIII ст.[5]). Что число свободныхъ общинъ уменьшается въ это время—это внѣ сомнѣнiя. Возникаютъ общины со смѣшаннымъ населенiемъ[6]).Такъ называемые «Vogteileute»,«Hintersassen» имѣли опредѣленныя права на землю; они могли вступать съ другими въ правовыя отношенiя. Къ этой же группѣ можно причислить: «Meier», «Zinsleute»; они, обработывая землю другихъ, вступали съ послѣдними въ договорныя временныя отношенiя. Швабское зерцало подъ понятiемъ крестьянъ, «Bauerstand», подразумѣваетъ не только свободныхъ, безземельныхъ людей, но и землевладѣльцевъ[7]). На основанiи правовыхъ памятни-

---

[1]) Sächs. Landr. Art. 73. u Art. 45: «welche da kommen und fahren Gastesweise in dem Lande und kein Eigenes darin haben».

[2]) Maurer, Fronh. Bd. II. S. 7.

[3]) Sächs. Landr. 1. Art. 16; Schwäb. Landr. Art. 56.

[4]) Grimm, R. A. S. 280.

[5]) Eichhorn, Id. Th. II. S. 563.

[6]) Maurer, Fronh. Bd. IV. S. 474; Markenv. S. 87.

[7]) Eihhorn, R. G. Th. II. § 382. Not. a.

ковъ средневѣковой эпохи полноправными лицами считались: прелаты, господа, рыцари и горожане, а людьми, не имѣвшими никакихъ правъ, считались: несвободные, крѣпостные[1]). Лица же, находившіяся подъ покровительствомъ полноправныхъ гражданъ, не были людьми кабальными, рабами. Этотъ классъ населенія пользовался извѣстными правами въ противоположность людямъ кабальнымъ. Существовало много людей среди сельскаго населенія, которые, будучи людьми свободными, находились къ крупнымъ поземельнымъ собственникамъ въ различной степени зависимости, но только зависимости не рабской, не крѣпостной. Сплошь и рядомъ среди господскихъ владѣній встрѣчались свободныя общины[2]). Рабъ отличался отъ человѣка зависимаго тѣмъ, что онъ разсматривался вещью. Рабъ могъ быть отчуждаемъ господиномъ всякими способами[3]). Права господина на зависимаго человѣка были ограничены. Провести различіе между зависимыми людьми, что мы встрѣчаемъ у Маурера[4]), очень трудно[5]). До XV ст. свободная община отстаиваетъ свои права, свой общинный строй. Автономія общины свободныхъ людей мало чѣмъ ограничивается. Только съ теченіемъ времени у свободной общины не хватило силъ и средствъ охранить общинную организацію противъ окрѣпшаго института крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, противъ натиска территоріальной власти и—положеній римской юриспруденціи. «И вотъ мы видимъ», говоритъ Гирке[6]), «что германская свободная община утрачиваетъ не только политическую свободу, но и самостоятельность во внутреннемъ управленіи». Возникнувшая въ XIII ст. зависимость свободнаго крестьянскаго сословія въ XV ст. вполнѣ окрѣпла. Поэтому, до XV ст. свободная община тамъ, гдѣ она сохранилась, выступала стражемъ

---

[1]) Sächs. Landr. Art. 32; Schwäb. Landr. Art. 74; Schwabensp. Art. 440. t. 14 гласитъ: «hat ain herr einen aygen man»...

[2]) Maurer, Dorfv. Bd. I. S. 9.

[3]) Waitz, Id. Bd. V. S. 191: «in proprium servitium contradidit, in proprietatem servitii» etc.

[4]) Fronh. Bd. II.

[5]) Waitz, Id. Bd. V. S. 193 ff. пользуется системою перечисленія лицъ зависимыхъ.

[6]) Bd. I. § 24. S. 206 и §§ 53 и 55.

общиннаго мира и права, охранителемъ общихъ интересовъ всѣхъ ея членовъ.

Главная основа общины покоилась на томъ, что связь члена съ общиною истекала изъ владѣнія землею въ предѣлахъ марки. Такъ какъ сельская община не была самостоятельною и политическою территоріею, какъ городъ, то и моменты принадлежности лица къ сельской общинѣ носили иной характеръ, чѣмъ въ городѣ. Моменты принадлежности члена къ свободной общинѣ опредѣлялись въ сельской общинѣ слѣдующими условіями: личными и матеріальными.

Личныя условія опредѣлялись рожденіемъ отъ члена общины и принятіемъ. Тотъ, кто родился отъ члена общины, признавался «eo ipso» съ теченіемъ времени полноправнымъ ея членомъ[1]). Отецъ передавалъ своему сыну, получившему землю его, и всѣ свои права какъ члена общины[2]). Время перехода правъ отъ отца къ сыну обусловливалось обычаями общины. Принятіе посторонняго лица въ члены общины въ эту эпоху имѣетъ различіе отъ условій принятія лица въ болѣе древнее время. Главное различіе состоитъ въ томъ, что древняя община требовала единогласнаго рѣшенія всѣхъ общинниковъ[3]), тогда какъ во второй половинѣ среднихъ вѣковъ моментъ принятія новосела въ общину зависѣлъ отъ рѣшенія большинства членовъ ея. Въ нѣкоторыхъ общинахъ старое положеніе салійскаго закона еще находитъ себѣ примѣненіе[4]). Въ эпоху дѣйствія салійской правды единогласіе было общимъ правиломъ, а во второй половинѣ среднихъ вѣковъ единогласное постановленіе является исключеніемъ. Община могла не принять въ члены ея и тѣхъ, кто пріобрѣталъ участокъ земли въ предѣлахъ марки. Свободные общинники оберегаютъ общину отъ прихода и поселенія въ ней лицъ, на которыхъ лежало пятно зависимости. Приэтомъ для отказа считалось достаточнымъ рѣшеніе большинства членовъ. Если поселившійся въ общинѣ

---

[1]) Maurer, Dorf. Bd. I. S. 184.

[2]) Thudichum, die Gau-und Markverfassung S. 209 ff.

[3]) Maurer, Einl. 112 ff.; Markv. S. 112; Thudichum, Id. S. 221 ff.

[4]) Grimm, R. A. S. 397—400 говоритъ, что единогласное рѣшеніе еще требовалось въ нѣкоторыхъ общинахъ Шварцвальда въ концѣ XV ст.

не встрѣчалъ протеста со стороны большинства[1]), то онъ пріобрѣталъ права члена общины по прошествіи года и дня. Въ этомъ отношеніи принципъ старо-германскаго права удержался въ обычной жизни народа—это съ одной стороны, тогда какъ съ другой—протестъ единичнаго лица, одного члена общины противъ поселенія новосела утратилъ всякій смыслъ. Опредѣленный срокъ пребыванія въ продолженіи года, связанный съ пріобрѣтеніемъ правъ въ общинѣ, требовался не только въ свободныхъ общинахъ, городскихъ или сельскихъ, но и въ общинахъ, подпавшихъ подъ власть магнатовъ. При принятіи посторонняго лица въ члены общины выступаетъ еще новое условіе, котораго не знала старая народная община; первая—начинаетъ требовать отъ новаго члена взноса извѣстной суммы денегъ[3]), вкупнаго вклада. До XVI ст. взносъ денегъ не принимаетъ общаго характера вкупныхъ платежей, «Aufnahmsgeld», «Einzugsgeld»[4]). Принятіе въ свободную общину зависѣло всетаки главнымъ образомъ отъ свободы лица. До тѣхъ поръ, пока свободныя общины отстаивали свою независимость, онѣ не принимали къ себѣ въ члены лицъ зависимыхъ[5]). Право члена общины было наслѣдственнымъ, но не покупнымъ[6]). Только съ того момента, когда народная община не въ силахъ была дать отпоръ натиску крѣпости, люди зависимые, крѣпостные стали пріобрѣтать это право также, какъ и свободные. Полноправіе кромѣ того обусловливается и иными моментами, что стоитъ въ связи съ обычаями, господствовавшими въ данной мѣстности и въ данное время. Къ такимъ условіямъ относятся слѣдующія: домохозяйство, экономическая самостоятельность, возрастъ, полъ, замужество, отдѣленность отъ семьи и пребываніе въ общинѣ[7]). Принятый въ общину членъ давалъ клятву предъ представителями ея, что онъ будетъ повино-

---

[1]) Grimm, Weisthümer Th. I. § 8. S. 76; Maurer, Markv. S. 113; Dorfv. Bd. 1. S. 177.

[2]) Grimm, Id. Th. 1. 44; Maurer, Einleitung S. 143; Markverf. S. 114. Пр. 26.

[3]) Maurer, Markv.S. 114; Dorfv. L. 178.

[4]) Grimm, W. Th. III. S. 124—25.

[5]) Thudichum, die Gau- und Markverf. S. 209. 248.

[6]) Maurer, Markv. S. 114.

[7]) Thudichum, Id. S. 238; Maurer, Einl. S. 143; Dorf. Bd. I. S. 124.

ваться общиннымъ властямъ и защищать общину отъ воровъ и злодѣевъ[1]). Если членъ общины отсутствовалъ долгое время, то онъ терялъ права члена[2]). Пріобрѣтеніе въ чертѣ общины жилища не давало еще правъ на полноправіе[3]).

Къ личнымъ условіямъ присоединялись и матеріальныя. Старая германская община съ общаго согласія предоставляла права члена общины только тому, кто былъ свободнымъ. Владѣніе землею, какъ собственностью общины, восполняло правомочіе члена[4]). Съ того времени, когда понятіе частной собственности окрѣпло среди общины, моментъ принадлежности къ общинѣ началъ опредѣляться не только согласіемъ, но и обладаніемъ участка земли въ предѣлахъ марки. Согласіе общины и владѣніе землею восполняютъ и обусловливаютъ другъ друга. Кромѣ настоящихъ общинниковъ на землѣ ея жили и люди посторонніе. Община не отказываетъ постороннимъ лицамъ приходить и жить въ ней. Такія лица не признавались полноправными сочленами[5]); они не имѣли права участія въ рѣшеніи дѣлъ общины. Послѣдняя охраняетъ права и интересы лицъ, поселявшихся и жившихъ на общинной территоріи. Полноправнымъ членомъ считались люди, обладавшіе, обработывавшіе или наслѣдовавшіе участокъ общинной земли[6]). Владѣніе землею въ предѣлахъ марки обусловливало правомочіе члена общины—вотъ основное требованіе обычнаго общиннаго права. Въ концѣ среднихъ вѣковъ владѣніе участкомъ земли или, какъ его называютъ германскіе ученые, гуфою, «Hufe», претерпѣло нѣкоторыя измѣненія, что обусловливалось временемъ и мѣстомъ. Измѣненіе заключалось въ томъ, что собственникъ участка земли, отказавшись отъ него или передавъ право эксплуатаціи

---

[1]) Maurer, Markv. S. 115.

[2]) Grimm, Weistümer Th. I. S. 133.

[3]) Thudichum, Id. S. 238; Maurer, Markv. S. 115; Dorfv. Bd. I. S. 159.

[4]) Gierke, Id. Bd. I. §§ 8 и 24; Waitz, Id. Bd. I. S. 127.

[5]) Gierke, Id. Bd. I. S. 595.

[6]) Maurer, Einl. S. 141; Markverf. S. 78 и 106: «Jedenfalls mussten aber die Markgenossen, wegen der Pertinenz-Eigenschaft ihrer Berechtigung, in der Mark selbst angesessen sein und darin wohnen und eine Ware oder Were besitzen, alle gewarte, waraftige oder gewerte Leute sein»; Grimm, R. A. S. 505.

его другому лицу, передавалъ и право представительства при рѣшеніи общинныхъ дѣлъ послѣднему. Такое положеніе дѣлъ быстро развивается съ тѣхъ поръ, когда участки земли марки переходятъ или въ руки господъ, духовныхъ или свѣтскихъ, или же когда эти участки достаются на долю людей зависимыхъ[1]). Крестьянскіе участки поступаютъ въ вѣчное владѣніе не общинникамъ, но лицамъ для общины постороннимъ, которыя, владѣя участкомъ навсегда или временно, принимаютъ на правахъ полноправныхъ членовъ участіе въ рѣшеніи дѣлъ общины. Контроль и право принужденія общины въ отношеніи свободныхъ сочленовъ, при развитіи института частной собственности, съуживается до minimum'a. Собственникъ распоряжается такъ, какъ ему заблагоразсудится; онъ передаетъ свою землю не только свободнымъ, но и зависимымъ людямъ. Въ общинахъ появляются ленные владѣльцы и оказываютъ огромное вліяніе на общинный строй[2]). Люди зависимые, владѣвшіе въ предѣлахъ марки землею, право представительства въ общинѣ или передаютъ своимъ господамъ, или дѣйствуютъ по ихъ указаніямъ[3]). Лица, арендовавшія землю члена общины, только временно пользовались правами члена общины[4]). Представительство было ограниченнымъ. Вторженіе постороннихъ лицъ въ дѣла общины повлекло за собой частые переходы общинныхъ участковъ, которые то распадались на болѣе мелкіе участки, то нѣсколько участковъ дѣлались достояніемъ одного лица. Старые участки земли, будучи въ хозяйственномъ отношеніи почти одинаковыми, утрачиваютъ такой характеръ. Увеличеніе числа членовъ общины посторонними лицами повліяло на увеличеніе неравенства землевладѣнія. Участки земли концентрируются не только въ рукахъ нѣкоторыхъ членовъ общины, но и людей чуждыхъ ей, не имѣвшихъ здѣсь постояннаго пребыванія и не принадлежавшихъ даже къ крестьянскому сословію.

---

[1]) Grimm, W. Bd. I. S. 523: «es sy eigen oder lehen und darin (въ маркѣ) gesessen ist»; Gierke, Bd. I. S. 597; Maurer, Dorf. Bd. I. S. 121.

[2]) Maurer, Markverf. S. 67.

[3]) Maurer, Dorfv. Bd. I. S. 120; Markv. S. 87: «alle märker geist und weltliche, edle und unedle».

[4]) Maurer, Markv. S. 82; Thudichum, Id. S. 241. приводитъ примѣры.

Вторженіе въ общину духовныхъ и свѣтскихъ господъ посредственно или непосредственно все болѣе и болѣе разрушало принципъ самоуправленія и единенія общины. Общинники, будучи безправными лицами въ политическомъ отношеніи, были ограничены и въ дѣлѣ общиннаго самоуправленія. Самый фактъ принадлежности къ общинѣ, даже связанной съ свободою безъ полной экономической самостоятельности, ограничивалъ сферу дѣятельности лица. Въ рѣшеніи общихъ дѣлъ имѣлъ большее вліяніе тотъ, у котораго было больше земли. «Конечно», замѣчаетъ Гирке[1], «крестьянское сословіе до XVI ст. въ рѣшеніи нѣкоторыхъ дѣлъ пользовалось принципами самоуправленія и автономіи; господа всѣми силами стремятся разрушить общественные элементы сельскаго самоуправленія; свобода и собственность крестьянскаго сословія, будучи отнимаемы оружіемъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ остаются неприкосновенными».

Община не стѣсняетъ прихода въ ея предѣлы постороннихъ лицъ. Они могли заводить хозяйство, не пользуясь правами члена общины. Община не притѣсняла ни въ чемъ поселенцевъ, «extranei»[2]), «Schutzgenossen», какъ пассивныхъ гражданъ; они могли жить въ общинѣ и навсегда или же временно удаляться изъ ея предѣловъ. Тѣ, которые постоянно жили въ маркѣ, стояли въ болѣе тѣсныхъ съ общиною связяхъ, чѣмъ тѣ, которые благодаря своей профессіи должны были по временамъ уходить на сторону. Всѣ такіе поселенцы назывались не общинниками, не полноправными члена, «Ausmärker»[3]). Они не владѣли землею въ предѣлахъ марки: «ungeerbte Leute»[4]), «ungewarte Leute», «einläuftige Leute»[5]). Къ этой-же категоріи принадлежали дѣти, не отдѣленные отъ родителей и не имѣвшіе собственнаго домохозяйства, а также люди зависимые, живущіе на содержаніи своихъ господъ или хозяевъ. За всѣ безчестные поступки такихъ лицъ отвѣчали или родители, или ихъ господа[6]).

---

[1]) Bd. I. S. 634.

[2]) Maurer, Markv. S. 115; Gierke, Id. Bd. 1. S. 695.

[3]) Grimm, W. Th. III. S. 255. 276.

[4]) Grimm, Ib. S. 517.

[5]) Maurer, Markv. S. 117.

[6]) Ib.

Неполноправными признавались и рабочіе, батраки, живущіе временно или постоянно въ общинѣ. Число батраковъ, людей безхозяйственныхъ, увеличивалось въ странѣ прямо пропорціально концентраціи земли въ рукахъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. Разрушеніе строя общины вліяетъ на увеличеніе числа людей безземельныхъ, жившихъ со дня на день. Они обладали иногда малыми участками, съ которыхъ нельзя было прокормиться, иногда-же брали на короткій срокъ въ аренду мелкіе участки, вступая въ зависимыя отношенія[1]). Хозяйство такихъ лицъ ограничивалось иногда владѣніемъ «vier schweine»[2]). На территоріи марки жили и ремесленники, занимавшіеся по—преимуществу производствомъ издѣлій для сельскаго хозяйства. Ремесленники, имѣя домъ или наемное жилище, не пользовались правами члена общины. Число ремесленниковъ въ каждой общинѣ было незначительнымъ: «drei wagener und nicht mehr in der mark frei sein»[3]). Община относилась къ такимъ лицамъ, какъ-бы къ сиротамъ, не имѣвшимъ родины, ограничивая ихъ даже въ правѣ пользованія общими выгонами, лѣсами и другими угодьями. «Право пользованія общими угодьями», замѣчаетъ Maurer[4]), «имъ предоставлялось изъ милости». Милостивое отношеніе общинниковъ къ сиротамъ было различнымъ, такъ какъ на милость «нѣтъ образца». Неполноправные, сожительствуя вмѣстѣ на клочкѣ земли, составляли иногда поселокъ, который всетаки не пользовался тѣми правами, которыя были предоставлены членамъ марки. Всѣ неполноправные подчинялись общиннымъ властямъ. Послѣднія могли неполноправныхъ лицъ преслѣдовать, подвергать аресту и даже наказывать[5]). Если они учиняли какія-либо буйства или неповиновеніе, то съ ними обращались какъ съ волками[6]), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ убійство такихъ лицъ не считалось даже уголовнымъ преступленіемъ[7]).

---

[1]) Waitz, Id. Bd. V. S. 194.
[2]) Maurer, Markvf. S. 118. Пр. 52.
[3]) Grimm, Weisthümer Th. 1. S. 493.
[4]) Maurer, Markv. S. 121. Grimm, W. 1. S. 512: «das der einlefftige kein recht en sal han in der marcke, dan waz er gnaden von den merkern hat».
[5]) Grimm, W. Th. III. 456.
[6]) Maurer, Markv. S. 123.
[7]) Grimm, W. Th. 1. S. 587: «und haben ihnen darinnen mogen (т. е. насиліе или буйство) in der marck gegeben, dass sie ihren ussmärcker der hultz gehauwen hette in der marck, dass sie deme nachfolgen mögen... und bleibe da jemandts todt, dass sie den nicht wettebruchig sullen sein».

III. Передвиженіе населенія въ связи съ юридическимъ и экономическимъ положеніемъ земледѣльческаго сословія.

Императоры Священной римской имперіи, воспринявъ традиціи франкскихъ монарховъ, тщетно пытаются поддержать въ странѣ миръ, спокойствіе и тишину. Собравшійся въ 999 году сеймъ въ Вормсѣ, на которомъ присутствовали «multi principes», хотя и имѣлъ цѣлью «omnis reipublicae statum utilem, honestum confirmare, nocivum atque contrarium radicitus extirpare»[1]), но постановленіе это осталось безъ послѣдствій. Общая политическая анархія, начавшаяся съ половины IX ст., отражается самымъ печальнымъ образомъ по-преимуществу на положеніи свободныхъ земледѣльцевъ. Народная свободная община, охранявшая въ прежнее время свободу лица, его собственность и права, разрушается благодаря произволу лицъ сильныхъ. Послѣдній не находитъ себѣ предѣловъ и ограниченій со стороны власти государственной. Постановленія имперскихъ сеймовъ, имѣвшія цѣлью организовать правовой порядокъ и охранить земскій миръ, все болѣе и болѣе утрачиваютъ свое значеніе. Созванный въ 1043 г. въ Costnitz'ѣ сеймъ, названный «synodus», для возстановленія въ странѣ мира, «pacem, hactenus inauditam», нарушаемаго довольно долгое время, не уничтожилъ причинъ, вызывавшихъ общіе безпорядки. Имперскіе эдикты, угрожая наказаніемъ нарушителямъ мира, не приводятся въ исполненіе органами управленія, не находившимися подъ непосредственнымъ надзоромъ королевской власти, «sub regia censura»[2]).

Стремленіе римско-католической церкви охранить условія мирнаго развитія народа не ограничиваютъ произвола нарушителей мира. Папы и церковные соборы постоянно издаютъ постановленія о такъ называемомъ Божьемъ мирѣ: «Mercatores in itinere quo negotiantur, rustici dum rusticali operi, arando, fodiendo, metendo et aliis hujusmodi operam dant, omni die pacem habeant»; «ut paces omnes studeant»[3]). Постановленіе церкви

---

[1]) E. Aug. Koch, neue Sammlung der Reichs-Abschiede S. 11.

[2]) Ibid., S. 9.

[3]) M. G. H. L. T. II. Const. pacis Dei in Synodo coloniensi a. 1083. p. 55.

имѣютъ цѣлью положить предѣлъ самоуправству и раздорамъ, возникавшимъ между всѣми классами населенія и порождавшимъ массу преступленій. Церковь грозитъ наказаніемъ не только нарушителямъ мира, но и тѣмъ, кто ихъ будетъ принимать подъ свою защиту и покровительство: «Qui excommunicatum, vel quibuslibet sceleribus damnatum sciens receperit et contra leges vel divinas vel humanas defenderit, sententiam damnati defensor subeat»[1]). Но и отлученіе отъ церкви, будучи грознымъ наказаніемъ въ ту эпоху, не устрашало нарушителей мира. Во всѣхъ частяхъ имперіи безпорядокъ все болѣе и болѣе возросталъ.

Но и въ XII ст. императоры не перестаютъ заботиться объ охраненіи мира и правоваго порядка; они принуждаютъ каждаго свободнаго человѣка приносить присягу въ томъ, что онъ не будетъ нарушать чужихъ правъ и интересовъ: «Si quis noluerit jurare dicens: nulli noceo, nec quisquam nocet mihi!»[2]). Имперскія конституціи, какъ и постановленія церкви, воспрещаютъ всѣмъ и каждому принимать къ себѣ нарушителей мира и охранять ихъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Укрыватель подвергался такому же наказанію, какъ и самъ преступникъ[3]). Если нарушитель мира успѣлъ убѣжать изъ рукъ органовъ власти, то послѣдніе обязаны были имущество нарушителя мира держать при себѣ до тѣхъ поръ, пока послѣдній былъ живъ. Послѣ смерти нарушителя мира наслѣдство его переходило къ его законнымъ наслѣдникамъ[4]) Подобныя конституціи относительно преслѣдованія нарушителей мира издаются въ продолженіи всего XII ст. Многія изъ такихъ имперскихъ конституцій до насъ не дошли; но тѣ имперскія постановленія,

---

[1]) Ib., Iuramentum pacis Dei a. 1085. p. 59.

[2]) Ibid., Heinrici IV Constitutio pacis provincialis a. 1103. p. 61: «Et qui sciens corruptorem pacis paverit vel receperit vel tutatus fuerit, vel pro pecunia vel aliquo modo aufugere eum permiserit, eandem penam quam violator pacis subire debet. Si quis corruptor pacis aufugerit, dux vel comes vel advocatus, vel quilibet rector sub cujus regimine prius fuerat, praedia violatoris pacis auferat et obtineat tam diu, quam diu corruptor pacis vivat et post corruptoris pacis mortem hereditatem heredes ejus assequantur».

[3]) Ibid.

[4]) Ibid.

которыя до насъ дошли, свидѣтельствуютъ о намѣреніи центральной власти поддержать по мѣрѣ возможности правовой порядокъ, обезпечить въ странѣ условія безопасности: «si vero pacis violator», гласитъ конституція Фридриха I, «a facie judicis fugerit, res ejus mobiles a judice in populo publicentur et dispensentur»[1]). Фридриху I, при своихъ походахъ въ Италію, не было времени думать о томъ, «um alles in Ruhe zu stellen». Во второмъ земскомъ мирѣ, опубликованномъ въ Италіи, мы читаемъ: «ut omnes nostro subjecti imperio, veram, perpetuam pacem inter se observent»[2]). Воля императора не нашла себѣ осуществленія, не смотря на то, что онъ назначилъ нарушителямъ мира слѣдующее наказаніе: «qui pacem jurare, tenere noluerit, leges pacis non servat, beneficio, lege pacis, non fruatur»[3]). Собравшійся въ 1166 г. въ Вюрцбургѣ сеймъ подъ предсѣдательствомъ этого-же императора высказываетъ положеніе, что въ странѣ не существуетъ правовой организаціи и порядка, и что многіе желаютъ, чтобы былъ установленъ въ имперіи миръ: «jus suum conservare volumus, pacem diu desideratam, antea toti terrae necessariam per universas Regni partes habendam Regia auctoritate judicimus»[4]).

Имперскіе законы, а также и другіе правовые памятники—«Reichsbücher»—позволяютъ употреблять силу противъ тѣхъ, кто нарушаетъ чужія права и интересы[5]). Задумавшій нарушить миръ подвергался сначала увѣщанію, а потомъ удерживался силою отъ осуществленія своихъ намѣреній въ продолженіи 3 дней[6]). Если же желавшій нарушить миръ, кого либо обидѣть, «quicunque alii damnum facere aut laedere intendet», не оставлялъ своихъ намѣреній, то ему объявлялось, что тотъ, чьи права или интересы онъ думаетъ нарушить, употребитъ противъ его силу и даже оружіе. Постановленія имперскаго сейма въ эпоху междуцарствія никѣмъ не признавались. Конституція Фридриха II напоминаетъ прежнія постановленія

---

[1]) I. Constitutio de pace tenenda a. 1156.
[2]) M. G. H. L. T. II. p. 101.
[3]) Ibid.
[4]) E. Koch, Neue Sammlung der R.-Abschiede S. 10.
[5]) Sächs. Landr. II. Art. 69.
[6]) K. Friedr. I. L.-Fr. a. 1187. Art. 10.

сеймовъ. «Clerici, mulieres, moniales, agricolae, mercatores, itineratores, piscatores, Judei», говоритъ эта конституція[1]), «omni die et omni tempore firmam pacem habebunt in personis et in rebus». Во время кулачнаго права никто не думаетъ и не заботится объ охраненіи государственнаго порядка. Вездѣ господствовали произволъ и насиліе. «Omnia», замѣчаетъ лѣтописецъ, «per tumultum sine lege, sine ordine pro libitu fiebant, his temporibus arma ubique, leges fere nusquam dominabantur, quisque occupat, quantum potuit per vim»[2]).

Кулачное право, вызвавъ въ Германіи всякаго рода вражду и разбойничество, сдѣлавшіяся почетнымъ занятіемъ даже дворянства, прекращается съ выборомъ въ императоры Рудольфа Габсбургскаго (1273), названнаго «restaurator imperii». Слѣды «fatalis interregni» долго еще и послѣ Рудольфа волновали имперію. Искать личной безопасности и охраны собственности во время кулачной расправы было трудно и туземцу, и иностранцу. Необезпеченность какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ сношеній въ эту эпоху безначалія тяжело отзывалась на всѣхъ классахъ населенія. Въ феодальную эпоху жизнь и свобода зависятъ отъ воли тѣхъ владѣтелей, на землѣ которыхъ приходилось человѣку жить временно или постоянно. Даже вольные, самостоятельные города сплошь и рядомъ подвергались насиліямъ благороднаго рыцарства. Кулакъ, насиліе и произволъ царили не только въ лѣсахъ и на дорогахъ, но и въ мѣстахъ поселенія людей. Выраженія конституцій Генриха III и Генриха IV: «in omni pacis tempore praedicto nullus arma ferat, nisi illa quam praesens rerum necessitas»[3]) и равнымъ образомъ слова, приносимыя въ присягѣ на охрану мира: «pax sit ubique, ita, ut nemo laedat inimicum suum», въ эпоху безначалія не имѣли практическаго значенія и жизненности. Только Рудольфу, по словамъ хроники[4]), удается установить въ странѣ миръ и спокойствіе. Борьба съ своевольными вассалами императоровъ лишала послѣднихъ возможности организовать въ

---

[1]) M. G. H. L. II. a. 1230.
[2]) Mutius, Rerum Germ. Lib. XXI.
[3]) M. G. H. L. T. IV. p. 59.
[4]) Chron. Sponh.

странѣ твердость и устойчивость юридическаго порядка. Рудольфъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, возстановляетъ «den allgemeinen Ruhestand im Reich». Императоръ «omnes rebelles vicit ad obedientiam sibi, Imperio obligavit, pacemque in omni terra circumquaque ab Italia usque in Austriam iterantibus firmissimam restituit»[1]). Онъ напоминаетъ всѣмъ сословіямъ слова короля Вильгельма, постановившаго, что, если кто-либо: «civitates vel oppida aliqua vel quicunque alii pacem violaverit in aliquo praedictorum», тотъ лишается строжайшимъ образомъ королевской милости и защиты[2]). Въ 1281 г. Рудольфъ подтверждаетъ земскій миръ Фридриха II, провозглашенный въ 1220 г. на сеймѣ во Франкфуртѣ. Главный недостатокъ всѣхъ прежнихъ имперскихъ постановленій заключался не въ ихъ недостаткѣ, но въ слабости исполнительной власти.

Задачу Рудольфа—установить въ имперіи миръ, порядокъ и безопасность—продолжаютъ и послѣдующіе императоры: «Ludovicus Rex a. 1316 et a. 1319, convocatis principibus cunctisque sibi fidiliter adhaerentibus, pacem in omni Regno Germanorum servandam, constituit, latrocina prohibuit»[3]). Собравшіеся въ 1356 г. два сейма, въ Нюренбергѣ и Мецѣ, издаютъ одинъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ актовъ, Золотую Буллу, регулировавшую форму избранія и коронованія императора, правомочія избирателей императора и, наконецъ, правовыя отношенія территоріальной власти къ имперскому правительству. Не смотря на это, имперская, центральная власть въ послѣднія два столѣтія среднихъ вѣковъ утратила свое значеніе при рѣшеніи всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ внутренней политики. Нѣкоторые изъ территоріальнымъ государей и городовъ приходятъ къ сознанію охраны и защиты общихъ интересовъ, ради чего они заключаютъ другъ съ другомъ договоры. Во второй половинѣ XV ст. замѣчается потребность организовать въ странѣ единство политическое. Хотя такая потребность и не нашла себѣ удовлетворенія благодаря разнымъ взглядамъ императора и имперскихъ чиновъ, но, какъ замѣчаетъ

[1]) Ib.

[2]) Koch, Reichs-Absch. L.-Fr. a. 1155. Th. I. S. 30.

[3]) Koch, Reichs-Absch. Einleitung S. 14.

Ранке[1]), она вызвала къ жизни не немаловажныя реформы 1495 года.

Въ эпоху кулачнаго права было забыто положеніе Карла В.: «si quis hominem migrantem assalierit et ei fuerit approbatum, sol. CC. culp. judicetur». Грабежъ по дорогамъ путешественниковъ замѣнилъ охрану ихъ, признанную франкскими королями. Разбойники по дорогамъ не встрѣчали препятствій и должнаго отпора со стороны органовъ власти. «Rauben ist keine Schande, das thun die Beste im Lande»—говоритъ средневѣковая пословица. Взаимнымъ мирнымъ сношеніямъ населенія столько-же препятствовали войны, которыя постоянно вели феодальные господа другъ съ другомъ, сколько и разбойничество рыцарей. Лица, имѣвшія необходимость переходить или переѣзжать изъ одного мѣста въ другое, составляли вооруженные отряды или нанимали войска. Даже послы подвергались оскорбленіямъ и грабежамъ. Конституція Фридриха I говоритъ, что оскорбитель посла лишается правъ на честь, и что въ будущемъ никто не долженъ отговариваться невѣдѣніемъ закона[2]). Правовые памятники XIII ст. хотя и назначали строгія наказанія за всякаго рода насильственныя дѣянія, но исполненіе этихъ постановленій благодаря слабости центральной имперской власти въ рѣдкихъ случаяхъ примѣнялось. Нарушители мира, воры и разбойники, подвергались различному наказанію, начиная отъ денежнаго штрафа и кончая смертною казнью. «Воръ», говоритъ саксонское земское право, «долженъ быть повѣшенъ; если же воровство случится въ деревнѣ, и воръ украдетъ вещь цѣнностью меньше 3 шиллинговъ, то онъ долженъ быть битымъ батогами, «zu Haut und zu Haar», старостой»[3]). Кто же скрывалъ вора или разбойника, или ему оказывалъ содѣйствіе, тотъ подвергался такому же наказанію, какъ и первый[4]). Нарушители мира не имѣли права жаловаться, если противъ нихъ было употреблено насиліе[5]). Судьѣ

[1]) Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation Bd. I. S. 45. 4-te Ausg.

[2]) Koch, R-Absch. a. 1187. t. 12.

[3]) Sächs. Landr. II. Art. 13.

[4]) Ibid. Art. 16.

[5]) Ibid. Art. 69.

было предоставлено право замѣнять тѣлесное наказаніе, назначаемое за воровство, денежнымъ штрафомъ. Императоръ Рудольфъ всѣми силами стремится устранить опасности, встрѣчаемыя лицами, переходящими съ одного мѣста на другое; онъ увеличиваетъ строгость наказанія въ отношеніи лицъ, угрожавшихъ общественному порядку и тишинѣ. «Всѣ воры», замѣчаетъ земскій миръ 1281 г., «и разбойники по дорогамъ никѣмъ не должны быть скрываемы, но должны быть схвачены и преданы суду»[1]), что было подтверждено и въ земскомъ мирѣ 1287 г.[2]). «Мы просимъ», продолжаетъ эта конституція, «всѣхъ нашихъ подданныхъ, чтобы никто не наносилъ насилій другимъ; имѣющій охранную грамоту, выданную императоромъ, будь то бѣдный или богатый, можетъ безопасно путешествовать, «sicherichen farn», по странѣ и тамъ оставаться столько времени, сколько пожелаетъ»[3]). Право выдачи охранной грамоты принадлежало императору. Эта прерогатива императорской власти съ теченіемъ времени перешла въ руки территоріальныхъ государей. Но и охранныя грамоты не гарантировали безопасности путешественниковъ во владѣніяхъ феодальныхъ господъ. Примѣру феодаловъ-разбойниковъ слѣдовали и тѣ, кто у нихъ находился на службѣ. Поэтому конституція Рудольфа обязываетъ феодаловъ отвѣчать за насилія и разбои, причиняемые лицами, находившимися у нихъ на службѣ[4]).

«Мы приказываемъ, мы просимъ и строго, «vesteclîche», повелѣваемъ», читаемъ мы въ конституціи 1287 г., «чтобы всѣ оказывали помощь въ тѣхъ случаяхъ, когда произойдетъ нарушеніе мира и въ особенности тѣ, которые будутъ находиться вблизи отъ мѣста совершенія преступленія»[5]). Императоръ Рудольфъ, кромѣ того, приказываетъ всѣмъ ловить воровъ и разбойниковъ, нападавшихъ на путешественниковъ, и предавать ихъ немедленно въ руки суда для наказанія. Укрыватели воровскихъ вещей должны были уплачивать вдвое

---

[1]) M. G. H. L. T. II. t. 57. p. 430.
[2]) Koch, R.-A. t. 20.
[3]) Ibid. t. 32.
[4]) Ibid. t. 28.
[5]) Ibid. t. 27.

больше противъ того, что они скрыли: «und soll den schaden mit der zwigult gelten»[1]. Всѣ жалобы на нарушителей мира подавались въ судъ. Совершившій преступленіе, будучи схваченъ на мѣстѣ преступленія при свидѣтеляхъ, приводился въ судъ и подвергался аресту. Если съ момента преступленія прошли сутки, то обвиняемый призывался при свидѣтеляхъ три раза въ судъ и потомъ уже подвергался аресту[2]). Никто не долженъ былъ принимать или укрывать преступника, убѣжавшаго изъ-подъ ареста[3]). Арестованный освобождался изъ-подъ ареста на время по усмотрѣнію судьи, который выдавалъ ему особое разрѣшеніе, «freies Geleit», на свободное жительство. Желавшій освободиться изъ-подъ ареста обязанъ былъ представить поручителей[4]). Благодаря слабости королевской власти постановленія, направленныя на охрану мира, не смотря на строгую санкцію, оставались безъ послѣдствій[5]). Что путешествующіе не пользовались безопасностью, это видно изъ постановленія сейма, собравшагося въ 1287 г. въ Вюрцбургѣ[6]). И въ XIV ст. издается имперскими сеймами рядъ постановленій, имѣвшихъ цѣлью прекратить нарушеніе мира и общихъ условій безопасности страны. Въ земскомъ мирѣ конца XIV ст. сказано: «Никто не долженъ ни укрывать, ни принимать къ себѣ нарушителей мира и въ особенности воровъ и разбойниковъ, какъ людей вредныхъ и подлыхъ, а тѣмъ болѣе никто не долженъ продавать имъ что-либо дешево, выдавать охранныя грамоты или оказывать имъ какую-либо помощь»[7]).

---

[1]) M. G. H. L. T. II. Rudolfi Constitut. a. 1281. p. 427.

[2]) Sächs. Land. I. Art. 67.

[3]) Ibidem, III. Art. 23.

[4]) Ib. II. Art. 4.

[5]) «Si quis ultra precium quinque solidorum furetur aut pacem violare praesumpserit aut virginem rapuerit, oculi ejus emantur, aut pes, aut manus abscidantur» (t. 1); «Pacem vero precipue et semper et ubique omnibus ecclesiis et earum atriis; pacem cleris omnibus et feminis, mercatoribus, venatoribus et causa orationis transeuntibus et agricolis dum operantur in agris vel ad agrum exeuntibus vel redeuntibus» (t. 2). Königlicher Landfrieden a. 1097; G. Waitz, Urkunden zur deutschen Verfassungsgeschichte S. 14—16.

[6]) R.-Absch.

[7]) Koch, Landfrieden in Frankfurt a. 1398. t. 14.

Разбойники, угрожая безопасности передвиженія населенія, не прекращали своей дѣятельности и въ XV ст., что видно изъ цѣлаго ряда имперскихъ постановленій, напоминавшихъ имперскимъ чинамъ заботиться объ искорененіи разбойничества, «alle Reuberey und ander unbilliche beschedigunge». Императоръ Сигизмундъ проситъ всѣхъ, начиная отъ князей и кончая рабочими, серьезно и строго слѣдить за нарушителями мира»[1]). Конституція Фридриха III повелѣваетъ, чтобы «никто не принималъ къ себѣ, а тѣмъ болѣе выдавалъ охранныя грамоты лицамъ, занимающимся по дорогамъ имперіи грабежомъ, или же лицамъ, учиняющимъ какія-либо другія противныя законамъ божескимъ и человѣческимъ дѣянія, «wider Got und wider Recht»[2]). Рядъ указовъ и предписаній имперскихъ сеймовъ не прекратилъ разбойничества. Сеймы тщетно стараются насадить въ Свящ. имперіи сѣмена добродѣтели, «Tugend und Werk», и не допустить «unrechten Gewalt und Frewel»[3]). Строгость предписаній не достигала цѣли. Грозные указы о розысканіи и наказаніи нарушителей мира, «Uebeltheter mit Scherffigkeit der Penen straffen», и ихъ сообщниковъ въ одинъ мѣсяцъ послѣ совершенія преступленій, не приносила пользы[4]). Имперскіе чины, а также власти, назначенныя территоріальными государями, не выполняютъ предписаній сеймовъ. Императоры не въ силахъ были организовать политическаго единства и гражданскаго порядка. Отсутствіе единой государственной власти лишало возможности имперскихъ чиновъ заботиться не только объ охранѣ внутренней безопасности, но и—дать отпоръ внѣшнимъ врагамъ. Въ XV ст. имперія подвергается частымъ нападеніямъ турокъ. Силы имперіи не возростали. Внутренній порядокъ и миръ, основа котораго была заложена Рудольфомъ и Людовикомъ Баварскимъ, часто обращаются въ безпорядокъ благодаря своеволію имперскихъ чиновъ. Каждое сословіе мстило дру-

---

[1]) Landfriede a. 1437. t. 1.

[2]) R.-Absch. zu Ulm a. 1466. t. 3.

[3]) Constitutio a. 1467. t. 1.

[4]) Reichs-Tags-Handlungen a. 1471. t. 4: «in eine Monat nach solicher Rauberey und Beschedigung nehst folgende umb Hilff und Bystand ersuchen».

гому, преслѣдуя свои интересы и права. На общіе, государственные интересы никто не обращаетъ вниманія. Поэтому, вполнѣ справедливо утвержденіе имперскихъ городовъ, что всѣ постановленія и указы имперскихъ сеймовъ о поддержаніи мира и порядка въ странѣ издавались тщетно и не достигали цѣли. «Alemannia omnem perdat Imperii honorem», замѣчаетъ лѣтописецъ[1]).

Рознь сословій и вражда между ними дѣлами ничтожными и постановленія имперскаго сейма. Тщетно надѣялись сословія и въ особенности города, что порядокъ водворится въ имперіи. Ни Золотая Булла, одинъ изъ важнѣйшихъ основныхъ законовъ имперіи (1356 г.), ни Вестфальскіе суды (Westphälische oder Behm-Gerichte), организованные при Рупрехтѣ и долженствовавшіе дѣйствовать на основаніи «Gerichts-Ordnung»'а 1408 года, ни рядъ изданныхъ «constitutiones pacis», ни организованный въ Аугсбургѣ въ 1474 г. «Hof- oder Cammer-Gericht», долженствовавшій рѣшать споры между сословіями во имя императора, не въ состояніи были уничтожить слѣды кулачной эпохи. Города, отдѣлившись при Карлѣ IV отъ князей на сеймахъ, вели вражду съ послѣдними. Нѣкоторые князья и графы, управляя провинціями самостоятельно съ XIV ст., творятъ судъ и расправу даже не во имя императора. Территоріальные государи, нарушая общеимперскія конституціи, какъ во времена Рупрехта т. е. въ началѣ XIV ст., такъ и въ эпоху Фридриха III, дѣлали всѣ постановленія имперскаго сейма ничтожными и недѣйствительными. «Nam», замѣчаетъ Campanus[2]), «ut uno dicam verbo, potentissima Germania est patentissima, nobilissima, sed ea tota unum latrocinium est, inter nobiles gloriosior, qui rapacior».

Ни мысль Фридриха III созвать въ Регенсбургѣ въ 1471 г. сеймъ для возобновленія «constitutionum pacis», ни желаніе имперскихъ чиновъ издать одинъ общій «Cammer-Gericht-Ordnung» не осуществились благодаря безпечности императора. Лѣтописецъ такъ характеризуетъ дѣятельность Фридриха III: «pacem Germaniae omnibus pronunciavit, nemini dedit: judicia ubique constituit, nusquam peregit»[3]).

---

[1]) Cranz in Saxon. Lib. II. Cap. 13.

[2]) Lib. VI. p. 6.

[3]) Campanus, Lib. 1. Cap. 27.

Произволъ высшихъ сословій самымъ печальнымъ образомъ отразился на сельскомъ населеніи. Разрушеніе свободной сельской общины повлекло за собой лишеніе собственности мелкихъ земельныхъ владѣльцевъ. Безземельные люди, батраки, принужденные отыскивать средства пропитанія, переходятъ изъ одного мѣста въ другое, занимаясь то тутъ, то тамъ временными промыслами. Не находя работы, батраки прибѣгаютъ волей-неволей къ нарушенію мира, чѣмъ и поддерживаютъ свое существованіе. Въ особенности этотъ классъ населенія любилъ заниматься нарушеніемъ мира въ годы общихъ несчастій, войнъ и голодовъ. Средневѣковая эпоха не представляетъ недостатка какъ въ первыхъ, такъ и въ послѣднихъ. Голода, будучи въ связи съ возникновеніемъ и распространеніемъ повальныхъ болѣзней, производили страшныя бѣдствія и въ особенности въ первыя столѣтія второй половины среднихъ вѣковъ. Люди поѣдали нечистыхъ животныхъ и даже людей[1]) (1197 г.). Голода были такъ сильны, что цѣлыя улицы городовъ (Люттихъ) наполнялись тѣлами умершихъ отъ голода. Вымирали цѣлыя деревни (1045 и 1126 гг.). Голода оставляли слѣды на десятилѣтія, разрушая экономическое положеніе сельскаго населенія. «In teutonicis partibus», замѣчаетъ Бернольдъ въ 1094 г., «multa prodigia facta sunt, nam et homines se ipsos suspederunt et lupi multos manducaverunt». Голода принуждали населеніе прибѣгать къ невольнымъ грабежамъ и разбоямъ (1095 и 1145 г.)[2]). Слѣдующимъ образомъ описывается голодъ и повальная болѣзнь, бывшая въ 1222 г.: «de pestilentiis et fame legimus satis, non in libris, sed in pressuris nostris, post mortem praedicti Henrici imperatoris tanta fames erat, ut maldrum siliginis in Alemannia marca Coloniensium et in quibusdam provinciis decem et octo d. venderetur et ex magnitudine famis populus innumerabilis exstingueretur»[3]). Нѣкоторые изъ территоріальныхъ владѣтелей, не имѣя средствъ борьбы съ голодомъ, предпринимаютъ мѣры уничтожить тѣ послѣдствія, которыя

---

[1]) Голода 869. 1044. 1146. 1151. 1197 гг.; K. Lamprecht, deutsche Wirthschaftsleben im Mittelalter I. 1. S. 588. ff. Изд. 1886.

[2]) Ib.

[3]) Ib.

вызывались общимъ зломъ: «generali enim fama violanti (Baldewinus) reformator et conservator pacis et justitiae fuisse perhibetur»[1]). Недостатокъ питанія народа вызывалъ бѣгства его по сторонамъ. Въ особенности отъ голодовъ страдали люди безземельные. Феодальные господа не заботились о прокормленіи людей зависимыхъ и свободныхъ. Не существовало власти, которая могла бы ихъ принудить принять мѣры для пропитанія страдающихъ. Дороговизна предметовъ первой необходимости бывала не только мѣстною, но и всеобщею: «periclitabatur fame depressa Gallia et Germania»[2]). Свободныя общины тамъ, гдѣ онѣ остались неразрушенными, заботились о хозяйственныхъ, экономическихъ интересахъ своихъ членовъ. Община была союзомъ, не только охраняющимъ право, «Rechtsgenossenschaft», но и заботящимся объ экономическомъ положеніи своихъ членовъ[3]). «Только съ увеличеніемъ власти территоріальныхъ господъ въ XIV и XV ст.», замѣчаетъ Lamprecht[4]), «самостоятельность общины утратила хозяйственное значеніе». До этого времени свободная община имѣла права автономіи въ предѣлахъ марки и представительства во внутреннихъ хозяйственныхъ дѣлахъ. Въ послѣднія столѣтія среднихъ вѣковъ большая часть земли, принадлежавшая свободнымъ собственникамъ, дѣлается достояніемъ дворянства и церкви. Конфискація мелкой собственности со стороны господъ находитъ себѣ значительное распространеніе, что объясняется правомъ ихъ налагать произвольныя повинности, производить судъ и расправу: «der Grundherr hat flug und zug vom himmel bis uf die erd so breit und so weit seine vogteien und gerechtigkeit geben, als binnen zu hauwen, vögel, fisch und krebs zu fangen»[5]). Жалобы, раздававшіяся съ XIII ст. на произволъ дворянства, поддерживаемаго территоріальными властями, не приносили пользы: «die fürsten twingent mit gewalt-velt, stein, wasser und walt—darzuo beide wilt und zam; si taeten luft gern alsam,—der muoz uns

---

[1]) Ib.
[2]) Ib.
[3]) Inama-Sterneg, deutsche Wirthschaftsgeschichte S. 81.
[4]) Id. S. 280.
[5]) Id. S. 390.

doch gemeine sin»[1]). Назначаемые господами судьи и чиновники водворять въ общинѣ порядокъ возвышали только болѣе и болѣе повинности и арендную плату, какъ необходимыя условія зависимости и несвободнаго владѣнія землею[2]). Обѣднѣніе народной массы, связанное съ утратою собственности, привело, какъ уже предвидѣлъ Карлъ В., къ увеличенію числа преступленій и въ особенности преступленій, связанныхъ съ нарушеніемъ правъ чужой собственности, съ чѣмъ и должны были съ XIV ст. бороться какъ императоры, такъ и территоріальные государи. Батраки учиняютъ воровства и разбои, «bisscher mancherley Umrait und Raberey im heiligen Reiche», странствуя толпами ради пропитанія изъ одной мѣстности въ другую. Имперское законодательство признаетъ такой народъ «воровскимъ народомъ». Законодатель думаетъ прекратить дѣянія такихъ лицъ строгой уголовной репрессіей. Правительство въ рядѣ указовъ напоминаетъ всѣмъ и каждому ловить такихъ лицъ, запрещая въ тоже время подъ уголовною угрозою укрывать ихъ[3]). «Такія лица», говоритъ имперскій указъ 1471 г., «нигдѣ не должны быть терпимы, но «allenthalben, wo man sie betredde und betretten mag, angenommen und als Ueberfarrer des Fridens gestrafft werden sollen»[4]). Власти обязаны были поступать съ такимъ воровскимъ народомъ слѣдующимъ образомъ: «und um yre Misshandelung mit Ernst gestraft und aufs wenigst ihre Håab und Gut angenommen, gebeüt und sie mit Eyden und Bürgschafften nach Notdurft verbunden werden»[5]).

О безопасности лицъ, переходящихъ изъ одной мѣстности въ другую, заботится въ средніе вѣка и церковь, стремясь охранить, поддержать старыя народныя возрѣнія на гостепріимство. Нужно отдать справедливость, что духовная власть ревностно проповѣдуетъ миръ. Призрѣніе бѣдныхъ было одною изъ главныхъ заботъ католическаго духовенства: «ut de hospi-

---

[1]) Grimm, R. A. S. 248; Maurer, Fronh. Rd. IV. S. 523.

[2]) Gierke, Id. Bd. I. S. 635.

[3]) R.-Absch. a. 1281. c. XX; Landfrieden a. 1398. t. 14; R.-T.-Handlungen a. 1471. t. 2; R.-Anschlag a. 1486. t. 4.

[4]) R.-T.-Handlungen a. 1471. t. 9.

[5]) Reichs-Anschlag a. 1486. t. 6.

litate et cura pauperum memores sitis, et propter quod res ecclesiasticae a fidelibus oblatae et ab ecclesia receptae sunt»[1]). Такой принципъ, провозглашаемый церковью, свидѣтельствуетъ, что она одна только заботится о поддержанiи старыхъ, добрыхъ народныхъ обычаевъ. Охрана обычаевъ гостепрiимства имѣла важное значенiе для путешествующихъ: «viatori nemo hospitium deneget, necessaria si habet, aequo sibi praecio vendat, si non habet, a vicinis, qui habent eadem conventione aquirat. Si hospitium negaverit et necessaria vendere vel aquirere neglexerit, magistrum villae viator appellet, qui convocatis civibus suis quesita negantem ad praesens decapilatum exoriet»[2]). Церковь постановляетъ, чтобы никто не препятствовалъ путешествующему свободно и безопасно идти туда, куда онъ желаетъ: «de iterantibus nullus impedimentum faciat»[3]). Конституцiи церкви относительно гостепрiимства благодаря опредѣленной организацiи ея представителей, имѣвшихъ другъ за другомъ надзоръ, не оставались мертвою буквой. При общей безурядицѣ эти постановленiя сплошь и рядомъ нарушались, но авторитетъ церкви имѣлъ огромное значенiе какъ среди народа, такъ и среди феодальныхъ господъ. Духовенство заботится о переходящихъ изъ одной мѣстности въ другую богомольцахъ: «omnes vero peregrini et advenae libere hospitentur, ubi voluerint; et hospitati, si testare voluerint, de rebus suis ordinandi liberam habeant facultatem, quorum ordinatio inconcussa servetur»[4]). Церковь отказываетъ въ гостепрiимствѣ только еретикамъ. Послѣднiе подвергаются строгой репрессiи. Какъ духовныя лица, распространявшiя ересь, такъ и свѣтскiя, «utriusque sexus quocunque nomine censeantur», подвергались «perpetua infamia». Императоры относятся сочувственно къ папскимъ булламъ, направленнымъ противъ еретиковъ. «Мы приказываемъ», говоритъ конституцiя Генриха VII, «всѣмъ нашимъ подданнымъ, чтобы конституцiи римскихъ папъ противъ еретиковъ были точно выполняемы»[5]). Къ путешественникамъ-католикамъ цер-

[1]) M. G. H. Capit. Spuria Lib. 1. t. 374. p. 68.
[2]) Ib. L. T. II. a. 1085. p. 59.
[3]) Ib. Capit. Spur. t. 201. p. 56.
[4]) M. G. H. L. II. Const. in basilica beati Petri a. 1220. p. 244.
[5]) Ib. T. IV. a. 1312. p. 536.

ковныя власти относятся благосклонно, оказывая покровительство и защиту не только ихъ имуществу, но и охраняя ихъ жизнь. Слѣдующимъ образомъ относится церковь[1]) ко всякаго рода путешественникамъ: «placuit, ne peregri transeuntes quisquam inquietare praesumat eisque nocere audeat, quia alii propter Deum, alii propter suas discurrunt necessitates. Quod si aliquis praesumptiosus fuerit, qui peregrino nocuerit, vel eum assalierit, aut dispoliaverit, laeserit, plagaverit, ligaverit, vendiderit, vel occiderit, ipsi peregrino singillatim dupliciter sicut de alio homino solet componi, aut suo seniori vel socio cum sua lege componat. Quod si mortuus fuerit et seniorem ibi vel socium non habuerit, tunc episcopus aut sacerdotes ejusdem pagi ipsam conpositionem in duplo, sicut de indigena distringente judice accipiant et in suam elymosinam illa tribuant; et insuper sexaginta solidos fisco cogatur persolvere. Et si peregrinum viventem reliquerit, omnem injuriam ei factam et quicquid illi tulit dupliciter, ut praedictum est, per singula illi conponat, sicut solet de infra provincia aliquem conponere. Si autem eum occiderit, ut liberum hominem de ipsa provincia in duplo conponat, et ipsa pecunia a memoratis sacerdotibus in sua detur elymosina; quoniam Dominus ait: «Peregrinum et advenam non contristabis».

Рядомъ съ заботами церкви о поддержаніи гостепріимства и императоры издаютъ предписанія въ охрану такихъ обычаевъ. Путешественники должны были пользоваться въ дорогѣ чужою собственностью только въ необходимыхъ случахъ и необходимыми предметами: «in omni itinere fenum herba ac lignum edificiis non adaptatum licenter aufertur»; «tantum noster exercitus accipiat, quantum sibi et equo suo sufficiat, cetera ibidem relinquat»[2]). Путешественникъ обязанъ былъ брать и для себя, и для лошадей только необходимое, «impune ipsi et equo porrigat»; иначе онъ признавался нарушителемъ мира. Воровство травы или хлѣба въ полѣ подлежало наказанію битью батогами. «Кто украдетъ ночью въ полѣ траву или хлѣбъ, того слѣ-

---

[1]) M. G. H. L. T. II. Lib. 1. Cap. Spuria. tit. Ut peregrinos transeuntes nemo inquietet. p. 47.

[2]) Königlicher Landfrieden a. 1097. tt. 5 и 6; Waitz, Urkunden zur deutschen Verfassungsgeschichte S. 14.

дуетъ привести въ судъ и наказать ударами веревокъ, кто-же украдетъ ночью, того наказать батогами»[1]). Путешественники, пользуясь необходимымъ въ дорогѣ, должны были осторожно пользоваться необходимыми имъ предметами: «Licitum sit etiam ipsi uti herba viridi, sylva sine vastatione quilibet utatur pro sua commoditate usu necessario[2]), что было подтверждено и позднѣе[3]). Начальники и власти при своихъ переѣздахъ въ случаѣ нужды могли даромъ кормить лошадей травой. Законъ воспрещаетъ увозить кормъ тайно или его продавать, «nicht heimfüren oder verkaufen»[4]). Путешественники должны были ѣхать по дорогѣ, и, находясь въ лѣсу, трубить въ рогъ для того, чтобы ихъ никто не принялъ за разбойниковъ[5]). Путешественники, ктобы они ни были, купцы или пилигримы, могли кормить лошадей на убранномъ полѣ, снять три яблока, три или четыре кисти винограда, ловить рыбу и тутъ же её съѣсть, но не увозить изъ предѣловъ марки, пользоваться лѣсомъ для поправки экипажа «stamm, damit er seinem geschirr zu hülf kommen mag»[6]). Путники, какъ требовалъ еще законъ вестготовъ[7]), обязаны были пользоваться необходимымъ, иначе они считались ворами: «fährt ein mann seinen weg zu pferde und steht heu nächst dem weg, da mag er so viel nehmen, als sein pferd zum futter braucht; führt er etwas davon mit sich fort und wird ergriffen, so ist er ein dieb»[8]). Всякій иностранецъ, пришедшій изъ другой страны или марки, обязанъ былъ оказывать властямъ послушаніе. Насколько соблюдались обычаи гостепріимства — рѣшить трудно, хотя можно предполагать, что даже при общей политической анархіи народъ относился въ силу преданій къ путешественникамъ болѣе или менѣе гостепріимно. Правами гостепріимства не пользовались рабы и женщины. «Никто не долженъ принимать къ себѣ въ гости раба безъ позволенія

---

1) Sächs. Landr. II. Art. 28; Schwäb. Landr. Art. 206. 207.
2) Fr. I. Const. a. 1150. t. 25.
3) R.—Absch. a. 1389. t. II.
4) R.—Absch. Landfrieden a. 1398. t. 18.
5) Grimm, R. A. S. 400.
6) Ib. S. 401—402.
7) L. Wisig. VIII. 2. 3. 4. 27.
8) Grimm, R. A. (Lorscher w.) S. 402.

господина»—говоритъ конституція Фридриха I[1]). Другая конституціи этого-же императора гласила слѣдующее: «nemo aliquam mulierem habeat in hospitio; qui vero habere praesumpserit, auferetur ei omne suum harnasch (?) et excommunicatus habebitur et mulieri nasus absciditur»[2]).

Въ эту-же эпоху развился вполнѣ институтъ, зародившійся еще во времена франкскихъ королей: чужестранецъ, иноземецъ, поселившійся на землѣ господина, подчинялся власти послѣдняго[3]). Иноземцы, «gast», «Gäste», «Geste», «hospites»[4]), проживъ годъ и день на территоріи господина, становились отъ него зависимыми, «Hörige»[5]). Положеніе—«die Luft macht eigen»—примѣнялось не только въ отношеніи людей, но птицъ и звѣрей[6]): «если придетъ какой-либо человѣкъ или женщина изъ другихъ странъ въ наше герцогство Гессенъ, то онъ дѣлается намъ крѣпостнымъ»[7]). Поговорка—воздухъ дѣлаетъ крѣпостнымъ—было широко распространено во все продолженіе среднихъ вѣковъ. Поэтому, иноземцы-гости постоянно стремились избѣжать, чтобы это положеніе не было примѣнено и къ нимъ. Оно однако было ограничено тѣмъ, что примѣнялось къ лицамъ, не имѣвшимъ надъ собою господина и бывшимъ притомъ неполноправными, несвободными людьми. «Die Luft macht eigen», кромѣ того, по замѣчанію Маурера[8]), «не было такъ жестово

---

[1]) M. G. H. L. T. II. p. 108: «Fugitivum servum, colonum nullus prohibeat. Qui defenderit, paenam fugitivi subeat». M. G. H. L. T. II. Juramentum pacis Dei a. 1085. p. 59.

[2]) Ib. Const. a. 1158. t. 7.

[3]) Maurer, Frohhöfe Bd. I. S. 12.

[4]) Maurer, Id. Bd. II. S. 73.

[5]) Grimm, W. Th. I. S. 558: «Auch obe einehe frauwe oder manne jare und tagk zu Ederssheim sessen..... so sollen sie forter einen herren zu Königstein angehören und dem gehorsam sin, als andere sin angerhorigen lude»; «Concedo Normannos qui in ea villa deguerint ea conditione, ut, si anno et una die ibi manserint, postea ibi et ubicunque in comitatu meo abbas vel monachi jure sempiterno possideant. Si vero ad annum et diem non pervenerint, solum dum ibi habebuntur sub ditione abbatis et monachorum erunt»; Waitz, Id. Bd. V. S. 282.

[6]) Grimm, W. Th. III. S. 623.

[7]) Ib. S. 347 ff.

[8]) Fronh. Bd. II. S. 72.

примѣняемо, какъ думаютъ другіе, а ограничивалось правомъ защиты и представительства. Связь лица съ землею и господиномъ, возникавшая въ силу положенія — «воздухъ дѣлаетъ зависимымъ» — разрушалась иногда службою лица господину въ продолженіи года и дня[1]). Такой человѣкъ, отслуживъ господину годъ и день, могъ послѣ этого срока иногда свободно уходить, «ein freyen zug»[2]). Гостями, «hospites», назывались иногда въ позднѣйшее время среднихъ вѣковъ свободные и зависимые колоны[3]). Такія лица могли быть отчуждаемы съ землею по волѣ господина или же требуемы имъ обратно, если они ушли куда-либо[4]). Поселеніе на чужихъ земляхъ нашло себѣ широкое распространеніе въ Бельгіи, въ сѣверной Германіи, гдѣ гости-иноземцы изъ разныхъ народностей, славянъ и германцевъ, поселяясь на чужихъ земляхъ и выговаривая различнаго рода права и привиллегіи, образовали цвѣтущіе города и деревни[5]). Иностранцы, приходя на землю господина и становясь подъ его защиту[6]), уплачивали ему обыкновенно особую дань[7]). Величина дани опредѣлялась волею господина. Если пришедшіе иноземцы думали навсегда поселиться, то они заключали договоръ съ владѣльцемъ земли относительно платы аренды[8]). Вообще въ отношеніи лицъ, переходящихъ изъ одного мѣста въ другое, дѣйствовалъ принципъ: кто поселялся на чужой землѣ, тотъ становился зависимымъ отъ господина

---

[1]) Grimm, W. Th. I. S. 410.

[2]) Grimm, W. Th. I. S. 409 ff.

[3]) Maurer, Fronh. Bd. II. S. 73.

[4]) Ibidem.

[5]) Maurer, Id. Bd. II. S. 75; Waitz, Id. Bd. V. S. 283.

[6]) «Si quis advena alicujus domesticus factus fuerit et sub ejus positus fuerit tuitione» etc. Waitz, Id. Bd. V. S. 283, пр. I.

[7]) Ib. Пр. 2: «Alienigenae, id est wargenei, qui manserint in banno, dabunt comiti 4 den. singulis annis.

[8]) Waitz, Id. пр. 3: «Pactionem quandam, quam quidam cis Renum commanentes qui dicuntur Hollandi nobiscum pepigerunt, omnibus notam volumus haberi. Prefati igitur viri majestatem nostram convenerunt obnixe rogantes, quatenus terram in episcopatu nostro sitam actenus incultam paludosamque, nostris indigenis superfluam, eis ad excolendam concederemus».

земли, какъ-бы его крѣпостнымъ[1]). Этотъ принципъ примѣнялся и къ иностранцамъ—негерманцамъ, когда они прихотили на территорію Свящ. р. имперіи. Нѣкоторые изъ императоровъ, желая обезпечить свободу и безопасность иностранцевъ, издаютъ специальныя привиллегіи въ пользу иностранныхъ торговыхъ людей, которые больше всего и посѣщали Германію. Такъ Оттонъ II далъ венеціанцамъ привиллегію свободно и безопасно приходить въ предѣлы имперіи: «ut liberi et securi absque ulla laesione per totum suum imperium orientem versus, meridiem, occidentem ot septentrionem, libere et secure ambulent»[2]). Территоріальные господа имѣли въ свою очередь право позволять или не позволять странствовать иноземцамъ свободно и безопасно по ихъ территоріи[2]). Положеніе иностранцевъ въ эпоху кулачной расправы было необезпеченнымъ. Въ особенности иностранные купцы страдали отъ разбойниковъ по дорогамъ. Въ это время какъ иностранные, такъ и германскіе торговые люди странствовали изъ одной мѣстности въ другую, будучи опоясаны мечемъ. Имперскія конституціи предусматриваютъ тѣ случаи, когда купецъ былъ вправѣ употребить мечь: «mercator negotiandi causa provinciam pertransiens gladium suum suae fellae alliget, vel super vehiculum suum ponat, non ut quem laedat innocentem, sed ut a praedone se defendat»[4]). Какъ рыцарь странствовалъ изъ одного мѣста въ другое съ оружіемъ въ рукахъ, такъ и купецъ, и земледѣлецъ. Угроза денежнымъ штрафомъ крестьянамъ за ношеніе оружія въ эпоху, не знавшую закона, была фиктивною. Всякій стремился защитить свою личность, свое право ору-

---

[1]) Maurer, Fronh. Bd. II. S. 110: «ut quisquis ad locum vel ad terram ipsi pertinentem causa habitandi se contraxerit, cujuscunque nationis vel conditionis sit, de proprietate ipsius sit, nullusque aliquid juris, nisi praesens fuerit idque coram abbate probaverit in aliquo sibi usurpet et vel attribuat»; «Quicumque extraneus in ville voluerit transire coloniam et ibi morari voluerit, cujuscumque antea fuerit, ad comitem pertinebit».

[2]) Waitz, Id. Bd. VIII. S. 317. Пр. I.

[3]) Ib. «Quicunque burgensis fuerit, si resedere voluerit, rerum et corporis usque in medium Renum et per totum sue juris solutionis ambitum securum debet habere ducatum, ipso domino concedente».

[4]) R.—Absch. a. 1122. t. 15.

жіемъ: «si quis rusticus arma vel lanceam portaverit vel gladium: judex, in cujus potestate repertus fuerit, vel arma tollat, vel viginti solidos pro ipsis recipiat a rustico»[1]). Путешествующихъ купцовъ грабили не только разбойники, но и воины: «miles, qui mercatorem spoliaverit, dupliciter reddet oblata et jurabit, quod nescivit illum mercatorem»[2]). Если убійство учинялъ рабъ, то тогда отвѣчалъ его господинъ[3]). Благія намѣренія императоровъ обезпечить условія безопасности путешествующихъ купцовъ оставались въ эпоху кулачной расправы мертвою буквой. Императоры признаютъ право мести, возмездія въ отношеніи тѣхъ, кто наносилъ вредъ: «nullus alicujus domum hostiliter invadat, nec incendio devastet, nullus aliquem capiat propter pecuniam, nec vulneret, nec percutiat, nec interfeciat. Et si quis hoc fecerit, oculos vel manum amittat.... si in via occurrerit tibi inimicus tuus, si possis illi nocere, noceas; si fugerit in domum, vel in curtem alicujus, illesus maneat»[4]). Одна изъ главныхъ заботъ Рудольфа было установить безопасность для путешествующихъ и въ особенности для торговыхъ иностранныхъ и туземныхъ людей. Императоръ ведетъ борьбу съ разбойниками вообще и съ разбойниками по дорогамъ въ частности: «Schahroup und strozroub sol deheinen aufschub haben; swen man damit wegriffet, da sol man uber rihten»[5]). «Этотъ императоръ», говоритъ Eichhorn, «возстановляетъ свои права и организуетъ въ странѣ законный порядокъ, которые въ бурную эпоху не уважались ни однимъ сословіемъ въ имперіи, на-столько, на-сколько дозволяли тогдашнія обстоятельства; ни одинъ король не управлялъ до Рудольфа страною съ такимъ достоинствомъ и общимъ авторитетомъ, какъ онъ»[6]). Рудольфъ стремится обезпечить и иностраннымъ купцамъ въ своемъ государствѣ свободу и безопасность путешествія. Вотъ

---

[1]) Ib. t. 15.

[2]) M. G. H. L. T. II. Frid. I. Const. a. 1158. t. 5. p. 108.

[3]) Ib.: «Si servus tondebitur et in maxilla comburetur, dominus reddet pro eo rapinam».

[4]) M. G. H. L. T. II. Constitutio pacis generalis Heinrici IV a. 1102. p. 60.

[5]) Ib. Const. a 1218. t. 57. p. 430.

[6]) Eichhorn, R. G. Th. III. S. 9.

что мы читаемъ въ договорѣ, заключенномъ императоромъ съ венгерскимъ королемъ: «Item promissimus et promittimus, sicut hinc inde promissum alias recolimus, ut mercatores, salvis rebus, mercimoniis, et personis, per districtum nostrum, regna et terras, solutis justis pedagiis, theloneis et tributis, et consuetis secure transeant, et omni gaudeant libertate quia tributa indebita et inconsueta omnino volumus aboleri; et hoc idem rex Hungariae in suo districtu, et in suis regnis et terris, equaliter faciet observari»[1]). Такой же договоръ Рудольфъ заключилъ и съ королемъ Богеміи[2]).

Свободѣ передвиженія торговыхъ людей, какъ иностранцевъ, такъ и туземцевъ, препятствовала система пошлинъ, которая приняла сложную и неограниченную закономъ форму, выработавшуюся съ X ст. Положенія каролингскаго права, регулировавшаго сборъ пошлинъ, оставались безъ всякаго значенія. Установленіе пошлинъ, по каролингскому праву, было привиллегіей императора, что стремятся поддержать и императоры Свящ. римской имперіи: «theloneum quod ad nostrum regale jus a praefato..... ascipere visum est»[3]). Благодаря королевскимъ привиллегіямъ, даннымъ церкви и другимъ крупнымъ земельнымъ собственникамъ, сборъ пошлинъ принялъ разнообразныя формы не только законныя, но и беззаконныя. Хотя преемники Карла В. и воспрещали сбирать «injusta telonea», но феодальные господа не обращали вниманія германскихъ королей и императоровъ. Въ эпоху междуцарствія произвольные сборы пошлинъ достигаютъ кульминаціоннаго пункта; феодальные господа сбирали со всѣхъ и все, что могли. Попытка Конрада I[4]) и послѣдующихъ императоровъ[5]) установить

---

[1]) M. G. H. L. T. II. Rudolfi 1 regis Pactum cum Wladislao rege Ungariae a. 1277. p. 418.

[2]) Ib. a. 1277. p. 421.

[3]) Ottonis III Const.; Waitz, Id. Bd. VIII. S. 283. Пр. 3.

[4]) «Thelonei debitum, quod ad eundem locum (Würzburg) dictum debet persolvi a cunctis qui cum mercatus sui mercimonio ab universis provinciis et civitatibus illuc conveniumt». Waitz, Ib. Пр, 1.

[5]) «Villicus et omnes officiales ministri-nullum vero teloneum persolvent».; Генрихъ V подтверждаетъ старыя права церкви въ Люттихѣ въ 1107 г.; Waitz, Urkunden. p. 18; «Scripsimus eis insupere de teloneo quantum dare debeant euntes et redeuntes per Renum.... quod si quis eis infregerit, inimicus sit regis». Ib S. 26.

сборъ пошлинъ только съ купцовъ провозглашается и закономъ Конрада III[1]). Привиллегіи, данныя городамъ, духовнымъ и свѣтскимъ вассаламъ, разнообразясь до безконечности, даже будучи справедливыми, препятствовали свободѣ обмѣна цѣнностей и вмѣстѣ съ тѣмъ свободѣ передвиженія людей какъ по сухопутнымъ, такъ и по воднымъ путямъ сообщенія. Жалобы городскихъ жителей, что купцы обременены пошлинами, въ рѣдкихъ случаяхъ имѣли успѣхъ. Самое названіе пошлинъ было разнообразнымъ: «thelonea, pontatica, pedagia, vectigalia etc». «Короли[2]) щедрою рукою раздаютъ привиллегіи на сборъ пошлинъ» — говоритъ Waitz[3]). Злоупотребленія находятъ себѣ широкое распространеніе. Даже церковь иногда возстаетъ противъ сбора новыхъ пошлинъ: «si quis..... mercatores novis teloneis et pedaticorum exactionibus molestare tentaverit, donec satisfecerit, communione careat christiana»[4]). Отъ сбора пошлинъ не избавлялись и пилигримы, на что жаловались папы. Отдача императоромъ и князьями сбора пошлинъ въ аренду сборщикамъ увеличивали тяжесть сборовъ. Наконецъ, Фридрихъ II издаетъ спеціальный законъ о сборѣ пошлинъ, которымъ онъ думалъ положить предѣлъ злоупотребленіямъ. «Кто нарушитъ законъ», гласилъ этотъ актъ, «въ третій разъ, тотъ будетъ лишенъ права сбирать пошлины»[5]). Что законъ Фридриха II не прекратилъ злоупотребленій, это видно изъ постановленія Рудольфа, воспретившаго сбирать пошлины съ путешественниковъ тѣмъ, кто не имѣлъ на то права, которое было утверждено Генрихомъ VI, «de sint unsers vaters tode des Kaysser Heinriches of gesetzet sint»[6]). Императоръ приказываетъ считать того, кто сбиралъ незаконныя пошлины, разбойникомъ, «Strassrauber»[7]),

---

[1]) «In presentia nostri adjudicatum est, quod theloneum a nullo exigi debet nisi a mercatoribus qui causa negotiandi vadunt et redeunt». Waitz, Ib. Пр. 2.

[2]) Henrici IV Const. a. 1073: «theloneum quod in omnibus locis regiae potestati adsignatur».

[3]) Id. Bd. VIII. S. 304.

[4]) Waitz, Ib. S. 307. Пр. 1.

[5]) Fr. II. Const. a. 1235. t. 4.

[6]) R.—Absch. a. 1287. t. 22.

[7]) Ibidem.

Мало-по-малу право императоровъ налагать пошлины переходить въ руки территоріальныхъ государей, которые съумѣли воспользоваться имъ ради восполненія своей казны. И въ XIV ст. нѣкоторые изъ императоровъ желаютъ устранить злоупотребленія этимъ правомъ со стороны территоріальной власти. Они заботятся обезпечить условія безопасности и свободы передвиженія нѣкоторыхъ лицъ. «Всѣ пути сообщенія, какъ водныя, такъ и сухопутныя», читаемъ мы въ земскомъ мирѣ 1398 г., «всѣ свободныя ярмарки и торги должны быть свободными и въ городахъ, и въ селахъ; никто не долженъ вредить или нападать на тѣхъ, кто путешествуетъ на такія ярмарки или поѣдетъ съ нихъ домой: будь то духовное лицо, посолъ, купецъ, везущій товаръ, пилигримъ, имѣющій грамоту отъ священника, будь то мущина или женщина»[1]).

Сборъ пошлинъ самымъ тяжелымъ образомъ отзывался на торговомъ классѣ, который благодаря своей профессіи былъ классомъ, постоянно передвигавшимся изъ одной мѣстности въ другую. Торговля уже издавна составляла предметъ попеченія государственной власти, что видно изъ капитуляріевъ Карла В., имѣвшихъ цѣлью обезпечить свободу торговой дѣятельности внутри страны и свободу торговыхъ сношеній съ иноземными странами. Заботы этого монарха съ теченіемъ времени были забыты; его слабые преемники не въ состояніи были регулировать правовыми нормами торговаго промысла. Зло отъ пошлинъ для страны было великимъ. Феодальные господа, являясь самостоятельными, заботились о личныхъ интересахъ. Каждое феодальное государство, каждый князь и городъ обращали вниманіе на торговлю, имѣя въ виду эгоистическія цѣли и оставляя въ сторонѣ интересы сосѣда. Феодальные и территоріальные государи никогда не думали заботиться объ интересахъ всей Германіи. Подобное отношеніе германскихъ правительствъ къ національной торговлѣ имѣло послѣдствіемъ то, что германская торговля не достигла той степени развитія, которой она могла бы достигнуть. Да и въ позднѣйшее время обѣщаніе германскихъ императоровъ, при избраніи ихъ въ этотъ санъ (Wahlcapitulation 1711. Art. 7. §),—улучшить условія германской торговли въ странѣ—было простою формальностью, фикціей,

[1]) König Wenzeslaus Landfrieden t. 2.

такъ какъ каждый самостоятельный территоріальный государь въ силу своей власти, «Landeshoheit», могъ издать предписанія и законы, прямо противорѣчащіе волѣ имперскаго правительства. Главнымъ препятствіемъ къ развитію торговли междугерманской и интернаціональной до XVII ст. была система ограниченія свободы передвиженія торговыхъ людей и товаровъ. Система ограниченія передвиженія тѣхъ и другихъ была различною въ разныхъ германскихъ государствахъ. «Въ отношеніи развитія торговли», замѣчаетъ уже «Häberlin»[1], «вообще для Германіи было несчастіемъ то, что она состояла изъ многихъ государствъ», и продолжаетъ, «что каждое имперское сословіе въ силу территоріальной власти могло издать собственное предписаніе относительно торговли, главныхъ сухопутныхъ и водныхъ путей сообщенія». Подобное отношеніе германскихъ правительствъ къ путямъ сообщенія, по которымъ происходило движеніе товаровъ и передвиженіе торговыхъ людей, привело къ тому, что движеніе товаровъ и передвиженіе торговыхъ людей было обложено различными сборами. Произвольные сборы съ товаровъ и людей относятся къ эпохѣ феодализма. Императоры напрасно пытаются урегулировать сборъ пошлинъ. Въ этомъ направленіи представляется замѣчательнымъ законъ Фридриха II о сборѣ пошлинъ[2]). Сборы, разнообразясь до безконечности, не шли на улучшеніе путей сообщенія, но имѣли, по справедливому замѣчанію Фальке[3]), иное непроизводительное назначеніе въ эпоху среднихъ вѣковъ[4]). Поэтому, желаніе Карла В. уничтожить всѣ незаконные пошлины и сборы съ товаровъ и людей, не осуществилось съ теченіемъ времени. О свободѣ передвиженія товаровъ и людей въ эту эпоху не можетъ быть и рѣчи. Правда, основоположенія нѣкоторыхъ правовыхъ памятниковъ того времени требо-

---

[1]) Handbuch des teutschen Staatsrechts Bd. III. S. 4.

[2]) Zollges. Fr. a. 1235. c. 10. t. 1: «Wir setzen und gebieten, dass alle die Zolle, die mit Unrecht gehhöchet sin anders denn sie von erst uffgesezet sind, dass die Hebunge ab sy, und der Zolle blibe als er zit recht soll. Wer das bricht, den soll man halten für ein Strassreuber».

[3]) Die Geschichte des deutschen Zollwesens S. 130 ff. Leipzig. 1869.

[4]) Const. a. 1235. cap. 10. t. 3: «Alle die Zolle nehment uff Wasser oder uff dem Lande, die sollen de Wegen und Bruckken ihre Recht halten mit machen und mit besserunge».

вали, чтобы каждый могъ свободно пользоваться рѣками [1]). Чѣмъ времена были болѣе бурными, тѣмъ менѣе императоръ имѣлъ вліянія на своихъ подчиненныхъ, тѣмъ болѣе возникало пошлинъ. Каждый нѣмецкій князь, графъ, ведя ожесточенную борьбу съ сосѣдомъ, никогда и не думалъ объ уменьшеніи пошлинъ и сборовъ съ товаровъ и людей, проходившихъ и проѣзжавшихъ по его землѣ. Только нѣкоторые изъ германскихъ императоровъ и королей стремились уменьшить сборы. Сборъ пошлинъ находился подъ непосредственнымъ надзоромъ императоровъ, которые давали иногда привиллегіи имперскимъ городамъ на свободу отъ пошлинъ: «De Ratisbona usque Pattaviam nullum solvent theloneum». Хотя, дѣло начатое однимъ, было прекращаемо другимъ, но всегда признавался въ отношеніи установленія сборовъ тотъ юридическій принципъ, что никто не можетъ налагать новыхъ сборовъ, не получивъ предварительно имперской концессіи. Этотъ принципъ мало примѣнялся на практикѣ; безсиліе императорской власти лишало его всякаго значенія. Съ эпохи Рудольфа Габсбургскаго выработалось новое положеніе, заключавшееся въ томъ, что императорская привиллегія на сборъ пошлинъ имѣетъ силу въ томъ случаѣ, когда на то согласилась коллегія курфюрстовъ. Новое положеніе было дополнено въ 1711 г. нѣкоторыми статьями, вошедшими въ присягу, приносимую германскимъ императоромъ при избраніи.

Право наложенія пошлинъ, принадлежавшее сначала императору, перешло съ теченіемъ времени въ руки территоріальныхъ государей или имперскихъ городовъ [2]). Города, будучи самостоятельными политическими единицами, пріобрѣли так. наз. «Stapel- und Umschlagsrecht». Въ силу существованія «Stapelrecht» каждый городъ могъ воспретить свободный проходъ товаровъ, а въ силу «Umschlagsrecht», городъ могъ потребовать, чтобы мимоидущіе товары были сложены на город-

---

[1]) Sächs. Sp. II. Art. 28. § 4; Deutsch. Sp. Art. 138; Schwäb. Sp. Art. 197.

[2]) Leist, Staatsr. § 237: «Mit den von den Kaisern selbst erhobenen Zöllen ging es wie mit den Reichseinkünften überhaupt; sie kammen allmählig n den Besitz der Reichsstände und Landesherren».

ской землѣ. Товары транспортировались или по рѣкамъ, или-же по дорогамъ. «Flusszölle, Stapel- und Umschlagsrechte» не только препятствовали въ значительной степени развитію судоходства, но и вообще развитію экономическаго благосостоянія всей Германіи. Если кто-либо устраивалъ шоссе, то онъ въ правѣ былъ требовать отъ путешественниковъ и людей, занимавшихся извозомъ, взноса проѣздныхъ денегъ, «Weg- und Pflastergeld». Сборы при переѣздѣ чрезъ мосты и сборы съ перевозовъ назначались князьями въ разныхъ мѣстностяхъ различные. Величина сборовъ не была регулирована имперскимъ законодательствомъ. Положеніе имперскаго права: «nova telonea... non statuemus»[1]), дополняемыя другими: «stratae antiquae non declinentur nisi de transeuntium voluntate», нарушались[2]). Золотая Булла[3]) подтвердила только «telonea in praeterito statuta». Сборы, нося различныя названія, причиняли много вреда торговлѣ[4]). «Не смотря на то, что императоры постоянно воспрещали», говоритъ Цахаріэ[5]), «установлять новыя пошлины и возвышать старыя, число пошлинъ, взимаемыхъ до XVI ст. какъ на водныхъ, такъ и на сухопутныхъ путяхъ сообщенія, страшнымъ образомъ увеличивалось и тяжело отзывалось на торговлѣ Германіи; къ этому присоединялись безчисленныя привиллегіи, освобождавшія нѣкоторыхъ лицъ отъ уплаты пошлинъ; такія привиллегіи выдавались отчасти императоромъ, отчасти территоріальными господами, получившими такое право отъ императора». Какъ въ XIV ст., такъ и въ XVI ст. мы постоянно встрѣчаемъ жалобы, что германская нація и Свящ. рим. имперія въ высшей степени обременены всякаго рода сборами: «dieweil die deutsche Nation und das heil. röm. Reich zu Wasser und zu Land zum höchsten mit Zöllen beschweret»[6]). Пошлины, «telonea, vectigalia», собирались въ опредѣленныхъ

---

[1]) Const. de jurib. princ. ecclesiast. de an. 1220.

[2]) Friderici II Const. de jurib. princ. secul. de a. 1272.

[3]) Capit. IX.

[4]) Ulmenstein, pragm. Geschichte der Zölle in Teutschland S. 41 ff.; Lang., hist. Entwickl. der Steuerf. S. 142.

[5]) Deutsches Staats- und- Bundesrecht Th. II. S. 552.

[6]) Die Zusicherung des Königs Wenzel von 1379; Regiments-Ordn. Max. 1. v. 1500; die erste Wahlcapitulation.

мѣстахъ не только съ товаровъ, но и въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ людей, «Leibzoll».

Въ связи съ сборомъ пошлинъ находился сборъ за выдачу охранныхъ грамотъ, «Geleitsgeld». Этотъ сборъ взимался не съ товаровъ, но по-преимуществу съ путешествующихъ купцовъ. Въ особенности въ прежнее время часто сбирали такую пошлину съ евреевъ, какъ класса торговаго[1]). Право охраны называлось вообще правомъ защиты, даннымъ путешественнику владѣтельнымъ господиномъ при вступленіи перваго на землю послѣдняго. Выдача охранной грамоты имѣла задачею поддержать въ странѣ миръ и порядокъ. Охранная деньга была страховой преміей, уплачиваемой купцами за то, чтобы не быть ограбленными на большихъ дорогахъ. Всякій, кто желалъ путешествовать за свой страхъ, могъ не платить ничего[2]) «Конечно», замѣчаетъ «Häberlin», «такой сборъ былъ болѣе или менѣе комплиментомъ для нѣмецкихъ правительствъ, первая и важнѣйшая задача которыхъ должна была бы состоять въ поддержаніи общественной безопасности, не требуя съ путешественниковъ никакой платы»[3]). «Теперь», продолжаетъ авторъ «большія дороги безопасны, но было время въ Германіи, когда никто, и въ особенности купецъ, имѣвшій при себѣ много денегъ или товара, не могъ разсчитывать на безопасность въ дорогѣ, не имѣя при себѣ вооруженной стражи, «ein bewaffnetes Geleit». То была эпоха, когда съ понятіемъ замка соединялось понятіе разбойника. Рыцарство любило заниматься грабежомъ, «rauben und plündern». Съ теченіемъ времени бродяги даже въ мирное время дѣлали большія дороги небезопасными. Подобныя лица также любили грабить путешествующихъ и въ особенности купцовъ, тотъ классъ людей, который въ силу своей профессіи былъ классомъ постоянно передвигающимся изъ одного мѣста въ другое. Средневѣковое германское право безсильно было защитить путешествующихъ купцовъ; оно не провело въ жизнь англійскаго правоваго принципа:

---

1) Ulmenstein, pragm Geschichte der Zölle in Teuschland S. 64; Berg, Polizeirecht T. IV. S. 688.

2) Sächs. Landr. II. Art. 27.

3) Handbuch des teutschen Staatsrechts Bd. III. S. 27.

«Quod mercatores habeant salvum ire et venire ad emendumet et venendum, sine omnibus malis per antiquas et rectas toltis consuetudines»[1]). Война въ тѣ времена была разбойничествомъ. Люди, уходившіе съ военной службы, продолжали свою профессію, какъ выучившіе свой промыселъ мастера. Всякій владѣтельный князь, желавшій обезпечить въ своей землѣ безопасность дорогъ, долженъ былъ высылать на дорогу вооруную стражу, которая бы обезпечила безопасность путешествующихъ особенно въ опасныхъ мѣстахъ, гдѣ находили себѣ пріютъ всякаго рода сбродъ[2]). Иногда господинъ земли давалъ путешественнику еще и охранную стражу. Величина сбора опредѣлялась волею феодальнаго господина. Въ охранной грамотѣ писалось, что владѣлецъ ея можетъ свободно и безпошлинно переходить по странѣ территоріи феодала[3]). Охранная грамота, обезпечивая личность путешественника, имѣла значительныя выгоды во время общей безурядицы[4]), когда право не уважалось, когда деньги управляли и рѣшали все[5]). Безправіе увеличилось въ эпоху кулачной расправы, а слѣды и послѣдствія этой эпохи долго еще волновали Германію.

Право охраны и право сбора охранныхъ денегъ, наконецъ, были признаны имперскимъ правомъ[6]). Законъ о выдачѣ охранной грамоты или законъ о снабженіи путника стражею гласилъ, что дающій охрану долженъ уплатить путнику за

---

[1]) (Прошеніе англ. бароновъ 1215. Capitula t. 31). Безопасности купцовъ угрожали постоянныя въ тѣ времена войны.

[2]) R. A. 1518. t. 20; Exec-Ordn. § 35 и § 37; Reichs-Pol.-Ordn. 1577. t. VII. § 1.

[3]) «Dominus Avesnensis conсessit etiam, ut vecture sive res ecclesiae per totam terram suam libere et absque omni guionagio pertranseant et ut servientes et mercennarii ejus Avesnis nullum teloneum persolvant»; «Episcopus (въ Аугсбургѣ) ducatum ingredientibus et egredientibus dabit».

[4]) «Otto (III) rex, tua lex quia semper venditur auro, hic gentes frustra querunt judicia justa. Otto dum regnas, non sunt judicia regni; Otto dum regnas, regnat pecunia tecum. Plus valet argentum tecum quam lex sapientum». Waitz, deutsche Verfsgesch., Bd. VIII. S. 414.

[5]) «Nummus erit imperator; (Генрихъ IV). Nummum colunt principes; Nummus regit, nummus regnat, Nummus et justificat». Ibidem.

[6]) R. A. 1559. §§ 33. 34.

весь вредъ, который онъ понесетъ, будучи ограбленъ на дорогѣ, «Geleitstrasse»[1]). Сборъ за выдачу охранныхъ грамотъ съ теченіемъ времени сдѣлался финансовымъ источникомъ территоріальной власти. Послѣдняя, не назначая путнику охранной стражи, выдаетъ ему за деньги охранную, писанную грамоту, «todtes oder schriftliches Geleit». Какъ право увеличенія пошлинъ, такъ и право назначенія охраны, принадлежало ранѣе исключительно къ основнымъ аттрибутамъ императорской власти[2]). Позднѣе назначеніе охраны въ силу императорскихъ привилегій и преимуществъ было правомъ не только территоріальныхъ государей и подчиненныхъ имъ властей, и не только въ ихъ территоріяхъ, но и въ силу «Servitus juris purblici» нерѣдко на чужеземной территоріи[3]). Имперское право относительно вознагражденія ограбленныхъ путниковъ, получившихъ охранную грамоту или охранную стражу, гласитъ слѣдующее: «Setzen, ordnen und wollen wir[4]), wofern von Churfürsten, Fürsten, Ständen und einiger Obrigkeit, die sey, wer sie wolle, jemanden Geleit gegeben und der selbige darüber auf derselben—Obrigkeit Geleitsstrassen thätlich angegriffen und beschädigt wird, dass der Stand, so solch Geleit gegeben, nach Gestalt solches Geleites, dem Beschädigten seines Schadens Erstattung zu thun schuldig sein soll». По словамъ Häberlin'a[5]) осуществленіе вѣчнаго мира и поддержанія правоваго порядка въ Германіи имѣло слѣдствіемъ то, что право выдачи охраны и охранныхъ грамотъ потеряло свое прежнее важное значеніе, хотя взиманіе охранныхъ денегъ продолжалась до болѣе новаго времени. Взиманіе такихъ денегъ было уничтожено только въ 1810 г.[6]).

На свободу движенія товаровъ и передвиженія торговыхъ людей въ значительной степени вліяетъ и состояніе въ странѣ дорогъ. Въ эпоху франкскихъ королей, именно при каролин

---

[1]) Böhmer, Rechtsfälle Bd. III. 224. 111. S. 473 ff.

[2]) Const. Friderici de an. 1235; Lang, histor. Entwickl. der Steuerverfass. S. 139.

[3]) Möser, nachbarl. Staatsr. Cap. XVII. S. 490.

[4]) Landfriede v. 1548 t. 16; R. A. v. 1559. § 34.

[5]) Handbuch. des. t. Staatsrechts Th. III. S. 27.

[6]) Klüber, Oeffentl. Recht. § 411. Not. 1.

гахъ было обращено особенное вниманіе правительства на улучшеніе путей сообщенія, которое производилось натуральными повинностями подданныхъ въ обширномъ смыслѣ этого слова[1]). Эти дороги служили главными линіями сообщенія и сношенія людей. Во вторую половину среднихъ вѣковъ эти дороги получили названіе королевскихъ дорогъ. Памятники этой эпохи опредѣляютъ ширину дорогъ и также важность ихъ для путешественниковъ[2]). Напротивъ, дороги проселочныя, дороги для непосредственнаго сношенія между сосѣдними общинами поддерживались или на счетъ самихъ общинъ, или же барщиннымъ трудомъ[3]). Королевскія дороги съ теченіемъ времени мало-по-малу перешли въ руки территоріальной власти, которая возложила повинность поддержки такихъ дорогъ на подданныхъ[4]). Территоріальные государи смотрѣли на дороги исключительно съ точки зрѣнія фискальныхъ интересовъ, не обращая вниманія на интересы торговли и промышленности[5]). Преслѣдованіе территоріальной властью фискальныхъ интересовъ на первыхъ порахъ встрѣтило отпоръ со стороны власти императоровъ[6]). Перевѣсъ остался на сторонѣ первой. Территоріальные владѣтели все болѣе и болѣе возвышаютъ сборы съ лицъ, пользовавшихся дорогами, не принимая въ то-же время мѣръ ради улучшенія путей сообщенія. Они въ интересѣ фиска провели въ положительномъ правѣ т. наз. «Strassenzwang» т. е. они требовали, чтобы путешественники пользовались опредѣленными дорогами. Противъ этого принципа возстало сначала имперское правительство, защищая королевскія дороги. Императоры, наконецъ, уступили свои права надъ дорогами территоріальнымъ государямъ. Принудительное пользованіе дорогами привело къ тому, что путешественники стали

---

[1]) Waitz, deutsche Verfassungsgeschichte Bd. IV. S. 25 ff.; Sax, Verkehrsmittel Bd. 1. 187 ff.

[2]) Sächs. Sp. II. Art. 59. § 3.

[3]) Maurer, Geschichte d. Markenverfassung S. 36; Его-же Geschichte der Dorfverfassung Bd. I. S. 286.

[4]) Maurer, Geschichte der Fronhöfe Bd. III. S. 827.

[5]) Sax, Verkehrsmittel Bd. I. S. 190 ff.

[6]) M. G. L. T. II. a. 1231 p. 291; Ib. a. 1235. c. 6. p. 315; Ib. a. 1281. c. 8. p. 438; Ib. a. 1287. c. 21. p. 450; Ib. a. 1303. c. 15. p. 482.

пользоваться не королевскими и княжескими дорогами, но обходными путями, что еще практиковалось и въ XVII столѣтіи[1]. Кромѣ того, «Landesherren» присвоили себѣ право на вещи, грузы и даже сани, оставленныя собственниками на общественныхъ дорогахъ, что вполнѣ оправдывалось и современной той эпохѣ юриспруденціей. Юристы для оправданія такихъ правомочій Landesherr'овъ выставили новое ученіе о дорожной регаліи, «Strassenregal». Такой взглядъ юриспруденціи и положительнаго права на дороги удержался до XIX ст.[2]). Положеніе и состояніе дорогъ въ эту эпоху было очень незавиднымъ, что причиняло громадный ущербъ торговлѣ. Передвиженіе товаровъ и торговыхъ людей до XVI ст. встрѣчало великія затрудненія и препятствія со стороны самой природы. Ни правительство, ни общины не дѣлали усилій къ удаленію вредныхъ вліяній природы на дороги[3]). Только въ XVI ст. правительства начинаютъ принимать мѣры къ улучшенію средствъ сообщенія и сношенія людей, что ясно видно изъ предписанія кн. Гессенъ отъ 11 авг. 1543 г.[4]). Фискальный интересъ правительствъ принуждалъ путешественниковъ пользоваться малыми, объѣздными дорогами, не смотря на всѣ строгія предписанія правительствъ не пользоваться послѣдними. Уменьшеніе фискальныхъ интересовъ и доходовъ заставило, наконецъ, центральныхъ властей позаботиться о большихъ дорогахъ[5]).

Веденныя Карломъ В. войны[6]) повліяли въ значительной степени на уменьшеніе народнаго благосостоянія и на самую величину населенія въ монархіи вообще и въ особенности съ тѣхъ поръ, когда сельское населеніе при преемникахъ Карла В. подпало подъ произволъ и гнетъ свѣтской и духовной аристократіи. Разрушеніе строя народной общины, начавшееся въ разныхъ мѣстностяхъ страны, имѣло послѣдствіемъ то, что сельское населеніе все болѣе и болѣе утрачивало право на

---

1) Cod. Aug. Bd. II. S. 1163 ff.
2) Klüber, öffentliches Recht § 408.
3) Sax, Verkehrsmittel Bd. I. S. 201 ff.
4) Hessische Land.-Ordn. Bd. I. S. 140.
5) Reichsgutachten 3 Іюля 1668.
6) Sugenheim, Id. S. 85.

свободу и собственность. Наконецъ, вырабатывается положеніе, что только владѣніе землею, принадлежность къ городской общинѣ или къ привиллегированному сословію, есть основа пользованія правами общественными и политическими. Провести точную грань между сословіями въ эту эпоху представляется затруднительнымъ главнымъ образомъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ понятія свободы и несвободы, проведенныя точно въ законодательствѣ каролингской эпохи, утрачиваютъ свой смыслъ. Правовое положеніе личности опредѣляется или связью ея съ имперскою властью или съ территоріальною. Во-вторыхъ потому, что самыя названія лицъ и классовъ представляются различными и неопредѣленными.

По занятіямъ населеніе дѣлилось на слѣдующія категоріи: a) княжеское сословіе—«Fürstenstand», b) рыцарское сословіе—«Ritterstand», c) городское сословіе—«Bürgerstand» и d) земледѣльческое сословіе—«Bauerstand». Первая категорія лицъ посвящаетъ свою дѣятельность рѣшенію общеимперскихъ дѣлъ и въ частности дѣлъ, касавшихся отдѣльныхъ территорій. Рыцарское сословіе имѣло своимъ назначеніемъ посвящать дѣятельность военному искусству, «vita militaris». Жители городовъ занимаются промыслами: ремесленнымъ и торговымъ. Крестьянское сословіе, «rustici», занимаясь земледѣльческимъ промысломъ, раздѣлялось на нѣсколько категорій, изъ которыхъ не всѣ пользовались даже гражданской свободой. Земледѣльцы не имѣли правъ политическихъ; они не могли вступать въ ленныя отношенія. Сфера правъ земледѣльцевъ и въ гражданскомъ отношеніи была ограниченною. Земледѣльческое сословіе находилось только подъ общею защитою имперскихъ законовъ, дѣлавшеюся сплошь и рядомъ фиктивной. Крестьянское сословіе можно раздѣлить на 3 категоріи: рабы, свободные и полусвободные. Несвободными, на основаніи правовыхъ памятниковъ той эпохи слѣдуетъ считать всѣхъ тѣхъ, кто состоялъ въ собственности другого [1]). Несвободныя отношенія

[1]) Sächs Landr. III. Art. 32; Ssp. Glosse II. 32. § 1: «Nun solt du wissen—das knechte sei zweyerley: eygentlichen zu sprechen, so heyssen knechte, die eygen sein; die andern heyssen dyener und seind frei lewte die uns dienen»; Glosse zum Sächs. Weichbildr. Art. 77: «Ir sollit wissin: wy lange eyn fry knecht uns dynet, domit wirt er nicht unser eygen, und darumme spricht er: eyn fryer Knecht».

возникали: а) чрезъ рожденіе—«partus sequitur ventrem»[1]); b) чрезъ добровольную отдачу свободнаго человѣка въ рабство[2]) и с) чрезъ пребываніе человѣка въ теченіи одного года и дня въ томъ мѣстѣ, гдѣ не было свободныхъ людей, но только люди несвободные[3]). Послѣдній способъ возникновенія зависимыхъ отношеній былъ самымъ обыкновеннымъ въ это время[4]). Въ основѣ своей этотъ способъ возникновенія имѣлъ то, что въ бурную эпоху и въ особенности въ началѣ второй половины среднихъ вѣковъ свободные люди сплошь и рядомъ искали у крупныхъ поземельныхъ собственниковъ защиты, которую послѣдніе оказывали въ томъ случаѣ, когда искавшій защиты соглашался уплачивать за охрану его собственности и личности опредѣленный денежный сборъ или отбывать опредѣленныя повинности. Люди несвободные, будучи собственностью другаго, могли быть предметомъ купли, продажи, дара, наслѣдованія и т. д.[5]). Поэтому господинъ имѣлъ право требовать убѣжавшаго раба. Господинъ могъ подвергать наказанію раба по своему усмотрѣнію[6]).

Несвободныя отношенія прекращались: а) чрезъ отпускъ при двухъ свидѣтеляхъ[7]). Такіе отпущенные получали права свободнаго поселенца, «freier Landsassen-Recht»[8]); b) чрезъ пребываніе несвободнаго человѣка въ свободной общинѣ въ продолженіи года и дня въ томъ случаѣ, когда господинъ не предъявлялъ своихъ правъ въ теченіи этого срока[9]), и с) отнятіе у господина несвободныхъ людей въ опредѣленныхъ случаяхъ, напр. при неуплатѣ долговъ[10]). Поэтому, вполнѣ несво-

---

[1]) Sächs. Landrecht III. Art. 73; Schwäb. Landr. Art. 32.

[2]) Schwäb.-Landr. Art. 54. § 31. Art. 64. 73.

[3]) Sächs.-Landr. Art. 32; Schwäb.-Landr. Art. 409.

[4]) Möser, patriotische Phantasien B. III. Nr. 66.

[5]) «In proprium servitium contradidit; in proprietatem ad qualecumque servitium fratribus persolvendum; hereditarius servus perpetuo erit; proprius et hereditarius famulus»; Waitz, Id. Bd. V. S. 191. Пр. 3—4.

[6]) Schwäb.-Land.-Art. 410.

[7]) Ib. Art. 70.

[8]) Sächs. Landr. III. Art. 73 и III. Art. 45: «Welche da kommen und fahren Gastes weise in dem Lande und kein Eigenes darin haben».

[9]) Sächs. Waichb. Art. 4.

[10]) Schwäb. Landr. Art. 61. 410.

бодные люди не пользовались свободой передвиженія и поселенія: «kein eigen mann.., sich nirgen wenden adir keren sal»[1]).

Характерными признаками несвободы слѣдуетъ считать и то, что люди несвободные, отправляя всякаго рода услуги и повинности, «Dienste und Leistungen», по требованію господина, не обладали никакими правами на недвижимую собственность. Зависимыя отношенія переходили по наслѣдству. Люди зависимые отличались отъ людей не вполнѣ зависимыхъ тѣмъ, что послѣдніе, отправляя «Dienste und Leistungen» и даже нося названіе иногда «eigene Leute», обладали землею, принадлежавшею господину. Зависимыя отношенія, полное крѣпостничество было различнымъ въ разныхъ частяхъ Германіи. Господинъ, требуя отъ несвободнаго принудительной работы, «Zwangdienst», могъ посадить его на какой угодно землѣ. Несвободный человѣкъ не имѣлъ права уйдти отъ господина безъ его разрѣшенія

Свободные земледѣльцы тамъ, гдѣ свободная община сохранилась, имѣли право свободно ее оставлять какъ навсегда, такъ и временно: «und mag ein ieglicher, der in dem riche gesessen ist, ziehen und faren wor er wil u. sal im nieman daran krunden oder hindern»; «dass sie frei wären und keine nachjagende herren hetten»[2]). Свободные земледѣльцы, обработывая свою или чужую землю на различныхъ условіяхъ, составляли еще до XVI ст. главное ядро земледѣльческаго сословія. Подъ словомъ «Bauern»[3]), правовые памятники[4]) XIII ст. подразумѣваютъ не несвободныхъ, но людей независимыхъ, иногда имѣвшихъ земельную собственность, иногда же таковой не имѣвшихъ. Свободный человѣкъ наслѣдовалъ права свободныхъ родителей[5]). Свободный крестьянинъ вступалъ въ зависимыя отношенія мало-по-малу. Число свободныхъ земледѣльцевъ въ IX, X и XI ст., замѣчаетъ Waitz, въ нѣмецкихъ областяхъ было довольно значительнымъ. Свободная мелкая собственность

[1]) Grimm, R. A. S. 345.
[2]) Grimm, R. A. S. 286—87.
[3]) Grimm, Id. S. 316.
[4]) Sächs. Landr. III. Art. 45.
[5]) Sächs. Weichb. Art. 3: «Welches Kind ist frey und ehelich geboren... das behält seines Vaters Recht».

находилась въ рукахъ очень многихъ земледѣльцевъ и ими самими воздѣлывалась. Такъ въ Саксоніи въ эпоху Генриха IV встрѣчаются многія свободныя общины, которымъ король угрожалъ нарушеніемъ ихъ личной свободы и отнятіемъ собственности. Возстаніе въ этой странѣ повлекло за собой лишеніе правъ собственности нѣкоторыхъ крестьянъ[1]). Что число свободныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ было значительно въ странѣ, это подтверждаетъ вся послѣдующая исторія [2]). Стремленіе духовныхъ и свѣтскихъ владѣтельныхъ особъ было направлено къ тому, чтобы лишить мелкихъ землевладѣльцевъ ихъ собственности. Оказываемая первыми и вторыми защита и покровительство послѣднимъ поставили ихъ въ зависимыя отношенія, которыя не распространялись до XVI в. на все крестьянское сословіе. Несмотря на то, что свободный крестьянинъ не имѣлъ тѣхъ правъ, которыя имѣлъ господинъ или рыцарь, онъ все-таки могъ свободно уходить съ той земли, которая ему принадлежала.

Полусвободными людьми слѣдуетъ считать тѣхъ, которые, живя на чужой землѣ, признавали надъ собой ограниченную власть собственника земли. Эта категорія полузависимыхъ лицъ, имѣя различныя наименованія[3]), была ограничена въ пользованіи гражданскими правами. Степень зависимости такихъ лицъ обусловливалась временемъ, мѣстомъ и обстоятельствами возникновенія зависимыхъ отношеній. Полузависимыя лица образовали какъ-бы средній классъ между свободными и несвободными. Полузависимые люди: «Vogteileute, Hintersassen» etc. при феодальной системѣ все болѣе и болѣе закрѣпляются

---

[1]) «Liberos homines ad opus servile compellere»; «ex liberis omnes servos facere». Waitz, Id. Bd. V. S. 380. Пр. 2.

[2]) Ibid. S. 380.

[3]) Maurer (Fronhöfe) слѣдующимъ образомъ раздѣляетъ зависимыхъ людей: 1) Schutzpflichtige Leute и 2) Eigene Leute. Послѣднихъ онъ раздѣляетъ на слѣдующія категоріи: a) Ministerialen, b) Hörige Leute, c) Leibeigene Leute. Hörige Leute онъ дѣлитъ на два разряда: A) Schutzhörige и B) Grundhörige. Съ классификаціею Maurer'a не соглашается Waitz (Bd. V. S. 193), который, не прибѣгая къ классификаціи, пользуется системой перечисленія полузависимыхъ лицъ, имѣвшихъ различныя права и различныя обязанности.

за крупными земельными собственниками. Покровительство и защита, оказываемыя лицами сильными людямъ безземельнымъ и людямъ, передававшимъ свою землю подъ защиту, исподволь переходятъ въ крѣпостничество. Бывшіе свободные земледѣльцы благодаря злоупотребленіямъ лицъ сильныхъ, не сдерживаемыхъ общими законами, подпадаютъ все болѣе и болѣе подъ власть феодальныхъ господъ. Процессъ кабалы происходитъ постепенно и неудержимо. Юридическое различіе, существовавшее между свободнымъ и рабомъ въ эпоху Карла В., утрачиваетъ всякое значеніе въ эпоху господства ленной аристократіи. Феодальные господа, создавая всякаго рода подати и повинности, регулировавшіяся не добровольнымъ согласіемъ сторонъ, но волею земельнаго собственника, уничтожаютъ старое понятіе свободы и чести въ отношеніи земледѣльческаго сословія. Съ X ст. большая часть германскаго народа, занимавшагося земледѣліемъ, еще не находилась въ крѣпостныхъ отношеніяхъ къ дворянству. Право патронатства не было еще правомъ крѣпостнымъ. Населеніе ищетъ защиты у лицъ сильныхъ, «Schutzherren». Свободный народъ становится къ дворянству въ новыя отношенія. Тотъ, кто жилъ на землѣ феодальнаго господина, подъ его вѣдомствомъ, «Amtsprengel», тѣмъ самымъ признавалъ надъ собой его авторитетъ и власть. Постоянныя войны германскихъ феодальныхъ господъ съ венграми, славянами и другими сосѣдними народами требовали все больше и больше расходовъ на предпринимаемые походы. Система набора воиновъ изъ среды свободныхъ людей привела къ тому, что феодальные господа начали содержать при себѣ постоянныхъ военныхъ людей. Дворянство волей-неволей принуждено было возлагать все большія и большія тяжести какъ на своихъ крѣпостныхъ, такъ и на свободныхъ земледѣльцевъ, искавшихъ покровительства и защиты. Императоры, участвуя въ отдаленныхъ отъ родины походахъ, не въ состояніи были обращать вниманіе на несправедливыя налоги, на внутреннюю политику. Новая система набора войска была отчасти выгодною для феодальныхъ господъ и тѣмъ, что число постоянной военной прислуги, окружавшей феодальнаго господина и жившей на его иждивеніи, увеличивало самостоятельность и независимость послѣдняго отъ центральной власти. Всѣ неимущіе, бѣдные охотно шли на военную службу феодальнаго сеньора, желая

здѣсь найти пропитаніе или подъ его начальствомъ поискать военной добычи и чести. Дворянство все болѣе и болѣе дѣлается независимымъ и отъ императора, и отъ народа. Лицо, оставившее военную службу, ищетъ защиты у своего военачальника. Новая система набора и состава войска, организовавшаяся почти въ продолженіи трехсотъ лѣтъ, имѣла слѣдствіемъ то, что лица, искавшія защиты, утратили права на свободу. Но и въ эпоху кулачной расправы земледѣльческое сословіе не впало еще совсѣмъ, поголовно, въ полную зависимость отъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ[1]. Благодаря тому положенію, что почва, земля имѣла меньше цѣнности, чѣмъ рабочіе руки, земледѣльческое сословіе было поставлено въ благопріятное положеніе въ отношеніе крупныхъ земельныхъ собственниковъ. Послѣдніе и въ особенности монастыри охотно отдаютъ землю въ наслѣдственную аренду, «Erbpacht», крестьянамъ, заключая съ ними договоры. Ленная система, вылившись въ писанный юридическій институтъ въ XIII ст., хотя и стремится прикрѣпить личность къ землѣ, обязывая ее нести «persönliche Abgaben, dingliche Reallasten und hehrrechtliche Dienste und Verpflichtungen», но всетаки изобиліе свободныхъ, невоздѣланныхъ земель даетъ возможность полузависимой личности избирать лучшія условія для жизни. Большая часть земледѣльцевъ имѣла ограниченныя права и ограниченныя обязанности. Феодальные господа не могли разсматривать земледѣльца рабомъ, колономъ. Въ отношеніи крестьянъ не примѣнялось положеніе старо-франкскаго права: «nullus servus vel colonus traditiones facere potest», которое имѣло значеніе тамъ, гдѣ жили люди вполнѣ несвободные. Большая же часть земледѣльческаго сословія обладала извѣстными правами. Однимъ изъ важныхъ правъ земледѣльцевъ слѣдуетъ считать право наслѣдственной аренды на землю, «ein erbliches Pachtrecht». Право наслѣдственности на землю было однимъ изъ главныхъ достояній земледѣльца, которое ему доставило ленное государство[2]. Положеніе франкскаго права,

---

[1]) K. Lamprecht, deutsches Wirthschaftsleben im Mittelalter I. 1. S. 137 ff.

[2]) Maurer, Fronh. Bd. IV. S. 355; Sugenheim, Id. S. 92.

что владѣніе собственнымъ хозяйствомъ есть основа гражданской свободы, не вымерло и въ эту эпоху. Наслѣдственные арендаторы были самостоятельнными хозяевами. Тотъ, кто имѣлъ хозяйство, считался членомъ марки. Число такихъ лицъ въ маркѣ до позднѣйшаго времени не было ограниченнымъ. Всякій, кто пріобрѣталъ въ маркѣ хозяйство и жилъ въ ней подъ условіемъ отправленія общинныхъ обязанностей, признавался полноправнымъ ея членомъ, «Margenoss». Полноправнымъ членомъ марки считался самостоятельный, постоянно живущій и имѣющій хозяйство человѣкъ: «parrochianus... habens et tenens mansionem habitabilem propriam vel locatam in parrochia E., verus comparochianus natione suorum avorum... comparticeps oder markgenoss, verus ex avis aut parentibus marcrarius»[1]; «wer eigen und erbe in dem gericht und bezirk des hochgerichts habe oder darinnen sesshaftig ist, sal zu dem jargeding mit sinem gewer erscheinen»[2]). Членомъ марки, десятни, сотни былъ тотъ, кто имѣлъ хозяйство, «Hausgesess». Связи человѣка съ маркою покоились на вещественныхъ, но не на личныхъ отношеніяхъ. Право члена въ данной мѣстности пріобрѣталъ тотъ, кто въ этой мѣстности жилъ: «omnis advena, qui ibidem habitaverit per annum et diem»[3]), и кто обладалъ недвижимою собственностью: «omnes illic habitantes warandiam habent in marcha communi, qui vulgo dicuntur sint werhaft»[4]). Если личность въ чертѣ марки имѣла домохозяйство: «Hausgesess», «Flammer», «Feuer», то она пользовалась всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пользовались и другіе сочлены. Усиленіе власти крупныхъ земельныхъ собственниковъ оказало вліяніе на принятіе новоселовъ въ члены общины, представитель которой назначался господиномъ земли: «wer zu Cruft ist oder kompt und bawen wolte, derselb sol kommen vor scholtheiss (представитель господина, «Grundherr»'а) heimburger und geschworen und sein platz und baw besehen lassen; und darnach solten sie ihme... holz geben nach gele-

---

1) Lamprecht, Id. S. 290. a. a. 1388 et 1396.

2) Ib. a. 1486.

3) Lehnsbuch Werners II von Roland S. 16—17.

4) a. 1338. Lamprecht, Id; Mauer, Einl. S. 141 ff.; Dorfvf. Bd. I. S. 482; Thudichum, Gau- u- Markvf. S. 222 ff.

genheit des baws und urbar der walds»[1]). Взносъ денегъ при принятіи новосела въ марку, члены которой обладали собственной землею или обладали ею на правахъ наслѣдственной аренды, сталъ практиковаться съ конца XV ст.[2]). До этого времени полноправіе члена опредѣлялось обладаніемъ землею и самостоятельностью лица, жившаго въ маркѣ. На рѣшеніе дѣлъ въ общинѣ имѣлъ вліяніе и представитель ея, выбранный общиною и утвержденный господиномъ земли. Власть и авторитетъ послѣдняго и его представителя въ XIV и XV ст. все болѣе и болѣе подрываютъ самостоятельную дѣятельность сельской общины.

Населеніе, жившее въ свободныхъ общинахъ тамъ, гдѣ сохранилась свободная община, могло свободно и безпрепятственно уходить изъ общины навсегда. Только люди зависимые не могли уходить ни отъ господина, ни оставлять той земли, гдѣ они жили, безъ разрѣшенія его. Но какъ свободныхъ общинниковъ, такъ и людей вполнѣ зависимыхъ существовало незначительное число. Главную массу земледѣльческаго сословія составляли лица полузависимыя. Связь полузависимыхъ съ землею была различною. Не всѣ крестьяне этой категоріи были прикрѣплены къ землѣ господина; нѣкоторые изъ нихъ были совсѣмъ прикрѣплены, другіе-же—были почти свободными въ выборѣ постояннаго мѣста жительства. Иногда полузависимый человѣкъ могъ уйти, уплативъ за право ухода съ земли извѣстную дань: «si autem cultores praedii supradicti... subtrahere se velint culture loci illius, solvant annuatim super altare S. Petri censum 5 denariorum»[3]). Цензивы пользовались свободою перехода, хотя они могли быть обложены владѣльцемъ земли извѣстными сборами и повинностями[4]). Цензиву позволялось иногда жить тамъ, гдѣ онъ хотѣлъ, и служить тому, кому онъ пожелалъ: «quo facto sui juris erit et potestatem habebit commigrandi ubicunque sibi placuerit; ita ut ubicunque terrarum aut locorum Romani imperii habitare elegerint, optata pace potiti

[1]) Grimm, W. Th. III. S. 818.
[2]) Maurer, Dorfvf. Bd. I. S. 177—78.
[3]) Waitz, Vfg. Bd. V. S. 287. Пр. 3.
[4]) Ib. S. 255. Пр. 4.

habitent, tuti degant, securi et maneant»; «et cuicunque velint procul omni servili districtione libere ministrent»[1]). Если этотъ классъ полузависимыхъ долженъ уже былъ испрашивать разрѣшенія на уходъ отъ владѣтельныхъ особъ и учрежденій, то другіе люди этой категоріи въ большинствѣ случаевъ при уходѣ съ земли обязаны были получить согласіе на то господина земли. Правда, нѣкоторые изъ полузависимыхъ людей, степень зависимости которыхъ была мягкою, могли оставить свое пребываніе и перейти подъ защиту другаго господина, къ чему прибѣгали люди бѣдные изъ класса такъ наз. «Vogtsleute», «advocatii». «Если бѣдный человѣкъ, живущій подъ защитой нашего господина», говорятъ лѣтописи, «не можетъ прокормиться и потому пожелаетъ уйти прочь и тамъ остаться... то нашъ господинъ долженъ ему помочь, «dass er da fort kommen möge, an end u. ort, da er sich ernähren möge»[2]). Бѣднаго человѣка и выгоды не было большой задерживать господину. При несчастіи «захудалые» поселяне причиняли лишнія заботы господину земли. Даже свободный человѣкъ, прожившій на землѣ господина годъ и день и пожелавшій уйти, долженъ былъ уплатить господину извѣстную дань: «kommt ein mann über das wasser, der nicht leibeigen ist oder vom galgen erkauft und bleibt jahr und tag in diesem bann, will aber hernach nicht länger bleiben, so soll er die herrn bezahlen, dann mag er wegziehen»[3]). Люди полузависимые, «Vogteileute», обязанные отправлять въ пользу господина разныя повинности, пользовались правомъ уходить съ господской земли только тогда, когда приходили въ раззореніе, что видно изъ слѣдующаго замѣчательнаго мѣста одной лѣтописи: «zum andern haben solch faathleut (vogtleute) die freiheit, welcher jhar oder tag darin gewohnet u. sich darin nicht ernehren könte, der mag drei tag und sechs wochen sein gut im lenzen brauchen, in solcher massen, dass er kein fewer zusiheren soll, sein stab für die thür stellen, den mantel am hals halten ... und soll bei den voigtschulthessen gehen und mit ihme rechnen, damit er dem voigtherrn nichts schuldig pleib, kann er den schulthessen nicht kriegen... so sol

[1]) Waitz, Id. Bd. V. 256. Пр. 4 и 5.
[2]) Grimm, R. A. S. 346. (Helfanter und Nenniger w.).
[3]) Grimm, R. A. S. 346. (Fischbacher. w.).

er sein urlaubsschilling, das sind drei heller, uf die oberthor legen und soll als frei anziehen»[1]). И дѣйствительно, задерживать человѣка бѣднаго, не имѣвшаго ни кола, ни двора, не было никакой выгоды. И бѣдный человѣкъ при уходѣ обязанъ былъ испросить при уходѣ на сторону разрѣшеніе отъ старосты, которому онъ уплачивалъ за данное дозволеніе особый взносъ, «urlaubsschilling». Въ нѣкоторыхъ областяхъ дозволялось уходить крестьянамъ только въ опредѣленныя мѣста, но не туда, куда-бы они пожелали переселиться[2]).

Ограничивалась свобода перехода и рабочихъ, нанявшихся у кого-либо въ работу. Средневѣковое право различаетъ свободныхъ батраковъ отъ крѣпостныхъ, «eyn freyer knecht»[3]). Свободный рабочій нанимался на опредѣленное время; онъ не вступалъ съ работодателемъ въ постоянныя, крѣпостныя отношенія[4]). Наниматься свободному человѣку въ работу на все время жизни, что угрожало личной свободѣ, было воспрещено[5]). Нанявшійся въ работу былъ самостоятельнымъ лицомъ, котораго защищалъ хозяинъ, имѣвшій надъ нимъ только опредѣленную власть[6]). Нанявшійся рабочій былъ обязанъ явиться къ хозяину въ условленное время; въ противномъ случаѣ онъ подвергался не только частному взысканію, но и публичному наказанію: тюрьмѣ, денежному штрафу, изгнанію изъ города, не принимался нигдѣ въ работу[7]). Рабочій былъ принуждаемъ судьею или другими властями поступать на службу. По истеченіи срока найма, рабочій становился свободнымъ человѣкомъ: «ynd sol auch daz zit nit lenger weren dann ein jaer»[8]). Сред-

---

[1]) Grimm, R. A. S. 347 (Rotzenhainer w.)

[2]) Grimm, R. A. S. 348.

[3]) Glosse zum Sächs. Weichbildr. Art. 77.

[4]) «Die knechte (die diener heyssen) die dienten umb lon tzu eyner zeit tzu der ander»; Ssp. Glosse II. 32. § 1; G. Hertz, die Rechtsverhältnisse der freien Gesindes S. 5. Изд. 1879.

[5]) «Nun möchst du fragen, ob einer sein erbeit moege vormyten ewiglich? Ich gleub, neyn. Wenn so dis wer, so wer eynen sein freyheit unnütz». Ssp. Glosse II. 33.

[6]) «Hat ein man gesinde, is si knecht oder mait, di in sinen brote sin, he habe si gemietit oder ungemietit: di heissen sin gewalt, also dass her vor si klagen und antwerten mac». Freyberger Stadtr. a. 1294. cap. 49. 5.

[7]) Hertz, Id. S. 24—30.

[8]) R.-buch von Memmingen a. 1396.

невѣковые правовые памятники перечисляютъ случаи, когда хозяинъ могъ отпустить рабочаго ранѣе срока и въ какихъ случаяхъ рабочій могъ оставить по своему усмотрѣнію хозяина[1]). Дурное поведеніе рабочаго, «von mutwillen, mit unwillen», наказывалось строже, чѣмъ непоступленіе на работу въ опредѣленное время. Убѣжавшій рабочій подвергался денежному штрафу судьею и не принимался въ работу въ томъ районѣ, гдѣ онъ работалъ: «un bynnen eynen yare in unser stadt nicht deynen»[2]).

Съ паденіемъ и разрушеніемъ строя народной общины въ XVI ст. право поселенія и выселенія изъ сельской общины утратило свой первоначальный характеръ. Сельская община перестаетъ быть союзомъ правовымъ, политическимъ и хозяйственнымъ. Разложеніе самостоятельной общины, начавшись еще въ эпоху Карла В., въ XVI ст. и XVII ст. достигло крайнихъ предѣловъ. Гармонія правовой общинной жизни, выражавшейся въ правѣ самоуправленія, нарушается вторженіемъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. Сфера и кругъ дѣятельности общины ограничивается волею и усмотрѣніемъ дворянъ-землевладѣльцевъ, находившихъ поддержку въ докторахъ права и въ юридическихъ нормахъ партикулярнаго права. Партикулярное законодательство предоставило большія правомочія дворянству вліять на рѣшенія общинныхъ дѣлъ. Вліяніе дворянства отразилось въ сильной степени на томъ моментѣ дѣятельности общины, когда заходилъ вопросъ о поселеніи и выселеніи членовъ общины. Право члена общины въ прежнее время опредѣлялось и обусловливалось владѣніемъ въ предѣлахъ марки землею. Полноправный членъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ лицомъ, имѣвшимъ право на землю въ территоріи марки. Владѣніе землею и право на члена общины обусловливали другъ друга. Личный и хозяйственный моментъ восполняли другъ друга при достиженіи новоселомъ правъ члена общины. Модификація этихъ моментовъ, неразрывно связанныхъ, обусловливалась временемъ и мѣстомъ. Сама община, какъ автономическая единица, рѣшала степень модификаціи. Съ усиленіемъ же

---

[1]) Hertz, Id. S. 68 и 70.

[2]) Die Statuten von Bremen a. 1428 и a. 1433. Ib. S. 74.

вліянія крупныхъ поземельныхъ собственниковъ на рѣшеніе и дѣятельность общины, моменты принадлежности и выхода изъ общины утратили первоначальный характеръ. Право быть членомъ общины и владѣніе землею не восполняютъ уже другъ друга; то и другое не только раздѣлилось, но и стало обусловливаться волею и благоусмотрѣніемъ лицъ чуждыхъ общинѣ и не находившихся подъ ея контролемъ и властью.

Поселеніе въ общинѣ и пріобрѣтеніе правъ полноправнаго члена общины зависѣло отъ двухъ моментовъ, а именно: отъ личныхъ и вещественныхъ условій, имѣвшихъ иное значеніе въ XVI и XVII ст., чѣмъ прежде. Отношеніе этихъ моментовъ другъ къ другу было различнымъ[1]).

Личное условіе находилось въ связи съ фактами рожденія и принятія. Родившійся отъ члена общины пріобрѣталъ право полноправнаго члена только съ достиженіемъ хозяйственной самостоятельности[2]). Новый членъ приносилъ присягу, «gemein eid»[3]), и кромѣ того уплачивалъ особый сборъ, взносъ[4]), который былъ меньше, чѣмъ при принятіи въ члены лица, не родившагося въ общинѣ[5]).

Принятіе зависѣло отъ согласія общины и ея представителей[6]). Въ общины, находившіяся въ зависимости отъ господъ, принимался тотъ, кто получалъ согласіе общины и господина или его представителя[7]). Съ усиленіемъ господской власти принятіе новосела было поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія властей общины, назначаемыхъ господиномъ. Если въ сред-

---

1) Gierke, das Deutsche Genossenschaftsrecht Bd. II. S. 268.

2) Grimm, W. I. 438. III. 659: «heuslich mit aigem rauch gesessen».

3) Ib. V. 267. § 25: «wenn der Sohn eines Nachbarn sich ehelich verändert, soll er binnen einem Jahr dem Herrn zu Händen des Amtmanns huldigen u. letzterer ihn annehmen, damit er nachbarrecht hab u. thue».

4) Grimm, W. I. 802. III. 194. 198: «soll der junge Bauer mit 2 Henkelmann, d. i. 2 Vierteltonnen Bier, die Bauerschaft bekennen: mit dem ersten erwirbt er, daz er ist für voll erkant worden, mit dem zweiten, daz er vor kühe u. schweinhirten treiben mag».

5) Gierke, Id. Bd. II. S. 269. Пр. 9.

6) Grimm, W. IV. S. 438. § 14: «wen wir einen dorfman empfahen zu einem dorfman; V. 523. § 22: «ein neuer gemeinsman angenomen».

7) Grimm, I. 210. 413: «mit des herrn u. der nachpurn wissen u. willen».

ніе вѣка пріобрѣтеніе права члена общины находилось въ зависимости отъ осѣдлости, основанія хозяйства и т д., то съ теченіемъ времени хозяйственная сторона утратила свое значеніе[1]). На первый планъ выступаютъ съ конца XV ст. такъ назыв. вкупныя деньги, «Aufnahme-Einzugsgelder»[2]), величина которыхъ все болѣе и болѣе возростала. Членъ общины обязанъ былъ нести всѣ общинныя повинности, жить съ общинниками въ любви и согласіи, въ чемъ онъ и приносилъ клятву. Пріобрѣтеніе права члена общины могло состояться не только въ силу рожденія или принятія, но и вслѣдствіе пребыванія въ общинѣ въ продолженіи года и дня. По истеченіи этого срока: «die Luft macht eigen», поселившійся пріобрѣталъ права и несъ обязанности не только въ отношеніи господина земли, но и въ отношеніи сотоварищей-общинниковъ[3]). Молчаливое пріобрѣтеніе права члена общины практиковалось въ XVI ст. и въ общинахъ, подпавшихъ подъ крѣпостную зависимость, и въ свободныхъ[4]).

Кромѣ личныхъ условій требовалось еще при пріобрѣтеніи правъ члена общины обладаніе недвижимою собственностью.

Полноправнымъ членомъ признавался тотъ кто фактически обладалъ недвижимою собственностью въ предѣлахъ марки. Въ средніе вѣка обладаніе собственностью было наслѣдственно, тогда какъ съ конца XV ст. наслѣдственная форма владѣнія землею замѣняется временною. Временное владѣніе землею связывалось съ временнымъ пользованіемъ правами члена общины[5]). Въ прежнее время полноправный членъ долженъ былъ обладать опредѣленнымъ участкомъ земли, «volle Hufe», кото-

---

[1]) Gierke, Id. Bd. II. S. 270.

[2]) Grimm, W. 306: § 28: «will frow. o. man.., dasülbs bi inen husbablich sitzen... so er nit ein erborner Rümlanger ist, der sol in geben u. usrichten 1 fl. zuo gemeines dorffes handen u. nutz».

[3]) Grimm, I. 637. II. 426: «keme ein mann bei uns wohnen, jahr u. dagh bey uns gewohnt hette u. lieb u. leidt bey uns gelitten hette, als ein ander burger, den soll m. gn. h. schirmen u. verantworten als ein ander burger».

[4]) Grimm, I. 44. v. 1543: «wer zu M. hushablich ist gesin jar u. tag, wannen er komen sy, der hat als vyl recht u. teyl als ein ander».

[5]) Gierke, Id. Bd. II. S. 276.

рые въ хозяйственномъ отношеніи не отличались большимъ неравенствомъ. Съ зарожденіемъ и развитіемъ неравенства землевладѣнія среди сельскаго населенія и въ особенности съ того времени, когда участки земли стали подлежать раздѣлу, фактическое обладаніе землею члена общины приняло разнообразныя формы, что обусловливалось временемъ и мѣстомъ. Въ нѣкоторыхъ общинахъ матеріальная основа полноправія зависѣла отъ установленнаго минимума владѣнія землею; въ другихъ общинахъ требовалось, чтобы полноправный членъ имѣлъ домохозяйство или домъ, а иногда требовалось, чтобъ полноправный членъ имѣлъ и домохозяйство и, кромѣ того, владѣлъ опредѣленнымъ обычаемъ кускомъ земли[1]). Съ переходомъ общинной земли въ руки крупныхъ поземельныхъ собственниковъ и съ увеличеніемъ правъ послѣднихъ въ отношеніи земледѣльцевъ въ XVI ст., община утрачиваетъ характеръ самостоятельной хозяйственной единицы. Разложеніе строя общины привело къ тому, что она утратила всякое значеніе въ регулированіи хозяйственныхъ и правовыхъ вопросовъ, возникавшихъ среди членовъ, принадлежавшихъ къ общинѣ. Общинныя власти все болѣе и болѣе вытѣсняются властями, назначенными или территоріальными владѣтельными князьями, или же крупными поземельными собственниками[2]). Власти, выбранныя общиною, становятся въ подчиненное отношеніе къ властямъ, назначеннымъ территоріальною властью. Представитель общины дѣйствуетъ не въ силу и не по порученію общины, но въ силу государственной власти, предъ которой онъ и становится отвѣтственнымъ. Община теряетъ самостоятельность не только въ вопросахъ управленія, но и въ вопросахъ судебныхъ. Воля общины при рѣшеніи отдѣльныхъ судебныхъ казусовъ парализуется мнѣніемъ и постановленіемъ юриспрудентовъ. Общинные суды перестаютъ выражать правовое сознаніе народа. Нѣмецкіе судьи итальянской науки ставятъ предѣлъ дѣятельности народнымъ шеффенамъ. Съ XV ст. общинные суды рѣшали правовые споры во имя территоріальной власти. Во главѣ общиннаго суда находился иногда ученый

---

[1]) Gierke, Ib. S. 277. ff.

[2]) Maurer, Einl. S. 301; Markv. S. 154. 335; Dorfv. II. 35. 165.

юристъ, сбиравшій за свою дѣятельность судебныя пошлины, которыя онъ и отправлялъ территоріальному владѣльцу. Иногда же судебная функція надъ крестьянами поручалась территоріальною властью крупнымъ поземельнымъ собственникамъ[1]). Крестьянскіе суды утрачиваютъ самостоятельность и свободу къ саморазвитію. Въ XVI ст. въ большей части Германіи общинная автономія или ограничивается, или совсѣмъ исчезаетъ[2]). Внутреннее управленіе общины регулируется спеціальными уставами, издаваемыми территоріальными господами, которые удерживаютъ за собою право то увеличивать, то уменьшать самостоятельность общины[3]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ послѣ крестьянской войны общинная самостоятельность совсѣмъ исчезла[4]). Въ XVI и XVII ст.[5]) территоріальная власть издаетъ рядъ сельскихъ уставовъ, трактовавшихъ и регулировавшихъ вопросы, касавшіеся лѣсовъ, дорогъ, водъ и т. д. Главное значеніе при рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ принадлежало не членамъ общины, но власти назначеннаго начальствомъ сельскаго старосты. Сельскіе уставы составлялись безъ всякаго вниманія на мѣстныя условія. Методъ составленія такихъ уставовъ былъ апріорнымъ. Правовѣды той эпохи считали ненормальнымъ, чтобы необразованные, «unverständige», крестьяне могли творить право, которое первые считали враждебнымъ римской юриспруденціи[6]). Вторженіе территоріальной власти въ управленіи дѣлами общины уничтожило основу свободной ея жизни, связанной съ принципомъ самоуправленія. Община лишилась правъ выбирать органовъ общиннаго управленія. Вопросы суда и управленія рѣшались властями, назначаемыми и утверждаемыми извнѣ. Право

[1]) Maurer, Fronh. S. 507—515.

[2]) Maurer, Einl. S. 336 ff; Fronh. IV. 491.

[3]) Въ 1494 г. Пфальцграфъ Рейнскій издаетъ сельскій уставъ, «Dorfordnung», не спрашивая согласія общины, гдѣ онъ выставляетъ себя высшимъ покровителемъ общины, «Erbherr», «Oberherr» и «Vogteiherr». Gierke, Id. Bd. II. S. 668. пр. 43.

[4]) Grimm, W. I. S. 536.

[5]) Maurer, Markv. S. 417. N 20; Dorfv. II. 162 ff.

[6]) Petrus de Andlo, de imperio Romano Germanico II. c. 16. p. 106: «Neque ulla major mihi abusio esse videtur, quam... per eos qui rus colunt jus in provinciis dictari». Gierke, Id. Bd. II. S. 669. пр. 45.

раскладки податей и повинностей, принадлежавшее ранѣе самой общинѣ, переходитъ въ руки государственныхъ чиновниковъ. Даже повинности, отбываемыя общиною ради мѣстныхъ потребностей, утверждались волею господъ землевладѣльцевъ[1]). Завѣдываніе общиннымъ имуществомъ было поставлено подъ надзоръ властей, контролировавшихъ также сборы и доходы ради общегосударственныхъ цѣлей[2]). Община, утративъ характеръ самостоятельнаго организма, не имѣвшаго значенія при рѣшеніи вопросовъ хозяйственныхъ, политическихъ и правовыхъ, измѣнила вполнѣ свое существо и назначеніе[3]). Собранія общинниковъ мало-по-малу исчезаютъ[4]). Только въ малыхъ общинахъ, деревняхъ и поселкахъ, сходки общинниковъ собираются свободно. Но и это право сходокъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подлежало контролю и наблюденію. Въ Баваріи община должна была испросить начальственное позволеніе, если желала принести жалобу противъ властей, назначенныхъ господами[5]). Сходка собираться должна была въ присутствіи начальственнаго чиновника. Въ Вюртенбергѣ по статуту 1495 г. община не могла назначить сходъ безъ начальственнаго разрѣшенія[6]). Въ статутѣ 1567 г. сказано: «dass kein Gemeind hinter und ohne Wissen und Erlauben der Amtleut gehalten werden solle»[7]). Но и тамъ, гдѣ сходы собирались, задача ихъ состояла въ томъ, чтобы выполнять начальственныя повелѣнія, уплачивать налоги и отбывать повинности, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводить въ исполненіе постановленія, касавшіяся мѣстныхъ дѣлъ. «Такія собранія», по замѣчанію Гирке, «не есть проявленія свободнаго общиннаго духа»[8]). Сфера правъ единичнаго общинника съуживается. Уже въ XV ст. принятіе и поселеніе въ общинѣ во многихъ общинахъ стало зависѣть не отъ воли и усмотрѣнія членовъ ея, но отъ начальственнаго

---

1) Maurer, Fronh. IV. S. 519 ff; Dorfv. II S. 174 ff.
2) Gierke, Id. Bd. I. S. 670.
3) Ibid.
4) Maurer, Markv. S. 489.
5) Maurer, Dorfv. II. S. 65—85. 281; Bair. Landr. v. 1616.
6) Ib.
7) Gierke, Id. Bd. I. S. 671. пр. 52.
8) Id. Bd. I. S. 671.

благоусмотрѣнія[1]). Государственная власть, наконецъ, опредѣляетъ, кто можетъ считаться членомъ общины. Она выставляетъ основанія пассивнаго и активнаго права члена общины и, кромѣ того, она, по своему усмотрѣнію, признаетъ лицъ, пользовавшихся только покровительствомъ общины, полноправными ея членами. Воля территоріальнаго владыки, выливаясь въ писанный институтъ, не была восполнена знаніемъ условій жизни народа, за которымъ современные юристы не признавали свободнаго духа, способности творить право. Свободный народный духъ послѣ крестьянской и тридцатилѣтней войны вымираетъ. Сельская община не принимаетъ участія въ общественно-политической жизни нѣмецкихъ государствъ. Начальственная опека имѣла послѣдствіемъ то, что власти общины, пользовавшіяся ранѣе почетомъ и уваженіемъ, какъ лица выборныя, несутъ свои обязанности, какъ тяжелое бремя, тяжелую повинность[2]). Общинныя сходки хотя и созывались, но рѣдко посѣщались[3]). Конечно, неблагопріятныя условія времени не могли вполнѣ уничтожить внутреннюю жизнь общины, общинную связь и корпоративный духъ. Во многихъ мѣстностяхъ въ эпоху сильныхъ репрессій и тяжкаго угнетенія общинный духъ заявлялъ о себѣ. Община прибѣгала къ защитѣ своихъ правъ, заключая тайные союзы, и принуждала всякими мѣрами членовъ, не желавшихъ слѣдовать ея примѣру, принять участіе въ общемъ дѣлѣ. Но эти тайныя стремленія общины, будучи исключеніемъ, не въ силахъ были пробудить застывшую общественную жизнь сельскаго населенія[4]). Борьба была безъ послѣдствій. Во всякомъ случаѣ, община не безъ битвы разстается съ свободой. Власти, назначаемыя территоріальными государями и помѣщиками, сплошь и рядомъ встрѣчали твердый отпоръ со стороны общины[5]).

На регулированіе отношеній между лицами зависимыми и крупными поземельными собственниками оказало огромное вліяніе римское право, начавшееся изучаться съ XII ст. герман-

[1]) Maurer, Dorfv. I. S. 181 ff.
[2]) Maurer, Dorfv. Bd. II. S. 44.
[3]) Gierke, Id. Bd. I. S. 671.
[4]) Gierke, Id. Bd. I. S. 672.
[5]) Maurer, Markv. S. 445—450; Dorfv. II. S. 411—412.

скими учеными въ итальянскихъ школахъ. Благодаря основанію въ XIV ст. въ Германіи университетовъ, римское право находитъ себѣ широкое распространеніе въ этой странѣ. Римское, каноническое и ломбардское ленное право, изучавшееся сначала нѣмцами въ итальянскихъ школахъ, оказываетъ въ XIV и XV ст. сильное вліяніе на германское имперское, а потомъ и партикулярное право, заключавшее въ себѣ имперскіе и партикулярные писанные законы и общія обычныя права. Практическое примѣненіе римскихъ началъ зависѣло отъ двухъ причинъ: 1) правовые памятники были составлены подъ вліяніемъ римскихъ началъ, 2) ученые юристы, участвуя въ судѣ и примѣняя чуждыя народу начала, въ то-же время, обучали судей писанному праву, «ratio scripta». Докторъ права не подвергалъ изученію народныя права, «jura incerta». Имперское законодательство, а также территоріальное XV и XVI ст. вызываются потребностью объединить мѣстные правовые институты въ одно цѣлое и примирить ихъ съ общими положеніями римскаго права относительно вопросовъ, охватывающихъ по-преимуществу область гражданскаго и полицейскаго права. Для крестьянскаго сословія примѣненіе римскаго права было опасно потому, что лица, искусившіяся въ пониманіи римской юриспруденціи, «nobiles per scientiam», мало были знакомы съ тѣми отношеніями, которыя возникли между господами и земледѣльцами въ силу обычая. Обычныя отношенія возникли въ то время, когда не существовало государственной власти, которая могла бы нормировать эти отношенія, опираясь на народные взгляды. Но такъ какъ въ эту эпоху, не знавшую ни единой государственной власти, ни правовой организаціи суда и управленія, отношенія между земледѣльцемъ и землевладѣльцемъ возникали не по праву, а силою, «per vim», то освященіе или признаніе такихъ отношеній уже было бы по меньшей мѣрѣ несправедливостью. Ученые юристы не довольствовались признаніемъ существующаго порядка. Они всѣ отношенія германскихъ крестьянъ къ господамъ стремятся объяснить римскими правовыми институтами. Большая часть крестьянъ, не имѣвшихъ правъ собственности на тѣ земли, на которыхъ они жили и которыя обработывали, считались вѣчными ихъ арендаторами. Институтъ наслѣдственной аренды былъ широко распространенъ ко времени рецепціи римскаго права.

Кромѣ того, въ Германіи много встрѣчалось крестьянъ, владѣвшихъ землей на правахъ собственности, о чемъ знали многіе образованные юристы даже въ XVI ст.[1]). Вѣчную аренду юристы приравниваютъ къ византійскому институту «emphytevsis», но только тамъ, гдѣ существовало какое-либо видимое доказательство. Тамъ же, гдѣ крестьяне не могли доказать какими-либо документами права наслѣдственной аренды, они признавались юристами временными арендаторами, и поэтому собственникъ земли, по мнѣнію гг. юриспрудентовъ, могъ во всякое время, въ силу общаго писаннаго права, «jus scriptum», требовать измѣненія условій аренды относительно даннаго участка земли[2]). Тамъ же, гдѣ крестьяне владѣли землею на правахъ собственности, они были ограничены смежнымъ землевладѣльцемъ, или господиномъ, имѣвшимъ въ чертѣ марки участки земли, при рѣшеніи общинныхъ дѣлъ и въ отправленіи суда. Практическое примѣненіе римскаго права усиливается въ XVI ст. и потому еще, что вообще положеніе крестьянъ въ это время было неопредѣленнымъ. Не доставало ни имперскихъ, ни партикулярныхъ нормъ, которыя бы регулировали эти отношенія. Трудно опредѣлить, какія права имѣлъ территоріальный государь или крупный поземельный собственникъ надъ крестьянами, подпавшими подъ ихъ зависимость. Старое понятіе, «Hörigkeit» мало-по-малу превращается въ понятіе

[1]) «Rustici homines liberi nulique domino subjecti plurimi in Franconiae partibus, praesertim Marchionatu Brandeburgensi ac Principatu Elwacensi et passim aliis in locis reperiuntur, adeo ab omni vicinorum dominorum jugo ac potestate exemti ac liberi, ut sese una cum suis praediis bonis ac tota familia in cujucunque Principis ac Domini vicinoris fidem ac protectionem pro libitu conferre possint». Mager, De advocatia armata Cap. 6. Nro. 27.

[2]) «Nonnulis si quidem in locis, ex more regionis omnes et singuli rustici vel homines proprii principum, nobilium ac civitatum, praedia quae detinent, non sibi, sed dominis possident, eaque tantum praecario tenent et nudi ac simplices *coloni* sunt, neque ulla *bona emphyteutica* habent, tantum abest, ut proprietarii sint, vel bona censitica possideant, ac proinde pro arbitrio et voluntate dominorum expelli possunt, quantumvis 30, 40 vel 50 annos continuos uniformem canonem solverint, ut fit in Marchia, quam consuetudinem etiam in contradictorio judicio obtinuisse sit Cothmann. Cons. 12. Num. 61. fol. 349. Wehner, Pract. observ. s. v. Leibeigenschaft.

«Landesunterthänigkeit». Кромѣ того, трудно также опредѣлить, какія обязанности и повинности долженъ былъ нести крестьянинъ. Понятіе «Landesunterthänigkeit» распространяется современемъ и на тѣхъ крестьянъ, которые никогда не были лицами зависимыми. Неопредѣленныя и различныя отношенія, существовавшія между крестьяниномъ и господиномъ, не поддаются точному опредѣленію и потому, что лица зависимыя сплошь и рядомъ въ правовыхъ памятникахъ среднихъ вѣковъ называются крѣпостными, «eigene Leute»[1]. Возникновеніе независимыхъ отношеній обусловливалось временемъ, мѣстомъ, самой природой, экономическимъ и политическимъ status'омъ, на что ученые юристы не обращаютъ вниманія. Крѣпостными людьми назывались и тѣ, которые прожили на землѣ господина годъ и день. Такой срокъ не служилъ еще достаточнымъ основаніемъ для возникновенія полной несвободы. Крестьянинъ, «bauer», по законамъ средневѣковой эпохи не считался еще крѣпостнымъ. Юристы пренебрегаютъ историческими основами возникновенія независимыхъ отношеній. Свободнымъ крестьянамъ, уплачивавшимъ въ пользу господина налоги, имѣвшіе въ основѣ «Hörigkeit und Vogtei», угрожала опасность тѣмъ, что юристы стали разсматривать эти налоги, какъ признакъ полной зависимости, крѣпостничества. Тамъ, гдѣ уплата аренды и отбываніе повинностей крестьянами въ пользу землевладѣльцевъ не были опредѣлены договорами, юристы требуютъ, чтобы господа сбирали подати и повинности не произвольно, но такъ, какъ повелось изстари. Такое положеніе юристы проводятъ и въ писанномъ партикулярномъ земскомъ правѣ[2]). Положенія римскаго права болѣе тяжело отзываются въ XVI ст. на свободныхъ крестьянахъ, чѣмъ на несвободныхъ. Несвободные

---

[1]) «Sic servi anonymi in nostra Germania homines proprii dicti, nec adscriptitii, nec coloni, nec capite censi, nec statu liberi, nec liberti sunt, de omnium tamen natura aliquid participat». Ulr. Zasius Respon. Singul. Lib. 2. Cap. 7.

[2]) «Die gemessene Scharwerch würdet bewiesen—mit Brief und Siglen, als Kaufbriefen, Freiheiten, Verträgen, Recessen und dergleichen — so ist — nit genug dass ein Unterthan fürgebe, und darthue dass er eine andere Scharwerch als anjetzo von ihme begert wirdet, geleistes». Das bairische Landrecht a. 1616. t. 22. Art. 3.

люди ничего не потеряли и не выиграли, хотя можно замѣтить и то, что отношенія несвободныхъ къ господамъ, принявъ болѣе мягкія формы къ концу среднихъ вѣковъ, выливаются въ писанную юридическую форму, чѣмъ устранялось отчасти жестокое обращеніе съ ними со стороны господъ[1]).

Кромѣ того, мы встрѣчаемъ въ Германіи много вольныхъ свободныхъ людей. Такая категорія лицъ, «herrenlose Leute», не находясь подъ защитою ни императора, ни владѣтельныхъ особъ, ни крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, признавалась безправною. «Вольные люди были свободны», замѣчаетъ Мауреръ[2]), «какъ птица въ воздухѣ, какъ волкъ въ лѣсу». Изгои не имѣли собственности; они не считались членами ни городской, ни сельской общины. Безпріютные сироты не пользовались покровительствомъ закона, который признавалъ ихъ людьми вредными и опасными, «arge oder böse Freie». Въ эпоху каролинговъ рабъ, получившій свободу, подпадалъ подъ защиту короля. Съ X же ст. вольноотпущенные, дѣлаясь людьми свободными, сплошь и рядомъ попадали въ категорію изгоевъ. Разрушеніе общины, терявшей все больше и больше правъ на землю, увеличиваетъ число бездомныхъ, безпріютныхъ люлюдей. Въ Германіи возникаетъ новый взглядъ на лицъ, не имѣвшихъ покровителей. Этотъ взглядъ вылился въ такъ наз. «Wildfangsrecht». Въ прежнее время всѣ свободные люди, не бывшіе членами народной общины, находились подъ покровительствомъ короля. Королевское право съ переходомъ функцій государственной власти въ руки территоріальныхъ государей перешло также въ руки послѣднихъ благодаря различнымъ королевскимъ привиллегіямъ, раздаваемымъ щедрой рукой императоровъ въ пользу духовныхъ и свѣтскихъ владѣтельныхъ особъ[3]). Пфальцкій курфюрстъ пріобрѣлъ даже привиллегію отъ императора брать подъ свою защиту бездомныхъ людей не только въ предѣлахъ своей территоріи, но и въ смежныхъ земляхъ, изъ-за чего въ XVII ст., когда территоріальная

---

[1]) «Das baiƶische Landrecht a. 1518. t. 38 упоминаетъ коротко, тогда какъ Landrecht a. 1616. t. 4 говоритъ болѣе подробно и точно объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ.

[2]) Fronh., Bd. II. S. 93 ff.

[3]) Maurer, S. 102.

власть, «Landeshoheit», окрѣпла, курфюрсты смежныхъ территорій повели споръ съ курфюрстомъ Пфальца. Право землевладѣльцевъ брать подъ свою защиту лицъ бездомныхъ и положеніе: «die Luft macht eigen» очень между собой близки. «То и другое право въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудно опредѣлить», говоритъ Мауреръ, «потому что территоріальный государь, «Landesherr», былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и собственникомъ земли, «Grundherr»[1]). Безземельные изгои, не имѣя очень часто даже недвижимаго имущества, волей-неволей должны были жить со дня на день и потому волей-неволей прибѣгали къ нарушенію правъ чужой собственности.

Правовыя памятники средневѣковой эпохи ограничиваютъ свободу перехода людей несвободныхъ. Господинъ имѣлъ право требовать убѣжавшаго несвободнаго человѣка отъ всякаго, кто его принималъ къ себѣ[2]).

Такъ какъ иногда и полузависимые люди назывались крѣпостными, то господа воспрещали уходить съ ихъ земли и такимъ лицамъ. Связь полузависимаго человѣка съ господиномъ покоилась на томъ, что первый долженъ былъ жить на землѣ послѣдняго. Праву наслѣдственной аренды земледѣльцевъ соотвѣтствовала и обязанность ихъ жить на опредѣленномъ участкѣ земли, принадлежавшемъ господину и отбывать въ пользу его повинности и уплачивать налоги[3]). Обязанность земледѣльцевъ жить на опредѣленной землѣ, создавшаяся обычаемъ, выливается въ XIII ст. въ юридическую форму. Собравшійся при Фридрихѣ II въ 1232 г. имперскій сеймъ постановилъ: «Locum centae nemo mutabit sine consensu domini terrae[4]). Земледѣльца, живущаго на землѣ или императора, или другаго феодала и ушедшаго своевольно на другія земли, по постановленію вышеупомянутаго сейма никто не былъ въ правѣ принять: «in civitatibus nostris nullus proscriptus recipiatur scienter»[5]). Поселившіеся своевольно на чужой землѣ должны быть

---

[1]) Fronh., Bd. II. S. 105.

[2]) Sächs. Landr. Art. 32; Schäb. Landr. Art. 71. 409.

[3]) Maurer, Id. Bd. IV. S. 355; Sugenheim, Id. S. 92.

[4]) Koch, R.-Absch. Th. I. S. 18; M. G. H. L. T. II. a. 1231. Statutum in favorem principum t. 30; Ibid. a. 1232. Curia sibi datum.

[5]) Ibidem.

прогоняемы: «recepti convicti ejiciantur»[1]). Полузависимыхъ людей, которые пожелаютъ перейти съ земель чужихъ землевладѣльцевъ на земли своихъ, никто не имѣлъ права задерживать: «homines proprii, advocatii, feodales, qui ad dominos suos transire voluerint, ad manendum per officiales nostros non arctentur». Эти положенія, ограничивающія переходъ полузависимыхъ съ однихъ земель на другія безъ согласія собственника земли, были восприняты и церковью, и духовными господами въ отношеніи лицъ, жившихъ на земляхъ, принадлежавшихъ церкви: «ad centas nemo vocetur synodalis». Въ XIII ст. ленная система дѣлается правовымъ писаннымъ институтомъ, съ чѣмъ совпало и прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Возникновенію прикрѣпленія крестьянъ, бывшихъ прежде свободными, способствовало главнымъ образомъ паденіе политическаго значенія въ странѣ королевской власти и разрушеніе строя народной общины.

Сильные вассалы сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ права верховной власти. Центральное имперское правительство дѣлается слабымъ. Полномочія мѣстныхъ органовъ управленія, находившіяся въ монархіи Карла В. въ рукахъ графовъ и начальниковъ сотень, назначавшихся властью императора, дѣлаются достояніемъ отдѣльныхъ личностей изъ дворянскаго сословія, обладавшихъ иногда незначительными по величинѣ участками земли. Назначеніе общинныхъ властей въ графствѣ, на которыя распадалась вся территорія феодала, зависитъ вполнѣ отъ усмотрѣнія послѣдняго. Въ территоріяхъ, принадлежавшихъ лицамъ духовнаго званія, мѣсто графа занимаетъ фогтъ, назначаемый епископомъ. Графъ и центенарій выполняли правительственныя функціи не по порученію императора, но по уполномочію владѣтельнаго господина. Сильные вассалы поручаютъ отправленіе суда и расправы въ низшей инстанціи землевладѣлецамъ—дворянамъ надъ людьми, жившими на землѣ послѣднихъ. Порученіе феодальныхъ господъ отправлять судъ и расправу было, правда, признаніемъ фактическаго положенія дѣлъ, созданнаго кулачною эпохой, когда землевладѣльцы по временамъ на основаніи силы и насилій лишали свободы земледѣльцевъ, прикрѣпивъ ихъ къ извѣстному участку земли. Фактъ прикрѣпленія безсильные германскіе императоры санкціонируютъ въ XIII ст. изъ желанія угодить владѣтельнымъ

[1]) Ib.

господамъ. Земледѣльческое сословіе въ Германіи изъ свободныхъ, обладавшихъ всѣми правами свободнаго человѣка, мало-по-малу становится крѣпостнымъ, сумма обязанностей котораго далеко превосходитъ сумму правъ. Юридическое положеніе лицъ зависимыхъ было выше положенія рабовъ и колонновъ, но несравненно ниже положенія свободныхъ земледѣльцевъ, обладавшихъ въ каролингскую эпоху правами на свободу и честь.

На улучшеніе положенія земледѣльческаго сословія въ Германіи, начавшаго терять свою свободу съ конца IX ст., повліяло, по мнѣнію Sugenheim'а три фактора, а именно: возникновеніе городовъ, зарожденіе нидерландскихъ колоній и возможность ухода въ чужія земли[1]).

Съ развитіемъ городовъ начинаются уходы крестьянъ изъ деревень и селъ въ стѣны городовъ. Съ X ст. земельная собственность мелкихъ земледѣльцевъ все болѣе и болѣе концентрируется въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Съ концентраціею земли мелкіе землевладѣльцы теряли личную свободу. Зависимость земледѣльцевъ отъ землевладѣльцевъ все болѣе и болѣе ростетъ и крѣпнетъ. Со второй половины среднихъ вѣковъ всѣ классы зависимыхъ людей, жившихъ на земляхъ духовной и свѣтской аристократіи, сливаются въ одинъ разрядъ крѣпостныхъ. Фактическое положеніе крѣпостныхъ, а также и юридическое — въ различныхъ частяхъ Германіи по существу было одинаковымъ. Незначительная разница въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи обусловливалась мѣстными причинами[2]). Тенденціею крупныхъ земельныхъ собственниковъ, «Landes- und- Grundherren», было желаніе расширить крѣпость не только въ качественномъ, но и въ количественномъ отношеніи. Крупные земельные собственники постоянно стремятся поставить всѣхъ свободныхъ поселянъ — захребетниковъ въ зависимость отъ себя. Города, гдѣ понятіе крѣпости исчезаетъ, пріобрѣтаютъ самостоятельность; они вырабатываютъ собственное право, пользоваться которымъ могли только городскіе жители. До X ст. принадлежность къ общинѣ, т. е. право лица быть членомъ общины,

---

[1]) Id. S. 351 ff.

[2]) Maurer, Fronh. Bd. II. S. 2 ff.

обусловливалась рожденіемъ, принятіемъ въ число ея членовъ и, кромѣ того, владѣніемъ частью земли, принадлежавшей общинѣ[1]). Для принятія въ члены сельской общины были необходимы два условія: а) рожденіе и добровольное принятіе въ члены общины и б) владѣніе земельною собственностью въ чертѣ общинной земли. Эти условія измѣнились сначала для городовъ. Съ X вѣка при пріобрѣтеніи правъ члена городской общины не требуется уже владѣнія землею. Если условіе владѣнія землею въ чертѣ города замѣняется условіемъ владѣнія опредѣленнымъ имуществомъ, движимымъ или недвижимымъ, то при поселеніи и пріобрѣтеніи правъ члена сельской общины главную роль играетъ владѣніе землею. Право поселенія въ первую эпоху развитія городовъ т. е. въ X ст. не было обусловлено затрудненіями со стороны властей города. При поселеніи въ городской общинѣ органы управленія послѣдней не требовали денежнаго взноса. Если пріобрѣтеніе права гражданства, «Bürgerrecht», обусловливалось владѣніемъ какимъ-либо имуществомъ, то право поселенія въ городской чертѣ могъ пріобрѣсти всякій, кто хотѣлъ жить въ городѣ. Города и въ особенности имперскіе въ X, XI и XII ст. охотно принимаютъ въ свои предмѣстья всѣхъ, кто желалъ жить въ городѣ. Въ городахъ развивается торговля и промышленность. Купцы и ремесленники избираютъ себѣ постоянное мѣсто пребыванія въ городахъ. «Прочное водвореніе купцовъ и ремесленниковъ въ городахъ было однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ, вліявшихъ на культурную жизнь нѣмецкаго народа»[2]). Личность, поселившаяся въ чертѣ города и не пріобрѣвшая права гражданства, находила себѣ защиту со стороны городскихъ властей. Этотъ разрядъ лицъ считался фиктивными гражданами, которые при извѣстныхъ условіяхъ съ теченіемъ времени могли пріобрѣсти и всѣ права дѣйствительнаго гражданства. Правда, лицо, родившееся въ городской чертѣ, пріобрѣтало право гражданства на болѣе легкихъ условіяхъ, чѣмъ лица, которыя приходили искать права гражданства со стороны и по—преимуществу вы-

---

[1]) Gierke, das deutsche Genossenschaftsrecht Bd. I. S. 593 ff; G. Maurer, Geschicte der Städteverfassung Bd. II. S. 745 ff.

[2]) Mascher, das deutsche Gewerbewesen S. 74.

ходцы изъ селеній. Если въ нѣкоторыхъ городахъ крѣпостные и были при дворцахъ короля, церкви и дворянства, то въ другихъ—крѣпостничество, «Leibeigenschaft», скоро исчезаетъ благодаря развитію торговли и промысловъ. Исчезновенію въ городахъ зависимости способствовали и другія причины. «Такъ какъ природа», пишетъ папа Александръ III, «сотворила всѣхъ людей свободными, то никто не предназначенъ по природѣ для рабства»[1]). Мысль эту Раумеръ выразилъ такъ: «нравственныя заповѣди христіанства и церкви защищаютъ свободу лучше, чѣмъ греческая гуманность, римскіе законовѣды и болѣе новый институтъ, полиція»[2]).

При императорахъ Оттонѣ II и Оттонѣ III имперскіе города пріобрѣли право посылать отъ себя представителей въ имперскіе сеймы. Такое право окончательно упрочило самостоятельность и значеніе городовъ въ жизни государства. Граждане получили доступъ къ императору. Право дѣйствительнаго гражданства соединялось съ правомъ участія въ городскомъ управленіи, съ правомъ быть выбраннымъ въ городскія должности и съ обязанностью нести повинности въ пользу города. Представители городовъ предъ эпохой междуцарствія и въ особенности—имперскихъ городовъ призываются на сеймы вмѣстѣ съ другими земскими чинами для разсужденія объ общихъ государственныхъ дѣлахъ. Города, пользуясь политическою независимостью, выражавшеюся въ самостоятельности внутренняго управленія, оказывютъ защиту не только полноправнымъ гражданамъ, но и крѣпостнымъ, искавшимъ пріюта около городской черты. Населеніе, жившее на землѣ города и не пользовавшееся правами гражданства, находило у города въ лицѣ его властей защиту и покровительство. Городъ, оказывая защиту неполноправнымъ гражданамъ, возлагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ обязанности и повинности въ пользу городской коммуны. Въ деревенскихъ общинахъ мы встрѣчаетъ также различіе между полноправными и неполноправными общинниками. Люди, жившіе на землѣ феодальнаго господина, были всѣ равны, «proprii homines», предъ властью послѣдняго. Въ деревенскихъ сотняхъ и десятняхъ оставалась существовать старинная должность

[1]) Mascher, Id. S. 59

[2]) Mascher, Ib.

сотскаго и десятскаго, корорые все болѣе и болѣе подчиняются волѣ владѣтельнаго господина. Города съ X ст. не стѣсняютъ и не ограничиваютъ притока изъ сельскихъ общинъ лицъ, желавшихъ поселиться въ городѣ и пріобрѣсти право осѣдлости. Городскія власти всѣми силами стремятся обезпечить свободный приливъ населенія въ стѣны города и въ особенности — сельскаго. Въ эпоху политической анархіи мирное населеніе, терпѣвшее всякія невзгоды отъ нарушителей мира, которыхъ было безчисленное множество, бѣжало туда, гдѣ оно надѣялось найти спасеніе. Только стѣны города, содержавшаго за свой счетъ войска, могли дать пріютъ беззащитному сельскому населенію. Городская община, сдѣлавшись въ XII ст. самостоятельной политической корпораціей, сознавала, что пришлое населеніе приноситъ и рабочую силу. Сельское населеніе, подпадая все болѣе и болѣе подъ власть крупныхъ земельныхъ собственниковъ, напрягаетъ усилія уйдти изъ подчиненности вассаловъ въ стѣны городовъ, оказывавшихъ охотно защиту личной свободѣ пришельца. Даже свободной земледѣлецъ нигдѣ не могъ найти законной защиты кромѣ города. Бѣгство въ стѣны самостоятельныхъ и въ особенности въ стѣны имперскихъ городовъ (Reichsstädte) въ XI, XII и XIII ст., приняло громадные размѣры. Города охотно принимали и бѣглыхъ крѣпостныхъ, ибо были убѣждены въ томъ, что пришлое населеніе увеличиваетъ силу и значеніе городской корпораціи. Бѣглецъ съ земли господина, поселившись въ городской чертѣ, пріобрѣталъ званіе свободнаго человѣка, если онъ прожилъ въ чертѣ города одинъ годъ и одинъ день[1]). —Воздухъ города дѣлалъ крѣпостнаго свободнымъ. «Одна изъ важнѣйшихъ привилегій», замѣчаемъ Eichhorn[2]), «которою обладали почти всѣ города, состояла въ томъ, что никто изъ зависимыхъ людей, проживших въ

[1]) «Si quis vir vel mulier in civitate Stadensi sub eo, quod dicitur wicbelethe, per annum et diem, nullo impedimente permanserit, et si quis postea ejus libertate obviare voluerit, actori silentio imposito probationis liceat ei dicti temporis praescriptione libertatem suam probare». Ch. Ottonis IV. a. 1209; «Swelich man is borghere in der stat jar u. dach den ne mach neman vorderen». «Wer in dieser stat jar u. tag unangesprochen verharret», der mag sich den freier sicherheit freien». Grimm, R. A. 337.

[2]) R. G. Th. I. 83. a; Th. II. S. 218.

городѣ въ продолженіи года, не могъ быть требуемъ господами обратно въ свое имѣніе. Происхожденіе этой привиллегіи легко отыскать въ древнемъ германскомъ обычномъ правѣ. Въ города бѣжали и потому, что зависимыя отношенія здѣсь дѣлались болѣе мягкими, чѣмъ въ деревняхъ, гдѣ зависимый человѣкъ и господинъ жили вблизи другъ отъ друга. Юрисдикція епископовъ въ городахъ была справедливѣе, чѣмъ юриседикція графовъ въ селеніяхъ. «Епископы были не господами, утѣснявшими гражданъ, но покровителями городовъ и ихъ благодѣтелями въ прекрасномъ значеніи этого слова; они въ духѣ евангелія стремились поднять несвободные классы населенія»[1]). Городскія общины, оказывая помощь императорамъ при борьбѣ ихъ съ феодалами, пріобрѣли много привиллегій и льготъ при Генрихѣ III и Генрихѣ IV. При первыхъ же салійскихъ короляхъ люди зависимые не могли достигнуть полной гражданской свободы. Первый шагъ соціальнаго прогресса совпадаетъ съ эпохой Генриха IV, прибѣгнувшаго при борьбѣ съ высшею аристократіею къ помощи городовъ. Послѣдніе примкнули къ императору, желая дать отпоръ системѣ феодальнаго верховенства, къ чему стремилось дворянство. Первый городъ, который оказалъ помощь императору, былъ Вормсъ, получившій первую привиллегію отъ Генриха IV. «Привиллегія 1074 г., данная Вормсу», замѣчаетъ Машеръ, «есть актъ нѣмецкой вѣрноподданности; этотъ актъ былъ днемъ рожденія политической самостоятельности городовъ»[2]). Генрихъ IV благопріятствовалъ возникновенію городовъ и предоставлялъ имъ всякія привиллегіи и преимущества. Въ числѣ этихъ привиллегій была привиллегія, заключавшаяся въ томъ, что ремесленники изъ людей зависимыхъ по истеченіи опредѣленнаго срока пребыванія въ чертѣ города, освобождались отъ уплаты въ пользу господъ такъ называемаго взноса, «Sterbefail oder Budtheil». До XII ст. существовалъ законъ, гласившій, что имущество несвободныхъ лицъ, оставлявшихъ землю господина произвольно, «sine consensu domini», и умершихъ, должно перейти въ руки ихъ господъ. Это положеніе римской юриспруденціи вполнѣ при-

---

[1]) **Mascher, Id. S. 76.**

[2]) **Ib.**

мѣнялось при Карлѣ В. въ отношеніи людей несвободныхъ. Рабы, колоны и лица, жившія на землѣ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, съ теченіемъ времени (въ X, XI и XII ст.) слились въ одинъ классъ крѣпостныхъ, съ имуществомъ которыхъ господа поступали также, какъ и съ имуществомъ бѣглыхъ рабовъ. Гдѣ бы рабъ не жилъ, но послѣ его смерти имущество переходило къ его господину. Такая же норма существовала и въ отношеніи имущества зависимыхъ лицъ, уходившихъ съ земли господъ. Такъ какъ люди зависимые уходили, начиная съ X ст., по-преимуществу въ черту города, то господа требуютъ, чтобы городскія власти выдавали имъ имущество, оставшееся послѣ смерти крѣпостнаго, пользовавшагося правомъ защиты города.

Городскія власти съ X ст. сами стремились завладѣть имуществомъ умиравшихъ въ чертѣ города крѣпостныхъ. Города просятъ императоровъ издать законъ, который бы предоставилъ право городу наслѣдовать имущество бѣглыхъ крѣпостныхъ, если-бы у нихъ не оказалось прямыхъ наслѣдниковъ. Городской корпораціи было важно, чтобы получали наслѣдство не господа, но родственники бывшаго крѣпостнаго, изъ которыхъ нѣкоторые жили въ чертѣ города. Феодальные господа въ свою очередь крѣпко отстаиваютъ свои права на имущество умершихъ въ чертѣ города крѣпостныхъ. «Hörige» составляли низшій классъ городскихъ обывателей; они, живя въ городѣ, или занимались ремеслами, или же служили при дворѣ господъ. Число такихъ лицъ не было значительнымъ. Полузависимые все таки были обязаны своимъ господамъ. Жизнь въ городѣ зависимыхъ невсегда причиняла ущербъ господамъ, для которыхъ они приготовляли различные предметы. Господская прислуга, жившая въ городахъ, отправляла въ пользу господъ или повинности, или вносила плату натурою или деньгами. «Рыбаки», гласитъ registrum bonorum et jurium Ecclesiae Brem., «обязаны доставлять ко двору архіепископа еженедѣльно свѣжей рыбы цѣною въ 5 марокъ»[1]). Въ XI и XII ст. города, какъ-то: «Магдебургъ, Кёльнъ, Регенсбургъ, Базель и т. д. преуспѣваютъ въ своемъ экономическомъ благосостояніи. Притокъ крѣпостныхъ и людей зависимыхъ въ стѣны городовъ все болѣе и болѣе увеличивается.

---

[1]) Mascher, Id. S. 61.

Города радушно принимаютъ въ свои стѣны бѣглецовъ. Послѣдніе, не будучи открыты и требуемы господами, получали свободу. «Въ XII ст.», говоритъ Машеръ[1]), «обычный срокъ пребыванія въ продолженіи года и дня принимаетъ характеръ права городовъ». Только услуги и помощь городовъ, оказанныя Генриху V, побудили послѣдняго въ 1111-мъ году 14 авг. издать въ Шпейерѣ слѣдующій законъ[2]): «наслѣдство всѣхъ существующихъ и будущихъ жителей города, не обращая вниманія на мѣсто, откуда они пришли, ни на сословіе ихъ, свободно переходитъ къ ихъ наслѣдникамъ, при чемъ ни господа, ни управляющіе ихъ, не имѣютъ права брать что-либо изъ имущества крѣпостныхъ, поселившихся въ городѣ и проживших одинъ годъ и день». Генрихъ V былъ первымъ императоромъ, предпринявшимъ дѣйствительныя мѣры ради обезпеченія роста и процвѣтанія городовъ. Законъ 1111 г., направленный въ пользу городовъ и бѣжавшихъ въ городъ крѣпостныхъ, побудилъ и другихъ крѣпостныхъ искать свободы въ стѣнахъ города, что въ значительной степени отозвалось благопріятно на ростѣ и значеніи городовъ. Особенно важное значеніе имѣла привиллегія, обезпечившая свободу передвиженія. «Нѣтъ ни одного постановленія болѣе противнаго естественнымъ правамъ человѣка, какъ то, которое воспрещаетъ человѣку заработывать и ѣсть хлѣбъ тамъ, гдѣ онъ желаетъ, и ничто такъ не затрудняетъ продуктивное развитіе труда, какъ ограниченіе человѣка въ свободномъ выборѣ мѣстожительства»[3]). «Ни бѣгство изъ помѣстій, ни поселеніе въ городахъ», замѣчаетъ Арнольдъ», не улучшали правоваго положенія людей зависимыхъ отъ господъ; первые всетаки оставались собственностью послѣднихъ и могли быть во всякое время требуемы подъ присягою ими обратно». Такіе случаи возврата лицъ зависимыхъ по требованію господъ были явленіями обыкновенными. Господинъ могъ требовать въ силу права, хотя и варварскаго, по замѣчанію

[1]) Id. S. 76.

[2]) «Dasz der Nachlasz aller gegenwärtigen und künftigen Einwohner der Stadt, ohne Rücksicht auf den Ort, wo sie her gekommen und ihren Stand, frei auf die Erben übergehen solle, ohne dasz die Voigte oder Herren ein Recht haben sollen, davon etwas wegzunehmen».

[3]) Mascher, Id. S. 78.

Машера[1]), обратно своего крѣпостнаго, поселившагося въ городѣ и женившагося тамъ; онъ могъ разорвать священный союзъ брака, установленный самой природой, и водворить бѣжавшаго въ предѣлахъ своего имѣнія. Естестественное право пришло въ конфликтъ съ историческимъ правомъ, уничтожить которое требовали съ одной стороны гуманность и христіанство, съ другой же—государственные и народно-хозяйственные интересы. Всякое право, которое препятствуетъ прогрессу и культурѣ страны, есть само по себѣ неправо въ отношеніи государства и общества. Другая привилегія, данная этимъ императоромъ въ 1114 г. городу Вормсу, уничтожила, наконецъ, и право господъ требовать къ себѣ тѣхъ крѣпостныхъ, которые, поселившись въ городѣ, женились ранѣе, чѣмъ прошелъ годъ и день со дня поселенія. Поэтому, мы замѣчаемъ, что имперскіе города XII ст. цвѣтутъ и богатѣютъ (Магдебургъ, Кёльнъ etc.). Пришельцы-крѣпостные обыкновенно селились не въ центрѣ городской общины, а на ея окраинахъ, называвшихся форштадтами. Улицы форштадтовъ получали названіе по тѣмъ ремесламъ и промысламъ, которыми занимались пришельцы-крѣпостные. Названія этихъ улицъ въ нѣкоторыхъ городахъ (Страссбургъ, Майнцъ, Вормсъ) сохранились и до сихъ поръ: «Schneidergasse, Sattelgasse».

Стремленіе феодаловъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, удержать людей полусвободныхъ и крѣпостныхъ на своихъ земляхъ было тщетнымъ; они массами уходили въ города съ XII ст. Всѣ города, какъ только начинали чувствовать силу, пріобрѣтали земли, прилегавшія къ городской чертѣ. Селившіеся на купленныхъ земляхъ бѣглецы еще болѣе увеличивали экономическое и политическое могущество городской корпораціи. Свободные же сельскіе обыватели въ свою очередь, передавъ свои земли въ аренду, направлялись въ города, обезпечивавшіе безопасное пребываніе[2]). Экономическій прогрессъ городовъ совпадалъ съ политическимъ и соціальнымъ. Только въ началѣ XIII ст. удалось, наконецъ, крупнымъ земельнымъ собственникамъ принудить императора издать законъ, воспретившій городамъ принимать въ стѣны города на поселеніе

[1]) Id. S. 79.
[2]) Eichhor, R. G. Th. II. S. 162.

лицъ зависимыхъ и крѣпостныхъ. Этотъ законъ восполнилъ принципъ: «nemo mutabit terram sine consensu domini», принципъ, который въ эпоху Карла В. былъ дѣйствителенъ только въ отношеніи рабовъ, свѣтскихъ и духовныхъ, и колоновъ. Гогенштауфены по примѣру французскихъ королей стремятся поднять авторитетъ королевской власти. Такому стремленію даютъ отпоръ итальянскіе города, какъ политически-самостоятельныя единицы. Продолжительная и кровавая борьба Фридриха I съ итальянскими городами и папой не принесла пользы. Фридрихъ II, предпринимая походы, способствовалъ возвышенію территоріальныхъ государей, у которыхъ, наконецъ, просилъ помощи для того, чтобы пріобрѣсти наслѣдственныя владѣнія въ Италіи. Германскіе города подвергались вліянію сѣверо-восточныхъ городовъ Франціи, гдѣ ремесленники добились уже правъ въ городскомъ самоуправленіи. Папа Иннокентій II призналъ Фридриха I отступникомъ отъ христіанской вѣры. Миссіонеры папы проповѣдывали уже въ Швейцаріи, говоря, что крѣпостничество и зависимость не согласны съ заповѣдями Евангелія. Ни Фридрихъ I, ни Фридрихъ II, ни ихъ преемники не благопріятствовали возвышенію городовъ, ибо сознавали, что заговоры итальянскихъ городовъ, связанные съ пролитіемъ крови, обязаны были во многомъ ремесленнымъ корпорціямъ. Тотъ и другой императоръ въ цехахъ видѣли революціонные элементы, имѣвшіе цѣлью уничтожить прерогативы императорской власти. Фридрихъ I въ 1158 г. подтвердилъ старое постановленіе, преслѣдовавшее всякаго рода ассоціаціи какъ ремесленниковъ, жившихъ въ одномъ городѣ, такъ и —въ разныхъ городахъ. Заключавшіе союзы подвергались штрафу въ 1 ф. зол. «Стремленіе императора воспрепятствовать естественному ходу вещей, пріостановить развитіе общественнаго прогресса при помощи полицейскихъ репрессій оказалось ничтожнымъ и потому еще, что это стремленіе оказалось въ противорѣчіи съ народнымъ духомъ. Фридрихъ I не былъ въ состояніи заставить остановиться естественный ходъ событій; его политика, какъ это часто случается, имѣла совершенно обратное вліяніе»[1]). Территоріальные государи, находившіеся въ оппозиціи къ императору, напротивъ, способствуютъ возникновенію цеховъ. Города какъ напр.

---

[1]) Mascher, Id. S. 99.

Кёльнъ въ половинѣ XII ст. были наполнены цеховыми корпораціями.

Эпоха кулачнаго права не была въ состояніи уничтожить развитіе ремеселъ и вообще прекратить условія, способствовавшія политическому прогрессу городовъ; напротивъ, эта эпоха отчасти дала возможность окрѣпнуть городамъ. Генрихъ VI, сынъ и наслѣдникъ Фридриха I, напротивъ способствовалъ процвѣтанію городовъ и старыхъ и новыхъ, давая послѣднимъ привиллегіи. Если въ концѣ XII и въ началѣ XIII ст. города, гдѣ находили защиту граждане и ремесленники, все болѣе и болѣе развиваются, то въ деревняхъ и въ селеніяхъ господствовали повальное воровство, разбои и грабежи, тяжело отзывавшіеся на свободномъ и зависимомъ земледѣльческомъ сословіи, бѣжавшимъ въ города. «Города знали и чувствовали, что приходящіе изъ селеній въ города несвободные люди были способными къ труду; число работающаго и производительнаго населенія въ городахъ увеличивалось, что и казалось для гражданъ вполнѣ достаточнымъ защищать принципъ свободы передвиженія въ полномъ объемѣ. Прогрессъ промышленности, связанный съ благосостояніемъ и могуществомъ промышленныхъ городскихъ сословій давалъ возможность городамъ въ XIII ст. покупать отъ императоровъ за деньги и денежныя ссуды привиллегіи. Императоры и подтверждаютъ старыя привиллегіи, и даютъ новыя. Привиллегіи всетаки пріобрѣтались съ согласія императора и духовныхъ владѣтельныхъ особъ и свѣтскихъ, которые иногда, какъ напр. въ Вестфаліи, «пустошили» страну своими безконечными войнами. При всѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ и при политической безурядицѣ, древо городской, промышленной жизни цвѣло и росло въ мирѣ и въ спокойствіи повсюду, гдѣ нѣмецкая культура пускала корни»[1]).

Съ экономическимъ прогрессомъ городовъ, городскія корпораціи цеховыхъ ремесленниковъ начали добиваться политическихъ правъ. Ремесленники стремятся пріобрѣсти тѣ-же права въ городскомъ управленіи, которыми пользовались граждане-патриціи. Патриціанскія корпораціи, будучи могущественны,

[1]) Mascher, Id. S. 107.

нашли поддержку въ лицѣ Фридриха II. Ремесленныя корпораціи, существовавшія уже въ это время во всѣхъ городахъ, должны были встать въ зависимое положеніе отъ представителей городскихъ фамилій, которые въ свою очередь нашли поддержку въ духовныхъ магнатахъ. На сеймѣ въ 1218 г. въ Ульмѣ было издано въ пользу епископовъ постановленіе, что никто не имѣетъ права въ епископскихъ городахъ организовать городской совѣтъ безъ разрѣшенія епископа. Законъ 1218 г. былъ восполненъ имперскимъ постановленіемъ 1219 г. гласившимъ, что всѣ союзы, носящіе названіе гильдій и цеховъ, признаются недѣйствительными. Право сходокъ ремесленныхъ корпорацій уничтожалось, что было благопріятно патриціанскому гражданству, жившему въ строго замкнутыхъ корпораціяхъ. Наконецъ, на сеймѣ 1220 г. во Франкфуртѣ Фридрихъ II издаетъ рядъ постановленій и въ пользу духовныхъ князей, избравшихъ малолѣтняго сына императора, Генриха, въ санъ короля-регента, «Unterkönig». Императоръ выражаетъ благосклонность духовнымъ князьямъ, ибо «fide dilecti fideles nostri principes ecclesiastici nobis hactenus astiterunt». Если ремесленное населеніе сознавало, что приходъ людей зависимыхъ въ стѣны города было явленіемъ для нихъ желательнымъ, то, напротивъ, граждане-патриціи мало имѣли сношенія съ приходящимъ людомъ. Патриціи оберегали свои исключительныя права, относясь пассивно къ приливу постороннихъ людей. Поэтому, имперское постановленіе, воспретившее имперскимъ городамъ и городамъ, принадлежавшимъ лично императору, принимать людей зависимыхъ, уходившихъ съ земель духовныхъ князей безъ согласія послѣднихъ, подрывало силу и значеніе ремесленниковъ, но не патриціевъ. «Item homines», читаемъ мы въ рѣшеніи франкфуртскаго сейма, «quocumque genere servitutis ipsis attinentes, quacumque causa se ab eorum obsequiis (exsequiis) alienaverint, in nostris civitatibus non recipiemus in eorum prejudicium; et idem ab ipsis inter se, eisque a laicis omnibus, inviolabiliter volumus observari»[1]). «Этотъ законъ», по словамъ Машера[2]), «былъ топоромъ, подсѣкавшимъ корень

---

[1]) M. G. H. L. T. II. Confoederatio cum principibus ecclesiaisticis. a. 1219. Art. 3. p. 236.

[2]) Id. S. 109.

гражданской и промышленной свободы и свободы передвиженія, этого стараго, святаго принципа, признаннаго торжественно Генрихомъ V. Естественный ходъ жизни нельзя пріостановить декретами, противорѣчащими духу времени. Незыблемо стоитъ истина, заключающаяся въ томъ, что законы, не согласные съ природою вещей, остаются фиктивными, недѣйствительными и что они никогда не въ состояніи остановить ходъ культурнаго прогресса». Императорское постановленіе въ значительной степени ослабило приливъ крѣпостныхъ въ стѣны самостоятельныхъ городовъ. Юридическая норма не прекратила однако вполнѣ побѣговъ крѣпостныхъ въ города, которые въ силу старыхъ традицій гостепріимно и послѣ 1220 года принимали бѣглецовъ. Декретъ Фридриха II не уничтожилъ народныхъ возрѣній и привычекъ къ уходу. Въ особенности городскіе цехи давали пріютъ бѣглецамъ, приходившимъ съ земель духовныхъ князей. Городскія власти не противятся свободному притоку лицъ зависимыхъ, способствовавшихъ процвѣтанію и развитію городовъ при Генрихѣ IV и Генрихѣ V. Привиллегія, данная духовнымъ князьямъ, скоро была распространена и въ пользу остальныхъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ: «Item in civitatibus nostris nullus terre dampnosus, vel a judice dampnatus, vel proscriptus, scienter recipiatur»; «recepti convicti ejiciantur»; «item principum, nobilium, ministerialium, ecclesiarum homines proprii non recipiantur in civitatibus nostris»; «item in civitatibus nostris nemo recipiat in pignore bona quibus quis infeodatus est, sine consensu et manu domini principalis»[1]. «Item», говоритъ законъ 1233 г., «der Fürsten, der Edlen und der Kirchen eigen leut in unsern stedten nit ingenommen werden»[2]. Съ уходомъ императора въ Италію нѣкоторые города отказались признать тѣ привиллегіи, которыя онъ даровалъ въ пользу магнатовъ и патриціанскаго гражданства. Въ особенности воспротивились новому закону сѣверо-восточные города, гдѣ не было въ силу историческихъ причинъ рѣзкаго дѣленія городскихъ жителей на два класса: патриціевъ и цеховыхъ. Эти законы были восполнены и въ 1231 г. въ Вормсѣ. Король Генрихъ VII по совѣту духовныхъ

[1] M. H. L. T. II. a. 1231. Statutum in favorem principum p. 282—283.
[2] Koch, R. A. Cap. 5.

и свѣтскихъ князей постановляетъ, что никакой городъ не имѣетъ права ни на самоуправленіе, ни на организацію цеховъ, гильдій и союзовъ, какое бы они названіе не носили, если на то не дастъ своего согласія территоріальный государь или имперскіе чины; основаніе такихъ союзовъ не можетъ быть законнымъ, если бы даже далъ согласіе самъ императоръ. Репрессивныя мѣры, направленныя къ разрушенію союзнаго строя въ городахъ и къ воспрещенію городамъ принимать крѣпостныхъ, были подтверждены императоромъ Фридрихомъ II на сеймѣ въ Равеннѣ въ январѣ 1231 г. Генрихъ VII выступилъ послѣ смерти своего отца рьянымъ преслѣдователемъ городовъ и ремесленнаго сословія, подтвердивъ старыя постановленія. Кромѣ того воспрещено было задерживать и крѣпостныхъ, которые пожелаютъ воротиться на земли своихъ господъ: «homines proprii, advocatitii, feodales, qui ad dominos suos transire voluerint, ad manendum per officiales nostros non arctentur»[1]). Города не имѣли права требовать съ лицъ зависимыхъ уплаты въ свою пользу какихъ-либо взносовъ: «homines in nostris civitatibus residentes consueta et debita jura de bonis extra civitatem suis dominis et advocatis persolvant, neque indebitis exactionibus molestentur»[2]). И въ XVI ст. издается имперскимъ сеймомъ рядъ законовъ, направленныхъ къ задержкѣ крѣпостныхъ, «Subditi», на земляхъ, гдѣ они родились и гдѣ они занимались промыслами. «Wir gepieten auch», читаемъ мы въ конституціи 1303 г., «dass kein stat gemaint sein aigen mann oder der sein recht lehen ist, einem zu purger. Wir wellen auch, wär es dass kain stat darüber tät, mag dan des mannes herr oder sein wissenthaffter ambtman den man bestellen *inner jars frist als recht ist*, so sol die stat den man dem herren evider antwurten. Es en sol kain stat eins herren ungeraiten ambtman zu purger nemen. Wir wellen auch allen freyen steten ir recht behalten, dass sie niemant aus der stat laden auff kain weltlich gericht die weil sie vor iren rechten richtern gehorsam seint»[3]). Импе-

---

[1]) M. G. H. L. T. II. a. 1232. Curia Sibidati. p. 292.

[2]) Ib. a. 1232. tt. 29. 30.

[3]) M. G. H. L. T. II p. 402. Alberti I Const. a. 1303. t. 9. Von aigen lewten.

раторскіе указы постоянно напоминаютъ городамъ и ихъ органамъ управленія положенія Фридриха II: «est districte prohibitum, ne quis cives, homines et subditos ipsius Ecclesiae in Pfalburgerios anderet suscipere»[1]; «item cives, qui Phalburgenses dicuntur, penitus deponantur»[2]).

Постановленіе Фридриха II отъ 1232 г.[3]), подтвержденное въ 1281 г. Рудольфомъ, говоритъ: «Wir setzen und gepieten das man dye pfalburger allenthalben lassen wyr wollent das sy nyemant halten, und wollen in unsern stetten kainen halten». Фридрихъ II приравниваетъ бѣглыхъ крѣпостныхъ почти къ изгнанникамъ: «Precipimus et firmiter inhibemus, ne quis proscriptos manu teneat vel scienter hospicio recipiat; quod si fecerit, et de hoc legitime convictus fuerit, tanquam proscriptus puniatur, nisi septima manu sinodalium hominum integri status ignoranciam suam primo declaret». «Nulla civitas», продолжаетъ эта конституція, «vel oppidum proscriptum teneat scienter; nullus eum defendat, si ei malum aliquod inferatur, nichil ei datur gratis; nemo secum in emptione vel venditione participet; set in omnibus evitetur». Наказаніе за пріемъ изгнанниковъ было строгимъ: «Si civitas eum communiter scienter tenuerit, si est murata, murum ejus judex terre destruat; hospes ejus ut proscriptus puniatur; domus ejus diruatur»[4]); «Item inhibitum est, quod nulla civitatum sibi assumat cives non residentes, quod vulgo appelatur paleburger»[5]). «Item nullus», гласитъ указъ императора Рудольфа, «recipiat et teneat homines proprios alicujus vel alio justo tituto alteri attinentes, contra domini voluntatem»[6]). Конституція Рудольфа: «Wir gepieten auch, dass man die pfalburger allenthalb lass, wir wellen in unseren steten ihr keinen haben», съ теченіемъ вре-

---

[1]) M. G. H. L. T. II. a. 1238.

[2]) Eichhorn, Id. § 243. not. f. и § 247; Mittermaier, Princip. jur. Germ. not. 12 et 13. Fr. II Chartae a. 1231 et a. 1232: «Item die Burget, die da Pfolburger genant sint, söllent gentzlich ablegt werden».

[3]) Cap. IX; Const. pacis a. 1235. t. 13.

[4]) Ib.

[5]) M. G. L. T. II. p. 369. Conventus civitatum Wormatiensis 1254. Oct. 6. Wilhelmi regis constitutiones.

[6]) M. G. H. L. T. IV. p. 411. Rudolfi I. Const. 1276. Dec. 3. Constitutio pacis in Austria.

мени была расширена: «Und davon setzen wir und gepieten, wer ain purger well sein und purgerrecht well haben, dass der summer und winter pawlich und hablich (heimlich 3. habelich 5) in der stat seye, oder man sol in nicht für ein purger haben; des haben wir ain frist geben jedem man sich zu berichten, bis zu sant Walburgen tag, der da nur schierst komt, ob er purger welle sein oder nicht»[1]). Вообще пріемъ людей зависимыхъ строго воспрещается: «es en schol nieman dehein muntman haben, oder er ist fribrecht»[2]). «Mundmani» назывались тѣ лица, «qui sub mundio vel tutela alterius sunt, qui se alterius potestati commendant»; «Item quod diversi cives et potentes recipiunt, et recipere consueverunt populares et impotentes in suam protectionem, nominantes vulgari nomine Muntman»[3]). Своевольные уходы крѣпостныхъ продолжаются. Указы имперскихъ сеймовъ нарушаются. Законы Рудольфа, относившагося вообще неблагосклонно къ ремесленному сословію, остаются безъ дѣйствія[4]). Притокъ сельскаго населенія въ города продолжается. Въ городахъ изъ пришлаго населенія образуется классъ, ищущій покровительства богатыхъ гражданъ, уплачивая имъ за это сборы. При дворахъ городской знати живетъ классъ мундмановъ, которые иногда и приходили изъ деревни вмѣстѣ съ своими господами. Имперское и территоріальное законодательство отрицательно относится къ мундманамъ. Сами ремесленники много страдали отъ конкуренціи съ полноправными гра-

---

[1]) M. G. H. L. T. II. Rudolfi Const. a. 1287 c. 16; Idem Const. Alberti a, 1309. t. 8. p. 482.

[2]) Ib. Rud. I. Const. a. 1281. t. 15. Muntleut p. 428.

[3]) Laudum seu sententia lata a. 1258 apud Maximilianum Henric. in Apolog. pro Archiep. Colon. p. 21. Въ хартіи Фридриха II отъ 1219 г. мы читаемъ: «Quicumque civis antedictae civitatis fecerit se alicujus Muntman, tam civis ille, quam qui hoc modo receperit eum, gratiam nostram demeruit. Того-же императора привиллегія отъ 1230 г. «pro Privilegiis urbis Ratisponensis, in Metropoli Salisburgensi» гласитъ: «Statuentes, ut singuli potentes de civitate sua, qui vassallos sibi faciunt ad turbandam pacem civitatis, qui Mundman vulgariter nominantur, ad munitionem civitatis dent 10 libras. De juribus et privilegiis civitatis Norimbergensis, apud Goldastum.

[4]) M. G. H. L. T. II. Rud. Const. a. 1281. t. 28. p. 428.

жданами, въ пользу которыхъ работали мундманы. Ремесленники несли обязанности въ пользу города, не соотвѣтствовавшія ихъ правамъ. Патриціи обладали исключительными правами; они имѣли много преимуществъ по сравненію съ ремесленниками и юридическихъ, и экономическихъ, пользуясь даровымъ трудомъ мундмановъ.

Хартія графа Лютцельбургскаго, названнаго Генрихомъ VII, отъ 1308 года говоритъ: «Pfalburgerius, quasi falsus burgensis, qui nimirum *invito domino in aliarum civitatum cives se recipi curabat*, atque in prioris domini terris residens iisdem juribus et libertatibus gaudere volebat, quibus cives inter quos adscriptus fuerat». Дѣйствительно, число фиктивныхъ гражданъ все болѣе и болѣе увеличивается. Карлъ V, желая расположить въ свою пользу князей, подтверждаетъ положенія Генриха VII, направленныя къ ограниченію прихода крѣпостныхъ и людей зависимыхъ вообще въ стѣны городовъ. Городскіе статуты принимали подъ защиту крѣпостныхъ, приходившихъ въ города. Уходъ разрывалъ цѣпи крѣпостничества; имѣнія пустѣли. Зависимые люди подъ эгидой городскаго права, занимаясь промыслами, улучшали свое экономическое положеніе. Разбойничество, постоянныя насилія, связанныя съ безпредѣльнымъ произволомъ, гнали сельское населеніе въ города. Хотя нѣкоторые города и имѣли отъ императора привиллегію на пріемъ сельскаго населенія, но число такихъ привиллегій было незначительнымъ. Территоріальные государи, желая подчинить своей власти города, знали, что пришлое населеніе значительно увеличиваетъ силу городовъ и потому направляли всѣ усилія къ тому, чтобы лишить возможности уходить сельское населеніе въ города. Въ 1346 г. Карлъ IV возобновляетъ постановленіе Людовика IV отъ 1332 г.[1]), которое было издано по просьбѣ духовныхъ властей: «Item volumus», гласитъ конституція 1346 г., «ut nulli homines ecclesiae Trevirensis in civitatibus et oppidis imperialibus recipiantur in cives seu oppidanos, qui vulgaliter Palberger vocantur».

Въ одномъ изъ важнѣйшихъ публичныхъ актовъ, а именно, въ Золотой Буллѣ, которая считается основнымъ закономъ Свящ. римской имперіи (Reichs-Grund-Gesetz) мы читаемъ:

---

[1]) t. 2.

«Ceterum, quia nonnulli cives et subditi Principum, Baronum et aliorum hominum, sicuti frequens ad nos querela perduxerunt, *jugum ordinariae subjectionis querentes abjicere, immo ausu temerario contempnentes*, in aliorum civitatum cives recipi se procurrant»... «et nihilominus in priorum dominorum, quos tali fraude praesumpserunt, vel praesumunt deserere terris, Civitatibus, Oppidis, Villis, corporaliter residentes, Civitatum, ad quas hoc modo se transferunt, libertatibus gaudere, et ab eis defensari contendunt, qui in partibus Alamaniae Pfalburgerii consueverunt vulgariter appellari»[1]).

Золотая Булла для того, чтобы своевольные уходы крѣпостныхъ прекратились, чтобы никто такихъ крѣпостныхъ не принималъ, установила даже денежное и притомъ значительное взысканіе: «hos nichilominus qui sepe dictos cives, subditos alienos recipere contra presentis nostre legis disposicionem presumpserint vel recipere in preterito presumpserunt, si eos omnino non dimiserint infra mensem post intimacionem presencium eis factam, *centum Marcas auri puri* pro transgressione hujusmodi tociens, quociens deinceps factum fuerit, incurrere decernentes, quarum medietas Imperiali fisco nostro, reliqua vero Dominis illorum, qui recepti fuerint, irremissibiliter applicentur»[2]).

Въ XV ст., наконецъ, былъ изданъ законъ, который регулировалъ и самый фактъ розыска самовольно ушедшихъ крѣпостныхъ. Землевладѣльцы и города часто нарушали миръ: первые отыскивали бѣжавшаго, вторые укрывали его. «Мы постановляемъ», «notum facimus», говоритъ «Nürnbergischer Abschied»: «quod si persona aliqua, alicujus nobilis vel ministerialis propria, ad civitates nostras se contulerit gratia ibidem manendi, Dominus ejus eam repetere voluerit, ipse dominus *cum VII propinquis suis ex parte matris*, qui vulgariter nagilmage nuncupantur, quod ad se jure proprietatis permaneant, hominem *illum debet obtinere*. Si vero propinquos vel consortes aliquo casu dominus non potuerit habere, adhibitis sibi duobus testibus ydoneis de vicinia, unde homo qui impetitur ortus est... Sic homo suus restituetur eidem: Decernimus etiam firmiter precipimus,

---

[1]) Guldene Bulle a. 1356. Cap. XVI. t. 1.

[2]) Cap. XVI. t. 5.

ut universi nobiles, imperiales sicut dictum est homines suos proprios obtinere cupientes, Civitates nostras sub pace, securitate nostra ingrediantur *ab inde recedant sine. grevamine*, *lisione*, a sculteris, a consilio civitatum nostrarum ad eorum requisitionem conductus eis prebeatur»[1]). Въ нюренбергскомъ рѣшеніи сейма еще разъ повторено: «Dess glich sol auch die entpfahung der muntlut gantz unkrefftig sin»[2]); «Das nyman aigen lut zu burger entpfahe»[3]).

Словомъ, имперская власть отрицательно относится къ лицамъ, своевольно уходившимъ изъ сельской общины, изъ-подъ попеченія земельныхъ собственниковъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Она приходить къ убѣжденію, что уходы такихъ лицъ, людей безземельныхъ, бездомныхъ, беззащитныхъ, не имѣвшихъ средствъ къ работѣ, влекутъ за собою нарушеніе мира и спокойствія страны. Своевольные переходы крѣпостныхъ превращались иногда и въ бродяжничество. Бродяги, «Landstreicher», не имѣя работы и не пытаясь даже её найдти, странствовали по странѣ, перебираясь изъ одного мѣста въ другое, иногда отдѣльно, иногда толпами. Неограниченное право феодальныхъ владѣльцевъ, постоянныя ихъ грабительства другъ друга, переходящія иногда и въ войны, грабежи феодалами своихъ крѣпостныхъ не обезпечивали правъ и интересовъ мирнаго сельскаго населенія. Кулачный порядокъ рѣшалъ всѣ вопросы правосудія. Императоры т. е. верховная власть въ Германіи благодаря своей слабости не была дѣйствительнымъ покровителемъ юридическаго порядка и законности въ странѣ. Кулачное право въ Германіи надолго оставило по себѣ воспоминаніе въ народной массѣ. Феодальный строй былъ гнетомъ для народныхъ интересовъ и благосостоянія; вотчинная расправа и юрисдикція во все продолженіе среднихъ вѣковъ тяжело отзывалась на благѣ земледѣльческаго сословія, находившагося подъ гнетомъ помѣстныхъ господъ. Феодальное дворянство стремится лишить экономической самостоятельности крестьянство, которое все болѣе и болѣе закрѣпощается. Съ потерею экономической самостоятельности, основанной на правѣ владѣнія землею, слѣдовала

[1]) R. A. 1431. Cap. V. t. 1,

[2]) Ib. Cap. V. t. 5.

[3]) Ib.

утрата и личной свободы. Для земледѣльческаго сословія, желавшаго избавиться отъ крутой расправы и суда феодаловъ, оставался одинъ исходъ, а именно, бѣгство съ родной земли на землю городскихъ общинъ, гдѣ юридическій порядокъ былъ несравненно болѣе обезпеченъ, чѣмъ на территоріи феодала. Если во Франціи крестовые походы оказали болѣе сильное вліяніе на внутреннюю жизнь феодальныхъ государствъ, сблизивъ до извѣстной степени сословія идеею христіанскаго братства и преслѣдованіемъ общихъ религіозныхъ цѣлей, то въ Германіи движеніе западно—европейскихъ народностей на востокъ не отразилось такъ благотворно потому, что тевтонское дворянство не принимало такого сильнаго участія въ походахъ ради освобожденія гроба Господня, какъ французское. На благосостояніе сельскаго населенія въ Германіи оказали болѣе сильное вліяніе имперскіе города. «Бѣгство земледѣльческаго сословія въ города и пріемъ послѣдними лицъ зависимыхъ», по словамъ Sugengeim'a[1]), «приняло во вторую половину среднихъ вѣковъ несравненно болѣе широкіе размѣры въ Германіи, чѣмъ во Франціи и Италіи». Уходъ крѣпостныхъ въ города принуждалъ дворянство не сильно притѣснять сельское населеніе. Крѣпостные направлялись и на окраины Свящ. имперіи. Второю причиною, вліявшею благотворно на экономическое и юридическое положеніе сельскаго населенія, слѣдуетъ признать основаніе нидерландскихъ колоній, возникновеніе которыхъ относится къ началу XII ст. Наконецъ, третьею причиною, по словамъ Sugenheim'a, игравшею немаловажную роль, слѣдуетъ считать выселеніе германскаго сельскаго населенія за предѣлы Германіи. Такъ какъ количество крѣпостныхъ въ странѣ было невелико по сравненію съ послѣдующими столѣтіями, а земли невоздѣланной было вдоволь, такъ какъ, кромѣ того, часто повторявшіяся войны въ средніе вѣка и связанныя съ послѣдними голода, сопутствуемые повальными болѣзнями, уменьшали значительно земледѣльческое сословіе, то дворянство дорожило зависимыми людьми, какъ рабочими руками, которые имѣли возможность къ побѣгамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно волей-неволей было принуждено къ мягкому обращенію съ ними. «Благодаря

---

[1]) Id. S. 351.

вышеупомянутымъ тремъ моментамъ», говоритъ ранѣе названный авторъ, «въ періодъ времени, начиная съ XIII ст. до послѣдней трети XV ст., большая часть земледѣльческаго германскаго населенія была наслѣдственными арендаторами, которые, хотя и были въ различной степени людьми зависимыми «gutshörig», но всетаки имѣли извѣстныя права на воздѣлываемую ими землю»[1]). Только съ теченіемъ времени благодаря слабости правительствъ, междоусобицамъ и окончательной потерѣ правъ на земельную собственность лицами зависимыми все почти сельское, земледѣльческое сословіе, «Bauerstand», состоявшее изъ различныхъ классовъ, подпало въ полное и ничѣмъ неограниченное распоряженіе дворянства. Крестьянское сословіе въ XVI ст. признается политически безправнымъ какъ въ отношеніи къ государству, такъ и къ церкви. Земледѣльцы образуютъ къ концу среднихъ вѣковъ одно общее сословіе, общественный строй и организація управленія котораго регулируются усмотрѣніемъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. Земледѣльческая община сохранила принципъ самоуправленія, автономіи только при рѣшеніи нѣкоторыхъ, незначительныхъ дѣлъ, что до извѣстной степени давало еще возможность населенію охранять институты, выработанные вѣковой жизнью. «Народная община», говоритъ Гирке[2]), «будучи разрушенною, не принимаетъ участія въ великомъ духовномъ движеніи времени т. е. въ реформаціи; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ особенности тамъ, гдѣ крестьянское сословіе принимало участіе въ общественной жизни, реформаціонное движеніе нашло себѣ откликъ». Дворянское и рыцарское сословія не имѣютъ ничего общаго съ крестьянскимъ. Развитіе городовъ не оказывало вліянія на улучшеніе сельскаго сословія, жившаго въ деревняхъ. Образовавшаяся территоріальная власть, политическая самостоятельность которой не вылилась въ юридическую форму до окончанія 30-ти лѣтней войны, хотя и призывала для общихъ совѣтовъ земскіе чины, «Landstände», но только не крестьянъ. Всѣ элементы общественной и политической жизни Германіи, нѣкоторые активно-отрицательно, а другіе пассивно, относились къ

---

[1]) Ib. S. 358.
[2]) Id. Bd. I. S. 634.

свободѣ и положенію земледѣльцевъ. Органы управленія и суда территоріальныхъ государей, гдѣ засѣдали доктора римскаго права, не покровительствовавшаго общинной свободѣ, ревностно проводили въ жизнь положенія, что народная масса имѣетъ незначительныя права на землю, на которой она живетъ. «Словомъ», заключаетъ вышеупомянутый писатель[1]), «соединилось все съ тою цѣлью, чтобы ограничить до minimum'а крестьянское сословіе, лишенное правъ участія въ общественной жизни, общинной самостоятельности и автономіи». Но крестьянское сословіе не безъ борьбы уступаетъ свою самостоятельность. Съ XIII ст. раздаются жалобы на произволъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, поддерживаемыхъ территоріальной властью[2]). Въ XIV, XV и XVI ст. постоянно вспыхивали среди крестьянъ народныя возстанія. Народная община помнитъ чрезъ традиціи о своихъ правахъ на свободу и собственность. Реформаціонное движеніе, связанное съ духовнымъ освобожденіемъ нѣмецкаго народа, возбудило желаніе въ сельскомъ населеніи прибѣгнуть къ самоосвобожденію[3]). Крестьянская война, охватившая многія мѣстности Германіи, окончилась въ 1525 г. тѣмъ, что народная свобода была утрачена и только съ теченіемъ времени возстановлена благодаря содѣйствію и помощи абсолютизма. Первую попытку въ этомъ направленіи сдѣлали въ началѣ XVIII ст. прусскіе короли. Послѣднихъ слѣдуетъ признать одними изъ величайшихъ реформаторовъ, оказавшихъ великую услугу своему народу. Крестьянская война раздѣлила націю на 2 класса: привиллегированныхъ и угнетенныхъ. Цѣль крестьянской войны, судя по петиціи, въ которой крестьяне выставили свои требованія, имѣла не только историческое, но и внутреннее значеніе[4]). «Въ выставленныхъ крестьянами положеніяхъ», говоритъ Maurer[5]), «мы видимъ не только практическій умъ крестьянъ, но и болѣе глубокое и основательное познаніе потребностей страны, чѣмъ всѣ знанія тогдашнихъ докторовъ права, которые, по мнѣнію

[1]) Ib. S. 635.
[2]) Maurer, Fronh Bd. IV. S. 523 ff.
[3]) Eichhorn, Id. Th. IV. § 484.; Maurer, Einl. S. 220.
[4]) Gierke, Ib. S. 636.
[5]) Fronh. Bd. IV. S. 529.

крестьянъ, никогда не были «erbdiener des rechtens sondern bestellt knecht». Артикулы, формулированные крестьянами, были слѣдующіе: a) свободный выборъ общиною лицъ духовныхъ[1]), b) отмѣна десятины въ пользу духовенства и сборовъ для содержанія мѣстныхъ бѣдныхъ, c) уничтоженіе всякаго рода несвободы, d) признаніе правъ общины на воды, лѣса, охоту, рыболовство[2]) и рубку лѣса[3]), e) самостоятельность рѣшенія общинныхъ дѣлъ чрезъ властей, выбранныхъ общиною[4]), f) уничтоженіе сборовъ, повинностей, введенныхъ и произвольно возвышенныхъ не смотря на обычаи и договоры[5]), и уменьшеніе барщины[6]), и h) наконецъ, возвращеніе собственности на тѣ земли, которыя были произвольно отняты князьями[7]). Выставленныя крестьянами требованія остались безъ успѣха, такъ какъ среди нихъ не существовало твердой организаціи, которая бы могла обезпечить имъ побѣду[8]). Соединенныя сила князей и дворянства разрушили непланомѣрное и разрозненное движеніе крестьянъ, экономическое и юридическое положеніе которыхъ не только не улучшилось, но еще и ухудшилось.

Ко всему вышесказанному присоединилось и то, что сельское населеніе, будучи въ угнетенномъ положеніи, не имѣло возможности избѣжать гнета. Крестьяне, зависимость которыхъ отъ господъ приняла болѣе твердую, устойчивую и кабальную форму, лишилась права ухода изъ селеній въ города. Право перехода крестьянъ всѣхъ наименованій было поставлено подъ благоусмотрѣніе помѣщиковъ--это съ одной стороны, съ другой—сами города начали относиться къ переселенію крестьянъ отрицательно. Побѣги крестьянъ въ стѣны городовъ прекращаются. Съ того времени, когда цеховыя карпораціи приняли форму замкнутыхъ ассоціацій, и когда занятіе ремесленными промыслами въ чертѣ города сдѣлалось привиллегіею извѣст-

---

[1]) Arf. 1.
[2]) Arf. 4.
[3]) Arf. 5.
[4]) Ib.
[5]) Art. 8—9.
[6]) Art. 6.
[7]) Art. 10.
[8]) Gierke, Id. B. I. S. 636.

наго круга лицъ, свободный притокъ сельскаго населенія въ стѣны городовъ замѣняется скитаніемъ. Сельское населеніе, приходя въ города, не имѣло надеждъ пріобрѣсти права члена ремесленной корпораціи. Безъ прилива свѣжихъ силъ ремесленныя ассоціаціи утрачиваютъ свою жизненность. Города отдѣляются отъ селеній; тѣ и другіе живутъ отдѣльно. Сельское населеніе, вливавшее ранѣе жизненные соки въ ремесленное сословіе, если и приходило въ города, то оно лишалось всякой надежды пріобрѣсти въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ права ремесленника.

Рабочее населеніе, приходившее изъ деревни въ города, составляло низшій слой городскихъ обывателей. Различіе между ремесленникомъ, какъ членомъ одной изъ городскихъ корпорацій, и простымъ рабочимъ, пришедшимъ въ городъ со стороны и здѣсь поселившимся, было существеннымъ. Ремесленникъ обладалъ правомъ не только осѣдлости въ чертѣ города, но и правомъ гражданства, «Bürger-Recht». Рабочій имѣлъ только одно право осѣдлости или же временнаго пребыванія на землѣ, принадлежавшей городу. Право прихода въ городъ, поселенія и пріобрѣтенія правъ гражданства находится въ тѣсной связи съ XVI ст. съ правомъ занятія промыслами въ чертѣ городской общины. Понятіе «Zunfzwang»'а въ періодъ развитія и цвѣтущаго состоянія ремесленнаго производства не находилось въ противорѣчіи съ понятіемъ свободы прихода въ стѣны города лицъ, желавшихъ найти себѣ занятій въ предѣлахъ городской общины. До XVI ст. личность, пришедшая изъ села и поселившаяся въ городѣ, могла пріобрѣсти тѣ-же права на занятіе ремесломъ, какими обладалъ всякій полноправный членъ цеховой корпораціи. Кто пріобрѣталъ право гражданства, тотъ могъ пріобрѣсти и право на цеховой промыселъ. Свобода поселенія лицъ, искавшихъ труда физическаго, и одинаковыя условія пріобрѣтенія правъ гражданства и права на занятія цеховыми промыслами, способствовали быстрому росту и могуществу городскаго промышленнаго класса. Этотъ классъ населенія до эпохи, когда выработалась цѣлая система разнообразныхъ привиллегій, распространявшихся на строго опредѣленный кругъ лицъ, не стѣснялъ и не ограничивалъ свободнаго прилива свѣжихъ силъ въ стѣны города и въ цеховыя корпораціи. Поэтому, сельское населеніе и въ особенности

люди зависимые, желая избѣжать крѣпостничества, направлялись массами въ началѣ второй половины среднихъ вѣковъ въ стѣны города. Жители города раздѣлялись на двѣ категоріи: полноправныхъ и неполноправныхъ. Полноправные составляли городскую аристократію, принимавшую активное участіе въ городскомъ управленіи. Неполноправные: духовные, евреи, гости, рабочіе, зависимые люди etc. пользовались только защитою городскаго права. Замкнутость полноправныхъ гражданъ, принадлежавшихъ къ извѣстнымъ родамъ, выливается съ XII ст. въ форму аристократическихъ корпорацій. Купцы и ремесленники, не смотря на противодѣйствіе полноправныхъ, съ XIII ст. ревностно добиваются тѣхъ-же правъ, которыми обладала городская аристократія. Гильдіи и цехи, сдѣлавшись самостоятельными и законными союзами, добились, наконецъ, того, что ихъ обязанности стали соотвѣтствовать ихъ правамъ. Благодаря упорной борьбѣ цехи въ XIV и XV ст. получили право участвовать въ городскомъ управленіи наравнѣ съ полноправными. Въ XIV ст. рядомъ съ бюргермейстеромъ, выбраннымъ изъ патриціевъ, мы встрѣчаемъ бюргермейстера, выбраннаго изъ цеховыхъ[1]).

Съ этого времени структура цеховыхъ корпорацій мѣняетъ свой характеръ. Цехи, одержавъ побѣду почти повсюду, превращаются изъ частно-правовыхъ союзовъ въ политическіе, промысловый характеръ которыхъ не утратилъ своего значенія. Движеніе цеховъ повліяло въ значительной степени на развитіе городовъ. Городская община поддержала старую германскую правовую идею, что члены общины должны быть связаны равенствомъ правъ и обязанностей. Ясное и твердое сознаніе городскихъ обывателей-членовъ о единствѣ права и обязанности измѣнило и отношеніе единичной личности къ общинѣ. Соотвѣтствіе права и обязанности, соединенныхъ съ понятіемъ гражданства, не мирилось болѣе съ старымъ понятіемъ прирожденныхъ или основанныхъ на особенномъ титулѣ одностороннихъ правъ и обязанностей. Привиллегированные граждане не признавали ранѣе положенія, что изъ равной обязанности вытекаетъ и равное право. Гражданинъ служилъ го-

---

[1]) Arnold, Städte, 1. 349. Въ Ворисѣ 1391 г.

роду, какъ политически-самостоятельной единицѣ, не только своей личностью, но и своимъ имуществомъ. Городовое право признало принципъ, что правами гражданства можетъ пользоваться только тотъ, кто несетъ обязанности въ пользу города: «Wer Bürger werden will, soll sein Ungeld geben und mit der Staat reisen, wachen und dienen. Will er das nicht, so soll man ihm sein Burgerrecht aufsagen under mag von der Stadt fahren: «wer in der Stadt Bürger sein, und an Rech und Ehre der Stadt selber Theil haben will, der soll allen städtischen Dienst erfüllen»[1]). Хотя идея равенства правъ и обязанностей была признана въ отношеніи цеховыхъ, но она не была проведена въ городовомъ правѣ въ отношеніи всѣхъ жителей города. Правами гражданства пользовались пассивно, но не активно: женщины, евреи, ученики, духовные, временно-пребывающіе, иностранцы и чернорабочіе. Эти классы пользовались только защитою городской общины и ея законовъ: «universi minores cum majoribus, clerici seculares et omnes religiosi cujuscunque ordinis nobis attinentes, laici et judei, qui nobiscum convixerint commorantes, hac tuitione perfrui debeant in eternum»[2]). Тѣ, кто не имѣлъ полноправія участвовать въ управленіи города, несли и соотвѣтственныя обязанности и городскія повинности. Иностранцы, желая поселиться въ городѣ, обязаны были въ большинствѣ случаевъ пріобрѣсти право гражданства[3]). Евреи, не пріобрѣтая правъ гражданства, уплачивали городскія налоги и повинности за покровительство и защиту въ пользу города[4]). Лица духовныя, отвергая право города налагать на нихъ повинности, съ XIII ст. все болѣе и болѣе ограничиваются въ свободѣ отъ городскихъ налоговъ и повинностей. Города же настаивали постоянно на томъ, чтобы всякій, кто пользуется правомъ гражданства, несъ и соотвѣтственныя повинности[5]).

---

[1]) Heusler, Verfassungsgeschte des Stadt Basel im Mittelalter S. 249.

[2]) Schaab, Geschichte des rheinischen Städtebundes II. S. 9; Gierke Id. Bd. I. S. 330. Пр. 75.

[3]) Frensdorff, Stadt und Gerichtsverfassung Lübecks im 12 und 13 Jahrhundert S. 192.

[4]) Gierke, Id. Bd. I. S. 331.

[5]) Ib. Пр. 80: «quicunque sive clericus sive laicus seu etiam judaeus de Ratispona... cum aliis civibus civitatis omne opus collectarum portabit».

Каждый цехъ былъ членомъ города. Цеховые, составляя союзъ, имѣвшій характеръ политическій, хозяйственный и религіозно-нравственный, участвовали прямо или косвенно въ управленіи дѣлами города. Только полноправные члены цеха, имѣя право участія въ рѣшеніи вопросовъ цеховой корпораціи, были пассивными и активными гражданами. Цеховой союзъ, будучи носителемъ союзнаго права, источникамъ мира, согласія и представителемъ цеховой власти, состоялъ изъ совокупности всѣхъ полноправныхъ товарищей, мастеровъ, имѣвшихъ право вести самостоятельно извѣстный промыселъ. Полноправнымъ членомъ цеха былъ тотъ, кто былъ принятъ въ цеховую общину. Принятіе въ общину было поставлено въ зависимость отъ соблюденія извѣстныхъ условій. Мастеръ терялъ право члена цеха въ томъ случаѣ, когда онъ оставлялъ, выходилъ изъ цеха волей или неволей. Правомъ на занятіе извѣстнымъ промысломъ въ чертѣ города пользовался тотъ, кто былъ принятъ въ цеховую корпорацію. Въ цвѣтущую эпоху цеховаго производства при принятіи въ члены цеха обращали вниманіе на то, чтобы вольнопринимаемый членъ былъ способенъ къ занятію извѣстнымъ промысломъ. Цеховая корпорація не стремилась извлекать выгоды для себя изъ момента принятія или отказа данному лицу въ члены. Цехи, сдѣлавшись членами города, пріобрѣли право принимать или отказывать лицу, искавшему право на занятіе извѣстнымъ промысломъ. Тамъ, гдѣ цехи оставались въ извѣстной зависимости отъ городской аристократіи, принятіе въ члены цеха оставалось въ зависимости не только отъ цеховаго собранія, но и отъ городскго совѣта и отъ территоріальныхъ господъ [1]). Въ цвѣтущую эпоху цеховъ свободное принятіе въ число членовъ не стояло въ связи съ боязнью ремесленниковъ-мастеровъ конкуренціи. Законныя требованія цеховъ при принятіи новыхъ членовъ основывались на поддержаніи авторитета и чести корпораціи. Корпораціи требовали, чтобы новый коллега обладалъ незапятнаной честью, «bona fama», къ чему присоединилось также требованіе, чтобы онъ былъ рожденъ въ законномъ

[1]) Еще въ 1463 г. епископъ г. Вормса могъ назначать членами цеха винныхъ погребщиковъ. Gierke, Bd. I. S. 364. Пр. 25.

бракѣ, «echt unde recht geboren»[1]). Несвободные люди, жившіе въ городахъ, и иностранцы: венды и вообще ненѣмцы, на сѣверѣ не принимались въ цехи: «echt und recht und dudesk geboren»; «dudisch und nicht vendisch geboren»[2]). Съ того момента, какъ цехи получили политическое значеніе, пріобрѣтеніе правъ члена цеховаго союза было поставлено въ зависимость съ пріобрѣтеніемъ правъ гражданства, «borger werden»[3]). Искавшій права цеховаго мастера обязанъ былъ пробыть членомъ города день и годъ, имѣть кромѣ того хозяйство, «buwelich und hebelich»[4]) въ чертѣ города, или опредѣленное имущество, въ удостовѣреніе чего слѣдовало представить поручителей. Существовалъ и рядъ другихъ условій для пріобрѣтенія правъ цеховаго мастера, но тотъ, кто выполнялъ эти условія, основанныя на правѣ и обычаяхъ, пріобрѣталъ и право на самостоятельное занятіе промысломъ. Цеховые мастера не боялись конкуренціи со стороны лицъ, изучившихъ ремесло. Въ цвѣтущую эпоху цехи не имѣли основанія страшиться соревнованія. Тенденція первоначальнаго роста и могущества цеховъ заключалась въ увеличеніи числа членовъ. Свѣжія силы вліяли благотворно на развитіе цеховаго производства[5]). Замкнутость цеховъ, начавшись развиваться съ конца XV ст., повліяла отрицательно на ремесленное производство. Ремесленникъ, до развитія замкнутости цеховыхъ корпорацій, могъ свободно уходить изъ одного города въ другой и здѣсь продолжать заниматься своимъ промысломъ. Ремесленникъ, придя въ городъ, обязанъ былъ только доказать, что онъ свѣдущъ въ своемъ дѣлѣ. Цеховые товарищи не лишали возможности вновь пришедшаго коллеги заниматься ремесломъ. Вновь прибывшій въ городъ ремесленникъ доказывалъ представленіемъ свидѣтельства, выданнаго ему въ родномъ городѣ, что онъ родился отъ законныхъ родителей, и что онъ выучилъ свое ремесло хорошо[6]). Представивъ такое свидѣтельство, ре-

---

1) Ib. Пр. 27 и 28.

2) Ib. Пр. 29 и 30.

3) Ib. Пр. 31. Lüb. Zunfr. v. 1425.

4) Ib.

5) Gierke, Id. Bd. I. S. 367.

6) Schönberg, zur wirthschaftlichen Bedeutung des deutschen Zunftwesens im Mittelalter S. 75.

месленникъ получалъ право на занятіе промысломъ, пріобрѣталъ право члена цеха и тѣмъ самымъ становился членомъ городской общины. Женщины и дѣти ремесленниковъ, находясь подъ покровительствомъ цеховой корпораціи, были пассивными участниками цеховаго права, обычая и мира. Поэтому, эти лица, не состоя въ прямыхъ отношеніяхъ къ городской общинѣ, не считались и самостоятельными ея членами. Дѣти ремесленниковъ мужескаго пола пріобрѣтали право цеховаго мастера и, слѣдовательно, право гражданства при болѣе легкихъ условіяхъ, чѣмъ посторонніе для цеха лица. Лица, женившіяся на вдовахъ ремесленниковъ, въ свою очередь пріобрѣтали право цеховаго мастера скорѣе, чѣмъ другіе. Съ того времени, какъ цехи пріобрѣли права политическія, начинаетъ вырабатываться мало-по-малу рядъ привиллегій въ пользу членовъ, принадлежавшихъ къ цеховой корпораціи. Управленіе городскими дѣлами сосредоточивается въ рукахъ лицъ богатыхъ. Членомъ городскаго совѣта могъ быть тотъ, кто принадлежалъ къ опредѣленнымъ корпораціямъ, но не всѣ, кто пріобрѣталъ право гражданства. Всѣ важнѣйшіе правовые и хозяйственные вопросы городскаго управленія рѣшались городской аристократіей, къ которой присоединились и представители важнѣйшихъ и богатыхъ цеховъ. Понятіе гражданства утрачиваетъ старое значеніе; оно дѣлается формальнымъ. Не всѣ граждане принимаютъ участіе въ управленіи дѣлами родной городской общины. Городской совѣтъ управляетъ не въ силу полномочія всѣхъ гражданъ, но въ силу права и полномочія опредѣленнаго круга лицъ. Совѣтъ является властью, къ которой граждане были поставлены въ такія же отношенія, въ какихъ подданные находились къ территоріальной власти. Отдѣльныя городскія фамиліи ревностно отстаиваютъ свои исключительныя права участія въ городскомъ управленіи. Всѣ попытки гражданъ завоевать активное участіе въ управленіи городскими дѣлами находили сильный отпоръ со стороны привиллегированныхъ гражданъ, «Herren». Собранія гражданъ воспрещаются даже подъ страхомъ смертной казни. Коллективныя жалобы болѣе чѣмъ 6 лицъ въ городской совѣтъ признаются незаконными[1]). Принципъ самоуправленія съуживается. Управ-

[1]) Gierke, Id. Bd. I. S. 700.

вленіе городскими дѣлами покрывается тайною, «ewige Hehlen»[1]). Тамъ, гдѣ цехи ремесленниковъ выступили полными хозяевами въ управленіи, послѣднее приняло характеръ олигархическій. Старое понятіе активныхъ и пассивныхъ гражданъ утрачиваетъ всякое значеніе. Граждане раздѣляются на двѣ категоріи: управляющихъ и управляемыхъ. Аристократія, вѣдавшая городскимъ управленіемъ, ревностно оберегаетъ и отстаиваетъ старинныя учрежденія. Реформаціонное движеніе, связанное съ провозглашеніемъ идеи свободы личности въ вопросахъ вѣры, «jus reformandi», не коснулось реформаціи политическаго склада городскаго управленія. Городской совѣтъ и въ эпоху 30-лѣтней войны былъ обыкновенною властью, рѣшавшей всѣ вопросы городоваго хозяйства, права и управленія; онъ былъ исполнительнымъ органомъ управленія, подчиненнымъ надзору и контролю территоріальнаго государя. Вліяніе гражданъ на городской совѣтъ прекращается[2]). Объ отвѣтственности и отчетности городскаго совѣта предъ гражданами не могло быть и рѣчи. «Формѣ городскаго упрвленія соотвѣтствовало его содержаніе; гражданская добродѣтель, гордость и проницательность отсутствовали какъ у управляющихъ, такъ и управляемыхъ»[3]). Замкнутость городскихъ союзовъ и корпорацій была основою замкнутости городскаго совѣта. Общественное право городовъ и право ихъ управленія не покоилось на основѣ развитія свободныхъ союзовъ, дѣйствовавшихъ въ предѣлахъ городской территоріи. Городскіе союзы являются привиллегированными корпораціями. Городская община слагается изъ совокупности корпорацій, присвоившихъ себѣ исключительное право занятія промыслами и торговли[4]). Промысловыя привиллегіи для ремесленниковъ были несравненно важнѣе, чѣмъ привиллегіи, дававшія право участія въ городскомъ управленіи. Право гражданства стояло въ связи съ правомъ пріобрѣтенія привиллегіи на занятіе извѣстнымъ промысломъ, который давалъ

---

[1]) Ib. S. 701.

[2]) Ib. S. 703.

[3]) Ib.

[4]) Eichhorn, Id. Th. IV. § 544; Bair. Landesord. v. 1576; Pr. Allg. L.-Recht II. 8. § 86 и 108: «Stadtgemeinden haben die Rechte privilegirte Korporationen».

гражданину матеріальное обезпеченіе. Право гражданства измѣрялось матеріальною выгодою, которою пользовалось лицо, сдѣлавшись членомъ привиллегированной корпораціи. Условія пріобрѣтенія права гражданства и право на занятіе промыслами въ городской чертѣ затрудняются взносомъ значительной суммы денегъ. Болѣе легкія условія пріобрѣтенія права гражданства были для сыновей гражданъ и тѣхъ, кто женился на ихъ дочеряхъ или вдовахъ. Пріобрѣтеніе правъ гражданства, равно какъ и—правъ члена цеховой привиллегированной корпораціи, обусловливается наличностью имущества довольно значительной цѣнности. Иностранцы и иногородніе въ рѣдкихъ случаяхъ могли пріобрѣсти право гражданства и право на занятіе ремеслами или торговлею. Поэтому, ремесленное сословіе прикрѣпляется къ данному ремеслу, связанному съ опредѣленною городской общиной. Ремесленникъ не рисковалъ перемѣнять свое мѣстожительство изъ боязни, что онъ въ новомъ мѣстѣ не получитъ правъ на занятіе ремесломъ. За чертою города, въ деревнѣ ремесленникъ и не помышлялъ найдти занятій. Подъ покровительствомъ гражданъ—цеховыхъ пріютилась во всѣхъ городахъ масса лицъ неполноправныхъ, «Schutzverwandten» или «Beisassen», которые за малѣйшее участіе въ привиллегированномъ промыслѣ вносили спеціальные денежные сборы и несли разнаго рода повинности[1]). Право гражданства раздѣляется на двѣ категоріи: «jus. civ. plenum» и «minus plenum». Граждане, не обладавшіе полными правами, могли заниматься опредѣленными, но не цеховыми, промыслами. Полноправные граждане составляли особую касту патриціевъ. Городская община раздѣлилась на безчисленное число привиллегированныхъ союзовъ, преслѣдовавшихъ только свои цѣли, не обращая вниманія на общіе интересы всего городскаго населенія. Привиллегія была базисомъ городской жизни какъ промышленной, такъ и общественно-политической. Городской совѣтъ, вѣдавшій хозяйствомъ и управленіемъ города, въ свою очередь носилъ характеръ привиллегированной корпораціи. Членами совѣта могли быть только лица, принадлежавшія къ опредѣленнымъ, притомъ незначительнымъ, привиллегированнымъ корпораціямъ или родамъ. Участіе въ городскомъ совѣтѣ

---

[1]) Gierke, Id. Bd. I. S. 704.

сплошь и рядомъ обусловливалось взносомъ значительной суммы денегъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ право участія въ совѣтѣ дѣлается наслѣдственнымъ, принадлежавшимъ опредѣленнымъ родамъ (Нюренбергъ). Городскіе комитеты и коммисіи, дѣйствовавшіе рядомъ съ городскимъ совѣтомъ, были также привиллегированными учрежденіями, преслѣдовавшими отдѣльные интересы. Городскія учрежденія и органы городскаго управленія, существенная организація которыхъ покоилась на правахъ исключительныхъ, заботились не объ общихъ интересахъ гражданъ и всѣхъ обывателей города, а преслѣдовали узко-эгоистическія цѣли[1]). На интересы сельскаго рабочаго люда, жившаго временно или постоянно въ городахъ, городское управленіе не обращаетъ никакого вниманія.

IV. Полицейская борьба германскихъ правительствъ съ нарушителями мира въ XVI ст.

Прошло почти полтора столѣтія послѣ эпохи «Interregni», когда окончательно были уничтожены слѣды кулачнаго права, когда окончательно была смирена гордость непокорныхъ феодаловъ. Анархія замѣняется закономъ; въ странѣ организуется судъ и расправа. Только при Максимиліанѣ I сбылись надежды имперскихъ чиновъ въ дѣлѣ организаціи справедливой юстиціи, «Justiz-Wesen», надъ чѣмъ тщетно работали прежніе императоры[2]).

Имперскій сеймъ 1495 г., собравшійся въ Вормсѣ подъ предсѣдательствомъ Максимиліана, опубликовалъ такъ наз. «ewigen Land-Frieden». По поводу изданія этого закона Бруверъ (Bruverus) замѣчаетъ: «nullum praesentius longo temporum intervallo remedium Germania sentit; cum haud parum inde totius Germanici Regni res tranquilliores esse coeperint, subcessorum latrociniis principum diligentia retusis, potentiorum protervia Legum severitate coercita, refrenata»[3]). Всеобщій зем-

[1]) Ib. S. 705.

[2]) Eichhorn, R. G. Th. IV. 55: «Fünfundzwanzig Jahre der Regierung Maximilians I hatten hingereicht, den neuen Einrichtungen, welche er mit den Reichständen getroffen hatte, die Festigkeit zu verschaffen, welche das Herkommen giebt».

[3]) Fugger, Lib. VI. Cap. 1. n. 7.

скій миръ 1495 г. послужилъ залогомъ внутренней безопасности въ имперіи, которая нашла себѣ обезпеченность и въ томъ, что вновь организованный «Cammer-oder-Hoff-Gericht», руководствуясь «Cammer-Gericht-Ordnung'омъ»[1]) былъ въ состояніи разрушить самопроизвольную расправу и произволъ. Засѣданія «Cammer-Hoff-Gericht»'а не были постоянными и не происходили въ одномъ мѣстѣ, но въ различныхъ городахъ: Франкфуртѣ, Нюренбергѣ, Вормсѣ и др. Только въ началѣ XVI ст. при Карлѣ V благодаря накопившимся дѣламъ, которыя было неудобно перевозить изъ одного мѣста въ другое, засѣданія «Cammer-Gericht»'а стали происходить постоянно въ Шпейерѣ.—Кромѣ того, чтобы уничтожить причины «turbationum pacis», при Максимиліанѣ было постановлено, что имперскіе сеймы должны собираться разъ ежегодно подъ предсѣдательствомъ императора для охраненія «publicae tranquillitatis».

На сеймѣ 1495 г. были выдвинуты и вопросы полицейскіе, «Polizey-Sachen», связанные по-преимуществу съ заботою объ охраненіи внутренней безопасности, «innerliche Sicherheit», въ Свящ. имперіи. «Reichsregiments-Ordnung» 1495 г. возлагаетъ на имперское правительство: «Ordnung und Polizei fürzunehmen, und die Köstlichkeit und Ueberflüss aller Stände zu mässigen»[2]). Тѣ-же вопросы подлежали обсужденію и на послѣдующихъ сеймахъ, происходившихъ въ Линдау (1497) и въ Аугсбургѣ (1500 и 1518). На сеймѣ 1495 г. было рѣшено раздѣлить всю Германію на 10 округовъ для того, чтобы удобнѣе было полицейскимъ властямъ слѣдить за нарушителями мира, изстари привыкшимъ повсюду производить безпорядки и возмущенія[3]). Начальники округовъ обязаны были «besorglichen inneren Unruhen vorzubeugen und entstandene zu unterdrücken»[4]).

Одною изъ важнѣйшихъ заботъ Максимиліана I было «durch das heilig Reych und teütsche Nacion eyn gemainen Frid fürnehmen, auffrichten, ordnen und machen»[5]). Имперское правительство, «Reichsregiment», будучи постояннымъ учрежде-

[1]) Koch, R. Absch. Th. II. S. 6.
[2]) § 40.
[3]) Berg, Id. Th. 1. S. 231 ff.
[4]) Landfr. a. 1521. Art. 5. § 4; Exec.-Ordn. a. 1555. § 56 ff.
[5]) R. A. 1495. Ursache dieser Reichs-Verordnung.

ніемъ для рѣшенія текущихъ дѣлъ имперіи въ то время, когда имперскіе чины не были созваны, обязано было на основаніи артикуловъ управлять страною и рѣшать дѣла внутренней политики, «für sich zu fordern, mit Fleiss zu betrachten, zu rathschlagen und endlich zu schliessen»[1]). Земскій миръ 1495 г., считаясь общимъ закономъ, нарушался. Главный недостатокъ этого акта состоялъ въ томъ, что исполнительная власть въ имперіи не имѣла твердой устойчивости и должнаго авторитета.

Нарушителями мира, по мысли законодателя, были не только явные преступники, совершившіе законопротивное дѣяніе, но и лица, которыя, не обнаруживъ внѣшняго преступнаго дѣянія, готовы—нарушить законъ благодаря своей жизни, образу дѣятельности и, поэтому, считающіяся опасными, «gevärlich». Такихъ лицъ законъ повелѣваетъ подвергать строгому надзору, «mit fleissigen Ernst», со стороны властей. Послѣднія не должны давать имъ, какъ и дѣйствительнымъ преступникамъ, возможности пользоваться свободой и въ особенности свободой передвиженія. Эта категорія людей, гуляя на свободѣ, по мнѣнію законодателя, не способна ни къ чему иному, какъ къ преступнымъ дѣйствіямъ, къ нарушенію мира, порядка и спокойствія. Законъ отказываетъ въ своей защитѣ и покровительствѣ такимъ личностямъ: «Wir wollen solchen Fried-Bruch in allen Trostungen, Sicherheiten, Fürworten und Geleiten ausnehmen»[2]).

Какъ дѣйствительные преступники, такъ и мнимые, по мысли законодателя, увеличиваютъ интензивность своихъ дѣйствій въ томъ случаѣ, если они находятъ удобныя средства укрыться отъ преслѣдованія законныхъ властей. Поэтому, законъ напоминаетъ всѣмъ и каждому: «es soll auch sollich Thäter und Friedprecher nyemand hausen, herbergen, ätzen, trencken, enthalten, Fürschub thun in seiner Obrigkeit, Eygenthum und Gebieten, sunder dieselben annemen, und zu jnen mit dem Ernst von Ampts wegen richten»[3]).

---

[1]) § 1.
[2]) R. A. 1500. t. 5.
[3]) R. A. 1495. t. 5.

Первый «Execution-Ordnung» предписываетъ пол. властямъ строго наблюдать за бродягами, «herrenloses Gesindel», «gardnende Knechte». Полицейскія власти обязаны были изгонять изъ своихъ округовъ шляющееся населеніе и даже въ необходимыхъ случаяхъ дѣлать за ними погоню въ сосѣднія территоріи[1]). Число преступленій въ странѣ увеличилось въ XVI ст. Уже со второй половины XV ст. въ Германіи происходитъ правовая и соціальная реформа, касавшаяся земледѣльческаго сословія и породившая массу недовольныхъ существующимъ порядкомъ. «Выбитые люди» не оказываютъ повиновенія законамъ и властямъ. Хотя въ первой половинѣ XV ст. мы встрѣчаемъ еще во многихъ мѣстностяхъ Германіи (Вестфаліи, Швабіи и на сѣверѣ Германіи) значительное число свободныхъ крестьянскихъ общинъ, но насажденіе римскихъ началъ легистами на германскую почву дало возможность господамъ обратить значительное число свободныхъ крестьянъ въ крѣпостныхъ. Римляне не знали ни свободныхъ земледѣльцевъ-собственниковъ, ни вѣчныхъ арендаторовъ. Въ римскомъ государствѣ землю воздѣлывали рабы и колоны. Легисты уравняли германскихъ арендаторовъ, «Erbpächter», съ рабами и колонами. Римское понятіе «precarium»'а, замѣнившее германское понятіе «Meiergüter», продолжало господствовать до половины XVIII ст. Со времени Констанцскаго собора введеніе римскаго права уничтожило старыя германскія права и обычаи. Народная жизнь регулируется юристами, проникнувшимися духомъ римскаго права, но не понимавшими народныхъ отношеній. Увеличившаяся роскошь правителей и дворянства въ XV ст. тяжело отзывается на хозяйствѣ сельскаго населенія. Дворянство для удовлетворенія потребностей не только налагаетъ тяжелыя подати на своихъ крѣпостныхъ, но и всѣми силами стремится уничтожить самостоятельность свободныхъ крестьянъ. «Всѣ тяжести и повинности, которыя налагали на крестьянъ крупные и мелкіе помѣщики, «Gewaltshaber», благодаря рецепціи римскаго права въ Германіи, настолько же угнетали и разоряли сельское населеніе, насколько и тѣ безпрестанныя войны и раздоры, которые вели между собой феодальные господа въ XV ст.»[2]).

---

[1]) H. Zachariä, deutsches Staats-und-Bundesrecht Th. II. S. 298.
[2]) Sugenheim, Id. S. 363.

Задачу организаціи внутренняго юридическаго строя продолжалъ и преемникъ Максимиліана I, Карлъ V. На сеймѣ 1521 г. Карлъ V высказалъ желаніе устроить, «in Aufnehmen bringen», «gute Regiment, Fried, Recht, auch gute Ordnung und Polizey, darauff dann als Grundfesten alle Reich und Gewalt ruhen»[1]). На сеймѣ въ Регенсбургѣ (1532 г.), созванномъ Карломъ V, императоръ выражаетъ: «Kayserlichen gnädigen Gemüth, Neigung und Begierd» уничтожить «Irrung und Zwyspalt Unsers Heiligen Christlichen Glaubens, Wiederstand des grausamen Vorhabens des Türcken». Кромѣ того, сеймъ долженъ имѣть въ виду «die Erhaltung Friedens, Rechtens, guter Polizey und Wolfahrt derselben Teutschen Nation»[2]). Въ особенности на этомъ сеймѣ было обращено вниманіе на уничтоженіе частныхъ правъ и привиллегій, находившихся въ противорѣчіи съ общегосударственными. «Privilegia, Freiheit, Herkommen, Büdnuss und Pflichte... die in einige Weise wieder diesen unsern Frieden seyn», не будутъ имѣть силы и значенія, и «dass sich niemands, von was Würden, Stand oder Wesen der sey, wieder diesen Frieden und Gebot, durch solche Gnad, Freyheit, Herkommen oder Verbündnuss sich schützen, schirmen oder verantworten soll und mag, in keine Weiss»[3]).

Крестьянская война, начавшись въ XV ст., вызываетъ цѣлый рядъ преступленій. Причины къ нарушенію мира возрастали. Положеніе крестьянскаго сословія ухудшилось послѣ окончанія войны. Сеймъ 1526 г. возложилъ обязанность на князей и имперскихъ чиновъ силою уничтожать «Empörung, Auffstand und Ungehorsam von den Unterthanen gegen ihren Oberkeiten»[4]). Паденіе ленной системы, изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія, новая система военной службы, дали возможность дворянству заняться хозяйствомъ въ своихъ имѣніяхъ, къ которымъ присоединялись все болѣе и болѣе земли мелкихъ земельныхъ собственниковъ.

[1]) Römischer Königlicher Regiment 1521.

[2]) R. A. 1532.

[3]) R. A. 1493. t. XI; R. A. 1521. t. XVIII; 1548. t. XXVIII.

[4]) Tit. 2; Sartorius (Versuch einer Geschichte des deutschen Bauernkriegs S. 73) приводитъ отвѣтъ возмутившихся крестьянъ Швабіи и Франконіи, которые требуютъ, чтобы власти, «Obrigkeiten», управляли подчиненными такъ, какъ требуетъ евангеліе.

Крестьянскія возмущенія быстро распространялись. Угрозы законодателя не въ силахъ были привести нарушителей мира къ повиновенію. Издается рядъ законовъ и инструкцій, содержаніе которыхъ было одно и то-же: «Zum andern, als sich verschiedener Jahr erschreckliche, unerhörete und unchristliche Empörung der Unterthanen fast an allen Orten Ober-Teutscher Nation gegen der Ober- und-Erbarkeit begeben und entstanden, zu mercklichem Christlichen Bluts vergiessen, auch verheeren und verderben Land und Leut, derhalben dann ihr Kayserl. Majestät, in Jhrer zu diesem Reichs-Tag gefertigten Instruction mit ausdrücklichen Worten, insonder gewolt und befohlen hat, ernstlichs Einsehens zu haben, damit künfftiglich dergleichen Auffruhr und Empörung der Unterthanen verhütet und fürkommen werden möchten»[1]).

Зачинщики возстанія и ихъ сообщники «auch andere dergleichen Misshändler und Uebelthäter», пренебрегая оказываемыми имъ уступками и милостью, не выполняли присяги и обязанности, «Pflicht und Eid», не нарушать мира и порядка[2]). Изданный въ 1530 г. въ Шпейерѣ полицейскій уставъ, «Reformation guter Polizey», не достигалъ цѣли: «das Wohl der bürgelichen Gesellschaft zu erfordern». Нарушенія мира и порядка продолжались. Поэтому, въ 1541 г. Императоръ созываетъ сеймъ въ Регенсбургѣ: «Befehl und Gewalt haben solche Ordnung und Polizey zu bessern und nach Gelegenheit zu ändern... solche in dem Heiligen Reich zu publiciren und zu verkünden, damit dem allenthalben gelebt und nachkommen werde»[3]). Собравшійся въ 1548 году сеймъ въ Аугсбургѣ имѣлъ своею задачею снова укрѣпить и возстановить «gemeinen Frieden, Wohlfahrt und die Erhaltung beständiger Einigkeit und Friedens»[4]). Улучшеніе и укрѣпленіе мира должно состоять въ томъ, «dass von Zeit dieser Verkündigung niemands, wess Würden, Stands oder Wesens der sey, um keinerley Ursachen willen, wie die Namen haben möchten, auch in was gesuchtem

---

[1]) R. A. 1526. t. 5.
[2]) R. A. 1530. t. 92.
[3]) Tit. 77.
[4]) Tit. 1.

Schein das geschehe, den andern bevehden, bekriegen, berauben, fahen, überziehen, belägern, noch einige verbottene Conspiration oder Bündnuss wider den andern aufrichten oder machen»[1]).

Во второй половинѣ XVI ст. увеличиваются причины къ нарушенію мира. возмущеніямъ и возстаніямъ. Нарушеніе мира и спокойствія вызывается религіозными спорами и распрями, раздѣлявшими народъ на два враждебные лагеря. Миру, спокойствію и цѣлости Свящ. имперіи, а также и германской націи угрожала большая опасность. Имперскія сословія помнили еще о гражданской войнѣ, вызванной религіозными спорами. Императоръ и имперскіе чины напрягаютъ всѣ усилія въ половинѣ XVI ст. къ поддержанію условій внутренней безопасности. Поэтому Карлъ V говоритъ: «So sind Wir nothwendig bewegt, den Sachen mit gnädigem Fleiss nachzudencken, damit das jenig, so also heilsamlich berathschlagt, zu allen Theilen bewilligt und angenommen, zu Wolfahrt und Auffnehmen der Teutschen Nation würcklich vollnzogen würde»[2]). Намѣреніе Карла V поддержать безопасность и внутреннее спокойствіе не могло быть вполнѣ осуществимо. Полицейскій уставъ Карла V во многихъ мѣстахъ не дѣйствовалъ, «in vergess gestellt». Рудольфъ II издаетъ новый пол. уставъ, дополненный «mit etlichen nothwendigen Zusätzen»[3]). Причины къ неурядицѣ обнаруживали свое дѣйствіе. Сѣмя раздора уже пустило корни. Государственный организмъ все болѣе и болѣе раздѣляется на два враждующихъ лагеря, что ясно выражается на имперскихъ сеймахъ. Необходимы были общія совѣщанія, которыя могли бы прекратить несогласія и причины къ раздорамъ[4]). Реформаціонное движеніе находило все больше и больше адептовъ, не смотря на строгое преслѣдованіе протестантовъ со стороны духовной власти: «item wer durch den ordentlichen geistliche Richter für eignen Ketzer erkant und dafür dem weltlichem Richter geantwort würd, der sol mit dem fewr von leben zum tod gestrafft werden»[5]). Въ эпоху Фердинанда I и Максимиліана II

[1]) Ib.

[2]) R. A. 1551.

[3]) R. A. 1577.

[4]) Koch, Einleitung in d. Geschichte R. Absch. S. 29.

[5]) Articulus in constitutione Carolina forte propter Protestantes omissus CXXX.

(1551 — 1576) религіозная вражда партій была сдерживаема. Обѣ партіи пользовались одинаковымъ покровительствомъ со стороны императоровъ, которые отличались любовью къ справедливости. Имперскій сеймъ 1555 года, желая обезпечить условія мира и спокойствія въ странѣ, выставилъ положеніе: «soll die streitige Religion nicht anders, dann durch Christliche, freundliche, friedliche Mittel und Wege, zu einhelligem Verstand und Vergleichung gebracht werden»[1]). Кромѣ того, восьмилѣтній миръ съ Турками далъ возможность государственной власти поддержать внутреннюю безопасность, которая была изрѣдка нарушаема злоупотребленіями бродячихъ ремесленниковъ.

Въ 1559 г. Фердинандъ созвалъ сеймъ въ Аугсбургѣ, знаменитыя положенія котораго свидѣтельствуютъ о заботливости этого монарха объ общемъ благѣ имперіи. Сеймъ, имѣя своею задачею укрѣпленіе въ странѣ мира и порядка, издаетъ цѣлый рядъ предписаній и уставовъ: «Münz-Ordnung», «Polizei-Ordnung» и другіе. Полицейскій уставъ явился дополненіемъ прежде изданныхъ уставовъ. Новый уставъ стремится урегулировать ненормальныя стороны въ средѣ ремесленнаго сословія. Стремленія Фердинанда I уничтожить причины религіозной вражды въ странѣ продолжалъ и его преемникъ, Максимиліанъ II, выбранный императоромъ на сеймѣ 1562 г. во Франкфуртѣ. Максимиліанъ II созываетъ въ Аугсбургѣ въ 1568 г. сеймъ, имѣвшій цѣлью затушить все болѣе и болѣе распространявшуюся въ имперіи религіозную вражду и укрѣпить спокойствіе и безопасность, «Ruhe und Sicherheit». На этомъ сеймѣ издается рядъ предписаній и уставовъ, послужившихъ съ теченіемъ времени залогомъ внутренней безопасности.

При сыновьяхъ Максимиліана II, Рудольфѣ и Матвѣѣ, всѣ провинціи были объяты религіозными спорами. Политическія распри усилили интензивность религіозной вражды. Въ это время зародилось и сѣмя будущей 30 лѣтней войны. Постановленія имперскихъ сеймовъ потеряли всякое значеніе, «fruchtlos geblieben». Сеймъ во Франкфуртѣ 1577 г. издаетъ «gebesserte Polizey-Ordnung», обѣщавшій принести «grossen

---

[1]) Art. 25.

Nutzen», но оставшійся безъ примѣненія. Причина, почему имперскіе пол. уставы, заключая въ себѣ удовлетворительные юридическіе нормы, оставались въ большинствѣ случаевъ мертвою буквой, заключалась въ томъ, что каждый имперскій князь или герцогъ въ силу своей власти могъ по своему усмотрѣнію въ предѣлахъ своей территоріи примѣнять или не примѣнять такихъ уставовъ[1]).

Хотя сеймы и собирались 1582 г. въ Аугсбургѣ, 1586 г. въ Вормсѣ, 1594 г. въ Регенсбургѣ, но сѣмя раздора все расло и расло, предвѣщая гибельныя послѣдствія для Германіи. Большая часть рѣшеній сейма 1594 г., равно какъ и рѣшенія, «Schlüsse», прежнихъ сеймовъ остались безъ послѣдствій. Военные успѣхи турокъ въ послѣднемъ десятилѣтіи XVI ст. и безпорядки въ Нидерландахъ увеличили число причинъ, которыя повергли Германію, обуреваемую внутренними безпорядками, въ бездну бѣдствій и безурядицъ, которыя въ началѣ XVII ст. возрастали со дня на день.

Принципъ: «nemo mutabit centenam sine consensu domini terrae», провозглашенный въ XIII ст., былъ принятъ и партикулярнымъ законодательствомъ. Князья, графы и герцоги начинаютъ съ XIII ст. издавать распоряженія, основанныя на томъ же принципѣ, который былъ направленъ въ пользу дворянства и рыцарства вообще. Крѣпостные, живя на землѣ рыцарей-земледѣльцевъ, стремятся покидать земли и поселиться въ городахъ ради пріобрѣтенія тамъ правъ гражданства. Крестьянская война XVI ст. сдѣлала положеніе крѣпостныхъ очень незавиднымъ. Грозные приказы имперскаго сейма, требовавшіе отъ всѣхъ князей и сословій принятія крутыхъ мѣръ, «zum strengsten gegen Ubertrettern ihnen unterworffenen Unterthanen, Hindersassen und Angehörigen», не прекращали народныхъ волненій[2]). «Мы увѣдомились», замѣчаетъ имперское

---

[1]) Koch, Einleitung S. 33: «In solcher Polizey-Ordnung sind sehr treffliche Gesetze enthalten, die aber bey der besondern Eigenschaft unsers Teutschen Staats-Cörpers, da ein jeder Reichs-Stand, krafft Landes-herrlichen Hoheit, in seinen Ländern dergleichen Sachen vor sich zu dirigiren verlangen mag, nicht leichte zu einer allgemeinen und dauerhafften Observantz gedeyhen können».

[2]) R. A. 1564. t. 28.

постановленіе, «что въ имперіи существуютъ «Plackereyen, verdächtiche Reytereyen, Raubereyen und Mord», отчего сильно страдаетъ «der gemeine Fried und Sicherheit»; поэтому мы просимъ, «dass ein jeder in seinen Gebieten und Oberkeiten auf solche Plackereyen, vedächtige Reutereyen und Raubereyen ein fleissigs ernstlichs Aufsehen haben und sich in allwege berührter Execution-Ordnung, in dem gemäss erzeigen und verhalten sollen»[1]). Крѣпостные, будучи преслѣдуемы на родинѣ, отправлялись бродить по странѣ. Они, не имѣя нигдѣ пріюта, производили безпорядки, а иногда возбуждали и мирное населеніе къ бунтамъ. Бродячій элементъ населенія учинялъ всюду, гдѣ могъ, «Unruhe, Empörungen, Aufruhr, Verderbern und Verheerungen der Land und Leut»[2]). Аугсбургскій сеймъ возложилъ обязанность на окружныхъ полковниковъ слѣдить за приходящими въ округъ солдатами, «fremb Kriegsvolck zu Ross oder zu Fuss, es wäre eintzig oder Rottenweiss». Обязанность строгаго надзора за бродячимъ людомъ возложена на «Churfürsten, Fürsten und anderer Stände», власти которыхъ должны были выдавать «einen guten Schein und Urkund»[3]) лицамъ, желавшимъ переходить изъ одного мѣста въ другое.

Власти, не принимающія мѣръ къ преслѣдованію и изгнанію бродячаго люда, подвергались наказанію, которое налагалось «Cammer-Gericht»'омъ[4]). Сословія и члены каждаго государства непосредственно обязаны были поддерживать усилія окружной полицейской власти при открытіи всѣхъ замысловъ, плановъ и предпріятій лицъ, отъ которыхъ происходитъ въ странѣ неспокойствіе. Полицейскія власти въ необходимыхъ случаяхъ немедленно должны были извѣщать начальниковъ округовъ о безпорядкахъ[5]). Сеймы часто напоминаютъ каждому владѣтельному герцогу или князю принуждать полицейскія власти своего государства дѣйствовать ради обезпеченія безопасности, слѣдить чрезъ частые обыски и патрули, «streifende Rotten», по улицамъ и дорогамъ за всѣми подозрительными и

---

[1]) R. A. 1557. t. 72.
[2]) R. A. 1555. tt. 34—38.
[3]) R. A. 1555. tt. 40. 49.
[4]) R. A. 1548. t. 24; 1555. t. 34.
[5]) R. A. Executions-Ordnung 1570. t. 60.

опасными людьми. Указы сеймовъ требуютъ изгонять изъ страны и округовъ всѣхъ, отъ кого можно ожидать нарушенія мира; если такія лица явятся вторично, то ихъ слѣдуетъ подвергать строгимъ наказаніямъ безъ суда и слѣдствія[1]). Бродячій людъ, производя въ странѣ разбои и убійства[2]), кромѣ того, при переходѣ изъ одного округа въ другой учинялъ еще, «bosshafftere Handlungen und Beschädigungen», чрезъ что и нарушалъ безпрестанно изданные мандаты[3]).

Всѣ нарушители мира нигдѣ не должны быть терпимы[4]). Никто не долженъ былъ оказывать имъ защиты. Со всѣми нарушителями мира слѣдуетъ поступать такъ, «какъ указы повелѣваютъ»[5]). Всякій, кто силою лишалъ другаго имущества, правъ, регалій, считался нарушителемъ мира. Къ категоріи послѣднихъ законодатель причислялъ и тѣхъ, кто своевольно лишалъ другихъ чести, права и свободы, кто наносилъ другому оскорбленіе или причинялъ безпокойство какимъ-либо образомъ[6]).

Рядомъ съ имперскими указами издаются указы и владѣтельными князьями. Тѣ и другіе имѣютъ цѣлью отнять возможность у нарушителей мира проявлять своевольство, угрожая имъ строгими наказаніями. Такъ въ «General-Verordnung»'ѣ Августа, герцога Саксонскаго, Перваго Маршала Свящ. имперіи, отъ 1555 г. сказано, что нарушители земскаго мира будутъ наказаны: «Land-Fried-Brecher seynd zu straffen»[7]). Наблюденіе же за нарушителями мира непосредственно возлагается на прелатовъ, графовъ, господъ, рыцарей, ландъ-фогтовъ, фогтовъ, управителей, сборщиковъ податей: «Vorstehern, Bürgermeistern, Räthen, derer Städte, Richtern, Schultheissen, Gemeinden, Unterthanen, Verwandten, Geistliches und weiltliches Standes, und sonsten ingemein, allen andern, so in unsern Landen ihren Enthalt und Gewerbe, auch sich sonst unsers Schutzes zu gebrau-

[1]) R. A. 1559. t. 34.
[2]) R. A. 1559. t. 22.
[3]) R. A. 1566. 1 іюня.
[4]) R. A. 1548. t. 2.
[5]) Ib. t. 20.
[6]) R. A. 1529. t. 10; 1545. t. 1; 1551. t. 92; 1555. t. 15.
[7]) Cod. Aug. Th. I.

chen». Всѣ грабители «Befeyder», должны быть наказаны смертью, «mit dem Schwerdt vom Leben zum Tode sollen gestraffet werden»[1]). Указы требуютъ, чтобы нарушители мира уходили въ другія страны. Власти обязаны всѣхъ подозрительныхъ людей хватать и сажать въ тюрьму, «zur Hafft bringen»[2]). Такъ какъ нарушители мира иногда скрывались въ лѣсахъ, то на мѣстныя власти возложена была обязанность «die Wälder wochentlich zwey mahl durchgehen»[3]).

Сельское населеніе, находясь подъ безконтрольной властью, «absolutum dominium», дворянства съ одной стороны, а съ другой—подвергаясь грабежамъ, разбоямъ бродячаго люда, увеличившагося въ XVI ст. въ значительныхъ размѣрахъ, не находитъ себѣ защиты при побѣгахъ и въ стѣны городовъ. Каждый рыцарь, дворянинъ, судья былъ полнымъ господиномъ на своей землѣ. Крестьянское населеніе несло не только тяжести, которыя были установлены закономъ или обычаемъ, но и всѣ тяжести, которыя по своему усмотрѣнію требовалъ господинъ. О безопасности и благосостояніи сельскаго населенія никто не заботился съ XVI ст. Главная забота крупныхъ поземельныхъ собственниковъ состояла въ томъ, чтобы крестьяне, живя на землѣ, платили всѣ требуемые налоги. Крестьяниномъ дорожили настолько, насколько обыкновенно дорожатъ рабочею силою. Обращеніе рыцарскаго и дворянскаго сословія, «Edellenten und Grundherren», съ земледѣльческимъ сословіемъ было въ высшей степени унизительнымъ, что и принуждало крестьянъ главнымъ образомъ къ уходамъ съ господскихъ земель. Земля, на которой жили крестьяне и на которую они, до окончанія крестьянской войны, имѣли право наслѣдственной аренды, переходитъ въ достояніе крупныхъ поземельныхъ собственниковъ[4]). Крупные поземельные собственники настаиваютъ предъ правительствомъ объ изданіи законовъ и предписаній, которые бы пре-

---

[1]) Ib. 1555. 1 окт. S. 53.

[2]) Ib. S. 54.

[3]) Ib.

[4]) «Weil hie in gemeldeten Ampt (Gifhorn) und sonst in unser Herzogs Franz Otten Fürstenthumb», гласитъ грамота отъ 1557 г., «gebräuchlich, wann der Guetherr oder Meiger verstirbt, dass dann der Hoff wieder empfangen wirdt». Gesenius, Meierrecht Th. I. S. 425.

кратили своевольные побѣги крестьянъ. Обязательная уплата повинностей и сборовъ, распространенная земельными собственниками на свободныхъ крестьянъ, приводила къ тому, что дворянство стало смотрѣть и на послѣднихъ, какъ на людей зависимыхъ, крѣпостныхъ.

Облагая крестьянъ законными и незаконными сборами, рыцарство напрягаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы крестьяне не покидали общинъ и господской земли. Ушедшій крѣпостной или сбѣжавшій не приносилъ пользы собственнику земли. Побѣги крестьянъ принимаютъ въ XVI ст. все большіе и большіе размѣры, что вызываетъ безчисленное число предписаній и указовъ, направленныхъ къ задержкѣ крѣпостныхъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они жили. Уходить съ земли господина имѣлъ право только тотъ, кто уплачивалъ денежный взносъ, «Abzugsgeld». Въ концѣ XVI ст. сборъ денегъ при уходѣ крестьянъ разсматривается правомъ господина земли. Полицейскій уставъ 1577 г. требуетъ, чтобы господа и вообще дворянство строго, «ernstlich», наблюдало за «ihren Hoffgesind und Diener»[1]), такъ какъ опытъ показалъ, что крѣпостные, уходя отъ своихъ господъ своевольно, «muthwilliger Weiss», занимаются всякаго рода безчинствами, «zu allerhand Empörungen, Vergadderungen und Aufwiglungen Ursacher sind»[2]). Поэтому не должны «keine Obrigkeit, noch derselben Unterthanen, des andern ausgetrettene Unterthanen hausen, herbergen... noch andere Weise enthalten»[3]). Имперское законодательство служило примѣромъ и для партикулярнаго.

Въ 1538 г. въ Бранденбургской маркѣ издается указъ, приказавшій не принимать крѣпостныхъ, которые, уйдя съ земель господскихъ, не представятъ отпускной грамоты, «Abzugsbrief», выданной господиномъ или его повѣреннымъ. «Мы увѣдомились», говоритъ указъ, «dass etliche Unterthanen der Praelaten undt der Rittershafft in die Stedte ziehen, undt ihre Guetter beschweren, sonderlich dass sie sonderlichen Nutz undt Renthe daraus nach sich ziehen, undt also die Guetter in Vorderb

[1]) R. A. 1577. t. IV.
[2]) R. A. 1555. t. 45.
[3]) Ib.

kommen, welches den Praelaten undt der Ritterschafft unleydlich und zu Vorderb reichendt, wollen Wir hiemit ernstlich, allen Unsern ernster Straff undt Ungnade befohlen haben, dass sie keinen für einen Burger oder Unterthanen einnehmen, er bringe den von seiner Herrschafft, darunter er hievorn gewohnet hat, Abzuges Brieff, undt dass er sich von ihme entbrochen undt mit Wissen undt Willen abgeschieden sey»[1]). Такія распоряженія повторяются, что до извѣстной степени показываетъ, что они не исполнялись. Крестьяне покидаютъ земли господъ въ надеждѣ, что въ городахъ они найдутъ лучшія условія для жизни. Постановленіе 1538 года повторено въ 1572 и въ 1602 г. отъ слова до слова[2]). Могли свободно уходить съ земель господскихъ только дѣти крѣпостныхъ, которыя не находили на родинѣ или въ имѣніи помѣщика работы: «Если крѣпостные», гласитъ «Landtages-Recess» отъ 1536 г., «имѣя дѣтей—и сами не нуждаясь въ ихъ работѣ, пожелаютъ, чтобы дѣти не оставались безъ работы, то обязаны сначала спросить своихъ господъ, не пожелаютъ ли они воспользоваться работою дѣтей за дешевую плату; если господа не нуждаются въ работѣ дѣтей, то родители могутъ по своему усмотрѣнію отдать дѣтей въ работу на сторону»[3]).

Не только своевольное лишеніе кого-либо свободы вообще, но и произвольное ограниченіе свободы передвиженія изъ одного мѣста въ другое, слѣдуетъ по мысли законодателя признать дѣйствіемъ противозаконнымъ, дѣяніемъ, нарушающимъ «gemeinen Land- Fried». Поэтому, германское право XVI ст., ограничивая свободу ухода навсегда изъ сельской общины, что находилось въ тѣсной связи съ крѣпостнымъ правомъ, зародившимся и развившимся въ средневѣковую эпоху, охраняетъ свободу временнаго перехода, свободу передвиженія для всѣхъ гражданъ изъ одного мѣста въ другое: «ein jeder Reichstand des andern Unterthanen, Geistlich und Weltlich, durch seine Fürstenthum, Landschafften, Graffschafften, Herrschafften, Obrigkeit und Gebiet, frey, sicher und unverhindert wandern, ziehen,

---

[1]) O. Mylius, Corp. Const. March. Landatgs-Recess 1538. VI. 5. 51.

[2]) Ib. V. 5. 110 и 161.

[3]) Ib. VI. 5. 36; Ib. 1511. V. 5. 219; Idem, Schoeplitz, Consuet. March. Revers von 1534. p. 401.

кратили своевольные побѣги крестьянъ. Обязательная уплата повинностей и сборовъ, распространенная земельными собственниками на свободныхъ крестьянъ, приводила къ тому, что дворянство стало смотрѣть и на послѣднихъ, какъ на людей зависимыхъ, крѣпостныхъ.

Облагая крестьянъ законными и незаконными сборами, рыцарство напрягаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы крестьяне не покидали общинъ и господской земли. Ушедшій крѣпостной или сбѣжавшій не приносилъ пользы собственнику земли. Побѣги крестьянъ принимаютъ въ XVI ст. все большіе и большіе размѣры, что вызываетъ безчисленное число предписаній и указовъ, направленныхъ къ задержкѣ крѣпостныхъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они жили. Уходить съ земли господина имѣлъ право только тотъ, кто уплачивалъ денежный взносъ, «Abzugsgeld». Въ концѣ XVI ст. сборъ денегъ при уходѣ крестьянъ разсматривается правомъ господина земли. Полицейскій уставъ 1577 г. требуетъ, чтобы господа и вообще дворянство строго, «ernstlich», наблюдало за «ihren Hoffgesind und Diener»[1]), такъ какъ опытъ показалъ, что крѣпостные, уходя отъ своихъ господъ своевольно, «muthwilliger Weiss», занимаются всякаго рода безчинствами, «zu allerhand Empörungen, Vergadderungen und Aufwiglungen Ursacher sind»[2]). Поэтому не должны «keine Obrigkeit, noch derselben Unterthanen, des andern ausgetrettene Unterthanen hausen, herbergen... noch andere Weise enthalten»[3]). Имперское законодательство служило примѣромъ и для партикулярнаго.

Въ 1538 г. въ Бранденбургской маркѣ издается указъ, приказавшій не принимать крѣпостныхъ, которые, уйдя съ земель господскихъ, не представятъ отпускной грамоты, «Abzugsbrief», выданной господиномъ или его повѣреннымъ. «Мы увѣдомились», говоритъ указъ, «dass etliche Unterthanen der Praelaten undt der Rittershafft in die Stedte ziehen, undt ihre Guetter beschweren, sonderlich dass sie sonderlichen Nutz undt Renthe daraus nach sich ziehen, undt also die Guetter in Vorderb

[1]) R. A. 1577. t. IV.
[2]) R. A. 1555. t. 45.
[3]) Ib.

kommen, welches den Praelaten undt der Ritterschafft unleydlich und zu Vorderb reichendt, wollen Wir hiemit ernstlich, allen Unsern ernster Straff undt Ungnade befohlen haben, dass sie keinen für einen Burger oder Unterthanen einnehmen, er bringe den von seiner Herrschafft, darunter er hievorn gewohnet hat, Abzuges Brieff. undt dass er sich von ihme entbrochen undt mit Wissen undt Willen abgeschieden sey»[1]). Такія распоряженія повторяются, что до извѣстной степени показываетъ, что они не исполнялись. Крестьяне покидаютъ земли господъ въ надеждѣ, что въ городахъ они найдутъ лучшія условія для жизни. Постановленіе 1538 года повторено въ 1572 и въ 1602 г. отъ слова до слова[2]). Могли свободно уходить съ земель господскихъ только дѣти крѣпостныхъ, которыя не находили на родинѣ или въ имѣніи помѣщика работы: «Если крѣпостные», гласитъ «Landtages-Recess» отъ 1536 г., «имѣя дѣтей—и сами не нуждаясь въ ихъ работѣ, пожелаютъ, чтобы дѣти не оставались безъ работы, то обязаны сначала спросить своихъ господъ, не пожелаютъ ли они воспользоваться работою дѣтей за дешевую плату; если господа не нуждаются въ работѣ дѣтей, то родители могутъ по своему усмотрѣнію отдать дѣтей въ работу на сторону»[3]).

Не только своевольное лишеніе кого-либо свободы вообще, но и произвольное ограниченіе свободы передвиженія изъ одного мѣста въ другое, слѣдуетъ по мысли законодателя признать дѣйствіемъ противозаконнымъ, дѣяніемъ, нарушающимъ «gemeinen Land- Fried». Поэтому, германское право XVI ст., ограничивая свободу ухода навсегда изъ сельской общины, что находилось въ тѣсной связи съ крѣпостнымъ правомъ, зародившимся и развившимся въ средневѣковую эпоху, охраняетъ свободу временнаго перехода, свободу передвиженія для всѣхъ гражданъ изъ одного мѣста въ другое: «ein jeder Reichstand des andern Unterthanen, Geistlich und Weltlich, durch seine Fürstenthum, Landschafften, Graffschafften, Herrschafften, Obrigkeit und Gebiet, frey, sicher und unverhindert wandern, ziehen,

[1]) O. Mylius, Corp. Const. March. Landatgs-Recess 1538. VI. 5. 51.

[2]) Ib. V. 5. 110 и 161.

[3]) Ib. VI. 5. 36; Ib. 1511. V. 5. 219; Idem, Schoeplitz, Consuet. March. Revers von 1534. p. 401.

und wäbern lassen soll»[1]). Этотъ принципъ старо-германскаго права, признававшій свободу и безопасность передвиженія для всѣхъ, не относился до крѣпостнаго сословія. Крѣпостной человѣкъ, уходя своевольно съ земли, гдѣ онъ жилъ, нарушалъ основной законъ, на которомъ покоились отношенія между дворянами—землевладѣльцами и крестьянами-земледѣльцами. Положеніе: «nemo mutabit centenam sine consensu domini terrae», нашло себѣ поддержку и въ легистахъ, убѣжденныхъ въ томъ, что крѣпостной человѣкъ не имѣетъ права свободно переходить изъ одного мѣста въ другое ни временно, ни навсегда безъ разрѣшенія своего господина или его представителя. Крѣпостныхъ, своевольно ушедшихъ изъ имѣнія землевладѣльца, никто не долженъ былъ скрывать или задерживать: «solche ausgetretene leichtfertige Drauer keine Freyheit schützen oder schirmen»[2]). Власти, не задержавшія ушедшаго своевольно крѣпостнаго, считались нарушителями мира[3]).

Къ числу нарушителей мира имперское законодательство относитъ не только крѣпостныхъ, уходившихъ своевольно съ земли господина навсегда, но и рабочихъ, уходившихъ своевольно отъ господина на время на сторону, гдѣ они надѣялись найдти работу. Экономическое и юридическое положеніе сельскаго населенія въ XVI ст. ухудшилось. Наслѣдственные арендаторы становятся временными; свободные земледѣльцы обращаются въ крѣпостныхъ, «Leibeigene»[4]). Возмущенія и возстанія крестьянъ, сопряженныя съ экономическимъ разстройствомъ хозяйствъ, не принесли ожидаемыхъ сельскимъ населеніемъ результатовъ. Попытка крѣпостныхъ свергнуть окрѣпшее иго не увѣнчалась успѣхомъ. Тяжести и налоги, налагаемые на крестьянъ, все болѣе и болѣе возрастали въ XVI ст. Кромѣ того, многіе свободные земледѣльцы утратили право на свободу (Вестфалія) въ концѣ XVI ст. благодаря толкованію и приложенію началъ римскаго права со стороны легистовъ. Тяжелое положеніе сельскаго населенія принуждаетъ его бѣжать съ родныхъ пепелищъ и искать работы на сторонѣ. Не находя работы

---

[1]) R. A. Landfrieden 1548. t. I.

[2]) R. A. 1548. t. XVI.

[3]) Ib. Cap. 4.

[4]) Kindlinger, Geschichte der deutschen Hörigkeit S. 717 ff.

на сторонѣ, этотъ классъ волей-неволей становился преступнымъ, прибѣгая къ всевозможнымъ нарушеніямъ закона. Вотъ почему уже въ рѣшеніи сейма 1495 г. и послѣдующихъ обращено важное вниманіе на «herrenlose reisige und Fussknechte». Приведемъ статью имперскаго сейма 1495 г., которая съ теченіемъ времени была дополнена. Имперское постановленіе 1495 г. гласитъ слѣдующее: «мы, будучи увѣдомлены, что въ странѣ находится много бродячихъ батраковъ, «raisig und Fuss-Knecht», изъ которыхъ одни не имѣютъ надъ собою никакихъ господъ, а другіе, нанявшись въ услуженіе къ господамъ, не являются на службу, пренебрегая закономъ и справедливостью, постановляемъ, утверждаемъ и приказываемъ, чтобы на будущее время такія лица не были терпимы въ Свящ. имперіи и повсюду, гдѣ они могутъ быть встрѣчены, должны быть арестованы, подвергнуты тщательному разспросу, строго наказаны за ихъ дурное поведеніе, все ихъ достояніе и имущество отобрано и въ необходимыхъ случаяхъ приведены къ присягѣ и отданы на поруки»[1]). Бродячій людъ, «herrenlose Knechte», «herrenloses Gesind», собираясь толпою и въ особенности—въ толпу многочисленную, готовъ всегда причинять «Nachtheil und Schaden, so viel möglich». Всѣ обязываются закономъ являться туда, гдѣ собралась толпа такихъ людей. Предводителей такой толпы законъ требуетъ забирать и подвергать «gebührlicher Straff»[2]). Этотъ воровской людъ, «Kriegsvolck», не страшился угрозъ[3]). Мирное населеніе не являлось на помощь властямъ при поимкѣ бродягъ, не смотря на то, что законъ грозилъ штрафомъ за неявку въ 40 марокъ[4]). Сельская община, организація управленія которой была разрушена, утратила характеръ союза, охранявшаго правовой порядокъ въ предѣлахъ своей территоріи. По мнѣнію государственной власти, самовольные уходы слугъ и рабочихъ на сторону слѣдуетъ признать дѣйствіями незаконными[5]). Переходы слугъ и рабо-

[1]) R. A. t. 7; 1521. t. XVI; 1548. t. XXIII.

[2]) R. A. 1548. t. XXIV.

[3]) 1555. t. 39; Exec.—Ordn. 1555. t. 20.

[4]) R. A. 1548. t. XXIV.

[5]) Sachsen-Spiegel. II. t. 32: «Прогонитъ господинъ слугу или позволитъ ему удти ранѣе срока, слуга долженъ заплатить сполна. Если же слуга оставитъ своевольно своего господина, то онъ обязанъ отдать господину болѣе, чѣмъ самъ отъ него получилъ».

чихъ съ одного мѣста на другое, какъ показалъ опытъ, часто служили причиною нарушенія мира. На обязанность «guter Policey» возлагается слѣдить за самовольными уходами слугъ. «Очень часто случается», говоритъ «Reformation guter Polizei» 1530 г., «что, во-первыхъ, одинъ хозяинъ преднамѣреннымъ образомъ переманиваетъ къ себѣ рабочихъ и слугъ, работающихъ у другаго, и, во-вторыхъ, сами рабочіе и прислуга по временамъ оставляютъ самовольно своихъ хозяевъ,— поэтому мы постановляемъ, что никто не долженъ принимать къ себѣ чужихъ рабочихъ и прислугу до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не представятъ свидѣтельства, удостовѣряющаго, что они отпущены своими хозяевами и господами добровольно и законно, «ehrlich»[1]). Эта статья была дополнена въ 1548 г. слѣдующимъ образомъ: «свидѣтельство должно быть выдано рабочему хозяиномъ или господиномъ; когда послѣдніе откажутъ рабочему выдать свидѣтельство, то онъ при двухъ свидѣтеляхъ можетъ настаивать въ выдачѣ послѣдняго, и если хозяинъ или господинъ еще разъ откажутъ въ выдачѣ свидѣтельства безъ достаточныхъ и уважительныхъ причинъ, то въ такомъ случаѣ мѣстная власть имѣетъ право, сдѣлавъ законное дознаніе, выдать такое свидѣтельство»[2]). То-же самое постановленіе мы встрѣчаемъ въ саксонскомъ правѣ: «Da sich auch ein Dienst-Bote unterstünde, ehe die Zeit seiner Miethe aus wäre, aus dem Dienste zu gehen, so soll ihnen bei Straffe 20 Gulden kein anderer annehmen, er bringe dann von dem jenigen, dem er aus dem Dienste gegangen, Kundschafften oder Passporten, wie er seinen Abschied genommen. Da auch demjenigen, deme er aus dem Dienste gegangen»[3]). Уходы рабочихъ и слугъ съ мѣста жительства туда, гдѣ работа была выгоднѣе, гдѣ трудъ выше оплачивался, не могутъ быть оправданы, по мнѣнію государственной власти. «Всякая мѣстная власть въ отношеніи слугъ», говоритъ имперское предписаніе[4]), «должна установлять соразмѣрную таксу для

[1]) R. A. 1530. t. XXXI.

[2]) R. A. Der Römisch-Kaiserlichen Majestät Ordnung und Reformation guter Polizey 1548. t. XXIV. § 1.

[3]) Codex Augusteus Edict. 1555. 1 окт. S. 65.

[4]) R. A. Der Römisch-Kaiserlichen Majestät Ordnung und Reformation guter Polizey 1548 г. t. XXIV. § 2; 1577. t. XXV. cap. 2.

рабочихъ, такъ какъ заработная плата увеличивается чрезъ нѣсколько лѣтъ въ различныхъ мѣстностяхъ различно. Поэтому, рабочіе и прислуга вообще не должны по своей волѣ оставлять хозяевъ и тѣмъ выказывать свое непослушаніе». Бродячіе рабочіе нигдѣ не должны быть терпимы, «sie sollen härtiglich gefragt und um ihr Misshandlung mit Ernst gestrafft werden»[1]). Carolina выставила положеніе, чтобы хозяева гостинницъ имѣли точное наблюденіе за всѣми подозрительными путешественниками и въ особенности за «Fussknecht»'ами, которые останавливаются у нихъ временно. Въ тѣхъ случаяхъ, когда «Fussknecht»'ы не представятъ удостовѣренія о своемъ честномъ и хорошемъ поведеніи, «redliche Dienst, Handthierung oder Gült», хозяева должны ихъ немедленно арестовать. Законодатель выставилъ и мотивъ къ аресту, который состоялъ въ томъ, что подобныя лица склонны къ вредной и опасной жизни, «verdächtig zu viel bösen Sachen und allermeist zu Rauberey». Воровской народъ нигдѣ не долженъ быть терпимъ, но повсюду, гдѣ бы онъ ни былъ встрѣченъ, долженъ быть арестованъ и подвергнутъ наказанію, «um ihre Misshändel mit Ernst straffen soll»[2]). Имперскому законодательству подражаютъ и партикулярные уставы. «Keiner», говоритъ саксонскій полицейскій уставъ, «soll eines andern reisigen Knecht annehmen ohne Passport»[3]). «Er zeige», продолжаетъ этотъ эдиктъ, «zuvor einen Passport, dass er von seinem nechsten Herrn mit Willen und ehrlich abgeschieden sei. Welches Passport ihme dann auch, da er sich in seinem Dienste treulich, fleissig und aufrichtig erzeiget, nicht soll geweigert oder vorenthalten werden»[4]). Отдѣльные князья и герцоги стремятся всѣми силами искоренить бродяжничество батраковъ. Курфюрстъ Бранденбургскій въ 1565 г. издаетъ приказъ слѣдующаго рода относительно «Landesknechte», «lose Buben»: «So sie vom Adel neben den Rawern auff sein, sie gefenglich einziehen, und da sie nicht starck genug, wie gewöhnlich an die Glocken schlagen, und dieselben mit hülf irer nachbarn in hafftunge bringen, damit sie

---

[1]) R. A. L.-Fr. 1495. § 1; L.-Fr. 1521. t. XV; L.-Fr. 1540. t. XXIII.
[2]) Carol. Quinti Const. Crimin. Art. XXXIX,
[3]) Cod. Augusteus, Ed. 1555 г. 1 окт. S. 64.
[4]) Ib.

also Friedbrecher an irem Leibe gestraffet werden»[1]). Бродячему люду, привыкшему нарушать повсюду миръ и безопасность, никто не долженъ былъ давать пріютъ. Всякій гражданинъ нѣмецкой націи обязанъ былъ по имперскимъ законамъ представлять нарушителей мира властямъ, «es soll auch sollich Thäter und Fridbrecher niemand hausen, herbergen, ätzen, trencken[2])... Fürschub thun in seiner Oberkeit, Eygenthum und Gebieten, sunder dieselben annehmen und zu jnen mit dem Ernst von Amtswegen richten»[3]), Бродяги, занимавшіеся разбоями по дорогамъ, должны быть подвергнуты смертной казни, «sollen am Leben gestrafft werden»[4]).

Къ бродячимъ батракамъ и бѣглымъ крѣпостнымъ по дорогамъ присоединялись и нищіе, готовые, по мнѣнію законодателя, всегда нарушать порядокъ и безопасность. Устои сельской общины рушатся. Послѣдняя утратила характеръ самостоятельной хозяйственной единицы. Съ конца среднихъ вѣковъ община стремится ограничить увеличеніе числа не только полноправныхъ членовъ, но и искавшихъ ея покровительства и защиты лицъ, которымъ ранѣе предоставлялась возможность пользоваться до извѣстной степени общинными угодьями. Сельская община какъ-бы замыкается, принимая форму привиллегированной корпораціи. Община прибѣгаетъ къ ограничительнымъ мѣрамъ въ этомъ направленіи потому, что съ одной стороны желаетъ дать возможность своимъ членамъ пользоваться всѣми удобствами и выгодами, связанными съ эксплуатаціей земли и угодій, а съ другой —не дозволить придти и поселиться въ общинѣ сельскому населенію, «выбитому изъ земли» и раззоренному войнами. Въ пріемѣ «гулящихъ людей», «Flüchtiger, Heimathloser» община не видѣла никакой для себя пользы. Всюду мы замѣчаемъ въ XVI и XVII ст. стремленіе сельской общины увеличить вкупныя деньги, «Einzugsgelder», Aufnahmegebühren»[5]), сдѣлать болѣе трудными условія пріобрѣтенія правъ члена общины. Пріобрѣтеніе такихъ правъ для новосела

[1]) Corp. Constit. March. V. 5. S. 1 ff.
[2]) L-Fr. 1495. t. 5; Carol. t. XL.
[3]) L.-Fr. 1521. t. VIII; L.-Fr. 1548. § 2.
[4]) Carol. Art. CXXVI.
[5]) Maurer, Dorfv. Bd. I. S. 177 ff.

влекло за собой отбываніе тяжелыхъ повинностей. Община стремится на новыхъ поселенцевъ наложить тяжести безъ соотвѣтственныхъ правъ[1]). Поселеніе и пріобрѣтеніе права члена общины связывается не только съ обязанностію имѣть жилище, но и съ заведеніемъ хозяйства, съ постройкою отдѣльнаго дома[2]). Община опредѣляетъ, что число полноправныхъ членовъ должно соотвѣтствовать извѣстному числу дворовъ, домовъ или хозяйствъ[3]). Полноправные члены общины, число которыхъ было ограниченнымъ, составили среди жителей общины привиллегированную корпорацію. Остальная масса жителей общины, не пользовавшаяся полноправіемъ и состоявшая изъ различныхъ классовъ обывателей, признается необщинниками, «Ungenossen», «Ungemeinder». Все увеличивающееся число неполноправныхъ, отбывавшихъ общинныя повинности наравнѣ съ полноправными членами, принудило ихъ образовать отдѣльную корпорацію. Какъ полноправные, такъ и неполноправные члены со времени реформаціи обязаны были уплачивать сборы ради удовлетворенія общественныхъ потребностей, а съ XVI ст., кромѣ того, по требованію имперскаго и территоріальнаго законодательства, тѣ и другіе были обязаны заботиться о бѣдныхъ, принадлежавшихъ къ общинѣ[4]). Забота о бѣдныхъ тяжело отзывалась на неполноправныхъ членахъ. Сельская община, лишившись самостоятельности при рѣшеніи хозяйственныхъ вопросовъ и не пользуясь самоуправленіемъ, не въ силахъ была выполнить предписанія территоріальныхъ государей, издававшіяся относительно пропитанія бѣдныхъ[5]). Община пассивно относится къ навязанной ей обязанности кормить бѣдныхъ. 30-лѣтняя война раззорила сельское населеніе. Поэтому въ рѣшеніи сейма 1497 года было постановлено: «soll ain jede Oberkait der Bettler halb ernstliches Einsehen thun, damit niemands zu bettelen gestattet wird, der

---

[1]) Maurer, Dorfv. Bd. I. S. 205; Tiudicham, Id. S. 229.

[2]) Ib. Bd. I. S. 184.

[3]) Ib. Bd. I. S. 209 и 230.

[4]) Reformation guter Polizey 1530. tt. 3. 4. § 1.; R. P. O. 1477. t. 27. § I.

[5]) Баварія 1553, Пфальцъ 1562, Вюрцбургъ 1693, Шпейеръ 1722.

nit mit Schwachheit oder Geprechen seines Leibs beladen und des nit nottdürfftig sey»[1]). Дѣти нищихъ должны быть отбираемы отъ родителей и отдаваемы въ ученіе какому-либо ремеслу[2]). Нищіе продолжали нарушать миръ въ XVI ст. «Мы приказываемъ», говоритъ имперское полицейское предписаніе, «чтобы каждая власть имѣла строгій надзоръ за нищими и праздношатающимися, чтобы не позволяла никому заниматься нищенствомъ, исключая тѣхъ, которые голодаютъ благодаря тѣлесной слабости или поврежденій тѣла»[3]). Также возлагается на пол. власти, чтобы онѣ брали дѣтей нищихъ и пріучали ихъ къ работѣ, отдавая ремесленникамъ на обученіе или заставляя ихъ служить прислугою[4]). Пол. власти обязаны были смотрѣть за тѣмъ, чтобы каждый городъ и община сами кормили своихъ нищихъ и не позволяли просить милостыни въ своихъ предѣлахъ чужимъ нищимъ. Здоровые нищіе подвергались наказанію подобающимъ образомъ для страха и примѣра другимъ. Еслибы случилось, что городъ или община не въ силахъ были прокормить своихъ нищихъ, то власти пользовались правомъ выдавать свидѣтельство такимъ бѣднымъ для сбора милостыни въ другихъ городахъ и общинахъ. Власти города или деревни должны были выстроить богадѣльни, «Spitäler», подвергать ихъ ежегодно визитаціи и повѣрять отчеты управляющихъ. Богадѣльни «sollen zu Untherthaltung der nothdurfftigen Armen und zu gütigen barmhertzigen Sachen gekehrt und gebracht werden»[5]).

Имперскіе указы повторяются и отдѣльными владѣтельными князьями, которые видѣли въ странствующихъ нищихъ нарушителей мира и спокойствія: «jede Obrigkeit, Stadt, Commun, Kirchspiel soll ihre Armen versorgen»[6]). Нищіе должны «Erlaubniss Allmosen zu suchen bei der Obrigkeit erhalten».

---

[1]) R. A. 1497. t. 20.

[2]) R. A. 1498. t. 44; 1500. t. XXVII.

[3]) Carol. V. Constitutiones Criminales Art. XXXXI; Ordnung des Landfriedens Car. V zu Worms a. 1521. t. XXXIV. Къ такимъ лицамъ законъ причисляетъ: «Landfahrer», «Sänger», «Reimsprecher». Ib. t. XXXVIII.

[4]) R. A. 1500. t. XXVIII.

[5]) R. A. 1548. t. XXV. cap. 2.

[6]) Codex August. Edict. 1588. Leipzig. 1724.

«Auswärtige Better und Landstreicher», говоритъ этотъ эдиктъ, «sollen innerhalb. 6 Wochen sich gänzlich aus denen Sächs. Landen wenden, bei 3 Wochen lang Gefängniss sich hinfüro in diesen Landen des Bettelns gäntzlich enthalten»[1]). Указы о ловлѣ нищихъ и о прекращеніи нищенства въ Саксоніи повторяются въ XVI ст. очень часто, но цѣли не достигаютъ.

Въ 1565 г. курфюстъ Бранденбургскій издаетъ постановленіе слѣдующаго содержанія: «in Stedten, Flecken und Dörffern unsers Churfürstenthums zu betteln gentzlich soll verbotten sein und sollen die Obrigkeiten jedes Ort dieselben aus unsern Landen weisen, oder da sie nicht weichen wolten, mit Peitzschen ausstreichen lassen»[2]). Въ этомъ-же постановленіи указано слѣдующимъ образомъ поступать съ лицами, впавшими въ бѣдность благодаря физической слабости тѣла: «Mit andern Bettlern aber, so in unsern Landen gesessen und allda verarmet sein, soll es also gehalten werden, dass ein jede gemein in Stedten, Flecken und Dörffern, ire armen, die wegen irer gebrechlichkeit oder leibes schwachheit und aus not Ihren unterhalt zu suchen gedrungen, bey sich behalten, dieselben aus den gefellen der Gotteskasten und sonst durch tegliche Allmosen der Einwohner, ernehren lassen, auff das die Leute an andern örtern, von inen disfals unbeschwert bleiben mögen»[3]). Но уже въ 1574 г. и 1596 г. это постановленіе было снова возобновлено, гдѣ сказано, что каждая мѣстность должна кормить своихъ нищихъ, какъ она найдетъ удобнымъ[4]). Въ странѣ, гдѣ крѣпостное право угнетало сельское населеніе, гдѣ оно расширялось при помощи хитрости, обмана и силы, благосостояніе народной массы все болѣе и болѣе уменьшалось. Крестьянская война XVI ст. еще болѣе усилила страданіе сельскаго населенія. Крестьяне утратили и тѣ права, которыми они раньше обладали.

Къ числу нарушителей мира законъ причисляетъ и цыганъ, которые, начиная съ конца XV ст., подвергаются стро-

[1]) Ib.
[2]) Corpus Const. March. V. V. S. 1 ff.
[3]) Ibidem.
[4]) Ib. V. 5. S. 13; и V. 3. S. 25.

гой репрессіи. Законодательство какъ имперское, такъ и — отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, стремилось ограничить свободу передвиженія этой категоріи лицъ, подвергая ихъ всякаго рода стѣсненіямъ: «Der Ihnen, so sich Zigeuner nennen, und wider und für in die Landziehen etc... ist geratschlagt, nachdem man Anzeig hat, dass dieselben Erfarer, Ausspehet und Verkuntschaffter der Christen-Land sein, dass man denselben hinfüro in die Land zu ziehen nit gestatten noch leiden soll. Und solle das ain jede Oberkait auf Weiss und Weg gedencken, wie sollichs fürzukommen sey, und auf die nechst Versamlung der Jr. Gutbedunoken bringen, davon weiter zu handlen»[1]. Вообще законъ отрицательно относится къ свободѣ цыганъ и въ частности къ ихъ безопасности при передвиженіи[2]. «Churfürsten», «Fürsten» и «Ständen» не должны были цыганамъ, какъ измѣнникамъ, «Verräther», «durch ihre Land ziehen, handeln noch wandeln lassen»[3]. По рѣшенію сейма 1544 года всѣ цыгане должны быть изгнаны изъ страны въ продолженіи 3 мѣсяцевъ послѣ изданія полицейскаго устава этого-же года[4]. «Мы просимъ всѣхъ «Chur-Fürst»'овъ, «Fürst»'овъ и всѣ остальныя сословія»[5], говоритъ вышеупомянутое полицейское предписаніе, «не позволять ни переходить, ни странствовать по ихъ владѣніямъ цыганамъ, не смотря на представляемыя ими свидѣтельства, а также не доставлять имъ какихъ-либо средствъ для безопасности»[6]. Примѣру императора слѣдуютъ и отдѣльные владѣтельные князья. Саксонскій указъ гласитъ: «Wann dann, wie oben angezogen, die Reichs-Ordnungen und Abschiede klar vermügen, dass hinführo sich kein Zigeuner in heiligen Reich Teutscher Nation ferner finden lassen»[7]. Саксонскій Mandat 1590 г. говоритъ: «die Zigeuner im Lande nich dulden». Хотя цыгане и вторглись въ многія мѣстности нѣмецкой націи, «selbthätig eingedrungen werden», но не смотря на «einer oder mehr

---

[1] R. A. 1497. t. 21.
[2] R. A. 1498. t. 46; 1500. t. XXVIII.
[3] Reformation guter Polizey 1530. t. XXXV.
[4] R. A. 1544. t. 95.
[5] Ib. t. XXVII; 1577. t. XXVIII.
[6] R. A. 1544. t. XXVII; R. A. 1577. t. XXVIII.
[7] Cod. Aug. Mandat 1579. 10 сент. S. 1416.

offene Passwart», которые, «in den Reichs-Abschieden gäntzlich aufgehoben, cassirt und vernichet werden», должны быть немедленно прогнаны[1]: Цыгане какъ въ имперскихъ законахъ и полицейскихъ предписаніяхъ, такъ и въ законахъ и предписаніяхъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ называются «Kundschaffter», «Verräther», «Misshändler», «Freveler» etc.

Къ евреямъ имперское законодательство XVI ст. относится крайне подозрительно. Императоръ Свящ. имперіи считался покровителемъ и защитникомъ церкви, «defensor ecclesiarum et clericorum»; онъ обязанъ былъ охранять церковь отъ всѣхъ еретиковъ и нехристіанъ. Уже въ каролингскую эпоху евреи не пользовались тѣмъ покровительствомъ закона, какимъ пользовались христіане. Въ эпоху крестовыхъ походовъ евреи подвергаются гоненію. Церковь возлагаетъ обязанность на императоровъ искоренять евреевъ. Впервые защиту и покровительство евреямъ оказалъ Генрихъ IV. Послѣдній признаетъ евреевъ за покровительствуемый классъ, «besondere Knechte»: «Omnes et singuli Iudaei, degentes ubique per terras nostrae jurisdictioni subjectas, Christianae legis et imperii praerogativa, servi sunt nostrae Camerae speciales»[2]). Этотъ императоръ позволилъ евреямъ свободно заниматься торговлей, освободилъ ихъ отъ сбора пошлинъ и позволилъ имъ безопасно ѣздить по всей имперіи[3]). «Евреямъ», гласила конституція Генриха IV, «дозволяется свободно и безпрепятственно торговать во всей имперіи; они пользуются правомъ безпрепятственнаго и мирнаго проѣзда по всѣмъ дорогамъ безъ платы частныхъ пошлинъ»[4]). Фридрихъ II въ 1238 г. подтвердилъ грамоту Генриха IV для евреевъ, жившихъ въ Вѣнѣ. Нѣкоторые изъ папъ (Иннокентій III и Иннокентій IV) издаютъ буллы въ охрану евреевъ. Что императоръ могъ поступить съ евреями такъ, какъ ему было угодно, объ этомъ упоминаетъ въ 1462 г. маркгр. Брандебургскій, Альбрехтъ: «So ein Römischer Kaiser und König gekrönt wird, mag er den Juden allenthalben im Reich all ihr Gut

---

1) Ib. S. 1431.
2) Dipl. ap. Goldast. Const. Heinr. IV. imp. a. 1090. Tom. 2. p. 85.
3) Mascher, Id. S. 63.
4) Const. a. 1090. t. 2.

nehmen, dazu ihr Leben und sie tödten, bis auf ein Anzal der lützel seyen soll, zu einem Gedächtnuss»[1]).

За покровительство и защиту евреи платили императору спеціальные налоги, «Judensteuer». Евреи, считаясь по имперскому праву «infideles», не пользовались тѣми правами, какъ христіане. Хотя евреи не пріобрѣтали правъ гражданства въ городахъ и не имѣли права заниматься цеховыми промыслами[2]), но они могли жить въ городахъ, образуя особую корпорацію, «iniversitas judaeorum»[3]), постоянно и пріобрѣтать недвижимую собственность при опредѣленныхъ ограниченіяхъ. Церковное право во многомъ ограничивало права евреевъ. Въ числѣ правъ, предоставляемыхъ евреямъ съ XIII ст., слѣдуетъ упомянуть о правѣ выдавать деньги подъ проценты[4]). Такое право въ XV и XVI ст. вызывало среди народа постоянныя жалобы. Преслѣдованія евреевъ со стороны правительства мало помогали улучшенію экономическаго благосостоянія народной массы. Законъ предписываетъ строго слѣдить за евреями и за перемѣною ими мѣста жительства. Только тѣ изъ евреевъ не преслѣдовались, которые имѣли особое разрѣшеніе, «Regalia», отъ императоровъ Свящ. имперіи[5]). Всѣ остальные евреи, по мнѣнію законодателя, приносили громадный ущербъ населенію. Вотъ что мы читаемъ въ имперскомъ предписаніи 1548 г.: «Im Reich Teutscher Nation Juden, die wuchern und nicht allein auff hohe Verschreibung Bürgen und eigen Unterpfand, sondern auch auff raubliche und diebliche Güter leyhen, durch solchen Wucher sie das gemein, arm, nothdürfftig, unfürsichtig Volck, mehr dann jemands gnug rechnen kan, beschweren, jämmerlich und hoch verderben und die zu vielen bösen Thaten verursachen»[6]).

---

[1]) Eichhorn, R. G. Th. II. S. 422.

[2]) Schwäb. Landr. Art. 349.

[3]) Gierke, Id. Bd. 1. S. 337 ff.

[4]) «Dicti ducis institutionibus et destitutionibus in ducatu suo Austriae est parendum, et potest in terris suis omnibus tenere Iudaeos et usuarios publicos quos vulgus vocat Gewertschin sine imperii molestia et offensa». Eichhorn, R. G. Th. II S. 135. Привилегія для австрійскихъ евреевъ t. 10.

[5]) R. P. O. a. 1548. t. 20: «dass führohin niemand Juden anzunehmen, oder zu halten gestattet werden soll, dann denjenigen, die von Uns und dem h. Reich Regalia haben oder insonderheit derhalben privilegirt seynd».

[6]) Tit. XX.

Евреи многихъ поселянъ «beschweren, aussaugen und jämmerlich verderben und sie zu vielen bösen Thaten verursachen»[1]). О безопасности такихъ евреевъ полицейскія власти не должны были заботиться: «an kein Orth Sichercheit noch Geleydt haben». «Kein Jude», гласитъ саксонскій эдиктъ 1514 г., «soll in Chur.-Sächs.-Landen über benante Zeit ausser in Messen dulden»[2]). Вообще законодательство относится отрицательно къ евреямъ, привыкшимъ сбирать съ населенія высокіе проценты. «Строго воспрещается», «expresse sancitur», читаемъ мы въ постановленіи 1577 г., «евреямъ брать проценты болѣе пяти унцій; отнынѣ не имѣютъ значеніе тѣ статуты, которые дозволяли евреямъ необычайные проценты; хотя по статутамъ имперіи опредѣлено издавать законы въ отношеніи евреевъ, однако имъ нельзя позволять обходить, «eludere», законы имперіи»[3]).

V. Полицейская борьба германскихъ правительствъ съ нарушителями мира въ XVII и въ первой четверти XVIII ст.

Послѣ Регенсбургскаго сейма 1608 г. Германія раздѣлилась на два лагеря, получившихъ названіе евангелической уніи и католической лиги, которыя и повели между собой пагубную для страны тридцатилѣтнюю войну, «Land verderblichen dreyssig-jährigen Krieg». Пламя войны, распространившееся изъ Богеміи, повергло «Teutschland in den schrecklichsten Krieg». При Фердинандѣ II не было ни одного формальнаго сейма. Сперва религіозная ревность на пользу католической церкви императора Фердинанда II, потомъ попытка Фридриха V, курфюрста пфальцскаго, возвратить себѣ корону Богеміи отъ императора, далѣе отнятіе силою отъ протестантскихъ князей земель, конфискованныхъ ими отъ церкви, и наконецъ, вторженіе въ страну Густава Адольфа, на сторону котораго перешли всѣ протестантскіе князья, усилили бѣдствія междоусобицы. Въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ гг. XVII ст. вся

[1]) R. A. 1530. t. XXVII; R. A. 1577. t. XX.

[2]) Cod. Aug. S. 68.

[3]) Wehner, Observ. pract. s. v. Gewohnheit Nro. 1. s. v. Ordn. polit. a. 1577. t. 20.

Германія ожидала прежняго мира и продолжительнаго спокойствія, «ehemalige Ruhe und einen dauernhafften Frieden», о которыхъ никто раньше не думалъ; вся страна была наполнена всякаго рода изувѣрствами, «Plackereien»[1]). Указы имперскіе и мѣстныхъ владѣтельныхъ князей объ искорененіи «schädliche und friedbrüchige Leute», со стороны властей, «Haupt- und Amptleute, auch die von Adel und Schulzverwandten», оставлялись безъ вниманія[2]); нарушители мира часто находили пріютъ и въ самихъ «Aemptern и Gebiethen», а иногда и въ «offenen Flecken und Dörffern»[3]). Имперскіе указы и партикулярные противъ «Strassen-Raubes und Plackerei», желавшіе обезпечить безопасность путешествующихъ «sicher wandeln und reisen» оставлялись безъ вниманія, «fast in Vergessen gestellt werden», какъ со стороны графовъ, господъ, такъ и стороны бюргермейстеровъ, судей и старостъ общинъ, послѣдствіемъ чего было: «Herrenloses, verdachtiges Gesindel zu Ross und Fuss, hin und wider in unsern Churfürstenthum und Landen sich zusammen rottet, allerlei hochstraflichen Muthwillens, Plackerei und anderer Thätligkeiten, nicht allein auf denen Gräntzen, sondern wol mitten im Lande, ja in Städten und Herbrigen, in viel Wege sich unterstehet und Strassen unsicher machet wird»... «Поэтому», продолжаетъ эдиктъ, «всѣхъ подозрительныхъ батраковъ, ѣдущихъ или ѣдущихъ, слѣдуетъ ловить, гнаться за ними быстро по пятамъ, преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока они не будутъ пойманы, подвергнуть аресту и предать ихъ подобающему наказанію»[4]).

Пражскій миръ 1635 г. не успокоилъ страны, не смотря на то, что Богемія была покорена власти императора, «mit dem Schwert wieder unter seine Gewalt gebracht wird»[5]). При заключеніи этого мира не участвовали многіе нѣмецкіе князья. Шведы, не оставляя страны, удержали многихъ князей явиться на сеймъ 1635 года. При заключеніи Пражскаго договора императоръ былъ озабоченъ: «wie und auf was Masse doch ein Chrislicher, allgemeiner, erbarer, billicher und sicherer

---

[1]) Cod. Aug. Patent 1621. 15 дек.

[2]) Ib.

[3]) Ib. S. 1496.

[4]) Cod. Aug. 1613. 1614. S. 1496.

[5]) Ferdinands II erneuerte L.-Ordn. von Böhmen a. 1627.

Friede in dem Heil. Röm. Reich wieder auffgerichtet und dasselbe, nach so vielen lang-gewärten Kriegen, und darüber ausgestandenem Elend, Noth und Zerstörung erquicket, der Blutstürtzung einstehen ein Ende gemacht und das geliebte Vaterland der Hoch edlen Teutschen Nation vom endlichen Untergang erretet werden möchte»[1]).

Попытки Фердинанда III установить въ странѣ миръ, «Ruhe und Frieden im Teutschen Reich wieder herzustellen» увѣнчались успѣхомъ только въ 1648 году. Въ этомъ году былъ заключенъ «der allgemeine Friede», названный Вестфальскимъ, который прекратилъ болѣе, чѣмъ сорокалѣтнюю войну, и который далъ возможность раззоренной Германіи возстановить прежнее благосостояніе, «den vorigen Wohlstand». Вестфальскій миръ, обезпечивая условія внѣшней и внутренней безопасности[2]), стремится лишить возможности каждое государство имперіи осуществлять, «persequi», свое право силою, «vi vel armis»[3]). Вестфальскій миръ съ Швеціею и Оснабрюкскій съ Франціею слѣдуетъ считать основными законами имперіи, «Haupt-Grund-Gesetze Teutschen Reichs-Staats», которые обезпечили внутреннюю свободу Германіи и отношеніе ея къ иностраннымъ государствамъ. Императоръ, при заключеніи Вестфальскаго договора, выражаетъ слѣдующее желаніе: «pacis et amicitiae cultura revirescat, reflorescat»[4]).

Какъ пражскій трактатъ, такъ и вестфальскій признали свободу вѣроисповѣданія, «freies. Exercitium», ради охраны религіознаго мира, нарушаемаго послѣ Аугсбургскаго религіознаго мира (1555 г.) нѣсколько разъ[5]). Положеніе Аугсбургскаго мира:[6]) «никто не долженъ принуждать другаго къ принятію своей религіи», до 1648 г. было мертвою буквой. Вестфальскій

---

[1]) Prager Frieden-Schluss t. 1.

[2]) Art. 16. 17; Art. 5. § 50.

[3]) Art. XVI. t. 17.

[4]) R. A. 1648. Art. 1.

[5]) R. A. 1635. tt. 23. 24. 25. 26.

[6]) R. A. zu Augspurg 1555. t. 23: «es soll auch kein Stand den andern, noch desselben Unterthanen zu seiner Religion dringen, abstracticiren, oder wider ihre Oberkeit in Schutz und Schirm nehmen, noch vertheydigen in keinen weg».

трактатъ имѣлъ своею цѣлью придать жизненность принципу свободы вѣроисповѣданія: «quod nemo alienos subditos ad suam Religionem pertrahere eaque causa in defensionem aut protectionem suscipere, illisque ulla ratione patrocinari debeat»[1]).

Въ эпоху тридцатилѣтней войны объ общихъ интересахъ имперіи не заботился никто. Единство государственной власти послѣ Вестфальскаго мира сдѣлалось фиктивнымъ. Послѣ 1648 г. Свящ. римская имперія окончательно распалась. Въ составъ имперіи входило 355 отдѣльныхъ, независимыхъ государствъ. Каждое государство живетъ и развивается самостоятельно. Представитель власти каждаго государства сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всѣ функціи государственной дѣятельности: законодательства, суда и управленія. Поднятый въ 1608 г. на Регенсбурскомъ сеймѣ вопросъ: «должны-ли князья и имперскіе чины подчиняться тѣмъ предложеніямъ, которыя императоръ внесъ въ имперскій сеймъ» былъ рѣшенъ на сеймѣ 1654 г. отрицательно, что было подтверждено и въ капитуляріяхъ Карла VII.

Многіе очень важные вопросы, касавшіеся суда и управленія, не были рѣшены на Вестфальскомъ сеймѣ. Чрезъ 6 мѣсяцевъ послѣ ратификаціи Вестфальскаго мира былъ снова созванъ сеймъ, «ein allgemeiner Reichs-Tag», на которомъ кромѣ другихъ вопросовъ былъ рѣшенъ вопросъ объ организаціи юстиціи и полиціи, «Reformation des Polizey- und Justitz-Wesens». Организація новаго полицейскаго устава вызывалась причинами, породившими во всей имперіи массу нищихъ, бродягъ, разбойниковъ, воровъ, грабителей, которые сначала XVII ст. не давали покоя ни отдѣльной личности, ни государству. Война породила обѣдненіе населенія, которое выдѣлило огромный процентъ нарушителей мира и безопасности. Тридцатилѣтняя война разрушила въ конецъ благосостояніе низшихъ классовъ населенія и въ особенности крестьянъ. «Все то», говоритъ «Sugenheim», что перенесло сельское населеніе до тридцатилѣтней войны, можно приравнять къ уколу мухи по сравненію съ массою тѣхъ несчастій, которыя претерпѣло крестьянское населеніе Германіи во время войны»[2]). «Увы»! продолжаетъ выше-

---

[1]) R. A. 1648. Art. V. t. 30.
[2]) Id. S. 468.

упомянутый авторъ, «несчастье и раззоренье постигли бы того крестьянина, который въ эту страшную эпоху, когда священные законы имперіи безнаказанно попирались ежедневно всякимъ властелиномъ, осмѣлился бы сослаться ради защиты своихъ правъ на договоръ аренды или на старый обычай при спорѣ съ начальствомъ или территоріальнымъ царькомъ»[1]). Толпы солдатъ, переходя изъ одной области въ другую, уничтожали труды поселянъ, разбѣгавшихся по сторонамъ. Крупные землевладѣльцы и ихъ управители позволяли себѣ всякаго рода насилія надъ личностью земледѣльцевъ. Установившіяся послѣ войны отношенія представляли картину фактическаго угнетенія крестьянскаго сословія. Требованія положительнаго права, направляемыя въ охрану личности и имущества крестьянъ, на дѣлѣ оставались мертвою буквой.

Тридцатилѣтняя война привела почти къ полному порабощенію крестьянскаго сословія. Она, по словамъ Sugenheim'а[2]), создала слѣдующее за ней столѣтіе желѣзнаго деспотизма, столѣтіе, въ продолженіе котораго никто такъ не страдалъ, какъ сельское населеніе, фактически не знавшее правовой защиты. Крестьяне составляли податную силу, на которой существовало государство и поддерживались блескъ и праздность высшаго сословія; въ противуположность послѣднему крестьяне имѣли однѣ обязанности и почти никакихъ правъ. Съ эпохою тридцатилѣтней войны исчезли прежніе остатки свободнаго сельскаго населенія. Въ періодъ войны всѣ правовыя нормы, регулировавшія отношенія сильнаго къ слабому, покоились на произволѣ. «Солдатъ-командиръ господствовалъ безгранично, а также и тотъ, кто успѣвалъ заручиться его наказомъ»[3]).

Съ паденіемъ королевско-императорскаго авторитета территоріальная власть усилилась. Большая часть всѣхъ правъ и преимуществъ короля-императора какъ по отношенію къ населенію, такъ и—къ землѣ, сосредоточивается въ рукахъ королей, князей, герцоговъ и владѣтельныхъ особъ, («имъ-же нѣсть числа»). Земскіе чины послѣ 30-лѣтней войны дѣлаются пассив-

---

[1]) Id. S. 369.
[2]) Id. S. 274.
[3]) Id. S. 369.

ными исполнителями королевскихъ и княжескихъ предписаній. Войско даетъ силу территоріальной власти требовать безусловнаго послушанія своей волѣ, регулировавшей жизнь государственную и общественную. Территоріальные государи пріобрѣли права власти абсолютной, которая осуществляла свои цѣли чрезъ безусловно-подчиненную ей бюрократію и военную силу. Значеніе и вліяніе земскихъ чиновъ на общественныя дѣла исчезаютъ уже въ первыя десятилѣтія послѣ Вестфальскаго мира. Всѣ владѣтельные князья въ силу своей «landesfürstl. Hoheit und Obrigkeit», названной юристами «superioritas territorialis», «jus territorii», не придаютъ значенія ни голосу земскихъ чиновъ, ни нуждамъ подданныхъ, жалобы которыхъ въ «Cammergericht и Reichshofrath» на несправедливыя постановленія владѣтельныхъ князей остаются безъ всякихъ послѣдствій. Союзъ 1671 г., заключенный курфюрстами Баваріи, Бранденбурга и Кёльна, гласитъ: «земскіе чины и подданные обязаны впредь платить всѣ подати и повинности, которыя будутъ налагаться; всѣ привиллегіи въ отношеніи уплаты податей уничтожаются»[1]).

Въ XVII ст. начинаетъ проявляться во всемъ своемъ величіи собственное благоусмотрѣніе князей, доходящее до произвола. Сильнымъ князьямъ подражали мелкіе. Каждый владѣтельный герцогъ становился королемъ въ своихъ владѣніяхъ: «ich bin Kaiser in meinem Lande» — говоритъ Іоаннъ-Фридрихъ, герцогъ ганноверскій. Эти слова могли сказать всѣ «Gutsherren», «Dorfjunker», «Amleute», «Gerichtsschreiber», деспотизмъ которыхъ былъ болѣе страшнымъ и болѣе несноснымъ, чѣмъ произволъ какого-либо тирана. Всѣ послѣдствія произвола лежали тяжелымъ бременемъ на беззащитномъ въ юридическомъ смыслѣ крестьянскомъ сословіи. Даже Бранденбургскій великій курфюрстъ, считавшійся однимъ изъ лучшихъ владѣтельныхъ князей, подвергнулъ тюремному заключенію крестьянина, подавшаго жалобу на помѣщика, но не вполнѣ основательную, и прибавилъ, «дабы другіе отъ подобныхъ своевольныхъ жалобъ удержались»[2]). «Поэтому», говоритъ Sugenheim, «слѣдуетъ счи-

---

[1]) Pölitz, Jahrbücher der Gesch. u. Staatskund: 1833. Bd. II. S. 13.

[2]) Rabe, Sammlung preusisch. Gesetze und Verordnungen Bd. I. 1. S. 48. Landtagsrecess 1653. 23 іюля.

тать самымъ печальнымъ для крестьянскаго сословія Германіи столѣтіе, начавшееся со второй половины XVI ст. и кончившееся во второй—XVIII ст»[1]). 30-лѣтняя война нанесла окончательный ударъ и ремесленному сословію. Города были повержены въ пламя войны. Цеховый строй ремеселъ пришелъ въ упадокъ. Разрушеніе благосостоянія двухъ сословій, ремесленнаго и крестьянскаго, повлекло за собой обѣднѣніе народной массы. Число преступленій увеличилось. Нарушители мира вызываютъ цѣлый рядъ законовъ и распоряженій, направленныхъ къ установленію въ странѣ мира, спокойствія и безопасности, о чемъ думало и само населеніе, и нѣкоторые правители съ 20-хъ гг. XVII столѣтія.

На сеймѣ 1649 г. были подтверждены всѣ прежніе полицейскіе уставы, а также и «Executions-Ordnung». Съ этого времени многіе изъ владѣтельныхъ князей, сдѣлавшись самовластными государями, принимаютъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ поддержанію внутренняяо мира и спокойствія. Нарушителями мира въ XVII ст. въ территоріяхъ нѣмецкихъ государствъ признавалось по-преимуществу передвигающееся съ мѣста на мѣсто населеніе, искавшее работы. Полицейскія мѣры стремятся ограничить передвиженіе этого класса по-преимуществу, въ чемъ правительства и надѣялись найдти спасеніе.

а) Ограниченіе права передвиженія нарушителей мира.

Положеніе сельскаго населенія послѣ 30-лѣтней войны ухудшилось. «Absolutum dominium» землевладѣльцевъ - дворянъ, повелѣвавшихъ безмозглымъ стадомъ, «asinis imperantium», приводя въ раззореніе крѣпостныхъ, терпѣвшихъ большое зло отъ всякаго рода привиллегій дворянъ, «noble Jagdpassion der deutschen Landesväter und adeligen Grundherren», принуждало крестьянъ бросать свое хозяйство и идти на стороны искать заработковъ. Приказы нѣкоторыхъ королей, князей, герцоговъ: «die Unterthanen mit Geld-Bussen und neuerlichen Diensten nicht zu beschweren»[2]) мало приносили пользы. Города XVII ст. уже не принимаютъ крѣпостныхъ въ число согражданъ, опасаясь ихъ конкуренціи въ отношеніи цеховыхъ. Крѣпостные, уходя своевольно съ земли дворянъ-помѣщиковъ, не

---

[1]) Id. S. 374.

[2]) Corp. Const. Magdeb. Mandat. 1688 г. 13 марта. P. III. S. 379.

находили работы, что и принуждало ихъ производить нарушеніе мира и безопасности. Въ уходахъ крѣпостныхъ проявляется протестъ противъ притѣсненій дворянъ. «Dann leider»! говоритъ имперское постановленіе 1659 г.[1]), «jetziger Zeit fast insgemein gespüret wird», что подданные не оказываютъ ни почтенія, ни послушанія, ни вѣрности своимъ господамъ». Всѣ воззванія императора къ благородному рыцарству, чтобы оно не обременяло своихъ подданныхъ налогами, «Gebühr nicht zu beschweren, unbilligen Aufflagen und unleidentlichen Drangsallen nicht zu halten»[2]), чтобы дворяне заботливо думали о благѣ крестьянъ, «demnach solle von jedem der Ritterschaft mit allem Fleiss dahin gedacht werden... dass Obrigkeit und Unterthanen mit und neben einander in gutherzigem Verstand und wolthätigen Frieden verbleiben mögen»[3]), оставались мертвою буквою. Имперскія постановленія преслѣдуютъ бродячее населеніе; имперскіе указы напоминаютъ рыцарству не принимать рабочихъ, которые не представятъ свидѣтельства о своемъ поведеніи. «Deme nun hierauf zugleich auch Rath zu schaffen», читаемъ мы въ имперскомъ постановленіи 1659 года[4]), «soll keiner unter der Ritterschaft hinfüro einen reisigen Knecht, er habe dann seine gnugsame unverfälschte Passporten, dass er seinem vorigen Herrn ehrlich, treulich und wohl ausgedient, wie auch mit dessen gutem Wissen und Willen ehrlich abgeschieden, fürzulegen, in Diensten auffnehmen, sondern den, wo hieran einiger Mangel erscheint ab- und zu Richtigkeitmachung desselbe, vörderst, anweisen».

Рядомъ съ имперскимъ законодательствомъ развивается и партикулярное. Вотъ что говоритъ саксонскій мандатъ 1689 г.[5]), опубликованный «wegen des herrenlosen Gesindes»: «Мы приказываемъ, чтобы всѣ и каждый изъ нашихъ подданныхъ, которымъ изъявляемъ «Gruss, Gnade und geneigten Willen», старательно наблюдали за этими лицами, такъ какъ они, «hochst

---

[1]) Sammlung Ordnung. Röm. Kais. t. X.

[2]) Ib.

[3]) Ib.

[4]) Id. t. XVI. c. III.

[5]) Codex. Aug. 3 сент.

verdächtiges Volk», причиняютъ много зла, «viel grobe Insolenzien und Deuben». Вопреки изданнымъ прежде указамъ, нѣкоторые изъ помѣщиковъ и ихъ управляющихъ «gar um schnöden und schändlichen Geniesses Willen, oder unzeitiger Furcht aufnehmen, herbergen oder ihnen Oerther zum Campiren einräumen, und zu solcher Ende und weiter Fortkunft ordentliche vermeinte Passporte ertheilen». «Кромѣ того», продолжаетъ этотъ мандатъ, «мы приказываемъ «solche herumb-vagierende Gesinde durchaus nicht dulden». Этотъ мандатъ повторяетъ прежніе указы такого же рода «von Wort zu Wort»[1]). Мекленбургскій полицейскій уставъ воспрещаетъ принимать въ работы крѣпостныхъ, ушедшихъ съ земель своихъ господъ своевольно, а также и рабочихъ, которые оставили работы до опредѣленнаго срока. «Die wieder den Willen der Herrschaft vor geendigten Zeit aus dem Dienst gehen», продолжаетъ уставъ, «sollen von der Obrigkeit in Verhafft genommen und nach Beschaffenheit der Ursachen der Entweichung auf 8 Täge bis 4 Wochen mit Gefängniss-Strafe bey Wasser und Brodt beleget werden»[2]). Этотъ же уставъ, возобновляемый въ XVI и XVII ст. нѣсколько разъ, опредѣляетъ, что никто не долженъ ни оставлять работъ, ни быть принимаемымъ въ работы не въ опредѣленный обычаемъ срокъ; кромѣ того, нанимающійся въ работы обязанъ представить свидѣтельство о своемъ отпускѣ отъ прежняго господина или мѣстной власти[3]). «Soll hinführo», говоритъ алтенбургскій рескриптъ 1666 г., возобновленный въ 1724 г., «sowohl in Städten als Dörfern niemand ein inländisches Gesinde, es sey Knecht oder Magd, oder wie es nach Unterschied derer Dienste genennt werden mag, in Dienste nehmen, wenn dasselbe nicht von seiner vorigen Herrschaft, im Fall es bereits gedienet, oder, da solches nicht

---

[1]) «Spitz-Buben etc... sollen ernstlich nachgetrachtet, so man zur Haft bringet, nach Befindung dero Verbrechen gestraffet werden». Fürstl.-Sächs. L.-Ordn. 1666. Cap. IV. t. XXIII. S. 263. Gotha. 1695; Altenb. L.-Ordn. Cap. IV. t. XXIII. S. 315. Altenb. 1750.

[2]) Repertorium juris Mecklenburgici entwörfen von J. H. Spalding. Die Polizey- und- Land-Ordnung de a. 1572. S. 12. Güstrow. 1781. Партикулярные полицейскіе уставы т. наз. Landesordnungen составлялись по образцу имперскихъ. Eichhorn, R. G. Th. IV. § 500.

[3]) Id. § 61. Von Dienst-Bothen.

geschehen, von der Obrigkeit des Orts, da es gebohren oder sich hiebevor aufgehalten, ein hinlängliches Zeugniss ehrlichen Verhaltens halber, so jeder Herrschaft bey den Anzuge übergeben und so lange bis das Gesinde wieder abziehet, beybehalten werden soll, vorzubringen hat. Derjenige Dienst-Herr oder Frau aber so dergleichen Zeugniss nicht selbst austellen könten, haben solches von denen Gerichten selbigen Ort verfertigen zu lassen, welche ihnen dasselbe vor 3 Gr. zu ertheilen schuldig seyn sollen»[1]. «Никакой хозяинъ не долженъ на будущее время», читаемъ мы въ полицейскомъ уставѣ кн. Алтенбургъ, «принимать къ себѣ работника, не представившаго свидѣтельства отъ господина, у котораго работникъ передъ тѣмъ служилъ; за нарушеніе сего правила виновный подвергается штрафу»[2]. Въ нѣкоторыхъ полицейскихъ уставахъ XVII ст. были указаны точно сроки, въ которые рабочіе могли оставлять одного хозяина и переходить къ другому; въ другихъ же —срокъ опредѣлялся обычаемъ. «Die Ackerknechte», читаемъ мы въ падерборнскомъ полицейскомъ уставѣ 1655 г., «sollen auf ein Jahr, nämlich von Petri bis Petre angenommen werden, weil es sonsten, wann um Michaelis dieselbe in begriffener Wintersaat ihre Dienste zu ändern pflegen, viel Ungelegenheit verursachet»[3], «Soll niemand», гласитъ мекленбургскій полицейскій уставъ, «in- oder ausserhalb der gewöhnlichen Miethe-Zeit in Dienst nehmen, ohne dass ihm Schein und Kundschaft des redlichen Verhaltens und Abschieds von der vorigen Herrschaft oder des Orts Obrigkeit produciret worden»[4]. Такія же постановленія издаются и прочими нѣмецкими князьями. Имитація при составленіи полиц. уставовъ играла часто немаловажную роль. «Darum», гласитъ «Derer Herrn Fürsten zu Anhalt

---

[1] *Sammlung* verschiedener von Zeit der publicirten Landes-Ordnungen des Fürstenthums Altenburg ergangener und zu solcher gehöriger Gesetze, Verordnungen, Rescripten. Изд. Prof. Scheiter'a 1750. Allmoser-Ordnung de anno 1724. cap. II. S. 497.

[2] Sammlung Alten. L.-Ordn. 1666 г. Th. II. cap. III. t. XLIV. S. 261. Gotha. 1695.

[3] Hochfürstlich-Paderbornische Landes-Verordnungen Th. II. Polizey-Ordnung de a. 1655. S. 47. Paderborn 1785.

[4] Repert. juris Mecklenb. Pol.-Ordn. 1654. t. Von Dienst-Bothen. § 6.

erneuerte Landes- und Process-Ordnung» отъ 1666 года, «soll auch kein Gesinde, sonderlich reisige Knechte angenommen werden, er oder sie bringen dann zuvor Bericht, Kündschaft und Passport, wie sich gegen ihren Herrn verhalten und von ihnen abgeschieden seynd»[1]).

Бродяжничество не прекращалось и послѣ 30-лѣтней войны. Бродячій людъ не прекращалъ производить безпорядки. Правительства нѣмецкихъ государствъ повторяютъ прежніе указы XVI ст., дополняя и измѣняя ихъ по содержанію. Существо полицейскихъ указовъ остается прежнимъ, что, напримѣръ, видно изъ полицейскаго устава княжества Ангальтъ, изданнаго въ 1666 году. Этотъ уставъ по существу сходенъ съ полицейскимъ уставомъ 1572 г., который «auch bishero in unsern Landen in üblichem Gebrauch gehalten worden»[2]). Полицейскіе уставы, не смотря на угрозы, которыя они содержали въ отношеніи бродячаго люда, не достигали своихъ цѣлей. Такъ въ саксонскомъ указѣ отъ 1696 г. прямо сказано, что прежнія постановленія[3]) не устрашаютъ бродячихъ батраковъ, которые продолжаютъ учинять всякаго рода безчинства. «Бродячіе рабочіе, группируясь», говоритъ мандатъ 1696 г., «отрядами и присоединяя къ себѣ всякаго рода праздный сбродъ, «müssiges Gesinde und lasterhaftes böses Volk», нападаютъ на мирное населеніе и надъ нимъ издѣваются, «übeltractiren»[4]). Бродячій людъ не внималъ голосу правительства, грозившаго арестомъ и изгнаніемъ: «Alle vagirende sollen arrestiret oder aus dem Lande getrieben werden.... und allein ihnen nirgends kein Auffenthalt gestattet werden»[5]). Если бродяга представлялъ какое-либо удостовѣреніе о личности, но оно казалось подозрительнымъ власти, то послѣдняя не должна была признавать токое удостовѣреніе дѣйствительнымъ: «für ungültig erklaret werden»[6]).

---

[1]) t. XXX. S. 76. Zu Gothen. 1743.

[2]) Derer Herrn Fürsten Anhalt eneuerte Landes und Process-Ordnung 1666 г. Zu Cothen. 1743.

[3]) Cod. Aug. S. 1700.

[4]) Ib. Mand. 1696 г. 3 февр. S. 1700.

[5]) Ib. Befehl. 1703 г. 27 авг.

[6]) Ib. Mand. 1689 г. 3 сент.

Правительства назначаютъ денежные штрафы, достигавшіе до 100 рейнскихъ гульденовъ, за укрывательство бродягъ, за выдачу имъ паспортовъ и даже за всякаго рода пособіе, на всѣхъ, начиная отъ прелатовъ и кончая сельскими старостами[1]). «Въ случаѣ если подобный людъ», гласитъ полицейскій уставъ, «представитъ подозрительный паспортъ, то послѣдній не слѣдуетъ признавать за дѣйствительный, «für ungültig erklaret werden»; за укрывательство бродягъ, за выдачу имъ паспортовъ и въ особенности за пособіе всѣ, начиная съ прелатовъ и кончая сельскими старостами, подвергаются штрафу въ 100 зол. рейнск. гульденовъ»[2]). При появленіи въ какомъ-либо мѣстѣ бродягъ законъ требуетъ ударять въ колоколъ или подавать иной знакъ для того, чтобы всѣ сосѣди, которые услышатъ или узнаютъ, могли какъ возможно скоро «mit dem nechsten und besten Gewehr und zwar nicht allein zu Fuss, sondern auch zu Ross zu versammeln und die zu Pferde ihnen schleunig fürzueilen, die Pässe, sonderlich bei denen Furthen, Brücken, Fehren etc. und denen von den Land-Strassen abgehenden Bei-und Schlupff-Wegen (welche bei jetzigen Zeiten an gefährlichen und verdächtigen Oerten nach bester Mögligkeit zu verschlagen, abzustechen, zu verhauen, oder ob wohl, als die Dörffer selbst mit Schlag-Bäumen zu verwahren sind) zu verlegen, oder ihnen sonst nachzusetzen, und sie bis zur Nach-Kunfft der Mannschafft zu Fuss zu Stande zu bringen und aufzuhalten, selbige darauf anzugreifen, was sich wiedersetzet, nieder zu schiessen oder zu schlagen, der übrigen, aber sich sonsten mit Abnahme alles dessen, was sie haben, zu bemächtigen, und dieselbe in die nechste Ambts- und andere Gerichte zu lieffern, allwo sie in wohl-verwahrte Gefängnüsse zu werffen, auch genau und umständlich zu examiniren»[3]). Тому, кто не будетъ выполнять вышеупомятутыхъ требованій, законъ грозилъ такъ: «Damit auch der Zweck umb so viel mehr erhalten, und dieser Unserer Verordnung desto stärklicher nachgelebet werde, so wollen Wir hiermit, was in der Landes-Ordnung de Anno 1555. Tit. Plackerey, verf. und welche etc. versehen, dass nehmlich diejenige, welche auf ergangenen Glocken-

[1]) Ib.
[2]) Ib.
[3]) Ib.

Schlag, Gerüffte, oder anders gegebenes Zeichen mit der Nachfolge säumig sind, das erste mahl in zwey neue Schocke Straffe verfallen, da es aber mehr geschehe, ihrer Güther verlustig seyn, oder sonst wider sie nach Gelegenheit des bezeigten Ungehorsams verfahren werden»[1]).

Бродячій людъ, занимаясь воровствомъ, грабежемъ и разбоемъ, не давалъ покоя ни частнымъ лицамъ, ни правительственнымъ учрежденіямъ даже въ началѣ XVIII ст. «Воровской народъ, «böses und räuberisches Vofk», говоритъ Mandat 1712 г.[2]), «часто нападаетъ на почту, употребляя оружіе». Правительство прибѣгаетъ къ строгимъ мѣрамъ ради обезпеченія безопасности въ странѣ. «Мы принуждены», замѣчаетъ мандатъ отъ 1711 г., «напомнить нашимъ вассаламъ и другимъ властямъ, «anderen Gerichts-Obrigkeiten», чтобы они прилежно, «mit behörigen Eyfer», наблюдали за гостинницами, шинками и другими мѣстами, которыя должны подвергаться визитаціи два раза въ недѣлю, «fleissig und scharff visitiren nicht zu gewissen Tagen und Stunden, sondern unvermerckt». «Wenn jemand», продолжаетъ мандатъ, «der keinen richtigen Pass vorzuzeigen hat und seines Thuns und Lassens auch ehrliche Handthierung halber beständige Ursachen nicht anzugeben wüste,.., selbiger alsofort feste gemachet und in Verhafft genommen, in das nechste Ambt gelieffert, und von dar von Ambte zu Ambte unverzüglich auf den Bestungs-Bau anhero gebracht werde»[3]). На укрывателей подобныхъ лицъ не только налагали штрафъ въ 20 тал., но и употребляли ихъ на 3 года въ казенныя работы, «Bestungs-Bau-- Arbeit». Власти за медленность, нерадѣніе и лѣность при розыскѣ такихъ лицъ подвергаются штрафу смотря по обстоятельствамъ отъ 300 до 400 талеровъ, изъ которыхъ доносчику отдается половина. Этотъ указъ заканчивался слѣдующимъ образомъ: «Wie Wir nun verhoffen, dass durch diese hierinnen und andere vorhin schon anbefohlene Anstalten dem Ubel werde können gesteuert, und mithin ein jeder im Lande vor der gleichen Räuberei- und Plackereyen gesichert werde». Но законодатель, какъ бы не надѣясь, что указъ будетъ точно

---

[1]) Ib.

[2]) Cod. Aug. 2 іюля. S. 1786.

[3]) Ib.

исполняться, дѣлаетъ въ заключеніе еще такое напоминаніе: «Also leben Wir zu allen und jeden obbenanmbten Unsern Vasallen, Beamten uud anderen Gerichts- Obrigkeiten, auch denen Unterthanen des gnädigsten Vertrauens Befehlen auch hiermit nochmahls ernstlich, dass sie so wohl zu ihrem eigenen Besten und Conservation ihres Leib- und Lebens, Haab und Gütere, hierunter allenthalben zu Erreichung der guten Absicht, das jhrige willigst thun und beytragen werden, als auch für denen hierinnen und vormahls, auf die Contravention gesetzen straffen, so Wir an denen, so hierwider zu handeln sich unterstehen möchten, unnachbleiblich exequiren, und von denselben eintreiben lassen wollen, *besten Fleisses* und vorsehen sollen». «Нападаютъ бродяги», замѣчаетъ мандатъ 1698 г., «не только ночью, но и днемъ на мельницы, требуя себѣ даромъ пить и ѣсть, кромѣ того, издѣваются надъ мельниками и ихъ прислугою, причиняя иногда насилія и убійства, «Mord und Todtschlag»[1]). Поэтому, мельники должны были принимать шляющихся подмастерьевъ, которые не имѣли законнаго вида, «keinen Abschied», чтобы не приводить ихъ къ остервенѣнію противъ себя. Указы требуютъ, чтобы путешествующіе подмастерья имѣли законный видъ, путешествовали подвое и довольствовались утромъ и вечеромъ добровольнымъ подаяніемъ; въ противномъ случаѣ и въ особенности, когда ни одинъ изъ подмастерьевъ не имѣетъ законнаго вида, «richtigen Abschied», слѣдуетъ ихъ представить мѣстной власти, «Amts-Gerichten des Orts»[2]).

Число бродячаго люда увеличивали отпущенные со службы солдаты, которыхъ города не только не принимали въ число своихъ гражданъ, но и не позволяли имъ временно селиться въ городской чертѣ. Многія правительства принуждаютъ властей города принимать солдатъ въ число членовъ города. Въ этомъ отношеніи является характернымъ саксонскій патентъ 1698 года. «Wir entschlossen», замѣчаетъ этотъ патентъ, «damit unsere Lande, sonderlich aber die Städte so vielmehr mit Einwohnern versehen werden mögen, diejenigen, welche in itzgemelten Unsern Landen und Städten sich häussl. oder sonst nieder zu

---

[1]) Ib.
[2]) Ib. Mand. 1696 г. 3 февр. S. 1700.

lassen und ehrliche Handthierung und Gewerbe zu treiben gemeinet, nicht allein willig auf- und annehmen, sondern auch denselben (abgedanckten Soldaten) Gnade, Schutz und Vorschub wiederfahren zu lassen». Правительство настаиваетъ, чтобы города отводили отпущеннымъ солдатамъ свободныя мѣста для постройки домовъ, освобождая ихъ отъ всѣхъ податей, «allen Oneribus»[1]), на 3 года. Наконецъ, саксонское правительство, убѣдившись, что бродяжничество приняло широкіе размѣры и грозитъ безопасности населенія, выставило требованіе, «чтобы всѣ, кто желаетъ путешествовать въ нашемъ княжествѣ, не останавливались на квартирѣ въ селеніяхъ, не ночевали и не кормили людей въ шинкахъ и харчевняхъ, находящихся въ мѣстечкахъ и деревняхъ, но чтобы всѣ путешественники старались останавливаться въ трактирахъ городовъ, гдѣ бы, получая ночлегъ и пропитаніе, могли дать основательный отвѣтъ о своей личности полиціи, если она ихъ не знаетъ», «und da er unbekannt auff Befragung der Obrigkeit derer Oerter, *wer er sey*, *guten gegründten Bescheid gebe*»[2]). Всѣхъ лицъ подозрительныхъ и «andere Uebelthäter», нарушавшихъ миръ, порядокъ и безопасность въ странѣ и причинявшихъ «armen Leuten mercklichen Schade und Verderb», законъ предписываетъ, подвергать аресту и штрафу, «gebührlich und mit Ernst strafen»[3]).

Неменьшую борьбу съ бродячимъ элементомъ населенія ведутъ и другія германскія государства[4]). Прусское правительство въ XVII ст. строго слѣдитъ за подозрительными людьми; оно, желая обезпечить въ странѣ миръ и въ особенности безопасность на дорогахъ, издаетъ рядъ полицейскихъ предписаній, изъ которыхъ болѣе подробнымъ и характернымъ, чѣмъ другія,

---

[1]) Ib. M. 1697 г. 14 янв. S. 1705.

[2]) Ib. 1680 г. 10 окт.

[3]) Ib. S. 57.

[4]) Курф. Пфальца хваталъ незаконныхъ дѣтей и бродягъ и поселялъ тѣхъ и другихъ на своихъ земляхъ, какъ крѣпостныхъ. Онъ желалъ распространить право ловли бродягъ и въ сосѣднихъ земляхъ, но изъ-за этого вышелъ большой споръ между нимъ и курф. Майнца. Какъ выработалось такое право ловли бродягъ, трудно по мнѣнію Häberlin'a объяснить. Handb. d. teutsch. Staatsrechts. Von streitigen Landeshoheitsrechten S. 169.

является полицейскій уставъ отъ 1688 года, который гласитъ: «Всѣ проѣзжающіе черезъ городъ или деревню подозрительныя лица обязаны по требованію власти предъявлять ихъ паспорты или же представлять удостовѣренія, кто они, куда и откуда ѣдутъ или идутъ? Всякій, кто окажется подозрительнымъ, долженъ быть задержанъ властями до тѣхъ поръ, пока онъ не уничтожитъ подозрѣнія чрезъ представленіе свидѣтельства»[1]). Нигдѣ не должны быть терпимы: «verdächtige Personen, herrenloses Gesinde, Müssiggänger»[2]). «Wir ordnen», продолжаетъ уставъ, «dass zufördest jeder Magistrat in die Stadt-Thore gewisse Leute bestellen, alle in die Stadt wollende fleissig befragen und keinen gesunden strarcken Bettler oder andere verdächtige Leute durch die Thore in die Stadt einlassen, sondern so fort abweisen sollen»[3]). Всѣ подозрительныя лица, имѣющія фальшивые документы, «falsche Bücher, Schrifften und Kundschafften», должны быть подвергнуты со стороны городскихъ властей, «fernerer Inquisition und gebührender exemplarischer Bestraffung». Строгость наказанія не прекращала въ странѣ бродяжничества. Бродячій людъ причинялъ много заботъ и самой власти, и населенію: «Inmassen allbereit in unserm Hertzogthumb Magdeburg unterschiedene Deuben und Räubereyen fürgegangen, und dergleichen Bossheit an andern Orten mehr ausgeübet seyn». Правительство, отечески оберегая безопасность всѣхъ подданныхъ, повелѣвало, чтобы всѣ и каждый изъ командующихъ офицеровъ при полкахъ и баталіонахъ подъ страхомъ смертной казни (Lebens-Straffe) смотрѣли за воровскимъ народомъ, «räuberisches Gesinde». Когда жители деревень гдѣ-либо замѣтятъ воровской народъ, собравшійся толпою, mit der zusammengerotteten Parthey», и ударятъ въ колоколъ, то господа офицеры должны идти на помощь. Ближайшія власти должны оказывать всевозможное содѣйствіе. Пойманныхъ воровъ слѣдуетъ немедленно предавать наказанію, «mit unnachlässiger Leib- und Lebens-Straffe», чтобы «andere dergleichen leichtfertige Gesellen sich daran spiegeln und vor solchen Unthaten Abscheu tragen»[4]).

[1]) Corp. Const. Magdeburg. Nov. Cap. IV. § 3. S. 10.
[2]) Ib. § 4.
[3]) Ib. Cap. XVII. § 1. S. 301.
[4]) Corp. Const. Magd. Nov. Edict. 1697 г. 23 ноябр. S. 468.

Грабежи и разбои со стороны бродягъ увеличивались, если въ ихъ среду попадали бѣглые или же отслужившіе срокъ солдаты: «Sollen alle und jede abgedanckte odere andere herrnlose Renter und Soldaten in unser Herzogthum.... es moge seyn, umb sich darin beständig oder auf eine zeitlang aufzuhalten, oder auch nur gerade durch zureisen, mit einem Pass oder sonst andern Beweiss versehen seyn, damit sie selbigen auf Erfordern fürzeigen können. Wer dergleichen Pass nicht hat und im Lande befunden wird, soll für vardächtig gehalten, und sofort in Verwahrung genommen und zu Erwerbung seines Unterhalts, wenn er selbst keine Mittel hat, zur Arbeit angewiesen werden, biss er darthut, wohin er gehöret, und warumb er sich nicht mit einem Pass versehen»[1]. Отпущенные солдаты должны были заявлять мѣстной власти, гдѣ они намѣревались остановиться, о своемъ имени, о своемъ занятіи и о времени, на которое они думали оставаться[2]. Если отпущенный солдатъ задумалъ переселиться изъ родной страны въ другую, то онъ долженъ былъ запастись особымъ свидѣтельствомъ; въ противномъ случаѣ онъ подвергался аресту[3]. Полицейскій уставъ отъ 1688 г., долженъ былъ дѣйствовать «biss zu Ausgang dieses Seculi». Этотъ уставъ былъ дополненъ въ 1698 г. двумя особыми инструкціями[4], которыя, какъ въ нихъ же сказано, изданы съ тою цѣлью, чтобы всѣ указы о бродягахъ выполнялись властями точно, «aufs genaueste»[5]. «Въ каждомъ мѣстѣ», говоритъ первая инструкція, «слѣдуетъ завести особую книгу, «Journal», по нижеслѣдующей формѣ: Всѣ путешествующія и остановившіяся въ мѣстности лица должны быть записаны въ книгу и въ особенности мимо проходящіе «abgedanckte und herrenlose Reuter и Soldaten» (§ 1). Всѣ подозрительныя лица арестуются или подвергаются строгому надзору, «wohl zu verwahren» (§ 3). Отъ путешествующихъ хозяева гостинницъ и постоялыхъ дворовъ обязаны спрашивать паспортъ, который выдается ради «der Reisenden Sicherheit». При выдачѣ паспортовъ от-

[1]) Ib. Mand. 1698 г. 4 мая. § 1. S. 474.
[2]) Ib. § 3.
[3]) Ib. § 4.
[4]) Ib. S. 477.
[5]) Ib. § 1.

ставнымъ офицерамъ слѣдуетъ брать 6 грошей, при выдачѣ паспортовъ рабочимъ, «gemeine Knechte», 3 гроша и при выдачѣ ихъ бѣднымъ, не имѣющимъ никакихъ средствъ, «kein Mittel und keine Sache», не слѣдуетъ брать ничего, «der Pass ohne Entgeld zu geben» (§ 4). Начальникамъ пол. учрежденій, выдающимъ паспортъ, напоминается имѣть строгій надзоръ «genaue Atuffsicht», за писцами, которые выдаютъ паспорты, чтобы они не учиняли хлопотъ, «Beschwerde», намѣревающимся путешествовать и ничего съ нихъ не требовали подъ предлогомъ приношеній, «noch unter praetext eines freywilligen Geshencks». Въ случаѣ злоупотребленій и начальники, и писцы подлежали отвѣтственности. При предъявленіи паспорта, его записывали въ вышеупомянутую книгу, при чемъ также записывали и примѣты личности, чтобы въ будущемъ въ случаѣ надобности, напр. если паспортъ будетъ затерянъ, можно было навести точную справку. За нерадивый надзоръ за подозрительными лицами власти подвергались отвѣтственности, «respondiren mit ihrem Haab und Gütern, ja Leib unb Leben» (§ 5) [1]).

Строгость прусскихъ указовъ не прекращала въ странѣ воровства и грабежей. Прочитывая указъ отъ 15 февраля

[1]) Содержаніе второй инструкціи мы приводимъ въ подлинникѣ: § 1 Also haben die Thorschreiber sich darnach zu achten und keinen ohne Pass passiren zu lassen: Gestalt sie dann. § 2. Die Passagirer oder Reisende in den Thoren so fort zu befragen: 1) Wie er heisse? 2) Ob er einen Pass habe, welcher darauf zu produciren und genaue anzusehen, ob er richtig? 3) Wem er gedienet und von welcher Handthierung er sey? 4) Woher er komme und wohin er gedencke? will er gerade durch? 5) Was er vor einen Weg nehmen werde? will er sich etwas allda auffhalten? 6) Bey wem er verbleiben und was seine Berrichtung seyn werde? § 3. Was nun der Passagier auff obige Fragen antworten wird, solches ist in ein absonderliches Buch nachfolgender massen zu zeichnen: Den Junii Anno 1698. Ist passiret NN. Mut. Kauffmann von NN; Mut. gedencket nach N; Mut. Hat zu N zuverrichten; Mut. Will sich zu auffhalten und bürgerliche Nahrung treiben; Mut. Ist eine lange Person von braunen Haaren etc. und was sie sonsten vor absonderliche Umbstände, vor Wagen, Pferden und dergleichen finden werden». Въ случаѣ представленія подозрительнаго документа писецъ долженъ заявить мѣстной власти, чтобы съ представившимъ паспортъ было поступлено по законамъ. Ib. S. 479.

1709 г. мы видимъ, что воровство и грабежи распространились не только въ деревняхъ и мѣстечкахъ, но и въ городахъ. Воровской народъ, собираясь толпами, «mit Rotten», производилъ «grossen Frevel, Gewalt, mördlichen Uberfall und ander Grausamkeiten», и сильно угрожалъ «der Sicherheit der menschlichen Societät»[1]).

Укрывателей такихъ лицъ законъ приказываетъ предавать смерти, если на нихъ не подѣйствуетъ работа въ крѣпостяхъ. «Ein jedweder», говоритъ мекленбургскій полицейскій уставъ, «er sey Gast-Wirth oder nicht, welcher selbige (Diebs- und Räuber-Gesindel), hauset und verbirget, soll mit eben der Strafe beleget werden, als die Diebe und Räuber selbst»[2]). Тѣмъ, кто откроетъ пристанище подозрительныхъ лицъ, воровъ и т. п., законодатель обѣщаетъ выдавать изъ имѣнія укрывателей хорошее вознагражденіе, «ansehnliche Belohnung», и не выдавать имени доносчика «Nahme dabey verschwiegen werden solle»[3]).

Не смотря на строгость указовъ, безопасность населенія не была твердо обезпечена. «Мы узнали», говоритъ Edict. 24 ноября 1710 г., «что воры, бродяги, нищіе, дезертиры «und dergleiche Gesinde» опять усилились и, переходя съ мѣста на мѣсто, производятъ всякаго рода злодѣйства, «Stehlen, Trügen und andern Bossheiten», которыя «bey itzigen der Contagion halber sehr gefährlichen Zeiten» особенно вредны»[4]). Поэтому, законъ постановляетъ, что всѣ такія личности, «ohne Gnade, Mann und Weibes Personen, Jung und Alt, auch diejenigen, so in ihrer Geselschafft sich finden lassen, gehencket und mit dem Strang vom Leben zum Tode gebracht werden sollen»[5]) Законодатель предвидитъ, что если всѣхъ подозрительныхъ забирать въ тюрьмы и производить надъ ними судъ, то и мѣста въ тюрьмахъ для нихъ не хватитъ[6]). Поэтому, власти на основаніи вышеупомянутаго эдикта, выслушавъ арестованныхъ о ихъ имени, возрастѣ, времени ихъ бродяжничества etc., должны

---

[1]) Corp. Const. Mag. Nov. S. 601.

[2]) Repertorium juris Mecklenburgici entworfen von Spalding. L.-Pol. Ordn. Tit. Rauberey § 3. Güstrow. 1781.

[3]) Corp. Const. Mag. Nov. Указъ 1709 г. сент. 15. S. 611.

[4]) Ib.

[5]) Ib. S. 626.

[6]) Ib. S. 626. § 3.

постановить скорый приговоръ, «Urtheil», и предать ихъ тотчасъ наказанію[1]). «На слѣдующій день», продолжаетъ указъ, «власти должны выслушать безъ дальнѣйшихъ разсужденій арестованнаго, кто онъ, какого возраста, долго-ли занимался бродяжничествомъ etc. и на основаніи этого указа, произнеся приговоръ, отправить на висилицу»[2]). Полиція обязуется дѣтей бродягъ до 16 лѣтъ «zu sich nehmen, mit gebührender Nothdurfft versorgen und insonderheit in der Furcht Gottes erziehen» и сдѣлать ихъ до смерти своими крѣпостными. Если власти не возьмутъ такихъ дѣтей къ себѣ, то ихъ слѣдуетъ отсылать «in unsern Zucht-Arbeits-und Spinn-Häusern» для обученія работамъ[3]). «Не смотря на прежніе указы», читаемъ мы въ предисловіи къ эдикту 1715 г. 26 іюля, «sich dennoch eine Zeithero starcke Banden dergleichen Land-Streicher, Spitzbuben und Gaudiebe, deren Anzahl bereits so weit angewachsen seyn»[4])... Скорый суммарный процессъ, направленный въ защиту безопасности путешествующихъ, не искоренилъ «бродячей сволочи». «Мы желаемъ, приказываемъ и повелѣваемъ этимъ эдиктомъ», продолжаетъ эдиктъ 1715 г.[5]), «чтобы въ будущемъ ни одинъ путешественникъ, будь то мущина или женщина, о званіи и состояніи котораго трудно судить по внѣшнему виду, не впускался въ предѣлы нашей страны и не пропускался ни чрезъ города, ни чрезъ крѣпости, исключая тѣ случаи, когда путешественникъ можетъ представить при посредствѣ паспорта легитимацію о своемъ пріѣздѣ, профессіи и намѣреніи предъ правительственными чиновниками и властями того мѣста, куда онъ прибылъ»[6]). Въ особенности слѣдуетъ требовать паспортъ отъ солдатъ и дезертировъ[7]). Хозяева гостинницъ и постоялыхъ дворовъ въ городахъ и деревняхъ должны въ тѣхъ случаяхъ, когда къ нимъ кто-либо пріѣдетъ, требовать предъявленія указанныхъ паспортовъ. Хозяева гостинницъ, просмотрѣвъ пас-

---

[1]) Ib. § 4.
[2]) § 5.
[3]) Ib. § 6.
[4]) Ib. S. 180.
[5]) Ib. S. 180.
[6]) Ib. S. 180. § 1.
[7]) Ib. Ed. 1716 г. 27 марта S. 215.

портъ при малѣйшемъ подозрѣніи обязаны давать знать мѣстной власти «bey hoher Straffe, auch bey entdeckter Collusion mit dem Frembden oder Reisenden, oder auch mit denen Spitzbuben, bey unausbleiblicher Leibes-Straffe»[1]). Для того, чтобы эдиктъ сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ жителямъ государства, законодатель обязалъ всѣхъ властей, также фискаловъ, «Fiscalischen-Bedienten» ревностно выполнять требованія эдикта, «und diese Unsere allergnädigste Willens Meynung, jeder ihren Orts zum Effect zu bringen; und damit dieses Unser öffentliches Edict überall bekandt werde, solches in denen Thoren, Schencken, Wirthshäusern, affigiren und anschlagen zu lassen»[2]). Чтобы лишить воровъ возможности заниматься своимъ ремесломъ, указы обязываютъ «Handwercker auffn Dörffern keine zur Dieberey dienliche Instrumenta verfertigen bey Leib-und Lebens Straffe»[3]).

И другіе князья слѣдуютъ примѣру Саксоніи и Пруссіи, издавая массу законовъ, распоряженій и предписаній противъ бродячаго населенія[4]). Такъ въ «Polizey-Ordnung»'ѣ 1620 г. графства Липпе мы читаемъ: «Dieweil den armen Baursleuten von etlichen Gardendenfeinden, Handwerks-Knechten, Landstreichern, Lodderbuben, Umschwei-Längern und dergleichen losem Gesindel, zusamt deren Weibern, Kindern, Jungen und andern Zustand, die auf die Dörfer im Lande hin und wieder laufen und gawen, viele Beschwerungen, Muthwillen und Schaden zugefüget

---

[1]) Ib. S. 180.

[2]) Ib.

[3]) Ib. Patent. 1712 г. 7 сентября S. 643.

[4]) Liffl. Landes-Ordnungen. Verordn. v. 1664. § 1. S. 437. Riga 1707: «Wollen Wir, dass keine Landstreicher und Losstreiber oder Müssiggänger in Städten oder auff dem Lande gelitten werden sollen, sondern, dass ein jeder Kerl oder Knecht, welcher nicht ein wohnhaffter Bürger, oder auch von dem Vermögen, Fleiss und Erfahrung in seiner Handthierung ist, dass er ohne Verzögerung ein tauglicher Bürger werden oder in rechtmässigen Dienst eintreten könne». Шведское правительство, владѣя Лифляндіею, зорко наблюдаетъ за приходящими въ страну русскими: «Russen und Moscowiter sollen nicht im Lande mit Wahren herumstreichen, welche nicht gewöhnliche Land-Strassen gerade nacher Riga, Reval, Dörpt und Pernau reisen wollen—Mein ernstlicher Wille und Befehl». Власти и пасторы обязаны были строго слѣдить за приходящими въ страну русскими. Liefl. L.-Ordn. Verordn. 21 окт. 1698.

werden, dass solche Müssigänger und auch Betler an dem, was ihnen die Leute geben, nicht zufrieden seyn, sondern zu Zeiten selbst nehmen, was ihnen gefält und dazu wol den Wirth und die seinigen schlagen, verwaltigen»[1]). Всѣ подозрительныя личности, какъ то: «Muthwilliger, Verwaltiger, Hausfriedbrecher und Landzwinger», должны быть арестованы и наказаны, «gefänglich eingenommen und gestraft werden sollen»[2]). «Мы просимъ», гласитъ полицейскій уставъ пфальцскаго курфюрста, «чтобы никто не принималъ къ себѣ въ домъ ни явно, ни тайно на ночь кого-либо изъ злонамѣренныхъ или подозрительныхъ; если же такія подозрительныя личности къ кому-либо явятся, то хозяинъ дома долженъ увѣдомить властей, «Amtmann oder Schultheissen»[3]). Вообще приказано было всѣмъ не принимать къ себѣ кого-либо изъ незнакомыхъ на одну, двѣ или три ночи безъ представленія достаточныхъ со стороны незнакомаго причинъ и безъ приказанія мѣстной власти. «Всякій», замѣчаетъ падерборнскій полицейскій уставъ, «кто приметъ къ себѣ сознательно разбойника или вообще нарушителя безопасности, напоитъ, накормитъ, или укроетъ его, подвергается наказанію «am Leib und Gut»[4]).

Правительства обязываютъ строго наблюдать содержателей гостинницъ въ городахъ и селахъ за «ungesessene, unbekante Leute und Mussigänger». Содержатели гостинницъ въ случаѣ подозрѣнія обязаны, какъ возможно, «so viel müglich», скоро довести до свѣдѣнія власти о подозрительной личности»[5]). «Im übrigen», продолжаетъ этотъ уставъ, «sollen unsere Amtleute und Gerichte haben nicht gestatten, dass fremde Leute in Städten und Dörfern umgehen, da auch einige Zeugniss brüchten, dieselbe wol examiniren, und keinen Betrug oder Falschheit darunter gebrauchen lassen»[6]).

---

[1]) Landes-Verordnungen der Grafschaft Lippe. B. 1. Tit. XXVI. § 1. Lemgo. 1779.

[2]) Ib. §§ 2. 3. 4.

[3]) Churfürstlicher Pfalz. einewert-und verbessertes Land-Recht. t. XIV. S. 132. Weinheim 1700.

[4]) Paderb. Policey-Ordn. 1655. S. 70. Paderborn 1785.

[5]) Derer Herrn Fürsten zu Anhalt erneuerte L.-Ordnung 1666 г. S. 74. Изд. въ Готѣ 1743.

[6]) Ib.

«Мы повелѣваемъ», сказано въ алтенбургскомъ патентѣ 1654 г., «чтобы всѣ власти давали извѣщеніе о злодѣяхъ во всякое мѣсто, «Publication», съ прибавленіемъ нотификаціи, «Notifacation», которая бы заключала ясное описаніе «der Personen an Gestalt, Alter, Stand, Orts seiner vorigen Wohnung und dergleichen Merckzeichen»[1]).

Въ XVI и въ началѣ XVII ст. въ большей части нѣмецкихъ государствъ были учреждены специальные военные полицейскіе органы, «Landhusaren, Hatschiren», обязанность которыхъ заключалась въ томъ, что они должны были наблюдать во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ и въ особенности на большихъ дорогахъ за всѣми подозрительными лицами.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ XVI ст. послѣдовало улучшеніе и развитіе условій безопасности, было дознано на опытѣ, что ввѣрять наблюденіе за общественной безопасностью обыкновеннымъ властямъ, чиновникамъ и общинамъ, недостаточно. Въ XVI ст. организуются спеціальные органы и учрежденія для поддержанія безопасности; сюда принадлежатъ такъ называемые «одноконные стражники», учрежденные эдиктомъ Іоанна Георга въ 1596 г.[2]) для изгнанія и поимки преступниковъ и нарушителей спокойствія. «Земскіе объѣздчики» (также «дорожные объѣздчики») назначались для поимки бродягъ, для объѣздовъ по дорогамъ и для исполненія другихъ пол. обязанностей[3]). Обязанности ихъ опредѣлялись особыми инструкціями[4]). Такъ какъ съ теченіемъ времени эти земскіе объѣздчики, при преобразованіи системы податей и акцизовъ и разныхъ другихъ отраслей управленія, отвлечены были отъ наблюденія за лицами подозрительными, то были организованы ради наблюденія за такими лицами спеціальные объѣздчики, обязанности которыхъ были подробно опредѣлены общими и провинціальными инструкціями[5]). Военная полиція, наблюдая за безопасностью въ стра-

---

[1]) L. Ordn. des Fürstenthums Altenburg T. III. S. 355. Изд. проф. Шрейтера. Altenburg. 1750.

[2]) C. C. M. V. V. N. XI.

[3]) Эдикты 1603, 1621, 1680, 1684, 1698, 1701, 1714, 1716 и 1722 гг. См. C. C. M. NN. XIII, XIV, XX, XXII, XXIV, XXVIII, XXIX, XXXII, LXXXII, XCVI, LII.

[4]) Ib. 111. N. XV.

[5]) C. C. M. V. 1. N. XVII. 1713 и 1719 г. 26 авг.

нѣ, объѣзжала гостинницы, постоялые дворы, мельницы etc., захватывала всѣхъ, кто не былъ въ состояніи представить удовлетворительнаго объясненія о своемъ мѣстопребываніи, средствахъ къ жизни и занятіяхъ вообще. Военная полиція наблюдала и за тѣмъ, чтобы иностранные бродяги, «Vaganten», не могли пробраться въ страну. Каждый подданный, замѣтивъ толпу бродягъ, обязанъ былъ сдѣлать о нихъ доносъ или мѣстной полицейской власти, или же военной полиціи[1]). Военная полиція ловила бродягъ, подвергала ихъ наказанію и изгоняла изъ страны[2]). Военная стража, переѣзжая изъ одного мѣста въ другое, подвергала внезапной визитаціи шинки и всякаго рода увеселительныя заведенія, которыя не должны были принимать къ себѣ на ночь лицъ подозрительныхъ, давая знать о нихъ мѣстному начальству[3]). О результатахъ своей дѣятельности военные полицейскіе органы доставляли ежемѣсячно докладъ своему высшему начальству[4]). Вообще на обязанности военной полиціи лежалъ надзоръ за шляющимися бродягами и нищими, праздношатающимися евреями, не могущими найти опредѣленныхъ занятій, и людьми, которые просятъ подаяній для выкупа плѣнныхъ изъ Турціи, и которые, переходя изъ одного мѣста въ другое, иногда водятъ съ собой медвѣдей, иногда носятъ съ собой ящики съ разными рѣдкостями, не имѣя при этомъ никакой правительственной концессіи.

Въ инструкціяхъ, изданныхъ для руководства военной полиціи, указывалось наблюдать и за тѣмъ, чтобы всюду на границахъ были вывѣшены объявленія такого рода: «иностранные нищіе, бродяги и всякаго рода сбродъ должны избѣгать эти земли; въ противномъ случаѣ они рискуютъ понести строгое наказаніе, «Karrenschieben und Spinenhaus».

Кромѣ военной полиціи въ нѣкоторыхъ государствахъ была учреждена должность дневныхъ сторожей, «Tagwachen», для надзора за бродячимъ элементомъ народонаселенія и въ особенности въ лѣтнее время. «Дневные сторожа», гласитъ

---

[1]) Berg, Pol.-R. Th. 1. S. 285; Executionsordnung 1565. § 43.

[2]) Preus. Verordn. 1654 г. дек. 14; 1695 г. 14 авг. и 1715 г. 20 окт.

[3]) Preus. Verordn. 1714 г. 14 авг.

[4]) Preus. Verordn. 1695 г. 14 авг.

прусское предписаніе 1699 г.[1]), «обязаны давать знать полицейскимъ властямъ немедленно о замѣченныхъ ими бродягахъ и нищихъ, обитающихъ въ лѣтнее время по дорогамъ, полямъ и деревнямъ».

Тридцатилѣтняя война вызвала обѣднѣніе народной массы. Имперскіе указы о томъ, чтобы каждая община кормила своихъ бѣдныхъ, во время войны не имѣли практическаго значенія. Послѣ войны издается владѣтельными князьями безчисленный рядъ постановленій, напоминающихъ общинамъ заботиться о своихъ бѣдныхъ: «eine jede Stadt und Kirchspiel soll sich bemühen ihre Armen unterhalten»[2]). Какъ прежнія имперскія, такъ и партикулярныя постановленія XVII ст. не находили жизненнаго примѣненія и въ особенности среди сельскаго населенія. «Желая отечески искоренить зло», читаемъ мы въ саксонскомъ мандатѣ конца XVII ст.[3]), «причиняемое здоровыми нищими, переходящими изъ одного мѣста въ другое, мы снова напоминаемъ, «Verordnungen verneurn», городской и сельской власти заботиться о бѣдныхъ своихъ членахъ, которымъ слѣдуетъ строго, «nachdrücklich», воспретить уходить нищенствовать въ другія мѣста, «an andern Orten ausser ihren Gerichten». Тѣмъ, кто выдавалъ паспортъ или аттестатъ для прошенія милостыни въ другихъ мѣстахъ, законъ грозилъ «Verlust ihrer Gerichte oder anderer unnachbleiblicher schweren Straffe». Всѣ, кто хотя немного былъ способенъ къ работѣ, должны были сами зарабатывать себѣ пропитаніе «mit Spinnen und der gleichen leichter Arbeit»[4]).

Такіе же указы издаются и въ другихъ германскихъ государствахъ. Количество указовъ относительно преслѣдованія нищихъ во всѣхъ германскихъ государствахъ было очень велико, и притомъ эти указы были между собой очень сходны и по формѣ, и по содержанію. Бѣдный людъ, странствуя по различнымъ территоріямъ, не страшился угрозъ нѣмецкихъ

---

[1]) Preus. Verordn. 14 окт.

[2]) Repert. jur. Mecklenburg. Pol.-Ordn. 1654. tit. ult. S. 78. Güstrow. 1781.

[3]) Cod. Aug. Mand. 1680 г. 24 ноября.

[4]) Ib. Mandat. 1684 г. 10 авг.

правительствъ. Преслѣдуемые нищіе находили спасеніе въ бѣгахъ изъ предѣловъ одной страны въ предѣлы другой[1]).

«Нищіе», говоритъ прусскій мандатъ 1684 г.[2]), «учиняютъ великія злодѣянія въ разныхъ мѣстностяхъ страны и часто избѣгаютъ заслуженнаго наказанія; всѣ власти обязаны ловить нищихъ и отсылать ихъ немедленно въ мѣста, гдѣ они родились или гдѣ занимались какимъ-либо промысломъ; кромѣ того, мѣстныя власти должны производить частыя визитаціи, дабы высланные нищіе не вернулись обратно». «Insonderheit», замѣчаетъ другой указъ бранденбургскаго курфюрста[3]), «junge starcke Weiber und frembde Bettler, die sich mit Lumpen behängen und kleine Kinder bey sich haben, auf das Land laufen, woselbst ohne dem dergleichen Gesinde sich überflüssig befindet, welche lieber das Betteln, als sich ehrlich zu nehren erwehlen, und dadurch nicht allein dem Landmann *molest fallen*, sondern auch in denen Krügen, oder wo sie sonsten einkehren, *allerhand Laster und Schandthaten verüben*».

Просить милостыню законъ дозволяетъ только тѣмъ бѣднымъ, которые получатъ спеціальное разрѣшеніе отъ мѣстныхъ властей[4]). Эдиктъ 1696 г., равно какъ и другіе, не прекратили въ странѣ нищенства. Нищіе ловко обходили нормы положительнаго пол. права. Мѣстныя власти не были въ силахъ выполнять желаніе и приказаніе центральныхъ властей. «Мы къ сожалѣнію увѣдомились», говоритъ новый эдиктъ 1696 г. 19 ноября[5]), «что наши эдикты, «Unsere Christliche und heylsame Verordnungen», не выполняются, ибо ни города, ни наша резиденція не устроили учрежденій для заботы о бѣдныхъ; поэтому, бѣдные принуждены бродить по странѣ, имѣя при себѣ дѣтей отъ 6 до 8-лѣтняго возраста». Количество нищихъ увеличивалось въ годы народныхъ бѣдствій, касавшихся большей или меньшей части населенія. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ несчастіе принимало большіе размѣры, мѣстныя власти могли выдавать потерпѣвшимъ лицамъ даровые пас-

---

1) O. Mylius. Указы противъ нищихъ отъ N 1 до N LX.
2) Corp. Const. Magd. Nov. 19 ноября. S. 93.
3) Mylius, Corp. Const. March. V. 5. 4. Edict. 1696 г. 10 апр.
4) Ib. 7.
5) Corp. Const. March. V. 5. 49.

порты для прошенія милостыни по всей странѣ. Выданные паспорты служили часто причиной злоупотребленій. Нищенскія свидѣтельства переходили изъ однѣхъ рукъ въ другія за извѣстное вознагражденіе. На этомъ основаніи эдиктъ 1696 г. воспретилъ мѣстнымъ властямъ выдавать паспорты лицамъ, потерпѣвшимъ несчастіе, срокомъ дальше, чѣмъ на одинъ годъ[1]).

Мѣстныя власти обязаны были вести строгій надзоръ за нищими, не имѣвшими надлежащихъ паспортовъ или аттестатовъ. Безпаспортные нищіе подлежали аресту и наказанію тамъ, гдѣ они были пойманы. Наказаніе нищихъ не было мягкимъ. Тюрьма или другое какое-либо наказаніе съ 1696 г.[2]) замѣняются отчасти заключеніемъ въ прядильномъ домѣ, отчасти—въ крѣпости въ Шпандау. Наконецъ, въ 1708 г. въ Пруссіи издается спеціальный законъ относительно принятія мѣръ противъ нищенства. Этотъ законъ, получивъ название «Armen- und Bettler-Ordnung»'a[3]), былъ дополненъ эдиктами 1715 и 1725 гг.[4]). «Послѣ изданія сего закона», замѣчаетъ «Armen- und Bettler-Ordnung» 1708 г., «въ странѣ не долженъ быть терпимъ ни одинъ нищій; всѣ нищіе и бродяги, странствующіе по нашей странѣ и занимающіеся прошеніемъ милостыни, должны быть высланы на родину, послѣ того какъ они отработаютъ извѣстный срокъ въ прядильномъ домѣ или въ крѣпости»[5]).

Содержать нищихъ во время работъ законъ велитъ на одномъ хлѣбѣ и водѣ[6]). Такъ какъ города мало заботились о содержаніи лицъ, впавшихъ въ бѣдность не по своей винѣ, то послѣднія волей-неволей поддерживали свое существованіе прошеніемъ милостыни. Правительство грозитъ городскимъ властямъ штрафомъ въ 5, 10 и 15 талеровъ за всякаго нищаго, пойманнаго внѣ городской общины, къ которой онъ принадлежалъ[7]). Представители городскаго управленія уплачивали штраф-

[1]) Ib.
[2]) Ib. § 2. t. 5. S. 111.
[3]) Corp. Const. March. 19 сент. 1. 1. S. 173.
[4]) Ib. 10 февраля 1. 2. S. 189 и 21 іюня 1. 2. S. 237.
[5]) § 1.
[6]) § 2.
[7]) Эд. 1698 г. ноября 19 § 1; Эд. 1701. § 8.

ныя деньги не изъ городскихъ доходовъ, «ex propriis»[1]). «Погорѣльцы, отставные солдаты и лица, извѣстныя своею бѣдностію церковному, школьному и гошпитальному начальству, могутъ», продолжаетъ вышеупомянутый указъ, «просить милостыню, если они получатъ спеціальный аттестатъ, но неиначе, какъ заявивъ предварительно о своей личности предъ мѣстнымъ начальствомъ, вѣдающимъ кассою для бѣдныхъ». Спеціальное разрѣшеніе выдавалось срокомъ на одинъ годъ, что прежде вызывало злоупотребленія, «sollen ihre Zeugnisse, wegen des vorhergehenden Missbrauchs nicht länger als ein Jahr â dato der ausgefertigten Requisition gültig seyn»[2]).

Законъ 1708 г. не прекратилъ въ странѣ нищенства, что видно изъ слѣдующихъ словъ эдикта 1715 года: «Wir die aufs neue eingerissene Betteley nicht dulden, sondern diesem Unwesen mit Nachdruck remediret wissen wollen»[3]). Для того, чтобы нищіе не умножались, эдиктъ 1715 г. приказываетъ всѣмъ жителямъ, предъ домомъ которыхъ явятся нищіе, не давать имъ подаяній, но, задержавъ ихъ, представить мѣстной власти, обязанной произвести о таковой персонѣ дознаніе, «examiniren». Иноземные нищіе, послѣ отбытія наказанія въ тюрьмѣ или въ прядильномъ домѣ, немедленно изгонялись изъ страны. Съ туземными нищими поступали иначе: или высылали нищаго туда, гдѣ онъ имѣлъ жилище, или туда, гдѣ онъ жилъ за послѣднее время и пріобрѣлъ право гражданства, «Bürger-Recht», или, не имѣя послѣдняго права, гдѣ онъ жилъ послѣднія десять лѣтъ, или, наконецъ, туда, гдѣ мѣстная власть выдала безденежно паспортъ для прошенія милостыни[4]).

Чрезъ десять лѣтъ послѣ эдикта 1715 г. издается новый эдиктъ противъ нищихъ, напоминая съ одной стороны властямъ о ихъ обязанности ловить нищихъ, съ другой — приказывая общинамъ заботиться о продовольствіи бѣдныхъ. «So kommen Wir nicht umhin», гласитъ эдиктъ 1725 г., «dieses vielmehr nochmahls allen Obrigkeiten in Städten und auf dem

[1]) § 3.
[2]) § 4.
[3]) § 1.
[4]) Ib. § 4.

Lande anzubefehlen, ja auf ihre Seelen und Gewissen zu binden, dass sie dafür Sorge tragen sollen, damit ihre Armen und also die Armen eines jeden Orts mit dem, so sie zu unentbehrlichem Unterhalt nöthig haben, versorget und dadurch vom Betteln abgehalten werden»[1]). Мѣстныя власти ни подъ какимъ предлогомъ не должны отговариваться отъ исполненія вышеупомянутой обязанности[2]). Власти, а въ городахъ спеціальные коммисары, обязаны заботиться о томъ, чтобы здоровые нищіе, будь то мужчины или женщины, не причиняли безпокойства обывателямъ, выпрашивая милостыню[3]).

Мѣстныя власти вмѣсто того, чтобы заботиться о продовольствіи бѣдныхъ, охотно и безъ всякаго разбора выдавали безденежные паспорты для прошенія милостыни всѣмъ, чрезъ что и нарушали законъ, требовавшій выдавать даровые аттестаты только лицамъ извѣстныхъ категорій. Поэтому, эдиктъ 1725 г. воспрещаетъ выдавать паспорты для прошенія милостыни, «eine Vorschrifft oder Zeugniss zum Betteln», подъ угрозою взысканія съ виновнаго въ первый разъ 50 талеровъ, во второй—подъ угрозою болѣе строгаго взысканія, «bey schärfferer Straffe». Нищенскіе паспорты не выдавались ни погорѣльцамъ, ни другимъ лицамъ, потерпѣвшимъ какое-либо несчастіе, если мѣстныя власти не испросили каждый разъ спеціальнаго разрѣшенія отъ центральныхъ правительственныхъ властей, «Unsere ausdrückliche permission»[4]). Эдиктъ 1725 г. заканчивается напоминаніемъ всѣмъ властямъ: «Policey-Diener und Ausreuter, Gassen-Vögte und andere zur Aufsicht bestellete Diener, ja wohl gar Beamte und Obrigkeiten», не должны смотрѣть на нищихъ сквозь пальцы, «nicht durch die Finger sehen», но поступать такъ, какъ требуютъ эдикты и указы, трактующіе о нищихъ».

Нищіе, подвергаясь репрессіи въ провинціи, толпами направлялись въ столичные города. Короли, князья и герцоги, подвергая такихъ лицъ строгимъ взысканіямъ, приказываютъ

---

[1]) § 1.
[2]) § 3.
[3]) § 4.
[4]) § 6.

столичной полицейской власти изгонять всѣхъ подозрительныхъ. Указы объ изгнаніи нищихъ изъ большихъ городовъ въ XVII ст. не всегда достигали намѣченныхъ цѣлей. Нищіе знали всѣ тайные проходы въ стѣны города. Такъ еще въ XV ст. (1470) было издано въ Шпейерѣ предписаніе, чтобы въ городскія ворота никто не былъ пропускаемъ изъ лицъ подозрительныхъ, «verdechtliche lute by Nacht nymant In oder ussgelassen werde ohne redliche Ursache»[1]). Бродячій людъ посѣщалъ охотно города, власти которыхъ стремились всѣми силами охранить «besser friede». Нарушители мира, не находя работы по дорогамъ, гдѣ они прибѣгали иногда къ грабежамъ и разбоямъ, направляютъ свой путь въ города и продолжаютъ здѣсь заниматься излюбленной профессіей. Они выбирали по-преимуществу тѣ города, которые служили резиденціей князей и герцоговъ. Въ этомъ отношеніи наглядно рисуетъ намъ характеръ бродячаго населенія бранденбургскій эдиктъ 1700 года[2]), служившій повтореніемъ прежде изданныхъ подобныхъ эдиктовъ XVII стол. «Viele böse und unnütze Leute sich», читаемъ мы въ эдиктѣ, «in hiesige Residentz-Stadt Berlin eingeschlichen, sich alhier in der Stille heimlich aufgehalten, und allerhand Diberey; wie man leider! bishero gnugsam erfahren, verübet, auch Mord-Brennerey zu besorgen, Je. Churf. Durchl. auch albereit vorlängst ernstlich verordnet: Dass kein Fremder sich 24 Stunden alhier aufhalten solle, er habe dann zuvor beym Magistrat sich angeben, und was er für Condition und Profession und seine Verrichtung allhier sey, gnugsam eröffnet»... «И такъ мы приказываемъ», продолжаетъ эдиктъ, «чтобы всѣ граждане и въ особенности содержатели гостинницъ въ городѣ и за его чертою подъ угрозою взысканія штрафа въ 10 имп. тал. ежедневно въ 8 ч. у. заявляли въ ратушѣ, какихъ лицъ они къ себѣ приняли, чѣмъ они занимаются, куда они намѣрены отправиться и какъ прозываются; хозяева пригородныхъ гостинницъ и вообще пригородные жители обязаны доставить о прибывшемъ написанный листокъ унтеръ-офицеру при городской вахтѣ, а въ противномъ случаѣ они подвергаются штрафу въ 10 имп. тал.

---

[1]) Sammlung der Hochfürstl.-Speerischen Gesetze 1788. S. 1.
[2]) Corp. Const. March. 9 февр. V. I. S. 296.

Такъ какъ въ резиденціяхъ не прекращались «vielerley Missbräuche, Unordnungen und böse Excesse», то въ 1707 г.[1]) былъ изданъ новый эдиктъ, дозволившій свободно входить и выходить изъ столичныхъ городовъ всѣмъ, исключая лицъ подозрительныхъ, занятія которыхъ должны быть непремѣнно открываемы полиціею. Слѣдующіе пункты этого эдикта представляются важными:

§ 1. «Всѣ и каждый житель нашей резиденціи, какого бы они званія и состоянія ни были, не должны принимать къ себѣ ни на продолжительное, ни на короткое время тѣхъ, которые высланы изъ резиденцій, будь они изъ высшаго или «подлаго» сословія, все равно состоятъ они или не состоятъ на королевской службѣ, будь то солдаты, граждане или евреи, имѣютъ ли они свои дома или пользуются наемными квартирами; о всѣхъ такихъ лицахъ, вернувшихся въ резиденцію и желающихъ здѣсь остаться одну ночь или болѣе, жители нашей резиденціи обязаны немедленно увѣдомить надлежащихъ властей»[2]).

§ 5. «Городской магистратъ или же спеціально назначенные городскіе агенты обязаны доставить о прибывшихъ листокъ, «Zettul», съ отмѣткою въ немъ о личности и мѣстѣ, гдѣ остановился прибывшій, городскому вахтмейстеру, который уже доставляетъ токой листокъ дежурному вахтъ-оберъ-офицеру».

§ 6. «Изъ собранныхъ такимъ образомъ листковъ составляется общая вѣдомость, «Haupt-Zettul», одинъ экземляръ которой доставляется генералъ-фельдмаршалу, губернатору или временному коммендаиту, а другой экземпляръ остается при гауптъ-вахтѣ».

§ 10. «Часто случается, что зловредные подозрительные люди пробираются въ городъ и, чтобы не быть схваченными, постоянно перемѣняютъ свои квартиры, что и принуждаетъ насъ слѣдить за всѣми прибывающими въ городъ». «So soll», заканчивается этотъ эдиктъ, «ein jeder Einwohner doch längstens den folgenden Tag geben acht Uhr fruhe zu Rath-Hause es anzumelden».

Чтобы никто не отозвался незнаніемъ этого эдикта, пра-

---

[1]) Ib. 2 февр. V. 5. S. 231.

[2]) §§ 2. 3 и 4 этого эдикта соотвѣтствуютъ § 1 эдикта 1700 г.

вительство приказало въ каждый домъ резиденціи доставить нѣсколько экземпляровъ эдикта.

Въ городахъ бродячее населеніе поступало иногда и въ качествѣ прислуги, что влекло за собой воровство. «Мы увѣдомились», говоритъ магдебургскій патентъ 1708 г., «о дурномъ поведеніи прислуги «wegen des Gesindes und derer Dienst-Boten Uebermuths, Wiedersetzligkeit, Muthwillen und Dieberey»[1]). Патентъ напоминаетъ хозяевамъ не принимать прислуги, не представляющей законнаго свидѣтельства о своемъ поведеніи: «ohne Testimonium keine Dienstbothen annehmen». Бродяги, пойманные въ городѣ во второй разъ, подвергались жестокимъ наказаніямъ: на спинѣ такихъ лицъ полиція ставила клеймо (O. C.). Законодатель предполагалъ, что бродяги не способны ни къ чему иному, какъ только къ преступленіямъ: «ex capite inhoribilitatis prejurii et delicti ex ipso vitae genere praesumpti»[2]). Пойманные въ городахъ бродяги высылались безъ суда и слѣдствія или «ad labores perpetuos», или «auff die galeres condemniret... als faule und ansteckende Glieder menschlicher Societät aus derselben weggeraumet und mit würcklicher Todesstraff angesehen werden sollen»[3]). «Частые факты свидѣтельствуютъ», гласитъ саксонскій и алтенбургскій пол. уставъ, «что зловредные люди заходятъ въ города и причиняютъ жителямъ всякаго рода ущербъ». «Такимъ образомъ», продолжаетъ уставъ[4]), «никто не долженъ быть принимаемъ, ни паче скрываемъ ни въ городскихъ, ни въ сельскихъ постоялыхъ дворахъ, гостинницахъ и шинкахъ, если его личность и занятія не извѣстны хозяину такихъ заведеній; послѣдній обязанъ незнакомыхъ гостей немедленно, по прибытіи ихъ, ласково, «glimpflich», разспросить о занятіи и ихъ имени и тотчасъ о всемъ донести мѣстной власти; если же прибывшее лицо не возбудитъ подозрѣнія, то хозяинъ гостинницы не долженъ дозволять ему оставаться долѣе, чѣмъ того потребуетъ обстоятельства». Вообще лица, не имѣвшія

---

[1]) Corp. Const. Magd. Patent 1 апр. S. 595.

[2]) Sam. d. Hochf.-Speier. G. und Verordn. 1722 г. 22 авг. Th. II. XXV. § 6. S. 25.

[3]) Ib. § 12.

[4]) Fürstl.-Sächs. Landes-Ordn. 1666 г. Cap. II. и Altenb. L.-Ordn. Tit. XVIII. Gotha 1695.

постояннаго мѣстожительства и не находившія работы, не пользовались въ городахъ покровительствомъ со стороны правительства. «Ingleichen», читаемъ мы въ саксонскомъ пол. уставѣ, «sol kein Ungesessene, der da kein Gewerb oder Arbeit, oder sonsten eine erhebliche Ursache seines Auffenthaltens hat, in unsern Landen geduldet und gelitten werden»[1])

Послѣ 30-лѣтней войны пол. надзоръ за приходящими въ города нищими былъ усиленъ. Ночные сторожа, по требованію полицейскихъ уставовъ, должны были имѣть не менѣе 17 лѣтъ. Сторожа при городскихъ воротахъ обязаны были старательно наблюдать, «inviligiren», чтобы лица имъ незнакомыя и притомъ не имющія ни осѣдлости, «nicht wohnhaft», ни правъ гражданства, «nicht verburget», не могли не только переночевать, но и входить въ черту города. Ночные сторожа при городскихъ воротахъ назначались изъ мѣстныхъ обывателей по два или по три человѣка съ каждаго квартала. Срокъ сторожевой повинности въ разныхъ городахъ былъ различнымъ, такъ въ Шпейерѣ онъ продолжался двѣ недѣли[2]).

Если въ большихъ деревняхъ и въ городахъ былъ устроенъ строгій надзоръ, то въ столицахъ онъ за приходящими нищими въ концѣ XVII ст. вылился въ форму поголовнаго изгнанія всѣхъ бѣдняковъ и подозрительныхъ для полицейскаго ока лицъ. Изгнанія не прекращали прилива лицъ бѣдныхъ въ резиденціи, гдѣ они надѣялись найдти пропитаніе всякими способами. Даже строгость прусскихъ мандатовъ и точность прусскихъ полицейскихъ органовъ не лишили возможности нищихъ посѣщать столицу. «Не смотря на прежде изданные эдикты, мы увѣдомились, «missfällig wahrnehmen», замѣчаетъ прусскій мандатъ 1710 г., «dass die auswärtigen Bettler und dergleichen, als die Einheimische nach Dero allhiesigen Residentien, woselbst dieselbe eine Zeithero in nicht geringer Anzahl sich eingefunden werden»[3]).

Кромѣ того, нищенство всюду увеличивалось и потому, что указы о призрѣніи бѣдныхъ не приводились въ исполненіе

---

[1]) Ib. Tit. XVIII. S. 218.

[2]) Sammlung der Hochfürstlich-Speierischen Gesetzen und Verordnungen von 1470 bis 1720. Th. II. S. 67. Изд. 1788.

[3]) Corp. Const. Magdeburg. Novissim. 19 апр. S. 155.

отчасти по причинѣ бѣдности населенія, отчасти по причинѣ нерадѣнія властей, отчасти благодаря пустотѣ кассъ для бѣдныхъ и отчасти потому, что, какъ замѣчаетъ прусскій эдиктъ 1710 г., «die Menge der von fremden Orten angekommenden Bettler und Landstreicher, welche durch allerhand Droungen denen Einheimischen Armen das Brod vor dem Munde weggenommen werden»[1]). Нищіе странствовали свободно повсюду, запасаясь сплошь и рядомъ подложными нищенскими свидѣтельствами: «Better mit falschen Brieffen mit dem Staupenschlag abgestraffet und solcher gestalt aus dem Lande geschaffet werden sollen»[2]). Голодъ принуждалъ нищихъ относиться съ пренебреженіемъ къ наказанію и—перемѣнять свои имена, «vermuthlich alio vel faltem mutato nomine»[3]).

Примѣру Пруссіи слѣдовали и другія германскія государства[4]). «Нищенствомъ не дозволяется заниматься», говоритъ Алтенбургскій полицейскій уставъ, «ни туземнымъ, ни иностраннымъ лицамъ, если они не получатъ отъ консисторіи установленныхъ свидѣтельствъ, «Bettel-Brief»[5]). «Иностранные нищіе», говоритъ мекленбургскій полиц. уставъ, «не должны быть терпимы ни въ городахъ, ни въ деревняхъ подъ угрозою штрафа въ 200 имп. талеровъ»[6]). «Что касается туземныхъ нищихъ», читаемъ мы въ мандатѣ кн. Шпейеръ, «то каждое сословіе обязано само заботиться о своихъ бѣдныхъ, какъ о о томъ было ранѣе постановлено»[7]). Нищіе должны были уходить добровольно на мѣсто родины или въ мѣста своего жи-

---

[1]) Ib. 10 іюля. S. 157.

[2]) Ib. 10 авг. 1716 г. 10 авг. S. 258.

[3]) Sam. der Hochf.-Speier. G. und Verordn. 1722 г. 22 авг. § 7.

[4]) Liffl. L.-Ordnungen. Verordn. v. 1698 t. II. S. 709: «Bedienten jeden Ortes, wie auch allen andern ernstlich verboten seyen, jemand einigen Pass oder Recomendation zum Betteln zu ertheilen, ausser derselben Stadt und Kirchspiel». Лица, занимавшіяся прошеніемъ милостыни, отсылались въ рабочій домъ, здоровые-же нищіе принуждались «zur Arbeit, Raspen, Spinnen» etc.

[5]) Sam. L.-Ordn. des Fürstenthums Altenburg. L.-Ordn. 1666 г. Tit. XLIX. S. 265. Изд. проф. Шрейтера. Altb. 1750.

[6]) Repert. jur. Mecklenburg. Pol.-Ordn. 1654. t. von Zauberey § 4. S. 78.

[7]) Sam. d. Hochf.-Speier. G. und Verordn. Ed. 1722. 22 авг. § 7.

тельства. Здоровые нищіе подвергаются строгому наказанію, «empfindlich straffen», и потомъ высылаются на счетъ того округа (der Ort im Crayss), который обязанъ кормить высланнаго нищаго. Въ случаѣ пожаровъ и другихъ несчастій желающіе отправиться просить милостыню предварительно должны были запастись аттестатами. Послѣдніе выдавались, какъ и прежде, безденежно, «ohnentgeltich»[1]). Аттестаты выдавались въ городахъ городскими властями, въ деревняхъ—старостами, а въ другихъ мѣстахъ—инымъ начальствомъ: «höhere Herrschafft und nachgesetze Regierung und Cantzleyen, Beamte, Prediger, Schultzen, Kister». Срокъ аттестата соотвѣтсвовалъ понесенному вреду, «nach Proportion des erlittenen Schadens». Срокъ уменьшался, «restringiren»,при всякомъ удобномъ случаѣ. Самый продолжительный срокъ аттестата не долженъ былъ превышать полгода. По истеченіи срока, указаннаго въ аттестатѣ, eo ipso послѣдній терялъ силу. Тотъ, кто выдавалъ ложное свидѣтельство, и тотъ, кто пользовался ложнымъ аттестатомъ, подвергались строгому взысканію. «Also sollen alle solche», заканчивается вышеупомянутый мандатъ, «und dergleichen falsche Briefftträger, so sich entweder vor Adelspersohnen, oder abgedanckte Officiers, auch vor deren Weiber fälschlich ausgebende Leuthe (wann sie desselben überwiesen) nach vorheriger Pranger-Stellung fustigirt oder auch befindenden absonderlichen Umbständen nach mit Ohrabschneiden und Brandmarcken bestrafft und so fort aus dieses Crayses Landen verwiesen»[2]). «Пасторъ и церковные старосты, «Kirchen - Vorsteher», сказано въ «Armen-Ordnung»'ѣ кн. Брауншвейгъ-Люнебургскаго, «должны собираться разъ въ недѣлю въ назначенномъ ими мѣстѣ, производить повѣрку бѣднымъ, получающимъ еженедѣльную милостыню, и выдавать дѣйствительно бѣднымъ свидѣтельство о бѣдности, «Testimonium paupertatis»[3]). Надзиратели за бѣдными

---

[1]) Ib. § 9: «Ein Attestat aber soll umsonst gegeben werden». C. C. M. VI. II. 1709 г. 3 окт. S. 101.

[2]) Ib. § 11.

[3]) Chur-Braunschweig-Lüneburg.-Landes-Ordnungen u- Gesetze. Armen-Ordn. 1702 г. 6 дек. § 1. S. 945. Göttingen 1739.

«Armen-Voigte», продолжаетъ вышеупомянутый уставъ, «обязаны слѣдить, «patrouliren», по полямъ, дорогамъ и деревнямъ за нищими, ловить ихъ и сажать въ тюрьму, «mit Gefängnisse bestraffen». Когда кто-либо вторично будетъ просить милостыню, слѣдуетъ того подвергнуть болѣе строгому наказанію, «bey Vermeidung schwerer Leibes-Straffe»[1]).

Вышеупомянутый уставъ приказываетъ всѣмъ властямъ стараться искоренять нищихъ. Хозяева домовъ и шинковъ не должны принимать къ себѣ ни иностранныхъ, ни незнакомыхъ нищихъ подъ угрозою взысканія 2 имп. талеровъ.

Хозяева домовъ могутъ принимать къ себѣ въ домъ только тѣхъ нищихъ, которые представятъ свидѣтельство, выданное мѣстной властью, «Administratoren dieses Armen-Werks ein Permissions-Schein»[2]). Иностранные нищіе, имѣя свидѣтельство отъ своихъ властей, обязаны представить его мѣстной власти съ объясненіемъ причины, заставившей ихъ идти просить милостыню.

Ученики и студенты, при прошеніи милостыни, представляли также мѣстной власти свидѣтельство о своей бѣдности[3]). Всѣ иностранные нищіе изгонялись изъ страны. Никто не имѣлъ права получить вспомоществованіе изъ кассы для бѣдныхъ, если онъ не приписанъ къ церковному приходу, «Kirchen-Spiel»[4]). Лица, представившія подложныя свидѣтельства о бѣдности, подлежали аресту для преданія уголовному суду и наказывались какъ фальсификаторы, «Falsarii»[5]). Путешественники, впавшіе случайно въ обѣднѣніе, «Unglücks-Fälle», получали помощь смотря по обстоятельствамъ[6]).

Брауншвейгъ-Люнебургскій уставъ о бѣдныхъ 1702 г. во многомъ сходенъ съ уставомъ ганноверскимъ, изданнымъ 4 дек. 1700 г. Въ католическихъ государствахъ Германіи при монастыряхъ были устроены дома для бѣдныхъ, гдѣ они подъ над-

---

[1]) Ib. § 21. S. 953.
[2]) Ib. § 22. S. 955.
[3]) Ib. § 28. S. 955.
[4]) Ib. § 31. S. 957.
[5]) Ib. § 32. S. 963.
[6]) Ib. § 29. S. 956.

зоромъ монастырскихъ властей или занимались работою, или же при тщетѣ монастырской кассы питались подаяніемъ. Правительства католическихъ государствъ напоминаютъ монастырскимъ властямъ удерживать бѣдныхъ отъ бродяжничества и въ особенности дѣтей бѣдныхъ, «damit sie in der Jugend zu Betteln dester weniger gewehnet werden»[1]). «Нищенствомъ», говоритъ падерборнскій полиц. уставъ, «никто не долженъ заниматься»[2]). Просить милостыню могутъ только лица, которыя не въ силахъ пріобрѣтать пропитанія благодаря старости или немощности. Бѣдные студенты и ремесленники, занимаясь ученіемъ, имѣютъ право просить подаянія, если получатъ отъ своихъ властей свидѣтельство. Нищенство наказывается тюрьмою. Всѣ власти должны строго наблюдать за нищими, иначе онѣ подлежатъ штрафу, «bey willkührlicher Straf».

Къ числу нарушителей мира и безопасности законодательства германскихъ государствъ XVII ст. причислили и тѣхъ лицъ, которыя приходили въ страну изъ мѣстностей, гдѣ свирѣпствовала какая-либо повальная болѣзнь. За приходомъ и передвиженіемъ подобныхъ индивидуумовъ всѣ германскія правительства вели строгій надзоръ, возлагая функцію надзора на всѣхъ властей. Не всегда послѣдній достигалъ цѣлей. Въ особенности германскія правительства воспрещаютъ приходить такимъ лицамъ въ большіе города и резиденціи. Тамъ, гдѣ проявилась зараза, мѣстныя власти не должны были выдавать паспортовъ тѣмъ, кто намѣревался ѣхать изъ зараженныхъ мѣстъ въ здоровыя. Дѣятельность германскихъ государствъ не была солидарною въ этомъ направленіи. Самыя мѣры отдѣльныхъ государствъ не были послѣдовательны; онѣ носили характеръ отрицательный, репрессивный. Репрессія въ одномъ и томъ-же государствѣ то ослабѣвала, то усиливалась, не сообразуясь съ интензивностью болѣзни. Мѣстныя власти не всегда понимали точно намѣренія центральныхъ органовъ, издававшихъ инструкціи, часто противорѣчащія одна другой. Главной мѣрой при уничтоженіи и распространеніи заразныхъ повальныхъ болѣзней въ XVII ст. правительства признали ограни-

[1]) Ib. S. 378.

[2]) Hochfürstlich-Paderbornische Landes-Verordnungen. Polizei-Ordnung 1655. S. 73. Paderborn 1785.

ченіе свободы перехода лицъ изъ одной мѣстности въ другую. Эта мѣра считалась спасительной, быть можетъ, потому, что при проведеніи ея въ жизнь не требовалось никакихъ затратъ со стороны правительствъ, бюджетъ которыхъ не былъ удовлетворительнымъ. Изданіе законовъ и предписаній, направленныхъ къ ограниченію свободы передвиженія нѣкоторыхъ лицъ, не было сопряжено съ затратою матеріальныхъ средствъ со стороны государственной власти. Мѣстныя власти относились къ такимъ законамъ и предписаніямъ пассивно. Власти не боялись угрозъ правительства, назначаемыхъ за невыполненіе благихъ предначертаній, что мы и увидимъ при дальнѣйшемъ изложеніи положительнаго полицейскаго права германскихъ государствъ въ концѣ XVII ст. и въ началѣ XVIII ст.

Въ 1680 г. въ Саксоніи издается указъ, воспрещающій пріѣзжать на ярмарку въ Лейпцигъ лицамъ, имѣвшимъ временное пребываніе или постоянное жительство тамъ, гдѣ свирѣпствовала моровая язва. Мѣстныя власти не должны были дозволять выѣжать изъ зараженныхъ мѣстъ лицамъ, которымъ слѣдовало отказывать въ выдачѣ паспортовъ. Иное представляла практика. «Wir werden berichtet», говоритъ мандатъ 1680 г.[1]), «dass Beambte, auch Räthe in den Städten denen Reisenden solche Pass-Briefe ertheilen, als ob sie von reinen und mit keiner auffalenden Seuche inficirten Orten kämen». Въ 1710 г. издается новый мандатъ, требующій, «dass in die Churfürstl.-Sächsische-Residenz-Stadt Dresden bey jetzigen Pest-Zeiten reisende und frembde Personen ohne richtige Passir-Zettel nicht eingelassen werden sollen»[2]). Всѣ путешественники вообще подвергаются разспросамъ. Крестьяне, пріѣзжавшіе въ городъ съ припасами, въ первый разъ впускались свободно, но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ внушалось, чтобы они при вторичномъ пріѣздѣ въ городъ запасались свидѣтельствомъ, «ein generaliter eingerichtetes Attestat», отъ мѣстныхъ властей. При въѣздѣ въ городъ для продажи припасовъ крестьяне должны были засвидѣтельствовать, что мѣстность, откуда они пріѣхали, находилась въ здоровомъ положеніи, «nicht verdächtig». Безъ свидѣтельствъ никто не впускался въ стѣны города. Тѣ-же, кто «sich heimlich ein-

[1]) Cod. Aug. 24 ноября. S. 1666.

[2]) . 28 іюня.

schleichen oder falsch angeben werde...., in Arest genommen und in Verhaft gebracht, auch nach Befinden mit Gefängniss, Leibes- und noch härterer Straffe angesehen und beleget werden sollen»[1]). Обходить требованія закона не представляло большихъ затрудненій для людей, ѣхавшихъ изъ зараженныхъ мѣстъ въ городъ. Путешественникъ отправлялся сначала въ мѣстность, гдѣ заразы не было. Здѣсь мѣстныя власти за извѣстное вознагражденіе охотно выдавали паспортъ, удостовѣрявшій, что данное лицо находится въ добромъ здоровьѣ 6 недѣль. При выдачѣ паспорта, «wegen faciler Ertheilung derer Pässe», власти брали произвольный сборъ, «что», говоритъ мандатъ 1713 г.[2]), «слѣдуетъ сильно карать». Мандатъ 1713 г. требуетъ, чтобы власти на границахъ Саксоніи выдавали паспорты только тѣмъ, кто, желая путешествовать по Саксоніи, не возбуждалъ подозрѣнія, и притомъ не безъ разбора какъ прежде, «nicht so leichtlich wie bissher», но только въ томъ случаѣ, если путешественникъ представитъ свидѣтелей, «glaubhaffte Zeugen produciren». Строгій надзоръ вызвалъ тайную продажу паспортовъ, чѣмъ занимались не только лица подозрительныя, «Brand- und Wetter-Beschädigte», но и студенты и всякій, кто, имѣя паспортъ, не желалъ имъ пользоваться[3]). Стремленіе правительства прекратить злоупотребленія продажею паспортовъ не приносило пользы. Евреи изъ Богеміи, гдѣ въ 1713 г.[4]) свирѣпствовала моровая язва, «Contagion», легко перебирались на саксонскія ярмарки, не смотря на то, что законъ требовалъ, «dass durchaus keine Juden ins Land herein kommen und passiren lassen sollen». Въ особенности германскія правительства при появленіи заразы желали ограничить переходъ изъ одного мѣста въ другое лицъ бродячихъ: «Zigeuner, frembde Bettler, Juden und derlei Vagabunden in grossem Ruff sehende Contagion nicht auch in hiesige Lande gebracht werden mögen». «Свирѣпствующая въ другихъ странахъ моровая язва принудила насъ», говоритъ полицейское предписаніе кн. Шпейеръ отъ 1720 г.[5]), «издать это предписаніе». Послѣднее воспрещало входъ

[1]) Ib.

[2]) Cod. Aug. 16 сент. S. 1813.

[3]) Ib.

[4]) Ib. Mand. сент. 12. S. 1822.

[5]) Sam. der Hochf.-Speier. Gesetze. Verordn. 1709 г. 26 нояб. S. 85 1788.

въ предѣлы страны всѣмъ иностранцамъ, кто-бы они ни были[1]), если они не представляли удовлетворительныхъ свидѣтельствъ, «die rechtschaffenen Uhrkunden und Gesundheits-Pässe», удостовѣрявшихъ, что они пришли въ страну изъ здоровыхъ мѣстностей. Привозимые товары изъ зараженныхъ мѣстностей не только не впускались въ страну для продажи, но и не пропускались для провоза чрезъ нее. Всѣ строгія пол. предписанія обходились. Власти и благодаря незначительности своего состава, и благодаря бездѣятельности не въ состояніи были примѣнить воли законодателя на дѣлѣ. Благія пожеланія правительствъ оставались мертвою буквой.

Нарушителями безопасности и тишины въ германскихъ государствахъ послѣ 30-лѣтней войны законъ признаетъ и цыганъ, число которыхъ не уменьшилось съ начала XVII ст. «Со всякаго цыгана», говоритъ саксонскій «Zigeuner-Patent» отъ 1670 г. [2]), «надлежитъ брать штрафъ въ 100 гульденовъ и немедленно прогнать изъ страны, «aus dem Lande jagen». Всякая община, которая не была въ силахъ справиться съ пришедшими цыганами, обязана была немедленно требовать помощи отъ сосѣднихъ деревень. Арестованные цыгане подвергались до изгнанія тюремному заключенію. Издающаяся масса законовъ, указовъ, патентовъ etc. повторяетъ очень часто старыя законоположенія XVI ст. Цыгане ловко обходили законъ, не страшась наказаній. «Цыгане», замѣчаетъ Магдебургскій мандатъ 1684 г.[3]), суть «die ärgersten und schlimmesten Landstreicher in Unserer Chur- und Marck Brandenburg»; они должны быть безъ разсужденій подвергаемы аресту, «ohne Respectirung ihrer Pässe[4]), и примѣрно наказаны, «exemplariter abgesrtaffen werden»[5]). Въ случаѣ сопротивленія со стороны цыганъ законнымъ властямъ, ихъ забирали силою, «mit gewehrter Hand». Цыгане учиняли въ странѣ «viele Diebereyen und Excesse[6]). Не всѣ власти ревностно выполняли королевскіе эдикты. «Wir glaubwürdig

---

[1]) Ib. 9 ноября. Th. II. § X. S. 6.
[2]) Cod. Aug. 31 авг.
[3]) Corp. Const. Magd. Nov. 18 ноября. t. 6. S. 111.
[4]) Ib. Ed. 24 ноябр. 1710. t. 9. S. 626.
[5]) Ib. Mand. 1697 г. 4 іюня.
[6]) Ib. Ed. 1691 г. 28 янв. S. 415.

berichtet werden», гласитъ эдиктъ 1687 г., «dass sich die so genante Zigeuner in gedachten Landen häuffig wieder anfinden»[1]). Указы объ изгнаніи изъ страны цыганъ оставались иногда безъ послѣдствій. «Мы узнали», продолжаетъ вышеупомянутый эдиктъ, «dass einigen Obrigkeiten gar die Zigeuner hausen und herbergen»[2]). Цыгане пренебрегали угрозами прусскаго правительства и являлись часто толпами въ предѣлы Пруссіи въ XVIII ст. «До насъ дошли жалобы», читаемъ мы въ мандатѣ 1705 г.[3]), «что цыгане снова прокрались въ наши земли». «Мы приказываемъ», гласитъ мандатъ 1713 г., «мущинъ—цыганъ ловить и отсылать въ Магдебургскую крѣпость на работы, женщинъ-цыганокъ—выгонять изъ страны, дѣтей цыганъ—отдавать въ дома для бѣдныхъ»[4]). Что же касается лошадей и имущества цыганъ, то они подлежали конфискаціи. Уже въ 1707 г. цыгане снова причинили заботу прусскому правительству, производя въ странѣ «allerley Ungelegenheiten». Цыгане находили всюду доступъ за деньги. Законъ грозитъ всѣмъ, кто дастъ пріютъ цыганамъ, строгимъ наказаніемъ, «bey Verlust Ehre und Gutes»[5]). Хозяева шинковъ, гостинницъ и постоялыхъ дворовъ за пріемъ цыганъ, хотя бы и на одну ночь, подвергаются штрафу въ 50 тал. или другому болѣе строгому наказанію, «oder anderer empfindlicher Straffe»[6]). Цыгане, не смотря на всякія предосторожности, входили въ страну. Мѣстная власть, призывая на помощь войска, забирала цыганъ, арестовала ихъ и производила дознаніе[7]). Неспособныхъ цыганъ высылали за границу, а способныхъ употребляли на общественныя работы[8]). Борьба полиціи съ цыганами принимала иногда характеръ войны. Если шайка цыганъ совершала преступленіе, то всякій подданный, узнавшій объ этомъ, долженъ былъ ѣхать на лошадяхъ или идти пѣшкомъ за преступниками.

---

[1]) Ib. 4 ноябр. S. 377.

[2]) Ib.

[3]) Ib. 8 сент. S. 572.

[4]) Ib. 10 ноябр. S. 657.

[5]) Ib. 25 іюня.

[6]) Ib. 1708 г. 22 мая. Th. III. S. 596; Цыгане, не ушедшіе изъ страны добровольно, «sollen auf der Stelle tod geschossen werden». Corp. Const. March. 1724 г. 24 ноябр. V. S. 591.

[7]) Ib. Veordn. 30 ноябр. 1709 г. §§ 1. 2.

[8]) Ib. §§ 3 и 6.

Военные обязаны были въ такихъ случаяхъ оказывать требуемую мѣстными властями помощь. Цыгане занимались по-преимуществу воровствомъ лошадей. Поэтому, прусское правительство издаетъ мандаты, цѣль которыхъ состояла въ лишеніи возможности цыганъ заниматься этимъ промысломъ. Изъ такихъ мандатовъ характернымъ является мандатъ 1704 г.[1]), гласившій, «что всѣ и каждый торговецъ лошадьми, приходящій или выходящій изъ страны, долженъ имѣть отъ своихъ властей паспорты. Власти обозначали то мѣсто, гдѣ лошади куплены, сколько ихъ и какой онѣ масти». Такіе паспорты предъявлялись полиц. властямъ чрезъ каждыя двѣ мили.

И другія германскія правительства ведутъ съ цыганами жестокую борьбу. «Мы увѣдомились», сказано въ полиц. предписаніи кн. Шпейеръ[2]), «что цыгане издавна бродятъ, «durchpassiren und sich einlogiren», по нашей странѣ; мы приказываемъ Oberambtmann'у издать предписаніе объ изгнаніи цыганъ, не смотря на представленные ими паспорты за нашею печатью». Если цыгане силою входили снова въ страну, то отъ нихъ отнималось все имущество. Цыгане, какъ видно, не ушли изъ страны. «Всякаго рода порочный и преступный сбродъ», читаемъ мы въ эдиктѣ 1717 г.[3]), «какъ-то: цыгане и праздношатающіеся бродятъ по нашему княжеству изъ стороны въ сторону, угрожая своими дѣяніями безопасности большихъ и малыхъ дорогъ; кромѣ того, такой сбродъ, совершая преступленія въ городахъ и селеніяхъ въ ночное время, занимается воровствомъ, разбоемъ и убійствомъ, «morderischem tractament», наводитъ страхъ и трепетъ на мирныхъ поселянъ и всѣхъ вообще подданныхъ, которые терпятъ отъ этого большой вредъ, «Schaden, grossen Schrecken und Furcht». «Мы приказываемъ», говоритъ «Churf.-Pfalz bey Rein etc. ernewert- und verbessertes Land-Recht»[2]), «всѣмъ властямъ, сельскимъ старостамъ, военнымъ начальникамъ и подданнымъ вообще нигдѣ не терпѣть цыганъ и всюду препятствовать входу ихъ въ страну

---

[1]) Ib. 4 авг. S. 563.

[2]) Sam. d. Hochf.-Speier. G. und Verordn. 1683 г. 28 дек. Th. I. XXXVIII. S. 58.

[3]) Ib. 16 апр. Th. 1. CIII. S. 97.

[4]) Ib. Изд. въ Weinheim'ѣ 1700 г. Th. III. S. 132.

или переѣзду чрезъ нее даже и въ томъ случаѣ, когда они представятъ паспорты, «die yermög des Reichsverordnung gäntzlich aufgehoben seind». Въ необходимыхъ случаяхъ жители обязаны были давать сигналъ колоколомъ, извѣщая притомъ немедленно о цыганахъ правительство. Все, что было найдено у цыганъ, отбирали, будь то вещи даже малоцѣнныя. Сами цыгане тотчасъ изгонялись изъ страны безъ пощады[1]). Цыгане не имѣли права жаловаться правительству, если власти съ ними поступали жестоко. Законодатель отказывалъ имъ во всякомъ покровительствѣ и защитѣ.

Послѣ тридцатилѣтней войны, когда экономическое положеніе всѣхъ классовъ населенія, пришло въ разстройство, многія правительства пришли къ убѣжденію, что евреи, собирая высокіе проценты съ населенія, приводятъ его еще къ большему раззоренію. Если до войны евреи не пользовались симпатіей ни со стороны имперскаго, ни со стороны партикулярнаго законодательства, признававшихъ въ большинствѣ случаевъ евреевъ нарушителями мира, то послѣ войны правовое положеніе еврейскаго народа не улучшилось. Издается во всѣхъ германскихъ государствахъ цѣлый рядъ законовъ, предписаній и распоряженій, направленныхъ къ притѣсненію евреевъ и въ особенности къ ограниченію свободы передвиженія и занятія различными промыслами. Богатые евреи избѣгали репрессій, распро-

---

[1]) Отрицательно относится къ приходу въ страну цыганъ и шведское право XVII ст.: «Цыгане и татары должны быть немедленно изгнаны изъ страны и, если они вернутся обратно, то ихъ слѣдуетъ забирать и посылать въ королевскія крѣпости на работы, давая имъ въ пропитаніе хлѣбъ и воду». Шведское городовое и земское право 1608 г. Предписаніе 1642. § 17. S. 211. Leipzig 1709; Liffl. Landes-Ordn. t. XIII: «Die Polnische, Littauische und Russische Bettler, wie auch die Zugeuner und deren loses Gesindlein, so öffters das Land, nur allem unter dem Schein des bettelns' aus Kundschaften den einfältigen Bauren zur Abgötterey und Aberglauben nur weidlich verführen, sollen forder gantz nicht im Lande mehr gelitten werden, und falls das sie auff publicirte diese Ordnung nach vier Wochen sich nicht aus dem Lande wegmachen, und dieser Verordnung von einem und andern verwarnet, gleichwohl betroffen werden, sollen von jedem frey angehalten und in der nechsten Vestung zur Karren-Arbeit eingelieffert werden».

странявшихся по-преимуществу на бѣдныхъ. «Оттонять отъ нашей границы слѣдуетъ только бѣдныхъ евреевъ, но не богатыхъ, «Capitalisten uud Wechsel-Juden», которые ведутъ значительную торговлю», замѣчаетъ саксонскій мандатъ 1721 г.[1]). Репрессивныя мѣры выливаются въ форму ограниченія свободы передвиженія и поселенія еврейскаго населенія. Евреи, по словамъ германскихъ правительствъ, причиняли значительный ущербъ и торговлѣ. «Намъ подано много жалобъ», замѣчаетъ королевскій прусскій патентъ 1692 г.[2]), «что, не смотря на ранѣе изданные эдикты, евреи не только не перестаютъ заниматься вредною для государства торговлею въ разносъ, но и продолжаютъ бродить безпрерывно съ товарами, «wodurch das Commercium zwischen Städten und Dörffern sehr abnehme und fast gantz zerfiele, dero Accise-Cassa auch mehr mercklich defraudiret würde». «Поэтому, мы приказываемъ», заканчивается патентъ, «чтобы таможенные чиновники не выдавали на будущее время патентовъ на разносную торговлю ни самимъ евреямъ, ни ихъ прислугѣ и, кромѣ того... за выданными ранѣе патентами не признавали никакой законной силы, но таковые немедленно уничтожали». Евреи однако продолжали заниматься торговлею въ разносъ, хотя законъ грозилъ имъ конфискаціею имущества, «bey Verlust Pferde, Wagen und Waaren auch anderer arbitrair Bestraffung»[3]), что видно и изъ патента 1698 г.[4]), который признаетъ право пріема евреевъ въ предѣлы государства только за правительствомъ: «und aber das Jus recipiendi Judaeos ein Regal ist, so hochstgedachte Je. Churfürstliche Durchl. bisshero immediate exerciret und keinem Magistratui inferiori oder Edelmann zu exerciren verstatten wollen». Изъ иностранныхъ евреевъ только тѣ пользовались въ Пруссіи свободой передвиженія, которые, получивъ отъ правительства спеціальное разрѣшеніе, предъявляли его городской власти при входѣ въ города. Разрѣшеніе выдавалось на опредѣленный срокъ. Если еврей, получившій временное спеціальное разрѣшеніе, оста-

---

[1]) Cod. Aug. 10 окт. S. 1950.

[2]) Corp. Const. March. 17 авг. S. 425.

[3]) Ib. Patent 1693. 26 ноября.

[4]) Ib. 25 іюля. S. 459.

вался въ городѣ долѣе, хотя на одну ночь, то онъ платилъ штрафъ, какъ за сутки, «alle 24 Stunden»[1]). Правительства при выдачѣ спеціальнаго разрѣшенія на право торговли взимали особый сборъ, отъ платежа котораго евреи стремились освободиться. Поэтому, правительство ради обезпеченія финансовыхъ доходовъ постоянно напоминаетъ, «dass die Juden ohne Special-Concessione auffn Lande nicht hausiren sollen»[2]).

Прусское правительство стремилось ограничить свободу передвиженія иностранныхъ евреевъ и—привоза иноземныхъ товаровъ въ то время, когда оно узнавало, что за-границей существовала какая-либо заразная болѣзнь: «auch durch dergleichen Waaren bey itzigen Zeiten gar leichtlich einigen ansteckende Kranckheiten in das Land gebracht werden können»[3]).

Пруссія строго преслѣдуетъ иностранныхъ евреевъ, что ясно видно изъ эдикта 1712 года: «еврей изъ-заграницы не долженъ быть впускаемъ въ предѣлы Пруссіи, пока онъ не докажетъ предъявленіемъ паспорта, «dass er selbst wohnhaffter Jude, der seine gewisse Handthierung und ehrliche Gewerbe treibe, auch solcher Ursachen wegen und nicht um zu betteln ausgereiset werde»[4]). Кромѣ того, во времена опасныя евреи при входѣ въ предѣлы Пруссіи обязаны были принести присягу въ томъ, что ихъ показанія и свидѣтельства справедливы[5]).

Что евреи при представленіи всякаго рода бумагъ и сви-

---

[1]) Corp. Const. Magd. Nov. Rescript 1702 г. 13 февраля. S. 521.

[2]) Ib. Verbot. 2 янв. 1713 г. S. 657.

[3]) Ib.

[4]) Ib. 17 окт. S. 649.

[5]) «Adonay, ein Schöpffer der Himmel etc... Ich rufe dich an durch deinen heiligen Nahmen auf diese Zeit zur Wahrheit, dass das Attestatum, welches ich, umbdurchgelassen zu werden, hier gegenwärtig vorzeige, keinem andern Juden, sondern eigentlich mir ertheilet und zu meiner Reise bessern Fortkommens halber ausgefertiget werden, dass ich das Gewerbe, wie in dem Attestato stehet, treibe, und werde durch Betteln noch andere unerlaubte Mittel mein Brodt .und Lebens Unterhalt suchen will, so wahr mir Adonay helffe, wo ich einige Unwahrheit hierin gebrauche, so sey ich Herrem und verflucht ewiglich, und dass mich übergehe und verzehre das Feuer, das zu Sodoma und Gomora übergieng». Ib. S. 650.

дѣтельствъ прибѣгали къ обманамъ, то на это жалуются и другія германскія правительства. Евреи «allerhand fraudes in Zeugnissen practiciren»,—говоритъ шпейерскій эдиктъ 1707 г.[1]).

Саксонскій и алтенбургскій пол. уставы 1666 г. воспрещаютъ входъ въ предѣлы страны евреямъ: «Евреи не должны быть терпимы ни въ нашемъ княжествѣ, ни въ нашихъ земляхъ; имъ не слѣдуетъ позволять ни входить въ наши земли, ни поселяться, ни временно жить тамъ, ни оставаться даже больше, чѣмъ на ночь, ни тѣмъ паче заниматься какимъ-либо промысломъ и ремесломъ»[2]).

Отрицательно къ поселенію и приходу евреевъ относится и падерборнскій пол. уставъ, дополненный въ 1719 г. спеціальнымъ «Juden-Ordnung»'омъ. Первый параграфъ «Juden-Ordnung»'а 1719 г. гласитъ: «Мы узнали, что 125 семействъ евреевъ съ ихъ дѣтьми и прислугой пришли въ наше княжество и здѣсь поселились, а потому на будущее время мы воспрещаемъ евреямъ и еврейкамъ приходить и селиться въ нашемъ княжествѣ подъ угрозою конфискаціи всего ихъ имущества и достояній и даже тѣлесныхъ наказаній, «Leibs-Straff»[3]). На всѣхъ жителей кн. Падерборнъ законъ возложилъ обязанность, состоящую въ томъ, что они не должны были принимать къ себѣ въ домъ евреевъ, не могущихъ представить спеціальнаго паспорта, «Schutz- oder Glaits-Brief in Originali oder Copia authentica». Тотъ, кто принималъ безпаспортнаго еврея, подвергался штрафу въ 50 гульденовъ[4]). Паспортъ считался законнымъ документомъ въ томъ случаѣ, когда онъ былъ снабженъ печатью и скрѣпленъ подписью, «das Gelait wird unter eines zeitlichen Lands-Herren Hand und Sigel ertheilet»[5]). Кромѣ того, евреи подвергались въ XVII ст. строгому полицейскому надзору и потому, что они, доставляя средства скры-

---

[1]) Samml. d. Hochf.-Speier G. und Verordn. 10 янв. T. 1. LXXI S. 63. Изд. 1788 г.

[2]) Fürstl.-Sächs. L.-Ordn. Th. II. Tit. IV. S. 127; Alt. L.-Ordn. Cap. II. Tit. IV. S. 143. Gotha 1695.

[3]) Hochf.-Paderbornische Landes-Verordnungen. Cap. 1. § 1. S. 66. Paderborn 1786.

[4]) Ib. § 2.

[5]) Ib. § 4.

ваться бродягамъ и ворамъ въ своихъ домахъ, способствовали укрывательству краденныхъ вещей. «Евреи», говоритъ полицейское предписаніе 1654 г.[1]), «не должны принимать къ себѣ ни бродягъ, ни нищихъ своей вѣры, ни благопріятствовать временному и постоянному жительству въ странѣ лицъ, которымъ входъ въ государство воспрещенъ подъ страхомъ наказанія».

Если всѣ государства Германіи запрещаютъ входить въ свои предѣлы иностраннымъ евреямъ, то нѣкоторыя—воспрещаютъ евреямъ и уходить своевольно изъ страны. «Мы приказываемъ»», читаемъ мы предписаніи отъ 1725 г. кн. Шпейеръ, «чтобы осѣдлые евреи не оставляли предѣловъ нашей страны безъ спеціальнаго нашего на то разрѣшенія»[2]). Евреи предъ уходомъ изъ страны должны были уплачивать въ казну «Gebürnissen und schuldige Schutzgelder».

b) Ограниченіе права передвиженія мирнаго населенія.

Юридическое и экономическое положеніе крѣпостныхъ и вообще положеніе сельскаго населенія во всѣхъ германскихъ государствахъ въ XVII ст. было одинаковымъ. Слѣдующую картину сельской жизни рисуетъ намъ Sugenheim: «Въ теоріи положеніе крестьянскаго сословія было плохимъ, но что печальнѣе, такъ это то, что на практикѣ положеніе этого сословія еще было хуже, чѣмъ въ теоріи, т. е. по дѣйствующему законодательству; съ крестьянами обходились дурно не только дворяне и территоріальные государи, но и всѣ, власть имѣвшіе, обращались съ ними, какъ со скотами. Совокупность обязанностей, которыя по закону должны были нести крестьяне, не можемъ дать вѣрной и точной картины о дѣйствительномъ положеніи этого класса общества, ибо земледѣльцы въ дѣйствительности обязаны были нести не только то, что установлялъ законъ, но и то, что требовали господа[1]).

Даже положеніе крѣпостнаго населенія въ Пруссіи въ

---

[1]) Berg, Pol. R. Verordn. 1654 г. 14 дек.

[2]) Samml. d. Hochf.-Speier. G. und Verordn. von 1470 bis 1720. Th. II. LXXV. S. 54. 12 мая. Изд. 1788.

[1]) Id. S. 374.

первой половинѣ XVIII ст. было очень незавиднымъ, что видно изъ предписанія Фридриха I отъ 1709 г. и знаменитаго мандата «Prügel-Mandat», Фридриха Вильгельма I отъ 1738 г. Этимъ эдиктомъ король воспрещаетъ обычай «варварскимъ и безбожнымъ образомъ обращаться съ крестьянами, какъ со скотомъ, подвергая ихъ битью палками и кнутами; тотъ господинъ, который будетъ обращаться съ своими крестьянами такимъ образомъ, подвергается шестинедѣльной каторжной работѣ, «Karren», а при повтореніи—наказанію битью палками»[1]).

«Почти во всей Германіи, равно какъ и въ Пруссіи», продолжаетъ вышеупомянутый авторъ, «губительныя послѣдствія 30-лѣтней войны еще не исчезли въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVIII ст.; всюду, куда ни посмотрѣть, мы видимъ массу пустыхъ полей и деревень, разрушенныхъ братоубійственной войной; даже въ 1721 г. въ городахъ Курмарки было не менѣе, чѣмъ 3257 опустѣвшихъ хозяйствъ»[2]).

Право поселенія и выселенія крѣпостныхъ изъ одного мѣста въ другое въ XVII ст. и въ началѣ XVIII ст. было вполнѣ ограниченнымъ. Крѣпостной могъ уйдти съ своей родины или мѣста, гдѣ онъ жилъ, только тогда, когда получалъ разрѣшеніе отъ своего господина. Положеніе Аугсбургскаго договора, что всякій, кто, исповѣдуя «die alte Religion oder Augspurgische Confession», пожелаетъ переселиться изъ одного мѣста въ другоѐ, можетъ свободно, «unverhindert»[3]), уйдти, «frei zug», уплативъ предварительно справедливое вознагражденіе господину за крѣпостничество, «wie es jedes Orts von alters anhero herbracht und gehalten worden ist», оставалось мертвою буквою. До окончанія тридцатилѣтней войны положенія Аугсбургскаго договора относительно свободы вѣроисповѣданія сплошь и рядомъ нарушались.

Положеніе Аугсбургскаго мира нашло себѣ твердое обезпеченіе только въ Вестфальскомъ договорѣ, гдѣ сказано: «Всякій, кто послѣ опубликованія мира перемѣнитъ религію, воленъ переселиться добровольно, «sua sponte emigrare voluerit», или по

---

[1]) Ib. 375—76.

[2]) Ib. S. 377.

[3]) R. Absch. Pax. Relig. 1555. t. 23 и t. 24.

приказанію территоріальнаго государя; ему позволяется выселиться, удержавъ имущество, или передавъ послѣднее въ чужія руки; оставленнымъ имуществомъ завѣдуетъ администрація настолько, насколько потребуютъ обстоятельства дѣла; выселяющемуся позволяется свободно уходить безъ всякихъ писемъ или для обозрѣнія своихъ дѣлъ, или для подачи жалобъ, или для взысканія долговъ»[1]).

Эта статья Вестфальскаго договора обезпечиваетъ свободу передвиженія тѣмъ лицамъ, которыя оставляютъ мѣсто жительства по религіознымъ мотивамъ. Обезпечивая свободу переселенія изъ-за религіозныхъ мотивовъ, Оснабрюкскій договоръ стремится предупредить вражду и раздоры, которые могутъ быть вызваны между государствомъ, откуда выходитъ переселенецъ, и государствомъ, куда онъ направляется: «Если подданные не согласны съ религіею территоріальнаго государя, то нужно остерегаться, чтобы право, данное имъ ради выселенія, не вызвало несогласій между государствами»[2]).

Статьи Вестфальскаго договора касаются по-преимуществу права передвиженія лицъ свободныхъ. Передвиженіе лицъ крѣпостныхъ въ предѣлахъ германскихъ государствъ Вестфальскій договоръ регулировалъ такъ: «лицамъ крѣпостнымъ мужескаго пола разрѣшается и дозволяется безпрепятственно уходить, выкупать ихъ имущество и пожитки за небольшую уплату за крѣпостничество и добавочную уплату, какъ это установлено изстари обычаями и существуетъ теперь, «wie es jedes Orts von alters anhero üblichen herbracht und gehalten worden ist»[3]), причемъ, во всякомъ случаѣ, крѣпостной не уплачиваетъ за личныя обязанности и почести, которыя онъ несъ въ отношеніи господина». Власти-же въ ихъ вѣдомствахъ не должны были сбирать ничего и ни въ чемъ не препятствовать уходу крѣпостныхъ, все равно заплатили они или нѣтъ своимъ господамъ»[4]).

Партикулярное право вполнѣ признало ограниченіе передвиженія крѣпостныхъ людей изъ одного мѣста въ другое.

---

[1]) Pax Mon. § 47; Pax Osnabr. Art. V. t. 36.
[2]) Art. V. t. 30.
[3]) Pax Relig. § 24.
[4]) Pax Monast. § 47; Instr. p. Osnabr. Art. V. t. 37.

Крѣпостной могъ оставить навсегда землю своего господина только тогда, когда послѣдній изъявлялъ на то свое согласіе: «никто изъ крѣпостныхъ не долженъ «ohne Vorwissen undt erlaubnuss der Herrschaft und Oberampts aus dem Lande ziehen»[1]). Господинъ разрѣшалъ уходить крестьянину лишь въ томъ случаѣ, когда послѣдній уплачивалъ первому такую сумму денегъ, какая выработалась мѣстнымъ обычаемъ»[2]). «Крестьяне», говоритъ мекленбургскій «Gesinde-Ordnung» отъ 1654 г., «не должны поселяться гдѣ бы то ни было безъ согласія господина или же уходить изъ страны»[3]). Крѣпостные и вообще сельское населеніе въ XVII ст. массами покидали свою родину. Указы и предписанія германскихъ правительствъ, воспрещавшіе своевольные уходы крестьянъ, не въ состояніи были уничтожить причины къ уходамъ. Тяжелая жизнь крестьянскаго населенія въ XVI и XVII ст., угнетаемаго какъ территоріальною, такъ и мѣстною властью, прекращалась тогда, когда крестьянинъ уходилъ изъ-подъ власти господина. Указы и предписанія, начавшіеся и кончавшіеся требованіемъ, «чтобы никто не призывалъ къ себѣ чужихъ крѣпостныхъ», повторяются во всѣхъ германскихъ государствахъ очень часто. «Мы, слѣдуя нашимъ предкамъ, часто издавали съ 1578 г. строгія предписанія», говоритъ полиц. уставъ кн. Пфальцъ, относящійся къ первой половинѣ XVII ст., «чтобы никто изъ подданныхъ и крѣпостныхъ ни тайно, ни явно не поступалъ на службу къ другимъ безъ позволенія своего господина, но чтобы, живя на прежнемъ мѣстѣ, заботился о своей женѣ и дѣтяхъ»[4]). Бѣгство крѣпостныхъ по странѣ изъ одного мѣста въ другое, съ земли одного господина на землю другаго, постоянные уходы

---

[1]) Samml. d. Hochf.-Speier. G. und Verordn. 1653. Th. 1. § 47. S. 44.

[2]) Вотъ что мы читаемъ о величинѣ выкупныхъ денегъ въ Альтенбургскомъ пол. уставѣ: «Wegen des Abzugs-Geldes wird es zwar bey jedes Orts dieser Land beständig hergebrachter Gewohnheit und diessfals etwa aufgerichteten Vertragen gelassen». Altenb. L.-Recht. Cap. II. t. 2. S. 139. Altenburg 1705.

[3]) Repert. juris Mecklenb. 14 ноября Tit. 2. § 2. S. 78. Изд. Spalding'a Güstrow 1781.

[4]) Churf.-Pfalz bey Rhein etc. ernewert- und verbessertes Laed-Recht. Tit. XV. S. 136. Weinheim. 1700.

ихъ изъ предѣловъ одной страны въ предѣлы другой, вызываютъ со стороны правительствъ стремленіе регулировать право поселенія уходящихъ бѣглецовъ. Правительства и въ полицейскихъ уставахъ, и въ отдѣльныхъ мандатахъ предписываютъ мѣстнымъ властямъ какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, воспрещать поселяться, жить и пріобрѣтать на сторонѣ права обывателей бѣглецамъ, которые не представятъ о своемъ уходѣ законныхъ свидѣтельствъ. Вышеупомянутый полиц. уставъ относительно права поселенія гласитъ слѣдующее: «каждый, кто пожелаетъ поселиться въ нашихъ городахъ и селахъ, долженъ прежде всего представить мѣстнымъ властямъ удостовѣреніе о честномъ поведеніи и согласіи своего господина или начальства, подъ вѣдѣніемъ котораго онъ раньше жилъ; если желающій поселиться не представитъ такого удостовѣренія, то онъ долженъ представить достаточныя данныя, почему онъ не имѣетъ такого удостовѣренія»[1]). «Каждый городъ, деревня и мѣстечко обязаны вести», продолжаетъ этотъ уставъ, «свой собственный регистръ, куда слѣдуетъ записывать[2]) поименно каждаго обывателя, будь онъ изъ свободныхъ или несвободныхъ лицъ, и отмѣчать въ регистрѣ, откуда онъ пришелъ, когда принятъ въ обыватели, «Bürger- oder Bauer-Recht», и когда принесъ присягу, «Huldigung», etc.

Бѣгство крѣпостныхъ и уходы поселянъ усилились во время и послѣ 30-лѣтней войны. Сельское населеніе надѣется найдти на новыхъ мѣстахъ поселенія лучшее обезпеченіе своихъ правъ и болѣе твердую экономическую устойчивость, чѣмъ на родинѣ. Стремленіе къ побѣгамъ особенно проявлялось среди

---

[1]) Ib. Tit. III. S. 50.

[2]) То-же самое требованіе выставляетъ и шведское право XVII ст. «Alle die Bürger-Recht gewinnen, sollen ins Stadt-Buch absonderlich eingeschrieben werden, wie es sich gebühret». Das schwedische Land- und Stadt Recht von Carl IX confirmiret und Anno 1608 publiciret. Cap. XV. § III. S. 17. Franckfurt und Leipzig. 1709. Обязательная записка въ городскія книги, по шведскому праву, находилась въ тѣсной связи съ обязанностію взноса городскихъ налоговъ и спеціальной платы за право гражданства: «alle die sich in der Stadt niederlassen und nicht bey einem Bürger dienen, deren Vermögen aber sich auff 3 MK. erstrecket, sie sollen für das Bürger-Recht ihr Gebühr erlegen». Ib. § V. S. 17.

крѣпостныхъ. Они добиваются всѣми силами пріобрѣсти права городскаго жителя или свободнаго сельскаго обывателя. Стремленіе крѣпостныхъ въ города было стариннымъ обычаемъ. Извѣстно, что въ древнѣйшее время городское цеховое право относилось снисходительно къ людямъ несвободнымъ, что изрѣдка еще можно встрѣтить и въ XVII ст.[1]).

Въ XVII ст. убѣжавшіе крѣпостные не находили пріема въ городахъ[2]). Законодательство XVII ст., составленное подъ вліяніемъ высшихъ классовъ, ограничиваетъ сферу правъ личности въ отношеніи свободы передвиженія и поселенія. «Равнымъ образомъ не должно», читаемъ мы въ саксонскомъ полиц. уставѣ 1666 г.[3]), «принимать въ наше княжество и въ наши земли никого на правахъ полноправнаго члена ни въ города, ни въ селенія до тѣхъ поръ, пока новоселъ не представитъ достовѣрнаго отпускнаго свидѣтельства отъ своей власти». Въ выдачѣ отпускныхъ свидѣтельствъ приказано было отказывать только въ случаѣ, когда были достаточныя причины. Правда, законъ назвалъ эти причины такъ: «erhebliche Ursachen». Власти сами рѣшали достаточность и недостаточность причинъ для ухода. Поселенцу, желавшему поселиться въ городѣ или деревнѣ, предоставлялось право доказывать легальность своего ухода и иными способами, съ чѣмъ власти могли согласиться или нѣтъ. При пріобрѣтеніи правъ гражданства сбирался съ новосела особый сборъ, величина котораго

---

[1]) W. Stahl, das deutsche Handwerk S. 102.

[2]) Въ 1646 г. курф. Фридрихъ-Вильгельмъ повелѣваетъ одному изъ цеховъ возвратить помѣщику принятаго въ науку крестьянскаго мальчика, рожденнаго отъ крѣпостнаго. (C. C. M. V. 11. X. 637. № 10). Подобные же факты встрѣчаются и въ началѣ XVIII ст. Въ Пруссіи при кор. Фридрихѣ Вильгельмѣ I два крестьянскихъ мальчика, желая обучиться ремеслу, противъ воли господина ушли съ его земли и вступили въ одинъ изъ цеховъ г. Коттбуса. Дворянство Коттбусскаго округа подало коллективную жалобу королю, который разрѣшилъ, что на будущее время не возбраняется обучаться дѣтямъ крестьянъ ремеслу въ городахъ безъ дозволенія помѣщика. Обучившійся ремеслу не терялъ правъ своего состоянія. (C. C. M. VI. 11. 517. № 273. 1736 г.).

[3]) Fürstl.-Sächs. L.-Ordn. Th. II. Cap. II. t. I. S. 123. Изд. 1695.

регулировалась обычаемъ, «dem Herkommen nach»[1]). Положительное право воспрещаетъ взимать съ новосела новые сборы.

Законодательство XVII ст. отличаетъ приходъ лицъ въ общину съ цѣлью постояннаго жительства отъ прихода въ нее на время. «Если кто изъ иноземцевъ», гласятъ саксонскій и алтенбургскій пол. уставы, «придетъ въ наши земли на временное жительство, «nicht beständig niederlassen», на опредѣленное время, «nur eine zeitlang miethweise aufhalten» и привезетъ съ собой хозяйственный инвентарь, то ему мѣстныя власти могутъ позволить здѣсь временно жить или отказать смотря по обстоятельствамъ; въ первомъ случаѣ пришедшій человѣкъ долженъ подчиняться всѣмъ законнымъ требованіямъ и, кромѣ того, уплачивать извѣстную подать, «Schutz-Geld», до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ жить, въ чемъ и взять съ него клятвенное обѣщаніе»[2]). Лица, занятіе которыхъ оказывалось загадочнымъ для мѣстныхъ властей, подвергались штрафу и изгнанію изъ общины: «на будущее время никто не долженъ давать пріюта чужеземнымъ и неизвѣстнымъ лицамъ болѣе, чѣмъ на двѣ ночи, безъ заявленія власти; виновный въ нарушеніи сего постановленія подвергается штрафу въ 1 флор.» [3]). Въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ право поселенія въ общинѣ связывалось еще съ обязанностію представленія, кромѣ отпускной грамоты, и метрическаго свидѣтельства. «Каждый желающій пріобрѣсти права городскаго или сельскаго обывателя, «Bauer-oder Bürger-Recht», сказано въ мекленбургскомъ пол. уставѣ 1654 г., «обязанъ представить мѣстной власти метрическое свидѣтельство, «Geburts-Brief», выданное пасторомъ; въ противномъ случаѣ онъ долженъ быть высланъ изъ общины»[4]). Свободный человѣкъ могъ поселиться въ общинѣ, городской или сельской, лишь въ томъ случаѣ, когда пріобрѣталъ концессію или отъ центральныхъ органовъ управленія, что практиковалось въ небольшихъ германскихъ госу-

---

[1]) Ib.

[2]) Fürstl.-Sächs. L.-Ordn. 1666. Th. II. Tit. 1; Altenb. L.-Ordn. Cap. II. Tit. 1. S. 138.

[3]) Hochf.-Hildessheimische Landes-Verordnungen. Polizeyordnung von 1669. § 115. Hildessheim 1782.

[4]) Repert. juris Mecklenb. § 2. Изд. Spalding's 1781.

дарствахъ, или же отъ мѣстной власти, что ради удобства существовало въ большихъ государствахъ. Въ первомъ случаѣ служить примѣромъ пол. уставъ 1669 г. кн. Гильдессгеймъ, гдѣ сказано: «никто, какого-бы онъ званія и состоянія ни былъ, не имѣетъ права поселиться навсегда въ княжествѣ, не принеся предварительно намъ, нашему канцлеру и совѣтникамъ присяги, подъ угрозою взысканія 10 тал.; города, мѣстечки и деревни, позволившіе поселиться кому-либо, не принесшему присяги, должны уплатить штрафъ въ 20 флор., «Strafe gefallen seyn»[1]). Поселившіяся въ общинѣ навсегда и пріобрѣвшія права гражданства лица не всегда пользовались равными правами съ членами общины и въ свою очередь не несли равныхъ обязанностей. Неравенство правъ и обязанностей членовъ общины предъ послѣднею и государствомъ исходило изъ различныхъ основаній. Государственная власть выставляетъ положеніе, что такія исключительныя права и обязанности дѣйствительны только тогда, когда они санкціонированы ею. Правительство по своему усмотрѣнію то увеличивало права однихъ обывателей, выдавая имъ привиллегіи, то уменьшало ихъ: «наши власти и чиновники должны имѣть тщательный надзоръ за тѣмъ, чтобы никто не смѣлъ жить и поселяться среди нашихъ подданныхъ, кто имѣетъ какія-либо исключильныя права, «Freyheiten», и привиллегіи; тотъ же, кто владѣетъ такими правами и привиллегіями, обязанъ предъявить чиновникамъ выданныя нами грамоты, «Schein-und Befehlchs-Schrifften»[2]).

Личность, пріобрѣвшая право осѣдлости или гражданства въ общинѣ, не могла быть произвольно изъ нея удалена, «ohne erhebliche Ursachen, auch Unserer Ampleut Vorwissen nicht abgewiesen, noch ihnen die Beywohnung versaget werden»[3]). Государство контролируетъ рѣшеніе общины при поселеніи въ ней новыхъ лицъ, а равно и самый отказъ ея въ пріемѣ лицъ, ищущихъ права члена общины. Въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи право поселенія и пріобрѣтенія правъ гражданства въ общинѣ обусловливалось фактическимъ обладаніемъ имущества извѣст-

[1]) Polizeyordnung § 116.

[2]) Chürf.-Pfalz bey Rhein etc. ernewert-und verbessertes Land-Recht. L.-Ordn. Tit. III. S. 50. Weinheim 1700.

[3]) Ib.

ной цѣнности, что начинаетъ практиковаться во второй половинѣ XVII ст., когда населеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ значительно увеличилось послѣ опустошительной тридцатилѣтней войны. Въ 1666 г. въ Саксоніи вышелъ рескриптъ, требовавшій, «чтобы всѣ, кто пожелаетъ поселиться въ городахъ или селеніяхъ и пріобрѣсти право гражданства, обладали имуществомъ цѣнностью не менѣе 50 фл.; кто же не въ состояніи доказать своихъ правъ, «dociren», на имущество такой цѣнности, тотъ не долженъ быть принимаемъ въ граждане, «zum Bürger-oder-Nachbar-Recht»[1]). Равнымъ образомъ и фактъ выселенія свободнаго гражданина изъ общины за ея предѣлы въ XVII и въ началѣ XVIII ст. обусловливался, кромѣ полученія правительственнаго разрѣшенія, еще взносомъ извѣстной суммы денегъ въ казну. «Если кто-либо задумаетъ выселиться изъ герц. Магдебургъ», читаемъ въ магдебургскомъ мандатѣ 1700 г., «въ другую страну или провинцію, то онъ долженъ уплатить мѣстной власти, подъ вѣдѣніемъ которой онъ живетъ, съ недвижимаго имущества добавочный сборъ, а именно десятый пфенингъ, но въ томъ лишь случаѣ, когда это имущество будетъ оцѣнено выше ста гульденовъ»[2]). Крѣпостные люди въ XVII и въ началѣ XVIII ст. толпами убѣгали съ господскихъ земель и поселялись тамъ, гдѣ не существовало крѣпостныхъ отношеній. «Мы къ сожалѣнію увѣдомились», замѣчаетъ указъ кн. Шпейеръ отъ 1726 г., «что крѣпостные и подданные прибѣгаютъ ко всякаго рода обманамъ, чтобы убѣгомъ выселиться изъ тѣхъ поселеній, гдѣ существуетъ крѣпостная зависимость, въ поселенія, гдѣ ея нѣтъ, не испрашивая предварительно разрѣшенія, «die gnädigste Concession», на переселеніе отъ своихъ господъ; мы не желаемъ, чтобы такіе побѣги болѣе повторялись въ будущемъ и приказываемъ, чтобы таковое явленіе не повторялось, и чтобы при уходѣ крѣпостныхъ было каждый разъ испрашиваемо, «impetriren», разрѣшеніе отъ господъ для представленія властямъ»[3]).

---

[1]) Samml. verschied. von Zeiten der publicirten Landes-Ordnungen. Num. XXXIV. S. 268. Altenburg 1750; Id. Cod. Aug. 1725 г.

[2]) Corp. Const. Magd. Nov. Cap. LXI. § 3. S. 220.

[3]) Samml. d. Hochf.-Speier. G. und Verordn. 29 ноября. Th. II. CXV. S. 73. Изд. 1788.

Подобные указы издавались часто во всеобщее свѣдѣніе и другими германскими правительствами. Указы слѣдуютъ другъ за другомъ. Бѣглецы не обращаютъ на нихъ вниманія. Тяжелое положеніе и надежда на лучшее будущее крѣпостныхъ парализуютъ велѣніе законодателя. Сельское населеніе пренебрегаетъ испрашивать разрѣшеніе на уходы съ земель господъ. Каждое правительство борется всѣми силами съ своевольными уходами людей зависимыхъ. Государственная власть часто напоминаетъ всѣмъ властямъ удерживать крѣпостныхъ тамъ, гдѣ они живутъ, и не принимать ихъ тамъ, куда они приходятъ. Крѣпостные по старой привычкѣ уходили въ тѣ мѣста и страны, гдѣ не существовало крѣпости; они всѣми силами стремятся пріобрѣсти право гражданства или право городскаго обывателя по меньшей мѣрѣ. Поэтому, правительства германскихъ государствъ постоянно напоминаютъ городскимъ властямъ «ohne Erlaubniss keine Fremde zu Bürger und Hintersassen annehmen»[1]). Въ этомъ отношеніи представляется характернымъ указъ кн. Шпейеръ отъ 1699 г. «Мы приказываемъ», говоритъ онъ, «чтобы г. оберамтманъ объявилъ всѣмъ властямъ, находящимся въ его подчиненіи, не осмѣливаться принимать въ города безъ нашего соизволенія, «ohne dero Vorwissen und expresse erhaltene Erlaubniss», никого на правахъ гражданства или осѣдлости подъ угрозою строгой отвѣтственности по законамъ: будь пришедшій человѣкъ иноземецъ или туземецъ, будь онъ лютеранскаго или реформатскаго вѣроисповѣданія; исключеніе слѣдуетъ дѣлать для тѣхъ, кои родились въ нашей странѣ отъ родителей, имѣвшихъ право гражданства и теперь живущихъ или умершихъ на родинѣ»[2]). Принятые въ граждане должны были жить въ мѣстѣ поселенія и нести всѣ повинности. Правительственное разрѣшеніе на свободу поселенія крѣпостныхъ должно было быть написано на бумагѣ и снабжено печатью отъ мѣстныхъ властей[3]). Указъ 5 апрѣля

---

[1]) Samml. d. Hochf.-Speier. G. und Verordn. 19 сент. 1699. Th. LIV. S. 66.

[2]) Ib. Указъ 19 сент. Th. I. LIV. S. 66; Idem, 1701. 30 марта. Th. I. LXXXII. S. 85; Id. Указъ 1710 9 янв.; Id. Указъ 1711. 3 дек. Th. I. LXXXI. S. 87.

[3]) Ib. Ук. 1723. 4 мая. Th. II. LXV. S. 50.

1728 г. опять напоминаетъ властямъ, «dass sie (Schultheissen, Stathaltern und Gerichteren publiciren) bey 50 Rthlr. Straf keine solche Leibeigene annehmen und an freyen Orten gedulden sollen»[1]). Побѣги крѣпостныхъ въ города и изъ одной страны въ другую причиняли громадные убытки какъ самимъ общинамъ, гдѣ они жили, такъ и господамъ, изъ-подъ власти которыхъ они уходили. Побѣги продолжались и послѣ заключенія рисвикскаго мира, статья котораго гласила: «kein Ausmärkter und herrschaftlicher Bediente sol zu Bürger angenommen werden». Приказы законодателей: «ohne des Oberamts Vorwissen... zu Bürgern oder Hintersassen nicht anzunehmen» и «keine manumissiones absque nostro speciale-Consensu zu ertheilen», не исполнялись. Угрозы «Amtleuten, Kellern, Schultheisen, Anwalden und Gerichten» за своевольные пріемы и отпуски людей несвободныхъ штрафомъ въ 100 Rthlr. не приносили ожидаемой пользы[2]).

Переходъ рабочихъ съ одного мѣста на другое ради полученія работъ на сторонѣ въ XVII и въ началѣ XVIII ст. находился подъ полиц. надзоромъ. Рабочіе обязаны были служить опредѣленный срокъ; они не имѣли права своевольно оставлять хозяина[3]). Всюду издается рядъ указовъ и предписаній мѣстнымъ властямъ вести наблюденіе за приходящими и уходящими изъ общины рабочими. «Мѣстная власть», читаемъ мы въ полиц. уставѣ кн. Гильдессгеймъ, «должна наблюдать въ городахъ и селеніяхъ за всѣми незнакомыми ей людьми, приходящими ради пріисканія работы и желающими провести двѣ ночи»[4]). Пришедшіе въ общину рабочіе и наявшіеся въ услуженіе могли уходить отъ хозяина только по истеченіи условленнаго срока. Сроки ухода и найма свободныхъ рабочихъ въ XVII ст. остались тѣ-же, что и въ XVI ст. Сроки были раз-

---

[1]) Ib. Th. II. CCLXXV. S. 176.

[2]) Ib. Ук. 1723 г. 1 іюля.

[3]) Liffl. L.-Ord. t. XII. S. 33: «Damit auch die Diener oder reisigen Knechte nicht mehr Ihren Gefallen nach, wie bisshero von vielen geschehen, aus Ihrer Herren Dienste treten mögen».

[4]) Hochf.-Hildesheimische L.-Verordnungen. Polizey-Ordn. von 1669. § 115. Hildesheim 1782; Erneuertes Altenbur. L.-Recht. LXXVIII. § V. S. 491.

личными въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи[1]). «Никого не слѣдуетъ», гласитъ мекленбургскій пол. уставъ 1654 г., «нанимать въ работники прежде, чѣмъ не будетъ представлено послѣднимъ свидѣтельство, «Schein und Kundschaft», о честномъ поведеніи отъ прежняго хозяина или мѣстной власти»[2]). Этотъ же уставъ дополнилъ предъидущую статью слѣдующимъ положеніемъ, касавшимся рабочихъ изъ крѣпостныхъ: «никто не долженъ принимать въ работу крѣпостныхъ и ихъ задерживать, если они ушли отъ господина самовольно»[3]). Послѣ тридцатилѣтней войны, во время которой погибла масса рабочей силы, рабочія руки для крупныхъ землевладѣльцевъ получили еще большее значеніе, чѣмъ прежде. Уходившіе ранѣе срока рабочіе приводили въ раззореніе крупныхъ и мелкихъ земельныхъ собственниковъ. «Рабочіе», продолжаетъ вышеприведенный пол. уставъ, «ушедшіе отъ господина своевольно ранѣе срока, должны быть арестованы властями и подвергнуты заключенію въ тюрьмѣ срокомъ отъ 8 дней до 4 недѣль, смотря по тѣмъ причинамъ, вслѣдствіе которыхъ они оставили своего господина»[4]). Надзоръ полицейскихъ властей за передвиженіемъ рабочихъ все болѣе и болѣе усиливается къ концу XVII ст.[5]).

---

[1]) Liefl. Landes-Ordn. Verordnung v. 1664. § 1: «Gleicher gestalt soll unser Ober-Stadthalter, Gouverneur und Land-Höffdinge, 2 mahl des Jahres, nehmlich 14 Tage nach Michaelis und 14 Tage Philippi Jacobi Zeit, mit Fleiss darnach fragen und förschen, und wenn sie denn einen Kerl oder Knecht finden, welcher nicht von vorbenandter Willkühr oder Beschaffenheit ist, so soll derselbe unter die Bootsmanns-haltung gestellet werden»; Id. Paderb. Pol.-Ordn. 1655. S. 46. Изд. Paderborn. 1785.

[2]) Repert. juris Mecklenb. P.-Ordn. Von Dienst-Bothen § 6; «Darum», гласитъ derer Herrn Fürsten zu Anhalt erneuerte Landes- und Process-Ordnung отъ 1666 г., «solle auch kein Gesinde, sonderlich die Ackerknechte angenommen werden, er oder sie bringen dann zuvor Bericht, Kundschaft und Passport, wie sie sich gegen ihren Herren verhalten und von ihnen abgeschieden seynd». Tit. XXX. § 76.

[3]) Ib. § 12.

[4]) Ib. § 13.

[5]) Слѣдующія положенія проводитъ шведское право XVII ст. относительно найма рабочихъ: «Die Mieth-Zeiten sollen zwey seyn im gantzen Jahre; die eine von Pfingsten bis Martini, die andere von darab bis Pfingst-

Въ началѣ XVIII ст. мы встрѣчаемъ уже всюду рядъ предписаній, обязывающихъ полицію слѣдить за переходами рабочихъ. «Случись», говоритъ Алтенбургскій «Allmosen-Ordnung» 1724 г., «что рабочій пожелаетъ оставить своего хозяина, то онъ долженъ взять отъ послѣдняго свидѣтельство, «Abschied». О своемъ уходѣ рабочій обязанъ былъ заявить въ продолженіе дня мѣстной власти. Если же послѣдней въ той мѣстности, гдѣ онъ работалъ, не было, то рабочій обязанъ былъ заявить объ уходѣ старостѣ. При заявленіи рабочій долженъ былъ указывать то мѣсто, куда онъ думалъ идти. Равнымъ образомъ хозяинъ, у котораго нанялся рабочій, обязанъ заявить мѣстной власти о нанятомъ рабочемъ. Кто-же удерживалъ у себя рабочаго день и

Tag sieben Nächte zwischen jeder Mieth-Zeit mögen die Dienst-Bothen frey seyn und nicht länger; darnach sollen sie sich vermiethen lassen». Das schwedische Land- und Stadt-Recht von Carl IX confirmiret und anno 1608 publiciret. Uebersetzung aus der schwedischen in die deutsche Sprache 1709. Cap. XV. § IV. S. 209. Рабочій, нанявшійся въ работу, не могъ оставить своевольно своего хозяина до опредѣленнаго срока. Хозяевамъ законъ воспрещаетъ переманивать рабочихъ: «wenn jemand heutiges Tages eines andern Dienst-Bothen an sich locket, so busset derselbe 40 MK.». (Stadga wegen Dienst-Bothen 1686. § 5). Всякій хозяинъ обязанъ былъ выдавать рабочему паспортъ, указывавшій о хорошей или дурной службѣ рабочаго. Въ томъ случаѣ, когда хозяинъ давалъ невѣрную аттестацію, онъ подвергался штрафу 12 Dhlr. Silb. (Ib. § 5). Хозяинъ, нанявшій рабочаго ранѣе, чѣмъ окончился срокъ его службы у другаго и былъ полученъ отъ послѣдняго паспортъ, штрафовался 3 MK. (Ib. § 4). Шведское правительство XVII ст. стремится прекратить въ странѣ бродяжничество рабочихъ, не находившихъ или не желавшихъ найдти работы. Рабочіе, не находя работы, были склонны, какъ показывалъ опытъ, къ нарушенію мира и спокойствія въ странѣ. «Каждый рабочій», читаемъ мы въ шведскомъ правѣ, «не нанявшійся въ работу къ опредѣленному сроку къ какому-либо хозяину, долженъ поступить въ солдаты или въ матросы; если же въ солдатахъ не будетъ вакантнаго мѣста, то онъ свободенъ на время, но и въ этомъ случаѣ онъ обязанъ работать въ королевскихъ крѣпостяхъ и замкахъ, или же служить у кого-либо на скотномъ дворѣ. Дѣвицы и женщины, не могущія доказать, что онѣ честно прокармливаются, должны также работать какую-либо работу въ королевскихъ крѣпостяхъ, или на скотныхъ дворахъ въ продолженіи четверти года». (Ib. § 1). Idem, Liefl. L.-Ordnungen. Verordnung angehend das Dienst- und Mieth-Volck. v. 1664. §§ 1 и 3. S. 437. Riga 1707.

ночь, не заявивъ мѣстной власти, тотъ подлежалъ денежному штрафу въ 2 гульдена или же тюремному заключенію въ продолженіи 6 дней»[1]).

Временные уходы рабочихъ на сторону воспрещались въ XVII ст. германскими правительствами по многимъ причинамъ: «es solle sich Niemants ohne Vorwissen undt erlaubniss der Herschaft und Oberampts aus dem Lande ziehen»[2]). Рабочіе, уходя на сторону, возвышали цѣну работы тѣхъ, которые оставались дома, на родинѣ. Поэтому, сплошь и рядомъ мелкіе арендаторы, мельники и вообще мелкіе сельскіе хозяева, не находя дешеваго труда, оставались безъ рабочихъ. «Мы убѣдились», сказано въ предписаніи гр. Липпе отъ 1680 г., «что нѣкоторые изъ подданныхъ привыкли уходить изъ страны на работы въ далекіе края и, кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ подговариваютъ къ такимъ странствованіямъ и другихъ, чрезъ что увеличивается число уходящихъ; такіе уходы принуждаютъ иногда нашихъ арендаторовъ оставаться безъ рабочихъ»[3]). Иногда странствованія рабочихъ служили причиною распространенія заразныхъ болѣзней. «Рабочіе, занимающіеся отхожими промыслами», продолжаетъ вышеприведенное предписаніе, «по окончаніи работъ, возвращаются домой въ большинствѣ случаевъ зараженными болѣзнями, «mit schlimmen Krankheiten», которыми они заражаютъ и другихъ. «Und dann», заканчивается предписаніе, «dergleichen ausser Landes Laufen sollen hiebevor durch öffentliche Edicte aus vielen erheblichen Ursachen scharf und ernstlich verboten... bey Poen 10 Goldfl. werden». На мѣстныхъ властяхъ лежала обязанность отказывать приходящимъ въ ихъ округъ людямъ, если они не представляли удовлетворительнаго свидѣтельства о своемъ поведеніи. «Мы приказываемъ», замѣчаетъ прусскій патентъ 1710 г., «чтобы судьи не дозволяли, «in seinen Gerichten nicht leiden», жить лицамъ, не представившимъ удовлетворительнаго свидѣтельства о своемъ поведеніи и уходѣ, въ выдачѣ котораго не можетъ быть отка-

---

[1]) Altenb. L.-Recht. № LXXVIII. § V. Erneuerte Allm.-Ordnung de an. 1724. § V. S. 491.

[2]) Hochf.-Speier. Verordn. 1653. 6 мая. Th. I. XXIII. § 47. S. 44.

[3]) L.-Verordn. der Graffschaft Lippe. Bd. 1. № LII. S. 487. Lemgo 1779.

зано мѣстными властями въ подтвержденіе истины»[1]). Мѣстнымъ властямъ въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ иногда предписывалось дозволять рабочимъ уходить на сторону только въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе не находили въ мѣстѣ ихъ постояннаго жительства подходящей работы. Такія предписанія исходили отъ правительствъ въ разное время и вызывались мѣстными причинами. Въ XVII ст. еще не было проведено въ законодательствѣ то общее начало, чтобы всѣ и каждый, кто пожелалъ-бы уйдти или уѣхать изъ мѣста родины на сторону временно, испрашивалъ разрѣшеніе отъ мѣстныхъ властей. Это начало проведено было въ правѣ XVII ст. только по отношенію нѣкоторыхъ классовъ общества и притомъ не во всѣхъ государствахъ. «Если одинъ или нѣсколько рабочихъ», сказано въ полиц. уставѣ Саксоніи отъ 1666 г., «не найдутъ работы въ нашей странѣ, то они должны заявить объ этомъ мѣстной власти; послѣдняя, удостовѣрившись въ этомъ, пусть дозволитъ рабочимъ уйдти изъ страны, записавъ ихъ предварительно въ книги»[2]). Мѣстныя власти сплошь и рядомъ или не желали, или не могли знать, дѣйствительно-ли рабочіе не находили работы на родинѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ власти выдавали разрѣшеніе на уходы рабочимъ на сторону, не производя точныхъ дознаній, «nicht vorherige gnugsame Untersuchung». «Мы увѣдомились», говоритъ саксонскій «General-Verordnung» отъ 1720 г., «что власти оставляютъ наши прежніе указы въ пренебреженіи и выдаютъ подданнымъ паспорты для ухода за границу, не требуя отъ нихъ точныхъ свѣдѣній; ушедшіе рабочіе, вмѣсто того, чтобы зарабатывать хлѣбъ, «dass das nötige Brodt zum Lebens-Unterhalt anschaffen», занимаются на сторонѣ нищенствомъ и бродяжничествомъ»[3]).

Если сельскіе рабочіе были ограничены въ правѣ передвиженія съ одного мѣста на другое при временныхъ уходахъ съ мѣста жительства, то и въ городахъ прислуга и рабочіе вообще не пользовались свободою перехода отъ одного хозяина

---

[1]) Corp. Const. Magd. Nov. Cap. XXIV. § 6. S. 215.

[2]) Fürstl.-Sächs. L.-Ordnung. Th. II. Tit. XLIIX S. 221; Idem, Altenb. L.-Ordn. Tit. XVIV. S. 261.

[3]) Cod. Aug. 14 іюня.

хозяина къ другому. Эта свобода перехода ограничивалась гражданскимъ договоромъ. До заключенія договора и послѣ окончанія срока найма рабочій становился свободнымъ. Рабочіе, не нанявшіеся въ городахъ на работу, подвергались строгому полицейскому надзору. Городская власть видѣла въ такихъ личностяхъ бродягъ и лицъ подозрительныхъ; въ особенности въ большихъ городахъ полиція подвергала ихъ репрессіи, выражавшейся сплошь и рядомъ въ поголовномъ изгнаніи ихъ изъ стѣнъ города. Рабочіе безъ свидѣтельства отъ хозяина о добромъ поведеніи высылались изъ городовъ толпами; ихъ принимали городскія власти за нищихъ. Въ XVII и въ началѣ XVIII ст. издается всюду рядъ указовъ и эдиктовъ, чтобы рабочіе въ городахъ знимались работою, а не бродяжничествомъ. Только тѣ рабочіе пользовались покровительствомъ властей, которые имѣли отъ хозяевъ свидѣтельства. Всякій работникъ при отходѣ, по истеченіи условленнаго срока, получалъ отъ хозяина аттестацію. Хозяинъ обязанъ былъ не задерживать выслужившаго опредѣленный срокъ[1]). Аттестація выдавалась хозяиномъ по окончаніи срока найма. «Воспрещается прислугѣ и рабочимъ въ городахъ», повторяютъ указы и эдикты Пруссіи въ XVII ст., «оставлять свою службу безъ достаточныхъ основаній или ради перехода на службу къ другимъ господамъ, или ради житья въ подозрительныхъ притонахъ». Указы и эдикты воспрещаютъ всѣмъ и каждому хозяину «принимать къ себѣ въ услуженіе прислугу: будь то дѣвицы или слуги, лакеи, кучера, рабочіе или тому подобныя лица, до тѣхъ поръ, пока они не представятъ, «produciren», отъ прежнихъ господъ отпускнаго письменнаго свидѣтельства о своемъ поведеніи; тотъ, кто нарушаетъ предписаніе, въ первый разъ подвергается 50 тал. штрафа и 100 дук. за слѣдующіе разы»[2]).

---

[1]) Liffl. L.-Ordn. nebst darzu gehörigen Placaten und Stadgen: «hienebenst soll auch niemand einen Diener oder Reisigen, wenn er seine Zeit ausgedient und nicht länger Lust zu bleiben hat, wieder seinen Willen halten, bey arbitrar Poen». t. XII. S. 33. Riga. 1707.

[2]) Corp. Const. Magd. Nov. S. 600 ff.; Liefl. Landes-Ord. Verordnung v. 1669. Art. VIII. § 13: «Keiner nehme einen Knecht oder Gesellen an, welcher mit seines vorigen Hauswirths und Meisters Unwillen aus dem Dienst

Временные уходы заграницу безъ разрѣшенія правительственныхъ властей въ XVII ст. были воспрещены не только лицамъ, искавшимъ труда физическаго, но и лицамъ, желавшимъ внѣ предѣловъ отечества посвятить себя занятіямъ умственнымъ. Такія запрещенія, правда, издавались не всѣми германскими правительствами XVII ст. Не всѣ правительства съ боязнью смотрѣли на временныя странствованія своихъ подданныхъ въ иностранныя государства. Принципъ: «dass niemand ohne genädigste special-permission in fremde Lande reisen soll»[1]), не всюду строго примѣнялся въ отношеніи лицъ, искавшихъ за предѣлами своего отечества труда физическаго или умственнаго. Въ нѣкоторыхъ же государствахъ забота объ ограниченіи ухода лицъ, искавшихъ внѣ отечества умственнаго развитія, приняла слишкомъ рѣзкую форму. Нагляднымъ примѣромъ могутъ служить два эдикта Пруссіи, изъ которыхъ одинъ относится къ XVII ст., а другой—къ XVIII ст. Оба вышеупомянутые эдикты являются характерными по своему содержанію[2]).

---

gegangen ist, bey Straffe 2 Dohlr. Silber-Münze in die Laden und 3 Marck an die Armen»; Ib. v. 1664. § 4: «Niemand soll auch Macht haben jemand anzunehmen, ehe und bevor er vorgewissirt, dass der Dienst-Bothe von seines vorigen Hauss-Herrn Diensten frey und Abschied bekommen, bey Straffe». Если же рабочій пожелалъ оставить хозяина, то онъ за 2 мѣс. долженъ былъ предупредить послѣдняго о томъ и получить отъ него паспортъ. Ib. §§ 5 и 6. S. 445.

[1]) «Wer ausserhalb Reichs reisen will, der muss mit einem Pass versehen seyn». Das schwedische Land- und Stadt-Recht von Carl IX confirmiret und an. 1606 publiciret. G. Adolphus Stadt-Recht a. 1618. Cap. XIII. S. 11. Instruct. a. 1687. § 19. Leipzig 1709.

[2]) «Wir werden berichtet», гласитъ первый эдиктъ отъ 1686 г., «es auch die tägliche Erfahrung bezeugt, dass eine Zeithero viele von unsern Vasallen und Lehnleute auff dem Lande, wie auch vermögende Bürger in Städten sich unterstanden, ohne unsern Vorbewust und Consens ihre Söhne in fremde und auswärtige Lande und Königreiche unterm Vorwand, dass sie daselbst die Sprachen und allerhand Exercitia lernen sollen, zuverschleken und selbige peregriniren und reisen zu lassen... indem sie allerhand Eitelkeiten sich ergeben, den Debauchen, Spielen und andern Wollüsten nachgegangen, zu deren Bezahlung grosse Summen Geldes übermachet werden müssen, viele auch die einmahl erkandte und bekandte Wahrheit oder Evangelischen Reli-

Тѣмъ, кто нарушитъ эдиктъ, законъ грозитъ лишеніемъ достоинствъ, «Dignitaeten», должностей, «Ehren-Aemtern» и наложеніемъ денежнаго штрафа или другаго взысканія, «merckliche Geld-Busse oder exemplarische Straffe». Время показало, что родители и дѣти не очень ревностно выполняли желаніе правительства, которое принуждено было снова напомнить подданнымъ о своемъ желаніи и цѣляхъ[1]).

Крѣпостные, желавшіе покинуть германскую территорію навсегда и переселиться за предѣлы той страны, гдѣ они жили, должны были представить мѣстной власти отпускныя грамоты отъ господина. Каждая грамота считалась законнымъ документомъ лишь къ томъ случаѣ, когда она была снабжена печатью: «Die um Manumission ansuchende Leibeigene sollen ihren Bittschriften die nöthige von des Orts Schultheisen und Gericht und unseren Ober- und Aemptern mit dem gewöhnlichen Sigillen corrobirte Attestata ihres Vermögens zugleich mit beilegen»[2]).

---

gion abzuschwehren sich verführen lassen, theils auch liederlich um ihr Leib und Leben gekommen; als haben Wir sollen Unheil nicht länger nachsehen, zumahlen auf denen Gimnasiis und Academien in Teutschland es nunmehr auch an guten, bequemen und tüchtigen Sprachen und Exercitien-Meistern nicht ermangelt und absonderlich unsere Universität zu Franckfurt damit gebührend und wohl versehen, und dannenhero aus Landesväterlicher Vorsorge für unserer Unterthanen und Landeskinder Besten, zu Verhütung deren Verderbens und Ruin». Corp. Const. Magd. Nov. 30 янв. Pars VI. S. 85.

[1]) «Wir werden mit nicht geringem Missfallen wahrgenommen, dass die Reisen der Jugend ausserhalb Teutschland in frembde Länder und Provincien, deren Zweck und Absehen zwar nicht zu verweisen ist, insgemein zu einem grossen Missbrauch ausschlagen, indem nicht allein das baare Geld ausser Landes geführet wird, sondern auch anstatt, das dasjenige, so andere Nationen an guten Ordnungen, Gebräuchen und Wercken der Kunst und Natur besonders haben, in acht genommen, zu Nutze gemachet... desshalb gewisse Edicta prohibitoria ergehen zu lassen... dass dergleichen Reisen von jungen Leuten unter 30 Jahr nich ohne unsere Special-Permission vorgenommen werden sollen». Цѣль этого мандата была такова: «Weilen Wir zu Ehre Gottes... auch zum Auffnahm, Flor und Rhum Teutscher Nation und Sprache solche neue Verfassung gemachet haben». Иная цѣль едва-ли и можетъ быть выставляема во всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ и законахъ вообще.

[2]) Samml. d. Hochf.-Speier. G. und Verordn. 1723. 4 мая. Th. II. LXV. S. 50.

Только получившіе увольненіе отъ господъ и разрѣшеніе отъ властей крѣпостные могли оставить навсегда отечество: «Sich abziehen wollende Leibeigene müssen ihre Entlassung begehren»[1]).

Эмиграція людей зависимыхъ обусловливалась согласіемъ частнаго лица и представителя публичной власти. Въ XVII ст. большая часть германскаго населенія находилась въ частноправовой зависимости. Люди крѣпостные не пользовались свободой передвиженія ни въ предѣлахъ страны, ни за ея предѣлы. Своевольная эмиграція явилась однимъ изъ исходовъ для крѣпостныхъ, намѣревавшихся за предѣлами отечества найдти лучшія условія жизни. Иныя отношенія существовали между свободными людьми и государственною властью, чѣмъ отношенія между личностью крѣпостнаго и помѣщичьею властью. Свободные подданные были вправѣ оставить предѣлы своей страны навсегда, получивъ предварительное разрѣшеніе отъ центральной или мѣстной власти. Получивъ разрѣшеніе, личность могла уходить свободно и безпрепятственно, что стремился утвердить и Аугсбургскій миръ 1530 г., гдѣ было выставлено слѣдующее положеніе: «всѣ граждане и гражданки старой христіанской религіи могутъ выселяться изъ мѣста родины свободно и безпрепятственно съ ихъ движимымъ имуществомъ и всѣми достатками изъ городовъ, мѣстечекъ и деревень безъ уплаты за то добавочнаго налога и задержки ихъ имущества»[2]). Всѣ препятствія и привиллегіи, направленныя къ ограниченію уходовъ, уничтожаются[3]).

Имперское постановленіе 1530 г. не имѣло практическаго значенія. Безпрепятственный, свободный уходъ и передвиженіе въ XVII ст. былъ фикціею. Эпоха внутренней германской междоусобицы совпала съ уничтоженіемъ юридическаго порядка. Слабый находился въ полной зависимости отъ сильнаго. Только эмиграція давала германскимъ подданнымъ воз-

---

[1]) Ib. Th. I. LXXXIV. S. 91.

[2]) R. A. zu Augspurg 1530. t. 60.

[3]) Ib.: «Und ob einige obangezeigte Obrigkeit, Stadt oder Flecken, Freyheiten oder Privilegien, diesem zuwider oder entgegen hätten, denselben wollen Wir derogirt und solches alles in diesem Fall hiemit auffgehebt haben».

можность въ это время спасти личную свободу и отчасти свое достояніе. Съ половины XVII ст. раздаются всюду жалобы дворянства на выселенія крестьянъ. Выселеніе увеличивалось несмотря на изданные декреты, воспрещавшіе уходы крестьянъ за предѣлы отечества[1]). Территоріальная власть, «Landeshoheit», признаетъ своимъ безспорнымъ правомъ, «ein unbestrittenes Recht», дозволять или ограничивать своихъ подданныхъ при уходѣ ихъ навсегда заграницу. Несмотря на стѣсненія и ограниченія многіе уходили за предѣлы Германіи безъ всякаго разрѣшенія имперскаго и партикулярнаго правительства, поступая тамъ или на государственную службу, или же выбирая себѣ иной родъ занятій. Рядъ строгихъ имперскихъ постановленій XVI ст. воспрещавшихъ покидать отечество ради поступленія на службу иностраннаго государя: «bey Vermeidung hoher und harter Straffe... dass niemand wider uns, noch unser Land und Leut, oder auch andere unsere und des Reichs Mietglieder, in frembder Potentaten oder anderer Herren-Dienst begeben soll», не остановилъ эмиграціи[2]). Имперское право XVI ст., воспрещавшее подъ угрозою уголовнаго взысканія всѣмъ военно-служащимъ переходить своевольно на службу въ иностранное государство безъ императорскаго соизволенія, «ohne unser, oder seiner Oberkeit Vorwissen und Biwilligung»[3]), съ теченіемъ времени вошло и въ партикулярное законодательство. Нарушители имперскихъ постановленій, кто бы они ни были, подвергались строгой карѣ, «bey Straff Leib und Lebens, Einziehung aller Haab und Güter, Entwehrung der Erb- und Anwartschaften, Nachschickung Weib und Kinder»[4]). Эти положенія относительно уходовъ военно-служащихъ заграницу, «ausser Landes», по заключеніи Вестфальскаго договора, вошли въ партикулярное законодательство. Партикулярное право XVII ст. въ отношеніи ухода навсегда подданныхъ заграницу признало слѣдующій принципъ: «dass sich kein Unterthan frembden Herren ohne Erlaubniss ziehen soll»[5]). Характернымъ

---

[1]) Lamprecht, Id. S. 165.
[2]) R. A. 1530; 1544. t. 72; 1551. t. 98; 1570. t. 4; 1582. t. 31.
[3]) R. A. 1559. t. 37.
[4]) R. A. 1635. t. 83.
[5]) Samml. d. Hochf.-Speier. G. Verordn. 1653. 6 мая. Th. I. t. XXIII. Изд. 1780.

постановленіемъ въ этомъ направленіи представляется эдиктъ кн. Пфальцъ, относящійся къ концу XVII ст.: «Какъ наши предки часто, такъ и мы въ 1678 г. и раньше», замѣчаетъ вышеприведенный эдиктъ, «строго воспрещали всѣмъ нашимъ подданнымъ безъ исключенія, «Unterthanen, Hindersassen, Angehörigen und Verwandten», уходить тайно или явно на службу къ чужеземнымъ государямъ и другимъ властелинамъ безъ нашего вѣдома и позволенія; мы повелѣваемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ находиться при своихъ женахъ и дѣтяхъ ради защиты и пропитанія послѣднихъ; мы же ежедневно къ сожалѣнію узнаемъ, что многіе, уходя изъ страны благодаря подговорамъ другихъ, сдѣлали своихъ женъ вдовами, а дѣтей сиротами, которые волей-неволей занимаются недостойными дѣлами; тотъ, кто нарушитъ въ будущемъ наше предписаніе и затѣмъ вернется на родину, будетъ взятъ подъ арестъ и наказанъ строго, «mit ernstlicher Straff», вмѣстѣ съ его преступными дѣтьми и женой»[1]). Такія же постановленія издавались въ XVII ст. во всѣхъ другихъ германскихъ государствахъ въ значительномъ количествѣ. Въ особенности законы преслѣдовали тѣхъ, кто уходилъ въ другія страны ради поступленія тамъ на военную службу. «Dass sich niemand», повторяютъ прусскіе мандаты и эдикты XVII ст. и начала XVIII ст., «von Unsern Vasallen und Unterthanen (sie seyn Officirer oder Gemeine) in fremde Kriegs-Dienste begeben oder werben lassen solle»[2]). Такихъ эдиктовъ было издано и прусскимъ[3]), и другими правительствами, значительное число, что отчасти свидѣтельствуетъ о постоянныхъ своевольныхъ уходахъ военнослужащихъ изъ предѣловъ Пруссіи. Кромѣ того, подъ угрозою строгихъ наказаній партикулярное право воспрещаетъ всѣмъ и каждому заниматься вербовкою подданныхъ въ солдаты. Вербовкою могли заниматься тѣ, кто имѣлъ отъ правительства спеціальную концессію, «vorher erhaltene Permission»[4]). Но и

---

[1]) Churf. Pfalz bey Rhein etc. ernewert- und verbessertes Land-Recht. Tit. XV. S. 136. Weinheim 1700.

[2]) Corp. Const. Magd. Nov. Ed. 1680 г. 1 дек.

[3]) Ib. Cм. partes III и IV.

[4]) Speier. G. und Verordn. Th. I и II. XXXVIII. S. 35 ff.

Пруссія дѣлала нѣкоторыя исключенія изъ этого правила для тѣхъ государствъ, съ которыми она находилась въ дружбѣ. Правда, Пруссія дозволяла уходить на иностранную военную службу только тѣмъ, кто пришелъ въ эту страну изъ-заграницы и тутъ поселился. Въ 1688 г. въ Пруссіи было обнародовано приглашеніе русскаго правительства къ французскимъ эмигрантамъ, бѣжавшимъ изъ Франціи послѣ уничтоженія Нантскаго эдикта въ предѣлы Пруссіи»[1]).

Выселеніе изъ предѣловъ отечества по германскому праву считалось дѣяніемъ законнымъ лишь тогда, когда желавшій выселиться испросилъ разрѣшеніе отъ установленныхъ властей. Разрѣшеніе выдавалось въ рѣдкихъ случаяхъ. Законъ требуетъ представить наличность такихъ условій, при которыхъ жизнь на родинѣ становилась очень неудовлетворительной. Желавшій выселиться обязанъ былъ доказать мѣстнымъ властямъ, что онъ найдетъ на чужой странѣ лучшія условія жизни, чѣмъ на родинѣ. При представленіи доказательствъ все зависило отъ взгляда властей. «Если кто-либо пожелаетъ выселиться изъ отечества въ другія страны», сказано въ полиц. уставѣ Пруссіи отъ 1688 г., «то ему слѣдуетъ отказать въ выдачѣ разрѣшенія; при выселеніи власти не должны задерживать только тѣхъ крестьянъ и горожанъ, которые представятъ достаточные доводы, что они надѣются на лучшую судьбу, «sattsame Ursachen ihrer Aenderung und ihres bessern Glückes», и что они не въ состояніи болѣе оставаться на родной землѣ и ее воздѣлывать»[2]). Вообще, выселеніе нѣмцевъ въ XVII и въ началѣ XVIII ст. находилось подъ строгимъ надзоромъ властей, доходившимъ въ большинствѣ случаевъ до прямаго воспрещенія. «Мы приказываемъ», читаемъ мы въ предписаніи кн. Шпейеръ отъ 1709 г., «задерживать переселенія подданныхъ, направляющихся въ многочисленномъ количествѣ, «vieler hundert»,

---

[1]) «Copia des Passes, welchen beiden Zaarische Majestäten in der Moscau auff Jr. Churf. Durchl. zu Brandenburg boschehene Recomendation, denen der Christl. Reformirten Religion halber geflachteten Frantzossen, in der Moscau sich frey und ungehindert niederzulassen und darinnen zu handeln, auch nach belieben wieder von dannen zu ziehen, ertheilet haben» Mylius, C. C. March. VI. 1. 582.

[2]) Corp. Const. Magd. Nov. Cap. XXXIV. § 12. S. 215 ff.

въ Америку и грозящихъ опасностью католической религіи, «ob periculum Religionis Catholicae», что воспрещено и Каролиною; слѣдуетъ признавать ничтожными, «sub poena nullitatis», всѣ акты и договоры, заключенные намѣревающимися выселиться лицами»[1]). Рядъ указовъ и эдиктовъ не прекращалъ эмиграціи, которая все болѣе и болѣе увеличивалась. Эмигранты шли и въ Америку, и въ другія страны. «Значительное число подданныхъ кн. Шпейеръ изъ различныхъ округовъ», читаемъ мы въ постановленіи 1723 г., «продаютъ свои имущества и, получивъ разрѣшеніе, уходятъ изъ нашей страны въ Венгрію». Уходы сдѣлались общимъ явленіемъ. «Поэтому, на будущее время», продолжаетъ вышеприведенное предписаніе, «выселеніе нашихъ подданныхъ не будетъ позволено безъ достаточныхъ причинъ; по дошедшимъ до насъ слухамъ сосѣднія государства воспретили подобныя выселенія совершенно; мы повѣлеваемъ всѣмъ сельскимъ властямъ, со дня публикаціи этого предписанія, не дозволять никому выселяться навсегда въ отдаленныя страны безъ полученія спеціальнаго разрѣшенія»[2]).

Право передвиженія ремесленнаго сословія въ предѣлахъ Германіи и за ея предѣлы находилось въ тѣсной связи съ хозяйственно-промысловыми привиллегіями, на которыхъ покоилась вся жизнь этого класса общества. Промысловыя привиллегіи, будучи разнообразными, распространялись на строго опредѣленный кругъ городскихъ жителей. Монопольныя права, «Realgerechtigkeiten», ремесленниковъ, выработанныя обычаемъ, въ XVI и XVII ст. пріобрѣтаютъ вполнѣ юридическое значеніе для опредѣленнаго класса лицъ, что подтвердила и территоріальная власть. Цеховыя привиллегіи въ началѣ своего возникновенія не имѣли того рѣзкаго характера, котораго они достигли впослѣдствіи, а именно въ XVI и XVII ст., т. е. въ эпоху упадка ремесленнаго строя. Въ это время исключительныя права промышленныхъ корпорацій простирались до крайности. Цеховыя корпораціи просятъ территоріальныхъ государей или воспретить кореннымъ деревенскимъ мастерамъ заниматься какимъ-либо мастерствомъ для деревни, или же изгнать

---

[1]) Samml. Hochf.—Speier. G. und Verordn. 26 іюня. Th. I. LXXIII. S. 84.
[2]) Ib. 4 мая. Th. II. XLIV. S. 38.

мастеровъ, жившихъ продолжительное число лѣтъ въ деревнѣ[1]). Монополія въ пользу ремесленнаго сословія признавалась дѣйствительной не только въ чертѣ города, но иногда и въ селѣ. Право регулированія промышленной жизни, сосредоточившись въ рукахъ территоріальныхъ государей, повлекло за собой расширеніе исключительныхъ правъ ремесленниковъ во вредъ сельскому населенію. Между исключительными правами городовъ за счетъ сельскаго населенія въ мѣстностяхъ, находившихся въ зависимомъ отъ нихъ положеніи и лежавшихъ отъ нихъ на двѣ, на три мили,—что мы встрѣчаемъ въ средніе вѣка,—и исключительными правами городовъ за счетъ всего сельскаго населенія,—что иногда мы встрѣчаемъ въ XVII ст.,—была громадная разница[2]). Быстрый ростъ и могущество городскаго промышленнаго класса шли рука объ руку съ развитіемъ цѣлой системы разнообразныхъ промышленно-торговыхъ привиллегій, доходы отъ которыхъ покрывали издержки городскаго хозяйства. Въ числѣ такихъ привиллегій были тѣ, которыя даровались союзамъ ремесленниковъ, какъ городскому учрежденію, «Amt», отправлявшему взамѣнъ даруемыхъ правъ извѣстныя обязанности предъ городской общиной. Монопольныя права городской общины имѣли силу не только въ чертѣ городскихъ стѣнъ, но и нерѣдко распространялись на окрестныя къ городу мѣстности, вліяя на сельское населеніе. Въ числѣ такихъ привиллегій мы отмѣчаемъ такъ наз. «Meilenrecht» или «Bannmeile», т. е. право городовъ, распространившееся на извѣстное число миль вокругъ города. Эта привиллегія города въ значительной степени ограничивала право поселенія свободныхъ людей на земляхъ, находившихся около стѣнъ города потому, что она стѣсняла лицъ при выборѣ ими занятій. Право поселенія и право занятія промыслами, находясь въ тѣсной связи, вліяютъ другъ на друга. Человѣкъ живетъ тамъ, гдѣ онъ находитъ занятіе; ограничить сферу дѣятельности личности—значитъ установить предѣлы личной свободѣ при передвиженіи и поселеніи. «Meilenrecht» въ началѣ своего возникновенія было правомъ ограниченнымъ;

---

[1]) A. Beier, de collegiis opificum, ed. nova F. G. Struvii §§ 884 et 886. Helmstadii 1727.

[2]) W. Stieda, zur Entstehung d. deutschen Zunftwesens S. 98.

оно распространялось только на нѣкоторыя мѣстности, лежавшія около городской общины. Кругъ дѣйствія «Bannmeile» не обнималъ въ средніе вѣка мѣстностей, лежавшихъ болѣе, чѣмъ на двѣ, на три мили отъ города[1]). Только съ теченіемъ времени послѣдовало полное воспрещеніе заниматься ремеслами въ предѣлахъ «Bannmeile» всѣмъ тѣмъ, кто не пріобрѣлъ монопольнаго права. Средневѣковые города были центромъ промышленной дѣятельности, притягивавшимъ къ себѣ массу населенія. Всѣ стремились идти въ города и тамъ, пріобрѣтая права поселенія, предавались промышленному труду. Если цеховые статуты среднихъ вѣковъ воспрещали деревенскимъ ремесленникамъ сбывать свои произведенія городскимъ жителямъ, то они не стѣсняли деревенскихъ ремесленниковъ приходить въ городъ и пріобрѣтать права городскихъ ремесленниковъ. Сельскіе мастера свободно направлялись въ стѣны города, гдѣ и оставались, кто хотѣлъ, на постоянное жительство. Свободный притокъ сельскаго населенія въ городскія стѣны обезпечилъ ростъ средневѣковыхъ городовъ. Привиллегіи, выработанныя городскими ремесленниками, послужили позднѣе искусственой концентраціей промышленной дѣятельности въ городахъ. Быстрый ростъ промышленной дѣятельности и свободный приливъ населенія въ города создали среди ремесленнаго городскаго населенія то убѣжденіе, что городъ предназначенъ для промысловъ и торговли, а деревня - для земледѣлія, что городскіе жители должны посвящать свою дѣятельность ремесламъ и торговлѣ исключительно, а поселяне въ свою очередь—земледѣлію. Дабы граждане не встрѣчали конкуренціи со стороны приходящихъ въ городъ ремесленниковъ и другихъ лицъ, послѣднимъ воспрещалось поселяться въ городѣ и пріобрѣтать право на занятіе извѣстными промыслами. На территоріи, принадлежавшей городской общинѣ на основаніи «Bannrecht», цеховые статуты воспрещаютъ поселяться и заниматься цеховыми промыслами новымъ пришельцамъ, хотя бы они, изучивъ свое ремесло, пріобрѣли на родинѣ право на занятіе цеховыми промыслами. «Во многихъ городахъ», читаемъ мы въ имперскомъ постановленіи 1577 года, «есть обычай не при-

---

[1]) Въ привиллегіи 1290 г. сказано: «ut nullae camerae mercatorum nulli pistores, nulli mechanici.... sint infra unius miliaris spacium»... Eichhorn, R. G. Th. II. S. 477.

мастеровъ, жившихъ продолжительное число лѣтъ въ деревнѣ[1]). Монополія въ пользу ремесленнаго сословія признавалась дѣйствительной не только въ чертѣ города, но иногда и въ селѣ. Право регулированія промышленной жизни, сосредоточившись въ рукахъ территоріальныхъ государей, повлекло за собой расширеніе исключительныхъ правъ ремесленниковъ во вредъ сельскому населенію. Между исключительными правами городовъ за счетъ сельскаго населенія въ мѣстностяхъ, находившихся въ зависимомъ отъ нихъ положеніи и лежавшихъ отъ нихъ на двѣ, на три мили,—что мы встрѣчаемъ въ средніе вѣка,—и исключительными правами городовъ за счетъ всего сельскаго населенія,—что иногда мы встрѣчаемъ въ XVII ст.,—была громадная разница[2]). Быстрый ростъ и могущество городскаго промышленнаго класса шли рука объ руку съ развитіемъ цѣлой системы разнообразныхъ промышленно-торговыхъ привиллегій, доходы отъ которыхъ покрывали издержки городскаго хозяйства. Въ числѣ такихъ привиллегій были тѣ, которыя даровались союзамъ ремесленниковъ, какъ городскому учрежденію, «Amt», отправлявшему взамѣнъ даруемыхъ правъ извѣстныя обязанности предъ городской общиной. Монопольныя права городской общины имѣли силу не только въ чертѣ городскихъ стѣнъ, но и нерѣдко распространялись на окрестныя къ городу мѣстности, вліяя на сельское населеніе. Въ числѣ такихъ привиллегій мы отмѣчаемъ такъ наз. «Meilenrecht» или «Bannmeile», т. е. право городовъ, распространившееся на извѣстное число миль вокругъ города. Эта привиллегія города въ значительной степени ограничивала право поселенія свободныхъ людей на земляхъ, находившихся около стѣнъ города потому, что она стѣсняла лицъ при выборѣ ими занятій. Право поселенія и право занятія промыслами, находясь въ тѣсной связи, вліяютъ другъ на друга. Человѣкъ живетъ тамъ, гдѣ онъ находитъ занятіе; ограничить сферу дѣятельности личности—значитъ установить предѣлы личной свободѣ при передвиженіи и поселеніи. «Meilenrec[illegible] въ началѣ своего возникновенія было правомъ огран[illegible]

---

[1]) A. Beier, de collegiis opificum, ed. nov[illegible] 886. Helmstadii 1727.

[2]) W. Stieda, zur Entstehung d. deuts[illegible]

оно распространялось только на нѣкоторыя мѣстности, лежавшія около городской общины. Кругъ дѣйствія «Bannmeile» не обнималъ въ средніе вѣка мѣстностей, лежавшихъ болѣе, чѣмъ на двѣ, на три мили отъ города[1]). Только съ теченіемъ времени послѣдовало полное воспрещеніе заниматься ремеслами въ предѣлахъ «Bannmeile» всѣмъ тѣмъ, кто не пріобрѣлъ монопольнаго права. Средневѣковые города были центромъ промышленной дѣятельности, притягивавшимъ къ себѣ массу населенія. Всѣ стремились идти въ города и тамъ, пріобрѣтая права поселенія, предавались промышленному труду. Если цеховые статуты среднихъ вѣковъ воспрещали деревенскимъ ремесленникамъ сбывать свои произведенія городскимъ жителямъ, то они не стѣсняли деревенскихъ ремесленниковъ приходить въ городъ и пріобрѣтать права городскихъ ремесленниковъ. Сельскіе мастера свободно направлялись въ стѣны города, гдѣ и оставались, кто хотѣлъ, на постоянное жительство. Свободный притокъ сельскаго населенія въ городскія стѣны обезпечилъ ростъ средневѣковыхъ городовъ. Привиллегіи, выработанныя городскими ремесленниками, послужили позднѣе искусственой концентраціей промышленной дѣятельности въ городахъ. Быстрый ростъ промышленной дѣятельности и свободный приливъ населенія въ города создали среди ремесленнаго городскаго населенія то убѣжденіе, что городъ предназначенъ для промысловъ и торговли, а деревня - для земледѣлія, что городскіе жители должны посвящать свою дѣятельность ремесламъ и торговлѣ исключительно, а поселяне въ свою очередь—земледѣлію. Дабы граждане не встрѣчали конкуренціи со стороны приходящихъ въ городъ ремесленниковъ и другихъ лицъ, послѣднимъ воспрещалось поселяться въ городѣ и пріобрѣтать право на занятіе извѣстными промыслами. На территоріи, принадлежавшей городской общинѣ на основаніи «Bannrecht», цеховые статуты воспрещаютъ поселяться и заниматься цеховыми промыслами новымъ пришельцамъ, хотя бы они, изучивъ свое ремесло, пріобрѣли на родинѣ право на занятіе цеховыми промыслами. «Во многихъ городахъ», читаемъ мы въ имперскомъ пос[illegible]еніи 1577 года, «есть обычай не при-

[illegible] но: «ut nullae camerae mercatorum [illegible] miliaris spacium»... Eich-

мастеровъ, жившихъ продолжительное число лѣтъ въ деревнѣ[1]). Монополія въ пользу ремесленнаго сословія признавалась дѣйствительной не только въ чертѣ города, но иногда и въ селѣ. Право регулированія промышленной жизни, сосредоточившись въ рукахъ территоріальныхъ государей, повлекло за собой расширеніе исключительныхъ правъ ремесленниковъ во вредъ сельскому населенію. Между исключительными правами городовъ за счетъ сельскаго населенія въ мѣстностяхъ, находившихся въ зависимомъ отъ нихъ положеніи и лежавшихъ отъ нихъ на двѣ, на три мили,—что мы встрѣчаемъ въ средніе вѣка,—и исключительными правами городовъ за счетъ всего сельскаго населенія,—что иногда мы встрѣчаемъ въ XVII ст.,—была громадная разница[2]). Быстрый ростъ и могущество городскаго промышленнаго класса шли рука объ руку съ развитіемъ цѣлой системы разнообразныхъ промышленно-торговыхъ привиллегій, доходы отъ которыхъ покрывали издержки городскаго хозяйства. Въ числѣ такихъ привиллегій были тѣ, которыя даровались союзамъ ремесленниковъ, какъ городскому учрежденію, «Amt», отправлявшему взамѣнъ даруемыхъ правъ извѣстныя обязанности предъ городской общиной. Монопольныя права городской общины имѣли силу не только въ чертѣ городскихъ стѣнъ, но и нерѣдко распространялись на окрестныя къ городу мѣстности, вліяя на сельское населеніе. Въ числѣ такихъ привиллегій мы отмѣчаемъ такъ наз. «Meilenrecht» или «Bannmeile», т. е. право городовъ, распространившееся на извѣстное число миль вокругъ города. Эта привиллегія города въ значительной степени ограничивала право поселенія свободныхъ людей на земляхъ, находившихся около стѣнъ города потому, что она стѣсняла лицъ при выборѣ ими занятій. Право поселенія и право занятія промыслами, находясь въ тѣсной связи, вліяютъ другъ на друга. Человѣкъ живетъ тамъ, гдѣ онъ находитъ занятіе; ограничить сферу дѣятельности личности—значитъ установить предѣлы личной свободѣ при передвиженіи и поселеніи. «Meilenrecht» въ началѣ своего возникновенія было правомъ ограниченнымъ;

---

[1]) A. Beier, de collegiis opificum, ed. nova F. G. Struvii §§ 884 et 886. Helmstadii 1727.

[2]) W. Stieda, zur Entstehung d. deutschen Zunftwesens S. 98.

оно распространялось только на нѣкоторыя мѣстности, лежавшія около городской общины. Кругъ дѣйствія «Bannmeile» не обнималъ въ средніе вѣка мѣстностей, лежавшихъ болѣе, чѣмъ на двѣ, на три мили отъ города[1]). Только съ теченіемъ времени послѣдовало полное воспрещеніе заниматься ремеслами въ предѣлахъ «Bannmeile» всѣмъ тѣмъ, кто не пріобрѣлъ монопольнаго права. Средневѣковые города были центромъ промышленной дѣятельности, притягивавшимъ къ себѣ массу населенія. Всѣ стремились идти въ города и тамъ, пріобрѣтая права поселенія, предавались промышленному труду. Если цеховые статуты среднихъ вѣковъ воспрещали деревенскимъ ремесленникамъ сбывать свои произведенія городскимъ жителямъ, то они не стѣсняли деревенскихъ ремесленниковъ приходить въ городъ и пріобрѣтать права городскихъ ремесленниковъ. Сельскіе мастера свободно направлялись въ стѣны города, гдѣ и оставались, кто хотѣлъ, на постоянное жительство. Свободный притокъ сельскаго населенія въ городскія стѣны обезпечилъ ростъ средневѣковыхъ городовъ. Привиллегіи, выработанныя городскими ремесленниками, послужили позднѣе искусственой концентраціей промышленной дѣятельности въ городахъ. Быстрый ростъ промышленной дѣятельности и свободный приливъ населенія въ города создали среди ремесленнаго городскаго населенія то убѣжденіе, что городъ предназначенъ для промысловъ и торговли, а деревня - для земледѣлія, что городскіе жители должны посвящать свою дѣятельность ремесламъ и торговлѣ исключительно, а поселяне въ свою очередь—земледѣлію. Дабы граждане не встрѣчали конкуренціи со стороны приходящихъ въ городъ ремесленниковъ и другихъ лицъ, послѣднимъ воспрещалось поселяться въ городѣ и пріобрѣтать право на занятіе извѣстными промыслами. На территоріи, принадлежавшей городской общинѣ на основаніи «Bannrecht», цеховые статуты воспрещаютъ поселяться и заниматься цеховыми промыслами новымъ пришельцамъ, хотя бы они, изучивъ свое ремесло, пріобрѣли на родинѣ право на занятіе цеховыми промыслами. «Во многихъ городахъ», читаемъ мы въ имперскомъ постановленіи 1577 года, «есть обычай не при-

---

[1]) Въ привиллегіи 1290 г. сказано: «ut nullae camerae mercatorum nulli pistores, nulli mechanici.... sint infra unius miliaris spacium»... Eichhorn, R. G. Th. II. S. 477.

нимать иногороднихъ «Leinweber, Barbierer, Schäffer, Müller» въ цехи, хотя они имѣютъ законныя права; такіе отказы вызываютъ «viel Unruhe, Widerwillen, Nachtheil und Schaden»[1]). Мѣры, охранявшія городскихъ ремесленниковъ отъ конкуренціи съ иногородними ремесленниками и попреимуществу съ сельскими, приняли рѣзкій характеръ въ XVI и XVII ст. Репрессивныя мѣры разнообразились смотря по условіямъ мѣстности и различію цеховыхъ обычаевъ, привиллегій и правъ, большая часть которыхъ въ началѣ своего возникновенія имѣла свою разумность, служа въ пользу какъ производителя, такъ и потребителя[2]). Какъ въ средніе вѣка, такъ и въ XVI и XVII ст., существо ремесленнаго производства требовало, чтобы производитель жилъ постоянно тамъ, гдѣ находилось и промышленное заведеніе. Занятіе ремесломъ находилось въ тѣсной связи съ осѣдлостію, съ постояннымъ пребываніемъ лица. Съ возрастаніемъ городскаго населенія и развитіемъ въ городахъ промышленной дѣятельности, что дѣлало жизнь въ городахъ дорогою, въ средѣ ремесленниковъ естественно появилось стремленіе уходить изъ города въ деревню. Послѣднее увеличивается въ концѣ XVI и особенно въ началѣ XVII ст., т. е. въ періодъ переполненія городскихъ ремеслъ и общаго уменьшенія заработковъ. Уходы ремесленниковъ съ цѣлью поселенія въ деревняхъ грозили подрывомъ городскому ремеслу. Городскіе ремесленники подчиняютъ въ XVII ст. своихъ товарищей по профессіи надзору, стремясь даже совсѣмъ подавить сельское ремесло. Цеховые мастера при борьбѣ съ сельскими ремесленниками испрашиваютъ спеціальныя привиллегіи отъ территоріальныхъ государей. Послѣдніе воспрещаютъ ремесленникамъ заниматься ремесломъ въ деревнѣ: «Handwerker sollen auf die Dörfer nicht gesetzet, noch ihnen ihr Handwerk darin zu treiben gestattet werden»[3]). Государи отдѣльныхъ германскихъ земель принимаютъ искусственныя мѣры къ развитію городской промышленности. Владѣтельные князья и герцоги

---

[1]) R. Absch. 1577. t. XXXVIII.

[2]) O. Gierke, das deutsche Genossenschaftsrecht Bd. I. S. 359—408; W. Stahl, das deutsche Handwerk S. 7 ff.

[3]) Repert. juris Mecklenb. Pol-Ordn. 1654. § 12.

были твердо убѣждены, что въ городахъ лучше и легче сбирать налоги, чѣмъ обращаться къ сбору поземельной подати. По мнѣнію территоріальныхъ государей только ростъ городской промышленности доставитъ вѣрное средство къ восполненію казны. Подтвержденіе и расширеніе «Bannrechte» въ пользу городовъ со стороны правительства имѣло цѣлью не только увеличеніе городскихъ бюджетовъ, но и восполненіе бюджета государственнаго. Правительства подтверждаютъ привиллегіи городскихъ общинъ, оберегая городскихъ ремесленниковъ отъ конкуренціи сельскихъ: «Никто изъ ремесленниковъ каждаго города не долженъ заниматься ремесломъ дальше, какъ за милю отъ городской черты, ибо нарушеніе этого постановленія приноситъ городамъ большой вредъ и ущербъ; въ деревняхъ только тѣ ремесленники терпимы, которые занимаются своимъ ремесломъ изстари, «von Alters»[1]). Ремесленники обязаны были жить и заниматься ремесломъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ[2]).

Правительства оставляютъ въ сторонѣ интересы ремесленнаго сельскаго населенія. Они разрѣшаютъ городскимъ цехамъ не допускать, изгонять и всевозможнымъ образомъ преслѣдовать нецеховыхъ рабочихъ, «Fuscher, Stöhrer, Bönhasen» и сельскихъ ремесленниковъ. «Подтвержденіе права цеховыхъ мастеровъ контролировать сельское ремесленное производство было лишь дополняющимъ штрихомъ въ общей промышленно-финансовой политикѣ Прусскаго государства»[3]).

Территоріальные государи изрѣдка пытались смирить ревностность цеховъ при преслѣдованіи нецеховыхъ мастеровъ, убѣждая ихъ пользоваться своими прерогативами «stricte et amare» и не изгонять ремесленниковъ, которые въ теченіи 10, 20 или 30 лѣтъ спокойно занимались по селамъ своимъ про-

---

[1]) Corp. Const. March. VI. 1. 34. 1536.

[2]) Kein Schmidt auf eine halbe Meile sol zum Präjudiz der Stadt geduldet, sondern abgeschaffet, auch im Lande keine mehr Schmiede, als jetzo sind, angeordnet werden, die dann allein grobe Arbeit, als Hufeisen machen, Wagen, Pflügend, Eyden beschlagen und beruten, des andern Schmiedtwerks aber sich enthalten sollen». Landes-Verordnungen Graffschaft Lippe. Erneurtes Privilegium der Städte von 1668. Bd. 1. S. 467.

[3]) Молчановскій, Цеховая система въ Пруссіи. Стр. 58.

мысломъ[1]). Иногда, правда, не допускалось изгонять изъ деревень тѣхъ ремесленниковъ, занятіе и промыселъ которыхъ были необходимыми для деревни: кузнецовъ, сапожниковъ etc. Сельскіе мастера по общему правилу не могли держать подмастерьевъ. Ради охраны правилъ и обычаевъ цеховыхъ уставовъ вырабаталась масса наказаній и взысканій, доходившихъ при рецидивѣ до конфискаціи имущества и изгнанія виновнаго изъ округа[2]).

Законодательство, ограничивая сельское ремесло, ограждаетъ и подтверждаетъ положенія обычнаго цеховаго права. Бранденбургскій пол. уставъ 1540 г.[3]), обращаетъ уже вниманіе на возраставшую все болѣе и болѣе конкуренцію сельскаго ремесла городскому. Хотя уставъ 1540 г. воспретилъ деревенскимъ ремесленникамъ селиться въ чертѣ одной мили вокругъ города, но онъ допустилъ исключенія въ пользу ремесленниковъ, жившихъ въ предѣлахъ «Bannmeile» нѣсколько лѣтъ. Виновные подвергались взысканіямъ по усмотрѣнію мѣстнаго дворянства. Только при отказѣ послѣдняго наложить взысканіе, маркграфъ обѣщалъ цехамъ личное содѣйствіе. Средневѣковые статуты не воспрещали мѣстнымъ сельскимъ жителямъ заниматься важнѣйшими для крестьянъ ремеслами. Кромѣ того, и въ XVI ст. дворяне и высшее духовенство[4]) имѣли право держать портныхъ, плотниковъ, колесниковъ и ткачей въ тѣхъ селахъ, гдѣ такъ «повелось издавна».

Права дворянства въ этомъ отношеніи, согласныя съ старымъ обычаемъ, всегда признавались территоріальною властью. Дворянство, требуя больше, чѣмъ допускали старые цеховые обычаи и права, встрѣчало отпоръ со стороны территоріальной власти, что ясно выразилось въ рѣшеніи курф. Іоахима Фридриха[5]). Защита и охрана старыхъ цеховыхъ обычаевъ и привиллегій начиная съ XVI ст. сосредоточивается въ рукахъ государственной власти. Послѣдняя, подтверждая права сельскихъ ремесленниковъ заниматься своимъ про-

---

[1]) A. Beier, de collegiis opificum §§ 485 и 886.
[2]) Ib. § 870.
[3]) Mylius, C. C. M. V. 1. 6.
[4]) Ib. V. 1. 27. 1550 г.; № 29.
[5]) Ib. 1602 г. S. 167.

мысломъ тамъ, гдѣ повелось издавна, воспрещаетъ въ будущемъ увеличивать число такихъ ремесленниковъ[1]). Городскіе цехи въ XVII ст. лишаются правомочій преслѣдовать и изгонять по своему усмотрѣнію сельскихъ ремесленниковъ. При преслѣдованіи ремесленники должны были обращаться къ установленнымъ властямъ[2]). Государственная власть, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ право регулированія цеховаго строя, въ большинствѣ случаевъ дѣйствовала на пользу городовъ. Вторженія власти всегда почти вызывались жалобами цеховыхъ мастеровъ на конкуренцію сел. ремесленниковъ и такъ называемыхъ «Fuscher»'овъ и «Stöhrer»'овъ[3]). Цеховые, узнавъ о появленіи Fuscher'овъ, отправляли изъ своей среды на мѣсто производства недозволеннаго промысла нѣсколько лицъ, которыя отнимали у виновнаго инструменты. Рабочіе матеріалы и готовыя произведенія, принадлежавшіе виновнику, подлежали немедленной конфискаціи. Виновный, кромѣ того, подвергался денежному или иному штрафу. Онъ немедленно изгонялся изъ предѣловъ «Bannmeile»[4]). Преслѣдованіе, гоньба за фушерами и репрессія сельскихъ ремесленниковъ въ XVII ст. достигла громадныхъ размѣровъ. При преслѣдованіи прибѣгали къ жестокостямъ. Цеховые мастера производили безпорядки, дѣйствовали самовольно, не увѣдомляя даже магистратъ[5]). Цеховые обычаи требовали, чтобы при преслѣдованіи фушеровъ былъ приглашаемъ депутатъ[6]) отъ магистрата, что рѣдко соблюдалось въ XVII ст. Территоріальная власть, ограждая интересы городскаго ремесла, издаетъ въ XVII ст. строгія повелѣнія, направленныя противъ нарушителей цеховыхъ правъ. Центральное правительство приказываетъ мѣстнымъ властямъ отнимать у виновныхъ орудія производства, конфисковать работу и отправлять фушеровъ въ ближайшія крѣпости подъ арестъ, ибо отъ появленія такихъ

---

[1]) Mylius, C. C. M. VI. 1. 458. Landtags-Recess 1653 г. 26 іюля.
[2]) Ib. V. 1. 167.
[3]) Ib. V. II. № 208. 242. 291.
[4]) C. C. M. V. II. I. N. 6 1562 г.
[5]) Ib. V. II. X. 1691 г. S. 647.
[6]) Ib. V. II. 1. 1562 г.

лицъ въ странѣ: «Commercia gehemmet, Regalien und Steuer, Revenues nicht einen geringen Abgang erlitten haben»[1]). Жалобы со стороны сельскихъ ремесленниковъ государственной власти о безработицѣ, о своемъ обнищаніи и о намѣреніи покинуть навсегда родину не приносили имъ пользы. Въ 1718 г. въ Пруссіи издаются «Principia regulativa», имѣвшія задачею установить правильныя отношенія между сельскими и городскими ремесленниками. «Principia» допустили по селамъ только пять разрядовъ ремесленниковъ, какъ болѣе всего необходимыхъ для крестьянъ: портныхъ, кузнецовъ, ткачей, плотниковъ и колесниковъ. Всѣ остальныя ремесла безусловно воспрещались. Количество дозволенныхъ ремесленниковъ въ каждомъ селѣ опредѣлялось согласно съ кадастромъ 1624 г. Конкуренція сельскихъ ремесленниковъ въ отношеніи городскихъ ограничена до minimum'a. Право помѣщиковъ держать ремесленниковъ сверхъ комплекта для личныхъ потребностей было тоже ограничено; они обязаны были заказывать одежду для прислуги у городскихъ ремесленниковъ. Сельскіе ремесленники платили за званіе мастера половину того, что платили мастера городскіе, вносили въ цеховую кассу условленный ежегодный взносъ, т. н. «Quartalgeld»[2]). Остальные ремесленники, жившіе въ наемныхъ помѣщеніяхъ, обязывались переселиться въ города въ теченіи двухъ мѣсяцевъ; въ противномъ случаѣ они изгонялись силою. Сельскіе ремесленники, получившіе концессію, могли продолжать ремесло пожизненно, обязываясь платить въ акцизную палату по 12 гр. за полугодіе; по смерти такихъ ремесленниковъ мѣста ихъ не могли быть заняты новыми. Для переселенія сельскихъ ремесленниковъ въ города, имъ были предоставлены временныя льготы при достиженіи званія мастера[3]). Временно были смягчены строгія постановленія «Principia regulativa» относительно поселенія ремесленниковъ на доменныхъ и помѣщичьихъ земляхъ[4]). Только ткачи обязаны

---

[1]) Ib. 1709 г. S. 657; Ib. 35. 1716; Ib. 71. 1724.

[2]) C. C. M. V. II. X. N. 77. По общему правилу т. наз. обычай странствованія, «Wandern» по чужимъ землямъ и городамъ въ званіи подмастерья не требовался отъ сельскихъ мастеровъ.

[3]) Mylius, C. C. M. VI. II. N. 50. 1720.

[4]) Ib. №№ 51 и 54. 1721.

были оставить дворянскія помѣстья и въ теченіи 14 дней переселиться въ города; въ противномъ случаѣ работа ткачей конфисковалась, и концессія на ремесло отбиралась[1]). Принудительное выселеніе ткачей было отчасти смягчено въ 1729 г., когда выяснился отъ такихъ переселеній вредъ для городскихъ мануфактуръ, нуждавшихся въ пряжѣ. Выселеніе ремесленниковъ за предѣлы страны могло происходить лишь съ разрѣшенія установленныхъ властей. Ремесленникъ, пожелавшій оставить свое занятіе, долженъ былъ увѣдомить свое цеховое начальство и испросить, кромѣ того, согласіе послѣдняго; въ противномъ случаѣ ремесленникъ подвергался наказанію: «bey Straff so die Obrigkeit jedes Orts gegen den Verbrechern nach gestalt der Sachen fürnehmen»[2]). Ремесленникъ, задумавшій переселиться изъ одного города въ другой и пріобрѣсти въ новомъ мѣстѣ право гражданства и право на занятіе промысломъ, долженъ былъ доказать, что онъ цеховой и притомъ пространствовалъ опредѣленное число лѣтъ, будучи подмастерьемъ[3]). Но и при соблюденіи этихъ условій переселеніе ремесленниковъ изъ одного города въ другой было очень затруднительнымъ.

Отношеніе подмастерьевъ къ мастерамъ регулируется территоріальною властью самымъ подробнымъ образомъ на основаніи обычаевъ и цеховыхъ статутовъ, выработавшихся историческимъ ходомъ и развитіемъ ремесленнаго сословія. Подмастерья и ученики находились подъ такой-же защитой цеха, какъ жены и дѣти ремесленниковъ. Цеховая корпорація былѣ покровителемъ и защитникомъ подмастерьевъ и учениковъ[4]). Цеховое начальство разбирало и рѣшало всѣ недоразумѣнія и споры, возникавшіе между мастеромъ и подмастерьями. Ученики принимались мастеромъ только тогда, когда они удовлетворяли извѣстнымъ условіямъ, изъ которыхъ главными считались: безпорочность, свобода, рожденіе отъ законныхъ родителей, національность и взносъ опредѣленной суммы

---

[1]) Ib. № 57.

[2]) Churf-Pfalz bey Rein etc. ernewert-und verbessertes Land-Recht. Tit. XVIII. S. 150. Weinheim 1700.

[3]) Hochf.-Speier. Verordn. 1674. и 1726 г. Th. II. Cl. S. 66; W. Stahl, das deutsche Handwerk S. 274 ff.

[4]) Schönberg, Id. S. 115 ff.

денегъ[1]). Иногда принятый въ ученіе записывался въ спеціальный регистръ. Ученикъ дурнаго поведенія или сбѣжавшій отъ мастера лишался права на ученіе, «des Amtes unwürdig». По истеченіи опредѣленнаго обычаемъ и цеховыми уставами срока ученикъ пріобрѣталъ права подмастерья. Срокъ ученія было различнымъ; оно продолжалось отъ одного до восьми лѣтъ. Первоначально пріобрѣтеніе ученикомъ правъ подмастерья не было связано ни съ какими формальностями и издержками. Только съ теченіемъ времени пріобрѣтеніе правъ подмастерья было сопряжено со взносомъ особыхъ денегъ и съ многоразличными церемоніями[2]). Подмастерья и ученики первоначально находились къ цеху въ одинаковыхъ отношеніяхъ[3]). Тѣ и другіе были въ полномъ подчиненіи мастеру. Цехъ контролировалъ эти отношенія. Тѣ и другіе были пассивными членами цеховой корпораціи, не имѣя ни права голоса въ цеховыхъ собраніяхъ, ни права заниматься самостоятельно промысломъ[4]). По прошествіи опредѣленнаго обычаемъ или цеховыми статутами времени подмастерье могъ пріобрѣсти права цеховаго мастера. Въ XVI ст. выработался окончательно обычай, чтобы подмастерье для пріобрѣтенія правъ мастера странствовалъ опредѣленное время. Главное различіе между мастеромъ и подмастерьемъ покоилось на понятіи возраста и образованія. Первоначально подмастерья не составляли отдѣльно организованнаго отъ мастеровъ класса или корпораціи. Въ началѣ XV стол. они образовали особенныя ассоціаціи, преслѣдовавшія свои спеціальные интересы, иногда даже прямо противоположные интересамъ мастеровъ. Затруднительныя условія пріобрѣтенія правъ мастера, продолжительные сроки обученія и странствованія, появленіе подмастерьевъ, не надѣявшихся никогда получить права мастера, принудили подмастерьевъ, образовавшихъ ранѣе союзы съ религіозно-нравственными цѣлями, вести борь-

---

[1]) «Welk junge unse ampt wil leren, de schol dat bewisen, dat he echte unde rechte geboren sy unde schol geven deme ampte ene halve mark unde een pund wasses to den lichten» Gierke, Id. Bd. I. S. 403. Пр. 217.

[2]) Gierke, Id. Bd. I. S. 403. Пр. 219.

[3]) Schönberg, Id. S. 119. ff.

[4]) Schönberg, Id. Пр. 274.

бу съ мастерами. Союзы подмастерьевъ, сдѣлавшись самостоятельными и независимыми отъ цеховъ, въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ выработываютъ свое право, организацію и строй по образцу цеховыхъ корпорацій[1]). Подмастерье, удаленный хозяиномъ за дурное поведеніе, не находилъ работы въ другихъ городахъ или цехахъ. Время оставленія работы подмастерьемъ и сроки подачи заявленій объ отходѣ были точно регулированы цеховыми статутами и обычаями, утвержденными и партикулярнымъ законодательствомъ: «es soll auch hinfüro kein Handwercks-Knecht seinem Meister ohne gegründete Ursachen und wider Handwercks-Gewohnheit auffstehen»[2]). Подмастерья обязаны были работать у мастера безсмѣнно въ теченіи строго опредѣленнаго срока. Въ періодъ цвѣтущаго состоянія ремесленной промышленности обычай странствованія, «das Wandern», подмастерьевъ былъ лучшимъ средствомъ распредѣленія въ странѣ рабочихъ силъ, а также хорошею школою обученія. Обычай странствованія изстаринный, что подтверждается постановленіями цеховъ и городовъ. Этотъ институтъ выработался самой жизнью. Ни имперское, ни партикулярное право не касалось этого института до XVII ст. Правда, нѣкоторые цехи еще въ XIV и XV ст. воспрещали странствовать подмастерьямъ; другіе же, напротивъ, еще въ XV ст. выставляли обязательнымъ странствованіе для лицъ, искавшихъ права мастера[3]). Изолированность городовъ и отдѣльныхъ германскихъ земель до XVII ст. служила отчасти затрудненіемъ свободѣ передвиженія подмастерьевъ. Первоначально обычай странствованія подмастерьевъ не былъ одною изъ причинъ, стѣснявшихъ доступъ къ ремеслу, а скорѣе онъ давалъ возможность пространствовавшему подмастерью легче получить званіе мастера. Когда же число ремесленниковъ въ городахъ увеличилось, когда цехи сдѣлались замкнутыми корпораціями, странствованіе удаляло на время переполненіе мастерами цеховъ. Если въ городѣ или въ странѣ скоплялось много подмастерьевъ одного ремесла, то странствованіе содѣйствовало

---

[1]) Schönberg, Id. S. 117.

[2]) Churf.-Pfalz bey Rein etc. ernewert-und verbessertes Land-Recht. Tit. XVIII. S. 150. Weinheim 1700.

[3]) Gierke, Id. Bd. 1. S. 404. Пр. 223.

правильному распредѣленію ихъ въ странѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ уходъ подмастерьевъ заграницу не вызывалъ въ будущемъ конкуренціи среди самихъ мастеровъ. Каждый подмастерье, желавшій странствовать, обязанъ былъ взять удостовѣреніе личности отъ представителя того цеха, въ который былъ записанъ его мастеръ. Когда въ Германіи начала развиваться система замыканія цеховъ, «Schliessung der Gewerke», достиженіе званія мастера было сопряжено съ большими затрудненіями. Подмастерья, не будучи въ силахъ скоро сдѣлаться мастерами и не находя работы въ дорогѣ, волей-неволей прибѣгали съ XVI ст. къ нарушеніямъ мира и учиняли «viel Unruh, Widerwillen, Nachtheil und Schaden»[1]). Въ XVII и въ началѣ XVIII ст. всюду въ Германіи издается территоріальными государями постановленія, подтверждавшія обычное право цеховъ, чтобы подмастерья при странствованіяхъ запасались аттестатами[2]). «Когда подмастерье задумаетъ отправиться странствовать или въ иномъ мѣстѣ отыскивать себѣ работы, то онъ долженъ», сказано въ пол. уставѣ кн. Падерборнъ, «взять удостовѣреніе, «gültige Urkunde», отъ представителя цеха, которое бы свидѣтельствовало, «dass gegenwärtiger Gesell Namens N... von N... gebürtig, so... Jahr alt und von Statur... auch... Haaren ist... bey uns allhier... Jahre... Wochen in Arbeit gestanden, und sich solche Zeit über treu, fleissig, still, friedsam und ehrlich, wie einem jeglichen Handwerks-Pursche gebühret, verhalten hat»[3])... Свидѣтельство предъявлялось въ городахъ мастерамъ того цеха, къ каковому принадлежалъ подмастерье на родинѣ. Когда подмастерье оканчивалъ въ городѣ, гдѣ онъ временно поселился, работу, онъ, предъ уходомъ изъ города, заявлялъ за 8 дней о своемъ намѣреніи оставить городъ тому мастеру, у котораго онъ работалъ. Безъ представленія

---

[1]) R. A. 1530. t. XXXIX.

[2]) Liefl. Landes-Ordnungen. Anno 1707. Riga. Allgemiener Schragen v. 1669. Art. VIII. § 10: «Will ein Gesell wandern, sol er von dem Ampte einen Pass nehmen, und an die Lade einen halben Dohl. Silber-Müntze und so viel dem Schreiber zum Schreiber-Lohn geben und das Papier bezahlen».

[3]) Hochf.-Paderbornische Landes-Verordnungen Th. II. S. 389. Verordnung über die Abstellung der Handwerks-Missbräuchen. Paderborn 1786.

надлежащаго аттестата мѣстныя власти отказывали подмастерью въ правѣ войти въ стѣны города[1]). «Мѣстныя власти, говоритъ саксонскій эдиктъ 1684 г., «не должны дозволять заниматься нищенствомъ странствующимъ подмастерьямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они не находятъ работы, но онѣ обязаны имъ выдавать для пропитанія кое-что изъ «Handwerks-Laden» и притомъ только тѣмъ, которые предъявятъ свои «richtige Pässe oder Kundschafften»; безпаспортные подмастерья не должны быть терпимы мѣстными властями, «weiter nicht geduldet werden sollen»[2]).

По цеховымъ статутамъ, подтвердившимъ цеховые обычаи, странствующій подмастерье обязанъ былъ посѣтить промышленные города какъ туземные, такъ и иноземные. Когда же теорія увеличенія рабочихъ рукъ въ странѣ въ XVII ст. нашла поддержку и сочувствіе въ средѣ германскихъ правительствъ, странствованіе заграницу стало ограничиваться или даже въ началѣ XVIII ст. совсѣмъ воспрещаться. Странствованіе въ предѣлахъ страны было дѣйствіемъ дозволеннымъ, «unverhindert», въ XVII и XVIII ст., но при условіи, чтобы подмастерье для путешествія запасался свидѣтельствомъ. «Подмастерьямъ», гласитъ прусскій эдиктъ 1725 г., «совсѣмъ воспрещается заниматься нищенствомъ на дорогахъ и прошеніемъ милостыни предъ окнами домовъ, ибо свобода прошенія милостыни служитъ для нихъ предлогомъ лѣности и порочной жизни. Поэтому, всѣ городскіе магистраты обязаны ревностно наблюдать, чтобы каждый цехъ имѣлъ такія учрежденія, которыя бы доставляли возможность каждому странствующему подмастерью, по прибытіи въ городъ, или получить работу у мастера, или-же получить изъ подмастерской кассы деньги для пропитанія, «Zehrpfennig», которыя дали бы ему возможность продолжать путь»[3]).

Странствованіе заграницу подмастерьевъ въ XVIII ст. ограничивается. Государство опасается, чтобы подмастерья подъ предлогомъ временнаго ухода заграницу не покидали отечества

[1]) Ib. S. 393.
[2]) Cod. Aug. S. 1674.
[3]) Mylius, C. C. M. 21 іюня. I. 2. S. 237.

навсегда. Въ Прусскомъ эдиктѣ 1714 г. сказано, «dass niemand ausser denen wandernden Handwercks-Gesellen und dergleichen unter 30 Jahren ohne special-permission ausser halb Teutschland reisen soll»[1]). Ограниченіе свободы передвиженія ремесленниковъ и подмастерьевъ внутри страны и заграницу препятствовало правильному распредѣленію народныхъ силъ. Институтъ странствованія началъ приходить въ упадокъ въ XVII ст., а въ XVIII ст. подмастерья, уходившіе заграницу безъ разрѣшенія властей, приравниваются къ государственнымъ преступникамъ. Законъ грозитъ такимъ ослушникамъ лишеніемъ всѣхъ правъ въ отечествѣ.

Тридцатилѣтняя война повліяла въ сильной степени на уменьшеніе населенія въ Германіи. Поэтому, германскія правительства XVII ст. придаютъ огромное значеніе густотѣ и величинѣ населенія. Территоріальные государи были твердо убѣждены, что только при возрастаніи населенія казна можетъ обогатиться деньгами. Созданіе постоянныхъ армій, развитіе придворной жизни, увеличеніе задачъ и объема государственной дѣятельности, сопряженное съ увеличеніемъ государственныхъ органовъ, требовали отъ всемогущаго абсолютнаго государства значительныхъ издержекъ. Удовлетвореніе новыхъ увеличивающихся ежегодно потребностей, по мнѣнію правительствъ, возможно было при двухъ условіяхъ, а именно: при увеличеніи въ странѣ населенія и—количества денегъ. Меркантильная система нашла себѣ многихъ поклонниковъ въ Германіи какъ среди теоретиковъ, такъ и въ особенности среди практиковъ-государственныхъ дѣятелей. Меркантильная политика преслѣдовала двѣ главныхъ задачи: во-первыхъ, вытѣснить иностранные товары съ внутреннихъ рынковъ, увеличивая вывозъ собственныхъ товаровъ заграницу, и во-вторыхъ, увеличивая всѣми мѣрами количество народонаселенія, умножить въ странѣ работающую, платящую и воюющую силу[2]).

Понятно, что политика увеличенія народонаселенія стремилась создать всякаго рода ограниченія и стѣсненія для лицъ, желавшихъ навсегда оставить отечество. Настоятельная потреб-

---

[1]) C. C. Magd. Nov. 21 янв. P. VI. S. 218.

[2]) K. Knies, die Polit. Oekonomie vom gesch. Standpuncte. S. 260 ff; W. Roscher, Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland. S. 228 ff.

ность государства увеличить въ возможно большемъ количествѣ число подданныхъ требовала, чтобы лицамъ, желавшимъ придти изъ-заграницы въ страну навсегда и здѣсь поселиться, было оказано всякое содѣйствіе. Въ этомъ отношеніи представляются характерными слова вел. курфюрста: «интересъ государства заключается не въ уменьшеніи, а въ увеличеніи числа подданныхъ». Всѣ германскія правительства принимаютъ въ XVII ст. и въ началѣ XVIII ст. рядъ мѣръ, содѣйствующихъ прямо или косвенно увеличенію народонаселенія. Одною изъ такихъ мѣръ признавали свободный доступъ иностранцевъ въ предѣлы страны ради поселенія. Правительства оказывали покровительство тѣмъ иностранцамъ, которые обладали капиталомъ вещественнымъ или познаніями въ промыслахъ. Такимъ пришельцамъ давались всевозможныя льготы и даже сохранялись за ними тѣ права, которыми они обладали на родинѣ.

Примѣромъ въ этомъ отношеніи служитъ Пруссія. «Французы евангелическо-реформатскаго вѣроисповѣданія», гласитъ знаменитый прусскій эдиктъ 1685, «принимаются въ Бранденбургъ, гдѣ имъ будутъ даны пособія, и гдѣ они будутъ освобождены отъ уплаты земельныхъ и домовыхъ податей, а также и всякаго рода тягостей, «oneribus»; имъ дозволяется свободно селиться во всѣхъ городахъ и деревняхъ съ сохраненіемъ за ними правъ и привиллегій»[1]). При вызовѣ иностранцевъ прусское правительство[2]) обѣщало дать новымъ подданнымъ права гражданства и званія мастеровъ тѣмъ изъ нихъ, которые занимались на родинѣ промыслами и ремеслами, не смотря на то, что даруемыя льготы и привиллегіи шли въ разрѣзъ съ интересомъ туземныхъ цеховыхъ мастеровъ. Правительство стремится уравнять выходцевъ со старыми гражданами, что видно изъ того, что выходцы ремесленники получаютъ всѣ права гражданства и права на занятіе ремеслами, «jura civitatis et opificorum». Всетаки пріобрѣтеніе правъ цеховаго мастера иностранцемъ-ремесленникомъ зависило отъ соблюденія нѣкоторыхъ условій, согласовавшихся съ системою «Zunftzwang'»а. Король Фридрихъ-Вильгельмъ I особенно старался подражать

[1]) Mylius, C. C. M. 19 окт. P. VI. S. 77.

[2]) Beheim-Schwarzbach, hohenzollernsche Colonisationen. S. 49 и 293.

Кольберу. Онъ, желая поднять въ опустѣвшихъ городахъ промышленность, ревностно привлекаетъ иностранныхъ промышленниковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прусское правительство дѣлало исключеніе или же явно нарушало положенія цеховаго строя. Хотя цеховымъ сельскимъ ремесленникамъ «Principia regulativa» воспрещали держать подмастерьевъ и учениковъ, но съ 1729 г. ремесленникамъ-иностранцамъ, поселившимся въ селахъ и занимавшимся тамъ выдѣлкою пряжи, эти правила дозволяли держать подмастерьевъ и учениковъ[1]). Политику вел. курфюрста въ отношеніи увеличенія населенія въ странѣ преслѣдовали и его преемники: короли Фридрихъ I и Фридрихъ-Вильгельмъ I. «Усилія кор. Фридриха-Вильгельма I привлечь въ свои земли новыхъ поселенцевъ показываютъ, что онъ всецѣло раздѣлялъ основной взглядъ меркантилистовъ. Въ инструкціи для Генеральной Директоріи король повелѣваетъ народонаселеніе «so weit poussiren, als immer menschlich und möglich ist»[2]). Ростъ населенія, расширеніе мануфактуръ всякаго рода были лозунгомъ эпохи, служа синонимомъ военнаго, финансоваго и политическаго могущества государства. По разсчетамъ Бегеймъ-Шварцбаха, основаннымъ на оффиціальныхъ данныхъ, благодаря мѣрамъ, направленнымъ къ привлеченію иностранныхъ выходцевъ, къ 1740 г. населеніе Прусскаго государства возрасло по меньшей мѣрѣ на 600.000 человѣкъ, а по переписи 1725 г. въ одномъ Бранденбургѣ пятую часть всего населенія составляли прибывшіе въ теченіи 40 лѣтъ иностранные выходцы или ихъ потомки[3]).

Примѣру Пруссіи слѣдовали и другія германскія правительства какъ въ XVII, такъ и въ особенности въ началѣ XVIII ст. «Когда кто-либо», говоритъ саксонскій акцизный уставъ[4]), «придетъ изъ другихъ странъ съ своимъ достояніемъ и поселится въ нашихъ городахъ или ихъ форштадтахъ, купивъ домъ и занявшись какимъ-либо промысломъ, то онъ долженъ быть освобожденъ городскимъ совѣтомъ на два года отъ уплаты постоя, сторожевой службы, налоговъ и равнымъ образомъ отъ

[1]) C. C. M. II. X. N. 76.

[2]) W. Roscher, Geschichte der Nat.-Oekonomik in Deutschland. S. 367.

[3]) M. Beheim-Schwarzbach, hohenzollernsche Colonisationen. S. 259 ff.

[4]) Cod. Aug. Accis-Ordnung. 1715 г. 20 дек. S. 1988.

уплаты акцизныхъ сборовъ, взимаемыхъ со средствъ пропитанія». Правительства старались принимать въ подданные попреимуществу тѣхъ иностранныхъ промышленниковъ, которые или обладали капиталомъ, или знали хорошо свой промыселъ: «Keinen Fremden, der nicht 200 fl. hat, das Bürgerrecht ertheilet werden soll»[1]). Только состоятельнымъ лицамъ оказывались привиллегіи и дѣлались въ пользу ихъ исключенія изъ существовавшихъ правилъ. Изъ привиллегіи для Магдебургской колоніи пфальцскихъ переселенцевъ 1679 г. видно, что для принятія ихъ въ цехи требовалось удостовѣреніе, что выходцы безпрепятственно и честно занимались на родинѣ ремесломъ, т. е. были цеховыми мастерами, а отъ учениковъ, кромѣ того,— свидѣтельство о законномъ рожденіи[2]). Неопытные и неискусные ремесленники и «Pfuscher»'ы не принимались въ страну, такъ какъ они обманывали подданныхъ и причиняли ущербъ публикѣ, «Nachtheil des Publici». Лицо, пожелавшее поселиться въ странѣ и пріобрѣсти права гражданства, обязано было доказать, во-первыхъ, что оно хорошо знаетъ свою профессію, во-вторыхъ, что оно имѣетъ права цеховаго мастера и въ-третьихъ, что оно можетъ нести гражданскія обязанности, «übrige bürgerliche Prästanda leisten»[3]). Всепроникающая регламентація ремесленной промышленности увлекала нѣкоторыя германскія правительства конца XVII и начала XVIII ст. до того, что они прибѣгали и къ насильственному поселенію ремесленниковъ въ города и въ особенности въ тѣ города, которые находились въ упадкѣ. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ I думалъ, что насильственное поселеніе ремесленниковъ въ нѣкоторыхъ городахъ послужитъ одною изъ лучшихъ мѣръ къ развитію въ нихъ

---

[1]) Hochf.-Speier. G. und Verordn. 1709 г. 23 сент. Th. I. LXXIV. S. 84.

[2]) C. C. M. VI. 70. § 24; Liefl. L.-Ordn. Allgemeiner Schragen v. 1669. Art. VI. § 10: «Kommt auch ein Meister aus seinem frembden Lande oder irgends einer Stadt im Reiche an, und suchet ein Ampts-Bruder zu werden, derselbe soll Beweiss von der Stadt daselbsten haben, wie auch vom Ampte, davon er gekommen, dass er ein redlicher Meister ist und sein Handwerck wohl verstehet und verrichten kan».

[3]) Samml. d. Hochf.-Speier. G. und Verordn. 1726. 17 іюня. Th. II. N. CI. S. 66.

мануфактуръ[1]). При достиженіи такой цѣли король не жалѣлъ ни денегъ, ни людей, ни жестокихъ наказаній[2]). Въ 1722 г. онъ приказываетъ насильственно переселить изъ Магдебурга въ Пруссію нѣкоторое число подданныхъ; тому, кто изъ переселенцевъ задумалъ бы сбѣжать, угрожала висѣлица. Вскорѣ послѣ этого вышелъ приказъ насильно заселять нѣкоторые города Помераніи, гдѣ никто не хотѣлъ добровольно селиться[3]).

Этотъ король какъ-бы предугадалъ политику своего сына, Фридриха II, который признавалъ «axiome certain», что богатство государства состоитъ въ количествѣ населенія[4]). Мы выше замѣтили, что правительства принимаютъ охотно только тѣхъ иностранцевъ, которые обладаютъ познаніями въ промыслахъ и вещественнымъ капиталомъ. Даже туземцы, покинувъ законнымъ порядкомъ отечество и впавъ въ обѣднѣніе на сторонѣ, съ большими затрудненіями пріобрѣтали на родинѣ прежнія права. Послѣднія возвращались тѣмъ, кто приносилъ съ собою деньги. «Мы узнали», гласитъ предписаніе кн. Шпейеръ отъ 1709 г.[5]), «что многіе изъ нашихъ подданныхъ, покинувъ отечество и переселившись въ Пенсильванію или въ другія страны, такъ или иначе вернулись на родину и здѣсь поселились, расстративъ все свое достояніе въ своихъ странствованіяхъ; отъ такихъ лицъ ни государство, ни общины, гдѣ они живутъ, не могутъ получить никакой пользы; поэтому, мы приказываемъ на будущее время не принимать такихъ лицъ въ наши страны».

Въ эпоху 30-лѣтней войны были забыты тѣ разумныя мѣропріятія, которыя ранѣе были предприняты имперскимъ правительствомъ ради улучшенія средствъ сообщенія между населенными пунктами страны. Правительства первой половины XVII ст. не заботятся о путяхъ сообщенія, что гибельно отразилось на развитіи народной промышленности: земледѣльческой, ремесленной и торговой. Всеобщее опустѣніе и раззореніе страны повліяло

---

[1]) R. Stadelmann, Friedrich Wilhelm 1 im seiner Thätigkeit. S. 141 и S. 225

[2]) Ib. S. 297. Urk. 42.

[3]) Ib. Urk. 56.

[4]) W. Roscher, Id. S. 394.

[5]) Samml. Speier. G. und Verordn. 23 сент. Th. I. LXXIV. S. 84; Idem, Th. I. LXXXIV. S. 89.

отрицательно на состоянie водныхъ и сухопутныхъ дорогъ. На дорогахъ, большихъ и малыхъ, нашли себѣ прiютъ цѣлыя банды воровъ, разбойниковъ, дезертировъ и всякаго рода «лихихъ людей». Къ XVII ст. вполнѣ выяснилось, что постройка, ремонтъ и надзоръ за дорогами имперiи являются составною частiю правъ территорiальной власти. Императоры только напоминаютъ территорiальнымъ государямъ заботиться объ улучшенiи большихъ дорогъ, будучи сами лишены права пользоваться принципомъ принужденiя и экзекуцiи, когда территорiальная власть не выполняла общихъ предписанiй, исходившихъ отъ имени императора Свящ. имперiи.

Только по окончанiи тридцатилѣтней войны германскiя правительства начинаютъ предпринимать рядъ мѣръ ради обезпеченiя свободы и безопасности передвиженiя товаровъ и торговыхъ людей. При заключенiи Пражскаго договора было обращено серьезное вниманiе на общее единенiе нѣмецкой нацiи и на мирныя сношенiя ея съ иностранными государствами. Только при такихъ условiяхъ возможно было надѣяться на обезпеченiе свободы торговли какъ внутренней, такъ и международной. Пражскiй договоръ признаетъ важное значенiе за «unferhinderte frye Commercia»»[1]). Въ Оснабрюгскомъ договорѣ ясно высказано, что свобода торговли имѣетъ значительное влiянiе на развитiе народнаго благосостоянiя: «et quia publice interest, ut facta pace commercia vicissim reflorescant»[2]). Этотъ договоръ оживилъ старыя постановленiя[3]) имперскихъ сеймовъ, утратившiя всякую силу въ эпоху войны. «Мы постановили», продолжаетъ договоръ, «чтобы пошлины и сборы не налагались собственною властью никѣмъ противъ правъ и привиллегiй безъ согласiя императора и избирательной императорской коллегiи»[4]). И Вестфальскiй договоръ призналъ вообще законными только правовыя пошлины. «Пусть остаются въ полной силѣ права и привиллегiи тѣхъ князей, по территорiямъ которыхъ текутъ рѣки, и всѣхъ другихъ, а также пусть сби-

---

[1]) t. 80

[2]) Art. IX t. 1.

[3]) R. A. 1555. § 14; R. A. 1613. § 4.

[4]) 1648. Art. 1. Instr. pacis Osnabr; Instr. Mon. Art. X. c. 67.

раются пошлины., существующія въ силу старыхъ обычаевъ или дозволенныя съ согласія императора и императорской избирательной коллегіи, какъ всѣми князьями, такъ и герцогомъ Ольденбургскимъ въ Виссургѣ»[1]). Дѣйствительно, «Commercien des Reichs zu Wasser und zu Lande» были обложены всевозможными сборами. Пошлины въ началѣ XVII ст. только тотъ не бралъ, кто не имѣлъ силы; о правѣ сбора пошлинъ не могло быть и рѣчи. «Всѣ другія, вышедшія изъ употребленія подати и налоги», читаемъ мы въ договорѣ, «вредившія торговлѣ и мореплаванію пусть будутъ совершенно уничтожены; въ провинціяхъ, въ гаваняхъ, на всѣхъ рѣкахъ сборъ пошлинъ, основанный на правѣ, обычаѣ и безопасности, и существовавшій до войны за много лѣтъ, пусть будетъ сохраненъ и соблюденъ». Составители вышеупомянутаго договора сознавали, что свобода торговли обезпечивается безопасностью передвиженія торговыхъ людей, и поэтому постановили: «ut plena sit commerciorum libertas, transitus ubique locorum terra marique tutus»[3]). Кромѣ того, свобода торговли обезпечивается, по мнѣнію редакторовъ договора, и свободою передвиженія торговыхъ людей: «ut adeoque ea omnibus et singulis utriusque partis foedoratorum vasallis, subditis, clientibus, incolis, eundi, negotiandi, redeundique potestas data sit»[4]). Въ особенности имперскій сеймъ 1648 г. покровительствуетъ свободѣ торговли ганзейскихъ городовъ, «quam in exteris regnis, rebuspublicis, tam in imperio[5]). Условія торговли этихъ городовъ должны были остаться такими, какими они были до войны: «quam ibi ad praesens usque bellum habuerunt»[6]), что впослѣдствіи подтверждено и въ Wahlcapitulation 1711 г.[7]). Вестфальскій договоръ, признавъ свободу торговли, не уничтожилъ тѣхъ сборовъ съ товаровъ, которые существовали ранѣе до войны; онъ не уничтожилъ также сборовъ съ путешественниковъ, «Zolle, Imposten, onera», существовавшихъ до войны, «ante Germaniae motus», и вредно отзывавшихся на торговыхъ

[1]) Pax Mon. § 68; Instr. pacis Osnabr. Art. IX. t. 2.
[2]) Pax Osnabr. Art. IX t. 1.
[3]) Art. IX. t. 2.
[4]) Ib. t. 2.
[5]) Art. X. t. 16.
[6]) Ib.
[7]) Art. VII. § 2.

интересахъ Германіи и по окончаніи войны. Такъ какъ и во второй половинѣ XVII ст. сплошь и рядомъ сборы налагались произвольно, «gegen Disposition des Instrumenti pacis», то еще нѣсколько разъ было подтверждено, чтобы пошлины сбирались на основаніи законовъ: «въ отношеніи сборовъ пошлинъ на рѣкахъ или на сушѣ слѣдуетъ придерживаться положенія или устава 1670 г. безъ допущенія какихъ бы то ни было нововведеній»[1]). Сборщики пошлинъ преслѣдовали свои личные интересы. На ярмаркахъ купцы иногда облагались большими, «ungewöhnlich», налогами. На постоялыхъ дворахъ съ путешествовавшихъ купцовъ взымались произвольныя цѣны за харчи. Поэтому въ 1671 г. было снова подтверждено уничтожить всѣ произвольные сборы съ путешественниковъ подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, «wie die auch Namen haben mögen», такъ какъ такіе сборы обременяютъ, «deteriorіren», торговлю. Цѣль Вестфальскаго договора привести торговлю въ цвѣтущее состояніе, «in guten Flor bringen», встрѣчала отпоръ со стороны государей, сбиравшихъ неутвержденныя императоромъ и коллегіею курфюрстовъ пошлины. Произволъ при сборѣ пошлинъ, правда, былъ единичнымъ явленіемъ послѣ тридцатилѣтней войны. Начало общаго произвола совпало съ началомъ войны; конецъ же общаго произвола—съ окончаніемъ междоусобицы. Въ Вестфальскомъ договорѣ было выставлено также положеніе, чтобы не были вводимы новые сборы по р. Рейну[2]), что подтверждено и въ другихъ послѣдующихъ договорахъ[3]).

Свободу торговли германскіе императоры охраняютъ въ XVII ст. и для городовъ, отходящихъ подъ власть другихъ государствъ: «maneat antiquus usus, libertas Commerciorum inter Lotharingiam, ditionem Metensem»...[4]). Жители городовъ, переходящихъ по взаимному договору отъ одного госу-

---

[1]) R. A. 1697. t. 39; Fr. zu Baden 1714. t. 34.

[2]) Pax. Mon. 85.

[3]) Friede zu Ryswick 1697. Art. 18; Friede zu Rastatt 1714 Art. 6; Friede zu Baden 1714. Art. 6.

[4]) R. A. 1697. t. XL. Pax Ryswiensis; Fr. zu Rastatt 1714. t. XXIV.

дарства къ другому, пользуются свободою переселенія въ продолженіи года со времени заключенія трактата. «Пусть будетъ», гласитъ Рисквикскій договоръ, «свобода для всѣхъ и каждаго.... кто пожелаетъ отсюда выселиться, передать домъ, кому онъ пожелаетъ, съ движимымъ имуществомъ безъ всякаго препятствія въ продолженіи года послѣ ратификаціи этого договора; а по истеченіи пяти лѣтъ дозволяется передавать домъ послѣ уплаты повинностей; недвижимое же имущество позволяется или продать, или удержать за собой, или управлять имъ черезъ другихъ»[1]).

По окончаніи войны какъ имперское такъ и партикулярное законодательства обратили вниманіе на улучшеніе средствъ сообщенія. «Мы постановляемъ и предписываемъ, чтобы каждый государь въ своей территоріи и области имѣлъ ревностный надзоръ за устройствомъ и поддержкою дорогъ и мостовъ, организовалъ за дорогами, путями сообщеній и морскими берегами инспекцію, гдѣ ея не существуетъ, ради того, чтобы были устранены немедленно всѣ недостатки; въ противномъ случаѣ, когда постигнетъ какое-либо несчастіе или бѣдствіе путешественниковъ или купцовъ, власти должны уплатить за понесенное несчастіе; такимъ образомъ каждый долженъ ревностно и прилежно смотрѣть, чтобы испорченныя дороги, мостики, рѣчные потоки, гати, мосты и т. п. были улучшены, устроены и очищены и во всѣхъ мѣстахъ содержимы постоянно въ добромъ порядкѣ»[2]). Имперское постановленіе было дополнено имп. рѣшеніемъ 1670 г., которое принуждало господъ землевладѣльцевъ выполнять предписанія относительно дорогъ. При отказѣ могло быть возбуждено уголовное преслѣдованіе, сопряженное съ гражданскимъ искомъ объ удовлетвореніи убытковъ. Имперское постановленіе 1670 г. было вызвано тѣмъ, что большая часть дорогъ находилась въ дурномъ состояніи, «ruinirt», и что дороги «ohne Leibs- und Lebens-Gefahr zu mercklichem Nachtheil und Hinderung der Reisenden und Commercirenden zu Wasser und Land nicht

---

[1]) Pax Ryswiensis t. XVII; Fr. zu Rastatt t. XXIV; Instr. pacis Badensis t. XXIV.

[2]) Zachariae, deutsches Staats- und Bundesrecht. Th. II. S. 360.

gebraucht werden können»[1]). Въ этомъ-же постановленіи было проведено то начало, что большія дороги въ каждомъ государствѣ должны были строиться на общественный счетъ[2]). Сборъ для устройства дорогъ назначался правительствомъ. Принципъ свободы пошлинъ не простирался на сборы для устройства и ремонта дорогъ. Въ отношеніи устройства и ремонта общинныхъ дорогъ было признано правило, что онѣ подлежатъ надзору правительственныхъ органовъ, и что безъ ихъ согласія ни община, ни частное лицо не въ правѣ назначать и увеличивать сборы для устройства и ремонта дорогъ и мостовъ[3]). Улучшеніе средствъ сообщенія въ значительной степени повліяло на свободу и безопасность торговли въ странѣ къ концу XVII ст. Въ началѣ XVIII ст. были изданы спеціальныя постановленія въ отношеніи свободы торговли[4]). Императоръ Францискъ при своемъ избраніи даетъ обѣщаніе, что не будетъ налагать никакихъ податей и сборовъ ни для мирныхъ, ни для военныхъ цѣлей безъ согласія курфюрстовъ и имперскихъ чиновъ[5]). Императоръ въ цѣляхъ развитія торговли беретъ на себя слѣдующую задачу: «Мы желаемъ и постановляемъ, чтобы торговля имперіи была регулирована правилами и постановленіями ради возможно лучшихъ условій ея развитія». Задача имперскаго правительства не могла быть осуществлена потому, что территоріальная власть не всегда выполняла желаніе императора. Императоръ, считаясь хранителемъ гражданскаго и религіознаго мира въ Германіи[6]), не былъ въ правѣ принудить территоріальнаго государя заботиться объ обезпеченіи условій безопасности и благосостоянія его подданныхъ. Дѣйствительнымъ охранителемъ мира является территоріальная власть, каждый государь въ своей странѣ. Императоръ обязанъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы подданные находились въ постоянномъ повиновеніи къ территоріальному государю,

---

[1]) R. A. 1670. 75.

[2]) Berg, Policeyr. III. S. 549.

[3]) Moser, von der Landeshoh. in Steuersachen. Cap. XV. § 51.

[4]) Kaiserl. Wahl- Cap. 1711. Art. VII и VIII.

[5]) Wahlc. 1690 § 1. 1711. Art. V. t. 1.

[6]) Wahlc. 1711. Art. 1.

«Landes-Obrigkeit»[1]). Такое отношеніе императорской власти къ территоріальной привело къ тому, что имперское право, желая обезпечить свободу торговли, сдѣлалось фиктивнымъ. «Имперская власть», замѣчаетъ Цахаріэ[2]), «при развитіи власти территоріальной и замкнутости отдѣльныхъ территорій не была сильной и поэтому выставила въ теоріи положеніе, несогласное, конечно, съ имперскимъ правомъ, что территоріальная власть можетъ уничтожить или ограничить въ извѣстной степени свободу торговли, признаваемую имперскимъ правомъ, ради охраны благосостоянія своихъ подданныхъ или ради защиты правоваго порядка въ своемъ государствѣ».

Внутренняя, юридическая организація торговаго класса въ средніе вѣка покоилась на тѣхъ же началахъ, на которыхъ покоилась организація ремесленнаго сословія. Какъ не всякій обыватель города могъ быть ремесленникомъ, такъ и не всякій—могъ быть купцомъ. Правомъ на торговыя дѣйствія обладали только лица, сдѣлавшіяся полноправными членами торговаго цеха. Торговые цехи возникли одновременно съ ремесленными. Какъ ремесленникъ былъ прикрѣпленъ къ ремесленной корпораціи, такъ и торговецъ былъ прикрѣпленъ къ своему цеху. Юридическая связь торговаго человѣка съ цехомъ защищала его жизнь и имущество отъ нападеній со стороны другихъ. Эта связь была настолько крѣпка и обезпечена, что торговый человѣкъ не рѣшался перемѣнять свое постоянное мѣстожительство. Въ необходимыхъ же случаяхъ онъ испрашивалъ разрѣшеніе отъ цеховаго начальства. Временныя отлучки торговаго человѣка изъ города были свободными. Купецъ пріобрѣталъ права гражданства въ городѣ, если онъ былъ членомъ торговаго цеха. Число торговыхъ людей, купцовъ въ городахъ было незначительнымъ. Самый экономическій строй тогдашней промышленности не вызывалъ большаго числа посредниковъ между потребителями и производителями.

Купцы занимались по-преимуществу оптовой торговлею. Торговымъ промысломъ, т. е. посредничествомъ между потре-

---

[1]) Ib. Art. XV.
[2]) Id. Th. II. S. 348.

бителями и производителями занимались не только купцы, но и сами цеховые мастера. Хотя цехи ремесленниковъ сами обладали торговыми правами, но цеховые статуты и обычаи не исключали возможности появленія спеціальныхъ цеховъ торговыхъ людей. Торговые цехи, занимаясь сбытомъ товаровъ оптомъ, не стремились ограничить или уничтожить торговыя права ремесленниковъ. Первые, относясь съ уваженіемъ къ самостоятельному сбыту товаровъ послѣдними, встрѣчали отпоръ со стороны ремесленныхъ цеховъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они думали ограничить торговыя права цеховыхъ мастеровъ. Борьба торговыхъ и ремесленныхъ цеховъ никогда не выражалась рѣзко; она не принимала такихъ рѣзкихъ формъ, акихъ она достигла въ XVI и XVII ст. между ремесленниками и подмастерьями. Особенность средневѣковой организаціи городскихъ ремесленниковъ заключалась въ стремленіи послѣднихъ сбывать свои продукты непосредственно потребителямъ, что ограничивало сферу дѣятельности спеціальныхъ торговыхъ сдѣлокъ на ремесленныя произведенія. Средневѣковая эпоха не знала многочисленнаго класса посредниковъ, которые бы лишали въ значительной степени доходовъ производителей. Сбытъ ремесленныхъ продуктовъ за городскую черту или вообще за предѣлы территоріи, принадлежавшей городу, былъ ограниченнымъ; онъ носилъ мѣстный характеръ; товары продавались большею частію по мелочамъ. Купеческія гильдіи занимались по-преимуществу оптовой, крупной торговлей, которая была не только междугерманской, но и международной. Ремесленные цехи не создавали отрицательныхъ мѣръ во вредъ купцамъ, скупавшимъ ремесленныя произведенія для сбыта ихъ оптомъ заграницу—это съ одной стороны, съ другой-же—ремесленные цехи, поддерживаемые городскимъ начальствомъ, ревностно охраняли мелкую торговлю въ рукахъ мелкихъ производителей. Иностранные и иногородніе товары находили себѣ незначительный доступъ на рынки городовъ. Конкуренція иноземныхъ и иностранныхъ цѣнностей съ туземными, городскими была ограничена. Полная конкуренція, ограниченная опредѣленнымъ срокомъ, находила осуществленіе только на вольныхъ, свободныхъ ярмаркахъ.

Такая организація торговой промышленности, выработанная обычаями средневѣковыхъ городовъ, начинаетъ видоизмѣняться въ XVI ст. благодаря все больше и больше возника-

Правомъ на мелкую торговлю обладали тѣ, кто имѣлъ спеціальную концессію отъ правительства. При выдачѣ концессіи послѣднее взимало опредѣленный денежный сборъ.

Свободѣ торговли много способствовалъ старый институтъ т. назыв. вольныхъ ярмарокъ. «Главное значеніе ярмарокъ», замѣчаетъ В. Рошеръ, «съ давняго времени состояло въ томъ, что онѣ ограничивали крайности цеховой системы»[1]). Право устройства ярмарокъ въ городахъ въ средніе вѣка стояло въ зависимости отъ разрѣшенія имперской власти. Съ теченіемъ времени право устройства ярмарокъ въ городахъ является составною частью «Hoheitsrechte» территоріальныхъ государей. Большая часть городовъ стремится пріобрѣсти право на устройство ярмарокъ въ XVI и XVII ст., такъ какъ послѣднія значительно вліяли на умноженіе благосостоянія гражданъ[2]). Въ XVI и XVII ст. было признано общимъ положеніемъ, что на ярмарки могутъ приходить свободно иногородніе ремесленники и купцы. Сюда могли являться и «Hausirhändler»'ы. Послѣдніе, встрѣчая на ярмаркахъ притѣсненія отъ таможенныхъ и мѣстныхъ властей, жалуются правительству и доказываютъ, что съ давнихъ временъ разносная торговля пользовалась на ярмаркахъ полной свободой[3]). Даже евреи пользовались на ярмаркахъ свободой съ нѣкоторыми, правда, ограниченіями, напр. они обязаны были въ Пруссіи получить отъ правительства спеціальную концессію[4]). Свобода ярмарокъ восполнила свободу торговли, о чемъ заботилось имперское и партикулярное право. Вел. курфюрстъ до введенія акцизной системы въ Пруссіи признавалъ въ принципѣ необходимость и важность свободы торговли по селамъ[5]). Фридрихъ Вильгельмъ I съ уваженіемъ относится къ свободѣ ярмарочнаго торга. Въ 1719 г. король отмѣняетъ постановленіе берлинскаго магистрата, воспретившаго доступъ на ярмарки иностраннымъ купцамъ. Указъ короля гласитъ, что приходъ на

---

[1]) Nat. Oek. d. Handels und Gewerbfleisses. § 22.

[2]) C. C. M. V. II. IX. № 8.

[3]) C. C. M. V. II. IX № 4. 1671 г.

[4]) C. C. M. V. II. VII. 508. № 2. 1665.

[5]) C. C. M. VI. I. 475. 1643 г.; Молчановскій, Цех. сист. Стр. 184 сл.

ярмарки иноземныхъ купцовъ и привозъ туда иноземныхъ товаровъ: «frey ein- und ausführen solle und könne»[1]). Всѣ правительства въ XVII ст. пытаются охранить институтъ вольныхъ ярмарокъ отъ посягательствъ цеховыхъ. На большія ярмарки пріѣзжало много иностранныхъ купцовъ, которыхъ иногда по дорогамъ хватали силою и отдавали въ солдаты. «Мы увѣдомились, что въ нѣкоторыхъ нашихъ провинціяхъ силою нападаютъ на иностранныхъ купцовъ, снабженныхъ даже паспортами, и забираютъ въ солдаты, не смотря на то, что ранѣе изданные указы и эдикты воспрещаютъ подобныя поступки»[2]). Подобныя насилія приводили къ тому, что «die Fremden abgeschrecket, das Commercium gehindert und unsere interesse würcklich geschadet werden». «Наша воля», заканчивается вышеприведенный мандатъ, «состоитъ въ томъ, чтобы странствующіе иностранцы, купцы и лица, снабженныя паспортами, могли свободно и безпрепятственно путешествовать, и чтобы никто противъ воли ни хитростью, ни насиліемъ не былъ забираемъ въ солдаты, «zur Militz». Законодатель стремится всѣми мѣрами обезпечить свободу передвиженія торговыхъ людей. Если они думали въ мѣстѣ своего жительства брать паспорты, то власти должны были ихъ выдавать немедленно безъ всякихъ препятствій и не требовать отъ торговыхъ людей за выдачу паспортовъ денегъ. «Мы узнали, что мѣстныя власти», говоритъ эдиктъ 1709 г.[3]), «часто съ лицъ, ѣдущихъ въ Берлинъ или въ другіе города, требуютъ за выдачу паспортовъ 3, 4 или 6 грошей; таковой сборъ очень великъ, «sehr unbillig», и поэтому торговыя лица предпочитаютъ не запасаться паспортами». На будущее время законъ устанавляетъ при выдачѣ паспортовъ брать только 6 пфен. за бумагу и печать. Кто изъ мѣстныхъ властей будетъ брать больше, тотъ будетъ за каждые 2 гроша штрафованъ 2 импер. талерами[4]).

---

[1]) C. C. M. V. II. IX. 571; Ib. 567. 1716.
[2]) Ib. Pars IV. Mand. 1708. 26 янв. S. 137.
[3]) Ib. VI. II. S. 107. 1709. 3 окт.
[4]) Ib.

с) Ограниченіе права передвиженія всѣхъ классовъ населенія въ началѣ XVIII ст.

Древнее германское понятіе о свободной личности начинаетъ утрачивать свой смыслъ и значеніе съ V ст., т. е. съ эпохи великаго переселенія. Въ эпоху меровингскихъ и каролингскихъ королей свободные люди составляли еще базисъ, основу общегосударственной жизни. Главное ядро населенія при Карлѣ В. заключалось въ свободныхъ людяхъ, обладавшихъ землею въ формѣ общиннаго или индивидуальнаго землевладѣнія. Процессъ разложенія народной общины, охранявшей народную свободу, совпалъ со временемъ заимствованія германцами римскаго института частной поземельной собственности. Усилившаяся королевская власть регулируетъ дѣятельность народной общины и тѣмъ ставитъ предѣлъ проявленію свободнаго народнаго духа въ созиданіи правовыхъ институтовъ, охранявшихъ народную свободу, которая находила опору въ землевладѣніи. Концентрація земли въ рукахъ немногихъ, совпавшая съ рецепціей новаго правоваго понятія о земельной собственности, наноситъ первый ударъ свободѣ германца. Чѣмъ дальше съ юга-запада распространялось новое понятіе на сѣверо-востокъ, тѣмъ больше ограничивалась народная свобода; чѣмъ дольше новый правовой принципъ существовалъ въ новомъ государствѣ, тѣмъ большая масса населенія теряла земли. Но и въ IX ст. большинство германскаго населенія является владѣльцами земли и въ особенности во вновь завоеванныхъ провинціяхъ. Свободные землевладѣльцы, владѣя землею, въ первой половинѣ IX ст. отстаиваютъ свою самостоятельность отъ стремленія аристократіи наложить предѣлъ свободной дѣятельности землепашца. Королевская власть оберегаетъ собственность людей бѣдныхъ, зная, что лишеніе земельной собственности повлечетъ за собой кабалу — это съ одной стороны, но съ другой — короли по старому обычаю раздаютъ свѣтской и духовной аристократіи земли, принадлежившія народнымъ общинамъ. Большая часть вновь возникавшихъ зависимыхъ по землѣ отношеній земледѣльца отъ землевладѣльца покоилась не на юридическомъ принудительномъ принципѣ, но на хозяйственно-экономическомъ. Свободные мелкіе землевладѣльцы, передавая собственность королю, церкви и дворянству, станови-

лись отъ послѣднихъ въ извѣстныя зависимыя отношенія, но только въ отношенія нерабскія и некрѣпостныя. Полноправные свободные люди признавали надъ собой власть лицъ сильныхъ, короля, церкви и дворянства, по многоразличнымъ причинамъ. Тяжелая воинская повинность, связанная съ отбываніемъ другихъ не менѣе угнетавшихъ государственныхъ и общинныхъ повинностей и податей, утѣсненія и несправедливости со стороны государственныхъ должностныхъ лицъ и аристократіи въ связи съ произвольнымъ иногда назначеніемъ пеней, отрицательно вліяли на народную свободу. Разрушеніе общинныхъ связей, выработанныхъ самимъ народомъ, со стороны представителей государственной власти было, быть можетъ, и безсознательно и даже вытекало изъ добраго желанія регулировать дѣятельность представителей, выбранныхъ самой общиной, въ дѣлѣ внутренняго ея управленія въ обширномъ смыслѣ этого слова, въ свою очередь печально отразилось на народной свободѣ. Народному обѣднѣнію до конца IX ст. много способствовало и, можно сказать, почти главнымъ образомъ разложеніе народной общины, какъ юридически-хозяйственной, самостоятельной единицы. Община, оберегавшая начала свободы своихъ членовъ, не въ силахъ была устоять противъ натиска всѣхъ неблагопріятныхъ условій времени. Какъ только новое понятіе о правѣ частной собственности нашло себѣ примѣненіе на варварской почвѣ, то оно повлекло за собой тѣ-же послѣдствія, что и въ Италіи. Процессъ концентраціи земли въ рукахъ немногихъ происходилъ и въ чисто германскихъ провинціяхъ хотя и медленно, но постоянно, безпрерывно: «Gutta cadat lapidem»... Утрата земельной собственности со стороны общины, со стороны частныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ, отдѣлявшихся изъ общины, ускоривала и потерю свободы, врагами которой являлись иногда насиліе и несправедливость лицъ сильныхъ, иногда же требованія произвольной уплаты сборовъ и повинностей, основанныхъ на принципахъ права, нравственности и религіи. Населеніе, лишенное земли, волей—неволей исподволь лишалось и свободы. Свобода безъ экономической самостоятельности, безъ земли, принуждала земледѣльца преподнесть зависимость экономическую отъ землевладѣльца, вылившуюся съ теченіемъ времени и въ зависимость политико-юридическую отъ послѣдняго. Безземельному, безхозяйственному, бездомному человѣку

оставалось выбирать двѣ дороги: или признать надъ собою власть лица сильнаго, или направить свою дѣятельность на нарушеніе частной, общественной или государственной безопасности. Карлъ В. и Людовикъ Бл., охраняя по мѣрѣ силъ народную собственность и свободу, ясно сознаютъ, что личность, утратившая землю, волей-неволей проявитъ преступную дѣятельность, нарушитъ условія безопасности, и потому стремятся охранить собственность въ рукахъ его владѣльца и законныхъ наслѣдниковъ послѣдняго. Всесильная рука Карла В. полагаетъ предѣлъ злоупотребленіямъ лицъ сильныхъ, имѣвшихъ ревностное желаніе поживиться народнымъ достояніемъ. Императоръ, понимая, что народное обѣднѣніе повлечетъ за собой увеличеніе числа преступленій въ странѣ, что народная «пустота» увеличитъ «пустоту государеву», что бездомные и безхозяйственные люди будутъ прибѣгать къ нарушенію мира, стремился положить границы произволу лицъ сильныхъ и всѣхъ власть имѣвшихъ. Онъ издаетъ во всеобщее свѣдѣніе капитуляріи, требовавшіе, чтобы лица сильныя не обидѣли людей бѣдныхъ, не приводили ихъ во «всеконечное раззореніе» и тѣмъ не плодили въ странѣ воровъ, разбойниковъ и лихихъ людей[1]). Заботы этого монарха и его перваго преемника о народномъ благѣ были скоро забыты. Населенію, лишавшемуся все болѣе и болѣе правъ на землю и свободу, ничего не оставалось дѣлать, какъ только искать себѣ защиты уже не предъ лицомъ государственной власти, но у людей сильныхъ, что, наконецъ, и признали преемники Карла В. обязательнымъ: «volumus, ut unusquisque liber homo in nostro regno seniorem, qualem voluerit in nobis et in nostris fidelibus accipiat»[2]). Съ конца IX ст. до конца среднихъ вѣковъ о понятіи народной свободы и земельной собственности, обезпечивавшихъ ранѣе народныя права, которыя отчасти охранялись еще въ

---

[1]) Caroli generaliter ad omnes Cap. a. 805 t. 16: «De oppressione pauperum liberorum hominum», читаемъ въ этомъ капитуляріи, «ut non fiant a potentioribus per aliquod malum ingenium contra justitiam oppressi, ita ut coacti res eorum vendant aut tradant. Ideo haec et supra et hic de liberis hominibus diximus, ne forte parentes contra justitiam fiant exhereditati et regale obsequium minuatur, et *ipsi heredes propter indigentiam mendici vel latrones seu malefactores effitiantur*».

[2]) Capit. a. 847, t. 2.

IX ст. капитуляріями, не приходится говорить. Полноправная народная община въ эту эпоху сохранилась только во Фрисландіи и Швейцаріи. Германская свобода погибла подъ нахлынувшей волной феодализма. Народное сознаніе о свободѣ, какъ его рисуетъ саксонское зерцало, есть туманный отблескъ, скорѣе смутное воспоминаніе о временахъ давно-прошедшихъ. Только нѣкоторыя мѣста саксонскаго и швабскаго права свидѣтельствуютъ о тѣхъ правахъ, которыми раньше обладалъ самъ народъ. Древнія народныя права обезпечивали за народомъ права политическія и гражданскія; саксонское и швабское права оберегаютъ за сельскимъ населеніемъ остатки этихъ правъ, уцѣлѣвшихъ отъ натиска феодальной системы, развившейся наконецъ въ территоріальное господство. Въ области мѣстнаго самоуправленія автономія общинныхъ союзовъ, хотя и раздробленныхъ, до XVI ст. не совсѣмъ еще исчезла.

Рецепція римскаго права въ Германіи освятила между крестьянами и господами отношенія, выработавшіяся въ эпоху безначалія. Крестьянская война повлекла за собой окончательное разрушеніе крестьянскаго самоуправленія. Послѣ войны принципъ внутренней крестьянской автономіи исчезъ. Земледѣльческое сословіе, обладавшее до конца IX ст. всѣми правами свободныхъ людей, а слѣдовательно и правомъ передвиженія, съ XVI ст. должно было разстаться и съ тѣми правами на землю, которыя за нимъ обезпечивало ленное государство. 30-лѣтняя война въ конецъ раззорила крестьянъ, подпавшихъ подъ гнетъ лицъ сильныхъ послѣ крестьянской войны.

Тридцатилѣтняя война имѣла послѣдствіемъ то, что территоріальная государственная власть одержала окончательно побѣду надъ сословнымъ началомъ. Территоріальные государи вполнѣ уничтожили самостоятельное значеніе городовъ какъ въ промышленно-торговомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Экономическій упадокъ Германіи, начавшійся до войны, достигъ послѣ войны апогея. Война раззорила всѣ сословія. Крестьянское сословіе, среди котораго встрѣчались еще въ XVI ст. люди свободные[1]), впало въ полную зависимость отъ господъ.

[1]) Eichhorn, R. G. Th. IV. S. 342: «Subditi, qui rerum dominia habent, ut apud nos in diocesi Havelbergensi et tota Prignitia nec non comitatu Ruppinensi rusticorum conditio est». Mager, de advocatio armata. Cap. 6. № 40. 27.

Воспитанные на римскихъ понятіяхъ юриспруденты не обращаютъ вниманія ни на происхожденіе отношеній между дворянствомъ и крестьянствомъ, ни на значеніе обычаевъ, регулировавшихъ эти отношенія. Еще въ XVI ст. было значительное число свободныхъ крестьянъ, владѣвшихъ землею и подчиненныхъ дворянству только въ судебно-административномъ отношеніи, «Vogtei», «Advocatia». Наслѣдственные арендаторы не были людьми крѣпостными. Территоріальное законодательство признаетъ тѣхъ и другихъ временными арендаторами, если они не въ состояніи были доказать письменными договорами, «Lehnbriefe», своихъ правъ на наслѣдственную аренду, «pro emphyteusi». Господинъ земли могъ во всякое время заявить временнымъ арендаторамъ, чрезъ какой срокъ условія аренды должны быть измѣнены. Свободные крестьяне и наслѣдственные арендаторы въ большинствѣ случаевъ не были въ силахъ доказать свои права на владѣемую ими землю. Въ сомнительныхъ случаяхъ юристы толковали споры между господиномъ и крестьяниномъ въ пользу перваго. Господа имѣли полное право прогнать съ земли крестьянъ, владѣвшихъ землею въ продолженіи долгаго времени. Юристы провели свои взгляды, касавшіеся отношеній крестьянъ къ дворянству, въ партикулярное законодательство. Послѣднее регулировало также и обязанности крестьянскаго сословія; оно стремилось точнѣе опредѣлить и тѣ обычаи, на которыхъ покоились отправленіе крестьянами повинностей и уплата сборовъ въ пользу господъ, такъ напримѣръ оно регулировало въ свою очередь уплату денегъ при уходѣ крестьянъ изъ мѣста родины на сторону. Полицейскіе уставы партикулярнаго законодательства ввели также обязательное отбываніе нѣкоторыхъ повинностей ради мѣстныхъ цѣлей и, кромѣ того, обязательное отправленіе новыхъ повинностей свободными и наслѣдственными арендаторами въ пользу мѣстнаго дворянства. Уплата новыхъ сборовъ и отправленіе обязательной службы, «Dienstzwang», все болѣе и болѣе расширяется какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи со стороны крестьянъ въ пользу мѣстнаго господина и территоріальнаго государя. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мѣстный господинъ, «Gutsherr», былъ и территоріальнымъ владѣтелемъ, «Landesherr». Въ XVII ст. партикулярное право опредѣляетъ величину сборовъ и по-

винностей крестьянъ въ пользу дворянства[1]). Юристы выставляютъ положеніе, чтобы дворяне пользовались требованіемъ службъ и повинностей отъ крестьянъ не безгранично, не произвольно, но чтобы они свои требованія согласовали съ мѣстными обычаями[2]). Тамъ, гдѣ повинности не были опредѣлены договорами, юристы ограничивались тѣмъ, что рекомендовали господамъ поступать, придерживаясь обычаевъ. Теоретическіе взгляды юристовъ, проведенные въ писанное право, оказались болѣе вредными для свободныхъ крестьянъ, чѣмъ для крѣпостныхъ. Расширеніе сферы крѣпостничества печальнымъ образомъ отозвалось на экономическомъ и юридическомъ положеніи крестьянскаго сословія. Разрушенная свободная сельская община перестала быть хранительницей общиннаго права, мира и хозяйства. Крестьяне въ годы несчастій не находятъ защиты въ своей общинѣ. Общинная самодѣятельность и самоуправленіе стали преданіемъ. Концентрація крестьянской земли въ рукахъ дворянства привела народъ къ обѣднѣнію, къ обнищанію. Народная «тщета», требованія крестьянской массы не находили себѣ защитниковъ и ходатаевъ предъ лицомъ территоріальныхъ государей. Въ мѣстныхъ ландтагахъ представители отъ крестьянъ не учавствовали. Мѣстные ландтаги, кромѣ того, не имѣли важнаго значенія. Территоріальная власть въ XVII ст. становится не только самостоятельною, вполнѣ независимою отъ императора, но и властью абсолютною. Эпоха отъ второй половины XVI ст. до второй половины XVIII ст. справедливо считается самою печальною и ужасною, которую когда-либо пережило крестьянское сословіе въ Германіи. Даже въ началѣ XVIII ст. въ нѣкоторыхъ земляхъ Германіи господа часто находили нужнымъ обращаться съ крѣпостными варварски[3]). «Мы къ сожалѣнію увѣдомились», говоритъ предписаніе герцога

---

[1]) Bair. Landrecht v. 1616. t. 22.

[2]) Такъ въ баварскомъ земскомъ правѣ 1616 г. (t. 22. Art. 3) сказано слѣдующее: «Die gemessene Scharwerch würdet beweisen — mit Brieff und Siglen, als Kaufbriefen, Freiheiten, Verträgen, Recessen und dergleichen— Sein aber nit Brief darumben vorhanden, so ist nit genug, dass ein Unterthan fürgebe und darthue, dass er seiner Herrschaft zuvor ein wenigere oder eine andere Scharwerch, als *anjetzo von ihme begert wirdet*, *geleistet*».

[3]) Moser, die bäuerlichen Lasten der Würtemberg. S. 162 ff.

Карла Брауншвейгскаго отъ 1737 г., «что уполномоченные помѣщиковъ бьютъ часто палками крестьянъ и обращаются съ ними по-египетски, что должно быть воспрещено подъ угрозою денежнаго штрафа или даже подъ угрозою заключенія виновнаго въ тюрьму»[1]). Какъ въ Пруссіи, такъ и въ другихъ земляхъ матеріальное зло, причиненное тридцатилѣтней войной, не исчезло совсѣмъ и въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVIII ст. Полиц. уставъ гер. Магдебургъ отъ 1688 г. 3 янв. и предписаніе великаго курфюрста въ Пруссіи свидѣтельствуютъ, что бѣдность и нужда сельскаго населенія принуждаютъ его бѣжать въ города и тамъ питаться чѣмъ попало, живя впроголодь. Дворянство, распредѣляя на ландтагахъ контрибуціи, стремилось главнымъ образомъ къ тому, чтобы облегчить себя. Спеціальныя раскладки подати между селами и городами отличались крайнею неравномѣрностью, особенно въ Помераніи и въ герц. Клеве-Маркъ, гдѣ въ XVI ст. велась ожесточенная борьба по вопросу о размѣрѣ участія дворянства и городовъ въ выплатѣ контрибуціи. Когда въ 1613 г. было достигнуто соглашеніе, то оказалось, что шестую часть всей подати должны были нести города, остальную часть бѣднѣйшее сельское населеніе, тогда какъ дворянство оставалось свободнымъ отъ уплаты своей части. Съ другой стороны, цѣлые города платили иногда въ казну менѣе одного крестьянина, подать котораго, случалось, достигала въ общей суммѣ 60—70 талеровъ[2]).

Положеніе городскихъ жителей въ Германіи послѣ тридцатилѣтней войны не во многомъ было лучше положенія сельскаго населенія. «Грабежамъ солдатчины, неумолимо строгимъ экзекуціямъ конца нѣтъ»,—жалуются сословные прусскіе представители на ландтагѣ 1648 г. Бургомистровъ хватали, какъ рабовъ, и подвергали побоямъ. «Всѣ виды торговли находились въ полномъ упадкѣ, такъ что таможни не давали дохода; торговые люди и ихъ служащіе подвергались постояннымъ грабежамъ; коммерческій кредитъ былъ потрясенъ до основанія; всюду царила нищета, горе и нужда»[3]). Городскія имущества,

---

[1]) Morstadt, der Nationalökonom. 1834. Bd. II. S. 574.

[2]) Droysen, Geschichte des Preussischen Politik. III. II. 509.515; Молчановскій, Цеховая система въ Пруссіи. Стр. 26 — 35.

[3]) Isaacsohn, Urkunden und Actenstücke. X, II. 61. 81. 115; 525.

за рѣдкими исключеніями, свелись къ нулю. Число населенія постоянно уменьшается, по увѣренію дворянства въ 1660 г.[1]). Подати и различныя взысканія до того умножились, что по городамъ и селамъ были слышны стоны и вопли; нужда и нищета надрывали душу. Большинство съ трудомъ борется противъ голодной смерти. Благодаря страшному гнету налоговъ села пустѣли, крестьяне были принуждены бросать свое добро, и много мѣстностей приходило въ совершенное запустѣніе[2]). Горожане и крестьяне влачатъ жалкое существованіе въ невообразимой нищетѣ, походя скорѣе на скелеты, чѣмъ на живыхъ людей. Многіе, не имѣя чѣмъ поддерживать себя и семью, въ отчаяніи налагаютъ на себя руки, и это не пустая фраза; еслибы такихъ случаевъ не было, то никто не указывалъ бы на нихъ, прибавляютъ сословные представители на нѣсколько смягчающее замѣчаніе по этому поводу вел. курфюрста[3]). Страна истощена; послѣднія средства изъ нея высосаны, а между тѣмъ государство требуетъ съ нея все болѣе и болѣе денегъ. Взиманіе въ казну ничтожной суммы въ 24.000 тал. сопряжено съ огромными усиліями, и курфюрстъ говоритъ, что это дѣлается съ отягощеніемъ для страны, конечное раззореніе (Total-Ruin) которой онъ откровенно признаетъ наравнѣ съ дворянствомъ[4]). Отъ субсидіи въ 20.000 тал. ожидаютъ серьезнаго поднятія благосостоянія городовъ, упадокъ которыхъ до того былъ очевиденъ и поражалъ всѣхъ, что даже враждебно настроенное къ городамъ дворянство согласилось на субсидію. «Arme, agonisirende und verarmte Leute», «bis auf die todte Neige erschöpfte und enervite Städte»—таковы обычныя выраженія, когда рѣчь идетъ о городахъ, которые, по увѣренію земскихъ чиновъ, совершенно погибнутъ, если не прійдти имъ на помощь[5]). Депутаты отъ городовъ въ своемъ представленіи вел. курфюрсту отъ 12 марта 1643 г. слѣдующимъ образомъ рисуютъ положеніе: «результатомъ неравномѣрности податной

---

[1]) Ib. 345.

[2]) Ib. 490.

[3]) Ib. 503.

[4]) Ib. 501. 525; Mylius, C. C. M. V. I. IV. N 1; Ib. V. II. II. N 18; Ib. V. II. NN 18 и 19; Ib. V. V. IV. NN 8. 15.

[5]) Молчановскій, Id. Стр. 23 сл.

раскладки и тягости налоговъ является невыносимая задолженность городовъ; погашать долги и платить проценты по нимъ горожане, совершенно обѣднѣвшіе и обремененные своими частными долгами, рѣшительно не въ состояніи; хотя въ 30-ти инкорпорированныхъ и крупнѣйшихъ городахъ Средней и Укермарки, а также графства Руппинъ врядъ-ли наберется болѣе 2000 гражданъ, но и тѣ большею частью съ трудомъ добываютъ хлѣбъ насущный, христараднничаютъ и не имѣютъ никакихъ прочныхъ заработковъ. Если такому положенію горожанъ не будетъ положенъ конецъ, то очень многіе изъ нихъ вынуждены будутъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми надѣть нищенскую суму»[1]).

По словамъ Ранке, во многихъ городахъ истреблена половина, въ другихъ двѣ трети, въ иныхъ даже пять шестыхъ всѣхъ жилыхъ построекъ, а въ Берлинѣ насчитывалось 300 гражданъ. Мало того, что контрибуція была крайне обременительна для плательщиковъ,—она не допускала никакихъ улучшеній въ податной системѣ. Взиманіе производилось съ варварскою строгостью и жестокостью. Военныя команды снимали крыши съ дворянскихъ и городскихъ домовъ[2]). Въ Берлинѣ по улицамъ безпрестанно сновали телѣги, нагруженныя жалкимъ имуществомъ недоимщиковъ. «Новая податная реформа начала второй половины XVII ст., состоявшая въ томъ, что городамъ, добивавшимся акцизовъ, было предоставлено ввести у себя новую систему, а въ селахъ удержанъ прежній порядокъ податнаго обложенія, была несравненно лучшею, чѣмъ прежняя; она представляла всетаки идеалъ равномѣрности, а благодаря тому, что обложеніе акцизомъ было теперь сосредоточено въ городахъ, куда должны были стекаться всѣ продукты страны и сконцентрироваться необходимая ихъ переработка, первое время послѣ введенія новой системы городское населеніе почувствовало себя нѣсколько облегченнымъ отъ прежней тягости»[3]). Отовсюду стали стекаться въ города ремесленники, торговцы и промышленники всякаго рода[4]). Все-

[1]) Mylius, C. C. M. V. II. IV. N 18; Isaacsohn, Id. 531 и 558.

[2]) Droysen, Id. III. II. 534.

[3]) Молчановскій, Стр. 35.

[4]) Droysen, Id. III. III. 283 ff; Ranke, Zwölf Bücher Preussischer Geschichte. III. 281 ff.

возможныя поощренія и льготы новоприбывшимъ способствовали отстройкѣ городовъ, такъ какъ всѣ стремились теперь пріобрѣсти здѣсь осѣдлость[1]). «Когда сравниваешь», говоритъ О. Гирке, «документальные памятники періода 1648—1750 гг. съ памятниками болѣе ранняго времени, то съ горькимъ чувствомъ удивленія спрашиваешь себя, неужели это тотъ самый народъ, который могъ выродиться до такой степени»[2])? Полный экономическій упадокъ страны естественно повлекъ за собой замираніе національнаго сознанія, замкнутость и мелочную исключительность мѣстно-сословныхъ интересовъ и изчезновеніе духа живой общественности. «Политическій упадокъ городскихъ общинъ, въ связи съ страшнѣйшими опустошеніями войны и общимъ экономическимъ разстройствомъ страны, идетъ рука объ руку съ внутреннимъ преобразованіемъ тѣхъ самыхъ корпорацій, съ которыми связаны были въ средніе вѣка разцвѣтъ германской промышленности и благосостояніе ремесленнаго сословія»[3]). «Несмотря на огромное разнообразіе въ устройствѣ и ходѣ исторіи германскихъ городовъ, одна общая черта сказывается въ ихъ судьбахъ въ новѣйшее время: вмѣсто свободной самоуправляющейся общины выступаетъ теперь на первый планъ городской магистратъ, какъ обособившаяся отъ гражданства сила, служившая оружіемъ въ рукахъ территоріальной власти и потому до извѣстной степени усвоившая себѣ верховныя права надъ членами общины»[4]). Участіе гражданъ въ назначеніи членовъ магистратовъ большею частью исчезаетъ или переходитъ въ простую формальность. Сходки горожанъ прекращаются. Представительство горожанъ становится фиктивнымъ. Магистраты обособляются отъ гражданства. Вражда между управляющими и управляемыми не сдерживается отвѣтственностью первыхъ предъ городской общиной. Граждане дѣлятся по корпораціямъ. Корпораціи помнятъ свое былое значеніе и не желаютъ отказаться отъ него. Корпоративная жизнь и духъ въ XVII ст. были не тѣми, что въ

[1]) Droysen, Id. III. III. 288; Ranke, Id. III. 281 и 284.
[2]) O. Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht Bd. I. S. 641.
[3]) Молчановскій, Id. Стр. 35.
[4]) O. Gierke, Id. S. 701 ff.

Кольберу. Онъ, желая поднять въ опустѣвшихъ городахъ промышленность, ревностно привлекаетъ иностранныхъ промышленниковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прусское правительство дѣлало исключеніе или же явно нарушало положенія цеховаго строя. Хотя цеховымъ сельскимъ ремесленникамъ «Principia regulativa» воспрещали держать подмастерьевъ и учениковъ, но съ 1729 г. ремесленникамъ-иностранцамъ, поселившимся въ селахъ и занимавшимся тамъ выдѣлкою пряжи, эти правила дозволяли держать подмастерьевъ и учениковъ[1]). Политику вел. курфюрста въ отношеніи увеличенія населенія въ странѣ преслѣдовали и его преемники: короли Фридрихъ I и Фридрихъ-Вильгельмъ I. «Усилія кор. Фридриха-Вильгельма I привлечь въ свои земли новыхъ поселенцевъ показываютъ, что онъ всецѣло раздѣлялъ основной взглядъ меркантилистовъ. Въ инструкціи для Генеральной Директоріи король повелѣваетъ народонаселеніе «so weit poussiren, als immer menschlich und möglich ist»[2]). Ростъ населенія, расширеніе мануфактуръ всякаго рода были лозунгомъ эпохи, служа синонимомъ военнаго, финансоваго и политическаго могущества государства. По разсчетамъ Бегеймъ-Шварцбаха, основаннымъ на оффиціальныхъ данныхъ, благодаря мѣрамъ, направленнымъ къ привлеченію иностранныхъ выходцевъ, къ 1740 г. населеніе Прусскаго государства возрасло по меньшей мѣрѣ на 600.000 человѣкъ, а по переписи 1725 г. въ одномъ Бранденбургѣ пятую часть всего населенія составляли прибывшіе въ теченіи 40 лѣтъ иностранные выходцы или ихъ потомки[3]).

Примѣру Пруссіи слѣдовали и другія германскія правительства какъ въ XVII, такъ и въ особенности въ началѣ XVIII ст. «Когда кто-либо», говоритъ саксонскій акцизный уставъ[4]), «придетъ изъ другихъ странъ съ своимъ достояніемъ и поселится въ нашихъ городахъ или ихъ форштадтахъ, купивъ домъ и занявшись какимъ-либо промысломъ, то онъ долженъ быть освобожденъ городскимъ совѣтомъ на два года отъ уплаты постоя, сторожевой службы, налоговъ и равнымъ образомъ отъ

---

[1]) C. C. M. II. X. N. 76.

[2]) W. Roscher, Geschichte der Nat.-Oekonomik in Deutschland. S. 367.

[3]) M. Beheim-Schwarzbach, hohenzollernsche Colonisationen. S. 259 ff.

[4]) Cod. Aug. Accis-Ordnung. 1715 г. 20 дек. S. 1988.

уплаты акцизныхъ сборовъ, взимаемыхъ со средствъ пропитанія». Правительства старались принимать въ подданные по-преимуществу тѣхъ иностранныхъ промышленниковъ, которые или обладали капиталомъ, или знали хорошо свой промыселъ: «Keinen Fremden, der nicht 200 fl. hat, das Bürgerrecht ertheilet werden soll»[1]). Только состоятельнымъ лицамъ оказывались привиллегіи и дѣлались въ пользу ихъ исключенія изъ существовавшихъ правилъ. Изъ привиллегіи для Магдебургской колоніи пфальцскихъ переселенцевъ 1679 г. видно, что для принятія ихъ въ цехи требовалось удостовѣреніе, что выходцы безпрепятственно и честно занимались на родинѣ ремесломъ, т. е. были цеховыми мастерами, а отъ учениковъ, кромѣ того,—свидѣтельство о законномъ рожденіи[2]). Неопытные и неискусные ремесленники и «Pfuscher»'ы не принимались въ страну, такъ какъ они обманывали подданныхъ и причиняли ущербъ публикѣ, «Nachtheil des Publici». Лицо, пожелавшее поселиться въ странѣ и пріобрѣсти права гражданства, обязано было доказать, во-первыхъ, что оно хорошо знаетъ свою профессію, во-вторыхъ, что оно имѣетъ права цеховаго мастера и въ-третьихъ, что оно можетъ нести гражданскія обязанности, «übrige bürgerliche Prästanda leisten»[3]). Всепроникающая регламентація ремесленной промышленности увлекала нѣкоторыя германскія правительства конца XVII и начала XVIII ст. до того, что они прибѣгали и къ насильственному поселенію ремесленниковъ въ города и въ особенности въ тѣ города, которые находились въ упадкѣ. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ I думалъ, что насильственное поселеніе ремесленниковъ въ нѣкоторыхъ городахъ послужитъ одною изъ лучшихъ мѣръ къ развитію въ нихъ

---

[1]) Hochf.-Speier. G. und Verordn. 1709 г. 23 сент. Th. I. LXXIV. S. 84.

[2]) C. C. M. VI. 70. § 24; Liefl. L.-Ordn. Allgemeiner Schragen v. 1669. Art. VI. § 10: «Kommt auch ein Meister aus seinem frembden Lande oder irgends einer Stadt im Reiche an, und suchet ein Ampts-Bruder zu werden, derselbe soll Beweiss von der Stadt daselbsten haben, wie auch vom Ampte, davon er gekommen, dass er ein redlicher Meister ist und sein Handwerck wohl verstehet und verrichten kan».

[3]) Samml. d. Hochf.-Speier. G. und Verordn. 1726. 17 іюня. Th. II. N. CI. S. 66.

мануфактуръ[1]). При достиженіи такой цѣли король не жалѣлъ ни денегъ, ни людей, ни жестокихъ наказаній[2]). Въ 1722 г. онъ приказываетъ насильственно переселить изъ Магдебурга въ Пруссію нѣкоторое число подданныхъ; тому, кто изъ переселенцевъ задумалъ бы сбѣжать, угрожала висѣлица. Вскорѣ послѣ этого вышелъ приказъ насильно заселять нѣкоторые города Помераніи, гдѣ никто не хотѣлъ добровольно селиться[3]).

Этотъ король какъ-бы предугадалъ политику своего сына, Фридриха II, который признавалъ «axiome certain», что богатство государства состоитъ въ количествѣ населенія[4]). Мы выше замѣтили, что правительства принимаютъ охотно только тѣхъ иностранцевъ, которые обладаютъ познаніями въ промыслахъ и вещественнымъ капиталомъ. Даже туземцы, покинувъ законнымъ порядкомъ отечество и впавъ въ обѣднѣніе на сторонѣ, съ большими затрудненіями пріобрѣтали на родинѣ прежнія права. Послѣднія возвращались тѣмъ, кто приносилъ съ собою деньги. «Мы узнали», гласитъ предписаніе кн. Шпейеръ отъ 1709 г.[5]), «что многіе изъ нашихъ подданныхъ, покинувъ отечество и переселившись въ Пенсильванію или въ другія страны, такъ или иначе вернулись на родину и здѣсь поселились, расстративъ все свое достояніе въ своихъ странствованіяхъ; отъ такихъ лицъ ни государство, ни общины, гдѣ они живутъ, не могутъ получить никакой пользы; поэтому, мы приказываемъ на будущее время не принимать такихъ лицъ въ наши страны».

Въ эпоху 30-лѣтней войны были забыты тѣ разумныя мѣропріятія, которыя ранѣе были предприняты имперскимъ правительствомъ ради улучшенія средствъ сообщенія между населенными пунктами страны. Правительства первой половины XVII ст. не заботятся о путяхъ сообщенія, что гибельно отразилось на развитіи народной промышленности: земледѣльческой, ремесленной и торговой. Всеобщее опустѣніе и раззореніе страны повліяло

---

[1]) R. Stadelmann, Friedrich Wilhelm 1 im seiner Thätigkeit. S. 141 и S. 225

[2]) Ib. S. 297. Urk. 42.

[3]) Ib. Urk. 56.

[4]) W. Roscher, Id. S. 394.

[5]) Samml. Speier. G. und Verordn. 23 сент. Th. I. LXXIV. S. 84; Idem, Th. I. LXXXIV. S. 89.

отрицательно на состояніе водныхъ и сухопутныхъ дорогъ. На дорогахъ, большихъ и малыхъ, нашли себѣ пріютъ цѣлыя банды воровъ, разбойниковъ, дезертировъ и всякаго рода «лихихъ людей». Къ XVII ст. вполнѣ выяснилось, что постройка, ремонтъ и надзоръ за дорогами имперіи являются составною частію правъ территоріальной власти. Императоры только напоминаютъ территоріальнымъ государямъ заботиться объ улучшеніи большихъ дорогъ, будучи сами лишены права пользоваться принципомъ принужденія и экзекуціи, когда территоріальная власть не выполняла общихъ предписаній, исходившихъ отъ имени императора Свящ. имперіи.

Только по окончаніи тридцатилѣтней войны германскія правительства начинаютъ предпринимать рядъ мѣръ ради обезпеченія свободы и безопасности передвиженія товаровъ и торговыхъ людей. При заключеніи Пражскаго договора было обращено серьезное вниманіе на общее единеніе нѣмецкой націи и на мирныя сношенія ея съ иностранными государствами. Только при такихъ условіяхъ возможно было надѣяться на обезпеченіе свободы торговли какъ внутренней, такъ и международной. Пражскій договоръ признаетъ важное значеніе за «unferhinderte frye Commercia»»[1]). Въ Оснабрюгскомъ договорѣ ясно высказано, что свобода торговли имѣетъ значительное вліяніе на развитіе народнаго благосостоянія: «et quia publice interest, ut facta pace commercia vicissim reflorescant»[2]). Этотъ договоръ оживилъ старыя постановленія[3]) имперскихъ сеймовъ, утратившія всякую силу въ эпоху войны. «Мы постановили», продолжаетъ договоръ, «чтобы пошлины и сборы не налагались собственною властью никѣмъ противъ правъ и привиллегій безъ согласія императора и избирательной императорской коллегіи»[4]). И Вестфальскій договоръ призналъ вообще законными только правовыя пошлины. «Пусть остаются въ полной силѣ права и привиллегіи тѣхъ князей, по территоріямъ которыхъ текутъ рѣки, и всѣхъ другихъ, а также пусть сби-

---

[1]) t. 80

[2]) Art. IX t. 1.

[3]) R. A. 1555. § 14; R. A. 1613. § 4.

[4]) 1648. Art. 1. Instr. pacis Osnabr; Instr. Mon. Art. X. c. 67.

раются пошлины., существующія въ силу старыхъ обычаевъ или дозволенныя съ согласія императора и императорской избирательной коллегіи, какъ всѣми князьями, такъ и герцогомъ Ольденбургскимъ въ Виссургѣ»[1]). Дѣйствительно, «Commercien des Reichs zu Wasser und zu Lande» были обложены всевозможными сборами. Пошлины въ началѣ XVII ст. только тотъ не бралъ, кто не имѣлъ силы; о правѣ сбора пошлинъ не могло быть и рѣчи. «Всѣ другія, вышедшія изъ употребленія подати и налоги», читаемъ мы въ договорѣ, «вредившія торговлѣ и мореплаванію пусть будутъ совершенно уничтожены; въ провинціяхъ, въ гаваняхъ, на всѣхъ рѣкахъ сборъ пошлинъ, основанный на правѣ, обычаѣ и безопасности, и существовавшій до войны за много лѣтъ, пусть будетъ сохраненъ и соблюденъ». Составители вышеупомянутаго договора сознавали, что свобода торговли обезпечивается безопасностью передвиженія торговыхъ людей, и поэтому постановили: «ut plena sit commerciorum libertas, transitus ubique locorum terra marique tutus»[3]). Кромѣ того, свобода торговли обезпечивается, по мнѣнію редакторовъ договора, и свободою передвиженія торговыхъ людей: «ut adeoque ea omnibus et singulis utriusque partis foedoratorum vasallis, subditis, clientibus, incolis, eundi, negotiandi, redeundique potestas data sit»[4]). Въ особенности имперскій сеймъ 1648 г. покровительствуетъ свободѣ торговли ганзейскихъ городовъ, «quam in exteris regnis, rebuspublicis, tam in imperio[5]). Условія торговли этихъ городовъ должны были остаться такими, какими они были до войны: «quam ibi ad praesens usque bellum habuerunt»[6]), что впослѣдствіи подтверждено и въ Wahlcapitulation 1711 г.[7]). Вестфальскій договоръ, признавъ свободу торговли, не уничтожилъ тѣхъ сборовъ съ товаровъ, которые существовали ранѣе до войны; онъ не уничтожилъ также сборовъ съ путешественниковъ, «Zolle, Imposten, onera», существовавшихъ до войны, «ante Germaniae motus», и вредно отзывавшихся на торговыхъ

[1]) Pax Mon. § 68; Instr. pacis Osnabr. Art. IX. t. 2.
[2]) Pax Osnabr. Art. IX t. 1.
[3]) Art. IX. t. 2.
[4]) Ib. t. 2.
[5]) Art. X. t. 16.
[6]) Ib.
[7]) Art. VII. § 2.

интересахъ Германіи и по окончаніи войны. Такъ какъ и во второй половинѣ XVII ст. сплошь и рядомъ сборы налагались произвольно, «gegen Disposition des Instrumenti pacis», то еще нѣсколько разъ было подтверждено, чтобы пошлины сбирались на основаніи законовъ: «въ отношеніи сборовъ пошлинъ на рѣкахъ или на сушѣ слѣдуетъ придерживаться положенія или устава 1670 г. безъ допущенія какихъ бы то ни было нововведеній»[1]). Сборщики пошлинъ преслѣдовали свои личные интересы. На ярмаркахъ купцы иногда облагались большими, «ungewöhnlich», налогами. На постоялыхъ дворахъ съ путешествовавшихъ купцовъ взымались произвольныя цѣны за харчи. Поэтому въ 1671 г. было снова подтверждено уничтожить всѣ произвольные сборы съ путешественниковъ подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, «wie die auch Namen haben mögen», такъ какъ такіе сборы обременяютъ, «deteriori-ren», торговлю. Цѣль Вестфальскаго договора привести торговлю въ цвѣтущее состояніе, «in guten Flor bringen», встрѣчала отпоръ со стороны государей, сбиравшихъ неутвержденныя императоромъ и коллегіею курфюрстовъ пошлины. Произволъ при сборѣ пошлинъ, правда, былъ единичнымъ явленіемъ послѣ тридцатилѣтней войны. Начало общаго произвола совпало съ началомъ войны; конецъ же общаго произвола—съ окончаніемъ междоусобицы. Въ Вестфальскомъ договорѣ было выставлено также положеніе, чтобы не были вводимы новые сборы по р. Рейну[2]), что подтверждено и въ другихъ послѣдующихъ договорахъ[3]).

Свободу торговли германскіе императоры охраняютъ въ XVII ст. и для городовъ, отходящихъ подъ власть другихъ государствъ: «maneat antiquus usus, libertas Commerciorum inter Lotharingiam, ditionem Metensem»...[4]). Жители городовъ, переходящихъ по взаимному договору отъ одного госу-

---

[1]) R. A. 1697. t. 39; Fr. zu Baden 1714. t. 34.

[2]) Pax. Mon. 85.

[3]) Friede zu Ryswick 1697. Art. 18; Friede zu Rastatt 1714 Art. 6; Friede zu Baden 1714. Art. 6.

[4]) R. A. 1697. t. XL. Pax Ryswiensis; Fr. zu Rastatt 1714. t. XXIV.

дарства къ другому, пользуются свободою переселенія въ продолженіи года со времени заключенія трактата. «Пусть будетъ», гласитъ Рисквикскій договоръ, «свобода для всѣхъ и каждаго.... кто пожелаетъ отсюда выселиться, передать домъ, кому онъ пожелаетъ, съ движимымъ имуществомъ безъ всякаго препятствія въ продолженіи года послѣ ратификаціи этого договора; а по истеченіи пяти лѣтъ дозволяется передавать домъ послѣ уплаты повинностей; недвижимое же имущество позволяется или продать, или удержать за собой, или управлять имъ черезъ другихъ»[1]).

По окончаніи войны какъ имперское такъ и партикулярное законодательства обратили вниманіе на улучшеніе средствъ сообщенія. «Мы постановляемъ и предписываемъ, чтобы каждый государь въ своей территоріи и области имѣлъ ревностный надзоръ за устройствомъ и поддержкою дорогъ и мостовъ, организовалъ за дорогами, путями сообщеній и морскими берегами инспекцію, гдѣ ея не существуетъ, ради того, чтобы были устранены немедленно всѣ недостатки; въ противномъ случаѣ, когда постигнетъ какое-либо несчастіе или бѣдствіе путешественниковъ или купцовъ, власти должны уплатить за понесенное несчастіе; такимъ образомъ каждый долженъ ревностно и прилежно смотрѣть, чтобы испорченныя дороги, мостики, рѣчные потоки, гати, мосты и т. п. были улучшены, устроены и очищены и во всѣхъ мѣстахъ содержимы постоянно въ добромъ порядкѣ»[2]). Имперское постановленіе было дополнено имп. рѣшеніемъ 1670 г., которое принуждало господъ землевладѣльцевъ выполнять предписанія относительно дорогъ. При отказѣ могло быть возбуждено уголовное преслѣдованіе, сопряженное съ гражданскимъ искомъ объ удовлетвореніи убытковъ. Имперское постановленіе 1670 г. было вызвано тѣмъ, что большая часть дорогъ находилась въ дурномъ состояніи, «ruinirt», и что дороги «ohne Leibs- und Lebens-Gefahr zu mercklichem Nachtheil und Hinderung der Reisenden und Commercirenden zu Wasser und Land nicht

---

[1]) Pax Ryswiensis t. XVII; Fr. zu Rastatt t. XXIV; Instr. pacis Badensis t. XXIV.

[2]) Zachariae, deutsches Staats- und Bundesrecht. Th. II. S. 360.

gebraucht werden können»[1]). Въ этомъ-же постановленіи было проведено то начало, что большія дороги въ каждомъ государствѣ должны были строиться на общественный счетъ[2]). Сборъ для устройства дорогъ назначался правительствомъ. Принципъ свободы пошлинъ не простирался на сборы для устройства и ремонта дорогъ. Въ отношеніи устройства и ремонта общинныхъ дорогъ было признано правило, что онѣ подлежатъ надзору правительственныхъ органовъ, и что безъ ихъ согласія ни община, ни частное лицо не въ правѣ назначать и увеличивать сборы для устройства и ремонта дорогъ и мостовъ[3]). Улучшеніе средствъ сообщенія въ значительной степени повліяло на свободу и безопасность торговли въ странѣ къ концу XVII ст. Въ началѣ XVIII ст. были изданы спеціальныя постановленія въ отношеніи свободы торговли[4]). Императоръ Францискъ при своемъ избраніи даетъ обѣщаніе, что не будетъ налагать никакихъ податей и сборовъ ни для мирныхъ, ни для военныхъ цѣлей безъ согласія курфюрстовъ и имперскихъ чиновъ[5]). Императоръ въ цѣляхъ развитія торговли беретъ на себя слѣдующую задачу: «Мы желаемъ и постановляемъ, чтобы торговля имперіи была регулирована правилами и постановленіями ради возможно лучшихъ условій ея развитія». Задача имперскаго правительства не могла быть осуществлена потому, что территоріальная власть не всегда выполняла желаніе императора. Императоръ, считаясь хранителемъ гражданскаго и религіознаго мира въ Германіи[6]), не былъ въ правѣ принудить территоріальнаго государя заботиться объ обезпеченіи условій безопасности и благосостоянія его подданныхъ. Дѣйствительнымъ охранителемъ мира является территоріальная власть, каждый государь въ своей странѣ. Императоръ обязанъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы подданные находились въ постоянномъ повиновеніи къ территоріальному государю,

---

1) R. A. 1670. 75.

2) Berg, Policeyr. III. S. 549.

3) Moser, von der Landeshoh. in Steuersachen. Cap. XV. § 51.

4) Kaiserl. Wahl- Cap. 1711. Art. VII и VIII.

5) Wahlc. 1690 § 1. 1711. Art. V. t. 1.

6) Wahlc. 1711. Art. 1.

«Landes-Obrigkeit»[1]). Такое отношеніе императорской власти къ территоріальной привело къ тому, что имперское право, желая обезпечить свободу торговли, сдѣлалось фиктивнымъ. «Имперская власть», замѣчаетъ Цахаріэ[2]), «при развитіи власти территоріальной и замкнутости отдѣльныхъ территорій не была сильной и поэтому выставила въ теоріи положеніе, несогласное, конечно, съ имперскимъ правомъ, что территоріальная власть можетъ уничтожить или ограничить въ извѣстной степени свободу торговли, признаваемую имперскимъ правомъ, ради охраны благосостоянія своихъ подданныхъ или ради защиты правоваго порядка въ своемъ государствѣ».

Внутренняя, юридическая организація торговаго класса въ средніе вѣка покоилась на тѣхъ же началахъ, на которыхъ покоилась организація ремесленнаго сословія. Какъ не всякій обыватель города могъ быть ремесленникомъ, такъ и не всякій—могъ быть купцомъ. Правомъ на торговыя дѣйствія обладали только лица, сдѣлавшіяся полноправными членами торговаго цеха. Торговые цехи возникли одновременно съ ремесленными. Какъ ремесленникъ былъ прикрѣпленъ къ ремесленной корпораціи, такъ и торговецъ былъ прикрѣпленъ къ своему цеху. Юридическая связь торговаго человѣка съ цехомъ защищала его жизнь и имущество отъ нападеній со стороны другихъ. Эта связь была настолько крѣпка и обезпечена, что торговый человѣкъ не рѣшался перемѣнять свое постоянное мѣстожительство. Въ необходимыхъ же случаяхъ онъ испрашивалъ разрѣшеніе отъ цеховаго начальства. Временныя отлучки торговаго человѣка изъ города были свободными. Купецъ пріобрѣталъ права гражданства въ городѣ, если онъ былъ членомъ торговаго цеха. Число торговыхъ людей, купцовъ въ городахъ было незначительнымъ. Самый экономическій строй тогдашней промышленности не вызывалъ большаго числа посредниковъ между потребителями и производителями.

Купцы занимались по-преимуществу оптовой торговлею. Торговымъ промысломъ, т. е. посредничествомъ между потре-

---

[1]) Ib. Art. XV.

[2]) Id. Th. II. S. 348.

бителями и производителями занимались не только купцы, но и сами цеховые мастера. Хотя цехи ремесленниковъ сами обладали торговыми правами, но цеховые статуты и обычаи не исключали возможности появленія спеціальныхъ цеховъ торговыхъ людей. Торговые цехи, занимаясь сбытомъ товаровъ оптомъ, не стремились ограничить или уничтожить торговыя права ремесленниковъ. Первые, относясь съ уваженіемъ къ самостоятельному сбыту товаровъ послѣдними, встрѣчали отпоръ со стороны ремесленныхъ цеховъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они думали ограничить торговыя права цеховыхъ мастеровъ. Борьба торговыхъ и ремесленныхъ цеховъ никогда не выражалась рѣзко; она не принимала такихъ рѣзкихъ формъ, акихъ она достигла въ XVI и XVII ст. между ремесленниками и подмастерьями. Особенность средневѣковой организаціи городскихъ ремесленниковъ заключалась въ стремленіи послѣднихъ сбывать свои продукты непосредственно потребителямъ, что ограничивало сферу дѣятельности спеціальныхъ торговыхъ сдѣлокъ на ремесленныя произведенія. Средневѣковая эпоха не знала многочисленнаго класса посредниковъ, которые бы лишали въ значительной степени доходовъ производителей. Сбытъ ремесленныхъ продуктовъ за городскую черту или вообще за предѣлы территоріи, принадлежавшей городу, былъ ограниченнымъ; онъ носилъ мѣстный характеръ; товары продавались большею частію по мелочамъ. Купеческія гильдіи занимались по-преимуществу оптовой, крупной торговлей, которая была не только междугерманской, но и международной. Ремесленные цехи не создавали отрицательныхъ мѣръ во вредъ купцамъ, скупавшимъ ремесленныя произведенія для сбыта ихъ оптомъ заграницу—это съ одной стороны, съ другой-же—ремесленные цехи, поддерживаемые городскимъ начальствомъ, ревностно охраняли мелкую торговлю въ рукахъ мелкихъ производителей. Иностранные и иногородніе товары находили себѣ незначительный доступъ на рынки городовъ. Конкуренція иноземныхъ и иностранныхъ цѣнностей съ туземными, городскими была ограничена. Полная конкуренція, ограниченная опредѣленнымъ срокомъ, находила осуществленіе только на вольныхъ, свободныхъ ярмаркахъ.

Такая организація торговой промышленности, выработанная обычаями средневѣковыхъ городовъ, начинаетъ видоизмѣняться въ XVI ст. благодаря все больше и больше возника-

дари только санкціонировали составляемые юристами уставы и предписанія. И сама государственная власть, и ея исполнители относились свысока къ насущнымъ потребностямъ земледѣльцевъ. Народные элементы были чуждыми свѣтскому обществу, бюрократіи и аристократіи. Тѣ и другіе рисуютъ подробно отрицательныя явленія жизни, не анализируя, гдѣ находилась ихъ причина. Указы сочинялись, но мало исполнялись. «Мы къ сожалѣнію должны сознаться, что наши предписанія противъ бродягъ, «wegen Zigeuner, Betteljuden, Landstreicher und der gleichen», повсюду не выполняются и, поэтому, мы должны направить всѣ усилія, чтобы очистить нашу страну отъ подобнаго рода людей, которыми она наполнена»[1]). Бродяги подъ предлогомъ, «unter dem Prätext», нищенства причиняли страшное зло и вредъ мирному населенію; они, запасаясь фальшивыми паспортами, прибѣгали ко всякаго рода мошенничествамъ. Воровской народъ разгуливалъ по странѣ туда и сюда, выманивая, «expressen», обманнымъ образомъ или иногда отнимая силою отъ подданныхъ средства для существованія. Люди дѣйствительно бѣдные даже боялись отправиться просить подаяній, которыхъ ихъ лишали «завѣдомые лихіе бродяги». Кромѣ того, бродячій людъ, шляясь по странѣ, производитъ воровства, разбои и другія злодѣянія, распространяя вмѣстѣ съ тѣмъ среди населенія заразныя болѣзни[2]).

Для скорѣйшаго открытія и поимки бродягъ и подозрительныхъ лицъ, какъ при входѣ въ городскія ворота, такъ и на границахъ, спрашивали у путешественниковъ имя, профессію, откуда они идутъ, куда направляются etc. Послѣ вопросныхъ пунктовъ при малѣйшемъ подозрѣніи власти отказывали путнику во входѣ въ страну или въ черту города[3]). Хозяева постоялыхъ дворовъ, гостинницъ и шинковъ, по полученіи свѣдѣній о своихъ жильцахъ и постояльцахъ, обязаны были немедленно о подозрительныхъ изъ нихъ донести, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ самихъ подозрительныхъ приводить—въ городахъ въ городской магистратъ, въ деревняхъ—чиновни-

---

[1]) Verneuerte Verordnung d. Grafsch. Lippe. de an. 1709. № CIII. S. 763.
[2]) Ib. § 1.
[3]) Ib. § 3.

камъ или, если послѣдніе находились вдалекѣ, къ сельскимъ властямъ. Власти брали подозрительныхъ постояльцевъ подъ арестъ и поступали съ ними согласно закону. Притомъ, хозяева гостинницъ и постоялыхъ дворовъ, не сдѣлавшіе своевременно заявки на основаній t. 18 пол. устава объ остановившихся у нихъ постояльцахъ, подвергались взысканію, «bey Vermeidung wilkürlicher Straffe»[1]). «Часто случается», замѣчаетъ вышеприведенное предписаніе, «что подобные бродяги ссылаются на то, что они въ дорогѣ потеряли свои свидѣтельства или же на то, что ихъ паспорты отняты у нихъ силою»[2]). Выставляя такія причины потери паспортовъ, бродячій элементъ населенія легко получалъ отъ властей новые паспорты, что и давало ему возможность свободно странствовать всюду. Поэтому, законъ обязалъ властей въ деревняхъ, а бюргмейстеровъ въ городахъ и вообще всѣхъ чиновниковъ ни выдавать новыхъ паспортовъ никому изъ лицъ подозрительныхъ, ни возобновлять и ни подписывать старыхъ, которые еще имѣютъ силу. Въ представленныхъ властямъ законныхъ паспортахъ отмѣчали тѣ мѣста, по которымъ путешествовало лицо, представившее паспортъ, а также указывались тѣ мѣста, куда оно направлялось. На паспортахъ легальныхъ лицъ отмѣчали, что послѣднимъ дозволяется продолжать путь безпрепятственно, «ohnegehindert»[3]).

Не прошло и трехъ лѣтъ со времени изданія вышеприведеннаго постановленія, какъ правительство гр. Липпе было принуждено снова издать новый указъ противъ бродягъ. Этотъ указъ свидѣтельствуетъ, что бродячее населеніе не покидало своихъ занятій. Власти не въ силахъ были справиться съ нарушителями общественной тишины и спокойствія. Борьба правительствъ съ бродягами идетъ ожесточенная. Послѣдніе, не внимая гласу первыхъ, продолжаютъ свои занятія, причинявшія подданнымъ «die merklichen Beschwer und Schaden».

«Изъ достовѣрныхъ источниковъ мы получили свѣдѣнія», гласитъ предписаніе гр. Липпе отъ 1721 г.[4]), «что города и

---

[1]) § 4.
[2]) Ib. § 5.
[3]) Ib.
[4]) Ib. CVII. S. 772.

мѣстечки, округи и фогтства наполнены всякаго рода временными обывателями, жильцами и постояльцами, которые, занимаясь отчасти нищенствомъ, отчасти воровствомъ и разбоями, причиняютъ нашимъ любезнымъ подданнымъ много вреда и зла и не несутъ въ пользу общинъ никакихъ повинностей. Къ сожалѣнію еще находятся подданные, которые, принимая къ себѣ въ дома такихъ зловредныхъ людей, получаютъ отъ нихъ доходы и тѣмъ помогаютъ такимъ злодѣямъ заниматься ихъ ремесломъ, укрывая ихъ отъ глазъ мѣстныхъ властей». Охарактеризовавъ такимъ образомъ жизнь и занятіе бродячаго люда, законодатель предлагаетъ слѣдующія мѣры для борьбы со зломъ:

I. «Ни одинъ изъ нашихъ подданныхъ, будь то въ городахъ, мѣстечкахъ или селахъ, не долженъ принимать къ себѣ въ жильцы или постояльцы никого, будь то иноземецъ или туземецъ, женатый или холостой, мущина или женщина, безъ предварительнаго о томъ заявленія въ городахъ бюргмейстеру или городскому совѣту, въ селеніяхъ—чиновникамъ, «Drosten und Beamten». Хозяинъ гостинницы долженъ представить не только свидѣтельство о личности путешественника, его промыслѣ, занятіяхъ и жизни, но и поручительство «praestandorum Caution» въ поведеніи жильца по окончаніи каждаго года».

II. «Въ городахъ и селеніяхъ нашего графства слѣдуетъ завести при ратушахъ и сел. правленіяхъ особый протоколъ, въ которомъ записывались бы всѣ жильцы и постояльцы со времени ихъ пріѣзда и до времени ихъ отъѣзда; въ протоколѣ слѣдуетъ также упоминать о повинностяхъ и податяхъ, «onera», которыя они платятъ».

III. «Хозяинъ обязанъ представлять въ ратуши и сел. правленія отмѣтки о жильцахъ, намѣревающихся перемѣнить свою квартиру, и настаивать на томъ, чтобы таковая отмѣтка была занесена, «notiren», въ протоколъ; въ противномъ случаѣ онъ становится отвѣтственнымъ въ продолженія года за всѣ подати, лежащія на жильцѣ».

IV. «Во избѣжаніе вышеупомянутаго штрафа, назначаемаго въ тѣхъ случаяхъ, когда иноземецъ или иногородній остается въ нашей странѣ болѣе трехъ дней въ одномъ мѣстѣ неизвѣстымъ полиц. власти, послѣдняя обязана производить повѣрку, «Examinirung», паспортовъ всюду, какъ о томъ сл-

зано въ вышедшемъ ранѣе полиц. уставѣ и въ другихъ позднѣйшихъ эдиктахъ, «und nach jüngst publicirten Landesherrlichen Edicten». Предписаніе 1721 г. не помогло искоренить или даже уменьшить число бродячаго люда въ странѣ, что видно уже изъ эдикта 1722 г.[1]) гр. Липпе. Этотъ эдиктъ говоритъ, что хозяева при принятіи постояльцевъ пренебрегаютъ, «fast durchgehends negligiren», ранѣе изданными эдиктами. Отрицательное отношеніе хозяевъ гостинницъ къ нашимъ эдиктамъ приводитъ къ тому, «что чужеземные нищіе, бродяги, странники и тому подобный народъ, занимаясь воровствомъ, разбоями и убійствомъ, скопились въ странѣ, учиняютъ всякаго рода злодѣйскіе проступки и вмѣстѣ съ тѣмъ лишаютъ безопасности, «Unsicherheit exponiren», любезныхъ нашихъ подданныхъ». Поэтому законодатель назначаетъ слѣдующую строгую кару бродягамъ: «за первый разъ бродяжничества они строго наказываются розгами, за второй разъ—подлежатъ клейменію на тѣлѣ и за третій разъ—наказываются еще болѣе строго и, смотря по обстоятельствамъ, въ крайнемъ случаѣ подлежатъ смертной казни».

Бродячее населеніе, нарушая миръ и прибѣгая къ всякаго рода преступленіямъ ради пропитанія или легкой наживы, толпами и единолично отправлялось просить милостыни по городамъ, селамъ и дорогамъ. Къ толпѣ нищихъ, бродягъ присоединялись люди дѣйствительно бѣдные, ищущіе мылостыни—какъ помощи временно. Ни центральная, ни мѣстная власть не въ силахъ были различать нищихъ,—прошеніе милостыни которыхъ было постоянной профессіей—отъ лицъ, впавшихъ въ бѣдность благодаря какому-либо несчастію. Въ XVII и въ началѣ XVIII ст. экономическое положеніе всѣхъ почти классовъ населенія было причиной того явленія, что процентъ дѣйствительно бѣдныхъ всюду увеличился. Люди дѣйствительно бѣдные и просящіе милостыни сплошь и рядомъ попадали въ толпу профессіональныхъ нищихъ-бродягъ. Во время голода и общей дороговизны жизненныхъ припасовъ количество нищихъ всюду возрастало. Общины не задерживали своихъ бѣдныхъ отъ уходовъ ради прошенія милостыни на сторонѣ, «ein Almosen bey andern suchen»; онѣ охотно выдавали аттестаты тѣмъ,

[1]) Ib. № CXII.

кто желалъ заниматься нищенствомъ. Въ такихъ случаяхъ самъ законъ одобрялъ отпуски[1]). Когда голодъ проходилъ, или когда жатва хлѣба была удовлетворительною, то правительство издавало указы, приказывавшіе считать выданные бѣднымъ нищенскіе аттестаты недѣйствительными. Мѣстныя власти обязаны были немедленно отбирать выданные ранѣе аттестаты, «hierzu ertheilte Pässe und Attestate zurückzufordern». Вотъ что мы читаемъ по этому поводу въ саксонскомъ указѣ 1720 г. отъ 19 ноября: «Всѣ власти должны признать ничтожными, «cassiren», выданные раньше паспорты для нищенства. На основаніи изданнаго въ 1715 г. устава о нищихъ мы снова воспрещаемъ всѣмъ заниматься прошеніемъ милостыни и приказываемъ, чтобы власти каждой общины непремѣнно заботились о пропитаніи своихъ бѣдныхъ и удерживали послѣднихъ отъ прошенія милостыни»[2]). Тѣ, кто просилъ милостыню, задерживались и представлялись ближайшей власти для поступленія съ ними «по указамъ». Общины, кассы которыхъ были пустыми, плохо заботились о прокормленіи своихъ членовъ, впадавшихъ въ бѣдность. Бѣгство бѣдняковъ изъ общинъ въ годы несчастій было поголовнымъ. Къ бѣглецамъ-бѣднякамъ по дорогамъ присоединялись и бѣглые преступники изъ тюремъ, лишавшіе первыхъ и послѣднихъ достатковъ. Въ средѣ профессіональныхъ нищихъ очень часто находили пріютъ преступники, скрывавшіеся отъ правосудія. Бѣглые преступники наводили общую панику на мирное населеніе. Само правительство приходило въ нѣкотораго рода страхъ, если число бѣглецовъ изъ тюремъ достигало большой цифры. Правительство напрягало всѣ усилія на поимку бѣглыхъ преступниковъ: «Всѣ власти должны имѣть строгое наблюденіе за бѣглыми преступниками, носящими темнокоричневое платье, на обѣихъ сторонахъ котораго находится большой желтый знакъ. Всѣ такимъ образомъ одѣтые, мущины и женщины, которые не въ состояніи предъявить законныхъ паспортовъ, должны быть немедленно задержаны и представлены для пересылки ихъ отъ одной власти къ другой подъ строгимъ надзоромъ, и, наконецъ, посажены въ

---

[1]) Cod. Aug. SS. 1918 и 1923.

[2]) Cod. Aug. S. 1932.

тюрьму въ Вальдгеймѣ. Никто не долженъ подъ угрозою наложенія значительнаго денежнаго штрафа и даже заключенія въ тюрьму давать возможности такимъ лицамъ скрыться или тѣмъ паче ихъ скрывать»[1]). Бѣглые преступники, ютясь среди профессіональныхъ бродягъ, попадали иногда подъ команду дезертировъ. Такія банды боялись только хорошо вооруженной милиціи. Обыкновенная стража не въ состояніи была оказать отпоръ вооруженной бандѣ, а, потому, приказы правительства ночнымъ стражникамъ и дорожнымъ надзирателямъ ловить бродягъ были въ нѣкоторыхъ случаяхъ формальною рекомендаціею, педагогическимъ совѣтомъ, за невыполненіе котораго однако назначалось наказаніе, «bey Vermeidung harter Straffe»[2]). Приказы правительства уходить чужеземнымъ нищимъ въ свои страны, а туземнымъ нищимъ—на родину въ продолженіи 2—4 недѣли подъ угрозою тюрьмы, «Zucht-Haus»[3]), мало воздѣйствовали на волю и дерзость бродячихъ бандъ, привыкшихъ пассивно относиться къ жестокимъ мѣрамъ правительствъ. «Опытъ свидѣтельствуетъ, что нищіе не боятся властей и продолжаютъ заниматься своею профессіей; мы повелѣваемъ «Landreuter»'амъ подъ угрозою лишенія должностей смотрѣть за нищими и, поймавъ ихъ, предавать наказанію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они просятъ мылостыню; нищіе должны быть наказаны тюрьмою или другимъ наказаніемъ, или-же, наконецъ, на основаніи § 6 Ed. 1696 г. отъ 16 апр. заключены въ прядильный домъ въ Шпандау»[4]). Указы объ искорененіи нищихъ оставались мертвою буквой и потому еще, что разоренное населеніе не въ силахъ было заботиться о лицахъ, впавшихъ въ бѣдность благодаря несчастнымъ случаямъ. «Наши христіанскіе указы остаются безъ вниманія повсюду потому, что нигдѣ не устроено настоящихъ учрежденій, которыя бы заботились о народномъ призрѣніи; поэтому мы видимъ, что часто дѣти отъ 6 до 8 лѣтъ толпами бродятъ по нашей странѣ; общины, которыя заботятся о пропитаніи своихъ бѣдныхъ,

---

[1]) C. Aug. 1720. 29 Nov. S. 1934.
[2]) Cod. Aug. 1720 г. 14 іюля.
[3]) Ib.
[4]) C. C. Magd. Nov. Ed. 1698 г. 19 ноябр. S. 111.

обременены нищими, стекающимися туда со всѣхъ сторонъ; нищенство всюду замѣтно увеличивается»[1]). Если нищіе не боялись уголовныхъ взысканій и не прекращали своей профессіи, то денежныхъ штрафовъ они и уплатить не могли. «Нищіе-иностранцы должны оставить наши страны или-же иначе они будутъ подвергнуты денежному штрафу въ 200 Rthlr»[2]). Такія угрозы были недѣйствительны. Бѣдные люди, не находя на родинѣ поддержки, шли туда, гдѣ надѣялись найдти пропитаніе, и по-преимуществу въ города. Городскіе магистраты, желая избавиться отъ своихъ и въ особенности чужихъ нищихъ, выдавали тѣмъ и другимъ охотно свидѣтельства для прошенія милостыни на сторонѣ. Городскіе магистраты производили выдачи свидѣтельствъ безъ всякаго разбора. Они выдавали охотно свидѣтельства нищимъ, приходящимъ въ городъ безъ всякихъ удостовѣреній о своей бѣдности, нищимъ, срокъ свидѣтельствъ которыхъ окончился, и такимъ нищимъ, которые впали въ бѣдность въ самомъ городѣ, въ ихъ мѣстожительствѣ. Выдача свидѣтельствъ приводила къ тому, что нищенскія свидѣтельства, какъ оффиціальныя бумаги, попадали въ руки завѣдомыхъ воровъ и бродягъ. Угрозы правительства городовымъ магистратамъ денежнымъ штрафомъ въ 10 тал. за неразборчивую выдачу свидѣтельствъ не останавливали рвенія городскихъ властей[3]). Дѣятельность послѣднихъ преслѣдовала одну цѣль въ этомъ направленіи: поскорѣе очистить стѣны города отъ своихъ нищихъ и нищихъ, пришедшихъ въ городъ изъ иныхъ юрисдикцій.

Указы объ искорененіи бродячаго люда не достигали своего предназначенія: «so ist dennoch der abgezielte Zweck bishero nicht gäntzlich zu erreichen gewesen»—замѣчаетъ саксонскій мандатъ 1684 г. про прежніе указы 1670 г. и 1681 г. Въ 1715 г. издается новый подробный указъ, который на первыхъ же строкахъ говоритъ о томъ, что прежніе эдикты противъ бродягъ не принесли пользы. Въ предисловіи этого указа мы читаемъ: «Ежедневный опытъ показываетъ, что въ горо-

---

[1]) C. C. March. 1698 г. V. 5. 49.

[2]) Мекленб. Пол. уст. 1654 г. Tit. von Zauberey § 4.

[3]) Repert. juris Mecklenb. L.-Ordn. § 367.

дахъ и селеніяхъ скопилось огромное число злонамѣренныхъ иностранцевъ-нищихъ и туземныхъ бродягъ, подмастерьевъ и тому подобныхъ лицъ; подъ предлогомъ нищенства весь такой народъ учиняетъ издавна и до сихъ поръ безбожные проступки: воровство, злодѣйства, убійства, грабежи и иногда намѣренные поджоги, прибѣгая, кромѣ того, къ угрозамъ и вымогательствамъ; никто изъ жителей не въ состояніи избавиться отъ ихъ постоянныхъ и грубыхъ нападеній и вымогательствъ, такъ какъ они угрожаютъ личной безопасности». Эти слова указа являются характерными. Не только въ саксонскихъ мандатахъ, но и въ указахъ и предписаніяхъ другихъ германскихъ государствъ мы встрѣчаемъ подобное же содержаніе. «Безбожный воровской и подлый» народъ много причинялъ заботъ и хлопотъ правительствамъ, не скупившимся на изданіе грозныхъ эдиктовъ и указовъ, повторявшихъ одно и то-же. Наконецъ, саксонскій мандатъ 1715 г. рѣшился установить слѣдующія мѣры и средства для уничтоженія и искорененія въ странѣ нищенства и бродяжничества. I. Нищенство подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и названіемъ строго воспрещается. Подмастерья могутъ странствовать только по двое, но не больше, запасаясь паспортами, «mit richtigen Abschied und Kundschaften»; въ противномъ случаѣ они подвергаются наказанію, unnachbleiblicher Straffe». II. Иноземные нищіе должны удалиться изъ страны въ продолженіи 14 дней послѣ опубликованія этого указа, туземные же—должны въ продолженіи 4 недѣль возвратиться на родину или въ мѣсто ихъ жительства. III. Всѣ власти обязаны вести строгое и постоянное наблюденіе за нищими и подозрительными лицами. Больныхъ иностранныхъ нищихъ, пересылая отъ власти къ власти, слѣдуетъ выслать за границу подъ угрозою за возвращеніе наказаніемъ. Если же больные нищіе—саксонскіе подданные, то таковыхъ нужно отослать на родину или въ мѣсто ихъ жительства. IV. Всѣ власти: военныя, таможенныя и дорожныя, должны оказывать другъ другу помощь, «Assistenz». V. Никто не впускается ни въ городъ, ни въ мѣстечко, ни въ деревню безъ представленія паспорта, аттестата или другаго свидѣтельства, а также и не перевозится чрезъ рѣки. VI. Всѣ туземцы, желающіе путешествовать хотя нѣсколько дней, «auf etliche Tage», должны запастись паспортомъ. VII. Иностранцы, путешествую-

щіе по Саксоніи, обязаны имѣть оффиціальные паспорты. Никто не смѣетъ препятствовать туземцамъ или инозенцамъ продолжать безопасно свой путь. Никто подъ угрозою штрафа не долженъ иностранцамъ, не имѣющимъ выданнаго властью паспорта, который бы свидѣтельствовалъ о личности, ея состояніи и занятіяхъ, препятствовать входить въ страну и по ней путешествовать изъ одного мѣста въ другое ради своихъ дѣлъ. Если же случится, что иностранный купецъ или другой кто-либо неподозрительный, извѣстный полиціи какимъ-либо образомъ человѣкъ, не имѣющій паспорта, будетъ встрѣченъ дорожными полицейскими агентами, то онъ долженъ быть безобидно, «mit Bescheidenheit», сопровожденъ къ ближайшей мѣстной власти, которая и снабжетъ его настоящихъ паспортомъ. Кромѣ того, что касается туземцевъ, желающихъ отлучиться изъ мѣста жительства вдаль, хотя бы на нѣсколько дней, на ярмарки или торги, то они должны быть снабжены отъ мѣстной власти печатными бланками, «mit gedruckten Zedduln und Attestatis». Власти обязаны имѣть въ запасѣ достаточное количество бланокъ. Такіе аттестаты выдаются лично на руки безденежно срокомъ на одинъ годъ, а затѣмъ замѣняются другими. VIII. Для надзора за нищими, безпаспортными и подозрительными учреждаются полицейскіе органы, «Strassen-Bereuter», главная обязанность которыхъ заключается въ поимкѣ бродягъ и водвореніи нищихъ въ мѣста ихъ жительства. За поимку полиція награждается, «ordentliches Gold», начиная отъ 12 грошей и больше за каждую пойманную персону. Если полиція приведетъ пойманнаго бродягу къ начальству, «die nechste Gerichte», то она получаетъ талеръ. Безпаспортные немедленно отправляются въ тюрьму, если начальство подозрѣваетъ ихъ въ какомъ-либо преступленіи. Власти за выдачу паспорта лицу, желающему заниматься прошеніемъ милостыни, штрафуются 10 талерами. Въ добавленіи къ этому указу сказано, что пол. органы при визитаціи гостинницъ, шинковъ и т. п. должны имѣть при себѣ лошадь, орудіе и щитъ. Кромѣ того, путешественники, странствуя изъ одного мѣста въ другое и останавливаясь ночевать «Nacht-Lagern», обязаны предъявлять свои паспорты для визитаціи мѣстной власти, «Gerichts-Obrigkeit, Gerichts-Verwaltern», которая съ путешественниками обязана обращаться кротко, «mit Bescheidenheit».

Юноши, не имѣющіе королевскаго паспорта «Königlicher Pass», никуда не пропускаются, но задерживаются въ управленіи впредь до резолюціи высшихъ властей, «Landes-Regierung». Саксонскій указъ 1715 г. обязываетъ всѣхъ, кто желаетъ передвинуться изъ одного мѣста въ другое, запасаться паспортами съ тою цѣлью, чтобы власти были въ состояніи отличить подозрительную личность отъ благонамѣреннаго гражданина, бродягу, нарушителя мира, тишины и спокойствія—отъ лица, не совершившаго преступленія и не намѣревающагося нарушать законы, указы, эдикты, предписанія, между которыми не существовало юридическаго различія, такъ какъ тѣ и другіе исходили отъ воли и желанія абсолютнаго владыки, территоріальнаго государя. Регулированіе права передвиженія всего населенія при переходѣ или переѣздѣ изъ одного мѣста въ другое въ предѣлахъ каждаго германскаго государства приняло уже съ начала XVIII ст. сложную и разнообразную форму, что видно изъ прусской инструкціи 1725 года[1]). Существенные пункты этой инструкціи, дополняемой въ продолженіи всего XVIII ст. различными эдиктами и предписаніями, суть слѣдующіе: 1) Каждая власть наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы страна была очищена отъ воровъ, нищихъ и тому подобной сволочи. 3) Власти, по заходѣ солнца, но не днемъ, обязаны дѣлать визитаціи во всѣхъ мѣстахъ, «im summa allen Oertern», гдѣ люди могутъ скрыться, и тамъ производить тщательный розыскъ. Незнакомые и подозрительные люди, будь то туземцы или путешествующіе изъ подлаго народа, «von niedrigem Herkommen», нищіе немедленно арестуются и отсылаются къ высшему начальству по принадлежности. 2) Люди извѣстные и такіе, которые не возбуждаютъ подозрѣнія, не должны быть задерживаемы. 8) Власти стараются о томъ, чтобы арестованныя лица подвергались немедленно допросу, «examiniren», даже и въ сосѣднихъ округахъ. 9) Если арестованный послѣ допроса будетъ признанъ невиновнымъ и не возбудитъ со стороны полиціи подозрѣнія, то онъ долженъ быть тотчасъ отпущенъ. 10) При допросѣ слѣдуетъ вести протоколъ, который отсылается въ провинціальную камеру, такъ какъ открытіе подозритель-

[1]) С. С. М. II. III. 135. 9 янв.

ныхъ лицъ касается болѣе полиціи, чѣмъ юстиціи. 12) Всѣмъ властямъ, начальствамъ, магистратамъ и арендаторамъ имѣній подъ угрозою 200 имп. тал., а сельскимъ старостамъ подъ угрозою наказаніемъ крѣпостью, «Vestungs-Arbeit», повелѣвается умалчивать, «höchstens zu secretiren», о времени визитаціи и не говорить о предстоящей визитаціи ни кому, кто бы онъ ни былъ. 13) Въ городахъ бюргмейстеры въ назначенные магистратомъ дни должны стараться о томъ, чтобы гостинницы, а также другія подобныя мѣста, подвергались секретной визитаціи, и живущіе тамъ люди были допрашиваемы магистратомъ. 14) Путешественникамъ, туземцамъ и иноземцамъ, должны быть предлагаемы пол. властями генеральные вопросные пункты при допросѣ, что слѣдуетъ строго соблюдать, «observiren». Слѣдуетъ спрашивать у задержаннаго подозрительнаго лица: 1. Имя и фамилію; 2. Возрастъ; 3. Мѣсто рожденія; 4. Кто его родители; 5. Занятіе и промыселъ; 6. Чѣмъ онъ живетъ и кормится въ особенности за послѣдніе два года; 7. Женатъ или холостъ, имѣетъ-ли дѣтей; 8. Кто его жена или мужъ, и кто дѣти; 9. Гдѣ они находятся; 10. Обратить вниманіе на то, какъ онъ одѣтъ; 11. Вѣрно-ли обозначены въ паспортѣ, если таковой есть, ростъ, волосы и другіе знаки на тѣлѣ. 15) Путешествующіе подвергаются спеціальнымъ вопросамъ: 1. Имѣютъ-ли паспортъ и, если таковой имѣютъ, то не фальшивый-ли онъ? 2. Какъ долго они пребываютъ въ данной мѣстности? 3. Что они дѣлаютъ? 4. Какъ долго они намѣрены тутъ остаться? 5. Съ кѣмъ они имѣютъ дѣла и съ кѣмъ знакомы? 6. Откуда пришли и гдѣ имѣютъ постоянное жительство, «ein ordentliches Domicilium»? 7. Гдѣ они до сихъ поръ находились? 8. Имѣютъ-ли они тамъ знакомыхъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ они должны назвать по имени? 9. Что они намѣрены дѣлать въ томъ мѣстѣ, куда ѣдутъ? 10. Гдѣ они находились въ разное время за послѣднія 6 недѣль? 16) У туземныхъ путешественниковъ, останавливающихся въ мѣстности на время, слѣдуетъ еще спрашивать: 1. Съ кѣмъ они имѣютъ дѣла? 2. Занимаются-ли законной профессіей? 3. Желаютъ-ли указать на свою профессію? 4. Не занимаются-ли они пьянствомъ или азартными играми или не имѣютъ-ли отношенія къ пьяницамъ и игрокамъ, которыхъ они должны указать поименно? 5. Не посѣщали-ли они подозрительныхъ заведеній и какихъ? 6. Какъ они зарабаты-

вали хлѣбъ въ продолженіи послѣднихъ 6 недѣль, гдѣ они въ это время бывали и что тамъ дѣлали? 7. Кто ихъ знаетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они бывали и желаютъ-ли они это показать? 17) Слѣдуетъ или не слѣдуетъ производить болѣе подробный допросъ, то представляется совѣсти и разуму производящей допросъ власти. Кромѣ общихъ вопросныхъ пунктовъ законодатель повелѣлъ задавать еще и специальные пункты, «Special-Quaestiones», которые предоставлялось задавать послѣ того, какъ получится отвѣтъ на главные пункты, «nach des Examinandi Person, auch Umständen und Deposition». 18) Отвѣтъ на главные вопросные пункты не долженъ быть ради сбереженія времени повторяемъ въ протоколѣ, гдѣ слѣдуетъ записывать, «annotiren», отвѣты на вопросные пункты одинъ разъ. 19) Если путешественникъ не представитъ паспорта, то это обстоятельство не должно служить предлогомъ, чтобы его считать подозрительнымъ, и въ особенности тогда, когда онъ представитъ другія свидѣтельства о своей благонадежности. Примѣръ Саксоніи и Пруссіи вызвалъ подражаніе со стороны другихъ германскихъ государствъ. Строгій надзоръ за бродягами, нищими и другими подозрительными людьми распространяется мало-по-малу на всѣхъ лицъ, желающихъ путешествовать внутри страны или за ея предѣлы. Иностранцы при въѣздѣ въ страну и при путешествіи по ней подвергаются наблюденію всѣхъ властей и органовъ управленія какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ. Средствомъ такого наблюденія и надзора въ началѣ XVIII ст. явился паспортъ, цѣлая паспортная система, полицейскій институтъ, развившійся и окрѣпнувшій въ XVIII ст. Если въ XVI и XVII ст. полицейскому надзору и наблюденію подвергались опредѣленные классы населенія, склонные по роду своихъ занятій и образу жизни къ нарушенію мира, къ преступленіямъ, къ нарушенію условій безопасности вообще, то въ началѣ XVIII ст. полицейскаго ока не избѣгалъ всякій, кто думалъ передвинуться изъ одного мѣста въ другое или кто, живя въ данномъ мѣстѣ, наводилъ на себя подозрѣніе или своимъ поведеніемъ, или своею неблагонадежностью. «Благоустроенная полиція» обязана была смотрѣть подозрительно на всѣхъ, кто ѣхалъ, шелъ или вообще двигался изъ одной общины въ другую, изъ государства за его предѣлы или обратно. Въ XVI и XVII ст. издается безчисленное число многорѣчи-

выхъ, краснорѣчивыхъ и витіеватыхъ, но въ то же время и характерныхъ и по формѣ слога, и по содержанію законовъ, мандатовъ, эдиктовъ, реверсовъ, предписаній, распоряженій и инструкцій какъ со стороны имперскаго, такъ и со стороны партикулярнаго правительства, направленныхъ на обезпеченіе условій общей и частной безопасности. Юристы, воспитанные на римскомъ правѣ, заимствуютъ изъ римской юридической литературы слова, чтобы дать имъ жизненность въ германскихъ законодательныхъ и административныхъ нормахъ. Во всѣхъ государствахъ мы встрѣчаемъ борьбу правительства съ подлымъ и злымъ народомъ. Обширные мандаты не устрашаютъ безбожнаго люда, не понимавшаго или не желавшаго понять воли государства. Воля правительства выражалась «подъ барабаннымъ боемъ», который сопровождалъ чтеніе и прокламацію эдиктовъ противъ сволочи. Послѣдняя не въ состояніи была уразумѣть витіевато-написанные и варваризмами наполненные указы — это съ одной стороны, съ другой — юристы нигдѣ не упоминаютъ о томъ, что порождало массу преступнаго люда. Полицейскіе уставы XVI, XVII и начала XVIII ст. ни единымъ словомъ не говорятъ или даже не проводятъ той мысли, что бродяжничество, нищенство и повальное воровство порождены историческимъ процессомъ экспропріаціи земельной собственности изъ рукъ мелкихъ общинниковъ-крестьянъ въ пользу немногочисленной категоріи въ государствѣ лицъ. Составители указовъ противъ воровскаго народа ни разу въ продолженіи тысячи лѣтъ не вспомнили положенія Карла В.; они надѣялись искоренить, уничтожить съ лица земли лихихъ людей строгой репрессіей въ XVI и XVII столѣтіи, когда крестьянское населеніе было лишено и тѣхъ послѣднихъ правъ на землю, которыми оно обладало въ ленномъ государствѣ. Грозные указы противъ прошенія милостыни нищими и бродягами примѣнялись на практикѣ строго, съ чѣмъ былъ знакомъ бродячій людъ не только нѣмецкой націи, но и иноземные ходаки, посѣщавшіе Германію: «ибо отъ многихъ слышахомъ, яко неимущихъ патента берутъ на галеры, си есть на вѣчную въ узахъ работу, идѣ же отъ тяжестнаго труда и повседневной работы безвременно жизнь свою скончеваютъ»[1]). Работы въ крѣпо-

---

[1]) Странствованія В. Г. Барскаго по Св. мѣстамъ. Стр. 31.

стяхъ, которой предшествовало сплошь и рядомъ тѣлесное наказаніе и тюремное продолжительное заключеніе, не избѣгалъ въ равной степени иногда профессіональный бродяга, иногда и сирота, не имѣвшій ни кола, ни двора, а иногда и бродяга-разбойникъ. Суровый вѣкъ не зналъ смягчающихъ обстоятельствъ для бродяги-сироты, выбитаго изъ обыкновенной жизненной колеи, но не совершившаго преступленія. Государственная власть признаетъ всѣхъ лицъ, бродящихъ по странѣ, ворами и преступниками. Она отказываетъ этой категоріи населенія въ своемъ покровительствѣ. Мало этого. Правительство воспрещаетъ всѣмъ мирнымъ гражданамъ давать защиту, кровъ и подаяніе бродячему и просящему милостыни. «Оттуду (изъ Вѣны) возставши», замѣчаетъ русскій пилигримъ, «идохомъ и ничесого же отъ кого просящи, понеже тамо повсюду, яко же слышахомъ, повелѣніемъ кесаря заповѣдано бысть и просити и даяты милостыню подъ каріею сицевою: просящаго взяти въ узы и работу ему наложити, мылующему же поплатити пять левовъ въ казну государеву»[1]). Раззоренное и обездоленное населеніе, впадавшее въ нищету массами, странствовало по Германіи и за ея предѣлами, отыскивая насущнаго дневнаго пропитанія: «множе же отъ нѣмцовъ подъ извѣтомъ шествованія до Рыма просящи милостыни и многи собираху денги; мы же нѣтъ»[2]). Часто повторяющіеся указы противъ нищенства и свидѣтельство отечественнаго паломника показываютъ, что нищіе не боялись запретовъ и угрозъ правительства. Ни сельская, ни городская община не въ силахъ была прокормить своихъ членовъ, впавшихъ благодаря несчастію въ бѣдность. Ни та, ни другая не имѣла достаточныхъ средствъ заботиться о своихъ дѣйствительно бѣдныхъ членахъ. Болѣе заботящіеся государи о благѣ подданныхъ, хотя и приказывали городамъ и селамъ кормить своихъ членовъ, устроить благотворительныя заведенія, гдѣ бы могли найти кровъ и пропитаніе люди бѣдные, но ни городское, ни сельское начальство не въ состояніи было выполнить приказанія высшей власти. Поэтому, примѣру профессіональнаго нищаго слѣдовалъ чело-

[1]) Ib. стр. 28.

[2]) Ib.

вѣкъ бѣдный, раззоренный несчастіемъ. Тѣ и другіе отправлялись странствовать, прося по дорогѣ и въ мѣстахъ поселенія людей подаяній. При входѣ въ стѣны города такихъ лицъ встрѣчало городское начальство и производило имъ экзаменъ: «Абіе вопросиша насъ стражіе: кто? откуду? за чимъ? Мы же небоязненно отвѣщахомъ: Путницы есмы отъ Полскихъ странъ грядущіи къ Рыму. Оны же требоваху отъ насъ свидѣтельства, си есть патентовъ. Мы же аще и дадохомъ, обаче еще не пустиша намъ внийти, но повелѣша ждати, донелѣже покажетъ властелину града и повратится отъ него и бысть тако. Тоже возвратившися и отдавшы коемуждо своя патенты, повелѣша намъ ити внутрь»[1]). Строгіе экзамены, производимые полицейскими органами бродягамъ, не лишали послѣднихъ возможности проникать въ стѣны городовъ и тамъ учинять всякаго рода безчинства. Заботливая власть ежегодно по нѣсколько разъ дѣлала облавы на лицъ подозрительныхъ и изгономъ выдворяла ихъ изъ городовъ. Правительство, узнавъ о безпорядкахъ, производимыхъ бродягами, въ назиданіе пол. властямъ и бродячему люду издавало пространные и многорѣчивые указы. Невольно приходится вспомянуть слова Петра I, который, подмѣтивъ многоглаголаніе нѣмецкихъ юристовъ-теоретиковъ говоритъ: «Понеже нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять, только для того, великими казались»[2]). Указы и эдикты «писались праздной ради красоты, но не вразумленія о томъ чтущему».

Слова Петра I вполнѣ приложимы и къ нѣмецкимъ юристамъ-практикамъ, писавшимъ и составлявшимъ указы и эдикты, наполненные строгими и грозными наказаніями въ отношеніи бродячаго люда. Бездомные и бездольные люди какъ бы пренебрегаютъ указами и не внемлютъ «гласу» верховной власти, который раздавался подъ барабаннымъ боемъ. Указы и мандаты были «изложены не безъ лишнихъ словъ, которые время только тратили и у чтущихъ охоту отнимали». Бродячій элементъ населенія и не въ силахъ былъ понять практическіе юридическіе трактаты. Обѣднѣніе населенія, упадокъ общаго

---

[1]) Ib. Стр. 17.

[2]) Полн. Собр. Пост. и Распор. Св. Синода. Часть IV. № 1368.

экономическаго благосостоянія Свящ. римской имперіи, начавшійся съ средневѣковой эпохи и увеличившійся въ XVI и XVII ст., волей-неволей принуждалъ «подлые» слои общества прибѣгать къ нарушенію мира и спокойствія. Бремя тяжелыхъ экономическихъ условій печальнымъ образомъ отзывалось на земледѣльческомъ, крестьянскомъ сословіи. Крѣпостное иго давило земледѣльцевъ. Народъ, будучи лишенъ собственности на землю, владѣльцемъ которой онъ считался въ прежнее время, въ эпоху дѣйствія народныхъ правъ и капитулярій, прибѣгаетъ въ XVI и XVII ст. почти поголовно къ преступленіямъ. Слова Карла В.: «если богатые или бѣдные люди будутъ лишены своей собственности, то они по необходимости и по нуждѣ будутъ принуждены прибѣгать къ преступленіямъ, постыднымъ дѣламъ, къ воровству и разбойничеству», вполнѣ оправдались въ эпоху среднихъ и новыхъ вѣковъ. Утрата земли крестьянами, потеря экономическаго благосостоянія идетъ рядомъ съ утратою политической и индивидуальной свободы. Кольцо крѣпости, зависимыхъ отношеній съ IX ст. до начала XVIII ст. расло больше и больше. Кулачная расправа и тридцатилѣтняя война были временемъ одичалости для германской націи. Правительства принуждены были избирать жестокія и крутыя мѣры для регулированія условій безопасности. Загрубѣлый народъ, по мнѣнію территоріальныхъ государей, не въ состояніи былъ самъ охранять и созидать условія для нормальной общественной жизни. Народъ же, лишенный экономическаго благосостоянія, земли какъ главнаго достоянія, базиса этого благосостоянія, и правъ на свободу вообще и въ частности на свободу передвиженія, не могъ поддержать принциповъ, на которыхъ покоилась древняя свобода и право земельной общинной или частной собственности, два понятія, восполняющія и обусловливающія другъ друга въ благоустроенномъ политическомъ организмѣ. Лишеніе правъ на земельную собственность выразилось и въ утратѣ правъ на свободу. Древняя германская народная свобода въ исторіи нѣмецкой націи исчезла; древній германскій народъ, большая часть котораго владѣла землею, съ IX ст. утрачиваетъ права на землю, на свободу вообще и на свободу передвиженія въ частности. Свобода передвиженія, какъ составная часть свободы вообще, въ XVI, XVII и въ началѣ XVIII ст.

ограничивается по многимъ причинамъ, изъ которыхъ главною слѣдуетъ считать крѣпостное право, связанное съ лишеніемъ правъ земледѣльцевъ на обрабатываемую ими землю. Экспропріація земли повлекла за собой увеличеніе нарушителей мира, для искорененія и уничтоженія которыхъ пришлось государственной власти ограничить отчасти и право передвиженія свободныхъ людей. Въ продолженіи эпохи, начавшейся съ разрушенія монархіи Карла В. и окончившейся первой четвертью XVIII ст., ни ленные владыки, ни территоріальные государи, ни императоры Свящ. р. имперіи ни разу не высказали въ изданныхъ ими правовыхъ памятникахъ желанія или мысли озаботиться объ интересахъ и правахъ земледѣльческаго сословія, сословія, составлявшаго самую большую часть нѣмецкой націи. Колонизація германцевъ на сѣверо-востокъ въ земли вендскія и славянскія съ юго-запада, гдѣ они ознакомились съ римскою цивилизаціею, съ ея хорошими и дурными сторонами, была связана съ перенесеніемъ послѣднихъ и въ покоренныя страны. Лишеніе земли завоеванныхъ германцами туземцевъ повлекло за собой нищенство, бродяжничество и разбойничество, какъ неизбѣжныхъ спутниковъ экспропріаціи земли изъ рукъ земледѣльцевъ-туземцевъ въ руки землевладѣльцевъ-иноземцевъ, что и предвидѣлъ заботливый о благѣ народномъ монархъ, «providentissimus Carolus». Но прошло тысячелѣтіе со смерти Карла В., заботившагося о народномъ благѣ, объ интересахъ и правахъ лицъ бѣдныхъ, до той эпохи, когда великіе прусскіе короли рѣшились на первую реформу освобожденія крестьянъ на доменныхъ земляхъ, реформу, окончившуюся признаніемъ въ XIX ст. за всѣми германцами quasi равенства правъ гражданскихъ и политическихъ. Но и новые германцы не тѣ германцы, какъ послѣднихъ рисуютъ намъ древніе народные германскіе правовые памятники, а именно: Салическая и Рипуарская Правды, которыя дѣйствительно были правдами потому, что онѣ, обезпечивая за каждымъ свободнымъ германцемъ равенство правъ и обязанностей, были созданы народнымъ умомъ, а не строго-замкнутымъ кругомъ лицъ, называвшихся «nobiles per genera et nobiles per scientiam».

Переводы латинскихъ цитатъ [1]).

52-я страница. I: Вся Германія въ совокупности отдѣляется отъ Галліи, Реціи и Панноніи рѣками Рейномъ и Дунаемъ, а отъ Сарматіи и Даніи взаимнымъ страхомъ или горами. Остальное же окружаетъ океанъ, обнимающій широкіе заливы и огромные острова.

52. II пр.: Все свое время германцы проводили на охотѣ или занимались изученіемъ военнаго искусства.

52. III: У нихъ нѣтъ понятія о частной и отдѣльной земельной собственности; ихъ обычаи не позволяютъ оставаться на одномъ мѣстѣ ради обработки полей болѣе, чѣмъ на одинъ годъ.

52. VI: Пахотныя земли они мѣняютъ каждый годъ и у нихъ еще остается все-таки земля.

52. V: Тайны переписки у нихъ не знаютъ ни мущины, ни женщины.

53. I: Особенная знатность рода или большія заслуги отцовъ сообщаютъ даже еще очень молодымъ людямъ достоинство вождя.

53. V: Въ тѣхъ же самыхъ собраніяхъ выбираются и князья, которые судятъ и управляютъ по деревнямъ, и при которыхъ для авторитета находятся сто засѣдателей, выбираемыхъ изъ народа.

54. I: О дѣлахъ меньшей важности совѣщаются князья, а дѣла большей важности рѣшаетъ самъ народъ.

54. II: Другихъ рабовъ они не употребляютъ для работъ, распредѣленныхъ правильно между слугами, не придерживаясь нашего обычая. Каждый рабъ ведетъ свое хозяйство самъ, управляя своимъ домомъ. Господинъ налагаетъ на раба, какъ на колона, извѣстную плату.

54. III пр.: Аріовистъ, вступивъ въ границы секвановъ, овладѣлъ третьей частью ихъ земли, считавшейся самой лучшею во всей Галліи, и приказалъ остальныя двѣ трети возвратить секванамъ.

55. I пр.: Когда свевы, попытавъ счастья во многихъ войнахъ, не могли изгнать уберійцевъ изъ ихъ земли, то сдѣлали ихъ своими данниками.

---

[1]) Страницы обозначены арабскимъ, примѣчанія римскимъ шрифтомъ, а переводы текста примѣчаній буквами: «пр.».

55. пр. II: Въ разныя времена во многихъ мѣстахъ онъ отдѣлилъ отъ римлянъ варваровъ, гдѣ послѣдніе граничили съ первыми не рѣками, но рубежами; онъ развелъ засѣчные большіе лѣса на подобіе стѣнныхъ, фундаментально устроенныхъ, оградъ.

57. пр. I: Алеманны, узнавъ о погибели своего царя, передались Хлодвигу, говоря: «желая, чтобы болѣе не страдалъ народъ, передаемся тебѣ»; онъ возложилъ дани на алеманновъ и на ихъ земли.

57. IV: Впадая въ бѣдность, они передавали свои имѣнія прежнимъ своимъ господамъ.

59. пр. IV: Исключая часть полей, которыя Одоакръ ранѣе уступилъ своимъ сподвижникамъ, готы остальныя поля раздѣлили между собой.

61. пр. III: Какъ для бургундовъ, такъ и для римлянъ были назначены свои городскіе и сельскіе графы, а судьи являлись общими для того и другаго народа.

61. пр. IV. Надъ жителями Тироніи и Пиктавіи былъ назначенъ князь.

61. пр. V. Франки принудили бургундовъ отбывать военную повинность наравнѣ съ собою.

63. III: Кому желалъ, тому и отдавалъ землю во владѣніе.

64. II пр.: Находящійся на королевской службѣ.

64. III пр : Знатнѣйшіе франки и остальные были созваны на совѣтъ; всѣ родомъ знатнѣйшіе царства короля Хильперика.

64. V пр.: Пусть собранія состоятся по древнему обычаю въ каждой сотнѣ въ присутствіи графа, мисса и центенарія; пусть графу сопутствуетъ судья.

68. I пр.: Саксонцы послѣ многихъ битвъ и пораженій, не будучи въ состояніи противостоять, подчинились франкамъ и сдѣлались христіанами; король пріобрѣлъ большую часть Саксоніи, и саксонцы были обращены въ христіанскую вѣру; и соборъ, состоявшійся въ Падерборнѣ... гдѣ саксонцы были крещены и, отказавшись отъ самостоятельности и отъ всей собственности по обычаю своего народа, передались королю.

69. I пр.: Онъ принудилъ сдаться городъ, обезсиленный продолжительной осадою; тогда и всѣ остальные города послѣдовали примѣру перваго, и всѣ передались королю и франкскому народу.

69. II пр.: Когда государства были завоеваны, то въ нихъ назначены были графы изъ франковъ.

69. IV пр.: Епископы съ графами, и графы съ епископами пусть совѣщаются для того, чтобы каждый лучше отправлялъ свою должность.

70. II пр : Такъ чтобы Карлъ и Людовикъ имѣли возможность придти въ Италію на помощь своему брату, если потребуетъ необходимость: Карлъ—чрезъ валъ Августа, касающійся его царства, Людовикъ—чрезъ легузіанскій валъ, Пипинъ-же пусть имѣетъ входъ чрезъ норійскія Альпы и Курію.

70. III пр.: Благодаря Божественному Промыслу слѣдуетъ, чтобы мы по обычаю нашихъ предковъ заботились о благѣ нашего государства и интересахъ нашихъ сыновей настолько, насколько того требуетъ безопасность и

миръ отъ Господа повсюду намъ дарованный, о чемъ и должны помнить наши подданные.

71. II пр.: Чтобы никто не смѣлъ рѣшать судебныхъ дѣлъ за исключеніемъ тѣхъ, которые назначены судьями по постановленію короля.

72. I пр.: Если умретъ какой-либо графъ, сынъ котораго служитъ при насъ, то пусть управляетъ сынъ нашъ вмѣстѣ съ остальными подданными и тѣми, кто умершему былъ ближайшимъ родственникомъ, и пусть онъ съ чиновниками и епископомъ того графства завѣдуютъ графствомъ до тѣхъ поръ, пока насъ не извѣстятъ... Если-же умершій не будетъ имѣть сына, то нашъ сынъ съ остальными нашими подданными, съ чиновниками и епископомъ того графства пусть управляютъ графствомъ, пока не послѣдуетъ туда нашего приказанія. Равнымъ образомъ слѣдуетъ поступать и съ нашими вассалами. Мы желаемъ и строго повелѣваемъ, чтобы какъ епископы, такъ и аббаты, графы и остальные наши подданные поступали также со своими людьми.

74. II пр.: При царѣ Еврикѣ готы начали жить по писаннымъ законамъ, тогда какъ ранѣе они жили, пользуясь обычаями и преданіями.

75. I пр.: Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ книгахъ основныхъ титуловъ закона салійскаго находится 65, въ другихъ-же—70, а въ нѣкоторыхъ—гораздо больше или же гораздо меньше. Въ нѣкоторыхъ кодексахъ содержится капитуловъ 99, а въ другихъ гораздо меньше.

75: II пр.: Послѣ того, какъ король принялъ титулъ императора, онъ увидѣлъ многіе недостатки въ законахъ своего народа,—такъ франки имѣли 2 закона, во многомъ несогласныхъ другъ съ другомъ,—въ нихъ постановилъ внести то, чего не доставало, уничтожилъ то, что противорѣчило, и привелъ въ порядокъ то, что ранѣе было внесено неправильно и несправедливо; для законовъ же франковъ онъ сдѣлалъ только то, что немногіе и притомъ несовершенные капитулы восполнилъ законами. Для всѣхъ народовъ, которые были подъ его властью и не имѣли писанныхъ законовъ, онъ приказалъ написать законы, которые имъ и вручилъ. Карлъ заботился по своей сердечной добротѣ о бѣдныхъ, жившихъ въ его имперіи, которые не могли найдти вполнѣ справедливаго суда. Въ это время, когда синодъ былъ созванъ, самъ императоръ собралъ князей, графовъ и остальной народъ христіанскій вмѣстѣ съ кодификаторами, приказалъ собрать всѣ законы своего царства, каждому народу передалъ его законъ, исправивъ послѣдній, гдѣ это было необходимо, а исправленный законъ велѣлъ написать для того, чтобы судьи судили по писанному закону и не принимали подарковъ, но всѣхъ людей, бѣдныхъ и богатыхъ, жившихъ въ его царствѣ, судили справедливо.

75. III пр.: И такъ всѣ лица, отправляющія правосудіе, должны въ настоящее время судить бургундовъ и римлянъ по нашимъ законамъ, исправленнымъ и расположеннымъ въ общемъ кодексѣ.

78. I: Въ 777 г. были изданы капитуляріи для Саксоніи.

78. II: Самъ законъ саксовъ, по моему мнѣнію, былъ изданъ около 785 г. между временемъ изданія капитулярій для Саксоніи, которые, кажется, написаны въ 767 г., а саксонскій капитулярій общественнаго права появился въ 797 г.

79. I пр.: Многогрѣшный рабъ Христа, Исидоръ, привѣтствую чтеца, раба, исповѣдующаго христіанскую вѣру. Я побужденъ изъ многихъ каноновъ выбрать положенія, собрать ихъ въ одинъ томъ и сдѣлать изъ многихъ томовъ одинъ.

80. I: Всѣ народы какъ римляне, такъ и салійцы пусть имѣютъ свой законъ... и живутъ по закону своей родины; каждый народъ выбиралъ себѣ собственный законъ согласно обычаю.

82. II: Каждый салiецъ жилъ по салійскому закону.

82. III: Законъ мѣста состоялъ въ томъ, — гдѣ кто рожденъ, тамъ пусть и судится.

83. I пр.: Мы приказываемъ, чтобы всѣ саксы не собирали публичныхъ собраній, если имъ не прикажетъ собраться по нашему приказу нашъ миссъ. Каждый графъ въ своемъ графствѣ долженъ созывать собранія и творить судъ.

84. II пр.: Все, что мы раздѣлили между нашими сыновьями ради поддержанія и охраны мира, всѣ должны вполнѣ признать; мы объявляемъ, что желаемъ сдѣлать наслѣдниками нашего царства и имперіи, врученныхъ намъ Божіею милостью, тѣхъ-же нашихъ сыновей.

85. I пр.: Императоръ Карлъ, созвавъ всеобщій сеймъ, возложилъ императорскую корону на приглашеннаго къ нему сына Людовика.

85. II: Императоръ созвалъ князей и графовъ.

86. I: Чтобы епископы, аббаты и магнаты, имѣющіе между собой споръ и не желающіе помириться, являлись къ намъ.

86. II: Если кто скажетъ, что онъ несправедливо осужденъ, то ему разрѣшается по этой причинѣ явиться въ королевскій дворецъ.

86. III: Чтобы всѣ, какъ свѣтскіе, такъ и духовные заботились о королевскомъ судѣ.

86. IV пр.: Пусть миссы увѣдомятъ всѣхъ, что они нами назначены для того, чтобы каждый епископъ и графъ, не могущіе исполнить своихъ обязанностей по какой-либо причинѣ, являлись къ нимъ... И пусть весь народъ знаетъ, для чего учреждены миссы, а именно: тотъ, кто не можетъ найти справедливаго суда у графа по причинѣ его небрежности, нерачительности или невѣдѣнію, можетъ принести сначала свою жалобу миссамъ и у нихъ пусть ищетъ справедливаго суда.

87. I: Если кто-либо скажетъ, что онъ несправедливо осужденъ, то пусть явится къ намъ. Въ противномъ случаѣ пусть никто не является къ намъ съ жалобою на другаго.

87. II: Чтобы графы и викаріи знали законъ ихъ округа и чтобы они, примѣняя не тотъ законъ, не могли осудить кого-либо несправедливо, не по законамъ его родины.

87. III: Пусть наши миссы выберутъ въ каждомъ мѣстѣ для себя скабиновъ, адвокатовъ и нотаріусовъ.

87. IV: Чтобы собранія происходили по календамъ... Чтобы миръ существовалъ въ провинціяхъ, пусть всѣ свободные люди собираются въ опредѣленные дни тамъ, гдѣ назначитъ судья.

87. V: Пусть каждый отвѣчаетъ по закону своей родины.

88. I: Предусмотрительнѣйшій Карлъ никогда не поручалъ въ управленіе никакому графу болѣе одного графства; онъ дѣлалъ исключеніе только для графствъ, лежавшихъ на окраинѣ государства и прилегавшихъ къ границамъ варваровъ.

88. II пр.: Постановлено, чтобы военная повинность сохранялась и существовала по старому обычаю; пусть будетъ каждый готовъ идти на врага и пусть имѣетъ наготовѣ все необходимое для войны; чтобы миссы наши старательно изслѣдовали, сколько свободныхъ людей остается въ каждомъ графствѣ?

88. III пр.: Чтобы миссы наши старательно изслѣдовали, и каждый изъ нихъ въ своемъ графствѣ велъ точную запись, какими кто обладаетъ помѣстьями и сколько въ каждомъ помѣстьѣ поселянъ-домохозяевъ?[1]).

89. I: Мы желаемъ, чтобы въ срединѣ мая мѣсяца каждый миссъ въ своемъ округѣ вмѣстѣ со всѣми епископами, графами и нашими вассалами собирались въ одномъ мѣстѣ на собранія.

89. II: Императоръ желаетъ, чтобы на то собраніе, какое онъ учредилъ, являлся каждый графъ и приводилъ съ собою 12 скабиновъ, если таковые есть... Затѣмъ наши миссы, спросивъ всѣхъ, изслѣдуютъ, какъ каждый изъ графовъ, епископовъ и вассаловъ, которые нами назначены, управляютъ народомъ и отправляютъ обязанность, порученную ему по волѣ Божіей и по нашему приказу, и всѣ-ли ими довольны?

89. IV: Миссы, назначенные управлять нашимъ войскомъ.

93. III: Если кто-либо пожелаетъ поселиться вмѣсто другаго въ селѣ, и если одинъ или нѣсколько изъ тѣхъ, кто живетъ въ селѣ, согласятся его принять, то, если даже найдется одинъ, противорѣчащій этому, не будетъ это дозволено.

94. I: Если же онъ, не смотря на запрещеніе одного или двухъ въ томъ селѣ, упорствуетъ остаться, то не желающій этого долженъ ему противорѣчить, и если онъ все таки не уйдетъ, то общинникъ со свидѣтелями долженъ такъ ему противорѣчить: «Симъ заявляю тебѣ, что отъ этой ближайшей ночи, какъ повелѣваетъ салическій законъ, чрезъ 10 ночей ты долженъ изъ этого села удалиться». По истеченіи 10 ночей вторично долженъ противорѣчащій явиться къ тому новому поселенцу и ему вторично заявить объ удаленіи чрезъ 10 ночей. Если и тогда онъ не пожелаетъ удалиться, то въ третій

---

[1]) Zöpfl, deutsche Rechtsgeschichte Bd. II. S. 69. Пр. 83.

разъ дать ему срокъ въ 10 ночей, чтобы такимъ образомъ составилось 30 ночей.

94. II: Если и послѣ этого онъ не захочетъ удалиться, тогда привять его на судъ со свидѣтелями, при которыхъ ему противорѣчили. Если все же онъ не захочетъ тогда удалиться, и если его не будетъ удерживать что-либо важное, то противорѣчащій можетъ, взявъ его имущество, отправиться къ графу просить объ удаленіи поселенца.

94. IV: Если же поселенецъ не послушаетъ закона, то все, что онъ заработалъ, долженъ оставить и, кромѣ того, повиненъ уплатить 1200 денаріевъ, которые составляютъ 30 солидовъ.

95. I: Если же кто поселится и въ теченіи 12 мѣсяцевъ не встрѣтитъ никакого противорѣчія, то можетъ жить въ общинѣ, какъ и его сосѣди.

95. IV: Если кто-либо пригласитъ кого-либо поселиться въ чужой деревнѣ, прежде чѣмъ объ этомъ будетъ составлено рѣшеніе схода, то онъ повиненъ уплатить 1800 ден., которые составляютъ 45 солидовъ.

95. II пр.: Женщина не наслѣдуетъ ни въ какой части изъ салическихъ земель.

95. III пр.: Если братъ внезапно умретъ и не оставитъ себѣ наслѣдника, тогда только сестра можетъ наслѣдовать въ его землѣ.

96. I: Человѣкъ, лишенный своихъ правъ на свободу, пусть призоветъ 8 законныхъ свидѣтелей изъ той мѣстности, гдѣ жили его отецъ или мать и откуда онъ прогнанъ, и не меньше 4 свидѣтелей изъ другаго мѣста и такимъ образомъ подтвердитъ свои права на свободу.

97. II пр.: Мы, вѣруя въ христіанскую церковь, уступаемъ ей десятую часть дохода изъ полей, пастбищъ и скота; никакой управитель, ни десятникъ пусть не вмѣшиваются въ дѣла церкви.

97. III пр.: Весь тотъ доходъ, который фискъ получалъ отъ свободныхъ и рабовъ, пусть теперь съ нашего соблагоизволенія идетъ въ пользу церкви.

98. I: Итакъ—мы даемъ въ даръ церкви Св. Петра право творить публичный и частный судъ надъ рабами и лидами, надъ свободными людьми и мунтманами и всѣми и всякаго рода людьми, принадлежащими къ церкви, которыми она теперь владѣетъ, и которыхъ она потомъ пріобрѣтетъ; мы подтверждаемъ постоянную независимость церкви отъ царской власти такимъ образомъ, чтобы никакой публичный судья, ни герцогъ, ни графъ, ни вицеграфъ, ни слѣдственный судья, ни миссы, разъѣзжающіе по временамъ по государству... не смѣли никогда и никакимъ образомъ ни требовать на свой судъ, ни налагать штрафа, ни присуждать къ смерти, ни лишать имущества, ни безпокоить какого-либо человѣка, принадлежащаго къ вышеупомянутой церкви. Но позволяется вышеупомянутому епископу, его преемникамъ и его адвокату спокойно владѣть, управлять и распоряжаться всѣмъ тѣмъ, что принадлежитъ вышеназванной церкви.

98. II: Равнымъ образомъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ они имѣютъ 4, 3

или 2 гуфы, пусть ничего не уплачивают ни фиску, ни графу, ни судьѣ, но только—въ пользу епископа и его адвоката.

99. II пр.: Мы постановляемъ, чтобы никакой общественный судья или кто-либо изъ судебной власти въ наше или на будущее время не имѣлъ права приходить на земли церкви, мѣстности, поля или остальныя владѣнія упомянутой церкви, которыми она справедливо и законно владѣетъ съ недавняго времени во всякихъ округахъ или территоріяхъ, исключенныхъ изъ подъ нашей власти... для выслушанія дѣлъ, для взиманія налоговъ и податей, для устройства и приготовленія постоевъ, или для отысканія поручителей... для несправедливаго розысканія какъ свободнорожденныхъ людей той церкви, такъ и рабовъ, живущихъ на землѣ ея, для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ вещей и покупки другихъ предметовъ за дорогую цѣну.

101. III: Если какой-либо свободный человѣкъ захочетъ куда-либо переселиться, онъ имѣетъ право переселиться со своимъ достояніемъ въ предѣлахъ нашей имперіи туда, куда пожелаетъ.

102. II: Каждый изъ нашихъ миссовъ, придя къ намъ, долженъ представить регистръ, показывающій, сколько пришельцевъ находится въ его округѣ, въ какой деревнѣ они живутъ, какъ имена и кто ихъ господа?

102. III: Слѣдуетъ узнавать и задерживать бѣглецовъ и иноземцевъ, дабы мы знали, кто они и откуда они пришли?

102. IV пр.: Всякій свободный человѣкъ, который имѣетъ четырехъ мансовъ, содержимыхъ имъ на его собственный счетъ или пожалованныхъ кѣмъ-либо, пусть готовится или самъ идетъ на врага, или со своимъ сеньеромъ; если какой-либо свободный, презрѣвъ наше приказаніе, рѣшится остаться дома, когда остальные идутъ въ войско, то пусть онъ знаетъ, что обязанъ уплатить по закону франковъ полный штрафъ, то-есть 60 солидовъ.

103. III: Тотъ, кто не можетъ отправиться на войну, долженъ по древнему народному обычаю строить мосты и проводить дороги чрезъ болота, отбывать сторожевую повинность въ мѣстахъ поселенія, такъ какъ необходимо, чтобы всѣ безъ отговорокъ принимали участіе въ защитѣ отечества.

103. IV: Кто же этого не сдѣлаетъ, тотъ лишается своего помѣстья и должности, а тотъ, кто не имѣетъ ни того, ни другаго, долженъ уплатить штрафъ.

103. I пр.: Въ особенности всѣ тѣ, которые владѣютъ пожалованными помѣстьями, должны идти на врага.

103. II: Наши миссы должны тщательно изслѣдовать, сколько свободныхъ людей остается въ отдѣльныхъ графствахъ для того, чтобы они могли сами собою образовать отрядъ.

103. V пр.: Мы совершенно запрещаемъ всѣмъ служителямъ Бога—носить вооруженіе, сражаться, или идти войною на врага; каждый начальникъ долженъ имѣть съ собою священника, который бы могъ судить и прощать грѣхи людямъ, сознавшимся въ послѣднихъ.

104. 4: Что касается свободныхъ людей, которые желаютъ отдаться

служенію Богу, чтобы они не прежде это дѣлали, какъ испросятъ у насъ позволенія.

104. I пр.: Бѣдные жалуются, что они лишены своей собственности. И поэтому они справедливо сѣтуютъ на епископовъ, аббатовъ и ихъ адвокатовъ и на графовъ и ихъ сотниковъ. Другіе даже говорятъ, что власти, признавая ихъ бѣдными, все же заставляютъ идти на врага, но тѣхъ, которые имѣютъ что имъ дать, отпускаютъ домой.

104. II пр.: Мы узнаемъ: если кто не пожелаетъ передать свою собственность епископу, аббату, графу, судьѣ или центенарію, то послѣдніе сейчасъ ищутъ какого-либо средства обвинить этого бѣдняка и принудить его отбывать воинскую повинность, что и принуждаетъ его волей-неволей сдѣлаться бѣднымъ или передать, или продать собственность; другіе же, которые земли передали, остаются дома безъ всякаго безпокойства.

105. I пр.: Наши миссы должны переписать нашъ фискъ, дабы мы могли знать, сколько мы имѣемъ на нашу долю въ каждомъ округѣ?

105. II пр.: Настолько онъ щедръ, что ранѣе не слыхано было ни въ старыхъ книгахъ, ни въ новыя времена: королевскія деревни, которыя были собственностью его отца, дѣда и прадѣда—онъ передалъ ихъ своимъ вѣрнымъ слугамъ въ вѣчное владѣніе.

105. III пр.: Если какой человѣкъ окажется невѣрнымъ королю, пусть платится своею жизнью, а все его имущество должно быть зачислено въ фискъ.

105. V пр.: Король Хильперикъ приказалъ произвести во всемъ своемъ королевствѣ новыя и тяжкія переписи. Было постановлено, чтобы владѣлецъ съ югера своей земли отдавалъ одну амфору вина. Но и много другихъ повинностей налагалось какъ на остальныя земли, такъ и на рабовъ.

106 I: Наши миссы пусть тщательно взыскиваютъ королевскіе налоги, которые изстари обыкновенно шли въ королевскую казну.

106. II: Всякій, кто уплачиваетъ королевскій цензъ, долженъ его уплачивать въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдній уплачивали его родители и дѣды.

106. III: Кто передаетъ или церкви, или кому-либо другому податную землю, откуда подать обыкновенно шла въ нашу казну, то тотъ, кто ее получитъ, долженъ непремѣнно уплачивать въ нашу казну ту подать, которая съ той земли ранѣе уплачивалась.

106. IV: И такъ мы узнали, что нѣкоторые изъ свободныхъ людей не столько ради обѣта, столько во избѣжаніе отбыванія военной повинности или другихъ королевскихъ обязанностей, а нѣкоторые и ради корысти обмануты тѣми, которые домогаются ихъ имущества.

107. IV: Королевскій цензъ всюду долженъ быть взимаемъ законно; мы желаемъ, чтобы онъ съ этого времени сбирался или съ лица, или съ имущества.

107. I пр.: Чтобы тѣ франки, которые должны платить цензъ въ пользу короля, поголовный или имущественный, не уходили безъ нашего позволенія въ

домъ Божій или на службу кого-либо другаго, дабы государство не потеряло то, что должно имѣть отъ нихъ.

109. I пр.: Царей они выбираютъ по благородству происхожденія, предводителей—по храбрости. Придаетъ важность и могущество быть постоянно окруженнымъ большой толпой отборныхъ юношей: почетъ въ военное время, охрана на войнѣ.

110. II: Они, придя въ провинцію и пользуясь гостепріимствомъ нѣкоего управителя, потребовали отъ него переправить ихъ къ сатрапу, который былъ его начальникомъ.

111. I: Если какой-либо свободный человѣкъ пожелаетъ куда-либо переселиться, то онъ можетъ переселиться со всѣмъ своимъ достояніемъ свободно туда, куда желаетъ.

111. II: Если кто-либо свободнаго держитъ силою въ залогѣ или его заключаетъ въ домъ, откуда свободный не можетъ выйдти, то виновный уплачиваетъ 11 сол.

111. III: Если кто либо уведетъ свободнаго связаннымъ въ другую мѣстность, то уплачиваетъ 45 сол.

111. IV: Если благородный продастъ благороднаго заграницу и не въ состояніи его выкупить, то отвѣчаетъ такъ, какъ бы его убилъ.

111. V: Если кто-либо продастъ свободнаго человѣка за границу провинціи, то онъ долженъ уплатить виру, какъ будто бы онъ его убилъ.

112. I: Кто благороднаго силою или насиліемъ уведетъ въ другія мѣста, продастъ или подаритъ, или вознамѣрится обратить его въ рабство, то онъ долженъ быть убитымъ.

112. II: Кто держитъ свободнаго въ рабствѣ и не можетъ оправдать возникновенія рабскихъ отношеній, тотъ, привлеченный въ судъ, долженъ отвѣчать за клевету и несправедливость.

112. III: Если кто человѣку, желающему куда-либо переселиться и имѣющему на уходъ приказъ короля, или желающему идти въ общественное собраніе, окажетъ сопротивленіе безъ распоряженія короля или задумаетъ на него напасть, то онъ долженъ уплатить 9 тыс. ден., что составляетъ 200 солидовъ.

112. IV: Если кто-либо нападетъ на человѣка, путешествующаго и это будетъ доказано, то онъ присуждается къ уплатѣ 200 солидовъ.

112. V: Чтобы никто не рѣшался задерживать никого, идущаго къ намъ для подачи жалобы; если кто либо попытается это сдѣлать, то повиненъ уплатить штрафъ.

112. VI пр.: Карлъ собралъ большое собраніе въ Саксоніи у Липпубрунна и постановилъ надъ ней графами саксонцевъ изъ самыхъ знатныхъ родовъ.

113. II: Мы постановляемъ, чтобы поселившіеся въ области Рипуарцевъ франки, бургунды, алеманны или кто-либо изъ другой націи, судились по законамъ той области, гдѣ они родились.

113. III: Если кто-либо по какой-нибудь причинѣ явится на судъ въ

служенію Богу, чтобы они не прежде это дѣлали, какъ испросятъ у насъ позволенія.

104. I пр.: Бѣдные жалуются, что они лишены своей собственности. И поэтому они справедливо сѣтуютъ на епископовъ, аббатовъ и ихъ адвокатовъ и на графовъ и ихъ сотниковъ. Другіе даже говорятъ, что власти, признавая ихъ бѣдными, все же заставляютъ идти на врага, но тѣхъ, которые имѣютъ что имъ дать, отпускаютъ домой.

104. II пр.: Мы узнаемъ: если кто не пожелаетъ передать свою собственность епископу, аббату, графу, судьѣ или центенарію, то послѣдніе сейчасъ ищутъ какого-либо средства обвинить этого бѣдняка и принудить его отбывать воинскую повинность, что и принуждаетъ его волей-неволей сдѣлаться бѣднымъ или передать, или продать собственность; другіе же, которые земли передали, остаются дома безъ всякаго безпокойства.

105. I пр.: Наши миссы должны переписать нашъ фискъ, дабы мы могли знать, сколько мы имѣемъ на нашу долю въ каждомъ округѣ?

105. II пр.: Настолько онъ щедръ, что ранѣе не слыхано было ни въ старыхъ книгахъ, ни въ новыя времена: королевскія деревни, которыя были собственностью его отца, дѣда и прадѣда—онъ передалъ ихъ своимъ вѣрнымъ слугамъ въ вѣчное владѣніе.

105. III пр.: Если какой человѣкъ окажется невѣрнымъ королю, пусть платится своею жизнью, а все его имущество должно быть зачислено въ фискъ.

105. V пр.: Король Хильперикъ приказалъ произвести во всемъ своемъ королевствѣ новыя и тяжкія переписи. Было постановлено, чтобы владѣлецъ съ югера своей земли отдавалъ одну амфору вина. Но и много другихъ повинностей налагалось какъ на остальныя земли, такъ и на рабовъ.

106 I: Наши миссы пусть тщательно взыскиваютъ королевскіе налоги, которые изстари обыкновенно шли въ королевскую казну.

106. II: Всякій, кто уплачиваетъ королевскій цензъ, долженъ его уплачивать въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдній уплачивали его родители и дѣды.

106. III: Кто передаетъ или церкви, или кому-либо другому податную землю, откуда подать обыкновенно шла въ нашу казну, то тотъ, кто ее получитъ, долженъ непремѣнно уплачивать въ нашу казну ту подать, которая съ той земли ранѣе уплачивалась.

106. IV: И такъ мы узнали, что нѣкоторые изъ свободныхъ людей не столько ради обѣта, столько во избѣжаніе отбыванія военной повинности или другихъ королевскихъ обязанностей, а нѣкоторые и ради корысти обмануты тѣми, которые домогаются ихъ имущества.

107. IV: Королевскій цензъ всюду долженъ быть взимаемъ законно; мы желаемъ, чтобы онъ съ этого времени сбирался или съ лица, или съ имущества.

107. I пр.: Чтобы тѣ франки, которые должны платить цензъ въ пользу короля, поголовный или имущественный, не уходили безъ нашего позволенія въ

...ы постановляемъ, чтобы епископы были гостепріимными и ... прихожанъ быть таковыми; пусть тѣ и другіе не отказы... путешественникамъ... и не продаютъ имъ предметовъ пер... ...и дороже, чѣмъ сами ихъ купили на рынкѣ. Если кто-либо ...ь дороже, то пусть путешественникъ объ этомъ доведетъ до ...на, по приказу котораго предметы необходимости должны ... путнику по обыкновенной цѣнѣ.

...: Иноземцы, пришедшіе изъ иныхъ странъ въ нашу землю и ...одъ защитой нашей власти, обязаны жить по нашимъ лонго...онамъ, если только они не получили разрѣшенія отъ насъ ...у закону.

... пр.: Если какой-либо рипуарецъ убьетъ пришедшаго франка, то ...атить 200 сол.

...: Иноземцы и иностранцы, приходящіе изъ Рима на поклоненіе ...вятымъ мощамъ, пусть путешествуютъ и возвращаются, поль...й защитой. Кто изъ иноземцевъ осмѣлится совершить убійство, ...нъ уплатить намъ (королю) 60 сол.

... I: Не должно быть позволено чужеземнымъ подданнымъ, будь они ...одными людьми, жить въ нашемъ государствѣ или пріобрѣтать ...ость, если они ранѣе не принесутъ намъ присяги и не сдѣлаются подданными.

...9. II: Всѣ, кто до сихъ поръ не принесъ присяги, пусть ее прине...къ о томъ постановлено нашимъ дѣдомъ и отцомъ.

...19. III: Если кто-либо приведетъ въ нашу провинцію иноземное ..., то или лишается жизни, или будетъ посланъ по усмотрѣнію короля ...лку и, кромѣ того, имущество его будетъ конфисковано.

119. IV: Мы жалуемъ пришельцевъ, оставшихся въ томъ мѣстѣ, тѣмъ, ...ı никакой графъ, зная ихъ... не смѣлъ ихъ притѣснять и безпокоить.

120. V: Никто не долженъ продавать. рабовъ за предѣлы провинціи, ... чужая провинція христіанской или нехристіанской, если только на...е будетъ приказа короля.

120. VI: Никто не долженъ продавать раба за предѣлы марки.

120. VII: Случаи сѣченія раба, наказыванія его кандалами, тяжелой ...ботой и—убійства его бываютъ рѣдкими. Убиваютъ раба не благодаря суро...му обращенію, но по горячности и въ гнѣвѣ, что проходитъ безнаказанно.

120. III пр.: Объ убійствѣ раба или чужаго скота. Если кто-либо убьетъ ...чужаго раба, то пусть уплатитъ собственнику послѣдняго столько, сколько стоитъ рабъ; также слѣдуетъ взыскивать за убійство лошади, быковъ и т. д.

120. IV: Они должны быть проданы для вывоза въ заморскіе края.

121. I: Господа не должны убивать своихъ рабовъ безъ вины.

122. III: Если кто лида, идущаго на войну съ своимъ господиномъ...

122. IV: Фискальный рабъ, идущій на войну.

другой провинціи, гдѣ онъ будетъ имѣть помѣстье или жить постоянно тамъ по какому-либо другому дѣлу,.. то пусть онъ судится по своему закону и пусть принесетъ присягу съ тѣми соприсяжниками, которыхъ онъ будетъ имѣть съ собой въ этой странѣ или провинціи.

113. V: Чтобы всѣ люди, какъ римляне, такъ и салійцы, жили посвоимъ законамъ, и если кто придетъ изъ другой провинціи, то онъ долженъ жить по законамъ своей родины.

113. IV пр.: Извѣстно, что саксонцы, придя въ Италію съ женами и дѣтьми, должны были тамъ жить; но сколько можно понять, они не хотѣли подчиняться власти лонгобардовъ. Но послѣдніе не позволяли имъ жить по своему праву, и поэтому они подумываютъ возвратиться въ свое отечество.

114. I: Всѣ различныя націи, живущія въ Италіи, пусть пользуются каждая своимъ закономъ при защитѣ своихъ правъ на свободу и при подачѣ жалобъ въ судъ.

114. II: Если кто-либо явится упорнымъ и упрямымъ настолько, что вернется домой изъ войска безъ приказанія и дозволенія короля... то имущество такого человѣка конфискуется.

114. III. Если кто-либо, сражаясь съ врагомъ, покинетъ своего товарища... и не будетъ съ нимъ стоять за одно дѣло, то слѣдуетъ такого человѣка предать смерти.

115. I: Равнымъ образомъ мы постановляемъ, чтобы всякаго, который оставитъ своего господина противъ его воли и изъ одного королевства отправится въ другое, не принималъ самъ король и не позволялъ своимъ людямъ принимать такого человѣка или несправедливо задерживать его.

115. II: Каждый свободный человѣкъ послѣ смерти своего господина можетъ избрать себѣ по своему усмотрѣнію одно изъ трехъ королевствъ.

115. III: Измѣнниковъ и перебѣжчиковъ вѣшаютъ на деревьяхъ.

115. IV: Если какой-либо человѣкъ явится измѣнникомъ въ отношеніи короля, то онъ отвѣчаетъ жизнью.

115. V: Если кто-либо явится измѣнникомъ въ отношеніи господина-короля, то онъ отвѣчаетъ предъ уголовнымъ судомъ.

116. III пр.: Отказать кому-либо изъ смертныхъ въ кровѣ считается нечестнымъ.

117. III: Кто откажетъ путнику въ кровѣ и очагѣ... тотъ долженъ уплатить 3 сол. пени.

117. 4. Мы постановляемъ, чтобы во всемъ нашемъ королевствѣ ни богатый, ни бѣдный не отказывали въ гостепріимствѣ иноземцамъ... никто не смѣетъ имъ отказывать въ кровѣ, очагѣ и водѣ.

117. V: Чтобы никто не отказывалъ въ гостепріимствѣ всѣмъ путешествующимъ внутри нашихъ королевствъ,—а именно въ кровѣ и очагѣ; равнымъ образомъ никто не долженъ подымать споръ съ путешествующими о пастбищѣ, за исключеніемъ луговъ и жатвы.

117. VI: Мы постановляемъ, чтобы епископы были гостепріимными и убѣждали своихъ прихожанъ быть таковыми; пусть тѣ и другіе не отказываютъ въ ночлегѣ путешественникамъ... и не продаютъ имъ предметовъ первой необходимости дороже, чѣмъ сами ихъ купили на рынкѣ. Если кто-либо будетъ продавать дороже, то пусть путешественникъ объ этомъ доведетъ до свѣдѣнія епископа, по приказу котораго предметы необходимости должны быть уступлены путнику по обыкновенной цѣнѣ.

117. I пр.: Иноземцы, пришедшіе изъ иныхъ странъ въ нашу землю и поселившіеся подъ защитой нашей власти, обязаны жить по нашимъ лонгобардскимъ законамъ, если только они не получили разрѣшенія отъ насъ жить по своему закону.

117. II пр.: Если какой-либо рипуарецъ убьетъ пришедшаго франка, то долженъ уплатить 200 сол.

119. 6: Иноземцы и иностранцы, приходящіе изъ Рима на поклоненіе Господу и Святымъ мощамъ, пусть путешествуютъ и возвращаются, пользуясь нашей защитой. Кто изъ иноземцевъ осмѣлится совершить убійство, тотъ долженъ уплатить намъ (королю) 60 сол.

119. I: Не должно быть позволено чужеземнымъ подданнымъ, будь они даже свободными людьми, жить въ нашемъ государствѣ или пріобрѣтать собственность, если они ранѣе не принесутъ намъ присяги и не сдѣлаются нашими подданными.

119. II: Всѣ, кто до сихъ поръ не принесъ присяги, пусть ее принесетъ, какъ о томъ постановлено нашимъ дѣдомъ и отцомъ.

119. III: Если кто-либо приведетъ въ нашу провинцію иноземное племя... то или лишается жизни, или будетъ посланъ по усмотрѣнію короля въ ссылку и, кромѣ того, имущество его будетъ конфисковано.

119. IV: Мы жалуемъ пришельцевъ, оставшихся въ томъ мѣстѣ, тѣмъ, чтобы никакой графъ, зная ихъ... не смѣлъ ихъ притѣснять и безпокоить.

120. V: Никто не долженъ продавать. рабовъ за предѣлы провинціи, будь чужая провинція христіанской или нехристіанской, если только на то не будетъ приказа короля.

120. VI: Никто не долженъ продавать раба за предѣлы марки.

120. VII: Случаи сѣченія раба, наказыванія его кандалами, тяжелой работой и—убійства его бываютъ рѣдкими. Убиваютъ раба не благодаря суровому обращенію, но по горячности и въ гнѣвѣ, что проходитъ безнаказанно.

120. III пр.: Объ убійствѣ раба или чужаго скота. Если кто-либо убьетъ чужаго раба, то пусть уплатитъ собственнику послѣдняго столько, сколько стоитъ рабъ; также слѣдуетъ взыскивать за убійство лошади, быковъ и т. д.

120. IV: Они должны быть проданы для вывоза въ заморскіе края.

121. I: Господа не должны убивать своихъ рабовъ безъ вины.

122. III: Если кто лида, идущаго на войну съ своимъ господиномъ...

122. IV: Фискальный рабъ, идущій на войну.

123. VII: Бѣдный человѣкъ не можетъ быть лишенъ ни своей свободы, ни своего наслѣдства безъ собственнаго согласія; если же онъ пожелаетъ отдать себя кому-либо, то онъ можетъ такъ поступить.

123. IX пр.: Если онъ не будетъ имѣть... то пусть идетъ въ рабы... пока не уплатитъ всего своего долга.

124. VI. Всякій, кто пожелаетъ отпустить на волю собственнаго своего раба или рабыню, можетъ это сдѣлать такъ, какъ ему угодно.

124. II пр.: Я приказываю: будь свободенъ и иди туда, куда желаешь!

124. V пр.: Отпущенный на волю рабъ въ присутствіи короля[1]).

125. VI: Пусть будетъ дана возможность имъ свободно идти чрезъ открытыя ворота; пусть они идутъ въ ту часть, которую выбрали.

125. XI: Онъ долженъ идти туда, куда приказано.

125. I пр.: Если тѣ, кто отпущены на волю и получили грамоту на свободу, не выберутъ себѣ защитника и покровителя, то они должны уплачивать въ королевскую казну 60 сол.

125. III пр.: Мои рабы, отпущенные на свободу во имя Господа, должны уплачивать цензъ въ 4 ден.

125. V пр.: Объ уплачивающихъ денаріи: Кто убьетъ такого человѣка, тотъ уплачиваетъ штрафъ царю; если кто пожелаетъ кого-либо записать въ категорію лицъ, уплачивающихъ денаріи, онъ можетъ это сдѣлать.

126. IV: Если кто чрезъ хартію благородства получитъ отъ своего господина законно свободу, тотъ пусть считается свободнымъ. Если же кто пытается несправедливо сдѣлаться свободнымъ, то онъ пусть представитъ хартію своей свободы.

126. V: Если кто сдѣлаетъ своего раба свободнымъ и римскимъ гражданиномъ, давъ ему паспортъ на свободу... то онъ долженъ быть судимъ по закону римлянъ.

127. I: Если кто своего свободноотпущеннаго собственноручно или чрезъ чужія руки объявитъ свободнымъ въ присутствіи короля по рипуарскому закону за денарій и дастъ ему въ томъ свидѣтельство, то мы не позволяемъ послѣднему сдѣлаться рабомъ, но онъ долженъ быть свободнымъ какъ остальные рипуарцы.

127. II: Если кто-либо будетъ изобличенъ, что онъ сдѣлалъ подложную хартію или далъ ложное свидѣтельство, тотъ лишается руки или долженъ дать выкупъ.

127. IV: Когда фискалины или колоны, или рабы, живущіе въ чужомъ домѣ, будутъ розыскиваемы, то должны быть отданы не иначе, какъ на прежнее мѣсто, гдѣ они прежде, казалось, жили, пусть туда они вернутся и тамъ должно тщательно изслѣдовать о положеніи ихъ самихъ и ихъ родственниковъ.

---

[1]) H. Zöpfl, deutsche Rechtsgeschichte. Bd. II. S. 151.

127. III пр.: Кто дастъ ложное свидѣтельство, или кто перейдетъ на другую сторону, тотъ пусть идетъ въ изгнаніе.

127. V: Никому не позволяется отпускать раба вслѣдствіе вреда, причиненнаго имъ кому-либо.

127. VI: Если кто несправедливо удержитъ чужихъ рабовъ и въ продолженіи 40 дней ихъ не возвратитъ, тотъ считается за вора рабовъ.

128. I: Гдѣ бы внѣ Италіи ни былъ найденъ бѣглый рабъ, онъ возвращается своему господину, не обращая вниманія на годы его бѣгства.

128. II: Если рабъ безъ согласія господина уйдетъ, то пусть возьметъ послѣдній его чрезъ судъ.

128. III: Бѣглые рабы должны возвратиться на свои мѣста.

128. IV: Кто приметъ или укроетъ сознательно бѣжавшаго чужаго колона, тотъ долженъ возвратить его господину съ цѣною и всѣмъ достояніемъ раба и долженъ еще отдать другаго раба такой же цѣны.

128. VI: Кто будетъ владѣть въ продолженіи 30 лѣтъ куріаломъ или рабомъ, которые не показываютъ своего отечества, то мы приказываемъ, чтобы они жили постоянно въ имѣніи новыхъ господъ.

128. VII: Что касается раба, то, если онъ не будетъ отданъ господиномъ его въ руки священника, никто не смѣетъ посвятить его въ священство.

128. IX: Такъ какъ многіе знаютъ, что церковныя власти гостепріимны, они бѣгутъ на церковныя земли.

129. I: Если какіе-либо рабы убѣгутъ въ нашу деревню, то управляющій этой деревней пусть ихъ ищетъ, не оказывая никакого сопротивленія господину рабовъ, и, найдя ихъ, прогонитъ изъ деревни.

129. II: Если рабы, принадлежащіе церкви или какимъ-либо другимъ свободнымъ людямъ, прибѣгутъ на земли фиска, то пусть ихъ возьмутъ господа ихъ.

129. III: Если кто-либо противъ приказа короля приметъ и удержитъ бѣглецовъ, странствующихъ по провинціямъ съ цѣлью укрыться, то тотъ долженъ уплатить королевскій штрафъ.

129. IV: Если кто-либо тайно пожелаетъ сдѣлаться монахомъ, то не слѣдуетъ посвящать его въ монашескій чинъ раньше трехъ лѣтъ. Если въ продолженіи трехъ лѣтъ рабъ, вольноотпущенный или колонъ будутъ отыскиваться своимъ господиномъ, то они должны быть отданы послѣднему со всѣмъ тѣмъ, что они принесли, но господинъ долженъ дать увѣреніе, что онъ ихъ не накажетъ. Если же въ продолженіи трехъ лѣтъ рабъ, колонъ, или вольноотпущенный не будутъ найдены, то послѣ этого они не могутъ быть и отыскиваемы, но все то, что они принесли въ монастырь, пусть будетъ отдано ихъ господину.

130. I: Дозволяется каждому господину или переводить изъ имѣній, принадлежащихъ ему на законномъ основаніи, сельскихъ рабовъ всякаго наименованія, даже родившихся въ имѣніи, въ мѣста, принадлежащія госпо-

дину, или-же зачислять ихъ въ число городскихъ рабовъ такъ, чтобы они или жили въ тѣхъ имѣніяхъ, куда волею господина постановлено ихъ поселить, или же вполнѣ считались городскими рабами; поэтому не можетъ возникнуть никакого иска и спора относительно сдѣланныхъ распоряженій. Дозволяется господину отчуждать по письменной довѣренности, уступать, продавать или дарить людей вышеупомянутой категоріи, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы имѣніе не было раздѣляемо и люди безъ земли отчуждаемы.

130. II: Если кто-либо приметъ или укроетъ сознательно чужаго бѣглаго колона, то онъ долженъ его отдать господину со всѣмъ имуществомъ его и, кромѣ того, вознаградить господина другимъ колономъ равной цѣнности.

130. III: Бѣглые люди, гдѣ бы они ни были найдены, должны быть отданы безъ всякаго спора ихъ господамъ; тотъ, кто удержитъ бѣглаго, долженъ уплатитъ штрафъ господину.

130. IV: Чтобы ни колонъ, ни фискалинъ не могли куда-либо передаться.

130. V: Никто не долженъ укрывать или задерживать подъ присягою или съ инымъ намѣреніемъ бѣглыхъ фискалиновъ, выдающихъ себя обманнымъ образомъ за свободныхъ людей.

130. V пр.: Если кто-либо владѣетъ колономъ въ продолженіи 30 лѣтъ, то пусть онъ его считаетъ своимъ. Если же колонъ будетъ найденъ въ продолженіи 30 лѣтъ, то онъ долженъ быть отданъ господину со всѣмъ своимъ имуществомъ и со всѣми своими законными сыновьями.

131. I: Бѣгутъ, желая уклониться отъ отбыванія воинской повинности и другихъ королевскихъ повинностей и податей; не слѣдуетъ принимать въ духовное званіе тѣхъ свободныхъ людей, которые не представятъ отъ насъ разрѣшенія.

131. II: Не должно принимать въ монастырь на постоянное жительство плебеевъ и свѣтскихъ клириковъ, если они не пожелаютъ быть монахами.

131. III: Никто не долженъ въ приходѣ быть священникомъ безъ согласія своего епископа, а также никто изъ священниковъ не долженъ переходить изъ одного прихода въ другой.

131. IV: Всѣ священники, дьяконы и субдьяконы должны находиться подъ властью епископа.

131. V и VI: Мы приказываемъ бѣглымъ монахамъ и клирикамъ возвратиться на свои мѣста.

132. I: Никто не смѣетъ принимать къ себѣ чужаго клирика, не представившаго достовѣрной отпускной грамоты.

132. II: Мы постановляемъ, чтобы тѣ монахи, которые пришли изъ Франціи или изъ другихъ мѣстъ, были высланы въ ихъ монастыри, и чтобы они непремѣнно возвратились въ тѣ мѣста, гдѣ находятся ихъ монастыри; никто изъ васъ не долженъ при себѣ задерживать такихъ монаховъ.

132. III: На этомъ соборѣ, равно какъ на Антіохійскомъ и Калидонскомъ соборахъ постановлено, чтобы никто не принималъ и не постанов-

лялъ въ монашескій чинъ бѣглаго клирика или пилигрима, которые не представятъ разрѣшенія и отпускныхъ грамотъ отъ своего епископа или аббата.

132 V: Если поселится въ чужомъ монастырѣ бѣглый монахъ, то пусть его достояніе возьметъ прежній монастырь, а самъ монахъ не долженъ быть принятъ въ новый монастырь.

132. VI: Монахи не должны посѣщать трактиры ради ѣды и питья.

132. VII: Монахи, которые странствуютъ ради бродяжничества, и которые тѣмъ нагло безчестятъ назначеніе Святой церкви, обязаны вернуться на свои мѣста и тамъ жить мирно подъ начальствомъ аббата.

133. I: Нарушители церковнаго мира.

133. II: Не пользою или поученіями, но только суетностью и хвастовствомъ.

133. III. Распространяютъ многія заблужденія и вызываютъ тѣмъ безполезныя жалобы.

133. IV: Святой Григорій говоритъ: «мы постановляемъ отлучить отъ церкви бѣжавшаго клирика, не желающаго вернуться къ своему господину, до тѣхъ поръ, пока онъ не вернется къ церкви или къ своему господину». Мы приказываемъ по апостольской заповѣди бѣжавшему клирику вернуться къ своему господину или церкви, или же отлучить его отъ церкви съ тѣми, кто его къ себѣ принялъ.

133. V: Никто не долженъ принимать священниковъ, приходящихъ изъ другихъ мѣстъ или провинцій, если они не предъявятъ отпускныхъ грамотъ, выданныхъ епископомъ той провинціи, откуда они пришли.

134. VI: Никто не долженъ принимать священниковъ, приходящихъ изъ другой провинціи, безъ представленія ими отпускныхъ грамотъ, выданныхъ имъ епископомъ.

134. I: Бѣглые рабы и разбойники должны вернуться на свои мѣста.

135. II: Если свободный человѣкъ, совершившій преступленіе, не имѣетъ денегъ для уплаты пени, то онъ заключается въ тюрьму до тѣхъ поръ, пока не уплатитъ.

135. III: Если кто убьетъ родственника или совершитъ прелюбодѣяніе, то онъ наказывается ссылкой.

135. IV: Или долженъ быть убитъ или отправиться въ ссылку, куда прикажетъ король.

135. I пр.: Если кто, исключая родителей, приметъ къ себѣ изгоя, дастъ ему хлѣба или окажетъ ему гостепріимство... тотъ долженъ уплатить 600 сол.

136. I: Если кто возьметъ у другаго что-либо силою или похититъ, то онъ признается преступникомъ.

136. II: Мы постановляемъ, чтобы воры и злодѣи предавались по закону смертной казни.

136. III: Мы постановляемъ поступать съ разбойниками такъ: за первую вину они лишаются глаза, за вторую — носа. Если же они совершатъ

преступленіе въ третій разъ, то, не имѣя денегъ для уплаты пени, вергаются смертной казни.

136. IV: Слѣдуетъ строже отыскивать разбойниковъ.

136. V: Какъ разбойникъ, такъ и тотъ, кто его къ себѣ принимаетъ наши враги.

136. VI пр.: Пусть каждый судья въ своемъ округѣ устроитъ подвалъ тюрьму; когда воръ будетъ найденъ, то судья, приказавъ связать его, пусть ключитъ въ тюрьму года на два или на три и послѣ выпуститъ его невредимы

136. VII: Пусть каждый графъ въ своемъ графствѣ выстроитъ тюрь судьи же и викаріи пусть имѣютъ дыбы.

137. I: Чтобы всѣ графы и центенаріи, имѣя при себѣ помощник въ своихъ округахъ, побуждали ихъ творить правый судъ.... дабы они, осмѣливаясь ни подъ какимъ видомъ защищать и укрывать воровъ, разбой никовъ, человѣкоубійцъ, прелюбодѣевъ, негодяевъ и всѣхъ, совершающ святотатство, отыскивали ихъ, подвергали суду и наказывали ради у чтоженія по Божьему соизволенію всего зла среди христіанскаго народа.

137. II: Равнымъ образомъ графъ, скрывшій разбойника и злодѣ не представившій на судъ и не могущій извинить своего преступнаго дѣяні лишается своей должности.

137. III: Тотъ уплачиваетъ намъ штрафъ, который приметъ въ себ разбойниковъ и злодѣевъ, убѣжавшихъ изъ одного графства въ другое, и который, продержавъ ихъ у себя 7 ночей, не представитъ ихъ власти.

137. IV: Никто не долженъ защищать разбойника или его скрывать.

137. VI: Если кто за предѣлами села схватитъ разбойника и не при ведетъ къ графу или къ сотнику, то онъ долженъ уплатить 60 солидовъ.

138. I: Чтобы разбойники были представляемы на судъ графовъ, а кт этого не сдѣлаетъ, тотъ лишается бенефиція и должностей, а кто не будетъ имѣть ни того, ни другаго, тотъ долженъ уплатить штрафъ.

138. II: Графъ, признавшій разбойника за изгоя [1]), долженъ объявит своимъ сосѣднимъ графамъ, чтобы они, считая его за изгоя, не принимали къ себѣ.

138. III. Мы торжественно объявляемъ, чтобы вы имѣли взаимную любовь и миръ.

138. IV: Вы должны имѣть постоянную и упорную борьбу и надзор для искорененія разбойниковъ.

138. V: Графы и наши миссы должны ревностно наблюдать за тѣмъ насколько въ ихъ округахъ народъ обезпеченъ условіями справедливаго су и безопасности.

[1]) — 407 Пр. 76.

лялъ въ монашескій чинъ бѣглаго клирика или пилигрима, которые не представятъ разрѣшенія и отпускныхъ грамотъ отъ своего епископа или аббата.

132 V: Если поселится въ чужомъ монастырѣ бѣглый монахъ, то пусть его достояніе возьметъ прежній монастырь, а самъ монахъ не долженъ быть принятъ въ новый монастырь.

132. VI: Монахи не должны посѣщать трактиры ради ѣды и питья.

132. VII: Монахи, которые странствуютъ ради бродяжничества, и которые тѣмъ нагло безчестятъ назначеніе Святой церкви, обязаны вернуться на свои мѣста и тамъ жить мирно подъ начальствомъ аббата.

133. I: Нарушители церковнаго мира.

133. II: Не пользою или поученіями, но только суетностью и хвастовствомъ.

133. III. Распространяютъ многія заблужденія и вызываютъ тѣмъ безполезныя жалобы.

133. IV: Святой Григорій говоритъ: «мы постановляемъ отлучить отъ церкви бѣжавшаго клирика, не желающаго вернуться къ своему господину, до тѣхъ поръ, пока онъ не вернется къ церкви или къ своему господину». Мы приказываемъ по апостольской заповѣди бѣжавшему клирику вернуться къ своему господину или церкви, или же отлучить его отъ церкви съ тѣми, кто его къ себѣ принялъ.

133. V: Никто не долженъ принимать священниковъ, приходящихъ изъ другихъ мѣстъ или провинцій, если они не предъявятъ отпускныхъ грамотъ, выданныхъ епископомъ той провинціи, откуда они пришли.

134. VI: Никто не долженъ принимать священниковъ, приходящихъ изъ другой провинціи, безъ представленія ими отпускныхъ грамотъ, выданныхъ имъ епископомъ.

134. I: Бѣглые рабы и разбойники должны вернуться на свои мѣста.

135. II: Если свободный человѣкъ, совершившій преступленіе, не имѣетъ денегъ для уплаты пени, то онъ заключается въ тюрьму до тѣхъ поръ, пока не уплатитъ.

135. III: Если кто убьетъ родственника или совершитъ прелюбодѣяніе, то онъ наказывается ссылкой.

135. IV: Или долженъ быть убитъ или отправиться въ ссылку, куда прикажетъ король.

135. I пр.: Если кто, исключая родителей, приметъ къ себѣ изгоя, дастъ ему хлѣба или окажетъ ему гостепріимство... тотъ долженъ уплатить 600 сол.

136. I: Если кто возьметъ у другаго что-либо силою или похититъ, то онъ признается преступникомъ.

136. II: Мы постановляемъ, чтобы воры и злодѣи предавались по закону смертной казни.

136. III: Мы постановляемъ поступать съ разбойниками такъ: за первую вину они лишаются глаза, за вторую — носа. Если же они совершатъ

преступленіе въ третій разъ, то, не имѣя денегъ для уплаты пени, подвергаются смертной казни.

136. IV: Слѣдуетъ строже отыскивать разбойниковъ.

136. V: Какъ разбойникъ, такъ и тотъ, кто его къ себѣ принимаетъ,— наши враги.

136. VI пр.: Пусть каждый судья въ своемъ округѣ устроитъ подземную тюрьму; когда воръ будетъ найденъ, то судья, приказавъ связать его, пусть заключитъ въ тюрьму года на два или на три и послѣ выпуститъ его невредимымъ.

136. VII: Пусть каждый графъ въ своемъ графствѣ выстроитъ тюрьму; судьи же и викаріи пусть имѣютъ дыбы.

137. I: Чтобы всѣ графы и центенаріи, имѣя при себѣ помощниковъ въ своихъ округахъ, побуждали ихъ творить правый судъ.... дабы они, не осмѣливаясь ни подъ какимъ видомъ защищать и укрывать воровъ, разбойниковъ, человѣкоубійцъ, прелюбодѣевъ, негодяевъ и всѣхъ, совершающихъ святотатство, отыскивали ихъ, подвергали суду и наказывали ради уничтоженія по Божьему соизволенію всего зла среди христіанскаго народа.

137. II: Равнымъ образомъ графъ, скрывшій разбойника и злодѣя, но представившій на судъ и не могущій извинить своего преступнаго дѣянія, лишается своей должности.

137. III: Тотъ уплачиваетъ намъ штрафъ, который приметъ къ себѣ разбойниковъ и злодѣевъ, убѣжавшихъ изъ одного графства въ другое, и который, продержавъ ихъ у себя 7 ночей, не представитъ ихъ власти.

137. IV: Никто не долженъ защищать разбойника или его скрывать.

137. VI: Если кто за предѣлами села схватитъ разбойника и не приведетъ къ графу или къ сотнику, то онъ долженъ уплатить 60 солидовъ.

138. I: Чтобы разбойники были представляемы на судъ графовъ, а кто этого не сдѣлаетъ, тотъ лишается бенефиція и должностей, а кто не будетъ имѣть ни того, ни другаго, тотъ долженъ уплатить штрафъ.

138. II: Графъ, признавшій разбойника за изгоя [1]), долженъ объявить своимъ сосѣднимъ графамъ, чтобы они, считая его за изгоя, не принимали къ себѣ.

138. III. Мы торжественно объявляемъ, чтобы вы имѣли взаимную любовь и миръ.

138. IV: Вы должны имѣть постоянную и упорную борьбу и надзоръ для искорененія разбойниковъ.

138. V: Графы и наши миссы должны ревностно наблюдать за тѣмъ, насколько въ ихъ округахъ народъ обезпеченъ условіями справедливаго суда и безопасности.

---

[1]) H. Zöpfl, deutsche Rechtsgesch. Bd. III. S. 406 — 407 Пр. 76.

139. I: Лихіе люди и бѣглые, блуждая во многихъ мѣстахъ нашего королевства, учиняютъ людямъ много бѣдъ и даже побиваютъ многихъ на смерть.

139. II: Если злодѣй перебѣжитъ изъ одного королевства въ другое, то епископъ, миссъ или графъ, въ область которыхъ онъ прибѣжалъ... пусть его возвратятъ для уплаты пени или для понесенія наказанія туда, гдѣ онъ совершилъ преступленіе.

139. III: Никто не долженъ принимать никакого человѣка, принадлежащаго брату и убѣжавшаго къ нему по какой-либо причинѣ или винѣ ради защиты; ибо мы не желаемъ, чтобы всякій человѣкъ, погрѣшающій и недостойный защиты, убѣгалъ изъ территоріи своего господина... къ людямъ сановнымъ и тамъ заслуживалъ справедливой защиты.

139. IV: Безчестные люди, блуждая, нарушаютъ обыкновенно миръ и спокойствіе нашего королевства.

140. I: Поэтому мы желаемъ, чтобы власти, къ которымъ вышеупомянутые бродяги придутъ, могли воздать имъ должное наказаніе; никто изъ васъ не долженъ принимать или задерживать бродягу какъ только для того, чтобы препроводить его къ суду для должнаго наказанія.

140. III: Самого злодѣя съ женою и со всѣмъ его имуществомъ слѣдуетъ изгнать изъ мѣста родины или поселить внутри своихъ королевствъ въ маркѣ, гдѣ будетъ его воля, и пусть считаютъ его всѣ какъ бы умершимъ.

140. V пр.: Слѣдуетъ соблюдать постановленіе, ранѣе утвержденное канонами церкви и римскимъ закономъ, а именно, чтобы совсѣмъ не позволялось отнимать преступниковъ, убѣжавшихъ подъ защиту алтаря церкви или въ домъ епископа; никто не смѣетъ ни взять преступника, убѣжавшаго подъ защиту церкви, ни выдать его оттуда для наказанія и смерти, дабы не было осквернено имя Господа и Святыхъ Его.

141. I: Мы приказываемъ виновнаго въ этихъ преступленіяхъ подвергнуть смертной казни, если бы онъ даже убѣжалъ подъ защиту церкви.

141. II: Лишенный правъ состоянія не долженъ нигдѣ имѣть мира; если онъ убѣжитъ подъ защиту церкви, долженъ быть оттуда выданъ.

141. III: Если похититель дѣвицы сбѣжитъ подъ защиту церкви, то онъ долженъ быть выданъ епископомъ.

141. IV: Убійцамъ или другимъ преступникамъ, которые должны умереть по законамъ, не слѣдуетъ позволять прибѣгать подъ защиту церкви ради избѣжанія наказанія.

141. V: Чтобы викаріи не принимали воровъ, желающихъ поступить въ монашескій чинъ, но удерживали ихъ до разбора дѣла.

141. VI: Если кто-либо сбѣжитъ подъ защиту церкви, то никто не долженъ его выгонять оттуда силою, но пусть онъ тамъ остается спокойно до тѣхъ поръ, пока его не потребуютъ на судъ.

146. I: Людей, впавшихъ въ бѣдность, передавать или продавать свою собственность...

служенію Богу, чтобы они не прежде это дѣлали, какъ испросятъ у насъ позволенія.

104. I пр.: Бѣдные жалуются, что они лишены своей собственности. И поэтому они справедливо сѣтуютъ на епископовъ, аббатовъ и ихъ адвокатовъ и на графовъ и ихъ сотниковъ. Другіе даже говорятъ, что власти, признавая ихъ бѣдными, все же заставляютъ идти на врага, но тѣхъ, которые имѣютъ что имъ дать, отпускаютъ домой.

104. II пр.: Мы узнаемъ: если кто не пожелаетъ передать свою собственность епископу, аббату, графу, судьѣ или центенарію, то послѣдніе сейчасъ ищутъ какого-либо средства обвинить этого бѣдняка и принудить его отбывать воинскую повинность, что и принуждаетъ его волей-неволей сдѣлаться бѣднымъ или передать, или продать собственность; другіе же, которые земли передали, остаются дома безъ всякаго безпокойства.

105. I пр.: Наши миссы должны переписать нашъ фискъ, дабы мы могли знать, сколько мы имѣемъ на нашу долю въ каждомъ округѣ?

105. II пр.: Настолько онъ щедръ, что ранѣе не слыхано было ни въ старыхъ книгахъ, ни въ новыя времена: королевскія деревни, которыя были собственностью его отца, дѣда и прадѣда—онъ передалъ ихъ своимъ вѣрнымъ слугамъ въ вѣчное владѣніе.

105. III пр.: Если какой человѣкъ окажется невѣрнымъ королю, пусть платится своею жизнью, а все его имущество должно быть зачислено въ фискъ.

105. V пр.: Король Хильперикъ приказалъ произвести во всемъ своемъ королевствѣ новыя и тяжкія переписи. Было постановлено, чтобы владѣлецъ съ югера своей земли отдавалъ одну амфору вина. Но и много другихъ повинностей налагалось какъ на остальныя земли, такъ и на рабовъ.

106 I: Наши миссы пусть тщательно взыскиваютъ королевскіе налоги, которые издавна обыкновенно шли въ королевскую казну.

106. II: Всякій, кто уплачиваетъ королевскій цензъ, долженъ его уплачивать въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдній уплачивали его родители и дѣды.

106. III: Кто передаетъ или церкви, или кому-либо другому податную землю, откуда подать обыкновенно шла въ нашу казну, то тотъ, кто ее получитъ, долженъ непремѣнно уплачивать въ нашу казну ту подать, которая съ той земли ранѣе уплачивалась.

106. IV: И такъ мы узнали, что нѣкоторые изъ свободныхъ людей не столько ради обѣта, столько во избѣжаніе отбыванія военной повинности или другихъ королевскихъ обязанностей*, а нѣкоторые и ради корысти обмануты тѣми, которые домогаются ихъ имущества.

107. IV: Королевскій цензъ всюду долженъ быть взимаемъ законно; мы желаемъ, чтобы онъ съ этого времени сбирался или съ лица, или съ имущества.

107. I пр.: Чтобы тѣ франки, которые должны платить цензъ въ пользу короля, поголовный или имущественный, не уходили безъ нашего позволенія въ

домъ Божій или на службу кого-либо другаго, дабы государство не потеряло то, что должно имѣть отъ нихъ.

109. I пр.: Царей они выбираютъ по благородству происхожденія, предводителей—по храбрости. Придаетъ важность и могущество быть постоянно окруженнымъ большой толпой отборныхъ юношей: почетъ въ военное время, охрана на войнѣ.

110. II: Они, придя въ провинцію и пользуясь гостепріимствомъ нѣкоего управителя, потребовали отъ него переправить ихъ къ сатрапу, который былъ его начальникомъ.

111. I: Если какой-либо свободный человѣкъ пожелаетъ куда-либо переселиться, то онъ можетъ переселиться со всѣмъ своимъ достояніемъ свободно туда, куда желаетъ.

111. II: Если кто-либо свободнаго держитъ силою въ залогѣ или его заключаетъ въ домъ, откуда свободный не можетъ выйдти, то виновный уплачиваетъ 11 сол.

111. III: Если кто либо уведетъ свободнаго связаннымъ въ другую мѣстность, то уплачиваетъ 45 сол.

111. IV: Если благородный продастъ благороднаго заграницу и не въ состояніи его выкупить, то отвѣчаетъ такъ, какъ бы его убилъ.

111. V: Если кто-либо продастъ свободнаго человѣка за границу провинціи, то онъ долженъ уплатить виру, какъ будто бы онъ его убилъ.

112. I: Кто благороднаго силою или насиліемъ уведетъ въ другія мѣста, продастъ или подаритъ, или вознамѣрится обратить его въ рабство, то онъ долженъ быть убитымъ.

112. II: Кто держитъ свободнаго въ рабствѣ и не можетъ оправдать возникновенія рабскихъ отношеній, тотъ, привлеченный въ судъ, долженъ отвѣчать за клевету и несправедливость.

112. III: Если кто человѣку, желающему куда-либо переселиться и имѣющему на уходъ приказъ короля, или желающему идти въ общественное собраніе, окажетъ сопротивленіе безъ распоряженія короля или задумаетъ на него напасть, то онъ долженъ уплатить 9 тыс. ден., что составляетъ 200 солидовъ.

112. IV: Если кто-либо нападетъ на человѣка, путешествующаго и это будетъ доказано, то онъ присуждается къ уплатѣ 200 солидовъ.

112. V: Чтобы никто не рѣшался задерживать никого, идущаго къ намъ для подачи жалобы; если кто либо попытается это сдѣлать, то повиненъ уплатить штрафъ.

112. VI пр.: Карлъ собралъ большое собраніе въ Саксоніи у Липпубрунна и постановилъ надъ ней графами саксонцевъ изъ самыхъ знатныхъ родовъ.

113. II: Мы постановляемъ, чтобы поселившіеся въ области Рипуарцевъ франки, бургунды, алеманны или кто-либо изъ другой націи, судились по законамъ той области, гдѣ они родились.

113. III: Если кто-либо по какой-нибудь причинѣ явится на судъ въ

другой провинціи, гдѣ онъ будетъ имѣть помѣстье или жить постоянно тамъ по какому-либо другому дѣлу,.. то пусть онъ судится по своему закону и пусть принесетъ присягу съ тѣми соприсяжниками, которыхъ онъ будетъ имѣть съ собой въ этой странѣ или провинціи.

113. V: Чтобы всѣ люди, какъ римляне, такъ и салійцы, жили по своимъ законамъ, и если кто придетъ изъ другой провинціи, то онъ долженъ жить по законамъ своей родины.

113. IV пр.: Извѣстно, что саксонцы, придя въ Италію съ женами и дѣтьми, должны были тамъ жить; но сколько можно понять, они не хотѣли подчиняться власти лонгобардовъ. Но послѣдніе не позволяли имъ жить по своему праву, и поэтому они подумываютъ возвратиться въ свое отечество.

114. I: Всѣ различныя націи, живущія въ Италіи, пусть пользуются каждая своимъ закономъ при защитѣ своихъ правъ на свободу и при подачѣ жалобъ въ судъ.

114. II: Если кто-либо явится упорнымъ и упрямымъ настолько, что вернется домой изъ войска безъ приказанія и дозволенія короля... то имущество такого человѣка конфискуется.

114. III. Если кто-либо, сражаясь съ врагомъ, покинетъ своего товарища... и не будетъ съ нимъ стоять за одно дѣло, то слѣдуетъ такого человѣка предать смерти.

115. I: Равнымъ образомъ мы постановляемъ, чтобы всякаго, который оставитъ своего господина противъ его воли и изъ одного королевства отправится въ другое, не принималъ самъ король и не позволялъ своимъ людямъ принимать такого человѣка или несправедливо задерживать его.

115. II: Каждый свободный человѣкъ послѣ смерти своего господина можетъ избрать себѣ по своему усмотрѣнію одно изъ трехъ королевствъ.

115. III: Измѣнниковъ и перебѣжчиковъ вѣшаютъ на деревьяхъ.

115. IV: Если какой-либо человѣкъ явится измѣнникомъ въ отношеніи короля, то онъ отвѣчаетъ жизнью.

115. V: Если кто-либо явится измѣнникомъ въ отношеніи господина-короля, то онъ отвѣчаетъ предъ уголовнымъ судомъ.

116. III пр.: Отказать кому-либо изъ смертныхъ въ кровѣ считается нечестнымъ.

117. III: Кто откажетъ путнику въ кровѣ и очагѣ... тотъ долженъ уплатить 3 сол. пеня.

117. 4. Мы постановляемъ, чтобы во всемъ нашемъ королевствѣ ни богатый, ни бѣдный не отказывали въ гостепріимствѣ иноземцамъ... никто не смѣетъ имъ отказывать въ кровѣ, очагѣ и водѣ.

117. V: Чтобы никто не отказывалъ въ гостепріимствѣ всѣмъ путешествующимъ внутри нашихъ королевствъ,—а именно въ кровѣ и очагѣ; равнымъ образомъ никто не долженъ подымать споръ съ путешествующими о пастбищѣ, за исключеніемъ луговъ и жатвы.

117. VI: Мы постановляемъ, чтобы епископы были гостепріимными и убѣждали своихъ прихожанъ быть таковыми; пусть тѣ и другіе не отказываютъ въ ночлегѣ путешественникамъ... и не продаютъ имъ предметовъ первой необходимости дороже, чѣмъ сами ихъ купили на рынкѣ. Если кто-либо будетъ продавать дороже, то пусть путешественникъ объ этомъ доведетъ до свѣдѣнія епископа, по приказу котораго предметы необходимости должны быть уступлены путнику по обыкновенной цѣнѣ.

117. I пр.: Иноземцы, пришедшіе изъ иныхъ странъ въ нашу землю и поселившіеся подъ защитой нашей власти, обязаны жить по нашимъ лонгобардскимъ законамъ, если только они не получили разрѣшенія отъ насъ жить по своему закону.

117. II пр.: Если какой-либо рипуарецъ убьетъ пришедшаго франка, то долженъ уплатить 200 сол.

119. 6: Иноземцы и иностранцы, приходящіе изъ Рима на поклоненіе Господу и Святымъ мощамъ, пусть путешествуютъ и возвращаются, пользуясь нашей защитой. Кто изъ иноземцевъ осмѣлится совершить убійство, тотъ долженъ уплатить намъ (королю) 60 сол.

119. I: Не должно быть позволено чужеземнымъ подданнымъ, будь они даже свободными людьми, жить въ нашемъ государствѣ или пріобрѣтать собственность, если они ранѣе не принесутъ намъ присяги и не сдѣлаются нашими подданными.

119. II: Всѣ, кто до сихъ поръ не принесъ присяги, пусть ее принесетъ, какъ о томъ постановлено нашимъ дѣдомъ и отцомъ.

119. III: Если кто-либо приведетъ въ нашу провинцію иноземное племя... то или лишается жизни, или будетъ посланъ по усмотрѣнію короля въ ссылку и, кромѣ того, имущество его будетъ конфисковано.

119. IV: Мы жалуемъ пришельцевъ, оставшихся въ томъ мѣстѣ, тѣмъ, чтобы никакой графъ, зная ихъ... не смѣлъ ихъ притѣснять и безпокоить.

120. V: Никто не долженъ продавать рабовъ за предѣлы провинціи, будь чужая провинція христіанской или нехристіанской, если только на то не будетъ приказа короля.

120. VI: Никто не долженъ продавать раба за предѣлы марки.

120. VII: Случаи сѣченія раба, наказыванія его кандалами, тяжелой работой и—убійства его бываютъ рѣдкими. Убиваютъ раба не благодаря суровому обращенію, но по горячности и въ гнѣвѣ, что проходитъ безнаказанно.

120. III пр.: Объ убійствѣ раба или чужаго скота. Если кто-либо убьетъ чужаго раба, то пусть уплатитъ собственнику послѣдняго столько, сколько стоитъ рабъ; также слѣдуетъ взыскивать за убійство лошади, быковъ и т. д.

120. IV: Они должны быть проданы для вывоза въ заморскіе края.

121. I: Господа не должны убивать своихъ рабовъ безъ вины.

122. III: Если кто лида, идущаго на войну съ своимъ господиномъ...

122. IV: Фискальный рабъ, идущій на войну.

55. пр. II: Въ разныя времена во многихъ мѣстахъ онъ отдѣлилъ отъ римлянъ варваровъ, гдѣ послѣдніе граничили съ первыми не рѣками, но рубежами; онъ развелъ засѣчные большіе лѣса на подобіе стѣнныхъ, фундаментально устроенныхъ, оградъ.

57. пр. I: Алеманны, узнавъ о погибели своего царя, передались Хлодвигу, говоря: «желая, чтобы болѣе не страдалъ народъ, передаемся тебѣ»; онъ возложилъ дани на алеманновъ и на ихъ земли.

57. IV: Впадая въ бѣдность, они передавали свои имѣнія прежнимъ своимъ господамъ.

59. пр. IV: Исключая часть полей, которыя Одоакръ ранѣе уступилъ своимъ сподвижникамъ, готы остальныя поля раздѣлили между собой.

61. пр. III: Какъ для бургундовъ, такъ и для римлянъ были назначены свои городскіе и сельскіе графы, а судьи являлись общими для того и другаго народа.

61. пр. IV. Надъ жителями Тировіи и Пиктавіи былъ назначенъ князь.

61. пр. V. Франки принудили бургундовъ отбывать военную повинность наравнѣ съ собою.

63. III: Кому желалъ, тому и отдавалъ землю во владѣніе.

64. II пр.: Находящійся на королевской службѣ.

64. III пр: Знатнѣйшіе франки и остальные были созваны на совѣтъ; всѣ родомъ знатнѣйшіе царства короля Хильперика.

64. V пр.: Пусть собранія состоятся по древнему обычаю въ каждой сотнѣ въ присутствіи графа, мисса и центенарія; пусть графу сопутствуетъ судья.

68. I пр.: Саксонцы послѣ многихъ битвъ и пораженій, не будучи въ состояніи противостоять, подчинились франкамъ и сдѣлались христіанами; король пріобрѣлъ большую часть Саксоніи, и саксонцы были обращены въ христіанскую вѣру; и соборъ, состоявшійся въ Падерборнѣ... гдѣ саксонцы были крещены и, отказавшись отъ самостоятельности и отъ всей собственности по обычаю своего народа, передались королю.

69. I пр.: Онъ принудилъ сдаться городъ, обезсиленный продолжительной осадою; тогда и всѣ остальные города послѣдовали примѣру перваго, и всѣ передались королю и франкскому народу.

69. II пр.: Когда государства были завоеваны, то въ нихъ назначены были графы изъ франковъ.

69. IV пр.: Епископы съ графами, и графы съ епископами пусть совѣщаются для того, чтобы каждый лучше отправлялъ свою должность.

70. II пр: Такъ чтобы Карлъ и Людовикъ имѣли возможность придти въ Италію на помощь своему брату, если потребуетъ необходимость: Карлъ—чрезъ валъ Августа, касающійся его царства, Людовикъ—чрезъ легузіанскій валъ, Пипинъ-же пусть имѣетъ входъ чрезъ норійскія Альпы и Курію.

70. III пр.: Благодаря Божественному Промыслу слѣдуетъ, чтобы мы по обычаю нашихъ предковъ заботились о благѣ нашего государства и интересахъ нашихъ сыновей настолько, насколько того требуетъ безопасность и

миръ отъ Господа повсюду намъ дарованный, о чемъ и должны помнить наши подданные.

71. II пр.: Чтобы никто не смѣлъ рѣшать судебныхъ дѣлъ за исключеніемъ тѣхъ, которые назначены судьями по постановленію короля.

72. I пр.: Если умретъ какой-либо графъ, сынъ котораго служитъ при насъ, то пусть управляетъ сынъ нашъ вмѣстѣ съ остальными подданными и тѣми, кто умершему былъ ближайшимъ родственникомъ, и пусть онъ съ чиновниками и епископомъ того графства завѣдуютъ графствомъ до тѣхъ поръ, пока насъ не извѣстятъ... Если-же умершій не будетъ имѣть сына, то нашъ сынъ съ остальными нашими подданными, съ чиновниками и епископомъ того графства пусть управляютъ графствомъ, пока не послѣдуетъ туда нашего приказанія. Равнымъ образомъ слѣдуетъ поступать и съ нашими вассалами. Мы желаемъ и строго повелѣваемъ, чтобы какъ епископы, такъ и аббаты, графы и остальные наши подданные поступали также со своими людьми.

74. II пр.: При царѣ Еврикѣ готы начали жить по писаннымъ законамъ, тогда какъ ранѣе они жили, пользуясь обычаями и преданіями.

75. I пр.: Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ книгахъ основныхъ титуловъ закона салійскаго находится 65, въ другихъ же—70, а въ нѣкоторыхъ—гораздо больше или же гораздо меньше. Въ нѣкоторыхъ кодексахъ содержится капитуловъ 99, а въ другихъ гораздо меньше.

75: II пр.: Послѣ того, какъ король принялъ титулъ императора, онъ увидѣлъ многіе недостатки въ законахъ своего народа,—такъ франки имѣли 2 закона, во многомъ несогласныхъ другъ съ другомъ,—въ нихъ постановилъ внести то, чего не доставало, уничтожилъ то, что противорѣчило, и привелъ въ порядокъ то, что ранѣе было внесено неправильно и несправедливо; для законовъ же франковъ онъ сдѣлалъ только то, что немногіе и притомъ несовершенные капитулы восполнилъ законами. Для всѣхъ народовъ, которые были подъ его властью и не имѣли писанныхъ законовъ, онъ приказалъ написать законы, которые имъ и вручилъ. Карлъ заботился по своей сердечной добротѣ о бѣдныхъ, жившихъ въ его имперіи, которые не могли найдти вполнѣ справедливаго суда. Въ это время, когда синодъ былъ созванъ, самъ императоръ собралъ князей, графовъ и остальной народъ христіанскій вмѣстѣ съ кодификаторами, приказалъ собрать всѣ законы своего царства, каждому народу передалъ его законъ, исправивъ послѣдній, гдѣ это было необходимо, а исправленный законъ велѣлъ написать для того, чтобы судьи судили по писанному закону и не принимали подарковъ, но всѣхъ людей, бѣдныхъ и богатыхъ, жившихъ въ его царствѣ, судили справедливо.

75. III пр.: И такъ всѣ лица, отправляющія правосудіе, должны въ настоящее время судить бургундовъ и римлянъ по нашимъ законамъ, исправленнымъ и расположеннымъ въ общемъ кодексѣ.

78. I: Въ 777 г. были изданы капитуляріи для Саксоніи.

78. II: Самъ законъ саксовъ, по моему мнѣнію, былъ изданъ около 785 г. между временемъ изданія капитулярій для Саксоніи, которые, кажется, написаны въ 767 г., а саксонскій капитулярій общественнаго права появился въ 797 г.

79. I пр.: Многогрѣшный рабъ Христа, Исидоръ, привѣтствую чтеца, раба, исповѣдующаго христіанскую вѣру. Я побужденъ изъ многихъ каноновъ выбрать положенія, собрать ихъ въ одинъ томъ и сдѣлать изъ многихъ томовъ одинъ.

80. I: Всѣ народы какъ римляне, такъ и салійцы пусть имѣютъ свой законъ... и живутъ по закону своей родины; каждый народъ выбиралъ себѣ собственный законъ согласно обычаю.

82. II: Каждый саліецъ жилъ по салійскому закону.

82. III: Законъ мѣста состоялъ въ томъ, — гдѣ кто рожденъ, тамъ пусть и судится.

83. I пр.: Мы приказываемъ, чтобы всѣ саксы не собирали публичныхъ собраній, если имъ не прикажетъ собраться по нашему приказу нашъ миссъ. Каждый графъ въ своемъ графствѣ долженъ созывать собранія и творить судъ.

84. II пр.: Все, что мы раздѣлили между нашими сыновьями ради поддержанія и охраны мира, всѣ должны вполнѣ признать; мы объявляемъ, что желаемъ сдѣлать наслѣдниками нашего царства и имперіи, врученныхъ намъ Божіею милостью, тѣхъ-же нашихъ сыновей.

85. I пр.: Императоръ Карлъ, созвавъ всеобщій сеймъ, возложилъ императорскую корону на приглашеннаго къ нему сына Людовика.

85. II: Императоръ созвалъ князей и графовъ.

86. I: Чтобы епископы, аббаты и магнаты, имѣющіе между собой споръ и не желающіе помириться, являлись къ намъ.

86. II: Если кто скажетъ, что онъ несправедливо осужденъ, то ему разрѣшается по этой причинѣ явиться въ королевскій дворецъ.

86. III: Чтобы всѣ, какъ свѣтскіе, такъ и духовные заботились о королевскомъ судѣ.

86. IV пр.: Пусть миссы увѣдомятъ всѣхъ, что они нами назначены для того, чтобы каждый епископъ и графъ, не могущіе исполнить своихъ обязанностей по какой-либо причинѣ, являлись къ нимъ... И пусть весь народъ знаетъ, для чего учреждены миссы, а именно: тотъ, кто не можетъ найти справедливаго суда у графа по причинѣ его небрежности, нерачительности или невѣдѣнію, можетъ принести сначала свою жалобу миссамъ и у нихъ пусть ищетъ справедливаго суда.

87. I: Если кто-либо скажетъ, что онъ несправедливо осужденъ, то пусть явится къ намъ. Въ противномъ случаѣ пусть никто не является къ намъ съ жалобою на другаго.

87. II: Чтобы графы и викаріи знали законъ ихъ округа и чтобы они, примѣняя не тотъ законъ, не могли осудить кого-либо несправедливо, не по законамъ его родины.

87. III: Пусть наши миссы выберутъ въ каждомъ мѣстѣ для себя скабиновъ, адвокатовъ и нотаріусовъ.

87. IV: Чтобы собранія происходили по календамъ... Чтобы миръ существовалъ въ провинціяхъ, пусть всѣ свободные люди собираются въ опредѣленные дни тамъ, гдѣ назначитъ судья.

87. V: Пусть каждый отвѣчаетъ по закону своей родины.

88. I: Предусмотрительнѣйшій Карлъ никогда не поручалъ въ управленіе никакому графу болѣе одного графства; онъ дѣлалъ исключеніе только для графствъ, лежавшихъ на окраинѣ государства и прилегавшихъ къ границамъ варваровъ.

88. II пр.: Постановлено, чтобы военная повинность сохранялась и существовала по старому обычаю; пусть будетъ каждый готовъ идти на врага и пусть имѣетъ наготовѣ все необходимое для войны; чтобы миссы наши старательно изслѣдовали, сколько свободныхъ людей остается въ каждомъ графствѣ?

88. III пр.: Чтобы миссы наши старательно изслѣдовали, и каждый изъ нихъ въ своемъ графствѣ велъ точную запись, какими кто обладаетъ помѣстьями и сколько въ каждомъ помѣстьѣ поселянъ-домохозяевъ? [1]).

89. I: Мы желаемъ, чтобы въ срединѣ мая мѣсяца каждый миссъ въ своемъ округѣ вмѣстѣ со всѣми епископами, графами и нашими вассалами собирались въ одномъ мѣстѣ на собранія.

89. II: Императоръ желаетъ, чтобы на то собраніе, какое онъ учредилъ, являлся каждый графъ и приводилъ съ собою 12 скабиновъ, если таковые есть... Затѣмъ наши миссы, спросивъ всѣхъ, изслѣдуютъ, какъ каждый изъ графовъ, епископовъ и вассаловъ, которые нами назначены, управляютъ народомъ и отправляютъ обязанность, порученную ему по волѣ Божіей и по нашему приказу, и всѣ-ли ими довольны?

89. IV: Миссы, назначенные управлять нашимъ войскомъ.

93. III: Если кто-либо пожелаетъ поселиться вмѣсто другаго въ селѣ, и если одинъ или нѣсколько изъ тѣхъ, кто живетъ въ селѣ, согласятся его принять, то, если даже найдется одинъ, противорѣчащій этому, не будетъ это дозволено.

94. I: Если же онъ, не смотря на запрещеніе одного или двухъ въ томъ селѣ, упорствуетъ остаться, то не желающій этого долженъ ему противорѣчить, и если онъ все таки не уйдетъ, то общинникъ со свидѣтелями долженъ такъ ему противорѣчить: «Симъ заявляю тебѣ, что отъ этой ближайшей ночи, какъ повелѣваетъ салическій законъ, чрезъ 10 ночей ты долженъ изъ этого села удалиться». По истеченіи 10 ночей вторично долженъ противорѣчащій явиться къ тому новому поселенцу и ему вторично заявить объ удаленіи чрезъ 10 ночей. Если и тогда онъ не пожелаетъ удалиться, то въ третій

---

[1]) Zöpfl, deutsche Rechtsgeschichte Bd. II. S. 69. Пр. 83.

разъ дать ему срокъ въ 10 ночей, чтобы такимъ образомъ составилось 30 ночей.

94. II: Если и послѣ этого онъ не захочетъ удалиться, тогда принять его на судъ со свидѣтелями, при которыхъ ему противорѣчили. Если все же онъ не захочетъ тогда удалиться, и если его не будетъ удерживать что-либо важное, то противорѣчащій можетъ, взявъ его имущество, отправиться къ графу просить объ удаленіи поселенца.

94. IV: Если же поселенецъ не послушаетъ закона, то все, что онъ заработалъ, долженъ оставить и, кромѣ того, повиненъ уплатить 1200 денаріевъ, которые составляютъ 30 солидовъ.

95. I: Если же кто поселится и въ теченіи 12 мѣсяцевъ не встрѣтитъ никакого противорѣчія, то можетъ жить въ общинѣ, какъ и его сосѣди.

95. IV: Если кто-либо пригласитъ кого-либо поселиться въ чужой деревнѣ, прежде чѣмъ объ этомъ будетъ составлено рѣшеніе схода, то онъ повиненъ уплатить 1800 ден., которые составляютъ 45 солидовъ.

95. II пр.: Женщина не наслѣдуетъ ни въ какой части изъ салическихъ земель.

95. III пр.: Если братъ внезапно умретъ и не оставитъ себѣ наслѣдника, тогда только сестра можетъ наслѣдовать въ его землѣ.

96. I: Человѣкъ, лишенный своихъ правъ на свободу, пусть призоветъ 8 законныхъ свидѣтелей изъ той мѣстности, гдѣ жили его отецъ или мать и откуда онъ прогнанъ, и не меньше 4 свидѣтелей изъ другаго мѣста и такимъ образомъ подтвердитъ свои права на свободу.

97. II пр.: Мы, вѣруя въ христіанскую церковь, уступаемъ ей десятую часть дохода изъ полей, пастбищъ и скота; никакой управитель, ни десятникъ пусть не вмѣшиваются въ дѣла церкви.

97. III пр.: Весь тотъ доходъ, который фискъ получалъ отъ свободныхъ и рабовъ, пусть теперь съ нашего соблагоизволенія идетъ въ пользу церкви.

98. I: Итакъ—мы даемъ въ даръ церкви Св. Петра право творить публичный и частный судъ надъ рабами и лидами, надъ свободными людьми и мунтманами и всѣми и всякаго рода людьми, принадлежащими къ церкви, которыми она теперь владѣетъ, и которыхъ она потомъ пріобрѣтетъ; мы подтверждаемъ постоянную независимость церкви отъ царской власти такимъ образомъ, чтобы никакой публичный судья, ни герцогъ, ни графъ, ни вицеграфъ, ни слѣдственный судья, ни миссы, разъѣзжающіе по временамъ по государству... не смѣли никогда и никакимъ образомъ ни требовать на свой судъ, ни налагать штрафа, ни присуждать къ смерти, ни лишать имущества, ни безпокоить какого-либо человѣка, принадлежащаго къ вышеупомянутой церкви. Но позволяется вышеупомянутому епископу, его преемникамъ и его адвокату спокойно владѣть, управлять и распоряжаться всѣмъ тѣмъ, что принадлежитъ вышеназванной церкви.

98. II: Равнымъ образомъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ они имѣютъ 4, 3

или 2 гуфы, пусть ничего не уплачивают ни фиску, ни графу, ни судьѣ, но только—въ пользу епископа и его адвоката.

99. II пр.: Мы постановляемъ, чтобы никакой общественный судья или кто-либо изъ судебной власти въ наше или въ будущее время не имѣлъ права приходить на земли церкви, мѣстности, поля или остальныя владѣнія упомянутой церкви, которыми она справедливо и законно владѣетъ съ недавняго времени во всякихъ округахъ или территоріяхъ, исключенныхъ изъ подъ нашей власти... для выслушанія дѣлъ, для взиманія налоговъ и податей, для устройства и приготовленія постоевъ, или для отысканія поручителей... для несправедливаго розысканія какъ свободнорожденныхъ людей той церкви, такъ и рабовъ, живущихъ на землѣ ея, для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ вещей и покупки другихъ предметовъ за дорогую цѣну.

101. III: Если какой-либо свободный человѣкъ захочетъ куда-либо переселиться, онъ имѣетъ право переселиться со своимъ достояніемъ въ предѣлахъ нашей имперіи туда, куда пожелаетъ.

102. II: Каждый изъ нашихъ миссовъ, придя къ намъ, должен представить регистръ, показывающій, сколько пришельцевъ находится въ его округѣ, въ какой деревнѣ они живутъ, какъ имена и кто ихъ господа?

102. III: Слѣдуетъ узнавать и задерживать бѣглецовъ и иноземцевъ, дабы мы знали, кто они и откуда они пришли?

102. IV пр.: Всякій свободный человѣкъ, который имѣетъ четырехъ мансовъ, содержимыхъ имъ на его собственный счетъ или пожалованныхъ кѣмъ-либо, пусть готовится или самъ идетъ на врага, или со своимъ сеньеромъ; если какой-либо свободный, презрѣвъ наше приказаніе, рѣшится остаться дома, когда остальные идутъ въ войско, то пусть онъ знаетъ, что обязанъ уплатить по закону франковъ полный штрафъ, то-есть 60 солидовъ.

103. III: Тотъ, кто не можетъ отправиться на войну, долженъ по древнему народному обычаю строить мосты и проводить дороги чрезъ болота, отбывать сторожевую повинность въ мѣстахъ поселенія, такъ какъ необходимо, чтобы всѣ безъ отговорокъ принимали участіе въ защитѣ отечества.

103. IV: Кто же этого не сдѣлаетъ, тотъ лишается своего помѣстья и должности, а тотъ, кто не имѣетъ ни того, ни другаго, долженъ уплатить штрафъ.

103. I пр.: Въ особенности всѣ тѣ, которые владѣютъ пожалованными помѣстьями, должны идти на врага.

103. II: Наши миссы должны тщательно изслѣдовать, сколько свободныхъ людей остается въ отдѣльныхъ графствахъ для того, чтобы они могли сами собою образовать отрядъ.

103. V пр.: Мы совершенно запрещаемъ всѣмъ служителямъ Бога—носить вооруженіе, сражаться, или идти войною на врага; каждый начальникъ долженъ имѣть съ собою священника, который бы могъ судить и прощать грѣхи людямъ, сознавшимся въ послѣднихъ.

104. 4: Что касается свободныхъ людей, которые желаютъ отдаться

служенію Богу, чтобы они не прежде это дѣлали, какъ испросятъ у насъ позволенія.

104. I пр.: Бѣдные жалуются, что они лишены своей собственности. И поэтому они справедливо сѣтуютъ на епископовъ, аббатовъ и ихъ адвокатовъ и на графовъ и ихъ сотниковъ. Другіе даже говорятъ, что власти, признавая ихъ бѣдными, все же заставляютъ идти на врага, но тѣхъ, которые имѣютъ что имъ дать, отпускаютъ домой.

104. II пр.: Мы узнаемъ: если кто не пожелаетъ передать свою собственность епископу, аббату, графу, судьѣ или центенарію, то послѣдніе сейчасъ ищутъ какого-либо средства обвинить этого бѣдняка и принудить его отбывать воинскую повинность, что и принуждаетъ его волей-неволей сдѣлаться бѣднымъ или передать, или продать собственность; другіе же, которые земли передали, остаются дома безъ всякаго безпокойства.

105. I пр.: Наши миссы должны переписать нашъ фискъ, дабы мы могли знать, сколько мы имѣемъ на нашу долю въ каждомъ округѣ?

105. II пр.: Настолько онъ щедръ, что ранѣе не слыхано было ни въ старыхъ книгахъ, ни въ новыя времена: королевскія деревни, которыя были собственностью его отца, дѣда и прадѣда—онъ передалъ ихъ своимъ вѣрнымъ слугамъ въ вѣчное владѣніе.

105. III пр.: Если какой человѣкъ окажется невѣрнымъ королю, пусть платится своею жизнью, а все его имущество должно быть зачислено въ фискъ.

105. V пр.: Король Хильперикъ приказалъ произвести во всемъ своемъ королевствѣ новыя и тяжкія переписи. Было постановлено, чтобы владѣлецъ съ югера своей земли отдавалъ одну амфору вина. Но и много другихъ повинностей налагалось какъ на остальныя земли, такъ и на рабовъ.

106 I: Наши миссы пусть тщательно взыскиваютъ королевскіе налоги, которые изстари обыкновенно шли въ королевскую казну.

106. II: Всякій, кто уплачиваетъ королевскій цензъ, долженъ его уплачивать въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдній уплачивали его родители и дѣды.

106. III: Кто передаетъ или церкви, или кому-либо другому податную землю, откуда подать обыкновенно шла въ нашу казну, то тотъ, кто ее получитъ, долженъ непремѣнно уплачивать въ нашу казну ту подать, которая съ той земли ранѣе уплачивалась.

106. IV: И такъ мы узнали, что нѣкоторые изъ свободныхъ людей не столько ради обѣта, столько во избѣжаніе отбыванія военной повинности или другихъ королевскихъ обязанностей, а нѣкоторые и ради корысти обмануты тѣми, которые домогаются ихъ имущества.

107. IV: Королевскій цензъ всюду долженъ быть взимаемъ законно; мы желаемъ, чтобы онъ съ этого времени сбирался или съ лица, или съ имущества.

107. I пр.: Чтобы тѣ франки, которые должны платить цензъ въ пользу короля, поголовный или имущественный, не уходили безъ нашего позволенія въ

домъ Божій или на службу кого-либо другаго, дабы государство не потеряло то, что должно имѣть отъ нихъ.

109. I пр.: Царей они выбираютъ по благородству происхожденія, предводителей—по храбрости. Придаетъ важность и могущество быть постоянно окруженнымъ большой толпой отборныхъ юношей: почетъ въ военное время, охрана на войнѣ.

110. II: Они, придя въ провинцію и пользуясь гостепріимствомъ нѣкоего управителя, потребовали отъ него переправить ихъ къ сатрапу, который былъ его начальникомъ.

111. I: Если какой-либо свободный человѣкъ пожелаетъ куда-либо переселиться, то онъ можетъ переселиться со всѣмъ своимъ достояніемъ свободно туда, куда желаетъ.

111. II: Если кто-либо свободнаго держитъ силою въ залогѣ или его заключаетъ въ домъ, откуда свободный не можетъ выйдти, то виновный уплачиваетъ 11 сол.

111. III: Если кто либо уведетъ свободнаго связаннымъ въ другую мѣстность, то уплачиваетъ 45 сол.

111. IV: Если благородный продастъ благороднаго заграницу и не въ состояніи его выкупить, то отвѣчаетъ такъ, какъ бы его убилъ.

111. V: Если кто-либо продастъ свободнаго человѣка за границу провинціи, то онъ долженъ уплатить виру, какъ будто бы онъ его убилъ.

112. I: Кто благороднаго силою или насиліемъ уведетъ въ другія мѣста, продастъ или подаритъ, или вознамѣрится обратить его въ рабство, то онъ долженъ быть убитымъ.

112. II: Кто держитъ свободнаго въ рабствѣ и не можетъ оправдать возникновенія рабскихъ отношеній, тотъ, привлеченный въ судъ, долженъ отвѣчать за клевету и несправедливость.

112. III: Если кто человѣку, желающему куда-либо переселиться и имѣющему на уходъ приказъ короля, или желающему идти въ общественное собраніе, окажетъ сопротивленіе безъ распоряженія короля или задумаетъ на него напасть, то онъ долженъ уплатить 9 тыс. ден., что составляетъ 200 солидовъ.

112. IV: Если кто-либо нападетъ на человѣка, путешествующаго и это будетъ доказано, то онъ присуждается къ уплатѣ 200 солидовъ.

112. V: Чтобы никто не рѣшался задерживать никого, идущаго къ намъ для подачи жалобы; если кто либо попытается это сдѣлать, то повиненъ уплатить штрафъ.

112. VI пр.: Карлъ собралъ большое собраніе въ Саксоніи у Липпубрунна и постановилъ надъ ней графами саксонцевъ изъ самыхъ знатныхъ родовъ.

113. II: Мы постановляемъ, чтобы поселившіеся въ области Рипуарцевъ франки, бургунды, алеманны или кто-либо изъ другой націи, судились по законамъ той области, гдѣ они родились.

113. III: Если кто-либо по какой-нибудь причинѣ явится на судъ въ

другой провинціи, гдѣ онъ будетъ имѣть помѣстье или жить постоянно тамъ по какому-либо другому дѣлу,.. то пусть онъ судится по своему закону и пусть принесетъ присягу съ тѣми соприсяжниками, которыхъ онъ будетъ имѣть съ собой въ этой странѣ или провинціи.

113. V: Чтобы всѣ люди, какъ римляне, такъ и салійцы, жили по-своимъ законамъ, и если кто придетъ изъ другой провинціи, то онъ долженъ жить по законамъ своей родины.

113. IV пр.: Извѣстно, что саксонцы, придя въ Италію съ женами и дѣтьми, должны были тамъ жить; но сколько можно понять, они не хотѣли подчиняться власти лонгобардовъ. Но послѣдніе не позволяли имъ жить по своему праву, и поэтому они подумываютъ возвратиться въ свое отечество.

114. I: Всѣ различныя націи, живущія въ Италіи, пусть пользуются каждая своимъ закономъ при защитѣ своихъ правъ на свободу и при подачѣ жалобъ въ судъ.

114. II: Если кто-либо явится упорнымъ и упрямымъ настолько, что вернется домой изъ войска безъ приказанія и дозволенія короля... то имущество такого человѣка конфискуется.

114. III. Если кто-либо, сражаясь съ врагомъ, покинетъ своего товарища... и не будетъ съ нимъ стоять за одно дѣло, то слѣдуетъ такого человѣка предать смерти.

115. I: Равнымъ образомъ мы постановляемъ, чтобы всякаго, который оставитъ своего господина противъ его воли и изъ одного королевства отправится въ другое, не принималъ самъ король и не позволялъ своимъ людямъ принимать такого человѣка или несправедливо задерживать его.

115. II: Каждый свободный человѣкъ послѣ смерти своего господина можетъ избрать себѣ по своему усмотрѣнію одно изъ трехъ королевствъ.

115. III: Измѣнниковъ и перебѣжчиковъ вѣшаютъ на деревьяхъ.

115. IV: Если какой-либо человѣкъ явится измѣнникомъ въ отношеніи короля, то онъ отвѣчаетъ жизнью.

115. V: Если кто-либо явится измѣнникомъ въ отношеніи господина-короля, то онъ отвѣчаетъ предъ уголовнымъ судомъ.

116. III пр.: Отказать кому-либо изъ смертныхъ въ кровѣ считается нечестнымъ.

117. III: Кто откажетъ путнику въ кровѣ и очагѣ... тотъ долженъ уплатить 3 сол. пени.

117. 4. Мы постановляемъ, чтобы во всемъ нашемъ королевствѣ ни богатый, ни бѣдный не отказывали въ гостепріимствѣ иноземцамъ... никто не смѣетъ имъ отказывать въ кровѣ, очагѣ и водѣ.

117. V: Чтобы никто не отказывалъ въ гостепріимствѣ всѣмъ путешествующимъ внутри нашихъ королевствъ,—а именно въ кровѣ и очагѣ; равнымъ образомъ никто не долженъ подымать споръ съ путешествующими о пастбищѣ, за исключеніемъ луговъ и жатвы.

117. VI: Мы постановляемъ, чтобы епископы были гостепріимными и убѣждали своихъ прихожанъ быть таковыми; пусть тѣ и другіе не отказываютъ въ ночлегѣ путешественникамъ... и не продаютъ имъ предметовъ первой необходимости дороже, чѣмъ сами ихъ купили на рынкѣ. Если кто-либо будетъ продавать дороже, то пусть путешественникъ объ этомъ доведетъ до свѣдѣнія епископа, по приказу котораго предметы необходимости должны быть уступлены путнику по обыкновенной цѣнѣ.

117. I пр.: Иноземцы, пришедшіе изъ иныхъ странъ въ нашу землю и поселившіеся подъ защитой нашей власти, обязаны жить по нашимъ лонгобардскимъ законамъ, если только они не получили разрѣшенія отъ насъ жить по своему закону.

117. II пр.: Если какой-либо рипуарецъ убьетъ пришедшаго франка, то долженъ уплатить 200 сол.

119. 6: Иноземцы и иностранцы, приходящіе изъ Рима на поклоненіе Господу и Святымъ мощамъ, пусть путешествуютъ и возвращаются, пользуясь нашей защитой. Кто изъ иноземцевъ осмѣлится совершить убійство, тотъ долженъ уплатить намъ (королю) 60 сол.

119. I: Не должно быть позволено чужеземнымъ подданнымъ, будь они даже свободными людьми, жить въ нашемъ государствѣ или пріобрѣтать собственность, если они ранѣе не принесутъ намъ присяги и не сдѣлаются нашими подданными.

119. II: Всѣ, кто до сихъ поръ не принесъ присяги, пусть ее принесетъ, какъ о томъ постановлено нашимъ дѣдомъ и отцомъ.

119. III: Если кто-либо приведетъ въ нашу провинцію иноземное племя... то или лишается жизни, или будетъ посланъ по усмотрѣнію короля въ ссылку и, кромѣ того, имущество его будетъ конфисковано.

119. IV: Мы жалуемъ пришельцевъ, оставшихся въ томъ мѣстѣ, тѣмъ, чтобы никакой графъ, зная ихъ... не смѣлъ ихъ притѣснять и безпокоить.

120. V: Никто не долженъ продавать рабовъ за предѣлы провинціи, будь чужая провинція христіанской или нехристіанской, если только на то не будетъ приказа короля.

120. VI: Никто не долженъ продавать раба за предѣлы марки.

120. VII: Случаи сѣченія раба, наказыванія его кандалами, тяжелой работой и—убійства его бываютъ рѣдкими. Убиваютъ раба не благодаря суровому обращенію, но по горячности и въ гнѣвѣ, что проходитъ безнаказанно.

120. III пр.: Объ убійствѣ раба или чужаго скота. Если кто-либо убьетъ чужаго раба, то пусть уплатитъ собственнику послѣдняго столько, сколько стоитъ рабъ; также слѣдуетъ взыскивать за убійство лошади, быковъ и т. д.

120. IV: Они должны быть проданы для вывоза въ заморскіе края.

121. I: Господа не должны убивать своихъ рабовъ безъ вины.

122. III: Если кто лида, идущаго на войну съ своимъ господиномъ...

122. IV: Фискальный рабъ, идущій на войну.

новъ сдержано и обуздано, но всетаки дѣла всей Германской имперіи не стали спокойнѣе.

317. II: Всѣ и каждый еврей, проживающіе всюду въ земляхъ, подвластныхъ нашей юрисдикціи, признаются въ силу прерогативы христіанскаго закона и нашей власти особыми нашими слугами.

318. IV пр.: Слѣдуетъ повиноваться постановленіямъ и рѣшеніямъ указаннаго герцога въ его герцогствѣ, Австріи, и онъ можетъ держать во всѣхъ своихъ земляхъ евреевъ и всѣхъ публичныхъ ростовщиковъ, которыхъ простой народъ называетъ «Gawertschin»'ами, безъ обремененія и вреда для имперіи.

321. IV: Пусть разцвѣтетъ и получитъ новую силу сѣмя мира и согласія.

322. I: Никто не долженъ совращать чужихъ подданныхъ въ свою религію и по этой причинѣ принимать послѣднихъ подъ свою защиту и оказывать имъ покровительство.

389. I пр.: Никакіе цехи купцовъ, рыбаковъ и механиковъ.... не должны находиться дальше, какъ за одну милю отъ черты города.

405. II: И такъ вообще важно, чтобы по заключеніи мира торговыя дѣла взаимно процвѣтали.

406. III: Пусть будетъ полная свобода и безопасность торговли и передвиженія для торговыхъ людей всюду по сушѣ и по водамъ.

406. IV: Пусть будетъ обезпечено право передвиженія и торговли для всѣхъ и каждаго изъ вассаловъ, подданныхъ, кліентовъ и жителей договаривающихся государствъ.

407. IV: Пусть остается въ силѣ прежній обычай и свобода торговли между Лотарингіей, метенской областью...

418. I пр.: Бѣдные люди не должны быть угнетаемы беззаконно людьми сильными съ злымъ умысломъ, чрезъ что первые принуждены бываютъ продавать и передавать свое достояніе. Поэтому, мы раньше и теперь постановляемъ относительно свободныхъ людей, чтобы родители не лишались случайно и беззаконно своихъ имуществъ, чрезъ что уменьшаются и государевы доходы, а сами наслѣдники, впадая въ нужду, чрезъ это не сдѣлались бы нищими, разбойниками или злодѣями.

419. I пр.: Подданные, которые владѣютъ недвижимымъ имуществомъ на основаніи крестьянскаго права, встрѣчаются у насъ въ округѣ гавельбергенскомъ, въ Пригниціи и въ графствѣ руппинскомъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Взаимное содѣйствіе государствъ въ производствѣ слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ.

Привать доцента И. А. Ивановскаго.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ международныхъ сношеній является дѣятельность государствъ въ области интересовъ правосудія. Вмѣстѣ съ постепеннымъ развитіемъ международнаго общенія вопросъ этотъ все болѣе и болѣе развивается и уясняется, а необходимость его разрѣшенія путемъ взаимныхъ соглашеній все болѣе и болѣе сознается и становится интенсивной. Рядомъ съ этимъ видоизмѣняются и самые способы его разрѣшенія.

Исторія международнаго общенія доказываетъ, что государства, вступая другъ съ другомъ въ сношенія относительно отправленія правосудія, постепенно старались разрѣшить множество самыхъ разнообразныхъ сторонъ этого вопроса.

Такъ, во первыхъ, государства стараются опредѣлить въ международныхъ договорахъ и въ своихъ законахъ подсудность дѣлъ, возникающихъ въ сферѣ международнаго оборота, а равно обезпечить, подъ извѣстными условіями, судебную защиту какъ своихъ подданныхъ внѣ отечества, такъ и иностранцевъ въ своихъ предѣлахъ [1]). Съ тою же цѣлью содѣйствія въ

[1]) Множество постановленій этого рода встрѣчаемъ въ разнообразныхъ трактатахъ о торговлѣ, договорахъ о мирѣ и союзѣ и т. п., заключенныхъ, начиная съ XVII в., и даже раньше. Напр., пиринейскій мирн. тр. между Франціей и Испаніей 7 нояб. 1659 г., ст. LVI, *Du Mont*, VI, п p. 264;

отправленіи суда и разграниченія сферъ компетенцій заключаются международныя соглашенія и издаются законы о консульской юрисдикціи [1]) и объ общемъ судѣ для данныхъ державъ.

Общеніе между государствами въ послѣднемъ отношеніи обусловливается различными причинами и проявляется въ различныхъ видахъ. Государства или договариваются объ организаціи смѣшанныхъ судебныхъ коммисій для извѣстнаго рода дѣлъ, напр. дѣла пограничныя, дѣла, возникающія между солдатами союзныхъ армій [2]) и т. п., или вступаютъ въ обяза-

---

мирный и союзный тр. между Великобританіей и Даніей 13 февр. 1661 г., ст: IX, XVI, *Du Mont*, ibid., p. 346; Tr. d'alliance et de commerce entre Frederic III R. de Danemarc et Louis XIV R. de Fr. 1662, ст. XXXVI, *Du Mont*, ibid., p. 436; Foedus inter Leopoldum Romanorum Imperatorem et Ioannem III R. Poloniae, 24 апр. 1677 г., *Du Mont*, VII, I, p. 332; Tr. de trêve pour vingt ans entre Leopold Emp. et Louis XIV R. de France, 15 авг. 1684 г., ст. XIII, XIV, *Du Mont*, VII, II, p. 81; мирный и союзный договоръ между Людовикомъ XIV и Нидерландами, 11 апр. 1713 г., ст. XXX, *Du Mont*, VIII, I, p. 366; договоръ между Испаніей и Англіей 1713 г.. ст. VII, *Du Mont*, ibid., p. 393; Австрія—Венеція 17 авг. 1754г., ст. VII—IX, XXVIII, *Martens*, Suppl. II, p. 64; Россія—Польша 1775 г., ст. VI, *Martens*, R. 2., II, p. 141; Франція—Швейцарія 1798 г., ст. X, *Martens*, R. 2., VI, p. 466 и мн. др. Въ XIX в. заключаются специальныя междун. конвенціи о судебн. сношеніяхъ, см. *Krug*, Das Internationalrecht der Deutschen; Франція—Швейцарія 15 іюня 1869 г., (см. объ этомъ дог. *Curti*, Der Staatsvertrag zwischen der Schweiz und Frankreich betr. Gerichtsstand und Urtheilsvollziehung, 1879); Австрія—Сербія 6 марта 1881 г., *Martens*, 2-e S., VIII, p. 360 и др.

[1]) О консульской юрисдикціи см. *Мартенсъ*, о консулахъ и консульской юрисдикціи на востокѣ, 1873; *Contuzzi*, La istituzione dei consolati ed il diritto intern. europeo nella sua applicabilita in oriente, 1885 и др.

[2]) Напр. договоръ между Людовикомъ XII к. фр. и Фердинандомъ и Елизаветой к. и к-ой Кастиліи и Аррагоніи 5 авг. 1498, *Du Mont*, III, II, p. 397; союзный договоръ между Карломъ XI, к. Шведскимъ, и Фридрихомъ Великимъ Бранденбургскимъ 1 дек. 1673 г., ст. XII, *Du Mont*, VII, I, p. 146; Столбовскій дог. Россіи съ Швеціей 1617 г., «А будетъ притчею, которыя ссоры и досадительства случатся межъ обѣихъ сторонъ: и тѣмъ сего миру не нарушити: но которая сторона мнится обижена, или досажена, и тоя стороны Намѣстникомъ или Воеводамъ такую обиду, или досадительство, другимъ Намѣстникомъ или Воеводамъ на ближнихъ порубежныхъ городахъ, гдѣ дѣло то учинилось, вѣдомо учинити, и имъ потомъ на рубежъ съѣхатися

тельства на счетъ устройства общей высшей судебной инстанціи, напр. hanseatisches Oberlandesgericht въ Гамбургѣ для трехъ вольныхъ ганзейскихъ городовъ — Гамбурга, Любека и Бремена [1]), или, наконецъ, условливаются о томъ, чтобы существующій уже высшій судъ одного изъ нихъ былъ высшей инстанціей для судовъ другаго, напр. Австрійскій Oberlandesgericht въ Инспрукѣ является высшей инстанціей для судовъ княжества Лихтенштейнъ [2]).

Во вторыхъ, для открытія и хода процесса въ различныхъ его стадіяхъ часто бываетъ необходимо воспользоваться содѣйствіемъ иностраннаго государства, напр., можетъ понадобиться достигнуть выдачи преступника, скрывающагося въ дру-

---

и тѣ спорныя дѣла выслушати и дружно разсудити и раздѣлати», стр. 187, П С. З., № 19; Веліессарскій дог. Россіи съ Швеціей 1658 г., ст. 14, П.С.З., № 240; Кардисскій дог. Россіи съ Швеціей 1661 г., ст. 24, 25, П. С. З., № 301; Андрусовскій дог. Россіи съ Польшей 1667 г., ст. 24, 25, П. С. З., № 398; Московскіе дог. Р. съ Польшей 1672 г., ст. 19. П.С.З., № 513, и 1678 г., ст. 9, П.С.З., № 730; Ништадтскій миръ Р. съ Швеціей 1721 г., ст. 22, П.С.З., № 3819; Абоскій догов. Р. съ Швеціей 1743 г., ст. 19, П. С. З., № 8766; союзные дог. Р. съ Австріей 1746 г., ст. 9, П.С.З., № 9288, и 1760 г., ст. 10, П.С З., № 11041 и др. Любопытныя данныя о дѣятельности пограничныхъ коммисій между Россіей и Польшей въ XVIII в. находимъ у *А. Андріевскаго*, Историческіе матеріалы, вып. 4 и 5.

[1]) О соглашеніи на этотъ счетъ между тремя вольными городами 30 іюня 1878 г., см. *Marquardsen*, Handbuch des oeffentlichen Rechts, III Bd., I, Halbb., 3 Abth., 1884, S. 32, 60, 80; см. также Traité entre S. A. R. le Prince d'Orange Prince Souverain des Pays-Bas et les Ducs et Pr.—Souverains de Nassau, signé à la Hage le 14 Juillet 1814, art. XXII. *Martens*, N R., II, p. 23; Acte sur la constitution fédérative de l'Allemagne, signé à Vienne le 8 juin 1815, art. XII, *Martens*, ibid., p 335.

[2]) Договоръ между Австріей и Лихтенштейномъ 19 янв. 1884 г., *Martens*, 2-e S., X, p. 538. Ср также Traité entre le Wurtemberg et la principauté de Hohenzollern—Sigmaringen, conc. l'érection du tribunal suprême de Wurtemberg en tribunal d'appel pour la pr. de H.—S., publ. à Stuttgart le 24 sept. 1824, *Martens*, N. R, VII, II, p. 603; тоже Виртембергъ-Гогенц. Гехингенъ 9/13 мая 1825 г., ibid., p. 806; Vertrag wegen Bestellung des Ober-Tribunals zu Berlin zum obersten Gerichtshofe in Strafsachen und in Disciplinarsachen der Richter für das Herzogthum Anhalt-Bernburg 22 Febr. 1851, *Rohrscheid*, S. 182; тоже въ отношеніи кн. Вальдекъ и Пирмонтъ 1851 г., ibid., S. 580.

гой державѣ, вручить судебную повѣстку или какой нибудь документъ лицу, участвующему въ процессѣ, но живущему внѣ предѣловъ данной страны, допросить свидѣтеля, находящагося заграницей и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ государства не могутъ обойтись безъ взаимной помощи другъ другу, не рискуя повредить производству суда. Съ цѣлью обезпечить взаимное содѣйствіе въ разсматриваемыхъ отношеніяхъ государствами издаются законодательныя постановленія и заключаются спеціальные международные договоры, какъ, напр., конвенціи о выдачѣ преступниковъ [1]), объ исполненіи судебныхъ порученій иностранныхъ судовъ (commissions rogatoires)[2]) и др.

Наконецъ, въ третьихъ, при постепенномъ развитіи международныхъ сношеній все чаще и чаще становится необходимымъ опредѣлить, имѣютъ-ли силу и могутъ-ли быть приведены въ исполненіе рѣшенія иностранныхъ судовъ. И въ данномъ отношеніи государства стараются установить взаимныя права и обязанности или на основаніи договоровъ или на основаніи законовъ [3]).

Таковы въ краткихъ чертахъ различныя стороны вопроса о взаимныхъ сношеніяхъ государства въ области суда. Международная практика, какъ мы видѣли, такъ или иначе старается ихъ разрѣшить.

Какъ же относится къ нимъ теорія?

Писатели удѣляютъ не равное вниманіе обработкѣ различныхъ намѣченныхъ нами моментовъ. Если одни изъ этихъ моментовъ уже подверглись значительной научной разработкѣ (напр. выдача преступниковъ, исполненіе рѣшеній иностранныхъ судовъ по дѣламъ гражданскимъ), то другіе едва-лишь затронуты. Однимъ изъ такихъ наименѣе разслѣдованныхъ въ юридической литературѣ видовъ международной судебной по-

[1]) О выдачѣ преступниковъ — работы *Bernard*, *Lammasch* и др.

[2]) См. послѣдующее изложеніе.

[3]) См. объ этомъ новѣйшія работы *F. Moreau*, Effets internationaux des jugements en matière civile, 1884; *Ch. Daguin*, De l'autorité et de l'exécution des jugements étrangers en matière civile et commerciale, 1887 и др. О рѣшеніяхъ въ дѣлахъ уголовныхъ см. *Peiron*, Effets des jugements répressifs en droit international, 1885.

мощи является исполненіе судебныхъ порученій иностраннаго суда, вызванныхъ производствомъ слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ; а между тѣмъ серьезное значеніе его не можетъ подлежать сомнѣнію.

При разслѣдованіи уголовныхъ дѣлъ для правильнаго производства суда часто бываетъ крайне необходимо допро:ить свидѣтеля, живущаго въ иностранномъ государствѣ, вызвать его для личной явки въ судъ, произвесть въ иностранномъ государствѣ обыскъ, осмотръ, выемку, получить отгуда заключеніе экспертовъ, вещественныя доказательства и :акіе нибудь документы, достигнуть присылки преступниковъ ,ля очныхъ ставокъ, сообщить лицу, находящемуся въ другой :транѣ, какой нибудь судебный документъ и т. п. Но, въ виду іезависимости и самостоятельности отдѣльныхъ государствъ, іедозволяющихъ чужимъ властямъ дѣйствовать въ своихъ предѣлахъ, заинтересованный судъ не можетъ произвесть на терлторіи иностранной державы ни одного изъ этихъ дѣйствій. Въ подобныхъ случаяхъ судъ можетъ выйти изъ затрудненія, 'олько благодаря незамѣнимымъ услугамъ властей иностраннаго осударства. Слѣдовательно, только благодаря помощи этихъ ластей, судъ будетъ въ состояніи располагать болѣе достаочнымъ количествомъ данныхъ, а иногда данными, безусловно еобходимыми для того, чтобы возможно всесторонне и болѣе равильно возсоздать картину даннаго преступнаго дѣянія. Існо такимъ образомъ, что для правильнаго теченія правосудія одѣйствіе государствъ другъ другу въ производствѣ слѣдтвій по дѣламъ уголовнымъ — весьма важно. Если-же этотъ идъ взаимной судебной помощи, съ одной стороны, имѣетъ акое значеніе, а съ другой мало разработанъ въ литературѣ, о теоретическое изслѣдованіе его юридической природы не только е лишено интереса, но даже просто необходимо.

Въ предлагаемомъ разсужденіи я имѣю въ виду представить такое изслѣдованіе.

Но интересно знать, что-же до сихъ поръ сдѣлано въ литературѣ по этому вопросу?

§ 2. Lammasch вполнѣ основательно замѣтилъ, что само:оятельной литературы по вопросу объ исполненіи судебныхъ)рученій иностранныхъ судовъ въ дѣлахъ уголовныхъ—нѣтъ[1]).

---

[1]) *Lammasch*, S. 821.

Дѣйствительно въ настоящее время не существуетъ ни одной монографіи, которая представляла-бы полное его изслѣдованіе съ точки зрѣнія исторической и критикодогматической. Писатели ограничивались только болѣе или менѣе полными и цѣнными замѣчаніями, разсѣянными въ разнаго рода сочиненіяхъ, напр., въ общихъ трактатахъ по уголовному судопроизводству, и международному праву, въ монографіяхъ о выдачѣ преступниковъ и т. п. Изученіе этого матеріала даетъ основаніе сдѣлать слѣдующій выводъ.

Начиная съ конца прошлаго вѣка (M. Jousse), вплоть до 70-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія писатели совершенно мимоходомъ говорятъ о судебныхъ порученіяхъ иностранныхъ судовъ по дѣламъ *уголовнымъ* [1]). Они или ограничиваются только констатированіемъ того факта, что европейскія государства не отказываютъ другъ другу въ исполненіи судебныхъ порученій [2]), или въ двухъ, трехъ словахъ говорятъ о самомъ исполненіи и упоминаютъ о какой-нибудь отдѣльной сторонѣ вопроса, напр., о пути передачи судебнаго порученія, о допросѣ или личной явкѣ свидѣтеля, пребывающаго въ иностранномъ государствѣ, и др. [3]). Только у Domin-Petrushevecz'а находимъ болѣе полное изложеніе началъ, проходящихъ въ постановленіяхъ международныхъ конвенцій объ исполненіи

---

[1]) Больше сдѣлала наука въ тотъ же періодъ времени по вопросу объ исполненіи судебныхъ порученій иностранныхъ судовъ по дѣламъ *гражданскимъ*. Въ это время явились мѣткія критическія замѣчанія и обзоръ законодательныхъ постановленій разныхъ странъ *Mittermeier'а* (Archiv für die civ. Praxis, XIII, 1830, S. 293—316), *Schaeffner'а* (§ 158), особенно *Foelix'а* (II, §§ 239—249, изд. 1866 г., т. I), *Bar'а* (§ 124), *Wetzell'я* (S. 416—422, изд. 1865 г.), *Esperson'а* (p. 177—179), *Massé* (II, §§ 777—785, изд. 1874 г.). Въ новѣйшее время того же вопроса касались въ общихъ курсахъ по частному международному праву *Wharton*, §§ 722—731 (Conflict of law), — *Lomonaco*, p. 237—241, — *Laurent*, VIII, p. 104—111, — *Brocher*, III, p. 118 — 123, 357, — *Asser-Rivier*, p. 172—176, — *Weiss*, p. 952—955, — *Calvo*, II, p. 386 и др. См. также резолюціи Института междун. пр. въ Цюрихѣ 1877 г., Annuaire de l'Institut de dr. intern. 1878, p. 151.

[2]) *Schmalz*, S. 162; *Schmelzing*, § 155; *Heffter*, § 36, IV (изд. 1844 г.).

[3]) *M. Jousse*, Traité de la justice cr. de F., I, p. 424; *его же*, Traité de l'admin. de la just., I, p. 43; *Feuerbach*, S. 321, § 28; *Bentham*, II, p. 372; *Le Graverend*, I, p. 115; *Oppenheim*, S. 313, § 4; *Faustin-Hélie*, V, p. 692.

судебныхъ порученій [1]). Словомъ, можно сказать, что въ юридической литературѣ XIX в. до 70-хъ годовъ изрѣдка вспоминаютъ только объ исполненіи порученій иностранныхъ судовъ по производству судебнослѣдственныхъ дѣйствій въ дѣлахъ уголовныхъ, несмотря на то, что въ это время существуетъ уже множество международныхъ конвенцій съ постановленіями, прямо касающимися этого вопроса.

Съ 70-хъ годовъ разсматриваемый нами вопросъ возбуждаетъ въ литературѣ несравненно больше интереса. Имъ начинаютъ заниматься гораздо чаще и плодотворнѣе.

Относящіяся сюда сочиненія писателей могутъ быть разбиты на двѣ группы. Одни представляютъ изложеніе дѣйствующихъ нормъ международнаго права объ исполненіи судебныхъ порученій иностранныхъ судовъ на основаніи конвенцій, законовъ и административныхъ распоряженій нѣкоторыхъ странъ, безъ всякой критики этого матеріала [2]). Въ другихъ авторы не только предлагаютъ догматическое изложеніе юридическихъ нормъ, но занимаются также сравненіемъ ихъ и критической оцѣнкой [3]).

Въ общемъ, результаты, добытые наукой въ послѣднія два десятилѣтія, сводятся къ слѣдующему.

Во первыхъ, сведены *во едино* начала международнаго права, опредѣляющія взаимныя отношенія государствъ по ис-

---

[1]) *Domin-Petrushevecz*, 1861, CCXXXIII—CCXXXV.

[2]) *Starr*, S. 267 und ff., 337 und ff; *Vesque von Püttlingen*, S. 414, 567 etc.; *Roszkowski*, str. 353—362; *Шостакъ*, стр. 45; *Olivares Biec*, p. 268; *Böhm*, II, S. 113 ff., 176 ff, 237; *John Bouvier*, II, «Letters rogatory»; *Wharton*, A digest of the intern. law, III, p. 717; *Bulmerincq*, S. 252.

[3]) *Billot*, p. 395; *Fiore*, Effetti internazionali delle sentenze e degli atti, II, p. 145; *его-же*, Traité de dr. pénal intern., II, p. 737 (въ послѣдующемъ изложеніи ссылки будутъ дѣлаться на послѣднее сочиненіе); *Bernard*, II, p. 635; *Bomboy et Gilbrin*, p. 153; *Lammasch*, S. 821; *его-же* статья въ Holtzendorff's Handbuch des V. rechts, III, S. 567; *Штиглицъ*, стр. 214; *Никольскій*, стр. 480; *Le Sellyer*, II, §§ 1067—1073; *Bregeault*, de l'audition en matière cr. des témoins résid. en pays étr., 1878; *Bard*, p. 113; *Pradier-Fodéré*, III, §§ 1844—1849, 1851, 1878; *Ф. Мартенсъ*, II, стр. 439; *Don E. Bravo*, II, p. 126; *R. Vincent et E. Pénaud*, «com. rog.»; комментаріи къ отд. ст. конвенцій у *Arlia*; *Martitz*, S. 253—266.

полненію судебныхъ порученій относительно производства *разнаго рода* слѣдственныхъ дѣйствій, и имъ произведена отчасти критическая оцѣнка. Это самое главное пріобрѣтеніе, сдѣланное наукой въ трудахъ Lammasch'а, Fiore, Billot и Bernard'а.

Но не забудемъ однако, что писатели-критики преимущественно имѣютъ въ виду международные договоры, а законы отдѣльныхъ странъ или остаются у нихъ на второмъ планѣ или вовсе игнорируются. Въ тѣхъ случаяхъ, когда они касаются законодательныхъ постановленій, обыкновенно пользуются только законами о выдачѣ преступниковъ и совершенно напрасно оставляютъ безъ вниманія довольно значительный матеріалъ, содержащійся въ нѣсколькихъ десяткахъ уставовъ уголовнаго судопроизводства. Въ этомъ заключается недостатокъ современныхъ научныхъ изслѣдованій.

Во вторыхъ, въ работѣ Billot встрѣчаемъ первую самостоятельную попытку сдѣлать бѣглыя замѣчанія относительно исторіи вопроса на основаніи международныхъ договоровъ. Но Billot исключительно занимался договорами, заключенными Франціей съ другими державами, а потому, ограничивъ свои изслѣдованія столь узкимъ кругомъ, естественно не могъ представить вѣрной исторіи разслѣдуемаго института. Мало этого. Даже если оставаться на почвѣ только договоровъ Франціи съ другими державами, то и тогда съ выводами почтеннаго автора нельзя согласиться. Такъ Billot утверждаетъ, что постановленія о личной явкѣ свидѣтелей изъ иностраннаго государства впервые встрѣчаются въ союзномъ договорѣ Франціи съ Швейцаріей 27 сентября 1803 г. (ст. 17) [1], постановленія о допросѣ свидѣтелей и о присылкѣ документовъ, находящихся въ иностранномъ государствѣ, въ договорѣ Франціи съ Нидерландами 7 ноября 1844 г. [2]), постановленія, объ очной ставкѣ преступниковъ въ договорѣ 26 янв. 1853 г. съ великимъ герцогствомъ Гессенъ [3]), наконецъ, статьи о сообщеніи разнаго рода судебныхъ актовъ—въ конвенціи съ Бельгіей 29 апрѣля

---

[1]) *Billot*, p. 404.

[2]) *Billot*, 400, 409.

[3]) *Billot*, p. 410.

1869 г. [1]). Между тѣмъ оказывается, что въ двухъ договорахъ Франціи прошлаго вѣка—съ епископомъ Базельскимъ 16/19 дек. 1781 г. [2]) и съ Швейцаріей 19 авг. 1798 г. [3]) — есть постановленія о личной явкѣ свидѣтелей въ иностранный судъ. Затѣмъ остались незамѣченными Billot конвенціи Франціи съ Баденомъ и съ Франкфуртомъ 4 мая 1813 г. *о непосредственныхъ* сношеніяхъ между судами, гдѣ говорится о вызовѣ въ иностранный судъ свидѣтелей и о присылкѣ данныхъ, необходимыхъ для производства слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ [4]). Уже этихъ данныхъ достаточно для того, чтобы сказать, что историческія указанія Billot невѣрны и недостаточны [5]). Также поверхностны и неточны и тѣ историческія справки, которыя вскользь дѣлаетъ *Martitz* [6]). Другіе писатели вовсе не касаются исторіи вопроса. Такимъ образомъ исторія интересующаго насъ института до сихъ поръ не разработана писателями. Таково современное состояніе науки.

Изъ всего сказаннаго сами собой вполнѣ естественно и ясно намѣчаются задачи дальнѣйшей научной обработки изслѣдуемаго института, а именно: — во первыхъ, надлежитъ представить его исторію на основаніи международныхъ договоровъ и законовъ различныхъ государствъ; во вторыхъ, на основаніи этого матеріала слѣдуетъ дать возможно полное догматическое изложеніе началъ права, дѣйствующихъ въ раз-

---

[1]) *Billot*, p 412.

[2]) *G. Martens*, R., 2 ed., III, p. 376, art. XXXVI.

[3]) *G. Martens*, R., 2 ed., VI, p. 466, art. XIII; *De Clercq*, I, p. 363.

[4]) *De Clercq*, II, p. 381; *Martens*, N. R., III, p. 265.

[5]) Въ русской юрид. литературѣ г. Никольскій довѣрчиво повторяетъ историческія замѣтки Billot и слѣдовательно раздѣляетъ его ошибки. Но онъ неограничивается этимъ и неосторожно еще усугубляетъ ошибки Billot, такъ какъ трактуетъ не только о договорахъ Франціи съ др. державами, но и разбираетъ «постановленія договорнаго права *другихъ государствъ*», т. е. якобы расширяетъ матеріалъ. Этимъ матеріаломъ авторъ не воспользовался надлежаще и потому не могъ отрѣшиться отъ вліянія Billot. Ср. *Billot*, p. 400, 404, 409, 410, 412; *Никольскій*, стр 484, 486, 494, 497, 500.

[6]) Ср. F. *Martitz*, S. 258 n. 96, S. 260 n. 106, S. 261 n. 108, S. 226 n. 25,26, съ послѣдующимъ историческимъ обзоромъ вопроса.

сматриваемомъ нами отношеніи въ области международныхъ сношеній; наконецъ, въ третьихъ, пользуясь работами предшествовавшихъ писателей, надо подвергнуть критическому анализу, какъ постановленія разныхъ международныхъ конвенцій, такъ и законовъ отдѣльныхъ государствъ.

Эти задачи я и попытаюсь разрѣшить въ предлагаемомъ трудѣ.

ЧАСТЬ I.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ.

I. Зачатки содѣйствія государствъ другъ другу въ производствѣ слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ.

---

§ 1. Институтъ взаимной помощи государствъ въ производствѣ слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ развивается лишь въ новое время. На основаніи международныхъ договоровъ исторію его можно прослѣдить съ XVII в., а законы отдѣльныхъ странъ обращаютъ на него вниманіе только въ слѣдующемъ столѣтіи, когда и постановленія международныхъ конвенцій становятся значительно полнѣе.

Въ вѣка предъидущіе, съ одной стороны, существовалъ цѣлый рядъ причинъ, которыя прямо мѣшали развитію этого института, а съ другой, въ то же самое время, хотя и медленно, но все же создавалась почва, на которой онъ могъ впослѣдствіи вырости. Коснемся того и другаго явленія нѣсколько подробнѣе.

§ 2. Причинъ, почему государства долго не могли вступить въ живыя сношенія другъ съ другомъ относително исполненія судебныхъ порученій по производству слѣдственныхъ дѣйствій въ дѣлахъ уголовныхъ—было не мало.

Одною изъ нихъ, такъ сказать, наиболѣе общей—является слабое развитіе международныхъ сношеній какъ въ древности, такъ и въ средніе вѣка, когда вслѣдствіе отсутствія той легкости и быстроты оборотовъ, какіе мы видимъ въ наше или близкое къ намъ время, число случаевъ, при которыхъ можетъ понадобиться судебное содѣйствіе иностраннаго государства,—едва-ли могло быть значительно, а самое оказаніе содѣйствія было значительно затруднено.

Затѣмъ, разсматриваемый нами видъ судебной помощи находится въ довольно близкой связи съ другимъ — съ выдачей преступниковъ: получить изъ иностраннаго государства тѣ или иныя доказательства можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ представиться надобность лишь тогда, когда выданъ самъ преступникъ. Выдача же преступниковъ, какъ международный правовой институтъ, какъ извѣстно, достигаетъ значительнаго развитія лишь въ восемьнадцатомъ вѣкѣ. Слѣдовательно, тѣ причины, которыя задерживали развитіе института выдачи преступниковъ, отчасти парализовали и развитіе близко съ нимъ стоящаго института взаимной помощи судовъ двухъ государствъ въ производствѣ тѣхъ или иныхъ слѣдственныхъ дѣйствій. Къ такимъ причинамъ относятся: общая неразвитость международныхъ сношеній, отсутствіе у народовъ сознанія солидарности ихъ интересовъ въ борьбѣ съ преступленіемъ, гдѣ бы оно ни было учинено, антагонизмъ между ними, тяжелое положеніе иностранца въ древнемъ мірѣ и даже отчасти въ средніе вѣка, котораго преступникъ могъ страшиться больше, чѣмъ наказанія дома и вслѣдствіе чего онъ нелегко рѣшался на побѣгъ, существованіе убѣжищъ, наказанія изгнаніемъ, наказанія par effigie, ложный взглядъ на значеніе количества населенія въ странѣ и т. п. [1]). Все это отчасти дѣлало выдачу или невозможной или излишней, отчасти уменьшало число случаевъ побѣга преступниковъ, т. е. ослабляло необходимость заботиться о правильной организаціи выдачи.

Наконецъ, какъ на причину, почему только въ недавнее время государства стали заботиться объ установленіи взаимнаго содѣйствія въ производствѣ разслѣдованія преступленій, — можно указать на общее состояніе уголовнаго правосудія и въ частности на господствовавшую прежде систему доказательствъ. Пока въ числѣ средствъ раскрыть истину находились ордаліи, поединокъ, присяга, собственное признаніе подсудимаго, и пытки, до тѣхъ поръ при производствѣ слѣдствій не представлялось особенной необходимости обращаться къ иностранному государству съ просьбой о судебной помощи, такъ какъ судъ,

---

[1]) *Billot*, p. 31 — 37; *Roszkowski*, str. 159 — 164; *Bernard*, I v.; *Lammasch*, S. 3 – 11.

по тогдашнимъ взглядамъ, располагалъ такимъ образомъ достаточными данными для возстановленія истины, разъ только преступникъ былъ предъ нимъ на лицо, а этотъ послѣдній, такъ сказать, носилъ всегда съ собой доказательства своей вины или невинности [1]).

Таковы тѣ данныя, при наличности которыхъ не могло быть рѣчи о развитіи международныхъ сношеній по интересующему насъ вопросу.

§ 3. Однако, какъ замѣчено раньше, нельзя въ тоже время не указать на явленія другаго порядка, въ которыхъ можно видѣть медленное и постепенное подготовленіе почвы необходимой для возникновенія развитія сношеній между державами относительно взаимной помощи въ дѣлѣ производства суда. Я имѣю въ виду развитіе подобнаго рода сношеній между судами одного и того же государства.

Уже въ римскомъ и каноническомъ правѣ признается то начало, что суды одного и того же государства обязаны оказывать другъ другу содѣйствіе въ отправленіи своихъ обязанностей (subsidium juris), напр., одинъ судъ по порученію другаго долженъ допрашивать свидѣтелей [2]) и т. п.

Съ теченіемъ времени начало это не только не угасаетъ, но все больше и больше закрѣпляется въ практикѣ судовъ разныхъ странъ [3]). Оно находитъ примѣненіе не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ.

Законы и писатели XVI и послѣдующихъ вѣковъ [4]) часто повторяютъ, что если судьѣ, производящему разборъ уголовнаго или гражданскаго дѣла, понадобится допросить свидѣте-

---

[1]) О постепенномъ изчезновеніи ордалій, суд. поединковъ, пытки и пр. см. *Bonnier*, I, §§ 386, 431; II, §§ 847—853; *М. Ф. Владимірскій Буданов*, Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 522—527, 536, 537, 539.

[2]) *M. Foelix*, I, 4-е ed., p. 462; *Bethmann-Holweg*, III, S. 278—9.

[3]) *Wetzell*, S. 417 и слѣд. выноска.

[4]) Statuta magnificae civitatis Veronae, M.D.L.XXXVIII, Lib. sec., cap. XXXVIII, Lib. tert., cap. XX; Statuta inclytae civitatis Avenionis, M. D. C. LXXX, Lib. 2, rubrica 9, art. XIII, — Lib. 3, rubrica 3, art. II; Constitutio Crim. Carolina, LXXII, *Zoepfl*; *Aegidii Bossii*, Practica et tractatus varii, p. 80, n. 164, 165, p. 117, n. 20, 21, p. 118, n. 24, p. 387, n. 26;

лей или вызвать виновныхъ, живущихъ внѣ его округа или территоріи (extra districtum, extra territorium, in alieno territorio), то онъ долженъ просить о допросѣ или вызовѣ такихъ лицъ судью ихъ мѣста жительства. Къ послѣднему посылались съ этою цѣлью такъ называемыя literae subsidiales vel remissoriae (vulgo requisitoriales dictae). Замѣтимъ однако, что въ дѣлахъ уголовныхъ къ содѣйствію другаго суда обращались только въ крайней необходимости (nisi raro et ex magna causa) [1]).

Во всякомъ случаѣ суды одного и того-же государства издавна руководствовались принципомъ взаимнаго содѣйствія въ от-

---

A. Gaili, Practicarum observationum lib. I, observ. LVI, n. 7, p. 105, XCVI, 165,—De pace publica, lib, I, cap. IX, n. 8 — 13, p. 41; *H. Bonacossa*, Communes doctorum utr. j. crim. opiniones, p. 168, 172—3; *J. Clari*, Opera omnia, Lib. quintus, pract. cr., Quaestio XXVI, §§ 1—4, Quaestio XXXI, §§ 19 и 20; *I. Menochius*, De praesumptionitus, conjecturis, signis et indiciis, I, praes. LVI, p. 219; *S. Strykii*, Specimen usus moderni, Lib. XXII. Tit. V. §§ XVI, XVII; *I. Voet*, Commentarius ad pandectas, t. primus, p. 789 n. 16; *A. Leyser*, Meditationes ad pandectas, Vol. I, specimen XXXII, п; *M. Iousse*, Traité de l'administration de la justice, I, p. 38 et suiv.; M***, Nouveau commentaire sur l'ordonnance criminelle du mois d'Août 1670, p. 147.

[1]) *F. Hélie*, V, p. 667; *I. Clari*, Opera omnia, Liber quintus, pract. crim., Quaestio XXVI, § 1 «... si tamen testes essent in longinquis partibus, eo casu quandoq; eorum examina committantur aliis judicibus sub quibus habent domicilium, idque sit consulto prius Senatu. Caeterum in omnem casum si subest aliqua causa, propter quam judex velit testem videre et examinare, non attenditur distantia loci, neque committitur alteri ejus examen, sed citatur, ut veniat personaliter ad deponendum. Et ita servatur...»; § 3 «Sed quaero, quid agendum sit, si testes, qui sunt examinandi, reperiantur absentes, et extra territorium judicis procedentis? Resp. De jure non potest judex aliquid facere, nisi testes personaliter veniant coram eo ad testificandum...» «Sed de consuetudine servatur, quod judex potest et debet concedere *literas subsidiales sive remissorias* pro eis examinandis illi judici in cujus territorio ipsi testes reperiuntur. Et ita dicunt de consuetudine servari scribentes.. Idem attestatur servari de consuetudine etiam in causis capitalibus»...; § 4 «Dicit tamen Alcia. cons. 462 nn. 1 quod licet plerunq; secundum consuetudinem tales literae remissoriae concedi soleant, id tamen non sit nisi ex magna et necessaria causa, quando aliter veritas haberi non potest, ibiq; recenset aliquos casus, in quibus sunt concedendae. In hoc autem Ducatu

правленіи правосудія. Принципъ этотъ по мѣрѣ того, какъ падали препятствія, мѣшавшія развитію взаимной судебной помощи гусударствъ другъ другу, постепенно былъ перенесенъ и въ область международныхъ сношеній[1]). Первоначально имъ начинаетъ руководствоваться судебная практика при отсутствіи трактатовъ, а затѣмъ онъ постепенно завоевываетъ себѣ мѣсто и въ международныхъ договорахъ.

(Миланъ) nullus judex inferior tales literas concedit, nisi jussi Senatus, qui etiam hoc nisi raro, et ex magna causa fieri permittit». Quaestio XXXI, § 19 «Sed haec quidem omnia de plane procedunt, quando reus est in civitate vel territorio illius judicis, de cujus mandato est citatus Sed quid si sit in alieno territorio, quomodo poterit illi citatio intimari? Resp. Debet hoc casu judex literas dirigere ad judicem illius loci, sive rerritorii, in quo citandus degit, ut ibi illum citari faciat, seu permittat. Et hic modus citandi communiter servatur... et appellantur tales literae sibsidiales, sive in subsidium juris».

[1]) *Wetzell*, S. 418, выноска 31 ; *Bar*, S. 457 ; *Eyssautier*, p. 16 ; *M. L. Boullenois*, I, p. 545 (quatrième question); *Bernard*, I, p. 255—257; *Martitz*, S. 257.

II. Исторія взаимной помощи государствъ въ производствѣ слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ на основаніи международныхъ договоровъ.

---

§ 1. Исторія разрѣшенія въ международныхъ договорахъ вопроса, составляющаго тему настоящаго разсужденія; какъ замѣчено уже раньше, не длинна. Первые опыты въ этомъ отношеніи встрѣчаются лишь съ XVII в.

Первыя, весьма скудныя, постановленія небольшаго числа договоровъ XVII и первой половины XVIII вв. возлагаютъ на содоговаривающіяся державы взаимную обязанность выдавать вмѣстѣ съ преступниками *уворованныя или награбленныя или вещи* [1]). Въ выдачѣ краденнаго нельзя не видѣть содѣйствія

---

[1]) Столбовскій догов. между Россіей и Швеціей, 27 февр. 1617 г. (Въ немъ читаемъ: «Такихъ, которые отъ измѣны, душегубства, татьбы, или для которыя иныя причины ни буди, съ одной стороны на другую сторону учнутъ серебѣгати, Русскіе, или иного народа люди: и тѣхъ людей какъ съ той стороны, откоаѣ они сбѣжатъ, просити учнутъ, съ другой сторонъ безобо ротно *со всѣмъ тѣмъ, что они покрали, пограбили, или съ собою свезли*, опять назадъ выданнымъ быти»). П. С. З, № 19, стр. 187; Кардисскій договоръ Россія съ Швеціей, 21 іюня 1661 г., ст. 21, П. С. З., № 301; Renouvellement d'Alliance entre le Roi Très-Chritien de France et de Navarre d'une part, et les Louables Cantons Catholiques de la Suisse, et la Louable Republique de Valais de l'autre, 9 mai 1715, art. XXVIII, *Du Mont*, VIII, I, p. 448; Ништадтскій мирный дог. между Россіей и Швеціей, 30 авг. 1721 г., ст. 23, П. С. З., № 3819; Абовскій догов между тѣми-же державами, 7 авг. 1743 г., ст. 20, П. С. З, № 8766. Ср постановленія двухъ совершенно особнякомъ стоящихъ договоровъ XV в. — трактатъ о мирѣ и союзѣ между Іоанномъ II, королемъ Кастиліи, и Іоанномъ, кор. Португаліи, 1411 г., § 30, *Du Mont*, II, I, p. 336, и Traité de Paix entre Louis XI roi de France, le Dophin et le Royaume d'une part, et Maximilien Duc d'Autriche, Mr. le Duc Philippe, et Mademoiselle Marguerite d'Autriche d'autre part 1482, § 80, *Du Mont*, III, II, p. 100.

иностраннымъ судамъ въ производствѣ слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ, такъ какъ краденное или награбленное можетъ служить вещественнымъ доказательствомъ изслѣдуемаго судомъ преступленія. Въ параллель съ этимъ постановленіемъ, начиная съ XVIII в., находимъ въ специальныхъ конвенціяхъ о выдачѣ дезертировъ [1]) и въ статьяхъ другихъ договоровъ [2]), касающихся того же предмета, другое родственное ему — именно о выдачѣ вмѣстѣ съ дезертиромъ захваченныхъ имъ при побѣгѣ вещей (лошадь, оружіе, аммуниція, одежда и т. п.). Эти вещи, —которыя, какъ увидимъ, договоры послѣдующаго времени прямо называютъ воровскими,—тоже могли служить доказательствомъ какъ дезертирства, такъ и другаго преступленія, совершеннаго совмѣстно съ дезертирствомъ,--кражи или растраты ввѣреннаго по службѣ имущества. Сношенія по поводу выдачи въ этихъ случаяхъ, на основаніи специальныхъ постановленій о выдачѣ дезертировъ, происходятъ между начальниками ближайшихъ пограничныхъ мѣстъ договаривающихся государствъ.

Итакъ постановленія о выдачѣ вмѣстѣ съ преступникомъ унесенныхъ имъ вещей, добытыхъ преступленіемъ, являются въ международныхъ договорахъ первымъ зародышемъ интересующаго насъ вида судебной помощи иностранной державѣ.

Но замѣтимъ при этомъ, что постановленія эти, во 1-хъ, не отличаются желательной полнотой и ясностью, во 2-хъ, выдача вмѣстѣ съ преступникомъ украденныхъ и награбленныхъ

---

[1]) Convention entre S. M. I. et Catholique, S. M. le Roy Très-Chrétien et les Seigneurs Etats Généraux des Provinces-Unies, pour la restitution reciproque des Deserteurs, le 21 avril 1718, art. III et IV, *G. F. Martens*, Supplement, I, p. 158; Cartel entre Leurs Majestés les Rois de Suède et de Danemarc pour l'extradition des deserteurs et criminels refugiés dans les états reciproques, le 10 avril 1738, art. IV, Ibid., p. 249.

[2]) Foedus perpetuum inter Carolum XII R. Sueciae et Stanislaum Leszczynski in Regem Poloniae contra Augustum II in defectione electum, 18 nov. 1708, art. III § 12, *Du Mont*, VIII, I, p. 173. Капитуляція, закл. Россіей съ Данцигомъ, 26 іюня (7 іюля) 1734 г., II. С. З., № 6596; *Ф. Мартенсъ*, Собр. тр., т. V, № 212, стр. 291.

вещей—только одна изъ многихъ сторонъ разсматриваемаго вида судебной помощи государствъ другъ другу.

Послѣдующему времени, поэтому предстояло, постепенно развивать ту сторону вопроса, которая была уже затронута, и заняться еще незатронутыми сторонами. То и другое и было выполнено.

§ 2. **Дѣйствительно во множествѣ договоровъ, начиная со второй половины XVIII в. вплоть до нашихъ дней, преемственно повторяется только что отмѣченное постановленіе о выдачѣ вмѣстѣ съ преступникомъ вещей, добытыхъ преступленіемъ. По мѣрѣ приближенія къ нашему времени оно все болѣе и болѣе выигрываетъ въ полнотѣ и точности юридической формулировки. Рядомъ съ этимъ начинаютъ постепенно одна за другою затрогиваться и уясняться иныя стороны изслѣдуемаго вопроса.**

Прослѣдимъ ходъ этого развитія.

Въ самомъ началѣ второй половины XVIII в. (18 авг. 1754 г.) между Австріей и Венеціей былъ заключенъ договоръ о пограничныхъ сношеніяхъ. Въ 8 ст. этого договора находимъ любопытное постановленіе о томъ, что, въ случаяхъ разслѣдованія уголовныхъ дѣяній, обозначенныхъ въ разсмариваемой статьѣ, пограничные суды договаривающихся государствъ «должны взаимно подавать другъ другу руки, чтобы могло имѣть мѣсто отправленіе уголовнаго правосудія»[1]). Здѣсь обязанность взаимной судебной помощи между государствами въ производствѣ дѣлъ уголовныхъ впервые выражена въ столь общемъ видѣ, хотя и относительно специальнаго случая сношеній между пограничными судами. Но такое разрѣшеніе вопроса далеко нельзя признать удовлетворительнымъ, такъ какъ слишкомъ общее постановленіе договора, оставляющее незатрону-

---

[1]) *G. F. Martens*, Supplement, II, p. 64, Art. VIII «Trovandosi in detto Fiume (рѣчь идетъ о пограничной рѣкѣ между обѣими договаривающимися сторонами) nei siti intermedj cadaveri sommersi naturalmente, o criminosamente, o di persone uccise, apparterrà la Visita, o Processo al Foro di cui sarà originario il sammerso, o l'ucciso, e non essendo conosciuto il cadavere, o essendo forestiere, sarà luogo alla prevenzione fra li due Fori di Cremona, e di Brescia, *li quali dovranno darsi reciprocamente la mano per far avere alla Giustizia il suo luogo*».

тыми многія стороны вопроса, на практикѣ можетъ повесть къ большимъ недоразумѣніямъ и затрудненіямъ.

Другіе договоры 2-ой половины XVIII в. съ точки зрѣнія того, насколько интересующая насъ идея находитъ въ нихъ выраженіе, могутъ быть разбиты на двѣ группы.

Въ однихъ изъ нихъ—меньшинство—повторяется знакомое намъ сухое постановленіе о выдачѣ вмѣстѣ съ бѣглымъ унесенныхъ имъ вещей[1]). Въ другихъ контрагенты идутъ дальше.

Я имѣю въ виду конвенціи о выдачѣ преступниковъ, число которыхъ, начиная со второй половины XVIII в., значительно возрастаетъ. Въ конвенціяхъ этого рода, заключенныхъ съ 1767 по 1792 г. между италіанскими государствами и между ними и Австріей [2]), обыкновенно стороны взаимно обязываются

---

[1]) Convenion entre los reyes de Espana y Francia para la mùtna entrega de los reos de ciertos delitos que se pasen del uno al otro territorio, el 29 de setiembre de 1765, art. 1, 2, 7, *A. Cantillo*, p. 502; Конвенція о выдачѣ дезерт. и прест. между Франціей и Виртембергомъ, 9 дек. 1765 г., ст. 3, *G. F. Martens*, R., 2 ed., I, p. 310; Traité d'Alliance générale entre S. M. Très-Chretienne et tout le Corps Helvètique, 28 mai 1777, art. XV, *G. F. Martens*, R., 2 ed., II, p. 507; Convenio entre Espana y Génova para la reciproca estradicion de reos y desertores, el 5 de junio 1779, art. 3, *A. Cantillo*, p. 536; Торговый догов. Россіи съ Португаліей, $^{9}/_{20}$ дек. 1787 г., ст. XVII, XVIII, П. С. З., № 16594; догов. о дружбѣ и торговлѣ между Даніей и Генуэзской респубд., 1789 г., ст. XXVI, *G. F. Martens*, R., 2 ed., IV, p. 438: договоръ между Швеціей и Генуэзской респ., 13 марта 1796, ст. III, *G. F. Martens*, R., 2 ed., VI, p. 199; Торговый догов. между Россіей и Португаліей, $^{16}/_{27}$ дек. 1798 г., ст. XVII, XVIII, П. С. З., № 18779.

[2]) Convention entre S. A. R. le Grand Duc de Toscane et S. A. le Duc de Modene pour la saisie des criminels et l'extradition des deserteurs, 2 avr. 1767, *G. Martens*, R., 2 ed., I, p. 421; convenzione per l'arresto de'Banditi e Malviventi fra gli Stati della Lombàrdia Austriaca dipendenti da Sua Maestà Imperiale Regia Apostolica per una parte, e gli Stati dipendenti della Serenissima Repubblica di Venezia per l'altra, 1780, *G. Martens*, Supplement, II, p. 155, или R., 2 ed., V, p. 102; *G. Martens* утверждаетъ, что Австрія заключила много подобныхъ, почти буквально сходныхъ конвенцій съ другими итал. госуд. У него были подъ руками эти конвенціи, изъ кот. древнѣйшая (съ римск. куріей) относится къ 1773 г., Supplement, Ibid.; Convenzione per l'arresto de'Banditi e Malviventi, stabilita tra il Governo di Toscana, e quello di Genova, 1783, *G. Martens*, R., 2 ed, V, p. 114; Конв. между Австріей и Сардиніей о взаимной выдачѣ преступниковъ, 21 апр. 1792 г., *G. Martens*, N. S., II, p. 81.

не только выдавать вмѣстѣ съ преступникомъ всѣ вещи, которыя могутъ служить для доказательства его вины («le robe, danari, armi ed ogn' altra cosa, che petesse servire di prova del Delitto», или «corpi di Delitto»), *но и сообщать*, по взаимному требованію дипломатическихъ агентовъ, *слѣдственные акты по дѣлу*, которые уже были совершены до выдачи преступника («Dovranno pure comunicarsi in forma autentica i Processi, che fossero già fatti prima della consegna»). Въ послѣднемъ случаѣ иногда въ конвенціяхъ предписывается *возвращеніе издержекъ*, понесенныхъ другимъ государствомъ, иногда нѣтъ. Въ отношеніи вещей, выданныхъ вмѣстѣ съ преступникомъ, *обезпечиваются права третьихъ лицъ*, такъ какъ вещи эти должны быть возвращены ихъ собственникамъ, какъ только минуетъ въ нихъ надобность для суда. Наконецъ, чтобы не парализовать дѣйствія конвенціи, одно государство обязывается не давать преступникамъ другаго охранныхъ грамотъ (Salvocondotto), кромѣ случаевъ, когда это необходимо для открытія, соучастниковъ въ томъ-же преступленіи или вообще для облегченія хода правосудія («Non si portà concedere Salvocondotto, o fare alcuna grazia ai Delinquenti sopraindicati se non nel caso, e per l'effetto di scuoprire i complici del medesimo delitto, o facilitare il corso alla Giustizia a seconda insinuazioni dei Ministri de' respettivi statti»), т. е. *рѣчь идетъ о присылкѣ преступниковъ въ другое государство для очныхъ ставокъ*. На основаніи всего изложеннаго можно заключить, что въ сравненіи съ договорами прежняго времени италіянскія конвенціи значительно раздвигаютъ границы обязанности государствъ оказывать другъ другу помощъ въ производствѣ слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ.

Затѣмъ въ конвенціи 16 (19) дек. 1781 г. между Франціей и епископомъ Базельскимъ относительно преступленій, совершаемыхъ на границахъ обоихъ государствъ, затрогивается новая сторона вопроса. Здѣсь впервые говорится *о вызовѣ въ иностранный судъ* по уголовному дѣлу въ качествѣ *свидѣтеля подданнаго* другой страны. Судъ, заинтересованный въ личной явкѣ свидѣтеля, посылаетъ объ этомъ иностранному суду мѣстожительства свидѣтеля судебное порученіе (lettres rogatoires). Свидѣтель долженъ получить приличное вознагражденіе сообразно съ отдаленностью мѣста явки и съ продолжительностью отсутствія[1]).

[1]) *G. Martens*, R., 2 ed., III, p. 376, art. XXXVI.

Это постановленіе нашло дальнѣйшее развитіе въ договорѣ о мирѣ и союзѣ (оборонит. и наступат.) между Франціей и Швейцаріей, 19 авг. 1798 г.[1]). Въ XIII ст. его говорится, что подданные одного изъ договаривающихся государствъ должны являться по вызову въ судъ другаго въ качествѣ свидѣтелей по производящимся тамъ важнымъ уголовнымъ дѣламъ (pour délits graves) подъ страхомъ, въ противномъ случаѣ, наказаній, опредѣленныхъ соотвѣтственными законами обѣихъ странъ. Оба правительства выдадутъ въ этихъ случаяхъ необходимые для свидѣтелей паспорты и войдутъ въ соглашеніе на счетъ ихъ вознагражденія сообразно съ разстояніемъ и временемъ пребыванія.

Еще большій шагъ дѣлаютъ конвенціи о выдачѣ преступниковъ, заключенныя между отдѣльными нѣмецкими государствами, членами священной римской имперіи, начиная съ послѣдней четверти прошлаго вѣка.

Такъ, въ конвенціяхъ Ганновера съ С. Готой, 29 ноября 1793 г., съ Мекленбургъ-Швер., 16 февр. 1797 г., и съ Мекленбургъ-Стр., 14 іюля 1797 г. [2]), контрагенты обязываются оказывать другъ другу слѣдующую судебную помощь.

Если выдаваемый преступникъ успѣлъ совершить преступленіе въ предѣлахъ выдающаго государства, то это послѣднее вмѣстѣ съ преступникомъ препроводитъ и составленные имъ о такомъ преступленіи слѣдственные акты и другія свѣдѣнія (Acten und alle sonst erforderlichen Nachrichten), чтобы судъ, рѣшающій дѣло, могъ принять ихъ во вниманіе при постановкѣ приговора, наложеніи наказанія и т. п.[3]) Затѣмъ судамъ обоихъ договорившихся государствъ вмѣняется въ обязанность съ полною готовностью оказывать другъ другу содѣйствіе и въ тѣхъ случаяхъ, когда при разборѣ уголовныхъ дѣлъ будутъ просить не о выдачѣ преступниковъ, *но только о*

---

[1]) *G. Martens*, R., 2 ed., VI, p. 466; *De Clercq*, I, p. 363.

[2]) Всѣ эти конвенціи помѣщены въ приложеніи къ книгѣ *A. Leonhardt*'a, Die Iustiz-Gesetzgebung des Königreiches Hannover, Erster Bd., zw. Aufl., Hannover, 1853; онѣ находятся также въ книгѣ *G. Nieper'a*, Quellen des Criminal-Processes bei den Civil-Gerichten des K. Hannover, Hannover, 1841.

[3]) Ср. съ этимъ постановленіемъ art. XVI конвенціи между Франціей и Испаніей, 24 дек. 1786 г., *G. Martens*, R., 2 ed., IV, p. 187.

допросъ свидѣтелей и другихъ лицъ и о сообщеніи актовъ и др. свѣдѣній (« wo... nur um Vernehmung der Zeugen oder anderer Personen und um Mittheilung der Acten oder sonstigen Nachrichten angesucht wird...»). Даже не должно отказывать въ *личной явкѣ свидѣтелей и другихъ лицъ*, если заинтересованный въ томъ судья находитъ это неизбѣжно необходимымъ. Свидѣтелямъ, являющимся по уголовнымъ дѣламъ, и другимъ допрашиваемымъ лицамъ судъ, просившій судебной помощи, долженъ уплотить, по указанію (Verzeichnung) суда, оказывающаго ее, издержки путевыя, по содержанію (Reise- und Zehrungskosten), ровно какъ и вознагражденіе за потерю времени, какъ только личная явка состоится. Если означенныя лица будутъ нуждаться въ авансахъ, то судья, оказывающій судебную помощь, несетъ эти расходы, которые должны быть немедленно возмѣщены судомъ, просившимъ судебной помощи, какъ только онъ объ этомъ узнаетъ [1]).

Нельзя, наконецъ, не упомянуть о договорѣ Ганновера съ Брауншвейгъ-Вольфенбютелемъ, 8 янв. 1798 г. [2]), въ которомъ кромѣ только что изложенныхъ постановленій нашла мѣсто еще прибавка объ очныхъ ставкахъ преступниковъ. Если, говорится въ этомъ договорѣ, для очной ставки понадобится личная явка лицъ, находящихся подъ слѣдствіемъ, то, послѣ предварительныхъ сношеній между судебными мѣстами (Landes-Iustitz-Collegien), такія лица должны быть съ этою цѣлью присланы просившему суду. Нельзя не согласиться, что въ приведенныхъ постановленіяхъ конвенцій Ганновера съ другими державами затронуто болѣе сторонъ интересующаго насъ вида судебной помощи отдѣльныхъ государствъ другъ другу, чѣмъ въ другихъ конвенціяхъ XVIII в. Кромѣ того этотъ видъ судебной помощи совершенно правильно отдѣленъ отъ другаго—выдачи преступниковъ. Таковъ въ краткихъ чертахъ историческій ходъ разрѣшенія вопроса о содѣйствіи иностраннымъ судамъ въ производствѣ ими слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ въ договорахъ второй половины XVIII в.

---

[1]) Болѣе краткія постановленія см. въ конв. между Ганноверомъ и Пруссіей, 18 февр. 1774 г. *A. Leonhardt*, Приложенія; *G. Nieper*.

[2]) Ibid.

§ 3. Въ XIX в. преемственно продолжается дальнѣйшее развитіе этого вопроса. Въ нашемъ вѣкѣ число конвенцій, въ которыхъ встрѣчаются интересующія насъ постановленія, быстро увеличивается. Такія постановленія мы не только находимъ въ договорахъ о выдачѣ преступниковъ и вообще въ договорахъ о судебной помощи, въ картеляхъ о выдачѣ дезертировъ, въ конвенціяхъ о предупрежденіи и наказаніи преступленій противъ уставовъ лѣсняго, объ охотѣ, рыбной ловлѣ и т. п.; но они, наконецъ, начинаютъ составлять содержаніе спеціальныхъ международныхъ соглашеній.

Всѣ эти группы конвенцій, равно какъ и отдѣльныя конвенціи одной и той же группы значительно удаляются другъ отъ друга съ точки зрѣнія полноты ихъ постановленій и отличаются неодинаковой долговѣчностью и численностью, что, конечно, ничуть не мѣшаетъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ въ нихъ интересующаго насъ института. Во всѣхъ отношеніяхъ первое мѣсто должно быть отведено конвенціямъ о выдачѣ преступниковъ: онѣ наиболѣе обстоятельны, наиболѣе многочислены и продолжаютъ заключаться въ теченіи всего XIX в. вплоть до нашихъ дней. Не то можно сказать о другихъ группахъ конвенцій. Такъ, конвенціи о выдачѣ дезертировъ заключаются преимущественно въ первые 30 лѣтъ нынѣшняго вѣка, конвенціи же о наказаніи за нарушенія уставовъ лѣсныхъ, объ охотѣ, рыбной ловлѣ и т. п., особенно часты до 50-хъ годовъ. Къ тому же промежутку времени относятся и общія конвенціи о разныхъ видахъ судебной помощи, которыя заключались между различными нѣмецкими государствами. Во второй половинѣ XIX в. всѣ только что отмѣченные виды конвенцій встрѣчаются рѣже. Въ сравненіи съ договорами о выдачѣ преступниковъ число ихъ вообще ограниченнѣе, а содержаніе бѣднѣе. Наконецъ, что касается конвенцій, спеціально посвященныхъ разсматриваемому виду судебной помощи, то съ ними, какъ и съ конвенціями о выдачѣ преступниковъ, мы встрѣчаемся въ теченіи всего вѣка. Правда, большинство изъ нихъ (особенно болѣе раннія) затрогиваетъ лишь одну какую нибудь сторону вопроса, напр., трактуетъ о пути передачи судебныхъ порученій, о вознагражденіи свидѣтелей, лично явившихся предъ иностраннымъ судомъ, и т. п. Только болѣе близкія къ нашему времени конвенціи этого рода

болѣе полны по содержанію. Въ нихъ получаютъ разрѣшеніе всѣ тѣ вопросы, о какихъ идетъ рѣчь и въ конвенціяхъ о выдачѣ преступниковъ. Число спеціальныхъ соглашеній о судебной помощи сравнительно не велико.

Итакъ въ первой половинѣ нашего вѣка интересующія насъ постановленія встрѣчаются въ различныхъ конвенціяхъ, во второй—они находятъ мѣсто почти только въ конвенціяхъ о выдачѣ преступниковъ и въ спеціальныхъ конвенціяхъ объ исполненіи судебныхъ порученій по производству слѣдственныхъ дѣйствій.

Познакомимся вкратцѣ съ развитіемъ внутренняго содержанія различныхъ международныхъ соглашеній.

Въ самомъ началѣ XIX в. (27 сент. 1803 г.) между Франціей и Швейцаріей заключается любопытный стоящій особнякомъ договоръ объ оборонительномъ союзѣ. На основаніи его стороны обязываются выдавать вмѣстѣ съ преступникомъ уворованныя вещи. Выдача производится за важныя преступленія. По дѣламъ-же меньшей важности судъ долженъ производиться въ мѣстѣ нахожденія преступника. Другой сторонѣ сообщается только приговоръ надъ ея подданнымъ (ст. XVIII). Наконецъ, въ ст. XVII повторяется извѣстное уже намъ постановленіе договора 1798 г. между тѣми-же державами объ обязательной явкѣ свидѣтелей по уголовнымъ дѣламъ—(подданныхъ одного государства предъ судомъ другаго), но съ добавленіемъ, что если свидѣтель окажется соучастникомъ въ томъ преступленіи, по которому его вызвали въ качествѣ свидѣтеля, то онъ отсылается обратно въ отечество (par-devant son juge naturel) на счетъ страны, требовавшей его явки [1]). Въ такомъ-же почти видѣ постановленіе объ обязательности личной явки свидѣтелей и о выдачѣ вмѣстѣ съ преступникомъ уворованныхъ вещей находитъ мѣсто и въ другихъ договорахъ послѣдующаго времени, напр. въ договорахъ о выдачѣ преступниковъ между Австріей и Швейцаріей, отъ 14 іюля 1828 г.[2]), въ договорѣ о

---

[1]) *G. F. Martens*, Supplement, III, p. 568; R., 2 ed., VIII, p. 132; сила этихъ постановленій была продолжена въ 1821 г., *G. F. Martens*, N. R., Suppl. au V v., p. 282.

[2]) *G. F. Martens*, N. R., VII, II, p. 646; IX, p. 22. Въ этомъ договорѣ иначе, чѣмъ въ предъидущемъ, опредѣлены случаи, когда свидѣтель

сосѣдскихъ сношеніяхъ между Франціей и Швейцаріей, отъ 18 іюля 1828 г.[1]) и др.

§ 4. Наиболѣе полны по содержанію, какъ замѣчено раньше, конвенціи о выдачѣ преступниковъ. Интересующія насъ постановленія мы встрѣчаемъ главнымъ образомъ въ конвенціяхъ этого рода, заключенныхъ между государствами германскими и италіанскими, т. е. въ средѣ тѣхъ-же державъ, что и въ XVIII в. Кромѣ того они находятъ мѣсто въ немногочисленныхъ договорахъ Австріи, Россіи, Швейцаріи и другихъ державъ[2]). Въ этихъ конвенціяхъ проходятъ слѣдующія основныя начала.

долженъ явиться въ иностранный судъ. Тамъ это были «procédures criminelles pour *délits graves*», здѣсь—«in asserordentlichen Fällen, wenn nähmlich solche (т. е. die persönliche Stellung) zur Anerkennung der Identität eines Verbrechers, oder der Sachen nothwendig ist», Art. V.

[1]) *G. F. Martens,* N. R., VII, II, p. 665. На основаніи VI ст. этого договора свидѣтели обязаны лично явиться предъ судомъ другаго государства «dans toutes les procédures criminelles ayant pour objet les mêmes crimes spécifiés à l'article ci-dessus».

[2]) Ганноверъ-Ольденбургъ, 13 іюня 1815 г.; Ганноверъ-Бременъ, 27 дек. 1815 г.; Ганноверъ Кургессенъ, 23 сент. 1817 г.; Ганноверъ-Нидерланды, 28 окт. 1817 г.; Ганноверъ-кн. Липпе-Детмольдъ, 12 іюля 1825 г.; Ганноверъ-Любекъ, 17 окт. 1826 г.; Ганноверъ-С. Веймаръ, 20 мая 1828 г.; Ганноверъ-Вальдекъ, 14 іюля 1846 г. Всѣ эти конвенціи помѣщены въ приложеніяхъ у *Leonhardt*'а или *Nieper*'а. Онѣ совершенно тождественны съ извѣстной намъ конвенціей между Ганноверомъ и Враунщвейгъ-Вольфенбюттель, отъ 8 янв. 1798 г. Гессенъ-Шаумбургъ-Липпе, 7/19 авг. 1819 г., *G. F. Martens,* N. R., Suppl., au V v., p. 110; Гессенъ-Липпе-Детмольдъ, 22 февр. 1820 г., Ibid., p. 227; Conv. conclue entre la régence d'Oldenburg et de Lubek et le tribunal de Glückstadt, 2 апр. 1820 г., Ibid., p. 231; Мекленбургъ-Шверинъ-Ольденбургъ и Любекъ, 31 авг. 1822 г., *G. F. Martens,* N. R., VI, I., p. 109; Гессенъ-Брунсвикъ, 5 мая 1823 г., Ibid., p. 245; Гессенъ-С. Веймаръ, 19 марта 18?8 г., *G. F. Martens,* N. R., VII, II, p. 595.

Сардинія-Модена, 3 февр. 1817 г., *G. F. Martens,* N. S., I, p. 511; Сардинія-Парма-Пьяченца, 3 іюля 1817 г., Ibid., p. 523; Сардинія-Масса-Каррара, 13 янв. 1818 г., *Martens,* N S., II, p. 368; Сардинія—королевство обѣихъ Сицилій, 29 мая 1819 г., *G. F. Martens,* N. R., V, p. 398; конв. между королемъ Сардиніи и эрцгерцогомъ Австрійскимъ, Великимъ герцогомъ Тосканскимъ 14 янв. 1836 г., *G. F. Martens,* N. R, XIII, p. 536; конвенція между Фердинандомъ III, эрцгерцогомъ Австрійскимъ, великимъ герцогомъ Тосканскимъ и пр., и Францомъ IV, эрцг. Австрійскимъ, герцогомъ Моденскимъ, Реджійскимъ и пр., 20 іюня 1818 г, *State papers,* 1817—1818»

Вмѣстѣ съ преступникомъ выдаются находящіяся при немъ вещи и вообще все то, что можетъ служить для доказательства преступнаго дѣянія. Если преступникъ совершитъ преступленіе въ мѣстѣ своего пребыванія и если, не смотря на это, выдача имѣетъ мѣсто, то вмѣстѣ съ выдаваемымъ препровождаются всѣ слѣдственные акты о такомъ преступленіи, произведенные до выдачи, и всѣ доказательства, что-бъ иностранный судъ на основаніи этого матеріала могъ постановить приговоръ. Наоборотъ, если извѣстное государство не выдаетъ и судитъ само своихъ подданныхъ, совершившихъ преступленіе въ другой странѣ, то послѣдняя должна доставать первому всѣ доказательства преступленія, а если преступникъ бѣжалъ послѣ суда надъ нимъ, то и приговоръ суда. Иногда государства, судящія своихъ подданныхъ за преступленія въ другой странѣ, обязываются посылать послѣдней судебный вердиктъ.

Затѣмъ государства, заключившія конвенцію, вмѣняютъ своимъ судамъ въ обязанность исполнять взаимныя порученія по допросу свидѣтелей и производству другихъ дѣйствій, необ-

---

р. 1226; Сардинія-Лукка, 14 марта 1838 г., *State papers*, 1839—40, р. 1305; Римъ-Сардинія, 10/17 марта 1842, *State papers*, 1842—3, р. 1049.

Австрія-Парма, 3 іюля 1818 г., *L. Neumann*, III, р. 325; Австрія-Тоскана, 12 окт. 1829 г., *L. Neumann*, IV, р. 278; Австрія-Сардинія, 6 іюня 1838 г., *State papers*, 1839—40, р. 1311; Сардинія-Швейцарія, 28 апр. 1843 г., *State papers*, 1843—4, р. 1278.

Россія-Пруссія—конвенціи о выдачѣ дезертировъ и преступниковъ, 13/25 февр. 1804 г. (П. С. З., № 21151; *Ф. Мартенсъ*, VI, № 242), 13/25 мая 1816 г. (П. С. З., № 26266, *Ф. Мартенсъ*, VII, № 280), 24 марта (5 апр.) 1817 г. (П. С. З., № 26751, *Ф. Мартенсъ*, VII, № 282), 17/29 марта 1830 г. (П. С. З., № 3530, *Ф. Мартенсъ*, VIII, № 314), 8/20 мая 1844 г. (П. С. З., № 18200, *Ф. Мартенсъ*, VIII, № 330) и 27 іюля/8 авг. 1857 г. (П. С. З., № 32247, *Ф. Мартенсъ*, VIII, № 337). Дѣйствіе послѣдней конвенціи прекратилось въ 1869 г., см. П. С. З., № 47694, Собр. Уз., 1869, № 109. Россія-Австрія, конв. о взаимной гарантіи польскихъ владѣній и выдачѣ политическихъ преступниковъ, 7/19 сент. 1833 г., *Ф. Мартенсъ*, IV, № 136. Укажемъ для полноты на конвенцію Россіи со Швеціей, 5/17 янв. 1821 г., о размѣнѣ недвижимыхъ имуществъ частныхъ людей, находящихся по обѣимъ сторонамъ границъ, и объ опредѣленіи, какому судебному мѣсту имѣютъ подлежать уголовныя дѣла между обоюдными пограничными жителями. 8 ст. этой конвенціи, дѣйствующая и теперь, имѣетъ для насъ интересъ (П. С. З. № 28513; *Мое* «Собраніе дѣйствующихъ договоровъ», т. II, стр. 185).

ходимыхъ для болѣе скораго и полнаго изслѣдованія дѣла. Подданные одного государства или лица, пребывающія въ немъ, должны, по требованію суда другаго, являться предъ нимъ лично для дачи свидѣтельскихъ показаній по уголовнымъ дѣламъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ въ конвенціи. За личную явку свидѣтели получаютъ вознагражденіе, сумма котораго опредѣляется имъ на основаніи указаній judicis requisiti, или на основаніи спеціальнаго соглашенія обоихъ правительствъ ad hoc, или на основаніи заранѣе установленной таксы. Если при производствѣ какого-нибудь уголовнаго дѣла въ одномъ государствѣ понадобится для очныхъ ставокъ преступникъ, находящійся въ другомъ, то послѣднее государство обязано прислать первому такого преступника, который по произведеніи очныхъ ставокъ или дачи показаній д. б. отосланъ обратно.

Наконецъ, государства условливаются насчетъ возмѣщенія издержекъ по исполненію судебныхъ порученій. Что-же касается вопроса о пути сношеній между судами разныхъ государствъ, то имъ конвенціи не интересуются. Такъ разрѣшается вопросъ объ исполненіи судебныхъ порученій иностранныхъ судовъ въ конвенціяхъ о выдачѣ преступниковъ первой половины XIX в.

§ 5. Но, какъ замѣчено раньше, конвенціи о выдачѣ неединственный источникъ, на основаніи котораго можно слѣдить за историческимъ развитіемъ отмѣченнаго вопроса. Подспорьемъ являются и другія международныя соглашенія, хотя правда въ нихъ затрогиваются только лишь нѣкоторыя его стороны.

Такъ, въ картеляхъ о выдачѣ дезертировъ договаривающіяся государства обязываются выдавать вмѣстѣ съ дезертиромъ оружіе, лошадь, одежду, аммуницію и все, что онъ имѣетъ съ собой. Вещи эти считаются воровскими. Если дезертиръ въ мѣстѣ своего пребыванія совершитъ преступленіе или пріиметъ въ немъ участіе, то вопросъ о подсудности за это дѣяніе и слѣдовательно о выдачѣ картели рѣшаютъ различно. На основаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ[1]) выдача должна послѣ-

---

[1]) Россія-Саксонія, 9/21 окт. 1808 г., *Ф. Мартенсъ*, VI, № 251, *G. F. Martens*, N. R., I, p. 153; Россія-Австрія, 15/27 мар. 1808 г., П. С. З., № 22951, *Ф. Мартенсъ*, III, № 61, *G. F. Martens*, N. R., IV, p. 282; Россія-

довать. Въ такомъ случаѣ вмѣстѣ съ выдаваемымъ должны быть присланы и слѣдственные акты по дѣлу. Держава, получившая дезертира, должна судить его на основаніи представленныхъ ей данныхъ, а воспослѣдовавшій приговоръ—сообщить въ то мѣсто, гдѣ совершено преступленіе. Другія-же картели[1]) рѣшаютъ этотъ вопросъ въ иномъ смыслѣ. Дезер-

---

Австрія, 26 мая (7 іюня) 1810 г., П. С. З., № 24282, *Ф. Мартенсъ*, Ibid., № 66; Австрія-Россія, 5/17 іюня 1815 г., П. С. З., № 25874, *Ф. Мартенсъ*, Ibid., № 98, послѣдняя потеряла силу въ 1870 г., см. П. С. З., № 48527, Собр. Уз., 1870 г., № 56; Австрія-Модена, 6 мая 1819 г., *G. F. Martens*, N. R, V, p. 391; Австрія-Саксонія, 6 іюня 1817 г., *L. Neumann*, III, p. 240; Австрія-Парма, 23 окт. 1817 г, Ibid., p. 276; Австрія-Сардинія, 13 мая 1817 г., Ibid., p. 227; Австрія-Папская обл., 1 іюня 1821 г., Ibid. p. 605; Австрія-Сардинія, 11 іюля 1823 г., *State papers*, 1826—27, p. 673; Сардинія-Тоскана, 7 дек. 1825 г., *State papers*, Ibid., p. 679.

[1]) Саксонія-Вестфалія, 25 мая 1809 г., *G. F. Martens*, N. R., I, p. 189; Баденъ-Вюрцбургъ, 9 мар. 1812 г., *Martens*, N. R., IV, p. 287; Баварія-Саксонія, 13 марта 1811 г., *Martens*, N. R., V, p. 24; Баварія-Гессенъ, 6 іюля 1815 г., Ibid., p. 48; Пруссія-Саксонія, 18 апр. 1817 г., *Martens*, N. R., IV, p. 306; Пруссія-Липпе-Детмольдъ, 31 окт. 1817 г., Ibid., p. 313; Пруссія-Гессенъ, 11 февр. 1818 г., Ibid., p. 314; Пруссія-Липпе Шаумбургъ, 16 февр. 1818 г., Ibid., p. 316; Пруссія-Мекленбургъ-Швер., 3 мая 1818 г., Ibid.; Пруссія-Гомбургъ, 3 мая 1818 г., Ibid., p. 318; Пруссія-Любекъ и Бременъ, 3 мая 1818 г., Ibid., 319; Пруссія-Ганноверъ, 1 авг. 1818 г., Ibid.; Баварія-Баденъ, 19 окт. 1816 г., *Martens*, N. R., V, p. 126; Австрія-Баварія, 24 мар. 1817 г., Ibid., p. 116; Пруссія-Баварія, 16 дек. 1817, Ibid., p. 293; Пруссія Австрія, 8 авг. 1818 г., Ibid., p. 301; Пруссія Виртембергъ, 31 мар. 1819 г., Ibid., p. 303; Пруссія Брунсвикъ-Люнеб., 23 февр. 1819 г., Ibid., p. 304; Пруссія-Баденъ, 17 іюня 1819 г., Ibid., p. 305; Пруссія-Данія, 25 дек. 1820 г., Ibid., p. 547; Пруссія-Ольденбургъ, 4 ноября 1818 г. 12 янв. 1819 г., *Martens*, V, Suppl., p. 57; Ганноверъ-Брунсвикъ, 5 апр. 1819 г., Ibid., p. 71; Гессенъ Брунсвикъ, 1 іюля 1819 г., Ibid., p. 89; Гессенъ-С. Веймаръ, 5 іюля 1821 г., Ibid., p. 306; Данія-Гамбургъ, 27 мая 1823 г., *Martens*, N. R., VI, I, p. 250; Франція-Нидерланды, 2 окт. 1821 г., *Martens*, N. R., V, Suppl., p. 360; Австрія-Баварія, 30 іюля 1823 г., *Martens*, N. R., VI, II, p. 1036; Данія-Мекленбургъ-Стр., 1 февр 1823 г., *Martens*, N. R, VII, I, p. 7; Данія-Мекленб.-Шв., 1 апр., 1823 г., Ibid., p. 16; Франція-Баварія, 10 мар. 1827 г., Ibid., p. 132; Австрія-Баденъ, 30 іюля 1829 г., *Martens*, N. R., VIII, p. 135, Гессенъ-Баварія, 11 сент. 1830 г., Ibid., p. 388; Картель между всѣми государствами Герм. союза, 10 февр. 1831 г., *Martens*,

тиръ не выдается и судится въ мѣстѣ совершенія имъ преступнаго дѣянія, но объ этомъ немедленно доводится до свѣдѣнія другаго государства, а когда послѣдуетъ выдача, то вмѣстѣ посылаются и процессуальные акты, чтобы можно было рѣшить, можетъ-ли еще дезертиръ быть принятъ въ военную службу или нѣтъ. Сношенія на счетъ выдачи дезертировъ ведутся между пограничными гражданскими или военными властями. Этимъ и исчерпываются не многочисленныя интересныя для насъ постановленія наиболѣе полныхъ картелей о выдачѣ дезертировъ.

Они, касаясь спеціальныхъ случаевъ, очевидно, не приносятъ въ своемъ содержаніи ничего такого, чего бы мы не находили въ конвенціяхъ о выдачѣ преступниковъ.

§ 6. Нѣсколько оригинальнѣе конвенціи и деклараціи о предупрежденіи и наказаніи преступленій противъ лѣсныхъ уставовъ, законовъ объ охотѣ, рыбной ловлѣ и т. п. въ пограничныхъ округахъ [1]).

N. R., IX, p. 205, X, p. 596; Франція-Пруссія, 25 іюля 1828 г., *Martens*, N. R., VII, п, p. 671. Австрія-Виртембергъ, 6 дек. 1817, *L. Neumann*, III, p. 281; Австрія-Тоскана, 21 окт. 1829 г., *Neumann*, IV, p. 283 и др. Россія-Австрія, 8/20 янв. 1818 г., *Ф. Мартенсъ*, II, № 60; Россія-Австрія, 10 марта 1810 г., *Ф. Мартенсъ*, III, № 65; ср. раньше указанныя конв. Россіи съ Пруссіей.

[1]) Вестфалія – Гессенъ, 3 іюня 1810 г., *Martens*, N. R., I, p. 264; Пруссія—Гессенъ, 3 іюня 1821 г., *Martens*, V, suppl., p. 304; Пруссія — Нассау, 10 окт. (20 ноября) 1821 г., Ibid., p. 364; Пруссія — Ганноверъ, 20 ноября (31 дек.) 1821 г., Ibid., 373; Пруссія—С. Кобургъ, 4 дек. 1821 г., Ibid., p. 376; Пруссія — Ольденбургъ, 8 дек. 1821 г., Ibid., 379; Баденъ —Гессенъ, 4 янв. 1822 г., *Martens*, N. R., VI, I, p. I; Нассау—Гессенъ, 21 янв. 1822 г., Ibid., p. 3; Пруссія—Гессенъ, 11 мар. 1822 г., Ibid, p. 11; Баварія — Гессенъ, 6 апр. 1822 г., Ibid., 13; Баварія — Пруссія, 4 мая 1822 г., Ibid, p. 35; Пруссія-Шварцбургъ Зандерг., 16 іюля 1822 г., ibid., p. 85; Пруссія-кн. Липпе, 31 іюля 1822 г., ibid., p. 87; Пруссія-Вальдекъ, 9 ноября 1822 г., ibid, p. 132; Пруссія-Шварцбургъ Руд., 13 ноября 1822 г., ibid., p. 134; Гессенъ-Вальдекъ, 7 февр. 1824 г., *Martens*, N. R., VI, II, p. 394; Пруссія-Липпе Шаумб., 23 февр. 1824 г., ibid, p. 412; Пруссія-С. Гота, 26 ноября 1824 г., ibid., p. 657; Пруссія-Гессенъ Гомб., 15 авг. 1826 г., ibid., p. 1048; Баварія-Виртембергъ, 1 окт. 1826 г., ibid., p. 1050; Пруссія-Брунсвикъ, 23 янв. 1827 г., *Martens*, N. R., VII, I, p. 120; Гессенъ-Вальдекъ, 2 апр. (12 іюня) 1828 г., *Martens*, N. R., VII, II, p. 604; Пруссія-Мекленбургъ-Швер.,

Особый характеръ всѣхъ этихъ преступленій вызываетъ необходимость возможно полнаго содѣйствія государствъ другъ другу въ дѣлѣ ихъ преслѣдованія. Въ виду этого государства заключаютъ спеціальныя соглашенія, въ которыхъ обязываются оказывать другъ другу взаимную помощь и упрощаютъ процедуру сношеній по этимъ дѣламъ.

Во главѣ всѣхъ подобнаго рода международныхъ соглашеній ставится обыкновенно обязанность каждой изъ договаривающихся державъ такъ-же судить и наказывать своихъ подданныхъ за лѣсныя и т п. преступленія въ предѣлахъ территоріи другаго контрагента, какъ если-бы эти преступленія были совершены на ея территоріи. Незначительное только число конвенцій [1]) говоритъ о подсудности такихъ преступниковъ

---

5 ноября 1828 г., ibid , p. 763; Пруссія-Нидерланды, 16 авг., 1828 г., *Martens*, N R., VIII, p. 54; Ганноверъ-Брауншвейгъ Люнеб., 19 сент. 1828 г., *Leonhardt*; Нассау-Франкфуртъ, 28 февр. 1829 г., *Martens*, N. R., VIII, p 77; Баварія-С. Мейнингенъ, 27 іюня 1829 г., *Kletke*, S. 96; Гессенъ-С. Кобургъ Гота, 10/22 февр. 1830 г., *Martens*, N. R., VIII, p. 237; Баварія. Баденъ, 9 дек. 1832 г., *Kletke*, S. 98; Баварія-Гессенъ, 1835 г., *Martens*, N. R., XIII, p. 255; Баварія-С. Веймаръ, 21 апр. 1836 г., *Kletke*, S. 103; Пруссія-Мекленбургъ Стр., 6 янв. 1838 г., *Martens*, N. R., XV, p. 332; Баварія-Австрія, 9 сент. 1839 г., *Kletke*, S. 105; Пруссія Рейсъ Пл., 1 мая 1834 г., *Martens*, N. R., XVI, p. 36; Пруссія-Саксонія, 22 сент. (12 окт.) 1835 г., ibid., p. 70; Гессенъ-С. Мейнингенъ, 19 дек. 1840 г., *Martens*, N. R. G, I, p. 556; Австрія-Пруссія, 21 мар. 1842 г., *Martens*, N. R. G., III, p. 124; Пруссія-Ангальтъ Бернб , 9 сент. 1839 г., *Martens*, N.R.G., IV, p.426; Пруссія-Ангальтъ Дес., 26 авг. 1847 г., *Martens*, N. R. G., X, p. 635; Пруссія-С. К. Гота, 21 дек. 1847 г., ibid., p. 653; Пруссія-Люксембургъ, 9 февр. 1849 г., *Martens*, N. R. G., XIV, p. 277; другіе позднѣйшіе договоры этого рода между нѣмецкими государствами см. *G. Grotefend*, Die Gesetze und Verordnungen, III Bd., S. 1080 ff. Франція-Швейцарія, 22 февр. 1882 г., *Martens*, 2-e S., IX, p. 97; Франція-Швейцарія, 31 окт. 1884 г., *Martens*, 2-e S., XII, p. 625; Бельгія-Франція, 22 апр. 1886 г., *Martens*, 2-e S., XI, p. 666.

[1]) Конв. между Вестфаліей и Гессеномъ, 3 іюня 1810 г., (titre VII, art. II), *Martens*, N. R., I, p. 264; Саксонія-Альтенбургъ, 30 сент. (9 окт.) 1823 г., *Martens*, N. R., VI, I, p. 329; Саксонія-Рейсъ мл. линія, 17 янв. 1824 г., *Martens*, VI, II, p. 383; Саксонія-С. Веймаръ, *Martens*, VIII, p. 82; С. Веймаръ Эйз.-Саксонія С. Кобургъ Гота-С. Альтенбургъ-Шварцбургъ Руд.-Шварцбургъ Зонд. Рейсъ Плауэнъ-Рейсъ Гера, 9 іюня 1829 г., ibid., p. 131.

суду мѣста совершенія преступленія. При этомъ государства обязываются содѣйствовать въ передачѣ по назначенію повѣстокъ о вызовѣ въ судъ. Дѣла по разсматриваемой группѣ преступленій должны производиться съ возможною скоростью.

Властямъ договаривающихся странъ вмѣняется въ обязанность взаимно оказывать возможную помощь (mögliche Hülfe) въ открытіи преступленій противъ уставовъ лѣснаго, о рыбной ловлѣ и т. п. Лѣсная стража можетъ идти по слѣдамъ преступниковъ даже въ предѣлы сосѣдняго государства, гдѣ, если понадобится, она можетъ обратиться къ мѣстной власти съ просьбой произвесть домовый обыскъ. Просьба должна быть исполнена подъ страхомъ, въ противномъ случаѣ, наказанія. При обыскѣ присутствуютъ не только лица, преслѣдовавшія преступника, но, по ихъ просьбѣ, также и чины мѣстнаго лѣснаго надзора. Объ обыскѣ составляется мѣстною властью протоколъ, одинъ экземпляръ котораго передается преслѣдовавшимъ преступника [1]). Протоколамъ, составленнымъ въ одномъ государствѣ чинами судебнаго вѣдомства, лѣсной стражи или полиціи, судебныя власти другаго обязываются придавать такое-же значеніе, какъ еслибъ они были составлены въ послѣднемъ государствѣ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ конвенціяхъ постанов-

---

[1]) Подобныя же постановленія объ обыскѣ встрѣчаемъ и въ родственныхъ этой группѣ конвенціяхъ о преслѣдованіи преступниковъ въ предѣлахъ иностраннаго государства. Пруссія-Гессенъ, 10 апр. 1841 г., *Martens*, N. R. G., II, p. 4?; Гессенъ-Баденъ, 12 мар. 1841 г., Ibid., p. 24; Гессенъ Франкфуртъ, 21 сент. 1841 г., Ibid., p, 206; Гессенъ-Нассау, 11 февр. (7 мар.) 1842 г., *Martens*, N. R. G., III, p. 95; Австрія-Саксонія, 30 іюля 1852 г., *Neumann*, V, p. 703; Австрія-Баварія, 21 авг. 1852 г., Ibid., p. 735; Затѣмъ договоры этого рода между Баваріей и другими государствами см. у *Kletke*, S. 41—52. Ср. также 1) Cartel de douanes entre la Prusse, les deux Hesses, la Bavière, le Würtemberg et la Saxe royale d'une part et les Etats associées à l'union de douanes et de commerce de Thuringue de l'autre part, le 11 Mai 1833, *Martens*, N. R., XI, p. 606; 2) Zollkartel zw. Preussen resp. den Zollvereinsstaaten und Oesterreich vom 19 Febr. 1853, *Kletke*, S. 33; въ послѣдней находимъ любопытный § 24, въ которомъ говорится: « Die Gerichte jedes der contrahirenden Staaten sollen in Beziehung auf jedes in dem anderen Staate wegen Uebertretung der Ein-Aus-und Durchgangs-Abgaben-Gesetze dieses Staates oder in Gemässheit des in § 17 eingeleiteten Strafver-

ляется, что судъ, рѣшившій дѣло, долженъ сообщить приговоръ властямъ мѣста совершенія преступленія [1]).

Нельзя не признать, что главная особенность данной группы конвенцій состоитъ въ томъ, что на основаніи ихъ допускаются непосредственныя сношенія между низшими властями смежныхъ государствъ; кромѣ того ясно формулирована обязанность производить домовые обыски и передавать вызовы въ судъ по порученію властей другаго государства.

§ 7. Наконецъ, намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о двухъ группахъ конвенцій.—Это конвенціи, регулирующія международныя сношенія въ области правосудія вообще, и спеціальныя конвенціи, касающіяся исполненія судебныхъ порученій по дѣламъ уголовнымъ.

Конвенціи перваго рода особенно часто заключались нѣмецкими государствами въ первой половинѣ нашего вѣка [2]). Въ нихъ мы встрѣчаемъ интересную статью, по которой суды договаривающихся государствъ должны взаимно оказывать

---

fahrens verpflichtet sein, auf Ersuchen des zuständigen Gerichtes 1) Zeugen und Sachverständige, welche sich in seinem Gerichtsbezirke aufhalten, auf Erfordern eidlich zu vernehmen, und erstere zur Ablegung des Zeugnisses, so weit dasselbe nicht nach den Landgesetzen verweigert werden darf, z. B. die eigene Mitschuld der Zeugen betrifft, oder sich auf Umstände erstrecken soll, welche mit der Anschuldigung nicht in naher Verbindung stehen, nöthigenfalls anzuhalten, 2) amtliche Besichtigungen vorzunehmen und den Befund zu beglaubigen, 3) Angeschuldigten, welche sich im Bezirke des ersuchten Gerichtes aufhalten, ohne dem Staatsverbande des letzteren anzugehören, Vorladungen und Erkenntnisse behändigen zu lassen... Тоже Zollkartel zw. dem Deutschen Reich und Oesterreich-Ungarn 1881, § 24, *J. Staudinger*, S. 321.

[1]) Баварія—С. К. Гота, 27 мар. 1839 г., *Kletke*, S. 104; Баварія — Шварцбургъ Руд., 25 авг. (30 сент.) 1840 г., *Martens*, N. R. G., I, p. 406; Баварія-Австрія, 16 апр. 1844 г., *Kletke*, S. 107; Баварія-Саксонія, 1847 г, ibid., S. 108; Баварія-Рейсъ Мл., 10 іюля 1847 г., ibid, S. 109.

[2]) Конвенціи эти сведены въ синоптическую таблицу *Krug'омъ* въ его Das Internazionalrecht der Deutschen, 1851. Нѣкоторыя изъ нихъ находятся и въ сборникѣ трактатовъ *G. F. Martens'a.* О конвенціяхъ послѣдующаго времени см. *L. Neumann*, VI, p. 125, 126—30; *F. Schwarze*, Bd. I, S. 293—5; *O. Grotefend*, Bd. III, S. 1080; *Ebmeier*, Die preus. Strafprocess-Ordn., II Anlage.

такую же судебную помощь въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, въ какой они не могутъ отказать другимъ отечественнымъ судамъ на основаніи законовъ страны, насколько въ данной конвенціи нѣтъ на этотъ счетъ особыхъ постановленій и ограниченій [1]). Можно отмѣтить далѣе общее всѣмъ конвенціямъ постановленіе объ обязательной явкѣ свидѣтелей по уголовнымъ дѣламъ въ иностранный судъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ суду даннаго государства, исполняющему судебное порученіе, запрещается требовать reversales de observando reciproco, дозволяется не обращаться предварительно къ министерству юстиціи за разрѣшеніемъ приводить въ исполненіе порученіе иностраннаго суда, кромѣ случаевъ, когда возникли-бы какія нибудь сомнѣнія. Затѣмъ державы, не выдающія своихъ подданныхъ преступниковъ, обязываются судить ихъ по присланнымъ изъ другаго государства даннымъ. Наконецъ, разрѣшается вопросъ о возмѣщеніи издержекъ по исполненію судебныхъ порученій.

§ 8. Что касается спеціальныхъ конвенцій объ исполненіи судебныхъ порученій разсматриваемаго вида, то, какъ мы знаемъ, до послѣдняго времени онѣ ограничивались лишь отдѣльными сторонами вопроса.

Дѣйствительно въ разсматриваемый промежутокъ времени въ однѣхъ изъ нихъ главнымъ образомъ идетъ рѣчь о пути передачи судебнаго порученія изъ одного государства въ другое и, въ видахъ удобства, устанавливается право непосредственныхъ сношеній между судами пограничныхъ округовъ двухъ государствъ, при чемъ опредѣляется, какія власти (напр., генеральные прокуроры) и въ какихъ случаяхъ (напр., вызовъ свидѣтелей, просьба о присылкѣ нужныхъ для разбора уголовнаго дѣла документовъ) могутъ непосредственно сноситься другъ съ другомъ, въ другихъ—стороны обязываются передавать по назначенію присланныя изъ другого государства разнаго рода судебныя бумаги (напр., судебныя повѣстки, приговоры и т. п.), наконецъ, въ третьихъ, различнымъ образомъ разрѣшается вопросъ о томъ, кто несетъ издержки по исполненію судебныхъ порученій (иногда стороны взаимно отказываются требовать

---

[1]) Ср. конвенцію о выдачѣ дезертировъ и преступниковъ между Португаліей и Испаніей, 8 март. 1823 г., ст. III, *Martens*, N. R., VI, 1, p. 233.

ихъ возмѣщенія, иногда условливаются, когда и какія издержки возвращаются, иногда сообща устанавливаютъ таксу, по которой получаютъ вознагражденіе свидѣтели за явку въ иностранный судъ и т. п.[1]). Часто впрочемъ конвенціи не ограничиваются какой нибудь одной изъ этихъ сторонъ дѣла.

Итакъ въ [теченіи первыхъ 50 лѣтъ текущаго столѣтія

[1]) Convention conclue à Paris, le 4 mai 1813, entre la France et le G. D. de Bade au sujet des communications directes, à échanger entre les tribunaux des deux pays dont les ressorts sont limitrophes, *De Clercq*, II, p. 381; такая-же конв. Франціи съ Франкфуртомъ, 4 мая 1813 г., *Martens*, N. R., III, p. 265; Пруссія — Баденъ конв. о непосредств. сношеніяхъ между судами, 27 окт. 1819 г., *Martens*, N. R., V, suppl., p. 221; Гессенъ — Нассау, conv. conc. les insinuations judiciaires, 27 нояб. 1827 г., *Martens*, N. R., VII, I, p. 357; декларація, отъ 11 и 22 нояб. 1841 г., между Сардиніей и Австріей о томъ же *Palma*, p. 1217—18; Conv. entre la Prusse et le Duché de Saxe-Gotha et d'Altenburg, concernant l'abolition des frais de justice en matières criminelles, le 8 Mai 1819, *Martens*, N. R, V, Suppl., p. 81; Idem Пруссія-Шварцбургъ Зондерг., 25 мар. 1820 г., ibid., p. 228; Пруссія-Ангальтъ Дессау, 22 іюня 1822 г., *Martens*, N. R, VI, I, p. 51; Пруссія-Саксонія, 12 марта 1823 г, ibid., p. 235; Пруссія-Нидерланды, cov. à cause de restitution des avances dans les procédures criminelles, le 7 juin 1823, *Martens*, N. R., VI, I, p. 256; Виртембергъ-Швейцарія, conv. concern. le remboursement des frais de justice en matières criminelles, le 15 fév. 1826, *Martens*, N. R., VI, II, p. 892; Пруссія-Виртембергъ, Erklärung wegen der Kosten bei Gerichtlichen Requisitionen, 1 Aug. 1826, *Rohrscheid*, S. 581; Пруссія-Нассау, 27 мар. 1828, *Martens*, N. R., VII, , p. 602; Пруссія-Краковъ, convention concern. l'exécution gratuite réciproque des requisitions judiciaires en causes de pauvres, le 10 janv. 1834, *Martens*, N. R., XV, p. 38; Пруссія-Баварія, conv. conc. la correspondence des autorités judiciaires respectives, le 17 mai 1834, *Martens*, N. R., XVI, p. 41; Саксонія-Рейсъ Пл., conv. sur les dépences occasionnées par l'administration de la justice criminelle, le 6 juin 1842, *Martens*, N. R. G., IV, p. 627; Австрія-Пруссія, conv. relative à l'exécution réciproque et gratuite des réquisitions judiciaires dans les procès des pauvres, 13 août (10 sept.) 1844, *Martens*, N. R. G., VII, p. 210; Сардинія-Швейцарія, декларація о вознагражденіи свидѣтелей, 1843 г., *State papers*, 1843—44, p. 1280; Idem Ганноверъ-Нидерланды, 9/20 дек. 1817 г. и 29 дек. 1837 г., *Leonhardt*; Баварія-Гессенъ, соглашеніе о взаимномъ отказѣ отъ вознагражденія издержекъ по исполненію судебныхъ порученій въ уголовныхъ дѣлахъ, 2 дек. 1846 г., *Kletke*, S. 27; Баварія-С. Мейнингенъ, ibid., S. 29.

вопросъ о содѣйствіи судамъ другаго государства въ производствѣ ими слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ трактуется въ цѣломъ рядѣ самыхъ разнообразныхъ международныхъ договоровъ и постепенно уясняется то та, то другая его сторона. Тотъ фактъ, что этотъ вопросъ находитъ себѣ мѣсто въ самыхъ различныхъ конвенціяхъ является наиболѣе краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ, насколько живо сознавалась государствами необходимость его разрѣшенія съ цѣлью обезпечить правильность и безостановочность уголовнаго правосудія.

§ 9. Но окончательно вызрѣваетъ онъ во второй половинѣ нашего вѣка въ многочисленныхъ конвенціяхъ о выдачѣ преступниковъ и въ спеціальныхъ междугосударственныхъ соглашеніяхъ объ исполненіи судебныхъ порученій.

Въ этихъ конвенціяхъ постановленія о судебныхъ порученіяхъ достигаютъ наибольшаго развитія и получаютъ послѣднюю редакцію. Въ нихъ скрываются начала положительнаго дѣйствующаго международнаго права народовъ европейской цивилизаціи, регулирующія интересующую насъ область международныхъ сношеній. Въ чемъ же состоятъ эти начала?

Въ конвенціяхъ они формируются слѣдующимъ образомъ. Государства, заключающія договоръ о выдачѣ преступниковъ, обыкновенно сохраняютъ за собой право отказывать въ выдачѣ своихъ подданныхъ. Но въ такомъ случаѣ они обязываются, при извѣстныхъ условіяхъ, преслѣдовать на основаніи своихъ законовъ преступленія и проступки, совершенные ихъ подданными противъ законовъ другой договаривающейся державы; послѣдняя же въ свою очередь должна доставить какъ слѣдственное производство съ вещественными доказательствами, такъ и всѣ разъясненія, необходимыя для производства дѣла. Иногда на производившую такое дѣло страну въ конвенціяхъ возлагается обязанность сообщить другому контрагенту копію судебнаго приговора[1]).

---

[1]) Австрія-Папская область, 5 дек. 1856 г., *Martens*, N. R. G., XVII, 1, p. 193; Италія-Монако, 26 мар. 1866 г., *Kirchner*; Италія-Швеція и Норвегія, 20 сент. 1866 г., ibid ; Италія-Баденъ, 30 мар. 1867 г., *Arlia*, p. 89; Италія-Баварія, 18 сент. 1868 г., ibid., p. 100; Италія-Испанія, 3 іюня 1868

Если выдача обвиняемадо или осужденнаго лица имѣетъ мѣсто, то одновременно должны быть переданы похищенныя имъ или отобранныя у него вещи, инструменты или орудія, служившіе ему при совершеніи преступленія, и вообще всѣ вещественныя доказательства вины. Выдача всѣхъ этихъ вещей должна послѣдовать и въ томъ случаѣ, если бы разрѣшенная выдача самаго преступника не могла состояться за смертію или побѣгомъ его. Къ числу вещей, подлежащихъ передачѣ относятся обыкновенно и тѣ изъ вышеозначенныхъ предметовъ, которые спрятаны обвиняемымъ или отданы имъ на сохраненіе въ странѣ, куда онъ бѣжалъ и гдѣ они будутъ найдены впослѣдствіи. За третьими лицами сохраняются однако права на означенныя вещи, которыя по окончаніи дѣла должны быть возвращены имъ безвозмездно. Издержки по пересылкѣ вещей на основаніи громаднаго большинства конвенцій несутъ оба государства, каждое въ своихъ предѣлахъ. Пересылка моремъ относится на счетъ заинтересованной въ полученіи вещей страны. Только въ немногихъ договорахъ на послѣднюю державу падаютъ всѣ издержки [1]). Замѣтимъ, что далеко не во всѣхъ

г., *Kirchner*; Италія-Швейцарія, 22 іюля 1868 г., ibid.; Австрія-Швеція и Норвегія, 2 іюня 1868 г., ibid.; Италія-Гватемала, 25 авг. 1869 г., ibid.; Аргентинская респ.-Бразилія, 10 нояб. 1869 г., ibid.; Италія-Виртембергъ 3 окт. 1869 г., *Arch. dipl.*, 1873, II, p. 767; Италія-Перу, 21 авг. 1870 г., *Kirchner*; Италія-Германія. 31 окт. 1871 г., ibid.; Италія-С. Сальвадоръ, 29 мар. 1871 г., ibid.; Бразилія-Парагвай, 10 янв. 1870 г., ibid.; Италія-Костарика, 6 мая 1873 г., ibid.; Германія-Швейцарія, 24 янв. 1874 г., ibid.; Италія-Греція, 5/17 нояб. 1875 г., ibid.; Германія-Бразилія, 17 сент. 1877 г., ibid.; Аргентинская респ.-Парагвай, 6 мар. 1877 г., ibid.; Бразилія-Урагвай, 25 нояб. 1878 г., ibid.; Гондурасъ-Никарагуа, 18 мар. 1878 г., договоръ о дружбѣ и торговлѣ, ibid.; Гондурасъ-Гватемала, 17 іюля 1880 г., ibid.; и др.

[1]) Кромѣ конвенцій, указанныхъ въ предъидущей выноскѣ, см. Баварія-Швейцарія, 28 іюня 1851 г., *Kletke*, S. 60; Франція-Гесенъ, 26 янв. 1853 г., *Kirchner*; Франція-Нассау, 30 іюня 1853 г., *De Clercq*, VI, p. 372; Франція-Виртембергъ, 25 янв. 1853 г., *Kirchner*; Нидерланды-Гессенъ, 14 сент. 1853 г., ibid.; Австрія-Швейцарія, 17 іюля 1855 г., ibid.; Испанія-Монако, 16 іюня 1859 г., ibid.; Франція-Чили, 11 апр. 1860 г., ibid.; Австрія-Испанія, 17 апр. 1861 г., ibid.; Италія-Аргентинская респ., 25 іюля 1868 г., *Arch.*

конвенціяхъ постановленія о выдачѣ вещей отличаются такою полнотой.

Затѣмъ конвенціи спеціально касаются разныхъ другихъ видовъ судебной помощи,—каковы: допросъ свидѣтелей, проживающихъ въ другомъ государствѣ, личная ихъ явка въ производящій дѣло судъ, присылка для очныхъ ставокъ преступниковъ, содержащихся въ другой странѣ, полученіе изъ другаго государства находящихся въ его обладаніи разнаго рода актовъ, наконецъ, сообщеніе судебныхъ объявленій, повѣстокъ и т. п. лицамъ, пребывающихъ въ другой державѣ.

Относительно всего этого въ конвенціяхъ находятъ мѣсто обыкновенно слѣдующія постановленія. Если при производствѣ уголовнаго (многія конвенціи добавляютъ «не политическаго») дѣла въ одномъ государствѣ будетъ признано необходимымъ допросить свидѣтелей, проживающихъ въ предѣлахъ территоріи другаго, или произвести тамъ какія либо иныя слѣдственныя дѣйствія (напр., домовый обыскъ, осмотръ на мѣстѣ, захватъ корреспонденціи, полученіе заключенія экспертовъ и т. п.), то объ этомъ должно быть отправлено судебное порученіе [1]), которое удовлетворяется сообразно съ законами мѣста приведенія его въ исполненіе. На счетъ способа пересылки судебнаго порученія обыкновенно конвенціи постановляютъ, что оно полжно быть передаваемо дипломатическимъ

---

dipl., 1873, II, p. 456; Италія-Австрія, 27 февр. 1869 г., *Kirchner*; Франція-Швеція и Норвегія, 4 іюня 1869 г., ibid.; Нидерланды-Баденъ, 8 ноября 1864 г., ibid.; Испанія-Ольденбургъ, 3 іюня 1864 г., *Arch. dipl.*, 1865 г., III p. 279; Франція-Швейцарія, 2 іюня 1869 г., *Kirchner*; Франція-Италія, 12 мая 1870 г., ibid.; Испанія-Бразилія, 16 мар. 1872 г., ibid.; Бельгія-Бразилія, 21 іюня 1873 г., ibid.; Португалія-Швейцарія, 30 окт. 1873 г., ibid. Франція-Бельгія, 15 авг. 1874 г., ibid.; Бельгія-Италія, 15 янв. 1875 г. ibid.; Франція-Данія, 28 мар. 1877 г., ibid.; Данія-Люксембургъ, 8 апр. 1879 г., ibid.; Италія-Румынія, 5/17 авг. 1880 г., *Martens*, 2-e S., VIII, p. 601; Бельгія-Мексика, 12 мая 1881 г., ibid. 495; Испанія-Швейцарія, 31 авг. 1883 г., *Martens*, 2-e S., IX, p. 603; Швейцарія-Монако, 10 дек. 1885 г., *Arch. dipl.*, 1886, № 7; и др.

[1]) Commission rogatoire, lettres rogatoires, letters rogatory, lettere rogatorie, lettere requisitorie, carta de ruego, carta rogatoria, carta de inquiricao, exhorto, Ersuchschreiben, Requisitionsschreiben. Въ русскомъ

путемъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ дозволяются иногда непосредственныя сношенія между судами договаривающихся государствъ, именно между судами пограничныхъ судебныхъ округовъ и по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства. Что касается издержекъ по исполненію судебныхъ порученій, то обыкновенно стороны отказываются отъ ихъ возмѣщенія кромѣ издержекъ по экспертизѣ. Наконецъ, иногда въ конвенціяхъ встрѣчаются постановленія относительно языка, на которомъ могутъ или должны быть изложены судебныя порученія.

Если въ одномъ государствѣ окажется необходимой личная явка свидѣтеля, пребывающаго въ предѣлахъ территоріи другаго, то правительство послѣдняго предложитъ ему явиться по вызову и если онъ выразитъ на это свое согласіе, то издержки путевыя и на прожитье (иногда за труды и потерю времени) возмѣщаются свидѣтелю вызвавшимъ его государствомъ или на основаніи дѣйствующихъ въ немъ правилъ и тарифовъ (это обыкновенное постановленіе), или по тарифу, раньше принятому по договору обоими государствами, или на основаніи спеціальнаго соглашенія между ними ad hoc, или на основаніи тарифа того или другаго государства по выбору свидѣтеля и т. п.

Свидѣтелю при отправленіи его изъ мѣста жительства выдаются надлежащіе паспорты и, въ случаѣ надобности, необходимые авансы, которые должны быть возвращены вызвавшимъ свидѣтеля государствомъ. Такіе свидѣтели, каково бы ни было ихъ подданство (nationalité), ни во время обязательнаго пребыванія въ мѣстѣ допроса, ни во время проѣзда туда и обратно не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности, ни подвергнуты личному задержанію по поводу противозаконныхъ дѣяній, совершенныхъ ими до вызова[1]). Нельзя не замѣтить,

---

текстѣ конвенцій о выдачѣ, заключенныхъ Россіей съ другими государствами, терминъ commission rogatoire передается весьма различно: «ходатайство» (Россія-Нидерланды 1867 г., Россія-Баварія 1869 г. и др.), «постановленіе о допросѣ» (Россія-Италія 1872 г.), «требованіе» (Россія-Австрія 1874 г., Россія-Испанія 1877 г., Россія-Англія 1886 и Россія-Испанія 1888 г.), «судебное порученіе» (Россія-Нидерланды 1880 г., Россія-Португалія 1887 г.).

[1]) Кромѣ конвенцій, приведенныхъ въ предыдущихъ ссылкахъ, см. Пруссія-Нидерланды, 17 нояб. 1850 г., *Martens*, N. R. G., XIX, p. 44; Нидерланды-Баварія, 25 окт. 1852 г., *Kirchner*; Нидерланды-Мекленбургъ-Швер.,

что въ конвенціяхъ второй половины XIX в. свидѣтелю предоставляется полная свобода въ рѣшеніи вопроса, явиться-ли въ иностранный судъ по его вызову или нѣтъ, тогда какъ въ прежнихъ соглашеніяхъ такая явка обыкновенно считалась обязательной. Переходъ отъ прежняго порядка вещей къ новому совершился довольно скоро. Съ одной стороны, новое вѣяніе начинаетъ замѣчаться въ нѣкоторыхъ конвенціяхъ 40-хъ годовъ[1]), съ другой, старый взглядъ удерживается въ немногихъ соглашеніяхъ 50-хъ годовъ[2]).

Затѣмъ конвенціи разрѣшаютъ вопросъ объ очныхъ ставкахъ преступниковъ, содержащихся въ различныхъ государствахъ, и о присылкѣ въ судъ данной страны документовъ и вещественныхъ доказательствъ, находящихся въ обладаніи другой державы.

Если, говорятъ онѣ, по производящемуся въ одномъ изъ договаривающихся государствъ слѣдствію по уголовному дѣлу встрѣтится надобность въ очной ставкѣ подсудимаго съ лицами, содержащимися подъ стражею въ другомъ государствѣ, или въ вещественныхъ доказательствахъ, или въ какихъ либо документахъ, то о доставленіи таковыхъ должно быть послано особое требованіе. Оно должно быть удовлетворено, если тому не препятствуютъ какія нибудь исключительныя соображенія, подъ условіемъ, однако, что вещи и документы должны быть возвращены, а арестанты высланы обратно въ возможно скорѣйшемъ времени. Что касается издержекъ по исполненію этого

17 мар. 1858 г., ibid.; Испанія-Португалія, 25 іюня 1867 г., ibid.; Италія-Гондурасъ, 15 іюня 1869 г., ibid.; Бельгія-Швеція-Норвегія, 13 мая 1870 г. ibid.; Бельгія-Баварія, 17 окт. 1869 г., *Arch. dipl.*, 1874, IV, p. 59; Бельгія-Виртембергъ, 8 іюня 1870 г., ibid., p. 236; Италія-Бразилія, 12 нояб. 1872 г., *Kirchner*; Италія-Данія, 19 іюля 1873 г.. ibid.; Бельгія-Германія, 24 дек. 1874 г., ibid.; Бельгія-Перу, 14 авг. 1874 г., ibid.; Франція-Перу, 30 сент. 1874 г., ibid.; Франція-Люксембургъ, 12 сент. 1875 г., ibid.; Франція-Испанія, 14 дек 1877 г., ibid.; Италія-Сербія, 28 окт. (9 нояб.) 1879 г., ibid.; Австрія-Люксембургъ, 11 янв. 1882 г., *Martens*, 2e S., VIII, p. 302 и др.

[1]) Франція-Нидерланды, 1844 г., *Kirchner*, Бельгія-Ганноверъ, 20 окт. 1845 г., *Martens*, N. R. G., VIII, p. 561.

[2]) Баварія-Швейцарія, 28 іюня 1851 г., *Kletke*, S. 60; Швейцарія-Австрія, 17 іюля 1855 г., *Kirchner*.

рода судебныхъ порученій, то по однимъ конвенціямъ стороны отказываются отъ ихъ возврата, и каждая несетъ ихъ въ предѣлахъ своей территоріи, по другимъ—онѣ падаютъ на государство, просившее о содебномъ содѣйствіи[1]).

Наконецъ, кромѣ указанныхъ случаевъ судамъ одной державы можетъ понадобиться помощь другой еще и тогда, когда окажется необходимымъ передать повѣстку о вызовѣ въ судъ, или какое нибудь судебное объявленіе или вообще какой бы то ни было судебный актъ лицу, проживающему въ послѣдней. На этотъ счетъ новѣйшія конвенціи постановляютъ, что простое сообщеніе судебныхъ рѣшеній или другихъ судебныхъ бумагъ по требованію судебныхъ мѣстъ одной страны будетъ сдѣлано другой всѣмъ проживающимъ въ ней лицамъ, при чемъ послѣдняя удостовѣряетъ только подлинность сообщаемыхъ документовъ. Судебный документъ пересылается дипломатическимъ путемъ или непосредственно въ прокуратуру мѣстожительства адрессата и передается послѣднему компетентной мѣстной властью. Затѣмъ пославшему данный документъ судебному мѣсту оригиналъ возвращается съ помѣткой о его сообщеніи по назначенію[2]).

---

[1]) Кромѣ раньше указанныхъ конвенцій см. Нидерланды-Виртембергъ, 23(30) авг. 1852 г., *Kirchner*; Нидерланды-Ольденбургъ, 3 мар. (23 апр.) 1853 г., ibid.; Нидерланды-Австрія, 22 авг. 1852 г., *Neumann*, V, p. 731; Франція-Гессенъ, 18 апр. 1853 г., *De Clercq*, VI, p. 347; Швейцарія-Нидерланды, 21 дек. 1853 г., *Kirchner*; Франція-Португалія, 13 іюля 1854 г., ibid.; Франція-Вальдекъ и Пирмонтъ, 10 іюля 1854 г., ibid.; Франція-Австрія, 13 нояб. 1855 г., ibid.; Бельгія-Данія, 25 мар. 1876 г., ibid.; Нидерланды-Монако, 10 авг. 1876 г., ibid.; Нидерланды-Бельгія, 16 янв. 1877 г., ibid.; Нидерланды-Данія, 28 іюля 1877 г., Ibid.; Нидерланды-Люксембургъ, 21 іюня 1877 г., ibid.; Нидерланды-Португалія, 3 апр. 1878 г., ibid.; Нидерланды-Испанія, 6 мар. 1879 г., ibid.; Нидерланды-Швеція и Норвегія 11 мар. 1879 г., ibid.; Нидерланды-Австрія, 24 нояб. 1880 г., ibid., Нидерланды-Бразилія, 1 іюня 1881 г., ibid.; Нидерланды-Румынія, 13 сент. 1881 г., *Martens*, 2-e S., X, p. 149 и др.

[2]) Convention relative aux chemins de fer internationaux et à la gare mixte de Culox, conclue à Paris, le 23 nov. 1858, entre la France et la Sardaigne, art. 14., *De Clercq*, VII, p. 532; Италія-Бельгія, 15 апр. 1869 г., *Arch. dipl.*; 1869 IV, p. 1480; Баварія-Франція, 29 нояб. 1869 г., *Kirchner*;

Таковы дѣйствующія постановленія конвенцій о выдачѣ преступниковъ на счетъ разныхъ случаевъ и формъ содѣйствія государствъ другъ другу въ производствѣ слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ. Но этимъ конвенціи не ограничиваются: въ нихъ контрагенты пытаются еще очертить кругъ тѣхъ дѣлъ, при производствѣ которыхъ можетъ и должно быть оказано взаимное содѣйствіе, опредѣливъ тѣ изъятія, когда въ исполненіи судебнаго порученія должно быть отказано. Наиболѣе общимъ исключеніемъ этого рода являются дѣла политическія. Кромѣ дѣлъ политическихъ нѣкоторыя конвенціи упоминаютъ еще и о другихъ случаяхъ, когда судебныя порученія иностраннаго государства остаются безъ послѣдствій. Важнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: во первыхъ, когда судъ одного государства проситъ содѣйствія у другаго по дѣлу, въ которомъ подданный послѣдняго фигурируетъ въ качествѣ обвиняемаго (немногія конвенціи и здѣсь проводятъ еще ограниченіе—именно въ исполненіи судебнаго порученія отказываютъ, если обвиняемый *не пойманъ*), во вторыхъ, когда судебное порученіе вызвано разслѣдованіемъ дѣянія, не наказуемаго по законамъ страны, къ которой обращаются за содѣйствіемъ, наконецъ, въ третьихъ, когда обращаются за помощью при разслѣдованіи проступковъ чисто фискальныхъ (délits purement fiscaux) [1]).

Франція-Швейцарія, 9 іюля 1869 г., ibid.; Франція-Бельгія, 29 апр. 1869 г., *Arch. dipl.* 1870. I p. 175; Бельгія-Швейцарія, 24 нояб. 1869 г., *Arch. dipl.* 1874 IV, p. 112; Бельгія-Испанія, 17 іюня 1870 г., *Kirchner*; Бельгія-Франція, 1 авг. 1874 г., ibid; Люксембургъ-Швейцарія, 10 февр. 1876 г, ibid.; Италія-Люксембургъ, 25 окт. 1878 г., ibid.; Испанія-Люксембургъ, 5 сент. 1879 г., ibid.; Бельгія-Румынія, 15 авг. 1880 г., ibid.; Бельгія-Сербія, 11/23 мар. 1881 г., ibid.; Австрія Сербія, 6 мая (24 апр.) 1881 г., ibid.; Испанія-Монако, 3 апр. 1882 г., *Martens*, 2e S. IX, p. 743; Испанія-Швейцарія, 31 авг. 1883 г., ibid., p. 603; Швейцарія-С. Сальвадоръ, 30 окт. 1883 г., ibid., X, p. 621; Австрія-Монако, 22 февр. 1886 г., ibid., XII, p. 509 и др. конв.

[1]) Баварія-Швейцарія, 28 іюня 1851 г., *Kletke*, S. 60; Швейцарія-Австрія, 17 іюля 1855 г., *Kirchner*; Испанія-Монако, 16 іюня 1869 г., ibid.; Испанія-Италія, 3 іюня 1868 г., ibid.; Франція-Баварія, 29 нояб. 1869 г., ibid; Бельгія-Баденъ, 3 нояб. 1869 г., *Arch. dipl.* 1874, IV, p. 81; Италія-Германія, 31 окт. 1871 г., *Kirchner*; Германія-Швейцарія, 24 янв. 1874 г.,

Этимъ исчерпываются интересующія насъ постановленія положительнаго международнаго права, находящіяся въ конвенціяхъ о выдачѣ преступниковъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что отнюдь не всѣ конвенціи этого рода отличаются равной полнотой. Среди нихъ можно указать не мало и такихъ, которыя затрогиваютъ лишь незначительное число сторонъ разсматриваемаго вопроса, напр., говорятъ только о выдачѣ вмѣстѣ съ преступникомъ уворованныхъ и найденныхъ при немъ вещей, или останавливаются на допросѣ свидѣтелей и т. п. [1]).

---

ibid.; Бельгія-Германія, 24 дек. 1874 г., ibid.; Германія-Люксембургъ, 9 мар. 1876 г, ibid.; Германія-Бразилія, 17 сент. 1877 г., ibid.; Германія-Испанія, 2 мая 1878 г., ibid ; Германія-Швеція и Норвегія, 19 янв. 1878 г., ibid.; Германія-Уругвай, 12 февр. 1880 г., *Martens*, 2e S., IX, p. 488; Испанія-Монако, 3 апр. 1882 г., ibid., p. 743.

[1]) Испанія-Франція, 26 авг. 1850 г., *Martens*, N. R. G., XVI, i, p. 484; Франція-Новая Гренада, 9 апр. 1850 г., ibid., XV, p. 137; Франція-Саксонія, 28 апр. 1850 г., *Kirchner*; Франція-Гессенъ, 12 нояб 1852 г., *De Clercq*, VI, p. 232; Франція-Англія, 28 мая 1852 г., *Arch. dipl.* 1866, i, p. 305; Франція-Венецуэла, 23 мар. 1853 г., *Kirchner*; Бельгія-Нидерланды, 13 окт. 1862 г., *Arch. dipl.* 1870, ii, p. 673; Аргентинская респ.-Уругвай, 14 іюня 1865 г., *Kirchner*; Аргентинская респ.-Боливія, 2 мая 1865 г., ibid.; Аргентинская-респ.-Чили, 9 іюля 1869 г., ibid.; Бельгія-Сѣверо-Герм. союзъ, 9 февр. 1870 г., *Martens*, N. R. G., XIX, p. 57; Англія-Бельгія, 31 іюля 1872 г., *Martens*, 2e S., I, p. 178; Англія-Бразилія, 13 нояб. 1872 г, *Kirchner*; Англія-Германія, 14 мая 1872 г., ibid.; Германія-Мекленбургъ, 4 іюля 1872 г, ibid; Бельгія-Люксембургъ, 23 окт. 1872 г., ibid.; Англія-Италія, 5 фер. (7 мая) 1873 г., ibid.; Англія-Данія, 31 мар. 1873 г., ibid.; Англія-Швеція и Норвегія, 26 іюня 1873 г., ibid.; Англія-Австро-Венгрія, 3 дек. 1873 г., ibid.; Англія-Нидерланды, 19 іюня 1874 г., ibid.; Англія-Гаити, 7 дек., 1874 г., ibid.; Англія-Франція, 14 авг. 1876 г., ibid; Англія-Бельгія, 1876 г., ibid.; С. Штаты-Испанія, 5 янв. 1877 г., ibid.; Англія-Испанія, 4 іюня 1878 г., ibid.; Англія-Португалія, 26 дек. 1878 г., ibid.; Португалія-Аргент. респ., 24 дек. 1878 г., *Martens*, 2e S., XII, p. 480; Англія-Люксембургъ, 24 нояб. 1880 г., *Kirchner*; Англія-Швейцарія, 26 нояб. 1880 г., ibid.; Нидерланды-С.Штаты. 22 мая 1880 г., ibid.; Англія-Экваторъ, 20 сент. 1880 г., *Martens*, 2e S., XII, p. 715; Англія-С. Сальвадоръ, 23 іюня 1881 г., *Kirchner*; С. Штаты-Новая Гренада, 3 янв. 1881 г., ibid.; С. Штаты-Бельгія, 13 іюня 1882 г., ibid.; Австро-Венгрія Бразилія, 21 мая 1883 г., *Martens*, 2e S., X, p. 546; С.Штаты-Люксембургъ, 29 окт. 1883 г., ibid., XI, p. 772; Бельгія-Венецуэла, 13 мар. 1884 г., ibid., p. 628; Англія-Уругвай, 26 мар. 1884 г., ibid., XII, p. 744; Англія-Гватемала, 4 іюля 1885 г., *Arch. dipl.* 1887, № 8—9.

Раньше говорилось, что рядомъ съ конвенціями о выдачѣ преступниковъ разсматриваемымъ вопросомъ занимаются и спеціальныя ему исключительно посвященныя международныя соглашенія. Но останавливаться на разсмотрѣніи этихъ соглашеній нѣтъ надобности, такъ какъ въ нихъ въ общемъ проводятся тѣже начала, съ которыми мы только что познакомились. Можно при этомъ только упомянуть, что съ точки зрѣнія полноты содержанія и конвенціи данной группы значительно отличаются другъ отъ друга: однѣ изъ нихъ, подобно такимъ же конвенціямъ первой половины нынѣшняго вѣка, продолжаютъ затрогивать лишь ту или другую сторону вопроса, другія, наоборотъ, содержатъ постановленія относительно различныхъ его сторонъ [1]).

§ 10. Что касается спеціально договоровъ Россіи съ другими державами, то они, начавъ собою въ XVII в. рядъ международныхъ соглашеній, въ которыхъ интересующій насъ вопросъ, какъ мы видѣли, появляется впервые, въ послѣдующее время до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія отстаютъ въ раз-

---

[1]) Конвенціи объ издержкахъ по исполненію судебныхъ порученій въ дѣлахъ уголовныхъ: Баварія-Австрія, 4 (17) янв. 1852 г., *Kletke*, S. 40; Австрія-Саксонія, 1857 г., *Starr*, S. 404; Австрія-Нассау, 1858 г., ibid., S. 402; Австрія-Шварцбургъ Зондергаузенъ, 1866, ibid., S. 406; Италія-Швейцарія, 22 іюля 1868 г., *Kirchner*; Италія-Баварія, 8 іюля 1869 г., *Arlia*, p. 115; Франція-Италія, 16 іюля 1873 г., *Kirchner*; Австрія-Италія, 30 мар. (19. апр.) 1876 г., *Martens*, 2e S., IV, p. 286. Соглашенія о непосредственныхъ сношеніяхъ между судами (особенно пограничными) по дѣламъ уголовнымъ: декларація 24 янв. 1857 г. между Франціей и Баваріей, *De Clercq*, VII, p. 114; декларація между Италіей и Австріей 11 и 21 іюня 1867 г. и 30 мая и 22 іюля 1872 г., *Palma*, p. 1218—19; декларація между Германіей и Швейцаріей, 1/10 дек. 1878 г., *Staudinger*, S. 469. Соглашенія о легализаціи судебныхъ актовъ, пересылаемыхъ изъ одного государства въ другое: обмѣнъ декларацій между Италіей и Австріей 7 февр. и 21 мар. 1874 г., *Martens*, 2e S., I p. 350, *Palma*, p 1222; Австрія-Германія, conv. concernant le légalisation de certains actes, le 25 fév. 1880, *Martens*, 2e S., VI., p. 374; ibid., VIII, p. 287. Соглашенія вообще объ исполненіи судебныхъ порученій (commissions rogatoires): Бразилія-Парагвай, 5 нояб. 1879 г., *Martens*, 2e S., XII, S. 542; Бразилія-Боливія, 22 дек. 1879 г., ibid., p. 544; Бразилія-Аргентинская республика, 14 февр. 1880 г., ibid., p. 546; Аргентинская респ. Парагвай, 31 авг. 1880 г., ibid., p. 485 и др.

витіи постановленій объ исполненіи судебныхъ порученій иностранныхъ судовъ отъ договоровъ другихъ государствъ европейской цивилизаціи той же эпохи[1]). Только послѣ изданія нашихъ Судебныхъ Уставовъ 1864 г. европейскія государства стали охотнѣе и гораздо чаще заключать съ Россіей договоры о взаимной судебной помощи, въ которыхъ воспроизводятся тѣ же начала, какія мы видимъ и въ современныхъ договорахъ другихъ державъ.

Въ ряду этихъ договоровъ первое мѣсто принадлежитъ, конечно, конвенціямъ о выдачѣ преступниковъ. Въ нихъ, какъ и въ подобныхъ же конвенціяхъ между другими европейскими государствами, сплошь и рядомъ находимъ постановленія и по интересующему насъ вопросу. Такія конвенціи о выдачѣ, начиная съ половины 60-хъ годовъ, Россія заключила съ слѣдующими государствами: съ Даніей 2 (14) окт. 1866 г.[2]), съ *Нидерландами 7 (19) апр. 1867 г.*[3]), съ Баваріей 14 (26) февр. 1869 г.[4]), съ Гессеномъ 3 (15) ноября 1869 г.[5]), съ Италіей 1 (13) мая 1871 г.[6]), съ Бельгіей 23 авг. (4 сент.) 1872 г.[7]), съ Швейцаріей 5 (17) ноября 1873 г.[8]), съ Австріей 3 (15)

---

[1]) Договоры Россіи съ другими державами до 60-хъ годовъ указаны въ предъидущемъ изложеніи. Болѣе подробное изслѣдованіе международныхъ сношеній Россіи съ др. государствами относительно взаимнаго исполненія судебныхъ порученій будетъ въ непродолжительномъ времени представлено мною въ спеціальной работѣ—«начала международнаго уголовнаго права въ русскихъ законахъ и въ договорахъ Россіи съ другими державами».

[2]) П. С. З., № 43737; Собр. узак. за 1867 г., № 1; Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie 1868.

[3]) П. С. З., № 44962; Собр. узак. за 1867 г., № 76; Annuaire dipl. 1868.

[4]) П. С. З., № 46872; Собр. узак. за 1869 г., № 51; Annuaire dipl. 1870.

[5]) П. С. З., № 47652; Собр. узак. за 1870 г., № 14; Annuaire dipl. 1871.

[6]) П. С. З., № 49600; Собр. узак. за 1871 г., № 92; Annuaire dipl. 1872.

[7]) П. С. З., № 51561; Собр. узак. за 1872 г., № 95; Annuaire dipl. 1873.

[8]) П. С. З., № 52865; Собр. узак. за 1874 г., № 11; Annuaire dipl. 1874.

окт. 1874 г.[1]), *съ Испаніей 9 (21) марта 1877 г.*[2]), съ Нидерландами 1 (13) авг. 1880 г.[3]), съ Монако 24 авг. (5 сент.) 1883 г.[4]), съ Баваріей 19 сент. (1 окт.) 1885 г.[5]), съ Великобританіей 12 (24) ноября 1886 г.[6]), съ Португаліей 28 апр. (10 мая) 1887 г.[7]), наконецъ, съ Испаніей 12 (24) апр. 1888 г.[8]). Изъ всѣхъ этихъ конвенцій только двѣ потеряли силу—именно конв. съ Нидерландами 7 (19) апр. 1867 г. и съ Испаніей 9 (21) марта 1877 г. Онѣ замѣнены другими.

Начиная съ 70-хъ годовъ Россія стала заключать даже спеціальныя соглашенія о разсматриваемомъ видѣ судебной помощи. Таковы: декларація съ Швеціей 20 мая (1 іюня) 1870 г. о возмѣщеніи издержекъ свидѣтелямъ, вызваннымъ по уголовнымъ дѣламъ въ пограничныя судебныя мѣста В. кн. Финляндскаго и Швеціи[9]), декларація съ Италіей 21 іюня (3 іюля) 1874 г. о передачѣ судебныхъ объявленій и объ исполненіи судебныхъ порученій[10]), конвенція съ Германіей 23 янв. (4 февр.) 1879 г. о непосредственныхъ сношеніяхъ между судебными учрежденіями варшавскаго судебнаго округа и германскими пограничными судебными мѣстами по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ[11]), съ измѣненіями во 2 ст. ея[12]), допол-

---

[1]) П. С. З., № 55416; Собр. узак. за 1875 г., № 107; Annuaire dipl. 1876.

[2]) П. С. З., № 57693; Собр. узак. за 1877 г., № 89; Annuaire dipl. 1878.

[3]) П. С. З., № 61366а; Собр. узак. за 1881 г., № 45; Annuaire dipl. 1883.

[4]) Собр. узак. за 1884 г., № 25; Annuaire dipl. 1884.

[5]) Собр. узак. за 1885 г., № 112; Annuaire dipl. 1886. Въ томъ же 1885 г. были обмѣнены ноты съ Пруссіей о выдачѣ преступниковъ; но въ нихъ ничего нѣтъ объ исполненіи другихъ судебныхъ порученій. См. Собр. узак. за 1885 г., № 5; Annuaire dipl. 1885.

[6]) Собр. узак. за 1887 г., № 28; Annuaire dipl. 1887.

[7]) Собр. узак. за 1887 г., № 96.

[8]) Собр. узак. за 1888 г., № 65.

[9]) П. С. З., № 48513; Собр. узак. за 1870 г., № 56.

[10]) П. С. З., № 53840; Собр. узак. за 1874 г., № 74; Annuaire dipl. 1875.

[11]) П. С. З., № 59474; Собр. узак. за 1879 г., № 51; Annuaire dipl. 1879—70.

[12]) Собр. узак. за 1880 г., № 32; Annuaire dipl. 1881.

нительный актъ въ этой конвенціи 17 (29) авг. 1883 г.[1]), наконецъ, конвенція съ Австріей 21 марта (2 апр.) 1884 г. тоже о непосредственныхъ сношеніяхъ между пограничными судами, съ измѣненіями въ спискѣ судебныхъ установленій, упоминаемыхъ во 2-й ст., 1884, 1887 и 1888 гг.[2]).

Всѣ только что поименованныя спеціальныя соглашенія сохраняютъ силу до сихъ поръ.

Итакъ, въ настоящее время, Россія связана цѣлымъ рядомъ международныхъ конвенцій, которыя опредѣляютъ ея сношенія съ различными державами относительно исполненія судебныхъ порученій.

Таковъ ходъ постепеннаго развитія интересующаго насъ вопроса въ постановленіяхъ международныхъ договоровъ.

---

[1]) Собр. узак. за 1884 г., № 5; Annuaire dipl. 1884.

[2]) Собр. узак. за 1884 г., № 108,—за 1887 г., № 46,—за 1888, № 99.

Всѣ исчисленныя дѣйствующія конвенціи Россіи съ другими государствами помѣщены также въ *моемъ* «Собраніи дѣйствующихъ договоровъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами», т. II, 1889 г.

III. Исторія взаимной помощи государствъ въ производствѣ слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ на основаніи законодательныхъ постановленій отдѣльныхъ странъ.

§ 1. Государства, обративъ вниманіе на необходимость обезпечить содѣйствіе другъ другу въ производствѣ уголовныхъ слѣдствій, сдѣлали разрѣшеніе этого вопроса достояніемъ международныхъ трактатовъ. Но на этомъ они не остановились. Они стали вводить въ законы спеціальныя постановленія о сношеніяхъ съ иностранными судами относительно исполненія разнаго рода судебныхъ порученій.

Первыми законами, въ которыхъ нашли мѣсто ясныя и довольно подробныя постановленія на этотъ счетъ являются Constitutio criminalis Theresiana 1768 г. и мало кому извѣстный Reglement provisionnel pour la procédure criminelle dans les Pays-Bas Autrichiens 1787 г.[1]). Послѣдній есть ничто иное, какъ передѣлка, мѣстами просто переводъ первой части Терезіаны. Однако въ Нидерландскомъ регламентѣ уголовное правосудіе дѣлаетъ шагъ впередъ: въ немъ, напр., отмѣнена пытка (§§ 232—235), извѣстная Терезіанѣ (38 Art.)[2]).

---

[1]) Раньше, въ Сардинскихъ королевскихъ конституціяхъ 1729 г., находимъ слѣдующее: «Le sénat prendra connaissance des matières de pareatis *pour permettre de traduire quelques prisonniers dans les pays étrangers* (для суда или быть можетъ для очныхъ ставокъ), ou d'exécuter dans nos Etats quelque provision donnée dans les susdits pays étrangers, notre avocat général ou l'avocat fiscal général respectivement par un préalable sur ce ouis, et paurvu qu'on ait fait au sénat les réquisitions en forme à l'égard desquelles il observera les mêmes traitements que l'on pratique envers lui» (part. VI, Chap. 1, tit. III, liv. II). Тоже повторено и въ конституціяхъ 1770 г. (paragr. 13, Chap. I, tit. III, liv. II). См. *M. Eyssautier*, Lettres rogat., p. 6 et 22; тамъ-же постановленіе сената въ Шамбери 7 февр. 1573 г., р. 16; *Foelix*, I, p. 469.

[2]) Въ библіотекѣ нашего Университета имѣется очень рѣдкій экземпляръ Нидерландскаго регламента. Между печатными листками книги вшиты листки чистой бумаги почти такой же, какъ и та, на которой напечатанъ

Какъ Терезіана, такъ и Нидерландскій регламентъ, вопервыхъ, содержать общія постановленія объ обязанности суда, разбирающаго дѣло, сноситься съ другими судами — отечественными и иностранными съ цѣлью собрать разныя судебныя доказательства, при чемъ опредѣляются и условія такихъ сношеній [1]).

Такъ, въ § 33, Art. 19 Терезіаны говорится: «Zumalen auch bey Verführung der Malefizprocessen sich öfter ergiebt, dass zu Erfindung der Wahrheit, wo es entweder auf Ueberweisung, oder auf Vertheidigung der Gefangenen ankommet, die verlässliche Nachricht, und Zeugenschaften von anderen Orten herzuholen sind, so wird zu Vermeidung allen Umwegs, und damit durch allseitig-erwiederliche Rechtshülff die Justiz-Pflege in peinlichen Sachen um so behender beförderet werde, den Halsgerichten hiemit die Befugniss eingeraumet, anbey die Schuldigkeit auferleget, sich dieserwegen mit anderen so in-als *ausländischen*[2]) Halsgerichten, Obrigkeiten, und Gerichtsgehörden in die erforderliche Correspondenz zu setzen, somit kürzeren Wegs, jedoch allzeit mittelst ordentlicher unter der gewöhnlichen Gerichtsfertigung erlässenden *Ersuch- und Antwortschreiben* die nöthige Erfahrung einzuziehen, und im Gegenspiel auch anderen Gerichten mit aller Willfährigkeit die verlangende Auskünften mittzutheilen. Wobei jedoch wohl zu bemerken: das..... Andertens: in Ansehen deren von *ausländischen* Gerichten in Malefizbegebenheiten einlauffenden Ersuchschreiben den Bedacht dahin zu nehmen haben, dass, falls ein Verbrechen den gemeinen Staat beträffe, oder in Unsere, oder des Landes Gerechtsame einschlüge, und überhaupt, wenn dass *auswärtige* Ansinnen wichtig, gefähr-

---

текстъ. Чистые листки заполнены глоссами къ каждому параграфу регламента. Глоссы писаны весьма старательно и разборчиво и обличаютъ въ въ ихъ авторѣ знатока дѣла. Книга пріобрѣтена Университетомъ изъ библіотеки извѣстнаго сенатора Р. М. Губе.

[1]) Theresiana, Art. 19, § 33; Art. 26, § 4; Reglement provis, §§ 27—29. См. также *К. Нирка*, Sätze über das peinliche Recht nach der Theresianischen Halsgerichtsordnung, 1784, S. 182, § 268.

[2]) Подъ «inländischen» или «dieserländigen Blutgerichten» въ Терезіанѣ разумѣются тѣ суды, «welche unter Uns, als ihrem nähmlichen höchsten Oberhaupt stehen», Art. 19, § 10.

lich, oder sonst in mindesten bedenklich zu seyn schiene, sich alsogleich mit Beyschliessung des sogestalten Ersuchschreibens an das Obergericht gewendet, und von dortaus der Verhaltungsbefehl angewartet werden solle». Тоже почти воспроизведено и въ Нидерландскомъ регламентѣ. «Comme il pourra, читаемъ въ § 27, afin de decouvrir la verité, être quelquefois indispensable que les Juges cherchent, même hors des limites de leur juridiction, des notions ainsi que des dépositions en regle, pour cette raison, comme aussi pour qu'il soit donné d'autant mieux un secours mutuel dans les matiers importantes de la justice criminelle, il est ordonné à tout Juge, de tenir tant avec les autres Tribunaux de justice, les Intendans de Provice et le département de l'administration des Finances, *qu'avec les justices criminelles étrangeres*, une correspondance au moyen de laquelle l'on pourra, au besoin, se pourvoir d'autant plus facilement par la voie *des lettres réquisitoires* et autres, les notions qui seront nécessaires. § 29 добавляетъ: «*Si les Tribunaux étrangers* demandoient des actes ou des notions concernant quelque affaire qui pût intéresser les droits du Souverain ou ceux de l'Etat, tout Juge auquel on fera de pareilles requisitions, devra les envoyer d'abord au Conseil d'appel, et attendre ce qui y sera disposé pour la direction ultérieure». Во вторыхъ, какъ Терезіана, такъ и Нидерландскій регламентъ спеціально касаются допроса и личной явки свидѣтелей, пребывающихъ въ иностранномъ государствѣ[1]), а также присылки для очныхъ ставокъ заключенныхъ, находящихся въ другой странѣ[2]). Съ постановленіями этими мы познакомимся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

За приведенными уставами XVIII в. въ XIX в. вплоть до нашихъ дней слѣдуетъ цѣлый рядъ законовъ, въ которыхъ довольно часто говорится о сношеніяхъ судовъ данной страны съ судами иностранными относительно взаимнаго содѣйствія въ производствѣ слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ. Такого рода постановленія встрѣчаемъ преимущественно въ уставахъ уголовнаго судопроизводства разныхъ страхъ, а со второй поло-

---

[1]) Theresiana, Art. 25, § 6, Art. 35, § 7; Reglement provis., §§ 213, 75, 186. *К. Нирка*, S. 231, § 347.

[2]) Theresiana, Art. 35, § 7; Reglement provis, § 213.

вины XIX в.—и въ специальныхъ законахъ о выдачѣ преступниковъ[1]).

Какія же стороны вопроса раскрываются во всѣхъ этихъ законахъ?

Законы указываютъ путь пересылки судебныхъ порученій изъ одного государства въ другое, обозначаютъ тѣ власти, которымъ предоставлено право посылать и получать судебныя порученія, опредѣляютъ способъ исполненія судебнаго порученія, наконецъ, касаются допроса и личной явки свидѣтелей, живущихъ въ иностранномъ государствѣ, очныхъ ставокъ обвиняемыхъ, находящихся въ данной странѣ, съ лицами, содержащимися подъ стражей въ другой державѣ, и другихъ случаевъ содѣйствія въ отправленіи правосудія.

Познакомимся ближе съ ихъ содержаніемъ.

§ 2. Наиболѣе часто, хотя не всегда удовлетворительно, законодатель старается обозначить *путь передачи судебнаго порученія* изъ одного государства въ другое. На этотъ счетъ встрѣчаемъ весьма разнообразныя постановленія.

На основаніи однихъ пересылка судебнаго порученія должна совершаться дипломатическимъ путемъ, при чемъ нѣкоторые только и ограничиваются установленіемъ этого общаго правила[2]), иные-же допускаютъ изъ него исключенія, т. е. непосредственныя междусудебныя сношенія или на основаніи

---

[1]) Всѣ дѣйствующіе законы о выдачѣ преступниковъ, равно какъ проекты такихъ законовъ—французскій и итальянскій, помѣщены у *E. Pescioni*, I lavori della commissione ministeriale per lo studio e la compilazione di un progetto di lege sulla estradizione, 1886.

[2]) Straffprocess-Ordnung für den Kanton Freiburg, 27 Mäi 1839. § 181 (рѣчь идетъ о спец. случаѣ сношеній—допросѣ свидѣтелей); Codice di proc. pen. degli stati uniti delle isole Jonie, 3 maggio 1844, § 261 и Cod. di proc. civ. 1841, § 412 (тотъ-же случай); Revidirte Strafprocessordnung für das K. Hannover vom 5 April 1859, § 128 (говорится о передачѣ слѣдств. актовъ въ иностр. госуд. для суда надъ лицомъ, въ выдачѣ котораго было отказано). Бразильскій Décret du 8 Juin 1878, reglant la competence des tribunaux et la forme du procès pour les crimes commis en pays étranger contre le Brésil et les Brésilions, et destiné à assurer la bonne exécution de la loi du 4 août 1875, art. 18 et 20. *Kirchner*, p. 1046; проектъ итал. зак. о выдачѣ прест. 1882 г., ст. 27, 29; аргентинскій зак. о выд. прест. 1885 г., ст. 30; такой же зак. для госуд. Конго 1886 г., ст. 8.

трактатовъ, или на основаніи обычаевъ, или въ случаяхъ, ясно обозначенныхъ въ законѣ[1]).

Другіе, наоборотъ, дозволяютъ судамъ непосредственныя сношенія и въ свою очередь тоже или довольствуются этимъ общимъ правиломъ[2]), или упоминаютъ и объ исключеніяхъ, т. е. о сношеніяхъ дипломатическимъ путемъ, на основаніи особыхъ постановленій либо законовъ, либо международныхъ договоровъ[3]). Сюда же могутъ быть отнесены швейцарскій союзный законъ о федеральномъ судоустройствѣ 1849 г.

---

[1]) *A. Ademollo*, Il giudizio crim. in Toscana secondo la riforma Leopoldina dell'anno 1838, § 630, 631; Code de proc. cr. pour les états de S. M. le roi de Sardaigne 1847, § 798, 799; Codice di proc. pen. per gli stati de S. M. il re di Sardegna 1859, § 832, 834; Codice di proc. pen. del regno d'Italia 1865, § 853, 855; Судебные уставы Императора Александра II 1864 г. (учр. суд. уст.), ст. 190; французскій проектъ закона о выдачѣ прест. 1879 г., Art. 23 (*En cas d'urgence*, elles, (т. е. commissions rogat.) pourront être envoyées *directement* aux autorités françaises qui devront en donner avis au Ministère de la Justice), 25, 26; Ley de enjuiciamiento criminal 1882, art. 193, 194, 424, по ст. 177. «Si hubiere de practicarse en el extranjero (las notificaciones, citaciones ó emplazamientos) se observarán para ello los trámites prescritos en los tratados, si los hubiere, y en su defecto se estará al principio de reciprocidad».

[2]) Reglement provisionnel pour la procédure criminelle dans les Pays-Bas autrichiens, 1787, §§ 27—29; Gesetz über Gerichtszuständigkeit in Kriminal-Sachen, 10 April 1839, für das Gr. Herz. S. W. Eisenach, § 16. Приложеніе къ Strafgesetzbuch für das Grossherzogthum S. W. Eisenach, 1839; Gesetzbuch über das Verfahren in Strafsachen für den Kanton Bern, 1854, § 96.

[3]) Criminal-Ordnung für die preussischen Staaten (11 Dec. 1805), § 355; Die allg. Strafprocess-Ordnung vom 29 Juli 1853 für das K. Oesterreich, § 26; Die österreichische Strafprocess-Ordnung vom 23 Mai 1873, § 26 («Auch mit den königlich ungarischen Behörden, sowie mit denen fremder Staaten können die Strafgerichte *in unmittelbaren Verkehr* treten, sofern darüber nicht durch besondere Vorschriften etwas Anderes festgesetzt ist»); Gesetz betreffend die zürcherische Rechtspflege, vom 2 Dec. 1874, § 124 («In der Regel findet, sofern nicht Bundesgesetze oder Staatsverträge etwas Anderes festsetzen, auch die Verkehr mit auswärtigen Gerichtsstellen *direkt* statt»); Strafprocess-Ordnung für den Kanton Soloturn, vom 18 Juli 1874, § 35; idem 1 Juli 1886, § 27.

(ст. 80)[1]) и испанскій уст. уг. судопр. 1872 г. (ст. 51, 65)[2]). На основаніи перваго сношенія между федеральною судебною властью и властями иностранными могутъ происходить или непосредственно или чрезъ союзный совѣтъ, кромѣ вопроса о выдачѣ преступниковъ, когда обязателенъ послѣдній путь. По статьѣ 65 испанскаго устава судебныя порученія посылаются иностраннымъ судамъ путемъ, установленныхъ въ трактатахъ, случая-же, когда нѣтъ трактатовъ съ извѣстной страной, этотъ законъ вовсе не касается[3]). Только въ отношеніи пересылки судебныхъ объявленій и вызововъ въ судъ въ ст. 51 постановлено, что она можетъ происходить или на основаніи трактатовъ или, при ихъ отсутствіи, на основаніи принципа взаимности.

Относительно всѣхъ законовъ вообще или, по крайней мѣрѣ, большинства изъ нихъ слѣдуетъ замѣтить, что постановленія ихъ о пути передачи судебныхъ порученій между судами различныхъ странъ недостаточно полны и опредѣленны, такъ какъ, во первыхъ, иногда въ томъ или иномъ уставѣ затрогивается вопросъ о пути пересылки судебныхъ порученій лишь по поводу какого нибудь спеціальнаго случая,—напр., допроса свидѣтелей и т. п. (уставъ Фрибургскаго кантона 1839, Іонническихъ островов 1844, Ганновера 1859 г. и др.), о другихъ-же случаяхъ совершенно умалчивается, во-вторыхъ, многіе уставы односторонне говорятъ о пути передачи судебныхъ порученій либо только тѣхъ, которыя *посылаютъ* суды данной страны въ иностранное государство (кромѣ только что упомянутыхъ—прусскій уст. 1805 г., бразильскій декретъ 1878 г. и др.), либо только тѣхъ, которыя суды *получаютъ* изъ другой державы (проектъ франц. зак. о выд. прест., аргентскій зак. о выд. прест., такой же законъ госуд. Конго). Только немногія содержатъ болѣе общія, а потому и болѣе удачныя постановленія *вообще о сношеніяхъ между судами даннаго государства* и

---

[1]) *A. Flammer*, Lois pénales d'instruction criminelle et de police, p. 154.

[2]) Ley provisional de enjuiciamiento criminal, 22 дек. 1872.

[3]) Неполнота закона въ этомъ отношеніи устраняется 34 ст. королевскаго декрета 17 ноября 1852 г., на основаніи которой испанскіе суды должны сноситься съ иностранными властями дипломатическимъ путемъ. *A. G. Moreno*, Leyes y tratados internacionales, p. 272.

другихъ странъ (австрійскіе уставы 1853 и 1873 гг., цюрихскій 1874 г., золотурнскіе 1874 и 1886 гг., русскіе 1864 г., итальянскій 1865 г., испанскій 1882 г.).

§ 3. Нерѣдко *законы*, такъ-же какъ и конвенціи, *обозначаютъ тѣ судебныя власти*, *которыя могутъ посылать* судебныя порученія въ иностранное государство *и получать* таковыя отъ иностранныхъ судовъ[1]). Съ точки зрѣнія международнаго общенія такія обозначенія имѣютъ особое значеніе въ томъ случаѣ, когда судамъ даннаго государства дозволяются непосредственныя сношенія съ судами иностранными.

§ 4. Затѣмъ законы касаются вопроса *объ исполненіи судебныхъ порученій иностранныхъ судовъ*. При этомъ нельзя не замѣтить, что относящіяся сюда постановленія или даютъ общія правила относительно исполненія судебныхъ порученій (какая власть должна привесть въ исполненіе судебное порученіе и въ какихъ случаяхъ низшая судебная инстанція нуждается въ указаніяхъ высшей судебной или административной власти),[2]) или говорятъ только о какомъ ниб. одномъ ихъ видѣ, напр., о

---

[1]) См. слѣд. выноску.

[2]) Reglement provis. pour la procédure cr. dans les Pays-Bas autr. 1787, приведенный раньше § 29; O. B. Эйзенахскій Gesetz über die Gerichtszuständigkeit in Kriminal-Sachen, 10 Apr. 1839, § 16, помѣщенный въ прилож. къ Strafgesetzbuch für das Gr. H. S. W. E.; Gesetzbuch über das Verfahren in Strafsachen für d. Kanton Bern 1854, Art. 96. «Ueber die von einer fremden Behörde gestellten Anforderungen frägt er (т. е. Untersuchungsrichter) zuerst die Anklagekammer um Weisung an»; гессенскій Gesetz v. 28 Oct. 1863 die Gerichtsverfassungs betreffend, § 40; Codice di pr. pen del r. d'Italia 1865, § 854.—«Quando occorra nelle materie penali di procedere ad atti d'istruzione giudiziaria sopra richiesta di autorità giudiziarie estere, gli atti si faranno dalla corte d'apello (sezione d'accusa) o dal giudice che verrà dalla medesima delegato»; бельгійскій зак. о судебной организаціи 18 іюня 1869 г., ст. 139 «Les juges peuvent adresser des lettres rogataires même aux juges étrangers; mais ils ne peuvent obtempérer aux commissions rogatoires émanées de juges étrangers, qu'autant qu'ils y sont autorisés par le ministre de la justice, et, dans ce cas, ils sont tenus d'y donner suite»; проектъ фр. зак. о выдачѣ 1879 г., ст. 23, 25; итальянскій проектъ 1882 г., ст. 26; аргентинскій зак. о выд. 1885 г. ст. 30; зак. о выд. для гос. Конго 1886 г., ст. 8.

допросѣ свидѣтелей, производствѣ домовыхъ обысковъ и т. п.[1]). Испанскіе уставы угол. судопр. 1872 и 1882 г. опредѣляютъ, что исполненіе судебнаго порученія должно происходить въ тѣхъ случаяхъ и въ томъ порядкѣ, какіе установлены на основаніи конвенцій[2]). Наконецъ, весьма немногіе законы затрогиваютъ случаи, когда въ исполненіи судебнаго порученія долженъ послѣдовать отказъ. Къ причинамъ отказа отнесены политическій характеръ дѣянія, изслѣдованіемъ котораго вызвано судебное порученіе, требованіе производства, напр., обыска по дѣлу о преступленіи, не влекущемъ выдачи и др.[3]). Этимъ исчерпываются, такъ сказать, общія постановленія законовъ о международныхъ сношеніяхъ по исполненію судебныхъ порученій.

§ 5. Что касается спеціально производства тѣхъ или иныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, то особое вниманіе законодателей привлекъ *допросъ свидѣтелей, пребывающихъ за границей, и вызовъ ихъ въ судъ данной страны.* И объ этомъ въ законахъ отдѣльныхъ странъ проходятъ весьма разнообразныя постановленія. Такъ, одни изъ законовъ[4]) обнаруживаютъ свой интересъ къ данному вопросу лишь тѣмъ, что упоминаютъ о пути, какимъ д. б. пересылаемо въ иностранный судъ судебное порученіе о допросѣ свидѣтелей (дипломатическій путь).

Другіе[5]) этимъ не ограничиваются и идутъ нѣсколько

---

[1]) An Act to provide for taking Evidence... 1856, *The Statutes of the un. kingdom, by Ch. D. Bevan and G. Kettilby Rickards*, cap. CXIII, p. 332; англійскіе зак. о выдачѣ 1870 г., ст. XXIV, и 1873 г., ст. V; бельгійскій зак. о выдачѣ пр. 1874 г., ст. 11.

[2]) Ley provisional 1872, art. 66; Ley de enjuiciamiento cr. 1882, art. 193, 194; ср. италіанскій проектъ зак. о в., ст. 26.

[3]) Англійскіе зак. о выдачѣ, ук. ст.; бельгійск. зак. о выдачѣ, указ. ст.; проекты з. о в. франц. (ст. 24) и итал. (ст 28); аргент. зак. о в. 1885 г. ст. 31; нидерландскій зак. о в. 1875 г., ст. 21.

[4]) *A. Ademollo*, Il giudizio criminale in Toscana secondo la riforma Leopoldina dell'anno 1838, § 692; Strafprocess-Ordnung für den Kanton Freiburg, 27 mai 1839, § 181; Ley provisional de enjuiciamiento criminal, 22 дек. 1872, art. 318; законъ о выдачѣ преступниковъ для госуд. Конго, 12 апр. 1886 г., ст. 8.

[5]) Criminal-Ordnung für die preussischen Staaten vom 11 Dec. 1805, § 353, см. въ Allgem. Criminalrecht f. die pr. St., Erster Th., Berlin, 1806;

дальше. Они заботятся о томъ, чтобы въ интересахъ суда допросъ свидѣтелей былъ произведенъ иностранными властями возможно обстоятельно и съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей. Съ этою цѣлью большинство законовъ этой группы вмѣняетъ въ обязанность судамъ даннаго государства, посылающимъ судебное порученіе, формулировать вопросы, на которые желаютъ получить отвѣтъ, возможно точно и даже обращаться къ иностраннымъ судамъ съ просьбой распространить допросъ и на такіе пункты, которые будутъ вытекать изъ самихъ показаній свидѣтелей. Иные-же изъ нихъ ограничиваются только тѣмъ, что обязываютъ судъ просить въ извѣстныхъ случаяхъ, чтобъ въ иностранномъ государствѣ допросъ свидѣтеля былъ произведенъ подъ присягой (ганноверскіе уставы 1850 и 1859 г.). Третьи[1]) предполагаютъ личную явку свидѣтеля, пребывающаго въ иностранномъ государствѣ, и опредѣляютъ случаи, когда судъ, заинтересованный въ такой явкѣ, можетъ однако, не настаивая на ней, ограничиться однимъ только допросомъ свидѣтеля при помощи властей мѣста его жительства, а именно, когда такая явка не можетъ быть потребована на основаніи договора, когда она связана съ большими издержками или значительной потерей времени, или даже когда ея просто нельзя ожидать. Сюда-же слѣдуетъ отнести и постановленія нѣкоторыхъ законовъ[2]) о томъ, что дипломати-

---

Codice di procedura pei giudizj penali degli stati uniti delle isole Jonie, 1841, §§ 265—268; Codice di proc. penale degli stati uniti delle isole Jonie, 3 maggio 1844, §§ 258—261; Die allg. Strafprocess-Ordn. vom 29 Juli 1853 für das Kairerthum Oesterreich, § 116; Die österreichische Strafprocessordnung vom 23 Mai 1873, § 157; Ley de enjuiciamiento criminal de 14 de setiembre de 1882, art. 424; Die Strafprocessordnung vom 8 Nov. 1850 für das K. Hannover, § 80 y *A. Leonhardt*; Revidirte Str. pr. Ordn. für d. K. Hannover vom 5 April 1859, § 87.

[1]) Reglement provisionnel pour la procédure crim. dans les Pays-Bas Autrichiens, 1787, § 213, ср. §§ 75, 186; Die Strafprocessordnung für das Königr. Sachsen, vom 11 Aug. 1855, Art. 267; idem 1868, § 267a y *F. Schwarze* Die Strafprocessgesetze im K. Sachsen; Strafprocess-Ordnung f. d. Kanton Basel-Stadt, 5 mai 1862, § 42,—см. Gesetze betref. die Strafrechtspflege f. d. K. Basel. St., 1887.

[2]) Фр. Code d'instr. crim., art. 514; таже ст. и въ бельгійскомъ уставѣ; code de procédure crim. pour les états de S. M. le roi de Sardaigne, 1847,

ческіе агенты, находящіеся въ иностранномъ государствѣ, не могутъ быть вызываемы въ отечественные суды въ качествѣ свидѣтелей и что допросъ ихъ долженъ быть порученъ иностраннымъ судебнымъ властямъ мѣста ихъ пребыванія, такъ какъ и въ нихъ видна забота о допросѣ хотя только *извѣстной* группы лицъ, живущихъ внѣ предѣловъ страны.

Наконецъ, въ четвертой группѣ законовъ опредѣляется, при какихъ условіяхъ и какъ *исполняются* порученія иностранныхъ судовъ относительно содѣйствія въ личной явкѣ предъ судомъ для дачи свидѣтельскихъ показаній или относительно допроса на мѣстѣ въ качествѣ свидѣлей лицъ, живущихъ въ данной странѣ. Такого рода постановленія встрѣчаемъ въ законахъ о выдачѣ преступниковъ—англійскихъ 1870 г. (ст. XXIV) и 1873 г. (ст. V), нидерландскомъ 1875 г. (ст. 21), аргентинской респ. 1885 г. (ст. 31), въ проектахъ такихъ законовъ—французскомъ 1879 г. (ст. 24) и итальянскомъ 1882 г. (ст. 28) наконецъ, въ уст. уг. судопр. фрибургскаго кантона 1850 г, (ст. 226) и въ италіянскомъ 1865 г. (ст. 854)[1]. Въ чемъ же заключаются эти постановленія? Въ аргентинскомъ законѣ о выдачѣ преступниковъ говорится, что въ дѣлахъ уголовныхъ, неполитическихъ, пріемъ и передача вызововъ свидѣтелей, имѣющихъ мѣстожительства или только пребывающихъ въ республикѣ, будетъ производиться лишь подъ условіемъ, что эти свидѣтели не будутъ подвергнуты ни преслѣдованію, ни задержанію за раньше совершенныя дѣянія или вслѣдствіе раньше воспослѣдовавшихъ приговоровъ, ни за соучастіе въ правонарушеніи, по которому они вызваны въ качествѣ свидѣтелей. Личная явка вызываемаго въ качествѣ свидѣтеля должна зависѣть отъ его воли и происходить на счетъ того государства, которое въ ней заинтересовано. Тоже почти воспроизводится въ проектахъ законовъ французскомъ и италіянскомъ. Не

§ 655; Codice di proc. pen. per gli stati di S. M. il re di Sardegna, 1859, § 709; Codice di proc. pen. del regno d'Italia, 1865, § 726.

[1]) An Act to provide for taking Evidence in Her Majesty's Dominions in relation to Civil and Commercial Matters pending before Foreign Tribunals, помѣщенный въ The Statutes of the united kingdom of great Britain and Ireland, by *Ch. Dacres Bevan*, by *G. Kettilby Rickards*, Vol. 23, p. 332, Cap. CXIII. Code de proc. pén. pour le canton de Fribourg, 1850.

трудно замѣтить, что это постановленіе цѣликомъ взято изъ международныхъ договоровъ. Иначе рѣшается вопросъ въ фрибургскомъ уст. уг. судопр. и въ нидерландскомъ законѣ о выдачѣ преступниковъ. Въ 226 ст. фрибургскаго устава говорится, что «если свидѣтель вызванъ иностраннымъ судомъ... то онъ имѣетъ право требовать, чтобы его допросилъ судья его мѣстожительства, кромѣ случая, когда личная явка признана необходимой». Нидерландскій законъ опредѣляетъ, что правительство *можетъ* признать, чтобы *иностранецъ*, находящійся подъ предварительнымъ арестомъ или отбывающій наказаніе въ Нидерландахъ, былъ временно выданъ иностранному государству для очныхъ ставокъ или дачи свидѣтельскихъ показаній по уголовному дѣлу. Такая выдача не прерываетъ теченія срока отбыванія наказанія. Въ этихъ постановленіяхъ, очевидно, опредѣлены случаи, когда личная явка предъ иностраннымъ судомъ вовсе не зависитъ отъ воли свидѣтеля. Наконецъ, англійскіе законы о выдачѣ и итальянскій уставъ уголовнаго судопр. содержатъ постановленія о томъ, какъ долженъ производиться допросъ свидѣтелей по порученіи иностраннаго суда[1]).

§ 6. Гораздо менѣе занимаются законы *очными ставками преступниковъ* или обвиняемыхъ, находящихся въ различныхъ государствахъ. Постановленія объ этомъ нашли мѣсто только въ Терезіянѣ, въ регламентѣ для австрійскихъ Нидерландовъ 1787 г., въ нидерландскомъ законѣ о выдачѣ преступниковъ 1875 г. и въ двухъ проектахъ такихъ же законовъ—французскомъ и италіянскомъ.

Въ § 213 нидерландскаго регламента 1787 г. опредѣляется: «S'il arrivoit que l'on dût examiner ou confronter des complices détenus dans une autre jurisdiction, *ou bien dans un Etat étranger et avec lequel il y eût une convention*, l'on devra, de mutuel accord avec les juges de cet Etat, procéder à la confrontation, soit dans l'un, soit dans l'autre endroit, mais régulièrement dans celui où se trouvera le criminel qui persiste à nier, et l'on pren-

---

[1]) Само собою разумѣется, что, помимо этихъ спеціальныхъ постановленій, должно имѣть въ виду вообще законы относительно производствъ тѣхъ или иныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, дѣйствующіе въ данномъ государствѣ.

dra, dans ce cas, tout le soin nécessaire, afin que le prisonnier à confronter avec ce criminel, soit envoyé et renvoyé sous bonne garde»[1]).

Очевидно здѣсь даются судьѣ указанія, какъ дѣйствовать, если надо получить преступника для очныхъ ставокъ изъ иностраннаго государства. Въ другихъ законахъ, наоборотъ, рѣчь идетъ только объ исполненіи просьбы, присланной изъ другой страны. Наиболѣе полное постановленіе содержитъ 25 ст. французскаго проекта зак. о выдачѣ преступниковъ, которая, собственно говоря, формулируетъ начала, обыкновенно встрѣчающіяся въ международныхъ конвенціяхъ. Въ ст. этой говорится: «L'envoi des agents détenus en vue d'une confrontation, et la communication de pièces de conviction ou documents judiciaires pourront être autorisés par le Gouvernement, d'un pays à un autre. La demande sera formée par voie diplomatique, et il y sera donné suite, à moins que des considérations particulières ne s'y opposent sous la condition de renvoyer le détenu ou les pièces dans le plus bref delai»[2]).

Законъ нидерландскій (ст. 21), какъ извѣстно, дозволяетъ посылать въ другое государство для очныхъ ставокъ только *иностранца*, который находится подъ предварительнымъ арестомъ или отбываетъ наказаніе.

Это все, что есть въ законахъ о присылкѣ изъ одного государства въ другое преступниковъ для очныхъ ставокъ или свидѣтельскихъ показаній.

§ 7. Изъ другихъ случаевъ исполненія судебныхъ порученій иностранныхъ государствъ чаще всего законы говорятъ о посылкѣ, по требованію какой нибудь державы, вмѣстѣ съ преступникомъ или помимо этого *разныхъ бумагъ, актовъ и вообще всякаго рода вещественныхъ доказательствъ*, и лишь изрѣдка упоминаютъ о производствѣ другихъ слѣдственныхъ дѣйствій по порученію иностраннаго суда; именно, законы о выдачѣ преступниковъ—бельгійскій 1874 г. (ст. 11) и государства Конго

---

[1]) Reglement provisionnel pour la procédure criminelle dans les Pays Bas Autrichiens, 1787. ср. Constitutio criminalis theresiana 1768, Art. 35 § 7.

[2]) Ср. 29 ст. италіянскаго проекта.

1886 г. (ст. 8) содержатъ постановленія *о домовомъ обыскѣ*. Въ нихъ опредѣляется, какая власть можетъ произвесть арестъ вещей, добытыхъ преступленіемъ или найденныхъ у обвиняемаго, кто компетентенъ рѣшить вопросы о выдачѣ всѣхъ этихъ вещей или части ихъ иностранному государству, о возвращеніи тѣхъ изъ нихъ обвиняемому, которыя не имѣютъ связи съ вмѣняемымъ ему въ вину преступнымъ дѣяніемъ, наконецъ, о правахъ третьихъ лицъ, а также, отъ кого зависитъ производство даннаго слѣдственнаго дѣйствія[1]).

Но этими, такъ сказать, частными постановленіями нѣкоторые законы[2]) вполнѣ основательно не удовольствуются и, содержа общія нормы относительно исполненія вообще всякихъ судебныхъ порученій иностранныхъ судовъ, открываютъ воз-

[1]) Нидерландскій законъ объ иностранцахъ 1849 г., ст. 18, *Billot*, p. 431; Законы о выдачѣ преступниковъ: англійскій 1870 г., ст. IX; бельгійскіе 1868 г., ст. 4, *Billot*, p, 161, и 1874 г., ст. 5 и 11; нидерландскій 1875 г., ст 8, 9, 12, 17, 18; аргентинскій 1885 г., ст. 29; законъ для гос. Конго 1886 г., ст. 8; проекты законовъ о выдачѣ преступниковъ—французскій 1879 г., ст. 22, и италіянскій 1882 г., ст. 24. Въ видѣ образца приведемъ пост.. бельгійскаго зак. о в.: 5 ст. посл. пар. «La chambre du conseil décidera également, après avoir entendu l'étranger, s'il y a lieu ou non de transmettre en tout ou en partie les papiers et autres objets saisis au Gouvernement étranger qui demande l'extradition. Elle ordonnera la restitution des papiers et autres objets qui ne se rattachent pas directement au fait imputé au prévenu et statuera, le cas échéant, sur la réclamation des tiers detenteurs ou autres ayants droit; «ст. 11». Les commissions rogatoires émanées de l'autorité compétente étrangère et tendant à faire opérer, soit une visite domiciliaire, soit la saisie du corps du délit, ou de pièces à conviction, ne pourront être éxécutées en Belgique que pour l'un des faits énumérés à l'article 1er de la présente loi.

Hors les cas prévus par l'article 5 (арестъ вещей вмѣстѣ съ преступникомъ), elles seront préalablement rendus executoires par la chambre du conseil du tribunal de première instance du lieu où les perquisitions et les saisies doivent être opérées.

La chambre du conseil décidera également s'il y a lieu... (повторяются постановленія 5 ст.).

[2]) Аргентинскій зак. о выд. пр. 1885 г., ст. 30; Проекты—французскій, ст. 23, и италіянскій, ст. 26; Codice di pr. pen. del regno d'Italia 1865, art. 854 и 853 и др.

можность оказывать иностраннымъ державамъ судебную попомощь въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ.

§ 8. Наконецъ, какъ извѣстно, содѣйствіе иностраннымъ судамъ можетъ состоять и въ томъ, что власти даннаго государства передаютъ лицу, пребывающему въ предѣлахъ ихъ компетенціи, разнаго рода судебные акты, присланные изъ иностраннаго государства.

Относительно этого въ законахъ находимъ не много постановленій. Онѣ говорятъ о врученіи вызововъ въ судъ и другихъ судебныхъ актовъ и опредѣляютъ, что заинтересованный въ этомъ судъ обязанъ или только можетъ просить содѣйствія иностранной судебной власти относительно сообщенія повѣстки или акта адрессату [1]). Если же на осуществленіе врученія въ иностранномъ государствѣ нельзя надѣяться, или оно прямо отклонено иностранной властью, то нѣкоторые уставы считаютъ достаточнымъ прибѣгнуть къ публичному объявленію или вызову [2]) или кромѣ того послать еще адрессату по почтѣ копію вызова или извѣщеніе о немъ [3]).

---

[1]) Crim.-Ordn. für die preus. Staaten 1805, § 586 ссылается на Allg. Ger. Ordn., Th. I, Tit. 36, § 52, въ которомъ говорится, что «Ist der Aufenthalt des Abwesenden bekannt, so *muss* ausser der Edictalitation zugleich eine besondere Vorladung an ihn erlassen und das Gericht seines Aufenthaltsortes um die Insinuation ersucht werden». Die Strafprocessordn. für das K. Sachsen 1855, Art. 139 «Hat der Vorzuladende seinen Aufenthalt im Auslande genommen und ist sein Aufenthalt bekannt, so *kann* der Richter duch Vermittelung der ausländichen Behörde an ihn eine Vorladung zur Gestellung mit der Verwahrung erlassen, dass im Falle seines Aussenbleibens wider ihn als einen Flüchtigen werde verfahren werden»... тоже въ уставѣ 1868 г., ст. 139; Die preussische Str. pr. Ordn. vom 25 Juni 1867, § 201; Strafprocessordnung f. d. Kanton Solotorn vom 18 Juli 1874, § 86; Strafprocessordnung f. das Deutsche Reich vom 1 Februar 1877, §§ 37, 40, 320 и уставъ гражд. судопр. для Герм. Имп. 30 янв. 1877 г., §§ 182—186. Das norwegische Gesetz über das gerichtliche Verfahren in Strafsachen vom 1 Juli 1887, § 153.

[2]) Саксонскій уст. 1855 г., ст. 144; тоже уставъ 1868 г., ст. 144; германскій уст. уг. судопр. 1877 г., §§ 40, 320.

[3]) Прусск. уст. уг. судопр. 1867 г., § 452; норвежскій 1887 г., ст. 154.

Въ испанскихъ уставахъ приняты во вниманіе международныя соглашенія и потому при присылкѣ разнаго рода судебныхъ актовъ лицу, живущему въ иностранномъ государствѣ, судья долженъ ими руководствоваться; при отсутствіи же ихъ должно слѣдовать принципу взаимности[1]).

Таково содержаніе законовъ отдѣльныхъ странъ о международныхъ сношеніяхъ на счетъ исполненія судебныхъ порученій по уголовнымъ дѣламъ.

Очевидно постановленія ихъ крайне разнообразны. Въ общемъ, во всѣхъ законахъ, вмѣстѣ взятыхъ, затронуты разныя стороны интересующаго насъ вопроса и довольно полно раскрыто его содержаніе. Если же взять отдѣльные законы, то сразу окажется неполнота и односторонность ихъ постановленій о сношеніяхъ съ иностранными судами, а многимъ такія постановленія почти или совершенно чужды (Франція, Нидерланды, Румынія и др.). Наиболѣе удовлетворительными въ разсматриваемомъ отношеніи являются — дѣйствующій аргентинскій законъ о выдачѣ преступниковъ 1885 г. и проекты—французскій и италіянскій.

§ 9. Говоря о дѣйствующихъ въ различныхъ государствахъ юридическихъ нормахъ относительно судебныхъ порученій иностранныхъ судовъ или иностраннымъ судамъ, нельзя не коснуться относящихся сюда административныхъ распоряженій. Весьма значительное количество подобнаго рода постановленій издается въ разныхъ странахъ, начиная съ первыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, вплоть до нашихъ дней. Содержаніе ихъ довольно разнообразно. Они то опредѣляютъ, какимъ путемъ—дипломатическимъ или непосредственныхъ сношеній между судами—должно быть пересылаемо судебное порученіе изъ одного государства въ другое, то касаются вопроса о возмѣщеніи или отказѣ отъ возмѣщенія издержекъ по исполненію судебныхъ порученій, то требуютъ, чтобы въ судебномъ порученіи иностранная власть, къ которой обращаются за содѣйствіемъ, обозначалась такъ—«такому-то суду или другой компетентной власти», то наконецъ, говорятъ или о способѣ врученія разныхъ судебныхъ актовъ лицамъ,

---

[1]) Ley provis. de enjuic. cr. 1872, Art. 51; Ley de enjuic. cr. 1882, Art. 177.

пребывающимъ въ иностранномъ государствѣ, и объ удостовѣреніи этого врученія, или объ исполненіи судебныхъ порученій иностранныхъ судовъ, или о формѣ и языкѣ судебнаго порученія, или о томъ, чтобы въ немъ находилось обѣщаніе взаимности и т. п.[1]).

Значеніе административныхъ распоряженій состоитъ въ томъ, что они или замѣняютъ собой законодательныя или договорныя постановленія, или дополняютъ ихъ и, такъ сказать, прилаживаютъ къ практическому примѣненію. Съ точки же зрѣнія основныхъ юридическихъ началъ, опредѣляющихъ международныя сношенія относительно судебныхъ порученій, они не представляютъ ничего новаго въ сравненіи съ тѣмъ, что мы встрѣчаемъ въ законахъ или международныхъ договорахъ.

§ 10. Въ итогѣ, обзоръ международныхъ договоровъ, а также законодательныхъ и административныхъ постановленій разныхъ странъ подсказываетъ слѣдующее заключеніе.

Вопросъ о взаимномъ содѣйствіи государствъ въ производствѣ слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ вызрѣваетъ главнымъ образомъ въ послѣдніе сто съ лишкомъ лѣтъ. Онъ не только дѣлается достояніемъ множества самыхъ разнообразныхъ международныхъ договоровъ, заключенныхъ между различными государствами, но и входитъ въ законы и административныя распоряженія разныхъ странъ. Число какъ тѣхъ, такъ и другихъ въ послѣднее столѣтіе быстро возрастаетъ, а ихъ содержаніе значительно расширяется. Постепенно выдвигается и уясняется одна сторона вопроса за другой. Юридическая фор-

---

[1]) Относительно нѣмецкихъ государствъ см. *A. Mannkopff*, Allg. Gerichtsordnung für die pr. Staaten, I Bd., S. 337, 340—5, 348—62; *G. Hetzer*, Deutsche Auslieferungsverträge, S. 58—64, 126—165 и др.; *F. Böhm*, преимущ. II Th., S. 6, 127—147, 176—203, 237 etc. Относительно Австріи—*F. Starr*, Die Rechtshülfe in Oesterreich, S. 337 ff., также Die Rechtsnormen über den Verkehr der k. k. österreichischen Gerichte mit auswärtigen Behörden in Civilrechts- Angelegenheiten; *G. Rosskowski*, S. 356, 360, 361. Относительно Франціи—*E. Bomboy et H. Gilbrin*, p. 183 suiv. Относительно Швейцаріи—Archives dipl. 1885, № 8—9, p. 317. Относительно Испаніи—*D. O. Biec*, p. 268 etc.; *Don E. Bravo*, II, p. 135—140. Относительно Бельгіи—*Kirchner*, p. 340—342, 345, 348—350, 362. Относительно Россіи—*Д. Влахче*, стр. 89 (№№ 348, 349), 108 (№ 428), 160 (№ 634); Сборникъ конвенцій, изд. М. Юстиціи, 1888 г.

мулировка постановленій какъ конвенцій, такъ и законовъ, по мѣрѣ приближенія къ нашему времени, все болѣе и болѣе выигрываетъ въ ясности и точности.

Въ общемъ, въ настоящее время въ постановленіяхъ международныхъ договоровъ и законовъ разныхъ странъ интересующій насъ вопросъ нашелъ довольно полное, хотя и не всегда удачное разрѣшеніе. Если же коснуться конвенцій и законовъ того или другаго изъ государствъ въ отдѣльности, то не трудно будетъ замѣтить, что, во-первыхъ, нѣтъ ни одной державы, которая была бы связана конвенціями о судебной помощи со всѣми странами цивилизованнаго мира, во-вторыхъ, далеко не во всѣхъ законодательствахъ можно найти постановленія о сношеніяхъ съ иностранными судами относительно судебныхъ порученій, наконецъ, въ третьихъ, какъ конвенціи, такъ и законы очень часто не отличаются желательной ясностью и полнотой. Слѣдовательно отдѣльнымъ государствамъ остается сдѣлать еще многое. Каждая держава должна стараться, во-первыхъ, увеличить число конвенцій съ другими, во-вторыхъ, должна издать постановленія о сношеніяхъ ея судовъ съ иностранными судебными учрежденіями.

Каковы же должны быть тѣ принципы, которые слѣдуетъ ложить въ основаніе, какъ международныхъ соглашеній, такъ и законовъ, и каково должно быть отношеніе между тѣми и другими, это будетъ уяснено въ послѣдующемъ критическомъ разборѣ дѣйствующихъ началъ международнаго права относительно разсматриваемаго вида взаимной судебной помощи государствъ.

ЧАСТЬ II.

КРИТИКО-ДОГМАТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ.

I. Общія замѣчанія о юридической природѣ взаимнаго судебнаго содѣйствія государствъ и о юридическихъ нормахъ, опредѣляющихъ его.

§ 1. При производствѣ слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ суду можетъ оказаться необходимость прибѣгнуть къ помощи или другихъ отечественныхъ судовъ или иностранныхъ. Поэтому сношенія объ исполненіи разнаго рода судебныхъ порученій могутъ происходить и дѣйствительно происходятъ или между судебными властями одного и того же государства или между судебными властями различныхъ державъ. Не трудно провесть различіе между существомъ юридическихъ отношеній обоихъ этихъ видовъ.

Принципъ территоріальнаго верховенства государствъ, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что въ предѣлахъ территоріи извѣстнаго государства, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, дѣйствуетъ только власть этого государства, устраняя отъ вмѣшательства всякую пришлую, иноземную власть. Одной изъ функцій единой верховной государственной власти является судъ. Судъ отправляется различными судебными органами, которые однако не теряютъ между собой связи и дѣйствуютъ именемъ общей верховной власти и на основаніи ею санкціонированнаго закона. Понятно поэтому, что суды, функціонирующіе въ различныхъ частяхъ территоріи одного и того же государства, оказываютъ другъ другу взаимное содѣйствіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда такое содѣйствіе окажется необходимымъ для отправленія правосудія, напр., одинъ по порученію другаго допрашиваетъ свидѣтелей, производитъ обыски, собираетъ другія доказательства и т. п. Дѣйствовать такъ ихъ обязываетъ самъ законъ, который въ этомъ отношеніи одной судебной власти даетъ столько правъ, сколько на другую налагаетъ обязанностей. Не такова природа международныхъ отношеній.

Въ международномъ общеніи надъ независимыми государствами нѣтъ закона и нѣтъ власти, которые бы ихъ объединяли. Слѣдовательно, между судами различныхъ странъ нѣтъ никакой связи и, доколѣ государства по своей волѣ не наложили на себя обязательствъ, не можетъ быть рѣчи и объ ихъ юридической обязанности оказывать другъ другу содѣйствіе въ отправленіи правосудія. Но какъ же устанавливается такая обязанность? Государства достигаютъ этого путемъ заключенія международныхъ договоровъ, которые являются актами ихъ воли, ничуть не умаляющими ихъ независимости. Безъ международнаго договора нѣтъ юридической обязанности державъ исполнять взаимныя судебныя порученія. Это начало защищается громаднымъ большинствомъ новѣйшихъ писателей[1]) и находитъ подтвержденіе въ самой международной практикѣ. Государства не даромъ заключаютъ такое множество договоровъ, очевидно указывая этимъ на то, что только при помощи договора обезпечиваются взаимныя обязанности и права. Это, однако, отнюдь не означаетъ, чтобы международныя сношенія не могли происходить или не происходили и при отсутствіи трактатовъ. Нѣтъ: и помимо трактатовъ, въ виду взаимнаго интереса, государства постоянно оказываютъ другъ другу помощь въ дѣлѣ производства суда. Но дѣлаютъ это они не вслѣдствіе обязанности, а лишь пользуются своимъ правомъ.

§ 2. Значеніе международныхъ договоровъ состоитъ не только въ томъ, что они устанавливаютъ права и обязанности контрагентовъ, но и въ томъ, что эти права могутъ быть въ нихъ по возможности точно обозначены. Такъ, въ трактатахъ возможно болѣе или менѣе ясно опредѣлить, въ предѣлахъ какихъ территоріальныхъ пространствъ ихъ постановленія будутъ имѣть примѣненіе, въ теченіи какого времени они будутъ сохранять силу, наконецъ, при какихъ условіяхъ должно наступить исполненіе взаимныхъ требованій содоговаривающихся сторонъ и когда оно не можетъ имѣть мѣста. Взаимность въ оказаніи

---

[1]) *Гефтеръ*, § 36, IV, *Hartmann*, § 88; *Billot*, p. 396; *Bregeault*, p. 7; *Ullmann*, S. 246; *Laurent*, VIII (le dr. civ. int.), p. 105; *Weiss*, p. 952; *Pradier-Fodéré*, III, §§ 1816, 1849 и др. Contra: *Schmid* (см. Гефтеръ § 36 п. 9).

однимъ государствомъ другому различныхъ услугъ также можетъ быть наилучше установлена путемъ трактатовъ. Словомъ, при помощи трактатовъ наиболѣе основательно обезпечивается достиженіе государствами разнообразныхъ цѣлей, какія они преслѣдуютъ въ сферѣ международныхъ сношеній.

§ 3. Но постановленія международныхъ договоровъ—не единственныя юридическія нормы, на основаніи которыхъ происходятъ сношенія между государствами относительно судебныхъ порученій. Необходимо считаться также съ дѣйствующими въ различныхъ странахъ законами и административными распоряженіями. Законы и административныя распоряженія могутъ примѣняться или совмѣстно съ трактатами или при отсутствіи послѣднихъ.

Если данныя государства заключили между собою договоръ, то ихъ законы и административныя распоряженія будутъ дѣйствовать въ случаяхъ, договоромъ не предусмотрѣнныхъ, слѣдовательно оставленныхъ открытыми, или, наоборотъ, именно въ точно предусмотрѣнныхъ. Для опредѣленія границы дѣйствія постановленій конвенцій и законовъ слѣдуетъ обращаться къ ихъ толкованію. Такъ, напр., въ 14 ст. русско-нидерландской конвенціи о выдачѣ преступниковъ 1880 г. постановлено: «Если по уголовному дѣлу будетъ признано полезнымъ или необходимымъ произвести очную ставку съ преступниками, задержанными въ предѣлахъ другаго государства..., то объ этомъ должно быть доставлено дипломатическимъ путемъ требованіе, съ обязательствомъ отослать обратно преступниковъ...; такое требованіе подлежитъ исполненію, развѣ бы встрѣтились къ тому какія либо особыя препятствія». Спрашивается: обязаны ли Нидерланды прислать по требованію Россіи *всякаго* преступника, содержащагося у нихъ въ мѣстахъ заключенія? Для разрѣшенія этого вопроса слѣдуетъ обратиться не только къ конвенціи, но и къ постановленіямъ нидерландскаго закона о выдачѣ преступниковъ 1875 г. На основаніи 21 ст. послѣдняго «правительство можетъ издать распоряженіе о томъ, чтобъ *иностранецъ*, содержащійся въ Нидерландахъ подъ предварительнымъ арестомъ или отбывающій наказаніе, былъ временно выданъ иностранному государству для очныхъ ставокъ или дачи свидѣтельскихъ показаній по уголовному дѣлу». Статья 22 опредѣляетъ, кого слѣдуетъ считать иностранцемъ

при примѣненіи закона о выдачѣ. Руководясь этими постановленіями Нидерланды вправѣ отказать Россіи въ присылкѣ для очныхъ ставокъ преступника *нидерландскаго* подданнаго. Насколько же примѣнимы въ данномъ случаѣ отмѣченныя статьи нидерландскаго закона, это ясно разрѣшается статьей 1 того же закона. Въ ней говорится, что «никакой новый трактатъ о выдачѣ иностранцевъ не можетъ быть заключенъ, а существующій возобновленъ иначе, какъ согласно съ постановленіями настоящаго закона». Слѣдовательно, заключая съ Россіею конвенцію въ 1880 г., нидерландское правительство обязано было не выходить изъ границъ, указанныхъ закономъ 1875 г., а Россія, въ свою очередь, должна была объ этомъ знать и потому, согласившись на подписаніе конвенціи, она eo ipso признала, что конвенція будетъ истолковываться и обязательства Нидерландовъ въ отношеніи Россіи будутъ существовать лишь въ гриницахъ приведеннаго нидерландскаго закона. Для отмѣны той или другой статьи этого закона нуженъ новый законъ. Другой примѣръ. Вознагражденіе свидѣтелей, являющихся въ иностранное государство, опредѣляется, какъ мы знаемъ, или на основаніи спеціальнаго тарифа, обозначеннаго въ самихъ международныхъ соглашеніяхъ, или въ конвенціяхъ говорится, что оно послѣдуетъ на основаніи тарифовъ, дѣйствующихъ въ томъ государствѣ, которое вызвало свидѣтеля, и т. п. Если же между извѣстными державами нѣтъ конвенцій о судебной помощи, то въ такихъ случаяхъ юридическая сторона международныхъ сношеній по этому вопросу должна опредѣляться законами и административными распоряженіями, а при ихъ неясности, неполнотѣ или совершенномъ отсутствіи— общими началами международнаго права и установившимися въ сношеніяхъ между данными государствами обычаями. Такимъ образомъ постановленія законовъ или могутъ комбинироваться съ постановленіями трактатовъ и слѣдовательно совмѣстно регулировать международныя сношенія государствъ, или могутъ дѣйствовать при отсутствіи трактатовъ. Въ законахъ, съ одной стороны, должны быть опредѣлены тѣ условія сношеній съ иностранными государствами относительно исполненія судебныхъ порученій, отъ которыхъ не должно отступать и при заключеніи трактатовъ, такъ, напр., по англійскимъ зак. о выдачѣ 1870 г. (ст. XXIV) и 1873 г. (ст. V) исполненіе

порученій иностранныхъ судовъ о допросѣ свидѣтелей не можетъ имѣть мѣста по процессамъ политическимъ, а съ другой, внѣ этихъ условій должна быть предоставлена свобода разрѣшенія въ конвенціяхъ той или иной стороны вопроса, смотря по требованію тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, напр., на основаніи § 26 австрійскаго устава угол. судопр. 1873 г. судамъ предоставляется право *непосредственныхъ* сношеній съ иностранными судами, *насколько въ спеціальныхъ постановленіяхъ нѣтъ иныхъ опредѣленій* и др. Существованіе такихъ законовъ для правильнаго и безостановочнаго хода суда безусловно необходимо. Въ нихъ напередъ будутъ опредѣлены тѣ начала, которымъ данное государство желаетъ слѣдовать въ своихъ сношеніяхъ съ другими относительно судебныхъ порученій, чѣмъ будетъ предупреждено много затрудненій и устранены будутъ всякія нареканія и обвиненія въ пристрастіи. Суды будутъ имѣть точныя указанія, какъ слѣдуетъ поступать въ случаяхъ необходимости сношеній съ иностранными судами. При существованіи закона о сношеніяхъ съ иностранными судами самое заключеніе международныхъ конвенцій по этому вопросу значительно облегчится, такъ какъ всякому государству легко будетъ узнать, на какихъ основаніяхъ держава, у которой есть такой законъ, можетъ согласиться на установленіе договорныхъ отношеній, и, соразмѣривъ съ этимъ свои желанія, достигнуть подписанія формальнаго договора[1]).

Въ интересахъ правосудія особенно было бы желательно параллельное дѣйствіе законовъ и конвенцій. Послѣднія даютъ возможность расширить и точнѣе формулировать рѣшеніе различныхъ сторонъ вопроса о взаимной судебной помощи, а также вполнѣ позволяютъ считаться съ фактичестими особенностями сношеній съ тѣми или другими государствами.

Таковы тѣ юридическія нормы, которыми регулируются международныя сношенія относительно разнаго рода судебныхъ порученій, таково взаимное между ними отношеніе.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній я перейду къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ сторонъ изслѣдуемаго вопроса и коснусь способа передачи судебныхъ порученій изъ одного государства

---

[1]) *Lammasch*, S. 105 und ff.

въ другое, ихъ формы и языка, условій исполненія порученій иностранныхъ судовъ, отдѣльныхъ видовъ судебныхъ порученій (вызовъ и допросъ свидѣтелей, присылка преступниковъ для очныхъ ставокъ, присылка разныхъ документовъ, передача вещественныхъ доказательствъ и производство другихъ слѣдственныхъ дѣйствій, сообщеніе судебныхъ актовъ лицамъ, участвующимъ въ процессѣ), наконецъ, издержекъ по ихъ исполненію.

II. Передача судебнаго порученія изъ одного государства въ другое.

1. *Путь пересылки.*

§ 1. Въ международныхъ конвенціяхъ, въ законахъ отдѣльныхъ государствъ и въ административныхъ распоряженіяхъ находимъ различное опредѣленіе того пути, который должно пройти судебное порученіе суда одного государства, чтобъ попасть въ руки суда другаго.

Что касается международныхъ конвенцій, то однѣ изъ нихъ устанавливаютъ только дипломатическую передачу судебнаго порученія[1]), другія, наоборотъ, вводятъ непосредственны

[1]) Дипломатическая передача судебнаго порученія происходитъ слѣдующимъ образомъ. Заинтересованная судебная власть узаконеннымъ путемъ пересылаетъ судебное порученіе въ министерство юстиціи, которое сообщаетъ его министерству иностр. дѣлъ. Послѣднее передаетъ это порученіе въ мин. ин. д. того государства, въ судъ котораго оно адресовано, чрезъ своего дипломатическаго агента, пребывающаго въ этомъ государствѣ. Министерство ин. дѣлъ шлетъ его въ мин. юстиціи, а послѣднее узаконеннымъ въ въ данной странѣ порядкомъ направляетъ къ соотвѣтственнымъ судебнымъ властямъ. Путь движенія отвѣта на судебное порученіе таковъ же. Иногда дипломатическій путь сношеній значительно сокращается: государства разрѣшаютъ своимъ судамъ и лицамъ прокурорскаго надзора, сносится по передачѣ судебныхъ объявленій непосредственно съ отечественными посольствами или консульствами въ иностранныхъ государствахъ. См. относительно Пруссіи *Limann*, S. 426; *Ebmeier*, Anlage II. Относительно Австріи *Frühwald*, S. 50, § 3—5; *Starr*, S. 350, 388. Относительно Германіи *Böhm*, I Th., S. 109—10, II Th., S. 191. Дипломатическая пересылка суд. порученій обязательна на основаніи всѣхъ дѣйствующихъ конвенцій о выдачѣ прест., заключ. Россіей съ др. державами, а также на основ. министерск. деклар. 21 іюня (3 іюля) 1874 г. съ Италіей о передачѣ суд. повѣстокъ и объявленій. См. кромѣ того конв. о выд. пр. между другими государствами: Италія-Монако 1866 г., ст. 13—15; Испанія-Португалія 1867 г., ст. 14—16; Австрія-Швеція-Норвегія 1868 г., ст. 13, 14; Бельгія Германія 1874 г., ст. 13—15; Франція-Перу 1874 г., ст. 12, 14; Франція-Данія 1876 г., ст. 13—15; Бельг. Сальвадоръ, 1880 г., ст. 12—15 и др. *Kirchner*.

сношенія между судами[1]), наконецъ, въ третьихъ различнымъ образомъ комбинируется дипломатическій способъ пересылки судебныхъ порученій съ путемъ непосредственныхъ междусудебныхъ сношеній. Комбинація эти состоятъ въ томъ, что въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ случаяхъ дипломатическія сношенія признаются обязательными, въ остальныхъ же дозволена или дипломатическая или непосредственная междусудебная переписка. Число случаевъ, когда дозволено обходиться безъ дипломатическаго посредничества, въ различныхъ конвенціяхъ опредѣляется различно: оно то съуживается, то расширяется. Такъ, большинство дозволяетъ или дипломатическій или непосредственный путь пересылки лишь тѣхъ судебныхъ порученій, которыя состоятъ въ передачѣ какому нибудь лицу того или иного судебнаго документа, въ другихъ же случаяхъ остаются обязательными дипломатическія сношенія[2]), иныя, наоборотъ, требуютъ, чтобы просьба объ очныхъ ставкахъ была передана дипломатическимъ путемъ, а въ остальныхъ случаяхъ предоставляется полная свобода выбора между тѣмъ или ругимъ путемъ сношеній[3]) или только и говорится о непосредственныхъ сношеніяхъ[4]) и т. п.[5]). Въ конвенціяхъ Россіи съ Германіей 23 янв. (4 февр.)

---

[1]) Протоколъ 1 мая 1869 г. между Италіей и Швейцаріей, ст. 3, *P. Fiore*, p. 742. Dichiarazione minist. scambiata fra l'Italia e l'Austria, relativa alla corrispondenza diretta in materia di rogatorie fra i Tribunali dei due stati, 11 e 22 giugno 1867; Dichiarazione scamb. fra l'Italia e l'Austria-Ungheria per la corrisp. diretta 30 maggio e 22 luglio 1872, *Palma*, p. 1218—21; Convenzione di buon vicinato fra l'Italia e la Republica di San Marino 27 marzo 1872, art. 6, 19, *ibid*, p. 229—36; Déclaration échangée à Munich, le 24 janvier 1857, entre la France et la Bavière, *De Clercq*, t. VII, p. 214 и др.

[2]) *Kirchner*, конв. о выдачѣ преступниковъ: Франція-Баварія 1869 г., ст. 12—14; Франція-Италія 1870 г., ст. 12—14; Франція-Бельгія 1874 г., ст. 13—15; Франція-Монако 1876 г., ст. 13—15; Франція-Испанія 1877 г., ст. 13—15; Бельгія-Италія 1875 г., ст. 14—17; Бельгія-Румынія 1880 г., ст. 15—18; *Martens*, 2-e S. IX, p. 603; Испанія-Швейцарія 1883 г., ст. 13—16; Швейцарія-С. Сальвадоръ 1883 г., ст. 14—17, ibid., X, p. 621 и др.

[3]) Франція-Люксембургъ 1875 г., ст. 14—16, *Kirchner*.

[4]) Люксембургъ-Швейцарія, 1876 г., ст. 14—17, *Kirchner*.

[5]) *Kirchner*, конв. о выдачѣ преступниковъ: Бразилія-Уругвай 1878 г., ст. 15 Na falta de Agentes diplomaticos, os pedidos dos § 11—13 (о допросѣ

1879 г. и Австріей 21 мар. (2 апр.) 1884 г. о непосредственныхъ сношеніяхъ между пограничными судами иначе опредѣляется, когда дозволительно обратиться къ дипломатическому пути сношеній. Въ ст. 6 обѣихъ этихъ конвенцій постановлено: «въ случаѣ, если *по особымъ соображеніямъ* было бы признано неудобнымъ примѣнить къ какому-либо дѣлу порядокъ непосредственныхъ сношеній, то высокимъ договаривающимся сторонамъ предоставляется производить взаимную передачу относящихся къ сему дѣлу судебныхъ порученій *дипломатическимъ путемъ*»[1]).

Въ законахъ разныхъ странъ тоже находятъ мѣсто только что разсмотрѣнные способы разрѣшенія интересующаго насъ вопроса. На основаніи однихъ обязателенъ дипломатическій путь передачи судебныхъ порученій[2]); другіе, считая тотъ же путь сношеній общеобязательнымъ, дозволяютъ непосредственныя сношенія между судами въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, обозначенныхъ въ законѣ или договорѣ[3]); въ третьихъ, наоборотъ, непосредственная пересылка судебныхъ порученій изъ суда одной страны въ суды другой признается общимъ правиломъ, изъ котораго можетъ быть сдѣлано исключеніе на основаніи трактата или другимъ какимъ ниб. путемъ[4]);

свид., ихъ личной явкѣ, очныхъ ставкахъ) e a communicação do § 14 (сообщеніе суд. приговоровъ) serão feitos directamente ou por via dos respectivos Agentes Consulares; тоже Аргентинская респ.—Парагвай 1877 г., ст. 18; Бельгія-Нидерланды 1877 г., по ст. 12—14 обязателенъ дипломатическій путь пересылки, кромѣ «cas d'urgence», когда идетъ рѣчь о допросѣ свидѣтелей и др.

[1]) Ср. ст. 1 конвенціи между Россіей и Австріей о непоср. сношеніяхъ между пограничными судами.

[2]) Аргентинскій зак. о выдачѣ прест. 1885 г., § 30; законъ о выд. прест. для госуд. Конго 1886 г., § 8; италіанскій проектъ зак. о выд. прест. § 27, 29.

[3]) Codice di proc. pen. dell' regno d'Italia 1865, § 853, 855; французскій проектъ зак. о выдачѣ 1879 г., § 23, 25, 26; уставы Императора Александра II, ст. 190 учр. суд. уст.; Ley de enjuiciamiento criminal 1882, § 177, 193, 194.

[4]) Die österreichische Strafprocessordnung vom 23 Mai 1873, § 26; Gesetz betreffend die zürcherische Rechtspflege, vom 2 Dec. 1874, § 124; Strafprocessordnung für den Kanton Soloturn, vom 1 Juli 16, § 27.

наконецъ, четвертые безразлично допускаютъ или тотъ или другой путь сношеній[1]).

Какому же изъ этихъ способовъ разрѣшенія интересующаго насъ вопроса можно отдать преимущество? — Это вопервыхъ.

Во-вторыхъ, какое отношеніе должно существовать въ данномъ случаѣ между международнымъ договоромъ и закономъ?

§ 2. Писатели вовсе не касаются втораго вопроса. Они занимаются лишь первымъ и рѣшаютъ его различно. Одни[2]) защищаютъ преимущество господствующей на практикѣ дипломатической передачи судебнаго порученія, другіе[3]), наоборотъ, отстаиваютъ цѣлесообразность прямыхъ сношеній между судами разныхъ странъ.

Въ чемъ-же заключается аргументація тѣхъ и другихъ?

Защитникъ пересылки судебныхъ порученій въ иностранное государство дипломатическимъ путемъ, Бильо, видитъ достоинство этой процедуры въ слѣдующемъ. Этотъ путь передачи судебнаго порученія явится, «доказательствомъ того, что оно вызвано серьезными мотивами и что требуемыя справки имѣютъ существенное значеніе для отправленія правосудія». Можно предположить, продолжаетъ онъ, что безъ серьезныхъ основаній судебная власть не рѣшится обратиться къ судебному порученію, зная, что оно должно пройти много испытаній. Далѣе, при дипломатическомъ движеніи судебнаго порученія непосредственно сталкиваются два правительства. Правительство, обращающееся съ судебнымъ порученіемъ, представляетъ его подъ своею отвѣтственностью; правительство же, къ которому обратились за содѣйствіемъ, до нѣкоторой степени, гарантируетъ себя противъ тѣхъ требованій (reclamations), которыя исполненіемъ порученія могутъ быть возбуждены со стороны третьихъ державъ.

Эти доводы цѣликомъ повторяются и у Bregeault'а, который дѣлаетъ къ нимъ нѣкоторыя, правда, не вполнѣ удачныя,

---

[1]) Швейцарскій союзный законъ о федеральномъ судоустр. 1849 г., § 80

[2]) *Billot*, p. 397; *Bregeault*, p. 9.

[3]) *Fiore*, p. 740; *Ch. Antoine* y Fiore, p. 745—748; *Онъ же* въ Revue critique de légistion et de jurisprudence, 1879, p. 324, 326; *Bernard*, II, p. 642, 672; *Bard*, p. 115; *Никольскій*, стр. 482; *Lammasch*, S. 868.

добавленія. Такъ, по его мнѣнію, дипломатическая пересылка судебнаго порученія даетъ возможность государству, у котораго просятъ судебной помощи, самому убѣдиться, что порученіе можетъ быть исполнено, что оно не вызвано политическимъ преступленіемъ и что не противорѣчитъ его законамъ. «Еслибъ, продолжаетъ далѣе Bregeault, слѣдственный судья одного государства могъ прямо, безъ посредника и контроля, давать порученіе судьѣ сосѣдней страны, а этотъ послѣдній былъ обязанъ исполнять его, то, быть можетъ, тогда было бы основаніе утверждать, что въ этомъ заключается оскорбленіе (lésion) суверенитета государства, оказывающаго судебную помощь, подчиненіе (subordination) этого государства тому, которое обращается съ судебнымъ порученіемъ». Этимъ исчерпывается защита дипломатической пересылки судебнаго порученія.

Вторая группа писателей, т. е. защитники непосредственныхъ сношеній между судами отстаиваютъ свой взглядъ при помощи слѣдующихъ пріемовъ. Съ одной стороны, они критикуютъ аргументы своихъ противниковъ и, парализуя такимъ образомъ защиту дипломатическаго пути передачи судебныхъ порученій, приходятъ къ заключенію, что этотъ путь вовсе не имѣетъ тѣхъ преимуществъ, какія ему приписываются. Съ другой стороны, они нападаютъ на недостатки дипломатической пересылки судебныхъ порученій изъ суда одного государства въ судъ другаго и доказываютъ, что эти недостатки избѣгаются при непосредственныхъ сношеніяхъ между судами. Въ томъ и другомъ отношеніи они приводятъ нѣсколько весьма основательныхъ соображеній. Такъ, одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ и основательныхъ защитниковъ непосредственныхъ сношеній между судами разныхъ странъ, Ch. Antoine, весьма ловко разрушаетъ тотъ доводъ своихъ противниковъ, что лишь при процедурѣ дипломатической передачи судебныхъ порученій порученія эти будутъ дѣлаться по серьезнымъ мотивамъ. Не значитъ-ли это, возражаетъ Ch. Antoine, утверждать, что судебныя порученія слѣдственныхъ судей внутри государства, къ которому они принадлежатъ, не вызываются по большей части серьезными мотивами и что никто не является менѣе способнымъ судить о цѣлесообразности извѣстнаго слѣдственнаго дѣйствія какъ тотъ, кто поручаетъ произвесть это дѣйствіе? Съ этимъ возраженіемъ нельзя не согласиться. Дѣйствительно, кто-

же, какъ не судья, знакомый съ даннымъ дѣломъ во всей его подробности, сможетъ лучше оцѣнить серьезность мотивовъ, всилу которыхъ является необходимость въ данномъ случаѣ въ интересахъ правосудія обратиться къ судебной помощи иностраннаго государства? Далѣе, едва-ли есть основаніе предполагать отсутствіе у судей серьезнаго отношенія къ дѣлу, въ тѣхъ случаяхъ, когда они должны сноситься съ судьями иностраннаго государства, разъ вѣрятъ ихъ серьезности, когда они по дѣламъ службы сносятся другъ съ другомъ въ предѣлахъ одной и той же страны. Наоборотъ, скорѣе, кажется, можно было бы утверждать, что въ первомъ случаѣ они будутъ болѣе осмотрительны, чѣмъ во второмъ. Ясно поэтому, что *по разсмотрѣнному соображенію* защитниковъ дипломатическаго способа передачи судебныхъ порученій нельзя оправдать необходимости контроля за дѣйствіями судей со стороны якобы болѣе серьезныхъ административныхъ органовъ. Такой способъ защиты дипломатической пересылки судебнаго порученія дѣйсвительно слабъ.

Затѣмъ Ch. Antoine и другіе сторонники непосредственныхъ сношеній между судами основательно подчеркиваютъ одинъ весьма крупный недостатокъ дипломатическаго способа передачи судебныхъ порученій, а именно—излишнее замедленіе процесса, вредно отражающееся на интересахъ обвиняемаго. Въ самомъ дѣлѣ, часто требуются цѣлые мѣсяцы, даже годы, для того, чтобы дождаться исполненія судебнаго порученія, странствующаго по разнымъ передаточнымъ инстанціямъ, а между тѣмъ вслѣдствіе потери времени можетъ значительно затрудниться собраніе доказательствъ, или могутъ даже совершенно изчезнуть всякіе слѣды преступленія. Иногда, быть можетъ, прійдется рѣшать дѣло, не дождавшись исполненія судебнаго порученія. Въ тоже самое время подсудимый содержится въ предварительномъ заключеніи и, еще не будучи осужденнымъ, наказывается de facto.

Чтобы избѣжать столь вредной для отправлѐнія правосудія волокиты, на практикѣ суды часто обращаются къ дипломатическому посредничеству для передачи ихъ порученій лишь въ случаяхъ крайней важности, по дѣламъ же менѣе важнымъ сносятся непосредственно, не обращая вниманія на запрещеніе такихъ сношеній. Въ подтвержденіе своихъ завѣреній Ch.

Antoine ссылается на циркуляръ французскаго мин. юстиціи отъ 5 апр. 1841 г., запрещающій французскимъ судамъ вступать въ непосредственныя сношенія съ судами иностранныхъ государствъ. Въ § 5 этого циркуляра прямо заявляется, что случаи, когда французскіе суды получаютъ судебныя порученія *прямо* изъ за границы,—*очень часты*[1]). Такимъ образомъ сама жизнь, сама судебная практика подсказываетъ, что слѣдовало бы, какъ выражается Ch. Antoine, «освятить и регламентировать въ трактатахъ прямую пересылку судебныхъ порученій», такъ какъ прямыя сношенія между судами разныхъ государствъ болѣе обезпечиваютъ быстрый ходъ процесса и лучше охраняютъ интересы обвиняемаго, чѣмъ сношенія дипломатическія.

Такова суть аргументаціи защитниковъ непосредственныхъ междусудебныхъ сношаній—аргументаціи, наиболѣе рельефно представленной Ch. Antoine'омъ.

Какъ разобраться среди этихъ противоположныхъ мнѣній? Кто правъ?

§ 3. Приведенные выше аргументы Billot и Bregeault'а въ пользу господствующей на практикѣ дипломатической передачи судебныхъ порученій мнѣ кажутся довольно шаткими. Уже Ch. Antoine, на мой взглядъ, весьма удачно опровергъ тотъ доводъ, что при дипломатической передачѣ судебныя порученія будутъ дѣлаться по серьезнымъ мотивамъ. Остается слѣдовательно коснуться другихъ соображеній Billot и Bregeault'а.

Тотъ и другой настаиваетъ на томъ, что дипломатическія сношенія приводятъ въ непосредственное соприкосновеніе два правительства и устанавливаютъ отвѣтственность правительства, просящаго судебной помощи, предъ государствомъ, оказывающимъ ее. Вѣрно. Но не менѣе вѣрно и то, что и при непосредственныхъ сношеніяхъ между судебными властями существуетъ отвѣтственность правительства за дѣй-

[1]) См. этотъ циркуляръ у Fiore, II, p. 783, Billot, Bomboy et Gilbrin. Въ подкрѣпленіе заявленія Ch. Antoine о существованіи непоср. сношеній между судами вопреки запрещеніямъ, я, съ своей стороны, могу привесть цѣлый рядъ министерскихъ циркуляровъ разныхъ странъ, которые подтверждаютъ запрещеніе такихъ сношеній и прямо свидѣтельствуютъ о ихъ наличности; см. *Starr*, S. 383; *Hetser*, S. 58—63.

ствія этихъ ветсалй въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ къ таковымъ надлежаще уполномочены и дѣйствуютъ въ предѣлахъ своихъ полномочій. Права тѣхъ или иныхъ судебныхъ властей даннаго государства вступать въ непосредственныя сношенія съ судами другой страны могутъ быть установлены или на основаніи международнаго договора или на основаніи закона (или административнаго распоряженія). Если они установлены на основаніи договора, то власти одного государства могутъ и должны знать, какія власти другаго и въ какихъ случаяхъ могутъ обратиться непосредственно къ нимъ съ просьбой объ исполненіи того или иного судебнаго порученія, слѣдовательно могутъ знать, когда иностранное государство отвѣчаетъ за дѣйствія своихъ властей и когда оно слагаетъ съ себя такую отвѣтственность. При такихъ условіяхъ путь дипломатическихъ сношеній между судами двухъ государствъ съ точки зрѣнія отвѣтственности правительства той страны, суды которой обращаются за содѣйствіемъ, предъ правительствомъ страны, оказывающей его, не имѣетъ особыхъ преимуществъ редъ путемъ сношеній непосредственныхъ.

Если же полномочія судебныхъ властей данной державы непосредственно обращаться за содѣйствіемъ къ иностраннымъ судамъ основываются только на законѣ этой державы, то послѣдняя конечно принимаетъ на себя отвѣтственность за закономѣрную дѣятельность своихъ властей, но власти другаго государства вовсе не обязаны знать о существованіи такого закона и вытекающихъ изъ него полномочій. Отсюда слѣдствіе то, что власти даннаго государства, получивъ судебное порученіе непосредственно отъ иностранныхъ властей, имѣющихъ на такую посылку надлежащія полномочія, если пожелаютъ и если имѣютъ на то право по закону, могутъ его исполнить, но чаще, чтобы не навлечь на себя отвѣтственности, они или будутъ просто отказывать въ исполненіи или станутъ обращаться за указаніями къ высшимъ властямъ[1]), а

---

[1]) Нидерландскій Reglement provisionnel 1787 г., § 29; уст. уг. суд. бернскаго кантона 1854 г., § 96; уст. уг. суд. С. В. Эйзенаха 1839 г., § 16; проектъ фр. зак. о выд., ст. 23; извѣстный циркуляръ фр. мин. юст. 5 апр. 1841 г., § 5.

эти послѣднія, что-бы въ свою очередь гарантировать отвѣтственность той державы, изъ которой исходитъ судебное порученіе, въ томъ случаѣ, еслибъ его исполненіе вызвало претензіи третьяго государства, войдутъ съ ней въ дипломатичетскія сношенія по этому вопросу, т. е. въ концѣ концовъ судебная помощь можетъ быть оказана лишь послѣ дипломатическихъ переговоровъ. Послѣдняя процедура всегда будетъ имѣть мѣсто, если въ непосредственныя сношенія объ исполненіи судебнаго порученія войдетъ иностранная судебная власть, неимѣющая такихъ полномочій, и, конечно, если суды, къ которымъ обратились за содѣйствіемъ, не хотятъ навлечь на себя отвѣтственности исполненіемъ судебнаго порученія.

Изъ всего сказаннаго естественно вытекаетъ то заключеніе, что отвѣтственность правительства той страны, суды которой обратились съ судебнымъ порученіемъ, предъ правительствомъ того государства, власти котораго исполняютъ его, *при отсутствіи трактатовъ*, наилучше достигается передачей порученія дипломатическимъ путемъ и *въ этомъ* случаѣ дипломатическій путь сношеній имѣетъ рѣшительное преимущество предъ непосредственнымъ.

Болѣе слабы другіе доводы защитниковъ дипломатической пересылки судебнаго порученія. Bregeault, какъ замѣчено раньше, настаиваетъ на томъ, что дипломатическая передача судебнаго порученія даетъ возможность государству, у котораго просятъ помощи, самому убѣдиться, что порученіе не вызвано политическимъ преступленіемъ и что оно не противорѣчитъ его законамъ.

Но исполненіе судебнаго порученія иностраннаго суда, которое вызвано разборомъ политическаго преступленія или которое противорѣчитъ законамъ данной страны, все равно можетъ быть отклонено, будетъ ли такое порученіе переслано дипломатическимъ путемъ или непосредственно отъ суда къ суду, стоитъ только вмѣнить судамъ въ обязанность не исполнять въ означенныхъ случаяхъ судебныхъ порученій, присланныхъ къ нимъ прямо изъ за границы. Слѣдовательно, въ данномъ отношеніи дипломатическій путь опять не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ непосредственными сношеніями судовъ. Наконецъ, также точно не основательно предположеніе Bregeault'a, будто при существованіи непосредственныхъ меж-

дусудебныхъ сношеній можно было бы утверждать, что государство, оказывающее судебную помощь, находится въ подчиненіи (subordination) у того, отъ котораго исходитъ судебное порученіе. Во первыхъ, при существованіи между государствами взаимности въ оказаніи другъ другу судебной помощи роли государствъ будутъ постоянно мѣняться. Во вторыхъ,— и это главное,—государства *по своей волѣ принимаютъ на себя* обязанность взаимной судебной помощи, безразлично, будутъ ли сношенія между ними объ этомъ происходить дипломатическимъ путемъ или прямо между судебными властями. Поэтому такая обязанность скорѣе символъ независимости и самоопредѣленія государствъ, чѣмъ ихъ подчиненности. Изъ этихъ критическихъ замѣчаній видно, что Billot и Bregeault довольно слабо отстаиваютъ дипломатическій путь пересылки судебныхъ порученій изъ одного государства въ другое. Самый же этотъ способъ сношеній *въ нѣкоторыхъ случаяхъ* имѣетъ серьезное основаніе.

Другая группа писателей,–настаивающихъ на цѣлесообразности непосредственныхъ сношеній между судами, гораздо основательнѣе защищаетъ свой тезисъ. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что непосредственныя сношенія между судами, ускоряя ходъ суда, гармонируютъ съ интересами подсудимаго и вообще съ интересами правосудія несравненно болѣе, чѣмъ сношенія длиннымъ дипломатическимъ путемъ.

Изъ всего сказаннаго самъ собой вытекаетъ тотъ выводъ, что каждый изъ. путей сношеній имѣетъ свои достоинства и свои недостатки. Поэтому, на мой взглядъ, наиболѣе цѣлесообразнаго рѣшенія интересующаго насъ вопроса должно искать въ комбинаціи обоихъ ихъ и при томъ такой, чтобъ можно было наиболѣе воспользоваться хорошими сторонами каждаго изъ нихъ. Такая комбинація возможна. Попытки ея осуществленія мы встрѣчаемъ на практикѣ въ цѣломъ рядѣ раньше приведенныхъ конвенцій, законовъ и административныхъ распоряженій. Но попытки эти далеко не всегда удачны: роли конвенцій и законовъ въ опредѣленіи пути сношеній между судами разныхъ странъ распредѣлены въ законахъ или недостаточно ясно и точно[1])

[1]) Иные законы этого вопроса вовсе не касаются, напр. аргентинскій зак. о выдачѣ пр. 1885 г., ст. 30; зак. о в. пр. для госуд. Конго 1886, ст. 8 и др.

(напр., испанскій уст. уг. судопр. 1872 г., ст. 65), или просто неправильно (австрійскій уст. уг. судопр. 1873 г., ст. 26, цюрихскій 1874 г., ст. 124, золотурнскій 1886 г., ст. 27 и др.)[1]. Раціональная постановка вопроса должна заключаться въ слѣдующемъ. Во первыхъ, законы отдѣльныхъ государствъ должны содержать постановленія о томъ, въ какихъ случаяхъ и какимъ путемъ суды даннаго государства могутъ поддерживать сношенія съ судами иностранными. Постановленія эти должны быть точны и ясны. Они должны состоять изъ общихъ началъ, на основаніи которыхъ можно было бы разрѣшать цѣлые ряды разнообразныхъ случаевъ. Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ упрека тѣ законы, которые касаются вопроса о способѣ присылки судебнаго порученія, говоря о какомъ нибудь спеціальномъ случаѣ судебной помощи, напр. о допросѣ свидѣтелей, и оставляя въ сторонѣ всѣ остальные случаи (уставъ уг. судопр. фрибургскаго кантона 1839 г., § 181, іоническихъ острововъ 1844 г., § 261 и др.), или, напр., односторонне предвидятъ только случаи посылки судебнаго порученія судами данной страны въ иностранное государство (тѣ-же уст., прусскій 1805 г., § 355 и др.), или, наоборотъ, только случаи полученія судебныхъ порученій изъ иностраннаго государства (аргентинскій зак. о выд. прест. 1885 г., § 30, такой же зак. гос. Конго 1886 г., § 8 и др.)[2]). Во вторыхъ, установленіе въ законѣ соотношенія между договоромъ и закономъ относительно опредѣленія пути сношеній между судами даннаго государства и иностранными должно состоять въ томъ, что законъ долженъ предвидѣть существованіе международныхъ договоровъ и ихъ отсутствіе, и въ первомъ случаѣ путь сношеній между судами долженъ опредѣляться по международному договору.

---

[1]) По 65 ст. испанскаго уст. судебныя порученія посылаются путемъ указаннымъ въ трактатахъ, случаевъ же, когда нѣтъ трактатовъ, этотъ законъ не касается; австрійскій и др. уставы дѣлаютъ общимъ правиломъ непосредственныя междус. сношенія съ исключеніями на основаніи трактатовъ, законовъ и т. п., что не м. б. оправдано съ точки зрѣнія прежнихъ нашихъ соображеній: при отсутствіи тракт. сношенія д. происходить по общему правилу дипломатическимъ путемъ.

[2]) Замѣчанія *Ch. Antoine* о фр. проектѣ зак. о выдачѣ въ Revue critique de législation 1879, p. 326.

во второмъ на основаніи закона. Законъ долженъ постановлять, что при отсутствіи договоровъ или при отсутствіи въ договорахъ точныхъ опредѣленій на какой нибудь случай сношенія между судами должны происходить дипломатическимъ путемъ, который, какъ намъ извѣстно, въ этихъ случаяхъ имѣетъ серьезныя основанія. Единственное исключеніе можетъ быть допущено развѣ въ отношеніи передачи судебныхъ порученій, состоящихъ лишь въ сообщеніи какому-ниб. лицу тѣхъ или иныхъ судебныхъ повѣстокъ, объявленій и т. п. Порученія этого рода и при отсутствіи трактатовъ могутъ быть передаваемы непосредственно изъ суда въ судъ, такъ какъ исполненіе такого судебнаго порученія иностраннымъ государствомъ, какъ увидимъ позже, едва ли можетъ подать поводъ къ какимъ нибудь претензіямъ въ отношеніи этого государства со стороны третьихъ державъ, а между тѣмъ для отправленія правосудія и для адрессата дозволеніе непосредственныхъ сношеній между судами можетъ имѣть значеніе.

Что касается международныхъ конвенцій, то въ нихъ по возможности слѣдуетъ отдавать предпочтеніе непосредственнымъ междусудебнымъ сношеніямъ. Особенно это слѣдуетъ сказать о сношеніяхъ между пограничными судами двухъ государствъ. Удержаніе дипломатической передачи судебнаго порученія въ трактатахъ можетъ быть оправдано лишь въ томъ случаѣ, когда оно касается пересылки изъ одного государства лицъ, содержащихся въ немъ подъ стражей, въ другое для очныхъ ставокъ или свидѣтельскихъ показаній, такъ какъ въ этомъ случаѣ исполненіемъ судебнаго порученія могутъ быть весьма чувствительно задѣты интересы и права, какъ частнаго лица, такъ и самаго государства[1]).

2. Какія власти двухъ государствъ могутъ вступать другъ съ другомъ въ сношенія относительно взаимнаго исполненія судебныхъ порученій.

§ 1. Вопросъ о томъ, какая власть даннаго государства имѣетъ право обращаться за судебною помощью къ властямъ иностраннаго государства и какая можетъ, въ свою очередь,

[1]) *Ch. Antoine*, примѣч. къ *Fiore*, p. 778; Pradier-Fodéré, III, § 1846. Иного мнѣнія *Bernard*, II, p. 654.

получать судебныя порученія, присланныя изъ другой державы, слѣдуетъ отдѣлять отъ вопроса о томъ, какая власть можетъ производить разслѣдованіе по дѣлу и какая компетентна приводить въ исполненіе судебное порученіе иностраннаго суда. Тотъ, кто имѣетъ право и обязанъ заниматься производствомъ слѣдствія по извѣстному уголовному дѣлу, далеко не всегда вправѣ отъ своего имени обращаться съ судебнымъ порученіемъ непосредственно къ тѣмъ или инымъ иностраннымъ властямъ. Точно также тотъ, кто компетентенъ получать иностранное судебное порученіе, не всегда можетъ рѣшать вопросъ о приведеніи его въ исполненіе и не всегда является тѣмъ лицемъ, которое должно исполнить самое порученіе. Такое вполнѣ естественное разчлененіе двухъ намѣченныхъ вопросовъ мы находимъ какъ въ законахъ, такъ и въ международныхъ конвенціяхъ [1]). Остановимся на первомъ изъ этихъ вопросовъ. При разрѣшеніи его слѣдуетъ имѣть въ виду, происходятъ ли сношенія между судами дипломатическимъ путемъ или непосредственно.

§ 2. Если судебное порученіе передается дипломатическимъ путемъ, то въ непосредственное соприкосновеніе приходятъ спеціальные органы международныхъ сношеній данныхъ государствъ. Какая судебная власть можетъ возбудить ходатайство о посылкѣ судебнаго порученія и какія инстанціи должно оно пройти, чтобы достигнуть Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которое уже вступитъ въ сношенія съ иностранной державой, — всѣ эти вопросы должны разрѣшаться на основаніи внутреннихъ законовъ страны, изъ которой исходитъ извѣстное судебное порученіе. Они едва-ли могутъ интересовать иностранное государство, ибо, ктобъ ни былъ иниціаторомъ посылки судебнаго порученія, — все равно, разъ это порученіе передано дипломатическимъ путемъ, оно покрывается авторитетомъ государства. Въ свою очередь и для государства, изъ суда ко-

[1]) Codice di pr. pen. del r. d'Italia 1865, §§ 853, 854; итал. проектъ зак. о выдачѣ, ст. 26, 27; англійскіе зак. о выдачѣ 1870 г., ст. XXIV, и 1873 г., ст. V; проектъ французскаго зак. о выдачѣ, ст. 23; аргентинскій зак. о выдачѣ 1885 г., ст. 30; законъ о выдачѣ для госуд. Конго 1886 года, ст. 8 и др. См. конвенціи, указанныя въ послѣдующихъ выноскахъ.

тораго исходитъ судебное порученіе, не важно, какъ и кому изъ компетентныхъ по иностраннымъ законамъ властей будетъ оно передано для направленія къ исполненію. Это дѣло законовъ иностраннаго государства. Если же въ судебномъ порученіи, пересылаемомъ дипломатическимъ путемъ, и находимъ обращеніе къ извѣстной иностранной судебной власти, то этимъ указаніемъ на компетентную власть имѣется въ виду — только облегчить исполненіе такого порученія, а отнюдь не выразить желаніе, что оно должно быть исполнено именно названной властью. Для подкрѣпленія справедливости этихъ замѣчаній можно сослаться на самую форму обращенія, которая иногда составляется въ столь общихъ выраженіяхъ — «такому то суду *или другой компетентной власти*» —, что не оставляетъ никакихъ сомнѣній на счетъ истинныхъ цѣлей ея употребленія[1]).

Въ виду всего сказаннаго нельзя не одобрить тѣхъ законовъ и международныхъ конвенцій, которые въ постановленіяхъ о передачѣ судебныхъ порученій дипломатическимъ путемъ вовсе не упоминяютъ объ иностранной власти, посылающей ихъ или ограничиваются тѣмъ, что говорятъ о судебныхъ порученіяхъ «иностранной *компетентной* власти» или просто «иностранной судебной власти» [2]).

Итакъ, когда сношенія между судами двухъ странъ ведутся дипломатическимъ путемъ, вопросъ о томъ, какія судебдебныя власти обѣихъ могутъ посылать и получать судебныя порученія, съ точки зрѣнія международныхъ сношеній отступаетъ на второй планъ.

§ 3. Не то слѣдуетъ сказать о тѣхъ случаяхъ, когда между судами разныхъ государствъ дозволены непосредственныя сношенія. Тутъ существенно важно точно опредѣлить, какія су-

---

[1]) Объ этомъ подробно въ главѣ о формѣ судеб. порученій.

[2]) Бельгійскій зак. о выдачѣ 1874 г., ст. 11; Gesetzbuch über das Verfahren in Strafsachen für den Kanton Bern 1854, Art. 96; см. также законы, приведенные въ пред. вын. Объ англійскихъ зак. см. *Bomboy et Gilbrin*, p. 157. Конвенціи: Италія—Швеція и Норвегія 1866 г., ст. 13; Бельгія-С.-Сальвадоръ 1880 г., ст. 12, 14; Бельгія—Германія 1874 г., 13, 15: Бельгія—Нидерланды 1877 г., ст. 12, 14 и др. *Kirchner*. Въ конвенціяхъ о выдачѣ между Россіей и другими державами вовсе не упоминается о судебной власти, посылающей судебное порученіе.

дебныя власти уполномочены вступать другъ съ другомъ въ переписку. Власти, получающей судебное порученіе, особенно если отъ неяже зависитъ приведеніе его въ исполненіе, необходимо знать, послано-ли оно надлежаще уполномоченной къ тому иностранной властью или нѣтъ. Почему? Если исполняется судебное порученіе, присланное компетентной къ веденію непосредственныхъ сношеній иностранной властью, то, въ случаѣ какого нибудь требованія или протеста со стороны третьей державы, вызваннаго исполненіемъ этого порученія, исполнитель его можетъ, въ свою очередь, сослаться на то государство, изъ котораго оно прислано, такъ какъ государство это, признавая за извѣстными судебными властями право вступать съ таковыми же иностраннаго государства въ непосредственныя сношенія, ео ipso налагаетъ на нихъ обязанность слѣдить за правильностью передачи судебныхъ порученій, ктобъ ни былъ ихъ иниціаторомъ, и дѣлаетъ ихъ въ этомъ отношеніи отвѣтственными передъ собой, само же оно отвѣчаетъ за дѣйствія уполномоченныхъ имъ властей, произведенныя въ границахъ ихъ полномочій. Наоборотъ, если бы исполнялось судебное порученіе такой иностранной власти, которая не уполномочена его посылать, то отечество этой власти не обязано отвѣчать за ея незаконныя дѣйствія, а лишь обязано подвергнуть ее наказанію за превышеніе полномочій. Такимъ образомъ, чтобы избѣжать отвѣтственоости за исполненіе судебныхъ порученій, пересылаемыхъ непосредственно отъ суда къ суду, слѣдуетъ давать ходъ лишь тѣмъ изъ нихъ, которыя получены отъ иностранной власти, уполномоченной вести непосредственныя сношенія. Столь же необходимо точно опредѣлить, какая власть имѣетъ право получать судебное порученіе непосредственно отъ иностраннаго суда. Власть, которой непредоставлено такого права не должна вмѣшиваться въ это дѣло. Она должна отклонить обращенное къ ней требованіе иностраннаго суда и, что весьма желательно, передать его компетентной власти вмѣсто того, чтобы отсылать обратно. Итакъ, при непосредственныхъ сношеніяхъ между судами двухъ государствъ должны быть исполняемы только тѣ судебныя порученія, которыя, съ одной стороны, посланы, а съ другой—получены компетентными въ этомъ отношеніи властями.

Если непосредственныя сношенія между судами двухъ

государствъ устанавливаются на основаніи конвенцій, то въ такихъ конвенціяхъ должны быть указаны тѣ власти, которымъ предоставляется право входить въ непосредственную переписку другъ съ другомъ. Такъ обыкновенно и дѣлается [1]).

Но можетъ случиться, что соотвѣтственныхъ конвенцій данное государство не заключило и что суды его получаютъ право вступать въ сношенія съ судами другихъ державъ только на основаніи односторонней воли закона. Въ такомъ случаѣ въ самомъ законѣ должно быть точно опредѣлено, кто именно можетъ пользоваться этимъ правомъ. Само собою разумѣется, что съ точки зрѣнія международныхъ сношеній безразлично, какія бы власти извѣстнаго государства ни получили надлежащія полномочія въ разсматриваемомъ отношеніи. Это зависитъ отъ порядковъ отдѣльныхъ странъ. Важно только, чтобы такія власти были указаны.

На практикѣ оказывается, что уставы уголов. судопр. и другіе законы, дозволяющіе непосредственныя сношенія съ иностранными судами, дѣйствительно содержатъ на этотъ счетъ соотвѣтственныя постановленія [2]).

3. Удостовѣреніе подлинности судебныхъ порученій.

§ 1. Чтобы судебное порученіе, присланное изъ иностраннаго государства, могло быть направлено къ исполненію, власть, получившая его, должна быть увѣрена, что оно дѣйствительно исходитъ отъ той иностранной власти, которая въ немъ обоз-

---

[1]) Декларація Россіи и Швеціи 1870 г. о вознагражденіи свидѣтелей, вызываемыхъ въ пограничныя судеб. мѣста Швеціи и В. К. Финляндскаго. Конвенція о непосредственныхъ сношеніяхъ между судами пограничныхъ округовъ Россіи, Пруссіи и Австріи 1879 г., ст. 2 и 1884 г., ст. 2. Деклараціи между Италіей и Австріей 1867 г. и 1872 г., *L. Palma*, p. 1218—19; деклараціи между Германіей и Швейцаріей 1878 г., *Staudinger*, S. 469; Протоколъ между Швейцаріей и Италіей 1869 г., *Fiore-Antoine*, p. 742.

[2]) Die österreichische Strafprocessordnung v. 23 Mai 1873, § 26; Gesetz betr. die züreberische Rechtspflege v. 2 Dec. 1874, § 124; Strafprocessordnung für den Kanton Soloturn v. 1 Juli 1886, §§ 27, 25; проектъ франц. закон. о выд. пр. ст. 23 и др.

начена. Въ свою очередь власти, пославшей судебное порученіе, также важно знать, дѣйствительно-ли полученный ею отвѣтъ данъ упомянутой въ немъ властью. То и другое достигается легализаціей, удостовѣреніемъ подлинности присланныхъ изъ иностраннаго государства актовъ.

При дипломатическихъ сношеніяхъ это удостовѣреніе въ концѣ концовъ дѣлается Министерствами Иностранныхъ Дѣлъ, сообразно съ дѣйствующими въ каждомъ государствѣ постановленіями, и не вызываетъ никакихъ затрудненій.

При непосредственныхъ же междусудебныхъ сношеніяхъ удостовѣреніе подлинности судебнаго порученія происходитъ иначе. Если такія сношенія поддерживаются на основаніи конвенцій, то послѣднимъ должно принадлежать рѣшающее въ этомъ отношеніи значеніе.

Дѣйствительно нѣкоторыя изъ конвенцій такого рода опредѣляютъ способъ удостовѣренія судебныхъ порученій. Напр. въ 4 ст. конвенціи между Бразиліей и Парагваемъ 1879 года постановлено, что судебныя порученія должны быть легализированы консульскимъ агентомъ, пребывающимъ въ странѣ, изъ которой они посылаются [1]. Но большинство изъ нихъ совершенно умалчиваетъ объ этомъ [2]). Молчаніе конвенцій въ данномъ случаѣ можетъ быть истолковано въ томъ смыслѣ, что судебныя порученія, исходящія отъ властей одного государства, которымъ предоставлено право вступать въ непосредственныя сношенія съ властями другаго, не нуждаются ни въ какомъ удостовѣреніи.

Такой выводъ гармонируетъ съ тѣмъ довѣріемъ, которое государства, заключившія соглашенія о непосредственныхъ сно-

---

[1]) *Martens*, N. R. G., 2-e S., XII, p. 542; Бразилія—Болвія 1879 г., по ст. 8 подлинность (autenticidade) судебнаго порученія «será comprobada por el funcionario diplomático ó consular residente en el país de donde fueren expedidos, ó conforme á las leyes i practica de cada pais relativas á la legalizacion», ibid., p. 544; Бразилія—Аргентинская республика 1880 г., ст. 4, ibid., p. 546.

[2]) Конвенціи между нѣмецкими государствами, помѣщенныя въ сочин. *Krug'a*. Конвенція Россіи съ Германіей 1879 г. и съ Австріей 1884 г. о непосредств. сношеніяхъ между пограничными судами и др.

шеніяхъ между ихъ судебными властями, очевидно оказываютъ судебнымъ порядкамъ другъ друга.

Можно желать, чтобъ международныя сношенія по судебнымъ дѣламъ по возможности выигрывали въ быстротѣ и простотѣ, а слѣдовательно нельзя не одобрить тѣхъ соглашеній, которыя приводятъ къ этому, устраняя излишнія формальности.

Если-бъ государства помимо конвенцій дозволили своимъ судебнымъ властямъ поддерживать непосредственныя сношенія другъ съ другомъ, то наилучшимъ и наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ удостовѣренія подлинности ихъ переписки могла бы служить легализація ея находящимися въ данномъ государствѣ консулами той державы, въ предѣлы которой судебное порученіе или отвѣтъ на него будутъ посылаемы. Кромѣ того консульское удостовѣреніе могло бы свидѣтельствовать и о томъ, что та или другая судебная власть имѣетъ, по законамъ страны, право вступать въ непосредственныя сношенія съ иностранными судебными властями и дѣйствуетъ въ сферѣ своей компетенціи.

III. Форма и языкъ судебнаго порученія.

§ 1. Въ нѣкоторыхъ международныхъ конвенціяхъ находитъ мѣсто ясное постановленіе о томъ, что судебныя порученія, посылаемыя въ иностранные суды, должны составляться по формѣ, предписанной законами того государства, чей судъ ихъ посылаетъ [1]). Большинство же конвенцій объ этомъ совершенно умалчиваетъ. Но молчаніе послѣднихъ, мнѣ кажется, должно быть толкуемо въ смыслѣ постановленія первыхъ. Такимъ образомъ опредѣленіе формы судебнаго порученія должно относиться въ область законодательныхъ или административныхъ постановленій отдѣльныхъ государствъ. Изрѣдка только въ самихъ конвенціяхъ дѣлаются указанія относительно соблюденія извѣстныхъ формальностей. Такъ, напр., въ 18 ст. италіянско-греческой конвенціи о выдачѣ преступниковъ 1875 г. постановлено, что судебное порученіе относительно допроса свидѣтелей или производства другихъ слѣдственныхъ дѣйствій должно быть пересылаемо дипломатическимъ путемъ «sans autre formalité que la signature du magistrat instructeur compétent» [2]).

Можно потому вполнѣ одобрить постановленія 193 статьи испанскаго устава угол. судопр. 1882 г., что судебныя порученія иностраннымъ судамъ должны посылаться «въ формѣ, установленной трактатами, а при ихъ отсутствіи — въ формѣ предписанной общими постановленіями правительства».

Просматривая дѣйствующія въ различныхъ странахъ постановленія относительно формы судебныхъ порученій, не трудно

---

[1]) Конв. о выд. преступниковъ: Россія—Италія 1871 г., ст. 13; Россія-Австрія 1874 г., ст. 13; Россія-Испанія 1888 г., ст. 13. Тоже въ конвенціяхъ между другими государствами: Италія-Швейцарія 1868 года, ст. 13; Австрія-Сербія 1881 г., ст. 16, *Kirchner*.

[2]) Тоже италіянско-французская конв. 1870 г., ст. 12, *Kirchner*.

замѣтить, что при ихъ составленіи считались какъ съ судебными порядками другихъ государствъ, такъ и съ особой природой международныхъ сношеній. Дѣйствительно это необходимо для того, чтобы по возможности облегчить и обезпечить самое исполненіе судебныхъ порученій. Вотъ примѣры подобныхъ постановленій. Въ циркулярѣ нашего Министерства Юстиціи отъ 20 декабря 1885 г. (за № 32208) читаемъ слѣдующее: «Изъ имѣющихся въ М. Ю. свѣдѣній усматривается, что судебныя власти, въ требованіяхъ объ исполненіи судебныхъ дѣйствій въ предѣлахъ иностранныхъ государствъ, обозначая съ точностью мѣстный судъ, коимъ судебное дѣйствіе должно быть исполнено, не дѣлаютъ при этомъ никакихъ указаній на случай могущей встрѣтиться, по какимъ либо обстоятельствамъ, необходимости исполненія требованія другимъ судомъ или вообще другою компетентною властью.

Между тѣмъ, какъ видно изъ сообщенной М. И. Д. ноты пребывающаго въ Спб. французскаго посла, власти французской республики, признавая означенный въ требованіи судъ *единственно* компетентнымъ въ его исполненіи, не считаютъ возможнымъ передавать такія требованія въ *другіе* суды и посему возвращаютъ ихъ обратно».

«Въ видахъ устраненія подобныхъ случаевъ, замедляющихъ теченіе судебныхъ дѣлъ», Министръ Ю. проситъ предсѣдателей судебныхъ мѣстъ «сдѣлать зависящія распоряженія, чтобы на будущее время, въ требованіяхъ судебныхъ мѣстъ и подвѣдомственныхъ имъ лицъ объ исполненіи судебныхъ дѣйствій въ предѣлахъ иностранныхъ государствъ, указаніе мѣстнаго суда, коему поручается исполненіе требованія, сопровождалось добавленіемъ словъ «*или иной подлежащей власти*». Несомнѣнно, что такимъ путемъ наилучше будутъ предупреждены столь вредныя для хода правосудія проволочки. Но было бы желательно, чтобъ иностранный судъ, на имя котораго прислано судебное порученіе безъ добавочныхъ словъ — «или иной подлежащей власти», въ случаѣ некомпетенціи въ исполненіи судебнаго порученія, напр., вслѣдствіе перемѣны мѣста жительства лицомъ, которое надо допросить въ качествѣ свидѣтеля, не отсылалъ его обратно, а передавалъ компетентной власти, такъ какъ порученіе, по вѣрному замѣчанію Ch. Antoine'a, дѣлается единственно съ цѣлью исполненія слѣдственныхъ

дѣйствій вообще *другой фактически* (réellement) *компетентной* властью, по мимо всякихъ личныхъ соображеній [1]).

Другой циркуляръ М. Ю. отъ 11 авг. 1880 г. (за № 15789) вмѣняетъ въ обязанность прокурорамъ судебныхъ палатъ принять мѣры къ тому, чтобы въ повѣсткахъ о вызовахъ изъ заграницы иностранныхъ подданныхъ, въ качествѣ свидѣтелей по уголовнымъ дѣламъ, не было дѣлаемо указаній на взысканія за неявку ихъ по вызову въ Россію. Основательность этого постановленія очевидна. Доколѣ вызываемый находится въ иностранномъ государствѣ, судъ, вызывающій его, безсиленъ, дѣйствовать мѣрами принужденія, а потому угрозы въ повѣсткѣ безцѣльны. Кромѣ того иностранный свидѣтель, на основаніи дѣйствующихъ конвенцій, имѣетъ полное право по своей волѣ рѣшить, желаетъ ли онъ отправиться въ другое государство по вызову суда или нѣтъ. Слѣдовательно о мѣрахъ принужденія въ отношеніи его не можетъ быть рѣчи. Но этого мало. Иностранныя власти могутъ усмотрѣть въ такомъ вызовѣ, подкрѣпленномъ угрозами, незаконное вторженіе въ ихъ государственную территорію чужой власти и потому могутъ въ передачѣ его отказать.

Одинаковыя причины вызвали подобныя приведеннымъ постановленія или въ другихъ государствахъ [2]).

Сущность судебнаго порученія должна быть изложена хотя и кратко, но за то настолько точно и ясно, что-бы судья, приводящій его въ исполненіе, могъ вполнѣ отчетливо видѣть, въ чемъ должна заключаться задача его дѣятельности. Порученіе должно быть снабжено необходимыми по дѣлу справками и приложеніями. Въ судебномъ порученіи слѣдуетъ указывать, на основаніи какого закона или конвенціи оно посылается [3]). Наконецъ, обѣщаніе взаимности особенно умѣстно въ порученіи тогда, когда оно посылается въ судъ такого государства, съ которымъ нѣтъ на этотъ счетъ конвенціи [4]).

---

[1]) *Fiore*, II, p. 748—9.

[2]) Австро-Венгрія—*Starr*, S. 169—70; государства Германской Имперіи—*Böhm*, II, S. 178—9, 183—193; Испанія—*Olivares Biec*, art. 185.

[3]) *Bomboy et Gilbrin*, p. 154.

[4]) *Olivares Biec*, art. 188.

§ 2. Что касается языка, на которомъ должны быть написаны судебныя порученія, то при наличности конвенцій слѣдуетъ, конечно, исполнить находящіяся въ нихъ объ этомъ постановленія.

Въ конвенціяхъ, смотря по удобствамъ, стороны могутъ условиться относительно употребленія во взаимныхъ сношеніяхъ какого имъ угодно языка [1]). Если же такого соглашенія нѣтъ, то дѣйствуютъ общія начала, закрѣпленныя международной практикой.

Исходя изъ принципа независимости и равенства государствъ въ международномъ общеніи, каждая держава можетъ, какъ при посылкѣ судебнаго порученія въ иностранный судъ, такъ и при отвѣтѣ на порученіе послѣдняго, пользоваться избраннымъ ею языкомъ. Но съ другой стороны государство не обязано давать ходъ судебному порученію, написанному на непонятномъ для него языкѣ, и заниматься его переводомъ. Оно можетъ требовать, чтобы иностранныя власти въ сношеніяхъ съ нимъ прилагали переводы присылаемыхъ актовъ на извѣстный его властямъ языкъ, все равно будетъ ли это языкъ данной странѣ или какой нибудь третьей державы [2]). Поэтому, при различіи языковъ двухъ странъ, для ускоренія хода суда слѣдуетъ судебное порученіе, написанное на языкѣ той страны, отъ судовъ которой оно исходитъ, снабжать переводомъ на языкъ той державы, гдѣ оно должно быть исполнено, или на общепринятый въ дипломатіи языкъ французскій [3]).

---

[1]) Конв. о выдачѣ преступниковъ: Россія-Данія 1866 г., ст. 8; Россія-Гессенъ 1869 г., ст. 15; Россія-Баварія 1869 г., ст. 15; Россія-Италія 1871 г., ст. 17; Россія-Швейцарія 1873 г., ст. 17; Россія-Австрія 1874 г., ст. 17; Россія-Нидерланды 1880 г., ст. 12; Россія-Монако 1883 г., ст. 13; Россія-Португалія 1887 г., ст. 12; Россія-Испанія 1888 г., ст 18. Конв. о непосред. снош. между погранич. суд.: Россія-Германія 1879 г., ст. 5; Россія-Австрія 1884 г., ст. 5. Декларація Россіи и Италіи 1874 г. о передачѣ судеб. повѣст., ст. 1. Тоже въ конв. между друг. государ.: Бельгія-Данія 1876 г., ст. 17; Австрія Сербія 1881 г., ст. 20; Люксембургъ-Данія 1879 г., ст. 17 и др. *Kirchner.*

[2]) *Гефтеръ*, § 235; *Pradier-Fodéré*, Cours de droit dipl., II, p. 419; *Fiore*, II, p. 765.

[3]) Судебныя порученія русскихъ судовъ обыкновенно посылаются вмѣстѣ съ французскимъ ихъ переводомъ.

IV. Исполненіе и отказъ въ исполненіи судебнаго порученія иностраннаго суда.

§ 1. Если судебное порученіе иностранной судебной власти получено надлежащимъ путемъ и въ надлежащей формѣ, то настаетъ моментъ его исполненія.

На основаніи какихъ законовъ оно происходитъ?

Въ конвенціи постоянно заносится стереотипная фраза, что допросъ свидѣтелей и производство другихъ слѣдственныхъ дѣйствій будетъ происходить на основаніи законовъ той страны, гдѣ эти акты будутъ исполняться. Оправдать это постановленіе не трудно. Всякій судъ, всякая власть обязаны дѣйствовать на основаніи и въ предѣлахъ обязательныхъ для нихъ законовъ даннаго государства, которое по принципу суверенитета само устанавливаетъ правовыя нормы для разныхъ юридическихъ отношеній своей внутренней жизни [1]).

Законы отдѣльныхъ странъ далеко не всегда содержатъ спеціальныя постановленія на счетъ исполненія судебныхъ порученій иностранныхъ судовъ и предоставляютъ довольствоваться примѣненіемъ въ этихъ случаяхъ общихъ нормъ относительно производства тѣхъ или иныхъ слѣдственныхъ дѣйствій. Только въ нѣкоторыхъ государствахъ законодатель счелъ нужнымъ коснуться этого вопроса, вполнѣ основательно считая его разрѣшеніе областью своей компетенціи. Законы такихъ государствъ или вообще говорятъ объ исполненіи иностранныхъ судебныхъ порученій, или наоборотъ, исключительно занимаются отдѣльными ихъ видами.

Такъ, уст. угол. судопр.—нидерландскій 1787 г., саксенъ-веймарскій 1839 г., бернскаго кантона 1854 г., гессенскій 1863 г.. италіянскій 1865 года, проекты законовъ о выдачѣ — французскій и италіянскій, аргентинскій законъ о

[1]) *И. Фойницкій*, Курсъ уг. судопр., I, стр. 181.

выдачѣ 1885 г., наконецъ, законъ государства Конго 1886 г. опредѣляютъ, какая власть компетентна исполнять порученія иностранныхъ судовъ и въ какихъ случаяхъ низшія судебныя власти, получивъ изъ иностраннаго государства судебное порученіе, должны обратиться къ высшимъ судебнымъ или административнымъ властямъ за надлежащими указаніями [1]).

Въ испанскихъ уставахъ уголовнаго судопроизводства 1872 и 1882 гг. и въ названномъ проектѣ италіянскаго закона о выдачѣ преступниковъ находимъ общее постановленіе, что судебное порученіе должно быть исполнено въ тѣхъ случаяхъ и въ томъ порядкѣ, какіе установлены въ конвенціяхъ [2]). При отсутствіи конвенцій—дѣйствуетъ законъ.

Напротивъ, законы англійскіе 1856, 1870, 1873 гг. трактуютъ только о процедурѣ допроса свидѣтелей по просьбѣ иностраннаго суда, а бельгійскій законъ о выдачѣ 1874 г. касается лишь производства домоваго обыска и собранія вещественныхъ доказательствъ (saisie du corps du délit ou des pièces à conviction) [3]).

Наконецъ, нѣкоторые законы указываютъ тѣ условія,

---

[1]) Regl. provis. pour la proc. cr. dans les Pays-Bas autr. 1787, § 29; С. В. Эйзенахскій Gesetz über die Geritchtszuständigkeit in Kriminal-Sachen, 10 Apr. 1839, § 16, помѣщенный въ приложеніи къ Strafgesetzbuch für das Gr. H. S. W. E.; Gesetzbuch über das Verfahren in Strafsachen für den Kanton Bern 1854, Art. 96; гессенскій Gesetz vom 28 oct. 1863 die Gerichtsverfassung betreffend, § 40; Codice di pr. pen. del regno d'Italia 1865. § 851; проектъ франц. зак. о выдачѣ 1879 г., ст. 23, 25; италіянскій проектъ 1882 г., ст. 24 и 26; аргентинскій зак. ст. 30; зак. о в. для госуд. Конго 1886 г., ст. 8. Конституція гос. Конго 1 авг. 1885 г., Département des affaires étrangères, Justice, Ch. I, sect.1, art. II, *Arch. dipl.* 1886, № 8—9, p. 299. См. также циркуляръ фр. министра юстиціи отъ 5 апр. 1841 г., § 5, у *Billot*, *Bomboy* et *Gilbrin* и др.

[2]) Ley provisional de exjuiciamiento criminal (1872), art. 66; Ley de enjuiciamiento criminal (1882), art. 193, 194; италіянскій проектъ, 26 ст.

[3]) An Act to provide for taking Evidence in Her Majesty's Dominions in relation to civil and com. Matters pending before Foreign Tribunals 1856,—*The Statutes of the un. kingdom of gr. Br. and Ireland*, *by Ch. D. Bevan and G. Kettilby Rickards*, cap. CXIII, p. 332, законы о выдачѣ 1870, ст. XXIV, и 1873 г., ст. V; бельгійскій з. о в. 1874 г., ст. 11.

при отсутствіи которыхъ судебное порученіе иностраннаго суда не можетъ быть исполнено [1]).

Такимъ образомъ какъ международные договоры, такъ и законы санкціонируютъ то начало, что законъ страны, къ которой обратились за судебной помощью, долженъ опредѣлять, допустимо-ли исполненіе даннаго судебнаго порученія иностраннаго суда, какая власть обязана его исполнить, при какихъ условіяхъ и въ какой формѣ оно должно быть исполнено и т. п. Это начало столь само по себѣ ясно, что если-бы даже конвенціи и законы не говорили о немъ, оно все же естественно должно было быть выведено изъ самой природы и цѣли государства, обязанностей суда и характера международной жизни державъ.

Исполненіе судебнаго порученія иностраннаго суда сообразно съ требованіями закона той страны, суды которой обратились за содѣйствіемъ къ данному государству, возможно лишь въ томъ случаѣ, если это, съ одной стороны, не противорѣчитъ законамъ того государства, гдѣ судебное порученіе исполняется, а съ другой необходимо для иностраннаго суда[2]). При такихъ условіяхъ приведеніемъ въ исполненіе иностраннаго судебнаго порученія будутъ вполнѣ охранены интересы и права обѣихъ вступившихъ въ сношенія сторонъ.

Если обратимся къ законамъ отдѣльныхъ странъ, то окажется, что они часто открываютъ полную возможность такой процедуры. Такъ, напр., въ 854 ст. италіянскаго уст. уг. судопр. прямо говорится, что свидѣтели, по просьбѣ иностраннаго суда, могутъ быть допрошены подъ присягой[3]), по V ст. англійскаго закона о выдачѣ 1873 г. свидѣтели могутъ давать показанія въ присутствіи или отсутствіи обвиняемаго и т. п. Конвенціи весьма рѣдко содержатъ постановленія на этотъ счетъ[4]).

---

[1]) См. законъ о выдачѣ—англійскіе 1870 и 1873 гг., отмѣч. ст.; бельгійскій 1874 г., ст. 11 и др. Подробнѣе объ этомъ позже.

[2]) *FioreAntoine*, II, p. 749.

[3]) Ганноверскіе уставы уг. судопр. 8 ноября 1850 г., § 80, и 5 апр. 1859 г., § 87, какъ разъ постановляютъ: «bei allen derartigen Gesuchen an ausländische Gerichte ist in der Regel eine eidliche Vernehmung zu erbitten».

[4]) Напр., конвенція о выдачѣ преступниковъ между Россіей и Даніей 1866 г., ст. 7.

Такимъ образомъ оказывается, что при исполненіи судебныхъ порученій иностранныхъ судовъ центръ тяжести лежитъ въ законахъ той страны, къ которой обратились за содѣйствіемъ.

Поэтому было-бы желательно, чтобы, во 1-хъ, они касались этого вопроса и такимъ образомъ не оставляли на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній и, во 2-хъ, чтобы законодательныя постановленія отличались большей полнотой и чтобы при этомъ въ нихъ примирялись интересы данной державы съ интересами международнаго общенія. Опредѣлять-же въ точности отдѣльныя стороны вопроса объ исполненіи иностранныхъ судебныхъ порученій—дѣло, конечно, отдѣльныхъ державъ.

Таковы основныя начала исполненія судебныхъ порученій иностранныхъ судовъ. Но не всегда просьбы иностранныхъ судовъ находятъ удовлетвореніе.

§ 2. Когда-же можетъ послѣдовать отказъ въ исполненіи судебнаго порученія? При отвѣтѣ на тотъ вопросъ слѣдуетъ различать случаи, когда между данными государствами нѣтъ договора объ исполненіи судебныхъ порученій и когда такой договоръ существуетъ.

Если данныя государства не связаны международнымъ договоромъ,— они юридически не обязаны оказывать другъ другу содѣйствіе въ отправленіи правосудія, а потому могутъ отклонить исполненіе вообще всякаго судебнаго порученія. Это принципіальное рѣшеніе вопроса ex stricto jure.

На практикѣ государства, слѣдуя принципу взаимности, не отказываютъ другъ другу въ судебной помощи. Они лишь ограничиваются тѣмъ, что въ законахъ иногда опредѣляютъ случаи, когда порученіе иностраннаго суда безусловно будетъ отклонено. Такъ, на основаніи аргентинскаго закона о выдачѣ преступниковъ—1885 г. (ст. 30, 31)—и французскаго проекта з. о в. пр. 1879 г. (ст. 23) не исполняются судебныя порученія иностранныхъ государствъ, возникающія при производствѣ суда по преступленіямъ политическимъ. Аргентинскій зак. о выд. преступ. (ст. 31) и проекты французскій (ст. 24) и италіянскій (ст. 28) дозволяютъ пріемъ и врученіе вызова иностраннаго суда для дачи свидѣтельскихъ показаній лицу, пребывающему въ Аргент. респ., Франціи или Италіи, лишь подъ условіемъ, что это лицо не будетъ подвергнуто аресту или

преслѣдованію за дѣянія, предшествовавшія вызову или за соучастіе въ преступленіи, по которому оно даетъ показаніе. По статьѣ 11 бельгійскаго закона о выд. пр. 1874 г. судебныя порученія иностранной компетентной власти, состоящія въ производствѣ домоваго обыска или въ собраніи вещественныхъ доказательствъ (saisie du corps du délit, ou de pièces à conviction) могутъ быть исполняемы въ Бельгіи только за одно изъ преступленій, исчисленныхъ въ 1 ст. того-же закона, т. е. обусловливающихъ собою выдачу. Ст. 25 французскаго проекта закона о выдачѣ разрѣшаетъ временную посылку въ иностранное государство для очныхъ ставокъ лица, содержащагося подъ арестомъ, или судебныхъ документовъ, если тому не препятствуютъ «особыя соображенія» (considérations particulières) и подъ условіемъ обратной просылки какъ посланныхъ лицъ, такъ и документовъ. Наконецъ, оставляются безъ послѣдствій тѣ судебныя порученія, исполненіе которыхъ можетъ какимъ-бы то ни было образомъ нарушить мѣстные законы.

Обозначеніемъ въ законахъ, когда иностранныя судебныя порученія не могутъ быть исполняемы, государства какъ бы заявляютъ, что во всѣхъ другихъ случаяхъ они готовы, подъ условіемъ взаимности, даже при отсутствіи трактатовъ оказывать судебную помощь иностраннымъ судамъ.

Всѣ отмѣченныя ограниченія въ исполненіи иностранныхъ судебныхъ порученій сохраняютъ полную силу и при наличности международныхъ договоровъ, если только договоры не содержатъ на этотъ счетъ иныхъ какихъ нибудь постановленій.

Какъ-же разрѣшаютъ интересующій насъ вопросъ международные договоры? Государства вводятъ въ нихъ не только всѣ только что разсмотрѣнныя причины отказа въ исполненіи судебнаго порученія, но прибавляютъ къ нимъ и нѣсколько другихъ.

Въ итогѣ, на основаніи анализа цѣлаго ряда разнообразныхъ по своему содержанію конвенцій, вытекаетъ тотъ выводъ, что разныя государства обѣщаютъ другъ другу оказывать взаимную судебную помощь лишь при слѣдующихъ условіяхъ: если судебное порученіе возникло при разборѣ уголовнаго не политическаго дѣла, если исполненіе его не нарушаетъ законовъ страны, если вызванный въ иностранный судъ свидѣ-

тель, которому должно быть уплочено соотвѣтственное вознагражденіе, не будетъ тамъ арестованъ и подвергнутъ преслѣдованію за дѣянія, совершенныя до вызова, или за соучастіе въ томъ преступленіи, при изслѣдованіи котораго онъ даетъ показанія, если посылкѣ въ иностранное государство для очныхъ ставокъ преступниковъ и сообщенію документовъ и другихъ доказательствъ не препятствуютъ какія нибудь «особыя соображенія» и кромѣ того подъ условіемъ, что тѣ и другіе будутъ возвращены по миновапіи въ нихъ надобности, если судебное порученіе, состоящее въ производствѣ домоваго обыска или собраніи вещественныхъ доказательствъ относится къ разслѣдованію одного изъ преступленій, исчисленныхъ въ данной конвенціи[1]), если дѣяніе, подавшее поводъ иностранному суду обратиться съ судебнымъ порученіемъ, наказуемо и по законамъ той страны, у которой просятъ содѣйствія, если это дѣяніе — не чисто фискальный проступокъ, наконецъ, если судебное порученіе дается властямъ данной державы не по дѣлу, въ которомъ ея подданный фигурируетъ въ роли обвиняемаго[2]).

Замѣтимъ, что обыкновенно въ различныхъ конвенціяхъ содержатся лишь нѣкоторыя изъ приведенныхъ условій. Общая ихъ сумма получается какъ выводъ изъ постановленій цѣлаго ряда соглашеній.

Спрашивается, имѣютъ-ли основаніе всѣ эти ограниченія?

§ 3. Требованіе, чтобы исполненіе судебнаго порученія не нарушало законовъ страны, какъ замѣчено раньше, вполнѣ справедливо. Было-бы противно природѣ государства, если-бы помощь другой странѣ оказывалась имъ съ нарушеніемъ въ то же время своихъ законовъ и во вредъ себѣ.

Также безспорна основательность и другого условія исполненія судебнаго порученія,—именно, что свидѣтель, въ из-

[1]) Въ конвенціи о выдачѣ преступниковъ между Франціей-Вальдекъ и Пирмонтъ 1854 г. такое ограниченіе проведено въ отношеніи допроса свидѣтелей (ст. 11); въ конв. между Аргентинской респ. и Парагваемъ 1877 г., ст. 16, въ отношеніи очныхъ ставокъ и присылки документовъ.

[2]) См. часть историческую, стр. 41, вып. 1.

вѣстныхъ границахъ, долженъ быть обезпеченъ отъ привлеченія къ суду въ томъ государствѣ, куда онъ явился для дачи свидѣтельскихъ показаній, а присланный для очныхъ ставокъ преступникъ и разные документы и другія доказательства должны быть возвращены обратно[1]). Явка свидѣтеля и присылка въ иностранное государство для очныхъ ставокъ лица, содержащагося подъ стражей,—не выдача ихъ для суда надъ ними, а присылка документовъ и вообще доказательствъ не даръ. Наконецъ, не трудно оправдать и ту оговорку, что просьба о высылкѣ для очныхъ ставокъ лица, содержащагося подъ стражей, или о доставленіи какихъ нибудь документовъ и доказательствъ можетъ быть исполнена, «если тому не препятствуютъ особыя соображенія». Дѣло въ томъ, что выполненіе просьбы иностраннаго государства можетъ оказаться весьма затруднительнымъ и вреднымъ для собственныхъ интересовъ данной страны или даннаго частнаго лица, напр., если требуютъ присылки такого лица, надъ которымъ какъ разъ въ это время производится судъ, куда вызвано по дѣлу много свидѣтелей, экспертовъ и т. п., если высылкѣ заключеннаго мѣшаетъ болѣзнь, если просятъ о сообщеніи такихъ вещественныхъ доказательствъ и документовъ, которые нужны на мѣстѣ и т. п.[2]). Въ подобныхъ случаяхъ, смотря по обстоятельствамъ, судебная помощь или можетъ быть отсрочена на извѣстное время или даже вовсе можетъ быть отказана. Такимъ образомъ при помощи оговорки «если тому не препятствуютъ особыя соображенія» имѣется въ виду ввести взаимную обязанность государствъ оказывать другъ другу судебную помощь въ разсматриваемомъ нами отношеніи въ границы, наиболѣе соотвѣтствующія живой дѣйствительности[3]).

Другія ограниченія исполненія судебнаго порученія или подаютъ поводъ къ спору между писателями или вызываютъ ихъ единодушное порицаніе.

Такъ, писатели расходятся въ мнѣніяхъ на счетъ того, дѣйствительно-ли раціонально исполнять судебное порученіе

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе послѣ.

[2]) *Billot*, p. 408; *Bernard*, II, p. 653.

[3]) Иного мнѣнія *Cy. Antoine* у *Fiore*, II, p. 779.

иностранной державы только въ дѣлахъ по тѣмъ преступнымъ дѣяніямъ, которыя наказуемы и по законамъ государства, оказывающаго судебную помощь?

Одни повидимому оправдываютъ такія границы взаимной судебной помощи между государствами и готовы допустить исключенія только въ томъ случаѣ, если требуемыя иностраннымъ государствомъ доказательства клонятся къ оправданію виновнаго (Entlastungszeugen, E.-beweisen)[1]. Другіе[2]) идутъ гораздо дальше. По мнѣнію Fiore, законъ страны, къ которой обращаются съ судебнымъ порученіемъ, долженъ служить только для рѣшенія вопроса, можетъ-ли требуемое судебное дѣйствіе быть исполнено и какъ оно должно быть исполнено, но онъ не долженъ служить для опредѣленія преступности дѣянія, что зависитъ исключительно отъ закона той державы, въ которой это дѣяніе совершилось. Намъ бы казалось противнымъ истиннымъ принципамъ, продолжаетъ онъ, обязывать судью, который долженъ собрать доказательства извѣстнаго факта, имѣвшаго мѣсто въ иностранномъ государствѣ,—чтобы онъ разслѣдовалъ, не составляетъ-ли этотъ фактъ проступка и по законамъ его страны. Въ одномъ только случаѣ Fiore оправдываетъ разсматриваемое ограниченіе, именно, когда рѣчь идетъ о содѣйствіи иностранному суду въ дѣлѣ подданнаго той державы,

---

[1]) *Arlia*, p. 97; *Lammasch*, S. 853; ср. также *Bar*, S. 578—9; «Die spezielle Frage, ob das Zeugniss dann geweigert werden könne, wenn die Handlung, welche den Gegenstand der Untersuchung bildet, nach dem Rechte des requirirten Staats eine offenbar nicht strafbar ist, muss, wenn nicht besondere Bestimmungen in dem einzelnen Lande ein Anderes enthalten, bejaht werden; denn die Unterstützung fremder Staaten und folgeweise auch die Verpflichtung der Unterthanen, zur Unterstützung einer fremden Rechtsordnung mitzuwirken, erstreckt sich nicht auf die Verfolgung nur particularrechtlicher Strafansprüche. Nur bei vorgeschlagenen Entlastungszeugen würde eine Ausnahme eintreten, da das hier in Frage kommende Recht der angeschuldigten Privatpersonen den im Civilverfahren verhandelten Rechten der letzteren doch gleichzustellen ist, und im Civilverfahren von den Gerichten aller Staaten zum Zwecke der Beweisaufnahme Rechtshülfe geleistet wird».

[2]) *Fiore-Antoine*, II, p. 763—4; *Bernard*, II, p. 642; ср. также *Bard*, p. 116; *Pradier-Fodéré*, III, p. 1065.

къ которой обратились съ судебнымъ порученіемъ. Bernard въ свою очередь полагаетъ, что допустить, чтобы государство могло отказать въ своемъ содѣйствіи по собранію доказательствъ извѣстнаго проступка подъ предлогомъ, что онъ не предусмотрѣнъ его уголовнымъ закономъ или что онъ носитъ фискальный характеръ, это значитъ распространять нетерпимость (l'intolérance) (!) до послѣднихъ предѣловъ.

Мнѣ кажется болѣе справедливымъ взглядъ первой группы писателей въ виду слѣдующихъ соображеній. Несомнѣнно, что матеріальной основой общенія и взаимнаго содѣйствія между народами является общность ихъ жизненныхъ интересовъ, близость нравственныхъ и правовыхъ убѣжденій, наконецъ, вообще сходство цивилизаціи. Поэтому, въ семьѣ народовъ европейской цивилизаціи, гдѣ всѣ эти условія наиболѣе осуществлены, общеніе достигло наибольшаго развитія. Однако оно и здѣсь далеко еще не проникло всѣхъ доступныхъ ему сторонъ общественной жизни, такъ какъ къ тому встрѣчается еще не мало препятствій въ особенностяхъ строя и всей жизни отдѣльныхъ государствъ. Тѣмъ не менѣе движеніе впередъ по пути къ сближенію несомнѣнно. Кругъ вопросовъ, по которымъ государства входятъ во взаимныя сношенія и оказываютъ другъ другу содѣйствіе, постепенно расширяется по мѣрѣ того, какъ взаимное довѣріе возрастаетъ на почвѣ сближенія нравственныхъ, правовыхъ и экономическихъ ихъ взглядовъ.

Обращаясь спеціально къ вопросу о взаимномъ содѣйствіи государствъ другъ другу въ дѣлѣ отправленія правосудія, нельзя не замѣтить, что это содѣйствіе оказывается ими съ тѣмъ большей готовностью, чѣмъ болѣе они питаютъ довѣрія къ судебнымъ порядкамъ другъ друга, чѣмъ болѣе эти порядки построены на общихъ основныхъ принципахъ и чѣмъ болѣе представляетъ сходство ихъ матеріальное право. Поэтому понятно, что и производить слѣдственныя дѣйствія по порученію иностраннаго суда имѣется разумное основаніе только тогда, если судебные порядки и матеріальное право, обязательныя для этого суда, гармонируютъ съ юридическими убѣжденіями той страны, къ властямъ которой обратились за содѣйствіемъ. Въ противномъ случаѣ могло-бы оказаться, что одно государство, доставляя судамъ другаго судебныя доказательства, будетъ слу-

жить такимъ судебнымъ порядкамъ и будетъ содѣйствовать примѣненію такихъ нормъ матеріальнаго права, которыя рѣшительно признаются имъ неудовлетворительными и потому вычеркнуты изъ его кодексовъ. Не значило-ли бы это впадать въ противорѣчіе съ самимъ собой? Не значило ли бы это поступаться собственными правовыми взглядами для содѣйствія въ защитѣ подчасъ сомнительныхъ интересовъ иностраннаго государства? Какъ вышла-бы изъ затрудненія та или другая державы, если бы въ противномъ ея правовымъ воззрѣніямъ процессѣ, въ которомъ просятъ ея содѣйстія, оказался участвующимъ ея подданный? Отказъ въ содѣйствіи въ этомъ случаѣ—наилучшее подтвержденіе защищаемаго взгляда. Завѣдомо-же помогать иностранному суду въ производствѣ слѣдствія надъ своимъ подданнымъ при сдѣланномъ нами предположеніи государство не можетъ.

Всѣ эти замѣчанія даютъ, кажется, основаніе оправдывать ту оговорку конвенцій, что въ исполненіи судебнаго порученія иностраннаго суда будетъ отказано, если это порученіе вызвано разслѣдованіемъ дѣянія, ненаказуемаго по законамъ страны, къ которой обратились за содѣйствіемъ. Идти дальше этихъ границъ, какъ вѣрно замѣчаютъ Bar и Lammasch, можно лишь въ томъ случаѣ, если иностранныя власти просятъ сообщить данныя, служащія къ оправданію преслѣдуемаго лица. Въ подобномъ случаѣ исполненіе судебнаго порученія будетъ и въ интересахъ обвиняемаго и въ интересахъ справедливости.

Съ другой стороны, нельзя ни въ какомъ случаѣ оправдать обозначенія границъ взаимной судебной помощи государствъ только суммой дѣлъ по преступленіямъ, влекущимъ за собою выдачу. Выдачу, какъ извѣстно, влекутъ за собой только болѣе крупныя преступленія. Оправдывается это тѣмъ, что, если-бы она производилась и за незначительныя правонарушенія, то связанныя съ ней издержки и страданіе, которому можетъ подвергнуться выдаваемое лицо, часто не соотвѣтствовали бы серьезности инкриминируемаго дѣянія и степени заинтересованности въ наказаніи преступника какъ той державы, въ которой совершено преступленіе, такъ и той, въ которой онъ пребываетъ [1]). Эти соображенія отнюдь не имѣютъ мѣста, если

[1]) *Lammasch*, S. 118—126.

иностранные суды просятъ только содѣйствія въ производствѣ тѣхъ или другихъ слѣдственныхъ дѣйствій или въ исполненіи тѣхъ или иныхъ порученій.

Отказъ въ содѣйствіи въ этихъ случаяхъ, не будучи въ состояніи остановить хода суда, затруднилъ бы только разслѣдованіе дѣла въ ущербъ правосудію [1]). Поэтому заслуживаютъ полнаго осужденія постановленія нѣкоторыхъ (весьма немногихъ) конвенцій о выдачѣ, въ которыхъ говорится о допросѣ свидѣтелей «по уголовному дѣлу, *упомянутому въ настоящей конвенціи*» [2]) или «по уголовному (неполитическому) дѣлу, *состоящему въ связи съ требованіемъ о выдачѣ*» [3]). Эти ограниченія можно даже разсматривать какъ lapsus calami [4]), такъ какъ ихъ нѣтъ въ послѣдующихъ статьяхъ тѣхъ же конвенцій — статьяхъ, трактующихъ о личной явкѣ свидѣтелей, о присылкѣ преступниковъ для очныхъ ставокъ и т. п.

Иногда въ конвенціяхъ встрѣчаемъ оговорку, что «судебныя порученія, клонящіяся къ производству домоваго обыска или къ собранію вещественныхъ доказательствъ (soit une visite domiciliaire, soit la saisie du corps du délit ou des pièces à conviction), будутъ исполняемы только по одному изъ дѣяній, влекущихъ за собой выдачу (обыкновенно указывается соотвѣтственная статья конвенціи, въ которой исчисляются эти дѣянія) [5]). Эта оговорка даетъ право заключить, что слѣдовательно всякаго рода другія судебныя порученія могутъ быть исполняемы и по дѣламъ о такихъ преступленіяхъ, за которыя не производится выдача.

Конвенціи, въ которыхъ просто говорится объ исполненіи судебныхъ порученій «по дѣламъ уголовнымъ» или «по дѣламъ уголовнымъ неполитическимъ» безъ всякихъ другихъ

---

[1]) Ibid., S. 852.

[2]) Франція-Вальдекъ-Пирмонтъ 1854 г., ст. 11, *Kirchner*.

[3]) Россія-Австрія 1874 г., ст. 13; Россія-Испанія 1888 г., ст. 13.

[4]) *Lammasch*, S. 847.

[5]) Румынія-Монако 1881 г., ст. 13, *Martens*, 2-e S., XIV, p. 117; Франція-Бельгія 1874 г., ст. 13; Бельгія-Италія 1875 г., ст. 14; Бельгія-Данія 1876 г., ст. 14; Франція-Люксембургъ 1875 г., ст. 14; Франція-Данія 1877 г., ст. 13; Италія-Сербія 1879 г., ст. 14 и др. *Kirchner*. Ни въ одной изъ конвенцій, заключенныхъ Россіей съ другими державами, нѣтъ этого изъятія.

ограниченій по роду дѣлъ, должны быть истолковываемы въ томъ смыслѣ, что содѣйствіе должно быть оказываемо не только по дѣламъ о преступленіяхъ, за которыя можетъ послѣдовать выдача, но и въ случаѣ суда по другимъ болѣе маловажнымъ преступнымъ дѣяніямъ, лишь бы только, какъ замѣчено раньше, таковыя были наказуемы и по законамъ страны, исполняющей судебное порученіе.

Далѣе, въ конвенціяхъ наиболѣе часто признается причиной отказа въ исполненіи судебнаго порученія иностраннаго суда политическій характеръ изслѣдуемаго этимъ судомъ дѣянія[1]).

Какъ же относятся къ этому постановленію писатели?

Bernard рѣшительно противъ него протестуетъ[2]). Неужели необходимо, спрашиваетъ онъ, возводить недовѣріе между правительствами въ политическій и международный догматъ и объявлять, что правосудіе не только не можетъ достигнуть выдачи виновныхъ, но что кромѣ того всѣ его акты возбуждаютъ подозрѣніе и что оно должно остаться безпомощнымъ и безоружнымъ противъ политическихъ преступленій?

Взаимный отказъ правительствъ въ сообщеніи другъ другу доказательствъ политическихъ преступныхъ дѣяній, по мнѣнію того-же писателя, можетъ имѣть самыя тягостныя послѣдствія. Во первыхъ, это отняло-бы у суда средства установить преступленіе и дозволить вслѣдствіе того бѣглецу возвратиться въ отечество вмѣсто того, чтобы пребывать въ изгнаніи. Во вторыхъ, это остановило бы дѣйствіе правосудія противъ соучастниковъ и сдѣлалобъ его безпомощнымъ въ отношеніи общихъ преступленій, связанныхъ какимъ бы то ни было образомъ съ политическими. Таковы мысли Bernard'а.

Совершенно противоположнаго взгляда держится громадное большинство писателей[3]). Они утверждаютъ, что неиспол-

---

[1]) Изъ дѣйствующихъ Конвенцій Россіи съ другими державами это исключеніе оговорено въ слѣдующихъ: Россія-Бельгія 1872 г., ст. 13—15;. Россія-Швейцарія 1873 г., ст. 13—15; Россія-Австрія 1874 г., ст. 13—15 Россія-Англія 1886 г. ст. 17; Россія-Португалія 1887 г., ст. 12—13;

[2]) *Bernard*, II, p. 641 et suiv.

[3]) *Arlia*, p. 87; *Billot*, p. 398; *Fiore-Antoine*, II, p. 751; *Bard*, p. 116; *Bomboy et Gilbrin*, p. 158; *Lammasch*, S. 848.

неніе судебнаго порученія, состоящаго въ собраніи доказательствъ по политическому преступленію, должно послѣдовать по тѣмъ же соображеніямъ, какими вообще оправдывается невыдача политическихъ преступниковъ. По мнѣнію Arlia, Fiore и Lammasch'a могутъ быть исполняемы и по дѣламъ политическимъ только тѣ порученія иностранныхъ судовъ, которыя клонятся къ облегченію участи подсудимаго. Но при этомъ Fiore вводитъ нѣкоторое ограниченіе. Онъ находитъ цѣлесообразнымъ не отказывать въ осуществленіи судебныхъ порученій лишь тогда, когда они относятся къ улучшенію положенія подсудимаго, которому вынесенъ уже обвинительный приговоръ. Если же дѣло еще не рѣшено (s'il s'agissait d'une instance pendante), то, по мнѣнію Fiore, должно отказать иностранному суду въ доставленіи разныхъ доказательствъ и справокъ по дѣламъ политическимъ или чисто военнаго характера (purement militaires), чтобы этимъ матеріаломъ нельзя было воспользоваться противъ подсудимаго [1]).

Я вполнѣ присоединяюсь къ господствующему мнѣнію по тѣмъ-же основаніямъ, на какихъ оно зиждется. Считаю только необходимымъ замѣтить, что ограниченіе, вводимое Fiore, едва ли можетъ выдержать критику: оно свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ недовѣріи къ иностраннымъ правительствамъ и излишне низводитъ случаи исполненія судебныхъ порученій по дѣламъ политическимъ до степени рѣдкихъ исключеній. Исполненіе судебныхъ порученій иностраннаго суда по собранію доказательствъ въ пользу невинности обвиняемаго въ политическомъ преступленіи, охраняя интересы подсудимаго, въ то же самое время происходитъ и въ интересахъ иностраннаго государства, такъ какъ оно содѣйствуетъ раскрытію истины, а задача судовъ всякаго государства и состоитъ въ служеніи правдѣ. Кромѣ того въ дѣлахъ о преступленіяхъ политическихъ можетъ быть оправдано содѣйствіе иностраннымъ судамъ въ томъ случаѣ, если оно состоитъ въ передачѣ данному лицу присланныхъ на его имя тѣхъ или иныхъ судебныхъ актовъ, такъ какъ такая передача, какъ увидимъ позже, ничуть не ухудшая положенія этого лица, можетъ часто служить ему на пользу.

---

[1]) *Fiore-Antoine*, II, p. 753.

Но какъ быть, если въ постановленіяхъ конвенцій о производствѣ слѣдственныхъ дѣйствій по порученію иностраннаго суда не упоминается объ изъятіи въ пользу преступленій политическихъ? [1]) Практика и писатели толкуютъ и такіе трактаты въ томъ смыслѣ, что это изъятіе должно само собой подразумѣваться, такъ какъ основное начало конвенцій—невыдача политическихъ преступниковъ—должно распространяться и на частныя ихъ постановленія, включая сюда и постановленія о содѣйствіи судамъ иностраннаго государства въ собраніи доказательствъ изслѣдуемаго ими преступленія[2]).

Конечно это толкованіе примѣнимо лишь въ отношеніи тѣхъ конвенцій, которыя содержатъ общее постановленіе о невыдачѣ политическихъ преступниковъ. Если же въ конвенціи не только не говорится объ изъятіи политическихъ преступленій изъ числа тѣхъ, по которымъ можетъ быть оказано содѣйствіе иностраннымъ судамъ въ собраніи разныхъ доказательствъ, но нѣтъ даже и оговорки о невыдачѣ политическихъ преступниковъ[3]), или если спеціальныя конвенціи объ исполненіи судебныхъ порученій иностраннаго государства вовсе не касаются политическихъ преступленій[4]),—то вопросъ о томъ, содѣй-

---

[1]) Это изъятіе отсутствуетъ въ большинствѣ дѣйствующихъ конвенцій о выдачѣ, закл. Россіей съ другими державами, ср. стр. 103, вып. 1; изъ конв. другихъ государствъ см. Италія-Монако 1866 г., ст. 13—15; Испанія-Португалія 1867 г., ст. 14—16; Австрія-Швеція и Норвегія 1868 г., ст. 13; Бразилія-Парагвай 1872 г., ст. 16; Нидерланды-Испанія 1879 г., ст. 12—14; Нидерланды-Австрія 1880 г., ст. 11—13, Нидерланды-Бразилія 1881 г., ст. 10—12 и др. *Kirchner*.

[2]) *Fiore-Antoine*, p. 752; *Bomboy et Gilbrin*, p. 159; *Lammasch*, S. 848.

[3]) Конвенція о выдачѣ Россіи съ Даніей 1866 г. Конв. Россіи съ Испаніей 1888 г. (ст. 2 и 4) допускаетъ въ широкихъ размѣрахъ выдачу за преступленія политическія, а слѣдовательно и исполненіе судебныхъ порученій, вызванныхъ разслѣдованіемъ этихъ дѣяній.

[4]) См. конвенціи Россіи съ Германіей 1879 г. и съ Австріей 1884 г. о непосредственныхъ сношеніяхъ между пограничными судами; министерская декларація 1874 г. Россіи съ Италіей о передачѣ судебныхъ повѣстокъ и объявленій. Соглашенія объ исполненіи судебныхъ порученій между Бразиліей и Парагваемъ 1879 г., *Martens*, 2-e S., XII, p. 542; Парагваемъ и Аргентинской респ. 1880 г., ibid., p. 485; Боливіей и Бразиліей 1879 г., ibid., p. 544 и др.

ствовать ли иностраннымъ судамъ въ производствѣ ими слѣдствій по дѣламъ политическимъ, долженъ быть рѣшенъ на основаніи общихъ принциповъ.

Затѣмъ, какъ извѣстно, къ числу преступныхъ дѣяній, при разслѣдованіи которыхъ государства вправѣ отказывать другъ другу во взаимномъ судебномъ содѣйствіи, нѣкоторыя конвенціи относятъ чисто воинскіе и фискальные проступки[1]. И здѣсь, въ пользу этихъ изъятій можно сослаться на тѣ же соображенія, какія приводятъ въ пользу не выдачи лицъ, обвиняемыхъ въ означенныхъ проступкахъ.

Наконецъ, остается еще упомянуть, что конвенціи дозволяютъ иногда государствамъ отказывать въ исполненіи судебнаго порученія, если оно прислано иностраннымъ судомъ по дѣлу, по которому къ отвѣтственности привлекаются ихъ подданные[2]). Постановленія этого рода встрѣчаются въ различныхъ варіантахъ. Такъ, въ ст. 12 французско-баварской конв. 1869 г. опредѣляется, что «высокія договаривающіяся стороны сохраняютъ за собой право устранить сообщеніе доказательствъ и исполненіе судебныхъ порученій, клонящихся къ установленію *виновности* одного изъ ихъ подданныхъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности предъ судомъ государства, просящаго о содѣйствіи»[3]). По ст. 14 бельгійско-баденской конвенціи 1869 г. «въ исполненіи судебнаго порученія можетъ быть отказано, если слѣдствіе направлено противъ *неарестованнаго еще* подданнаго государства, къ которому обратились за содѣйствіемъ»[4]. На основаніи ст. 13 испанско-италіянской конвенціи 1868 г.,

---

[1]) Напр. Швейцарія-Люксембургъ 1876 г., ст. 14; Германія-Бельгія 1874 г., ст. 13; Германія-Испанія 1878 г., ст. 13; Германія-Люксембургъ 1876 г., ст. 13; *Kirchner*. Подобныхъ изъятій нѣтъ въ конвенціяхъ Россіи съ друг. государствами.

[2]) Этого изъятія нѣтъ ни въ одной конвенціи Россіи съ иностранными державами.

[3]) См. *Kirchner*; ср. Испанія-Монако 1882 г., ст. 9. *Martens*, 2-e S. IX, p. 743.

[4]) *Arch. dipl.*, 1874, IV, p. 81; Италія-Германія 1871 г., ст. 12. *Kirchner*; Германія-Швейцарія 1874 г., ст. 12, ibid; Германія-Бразилія 1877 г., ст. 14 и др., ibid.

«обязанность исполнять судебное порученіе прекращается въ случаѣ, когда процессъ начатъ противъ подданнаго того государства, которому оно прислано, и когда вмѣняемое этому лицу въ вину дѣяніе *не наказуемо по его отечественнымъ законамъ*»[1]). Въ нѣкоторыхъ конвенціяхъ обѣ послѣднія подчеркнутыя мною оговорки соединены вмѣстѣ, такъ что можно воспользоваться или той или другой[2]). Изъ всѣхъ этихъ постановленій можетъ быть оправдано только постановленіе испано-италіанской конвенціи. Но, какъ замѣчено раньше, отказъ въ исполненіи судебнаго порученія иностраннаго суда вслѣдствіе ненаказуемости по законамъ данной страны того дѣянія, которымъ вызвано порученіе, долженъ быть распространенъ на всѣ вообще подходящіе случаи безъ различія подданства лица, привлеченнаго къ суду иностраннаго государства. Какую бы изъ остальныхъ версій ни взять, все равно, при условіяхъ, въ нихъ указанныхъ, принципъ отказа въ исполненіи судебнаго порученія по соображеніямъ подданства обвиняемаго, привлеченнаго иностраннымъ судомъ, которымъ прислано порученіе,—не можетъ быть оправданъ. Въ порицаніи его сходятся всѣ писатели[3]). Fiore[4]) вѣрно замѣчаетъ, что покровительство государствъ своимъ подданнымъ не должно распространяться до того, чтобы мѣшать подавленію ихъ злодѣйствъ. Отказъ въ сообщеніи доказательствъ, нужныхъ иностранному суду, противенъ достоинству государства, такъ какъ онъ, мѣшая отправленію правосудія въ другой странѣ, можетъ дать преступнику возможность избѣжать заслуженной кары и безнаказанно издѣваться надъ законами и порядками иностранной державы, чѣмъ будетъ нанесенъ ей чувствительный вредъ. Кромѣ того неисполненіе извѣстной державой иностраннаго судебнаго порученія потому только, что, въ дѣлѣ замѣшанъ ея подданный, можетъ парализовать дѣятельность иностраннаго суда въ отношеніи другихъ соучастни-

---

[1]) *Kirchner.*

[2]) Австрія-Швейцарія 1855 г., ст. 8, *Kirchner*; ср. также конвенціи, перечисленныя въ 4 вын. на предъидущей стр.

[3]) *Billot*, p. 398; *Bregeault*, p. 11; *Fiore-Antoine*, p. 761 et suiv.; *Bernard*, II. p. 640; *Lammasch*, S. 854; *Martitz*, S. 265.

[4]) *Fiore*, какъ извѣстно, оправдываетъ только выше проведенное постановленіе испанско-италіянской конвенціи 1868 г.

ковъ въ томъ же преступленіи. Судебное порученіе иностраннаго суда должно быть выполнено даже въ томъ случаѣ, когда само государство наказываетъ своего подданнаго за преступное дѣяніе, совершенное имъ за границей. Это можетъ быть необходимо вообще для производства слѣдствія по дѣлу, для раскрытія соучастниковъ и установленія ихъ вины, наконецъ, для суда надъ самимъ виновнымъ, подвергавшимся преслѣдованіямъ въ своемъ отечествѣ, если бы онъ впослѣдствіи опять возвратился въ мѣсто совершенія преступнаго дѣянія.

Кромѣ всѣхъ разобранныхъ случаевъ въ исполненіи порученія можетъ быть отказано иностранному суду еще и тогда, когда имъ не соблюдены другія какія нибудь постановленія конвенцій, напр., судебное порученіе прислано непосредственно въ судъ данной страны, тогда какъ по конвенціи передача его должна происходить дипломатическимъ путемъ, судебное порученіе составлено не въ надлежащей формѣ, не снабжено надлежащимъ переводомъ, легализаціей и т. п.

V. Отдѣльные виды судебныхъ порученій.

1. Допросъ свидѣтелей по порученію иностраннаго суда или личная ихъ явка въ этотъ судъ.

§ 1. Однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ судебныхъ порученій является полученіе свидѣтельскихъ показаній извѣстнаго лица, находящагося за границей, или личная явка его въ судъ для дачи этихъ показаній.

Въ первомъ случаѣ судебное порученіе состоитъ въ просьбѣ, обращенной къ иностранному суду,—допросить извѣстное лицо въ качествѣ свидѣтеля, и прислать составленный объ этомъ протоколъ въ судъ, рѣшающій дѣло, по которому свидѣтель давалъ показанія.

Если компетентная иностранная судебная власть даетъ ходъ судебному порученію, то между нею и лицомъ, которое должно дать свидѣтельское показаніе, устанавливаются такія же юридическія отношенія, какія существовали бы въ томъ случаѣ, если бы данный свидѣтель былъ вызванъ по дѣлу, разбираемому однимъ изъ судовъ даннаго государства. Иными словами, въ обоихъ случаяхъ существуетъ одинаковая обязанность свидѣтельствовать и въ обоихъ случаяхъ судъ равно можетъ прибѣгнуть къ мѣрамъ принужденія противъ уклоняющагося отъ исполненія этой обязанности лица, конечно, вполнѣ слѣдуя нормамъ своихъ отечественныхъ законовъ[1]). Подданство лица не имѣетъ въ данномъ случаѣ значенія. Кто-бы ни былъ по своему подданству свидѣтель, онъ обязанъ явиться въ этой роли предъ судомъ государства, въ которомъ онъ живетъ.

---

[1]) *Lammasch*, S. 858; Циркуляръ французскаго Мин. Юст. 5 апрѣля 1841 г., § 5; *Schauberg*, S. 163; *Blumber*, S. 273; *W. B. Lawrence*, III, p. 416—417; *Glaser*, Handbuch des Strafprocesses, Bd. I, S. 490—491; *Brégeault*, p. 13; *Martitz*, S. 263, п. 114.

Снятіе свидѣтельскихъ показаній въ иностранномъ государствѣ, какъ замѣчено раньше, производится компетентной по законамъ этой страны властью и съ соблюденіемъ всѣхъ формъ и требованій, предписанныхъ въ данномъ случаѣ тѣми же законами. Это общее мѣсто въ международныхъ договорахъ[1]. Слѣдуя этому принципу, иностранный судъ не будетъ производить допроса свидѣтелей, если по его отечественнымъ законамъ свидѣтели могутъ быть освобождены отъ дачи показаній, вслѣдствіе родства и т. п., хотя бы законъ требующаго судебной помощи иностраннаго государства и не зналъ этого ограниченія[2]). Но не можетъ быть отказано въ допросѣ свидѣтеля только потому, что по законамъ государства, гдѣ имѣетъ мѣсто этотъ допросъ, свидѣтельское показаніе не можетъ служить доказательствомъ въ данномъ конкретномъ случаѣ[3]). Этимъ ничуть не будетъ нанесенъ уколъ публично-правовому порядку страны. Судья можетъ пойти даже дальше. Онъ можетъ при производствѣ допроса примѣнять формы и исполнять условія, требуемыя иностраннымъ закономъ и судомъ, но лишь въ томъ случаѣ, если это не противорѣчитъ законамъ страны, оказывающей судебную помощь[4]). Такъ, напр., по французскому или австрій-

---

[1]) Ср. также англійскіе законы о выдачѣ преступниковъ, 9 авг. 1870 г., ст. XXIV, и 5 авг. 1873 г., ст. V; An Act to provide for taking Evidence in Her Majesty's Dominions in relation to Civil and Commercial Matters pending before Foreign Tribunals помѣщенъ въ The Statutes of the united kingdom of gr. Britain and Ireland, Vol. 23, 1857, cap. CXIII, p. 332. Циркуляръ фр. мин. юстиціи 5 апр. 1841 г., § 5.

[2]) *Archiv für preussisches Strafrecht herausg. durch Goltdammer*, 1861, S. 121. Mittheilungen aus der Praxis der Gerichtshöfe und der Staats-Anwaltschaften. § 357 der Kriminalordnung. Beurtheilung des Verwandschafts-Verhältnisses von Zeugen, die im Auslande wohnen, nach den dortigen Processgesetzen. *Kletke*, S. 33. Zollkartel zw. Preussen resp. den Zollvereinsstaaten und Oesterreich vom 19 Febr. 1853, § 24.

[3]) *Lammasch*, S. 858.

[4]) Конв. о выд. прест. Россіи съ Даніей 1866 г., ст. 7 «свидѣтели допрашиваются по возможности съ соблюденіемъ обрядовъ, указанныхъ въ ходатайствѣ, какъ желательныхъ по причинѣ постановленій законовъ той страны, гдѣ должно имѣть примѣненіе свидѣтельское показаніе»; ср. также конв. Россіи съ Германіей о непоср. снош. между погр. судами 1879 г., ст. 3,

скому уставамъ уголовнаго судопр. свидѣтели на предварительномъ слѣдствіи должны быть допрошены при отсутствіи обвиняемаго[1]). Статья же 446 нашего устава угол. судопр. постановляетъ «свидѣтели допрашиваются порознь, *и если окажется нужнымъ*, то первоначально въ отсутствіи обвиняемыхъ и прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ»[2]). Слѣдовательно, если *не* окажется нужнымъ устранить обвиняемаго, онъ присутствуетъ при снятіи свидѣтельскихъ показаній по его дѣлу. Ясно, что оговорка «если окажется нужнымъ» даетъ возможность, при исполненіи въ Россіи порученія иностраннаго суда, допрашивать свидѣтеля въ отсутствіи обвиняемаго, если подобной процедуры желаетъ иностранный судъ и т. п.[3]). Письменный актъ, являющійся юридическимъ слѣдомъ свидѣтельскихъ показаній и подписанный самимъ свидѣтелемъ, а если свидѣтель не можетъ или не хочетъ подписаться, то съ удостовѣреніемъ объ этомъ, пересылается обычнымъ путемъ по назначенію въ иностранное государство. Оцѣнка юридическаго значенія допроса свидѣтелей, совершеннаго въ иностранномъ государствѣ, производится, конечно, на основаніи законовъ той страны, суды которой обратились съ судебнымъ порученіемъ[4]).

Что же сказать о степени убѣдительности для суда свидѣтельскаго показанія, которое дано въ иностранномъ государствѣ и которое сообщается суду въ застывшей письменной формѣ? Нельзя не сказать, что подобный порядокъ вещей наноситъ чувствительный ущербъ принципу непосредственности, имѣющему столь великое значеніе для возможно справедливаго рѣшенія дѣла судомъ. Чтеніе свидѣтельскаго показанія не можетъ произвести на судъ такого впечатлѣнія, какое можетъ быть вызвано живымъ словомъ. Мало того. Цѣпь вопросовъ, изустно предлагаемыхъ предстоящему на судѣ

п. e; также конв. съ Австріей 1884 г., ст. 3, пунктъ e. См. Zollkartel zw. dem D. Reiche und Oesterreich-Ungarn 1881, § 24, *I. Staudinger*, S. 321. *Lammasch*, S. 859.

[1]) Code d'instr. crim. fr., art. 73; Oester. Str. pr. Ordn. 1873, § 162.

[2]) Ср. также англійскій зак. о выдачѣ прест. 1873 г., ст. V.

[3]) См. раньше главу «объ исполненіи и отказѣ въ исполненіи судебнаго порученія иностраннаго суда», § 1.

[4]) Codice di proc. pen. degli Stati uniti delle isole Jonie, 3 maggio 1844, art. 261. *Mittermaier*, Archiv f. die civ. Praxis, XIII, S. 310.

свидѣтелю, естественно вызывается всѣмъ ходомъ процесса, т. е. показаніями даннаго свидѣтеля, другихъ свидѣтелей, экспертовъ, замѣчаніями сторонъ и т. п. При подобной обстановкѣ обращенные къ свидѣтелю вопросы естественно всплываютъ одинъ за другимъ и получаютъ то или иное направленіе подъ вліяніемъ всего происходящаго на судѣ, а каждый штрихъ свидѣтельскаго показанія, очерчивающій ту или иную сторону дѣла, имѣетъ живое и дѣйствительное значеніе для составленія всей его картины въ ея истинномъ свѣтѣ, съ мельчайшими колоритурными ея оттѣнками. Все это во многихъ случаяхъ недостижимо при снятіи свидѣтельскихъ показаній внѣ суда. Какъ бы ни былъ прозорливъ судъ одного государства, ставящій вопросы, и какъ бы ни былъ добросовѣстенъ и остроуменъ судъ другаго, допрашивающій свидѣтеля, все равно во многихъ случаяхъ это не можетъ замѣнить собой всѣхъ выгодъ и значенія непосредственнаго допроса свидѣтеля на судѣ. При подобной процедурѣ все судебное разбирательство не можетъ быть такъ проникнуто духомъ единства, какъ при допросѣ свидѣтелей на судѣ. Можетъ даже случиться, что показанія спрошеннаго въ иностранномъ государствѣ свидѣтеля, только благодаря тому, что онъ не присутствовалъ на самомъ судѣ, окажутся въ противорѣчіи съ тѣмъ, что констатировано судомъ. Особенно это возможно въ отношеніи показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи. Таковы неудобства допроса свидѣтелей иностранными судебными властями.

Все это вѣрно. Но не слѣдуетъ однако впадать въ крайность и не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что, съ одной стороны, тѣже почти неудобства существуютъ и при спросѣ неприсутствующаго на судѣ свидѣтеля, который находится въ предѣлахъ государства, гдѣ происходитъ судъ, а съ другой, что иногда они не имѣютъ особаго значенія. Тѣмъ не менѣе все же во многихъ случаяхъ эти неудобства существуютъ. Какъ же можно избѣгнуть ихъ?

Одинъ изъ новѣйшихъ писателей, Ламмашъ, высказываетъ по этому вопросу слѣдующія соображенія. Онъ считаетъ необходимымъ, чтобы, во первыхъ, было ограничено число случаевъ, когда приходилось бы допрашивать свидѣтелей, пребывающихъ въ иностранномъ государствѣ, при содѣйствіи властей этого государства, а, во вторыхъ, если такого допроса избѣгнуть нельзя, то чтобъ были предприняты мѣры, которыя

по возможности содѣйствовали бы раскрытію истины, не смотря на то, что свидѣтель допрашивается не тѣмъ судомъ, для котораго интересно его показаніе. Какими же путями онъ считаетъ возможнымъ достигнуть того и другаго?

Число случаевъ допроса свидѣтелей при содѣйствіи властей иностраннаго государства можетъ сократиться, по его мнѣнію, тогда, если будетъ строго выдержанъ принципъ forum delicti commissi и какъ слѣдствіе его принципъ выдачи государствомъ собственныхъ подданныхъ, если въ процессахъ неполитическаго (!) характера на своихъ подданныхъ, не имѣющихъ мѣстожительства въ той странѣ, гдѣ они находятся, государства наложатъ обязанность являться предъ отечественнымъ судомъ для свидѣтельскихъ показаній и, наконецъ, если государства согласятся или чтобы была признана обязанность лично свидѣтельствовать предъ судомъ въ пограничныхъ округахъ двухъ смежныхъ государствъ[1]), или чтобы отъ усмотрѣнія суда, къ которому обращаются за содѣйствіемъ, въ каждомъ конкретномъ случаѣ зависѣло рѣшить, долженъ ли вызванный свидѣтель отправиться въ иностранный судъ или нѣтъ, смотря по важности личной явки для дѣла, смотря по важности самого дѣла и, наконецъ, смотря по величинѣ убытковъ, какіе могутъ произойти вслѣдствіе отлучки свидѣтеля изъ дома [2]).

Дѣйствительно, проведеніе въ практикѣ принципа forum delicti commissi значительно содѣйствовало бы отправленію правосудія, такъ какъ вся обстановка преступленія была бы на мѣстѣ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ давало бы возможность допрашивать свидѣтеля предъ судомъ, разбирающимъ дѣло, не обращаясь за содѣйствіемъ къ иностранному суду. Но, повторяю, только въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ, такъ какъ и при осуществленіи принципа forum delicti commissi можетъ случиться, что нужный суду свидѣтель выѣхалъ за границу, а слѣдовательно надо будетъ просить содѣйствія иностранныхъ властей. Самъ Lammasch указываетъ на это.

Далѣе соображенія Lammasch'а, что государство могло бы вмѣ-

---

[1]) Раньше къ этому же заключенію пришелъ *Bernard*, II, p. 646.

[2]) *Lammasch*, S. 860—861.

нить въ обязанность своимъ подданнымъ, не имѣющимъ домициля въ иностранномъ государствѣ, являться по вызову отечественнаго суда особенно въ важныхъ случаяхъ, и что слѣдовало бы признать такую же обязанность свидѣтельствовать предъ судами пограничныхъ округовъ двухъ государствъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ при легкости перехода границы для пограничныхъ жителей найчаще можетъ оказываться интересъ во взаимной судебной помощи,—также могутъ быть приняты лишь съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Именно, масштабомъ такой обязанности слѣдуетъ признать обязанность лицъ, пребывающихъ въ данномъ государствѣ, являться лично предъ судами этого государства, т. е. насколько и когда, по извѣстнымъ соображеніямъ, законъ данной страны освобождаетъ населеніе отъ обязанности личной явки въ судъ для свидѣтельствованія, настолько и тогда слѣдуетъ обходиться и безъ личной явки какъ подданныхъ данной страны[1]), пребывающихъ за границей, такъ и пограничныхъ жителей иностраннаго государства. Нѣтъ никакого основанія проводить разницу въ разсматриваемомъ нами отношеніи между обѣими группами лицъ, ухудшая положеніе однихъ въ сравненіи съ положеніемъ другихъ. Наконецъ, едва ли можно согласиться съ Lammasch'омъ, когда онъ говоритъ, что рѣшеніе вопроса, обязанъ ли свидѣтель отправиться въ иностранный судъ или нѣтъ, должно зависѣть отъ того суда, къ которому обращаются за содѣйствіемъ смотря по обстоятельствамъ каждаго конкретнаго случая, именно, смотря по тому, важна ли личная явка свидѣтеля или нѣтъ, важно ли само дѣло или нѣтъ, причинитъ ли свидѣтелю его отлучка значительный вредъ или нѣтъ. Едва ли такимъ образомъ наилучше примиряются интересы правосудія съ частными интересами свидѣтеля, какъ полагаетъ Lammasch. Дѣло въ слѣдующемъ. Во первыхъ, судить о томъ, важна ли личная

[1]) См. спеціальныя постановленія о допросѣ дипломатическихъ агентовъ, пребывающихъ въ иностранномъ государствѣ, при помощи мѣстныхъ судебныхъ властей въ Code de procéd. crim. pour les états de S. M. le roi de Sardaigne 1847, § 655; Codice di proc. pen. per gli stati di S. M. il re di Sardegna 1859, § 709; Codice di proc. pen. del regno d'Italia 1865. § 726 и др.

явка свидѣтелей, гораздо компетентнѣе судъ, разбирающій дѣло, чѣмъ иностранный судъ, къ которому обращаются за помощью. Во вторыхъ, какъ выйдетъ изъ затрудненія послѣдній судъ если окажется, что съ одной стороны личная явка свидѣтеля предъ иностраннымъ судомъ важна, а съ другой, что она связана съ большимъ вредомъ и неудобствами для самаго свидѣтеля? Наконецъ, въ третьихъ, принятіе предлагаемаго Lammasch'омъ начала поведетъ къ излишнему загроможденію суда, къ которому обратились за помощью, — чужими дѣлами.

Итакъ, изъ всѣхъ соображеній Lammasch'а относительно средствъ сократить число случаевъ, когда бываетъ необходимо обратиться къ содѣйствію иностраннаго суда по допросу свидѣтелей, можетъ быть принято только соображеніе объ обязанности (въ указанныхъ мною границахъ) подданныхъ даннаго государства, пребывающихъ заграницей, являться въ отечественный судъ для дачи свидѣтельскихъ показаній и объ обязанности пограничныхъ жителей двухъ смежныхъ государствъ лично являться предъ судомъ пограничныхъ округовъ того или другаго.

Что-же касается мѣръ, благодаря которымъ и при допросѣ свидѣтеля внѣ суда, разбирающаго дѣло, можно было бы наиболѣе удачно раскрыть истину и парализовать, такъ сказать, неудобства, связанныя съ допросомъ свидѣтелей иностраннымъ судамъ, то Lammasch о нихъ забываетъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ полнаго вниманія постановленія нѣкоторыхъ уставовъ уголовнаго судопроизводства[1]). Постановленія эти требуетъ, чтобы суды даннаго государства, обращаясь къ иностраннымъ судамъ съ ходатайствомъ насчетъ допроса свидѣтелей, въ самомъ порученіи излагали сущность дѣла, формулировали вопросы, на которые желаютъ получить отвѣтъ, наконецъ, просили иностранные суды распространить допросъ и

---

[1]) Criminal-Ordnung für die preussischen Staaten (11 Dec. 1805), § 353; codice di procedura pei giudizj penali degli stati uniti delle isola Ionie, 1841, §§ 266—8; Cod. di proc. pen. degli stati uniti delle isole Ionie, 3 maggio 1841, §§ 259—61; Die allg. Strafprocess-Ordnung vom 29 Juli 1853, für das K. Oesterreich § 116; Die österreichische Strafprocessordnung vom 23 mai 1873 § 157; Ley de enjuiciamiento criminal 1882, Art. 424.

теля, прійдется вызывать и неважнаго безъ пользы для суда, но во вредъ вызванному. Кромѣ того иногда и весьма важныя показанія, напр., констатированіе времени извѣстнаго событія, могутъ быть даны свидѣтелемъ въ мѣстѣ его жительства или пребыванія въ иностранномъ государствѣ. Въ этихъ случаяхъ въ личной явкѣ свидѣтеля предъ судомъ, разбирающимъ дѣло, нѣтъ надобности. Словомъ, въ разсматриваемомъ ограниченіи обязанности личной явки свидѣтеля самый критерій для оцѣнки важности такой явки избранъ неудачно: недостаточно обращать вниманіе только на важность преступленія, во время суда надъ которымъ можетъ понадобиться вызвать свидѣтеля, необходимо принять въ разсчетъ и важность самаго факта, который хотятъ установить благодаря показаніямъ лично присутствующаго свидѣтеля. Съ этой точки зрѣнія удовлетворительнѣе приведенныя постановленія другихъ конвенцій.

Изъ законовъ отдѣльныхъ странъ только два, насколько мнѣ извѣстно, примыкаютъ къ разсматриваемой группѣ конвенцій, — это фрибургскій уставъ угол. судопр. 1850 г. и нидерландскій зак. о выдачѣ преступниковъ. По 226 ст. фрибургскаго устава свидѣтель, вызванный иностранною властью, имѣетъ право просить, чтобы съ него снялъ допросъ судья его мѣстожительства, *если только личная явка не признана необходимой* (кѣмъ? ст. не говоритъ), а на основаніи 21 ст. нидерландскаго закона правительство имѣетъ право распорядиться, чтобы *иностранецъ*, находящійся подъ предварительнымъ арестомъ или отбывающій въ Нидерландахъ наказаніе, былъ временно выданъ иностранному государству для очныхъ ставокъ или свидѣтельскихъ показаній.

Иначе смотритъ на это дѣло современная практика международныхъ сношеній. Въ трактатахъ настоящаго времени, какъ извѣстно, постановляется, что лицамъ, вызываемымъ иностраннымъ судомъ въ качествѣ свидѣтелей, предоставляется полная свобода — удовлетворить обращенное къ нимъ приглашеніе и предстать для дачи показаній, или нѣтъ [1]. Эта же точка зрѣнія проводится и въ законѣ Аргентинской республики о выд. прест. 1885 г. (ст. 31).

---

[1]) См. историч. часть.

Такимъ образомъ мы находимся предъ лицемъ двухъ системъ. Которой-же изъ нихъ отдать преимущество? Каждая имѣетъ и хорошія и дурныя стороны. Въ пользу первой можно привесть тотъ доводъ, что она наиболѣе гармонируетъ съ интересами правосудія, ибо даетъ возможность суду, разбирающему дѣло, *непосредственно* допрашивать свидѣтеля, и вводитъ въ международную жизнь освященное всѣми законодательствами начало, что всякое лицо, вызванное въ судъ въ качествѣ свидѣтеля, обязано явиться. Рядомъ съ этимъ преимуществомъ разсматриваемой системы можно указать и крупные ея недостатки. Она можетъ вызвать значительныя издержки и привесть либо къ потерѣ времени, столь дорогаго въ дѣлѣ суда, въ томъ случаѣ, если свидѣтелю не будетъ назначено опредѣленнаго возможно короткаго срока явки, либо къ еще большему стѣсненію свидѣтеля, о чемъ будетъ рѣчь дальше, если такой срокъ будетъ назначенъ. Вотъ почему понятно, что по этимъ причинамъ нѣкоторые уставы угол. судопр.[1]) дозволяютъ судьямъ не вызывать свидѣтелей изъ иностраннаго государства, а довольствоваться ихъ показаніями, данными предъ судьями ихъ мѣста жительства.

Далѣе, съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ лица, вызываемаго въ качествѣ свидѣтеля, обязанность лично являться предъ иностраннымъ судомъ для дачи показаній можетъ оказаться весьма обременительной. Отлучка изъ мѣста жительства или промышленныхъ операцій въ иностранное государство можетъ нанести весьма чувствительный ущербъ въ его частныхъ дѣлахъ, такъ какъ для успѣшнаго хода хозяйственныхъ предпріятій иногда личное присутствіе хозяина ничѣмъ не замѣнимо. Въ такихъ случаяхъ вознагражденіе, уплачиваемое явившемуся въ иностранный судъ свидѣтелю за потерю времени и въ возмѣщеніе разныхъ издержекъ, не можетъ покрыть того урона, какой причиняется такому лицу однимъ фактомъ отсутствія его изъ дома. Послѣднія соображенія мы встрѣчаемъ у всѣхъ писателей, занимавшихся даннымъ вопросомъ[2]). На-

---

[1]) Die Strafprocessordnung für das Königreich Sachsen vom 11 Aug. 1855, Art. 267; idem 1868, Art. 267a; Straf-Process-Ordnung für den Kanton Basel Stadt vom 5 Mai 1862, § 42.

[2]) *Billot*, p. 402; *Bregeault*, p. 17; *Bernard*, t. II, p. 645; *Lammasch*, S. 861.

конецъ, отлучка можетъ нанесть вредъ и отправленію служебныхъ обязанностей даннаго лица, слѣдовательно можетъ задѣть публично правовые интересы того государства, въ которомъ вызываемый находится на службѣ государственной или общественной.

Въ итогѣ оказывается, что установленіе въ международныхъ конвенціяхъ обязанности являться въ извѣстныхъ случаяхъ въ качествѣ свидѣтеля предъ иностраннымъ судомъ по его вызову, если иногда и ведетъ къ удовлетворенію интересовъ правосудія, то за то сопряжено и съ значительными недостатками. При этой системѣ публичные интересы, интересы правосудія одного государства могутъ столкнуться не только съ частными интересами свидѣтеля, но и съ интересами общественной или государственной службы другаго государства, въ которомъ вызываемое лицо живетъ и служитъ, при чемъ послѣднія двѣ группы интересовъ приносятся въ жертву первой.

Къ инымъ послѣдствіямъ приводитъ вторая система, которой слѣдуетъ современная практика. При ней также могутъ приходить въ столкновеніе публичные интересы правосудія одной державы съ частными интересами свидѣтеля или публичными интересами другой, если вызывается какое-нибудь должностное лицо, но послѣднимъ тутъ данъ перевѣсъ. Достоинства этой системы состоятъ въ томъ, что она вполнѣ охраняетъ какъ частные интересы свидѣтеля, такъ и публичные той страны, въ которой вызываемый въ качествѣ свидѣтеля находится на службѣ; недостатки же ея сводятся къ тому, что при ней, можетъ быть нанесенъ вредъ интересамъ правосудія.

Но не слѣдуетъ излишне преувеличивать этихъ недостатковъ, такъ какъ, во первыхъ, они только возможны, но не неизбѣжны, ибо лицо, вызванное иностраннымъ судомъ, можетъ иногда согласиться на вызовъ и слѣдовательно интересъ правосудія можетъ быть удовлетворенъ, во вторыхъ, они не связаны съ принципомъ освобожденія отъ обязанности личной явки свидѣтелей въ суды исключительно въ области международныхъ сношеній: ихъ терпитъ и внутренняя гасударственная жизнь. На основаніи законовъ отдѣльныхъ странъ свидѣтели освобождаются иногда отъ обязанности личной явки въ судъ лишь

вслѣдствіе того только, чтобъ избѣжать вреда, соединеннаго для нихъ съ такою явкой, или по другимъ какимъ нибудь основаніямъ. Но если это соображеніе принимается въ разсчетъ въ отношеніяхъ внутренней жизни государства, то въ области международныхъ сношеній оно имѣетъ такое же если не большее значеніе, ибо едва-ли можно настаивать на томъ, что отдѣльное лицо обязано больше содѣйствовать отправленію правосудія въ иностранномъ государствѣ, чѣмъ въ томъ, въ которомъ оно живетъ, даже въ ущербъ своимъ интересамъ или интересамъ отправляемыхъ имъ служебныхъ обязанностей.

Всѣ эти доводы даютъ, мнѣ кажется, основаніе отдать преимущество взгляду, господствующему въ современной практикѣ. Къ этому рѣшенію, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени, склоняется и большинство современныхъ писателей[1]). Изъ защищаемаго начала, можно оправдать только тѣ исключенія, о которыхъ была рѣчь раньше, именно, въ указанныхъ раньше границахъ, государствамъ слѣдовало бы, во первыхъ, признать обязанность своихъ подданныхъ, пребывающихъ внѣ отечества, являться въ отечественный судъ по его вызову для дачи свидѣтельскихъ показаній, во вторыхъ, войти въ соглашенія на счетъ обязанности жителей пограничныхъ округовъ являться по требованію пограничныхъ судовъ содоговаривающихся сторонъ[2]). Такимъ образомъ наилучше были бы примирены различныя группы интересовъ. Старую практику особенно энергично отстаиваетъ Bregeault[3]). Въ будущемъ принципъ обязательной явки свидѣтеля предъ иностраннымъ судомъ, по мнѣнію Billot[4]), можетъ, а съ точки зрѣнія Bernard'a[5]) долженъ стать общепринятымъ, чему въ значительной степени будетъ содѣйствовать развитіе быстроты и удобства сообщеній.

Но предположимъ, что извѣстное лицо, вызываемое въ

---

[1]) *Billot*, p. 403; *Fiore*, II, p. 770; *Bernard*, II, p. 646; *Bard*, p. 120; *Lammasch*, S. 862; *Pradier-Fodéré*, III, § 1847.

[2]) Тутъ-же слѣдуетъ упомянуть и о присылѣ изъ одного государства въ другое для очныхъ ставокъ или дачи свидѣтельскихъ показаній лицъ, содержащихся подъ стражей. Объ этомъ будетъ сказано дальше. Ср. *Feuerbach*, Themis, S. 321, § 28.

[3]) *Bregeault*, p. 17; *Штиглицъ*, стр. 222.

[4]) *Billot*, l. c.

[5]) *Bernard*, II, p. 649.

иностранный судъ въ качествѣ свидѣтеля, захочетъ отправиться въ этотъ судъ. Отсюда опять рождается цѣлый рядъ юридическихъ вопросовъ, а именно, получаетъ-ли такой свидѣтель вознагражденіе, если да, то кто и какъ обязанъ ему платить, наконецъ, можетъ-ли онъ быть подвергнутъ судебному преслѣдованію, если да, то въ какихъ случаяхъ? На всѣ эти вопросы слѣдуетъ дать отвѣтъ. Прежде всего коснемся вознагражденія свидѣтеля, вызваннаго въ иностранный судъ.

Если лица, находящіяся въ предѣлахъ одного и того же государства, могутъ претендовать на вознагражденіе, когда ихъ призываютъ въ качествѣ свидѣтелей, то тѣмъ болѣе это право принадлежитъ тѣмъ, кого вызываютъ изъ предѣловъ иностранной державы. Въ послѣднемъ случаѣ и самыя издержки свидѣтеля, вызываемыя явкой въ судъ, могутъ быть значительнѣе чѣмъ въ первомъ. Естественно поэтому, что о вознагражденіи свидѣтелей, являющихся въ иностранный судъ, не только говорятъ отдѣльныя постановленія конвенцій о выдачѣ, но и спеціальныя конвенціи.

Во всѣхъ проводится общее начало, что возмѣщеніе издержекъ свидѣтелю падаетъ на ту страну, которая вызвала свидѣтеля [1]). Но какъ исчислить вознагражденіе свидѣтелю? На этотъ вопросъ конвенціи даютъ различные отвѣты. Въ однихъ мы читаемъ, что правительства *войдутъ дипломатическимъ путемъ въ соглашеніе на счетъ опредѣленія вознагражденія*, которое должно быть уплочено свидѣтелю вызвавшимъ его государствомъ, принимая въ разсчетъ разстояніе и время пребыванія свидѣтеля [2]). Другія просто только говорятъ.

---

[1]) Оригинально въ этомъ отношеніи постановленіе Миниcт. декларація между Россіей и Швеціей о порядкѣ вознагражденія лицъ, вызываемыхъ въ пограничныя судебныя мѣста В. К. Финляндскаго и Швеціи въ качествѣ свидѣтелей по уголовнымъ дѣламъ, 20 мая (1 іюня) 1870 г., на основаніи которой, «когда употребленныя путевыя издержки и расходы на прожитіе не могли быть возмѣщены такому лицу (т. е. свидѣтелю) подсудимымъ,— причитающееся ему по законамъ его отечества возмѣщеніе оныхъ должно принимать на себя то Правительство, въ подданствѣ коего это лицо состоитъ».

[2]) Конв. о выдачѣ преступниковъ: Италія-Монако 1866 г., ст. 14; Италія-Швеція и Норвегія 1866 г., ст. 14; Испанія-Португалія 1867 г., ст. 15; Италія-Австрія 1869 г., ст. 14; *Kirchner*; Германія-Уругвай 1880 г., ст. 14, *Martens*, 2e S., IX, p. 488 и др.

что заинтересованное въ явкѣ свидѣтеля государство возмѣститъ ему путевыя издержки, издержки по пребыванію и вознаградить за трудъ и потраченное время[1]), *не опредѣляя по какому тарифу*. Иныя содержатъ болѣе удачное постановленіе, именно, что путевыя издержки и издержки по пребыванію свидѣтеля, которыя должны быть ему возмѣщены, будутъ исчисляться *на основаніи тарифовъ и правилъ, дѣйствующихъ въ странѣ, гдѣ будетъ спрошенъ свидѣтель*[2]). Затѣмъ, въ немногихъ опредѣляется, что возвращаемыя свидѣтелю издержки должны исчисляться по тарифамъ и правиламъ, примѣняющимся въ государствѣ, къ которому обратились за судебною помощью[3]), или по тарифу, указанному самимъ свидѣтелемъ[4]), или по соглашенію свидѣтеля съ вызывавшимъ его правительствомъ[5]). Наконецъ, можно указать на спеціальныя деклараціи, въ которыхъ весьма обстоятельно и точно обозначается вознагражденіе, причитающееся вызываемымъ въ иностранное государство свидѣтелямъ. Размѣръ вознагражденія здѣсь поставленъ иногда въ зависимость отъ пола и возраста свидѣтеля, отъ времени года, когда приходится свидѣтелю путешествовать, и отъ разныхъ случайныхъ причинъ[6]).

Какой изъ способовъ опредѣленія вознагражденія свидѣтелю лучше? Конечно послѣдній[7]). Его достоинства заключаются въ

---

[1]) Конв. о выдачѣ между Россіей и Даніей 1866 г., ст. 9; Россіей и Нидерландами 1880 г., ст. 13; Россіей и Монако, 1883 г., ст. 14; Италія-Данія 1873 г., ст. 13; Франція-Данія 1877 г., ст. 15; Нидерланды Бразилія 1876 г., ст. 11 говоритъ объ «indemnité raisonnable», *Kirchner*.

[2]) Это начало проходитъ во всѣхъ дѣйствующихъ конв. о выдачѣ прест., заключенныхъ Россіей съ другими государствами, кромѣ конв. съ Англіей, въ которой нѣтъ постановленія о личной явкѣ свидѣтелей, съ Даніей, Нидерландами и Монако. Оно же господствуетъ и въ конв. другихъ государствъ. Въ италіянско-нидерландской конв. 1869 г., ст. 10, находимъ безцѣльное добавленіе «sauf le cas où le Gouvernement requérant croit devoir allouer au témoin une plus forte indemnité». Тоже Нидерланды-Монако 1876 г., ст. 13, *Kirchner*.

[3]) Напр., конв. о выдачѣ между Италіей и Германіей, 31 окт. 1871 г., ст. 13, *Kirchner*.

[4]) Конв. о выдачѣ Германіи съ Швейцаріей 1874 г., ст. 13, *Kirchner*.

[5]) Конв. о выдачѣ Италіи съ Перу 1870 г., ст. 14, *Kirchner*.

[6]) См. Историч. часть, стр. 43, вын. 1.

[7]) *Bernard*, II, p. 647.

томъ, что вознагражденіе свидѣтеля опредѣляется напередъ съ необходимою точностью, чѣмъ устраняются разныя недоразумѣнія и затрудненія. На переговоры на счетъ вознагражденія не тратится лишняго времени. Самый размѣръ вознагражденія можетъ быть установленъ болѣе высокій, чѣмъ какой могъ-бы причитаться свидѣтелю по какому-бы то ни было изъ тарифовъ договаривающихся государствъ. Само собою разумѣется, что частнымъ образомъ, по соглашенію между вызываемымъ свидѣтелемъ и вызывающимъ государствомъ, каждый разъ можетъ быть выговорена какая угодно сумма, но для этого не нужно спеціальнаго постановленія трактата. Установленіе въ международномъ соглашеніи болѣе высокаго въ сравненіи съ внутренне-государственными тарифами вознагражденія свидѣтелей и справедливо, и полезно. Справедливо потому, что переѣздъ въ иностранное государство можетъ вызвать большія издержки и неудобства, чѣмъ какія вызываются передвиженіемъ внутри страны, полезно, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случахъ можетъ побуждать лицъ, вызываемыхъ въ качествѣ свидѣтелей, согласиться на добровольную явку предъ иностраннымъ судомъ[1]). Съ точки зрѣнія этихъ соображеній должна быть сдѣлана критическая оцѣнка другихъ упомянутыхъ раньше способовъ опредѣленія величины вознагражденія свидѣтелю. Желательно было-бы, чтобы государства при заключеніи конвенцій слѣдовали защищаемой системѣ, какъ наилучше обезпечивающей частные интересы лицъ, вызываемыхъ въ качествѣ свидѣтелей.

Уплата издержекъ производится свидѣтелю послѣ того, какъ онъ явится предъ судомъ и дастъ показаніе. Но вызываемое лицо можетъ иногда не быть въ состояніи или можетъ не желать нести авансомъ значительныя издержки на проѣздъ въ иностранное государство. Это может даже послужить причиной отказа со стороны свидѣтеля явиться по вызову въ иностранный судъ, такъ какъ по дѣйствующимъ конвенціямъ онъ свободенъ въ томъ или иномъ рѣшеніи даннаго вопроса. Чтобы избѣгнуть затрудненій съ этой стороны, государства практикуютъ слѣдующее средство. Власти страны, гдѣ живетъ вызываемое лицо, по просьбѣ его, выдаютъ ему авансомъ на путевыя издержки опредѣленную сумму (сумму равную путевымъ издержкамъ или часть ихъ), которая впослѣд-

---

[1]) *Bregeault*, p. 19.

ствіи возвращается вызывавшимъ свидѣтеля государствомъ [1]). Иногда государства уполномочиваютъ своихъ консуловъ дѣлать такіе авансы [2]). Кто-бы ни выдавалъ въ подобныхъ случаяхъ авансовъ, это безразлично. Важно только, чтобы, въ случаѣ необходимости, такія выдачи производились. Деклараціи при этомъ добавляютъ, что о сдѣланномъ авансѣ должно быть доведено до свѣдѣнія государства, вызывающаго свидѣтеля, вмѣстѣ съ указаніемъ разстоянія отъ мѣста жительства свидѣтеля до границы послѣдняго государства. Разумность этого постановленія очевидна.

Конвенціи, въ которыхъ есть постановлянія о вызовѣ свидѣтелей въ иностранный судъ, не только заботятся объ ихъ вознагражденіи, но обыкновенно гарантируютъ также имъ не отвѣтственность предъ судами вызвавшаго государства по извѣстнаго рода дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ.

Наиболѣе обычная формула послѣдняго рода постановленій такая: «никакой свидѣтель, каково-бы ни было его подданство, который, находясь въ одной изъ договаривающихся странъ, добровольно явится по вызову въ судъ другой, не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности или подвергнутъ задержанію ни по поводу прежде содѣянныхъ преступленій, ни въ силу прежде состоявшагося судебнаго приговора, ни подъ предлогомъ соучастія въ дѣяніи, составляющемъ предметъ того процеса, по которому онъ явился въ судъ» [3]). Это постановленіе начинаетъ проникать и въ законы отдѣльныхъ странъ. Я имѣю въ виду аргентинскій законъ о выдачѣ преступниковъ

---

[1]) На основ. 14 ст. Австро-сербской конв. о выдачѣ 1881 г. въ судебномъ порученіи должны быть обозначены «la somme qui sera allouée au témoin à titre de frais de route et de séjour, ainsi que le montant de l'avance que l'Etat requis pourra, sauf remboursement de l'Etat requérat, faire au témoin sur la somme integrale;» тоже конв. между Австріей и Бельгіей 1881 г., ст. 14, *Kirchner*.

[2]) Circulaire du Ministre de la Justice, du 30 Juillet 1872, *Bomboy* et *Gilbrin*. Обмѣнъ нотъ по этому вопросу между Италіей и Франціей, въ 1872 г., у *L. Palma*, Trattati e convenzioni, p. 1216—17.

[3]) Конв. о выдачѣ прест.: Россія-Италія 1871 г., ст. 14; Россія-Бельгія 1872 г., ст. 14; Россія-Австрія 1874 г., ст. 14; Россія-Нидерланды 1880 г., ст. 13; Россія-Монако 1883 г., ст. 14; Россія Португалія 1887 г., ст. 13; Россія-Испанія 1888 г., ст. 14. Бельгія-Швейцарія 1874 г., ст. 15 и др. *Kirchner*.

1885 г. (ст. 31) и два проекта такихъ же законовъ—французскій (ст. 24) и италіянскій (ст. 28). На основаніи этихъ законовъ самый пріемъ и передача вызововъ въ иностранный судъ можетъ имѣть мѣсто лишь подъ условіемъ предоставленія вызываемому лицу только что указанныхъ гарантій, если-бы это лицо изъявило свое согласіе на личную явку. Въ нѣкоторыхъ конвенціяхъ встрѣчаемъ весьма существенное дополненіе, именно, что лицо, вызванное въ качествѣ свидѣтеля въ судъ иностраннаго государства, свободно отъ судебнаго преслѣдованія не только по уголовнымъ, но и по гражданскимъ дѣламъ [1]).

Едвали придется долго останавливаться на полной основательности разсматриваемыхъ нормъ конвенцій и законовъ.

Дѣйствительно, будетъ-ли лицо, вызываемое въ иностранный судъ въ качествѣ свидѣтеля, обязано явиться по вызову или оно можетъ по своей волѣ отклонить его, во всякомъ случаѣ это лицо должно быть гарантировано, что вызовъ не явится маскированной выдачей, которая повлечетъ за собой преслѣдованіе его по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ, предшествовавшимъ вызову, все ровно, связаны-ли они или нѣтъ съ дѣломъ, по которому оно является свидѣтелемъ [2]). Въ противномъ случаѣ роль свидѣтеля могла-бы измѣниться въ роль обвиняемаго или даже осужденнаго, если-бы свидѣтелемъ предъ судомъ данной страны явилось лицо, прежде обвинённое въ ней, но бѣжавшее за границу до отбытія наказанія. Вызовъ лица въ качествѣ свидѣтеля не долженъ скрывать за собой послѣдствій выдачи и слѣдовательно не долженъ равняться ей. Въ этомъ случаѣ, какъ вѣрно замѣчаетъ Bregeault, нельзя говорить о добровольной выдачѣ, потому что нельзя считать, что тотъ, кто соглашается быть свидѣтелемъ, eo ipso соглашается также быть судимымъ. Если-бы вызваннаго свидѣтеля можно было преслѣдовать за дѣянія, предшествовавшія его явкѣ предъ судомъ, то онъ могъ-бы оказаться въ худшемъ положеніи, чѣмъ выданный преступникъ: онъ могъ бы подвергнуться слѣдствію, суду и наказанію за такія дѣянія, за ко-

[1]) Франц.-италіянская конв. о выдачѣ 12 мая 1870 г., ст. 14; конв. о выдачѣ между Германіей и Швейцаріей 24 янв. 1874 г., ст. 13. Конв. о выдачѣ между Италіей и Греціей 5/17 нояб. 1875 г., ст. 19. *Kirchner*.

[2]) *Le Sellyer*, II, p. 669—671.

торыя нельзя было-бы достигнуть выдачи; правительства же могли-бы иногда такимъ путемъ обойти процедуру выдачи, которая, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ странахъ, все-же является гарантіей правъ и интересовъ выдаваемаго[1]). Опасность для извѣстнаго лица быть преслѣдуемымъ по какому либо дѣлу, имѣвшему мѣсто прежде вызова его въ иностранный судъ въ качествѣ свидѣтеля, могло-бы заставить это лицо просто отказаться отъ явки по вызову, если такое рѣшеніе зависитъ отъ его воли. Ясно поэтому, что подобный порядокъ вещей можетъ иногда лишить судъ весьма цѣнныхъ данныхъ для уясненія разбираемаго дѣла. Таковы основанія гарантіи неподсудности въ извѣстныхъ случаяхъ свидѣтеля судамъ вызвавшаго его государства. Ею пользуются свидѣтели, какъ значится въ нѣкоторыхъ конвенціяхъ, безъ различія ихъ подданства. Эта гарантія столь естественна, что можно настаивать на ея существованіи даже и въ томъ случаѣ, когда нѣтъ ни договора, ни закона, освящающихъ ее.

Но гдѣ-же оканчиваются ея предѣлы? Вызванное въ свидѣтели лицо, какъ извѣстно, не отвѣчаетъ только по дѣламъ, *предшествовавшимъ* вызову въ иностранное государство. Слѣдовательно, если-бы во время пребыванія въ послѣднемъ, начиная съ момента перехода черезъ границу, вызванный свидѣтель сдѣлался виновнымъ въ какомъ нибудь уголовномъ дѣяніи или вступилъ въ какой нибудь споръ, онъ несомнѣнно долженъ подвергнуться преслѣдованію, суду и наказанію, но только по этимъ дѣламъ, оставаясь по всѣмъ прежнимъ внѣ преслѣдованія. Съ этой точки зрѣнія нельзя оправдать такого постановленія, какое мы встрѣчаемъ въ 14 ст. италіянско-испанской конв. о выдачѣ, 3 іюня 1868 г.: «...Если свидѣтель, во время пути или пребыванія, совершитъ преступленіе или проступокъ, особенно если учинитъ лжесвидѣтельство (specialmente quello di falsa testimonianza), то оба правительства сохраняютъ за собой право соглашаться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, долженъ-ли онъ подчиняться компетентнымъ властямъ мѣста совершенія преступленія или проступка, или-же наоборотъ дол-

---

[1]) *Bregeault*, p. 18; *Lammasch*, S. 467; ср. также Atti della commissione ministeriale, p. XCVII.

женъ быть отосланъ въ распоряженіе судебныхъ властей его мѣстожительства»[1]).

Едва-ли есть какое нибудь основаніе такъ чрезмѣрно расширять привилегію вызваннаго въ свидѣтели лица и освобождать его отъ дѣйствія уголовныхъ законовъ государства, гдѣ онъ даетъ свое показаніе[2]).

Можетъ случиться далѣе, что свидѣтель ведетъ себя въ иностранномъ государствѣ безукоризнено, но оказывается лишь виновнымъ въ дѣяніяхъ, совершенныхъ до вызова въ судъ для дачи свидѣтельскихъ показаній. Спрашивается, какъ долго во время своего пребыванія въ иностранномъ государствѣ онъ долженъ оставаться изъятымъ отъ преслѣдованія за эти дѣянія? Отвѣтъ простъ. Такъ какъ мотивомъ такого изъятія послужило желаніе обезпечить явку свидѣтелей изъ иностраннаго государства и воспользоваться ихъ показаніями, то само собою разумѣется, что, какъ только будетъ достигнута эта главная цѣль, оказываются ненужными уже и тѣ средства, которыя вели къ ней, т. е. свидѣтель долженъ оставаться внѣ преслѣдованія въ теченіи времени необходимаго для пріѣзда въ судъ, дачи показанія и обратнаго выѣзда за границу. Постановленія этого рода мы и встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ конвенціяхъ[3]). Другія, къ сожалѣнію, проходятъ этотъ вопросъ полнымъ молчаніемъ.

---

[1]) Ср. Австро-Швейцарскую конв. о выдачѣ 17 іюля 1855г., ст. 9. «...Der auf solche Weise vor die zuständige Behörde des requirirenden Staates zu stellende Zeuge darf weder an dem Orte seiner Vernehmung, noch wehrend seiner Hin- und Rükreise festgenommen, noch an seinen Rechten beeinträchtigt werden, es sei denn, dass der Zeuge als Mitschuldiger erkannt, oder während seines Aufenthaltes im fremden Lande ein Verbrechen sich zu Schulden kommen lassen und auf offener That ergriffen würde, in welchen Fällen das fragliche Individuum unter Anwendung der Bestimmung des art. 7 an die Zuständige Behörde seines Landes auszuliefern ist, um vor seinen ordentlichen Richter gestellt zu werden». *Pradier-Fodéré*, III, § 1847.

[2]) *Schauberg*, S. 152—154; *Blumer*, S. 271—2; *Fiore*, II, p. 775; *Lammasch*, S. 468.

[3]) Напр., конв. о выдачѣ между Швеціей и Норвегіей и Австро-Венгріей 2 іюня 1868 г., ст. 14.

Между тѣмъ не только желательно, чтобы конвенціи необходили его, но чтобы государства каждый разъ съ своей стороны по возможности точно обозначали срокъ, въ теченіи котораго явившійся въ ихъ предѣлы свидѣтель можетъ неопасаться преслѣдованія. Если свидѣтель, присутствіе котораго становится почему-бы то ни было не желательнымъ или даже опаснымъ, не воспользуется этимъ срокомъ и не выѣдетъ за границу, онъ можетъ быть высланъ или считаться добровольно подчинившимся судамъ даннаго государства и по тѣмъ дѣяніямъ, которыя совершены имъ до вызова въ судъ или въ которыхъ онъ принималъ участіе, если конечно эти дѣянія подсудны означеннымъ судамъ. Такимъ образомъ невыѣздъ безъ уважительныхъ причинъ свидѣтеля изъ предѣловъ даннаго государства въ опредѣленный для того срокъ равняется такъ называемой добровольной выдачѣ и связанъ со всѣми юридическими послѣдствіями этого акта.

Кромѣ этихъ изъятій лицо, прибывшее изъ иностраннаго государства по вызову суда данной державы, должно подлежать, какъ иностранецъ вообще и какъ свидѣтель въ частности, дѣйствію законовъ мѣста дачи свидѣтельскихъ показаній.

2. Присылка заключенныхъ изъ одного государства въ другое для очныхъ ставокъ или дачи свидѣтельскихъ показаній.

§ 1. При разслѣдованіи какого нибудь уголовнаго дѣла можетъ оказаться надобность дать очныя ставки обвиняемому съ какимъ нибудь лицомъ, находящимся въ заключеніи въ иностранномъ государствѣ, или получить отъ этого лица свидѣтельскія показанія на судѣ. Достигнуть этого можно, исходатайствовавъ у иностраннаго государства присылку заключеннаго въ судъ, рѣшающій данное дѣло. Государства не отказываютъ другъ другу въ подобномъ актѣ судебной помощи. Чтобы опредѣлить и упорядочить взаимныя по этому поводу юридическія отношенія, онѣ вносятъ въ законы и въ международныя конвенціи соотвѣтственныя постановленія. Весьма немногочисленныя законодательныя нормы намъ извѣстны. Нидерландскій законъ о выдачѣ преступниковъ 1875 г. (ст. 21) дозволяетъ правительству посылать для очныхъ ставокъ или свидѣтельскихъ показаній въ иностранное государство лицо, находящееся въ заключеніи въ Нидерландахъ, если это лицо—иностранецъ. Этимъ

не пріостанавливается теченіе срока отбываемаго имъ наказанія. Въ проектахъ же законовъ о выдачѣ преступниковъ—французскомъ (ст. 25) и италіянскомъ (ст. 29) воспроизводятся начала, проходящія въ настоящее время въ международныхъ конвенціяхъ. Остается поэтому обратиться къ послѣднимъ.

Въ конвенціяхъ обыкновенно постановляется, что, если при производствѣ въ одномъ государствѣ слѣдствія по какому-нибудь уголовному (иныя добавляютъ не политическому) дѣлу понадобится очная ставка подсудимаго съ лицами, содержащимися подъ стражей въ другомъ, то о пересылкѣ таковыхъ должно быть послано ходатайство дипломатическимъ путемъ. Оно должно быть исполнено, если тому не противятся какія-нибудь «особыя соображенія» и подъ условіемъ возможно-скорѣйшаго обратнаго возврата арестантовъ[1]). Таковы постановленія законовъ и конвенцій о производствѣ очныхъ ставокъ обвиняемыхъ съ арестантами, находящимися въ другомъ государствѣ. Въ чемъ же заключается существо этого вида судебной помощи?

§ 2. Присылка заключеннаго изъ одной державы въ другую для очныхъ ставокъ или свидѣтельскихъ показаній—не что иное, какъ *обязательная* явка лица въ качествѣ свидѣтеля. Это—не выдача преступника или обвиняемаго для суда надъ нимъ[2]). Тѣ основательные доводы, какіе приводятся противъ обязательности явки для дачи свидѣтельскихъ показаній предъ иностраннымъ судомъ лицъ, находящихся на свободѣ, не могутъ имѣть значенія въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о вызовѣ для той же цѣли заключенныхъ, особенно тѣхъ, которые уже осуждены и отбываютъ наказаніе. Посылка такихъ лицъ въ интересахъ правосудія въ иностранное государство можетъ поэтому быть вполнѣ оправдана.

---

[1]) Россія-Гессенъ, 1869 г., ст. 13, 16; Россія-Баварія 1869 г., ст. 13, 16; Россія-Италія 1871 г., ст. 15; Россія-Австрія 1874 г., ст. 15; Россія-Нидерланды 1880 г., ст. 14, 16; Россія-Монако 1883 г., ст. 15; Россія-Испанія 1888 г., ст. 15. Въ остальныхъ дѣйствующихъ конвенціяхъ о выдачѣ между Россіей и др. державами нѣтъ постановленій объ очныхъ ставкахъ. См. конвенціи Россіи съ Германіей и Австріей (1879 и 1884 гг.) о непоср. междусуд. сношеніяхъ, ст. 3 п. с. Конвенціи между другими государствами, см. стр. 40, вып. 1.

[2]) *Billot*, p. 408; *Fiore-Antoine*, II, p. 772.

При этомъ нѣтъ основанія проводить различіе между находящимися подъ стражей своими подданными и иностранцами, какъ это сдѣлано въ нидерландскомъ законѣ о выдачѣ преступниковъ (21 ст.) [1]). Опираясь на данный законъ, нидерландскій подданный можетъ опротестовать приказъ о его высылкѣ для очныхъ ставокъ въ иностранное государство, какъ незаконно предпринятую въ отношеніи его мѣру. Такой же протестъ возможенъ и въ томъ случаѣ, когда законъ не содержитъ яснаго опредѣленія на счетъ обязанности заключеннаго подчиниться распоряженію о переѣздѣ въ другую державу для дачи тамъ показаній. Это и практикуется, напр., въ Бельгіи. Если бы однако присылка заключеннаго оказалась крайне необходимой для иностраннаго суда, то въ такомъ случаѣ «ничего не оставалось бы сдѣлать, говоритъ Lammasch, какъ сначала помиловать его, а затѣмъ доставить на границу» [2]). Съ этимъ соображеніемъ нельзя согласиться на томъ основаніи, что если отбывающій наказаніе можетъ протестовать противъ высылки его вопреки закону въ иностранное государство, то-же можетъ сдѣлать и помилованный, ибо онъ, какъ всякій другой свободный гражданинъ, котораго законъ не обязываетъ подчиняться вызову иностраннаго суда, имѣетъ право *по своей волѣ* рѣшить, отправляться ли въ иностранное государство въ качествѣ свидѣтеля или нѣтъ. Итакъ, для правильнаго и цѣлесообразнаго разрѣшенія разсматриваемаго нами вопроса необходимо, чтобы въ законахъ отдѣльныхъ странъ, во 1-хъ, были точныя постановленія на счетъ обязанности заключенныхъ, въ случаѣ надобности, отправляться въ иностранное государство для очныхъ ставокъ и, во 2-хъ, чтобы въ этомъ отношеніи не дѣлалось никакого различія между подданными и иностранцами. Такой шагъ сдѣланъ въ новѣйшихъ проектахъ законовъ о выдачѣ преступниковъ—французскомъ и италіянскомъ.

Но само собою разумѣется, что переѣздъ заключеннаго для очныхъ ставокъ въ иностранномъ государствѣ не долженъ являться отягченіемъ отбываемаго имъ наказанія, по крайней

---

[1]) *Bernard*, II, p. 654; *Lammasch*, S. 857.

[2]) *Lammasch*, ibid. По заявленію *Bomboy et Gilbrin* (p. 164), такъ и дѣлается иногда въ Бельгіи и Франціи.

мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что время, проведенное арестантомъ въ такихъ переѣздахъ, должно идти въ счетъ срока отбываемаго имъ наказанія. Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать вполнѣ основательнымъ постановленіе нидерланскаго закона о выдачѣ: «Si l'étranger subit sa peine aux Pays-Bas la durée de cette peine ne sera pas interrompue par ce fait» (т. е. поѣздкой въ иностр. государство)[1]).

Что касается пути сношеній между властями разныхъ государствъ относительно присылки арестантовъ для очныхъ ставокъ, а также что касается причинъ отказа въ исполненіи или условій исполненія судебнаго порученія, то обо всемъ этомъ говорилось раньше[2]).

Если государство, къ которому обратились за судебной помощью, рѣшитъ оказать ее, то, спрашивается, какъ пересылаются заключенные изъ одной страны въ другую? Заинтересованныя государства должны каждый разъ условиться объ этомъ, такъ какъ въ конвенціяхъ нѣтъ на этотъ счетъ никакихъ указаній. Пересылка находящихся подъ стражей для очныхъ ставокъ въ иностранное государство и обратно производится обыкновенно тѣмъ же путемъ, какъ и пересылка выдаваемыхъ преступниковъ, т. е. при содѣйствіи административныхъ властей обоихъ государствъ[3]).

Наконецъ, положеніе въ иностранномъ государствѣ лица, присланнаго для очныхъ ставокъ или свидѣтельскихъ показаній, ни чѣмъ не отличается отъ положенія свидѣтелей, явившихся по своей волѣ.

Первые такъ-же не могутъ быть привлечены къ суду за раньше ими совершенныя преступныя дѣянія или за соучастіе въ преступленіи, при изслѣдованіи котораго они вызваны, какъ и послѣдніе[4]). Но прибывшіе изъ иностраннаго государства заключенные не могутъ притязать на какое нибудь вознагражденіе со стороны вытребовавшаго изъ суда. Издержки по присылкѣ ихъ для очныхъ ставокъ, смотря по постановленіямъ

---

[1]) Ст. 21.

[2]) См. стр. 81, 92 и сл.

[3]) *Billot*, p. 409.

[4]) *Billot*, p. 407; *Bernard*, II, p. 652; *Fiore-Antoine*, II, p. 778.

конвенцій, падаютъ или на оба заинтересованныя государства въ извѣстныхъ частяхъ (оказывающая помощь держава несетъ издержки только въ предѣлахъ своей территоріи)[1], или исключительно на то изъ нихъ, которое требовало явки заключеннаго[2]).

3. *Присылка разныхъ документовъ, передача вещественныхъ доказательствъ и производство другихъ слѣдственныхъ дѣйствій по просьбѣ иностраннаго суда.*

§ 1. При современномъ широкомъ развитіи международныхъ сношеній судебной власти, производящей разслѣдованіе по какому нибудь преступленію, часто приходится считаться съ тѣмъ фактомъ, что въ какомъ нибудь другомъ государствѣ находятся разные документы и вещественныя доказательства, необходимые ей для уясненія изслѣдуемаго событія. Такъ, въ рукахъ власти иностраннаго государства могутъ оказаться какіе нибудь поддѣльные документы или фальшивыя деньги, перехваченная корреспонденція, вещи, добытыя преступленіемъ, орудія, инструменты, при помощи которыхъ совершено преступленіе, и вообще всякія другія доказательства, обладать которыми важно для суда. Наиболѣе часто это можетъ происходить въ случаяхъ, когда какое нибудь лицо, совершивъ за границей преступленіе, скрывается въ свое отечество. Какъ извѣстно, своихъ подданныхъ государства обыкновенно не выдаютъ, но за то обязываются судить дома за преступныя дѣянія, совершенныя ими внѣ отечества. Ясно, что для производства суда необходимо получить изъ страны, гдѣ имѣло мѣсто такое преступленіе, всѣ данныя, добытыя тамъ при его разслѣ-

---

[1]) См. указанныя статьи конвенцій Россіи съ др. державами. Въ 15 ст. русско-австрійской конв. о выдачѣ 1874 г. русскій текстъ не сходится съ французскимъ: «Издержки на пересылку изъ одной страны въ другую сихъ арестантовъ и вещей... принимаются на счетъ государства, изъ котораго требованіе исходитъ»—«Les frais de transport d'un pays à l'autre des individus détenus et des objets, ci-dessus mentionnés... seront supportés par le gouvernement qui en a fait la demande, *dans les limites du territoire respectif*. Такова же и 15 ст. русско-испанской конвенціи о выдачѣ 1888 г.

[2]) Испанія-Италія 1868 г., ст. 15; Италія-Германія 1871 г., ст. 14; Италія-Костарика 1873 г., ст. 15; Германія-Швейцарія 1874 г., ст. 14; Нидерланды-Монако 1876 г., ст. 16 и др. *Kirchner*.

дованіи до момента бѣгства преступника[1]). Наконецъ, по ходу извѣстнаго дѣла можетъ понадобиться, чтобы въ иностранномъ государствѣ были произведены осмотры на мѣстѣ, домовый обыскъ, выемка, захватъ какой нибудь корреспонденціи, экспертиза и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ необходимо просить содѣйствія властей иностранной державы. Случаи такого рода могутъ представиться какъ въ связи съ выдачей преступниковъ, такъ и совершенно отдѣльно отъ нея. Законы и международныя соглашенія не оставляютъ безъ вниманія разсматриваемыхъ видовъ судебной помощи. Чаще всего тѣ и другіе занимаются вопросомъ о присылкѣ изъ одного государства въ другое—вещей, добытыхъ преступленіемъ, и вообще разнаго рода вещественныхъ доказательствъ[2]). Гораздо рѣже упоминается о домовомъ осмотрѣ[3]), хотя, впрочемъ, доставка вещественныхъ доказательствъ по просьбѣ другой державы иногда непремѣнно бываетъ связана съ производствомъ домоваго обыска, такъ что, слѣдовательно, послѣдній предполагается постановленіями объ исполненіи иностранныхъ судебныхъ порученій на счетъ захвата и присылки доказательствъ. Законы не идутъ далѣе въ указаніи отдѣльныхъ случаевъ разсматриваемаго вида содѣйствія иностраннымъ судамъ. За то спеціальныя конвенціи объ исполненіи судебныхъ порученій содержатъ болѣе подробное исчисленіе такихъ случаевъ судебной помощи[4]). Но это не все.

---

[1]) Конв. о выдачѣ прест.: Россія-Гессенъ 1869 г., ст. 2; Россія-Баварія 1869 г., ст. 2; Россія-Италія 1871 г., ст. 3; Россія-Бельгія 1872 г., ст. 3; Россія-Швейцарія 1873 г., ст. 2; Россія-Австрія 1874 г., ст. 3; Россія-Португалія 1887 г., ст. 1; Россія-Испанія 1888 г., ст. 3. Въ остальныхъ дѣйствующихъ конвенціяхъ Россіи нѣтъ соотвѣтственныхъ постановленій. Конвенціи между другими государствами см. на стр. 35, вып. 1.

[2]) Бельгійскій зак. о выдачѣ пр. 1874 г., ст. 5 и 11; нидерландскій законъ о в. пр. 1875 г., ст. 8, 9, 12, 17, 18; аргентинскій законъ о в. пр. 1885 г., ст. 29; законъ о в. пр. для госуд. Конго 1886 г., ст. 8; проекты законовъ о выдачѣ—французскій, ст. 22, и италіянскій, ст. 24.

[3]) Законы о выдачѣ прест.—бельгійскій 1874 г., ст. 11, и для Конго 1886 г., ст. 8.

[4]) Аргентинская респ.—Парагвай 31 авг. 1880 г., ст. 2, *Martens*, 2-e S. XII, p. 485; Парагвай-Бразилія 5 ноября 1879 г., ст. 2, ibid., p. 512 и др. Конв. Россіи съ Германіей (1879 г.) и Австріей (1884 г.) о непосредственныхъ сношеніяхъ между пограничными судами, ст. 3.

Нѣкоторые законы и многія конвенціи вполнѣ правильно не ограничиваются только подобными постановленіями о спеціальныхъ видахъ судебной помощи и рядомъ съ ними содержатъ общія нормы относительно исполненія вообще всякихъ судебныхъ порученій, присланныхъ изъ иностраннаго государства, т. е. иными словами открываютъ возможность оказывать иностранному суду самыя разнообразныя услуги[1]). Въ конвенціяхъ такія общія постановленія обыкновенно находятся въ связи съ постановленіями о допросѣ свидѣтелей[2]).

§ 2. Какова же въ настоящее время юридическая структура интересующаго насъ вида международной судебной помощи?

Что касается способа пересылки судебнаго порученія изъ одного государства въ другое, способа и условій его исполненія, наконецъ, случаевъ отказа въ исполненіи, то здѣсь дѣйствуютъ указанныя раньше и извѣстныя намъ уже начала. Кромѣ того законы, конвенціи и вообще международная практика выработали спеціальныя болѣе или менѣе подробныя правила для нѣкоторыхъ случаевъ. Особенно подробны такія правила относительно высылки въ иностранное государство вещественныхъ доказательствъ и разнаго рода актовъ. На этомъ мы и остановимся. Дѣйствующія въ данномъ отношеніи нормы международнаго права заключаются въ слѣдующемъ.

Когда происходитъ выдача какого нибудь преступнаго лица, то вмѣстѣ съ нимъ обыкновенно выдаются всѣ вещи, пріобрѣтенныя преступленіемъ, инструменты и орудія, служившія ему при совершеніи преступленія, и вообще всѣ доказа-

---

[1]) Аргентинскій законъ о в. пр. 1885 г., ст. 30; французскій проектъ зак. о в пр., ст. 23; италіянскій проектъ, ст. 26; Codice di proc. pen. de regno d'Italia 1865, art. 854 и др.

[2]) Конвенціи о выдачѣ преступниковъ: Россія-Италія 1871 г., ст. 13. «Когда при производствѣ уголовнаго дѣла одно изъ договаривающихся правительствъ признаетъ нужнымъ допросить свидѣтелей, жительствующихъ въ другомъ изъ договаривающихся государствъ, *или произвести иное судебно-слѣдственное дѣйствіе*»... ; Россія-Австрія 1874 г., ст. 13; Россія-Испанія 1888 г., ст. 13. Конвенціи между другими государствами: Италія-Монако 1866 г., ст. 13; Бельгія-Германія 1874 г., ст. 13; Бельгія-Италія 1875 г., ст. 13, Франція-Данія 1877 г., ст. 13; Люксембургъ-Швейцарія 1876 г., ст. 14 и др., *Kirchner*.

тельства его вины. Это правило соблюдается даже тогда, когда договоръ, на основаніи котораго происходитъ выдача преступниковъ, не содержитъ на этотъ счетъ никакихъ постановленій и когда въ требованіи о выдачѣ преступника не упоминается о выдачѣ вмѣстѣ съ нимъ вещественныхъ доказательствъ[1]). Замѣтимъ при этомъ, что международныя конвенціи весьма значительно расходятся въ опредѣленіи границъ обязанности государствъ въ разсматриваемомъ отношеніи: однѣ ограничиваются весьма сжатыми положеніями, другія, наоборотъ, болѣе обстоятельны[2]). Отсылка уворованныхъ вещей въ иностранное государство имѣетъ значеніе въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, судъ можетъ воспользоваться ими, какъ доказательствомъ вины выданнаго преступника или другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, во вторыхъ собственникамъ дается возможность получить то, что у нихъ было похищено. Эти соображенія вполнѣ уясняютъ и оправдываютъ тотъ фактъ, что выдача вещественныхъ доказательствъ можетъ послѣдовать и тогда, когда въ выдачѣ преступника отказано или когда она не могла состояться за бѣгствомъ или смертью преступника. Къ числу вещей, подлежащихъ передачѣ, новѣйшія конвенціи относятъ и такія, которыя утаены обвиняемымъ или отданы имъ на сохраненіе въ странѣ, куда онъ бѣжалъ и гдѣ онѣ будутъ найдены впослѣдствіи.

Есть, однако, случаи, когда выдача разныхъ вещей отсрочивается, или даже совсѣмъ не имѣетъ мѣста, или производится условно. Во первыхъ, это бываетъ тогда, когда государству, выдающему преступника, встрѣтится въ нихъ надобность при производствѣ уголовнаго дѣла, возникшаго изъ преступнаго дѣянія, которое подало поводъ къ выдачѣ, или изъ иного какого-

---

[1]) *Billot*, p. 159; *Fiore-Antoine*, II, p. 676; *Bernard*, II, p. 406; *Bomboy et Gilbrin*, p. 82—83; *Lammasch*, S. 660.

[2]) Конвенціи о выд. преступниковъ: Россія-Гессенъ 1869 г., ст. 10; Россія-Баварія 1869 г., ст. 10; Россія-Италія 1871 г., ст. 11; Россія-Бельгія 1872 г., ст. 12; Россія-Швейцарія 1873 г., ст. 12; Россія-Австрія 1874 г., ст. 11; Россія-Нидерланды 1880 г., ст. 8; Россія-Монако 1883 г., ст. 9; Россія-Англія 1886 г., ст. 15 «Вещи... подлежатъ передачѣ..., *если выдача послѣдуетъ*...»; Россія-Португалія 1887 г., ст. 10; Россія-Испанія 1888 г., ст. 11. Конвенціи между др. госуд., см. на стр. 40, вын. 1,

либо правонарушенія. Въ такихъ случаяхъ конвенціи вполнѣ основательно предоставляютъ право временнаго удержанія вещей. Во-вторыхъ, невыданный собственный подданный даннаго государства, котораго обвиняютъ въ совершеніи преступленія въ другомъ государствѣ, можетъ настаивать на томъ, что найденныя у него вещи принадлежатъ ему, составляютъ его собственность. При такихъ условіяхъ заинтересованное иностранное правительство или частныя лица могутъ обратиться за разрѣшеніемъ спора въ отечественный судъ обвиняемаго. Выдача вещей откладывается до рѣшенія суда сообразно съ законами того государства, въ предѣлахъ котораго онъ происходитъ. Наконецъ, въ третьихъ, какое-нибудь третье лице, не участвующее въ дѣлѣ, можетъ законно владѣть краденными или другими вещами, которыя могутъ служить доказательствомъ. Новѣйшія конвенціи обыкновенно охраняютъ «права третьихъ лицъ на вышеозначенныя вещи, которыя должны быть имъ возвращены безвозмездно по окончаніи дѣла»[1]).

Какія-же власти могутъ производить домовый обыскъ, задержаніе почтовыхъ и телеграфныхъ отправленій, арестъ вещей приступника и другихъ доказательствъ и какія вправѣ рѣшать вопросъ о выдачѣ всего этого иностранной державѣ? Тѣ, которыя на такія дѣйствія и рѣшенія уполномочены закономъ данной страны[2]).

Власть, которая постановляетъ о выдачѣ вещественныхъ доказательствъ должна опредѣлить, слѣдуетъ-ли иностранному правительству выдать всѣ вещи, найденныя у обвиняемаго, или только часть ихъ, не слѣдуетъ-ли возвратить обвиняемому тѣ изъ нихъ, которыя прямо не относятся къ инкриминируемому дѣянію, наконецъ, должна разрѣшить вопросъ о правахъ третьихъ лицъ, руководясь обязательными для нея законами данной страны и международными конвенціями.

---

[1]) Ср. *Billot*, p. 160; *Lammasch*, S. 698.

[2]) Законы о выдачѣ преступниковъ: англійскій 1870 г., ст. 9; бельгійскій 1874 г., ст. 3, 5 и 11; госуд. Конго 1886 г., ст. 8; нидерландскій 1875 г., ст. 8, 9, 12, 17 и 18, проекты зак. о в. пр. — французскій, ст. 22, и Италіанскій, — ст. 24, и др. зак. *Billot*, p. 161; *Lammasch*, S. 659—662.

Въ большинствѣ случаевъ передача вещественныхъ доказательствъ происходитъ вмѣстѣ съ передачей самого выданнаго лица и тѣмъ-же порядкомъ, какъ и эта послѣдняя[1]). Если же выдача вещей имѣетъ мѣсто помимо выдачи преступника, то она производится или дипломатическимъ путемъ или непосредственно между судами, гдѣ такія сношенія дозволены.

§ 3. Что касается присылки изъ иностраннаго государства разныхъ актовъ и документовъ, находящихся въ рукахъ его властей, то постановленіямъ объ этомъ частью посвящены спеціальныя статьи конвенцій[2]), частью-же они находятся въ тѣхъ статьяхъ, въ которыхъ говорится объ очныхъ ставкахъ[3]), или-же въ статьяхъ объ обязанностяхъ государства, невыдающаго своихъ подданныхъ, судить ихъ за преступленія, учиненныя въ другой странѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ извѣстно, государство можетъ просить иностранную державу о присылкѣ ему актовъ по производству въ ней дѣла о преступленіи, совершенномъ невыданнымъ преступникомъ. Условія исполненія этого рода судебнаго порученія таковы-же, какъ и условія исполненія просьбъ объ очныхъ ставкахъ, т. е. «если тому не препятствуютъ особыя соображенія», «съ обязательствомъ возврата актовъ и документовъ обратно» и т. п.

4. Сообщеніе судебныхъ актовъ лицамъ, участвующимъ въ процессѣ.

§ 1. Начало, ходъ и окончаніе процесса вызываютъ необходимость сообщать лицамъ, участвующимъ въ немъ, извѣстнаго рода акты, изъ которыхъ они могутъ узнать о томъ или иномъ положеніи ихъ дѣла, о наступленіи извѣстныхъ сроковъ и т. п. Незнаніе всего этого заинтересованными лицами можетъ имѣть для нихъ весьма тягостныя послѣдствія. Къ числу судебныхъ актовъ, дающихъ указанныя свѣдѣнія,

---

[1]) *Lammasch*, S. 696—8; *Bomboy et Gilbrin*, p. 83.

[2]) Конвенціи о выд. преступниковъ: Россія-Данія 1866 г., ст. 10; Россія-Бельгія 1872 г., ст. 15; Россія-Швейцарія 1873 г., ст. 15.

[3]) Конв. о выд. прест: Россія-Гессенъ 1869 г., ст 13; Россія-Баварія 1869 г., ст. 13; Россія-Италія 1871 г., ст. 15; Россія-Австрія 1874 г., ст. 15; Россія-Нидерланды 1880 г., ст. 14; Россія-Монако 1883 г., ст. 15; Россія-Испанія 1888 г., ст. 15. Конвенціи между другими государствами указаны раньше.

относятся: повѣстки о вызовѣ въ судъ, сообщенія о преданіи суду, о состоявшемся приговорѣ, о подачѣ кассаціонной жалобы, предписанія о явкѣ къ отбытію наказанія и пр. Само собой понятно, насколько важно, чтобы всѣ эти акты получались по назначенію и слѣдовательно могли выполнять ту роль, для которой предназначены.

Государства вполнѣ признаютъ необходимость цѣлесообразнаго разрѣшенія этого вопроса и притомъ не только тогда, когда адрессатъ находится въ предѣлахъ страны, но и тогда, когда онъ пребываетъ заграницей. Насъ интересуетъ послѣдній случай. Государства занимаются имъ какъ въ законахъ, такъ еще болѣе въ конвенціяхъ.

Немногочисленныя относящіяся сюда законодательныя постановленія, какъ извѣстно, преимущественно касаются передачи вызововъ въ судъ[1]) и содержатъ одностороннія правила насчетъ того, какъ долженъ или можетъ дѣйствовать судья, если ему понадобится передать какому нибудь лицу, пребывающему заграницей, ту или иную судебную бумагу[2]).

---

[1]) Crim.-Ordn. für die preus. Staaten 1805, § 586; die Strafprocessordnung für das Königr. Sachsen 1855, Art. 139, 144; такія-же постановл. находятся и въ уст. 1868 г., ст. 139, 144; Str. Ordn. f. d. Kanton Solotnrn vom 18 Juli 1874, § 86.

[2]) Наибольшей полнотой отличается Германскій уставъ гражд. судопр. 1877 г., котораго §§ 182—186, на основаніи § 37, уст. уг. судопр. Герм. Имп. 1877 г., имѣютъ «соотвѣтственное примѣненіе» и въ дѣлахъ уголовныхъ, и норвежскій уставъ угол. судопр. 1887 г., §§ 153, 154. *Böhm*, II, S. 176. Въ русскомъ уст. уг. судопр. есть ст. 850, которая имѣетъ связь съ интересующимъ насъ вопросомъ. Въ ней говорится: «Когда есть основаніе предполагать, что обвиняемый находится заграницею, то о вызовѣ его къ суду дѣлается публикація въ вѣдомостяхъ, издаваемыхъ на иностранныхъ языкахъ, а если правительство того государства, гдѣ онъ находится, обязано по трактатамъ выдавать бѣжавшихъ преступниковъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ производится надлежащее съ нимъ сношеніе». Редакцію этой статьи нельзя признать удовлетворительной. Во-первыхъ, въ ней напрасно слиты два совершенно различные акта—вызовъ обвиняемаго, пребывающаго въ иностранномъ государствѣ, и требованіе о его выдачѣ, — чѣмъ затемненъ самый ея смыслъ. Что подразумѣвать подъ «надлежащимъ сношеніемъ» съ иностраннымъ государствомъ, сношеніе-ли о вызовѣ или о выдачѣ? Вѣроятнѣе второе, но можно настаивать и на первомъ. Во-вторыхъ, сноше-

Всѣ эти односторонніе нормы законовъ свидѣтельствуютъ о вполнѣ справедливомъ вниманіи державъ къ интересующему насъ вопросу, но особеннаго значенія для насъ неимѣютъ. Для насъ имѣли-бы болѣе интереса постановленія объ исполненіи разсматриваемаго вида судебныхъ порученій иностранныхъ судовъ. Но такихъ спеціальныхъ постановленій на этотъ счетъ въ законахъ нѣтъ, а слѣдовательно и въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ общія нормы относительно исполненія вообще всякихъ судебныхъ порученій, присланныхъ изъ иностраннаго государства. Съ нормами же послѣдняго рода мы уже знакомы. Остается поэтому обратиться къ международнымъ договорамъ[1]). Что въ нихъ мы находимъ[2])?

Прежде всего, что касается способа пересылки въ иностранное государство судебныхъ бумагъ, то въ этомъ отношеніи международныя соглашенія значительно расходятся между собой. Такъ, въ однихъ предписывается пересылка дипломатическимъ путемъ[3]), въ другихъ, дозволяются непосредственныя сношенія между судами[4]), въ третьихъ, судамъ предоставляется

нія какъ о вызовѣ въ судъ обвиняемаго, такъ и о выдачѣ его могутъ происходить и съ такими державами, съ которыми нѣтъ конвенцій о выдачѣ, а слѣдовательно оговорка, «если правительство и пр.», не имѣетъ основанія.

[1]) Въ испанскихъ уст. уг. суд. 1872 г., ст. 51, и 1882 г., ст. 177, проведено общее начало, что передача разныхъ суд. бумагъ, лицамъ пребывающимъ въ иностранномъ государствѣ, должна происходить сообразно съ предписаніями трактатовъ, а при ихъ отсутствіи на основаніи принципа взаимности.

[2]) Въ конв. о выдачѣ, заключ. Россіей съ др. державами, нѣтъ постановленій по данному вопросу. Они находятся только въ конв. Россія съ Германіей 1879 г. Австріей 1884 г. о непоср. сношеніяхъ между судами пограничныхъ округовъ и въ декларація съ Италіей 1874 г. о передачѣ суд. повѣстокъ и объявленій.

[3]) Минист. декарація 21 іюня (13 іюля) 1874 г., между Россіей и Италіей о передачѣ суд. повѣстокъ и объявленій. Конв. о выдачѣ: Бельгія-Испанія 1870 г., ст. 17; Бельгія-Италія 1875 г., ст. 15; Бельгія-Данія 1876 г., ст. 15; Австро-В.-Сербія 1881 г., ст. 17, и др. *Kirchner*.

[4]) Конвенція Россія съ Германіей 1879 г., ст. 3, и Австріей 1881 г., ст. 3, о непоср. снош. погр. судовъ; Люксембургъ-Швейцарія 1876 г., ст. 15, *Kirchner*.

право сноситься однимъ изъ этихъ способовъ[1]), наконецъ, на основаніи четвертыхъ, судебные акты могутъ передаваться чрезъ консуловъ одного государства прокурорамъ другаго для врученія по назначенію[2]). Обратный путь сообщенія удостовѣренія о врученіи посланнаго акта такой-же. Затѣмъ конвенціи содержатъ постановленія относительно того, всегда-ли власти даннаго государства должны передавать присланный изъ иностранной державы актъ адресату, и различно рѣшаютъ этотъ вопросъ.

Однѣ — меньшинство — не ставятъ въ этомъ случаѣ никакихъ границъ[3]), другія — наоборотъ ограничиваютъ обязанность сообщать иностранный судебный актъ по назначенію, смотря по роду дѣлъ или по личности адресата. Что касается ограниченія по роду дѣлъ, то нѣкоторыя конвенціи исключаютъ дѣла политическія изъ числа тѣхъ, по которымъ обязателенъ разсматриваемый видъ содѣйствія судамъ иностраннаго государства[4]). Ограниченіе-же по личности адресата состоитъ въ томъ, что иногда договаривающіяся державы взаимно обязываются оказывать помощь въ сообщеніи судебныхъ актовъ или лишь лицамъ, состоящимъ въ подданствѣ той державѣ, судомъ которой посланъ данный актъ[5]), или подданнымъ обѣихъ державъ[6]), или лицамъ, несостоящимъ въ подданствѣ тому госу-

[1]) Франція-Баварія 1869 г., ст. 13; Франція-Бельгія 1874 г., ст. 14. Франція-Испанія 1877 г., ст. 14; Люксембургъ-Данія 1879 г., ст. 15, *Kirchner*

[2]) Ноты, обм. между Италіей и Франціей 1 и 28 іюня 1866 г., *Palma*, p. 12 23; Испанія-Монако 1882 г., ст. 12, *G. Martens*, 2-е S., IX, p. 743.

[3]) Франція-Люксембургъ 1875 г., ст. 15, *Kirchner*. Испанія-Монако 1882 г., ст. 12, *Martens*, 2-е S. IX, p. 743.

[4]) Бельгія-Монако 1874 г., ст. 13; Бельгія-Румынія 1880 г., ст. 16; Бельгія-Сербія 1881 г., ст. 15, *Kirchner*.

[5]) Сербія-Австро В. 1881 г., ст. 17. «Si l'une des Parties contractantes juge nécessaire qu'un acte judiciaire soit communiqué à un des *ses sujets*».

[6]) Бельгія-Испанія 1870 г., ст. 17; «En matiere pénale non politique, lorsque la notification d'un acte de procédure ou d'un jugement à *un Espagnol ou à un Belge* paraitra necessaire au Gouvernement belge et reciproquement...»; Бельгія-Италія 1875, ст. 15, *Kirchner*. Испанія-Швейцарія 1883 г., ст. 14 *Martens*, 2-е S, IX, p. 603; Швейцарія-С. Сальвадоръ 1883 г., ст. 15; ibid X, p. 621.

дарству, которое оказываетъ судебную помощь[1]). Часто оба ограниченія и по роду дѣлъ и по личности адресата находимъ въ одномъ и томъ-же постановленіи конвенцій. Чтобы произвести правильную критическую оцѣнку разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ постановленій конвенцій необходимо уяснить самую природу и цѣль даннаго вида судебной помощи.

Какъ замѣчено было раньше, извѣстное лицо, заинтересованное въ ходѣ какого нибудь уголовнаго дѣла, благодаря сообщенію ему судомъ разнаго рода актовъ, получаетъ возможность узнать о наступленіи или окончаніи извѣстныхъ сроковъ, о необходимости явиться въ судъ, о преданіи его суду, о поступившей по дѣлу кассаціонной жалобѣ, о состоявшемся рѣшеніи и пр. Часто можетъ случиться, что участникъ въ процессѣ уѣзжаетъ заграницу, или вовсе не имѣя въ виду избѣжать суда или рѣшившись на это необдуманно. Въ подобныхъ случаяхъ одно напоминаніе о начатіи процесса и о невыгодныхъ послѣдствіяхъ неявки можетъ иногда заставить его явиться предъ судомъ. Особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на значеніе вызова въ судъ по такимъ дѣламъ, по которымъ можетъ быть достигнута и выдача вызываемаго. Добровольно повинуясь требованію суда, вызываемый имѣетъ возможность избѣжать всѣхъ невыгодъ, связанныхъ съ процедурой выдачи. Такимъ образомъ въ концѣ концевъ сообщеніе актовъ иностранныхъ судовъ производится преимущественно въ интересѣ того, кому они сообщаются. Пользоваться или не пользоваться ими иногда и во вредъ себѣ онъ можетъ по своему желанію.

Роль государства, оказывающаго этого рода судебную помощь, какъ справедливо опредѣляютъ конвенціи, состоитъ только въ томъ, чтобы засвидѣтельствовать подлинность присланнаго акта и время сообщенія его адресату[2]). Такое

---

[1]) Deutsch-österreichische Zollkartel 1881, § 24, *Standinger*; Австрія-Монако 1886 г., ст., 16, сообщеніе актовъ не будетъ имѣть мѣста «quand il s'agit de jugements rendus en matiere pénale par le tribunaux de l'une des parties contractantes *contre* les nationaux de l'autre partie, *Martens*, 2-e S. XII, p. 509.

[2]) «Les simples notifications.... seront faites.... *sans engager la responsabilité de l'Etat*, *qui se bornera à en assurer l'authenticité*.... *il* (т. е. тотъ, кто

государство не обязано заставить адрессата, чтобы онъ отправился по вызову въ судъ или чтобы онъ далъ роспиcку въ полученіи вызова. Ни въ какомъ случаѣ, поэтому, нельзя считать началомъ исполненія приговора иностраннаго суда, напр., сообщеніе извѣстному лицу этого приговора или вызова къ отбытію наказанія, или извѣщенія объ издержкахъ, вызванныхъ уголовнымъ процессомъ въ иностранномъ государствѣ или исполненіемъ приговора [1]). Въ одной только передачѣ того или другаго акта иностраннаго суда ни чуть не заключается понужденія къ исполненію выраженныхъ въ нихъ требованій, а слѣдовательно нѣтъ и начала исполненія такого акта. Далѣе, передача приговоровъ иностранныхъ судовъ не означаетъ, что за такими приговорами государство, передающее ихъ, признаетъ значеніе rei judicatae. Государство, сообщающее извѣстному лицу приговоръ иностраннаго суда, можетъ въ тоже время вчать противъ него уголовное преслѣдованіе, если окажется, что данное дѣло подсудно ему. Въ иныхъ случаяхъ, наоборотъ, оно можетъ побуждать адрессата отправиться въ иностранное государство для отбытія наказанія или можетъ даже выдать его. Но какъ вчатіе преслѣдованія, такъ и выдача лица не имѣетъ ничего общаго съ обязанностью сообщать приговоръ иностраннаго суда. Одно не рождается изъ другаго [2]).

Однимъ словомъ, сообщеніе извѣстному лицу того или другаго акта иностраннаго суда можетъ быть этому лицу только

распоряжается исполненіемъ суд. порученій) *renverra au magistrat expéditeur, avec son visa l'original, constatant la notification*». Франція-Баварія 29 н. 1869 г. ст. 13, *Kirchner*.

[1]) *F. Starr*, S. 248. Австрійское министерство юстиціи циркуляромъ отъ 3 іюня 1877 г, опираясь на §§ 36 и 235 угол. зак., запрещающіе исполненіе рѣшеній иностр. угол. судовъ, опредѣлило, что «Die k. k. Gerichte könnnen daher auf ein derartiges Ansuchen einer fremden Behörde (selbst wenn es sich um eine *blosse Zustellung* der von den auswärtigen Behörden in Srafsachen ausgefertigten Taxnoten an den *hierländigen* Schuldner handelt) *keine Rechtshülfe* leisten», такъ какъ оно держится того мнѣнія, что «*selbst die einfache* Zustellung einer auf einem Strafurtheile beruhenden ausländischen Taxnote als eine obrigkeitliche Aufforderung zur Einzahlung und daher als eine Mitwickung zum Vollzuge angesehen werden müsse».

[2]) *Lammasch*, S. 842—843.

полезно. Оно не ограничиваетъ его свободы и не касается интересовъ оказывающаго судебную помощь государства. Въ виду этого нѣтъ ни малѣйшей надобности, чтобы пересылка актовъ производилась дипломатическимъ путемъ, какъ этого обыкновенно требуютъ конвенціи. Она можетъ и должна происходить непосредственно между судами или производиться чрезъ консуловъ данной державы, особенно если адрессатъ—ея подданный [1]). Столь же неосновательно вычеркивать изъ числа дѣлъ, по которымъ государства обязываются содѣйствовать въ передачѣ по назначенію судебныхъ актовъ,—дѣла политическія и дѣла, не касающіяся подданныхъ просящей помощи страны, или подданныхъ договаривающихся странъ, или касающіяся подданныхъ государства, оказывающаго помощь. Правы поэтому тѣ писатели, которые говорятъ, что ни политическій характеръ дѣла, ни подданство адрессата не должны имѣть никакого значенія на рѣшеніе вопроса о сообщеніи судебныхъ актовъ[2]). Въ этомъ смыслѣ желательны реформы въ постановленіяхъ современныхъ конвенцій и законовъ. Указанныя ограниченія конвенцій ничѣмъ не оправдываются и прямо вредятъ интерессамъ тѣхъ лицъ, которыя, благодаря имъ, не могутъ воспользоваться всѣми выгодами доставленія имъ судебныхъ актовъ.

Передача адрессату какого-либо судебнаго акта иностраннаго государства совершается компетентными властями и сообразно предписаніямъ законовъ страны, гдѣ исполняется это судебное порученіе. Это начало лежитъ въ основаніи всѣхъ постановленій конвенцій по интересующему насъ предмету [3])

---

[1]) Германія-Gesetz, betreffend die Organisation der Bundes-Konsulate vom 8 nov. 1867, § 19, *Hänel und Lesse*, S. 15, 61, — *Brauer*, S. 6 — 12; *Böhm*, II, S. 177;—Бельгія—*Arnts*, p. 78 § 49; Норвегія—Das norwegische Gesetz über das gerichtliche Verfahren in Strafs. 1887, § 153; Греція—Νόμος περὶ προξενικῶν 'Αρχῶν 1877, ''Αρθρον 124 «Οἱ γενικοὶ πρόξενοι, πρόξενοι καὶ ὑποπρόξενοι ἐνεργοῦσιν πᾶσαν αἴτησιν ἢ παραγγελίαν τῶν ἐν Ἑλλάδι δικαστηρίων ἢ εἰσαγγελέων, καθόσον ἐπιτρέπεται τοῦτο ὑπὸ τῶν συνθηκῶν, τῶν ἐθίμων καὶ τῆς ἐγχωρίου νομοθεσίας» —*Νομοι διαταγματα εγκυκλιοι*, 1887 (*υπουργειον εξωτερικων*).

[2]) *Bar*, S. 579; *Billot*, p. 412; *Fiore-Antoine*, p. 779, 751 et suiv.: *Bernard*, II, p. 656; *Bomboy et Gilbrin*, p. 165: *Lammasch*, S. 840, 846. Ср. неправильную точку зрѣнія *Bard*'a, p. 118; *Pradier-Fodéré*, III, § 1845.

[3]) Ср. также Die preus. Str. pr. Ordnung 1867, § 201; Das norwegische Gesetz über das ger. Verf. in Strafsachen 1887, § 153.

Въ свою очередь судъ, просившій о врученіи извѣстнаго судебнаго акта, заинтересованъ знать, дѣйствительно ли передача его по назначенію состоялась, а если не состоялась, то почему? И этотъ пунктъ обыкновенно разрѣшается конвенціями. Въ нихъ мы находимъ, что власть, вѣдавшая передачу адрессату судебнаго акта, который полученъ изъ иностраннаго суда, должна переслать послѣднему надлежаще засвидѣтельствованное удостовѣреніе въ его врученіи (напр. росписку въ полученіи повѣстки, оригиналъ съ надписью и т. п.) [1]). Если врученіе судебнаго акта не могло почему бы то ни было состояться (напр., за отсутствіемъ лица, которому онъ былъ присланъ, вслѣдствіе его отказа принять актъ и т. п.), то объ этомъ также должно быть доведено до свѣдѣнія приславшаго его суда.

Но возможно предположить, что власти какого нибудь государства, — если нѣтъ конвенціи, отклоняютъ пріемъ и передачу по адресу судебныхъ объявленій и проч. или медлятъ съ сообщеніемъ удостовѣреній о ихъ врученіи. Въ виду такихъ случаевъ отъ воли той державы, изъ которой послано судебное порученіе, зависитъ издать постановленія на счетъ того, какой актъ долженъ замѣнять сообщеніе судебныхъ бумагъ адрессату, пребывающему за границей, или, при какихъ условіяхъ передача ихъ будетъ считаться законно совершившейся со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями. Такъ, по саксонскому уст. угол. судопр. 1855 г., ст. 144, судья можетъ прибѣгнуть къ публикаціи о вызовѣ въ судъ лица, пребывающаго за границей, если иностранная власть отказала вручить этому лицу его повѣстку о явкѣ въ судъ [2]). Нѣкоторые законы весьма основательно добавляютъ, что кромѣ того вызываемому должны быть посланы въ иностранное государство по почтѣ копія вызова или просто извѣщеніе о немъ [3]). Дѣйствительно, такимъ путемъ лучше обезпечиваются интересы лица, которому до

---

[1]) Конвен. Россіи съ Германіей 1879 г., ст. 3, съ Австріей 1884 г. ст. 3, съ Италіей 1874 г., ст. 1, и конвенціи о выдачѣ, указанныя въ предъидущихъ выноскахъ. Ср. § 182 и 185 Герм. уст. гр. судопр. 1877 г.

[2]) Ср, Герм. уст. уг. судопр. 1877 г., § 40.

[3]) Das norwegische Ges. über das ger. Verf. in Strafsachen 1887, § 154; ср. также Die preus. Str. pr. Ordn. 1867, § 452.

женъ быть переданъ тотъ или иной судебный актъ. Сообщеніе въ иностранномъ государствѣ адресату вызова въ судъ или другихъ судебныхъ актовъ по дѣйствовавшимъ въ Пруссіи постановленіямъ 1828, 1836 и 1844 г.г. считалось законно состоявшимся, если прусское посольство сообщитъ о передачѣ ихъ въ Мин. Ин. Дѣлъ мѣста его пребыванія, или если посольство или консульство удостовѣритъ, что такое сообщеніе имѣло мѣсто (хотя бы даже адресатъ отклонилъ пріемъ передаваемаго ему документа или отказался дать росписку въ пріемѣ) или что документы посланы по почтѣ [1]).

Наконецъ, остается сдѣлать замѣчаніе относительно послѣдствій врученія судебныхъ документовъ лицу, находящемуся въ иностранномъ государствѣ, властями послѣдняго. Въ нѣкоторыхъ (весьма немногихъ) конвенціяхъ о выдачѣ преступниковъ постановляется, что послѣдствія врученія за границей адресату того или инаго судебнаго акта будутъ *тѣже*, какъ еслибы врученіе состоялось внутри страны, изъ которой эти акты посланы [2]). Едва-ли это точно и вѣрно: осуществленію такихъ послѣдствій можетъ помѣшать самый фактъ жительства даннаго лица за границей. Сообщеніе обвиняемому, пребывающему въ иностранномъ государствѣ, вызова о явкѣ въ судъ не можетъ повесть къ приводу его силою въ случаѣ отказа съ его стороны слѣдовать вызову, врученіе постановленія суда объ уплатѣ судебныхъ издержекъ не можетъ повлечь за собой принудательнаго взысканія, если живущее за границей лицо, къ которому обращено такое требованіе, съ одной стороны, не соглашается его удовлетворить, а съ другой не имѣетъ имущества въ томъ государствѣ, гдѣ происходилъ надъ нимъ судъ и т. п. Слѣдовательно, послѣдствія, какія законъ обыкновенно связываетъ съ фактомъ сообщенія извѣстному лицу тѣхъ или иныхъ судебныхъ актовъ внутри страны, наступаютъ,—если такое сообщеніе дѣлается адресату, находящемуся за границей, — лишь настолько, насколько этому не препятствуетъ самый фактъ пребыванія такого лица въ иностранномъ государствѣ.

[1]) *Limann*, Der preussische Strafprocess, S. 426—7.

[2]) Франція Швейцарія 1869 г., ст. 13, *Kirchner*; Испанія-Швейцарія 1883 г., 14, *Martens*, 2-e S., IX, p. 603; Швейцарія-С. Сальвадоръ 1883 г. ст. 15, ibid. X, p. 621.

VI. Издержки по исполненію судебныхъ порученій.

§ 1. Остается сказать нѣсколько словъ объ издержкахъ по исполненію судебныхъ порученій. Кто несетъ эти издержки?

Что касается возмѣщенія расходовъ, вызываемыхъ прибытіемъ свидѣтелей изъ иностраннаго государства для дачи на судѣ показаній, а также присылкой для очныхъ ставокъ лицъ, находящихся подъ стражей, то объ этомъ говорилось раньше.

Передача въ иностранное государство вещественныхъ доказательствъ и документовъ, подобно посылкѣ заключенныхъ для очныхъ ставокъ, или—весьма рѣдко—происходитъ на счетъ государства, просившаго объ этомъ[1]), или—обыкновенно—каждое изъ государствъ несетъ издержки въ предѣлахъ своей территоріи[2]). Провозъ вещей чрезъ территорію третьей державы или же моремъ падаетъ на счетъ требовавшаго судебной помощи государства.

Затраты по исполненію другихъ судебныхъ порученій, напр., допросовъ свидѣтелей по просьбѣ иностранныхъ судовъ, осмотровъ, обысковъ, сообщеній разнаго рода судебныхъ документовъ и т. п. тоже обыкновенно производятся тѣмъ государствомъ, къ которому обратились за содѣйствіемъ. Государ-

---

[1]) Конвенціи о выдачѣ преступниковъ: Италія-Монако 1866 г., ст. 12 и 15; Италія-Германія 1871 г., ст. 14; Италія-Коста-Рика 1873 г., ст. 12 и 15 и др. *Kirchner*. Россія-Англія 1886 г., ст. 15, 16.

[2]) Конв. о выдачѣ преступниковъ: Бельгія-Германія 1874 г., ст. 15; Бельгія-Данія 1876 г., ст. 12 и 16; Бельгія-Бразилія 1873 г., ст. 15; Бельгія-Испанія 1870 г., ст. 14 и 18; Бельгія-С.-Сальвадоръ 1880 г., ст. 11 и 14; Италія-Бразилія 1872 г., ст. 15, и др. *Kirchner*. Россія-Гессенъ 1869 г., ст. 16; Россія-Баварія 1869 г., ст. 16; Россія-Бельгія 1872 г., ст. 16; Россія-Италія 1871 г., ст. 12, 15; Россія-Швейцарія 1873 г., ст. 18; Россія-Австрія 1874 г., ст. 12 и 15 (объ этой ст. см. стр. 133, вын. 1); Россія-Нидерланды 1880 г., ст. 16; Россія-Монако 1883 г., ст. 17; Россія-Португалія 1887 г., ст. 15; Россія-Испанія 1888 г., ст. 12, 15.

ства, за весьма рѣдкими исключеніями[1]), отказываются требовать возмѣщенія этихъ издержекъ[2]). Исключеніе изъ этого общаго правила дѣлается въ конвенціяхъ лишь въ отношеніи экспертизъ уголовныхъ, торговыхъ или судебно-медицинскихъ. При этомъ въ однихъ изъ конвенцій допускается изъятіе въ отношеніи означеннаго рода экспертизъ вообще[3]), въ другихъ только въ отношеніи тѣхъ изъ нихъ, которыя требуютъ нѣсколько сеансовъ («expertises... exigeant plusieurs vacations» «plus d'une vacation»)[4]). За производство экспертизы платитъ просившее о ней государство. Это отступленіе объясняется рѣдкостью и относительной дороговизной исполненія такого рода судебнаго порученія.

Отказъ отъ возмѣщенія издержекъ по исполненію нѣкоторыхъ судебныхъ порученій находитъ оправданіе въ томъ, что при взаимности услугъ расходы, которые въ этомъ случаѣ будутъ несть оба договаривающіяся государства, будутъ взаимно уравновѣшиваться[5]), да кромѣ того такимъ путемъ

---

[1]) Аргентинская республ.-Парагвай, конв. объ исполн. суд. порученій 1880 г., ст. 7, *Martens*, 2-е S., XII, p. 485. Конв. о выдачѣ преступниковъ Россіи съ Англіей 1886 г., ст. 17.

[2]) Конв. о выд. преступниковъ: Россія-Данія 1866 г., ст. 7; Россія-Гессенъ 1869 г., ст. 16; Россія Баварія 1869 г., ст. 16; Россія-Италія 1871 г., ст. 17; Россія-Бельгія 1872 г., ст. 16; Россія Швейцарія 1873 г., ст. 18; Россія-Австрія 1874 г., ст. 17; Россія-Нидерланды 1880 г., ст. 16; Россія-Монако 1883 г., ст. 17; Россія-Испанія 1888 г., ст. 18. Конвенція Россіи о непосредственныхъ сношеніяхъ между пограничными судами — съ Германіей 1879 г., ст. 7, дополнительный актъ 1883 г., ст. 3, и съ Австріей—1884 г., ст. 7 и 8; декларація Россіи съ Италіей 1874 г. о передачѣ суд. повѣстокъ и пр., ст. 3.

[3]) Конв. о выдачѣ преступниковъ: Франція-Баварія 1869 г., ст. 12 Франція-Швейцарія 1869 г., ст. 12; Италія-Германія 1871 г., ст. 12; Франція-Италія 1870 г., ст. 12; Нидерланды-Бразилія 1881 г., ст. 14 и др. *Kirchner*. Россія-Португалія 1887 г., ст. 12.

[4]) Конвенціи о выдачѣ преступниковъ: Бельгія-Германія 1874 г., ст. 13; Бельгія-Данія 1876 г., ст. 14; Бельгія-Италія 1875 г., ст. 14, 15; Бельгія-С. Сальвадоръ 1880 г., ст. 12; Италія Люксембургъ 1878 г., ст. 14, 15 и др. *Kirchner*.

[5]) *Billot*, p. 399; *Fiore*, II, p. 776. Но быть можетъ небезосновательно замѣчаніе Ch. Antoine'a—«Cette clause, que les frais demeurent à la charge

значительно облегчаются международныя сношенія и устраняются разнаго рода недоразумѣнія и затрудненія, которыя могли бы быть вызваны взаимными разсчетами государствъ.

Само собою разумѣется, что не возвращаются также и издержки, вызванныя производствомъ разнаго рода слѣдственныхъ дѣйствій по такимъ преступленіямъ, за которыя совершившій ихъ и бѣжавшій иностранецъ будетъ судиться въ своемъ отечествѣ, куда должно быть доставлено все слѣдственное производство по дѣлу [1]).

Таковы постановленія международныхъ конвенцій относительно издержекъ по исполненію судебныхъ порученій иностранныхъ судовъ.

Если же нѣтъ договоровъ или если нѣтъ въ договорахъ соотвѣтственныхъ постановленій, то государства или возвращаютъ другъ другу расходы, вызванные приведеніемъ въ исполненіе взаимныхъ порученій по судебнымъ дѣламъ, или, подъ условіемъ взаимности, отказываются требовать ихъ возврата [2]).

---

du pays sur le territoire duquel les actes d'instruction ont été effectués, nous semble injuste quand elle intervient entre un grand et un petit Etat qui ne sont pas limitrophes, car les commissions seront le plus souvent envoyées par le Gouvernement du grand Etat», ibid. *Bomboy et Gilbrin*, p. 169.

[1]) Конв. о выдачѣ преступниковъ: Бельгія-Франція 1874 г., ст.; Бельгія-Швейцарія 1874 г., ст. 13, *Kirchner*.

[2]) *Vesque von Püttlingen*, S. 567—571; *M. Goddyn et E. Mahiels*, p. 189.

При составленіи предлагаемаго изслѣдованія мнѣ приходилось пользоваться помощью многихъ лицъ. Считаю своимъ долгомъ принесть искреннюю благодарность всѣмъ тѣмъ, кому угодно было такъ или иначе оказывать мнѣ свое содѣйствіе въ собираніи матеріаловъ и въ ознакомленіи съ международной практикой по избранному мною вопросу.

И. Ивановскій.

Одесса, *20 Апрѣля 1889 г.*

Списокъ источниковъ и пособій, на которые въ текстѣ сдѣланы сокращенныя ссылки.

Ademolo A. Il giudizio criminale in Toscana secondo la riforma Leopoldina dell'anno 1838. Firenze 1840.

Allgemeine (Die) Strafprocessordnung vom 29 Juli 1853 für das Kaiserthum *Oesterreich*. Wien 1853.

Allgemeines Criminalrecht für die *preussischen* Staaten. Erster Th. Criminal-Ordnung, 11 Dec. 1805. Berlin 1806.

Андріевскій Ал. Историческіе матеріалы. Изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 4 и 5. Кіевъ 1883.

Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie. Выходитъ съ 1861 г. (сокр. Annuaire dipl.).

Archives diplomatiques. Издается въ Парижѣ съ 1861 г.

Arlia C. Le convenzioni d'estradizione tra il regno d'Italia e gli stati stranieri. Serie prima. Torino-Roma-Firenze 1871.

Arntz E. Précis méthodique des règlements consulaires de Belgique. Bruxelles 1876.

Asser T. Eléments de droit international privé ou du conflit des lois. Trad. par *A. Rivier*. Paris 1884.

Bar L. Das internationale Privat-und Strafrecht. Hannover 1862.

Bard A. Précis de droit international. Droit pénal et privé. Paris 1883.

Bentham J. Traité des preuves judiciaires. I—II v. Paris 1823.

Bernard P. Traité théorique et pratique de l'extradition. I—II vol. Paris 1883.

Bethmann-Hollweg M. A., von. Der Civilprocess des gemeinen Rechts in geschichtlicher Entwicklung. I—V. Bd. Bonn 1864—73.

D. Vicente Olivares Biec. Tratado en forma de código del derecho internacional. Madrid 1879—1886.

Billot A. Traité de l'extradition. Paris 1874.

Blumer J. J. Handbuch des schweizerischen Bundesstaatsrechtes. Erster Bd., zweite Ausgabe. Schaffhausen 1877.

Böhm F. Handbuch des Rechtshülfeverfahrens im Deutschen Reiche und gegenüber dem Auslande. I—II. Th. Erlangen 1886—88.

Bomboy E. et *Gilbrin* H. Traité pratique de l'extradition. Paris 1886.

Bonacossa H. Communes doctorum juris utriusque criminales opiniones Venetiis 1575.

Bonnier E. Traité théorique et pratique des preuves en droit civil et en droit criminel. 4-e éd. I—II t. Paris 1873.

Bosii (Aegidii). Practica et tractatus varii, seu quaestiones. Basileae.

Boullenois L. Traité de la personnalité et de la réalité des lois. I—II t. A Paris M.DCC.LXVI.

Brauer A. Die Deutsche Justizgesetze in ihrer Anwendung auf die amtliche Thätigkeit der Konsuln und diplomatischen Agenten und die Konsulargerichtsbarkeit. Berlin 1879.

Bravo Don Emilio. Derecho internacional privado vigente en España. T. I—III. Madrid 1886.

Bregeault J. De l'audition en matière criminelle des témoins résidant en pays étranger. Paris 1878.

Brocher Ch. Cours de droit international privé. I—III v. Paris-Genève 1882—85.

Bulmerincq A. Völkerrecht. Freiburg und Tübingen 1884.

Calvo Ch. Le droit international théorique et pratique. 4 éd. I—V v. Paris-Berlin 1887—88.

Cantillo Alejandro del. Tratados, convenios y declaraciones de paz y de comercio que han hecho con los potencias estranjeras los monarcas españoles de la casa borbon. Desde el año de 1700 hasta el dia. Madrid 1843.

Clari J. Opera omnia. Francofurti M.D.LXXXII.

Codes (Les) en vigueur en *Belgique*. Ed. annotée par A. *Dalebecque* et J.-B. *Hoffman* cont. par L. *Eeckman* et L. *Spronck*. 5 éd. Bruxelles et Liége 1885.

Code d'instruction criminelle. Edit. A. *Roger* et A. *Sorel*. Paris 1886.

Code de procédure pénale pour le canton de *Friburg*. Friburg 1850.

Code de procédure criminelle pour les états de S. M. le roi de *Sardaigne*. Turin 1847.

Codice di procedura pei giudizj penali degli stati uniti delle *isole Jonie*. Corfu 1841.

Codice di procedura civile degli stati uniti delle *isole Jonie*. Corfu 1814.

Codice di procedura penale degli stati uniti delle *isole Jonie*, 3 maggio 1841.

Codice di procedura penale del regno *d'Italia* colla relazione del Ministro Guardasigilli fatta a S. M. in udienza del 26 nov. 1865 etc. Firenze Torino 1865.

Codice di procedura penale per gli stati di S. M. il re di *Sardigna*. Torino 1859.

Constitutio criminalis Theresiana. Wien 1769.

De Clercq. Recueil des traités de la France. I—XVI v. Paris 1861—89.

Du Mont J. Corps universel diplomatique du droit des gens. T. I—VIII. A Amsterdam a la Haye MDCCXXVI —MDCCXXXI.

Ebmeier, см. Preussische (Die) St. pr. Ordnung.

Esperson P. Il principio di nazionalita applicato alle relazioni civili internazionali. Pavia 1868.

Eyssautier M. Lettres rogatoires en France et dans les états sardes. Paris 1860.

Feuerbach P. Themis, oder Beiträge zur Gesezgebung. Landshut 1812.

Fiore P. Effetti internazionali delle sentenze e degli atti. P. I—II. 1877.

Fiore P. Traité de droit pénal international et de l'extradition. Traduit par Ch. Antoine I—II Parties. Paris 1880.

Flammer A. Lois pénales d'instruction criminelle et des polices. Genève 1862.

Foelix M. Traité du droit international privé. 4-e éd. par Ch. Demangeat. I—II t. Paris 1866.

Фойницкій И. Я. Курсъ уголовнаго судопроизводства. Томъ I. Спб. 1884.

Frühwald. Handbuch des oesterreichischen allg. Strafprocesses. 2 Auflage. II Th. Wien 1856.

Gaili A. Practicarum observationum libri II. Coloniae Agrippinae M.DC.VIII.

— De pace publica libri II.

Gesetze betreffend die Strafrechtspflege für den Kanton *Basel Stadt*. Basel 1887.

Gesetz über das Verfahren in Strafsachen für den Kanton *Bern*. Bern 1854.

Gesetz betreffend die *zürcherische* Rechtspflege vom 2 Dezember 1874. Zürich 1887.

Goddyn M. et *Mahiels* E. Le droit criminel belge au point de vue international. Bruxelles-Paris 1880.

Grotefend G. Die Gesetze und Verordnungen nebst den sonstigen Erlassen für den preussischen Staat und das deutsche Reich. I—III Bd. 1875—76.

Hänel A. und **Lesse** Th. Die Gesetzgebung des Deutschen Reiches über Konsularwesen und Seeschifffahrt. Berlin 1875.

Hartmann A. Institutionen des practischen Völkerrechts in Fridenszeiten. 2 Ausgabe. Hannover 1878.

Helie F. Traité de l'instruction criminelle. I—IX.

Heffter A. Das europäische Völkerrecht der Gegenwart. 7 Ausgabe von F. Geffcken. Berlin 1881.

Hessen. Gesetz vom 28 October 1863, die Gerichtsverfassung betreffend.

Hetzer G. Deutsche Auslieferungsverträge. Berlin 1883.

Holtzendorff F. von. Handbuch des Völkerrechts I—IV. Bd. Hamburg 1885—1889.

Hupka K. Sätze über das peinliche Recht nach der Theresianischen Halsgerichtsordnung mit angehängten Abweichungen vom Korolinischen Rechte. Wien 1784.

Ивановскій И. Собраніе дѣйствующихъ договоровъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Т. II. Одесса 1889. (На русскомъ и французскомъ языкахъ).

Jousse M. Traité de l'administration de la justice. A Paris M.DCC.LXXI.

— Traité de la justice criminelle de France. Paris M.DCC.LXXI.

Kirchner F. J. L'extradition. Recueil renfermant in-extenso tous les traités conclus jdsqu'au 1-er janvier 1883 entre les nations civilisées. London 1883.

Kletke G. Die Staats-Verträge des Königreichs Bayern. Regensburg 1861.

Krug A. Das Internationalrecht der Deutschen. Leipzig 1851.

Lammasch H. Auslieferungspflicht und Asylrecht. Leipzig 1887.

Laurent F. Droit civil international. I—VIII v. Bruxelles-Paris 1880—1881.

Le Graverend I. M. Traité de la législation criminelle in France 3-e d. Paris 1839.

Leonhardt A. Die Justizgesetzgebung des Königreichs Hannover. Erster Bd., 2 Aufl. Hannover 1854.

Le Sellyer A. Traité de la compétence et de l'organisation des tribunaux. I—II v. Paris 1875.

Ley provisioual de enjuiciamiento criminal (22 дек. 1872) concordada y comentada por L. F. V. y J. G. M. abogados. Madrid 1873.

Ley de enjuiciamiento criminal de 14 de setiembre de 1882, comentada por la Redaccion de el consultor de los ayuntamientos y de los juzgados municipales. Seg. ed. Madrid. 1885.

Leyser A. Meditationes ad pandectas I v. Ed. sec. Halae MDCCLXXII.

Limann P. Der preussische Strafprocess. 2 Ausgabe. Berlin 1862.

Lomonaco G. Trattato di diritto civile internazionale. Napoli 1874.

Löwe E. Die Strafprocessordnung für das Deutsche Reich. Berlin 1879.

M***. Nouveau commentaire sur l'ordonnance criminelle du mois d'Août 1670. A Paris M.DCC.LXIII.

Mannkopff A. Allgemeine Gerichtsordnung für die preussischen Staaten. I—IV. Bd. 1837.

Martens G. Fr. Recueil des principaux traités depuis 1761 jusqu'à présent. I—VII v. A Gottingue 1791—1801. (сокр. R. 1 ed.).

— Supplément au Recueil des principaux traités. I—IV v. A Gottingue 1802—1808. (Сокр. Supplément).

— Recueil de traités. 2-e édition I—VIII v. A. Gottingue 1817—1835. (Сокр. R. 2-e éd.).

— Nouveau recueil de traités. I—XVI v. A Gottingue 1817—1842. (Сок. N. R.).

— Nouveaux supplémens au recueil de traités. I—III v. A Goettingue 1839—1812. (Сокр. N. S.).

— Nouveau recueil. général de traités. I—XX v. A Goettingue 1843—1875. (Сокр. N. R. G.).

— Nouveau recueil général de traités (Ch. Samver etc.). Deuxième série. I—XIV v. Gottingue 1876—1888. (Сок. N. R. G., 2-e S.).

Мартенсъ Ф. Собранiе трактатовъ и конвенцiй, заключенныхъ Россiею съ иностранными державами. I—VIII. Спб. 1874—1888.

Мартенсъ Ф. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. 2 изд. I—II. Спб. 1887—1888.

Martitz F. Internationale Rechtshilfe in Strafsachen. Erste Abtheilung. Leipzig 1888.

Massé. Le droit commercial dans ses rapports avec le droit des gens et le droit civil. I—IV v. 3 éd. Paris 1874.

Menochii I. De praesumptionibus, conjecturis, signis, et indiciis, commentaria. I—II t. Coloniae Allobrogum M.DC.LXXXVI.

Mittermaier E. Ueber die Collision der Processgesetze. Activ für die Civilistische Praxis, XIII Bd. Heidelberg 1839.

Moreno Alejo García. Leyes y tratados internacionales ó sea reseña histórico-critica y texto de las leyes y tratados vigentes entre España y las demas naciones. Tomo I. Madrid 1885.

Neumann L. Recueil des traités et conventions conclus par l'Autriche avec les puissances étrangères, depuis 1763 jusqu'à nos jours. t. I—VI. Leipzig 1855—1859.

Nieper G. Quellen des Criminal Processes bei den Civil-Gerichten des Königreichs Hannover. Hannover 1841.

Никольскiй Д. О выдачѣ преступниковъ по началамъ международнаго права. Спб. 1884.

Νομοι διαταγματα εγκυκλιοι. Υπουργειων εξωτερικων. εν Αθηναις 1887.

Norwegische (Das) Gesetz über das gerichliche Verfahren in Strafsachen vom 1 Juli 1887. Приложенiе къ IX т. (Erstes und zweites Heft) Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. Herausg. von *F. v. Liszt*, *K. v. Lilienthal*, *H. Bennecke*. Wien 1889.

Oesterreichische (Die) Strafprocess-ordnung vom 23 Mai 1873 erlautert von *F. Rulf*. Wien 1873.

Oppenheim H. System des Völkerrechts. 2 Ausgabe. Stuttgart und Leipzig 1866.

Palma Luigi. Trattati e convenzioni in vigore fra il regno d'Italia ed i governi esteri. I—II. Torino 1879.

Полное собранiе законовъ Россiйской имперiи. (Сокр. П. С. З.).

Pradier-Fodéré P. Cours des droit diplomatique. I—II. Paris 1881.

— Traité de droit international public européen et américain. T. I—III. Paris 1885—1887.

Preussische (Die) Strafprecess-Ordnung vom 25 Juni 1867. Herusg. von *Ebmeier*. Berlin 1872.

Puccioni. I lavori della commissione ministeriale per lo studio e la compilazione di un progetto di legge sulla estradizione. Col testo delle leggi straniere sulla estradizione ed altri documenti ufficiali 1886.

Rechtsnormen (Die) über den Verkehr der k. k. österreichischen Gerichte mit

auswärtigen Behörden in Civilrechts Angelegenheiten. Manz'sche Gesetz-Ausgabe. Wien 1885.

Reglement provisionnel pour la procédure criminelle dans *les Pays-Bas Autrichiens*. A Bruxelles M.DCC.LXXX.VII.

Revidirte Strafrocessordnung für das Königreich *Hannover* vom 5 April 1859. Hannover 1859.

Rohrscheid F. W. Preussen's Staatsverträge. Berlin 1852.

Roszkowski G. O asylach i ekstradycji ze szczególnem uwzględnieniem stosunków Austro-Węgierskiéj monarchii. Warschawa 1882.

Сборникъ конвенцій о выдачѣ преступниковъ, о непосредственныхъ сношеніяхъ русскихъ судебныхъ учрежденій съ таковыми же германскими и австрійскими и о наслѣдствахъ. Изданіе Мин. Юст. С.-Петербургъ 1888 г.

Schaeffner. Entwickelung des internationalen Privatrechts. Frankfurt am Main 1841.

Schauberg. Das intercantonale Strafrecht der Schweiz. Въ Zeitschrift für schweizerisches Recht, XVI Bd., zw. Heft. Basel 1869.

Schmalz. Das europäische Völker-Recht. Berlin 1817.

Schmelzing I. Systematischer Grundriss des praktischen europäischen Völker-Rechtes. I—III Th. Rudolstadt 1818—20.

Шостакъ Е. Я. О выдачѣ преступниковъ по договорамъ Россіи съ иностранными державами. Въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» Университета св. Владиміра (№ 5). Кіевъ 1882.

Schwarze F. Die Strafprocessgesetze im Königriech Sachsen. Bd. I. Leipzig 1869.

Собраніе узаконеній и распоряженій правительства. (Сокр.—Собр. Узак.).

Starr F. Die Rechtshülfe in Oesterreich gegenüber dem Auslande. Wien 1878.

State papers (britisch and foreign), compiled by the librarin and keeper of papers, foreign office. Указ. въ текстѣ томы.

Statuta inclytae civitatis *Avenionis*. Edita Prolegato *D. Francisco Abbate Nicolino*. Avenione M.D.C.LXXX.

Statuta magnificae civitatis *Veronae*. In Verona M.DLXXXVIII.

Statutes (The) of the unitet kingdom of great *Britain and Irеland*. With notes and references (19 and 20 Victoria) by Charles *Dacres Bevan*, (20—21 Victoria) by George *Kettilby Rickards*. Vol. 23. London 1857.

Staudinger I. Sammlung von Staatsverträgen des Deutschen Reichs über Gegenstände der Rechtspflege. Nördlingen 1882.

Штиллицъ А. Изслѣдованіе о выдачѣ преступниковъ. Спб. 1882.

Strafgesetzbuch für das Grossherzogthum *S. W. Eisenach* 1839. Eisenach 1839.

Strafprocessordnung für den Kanton *Freiburg* vom 27 mai 1839. Freiburg 1840

Strafprocessordnung für das Königreich *Sachsen*, vom 11 August 1855.

Strafprocessordnung für den Kanton *Soloturn* vom 18 Juli 1874.

Strafprocessordnung für den Kanton *Soloturn*. Soloturn 1886.

Strykii S. Specimen usus moderni pandectarum ad libros V priores. Halae Magdeburgicae M.D.CCXXX.

Судебные уставы Императора Александра II.

Ulmann E. Lehrbuch des oesterreichischen Strafprocessrechts. 2 Aufl. Insbruck 1832.

Уставъ гражданскаго судопроизводства для *Германской Имперіи* 30 янв. 1877 года и законъ о введеніи его въ дѣйствіе. Переводъ И. Соболева. Радомъ 1883.

Vesque von *Püttlingen* I. Handbuch des in Oesterreich-Ungarn geltenden internationalen Privatrechtes. 2 Aufl. Wien 1878.

Vincent R. et *Pénaud* E. Dictionnaire de droit international privé. Deux fascicules. Paris 1887—88.

Voet J. Commentarius ad pandectas. Ed. ultima accuratior. M.D.CCL.XIX.

Weiss A. Traité élémentaire de droit international privé. Paris 1886.

Wetzell G. W. System des ordentlichen Cirilprocesses, Zw. Aufl. Leipzig 1865.

Wharton F. A digest of the international law of the United States I—III vol., second edition. Washington 1887.

Владимірскій-Будановъ М. Ф. Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. второе. Спб.-Кіевъ 1888.

Влахче Д. Алфавитный указатель вопросовъ, разъясненныхъ циркулярными указами Правительствующаго Сената (1868—85) и Циркулярами Мин. Юстиціи (1865—85). Кишиневъ 1886.

Zoepfl H. Die peinliche Gerichtsordnung Kaiser Karl's V. 3 Ausgabe. Leipzig und Heidelberg 1883.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница	строка	напечатано	слѣдуетъ исправить
4	18 снизу	государства	государствъ
14	16 »	committantur	committuntur
15	6 »	rerritorii	territorii
—	11 »	jussi	jussu
16	4 сверху	;	,
—	16 »	сторонъ	стороны
19	14 снизу	Tascane	Toscane
23	6 сверху	кортеляхъ	картеляхъ
36	1 »	обвиняемадо	обвиняемаго
37	16 снизу	полжно	должно
42	17 »	Мекленбургъ, 4 іюля	Люксембургъ, 3 іюля
47	10 »	paurvu	pourvu
60	18 »	Edictalitation	Edictalcitation
70	13 »	отечественныия	отечественными
71	12 сверху	пересыкки	пересылки
77	1 »	ретсалй	властей
—	19 »	редъ	предъ
83.	16 снизу	тотъ	томъ
90	16 »	или	и
91	19 »	странѣ	страны
96	14 сверху	просылки	присылки
115	11 снизу	требуетъ	требуютъ
116	7 »	половинѣ	половины
119	2 »	Busel	Basel
132	6 »	изъ	ихъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна тома 2 р. 50 к. (томы 1,27,38,42,43,44,45,46 — 3 р., 28,31,32,35,47,48 — 4 р., 29,33,34 — 4$^1/_2$ р., 30—3$^1/_2$ р.).

Складъ изданія въ университетѣ. Выписка чрезъ всѣ книжные магазины Одессы.

„Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета" выходятъ въ неопредѣленные сроки, отъ 2 до 3 томовъ въ годъ, отъ 25 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ томъ, in 8°, съ чертежами, альбомами.

Редакціи періодическихъ изданій, которыя пожелали бы вступить съ редакціей «Записокъ» въ обмѣнъ своими изданіями, благоволятъ обращать свои заявленія въ **Правленіе Имп. Новороссійскаго Университета.**

Редакторъ: орд. проф. А. Кочубинскій.

Цѣна XLIX т. 3 руб.

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

STAFF STUDY CHARGE

CANCELLED